

ГОДЪ

ОСЬМОЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

I.

ПРИ

1870.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Донесенія изъ Франціи князя *А. Б. Куракина* императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ 1-мъ. 1809—1811. Французскіе новооткрытые подлинники съ русскимъ переводомъ.
2. Письмо князя *А. Б. Куракина* къ государственному канцлеру графу *Н. П. Румянцову* о томъ же. 1811.
3. Русскіе въ Парижѣ. Изъ Дневника свитскаго офицера. *С. Г. Хомутова*.
4. Письма *Сперанскаго* къ *Ф. И. Цейеру*. 1811—1818.
5. Письмо *Сперанскаго* къ *С. М. Броневскому*.
6. Записки *И. В. Берга* о польскихъ возстаніяхъ съ 1831 года (изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ). Глава I-я: Заливскій, Конарскій.
7. Обращикъ стариннаго крючкотворства, съ предисловіемъ *И. С. Тургнева*.
8. Стихи *В. А. Жуковскаго* *А. П. Ермолову*.

МОСКВА.

Типографія *А. И. Мамонтова и К^о*., Большая Дмитровка, д. № 7.
1870.

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не желая замедлять помѣщеніе собранныхъ имъ статей и въ то же время не находя удобнымъ еще увеличивать объемъ Русскаго Архива, нашелъ возможнымъ печатать отдѣльными книгами особый историческій сборникъ, подъ названіемъ «Осмнадцатый Вѣкъ», въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію и, въ большинствѣ случаевъ, объемомъ своимъ превышающія размѣръ тетрадей Русскаго Архива.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой—2 р. 50 к., второй, третьей и четвертой—по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

ЗАПИСКИ

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА,

съ примѣчаніями П. И. Бартенева.

М. 1860. 8°. 520 стр. Цѣна 2 р. Пересылка за 3 фунта.

Печатается третье изданіе книги Ю. О. Самарина объ иезуитахъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

 МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Литературныя Записки *М. А. Дмитріева*. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора. Изданіе Русскаго Архива. 8°. 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к. Пересылка за 3 фунта.

О цѣнахъ на Русскій Архивъ прежнихъ годовъ см. на внутр. сторонѣ задней обертки.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ ЯРМЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ

Петро.из Бартеневы.из.

ГОДЪ ОСЬМОЙ

(1870).

МОСКВА.

Типографія А. П. Мамонтова и К^о, Большая Дмитровка, № 7.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1870 ГОДЪ.

(Осьмой годъ изданія).

XVIII-й ВѢКЪ.

1. О жалованьи членамъ Святѣйшаго Синода: Записка *Геофана Прокоповича*, поданная императрицѣ Аннѣ. Прошеніе членовъ Синода принцессѣ Меклембургской Екатериинѣ Иоанновнѣ и пр. 1933.
2. Четыре письма Императрицы *Елисаветы Петровны* къ Ѡ. С. Вишневному, съ предисловіемъ *С. П. Лашкевича*. 273.
3. Письма о докторѣ Санхецѣ, устранинномъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства. 280.
4. Письма *Н. Н. Шувалова* и *М. Л. Воронцова* (1737—1761) и записка *Екатерины II-й* о денежныхъ дѣлахъ ея матери, съ предисловіемъ князя *М. А. Оболенскаго*. 1393.
5. Рескриптъ *Елисаветы Петровны* въ Парижъ графу Чернышеву, 1761 года. 1417.
6. Анатолій Мелесь, епископъ. Историческій очеркъ, по новооткрытымъ бумагамъ, *Н. П. Григоровича*. 689.
7. Автобіографическая памятная замѣтка *Екатерины II-й* (Маскерадъ 1763). 1133.
8. Четыре письма *Екатерины II-й* къ княгинѣ А. П. Черкасской. 329.
9. Замѣчанія о письмахъ *Екатерины II-й* къ княгинѣ Черкасской, *М. Н. Лонгинова*. 687.
10. Записочка *Екатерины II-й* къ А. Н. Нарышкиной. 345.
11. Черновое письмо *Екатерины II-й* къ Д. В. Волкову. 346.
12. Письмо *Екатерины II-й* къ С. Ѡ. Стрекалову о безпорядкахъ въ театральномъ управленіи. 347.
13. Тринадцать писемъ *Екатерины II-й* къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода, съ введеніемъ и примѣчаніями *Н. И. Григоровича*. 744.
14. Письма *Екатерины II-й* къ графу Я. Е. Сиверсу (1765—1778) 1422.
15. Два письма *Екатерины II-й* къ гр. А. А. Безбородкѣ. 1939.
16. Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго П. И. Саввантову: письма *Екатерины, Павла Петровича, Маріи Феодоровны* и кн. *Потемкина*. 284.
17. Черты *Екатерины II-й*. Разказы, записанные *П. И. Сумароковымъ*. 2076.
18. О новооткрытой статуѣ *Екатерины II-й*. 998.
19. Еще нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ *Екатерины II-й*. Замѣтки. *М. П. Лонгинова*. 963.
20. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ. (1767) 288.
21. Два манифеста Пугачева (1774) 291.
22. Краткая біографія А. В. Олсуфьева, писанная его сыномъ. 1341.

23. Автобіографическія Записки *В. С. Хвостова*. 551.
24. О рукописной исторіи первой Екатерининской войны съ Турціею. За-мѣтка *С. Гуллева*. 1158.
25. Письмо князя *Потемкина* къ Екате-ринѣ II-й. 549.
26. Прошеніе Тульскихъ купцовъ о тор-говлѣ въ Средиземномъ морѣ, съ поощрительными замѣтками *Екатерины II-й*. 541.
27. Изъ семейнаго архива села Вытеби-ти. Письма *Н. И. Зиновьева* къ сыну его въ Лейпцигъ. Съ введе-ніемъ и примѣчаніями *Н. П. Барыш-никова*. 932.
28. Обращеніе стариннаго крючкотвор-ства, съ предисловіемъ *И. С. Тур-генева*. 269.
29. Записочки *Павла Петровича* къ *А. А. Баратынскому* (1794—1797) 1438.
30. Путешествіе Императора Павла по Ярославской губерніи, статья *Л. Н. Трефолева*. 293.
31. Къ біографіи Императора Павла (изъ Записокъ *Августа Коцебу*). 1960.
32. Описаніе Михайловскаго дворца 1801 года *Августа Коцебу*. 969.
33. Письмо *Е. И. Нелидовой* къ *Ф. Ф. Вадковскому* (1788) 327.
34. Гарлибъ Меркель и его книга о Ла-тышахъ въ исходѣ XVIII-го столѣ-тія. 1009.
35. Письма *Императрицы Маріи Феодо-ровны* къ почетному опекуну Москов-скаго Воспитательнаго Дома *Н. И. Баранову*. 1441.
36. Записка о католическомъ духовен-ствѣ, поданная Императору Алек-сандру Павловичу митрополитомъ *Се-стренцевичемъ*. 1745.
37. Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 г. (Сообщено *К. М. Петровымъ*). 954.
38. Изъ Записокъ *И. П. Липранди* по поводу «Воспоминаній Вигеля». 331.
39. Донесенія изъ Франціи князя *А. Б. Куракина* Императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполео-номъ I-мъ 1809—1811. Французскіе новооткрытые подлинники съ Рус-скимъ переводомъ. 1.
40. Письмо князя *А. Б. Куракина* къ государственному канцлеру графу *Н. П. Румянцеву* о томъ же (1811) 135.
41. Записка *Н. М. Карамзина* о древней и новой Россіи, поданная въ 1811 году Императору Александру Павло-вичу. 2225.
42. Изъ Записокъ адмирала *Чичагова*. Дѣла съ Турціею въ 1812 году. 1522.
43. Замѣтка объ убіеніи Верещагина, *Д. Н. Свербева*. 517.
44. Изъ воспоминаній *П. П. Новосиль-цева*: 1) Видѣніе принцу Евгению Богарне. 2) О междуцарствіи 1825 года. 1161.
45. Два листка изъ дорожной книжки Русской полковой дамы 1814 года. 2071.
46. Изъ записной книжки *Алексія Оси-повича Имберга*. 373
47. Русскіе въ Парижѣ. Изъ Дневника свитскаго офицера. *С. Г. Хомутова*. 161.
48. Замячательный указъ Императора Александра I-го о проповѣдяхъ. 1389.
49. Объ отношеніи Императора Алек-сандра Павловича къ католичеству, замѣтка *Д. Н. Свербева*. 1811.
50. Укорительное письма *Фотія* къ кня-зю *А. Н. Голицину*. 1159.

ХІХ-й ВѢКЪ.

35. Письма *Императрицы Маріи Феодо-ровны* къ почетному опекуну Москов-скаго Воспитательнаго Дома *Н. И. Баранову*. 1441.
36. Записка о католическомъ духовен-ствѣ, поданная Императору Алек-

51. Фотина Павловна, послушница архимандрита Фотія. Статья *П. С. К—аго*. 893.
52. Примѣчаніе къ свѣдѣніямъ о Фотіи, *Ф. Горбунова*. 901.
53. По поводу статей о госпожѣ Крюднеръ, князя *Н. Н. Голицына*. 901.
54. Семейовская исторія 1820 года. Мнѣніе (князя) *И. В. Васильчикова*, съ предисловіемъ *Д. А. Кропотова*. 1777.
55. О наводненіи 1824 г. *Б.* 1559.
56. 17 писемъ великой княгини *Екатерины Павловны* къ *Ф. П. Деволану*. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. 1967.
57. Письма *И. В. Лопухина* къ *Сперанскому*. 609.
58. Письмо *Сперанскаго* къ *И. В. Лопухину*. 623.
59. Письмо *Сперанскаго* къ *С. М. Броневскому*. 199.
60. Письма *Сперанскаго* къ *Ф. П. Цейтеру* (1811—1818) 174.
61. Выдержки изъ писемъ *Сперанскаго* къ *А. А. Столыпину* съ предисловіемъ *Д. А. Столыпина* 880 и 1123.
62. Письмо князя *И. М. Волконскаго* къ (гр.) *А. А. Закревскому* о кончинѣ Императора Александра Павловича. 627.
63. *И. И. Сухиновъ* (одинъ изъ Дебристовъ). 908.
64. Изъ Записокъ *И. Д. Якушкина*. 1366.
65. По поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14-мъ Декабря и Декабристахъ. *П. Н. Свистунова*. 1633.
66. Нѣсколько словъ объ Императорѣ Николаѣ 1-мъ. Замѣтка *М. В. Юзефовича*. 999.
67. Отвѣтъ на отзывъ о генералѣ Лепарскомъ *М. В. Юзефовича*. 1927. Еще черта для характеристики Императора Николая. *М. В. Юзефовича*. 1727.
69. Изъ воспоминаній о прошломъ, княжны *В. Н. Репниной*. 1724.
70. Письма *Цесаревича Константина Павловича* къ маркизу де Кюбьеръ. 409.
71. Поимка *В. Б. Кюхельбекера* (два распоряженія *Цесаревича Константина Павловича*), съ предисловіемъ *М. Ф. Шукурова*. 404.
72. Виленская коммиссія о послѣдователяхъ Канарскаго. Статья *М. И. Топильскаго*. 1183.
73. Записки *П. В. Берга* о Польскихъ возстаніяхъ съ 1831 года (изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ). 201, 431, 631 и 1821.
74. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. *К.* 2044.
75. Возраженіе генералу Рыжову, *С. Д. Кожухова*. 1668.
76. Изъ писемъ фельдмаршала князя *М. С. Воронцова* къ *М. П. Щербинину*. 2143.
77. *А. Н. Каховской*, некрологъ. *В. В. Ильина*. 1676.
78. Воззваніе Государя Наслѣдника *Цесаревича Александра Александровича* о собираніи свѣдѣній касательно Севастопольской обороны 2350.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

79. Письмо *Буларина* къ Гречу. 1943.
80. Письма графа *Д. П. Бутурлина* къ *А. Н. Оленину* съ примѣчаніями графа *М. Д. Бутурлина*. 1200.
81. Воспоминаніе объ *А. И. Герценѣ*, *Д. П. Свербеева*. 673.
82. Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи. Изъ Записокъ *Н. П. Гречи*. 1247.

83. По поводу статьи Греча о Плюшарѣ *М. Н. Лонгинова*. 1940.
84. Выдержки изъ дружескихъ писемъ *Евгенія Болховитинова* къ Воронежскому жителю В. И. Македонцу 1800—1810. Съ примѣчаніями и послѣсловіемъ *Н. Е. Сьвернаго*. 769.
85. Замѣтки *Я. К. Грота* на письма Евгенія и Н. И. Зпновьева. 1768.
86. Смерть Иисуса. неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго*. 1237.
87. Письмо *Жуковскаго* къ Гёте. 1817.
88. Письмо *Жуковскаго* къ Г. И. Павскому. 2127.
89. Стихи *В. А. Жуковскаго* А. П. Ермолову. 268.
90. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: письма къ нему *Карамзина*, *Дмитріева*, *Батюшкова* и письма *Жуковскаго* къ Дмитріеву. 1682.
91. Библиографія сочиненій В. А. Жуковскаго, по поводу новаго ихъ изданія. *М. Н. Лонгинова*. 0693.
92. Изъ писемъ *П. В. Кирьевскаго* къ В. А. Жуковскому. 939.
93. Нѣсколько словъ о Костровѣ и его переводахъ, по поводу новаго изданія Апулеева Золотаго Осла. 0709.
94. Письма *Н. В. Лопухина* къ *Д. П. Руничу*. 1213.
95. Письмо *Певзорова* къ Жуковскому. 1932.
96. Черта въ характерѣ князя В. Ѳ. Одоевского. 927.
97. Напоминаніе о Павскомъ, *М. П. Погодина*. 1948.
98. Изъ записокъ *В. С. Печерина*. 1333.
99. Письмо *В. С. Печерина* къ графу С. Г. Строгонову. 2129.
100. Изъ писемъ *Н. А. Плетнева* къ В. А. Жуковскому. 1273.
101. Новыя письма *А. С. Пушкина* къ В. А. Жуковскому, *И. Ф. Мойеру*, *В. К. Кюхельбекеру* и *П. А. Плетневу*. 1169.
102. Еще новыя письма *Пушкина* къ Жуковскому, графу Бенкендорфу и къ другимъ лицамъ. 1366.
103. Тайнственныя примѣты зъ жизни Пушкина, *С. А. Соболевскаго*. 1377.
104. Къ предсказаніямъ о Пушкинѣ. *М. П. Погодина*. 1947.
105. С. А. Соболевскій. Некрологъ. 2140.
106. Къ Русскимъ писательницамъ. Воззваніе кн. Н. Н. Голицына. 2138.
107. Братія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1868 г. *Г. Н. Геннади*. 2013.
108. Управление Русскими театрами въ Москвѣ и Петербургѣ, *М. Н. Лонгинова*. 1331.
109. Замѣтки для исторіи Русскаго театра, *М. П. Лонгинова*. 1348.

С М Ъ С Ъ .

110. Приобрѣтенія Чертковской бібліотеки въ 1869 году. 322.
111. Поправка, *В. Ѳ. Кеневича*. 1944.
112. Замѣтки и поправки. 1199.
113. Книжныя заграничныя вѣсти. 301.
114. О граверѣ Шомбекѣ. Князя *М. А. Оболенскаго*. 1390.
115. Библиографическая замѣтка и пополненіе. *С. А. Соболевскаго*. 1933.
116. Библиографическая замѣтка о «Матеріалахъ для бібліографіи Я. Ф. Березина». *С. А. Соболевскаго*. 2070.
117. Соисканіе преміи за біографическое сочиненіе о кн. Безбородкѣ. 1197.
118. Полный азбучный указатель со-
ственныхъ именъ, упоминаемыхъ
Р. Архивѣ 1870 года.

ДОНЕСЕНІИ ИЗЪ ФРАНЦІИ КНЯЗЯ А. Б. КУРАНИНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ *).

I.

Paris le 11/23 Fevrier 1809.

Par le chasseur Troubaschéeff.

Sire,

J'ai vu avant-hier l'Emp. Napoleon à un bal chez sa soeur la Princesse Borghese. Je crus de mon devoir de profiter de cette occasion pour tacher de connaitre (plus clairement que je n'avais pu l'apprendre du Ministre des relations extérieures) son opinion sur l'état actuel des choses, et particulièrement sur la défection de la Porte.

Après m'avoir parlé d'abord en entrant dans le salon d'objets indifférents, il renoua avec moi la conversation une seconde fois dans la soirée, et comme elle n'était guère plus signifiante que la première, je prie sur

*) Печатаются со списковъ, которые самъ князь Александръ Борисовичъ оставлялъ у себя и которые сохранились въ бумагахъ его, доставшихся по наследству А. Н. Шенигу (см. Р. Арх. 1868, стр. 23 - 25). Кн. Куракинъ былъ переведенъ изъ Вѣны (гдѣ пребываніе его, какъ читатели помнятъ, ставилось невозможнымъ, вслѣдствіе переговоровъ о бракѣ великой княжны Екатерины Павловны) посломъ въ Парижъ. Эти донесенія относятся къ тому тяжелому времени нашей исторіи, когда союзъ съ Наполеономъ подавлялъ Россію и когда открытый разрывъ казался легче вынужденной дружбы. Назначеніе въ Парижъ такого лица, какъ князь Куракинъ какъ бы отвѣчало тогдашнему отношенію Россіи къ Франціи. П. Б.

I.

moi de rompre la glace **), et le priai de daigner me dire ce qu'il pensait de la paix, qui venait d'être conclue entre la Porte et l'Angleterre, et quelle était la détermination qu'il se proposait de prendre à la suite d'un événement aussi contraire à nos intérêts communs. Je lui expliquai le desir et le besoin que j'avais d'en informer V. M. I-le, comme son ami et son allié. Je lui représentai, qu'il me semblait que nous ne pouvions en tirer assez tôt vengeance, que le seul parti que nous avions à choisir était de rompre toute négociation, de n'en admettre aucune tant que les Turcs n'annuleraient pas les liaisons qu'ils venaient de contracter avec nos ennemis; de ramener enfin la Porte par la force des armes au système continental qu'elle venait d'abandonner si inconsidérément. L'Emp. répondit en souriant: «Vous avez l'humeur bien belliqueuse; il faut attendre encore, il faut exiger avant tout que la Porte rompe son nouveau traité avec l'Angleterre, déclarer que vous ne négocierez pas avec elle, tant qu'elle ne l'aura pas fait, et n'en venir aux extrémités, que quand elle l'aura formellement refusé. D'autres affaires très conséquentes fixent encore mon attention». Mais celles-ci, l'interrompis-je, ne peuvent elles pas,

**) Точно такъ какъ въ разговорѣ съ Стадиономъ касательно брака В. Кн. Екатерины Павловны, см. Р. Арх. 1869, стр. 478.

РУССКІИ АРХИВЪ 1870. 1

comme-je le crois encore, s'arranger à l'amiable? V. M-té ne prefererait-elle pas de s'expliquer cathégoriquement avec la cour de Vienne?—«Tout dépend de vous, repliqua-t-il. J'attends une réponse de l'Empereur Alexandre, et c'est lorsque je l'aurai reçue, que de concert avec lui, je m'expliquerai avec l'Autriche. Mais vous voyez, il est impossible que je tolère d'avantage sa conduite. Elle me manque sans cesse; ne donne-t-elle pas une nouvelle preuve de ses mauvaises intentions par la singulière conduite de son Intenonce? N'y voit-ou pas qu'il existe des intelligences entre elle et l'Angleterre? Ses armements ne peuvent m'être indifférens; je ne puis ne pas m'en méfier; je dois me tenir en garde, car si je la laisse faire, elle peut envahir l'Italie et tomber sur les états de la confédération du Rhin. Elle m'empêche de poursuivre mes plans: j'aurais pû embarquer des troupes sur l'escadre de Brest dont le télégraphe vient de m'annoncer aujourd'hui la sortie. J'aurais pû rétablir le camp de Boulogne, pour augmenter les embarras de l'Angleterre. Je regrette que nous ne nous sommes pas décidés avec l'Empereur Alexandre à Erfurt à forcer l'Autriche de se déclarer d'une manière positive. Si dans le cas que sa réponse n'eût pas été conforme à notre attente, vous auriez reçu de votre maître le même ordre que j'aurais donné à Andréossi de quitter sur le champ Vienne, on y aurait jugé par là des démarches sérieuses aux quelles nous aurions pû nous porter; ils auraient d'abord fait ce que nous voulons; ils auraient évité d'accumuler les griefs et les mesures qui tendent à troubler la tranquillité générale; ils n'auraient pas eû ces quatre mois de plus pour augmenter leurs préparatifs hostiles, et se fortifier dans leurs erreurs politiques. Cet état de choses m'est très gênant; et pour eux il est plus ruineux que la guerre mē-

me; ils ne peuvent le supporter longtems, il ne saurait durer; il faut que cette crise finisse. Au reste vos troupes marchent».

—Comment, Sire! dis-je, j'elles croyais repartiés dans leurs quartiers l'hyver; jene supposais pas que le Marecha Prosoroffsky commencerait à présent ses opérations, car il ne m'en avait annoncées qu pour le mois de Mars, si le congrès de Jasy se séparait sans rien conclure.—«Ce n'est pas vers le Danube, continua-t-il, c'est vers les frontières de la Gallicie, que l'Empereur Alexandre, fort mécontent de la dernière réponse qu'il a reçue de Vienne sur la reconnaissance du Roi d'Espagne, leur a ordonné de marcher pour contenir par là davantage l'Autriche». Je répondis que j'avais entièrement ignoré ces ordres déjà donnés, mais que notre armée en Moldavie était si nombreuse, que quand même la moitié en serait employée sur les frontières de l'Autriche pour la fixer dans une situation pacifique, l'autre moitié serait plus que suffisante pour porter des coups décisifs de l'autre côté du Danube, et pour réduire la Porte à conclure la paix, telle que nous la proposons.

Je renouvelai mes efforts en faveur de la continuation de la paix pour engager l'Empereur Napoléon à préférer des voies d'accommodement. Il me dit que quand nous aurions une armée sur les frontières de l'Autriche, le seul moyen de prévenir la guerre, était de lui proposer que la Prussie lui garantirait l'intégrité de ses états contre la France; et que la France se chargerait de cette même garantie contre la Russie, mais à condition que l'Autriche, aussi suffisamment rassurée, désarmerait.

Cette conversation dura tête à tête à peu près trois quarts d'heures. Elle ne me laissa presque plus de doute que la guerre ne fut décidée dans l'esprit de l'Empereur. Mais

autant que le C-te de Stadion me l'a souvent répété, l'Autriche ne consentira point et ne peut consentir à désarmer; on croit à Vienne que si on le faisait, on se perdrait sans coup férir. J'ai lieu de craindre pas l'exaspération qui y règne dans toutes les classes, qu'on s'y décidera plutôt à courir les chances de la guerre, quelque peu favorables qu'elles soient, que de souscrire à une pareille demande. Cet entretien m'a prouvé encore que l'attitude qu'a prise l'Autriche occupe beaucoup l'Empereur Napoléon, que les moyens politiques et militaires pour la réduire remplissent sa pensée, et qu'il tache soigneusement de prévenir toute guerre active entre nous et la Porte, afin de pouvoir d'autant plus tirer parti de nous contre l'Autriche et empêcher que nous terminions nos affaires avec la Turquie à notre gré et sans sa participation, vû l'impossibilité où il est à présent d'y intervenir. Mais ne serait-ce pas là précisément ce qui devrait le plus nous décider à ne plus mettre de délai, à ne plus perdre de tems pour commencer nos opérations au delà du Danube, et profiter de l'anarchie, de la faiblesse, des séditions qui anéantissent la puissance de l'Empire Ottoman?

Парижъ, 11/23 Февр. 1809 г. Съ егеремъ Трубачевымъ.

Государь!

Я видѣлъ третьяго дни Императ. Наполеона, на балѣ у его сестры, княгини Бургезе. Я счелъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы постараться узнать (точно, чѣмъ я могъ это сдѣлать черезъ министра иностранныхъ дѣлъ) его мнѣніе о настоящемъ положеніи вещей и въ особенности объ отступничествѣ Порты.

Поговоривши со мною, тотчасъ по входѣ въ гостинную, о предметахъ не важ-

ныхъ, онъ снова завязалъ со мною разговоръ въ теченіи вечера, и такъ какъ этотъ второй разговоръ былъ столь-же малозначителенъ, какъ и первый, то я взялъ на себя разбить ледъ, и попросилъ его сказать мнѣ, что онъ думаетъ о мирѣ, только что заключенномъ между Портою и Англіею, и какое думаетъ онъ принять рѣшеніе вслѣдствіе событія, столь противнаго нашимъ общимъ интересамъ. Я объяснилъ ему желаніе и потребность, которую имѣю я извѣстить о семъ Ваше И. В., какъ друга его и союзника. Я сказалъ ему, что, по крайнему моему разумѣнію, намъ слѣдуетъ тотчасъ же отомстить за этотъ поступокъ; что единственный путь, которому можно намъ слѣдовать, состоитъ въ томъ, чтобы прервать всякіе переговоры и не допускать новыхъ, пока Турки не разорвутъ связей, заключенныхъ ими съ нашими врагами, чтобы наконецъ силою оружія заставить Порту вновь приступить къ континентальной системѣ, столь неосмотрительно ею оставленной. Императоръ отвѣчалъ улыбаясь: «Какой у васъ однако воинственный нравъ! Надобно еще подождать; надобно прежде всего потребовать, чтобы Порта разорвала свой новый союзъ съ Англіею, объявить, что вы не вступите съ нею въ переговоры, пока она этого не сдѣлаетъ, и прибѣгать къ крайностямъ лишь въ случаѣ формальнаго отказа съ ея стороны. Еще другія, весьма важныя дѣла приковываютъ мое вниманіе.» Но эти дѣла (прервалъ я его) не могутъ ли, какъ я продолжаю думать, устроиться полюбовно? Не предпочли-ли бы В—е В—во категорически объясниться съ Вѣнскимъ дворомъ?—«Все зависить отъ васъ, возразилъ онъ. Жду отвѣта отъ Императора Александра и, получивши его, я въ согласіи съ нимъ объяснюсь съ Австріею.

Но, какъ вы видите, мнѣ невозможно долѣе терпѣть ея образа дѣйствій: она постоянно оскорбляетъ меня. Не служить ли новымъ доказательствомъ ея дурныхъ намѣреній странное поведеніе ея Интернунція? Не ясно ли изъ него, что существуетъ соглашеніе между нею и Англіею? Я не могу оставаться равнодушнымъ къ ея вооруженіямъ; не могу не слѣдить за ними съ подозрѣніемъ; я долженъ быть на сторожѣ, ибо, если, я дамъ ей волю, она можетъ завять Италію и напасть на государство Рейнскаго союза. Она препятствуетъ мнѣ преслѣдовать мои планы; я могъ бы посадить войска на Брестскую эскадру, обтплытіи которой сегодня извѣстилъ телеграфъ; я бы могъ возстановить Булонскій лагерь, чтобы усилить затрудненія Англіи. Сожалѣю, что мы съ Императоромъ Александромъ не рѣшились въ Эрфуртѣ принудить Австрію высказаться положительнымъ образомъ. Еслибы (на случаѣ отвѣта, не согласнаго съ нашими ожиданіями) вы получили отъ вашего Государя тоже приказаніе, которое я далъ бы Андреосси — оставить немедленно Вѣну: тогда бы тамъ по этому судили о рѣшительныхъ мѣрахъ, которые мы могли бы принять; они бы тотчасъ сдѣлали то, чего мы хотѣли; они остерегались бы накопленія провинностей и мѣръ, ведущихъ къ нарушенію общаго спокойствія; у нихъ не было бы этихъ четырехъ лишнихъ мѣсяцевъ на усиленіе ихъ враждебныхъ приготовленій, на укрупненіе ихъ политическыхъ заблужденій. Это положеніе вещей для меня весьма сѣнительно; а для нихъ оно разорительнѣе самой войны; они не могутъ вынести его долго; тянуться оно не можетъ; нужно, чтобы этотъ кризисъ кончился. Впрочемъ, наши войска выступили въ походъ. — Каковъ, Государь (отвѣчалъ

я) я полагаю, что они распределены по зимнимъ квартирамъ; я не думалъ, чтобы фельдмаршалъ Прозоровскій приступилъ теперь къ военнымъ дѣйствіямъ, ибо онъ возвѣстилъ мнѣ о нихъ лишь на Мартъ мѣсяца, если Ясскій конгрессъ развѣдется, не пришедъ ни къ какому рѣшенію. — «Не къ Дунаю, продолжалъ онъ, а къ границамъ Галиціи, велѣлъ имъ выступить Императоръ Александръ, чтобы сдержать Австрію, которую онъ очень не доволенъ вслѣдствіе послѣдняго отвѣта, полученнаго имъ изъ Вѣны, на счетъ признанія Испанскаго короля. Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не извѣстно о такихъ, уже отданныхъ, приказаніяхъ, но что наша армія въ Молдавіи столь многочисленна, что даже если бы половина ея была употреблена на границахъ Австріи на то, чтобы удержать ее въ мирномъ положеніи, другая половина была бы болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы наносить за Дунаемъ рѣшительные удары и принудить Порту къ заключенію мира, такого, какой мы предлагаемъ.

Я возобновилъ мои усилія въ пользу сохраненія мира для того, чтобы побудить Императора Наполеона къ согласительнымъ мѣрамъ. Онъ сказалъ мнѣ, что когда у насъ будетъ армія на границахъ Австріи, единственнымъ средствомъ предотвратить войну, будетъ предложить ей гарантію Россіи для цѣлости ея владѣній противъ Франціи; и что Франція приметъ на себя также гарантію противъ Россіи, но съ условіемъ, чтобы Австрія, такимъ образомъ достаточно обезпеченная, обезоружилась.

Разговоръ этотъ длился безъ свидѣтелей около трехъ четвертей часа. Онъ отпять у меня почти всякое сомнѣніе въ томъ, что война, въ умѣ Императора, уже рѣшена. Но, какъ повторялъ мнѣ не разъ гр. Стадіонъ, Австрія не согласится и не

можеть согласиться на обезоруженіе; въ Вѣнѣ полагають, что это значило бы погубить себя, не попытавши счастья. Я имѣю поводъ опасаться, вслѣдствіе ожесточенія, господствующаго тамъ во всѣхъ классахъ населенія, что скорѣе рѣшатся подвергнуться всѣмъ случайностямъ войны, какъ бы ни были онѣ опасны. чѣмъ согласятся на такое требованіе. Этотъ разговоръ доказаль мнѣ еще разъ, что положеніе, принятое Австріею, сильно занимаетъ Императора Наполеона; что средства, политическія и военныя, для ея униженія, наполняютъ его мысли, и что онъ тщательно старается предотвратить всякую дѣятельную войну между нами и Портою, для того, чтобы тѣмъ болѣе извлечь изъ насъ пользы противъ Австріи и помѣшать, чтобы мы покончили наши дѣла съ Турціею, по нашему желанію и безъ его участія: ибо теперь ему въ нихъ вмѣшаться невозможно. Но не это ли самое, всего болѣе, должно побудить насъ къ рѣшенію не медлить болѣе и, не теряя времени, приступить къ военнымъ дѣйствіямъ на Дунаѣ и воспользоваться безначаліемъ, слабостію, крамолами, развѣдающими могущество Оттоманской Имперіи?

II.

Paris, le 12/21, Fevrier, 1809.

Par le chasseur Troubascheeff.

Sire.

И у а еу cercle hier au soir aux Thuilleries. S. M. l'Empereur a daigné m'adresser la parole. Sa conversation étoit trop intéressante pour que je ne croye de mon devoir de la soumettre directement à Votre Majesté Impériale.

— «Vous avez reçu, me dit-il, un courier de Yassy?» — C'est, lui repondis-je, avec la

confirmation des dernières nouvelles de Constantinople, avec la copie de la même lettre de Hubsch à M-r de Blome, que l'on m'avoit déjà envoyée de Vienne, c'est avec les questions que me fait le Prince Prosorowsky sur les déterminations que suggèreront à V. M. la conduite de l'Internonce, les liaisons qui peuvent exister entre l'Autriche et l'Angleterre et surtout la défection de la Porte. — «Mais je suis toujours de l'opinion, repliqua l'Empereur, qu'il ne faut pas négocier avec les Turcs, tant qu'ils ne romperont pas leur nouveau traité avec l'Angleterre; il faut le leur déclarer. Je ne crois pas que l'Empereur Alexandre veuille se décider à présent à conduire avec rigueur et à finir sa guerre avec la Porte, jusqu'à ce que les affaires avec l'Autriche ne soient entièrement arrangées et tirées au clair. Il paroît que c'est à cette fin qu'il compte employer la plus grande partie de son armée de Moldavie. Les affaires d'Autriche une fois terminées, celles de la Porte ne présenteront plus de difficultés; elles finiront d'elles-mêmes. En attendant, la conduite de l'Internonce est hors de toute règle et doit me blesser. C'est un boute-feu, qui ne doit pas rester à Constantinople: il ne fait qu'y fomenter des intrigues. Il faut qu'il soit rappelé; je le demanderai formellement».

Ayant appris qu'un courier du Duc de Vicence étoit arrivé la veille, je hazardai la question, si ce n'étoit pas celui que l'Empereur attendoit. Il me dit que non, qu'il n'avoit pu être chargé encore de la reponse de Votre Majesté Impériale, qui lui étoit si nécessaire, qu'il ne lui avoit apporté que la nouvelle de l'arrivée du Prince de Schwarzenberg à St. Pétersbourg, et de l'explication que Votre Majesté se proposoit d'avoir avec cet ambassadeur au sujet de la conduite équivoque et des armemens déplacés de la Cour de Vienne.

Парижъ, 12/24 Февр. 1809 г. Съ егеремъ Трубочеевымъ.

Государы!

Вчера вечеромъ былъ приемъ въ Тюльери. Е. В. Императоръ соизволилъ заговорить со мною. Разговоръ этотъ былъ столь интересенъ, что считаю долгомъ представить его прямо на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

—«Вы получили,—сказалъ онъ мнѣ,— курьера изъ Яссы?»—Да, отвѣчалъ я ему, и онъ привезъ мнѣ подтвержденіе послѣднихъ извѣстій изъ Константинополя, копію съ того же письма Гюбша къ г-ну Бломе, которое мнѣ уже присылали изъ Вѣны, и вопросы отъ князя Прозоровскаго на счетъ рѣшеній, внутреннихъ В—у В—ву поведеніемъ Интернунція, связями, которыя могутъ существовать между Англією и Австрією, и въ особенности отступничествомъ Порты.

—«Но я все-таки того мнѣнія,—возразилъ Императоръ,—что не слѣдуетъ вести переговоры съ Турками, пока они не разорвутъ своего новаго трактата съ Англією; надобно это имъ объявить. Я не думаю, чтобы Императоръ Александръ захотѣлъ рѣшиться теперь вести настоятельно и покончить войну съ Портою, пока дѣла съ Австрією не будутъ окончательно устроены и приведены въ ясность. На это, повидимому, намѣренъ онъ употребить большую часть своей молдавской арміи. Когда однажды будутъ окончены дѣла съ Австрією, дѣла съ Портою не будутъ болѣе представлять затрудненій,—они кончатся сами собою. Между тѣмъ, поведеніе Интернунція нарушаетъ всѣ правила и не можетъ не оскорблять меня. Это человекъ безпокойный, который не долженъ оставаться въ Константинополѣ; онъ только

заводитъ тамъ интриги. Необходимо, чтобы онъ былъ отозванъ; я формально требую этого».

Узнавъ, что наканунѣ приѣхалъ курьеръ отъ герцога Виченскаго, я отважился на вопросъ, не тотъ ли это курьеръ, котораго ждалъ Императоръ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это не тотъ; что ему не могъ еще быть порученъ отвѣтъ Вашего Императорскаго Величества, столь ему нужный; что онъ привезъ ему лишь извѣстіе о приѣздѣ князя Шварценберга въ Петербургъ, и объ объясненіи, которое В—е В—во намѣрены имѣть съ этимъ посломъ относительно двусмысленнаго поведенія и неумѣстныхъ вооруженій Вѣнскаго двора.

III.

Paris le 7/19 Mars. 1809.

Par le Consul Labensky.

Sire,

De retour depuis avant-hier d'un voyage à Rambouillet, où S. M. l'Empereur et Roi avoit bien voulu m'inviter à l'accompagner, et où j'ai passé quatre jours auprès de ce Souverain, je me fais, Sire, un devoir de Vous rendre fidèlement compte de toutes les circonstances de ce voyage qui me paroissent propres à intéresser Votre Majesté Impériale. Je dois Lui faire connaitre les distinctions flatteuses prodiguées à Son représentant.

Admis par l'Empereur Napoléon à l'approcher pendant plusieurs jours, à l'entendre exprimer ses pensées sur tous les sujets, à le suivre dans tous les détails de sa vie privée, je crois devoir mettre sous les yeux de Votre Majesté des particularités que Ses liens intimes avec ce grand Souverain et les sentimens qu'Elle lui porte ne peuvent rendre que plus intéressantes pour Elle.

Je suis arrivé à Rambouillet le samedi à 9 heures ½ du matin. Le Grand Maréchal

Duroc, Duc de Frioul, et M-r de Mortemart, Gouverneur du château, sont venus chez moi; j'étois encore à m'habiller quand le P-ce de Gavres, chambellan de l'Impératrice vint de sa part m'inviter à son déjeuner à la fourchette, qui alloit avoir lieu. Le Maréchal Duroc vint une seconde fois m'avertir qu'il étoit commencé et qu'il y avoit une place de réservée pour moi. Il m'y conduisit. J'y fus placé à côté de l'Impératrice, y étant le seul homme. Je restai chez elle après son déjeuner. Le Premier Ecuyer vint annoncer que les équipages de chasse étoient prêts. L'Empereur parut et alla se mettre en calèche avec l'Impératrice. Je fus appelé seul pour m'y mettre en troisième. Lorsqu'on fut arrivé à l'endroit de la forêt où devoit commencer la chasse à tir, l'Empereur sortit de la calèche, et j'y restai avec l'Impératrice qui fit appeler la P-cesse de Neufchâtel pour s'y placer. Nous avons suivi partout la chasse tant qu'elle a duré. Lorsqu'elle fut vers sa fin, l'Empereur envoya dire qu'il rentre-roit dans la calèche. La P-cesse de Neufchâtel lui laissa sa place. L'Empereur nous fit passer par le bourg, le jardin, et les nouvelles plantations pour me les montrer.

Après la chasse, l'Empereur me fit dire, qu'il m'avoit nommé pour être de son diner. J'y trouvai avec lui l'Impératrice, la Reine d'Hollande, la Princesse Pauline avec son mari le Prince Borghese, M-me de la Rochefoucauld, Dame d'honneur et deux Dames du Palais de l'Impératrice, et M-r de Ségur, le Grand Maître des cérémonies. Après le café l'Empereur fit appeler le Prince de Neufchâtel, pour déterminer les endroits de la forêt, où devoit avoir lieu le lendemain la chasse à courre, après la messe, et proposa de passer dans l'appartement de l'Impératrice. Nous y trouvâmes le reste de sa société, qui en tout n'outrepassoit pas trente personnes. Ap-

rès quelques instans de conversation l'Empereur fit apporter des tables de jeu pour le 21, auquel il prit part lui-même, aussi bien que les Princesses. Pendant le jeu il ordonna de faire venir le Maître de chapelle Paer, pour lui faire toucher du piano et chanter quelques airs. Il cessa ensuite le jeu et engagea la Reine d'Hollande et sa soeur à chanter aussi. Il proposa après cela de petits jeux auxquels il prit part avec beaucoup de gaieté.

Il se retira à 11 heures. Je parus à son coucher, d'après la permission que le Duc de Frioul m'annonça être accordée à tous ceux qui étoient du voyage. L'Empereur en congédiant ceux qui se trouvoient dans son cabinet, me retint et me demanda si j'avois reçu enfin mon courier. Il me dit être informé par son ambassadeur, qu'on étoit sur le point de m'en expédier un. Il me parla de l'armement de l'Autriche, des ordres qu'il avoit dû donner de rassembler aussi ses troupes. Il m'assura cependant qu'il n'attaqueroit point, et vouloit attendre et voir venir l'Autriche. Il me protesta qu'il ne vouloit point la guerre, qu'il désiroit seulement avec beaucoup de vivacité voir l'Autriche cesser de l'inquiéter par des mesures, qui n'indiquoient pas des intentions analogues aux siennes; qu'elle ne pourroit rien faire de mieux que d'accepter la double garantie de la Russie et de la France, dont il avoit parlé au Comte de Romanzoff. Cette conversation fut si rapide, vû qu'il étoit tard et que l'Empereur se plaignoit d'être fatigué que je ne pus y placer de mon côté que cette seule remarque: que si en réciprocité de cette garantie on vouloit exiger de la part de l'Autriche qu'elle désarmât, il falloit préciser selon moi le sens à attacher au mot de désarmement et le nombre ainsi que la qualité des troupes qu'elle auroit à désarmer.

L'Empereur relia: «Mais c'est la milice. Pourquoi ne resteroit-elle pas avec ses seules troupes de ligne? Pourquoi veut-elle armer et exaspérer toute une nation pour être ensuite entraînée malgré elle par le mouvement qu'elle lui auroit donnée, sans pouvoir plus la retenir?» A cette occasion, l'Empereur me parla des paroles remarquables adressées par le Roi de Prusse au Prince de Schwartzberg, lorsqu'il lui dit, que l'Autriche agissoit contre tous ses intérêts, qu'elle faisoit ce qu'il avoit fait lui-même, il y avoit deux ans, quand des suggestions passionnées l'avoient aveuglé, comme l'Autriche l'étoit maintenant; qu'il en avoit pâti, qu'il ne lui restoit qu'à le regretter sincèrement, mais qu'elle en pâtiroit encore d'avantage, et qu'il lui conseilloit de ne pas oublier son exemple afin d'être prudente et sage.

Dans cette conversation il me marqua son étonnement de voir le Comte de Metternich conservé dans son poste, après avoir été aussi ouvertement désavoué par sa Cour dans les assurances qu'il avoit données, lorsqu'il avoit promis la reconnaissance du Roi d'Espagne et le désarmement de la milice; que rien ne s'étant fait et voyant combien la Cour de Vienne désapprouvoit les assurances que son Ambassadeur avoit données, ces raisons l'engageoient à le traiter avec froideur. Ce texte fournit occasion à l'Empereur d'entrer dans des reflexions générales sur la différence qu'il faut mettre entre un Ambassadeur et un Envoyé du second ordre, dont les paroles n'avoient point le caractère authentique et l'importance attachée à celles d'un Ambassadeur, qu'on envisage comme la personne même du Souverain qu'il représente. C'est ainsi que s'est passé la première journée.

Différentes conversations que j'ai eues encore avec l'Empereur, pendant que je l'accompagnois à la chasse, pendant le diner,

et dans le courant de la soirée, pourroient me fournir des détails pleins d'intérêt, et confirmeroient Votre Majesté dans le jugement qu'Elle a déjà porté de l'instruction et de l'amabilité de ce Prince. Mais le désir de me renfermer dans de justes bornes ne me permet d'en rapporter à Votre Majesté, que ce qui peut L'intéresser le plus directement.

L'Empereur m'a parlé d'Elle à différentes reprises. Tout ce qu'il me dit à ce sujet montrait l'empreinte des sentimens d'affection et d'estime qu'il Lui porte. Il me raconta avec un plaisir visible qu'il avoit inspiré à Votre Majesté Impériale le goût de la chasse à Weymar, et qu'il avoit remarqué l'adresse qu'Elle avoit montrée dans cet exercice nouveau pour Elle.

Le lendemain matin M-r de Champagny arriva de Paris avec des dépêches du Duc de Vicence, du 22 Fevrier.

L'Empereur, en sortant pour aller à la messe, m'arreta et me dit qu'il venoit de recevoir un courier de Pétersbourg. Il me dit que Votre Majesté se portoit bien, qu'il n'y avoit rien de nouveau en Finlande, mais que Votre Majesté n'étoit pas contente d'un des généraux de son armée en Caucase. Il me raconta la tentative infructueuse faite sur Erivan, et me dit que Votre Majesté avoit parfaitement raison d'être mécontente de son général, qui par une envie irréfléchie de se distinguer et sans calculer les moyens de resistance de l'ennemi avoit fait éprouver une perte à l'armée et l'avoit obligée à se retirer. L'Empereur me dit ensuite, que Vous continuez, Sire, à tenir la même conduite envers le Prince de Schwartzberg. Je repondis, que la possession d'Erivan étoit nécessaire pour assurer nos frontières de la Géorgie; que tôt ou tard, quand on s'occuperoit sérieusement de l'intention de s'emparer de cette forteresse, elle ne pourroit pas ne pas

se rendre, et que cette guerre qui se faisoit dans le Caucase, comme celle de Suède, n'exigeoit pas que la Russie y fit de grands efforts, et qu'elle pourroit la terminer quand et comme elle le voudroit; que dans ce moment-ci toute l'attention devoit être dirigée sur la paix à faire avec les Turcs, aux conditions mises en avant par la Russie et sur le soin qu'a Votre Majesté maintenant de prévenir une nouvelle guerre au centre de l'Europe. «Mais, repliqua l'Empereur, je ne veux moi-même que le maintien de la paix, que de pouvoir sortir de cet état de dépense et d'agitation auquel l'Autriche me réduit par ses armemens extraordinaires, qui ne font que la ruiner elle-même et qu'elle ne pourra soutenir longtems. Sa population et le dérangement de ses finances ne pourront pas le lui permettre. J'ai ordonné à Champagny de remettre à Metternich une note fort modérée, fort conciliante. Nous verrons la réponse qu'on y fera».

M-r de Champagny m'accosta ensuite. Je tachai d'en avoir plus d'eclaircissemens sur les dernières dépêches de Pétersbourg; il me repeta ce que l'Empereur venoit de me dire, en ajoutant seulement, que le Prince de Schwartzemberg étoit toujours traité avec froideur, qu'il n'assistoit point aux parades et aux spectacles de l'Hermitage; qu'il s'en plaignoit beaucoup et sembloit ne pas s'y être attendu; que le Baron de Binder avoit eû un entretien fort intéressant avec le Ministre de Bavière, qui pouvoit faire croire que sa Cour se rapprochoit des principes de modération qu'on lui souhaitoit tant.

A cette occasion M-r de Champagny me fit part de son dernier entretien avec le Duc Alexandre de Wurtemberg, et me dit, qu'il lui avoit expliqué, que la France ne pouvoit pas lui accorder l'Abbaye d'Oliya, ni aucun des baillages au Pays de Fulda et de Bareuth,

qu'il avoit demandés, mais que par les grands égards que l'Empereur Napoleon avoit pour l'intérêt que prenoit Votre Majesté Impériale à son sort, il ne manqueroit pas d'exiger que le Roi de Wurtemberg son frère lui accordât un dédommagement complet; au moment où à l'arrangement définitif des affaires de l'Allemagne, de nouvelles possessions auroient à lui être adjudgées encore; mais qu'avant ce tems on ne pouvoit ni savoir quelles seroient ces acquisitions qu'il aura à faire, ni prendre d'avance sur elle ce qui pourroit former pour le Duc Alexandre ce dédommagement qu'il réclame avec tant d'instance; et que comme il ne veut pas lui-même que la France intervienne à présent pour demander au Roi son frère qu'il lui restitue la pension d'appanage et les arrérages qu'il en a sequestrés (craignant que cette démarche ne serviroit qu'à les brouiller d'avantage, sans porter le Roi aux restitutions qu'il est en droit de lui demander) il n'a pû que lui conseiller d'attendre avec patience l'époque où l'Empereur pourroit réaliser ses bonnes intentions en sa faveur et le desir de prouver son amitié pour V. M. I.

M-r de Champagny me fit connoître, qu'il instruiroit le Duc de Vicence de tous les détails de cette conversation, sur laquelle, par cette raison, je ne m'étends pas d'avantage, ayant beaucoup engagé M-r de Champagny à effectuer ce dessein.

Après la messe l'Empereur partit pour la chasse à courre. Je l'y accompagnois seul dans sa calèche, où l'Impératrice étoit assise. On dejeuna dans un Pavillon du Jardin. Le rendez-vous étoit assez loin dans la forêt. Quand l'Empereur monta à cheval, la Reine d'Hollande vint prendre sa place auprès de l'Impératrice. La chasse dura quatre heures; l'Emper. changea cinq chevaux. Le tems étoit très froid, et toutes les Dames en souffrirent.

Au diner de l'Empereur se trouvèrent l'Impératrice, la Reine d'Hollande, la Princesse Pauline, la P-sse de Neufchâtel, le P-ce Aldobrandini, près du Prince Borghese, M-r de Champagny, M-mes de la Rochefoucauld, d'Arberg et de Montmorency, le P-ce Wolkonsky et moi. Les événemens de la chasse remplirent la conversation du diner. Après le café on passa dans l'appartement de l'Impératrice d'où l'on regarda des fenêtres la curée du cerf forcé, que se fit aux flambeaux. L'Empereur fit chercher Paer, Crescentini, la Grassini et la Hinissi qui accompagnés du piano-forte chantèrent differens airs et duos Italiens. J'assistai au coucher de l'Empereur qui ne m'y parla que de choses indifferenes.

Le lundi 18 Mars, ayant reçu le matin un exprès de Paris avec un paquet du conseiller d'Etat Anstett qui me transmettoit les dernières nouvelles de Constantinople, je voulus en rendre compte à l'Empereur; j'en fis un extrait et je me rendis à son lever qui se tient à 9 heures précises.

En congédiant ceux qui s'y trouvoient avec moi, il me garda. Alors je lui parlai de ce qu'on venoit de me marquer sur la paix de la Porte avec l'Angleterre, et sur les mesures que cette Puissance faisoit prendre au Grand Seigneur. Elles ne parurent pas faire grande impression sur l'Empereur: mais quand je parlai de la conviction où j'étois que le congrès de Yassy ne pouvoit plus avoir lieu au milieu de ces circonstances, il ne me répondit rien, semblant éluder toute réponse qui eût été claire et positive. Mais il me parla de nouveau des affaires de l'Autriche. Je me permis de lui observer que ce seroit une extravagance complete à elle, de vouloir la guerre, que ses moyens ne pouvoient pas lui permettre de la soutenir au delà d'une campagne, qu'il me paroissoit toujours qu'il falloit lui parler en termes précis et ca-

thégoriques, que c'étoit la seule manière de parvenir à connoître bientôt ses véritables intentions, ou à lui faire adopter les conditions qu'on voudroit lui imposer, pour le maintien de la paix. «Oui, me dit-il, cela est vrai, mais ces Allemands, qui au fond sont des bonnes gens! on ne peut agir sur eux par la politesse et des procédés; ce n'est que quand on leur donne des coups qu'on leur fait entendre raison».

L'Empereur alla à l'heure à la chasse à tir. Le froid continuant, l'Impératrice n'en fut pas et après avoir déjeuné avec elle, étant encore le seul homme à sa table, je restai avec elle dans son appartement.

Je fus ce jour également admis au diner de l'Empereur, où se trouverent l'Impératrice, la Reine d'Hollande, la Princesse Pauline, le Prince Borghese, le Duc de Rovigo, le Sénateur Ordener, Monsieur de Mortemart, Gouverneur de Rambouillet, et deux Dames du Palais.

La soirée fut remplie par des airs chantés par Crescentini et la Grassini, et par une lecture, que fit le célèbre Talma d'une tragédie nouvelle: Jeanne Gray, qu'on va jouer au Théâtre Français. La conversation de l'Empereur ne roula que sur l'art de la tragédie, la chasse et les spectacles.

Le lendemain matin le colonel Gorgoly, envoyé par Votre Majesté Impériale, arriva à Rambouillet. Je le conduisis chez l'Empereur qui le traita avec beaucoup de bonté. L'engagea à déjeuner avec lui, et ensuite à le suivre à la chasse, et l'admit encore à son diner: accueil rempli des plus grandes distinctions que puisse permettre l'étiquette de la Cour d'ici. Ayant passé une nuit blanche à cause des dépêches que j'avois reçues par l'assesseur de collègue Sass, qui venoit également d'arriver, je demandai à l'Empereur de me dispenser de suivre la chasse.

Le diner fut composé de l'Empereur, l'Impératrice, la Reine d'Hollande, la Princesse de Neuchâtel, une des Dames du Palais, le Général Andréossy revenu de Vienne, le premier Ecuyer Nansouty, le Prince Wolkonsky, le Colonel Gorgoly et moi. J'observai que l'Empereur fut moins parlant que les jours précédens. Il me parut fort concentré, et il ne tarda point à se retirer après le café, disant qu'il se coucheroit de bonne heure.

Ayant beaucoup d'occupations, je ne me présentai pas le soir dans le salon de l'Impératrice, où la société s'étoit, comme à l'ordinaire, réunie, et où le tems fut rempli par la musique et les petits jeux.

C'est le lendemain que toute la Cour est revenue à Paris. J'y suis également retourné le même jour. L'Empereur s'est légèrement senti des fatigues de ce voyage, étant un peu enrhumé.

Парижъ, 7/19 Марта, 1809 г. Черезъ консула Лабенскаго.

Государь!

Вернувшись третьяго дня изъ поѣздки въ Рамбулье, куда, по милостивому приглашенію Е. В—ва Императора и Короля, я сопровождалъ его, и гдѣ я провель четыре дня въ обществѣ этого Монарха, поставляю себѣ въ обязанность. Государь, отдать Вамъ вѣрный отчетъ во всѣхъ обстоятельствахъ этого путешествія, которыя кажутся мнѣ достойными вниманія В—го И—го В—ва. Я обязанъ довести до Вашего свѣдѣнія лестные знаки вниманія, которыми былъ осыпанъ Вашъ представитель.

Удостоенный Императоромъ Наполеономъ чести видѣть его запросто въ теченіи нѣсколькихъ дней, слышать выраже-

ніе его мыслей о всевозможныхъ предметахъ, слѣдить вблизи за всѣми подробностями его частной жизни, считаю долгомъ подвергнуть усмотрѣнію В. В—ва подробности, которыя должны пріобрѣсти особенный интересъ въ глазахъ Вашихъ, вслѣдствіе Вашихъ искреннихъ связей съ этимъ великимъ Монархомъ и Вашей къ нему привязанности.

Я пріѣхалъ въ Рамбулье въ субботу, въ половинѣ десятаго утра. Оберъ-гофъ-маршалъ, герцогъ Фріульскій и г. Мортемаръ, губернаторъ замка, посѣтили меня; я еще одѣвался, когда князь де-Гавръ, камергеръ Императрицы, пришелъ отъ ея имени пригласить меня къ ея завтраку à la fourchette, который долженъ былъ тотчасъ начаться. Маршалъ Дюрокъ пришелъ во второй разъ извѣстить меня, что онъ начался, и что мнѣ оставлено мѣсто. Онъ и провель меня на завтракъ. Меня помѣстили около Императрицы, и я былъ тутъ единственнымъ мужчиною. Я остался у нея послѣ ея завтрака. Оберъ-штальмейстеръ вошелъ и доложилъ, что экипажи для охоты готовы. Императоръ явился и сѣлъ въ карету съ Императрицею. Меня одного пригласили сѣсть въ нее третьимъ. Когда мы доѣхали до той части лѣса, гдѣ должна была начаться охота, Императоръ вышелъ изъ коляски, и я остался въ ней съ Императрицею, которая пригласила сѣсть въ нее же княгиню Нешательскую. Мы повсюду слѣдовали за охотою, пока она длилась. Когда она стала близиться къ концу, Императоръ послалъ сказать, что онъ сядетъ въ коляску. Кн. Нешательская уступила ему свое мѣсто. Императоръ провезъ насъ по мѣстечку, по саду и по новымъ насажденіямъ, чтобы мнѣ ихъ показать.

Послѣ охоты, Императоръ велѣлъ мнѣ

сказать, что онъ назначилъ меня, чтобы быть при его обѣдѣ. Я тутъ нашелъ вмѣстѣ съ нимъ Императрицу, королеву Голландскую, принцессу Полину, съ ея мужемъ, г-жу Ларошфуко, штатсъ-даму, и двухъ фрейлинь Императрицы, и г. Сегюра, оберъ-церемоніймейстера. Послѣ кофе, Императоръ послалъ за княземъ Нѣшательскимъ, чтобы опредѣлить тѣ мѣста лѣса, гдѣ должна была произойти на другой день, послѣ обѣдни, псовая охота, и предложилъ перейти въ аппартаментъ Императрицы. Тутъ мы нашли остальное общество, всего не болѣе тридцати человекъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора Императоръ велѣлъ принести столы для игры въ *vingt et un*, въ которой онъ самъ принялъ участіе, такъ же какъ и принцессы. Во время игры онъ велѣлъ призвать капелъмейстера Пэра для того, чтобы онъ игралъ на фортепiano и свѣлъ нѣсколько арій. Затѣмъ онъ прекратилъ игру и попросилъ королеву Голландскую и ея сестру также свѣть что-нибудь. Потомъ онъ предложилъ маленькія игры, въ которыхъ принялъ участіе съ большою веселостію.

Онъ удалился въ 11 часовъ. Я явился на его *coucher*, пользуясь позволеніемъ, даннымъ, какъ объяснилъ мнѣ герцогъ Фриульскій, всѣмъ участвовавшимъ въ путешествіи. Императоръ, отпустивши всѣхъ тѣхъ, которые находились въ его кабинетѣ, удержалъ меня и спросилъ, пріѣхали ли наконецъ мой курьеръ. Онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ черезъ своего посла, что собирались мнѣ отправить такового. Онъ говорилъ о вооруженіяхъ Австріи, о приказаніяхъ, которыя онъ былъ вынужденъ дать, чтобы собрались и его войска. Онъ увѣрялъ меня однако же, что съ его стороны не будетъ нападенія, что онъ хочетъ

выжидать и видѣть, что сдѣлаетъ Австрія. Онъ настаивалъ на томъ, что онъ не хочетъ войны; что онъ только живо желаетъ, чтобы Австрія перестала тревожить его мѣрами, указывающими на намѣренія, несогласныя съ его видами; что Австріи всего лучше принять двойную гарантію Россіи и Франціи, о которой онъ говорилъ съ графомъ Румянцевымъ. Этотъ разговоръ былъ столь быстръ, такъ какъ было поздно и Императоръ жаловался на усталость, что я съ своей стороны могъ вставить въ него лишь слѣдующее замѣчаніе: что если, въ вознагражденіе за эту гарантію, требовать, чтобы Австрія обезоружилась, то по-моему слѣдуетъ опредѣлить смыслъ, придаваемый слову обезоруженіе, и опредѣлить количество и качество войскъ, которыя должны быть обезоружены. «Конечно, онолченіе, возразилъ Императоръ. Почему бы Австріи не оставаться при своихъ линейныхъ войскахъ, зачѣмъ ей вооружать и раздражать цѣлый народъ для того, чтобы потомъ быть увлеченною противъ воли движеніемъ, ему сообщеннымъ и который удержать она не будетъ въ силахъ?» При этомъ случаѣ, Императоръ упомянулъ о замѣчательныхъ словахъ короля Прусскаго князю Шварценбергу, когда онъ сказалъ ему, что Австрія дѣйствуетъ противъ собственныхъ интересовъ; что она дѣлаетъ то же, что онъ дѣлалъ самъ, два года тому назадъ, когда ослѣпили его страстныя подстрекательства, какъ теперь ослѣпляютъ они Австрію; что онъ отъ этого пострадалъ; что ему остается только горько сожалѣть объ этомъ, но что она пострадаетъ отъ этого еще гораздо болѣе, и что онъ совѣтуетъ ей не забывать его примѣра и быть благоразумною.

Въ этомъ разговорѣ, онъ выразилъ лишь свое удивленіе тому, что графъ Меттер-

нихъ сохранилъ свою должность послѣ того, какъ его Дворъ столь открыто отрекся отъ данныхъ имъ обѣщаній, относительно обезоруженія ополченія и признанія короля Испанскаго; онъ присовокупилъ, что такъ какъ ничего изъ этого не сдѣлано, и вида, какъ мало Вѣнскаго дворъ одобряетъ увѣренія своего посла, онъ по этимъ причинамъ обращается съ нимъ холодно. Этотъ текстъ далъ Императору случай войти въ общія разсужденія о различіи между посломъ и посланникомъ втораго разряда, слова котораго не имѣютъ достовѣрнаго характера и важности, присутствіемъ словамъ посла, котораго должно разсматривать какъ самое лицо Государя, имъ представляемаго. — Такъ прошелъ первый день.

Разные разгопоры, которые и еще имѣлъ съ Императоромъ во время охоты, обѣда и въ теченіи вечера, могли бы дать мнѣ поводъ къ подробностямъ, исполненнымъ интереса, и подтвердили бы сужденіе Вашего Величества о познаніяхъ и любезности этого Государя. Но желаніе заключиться въ должныхъ границахъ позволяетъ мнѣ довести изъ нихъ В—му В—ву лишь то, что можетъ интересовать Васъ наиболѣе прямымъ образомъ.

Императоръ нѣсколько разъ говорилъ со мною о Васъ. Все, что онъ сказалъ мнѣ объ этомъ предметѣ, носило отпечатокъ тѣхъ чувствъ привязанности и уваженія, которыя онъ къ Вамъ питаетъ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ разсказалъ мнѣ, что онъ въ Веймарѣ внушилъ В—у В—ву вкусъ къ охотѣ, и что онъ замѣтилъ ловкость, выказанную Вами въ этомъ новомъ для Васъ упражненіи.

На другой день, г. Шампань пріѣхалъ изъ Парижа съ денешами отъ герцога Виценскаго, отъ 22 Февраля.

Императоръ, выходя, чтобы идти къ обѣднѣ, остановилъ меня и сказалъ, что къ нему только-что прибылъ курьеръ изъ Петербурга. Онъ сказалъ мнѣ, что В—е В—во здоровы, что въ Финляндіи нѣтъ ничего новаго, но что В—е В—во недовольны однимъ изъ генераловъ Вашей кавказской арміи. Онъ сообщилъ мнѣ о безплодной попыткѣ, направленной на Эривань, и сказалъ мнѣ, что В—е В—во совершенно правы въ томъ, что недовольны своимъ генераломъ, который, по необдуманному желанію отличиться и не рассчитавши силъ противника, причинилъ арміи уронъ и заставилъ ее отступить. Императоръ сказалъ мнѣ потомъ, что Вы, Государь, не измѣняете Вашего обращенія съ княземъ Шварценбергомъ. Я отвѣчалъ, что обладаніе Эриванью необходимо для обезпеченія нашей грузинской границы; что рано или поздно, когда займутся серьезно намѣреніемъ приобрести эту крѣпость, ей нельзя будетъ не сдаться, и что эта кавказская война, точно также какъ война съ Швеціею, не требуетъ отъ Россіи большихъ усилій, и что она можетъ ее покончить, когда захочетъ; что въ настоящую минуту, все вниманіе должно быть устремлено на миръ, который нужно заключить съ Турціею, на условіяхъ, выставленныхъ Россіею, и на заботы Вашего Величества о предотвращеніи новой войны въ центрѣ Европы. — «Но, возразилъ Императоръ, я самъ желаю лишь поддержанія мира, лишь возможности выйти изъ того убыточнаго и безпокойнаго положенія, въ которое приводитъ меня Австрія своими чрезвычайными вооруженіями, ее же истощающими, и которыхъ она не въ силахъ будетъ долго поддерживать. Ея населеніе и состояніе ея финансовъ ей того не позволяютъ. Я велѣлъ Шампаню вручить Меттерниху весьма

умѣренную, весьма примирительную ноту. Увидимъ, какой будетъ на нее отвѣтъ.»

Потомъ заговорилъ со мною г. Шампаньи. Я постарался получить отъ него болѣе точныя свѣдѣнія о послѣднихъ депешахъ изъ Петербурга; онъ повторилъ мнѣ то же, что только-что сказалъ мнѣ Императоръ, присовокупивъ лишь, что съ княземъ Шварценбергомъ продолжаютъ обращаться холодно; что онъ не присутствуетъ при парадахъ и при спектакляхъ въ Эрмитажѣ; что онъ очень на это жалуется и повидимому этого не ожидалъ; что баронъ Биндеръ имѣлъ съ Баварскимъ посланникомъ весьма интересный разговоръ, по которому можно предположить, что его Дворъ склоняется къ тѣмъ началамъ умѣренности, къ которымъ столь желательно его обратить.

По этому случаю, г. Шампаньи сообщилъ мнѣ о послѣднемъ своемъ разговорѣ съ герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ и сказалъ мнѣ, что онъ объяснилъ ему, что Франція не можетъ дать ему ни аббатства Оливскаго, ни какого-либо изъ бальяжей Фульдскаго или Байрейтскаго округа, о которыхъ онъ просилъ; но что въ уваженіе того участія, которое В. И. В—во принимаетъ въ его судьбѣ, Императоръ Наполеонъ не преминетъ потребовать отъ его брата, короля Виртембергскаго, полного вознагражденія въ то время, когда при окончательномъ устройствѣ Германскихъ дѣлъ ему будутъ присуждены еще новыя владѣнія; но что куда нельзя знать, какія эти новыя пріобрѣтенія, ему предстоящія, ни выдѣлить изъ нихъ напередъ для герцога Александра того вознагражденія, которого онъ столь настоятельно требуетъ; и что такъ какъ онъ самъ не желаетъ, чтобы Франція теперь же потребовала отъ короля, его брата, возвращенія

удѣльной пенсіи и ея недочетовъ, взятыхъ имъ подъ секвестръ (боясь, чтобы этотъ шагъ не раззорилъ ихъ еще болѣе, не подвинувъ короля къ требуемымъ по справедливости уступкамъ) то онъ могъ только посоветовать ему выждать съ терпѣніемъ то время, когда Императору представится возможность осуществить свои добрыя намѣренія въ его пользу и свое желаніе доказать свою дружбу къ В. И. В—ву.

Г. Шампаньи сказалъ мнѣ, что онъ сообщилъ герцогу Виценскому всѣ подробности этого разговора, о которомъ я по этой причинѣ не распространяюсь болѣе, такъ какъ я очень просилъ г-на Шампаньи исполнить свое намѣреніе.

Послѣ обѣдни, Императоръ отправился на псовую охоту. Я одинъ сопровождалъ его въ его коляскѣ, въ которой сидѣла Императрица. Завтракали въ павильонѣ, въ саду. Сборное мѣсто было назначено въ лѣсу, довольно далеко. Когда Императоръ сѣлъ на лошадь, королева Голландская заняла его мѣсто возлѣ Императрицы. Охота продолжалась четыре часа. Императоръ смѣнилъ пять лошадей. Погода была очень холодна, и всѣ дамы отъ нея страдали.

На обѣдѣ у Императора присутствовали: императрица, королева Голландская, принцесса Полина, княгиня Нѣшательская, князь Альдобрандини съ княземъ Боргезе, г. Шампаньи, г-жа Ларошфуко, Арбергъ и Монморанси, кн. Волконскій и я. Происшествія охоты наполняли разговоръ за обѣдомъ. Послѣ кофе перешли въappartementъ императрицы, откуда смотрѣли въ окно на кормленіе собакъ, которое было произведено при факелахъ. Императоръ послалъ за Пэромъ, Кресцентини, г-жею Грассини и г-жею Гинисси, которыя, acompанпруемая на піанофорте, спѣли разныя итальянскія арии и дуэты. Я присут-

ствовавъ при *coucher* Императора, который тутъ говорилъ со мною лишь о предметахъ маловажныхъ.

Въ понедѣльникъ 18-го Марта, получивши утромъ изъ Парижа нарочнаго съ пакетомъ отъ статскаго совѣтника Анстета, сообщившаго мнѣ послѣднія извѣстія изъ Константинополя, я захотѣлъ отдать въ нихъ отчетъ Императору, сдѣлавъ изъ нихъ извлеченіе и отправился на его *lever*, *) происходящее ровно въ 9 часовъ.

Отпуская тѣхъ, которые тутъ находились со мною, онъ меня удержалъ. Тогда я сказалъ ему о томъ, что только-что сообщили мнѣ о мирѣ Порты съ Англіею, и о мѣрахъ внушаемыхъ этою державою Султану. Они, повидимому, произвели мало впечатлѣнія на Императора; но когда я заговорилъ о моемъ убѣжденіи въ томъ, что при этихъ обстоятельствахъ не можетъ уже состояться конгрессъ въ Иссахъ, онъ ничего не сказалъ, какъ-бы избѣгая яснаго и положительнаго отвѣта. Но онъ опять заговорилъ со мною объ Австрійскихъ дѣлахъ. Я позволилъ себѣ замѣтить ему, что со стороны Австріи было-бы совершеннымъ безуміемъ желать войны; что ея средства не могли-бы дозволить ей поддержать оную долге, чѣмъ въ теченіи одной кампаніи; что мнѣ все еще кажется, что съ нею слѣдуетъ говорить въ точныхъ и категорическихъ выраженіяхъ; что это единственное средство, чтобы узнать въ скорости ея истинныя намѣренія, или заставить ее принять условія, которыя захотѣли бы на нее возложить для сохраненія мира. — «Да—отвѣчалъ онъ—это правда, но на этихъ Нѣмцевъ, которые въ сущности хорошіе люди, нельзя дѣйствовать учтивостію

и вниманіями: пока ихъ не отколотишь, они ничего не возмутъ въ толкъ».

Императоръ въ часъ отправился на ружейную охоту. Такъ какъ холодъ продолжался, то Императрица не приняла въ ней участія и, позавтракавъ съ нею, причежь я опять былъ единственнымъ мужчиною за ея столомъ, я остался съ нею въ ея апартаментѣ.

Въ этотъ день я также былъ допущенъ къ обѣду Императора; тутъ находились: Императрица, королева Голландская, принцесса Полина, князь Боргезе, герцогъ Ровиго, сенаторъ Орденеръ, г. Мортемаръ, губернаторъ замка Рамбулье, и двѣ фрейлины.

Вечеръ былъ оглашенъ аріями, спѣтymi г-жами Кресцентини и Грассини, и чтеніемъ, произведеннымъ знаменитымъ Тальмою новой трагедіи подъ названіемъ „Жанна Грей“, которую вскорѣ будутъ играть въ *Théâtre Français*. Разговоръ Императора вращался лишь около драматическаго искусства, охоты и театральныхъ зрѣлищъ.

На другое утро, полковникъ Горголи, посланный В. И. В—омъ, прибылъ въ Рамбулье. Я повелъ его къ Императору, который обошелся съ нимъ весьма милостиво, пригласилъ его съ собою завтракать, а за тѣмъ сопроводить его на охоту, и наконецъ допустилъ его къ своему обѣду: приемъ, исполненный величайшихъ отличій, какія только можетъ допустить этикетъ здѣшняго двора. Проведши безсонную ночь вслѣдствіе денешъ, полученныхъ мною черезъ коллежскаго ассесора Засса, также только-что прибывшаго, я попросилъ Императора уволить меня отъ охоты.

Обѣдъ былъ составленъ изъ Императора, Императрицы, королевы Голландской,

*) Вставанье съ постели, какъ выше—*coucher*, отходъ ко сну.

княгини Нёшательской, одной фрейлины, генерала Андреосси, вернувагося изъ Вѣны, оберъ-шталмейстера Нансути, князя Волконскаго, полковника Горголи и меня. Я замѣтилъ, что Императоръ былъ менѣе разговорчивъ, чѣмъ въ предыдущіе дни. Онъ показался мнѣ очень сосредоточеннымъ и не замедлил удалиться послѣ кофе, сказавъ, что онъ ляжетъ спать рано.

Имѣя много занятій, я вечеромъ не явился въ салонъ Императрицы, гдѣ общество собралось по обыкновенію, и гдѣ время было занято музыкою и маленькими играми.

На другой день, 19-го числа, весь дворъ вернулся въ Парижъ. Я вернулся туда въ тотъ-же день. Для Императора это путешествіе имѣло слѣдствіемъ легкую простуду.

IV.

Paris, le 12²⁴ Mars, 1809.

Par le Colonel Gorgoly.

Sire,

Je suis vivement affligé de la cause qui hâte le retour du Colonel Gorgoly. L'espoir que j'avais, qu'il étoit encore possible de prévenir la funeste explosion que va produire une nouvelle guerre sur le Continent, s'évanouit entièrement. Votre Majesté Impériale en jugera par le rapport détaillé que je vais Lui tracer des deux entretiens que j'ai eû hier avec l'Empereur et son Ministre des relations extérieures.

Je me rendis hier à quatre heures après midi chez M-r de Champagny, d'après une invitation expresse et de main propre que je reçus de sa part. Il me dit dès le commencement que l'Autriche venoit de lever le bouclier, qu'elle l'avoit fait de la manière la plus formelle et que l'Empereur lui avoit

donné l'ordre de m'informer d'un attentat inoui et d'une violation du droit des gens que le gouvernement Autrichien avoit commis; qu'un officier Français retournant de Vienne à Paris, avoit été arrêté sur la frontière à Braunau, qu'on l'avoit depouillé des paquets que lui avoit confié le chargé d'affaires de France Dodun, et que sans égard pour le cachet de l'ambassade, qui est aux armes de l'Empereur, dont ces paquets avoient été fermés, on les avoit ouverts, en déchirant les enveloppes en sa présence, malgré toutes ses protestations. M-r de Champagny me fit alors l'exposé très détaillé de cet événement aussi étonnant qu'irrégulier. Pour accréditer les détails qu'il m'en donnoit, il me communiqua les rapports originaux qu'il venoit de recevoir par estafette de Munich de la part de M-r Otto, Ministre de France et de celle de l'officier lui-même, qui a été exposé à ce désagrément; et comme il a eû la complaisance de m'envoyer les copies des ces deux rapports, je m'empresse de les mettre ci-joint sous les yeux de Votre Majesté Impériale. Elle y verra tous les détails de ce malheureux événement qu'il est impossible de justifier, puisqu'il prouve toujours une bêtise et une hardiesse impardonnables des employés Autrichiens, quand même la Cour de Vienne n'y a pas participé directement, et que l'on ne peut supposer qu'il ait eû lieu de son sçû et par ses ordres.

Cet officier n'est autre que l'aventurier Cherlook, dont j'ai déjà du parler dans mes dépêches précédentes à Votre Majesté Impériale; le même qui vivait à Vienne aux dépens de la danseuse Neuville, que le Général Andréossy m'avoit dit n'être qu'un très mauvais sujet, qu'il n'avoit jamais voulu recevoir, et qu'il avoit même consigné à sa porte et qui cependant après mon départ a çu se faire protéger par l'Ambassade de France. Sur-

veillé par la police, on devoit, depuis long-tems, lui faire quitter Vienne, et c'est sans doute après en avoir reçu l'intimation qu'il s'est mis en route, pour sortir de cette capitale et des Etats Autrichiens. Je fis la remarque à M-r de Champagny qu'autant que je me rappellais, Cherlook n'avoit jamais servi l'Empereur, qu'il n'avoit été qu'au service de la Convention et du Directoire. Il me répondit que c'était vrai, mais qu'il n'en étoit pas moins officier Français et qu'il en portait l'uniforme. Il paroît que M-r Dodun, en lui donnant un passeport de courier, ne l'auroit pas exposé à tout ce qui lui est arrivé, et quoiqu'instruit des circonstances de sa situation il a commis l'imprudence de lui confier des paquets avec ses dépêches. Je priai M-r de Champagny d'exprimer à l'Empereur toute ma sensibilité sur cette marque de confiance qu'il avoit daigné me temoigner en me faisant faire cette communication, qu'il étoit de mon devoir de la porter à la connoissance de Votre Majesté Impériale et que si le Colonel Gorgoly pouvoit recevoir la réponse de l'Empereur à Sa lettre autographe, c'est lui qui serait le porteur de mon rapport, puisque la célérité qu'il avoit mise à venir ici pouvoit garantir celle qu'il employeroit à son retour. Je lui avouai la peine infinie que me causait cet événement, puisqu'il devoit entraver tous moyens de rapprochement entre les deux Cours et anéantissait les vœux que je m'étois permis d'en former avec une constante sollicitude. M-r de Champagny me repliqua, que l'Empereur étoit outré de la conduite de l'Autriche, qu'elle le provoquoit trop ouvertement pour qu'il pût à la fin ne pas le sentir autant qu'il le devoit, que cette dernière infraction mettoit un terme à sa modération dont il avoit donné tout récemment une preuve parlante en faisant supprimer dans le Moni-

1,

teur les passages de la proclamation de l'Archiduc Charles, qui lui avoient paru trop violens. Pour m'en convaincre il tira de son tiroir un exemplaire imprimé de cette pièce telle qu'elle avoit été publiée à Vienne et me fit remarquer les phrases qui en étoient omises dans les feuilles Françaises, entr'autres une exhortation aux habitans d'employer leurs plus grands efforts pour ne pas être réduits à se soumettre au joug des despotes étrangers. Ensuite il se plaignit des diatribes et de tous les écrits remplis d'injures contre l'Empereur Napoléon qui s'imprimaient à Vienne, et dont le gouvernement y toléroit la vente et la circulation. Il me parla de la traduction et de la nouvelle édition qui y avoit été faites de la relation de Cevallos, et puis d'une brochure Allemande qui y servoit de supplément, dont il m'a montré l'exemplaire qui lui avoit été envoyé et qui contenoit un recueil de toutes les injures que les différentes juntes et les insurgés Espagnols s'étoient permis contre la personne de l'Empereur dans leurs proclamations. Je l'interrompis pour lui demander ce que c'étoit que cette relation de Cevallos dont j'entendois tant parler sans pouvoir la connaître. Il me répondit avec embarras: «C'est un récit mensonger des affaires d'Espagne». Je l'invitai beaucoup à faire venir l'Ambassadeur d'Autriche pour s'expliquer avec lui sur le grand et nouveau mécontentement de l'Empereur contre sa Cour, puisque c'étoit par lui qu'il pourroit apprendre le mieux ses véritables dispositions actuelles, de même que les éclaircissements nécessaires sur le fait qui les inculpait. Il me dit qu'il l'attendoit et qu'il fallait qu'il eût mal compris l'heure qu'il lui avoit marquée pour n'être pas venu encore. En lui renouvelant tous mes regrets sur un accident aussi défavorable au maintien de la

Русскій Архивъ 1870. 2

paix et par là aussi contraire au désir qu'il me connaissait, je le quittai à 6 heures du soir. Rentré chez-moi je n'eus que le tems de m'habiller pour aller au cercle qui m'avoit été annoncé. l'Ambassadeur d'Autriche n'y assista point; à quatre heures M-r de Montesquiou lui avoit écrit un billet dans ces termes: Le Grand Chambellan a l'honneur de prévenir M-r de Metternich, Ambassadeur d'Autriche, que S. M. l'Empereur ne recevra pas ce soir. Il fut le seul du corps diplomatique qui reçut une pareille annonce. L'Empereur parut fort tard au Théâtre. On pouvait voir sur lui l'empreinte de la grande agitation qu'il éprouvait. Après le spectacle, qui ne finit qu'à onze heures, il y eût jeu. L'Impératrice me fit l'honneur, comme de coutume, de m'admettre à sa partie. Le Prince de Bénévent fut admis à celle de la Reine de Hollande, et j'en fais mention parceque c'est la première fois que je l'ai vu jouer à la Cour.

L'Empereur parcourut en attendant dans les salles attenantes, y parla à plusieurs personnes et surtout au Général Andréossy en se plaignant hautement et avec véhémence de ce qui venoit d'arriver à Braunau. Pendant le souper il m'aborda derechef et commença par me parler assez haut pour que ceux qui nous entouraient ayent pû parfaitement entendre ce qu'il me disait; et ensuite il continua cette conversation en marchant avec moi dans la Galerie de Diane, haut et bas, entre les tables auxquelles soupaient les Dames. Il me demanda quand je comptais faire partir Gorgoly. Je repondis que ce serait demain s'il jugeait à propos de le charger de sa réponse à la lettre autographe de Votre Majesté Impériale, qu'il avoit eû l'honneur de lui presenter.—«Oui, surement, il l'aura demain au soir. Mais je désirerois que Vous

rendiez compte à l'Empereur Alexandre de l'atrocité que les Autrichiens viennent de commettre; c'est un attentat abominable et sans exemple entre les nations policées. En insultant un officier François et en ne respectant point le cachet avec mes armes, dont-il était le porteur, c'est une insulte sanglante qu'ils m'ont faite et dont je saurai tirer vengeance. Cette insulte regarde toute la nation Française; elle est composée de 30 millions d'hommes, et il n'y en a pas un qui ne la sente et qui puisse ne pas vouloir la venger. Si l'Autriche ne veut point de guerre, il faut qu'elle me fasse une réparation éclatante. Celle-là ne peut-être faite que par le sang; les têtes des coupables, de ceux qui ont commis l'attentat, doivent voler. C'est la seule satisfaction que je puisse accepter. Si elle m'est refusée, je saurai faire justice à l'honneur de ma nation et à moi-même; ce sera une guerre d'extermination; la Monarchie Française ou la Monarchie Autrichienne devra être exterminée. L'Autriche peut avoir des avantages, mais ils ne seront qu'éphémères. Je vous réponds, que les mesures que j'ai déjà prises les empêcheront et que surtout à la longue elle ne les aura pas. C'est une nation lâche, je la connais. Je comptais ne pas me déplacer; à présent il faut que je parte; mes gardes et mes chevaux sont en route depuis ce matin; je m'étais flatté de pouvoir éviter cette guerre. Je l'attendais du succès des soins de l'Empereur de Russie, mais les ménagemens ne sont plus de saison. L'Empereur m'avait envoyé dernièrement le projet d'une note que nous devons remettre en commun à l'Autriche pour exiger son désarmement. Mais à présent c'est trop tard. Il ne faut plus qu'agir avec énergie. J'acquiesce chaque jour des preuves de plus, des intentions hostiles de l'Autriche. Elle excite les Turcs, elle les pousse même à des voies de fait con-

tre moi; ils font du mouvement du côté de la Dalmatie et ont l'air de vouloir attaquer mes possessions sur l'Adriatique. Les instigations de l'Internonce me sont connues. Par des moyens qui sont toujours si agissants sur les Turcs et que Vous ne pouvez ignorer, je me suis attaché le drogman de l'Ambassadeur Turc près de moi. Il m'informe de tout ce que la Porte fait, des ordres qu'elle donne. Elle vient de lui envoyer deux couriers successivement; elle leur enjoint de correspondre par un chiffre particulier en adressant dorénavant toutes leurs dépêches au Consul d'Autriche à Bucharest. Les dernières gazettes Anglaises, qui me sont parvenues, ne parlent que des espérances que place l'Angleterre dans l'attitude et les efforts actuels de l'Autriche. Quand Vous verrez Metternich, Vous n'avez qu'à lui communiquer tout ce que je viens de vous dire, du juste mécontentement que l'attentat de Braunau me fait éprouver, et de la seule réparation qui peut m'en être faite. Je l'ai fait avertir de ne pas venir au cercle; il m'auroit été impossible de le voir sans lui faire une forte scène, et c'est là ce que j'ai voulu éviter».

Le Comte de Metternich est venu me voir ce matin; je consignerais dans un second rapport à Votre Majesté Impériale les détails de cette conversation qu'il a eue avec moi et ceux de sa conférence d'hier au soir avec le Ministre des relations extérieures.

Парижъ 12/21 марта, 1809 г. Съ полковникомъ Горголи.

Государь!

И живо огорченъ причиною, ускоряющею возвращеніе полковника Горголи. Надежда, которую я еще шталъ, на возможность предотвратить роковой взрывъ, долженствующій произвести новую войну на

Европейскомъ материкѣ, совершенно разсѣялась. В. И. В.—во посудите объ этомъ по нижеслѣдующему подробному отчету о двухъ разговорахъ, которые я имѣлъ вчера съ Императоромъ и его министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Я отправился вчера въ четыре часа пополудни къ г. Шампаньи, по настоятельному, собственноручному приглашенію, отъ него полученному. Онъ съ самаго начала сказалъ мнѣ, что Австрія подняла щитъ, что она сдѣлала это самымъ недвусмысленнымъ образомъ и что Императоръ приказалъ ему извѣстить меня о неслыханной дерзости и нарушеніи международнаго права, совершенномъ Австріею; что французскій офицеръ, возвращающійся изъ Вѣны въ Парижъ, былъ задержанъ на границѣ въ Браунау; что у него отняли пакеты, порученные ему французскимъ повѣреннымъ Додёномъ, и что, не смотря на печать посольства, съ императорскимъ гербомъ, которою были запечатаны эти пакеты, ихъ вскрыли, разрывая конверты въ его присутствіи, вопреки всѣмъ его протестамъ. Шампаньи затѣмъ изложилъ мнѣ всѣ подробности этого столь удивительнаго и незаконнаго событія. Въ подтвержденіе приведенныхъ имъ подробностей, онъ сообщилъ мнѣ оригинальныя донесенія, только что полученныя имъ съ эстафетою изъ Мюнхена отъ г. Отто, французскаго повѣреннаго, и отъ самаго офицера, подвергнувшагося этой неприятности, и такъ какъ онъ имѣлъ обязательность прислать мнѣ копіи съ этихъ двухъ донесеній, то спѣшу повергнуть ихъ при семъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Вы увидите въ нихъ всѣ подробности этого несчастнаго событія, котораго оправдать невозможно, ибо оно во

2*

всякомъ случаѣ доказываетъ непростительную дерзость и глупость австрійскихъ чиновниковъ, даже еслибы Вѣнскій Дворъ не имѣлъ въ немъ прямого участія и нельзя было бы предположить, что оно совершилось съ его вѣдома и по его приказаніямъ.

Этотъ офицеръ никто иной, какъ авантюристъ Черлукъ, о которомъ должно-быть уже была рѣчь въ предыдущихъ моихъ депешахъ къ В. И. В—ву, — тотъ же самый, который жилъ въ Вѣнѣ на счетъ танцовщицы Нѣвиль, о которомъ генераль Андреосси говорилъ мнѣ, что онъ негодяй, котораго онъ никогда не хотѣлъ принимать и даже выгналъ отъ себя, но который однакоже послѣ моего отъѣзда съумѣлъ снискать покровительство французскаго посольства. Находясь подъ надзоромъ полиціи, онъ давно долженъ былъ быть высланъ изъ Вѣны, и вѣроятно, что вслѣдствіе такого приказанія онъ и пустился въ путь, удаляясь изъ этой столицы и изъ Австрійскихъ владѣній. Я замѣтилъ г-ну Шампаньи, что, насколько я помню, Черлукъ никогда не былъ въ императорской службѣ, а служилъ лишь Копвенту и Деректоріи. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это правда, но что тѣмъ не менѣе, онъ французскій офицеръ и носитъ французскій мундиръ. Повидимому г. Додёнъ, еслибы далъ ему курьерскій паспортъ, избавилъ-бы его отъ всѣхъ случившихся съ нимъ непріятностей; но хотя онъ зналъ всѣ обстоятельства его положенія, онъ имѣлъ неосторожность поручить ему пакеты съ депешами. Я просилъ г. Шампаньи выразить Императору всю мою признательность за довѣріе, оказанное мнѣ этимъ сообщеніемъ, и сказать ему, что я считаю долгомъ довести оное до свѣдѣнія В. И.

В—ва, и что еслибы полковникъ Горголи могъ получить отвѣтъ Императора на Ваше собственноручное письмо, то ему было бы поручено и мое донесеніе, ибо быстрота, съ которой онъ прибылъ сюда, ручается намъ за поспѣшность его возвращенія. Я сознался ему въ глубокомъ огорченіи, причиненномъ мнѣ этимъ событіемъ, ибо оно должно было преградить всѣ пути сближенія между обоими Дворами, и разрушало всѣ мои надежды и заботы на этотъ счетъ.

Г. Шампаньи возразилъ мнѣ, что Императоръ возмущенъ поведеніемъ Австріи, что она слишкомъ открыто вызываетъ его, что онъ, наконецъ, чувствуетъ, что это послѣднее нарушеніе международныхъ приличій должно положить предѣлъ умѣренности, еще недавно имъ доказанной исключеніемъ изъ Монитѣра тѣхъ мѣстъ въ воззваніи эрцгерцога Карла, которыя показались ему слишкомъ сильными. Чтобы убѣдить меня въ этомъ, онъ вынулъ изъ столоваго ящика печатный экземпляръ этого документа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ напечатанъ въ Вѣнѣ и обратилъ мое вниманіе на тѣ фразы, которыя были изъ него выпущены во французскихъ журналахъ, между прочимъ на увѣщаніе жителямъ Австріи употребить величайшія усилія для того, чтобы не быть принужденными покориться гнету иностранныхъ деспотовъ. Потомъ онъ жаловался на діатрибы и на писанія, исполненныя брани противъ Импер. Наполеона, которыя печатаются въ Вѣнѣ, и которыхъ продажа и распространеніе допускаются правительствомъ. Онъ говорилъ мнѣ о переводѣ и о новомъ изданіи донесенія Севаллоса, тамъ напечатанныхъ, и затѣмъ о нѣмецкой брошюрѣ, служащей къ нему допол-

неніемъ, и показалъ мнѣ присланный ему экземпляръ, содержащій собраніе всѣхъ ругательствъ, которыя дозволили себѣ противъ личности Императора разныя юнты и испанскіе инсургенты въ своихъ прокламаціяхъ.—Я прервалъ его, чтобы спросить, что такое это донесеніе Севаллоса, о которомъ я такъ много слышу, но котораго никакъ не могу добыть; онъ отвѣчалъ мнѣ съ смущеніемъ: «это лживый разсказъ объ испанскихъ дѣлахъ». Я очень просилъ его пригласить Австрійскаго посланника, чтобы переговорить съ нимъ о новомъ и великомъ неудовольствіи Императора на его Дворъ, ибо онъ черезъ него могъ всего лучше узнать истинное расположеніе этого Двора въ эту минуту, и то, что онъ могъ сказать въ оправданіе факта, поставленнаго ему въ вину.—Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ его ждетъ, и что посланникъ должно быть не поналя, къ какому часу его пригласили, иначе уже былъ бы тутъ. Выразивъ ему еще разъ все мое сожалѣніе о случаѣ столь неблагоприятномъ сохраненію мира и тѣмъ самымъ столь противномъ извѣстнымъ ему моимъ желаніямъ, я оставилъ его въ 6 часовъ вечера. Вернувшись домой, я только имѣлъ время одѣться къ приему, о которомъ меня извѣстили; Австрійскій посланникъ на немъ не присутствовалъ; въ четыре часа, г. Монтескю послалъ ему записку, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Оберъ-каммергеръ честь имѣетъ предупредить г. Меттерниха, Австрійскаго посланника, что Е. В. Императоръ нынче вечеромъ принимать не будетъ.* Онъ одинъ изъ всего дипломатическаго корпуса получилъ такую повѣстку. Императоръ явился въ театръ весьма поздно. На его лицѣ было видно сильное волненіе. Послѣ спектакля,

который кончился лишь въ одиннадцать часовъ, была игра. Императрица, по обыкновенію, сдѣлала мнѣ честь допустить меня къ своей партіи. Князь Беневентскій удостоился играть съ Королевою Голландскою; упоминаю объ этомъ, потому, что я тутъ въ первый разъ видѣлъ, чтобы онъ игралъ при Дворѣ.

Императоръ между тѣмъ прошелся по сосѣднимъ заламъ, говорилъ въ нихъ со многими лицами и въ особенности съ генераломъ Андреосси, громко и съ жаромъ жалуясь на то, что случилось въ Браунау. Во время ужина, онъ снова обратился ко мнѣ и началъ съ того, что говорилъ со мною достаточно громко, чтобы всѣ окружающіе могли слышать его слова; затѣмъ онъ продолжалъ разговоръ, прохаживаясь со мною по галлерей Діаны взадъ и впередъ, между столами, за которыми ужинали дамы. Онъ спросилъ меня, когда я намѣренъ отправить Горголи. Я отвѣтилъ, что это будетъ завтра, если онъ сочтетъ нужнымъ поручить ему отвѣтъ на собственноручное письмо В. И. В—ва, которое онъ имѣлъ честь ему вручить.—«Да, конечно, этотъ отвѣтъ будетъ ему доставленъ завтра вечеромъ; но я желалъ бы, чтобы вы отдали Императору Александру отчетъ въ мерзости, совершенной Австрійцами. Это поступокъ отвратительный и безпримѣрный между образованными народами. Оскорбивъ французскаго офицера и не уваживъ печати съ моимъ гербомъ, ему порученной, они нанесли мнѣ кровавое оскорбленіе, за которое я съумѣю отомстить. Это оскорбленіе относится ко всей французской націи, которая состоитъ изъ 30 милліоновъ людей, и между ними нѣтъ ни одного, который бы не чувствовалъ этого оскорбленія и не

желалъ бы мести. Если Австрія не хочетъ войны, она должна дать мнѣ блистательное удовлетвореніе. Это удовлетвореніе можетъ дать мнѣ только кровь; головы виновныхъ, тѣхъ, которые совершили преступленіе, должны пасть. Это единственное удовлетвореніе, которое могу я принять. Если въ немъ будетъ мнѣ отказано, я съумѣю постоять за честь моей націи и за самаго себя; это будетъ война на жизнь и на смерть: французская монархія или монархія австрійская должна погибнуть*). Австрія можетъ имѣть успѣхи, но они будутъ лишь временные. Отвѣчаю вамъ за то, что принятія мною мѣры предотвратятъ ихъ, и во всякомъ случаѣ не дадутъ имъ продлиться. Это подлая нація,—я ее знаю. Я былъ намѣренъ оставаться на мѣстѣ, но теперь мнѣ нужно ѣхать; моя гвардія и мои лошади въ пути съ нынѣшняго утра. Я надѣялся, что смогу избѣжать этой войны. Я основывалъ мои надежды на заботахъ Русскаго Императора, но теперь уже прошло время соглашеній. Императоръ недавно послалъ мнѣ проектъ ноты, которую можно было бы намъ представить сообща Австріи, чтобы потребовать ея разоруженія. Но теперь слишкомъ поздно. Остается только дѣйствовать энергически. Я каждый день узнаю новыя доказательства враждебныхъ намѣреній Австріи. Она возбуждаетъ Турокъ; она даже побуждаетъ ихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ меня: они производятъ движеніе со стороны Далмаціи и повидимому хотятъ напасть на мои владѣнія на Адриатикѣ. Подстрекательства Интернунція мнѣ извѣстны. Тѣми средствами, которыя всегда

*) Точно такъ въ началѣ 1812 г. Наполеонъ говорилъ и о Россіи.

П. Б.

такъ сильно дѣйствуютъ на Турокъ и которыхъ вы не можете не знать, я привязалъ къ себѣ драгомана турецкаго посланника при моемъ Дворѣ. Онъ извѣщаетъ меня о всемъ, что дѣлаетъ Порта, о приказаніяхъ, которыя она отдаетъ. Она только что прислала своему посольству двухъ курьеровъ; она предписываетъ ему вести переписку по особому цифирному ключу и адресовать всѣ свои депеши австрійскому консулу въ Букарестъ. Последнія англійскія газеты, до меня дошедшія, только и говорятъ о надеждахъ, возлагаемыхъ Англіею на положеніе, принятое Австріею и на ея настоящія усилія. Когда вы увидите Меттерниха, можете ему сообщить все, что я сказалъ вамъ о справедливомъ негодованіи, возбужденномъ во мнѣ Браунаускимъ преступленіемъ, и о единственномъ удовлетвореніи, которое можетъ мнѣ быть за него сдѣлано. Я велѣлъ предупредить его, чтобы онъ не являлся на приѣмъ; мнѣ было бы невозможно видѣть его, не сдѣлавъ ему сильной сцены,—и этого-то я и хотѣлъ избѣжать. Графъ Меттернихъ былъ у меня нынче утромъ; изложу во второмъ донесеніи В. И. В.—въ подробности моего съ нимъ разговора, а также его вчерашняго совѣщанія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

V.

Paris le 12/24 Mars, 1809.

Par le Colonel Gorgoly.

Sire,

Ayant vu ce matin le Comte de Metternich, je me suis acquitté auprès de lui de tout ce que l'Empereur m'avoit chargé de lui dire. L'Ambassadeur en rendra compte à sa Cour, mais il est aussi de l'opinion que jamais elle ne consentira à punir de mort les

employés qui ont participé à l'événement de Braunau. Hier il a observé au Ministre des relations extérieures, dans la conférence qu'il a eue avec lui, que Scherlook n'avait point été expédié en courier, et par conséquent ne se trouvait pas sous l'égide du droit des gens, que chaque voyageur en Autriche comme dans tous les autres pays étoit soumis à la visite aux frontières et à la défense formelle et généralement connue de ne pas se charger de lettres; qu'il n'avoit pu en être excepté, n'ayant point été muni d'un passeport de courieri; que d'ailleurs s'étant précédemment rendu suspect et ayant été chassé par la police de Vienne, il étoit fort naturel qu'il dût subir un examen plus sévère que d'autres voyageurs; qu'il croyoit d'ailleurs que le rapport qu'il avoit fait de cet événement étoit exagéré et qu'il ne pouvoit rien y répondre, tant qu'il ne seroit pas mis en possession du Procès-Verbal, que les autorités du lieu en ont dressée. Il ajouta qu'il voyoit avec peine que M-r Dodun, de qui il avoit dépendu de demander pour Scherlook un passeport de courier, avoit préféré de l'exposer aux dangers que devoit courir tout particulier qui, contre les ordonnances, se chargeoit de lettres et avec un individu qui s'étoit déjà rendu suspect à tant d'égards; que si jamais un pareil accident arrivoit à sa Cour, elle ne s'en prendrait qu'aux employés qui auroient eû l'imprudence d'y avoir contribué. M-r de Champagny convint à la fin que l'Empereur avoit peut-être trop vivement pris la chose; soit que les objections de M-r de Metternich l'aient convaincu, soit que depuis que je l'avois quitté, il avoit effectivement trouvé ce cas moins grave. Je n'ai pu réussir à m'éclaircir sur cette question que je me fais; car séparé de M-r de Champagny au cercle, il

ne m'a pas été possible de l'y accoster. Il se plaignit aussi des pamphlets que l'on répandoit dans les Etats Autrichiens, du rapport de Cevallos et du supplément qu'on en avoit publié. M-r de Metternich à son tour demanda une explication sur le contenu du billet que le Grand Chambellan lui avoit adressé. Le C-te de Champagny eût l'air d'ignorer complètement cette circonstance; ce qui engagea l'Ambassadeur à lui envoyer ce matin la note dont je joins ici la copie, il est à en attendre la réponse. Je lui demandai s'il ne comptait point expédier un courier pour informer sa Cour des nouvelles reçues hier ici de Munich et des suites qu'elles avoient produites; qu'il me sembloit qu'il devoit le faire. Il m'assura qu'il n'attendait que la communication, qui lui a été promise par le Ministre des Relations Extérieures, des rapports de Scherlook et d'Otto; il suppose d'ailleurs qu'en peu de jours il lui arrivera de Vienne un courier qui lui portera les informations de sa Cour sur cette affaire. L'Empereur ne s'est pas borné à l'exclusion de l'Ambassadeur d'Autriche du cercle d'hier: il a fait défendre aux grands dignitaires, aux ministres et à toutes les personnes de sa Cour de recevoir chez eux M-r et M-me de Metternich et d'entretenir avec eux des relations de société. Il est fort irrité et ne l'a déguisé hier vis-à-vis de personne, en faisant répandre que s'étoit un courier du Cabinet, auquel cet accident étoit arrivé. Cette agitation qui dure encore, à ce qu'on dit, après avoir duré hier toute la journée, me semble démentir la possibilité que cette odieuse affaire soit une machination de Dodun, pour fournir à sa Cour un prétexte de rupture. Elle prouve au contraire que la capture que l'Autriche à faite étoit bonne et ne peut

lui être indifférente, et que les dépêches que contenoient les paquets saisis sur Scherlook — étoient d'une certaine importance. M-r de Champagny m'a même avoué que selon toute apparence, non seulement la France, mais aussi la Bavière—pouvaient avoir été fortement compromises. A cette occasion je ne puis, avec toute impartialité, ne pas rappeler cependant deux faits, où le Gouvernement François n'est pas exempt également de reproches; le premier, où des militaires Français, en arrêtant et dévalisant un courrier Prussien, donnèrent ici connaissance l'année dernière de la fameuse lettre du Baron de Stein; et le second, quand l'hiver passé on a enlevé au Havre des paquets de dépêches à Sass et Dujanoff, envoyés en courriers par l'Amiral Syniavin, et munis de passeports de sa part comme tels, et qu'on ne nous a offert pour toute satisfaction que les regrets du Ministre des relations extérieures sur le mésentendu qui y avoit donné lieu.

Парижъ, 12/24 марта 1809, съ полковникомъ Горголи.

Государь!

Повидавшись нынче утромъ съ графомъ Меттернихомъ, я передалъ ему все то, что велѣлъ мнѣ сказать ему Императоръ. Посланникъ донесеть объ этомъ своему Двору; но онъ того мнѣнія, что Дворъ этотъ никогда не согласится наказать смертью чиновниковъ, участвовавшихъ въ Браунаускомъ событіи. Вчера онъ замѣтилъ министру иностранныхъ дѣлъ, во время конференціи, которую онъ имѣлъ съ нимъ, что Черлукъ не былъ посланъ курьеромъ, и слѣдовательно не находился подъ защитой международнаго права, что всякій

путешественникъ въ Австріи, какъ и въ другихъ странахъ, подлежитъ осмотру на границѣ и общезвѣстному, безусловному запрещенію возить съ собою письма; что онъ не могъ быть изъятъ изъ этого правила, не будучи снабженъ курьерскимъ паспортомъ; что онъ сверхъ того передъ тѣмъ навлекъ на себя подозрѣнія и былъ выгнанъ изъ Вѣны полицією, вслѣдствіе чего онъ весьма естественно подвергся болѣе строгому осмотру, чѣмъ прочіе путешественники; что впрочемъ онъ, гр. Меттернихъ, полагаетъ, что донесеніе о Черлукѣ преувеличено, но не можетъ ничего возразить на него, пока у него не будетъ въ рукахъ протокола, составленнаго объ этомъ событіи мѣстными властями. Онъ присовокупилъ, что сожалѣетъ о томъ, что г. Доденъ, отъ котораго зависѣло-бы испросить для Черлука курьерскій паспортъ, предпочелъ подвергнуть его тѣмъ опасностямъ, на которыя идетъ всякое частное лицо, берущее на себя перевозъ писемъ; что онъ поступилъ такимъ образомъ съ лицомъ, уже навлекшимъ на себя столько подозрѣній, и что его Дворъ, еслибы съ нимъ когда-либо случилось нѣчто подобное, взыскалъ-бы лишь съ чиновниковъ, вызвавшихъ такой случай своею неосторожностію. Г. Шампаньи наконецъ сознался, что Императоръ быть можетъ слишкомъ живо принялъ къ сердцу это дѣло,—будь это потому, что возраженія г. Меттерниха убѣдили его, или потому, что послѣ нашего разговора, случай этотъ дѣйствительно представился ему менѣе важнымъ. Я не могъ разрѣшить этого вопроса, ибо разлученный съ г. Шампаньи во время приѣма, я не могъ заговорить съ нимъ. Онъ жаловался также на памфлеты, распространяемые въ Австрійскихъ вла-

дѣнійхъ, на донесеніе Севаллоса и на напечатанное къ нему дополненіе. Г. Меттернихъ, въ свою очередь, потребовалъ объясненія на счетъ записки, полученной имъ отъ оберъ-каммергера. Гр. Шампаньи сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ объ этомъ обстоятельстве, что заставило посланника отправить къ нему нынче утромъ ноту, съ которой при семъ прилагается копія, и на которую онъ теперь ждетъ отвѣта. Я спросилъ его, не намѣренъ ли онъ послать курьера, чтобы сообщить своему Двору объ извѣстіяхъ, вчера полученныхъ здѣсь изъ Мюнхена и о произведенномъ ими дѣйствіи, и сказалъ ему, что по моему мнѣнію, ему слѣдовало-бы это сдѣлать. Онъ увѣрялъ меня, что онъ только ждетъ для этого сообщенія обѣщанныхъ ему министромъ иностранныхъ дѣлъ донесеній Черлука и Отто; впрочемъ онъ предполагаетъ, что черезъ нѣсколько дней прибудетъ изъ Вѣны курьеръ, который привезетъ ему свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ отъ его Двора. Императоръ не ограничился исключеніемъ Австрійскаго посла изъ вчерашняго приема, — онъ еще запретилъ всѣмъ высшимъ должностнымъ лицамъ, министрамъ и всѣмъ лицамъ своего Двора принимать у себя г-на и г-жу Меттернихъ и поддерживать съ ними общественныя сношенія. Онъ очень раздраженъ, и вчера ни отъ кого этого не скрывалъ, и даже велѣлъ распустить слухъ, что этотъ случай былъ съ курьеромъ его кабинета. Это волненіе, еще продолжающееся, какъ говорятъ, послѣ того, какъ оно поддерживалось въ теченіи всего вчерашняго дня, исключаетъ, повидимому, возможность того, чтобы это ненавистное дѣло было подстроено Додѣномъ, чтобы дать своему Двору предлогъ для разрыва. Оно доказываетъ напротивъ, что захватъ,

сдѣланный Австрією, удаченъ и что она къ нему не можетъ быть равнодушною; что депеши, заключавшіяся въ пакетахъ, отнятыхъ у Черлука, имѣли извѣстное значеніе. Г. Шампаньи сознался мнѣ даже, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, не только Франція, но и Баварія могутъ быть сильно окомпрометтированы. По этому случаю не могу однакоже, во имя безпристрастія, не напомнить о двухъ случаяхъ, въ которыхъ французское правительство также не свободно отъ упрека. Первый изъ нихъ тотъ, когда французскіе военные, задержавъ и ограбивъ прусскаго курьера, сообщили сюда знаменитое письмо барона Штейна; второй, когда прошлой зимою въ Гаврѣ отняли пакеты съ депешами у Засса и у Дюжанова, посланныхъ отъ адмирала Сенявина курьерами, и снабженныхъ имъ курьерскими паспортами, при чемъ вмѣсто всякого удовлетворенія намъ выразили сожалѣніе министра иностранныхъ дѣлъ о недоразумѣніи, подавшемъ поводъ къ этому поступку.

VI.

Paris 12 Avril. 1809.

Sire,

Je profite avec empressement du courier qui est envoyé à M-r le Duc de Vicence, pour informer V. M. I. que j'ai déjà eu l'honneur de présenter Sa lettre autographe à l'Empereur. Je l'ai fait dans une audience privée, que ce Monarque a daigné m'accorder aujourd'hui au Palais de l'Elysée où il demeure à présent. Ce matin je fus averti par un billet de M-r de Champagny que je devais m'y rendre à cet effet à huit heures du soir; mais peu de tems après le Grand-Maréchal Duc de Frioul vint lui-même chez-moi de la part de l'Empereur, pour m'annoncer que

S. M. I. et R. changeait cette heure et voulait me recevoir à deux heures après midi. Je lui répondis que je le remerciais beaucoup pour cette bonne nouvelle qu'il m'apportait, que je ne pourrais qu'en être charmé par le désir constant que j'ai de rapprocher toujours, autant que cela dépend de moi, les momens où je puis voir l'Empereur et lui faire ma cour, et que je ne manquerai pas d'observer avec exactitude l'heure qu'il m'indiquait, quoique je me voyais dans un certain embarras, puisque c'était celle que S. M. la Reine d'Espagne m'avait fixée, pour la présentation du Baron de Strogonoff et de l'Aide-de Camp P-ce Nikita Wolkonsky; mais que j'allais écrire à sa Dame d'honneur pour la prier de les lui présenter à ma place, en portant à la connaissance de S. M. la Reine la raison qui m'empêchait de m'en acquitter. Arrivé à l'Elysée, je fus d'abord introduit par le Chambellan de service dans le Cabinet de l'Empereur, où il étoit à travailler avec son Ministre des relations extérieures. L'Empereur me reçut avec cette grande bonté qu'il ne cesse de me témoigner dans toutes les occasions, et qui, je l'avoue, me met entièrement à mon aise avec lui, quand il me permet de l'approcher. Après avoir lu la lettre de V. M. I. il me dit qu'il chargerait de la réponse son propre courrier et que, si je voulais, je pouvais m'en servir aussi pour envoyer à V. M. I. le rapport que j'aurai à lui faire sur son entretien avec moi; qu'il avait à faire savoir à V. M. I. qu'il devait envisager la guerre avec l'Autriche comme décidée, que les avis les plus authentiques lui annonçaient que l'armée autrichienne doit dépasser ses frontières et commencer les hostilités le quinze de ce mois, que plusieurs divisions de la grande armée qui avaient été rassemblées sur les

frontières de la Bohême avaient marché vers Salzbourg, où l'on attendait incessamment l'Empereur François et l'Archiduc Charles, que ces mouvemens indiquaient clairement le dessein d'une invasion dans le Tyrol; que toute la conduite de l'Autriche manifestait qu'elle s'étoit irrevocablement déterminée la guerre; qu'il étoit prêt à partir et quitteroit Paris dans un ou deux jours aussitôt que le Télégraphe de Strasbourg lui aurait appris le commencement des hostilités; qu'en attendant tous ses arrangemens étoient faits; qu'il ne pouvait comprendre comment on pouvoit être aussi mal instruit à Vienne et s'y tromper autant sur le véritable état de ses forces; que sans toucher à celles qui étoient en Espagne, il avait déjà avec les troupes de la Confédération, près de 300 mille hommes en Allemagne; que tous les arrangemens étoient faits, que la chaîne entre ses différens corps, étoit établie, que le Prince de Ponte-Corvo commandait à Dresde, que le Maréchal Davoust que je croyais encore à Bamberg étoit à Ratisbonne, que les Maréchaux Masséna et Lefevre avaient des commandemens séparés, que le P-de de Neuchatel étoit parti pour compléter l'organisation de ces différens corps d'armée et qu'il se porteroit à l'endroit où sa présence sera le plus nécessaire. Il a ajouté en me le répétant à plusieurs reprises qu'il pouvoit m'assurer que quoiqu'il étoit prêt à soutenir la guerre que certainement ce ne sera pas lui qui la commencera, qu'il la verrait venir sans l'avoir jamais voulue, que les Autrichiens pouvoient fort bien pénétrer jusqu'au Leith, mais qu'il me garantissoit qu'il sauroit les empêcher de le passer. Je pris la liberté de lui répondre que j'apprenais avec peine qu'on ne pouvoit plus espérer la conservation de la paix, parceque je savais que Votre voeu prin-

cipal, Sire, avoit été toujours celui de la maintenir sur le Continent; que Vous y aviez toujours travaillé et que je croyais que même dans ce moment Vous n'aviez pas renoncé à l'espoir d'y réussir; que j'osais demander à S. M. I. et R. s'il n'y avait pas moyen encore de détourner la guerre en faisant à l'Autriche une déclaration catégorique sur les conditions qu'elle aurait à accepter pour rester en paix en tranquillisant la France et ses alliés sur ses armemens extraordinaires et sur les vues hostiles qu'elle développait, si on ne pouvait pas lui réitérer encore la proposition de la double garantie de la Russie et de la France; que selon moi cette double garantie ne pouvait lui laisser rien à désirer. — «Non, repliqua l'Empereur, c'est impossible; cette garantie a été déjà proposée par l'Empereur Alexandre à l'Autriche. Eh bien! elle n'en veut pas; elle trouve que la Russie ne peut pas la garantir contre la France, et la France contre la Russie». — Mais, ajoutai-je, je ne reviens pas de mon étonnement, j'ai toujours connu l'Empereur François avec le voeu le plus prononcé pour la paix, avec le souvenir le plus pénible des guerres désastreuses qu'il a dû soutenir, et qu'aucun de ses prédécesseurs n'a eu un regne plus malheureux que lui; je pourrais répondre qu'il n'a pas changé dans ses dispositions et qu'il souhaite toujours pardessus tout le maintien de la paix, que jusqu'à mon départ de Vienne l'Archiduc Charles n'avoit montré que des intentions très pacifiques, qu'il les avoit prouvées n'y ayant pas renoncé à une époque où il pouvoit le faire avec plus d'avantages qu'apresent, que tous les grands propriétaires de la Monarchie craignaient la guerre et ne pouvaient la vouloir, qu'il étoit vrai que l'Autriche tant en troupes de ligne, qu'en milice avoit à présent sous

les armes plus de 600 mille hommes, mais que les généraux habiles leur manquaient, que leurs finances étoient dans l'état le plus déplorable, qu'ils seraient embarrassés dans les moyens de soutenir et de renouveler leurs efforts extraordinaires, que ces forces qu'ils avoient rassemblés, ne pouvaient en imposer à la Russie et à la France, que les soldats Russes et Français avoient le sentiment de leur grande superiorité sur les soldats Autrichiens et que ceux-là ne pouvaient qu'être intimidés d'avance par leurs défaites précédentes; que j'étois persuadé que leur milice à peine formée ne résisteroit pas au premier feu auquel elle seroit exposée; que ces considérations réunies aux déclarations que j'ai été dans le cas de faire quand j'étais encore à Vienne, que la nature des engagements de la Russie levait lui faire prendre fait et cause pour la France dès qu'elle seroit attaquée, devaient faire impression sur l'Autriche et lui prouver les dangers et les chances funestes auxquelles elle s'exposait volontairement en persistant dans son obstination; qu'il me paroissait qu'en apprenant que V. M. I. avoit déjà ordonné de rassembler sur les frontières de la Gallicie quatre divisions d'infanterie et deux réserves de cavalerie, elle en serait ébranlée et devoit sentir encore davantage les dangers qu'elle provoquait pour elle. «Non, dit l'Empereur, tout est trop tard, rien ne pourra faire revenir l'Autriche de son aveuglement, elle court à sa perte comme l'a fait la Prusse; mais la Prusse, quand elle me fit la guerre, pouvoit compter au moins sur Votre assistance et elle l'a eue; tandis que l'Autriche est aprésent isolée, n'a rien à espérer de Vous et d'aucune autre puissance, si ce n'est de l'Angleterre, qui ne peut lui donner que des subsides. L'Empereur François est entraîné

par de mauvais conseils; il le sera aussi malgré lui par cette exaspération, qu'on a fomentée dans toutes les classes des habitans; enfin ils ne veulent pas apprécier la situation et les circonstances où ils se trouvent; ils se précipitent eux-mêmes dans l'abîme; je sais que l'Empereur Alexandre a été très mécontent d'une dépêche du C-te de Stadion que le P-ce Schwartzenberg lui a communiquée, qu'il lui a prouvé, point par point, le peu de fondemens des assertions qui y étoient contenues et combien il étoit faux que la France étoit la partie attaquante ainsi qu'il le soutenait». J'observai encore qu'il me paroissoit impossible que la nouvelle du rassemblement d'une armée de V. M. I. de plus de 70 mille hommes sur les frontières de la Gallicie ne fit changer de résolution à la Cour de Vienne, qu'elle ne pourrait se déguiser, que la guerre une fois commencée, ces forces de V. M. pourraient être augmentées et que la lutte serait trop inégale pour elle en devant résister aux forces combinées de la Russie et de la France. Dans le cours de ce long entretien l'Empereur me témoigna le désir que j'envoie des couriers: 1-ent à *M-r d'Anstett* pour faire passer par son entremise un paquet avec les dépêches à son chargé d'affaires Dodun qu'il considérait présent à Vienne comme entièrement sequestré et pour l'informer qu'il croyait qu'en vertu de l'alliance qui existait entre la Russie et la France, il quitteroit Vienne, en déclarant qu'il ne pouvait plus y rester après le commencement des hostilités de la part de l'Autriche; l'Empereur ajouta qu'ayant déjà écrit sur cet objet à V. M. I. il supposoit qu'elle avoit déjà fait donner ses ordres à cet égard à M-r d'Anstett.—2-ent *Au Capitaine Bitschinsky* pour lui confirmer qu'il devait agir sans délai d'après l'injonction qui lui avoit déjà été faite, en al-

lant avec tous les batimens de son escadre qui pouvoient savoir à Ancone, que c'étoit le port que l'Empereur lui désignoit comme le plus avantageux pour sa station après avoir desarmé complètement à Trieste les vaisseaux qui par leur pourriture ne pouvoient plus soutenir la mer et en prenant avec lui à Ancone tous ce qu'il pourrait de leurs canons et de leurs agrès. 3-ent *Au général commandant* l'armée de V. M. I. sur les frontières de la Gallicie, pour lui donner l'avis, que la guerre avec les Autrichiens étoit décidée, et qu'ils alloient commencer leurs opérations le 15 de ce mois. Je répondis à S. M. I. et R. que manquant d'individus pour les courses de couriers, je ne pouvois envoyer qu'un courier à Vienne et que j'y expédierais dès demain l'assesseur de collègue Divoff; qu'en transmettant à M-r d'Anstett le paquet qu'il doit remettre à M-r Dodun et en lui faisant connoître avec détail, le désir de S. M. à son sujet, je lui reitererai le strict accomplissement des instructions que le Ministre de V. M. I. n'aura pas manqué de lui donner en prévoyant le cas actuel et la position où le placeroit le commencement de la guerre par l'Autriche, et qu'en même tems je lui enverrais ma lettre au Capitaine Bitschinsky, en le chargeant de la lui faire parvenir à Trieste sans délai et par courier; que pour être plus sûr que M-r Bitschinsky la reçoive au plutôt j'en remettrai le duplicata à M-r le Comte Champagny pour qu'il le lui fasse parvenir, en l'adressant à S. A. I. le Vice-Roi d'Italie; mais que je ne savais comment écrire au général qui commande l'armée de V. M. I. sur les frontières de la Gallicie, puisque j'ignorais quel étoit celui de ses Généraux auquel Elle avoit remis ce commandement. L'Empereur me répliqua qu'il ne le savoit pas non plus,

qu'on lui marquoit que V. M. I. alloit se déterminer bientôt pour ce choix et qu'en attendant je ferais bien d'écrire au Gouverneur de Grodno, pour qu'il fasse passer l'avis que je lui donnerai à celui qui commande présent ad interim cette armée. Pour satisfaire à ce désir de S. M. I. et R. je me suis donc décidé à en écrire à M-r le Général Rimsky-Korsakoff Gouverneur Militaire de Wilna, en remettant la lettre que je lui adresserai à M-r le C-te Champagny pour la lui fera tenir par M-r Bourgoing, Ministre de France à Varsovie.

C'est de cette manière que j'ai mis en exécution les désir de S. M. l'Emp. Napoleon et en m'empressant d'y satisfaire, je me flatte d'avoir deviné les hautes intentions de V. M. I.

J'avais trop à coeur de pouvoir porter à la connoissance de V. M. I. ce que je pouvais apprendre de S. M. l'Empereur lui-même sur la manière dont il envisageait actuellement nos affaires avec la Turquie et la Suède pour ne pas lui en parler. Il me dit qu'il ne pouvait qu'applaudir à Vos dernières déterminations, Sire, sur Votre guerre avec la Turquie et qu'il approuvait toutes les décisions qu'avoit prises en conséquence le Maréchal Prosorowsky et que je lui ai récapitulées. Quand je fus à l'article de la Suède, il me communiqua l'arrivée de l'aide de camp Suremain en me disant qu'il ne l'avait pas vû encore; mais qu'il avoit reçu par lui une lettre du Régent. Il voulut me la faire lire et eût la bonté d'aller la chercher. Cette lettre étoit fort courte et conçue en termes généraux sur le désir du régent; que la France et ses alliés puissent adopter un système pacifique envers la Suède. J'observai à S. M. que j'avois lieu d'être surpris que le Régent ne lui avait pas expliqué déjà, les conditions auxquelles il désiroit et croyait pouvoir

rendre à son pays la paix et cette tranquillité dont il ne peut plus se passer; que si la Suède ne souhaitait qu'une simple neutralité sans accéder à nos principes promulgués contre l'Angleterre, cette neutralité ne serait avantageuse qu'à la seule Angleterre; qu'il me sembloit qu'il devait faire cause commune avec nous et contribuer à fermer l'entrée de la Baltique aux Anglais; qu'alors le commerce de la Russie et de la France et des autres Puissances qui se faisait par cette mer, serait rétabli et que toutes nos ressources en étant ranimées, nous pourrions augmenter de vigueur pour amener l'Angleterre à la conclusion de la paix générale et maritime, telle que nous devons la souhaiter; que notre paix particulière avec la Suède ne pouvoit être faite qu'à une seule condition, celle, que toutes les conquêtes que nous devons à nos victoires, nous fussent cédées de sa part à perpétuité; que j'osais croire que c'étoit aussi le moment où l'on pourroit procurer au Danemarck quelque dédommagement pour ses pertes et pour récompenser le Roi Frédéric pour la loyauté, le courage et l'énergie avec lesquelles il les a supportées en restant fidèle aux liens qu'il avoit contractés avec Vous. L'Empereur daigna me répliquer qu'il repondroit au Régent en termes fort polis sans lui rien articuler de positif, qu'il avoit la plus grande estime pour le Roi de Danemarck, et trouvoit mes reflexions à son égard fort justes; qu'au reste V. M. I. devait être parfaitement tranquille, qu'il ne pouvoit souhaiter que tout ce qui étoit conforme à ses intérêts et à la teneur des nouveaux engagements qu'il avoit contractés envers Elle par la convention d'Erfurth. Je suis au comble du bonheur, Sire, d'avoir eu l'idée d'obtenir cette assurance de la bouche de l'Empereur Napoleon son Auguste allié et de pouvoir Vous la donner de

sa part. J'en adresse mes sincères félicitations à V. M. I. comme sur une circonstance importante qui doit Lui être fort agréable et qui dans tous Ses rapports ne peut que l'intéresser particulièrement.

A peine étois-je rentré chez-moi que M-r de Champagny vint pour me dire que l'Empereur avoit oublié de me communiquer encore un désir qu'il avoit, que c'étoit celui qu'un de nos officiers actuellement à Paris et nommé l'Aide-de camp Général P-ce Pierre Wolkonsky, qu'il a vu souvent et pour qui il a des bontés, pût l'accompagner à l'armée afin qu'il puisse l'expédier de là en courrier à V. M. I. pour la mettre au fait avec détail des hostilités commencées et de l'état et des positions où il auroit vu les armées. Je n'hésitai pas à répondre d'abord à M-r de Champagny, que j'étais persuadé d'avance, que le P-ce Wolkonsky serait on ne peut pas plus flatté et heureux d'une marque aussi honorable pour lui de la confiance et des bontés que S. M. voulait lui témoigner; mais qu'en même tems j'avois à craindre qu'il n'aurait pas la possibilité d'en profiter, que son fils était dangereusement malade, qu'il aurait de la difficulté à abandonner sa femme seule, avec des enfans en bas âge au milieu de ses douleurs, et que la considération qui pouvait l'arrêter le plus était—que se trouvant en semestre et avec un grade d'officier-général il croirait ne pouvoir disposer de lui sans être muni préalablement de la permission et des ordres directs de V. M. I.; que cependant j'allais le faire chercher pour l'instruire des intentions de S. M. l'Empereur sur son compte. Le P-ce Pierre m'a répondu précisément comme je l'ai présumé et je n'aurai qu'à faire exprimer à S. M. I. et R. par l'organe de son Ministre, sa vive reconnaissance pour ses bontés et ses grands regrets des raisons qui l'empêchent d'en profiter.

Парижъ, 12 Апр. 1809 г.

Государь!

Спѣшу воспользоваться курьеромъ, посылаемымъ къ герцогу Виценскому, чтобы извѣстить В. И. В-во о томъ, что я уже имѣлъ честь представить Ваше собственноручное письмо Императору. Я это сдѣлалъ на частной аудіенціи, которую этотъ Государь соизволилъ дать мнѣ сегодня въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ онъ теперь живетъ. Нынче утромъ, я былъ извѣщенъ запискою отъ г. Шампани, что я долженъ явиться туда въ восемь часовъ вечера; но вскорѣ за тѣмъ, оберъ-гофъ-маршалъ, герцогъ Фриульскій, самъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы объявить мнѣ, что Е. И. и К. В-во измѣняетъ этотъ часъ и желаетъ принять меня въ два часа пополудни. Я отвѣтилъ, что очень ему благодаренъ за это хорошее извѣстіе; что я могу только ему радоваться, по постоянному моему желанію, всегда, по мѣрѣ возможности, ускорять тотъ срокъ, въ который я могу видѣть Императора и засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, и что я не премину въ точности сообразоваться съ назначеннымъ мнѣ часомъ; хотя я и нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи, ибо это именно часъ, назначенный мнѣ Е. В. Королевою Испанскою для представленія ей барона Строгонова и адъютанта Кн. Никиты Волконскаго, но что я тотчасъ напишу къ ея статсъ-дамѣ, чтобы попросить ее представить ихъ вмѣсто меня, доводя до свѣдѣнія Королевы причину препятствующую мнѣ исполнить эту обязанность. Прибывъ въ Елисейскій дворецъ, я тотчасъ-же былъ введенъ дежурнымъ камергеромъ въ кабинетъ Императора, гдѣ онъ работалъ съ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Императоръ принялъ меня съ тою особен-

ною милостию, которую онъ постоянно мнѣ оказываеъ и которая, признаюсь, придаетъ мнѣ съ нимъ совершенную развязность, когда я имѣю счастье быть въ его обществѣ. Прочитавши письмо В. И. В-ва, онъ сказалъ мнѣ, что поручить свой отвѣтъ собственному своему курьеру, и что я могу, если хочу, воспользоваться имъ, чтобы послать В. И. В-ву отчетъ о моемъ съ нимъ разговорѣ; что онъ даетъ знать В. И. В-ву, что долженъ разсматривать войну съ Австрію, какъ дѣло рѣшеное; что онъ имѣетъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Австрійская армія должна перейти границы и начать враждебныя дѣйствія пятнадцатаго этого мѣсяца; что многія дивизіи большой арміи, собранной на границахъ Богеміи, выступили къ Зальцбургу, гдѣ ожидаютъ со дня на день Императора Франца и Эрцгерцога Карла; что эти движенія ясно указываютъ на намѣреніе занять Тироль; что все поведеніе Австріи являетъ безвозвратную ея рѣшимость на войну; что онъ готовъ въ отъѣздъ и оставить Парижъ черезъ день или два, какъ только Страсбургскій телеграфъ извѣститъ его о началѣ враждебныхъ дѣйствій; что пока всѣ приготовления сдѣланы; что онъ не можетъ понять, какимъ образомъ въ Вѣнѣ могутъ имѣть столь невѣрныя свѣдѣнія и до такой степени ошибаться на счетъ истиннаго состоянія его силъ; что, не касаясь тѣхъ, которыя онъ имѣетъ въ Испаніи, онъ уже теперь, съ войсками союза, располагаетъ въ Германіи приблизительно 300 тысячъ человѣкъ; что всѣ мѣры приняты; что цѣль между отдѣльными его корпусами установлена, что князь Понте Корво командуетъ въ Дрезденѣ; что маршалъ Даву, который, какъ полагалъ я,

еще въ Бамбергѣ, уже въ Регенсбургѣ, что маршалы Массена и Лефевръ командуютъ отдѣльными корпусами; что князь Нѣшательскій уѣхалъ, чтобы довершить устройство всѣхъ этихъ корпусовъ, и что онъ будетъ разъѣзжать по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ его присутствіе будетъ наиболѣе нужно. Онъ присовокупилъ и повторялъ нѣсколько разъ, что можетъ увѣрить меня, что хотя онъ готовъ къ войнѣ,—не онъ ее начнетъ; что онъ ждетъ ея, никогда ея не желавши, что Австрійцы легко могутъ достигнуть Лейпты, но что онъ ручается мнѣ въ томъ, что они ея не переддутъ. Я осмѣлился отвѣтить ему, что я съ огорченіемъ узнаю, что нельзя болѣе надѣяться на сохраненіе мира, ибо я знаю, что главное Ваше желаніе, Государь, всегда состояло въ томъ, чтобы поддержать его на материкѣ Европы; что вы всегда старались объ этомъ, и что, какъ полагаю я, Вы до сихъ поръ не отказались отъ надежды на успѣхъ; что я осмѣливаюсь спросить Е. И. и К. В-во, нѣтъ-ли еще возможности предъотвратить войну, сдѣлавъ Австріи категорическое представленіе на счетъ условій, на которыя ей бы слѣдовало согласиться для того, чтобы сохранить миръ, успокоивъ Францію и ея союзниковъ на счетъ необыкновенныхъ вооруженій и враждебныхъ видовъ, ею обнаруживаемыхъ; нельзя-ли повторить ей предложеніе двойной гарантіи Россіи и Франціи, ибо, по моему, эта двойная гарантія не оставитъ ей ничего желать.—«Нѣтъ—возразилъ Императоръ—это невозможно; эта гарантія уже была предложена Австріи Императоромъ Александромъ,—и что-же? Она отъ нея отказывается: она находитъ, что Россія не можетъ обезпечить ее противъ Франціи.

и Франція противъ Россіи!»—Но, присовокупилъ я, не могу прійти въ себя отъ удивленія: я всегда зналъ Императора Франца желающимъ мира самымъ рѣшительнымъ образомъ, хранящимъ самое тягостное воспоминаніе о бѣдственныхъ войнахъ, въ которыя онъ былъ вовлеченъ, и о томъ, что ни одинъ изъ его предшественниковъ не имѣлъ столь несчастнаго царствованія; я могъ бы поручиться въ томъ, что его расположеніе не измѣнилось и что онъ продолжаетъ желать болѣе всего поддержанія мира; до моего отъѣзда изъ Вѣны, эрцгерцогъ Карлъ выказывалъ лишь самую миролюбивую намѣренія: онъ доказалъ ихъ тѣмъ, что не отрекся отъ нихъ въ такое время, когда онъ могъ это сдѣлать съ болѣшими выгодами, чѣмъ теперь; всѣ крупныя владѣльцы монархіи боятся войны и не могутъ ея желать; правда, Австрія теперь, какъ линейными войсками, такъ и ополченіемъ, имѣетъ подъ оружіемъ болѣе 600 тысячъ человѣкъ, но у нея недостаетъ искусныхъ генераловъ, ея финансы въ самомъ плачевномъ состояніи, она будетъ затруднена въ средствахъ возобновить и поддержать свои чрезвычайныя усилія; силы, ею собранныя, не могутъ запугать Россію и Францію; русскіе и французскіе солдаты сознаютъ свое великое превосходство надъ солдатами австрійскими, а эти послѣдніе могутъ быть лишь запуганы своими недавними пораженіями; я убѣжденъ, что ихъ ополченіе, только что собранное, не устоитъ противъ перваго огня, которому оно будетъ подвергнуто; всѣ эти соображенія, въ связи съ заявленіями, которыя я имѣлъ случай сдѣлать въ Вѣнѣ, о свойствѣ обязательства Россіи, по которымъ она должна заступиться за Францію какъ только на нее

будетъ сдѣлано нападеніе, должны были произвести впечатлѣніе на Австрію и указать ей на опасности и гибельныя случайности, которымъ она добровольно подвергается, упорствуя въ своихъ намѣреніяхъ. Я присовокупилъ, что, по моему мнѣнію Австрія, узнавши, что В. И. В-во уже велѣли собрать на границахъ Галиціи четыре дивизіи пѣхоты и два кавалерійскіхъ резерва, поколеблется и почувствуетъ еще сильнѣе, какія опасности она на себя навлекаетъ.—«Нѣтъ,—сказалъ Императоръ,— все это слишкомъ поздно; ничто не можетъ разсѣять ослѣпленія Австріи; она стремится къ своей гибели, какъ нѣкогда Пруссія; но Пруссія, когда она вела со мною войну, могла по крайней мѣрѣ разсчитывать на вашу помощь, и пользовалась ею; между тѣмъ какъ Австрія теперь одинока, не можетъ надѣяться ни на что, ни отъ васъ, ни отъ какой-либо иной державы, развѣ отъ Англіи, которая можетъ помочь ей лишь деньгами. Императоръ Францъ увлеченъ дурными совѣтами и будетъ увлеченъ еще болѣе тѣмъ ожесточеніемъ, которое возбудилъ во всѣхъ классахъ народонаселенія; однимъ словомъ, Австрійцы не хотятъ оцѣнить положенія и обстоятельствъ, въ которыхъ они находятся; они сами повергаются въ пропасть. Я знаю, что Императоръ Александръ былъ очень недоволенъ дешенію гр. Стадіона, сообщенной ему кн. Шварценбергомъ, что онъ доказалъ ему по пунктамъ неосновательность заключавшихся въ ней показаній и всю несправедливость его нареканія, будто Франція есть нападающая сторона». Я еще разъ замѣтилъ, что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы извѣстіе о сборѣ арміи В. В-ва въ слишкомъ 70 тысячъ человѣкъ на границѣ Галиціи

не измѣнило рѣшеній Вѣнскаго двора; что ему будетъ невозможно скрыть отъ себя, что если разъ начнется война, эти силы В. И. В-ва могутъ быть умножены, и что борьба будетъ слишкомъ неровная, если ей придется имѣть дѣло съ соединенными силами Россіи и Франціи.

Въ теченіе этого длиннаго разговора, Императоръ выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я послалъ курьеровъ:

1) Г. Анстетту, чтобы чрезъ его посредство передать пакетъ съ депешами его повѣренному Додѣну, котораго онъ считаетъ теперь совершенно оцѣпеннымъ въ Вѣнѣ, и чтобы извѣстить его, что Императоръ, въ силу союза между Франціею и Россіею, полагаетъ, что онъ оставитъ Вѣну, заявивъ, что не можетъ въ ней остаться послѣ того какъ Австрія открыла враждебныя дѣйствія. Императоръ присовокупилъ, что, написавши уже В. И. В—ву объ этомъ предметѣ, онъ полагаетъ, что Вы уже послали на этотъ счетъ Ваши приказанія г-ну Анстетту.

2) Капитану Бычинскому, чтобы подтвердить ему, что онъ долженъ немедленно исполнить инструкцію, уже данную ему, и отправиться со всѣми судами своей эскадры, которыя годны, въ Анкону, что это портъ, назначаемый ему Императоромъ, какъ самый удобный для стоянки, предварительно совершенно разоруживъ въ Триестѣ тѣ суда, которыя по ветхости не могутъ быть пущены въ море, и взявъ съ собою въ Анкону все, что будетъ ему возможно захватить съ собою изъ ихъ пушекъ и изъ снастей.

3) Генералу командующему войсками В. И. В—ва на границахъ Галиціи, чтобы предупредить его, что война съ Австріянами рѣшена, и что они начнутъ военныя дѣйствія 15-го сего мѣсяца. Я от-

вѣчалъ Е. И. и К. В—ву, что, имѣя недостатковъ въ людяхъ, я могу послать лишь одного курьера въ Вѣну, и что я завтра же отправлю туда коллежскаго ассесора Дивова; что, пересылая г. Анстетту пакетъ, который онъ долженъ вручить г-ну Додѣну и сообщая ему подробно желаніе Е. В—ва на этотъ счетъ, я предоставлю ему точное исполненіе инструкцій, которыя конечно не преминуло послать ему министерство В. И. В—ва, предвидя настоящій случай и положеніе, въ которое поставитъ его начало войны съ Австріею и что въ то-же время я пошлю ему мое письмо къ капитану Бычинскому, поручая ему доставить его въ Триестъ безъ промедленія, черезъ курьера; что для большей вѣроятности скорого полученія этого письма г. Бычинскимъ, я отдамъ дубликатъ съ него графу Шампаньи, чтобы онъ доставилъ его, адресовавъ Е. В—у, вице-королю Италіи; но что я не знаю, какъ написать къ генералу, командующему войсками В. И. В—ва на границахъ Галиціи, ибо мнѣ неизвѣстно, которому изъ Вашихъ генераловъ В. В—во поручили это командованіе. Императоръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ также этого не знаетъ, что какъ ему пишутъ, В. И. В—во скоро рѣшите этотъ выборъ, и что пока я хорошо бы сдѣлалъ, написавъ Гродненскому губернатору, чтобы онъ передалъ мое извѣщеніе тому кто теперь временно командуетъ этою арміею. Чтобы исполнить это желаніе Е. И. и К. В—ва, я поэтому рѣшился написать генералу Римскому-Корсакову, военному губернатору въ Вильнѣ, и передать мое письмо гр. Шампаньи, для того чтобы онъ доставилъ его черезъ г. Бургуана, французскаго повѣреннаго въ Варшавѣ.

Такимъ образомъ исполнилъ я желанія
Русскій Архивъ 1870. 3

Е. В. Императора Наполеона и, поспѣшивъ удовлетворить имъ, льщу себя надеждою, что угадалъ высокія намѣренія В. И. В—ва.

Я слишкомъ дорожилъ возможностью довести до свѣдѣнія В. И. В—ва то, что я могъ узнать отъ самаго Императора о его настоящемъ взглядѣ на наши отношенія къ Турціи и къ Швеціи, чтобы не заговорить съ нимъ о нихъ. Онъ сказалъ мнѣ, что можетъ только похвалить Ваши послѣднія рѣшенія на счетъ войны съ Турціею, и что онъ одобряетъ всѣ распоряженія, вслѣдствіе ихъ сдѣланныя фельд-маршаломъ Прозоровскимъ, и которыя я ему исчислилъ. Когда я заговорилъ о Швеціи, онъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ адъютанта Сюремэна, причемъ сказалъ мнѣ, что его еще не видѣлъ, но что онъ получилъ черезъ него письмо отъ Регента. Онъ захотѣлъ мнѣ прочесть это письмо и былъ столь добръ, что отправился его отыскивать. Это письмо было весьма кратко и заключалось въ общихъ выраженіяхъ о желаніи Регента, чтобы Франція и ея союзники приняли относительно Швеціи миролюбивую систему. Я замѣтилъ Е. В—ву, что я имѣю поводъ удивляться тому, что Регентъ еще не объяснилъ ему условій, на которыхъ онъ считаетъ возможнымъ возвратитъ своей странѣ миръ и то спокойствіе, безъ котораго она не можетъ долѣе обойтись; что если Швеція желаетъ лишь простаго нейтралитета, не приступая къ началамъ, провозглашеннымъ нами противъ Англій, то этотъ нейтралитетъ будетъ выгоденъ лишь одной Англій; что, какъ мнѣ кажется, она должна стать на нашу сторону и содѣйствовать загражденію Балтійскаго моря отъ Англичанъ; что тогда торговля Россіи и Франціи и прочихъ державъ, производящаяся черезъ

это море, возстановится; что при оживленіи этой торговли, мы могли-бы съ тѣмъ болѣею энергіею добиваться отъ Англій заключенія такого мира и на морѣ и на сушѣ, каковаго мы желаемъ; что нашъ частный миръ съ Швеціею можетъ быть заключенъ лишь подъ условіемъ, чтобы всѣ завоеванія, коими мы обязаны нашимъ побѣдамъ, были ею намъ уступлены навсегда; что я смѣю думать также, что теперь настало время, когда можно было бы доставитъ Даніи нѣкоторое вознагражденіе за ея потери и за ту вѣрность, энергію и мужество, съ которыми король Фридрихъ перенесъ ихъ, оставаясь вѣрнымъ обязательствамъ, принятымъ имъ на себя передъ нами. Императоръ изволилъ отвѣтить мнѣ, что онъ напишетъ Регенту самымъ учтивымъ образомъ, не выражая ему ничего положительнаго; что онъ питаетъ величайшее уваженіе къ королю Датскому и находитъ мои замѣчанія на его счетъ весьма справедливыми; что впрочемъ В. И. В—во должны быть совершенно спокойны; что онъ можетъ желать лишь того, что согласно съ Вашими интересами и со смысломъ новыхъ обязательствъ, заключенныхъ съ Вами при Эрфуртскомъ союзѣ. Я вполне счастливъ, Государь, тѣмъ, что мнѣ пришла мысль вызвать это увѣреніе изъ собственныхъ устъ Императора Наполеона, Вашего Августѣйшаго союзника, и что могу передать вамъ оное отъ его имени. Поздравляю В. И. В—во съ этимъ обстоятельствомъ, которое весьма важно и можетъ доставитъ Вамъ лишь удовольствіе по тому значенію, которое оно имѣетъ во многихъ отношеніяхъ.

Какъ только я вернулся домой, пріѣхалъ ко мнѣ г. Шампаньи, чтобы связать мнѣ, что Императоръ забылъ сооб-

чить мнѣ еще одно свое желаніе, заключающееся въ томъ, чтобы одинъ изъ нашихъ военныхъ, въ настоящее время находящихся въ Парижѣ, а именно кн. Петръ Волконскій, которого онъ часто видалъ и къ которому былъ весьма милостивъ, могъ бы сопровождать его къ его армии, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ отправить его оттуда курьеромъ къ В. И. В—ву, дабы извѣстить Васъ подробно о началѣ военныхъ дѣйствій и о расположеніи арміи. Я не обинуясь отвѣтилъ г-ну Шампаньи, что я увѣренъ напередъ, что кн. Волконскому будетъ въ высшей степени лестенъ этотъ столь почетный знакъ довѣрія и милости со стороны Е. И. В—ва; но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, я опасаясь, что ему нельзя будетъ имъ воспользоваться; что его сынъ опасно боленъ; что ему будетъ трудно покинуть жену съ малолѣтними дѣтьми среди этихъ огорченій, и что всего болѣе можетъ остановить его то соображеніе, что, находясь въ отпуску и состоя въ генеральскомъ чинѣ, онъ не сочтетъ себя вправѣ располагать собою, не будучи предварительно снабженъ позволеніемъ и прямыми приказаніями отъ В. И. В—ва; что однакоже я пошлю за нимъ, чтобы извѣстить его о намѣреніяхъ Е. В—ва Императора на его счетъ. Князь Петръ отвѣтилъ мнѣ точно такъ, какъ я предполагалъ, и мнѣ остается только выразить Е. И. и К. В—ву, черезъ посредство его министра, живую благодарность князя за его милость и крайнія его сожалѣнія о причинахъ, препятствующихъ ему воспользоваться ею.

VII.

Paris, le 2/4 Novembre, 1809.

Sire,

De retour de Fontainebleau, mon premier soin est de soumettre à V. M. I. les détails,

qui m'ont paru dignes de Sa curiosité ou de quelqu'attention de Sa part, dans le séjour de trois jours que je viens d'y faire.

Vendredi dernier, 10 de ce mois, après avoir passé la nuit au château, où j'étois arrivé fort tard, et où un appartement m'avoit été préparé par les ordres de l'Empereur à côté du sien, je me suis rendu à 9 heures du matin au lever de S. M., avec les autres personnes qui y sont admises. Lorsqu'elles se retirèrent l'Empereur me garda auprès de lui pour un entretien particulier.—«Vous allez, me dit-il, faire bientôt aussi Votre paix avec les Turcs.»—Oui, Sire, j'ai la même espérance, répondis-je, elle se fonde sur les succès que le prince Bagration vient d'obtenir contr'eux de l'autre côté du Danube; il n'est plus probable que les Turcs veuillent prolonger cette guerre, et il leur sera facile d'obtenir la paix, en acceptant les conditions que nous leur offrons depuis longtems. L'Empereur répliqua: «Ces Turcs ne savent se battre que dans des forteresses et derrière des retranchemens; vous allez donc avoir la Moldavie et la Valachie, comme vous avez eu la Finlande. N'est ce pas qu'on a été fort content chez vous de votre paix avec la Suède?» J'ai répondu qu'il n'y avoit rien d'étonnant, puisque l'acquisition de la Finlande étant fort importante pour la tranquillité de la capitale en tems de guerre, et par les bons ports, favorables à l'extension du commerce qui s'y trouvoient, qu'au reste le sol de cette province n'offroit pas de grandes richesses, que le revenu qu'on pourroit en tirer suffiroit à peine à l'entretien des troupes et des employés civils. J'ajoutai que cette acquisition devoit être fort agréable à V. M. I., étant le premier fruit de Son alliance actuelle avec la France; que la réunion à l'Empire de la Moldavie et de la Valachie étoit fort intéressante également, surtout pour le système militaire de la Russie; qu'elle nous

donneroit dans le Danube une frontière naturelle du côté des Turcs; que nous serions rassurés contre toute agression de leur part, et que les causes propres à renouveler nos guerres avec eux en seroient éloignées. J'observai que ces deux provinces, par un effet du gouvernement des Turcs et par les suites de la guerre, sont entièrement ruinées, et que la Valachie surtout, dans ses districts près du Danube, étoit presque dépeuplée, parceque les habitans, exposés aux fureurs des Turcs et craignant leurs invasions, avoient fui de différens côtés et abandonné leurs foyers; qu'ainsi nous aurions encore besoin de beaucoup de tems et de soins, avant de nous rendre utile la possession de ces deux provinces, après qu'elles nous auront été cedées. Je n'ai pas cru inutile de placer cette observation à la suite de ce que me disait l'Empereur au sujet de cette acquisition que V. M. alloit faire par Sa paix avec les Turcs, afin de ne pas lui laisser conserver une opinion trop exagérée des avantages qui en resulteront pour Elle. La même considération a dicté ma réponse à ce que l'Empereur m'avait dit un instant auparavant, au sujet de la Finlande.

L'Empereur passa ensuite au chapitre de l'ancienne Pologne. «Elle a fait, a-t-il dit, un objet d'inquiétude pour Vous: c'est afin de vous satisfaire et de Vous tranquilliser, que j'ai réuni la nouvelle Gallicie, seulement avec Cracovie, au Duché de Varsovie, qui en avoit besoin pour acquérir quelque consistence. Tous les habitans des deux Gallicies en général étoient en pleine insurrection; la faute en a été à l'archiduc Ferdinand, qui, avec des forces supérieures de trente mille hommes, n'a pas su contenir les Polonais au nombre de douze mille seulement, sous les ordres de Poniatovsky. J'aurois pu enlever à l'Autriche toute la Gallicie; l'Empereur François n'y te-

noit pas du tout, mais je ne l'ai pas voulu par ménagement pour la Russie; j'ai laissé à l'Autriche toute l'ancienne Gallicie qu'elle a eue par le premier partage, en en détachant seulement une population de cinq cent mille âmes pour Vous, que Vous pourrez choisir dans la contrée la plus proche de Votre frontière et qui sera le plus à Votre convenance. On a pris de l'ombrage chez Vous du rétablissement de l'ordre de l'Aigle Blanc; il y a en outre plusieurs points, sur lesquels Vous avez à Vous entendre avec le Roi de Saxe, et que Vous devriez regler avec lui. C'est même en partie pour cela que je l'ai engagé à se rendre ici, et je suppose que Vous allez recevoir des instructions et des pleins pouvoirs, pour le faire». J'ai répondu, que le Roi de Saxe se trouvant sous sa protection immédiate et que V. M. I. pouvant compter sur toute la réciprocité de ses sentimens envers Lui, il me paroissoit que cette négociation ne pouvoit être nulle part mieux conduite, ni avec plus de succès, que sous ses yeux et avec sa participation; qu'il me semble être très facile de fixer une limite à l'existence politique du Duché de Varsovie, et une base solide pour ses rapports avec la Russie; qu'il n'étoit pas étonnant qu'on eût pu s'inquieter chez nous de l'aggrandissement, que cet état voisin pouvoit recevoir; que nous connoissions parfaitement l'effervescence des têtes Polonaises et les excès auxquels elle les porte, qui sont toujours en contradiction avec les calculs les plus clairs de la saine raison et de leurs véritables intérêts; que nous avons aussi à préserver nos propres sujets Polonais de la contagion qui pourroit parvenir jusqu'à eux de leurs anciens compatriotes. «C'est pour cela, répliqua l'Empereur, qu'il faut prendre les mesures nécessaires pour étouffer chez Vous jusqu'aux moindres germes de cette effervescence; pour moi, je n'ai jamais eü de vues sur la Pologne ni n'en aurai;

je ne désire que Votre tranquillité. Ce que j'ai fait pour le Duché de Varsovie j'ai cru devoir le faire, pour lui donner une existence et pour le consolider. Il faut défendre à Vos sujets Polonais de prendre service et de rester dans le Duché de Varsovie; il faut établir à cet égard des règles générales pour tous les propriétaires, et avoir une stricte surveillance sur leur exécution». Ces conseils de l'Empereur Napoléon ne renferment-ils pas, Sire, tout ce que je me suis permis de représenter si souvent sur l'article de Vos sujets Polonais? J'ose le répéter, par la considération des effets que produisent les événemens arrivés dans ces dernières années; depuis que les trois Puissances, qui ont partagé entr'elles l'ancienne Pologne, ne sont plus seules à la posséder et que par le Duché de Varsovie il s'est formé, d'une partie considérable de ses provinces, un état auquel on donne graduellement de nouvelles forces, et qui ne tend qu'au rétablissement du nom et de l'existence de sa patrie-mère, il faut absolument abolir la dénomination des sujets mixtes, il faut défendre à nos sujets de servir et d'acquérir, ou de conserver des propriétés hors de Russie; il faut leur imposer la nécessité de se souvenir à chaque instant et de toute manière qu'ils sont sujets de la Russie, et qu'ils ne sont plus que Russes.

L'Empereur termina l'entretien en me disant que les négociations pour le rapprochement avec la Suède étoient commencées et alloient bientôt être terminées. Je répondis que notre paix étant faite il me sembloit qu'aucun obstacle ne pouvoit plus s'y opposer, et que je croyois qu'il ne fesoit pas assez de cas de la Poméranie Suédoise, qui est un petit pays sans valeur, pour ne pas vouloir la rendre.—«Oh, certainement je n'en ai pas besoin, me répondit l'Empereur, je la leur restituerai». Il me parla de la différence du caractère des deux

plénipotentiaires Suédois, Essen et Lagerbielke. Il rendoit justice à la droiture et à la franchise d'un militaire du premier, et me dit qu'il avoit entendu que le second suivoit toujours une marche tortueuse, qui annonçoit un esprit faux et financier. Je n'eus qu'à la confirmer dans cette opinion, qui à tous les égards est aussi la mienne; j'avois été surtout frappé dans mes conversations avec Mr. de Lagerbielke, de son ingratitude envers le dernier Roi de Suède, son bienfaiteur, dont il ne me parla qu'avec les termes du mépris et de la dérision.

J'observai à l'Empereur, que dans tous les siècles la Suède avoit été constamment attachée à la France, qu'il ne pouvoit que lui être agréable d'avoir à la replacer dans les mêmes liaisons, qu'elle a si longtems cultivées. Quoique ces liaisons, entre la France et la Suède, qui ont été presque continuelles jusqu'à nos jours, n'ayent jamais été de nature à plaire à la Russie, je n'ai pas cru voir ici d'inconvéniens à les rappeler en gros à l'Empereur Napoléon, et à l'engager à les renouveler, puisque les circonstances sont si différentes, et aujourd'hui la Suède, considérablement affaiblie, ne peut plus être un objet de crainte pour nous, tandis qu'il doit nous être à présent avantageux et désirable, qu'un prompt rapprochement entre la France et la Suède détermine tous les rapports de cette dernière puissance, et assure l'exécution plénière de notre traité avec elle. J'espérois que cette occasion fourniroit matière à l'Empereur de parler de l'article III; mais l'intention, dans laquelle je la fis naître, fut trompée: il ne m'en proféra pas une parole. Je fis une seconde tentative pour l'engager à me faire connoître son opinion sur ce sujet, et quand il me parla de la satisfaction que ce traité a dû causer chez nous, j'intervins encore une fois en répétant que j'étois persuadé qu'il n'avoit

été conclu, que de son su et à la suite de la correspondance autographe entre lui et V. M. I. — «Oh, repliqua-t-il, cela est vrai, nous nous sommes écrits fort souvent, et surtout». Cette fois également il garda un silence profond sur cet article III.

Cet entretien assez long, que j'eus avec l'Empereur Napoléon, dès la première matinée de mon séjour à Fontainebleau, embrasse les objets les plus importans du moment actuel, le traité de Vienne et la stipulation qu'il renferme en faveur de la Russie, les nouvelles relations de l'Empire avec le Duché de Varsovie et les détails, qui restent à régler à cet égard avec la cour de Saxe, la négociation du gouvernement Français avec la Suède, dans laquelle s'élèvent des difficultés, qui ne peuvent être indifférentes à la Russie. Sur une partie de ces objets, je n'ai pu tenir de la part de V. M. I., dans le dénuement absolu où je me trouve d'instructions, qu'un langage réservé, plein de circonspection, et dicté par les circonstances et par mes opinions personnelles. Mais il est un point sur lequel j'ai crû devoir éviter absolument toute discussion, parceque rien n'y pouvoit suppléer aux instructions de V. M. I., c'est celui de l'acquisition d'une population détachée de l'ancienne Gallicie, pour être réunie à la Russie, qui selon le traité de Vienne imprimé, doit être de 500 mille âmes, et qui dans la convention pour l'évaluation des troupes, qu'on a également publiée dans les journaux, vient d'être réduite à 400 mille âmes. J'ai à remarquer que l'Empereur Napoléon dans cet entretien, en m'en parlant, ne m'indiqua que le nombre de 500 mille âmes. Quoiqu'il en soit, toutes les fois qu'il revient sur ce point, je me fis un devoir d'éviter de lui répondre d'une manière directe, et de chercher à en détourner la conversation. On est ici encore à attendre, à ce qu'il m'a paru, avec impatience, la nou-

velle que le traité de Vienne soit parvenu à la connoissance de V. M. I.; j'ignore donc le jugement qu'Elle en a porté, et quelles dispositions Elle jugera à propos de faire paroître à cet égard aux yeux de l'Empereur Napoléon.

Il m'est impossible de ne pas représenter à V. M., combien les devoirs de mon poste me deviennent difficiles, par la situation isolée dans laquelle je me trouve, par le défaut de toutes lumières, par l'attitude passive et purement contemplative, que je suis forcé de garder dans des circonstances, où le bien du service de V. M. exigeroit, au contraire, que je puisse agir et parler d'une manière précise et déterminée.

J'ai à renouveler à V. M. mes prières instantes, pour obtenir des instructions sur ces points importans que je viens de lui citer. Tel est l'objet principal de l'envoi de ce courier, que je m'empresse d'expédier d'abord après mon retour de Fontainebleau.

Croyant devoir soumettre en quelque sorte à V. M. le journal de tout ce que j'ai relevé de plus remarquable, pendant le séjour que je viens de faire auprès de l'Empereur, à l'instar de la relation que je Lui ai adressée le printems passé, sur le voyage de Rambouillet, je vais poursuivre les détails commencés plus haut.

J'avois rencontré au lever Mr. de Senft, qui me dit que son souverain n'arriveroit que demain Lundi, qu'il étoit tombé malade en route, avant d'arriver à Meaux, qu'il avoit gagné au genou un rhumatisme si violent, qu'à peine il pouvoit marcher étant même soutenu, et qu'il l'avoit envoyé pour annoncer à l'Empereur la cause du délai, que son arrivée devoit éprouver.

Le Roi de Westphalie étoit arrivé la veille. Je fus nommé pour dîner avec l'Empereur. Sa table n'étoit que de huit couverts; il n'y

avoit avec LL. MM. que quatre Dames: les Princesses de Neufchâteau et Aldobrandini, Mmes Duchatel et de Turenne, le Grand Maréchal du Palais et moi. Pendant le dîner l'Empereur m'adressa presque toujours la parole, en me parlant de Vienne et de ses environs, et de mon séjour à Villiers. Après le dîner les Princesses de la famille impériale, le Roi de Westphalie, les grands dignitaires, les princes Lebrun et de Bénévent entrèrent dans le salon de l'Impératrice où nous prenions le café; une demi heure après on alla au Théâtre, où les acteurs de l'opéra-bouffa exécutèrent des airs détachés, de differens opéras. Le spectacle ne dura qu'une heure; à son issue on retourna dans l'appartement de l'Impératrice, quoiqu'elle n'y parut point, s'étant retirée d'abord après le dîner, à cause d'un refroidissement qu'elle avoit gagné avant hier en suivant la chasse. Il y eût jeu; à mon grand étonnement l'Empereur, qui ne jouait jamais autrefois, a commencé de faire aussi chaque soir sa partie; il joue indifféremment au whist et au reversi. Ce soir il joua avec sa soeur la Princesse Pauline, et je fus admis à la partie de whist de Madame-Mère. L'Empereur s'est retiré à minuit.

J'ai fait ma cour dans la matinée du même jour à l'Impératrice, au Roi de Westphalie, aux Reines d'Espagne et de Hollande, de même qu'à la Princesse Pauline et à Madame-Mère, après l'avoir expressément demandé par leurs chambellans.

J'ai été aussi voir dans cette journée Mr de Champagny à l'hôtel des Relations Extérieures. Décidé à me borner aux félicitations que j'avois à lui faire, je voulais le voir venir de lui même et principalement sur cet article III de notre traité de Friederichsham, qui, je l'avoue, m'occupe à présent d'une manière presque exclusive, par l'extrême impor-

tance que j'y vois pour la Russie; il ne me procura pas la satisfaction de m'en parler. J'eus beau revenir à la charge en touchant la négociation à laquelle il travaille avec les plénipotentiaires Suédois, il fut impassible. Rien ne le porta à me faire voir, ou supçonner, le mécontentement qu'il avoit manifesté à d'autres sur la teneur de l'article III; j'imitai son silence, puisqu'il s'obstinait à ne pas le rompre; je pris même l'air d'être persuadé que la France n'avoit rien à réclamer contre nos stipulations de Friederichsham, et qu'elle en étoit parfaitement contente. Malgré tous mes soins je ne parvins pas non plus à l'engager de me découvrir où il en étoit dans sa négociation avec Essen et Lagerbielke, et quelles étoient les conditions qu'il avoit à leur imposer; il se renferma dans de continuelles répétitions, que cette négociation n'étoit pas embarrassante pour lui et qu'il alloit bientôt finir. En attendant ne pouvant pas voir le comte d'Essen, qui est logé en ville et ne paroît pas au château, pour l'agacer, j'envoyai chez lui pour demander des nouvelles de sa santé; il m'a fait répondre qu'il ne se portoit pas bien, ayant dû travailler toute la nuit pour l'expédition de son courrier. J'en tirai la conclusion qu'il avoit suivi mes conseils, et qu'en se roidissant contre l'acceptation pure et simple des principes prohibitifs du système continental, il a mis en avant ses pleins pouvoirs, qui ne sont pas assez étendus, pour qu'il puisse se désister des modifications accordées par la Russie au commerce Suédois, et s'en est référé à sa Cour.

Mr. de Champagny m'a conté dans le même entretien, que la cession qui avoit été la plus douloureuse pour l'Empereur François, et qui avoit coûté le plus de tems et de peine pour obtenir, étoit celle du district de la haute Autriche, où il n'y a qu'une popu-

lation de 75 mille âmes; que François 1-er auroit mieux aimé céder toute la Gallicie, que ce district, faisant partie de la province qui donne le nom à son empire, et qui a été le premier patrimoine de la puissance de la maison de Habsbourg. Quand je demandai, si l'Autriche ne seroit pas obligée de payer aussi à la France une contribution en argent, il me dit, qu'il ne me cacheroit pas, qu'il y en avoit une, qu'elle seroit du double plus forte que celle qui avoit été imposée par le traité de Presbourg; qu'alors elle n'avoit été que de quarante millions, tandis qu'à présent elle seroit de quatre vingt cinq millions de francs, qui devoient être acquittés dans le courant de la première année après la paix. Je lui communiquai ce que l'Empereur m'avoit dit ce matin même, de l'arrangement qu'il y avoit à conclure entre notre Cour et celle de Saxe, qui devoit être si utile pour l'une et pour l'autre. Il entra, à l'égard de cet arrangement, dans les mêmes explications que l'Empereur, et ajouta qu'il en avoit déjà écrit, et qu'il en écriroit encore au Duc de Vicence. En mon particulier je regrette beaucoup de n'être pas déjà muni des ordres et des pleins pouvoirs de V. M. I. pour cette transaction, pendant le séjour du Roi de Saxe ici, parceque sa présence, et celle de l'Empereur Napoléon, m'auroient donné la plus grande facilité pour la terminer au plutôt, et sans avoir à la soumettre aux délais et aux inconvéniens des correspondances.

Pendant la soirée du Vendredi, j'ai épié le moment où j'ai pu approcher l'Empereur, pour le remercier du consentement qu'il avoit donné, à ce que nous puissions faire un emprunt en France, et engager à notre service quatre Ingénieurs du Département des ponts et chaussées.

Samedi matin, 11 du mois, la nouvelle est

venue, que le Roi de Saxe, toujours malade, ne viendrait plus à Fontainebleau, mais arriveroit droit à Paris, le lendemain ou Lundi, et qu'il y garderoit l'incognito jusqu'à sa première entrevue avec l'Empereur. C'est le palais de l'Elysée, que l'Empereur habite souvent lui-même, qui est destiné à le loger. Le Prince de Bénévent est celui des grands dignitaires qui est allé à sa rencontre jusqu'à Meaux, et qui doit rester près de lui pour lui faire les honneurs de son séjour à Paris. Le grand chambellan comte de Montequiou a dû le complimenter à Metz. Pour témoigner à ce Prince tous les égards et les attentions qu'on lui doit, comme à une tête couronnée, l'Empereur a nommé pour être auprès de lui un préfet du Palais, un maître des cérémonies, qui sera Mr. de Cramayel, six de ses chambellans et deux de ses écuyers; il sera servi par la cuisine, l'écurie et la livrée de la Cour.

J'ai assisté ce jour-là pareillement au lever de l'Empereur, qui m'y accueillit avec bonté, mais ne me garda pas chez lui pour me parler en particulier. A onze heures il envoya dans mon appartement Mr. de Canisy, son écuyer pour m'inviter à l'accompagner à la chasse à courre en calèche. Pendant la chasse toutes les fois qu'il descendit de cheval, pour attendre que la meute rapprocha le cerf qu'on chassoit, je sortis aussi de la calèche, où j'étois, pour m'en approcher; chaque fois il m'adressa la parole, mais toujours sur des objets indifférens. Il y eut dîner de famille; le soir il n'y eût point de spectacle. Je dinai dans l'appartement de la Princesse Pauline avec ses dames, y ayant été précédemment invité, quoiqu'elle se rendit elle-même au dîner de l'Empereur, qui avoit voulu dîner ce jour là, par extraordinaire, avec sa famille, puisque le jour fixé pour la réunir chez lui est de fondation le Dimanche. Le

soir il y avoit assemblée chez Mme de la Rochefoucauld, dame d'honneur de l'Impératrice. J'y fus invité; on y attendoit l'Empereur et les Princesses qui y avoient été le Samedi dernier, mais personne d'eux n'y parut. L'indisposition de l'Impératrice les arrêta probablement tous près d'Elle.

Le matin, après le retour de la chasse, et une heure avant le dîner, j'allai de nouveau chez Mr. de Champagny, espérant que peut-être dans ce second entretien je réussirais à le faire parler plus ouvertement qu'il ne l'avoit fait sur sa négociation avec la Suède, et en général sur nos propres affaires. Je le trouvai avec les plénipotentiaires Suédois. La conversation entre nous ne put être que très générale; mais je trouvai le moment d'entretenir à l'écart le comte d'Essen; je lui demandai où il en étoit avec son travail; il me répondit qu'on désiroit beaucoup que le traité put être signé encore à Fontainebleau, mais qu'il doutoit qu'il pût y être terminé, puisqu'on n'y restoit plus que deux jours, et qu'il y avoit encore à s'entendre sur les points principaux de leur contestation. Par le peu qu'il a pu me dire à l'oreille, j'ai pu comprendre, qu'on consentoit à l'importation du sel en Suède, mais qu'on insistoit sur la plus stricte prohibition du sucre, du café, enfin toutes les denrées entendues par le nom de denrées coloniales.

Il y eût le Dimanche Cercle Diplomatique, qui avoit été annoncé quelques jours d'avance. Les membres du Corps Diplomatique et étrangers se rassemblèrent dans la salle des ambassadeurs. Je ne les joignis qu'un instant avant que le Corps Diplomatique fut introduit; ayant eu la prérogative, comme étant sur la liste du voyage de l'Empereur, de me tenir avec les principaux de sa Cour dans la salle qui précède celle du trône, je présentai à l'Empereur onze compatriotes,

dont je joins ici la liste. Ce qu'on remarqua le plus à ce Cercle, c'est que l'Empereur appercevant le comte d'Ega, ancien Ministre des finances de Portugal, qui se tenoit derrière tout le monde, l'appella pour lui dire, qu'il alloit bientôt le reconduire à Lisbonne. Après le Cercle on engagea le Corps Diplomatique d'assister à la messe, chantée à grand orchestre dans la chapelle de l'Empereur. La messe finie, en continuant à observer littéralement l'étiquette pour de pareilles occasions de l'ancienne Cour de Versailles, on nous conduisit d'abord chez l'Impératrice et ensuite chez Madame-Mère, chez les Reines d'Espagne et de Hollande: par tout je présentai mes compatriotes. Le Roi de Westphalie ne reçut point, sous le pretexte que son appartement étoit trop petit, et la Princesse Pauline pour cause d'indisposition.

Après ces courses au château je rentrai chez moi, et je reçus la visite des deux plénipotentiaires Suédois, qui avoient partagé mon envie de les voir et de leur parler à l'aise. Le comte d'Essen vint le premier, le baron de Lagerbielke une demi heure après. Le comte d'Essen me confia qu'il n'avoit expédié son courrier au Roi l'avant veille, que pour lui annoncer le consentement de l'Empereur Napoléon au séjour, que le ci-devant Roi Gustave IV vouloit choisir en Suisse; que tous les ministres et agens de la France avoient reçu ordre de lui prêter, pendant sa route, toute l'assistance et toutes les attentions qui dépendront d'eux. Je reçus avant du comte d'Essen seul, et ensuite conjointement avec son collègue, les ouvertures les plus étendues sur tout ce qui s'étoit passé entr'eux et Mr. de Champagny, au sujet de leur négociation. Ils me dirent, que Mr. de Champagny avoit commencé par leur déclarer, que l'Empereur, constamment attaché au système prohibitif, qu'il avoit fait adopter au continent contre l'Angleterre,

ne pourroit rétablir autrement ses anciens rapports avec la Suède, et qu'autant qu'elle l'adopteroit dans toute sa plénitude, mais que sur leurs représentations que la Suède, totalement ruinée, cessera d'exister, si on ne lui accorderoit pas les modifications admises pour son commerce par notre traité de Friederichsham, et après plusieurs conférences, employées en contestations continuelles de part et d'autre, que Mr. de Champagny avoit semblé se relâcher, qu'il leur avoit fait entendre à plusieurs reprises, qu'on pourroit leur permettre l'introduction du sel, dont ils ne peuvent absolument pas se passer, et pour leur usage journalier, et pour leurs salaisons en viandes et poissons; mais qu'il ne pourroit jamais être question des denrées coloniales, qui devoient rester authentiquement prohibées; que sur leurs instances renouvelées aussi à cet égard, il leur avoit répété qu'on pourroit leur conniver tacitement ce commerce, tant qu'il ne se feroit que par les neutres, mais qu'eux, ne pouvant se contenter d'un consentement ou d'une simple connivence pour le commerce des denrées coloniales annoncées verbalement, avoient désirés qu'un article patent de leur traité en fit mention; mais que Mr. de Champagny n'y consentoit pas, et s'étoit même fâché de ce que par leurs prétentions de formuler expressement cet article, ils témoignaient une méfiance outrageante sur la promesse formelle qu'il leur donnoit la-dessus au nom de l'Empereur; que si la Russie avoit stipulé des modifications en leur faveur, ce n'avoit été que pour faciliter la conclusion de sa paix; qu'il n'entroit point dans l'examen de ce que cette Puissance avoit pu accorder, mais que l'Empereur tenoit irrevocablement aux principes une fois adoptés par lui, et ne pouvoit en dévier. Il leur confirma plusieurs fois, que l'Empereur desirait, que leur traité fut fini et signé à Fontainebleau, mais

comme la Cour devoit retourner dans deux jours à Paris, et qu'on ne s'étoit pas encore entendu sur l'article le plus essentiel, les ambassadeurs n'y voyoient aucune possibilité. Ils ont fait à Mr. de Champagny le tableau de la vengeance que l'Angleterre ne tarderoit pas à exercer sur eux, s'ils rompoient en visière, et anéantissoient jusqu'à la dernière de leurs relations commerciales avec elle; que l'Angleterre ne manqueroit pas alors de confisquer tous les 4 mille bâtimens marchands qu'ils ont en mer, et pourra même faire une attaque sur leurs côtes et dans leurs ports, à laquelle ils n'étoient pas en mesure de s'opposer. Intimement convaincu de la grande utilité que la Russie peut retirer du maintien et de l'exécution de l'article III de son traité de Friederichsham, je n'avois qu'un seul but dans cet entretien, celui de tendre à la conservation de cet article dans toute sa force; mes réponses ont été, que l'Empereur et son Ministre ne m'ayant parlé que de la satisfaction qu'ils avoient eue de notre paix avec la Suède, et de la vive impression qu'elle avoit faite chez nous, et que ni l'un, ni l'autre, ne m'ayant pas proféré un seul mot du mécontentement que leur causoit la teneur de l'article III de notre traité, il ne me convenoit pas de le supposer de moi-même vis-à-vis d'eux, quelques sûres que fussent les données que j'en recevais; que je ne pouvois intervenir d'aucune manière jusqu'à ce que j'eus reçu à cet égard les ordres de mon maître que j'avois déjà demandés sans perte de tems; qu'en attendant ils devoient se retrancher dans cette observation, que ces modifications, qui lui avoient été accordées par l'allié intime de l'Empereur Napoléon, fesoient partie d'un traité qui certainement n'avoit pu être négocié et conduit que de Son sù et de Son consentement. Je leur fis sentir surtout, qu'ils

ne devoient point oublier, que tandis qu'on leur proposoit de se contenter pour leur commerce de denrées coloniales d'une connivence tacite, sans autre garantie qu'une simple promesse verbale, le Danemarck, malgré son alliance avec la France, et le fardeau désastreux que la guerre actuelle lui fesoit supporter, ne parvenoit pourtant pas à jouir d'une connivence pareille pour son commerce, même avec les Américains, qui sont neutres, et n'échappoit pas aux inquisitions et aux reproches continuels de la France; qu'en cédant à cette proposition insidieuse de Mr de Champagne, ils seroient les premiers à annuler la teneur de l'article III de notre traité avec eux, dont les avantages devoient renouveler la prospérité intérieure de leur pays et guérir les plaies et les pertes que la guerre lui a faites; que c'étoit la Suède qui étoit la plus intéressée à ne pas en altérer le sens et l'exécution littérale; qu'il ne pouvoit méconnoître la grande responsabilité, où ils étoient ici envers leur souverain et leur patrie; que la restitution de la Poméranie, dont l'état étoit déjà interverti par les changemens, que le gouvernement François avoit fait dans ce pays, ne pouvoit les indemniser des bénéfices, que les modifications que nous avons accordées à leur commerce leur assuroient, et des suites certaines de la vengeance de l'Angleterre; qu'il n'y avoit pas à opter pour eux, qu'ils devoient soutenir leur cause avec fermeté, que ce n'étoit que par là, qu'ils pourroient obtenir de la France ce reste de complaisance auquel elle se refusoit encore, après avoir déjà consenti formellement à l'introduction du sel, et la promesse formelle qu'on n'useroit pas de vigueur envers leur commerce en denrées coloniales, et qu'on y conniveroit toujours tacitement, en fermant les yeux. Les ambassadeurs me quittèrent dans une disposition entière à suivre mes conseils, résultat de la

conformité parfaite de nos vœux. Il faudra voir à présent lequel des deux côtés fléchira.

Je ne dois point omettre de rapporter à V. M., que dans le cours de cette conversation ils m'ont appris ce que c'étoit que les paquets, qui ont été trouvés à la banque, après le changement de gouvernement en Suède, avec la simple indication sur leurs couverts, qu'ils étoient au Roi. C'est un dépôt, confié au Roi Gustave IV par le Duc de Brunswick Oels, qui dans un voyage qu'il fit en Allemagne de la Suède, où il s'étoit réfugié avec la Duchesse sa femme, avoit rassemblé ces sommes à lui appartenantes, pour les mettre de cette manière en sureté.

Mr. d'Essen m'apprit aussi, que l'ancien Roi de Suède ne tarderoit point à profiter de la liberté, qui lui a été accordée, pour se rendre en Suisse; qu'il y jouira du revenu des fonds particuliers qui lui appartiennent, mais dont le capital ne pourra point être aliéné par lui. ni sortir de Suède. En outre les États du Royaume ont résolu de lui fixer aussi avec sa famille un traitement alimentaire.

M-me de la Rochefoucauld, Dame d'honneur de l'Impératrice, et le Duc de Cadore, ont invité chacun à dîner chez eux, une partie de mes compatriotes, que j'avois présentés ce jour-là. J'ai dîné avec le Corps Diplomatique chez le Grand Maréchal du Palais. On s'est rendu à 7 heures du soir au Théâtre, où la Grassini et Crescentini ont paru dans l'Opéra de Romeo et Juliette. Le spectacle fut suivi d'un bal paré, auquel ont assisté l'Empereur, l'Impératrice, les Reines d'Hollande et d'Espagne, et le Roi de Westphalie, assis dans des fauteuils sur une estrade au fond de la salle, et entourés de leurs Cours. L'Empereur seul et le Roi de Westphalie se levoient de tems en tems pour se promener dans la salle, et parler à différentes personnes. L'Empereur à

peine placé sur son fauteuil, apercevant l'Ambassadeur Persan, assis parmi des Dames sur le second banc de derrière, lui envoya dire par un chambellan de se lever, ce qu'il fit et il alla se rasseoir dans une embrasure de fenêtre. Ce bal très fatigant, par l'obligation d'être presque continuellement debout, finit par un souper, qu'on servit à une heure après minuit, pour les Dames seulement, après lequel l'Empereur se retira, mais en voulant que le bal fut continué et en chargeant la Reine de Hollande d'en faire les honneurs.

Le Lundi, avant de me mettre en voiture pour quitter Fontainebleau, j'ai été faire encore ma cour à l'Empereur à son lever. Il ne m'y a rien dit de particulier, et est parti pour la chasse au tir.

Je viens de rendre compte à V. M. de ce voyage de Fontainebleau, dans lequel plusieurs particularités, et principalement les entretiens que j'ai eus avec l'Empereur, avec M-r de Champagny et avec les Plénipotentiaires Suédois, ne me semblent rien moins qu'indignes de l'attention de V. M. I. et me mettent dans le cas d'expédier ce courier, pour Lui représenter la situation dans laquelle je suis, et le besoin urgent que j'éprouve d'être éclairé et dirigé par Ses instructions. Je suis etc.

Парижъ, $\frac{3}{14}$ Ноября 1809.

Государь.

По возвращеніи изъ Фонтенблô, первымъ долгомъ считаю подвергнуть усмотрѣнію В. И. В—ва тѣ подробности, которыя показались мнѣ достойными нѣкотораго вниманія со стороны Вашей, о трехдневномъ моемъ пребываніи тамъ.

Въ прошлый четвергъ, 10-го сего мѣсяца, переночевавши въ замкѣ, куда я прибылъ очень поздно и гдѣ, по приказанію Императора, мнѣ былъ приготовленъ

апартаментъ рядомъ съ его покоями, я отправился въ 9 часовъ утра на lever Е. В—ва, вмѣстѣ съ прочими лицами, къ тому допущенными. Когда они удалились, Императоръ удержалъ меня при себѣ для частнаго разговора. «Вы также, сказали онъ, скоро заключите миръ съ Турками». — Да, Государь, я также питаю эту надежду, отвѣтилъ я; она основывается на успѣхахъ, только что одержанныхъ надъ ними кн. Ваграціономъ по ту сторону Дуная; невѣроятно, чтобы Турки пожелали продлить войну, и имъ будетъ легко достигнуть мира, согласившись на условія, которыя мы имъ уже давно предлагаемъ. Императоръ отвѣтилъ: «Эти Турки умѣютъ драться лишь въ крѣпостяхъ и за стѣнами; и такъ вы приобрѣтете Молдавію и Валахію, какъ вы уже приобрѣли Финляндію. Неправдали, что у васъ были очень довольны вашимъ миромъ съ Швеціею?» Я отвѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо приобретеніе Финляндіи весьма важно для спокойствія столицы въ военное время, а также по хорошимъ портамъ, выгоднымъ для расширенія торговли, въ ней находящимся; что впрочемъ почва этой провинціи не представляетъ большихъ богатствъ, что доходовъ съ нея едва хватитъ на содержаніе войскъ и гражданскихъ чиновниковъ. Я присовокупилъ, что это приобретеніе должно быть весьма приятно В. И. В—ву, такъ какъ оно первый плодъ Вашего настоящаго союза съ Франціею; что присоединеніе къ Русской имперіи Молдавіи и Валахіи также весьма важно для насъ, въ особенности въ военномъ отношеніи; что оно дастъ намъ въ Дунаѣ естественную границу со стороны Турокъ; что мы будемъ ограждены отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, и что этимъ самымъ будутъ

устранены поводы къ новымъ войнамъ съ ними. Я замѣтилъ, что эти двѣ провинціи, по винѣ турецкаго правительства и вслѣдствіе войны, совершенно раззорены, и что Валахія въ особенности почти опустѣла, потому что жители ея, беззащитныя противъ жестокостей Турокъ и боясь ихъ вторженій, разбѣжались въ разныя стороны, покинувъ свои очаги; что поэтому потребуетъ еще много времени и заботъ, прежде чѣмъ обладаніе этими провинціями, когда онѣ намъ будутъ уступлены, сдѣлается для насъ полезнымъ. Я счелъ не лишнимъ вставить это замѣчаніе вслѣдъ за связаннымъ Императоромъ по поводу этого пріобрѣтенія, предстоящаго В. В.—ву при мирѣ съ Турками, для того, чтобы онъ не составилъ себѣ преувеличеннаго понятія о выгодахъ, которыя отъ этого для Васъ произтекутъ. Тѣ же соображенія внушили мнѣ мой отвѣтъ на то, что тотчасъ передъ тѣмъ сказалъ мнѣ Императоръ о Финляндіи.

Затѣмъ Императоръ перешелъ къ разговору о старой Польшѣ. «Она была для васъ—сказалъ онъ—предметомъ безпокойства, и лишь для того, чтобы васъ успокоить, присоединилъ я только новую Галицію, съ Краковымъ, къ герцогству Варшавскому, нуждавшемуся въ ней для того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторую прочность. Всѣ жители обѣихъ Галицій находятся въ полномъ возмущеніи; виновенъ въ этомъ эрцгерцогъ Фердинандъ, который, съ превосходными силами въ тридцать тысячъ человекъ, не сумѣлъ сдержать Поляковъ, всего въ числѣ двѣнадцати тысячъ, подъ начальствомъ Понатовскаго. Я могъ бы отнять у Австріи всю Галицію. Императоръ Францъ вовсе ею не дорожилъ; но я не хотѣлъ этого сдѣлать изъ уваженія къ Россіи; я оста-

вилъ Австріи всю старую Галицію, полученную ею по первому раздѣлу, отдѣливъ отъ нея лишь населеніе въ пять сотъ тысячъ душъ для васъ, которое вы можете выбрать въ мѣстности наиболѣе близкой къ вашей границѣ и наиболѣе для васъ удобной. У васъ возбудило неудовольствіе возстановленіе ордена Бѣлаго Орла, и сверхъ того есть нѣсколько пунктовъ, на счетъ которыхъ вамъ слѣдуетъ согласиться съ королемъ Саксонскимъ и которые вы должны-бы съ нимъ уладить. Для этого-то отчасти я и пригласилъ его сюда, и я полагаю, что вы получите на этотъ предметъ инструкціи и полномочія». Я отвѣтилъ, что такъ какъ король Саксонскій состоитъ подъ непосредственнымъ его покровительствомъ, и В. В.—во можете разсчитывать на полную взаимность въ Своихъ чувствахъ къ Императору: то, какъ мнѣ кажется, эти переговоры нигдѣ не могутъ быть ведены лучше, ни съ большимъ успѣхомъ, какъ подъ его глазами и съ его участіемъ; что мнѣ кажется весьма легкимъ начертить границы политическаго существованія герцогства Варшавскаго и прочныя основы для его сношеній съ Россією; что не удивительно, если у насъ могли обезпокоиться расширеніемъ этого сосѣдняго государства; что мы очень хорошо знаемъ горячность Поляковъ и крайности, до которыхъ она ихъ доводитъ,—крайности, всегда противоположныя самымъ яснымъ разсчетамъ здраваго смысла и ихъ собственнымъ интересамъ; что мы должны также ограждать Поляковъ, нашихъ подданныхъ, отъ разрывы могущей сообщиться имъ отъ ихъ прежнихъ соотечественниковъ.

—«Поэтому самому, возразилъ Императоръ, надобно принять необходимыя мѣры, чтобы заглушить у васъ малѣйшіе

зародыши этого броженія; что касается до меня, то я никогда не имѣлъ видовъ на Польшу и никогда не буду ихъ имѣть: желаю только вашего спокойствія. То что я сдѣлалъ для герцогства Варшавскаго, я счелъ нужнымъ сдѣлать, чтобы придать ему дѣйствительное существованіе и упрочить его. Надобно запретить вашимъ подданнымъ-Полякамъ поступать на службу и жить въ Герцогствѣ Варшавскомъ; надобно установить на этотъ счетъ общія правила для всѣхъ землевладѣльцевъ и строгій надзоръ надъ ихъ исполненіемъ». Эти совѣты Императора Наполеона не содержатъ ли, Государь, все то, что я столь часто позволялъ себѣ представлять Вамъ на счетъ Вашихъ подданныхъ—Поляковъ? Смѣю повторить уже не разъ мною сказанное. Принявъ въ соображеніе дѣйствіе, произведенное событіями этихъ послѣднихъ годовъ, послѣ того какъ державы, раздѣлившія старую Польшу, уже не однѣ владѣютъ ею, и въ герцогствѣ Варшавскомъ составилось, изъ значительной доли ея провинцій, государство, которому постепенно придаютъ новыя силы и которое стремится лишь къ возстановленію имени и существованія отчизны-матери, необходимо совершенно упразднить названіе смѣшанныхъ подданныхъ; надобно запретить нашимъ подданнымъ служить и пріобрѣтать или сохранять имущество внѣ Россіи; надобно поставить ихъ въ необходимость помнить постоянно и во всѣхъ отношеніяхъ, что они русскіе подданные, что они только Русскіе.

Императоръ заключилъ разговоръ, сказавъ мнѣ, что переговоры для сближенія съ Швеціею начаты и скоро будутъ окончены. Я отвѣтилъ ему, что такъ какъ миръ между нами заключенъ, то я не вижу тому никакихъ препятствій, и что, какъ

полагаю я, онъ не дорожитъ на столько шведскою Помераніею (включкомъ земли малоцѣннымъ) чтобы отказать въ ея возвращеніи.—«О вѣчно, она мнѣ не нужна, отвѣтилъ Императоръ, я ее возвращу имъ». Онъ говорилъ затѣмъ о различіи въ характерахъ двухъ шведскихъ уполномоченныхъ, Эссена и Лагербіельке. Онъ отдалъ справедливость военной прямотѣ и откровенности перваго, и сказалъ мнѣ, что другой, какъ онъ слышалъ, всегда идетъ косвенными путями, указывающими на умъ еривой и хитрый. Мнѣ осталось только подтвердить его въ этомъ мнѣніи, которое также есть мое; въ особенности поразила меня, въ моихъ разговорахъ съ г. Лагербіельке, его неблагодарность относительно послѣдняго шведскаго короля, его благодѣтеля, о которомъ онъ говорилъ со мною лишь въ презрительныхъ и насмѣшливыхъ выраженіяхъ.

Я замѣтилъ Императору, что, во всѣ вѣка, Швеція постоянно была предана Франціи, что она можетъ лишь радоваться возобновленію связей, столь долго ею поддержанныхъ. Хотя эти связи между Франціею и Швеціею, почти не прерывавшіяся до настоящаго времени, по самому своему свойству, никогда не могли нравиться Россіи, я не счелъ излишнимъ напомнить тутъ о нихъ, въ общихъ чертахъ, Императору Наполеону, и побудить его къ ихъ возобновленію, такъ какъ обстоятельства столь существенно измѣнились, и Швеція, значительно ослабленная, нынѣ не можетъ болѣе быть для насъ предметомъ опасенія, между тѣмъ какъ для насъ выгодно и желательно, чтобы быстрое сближеніе между Франціею и Швеціею опредѣлило всѣ отношенія этой послѣдней державы и обезпечило точное исполненіе нашего съ нею трактата. Я надѣял-

ся, что этотъ случай дастъ Императору поводъ говорить о статьѣ III-й, но цѣль, съ которою я заговаривалъ, не была достигнута, и Императоръ не сказалъ ни слова объ этой статьѣ. Я сдѣлалъ вторую попытку, что-бы побудить его высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, и когда онъ заговорилъ объ удовольствіи, которое этотъ трактатъ долженъ былъ провозвести у насъ, я еще разъ вмѣшался и повторилъ, что, по моему убѣжденію, трактатъ этотъ могъ быть заключенъ лишь съ его вѣдома и вслѣдствіе собственноручной переписки между нимъ и В. И. В—омъ. —«О, отвѣтилъ онъ, это правда, мы писали другъ другу весьма часто и о всемъ». И на этотъ разъ, онъ сохранилъ глубокое молчаніе о статьѣ III-й.

Этотъ довольно длинный разговоръ, который я имѣлъ съ Императоромъ Наполеономъ въ самое первое утро моего пребыванія въ Фонтенблѣ, обнимаетъ самые важные предметы настоящей минуты, Вѣнскій трактатъ и заключающіяся въ немъ оговорки въ пользу Россіи, новыя отношенія Имперіи къ герцогству Варшавскому и подробности, которыя остается уладить по этому предмету съ Саксонскимъ Дворомъ, переговоры французскаго правительства съ Швеціею, въ которыхъ возникаютъ затрудненія, къ коимъ Россія не можетъ остаться равнодушною. По нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ я, при совершенномъ отсутствіи инструкцій, могъ говорить отъ лица В. И. В—ва лишь языкомъ сдержаннымъ, исполненнымъ осторожности и внушеннымъ мнѣ обстоятельствами и моими личными мнѣніями. Но есть пунктъ, относительно котораго я считалъ долгомъ избѣгать рѣшительно всякаго объясненія, ибо тутъ ничто не могло замѣнить мнѣ инструкцій В. И. В—ва:

это приобрѣтеніе части населенія старой Галиціи, которая должна быть присоединена къ Россіи и, по напечатанному Вѣнскому трактату, должна состоять изъ 500 тысячъ душъ, а въ конвенціи для оцѣнки войскъ, которую также напечатали въ журналахъ, уменьшена на 400,000 душъ. Я долженъ замѣтить, что Императоръ Наполеонъ въ этомъ разговорѣ, касаясь этого пункта, упоминалъ лишь о цифрѣ 500 тысячъ душъ. Какъ бы то ни было, каждый разъ, какъ онъ возвращался къ этому пункту, я ставилъ себѣ въ обязанность избѣгать прямого отвѣта и отклонять разговоръ отъ этого предметъ. Здѣсь еще, повидимому, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ извѣстія о томъ, что Вѣнскій трактатъ дошелъ до свѣдѣнія В. И. В—ва. Поэтому мнѣ неизвѣстно Ваше о немъ сужденіе, и какое расположеніе вы сочтете нужнымъ обнаружить на этотъ счетъ передъ Императоромъ Наполеономъ.

Не могу не представить В. В—ву, сколь обязанности моего поста становятся для меня затруднительными по одинокому положенію, въ которомъ я нахожусь, по недостатку всякихъ свѣдѣній, по страдательной и чисто созерцательной роли, которую я вынужденъ играть при обстоятельствахъ, въ которыхъ польза службы В. В—ва требовала бы, напротивъ, чтобы я могъ дѣйствовать и говорить точнымъ и рѣшительнымъ образомъ.

Я долженъ возобновить В. В—ву мои настоятельныя просьбы о присылкѣ мнѣ инструкцій по важнымъ пунктамъ, мною исчисленнымъ. Такова главная цѣль посланки этого курьера, котораго спѣшу отправить тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Фонтенблѣ.

Считая долгомъ представить В. В—ву нѣкотораго рода журналъ о всемъ, что я

замѣтилъ наиболѣе достойнаго вниманія во время моего пребыванія въ обществѣ Императора, на подобіе донесенія, представленнаго мною Вамъ прошлою весною о путешествіи въ Рамбулье, возвращаюсь къ подробному изложенію, начатому выше.

Я встрѣтилъ на lever г. Зенфта, который сказалъ мнѣ, что его Государь прійдетъ лишь завтра, въ понедѣльникъ, что онъ заболѣлъ дорогою, не доѣхавши до Мд, и что у него въ колѣнѣхъ столь сильный ревматизмъ, что онъ едва можетъ ходить, даже при посторонней помощи, и что онъ посланъ имъ, чтобы извѣстить Императора о причинѣ замедленія, происходящаго въ его пріѣздѣ.

Король Вестфальскій пріѣхалъ наканунѣ. Я былъ приглашенъ къ обѣду Императора. Его столъ былъ накрытъ лишь на восемь кувертовъ. Съ Ихъ Величествами обѣдали лишь четыре дамы—княгини Нѣшательская и Альдобрандини, г-жи Дюшатель и Тюрень, оберъ-гофмаршалъ и я. Во время обѣда, Императоръ обращался почти исключительно ко мнѣ съ разговорами о Вѣнѣ и объ ея окрестностяхъ и о моемъ пребываніи въ Виллье.

Послѣ обѣда, принцессы императорскаго дома, король Вестфальскій, великіе чины Двора, князя Лебрѣнъ и Беневентскій вошли въ гостинную Императрицы, гдѣ мы пили кофе; черезъ полчаса всѣ отправились въ театръ, гдѣ актѣры оперы-буффы исполнили отдѣльныя аріи изъ разныхъ оперъ. Спектакль продолжался лишь часъ; по окончаніи его, всѣ вернулись въ апартаментъ Императрицы, хотя она болѣе не являлась, удалившись тотчасъ послѣ обѣда, вслѣдствіе простуды, схваченной ею третьяго дни во время охоты. Была игра и, къ крайнему моему удивленію, Императоръ, прежде никогда не иг-

равшій, также сталъ дѣлать партію каждый вечеръ. Онъ играетъ недурно и въ вистъ и въ реверси. Въ этотъ вечеръ онъ игралъ съ своею сестрою, принцессою Полиною, и я былъ допущенъ къ партіи Государыни-матери. Императоръ удалился въ полночь.

Въ утро того же дня, я представлялся Императрицѣ, королю Вестфальскому, королевамъ Голландской и Испанской, а также принцессѣ Полинѣ и Государынѣ-матери, предварительно испросивши на то позволеніе черезъ ихъ камергеровъ.

Въ тотъ же день посѣтилъ я г. Шампаньи въ отелѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Рѣшившись ограничиться поздравленіями, которыя приходилось мнѣ ему сдѣлать, я хотѣлъ, чтобы онъ самъ заговорилъ со мною, въ особенности о статьѣ III нашего фридрихсгамскаго трактата, который, признаюсь, занимаетъ меня теперь почти исключительно, по великой важности, которую я придаю ему для Россіи; но онъ не доставилъ мнѣ этого удовольвенія. Сколько я ни возвращался къ переговорамъ, которые онъ ведетъ теперь съ шведскими уполномоченными, онъ остался невозмутимымъ. Ничто не могло заставить его выказать, или даже дать почувствовать, неудовольствіе, обнаруженное имъ передъ другими по поводу содержанія статьи III; я подражалъ его молчанію, такъ какъ онъ не хотѣлъ его прервать; я даже притворился убѣжденнымъ въ томъ, что Франція не имѣетъ никакихъ возраженій противъ нашихъ фридрихсгамскихъ соглашеній, и вполне ими довольна. Несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ не удалось также вывѣдать отъ него, въ какомъ положеніи находятся его переговоры съ Эссеномъ и Лагербіелке и какія условія ему предписано имъ

навязать; онъ ограничился безпрестанными повтореніями о томъ, что эти переговоры для него не затруднительны, и что онъ скоро съ ними покончитъ. Между тѣмъ, не имѣя возможности видѣть графа Эссена, живущаго въ городѣ и появляющагося въ замкѣ, я, для того, чтобы задраить его, послалъ къ нему спросить о его здоровьи; онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что онъ нездоровъ, бывъ вынужденъ работать всю ночь для отправки своего курьера. Я заключилъ изъ этого, что онъ послѣдовалъ моимъ совѣтамъ и что, упорствуя противъ безусловнаго принятія претительныхъ началъ континентальной системы, онъ поставилъ на видъ свои полномочія, недостаточно обширныя для того, чтобы онъ могъ отказаться отъ облегчившей, дарованныхъ Россією шведской торговлѣ, и обратился къ своему Двору.

Въ теченіи того же разговора, г. Шампаньи разсказалъ мнѣ, что уступка, наиболѣе тягостная для Императора Франца, и достиженіе которой стоило всего болѣе трудовъ и времени, была уступка округа верхней Австріи, въ которомъ населеніе не превышаетъ 75 тысячъ душъ; что Францъ I охотнѣе уступилъ бы всю Галицію, чѣмъ этотъ округъ, входящій въ составъ провинціи, давшей имя его имперіи и бывшей первымъ залогомъ могущества Габсбургскаго дома. Когда я спросилъ, не будетъ ли также принуждена Австрія выплатить Франціи денежную контрибуцію, онъ сказалъ, что не скроетъ отъ меня, что таковая будетъ взыскана; что она будетъ вдвое значительнѣе той, которая была наложена на Австрію по Пресбургскому трактату; что тогда она состояла лишь изъ сорока, теперь же будетъ состоять изъ осьмидесяти пяти милліоновъ франковъ, которые долж-

I.

ны быть внесены въ теченіи перваго года по заключеніи мира.

Я сообщилъ ему то, что сказалъ мнѣ въ то же утро Императоръ, относительно соглашенія, въ которое долженъ былъ войти нашъ дворъ съ Саксонскимъ,—соглашенія, столь полезнаго для обѣихъ сторонъ. Онъ вошелъ, по поводу этого соглашенія, въ тѣ же объясненія, какъ и Императоръ, и присовокупилъ, что уже писалъ объ этомъ и еще напишетъ герцогу Виценскому. Я, съ своей стороны, весьма сожалѣю, что не снабженъ уже В. И. В.—воимъ приказаніями и полномочіями для этого соглашенія, на время пребыванія здѣсь короля Саксонскаго, ибо его присутствіе при Императорѣ Наполеонѣ дало бы мнѣ возможность заключить его легко и скоро, избѣжавъ проволочекъ и неудобствъ, сопряженныхъ съ перепискою.

Въ пятницу, въ теченіи вечера, я уловилъ минуту, чтобы подойти къ Императору и поблагодарить его за данное имъ позволеніе на заключеніе нами займа во Франціи и на поступленіе въ нашу службу четырехъ инженеровъ изъ департамента путей сообщенія.

Въ субботу, утромъ, 11-го этого мѣсяца, было получено извѣстіе, что король Саксонскій, все еще больной, уже не приѣдетъ въ Фонтенблò, но прибудетъ прямо въ Парижъ, на другой день или въ понедѣльникъ, и что онъ будетъ хранить инкогнито до перваго своего свиданія съ Императоромъ. Для его помѣщенія назначенъ Елисейскій дворецъ, въ которомъ часто живетъ самъ Императоръ. Князь Беневентскій есть тотъ изъ высшихъ сановниковъ, который выѣхалъ къ нему навстрѣчу до Моды и останется при немъ во время его пребыванія въ Парижѣ. Оберъ-каммергеръ, гр. Монтекиу долженъ

Русскій Архивъ 1870. 4

былъ привѣтствовать его въ Метцѣ. Для того, чтобы оказать этому Государю все уваженіе и вниманіе, коими ему обязаны, какъ коронованной особѣ, Императоръ назначилъ состоять при немъ префекту дворца, которымъ будетъ г. Крамайель, шестерымъ камергерамъ и двумъ шталмейстерамъ. Къ его услугамъ будутъ придворная ливрея, конюшня и кухня.

Я и въ этотъ день присутствовалъ при lever Императора, который принялъ меня милостиво, но не оставилъ при себѣ для частнаго разговора. Въ одинадцать часовъ онъ прислалъ въ мой апартаментъ своего шталмейстера, г. Канизи, чтобы пригласить меня сопровождать его въ коляскѣ на псовую охоту. Во время охоты, каждый разъ, какъ онъ слѣзалъ съ лошади, подождать, чтобы собаки подогнали оленя, я также выходилъ изъ коляски и подходилъ къ нему; каждый разъ онъ заговаривалъ со мною, но все о предметахъ неважныхъ. Обѣдъ былъ семейный, вечеромъ не было спектакля. Я обѣдалъ въ апартаментѣ принцессы Поляны съ ея дамами, по предварительному приглашенію, хотя сама она отправилась на обѣдъ Императора, который въ этотъ день, противно обычаю, захотѣлъ обѣдать съ своимъ семействомъ, между тѣмъ какъ день, назначенный для его семейныхъ собраній, искони есть воскресенье. Вечеромъ было собраніе у г-жи Ларошфукò, статсъ-дамы Императрицы; я былъ туда приглашенъ. Ждали Императора и принцессу, которая была тутъ въ прошлую субботу, но никто изъ нихъ не явился. Нездоровье Императрицы вѣроятно задержало ихъ въ ея обществѣ.

Утромъ, вернувшись съ охоты, и за часъ до обѣда, я опять отправился къ г. Шампаньи, въ надеждѣ, что въ этотъ второй

разговоръ мнѣ, быть-можетъ, удастся заставить его высказаться откровеннѣе, чѣмъ въ первый, о его переговорахъ съ Швеціею, и вообще о нашихъ собственныхъ дѣлахъ. Я засталъ у него шведскихъ уполномоченныхъ. Разговоръ между нами могъ быть лишь очень поверхностенъ, но я улучилъ минуту, чтобы поговорить наединѣ съ графомъ Эссенемъ. Я спросилъ его, какъ далеко подвинулись его труды; онъ отвѣтилъ мнѣ, что очень желаютъ, чтобы трактатъ могъ бы еще быть подписанъ въ Фонтенблò, но что онъ сомнѣвается, чтобы онъ могъ быть тутъ оконченъ, ибо здѣсь остаются только еще два дни, и что еще надлежитъ согласиться на счетъ главныхъ пунктовъ ихъ разномыслія. По тѣмъ немногимъ словамъ, которыя онъ успѣлъ сказать мнѣ на ухо, я могъ понять, что соглашаются на ввозъ соли въ Швецію, но что настаиваютъ на строжайшемъ запрещеніи сахара, кофе, — словомъ всѣхъ товаровъ, которые называютъ колоніальными.

Въ воскресенье былъ дипломатическій приемъ, возвѣщенный за нѣсколько дней впередъ. Члены дипломатическаго корпуса и иностранцы собрались въ залѣ посланниковъ. Я присоединился къ нимъ лишь за минуту передъ тѣмъ какъ былъ введенъ дипломатическій корпусъ, имѣвъ преимущество (какъ стоящій съ спискѣмъ спутниковъ Императора) стоять съ первыми лицами его Двора въ залѣ, передъ тронною залою. Я представилъ Императору одинадцать соотечественниковъ, списокъ коихъ при семъ прилагаю. Всего болѣе замѣтили на этомъ приемѣ то, что Императоръ, увидѣвъ гр. д'Эга, бывшаго Португальскаго министра финансовъ, стоящаго позади всѣхъ, вызвалъ его, чтобы сказать ему, что онъ скоро повезетъ его съ собою въ Лиссабонъ. Послѣ приема, дипломати-

ческій корпусъ пригласили присутствовать при обѣдѣ, спѣтой съ большимъ оркестромъ въ домово́й церкви Императора. По окончаніи обѣдни, постоянно сообразуясь съ стариннымъ этикетомъ Версальскаго Двора, насъ повели сперва къ Императрицѣ, затѣмъ къ Государынѣ-матери, къ королевамъ Испанской и Голландской, и я повсюду представлялъ моихъ соотечественниковъ. Король Вестфальскій не принималъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что аппаратъ его слишкомъ тѣсенъ, а принцесса Полина по нездоровью.

Послѣ этихъ путешествій по замку, я вернулся къ себѣ, и меня посѣтили оба шведскіе уполномоченные, раздѣлявшіе мое желаніе видѣть ихъ и переговорить съ ними безъ свидѣтелей. Графъ Эссенъ явился первый, баронъ Лагербиелке получасомъ позже. Графъ Эссенъ повѣрилъ мнѣ, что онъ послалъ своего курьера къ королю за два дня передъ тѣмъ лишь для того, чтобы извѣстить его о согласіи Наполеона на выборъ мѣста жительства въ Швейцаріи, сдѣланный бывшимъ королемъ Густавомъ IV; что всѣ повѣренные и агенты Франціи получили приказаніе оказывать ему, во время его путешествія, всю зависящую отъ нихъ помощь и вниманіе. Мнѣ были сдѣланы сперва однимъ графомъ Эссеномъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ и его товарищемъ, самыя пространныя сообщенія о всемъ томъ, что произошло между ними и г. Шампаньи, по случаю ихъ переговоровъ. Они сказали мнѣ, что г. Шампаньи сперва объявилъ, что Императоръ, постоянно придерживаясь запретительной системы, принятой, по его инициативѣ, на материкѣ противъ Англіи, не иначе можетъ возстановить свои прежнія отношенія съ Швеціею, какъ если она приступитъ къ этой системѣ безъ-

условно; но что вслѣдствіе ихъ увѣреній, что Швеція, вполне раззоренная, погибнетъ, если не согласится на облегченія, допущенныя для ея торговли нашимъ фридрихсгамскимъ трактатомъ, и послѣ многихъ совѣщаній, прошедшихъ въ безпрестанныхъ обоюдныхъ пререзаніяхъ, г. Шампаньи, повидимому, смягчился; что онъ давалъ имъ понять неоднократно, что имъ можетъ быть дозволенъ ввозъ соли, безъ которой они рѣшительно не могутъ обойтись и для ежедневнаго обихода, и для соленія мяса и рыбы; но что не можетъ быть и рѣчи о колоніальныхъ товарахъ, которые должны оставаться рѣшительно запрещенными; что вслѣдствіе возобновленныхъ ихъ настояній и на этотъ счетъ, онъ повторилъ имъ, что можно дать на эту торговлю молчаливое согласіе, съ тѣмъ, чтобы она производилась только черезъ нейтральныя государства; но что они не могли удовольствоваться устнымъ согласіемъ или простою терпимостію для торговли колоніальными товарами, и желали, чтобы это было оговорено въ явной статьѣ ихъ трактата. Г. Шампаньи на это не далъ согласія; онъ даже разсердился за то, что они, своею настойчивостію на счетъ точнаго изложенія этой статьи, выказывали оскорбительное недовѣріе къ обѣщанію, данному имъ на этотъ счетъ именемъ Императора; онъ сказалъ, что если Россія допустила въ ихъ пользу облегченія, это только для того, чтобы облегчить заключеніе своего мира; что онъ не входитъ въ разборъ того, на что могла согласиться эта держава, но что Императоръ неизмѣнно держится началъ, однажды имъ провозглашенныхъ, и не можетъ отъ нихъ отступить. Онъ подтвердилъ имъ неоднократно, что Императоръ желаетъ, чтобы ихъ трактатъ былъ заключенъ и

подписанъ въ Фонтенблѣ, но такъ какъ Дворъ черезъ два дни долженъ былъ вернуться въ Парижъ, и насчетъ самой существенной статьи еще не послѣдовало соглашенія, то посланники не видѣли никакой возможности исполнить это желаніе. Они начертили г-ну Шампаньи картину той мести, которую не замедлитъ исполнить надъ ними Англія, если они разорвутъ съ нею послѣднія свои торговыя сношенія: Англія не замедлитъ захватить всѣ 4 тысячи вундескихъ судовъ, которыя у нихъ есть въ морѣ, и даже можетъ произвести на ихъ берега и порты нападеніе, противъ котораго они не въ силахъ устоять. Глубоко убѣжденный въ великую пользу, которую можетъ извлечь Россія изъ поддержанія и исполненія статьи III, и во время этого разговора имѣлъ лишь одну цѣль — способствовать сохраненію этой статьи во всей ея силѣ. Отвѣты мои заключались въ томъ, что такъ какъ Императоръ и его министръ говорили мнѣ только о томъ, какъ они довольны нашимъ миромъ съ Швеціею, и о живомъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ миромъ у насъ; такъ какъ ни тотъ, ни другой не сказали мнѣ ни единого слова неудовольствія о содержаніи статьи III нашего трактата, — то мнѣ не пристало, въ моихъ сношеніяхъ съ ними, предполагать съ ихъ стороны такое неудовольствіе, какъ бы ни были вѣрны полученныя мною на этотъ счетъ свѣдѣнія; что я никоимъ образомъ не могу вмѣшаться въ это дѣло, пока не получу по этому предмету приказаній отъ моего Государя, о которыхъ я уже просилъ, не теряя времени; что пока, они должны ограничиваться замѣчаніемъ, что эти облегченія, дарованныя имъ ближайшимъ союзникомъ Императора Наполеона, входятъ въ составъ трактата, который

конечно могъ быть задуманъ и заключенъ лишь съ его вѣдома и согласія. Я далъ имъ почувствовать, что имъ не слѣдуетъ забывать слѣдующаго: между тѣмъ, какъ имъ предлагаютъ довольствоваться для ихъ торговли колониальными товарами молчаливою терпимостію, безъ иного обезпеченія, кромѣ устнаго общанія, Данія, несмотря на ея союзъ съ Франціею и гибельную тягость, возложенную на нее послѣднею войною, не удастся однакоже пользоваться подобною терпимостію для своей торговли, даже съ Американцами, которые нейтральны, и она не избѣгаетъ непрестанныхъ вмѣшательствъ и нареканій Франціи. Соглашаясь на это коварное предложеніе г. Шампаньи, они первые уничтожатъ силу статьи III нашего съ ними трактата, выгоды котораго должны были возобновить внутреннее благосостояніе ихъ страны и залѣчить ущербы и раны, нанесенныя ей войною; всего болѣе заинтересована Швеція въ томъ, чтобы не нарушить смысла и буквального исполненія этой статьи; они не могутъ не сознавать великой отвѣтственности, лежащей на нихъ передъ ихъ Государемъ и ихъ странюю; возвращеніе Померанія, положеніе которой уже значительно разстроено измѣненіями, произведенными въ этой странѣ французскимъ правительствомъ, не можетъ вознаградить ихъ за выгоды, проистекающія отъ допущенныхъ нами облегченій для ихъ торговли, и за неизбѣжныя послѣдствія мести со стороны Англіи; слѣд. для нихъ нѣтъ выбора, и имъ слѣдуетъ твердо стоять на своемъ: только этимъ способомъ могутъ они добиться отъ Франціи той послѣдней уступки, въ которой она имъ еще отказываетъ, уже согласившись положительно на ввозъ соли и на общаніе, что не ста-

нуть относиться строго къ ихъ торговлѣ колоніальными товарами, а будутъ молча допускать ее, смотря на это съвозъ пальцы. Посланники оставили меня, вполне расположенные слѣдовать моимъ совѣтамъ, вслѣдствіе полного совпаденія нашихъ желаній. Увидимъ теперь, которая изъ сторонъ уступить.

Я не долженъ упустить донести В. В—ву, что въ теченіи этого разговора, они сказали мнѣ, что такое пакеты, найденные въ банкѣ послѣ перемѣны правленія въ Швеціи, съ простымъ указаніемъ на конвертахъ, что они принадлежатъ королю. Это деньги, порученныя для храненія королю Густаву IV герцогомъ Брауншвейгъ-Эльсомъ, который, во время путешествія, сдѣланнаго имъ въ Германію изъ Швеціи (куда онъ скрывался съ герцогинею) собралъ эти суммы, ему принадлежащія, для того, чтобы такимъ образомъ обезпечить ихъ сохранность.

Г. Эссенъ сказалъ мнѣ также, что бывшій король Шведскій не замедлитъ воспользоваться свободою, ему дарованною, чтобы поселиться въ Швейцаріи; что онъ тамъ будетъ пользоваться доходами съ частныхъ фондовъ, ему принадлежащихъ; но что капиталъ сихъ фондовъ не можетъ ни быть отчужденъ имъ, ни вывезенъ изъ Швеціи. Кромѣ того, чины королевства постановили назначить ему и его семейству пенсію, достаточную для его содержанія.

Г-жа Ларошфуко, статсъ-дама Императрицы, и герцогъ Кадорскій пригласили къ обѣду каждый нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ, представленныхъ мною въ этотъ день. Я обѣдалъ съ дипломатическимъ корпусомъ у великаго маршала дворца. Въ семь часовъ вечера всѣ отправились въ театръ, гдѣ г-жи Грассини

и Кресцентини явились въ оперѣ «Ромео и Джульетта». За спектаклемъ слѣдовалъ балъ-паре, на которомъ присутствовали Императоръ, Императрица, королевы Голландская и Испанская, король Вестфальскій, сидя на креслахъ, на эстрадѣ въ углубленіи залы, и окруженные своими дворами. Императоръ и король Вестфальскій одни вставали отъ времени до времени, чтобы пройтись по залѣ и говорить съ разными лицами. Императоръ, едва сѣвши въ кресла, увидѣлъ Персидскаго посланника, сидѣвшаго между дамами на второй лавкѣ сзади, и велѣлъ ему сказать черезъ камергера, чтобы онъ всталъ,—что онъ и сдѣлалъ и пошелъ сѣсть въ углубленіи окна. Этотъ балъ, весьма утомительный, по обязательству почти постоянно стоять, окончился ужиномъ, который подали въ часъ по полуночи, для однихъ дамъ, послѣ чего Императоръ удалился, но выразилъ желаніе, чтобы балъ продолжался и поручилъ королевѣ Голландской быть на немъ хозяйкою.

Въ понедѣльникъ, прежде чѣмъ сѣсть въ карету, чтобы оставить Фонтенблô, я еще являлся къ Императору на его lever. Онъ не сказалъ мнѣ тутъ ничего особеннаго, и отправился на ружейную охоту.

Я отдалъ В. В—ву отчетъ объ этомъ путешествіи въ Фонтенблô, въ которомъ многія частности, и въ особенности разговоры, которые я имѣлъ съ Императоромъ, съ г. Шампаньи и съ Шведскими уполномоченными, не кажутся мнѣ недостойными вниманія В. И. В-ва, и дають мнѣ поводъ отправить курьера, чтобы представить Вамъ положеніе, въ которомъ я нахожусь, и настоятельную потребность, испытываемую мною, въ руководствѣ и въ инструкціяхъ. Есмь, и т. д.

Статьею III-ею Фридрихсгамскаго трактата (³/₁₇ сент. 1809), о коей идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, Швеція обязывалась приступить къ «системѣ твердой земли». Въ этой статьѣ сказано: «Его Величество Король Шведскій, съ самаго размѣна ратификацій сего трактата, обязуется повелѣть, чтобы входъ въ порты королевства Шведскаго былъ воспрещенъ какъ военнымъ кораблямъ, такъ и купеческимъ судамъ Великобританскимъ, предоставляя привозъ соли и колониальныхъ произведеній, содѣлавшихся отъ употребленія необходимыми для жителей Шведскихъ. Съ своей стороны Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ впредь принять за благо всѣ ограниченія, какія союзники его почтутъ справедливыми и приличными допустить въ пользу Швеціи относительно торговли и купеческаго мореплаванія» (II. Собр. Зак., т. XXX, № 23.883).—Къ сожалѣнію, въ рукописи нашей перерывъ между этимъ письмомъ и нижеслѣдующимъ. П. Б.

VIII.

27 Avril (7 Mai) 1811.

Sire,

Je viens de retourner de St. Cloud, de l'audience particulière que S. M. l'Empereur Napoléon a daigné m'accorder, à ma demande, pour lui remettre la réponse d'office de V. M. I-le à la notification qu'elle en avoit reçue de la naissance du Roi de Rome; et aussitôt je m'empresse de rendre compte à V. M-té du long entretien dont ce Monarque m'a honoré et qui a duré plus de deux heures. Ce fut hier au matin que je priai le Duc de Bassano de m'obtenir cette audience; il me répondit alors qu'allant assister à St. Cloud au conseil de commerce il ne manqueroit pas de faire connaître mon désir à l'Empereur, et le soir j'ai reçu déjà une lettre de sa

part pour m'informer que sa M-té I-le et R-le me recevoit aujourd'hui après son lever, qui a lieu ordinairement à 9 heures du matin. Je me rendis à St. Cloud avec une grande exactitude, et bien avant l'heure qui m'étoit indiquée. A l'issue du lever, le chambellan de service m'appella d'abord dans le cabinet de l'Empereur. Une grande chasse devoit avoir lieu dans la forêt de St Germain; l'Impératrice et les Dames devoient l'accompagner en calèches; le Viceroi et la plus grande partie des personnes de la Cour étoient dans l'uniforme de chasse; mais pendant que j'étois au palais de St. Cloud, la pluie, qui ne cessait de tomber, fit contre-mander cette chasse et quand j'entrai chez l'Empereur, je le trouvai déjà revêtu de son uniforme ordinaire.

L'Empereur m'accueillit avec beaucoup de bonté, et ce fut avec une air fort affable, que non seulement il reçut de mes mains la lettre de V. M. I-le; mais qu'il me répondit aussi dans le termes les plus satisfaisants, et au même tems les plus analogues aux sentimens de V. M-té que j'exprimai en lui remettant cette lettre. Sa réponse, qui ne me laissait rien à désirer, étant finie, il se mit d'abord, selon sa coutume, à marcher dans la chambre; et cette promenade, qui étoit un premier essai de ce genre pour mes jambes valétudinaires, et que j'ai très bien et très heureusement soutenue, a duré sans interruption pendant tout l'entretien. L'Empereur le commença en disant: «l'Empereur Alexandre ne m'aime plus, comme autrefois, il est entouré de malintentionnés, qui ont taché d'introduire sans son coeur le soupçon et la méfiance contre moi; jamais je n'ai songé à lui faire la guerre, et je n'ai pu le vouloir; ses troupes sont braves, cette guerre serait entièrement sans bât pour moi, je n'aurois que des coups à recevoir; cependant je ne vous le déguiserai pas, j'arme, je dois le faire: vos armemens considerables, qu'on n'avoue pas,

et sur lesquels on garde un profond mystère chez vous, m'y forcent; des avis de tous cotés m'en ont donné l'entière certitude; on m'écrit de Stockholm, qu'on a retiré de la Finlande trois divisions pour les porter sur les frontières du Duché de Warsovie; on me marque de Boukarest et de Constantinople que cinq divisions de Votre armée ont quitté les bords du Danube pour la même destination». — Mais, Sire, quoique on ne m'écrive rien et que je ne sache rien de ces déplacemens de nos troupes, dont V. M. daigne me parler, s'ils ont eû effectivement lieu, je croirois, ainsi que je n'ai cessé de le répéter à Mr le Duc de Cadore, et ensuite à Mr le Duc de Bassano, qu'ils ne sont que le résultat d'arrangemens, qui tiennent à l'organisation intérieure de notre département de la guerre. «Eh bien, repliqua avec vivacité l'Empereur, si cela est, comme Vous le croyez, pourquoi ne pas le dire, cela auroit été une réponse, j'aurois dû en être satisfait, je n'aurois pas à me plaindre comme je le fais de ce silence mysterieux qu'on veut observer chez Vous sur ce point vis-à-vis de moi! Au lieu de cela, quand le Duc de Vicence en a parlé au Cte Romanzoff, ce que je sais par ses derniers rapports, le C-te Romanzoff n'en est pas convenu: il a voulu contredire l'évidence d'une chose, qui est connue partout. Quand je vois d'un côté un désaveu pareil et de l'autre qu'on retire sans aucune nécessité la plus grande partie de l'armée chargée de Votre guerre contre les Turcs, et qui, en continuant ses efforts et ses victoires de l'année passée, n'auroit pas manqué de la terminer à Votre gré avant la fin de cet été; comment voulez Vous que j'y sois indifférent et que je n'y voye pas une intention directement dirigée contre moi». J'osai l'interrompre, je dis que je pouvois lui donner, dans ce moment même, les assurances les plus complètes sur l'amitié et les sentimens de V. M. I-le; que mes dernières dépêches en

portaient l'empreinte, et la preuve est que j'avois reçu l'ordre positif d'assurer S. M. I-le personnellement, dès que je pourrois l'approcher, et son Ministre dans toutes les occasions possibles, que V. M. ne méditait aucune guerre, que rien n'ébranlait Sa ferme resolution de conserver Son alliance avec la France, et que dans une époque, où une clameur générale en Europe avertissoit que Son Empire étoit menacé d'une guerre, qu'Elle n'avoit pu et qu'Elle ne devoit pas éviter des mesures de prudence; que S. M-té I-le et R-le Lui en avoit donné elle même l'exemple, puisque ce n'étoit que par une simple précaution qu'elle avoit jugé à propos de renouveler les fortifications et de renforcer la garnison de Danzig; que j'étois en état de lui confirmer de la manière la plus solemnelle que V. M. ne vouloit pas la guerre, qu'Elle ne la feroit certainement pas, qu'Elle ne désiroit que la paix et, dans la continuation de Son alliance avec la France, qu'une securité parfaite pour la tranquillité du continent, qu'un avantage réciproque pour les intérêts des deux Empires, et tout ce qui pouvoit satisfaire l'amitié personnelle qu'Elle avoit pour S. M. I-le et R-le. «Ah! P-ce Kourakin, par tout ce que Vous dites, je vois que Vous n'êtes pas du secret de Votre Cabinet! Vous répétez ce qu'on Vous écrit, Votre conviction Vous anime, et Vous ignorez la résolution qui sans doute y est déjà prise, et sans laquelle on n'auroit pas pu agir, comme on agit. Comment m'attribuer des intentions que je n'ai pas eues, et que je n'ai pas; comment croire à des fantômes sans aucun fondement, car ées bruits, qui ont pu faire croire que Vous êtes en danger, ne sont pourtant que des fantômes? Vous me menacez, et jamais je n'ai craint la menace; ce n'est pas avec les forces dont je dispose que je puis la craindre; ce n'est pas en me menaçant qu'on me fera faire ce qu'on veut que je fasse! Vous voulez la

guerre; moi je ne la veux pas. Eh bien, soit; nous nous battons, nous achèverons de désoler le continent, nous répandrons beaucoup de sang, nous ferons souffrir de nouveau l'humanité, et qu'est ce que nous aurons à y gagner l'un et l'autre? Rien absolument, nous ne ferons que nous épuiser mutuellement; je ne Vous ai pas caché que j'arme; Vos armemens me prescrivent de continuer les miens: il faut absolument que je me tienne sur la même ligne et que je fasse chez moi tout ce que vous faites chez vous; vos armemens me coûtent déjà cent millions que j'ai dû employer pour les miens en les détournant des objets auxquels je les destinois. Vous m'empêchez de faire ma paix avec l'Angleterre, Vous m'obligez de diminuer les efforts que j'aurois faits pour mettre fin aux troubles de l'Espagne, Vous me forcez malgré moi d'imposer de nouvelles charges sur mon pays. La seule attitude que Vous prenez m'entrave dans tout ce que j'aurois eû à faire. Quand une grande puissance, comme la Russie, se lève, il est naturel qu'elle distraie des autres affaires qu'on a sur les bras. L'Empereur Alexandre ne m'aime plus. Il oublie ce qu'il me doit, il veut oublier qu'après sa bataille de Friedland je pouvais être en dix jours à Vilna, que j'aurois pû rétablir le Royaume de Pologne, ce que Vous craignez tout à tort, mais ce que je n'ai pas voulu alors, et ce que je n'ai pu vouloir depuis. Disons les choses comme elles sont, Vous en voulez au Duché de Varsovie, Vous voulez l'envahir». Je pris la liberté d'interrompre de nouveau S. M. I. et R-le en observant, que je ne comprenais pas d'où elle pouvait tirer toutes ces conclusions, que j'étois intimement convaincu que des idées pareilles ne se placeoient pas parmi celles de V. M. et que, par tout ce que je connoissais de Ses volontés, je pouvais le lui garantir entièrement. «Quelque soin que Vous preniez, P-ce Kourakin, pour

m'en dissuader, je le soutiens cependant, je Vous repète que Vous ne savez rien de ce que veut Votre Cabinet, Vous n'êtes pas dans son secret, tout ce qu'on fait chez Vous n'a que ce but; mais à present il y va de mon honneur de soutenir l'intégrité de cet état, qui existe sous ma protection; j'y suis engagé d'honneur, je ne pourrai pas permettre que Vous en preniez un pouce de terrain. Pourquoi l'Empereur Alexandre a-t-Il rejeté à Tilsit le premier plan que je Lui ai proposé; Il n'auroit pas eu alors les inquiétudes que Lui donne ce Duché de Varsovie? Pourquoi en 1809 l'armée Russe a-t-elle marché et agi avec tant de lenteur? Si elle s'étoit empressée d'occuper la Galicie, comme elle auroit dû le faire, la Galicie Vous seroit restée; ce n'est pas ma faute que Vous ne l'avez pas voulu, et cependant par un des articles du Traité de Vienne, j'ai stipulé la cession que l'Autriche a dû Vous faire d'un district de la Galicie avec une population de 400 m. âmes. On ne peut ignorer chez Vous que l'Empereur d'Autriche, pour ne pas entamer ses provinces allemandes, proposoit de m'abandonner les deux Galicies et qu'à cette époque, si je l'avais voulu, j'aurois pû de nouveau rétablir la Pologne. Pourquoi l'Empereur Alexandre, pour se tranquilliser entièrement sur le compte de Ses nouveaux sujets ci-devant Polonais, et sur celui du rétablissement de la Pologne, n'a-t-Il pas voulu conclure la convention qui la regardoit, et dont nous étions convenus, en consentant aux modifications dans les expressions du premier article que j'avais proposées, car Mr le C-te Romanzoff Lui a fait adopter cet article avec des termes, qui imposent une obligation plus qu'humaine et que par conséquent il m'a été impossible de prendre sur moi; depuis il n'a plus été question chez Vous de cette convention, et elle est tombée dans l'oubli, malgré tous les résultats utiles et agréables qu'elle auroit dû avoir pour Vous.

Pourquoi l'Empereur Alexandre ne Vous a-t-Il pas chargé de sa conclusion avec moi? Pourquoi ne Vous en a-t-Il pas envoyé le plein pouvoir? Nous nous serions entendus, et elle auroit été terminée depuis longtems. On me menace actuellement chez Vous par le fait, mais je Vous ai déjà dit que je ne suis pas accoutumé à craindre la menace, ce n'est pas par elle qu'on peut me réduire. Vous voulez le Duché de Varsovie, Vous voulez Danzig, je sais que Vous les voulez, Vous ne cherchez que de vains prétextes pour faire la guerre, croyant que Vous y parviendrez par elle: mais si l'Empereur Alexandre, agissant sur de faux conseils, veut absolument la faire, je répète que je suis prêt à la soutenir, j'arme, je Vous l'ai dit, j'armerai encore davantage à la première nouvelle d'un mouvement hostile de Vos troupes, je monterai à cheval, la guerre n'est pas pour moi un apprentissage: c'est par elle, par mes campagnes, par mes victoires, que je suis parvenu à devenir ce que je suis. Que gagnera l'Emp. Alexandre à Se mesurer avec moi? Nous ne ferons que le malheur de nos pays. Vos troupes sont braves, je puis avoir aussi des revers; mais, si la fortune est de mon côté, la Russie pourra fort bien se repentir d'avoir entrepris cette guerre aussi inconsidérément, et sans qu'elle fut aucunement provoquée de ma part. En vérité, je ne puis concevoir l'aveuglement qui règne chez Vous, on semble ne pas vouloir s'arrêter aux chances de l'avenir, et ce nouveau système qu'on adopte et qu'on paroît si décidé de vouloir suivre chez Vous, est aussi inexplicable! Moi, je ne le comprends pas, à moins que l'Empereur Alexandre ne Se soit décidé à préférer l'alliance de l'Angleterre à la mienne». Mais, Sire, repris-je, j'ai déjà eu l'honneur de Vous dire que j'ai reçu l'ordre exprès de l'Empereur mon Maître de Vous donner l'assurance positive, et j'ai osé Vous répéter de toute manière, que S. M. I-le ne veut pas la guerre,

qu'Elle ne veut que la paix, qu'Elle ne désire que la continuation de Son amitié et de Son alliance avec V. M. I-le et R-le. J'ai à y ajouter, pour dissiper tout à fait les idées que Votre Majesté me manifeste sur le changement des dispositions de l'Empereur mon Maître envers Angleterre, que M-r le C-te Romanzoff vient de me charger de contredire avec un soin particulier les bruits qui pourroient exister sur nos relations avec les Anglois, qu'il m'assure positivement qu'il n'y en a aucunes, et qu'on se prepare chez nous à repousser par la force des armes toutes les tentatives que les Anglois pourroient vouloir faire sur nos côtes.—«Fort bien, dit l'Empereur, je veux y croire, je n'ai point de nouvelles du contraire, mais il n'est pas dit pour cela que cette idée puisse ne pas exister, ou qu'on puisse ne pas songer à l'accomplir? Toujours, Vous rendez un grand service à l'Angleterre, en me forçant à restreindre les mesures que j'avais à prendre contre elle, en lui faisant entrevoir la possibilité de Votre rupture avec moi et de Votre rapprochement avec elle, qui en serait la première suite. Vous ayant dit que j'arme et que c'est Vous qui m'y forcez malgré moi, je dois Vous dire aussi qu'à présent je suis tout prêt à être attaqué; Danzig et les forteresses que j'ai en mon pouvoir sur l'Oder sont déjà en état de défense; je Vous avouerai, qu'en Vous faisant communiquer par le Duc de Cadore que j'augmentais la garnison et les fortifications de Danzig, je ne citois là les Anglois qu'en les faisant servir de prétexte; mais c'étoit Vous qui en étiez la véritable raison, c'étoit contre Vous que j'ai cherché à mettre Danzig à l'abri de toute attaque; j'ai donné ordre à l'armée du Duché de Varsovie de l'évacuer au moindre mouvement de vos troupes et de se replier sur Danzig et les forteresses de l'Oder; j'ai ordonné à l'armée saxonne de former un camp et d'être prête à ve-

nir, en cas de besoin, au secours de l'armée du Duché de Varsovie; si Vous entrez sur le territoire de la Confédération du Rhin, gare à Vous! Ne Vous abusez pas sur mes forces, de faux rapports Vous trompent en Vous les peignant comme absorbées par la guerre d'Espagne; je marcherai contre Vous avec 400 m. hommes, j'en rassemblerai davantage s'il le faudra, je déploierai contre Vous d'autres forces que celles que j'avais avant la paix de Tilsit. L'état d'aveuglement, où l'on est chez vous, ressemble beaucoup à celui, où l'on étoit à Berlin avant la bataille de Jena, et j'ai lieu de m'en étonner». Dans le cours de cet entretien j'ai osé interrompre souvent l'Empereur Napoléon par les mêmes représentations, les mêmes assurances, les mêmes explications; mais sans s'y arrêter, il reprenoit et continuait toujours le fil de son discours. En le continuant, il dit: «Mais Vous me menacez, c'est une menace que Vous m'avez faite par cette protestation circulaire sur l'affaire d'Oldenbourg, que Vous avez adressée à toutes les Cours de l'Europe; elle indique peu d'amitié de l'Empereur Alexandre pour moi; quand on donne une protestation de ce genre c'est comme si on jettoit le gant, comme si on disoit, qu'on veut faire la guerre pour l'objet qui motive la protestation; mais le Duché d'Oldenbourg vaut-il la peine de causer la désunion de deux grands Empires et une nouvelle guerre contre nous? Les côtes de Oldenbourg favorisoient la contrebande de l'Angleterre, j'ai dû réunir ce pays avec les villes hanséatiques à mon Empire d'après le système que la guerre maritime m'a fait adopter, pour éviter la guerre, que je considère comme un si grand fleau. Eh bien, si l'Empereur Alexandre le veut absolument, je replacerai le Duc d'Oldenbourg dans son Duché; mais qu'y gagnera-t-il? Il y serait écrasé par les douanes et les troupes françoises, il y ser-

virait constamment de pomme de discorde entre la Russie et la France, et c'est là ce que j'ai voulu prévenir en lui proposant ailleurs un dédommagement convenable. Puisque la principauté d'Erfurth, les domaines que j'y aurais réunis et les autres dédommagemens que j'aurois pu y ajouter, ne conviennent pas au Duc et à la Russie, que l'Empereur Alexandre s'explique donc sur ce qu'Il peut demander et vouloir pour lui; qu'Il nomme ce qu'Il voudrait en place d'Erfurth, s'Il ne veut absolument pas d'Erfurth? S'Il le juge à propos, qu'Il fasse entamer ici une négociation, et qu'Il Vous en charge, Il verra alors les facilités que je porterai à Le contenter en tout; mais Vous avez dit au Duc de Bassano, et avant au Duc de Cadore, que Vous n'aviez pas de plein pouvoir pour traiter, Vous avez refusé même au premier de donner sur ce point une note par écrit, alléguant que Vous n'y étiez pas autorisé: ce n'est pas de cette façon qu'on parvient à s'entendre et à finir bientôt des affaires, qu'il est si facile de terminer. Vou-lons nous donc rester cinq, six ans, sans désarmer, et nous tenir continuellement en inquiétude reciproque, et en épuisant sans besoin nos forces et nos finances? J'ai agi bien autrement à l'occasion de cette protestation; elle me blesse, elle m'est sensible, ce n'est pas d'un ami et d'un allié que je devais l'attendre: elle doit me servir de menace, et cependant, je n'y ai pas répondu, je garde un parfait silence sur son compte; on m'avoit préparé une réponse sur cette protestation, et je n'en ai pas voulu. Si, au lieu de la faire, l'Emp. Alexandre avoit préféré de m'écrire en m'exprimant l'intérêt, qu'Il prend à Son proche parent, s'Il m'avoit temoigné le désir que je fasse encore plus que je ne voulois faire pour Lui, je l'aurois fait et j'y aurois trouvé une satisfaction particulière. S'Il m'avoit demandé même, un ou deux districts du Duché de Var-

sovie pour Son oncle, afin de le dédommager du Duché d'Oldenbourg, je n'aurois pas hésité d'engager le Roi de Saxe à cette cession; mais alors je l'aurois fait parce que la demande m'en auroit été adressée amicalement et avec le ton de l'amitié; mais le ton de la menace n'est pas celui qui peut agir sur moi. Si l'Emp. Alexandre, avant Ses armemens, avait voulu me demander de même Danzig et son territoire, je crois, que je le Lui aurois cédé». — Mais, Sire, l'interrompis - je encore, puisque V. M-té daigne me parler de cette protestation, qu'elle me permette de lui représenter que je ne puis l'envisager comme elle le fait: elle n'est ni hostile, ni menaçante, elle contient le témoignage le plus authentique du prix que l'Emp. mon maître attache à son alliance, et du désir qu'Il a de la conserver. Cette protestation n'est que pour la réserve que S. M. I-le a cru devoir mettre sur Ses propres droits, et sur ceux de Sa Famille, sur le Duché d'Oldenbourg, leur Patrimoine commun, et des exemples sans nombre, consignés par l'Histoire des siècles passés, justifient de pareilles déclarations, et en sont un devoir. «Tout ce que Vous me dites, repliqua l'Empereur, ne change pas mon opinion sur la nature de cette protestation et sur le sens que je dois y attacher. Du reste, il semble qu'on n'a pas voulu se rappeler chez Vous, que l'accession du Duc d'Oldenbourg à la Ligue Rhénane a beaucoup interverti les droits éventuels de sa famille sur son duché, et qu'il faut être membre de cette Ligue et y appartenir pour avoir la faculté de posséder une souveraineté, qui y est annexée; mais je veux dédommager le Duc; j'ai fait des propositions pour son indemnisation; celles-là n'ont pas convenu au Duc et à la Russie; que l'Empereur Alexandre s'explique donc à présent sur ce qu'Il désire que je fasse pour le Duc, qu'Il désigne l'endroit et le genre de l'indemnité que

j'aurois à lui accorder, puisqu'il ne veut pas d'Erfurth. Ce n'est pas à moi, c'est à l'Empereur Alexandre à le dire. Je me suis acquité de ce que je devois faire, en faisant mes propositions, en manifestant les dispositions où je suis, de ne rien faire perdre au Duc. Comme Vous n'êtes pas en état de me rien dire de plus que ce que Vous savez Vous même, et que Vous signez entièrement ce que désire l'Empereur Alexandre pour le dédommagement de Son parent, je dois attendre pour voir plus clair ce que j'ai à conclure des véritables intentions de l'Empereur mon allié, et ce qu'elles me commanderont de faire; je dois attendre les premiers rapports du général Lauriston, qui doit arriver aujourd'hui ou demain au plus tard à Pétersbourg et le retour très prochain près de moi du Duc de Varsovie; l'un et l'autre me procureront sans doute des renseignemens que je n'ai pas encore sur les sentimens et les véritables vues de l'Empereur Alexandre; j'attends ces renseignemens avec grande impatience, car il me tarde de sortir de cet état de flottement et d'inquiétude, où nous sommes tous les deux; dans les entrefaites j'arme et je continuerai à armer, j'y suis obligé pour ne pas me laisser surprendre et pour faire tout ce que Vous faites chez Vous. Comment puis-je me rassurer et rester tranquille sur cet changement évident dans les vues et les sentimens de l'Empereur Alexandre à mon égard? Je sais que l'Empereur Alexandre a auprès de lui un général, qui a été chargé de proposer à la Suède pour prix de sa neutralité, où même de sa coopération dans le cas où la guerre que Vous voulez me faire, éclaterait, la restitution de la majeure partie de la Finlande, c'est à dire de toute la partie septentrionale de cette province et la possession en commun avec elle des îles d'Aland. Je sais aussi que Vous Vous pressez de conclure votre paix avec les Turcs, en leur offrant

d'autres conditions pour y parvenir plutôt, en renonçant pour cette fois à la prétention que Vous avez toujours formée, de garder sous Votre domination la Valachie et la Moldavie. Toutes ces résolutions de Votre part, si opposées à toutes celles qui Vous ont dirigés jusqu'à présent, ne doivent elles pas être des preuves pour moi qu'étant déterminés à me faire la guerre, Vous y sacrifiez tout ce que Vous trouviez de Votre convenance? La marche rétrograde de cinq divisions de Votre armée sur le Danube a fait une si grande sensation à Constantinople, que le Reiss-Effendi en a d'abord fait avertir mon Chargé d'affaires, en lui faisant dire que c'étoit à présent contre moi que Vous allez diriger toutes Vos forces, et le Pacha de Janina en l'apprenant l'a d'abord fait communiquer au gouverneur de Corfou et a levé tous les obstacles qui s'opposoient à l'approvisionnement de Corfou par la voie de la terre ferme. Si Vous me faites la guerre, je Vous prévient, que je Vous attaquerai avec de grandes forces: d'abord l'armée du Nord de l'Allemagne est destinée à agir contre Vous; puis les troupes qui sont dans l'intérieur de la France passeront le Rhin à ce même effet, et troisièmement je forme un grand camp en Italie dont les troupes, également destinées contre Vous, devront se rendre sur Vos frontières par le midi de l'Allemagne. Tout en Vous decouvrant ce que je ferai, je répète que je ne veux point la guerre et surtout que je ne veux point Vous la faire, je ne suis point un aprenti dans le métier des armes, je m'en suis occupé toute ma vie, je me flatte que je sais un peu calculer et préparer d'avance les evenemens de la guerre». En finissant ces paroles, il me fit des questions sur ma santé, et me congédia.

J'ai oublié, Sire, de placer dans ce rapport que je Vous adresse que l'Empereur Napoléon, après avoir entendu les assurances que je lui ai données au nom de V. M-té,

m'a dit: «Tenez, P-ce Kourakin, maintenant que Vous entrez chez moi le casque sur la tête, ces assurances ne peuvent produire sur moi l'effet qu'elles auroient immanquablement eues, si Vous Vous étiez présenté le baton blanc à la main». Je lui répondis sur le champ, que pour soutenir la figure qu'employait sur mon compte sa M-té I-le et R-le, je pouvais l'assurer que ma tête n'étoit pas couverte d'un casque, que je croyais avois effectivement le baton blanc à la main, et que c'étoit ainsi que j'avais pris la liberté de lui parler des assurances pacifiques et amicales dont j'avais été chargé pour lui par l'ordre exprès de V. M-té.

J'ose croire, Sire, qu'il est à regretter pour la perte du tems qui s'écoulera avant que nous puissions nous entendre et tout terminer à l'amiable avec l'Empereur Napoléon, que V. M. I-le n'a pas daigné me faire munir préalablement d'instructions suffisantes pour négocier provisoirement sur les indemnités à proposer pour le Duché d'Oldenbourg, et sur les autres objets qui forment les inquiétudes et les réclamations actuelles de la France.

Que V. M. I-le daigne m'investir à présent, comme le désire l'Empereur Napoléon, de son plein pouvoir pour entamer et conclure la négociation qui regarderait le dédommagement du Duc Son oncle pour la perte de son Duché, que V. M. daigne en même tems m'autoriser, en se servant de la même forme, de replacer sur le tapis les affaires de la ci-devant Pologne et à leur donner par une convention nouvelle l'assiette, qu'elles doivent avoir pour l'avenir, et si j'ose croire qu'avec mon zèle et mon dévouement pour Sa personne et Son service, je pourrai réussir à terminer ici ces deux affaires d'une manière plus prompte et beaucoup plus efficace, qu'elles ne pourroient l'être à Pétersbourg, dont le grand éloignement de Paris suffit déjà seul pour les pri-

ver de cette marche active qui, selon moi, dans les circonstances du moment, est la seule convenable au intérêts de V. M. I-le. Je suis etc.

Парижъ $\frac{25 \text{ апр.}}{7 \text{ мая}}$ 1811.

Государь!

Я только что вернулся изъ Сень-Клу, съ частной аудіенціи, къ которой Е. В. Императоръ Наполеонъ изволилъ допустить меня, по моей просьбѣ, для врученія ему официального отвѣта В. И. В—ва на извѣщеніе о рожденіи короля Римскаго, и я тотчасъ же спѣшу отдать отчетъ В. В—ву въ пространномъ разговорѣ, коимъ почтилъ меня этотъ Государь, и который длился болѣе двухъ часовъ. Попросилъ я объ этой аудіенціи герцога Бассано вчера утромъ; онъ отвѣтилъ мнѣ, что, отправляясь въ Сень-Клу, чтобы присутствовать на торговомъ совѣтѣ, онъ не преминетъ довести мое желаніе до свѣдѣнія Императора, и вечеромъ я уже получилъ отъ него письмо, извѣщающее меня, что Его И. и К. В—во приметъ меня сегодня, послѣ своего lever, которое обыкновенно происходитъ въ 9 часовъ утра. Я съ величайшею точностью отправился въ Сень-Клу и прибылъ туда гораздо раньше назначеннаго часа. Тотчасъ по окончаніи lever, дежурный камергеръ позвалъ меня въ кабинетъ Императора. Была назначена большая охота въ Сень-Жерменскомъ лѣсу. Императрица и дамы должны были присутствовать на ней въ коляскахъ; вице-король и бблыная часть лицъ Двора были въ охотничьихъ мундирахъ; но уже по пріѣздѣ моемъ въ Сень-Клу, дождь, не перестававшій идти, заставилъ отмѣнить охоту, и когда я вошелъ къ Императору, я уже засталъ его

одѣтымъ въ обыкновенный его мундиръ. Императоръ принялъ меня съ большою милостію, и не только весьма привѣтливо принялъ изъ моихъ рукъ письмо В. И. В—ва, но также отвѣтилъ, въ выраженіяхъ самыхъ удовлетворительныхъ и соотвѣтствующихъ моимъ словамъ, на выраженные мною, при подачѣ письма, чувства В. В—ва. Окончивши свой отвѣтъ, не оставившій ничего желать, онъ тотчасъ, по своему обыкновению, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и эта прогулка, которая была для моихъ больныхъ ногъ первою пробою въ этомъ родѣ, и которую я перенесъ весьма благополучно, длилась безъ отдыха во все время нашего разговора.—Императоръ началъ его слѣдующими словами: «Императоръ Александръ не имѣетъ болѣе ко мнѣ прежней привязанности: онъ окруженъ людьми злонамѣренными, которые постарались внѣдрить въ его сердце недовѣріе и подозрительность ко мнѣ; никогда и не думалъ я начинать съ нимъ войну, и немогъ этого желать; его войска храбры,—эта война для меня не имѣла бы никакой цѣли: я въ ней могъ бы претерпѣть только ущербъ. Однако не скрою отъ васъ, что я вооружаюсь. Я долженъ это дѣлать: ваши значительныя вооруженія, въ которыхъ не признаются, которыя у васъ окружаютъ глубокою тайною, вынуждаютъ меня къ тому; извѣстія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, даютъ мнѣ полное убѣжденіе въ ихъ дѣйствительности; мнѣ пишутъ изъ Стокгольма, что вывели изъ Финляндіи три дивизіи, чтобы двинуть ихъ на границы герцогства Варшавскаго; мнѣ дають знать изъ Букарешта и Константинополя, что пять дивизій вашей арміи оставили берега Дуная, чтобы двинуться туда же».—Но, Государь,—отвѣтилъ

я, хотя мнѣ ничего не пишутъ и мнѣ ничего не извѣстно объ этихъ перемѣщеніяхъ нашихъ войскъ, о которыхъ В. В.—во изволите говорить, но я все-таки, если они дѣйствительно произошли, продолжаю думать, какъ я это постоянно повторялъ герцогу Кадорскому, а затѣмъ герцогу Бассано, что они суть лишь слѣдствіе распоряженій, находящихся въ связи съ внутреннею организаціею нашего военнаго департамента.—«Если такъ,—съ живостию возразилъ Императоръ,—зачѣмъ же такъ и не говорятъ? Это былъ бы по крайней мѣрѣ отвѣтъ, которымъ я долженъ былъ бы удовольствоваться; мнѣ не приходило бы жаловаться на таинственное молчаніе, которого держатся у васъ со мною относительно этого пункта. вмѣсто того, когда герцогъ Виценскій заговаривалъ объ этомъ съ графомъ Румянцовымъ, то, какъ мнѣ извѣстно изъ послѣднихъ его донесеній, гр. Румянцовъ не сознался въ этомъ: онъ вздумалъ оспаривать очевидность дѣла, всѣмъ извѣстнаго. Когда я вижу, съ одной стороны, такую скрытность, съ другой, что отзываютъ безъ всякой надобности большую часть арміи, занятой вашей войною съ Турками, и которая, продолжая свои прошлогоднія усилія и побѣды, не преминула бы окончить ее къ вашему удовлетворенію до конца нынѣшняго лѣта, какъ хотите вы, чтобы я оставался къ тому равнодушнымъ и не видѣлъ тутъ намѣреній, прямо направленныхъ противъ меня?»—Я осмѣлился прервать его; я сказалъ, что могу представить ему, въ самую эту настоящую минуту, самыя убѣдительныя увѣренія въ дружбѣ и искреннихъ чувствахъ В. И. В.—ва; что мои послѣднія депеши носятъ на себѣ отпечатокъ этихъ чувствъ, и что, въ доказательство

ихъ искренности, я получилъ положительное приказаніе увѣрить Е. И. и К. В.—во, какъ только мнѣ удастся быть въ Его близости, а его министра при всякомъ удобномъ случаѣ, что В. В.—во не замышляете никакой войны, что ничто не поколеблетъ твердаго Вашего намѣренія сохранить Вашъ союзъ съ Франціею; что въ то время, когда обще-европейская молва грозитъ Вашей имперіи войною. Вы не можете, Вы не должны уклоняться отъ мѣръ предосторожности; что Е. И. и К. В.—во самъ подалъ Вамъ тому примѣръ. ибо не изъ простой ли предосторожности счелъ онъ нужнымъ возобновить укрѣпленія и усилить гарнизонъ Данцига; что я могу засвидѣтельствовать самымъ торжественнымъ образомъ, что В. В.—во не желаете войны, что Вы конечно ее не начнете, что Вы желаете только мира и ищете только, въ продолженіи Вашего союза съ Франціею, полного обезпеченія для спокойствія Европы, взаимной выгоды обѣихъ Имперій и всего того, что можетъ удовлетворить Вашу личную дружбу къ Е. И. и К. В.—ву. «Ахъ, князь Куракинъ, воскликнулъ Императоръ, по всему тому, что вы говорите, вижу, что отъ васъ скрыты тайны вашего кабинета. Вы повторяете то, что вамъ пишутъ; ваше убѣжденіе одушевляетъ васъ, и вамъ неизвѣстно рѣшеніе, конечно уже принятое въ Петербургѣ, и безъ котораго конечно не могли бы дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ. Какъ приписывать мнѣ намѣренія, которыхъ у меня не было и нѣтъ; какъ вѣрить въ призраки, не имѣющіе ничего существеннаго, ибо эти слухи, которые могли заставить васъ подумать, что вы въ опасности, суть вѣдь лишь призраки! Вы мнѣ грозите! Но никогда не боялся я угрозъ: не съ тѣми силами, какими я располагаю,

могу и ихъ бояться. Не угрозами заставить меня сдѣлать то, чего отъ меня хотятъ. Вы хотите войны; я ея не хочу. Хорошо же: мы будемъ воевать; мы довершимъ раззореніе Европы; мы прольемъ много крови; мы снова заставимъ страдать человѣчество, и что же можетъ отъ этого выиграть тотъ или другой изъ насъ? Ровно ничего: мы только истощимъ другъ друга. Я не скрылъ отъ васъ, что я вооружаюсь; ваши вооруженія заставляютъ меня продолжать мои; необходимо, чтобы я держался въ уровень съ вами и дѣлалъ съ моей стороны все то, что вы дѣлаете съ вашей; ваши вооруженія уже обошлись мнѣ въ сто милліоновъ, которые я долженъ былъ употребить на мои, отклоняя ихъ отъ иныхъ назначеній; вы препятствуете мнѣ заключить миръ съ Англіею; вы принуждаете меня ослабить усилія, которыя я сдѣлалъ бы для подавленія волненій въ Испаніи; вы заставляете меня возлагать на мою страну новыя тягости; одного положенія, принятаго вами, достаточно, чтобы связать меня во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Когда великая держава, какова Россія, возстаетъ на васъ, то она естественно отвлекаетъ васъ отъ прочихъ дѣлъ, которыя у васъ на рукахъ. Императоръ Александръ болѣе меня не любитъ; онъ забываетъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ; онъ не хочетъ помнить, что послѣ Фридландской битвы я черезъ десять дней могъ-бы быть въ Вильнѣ, что я могъ бы возстановить Польское королевство, чего вы такъ напрасно боитесь, но чего я не хотѣлъ тогда, и не могъ хотѣть впоследствии. Назовемъ вещи по имени: васъ раздражаетъ герцогство Варшавское, вы хотите захватить его». Я снова осмѣлился прервать Е. И. и К. В-во и замѣтить ему, что я не понимаю, откуда онъ можетъ выводить такіа за-

ключенія; что, по искреннему моему убѣжденію, въ мысляхъ В. В-ва никогда не бывало ничего подобнаго; что по всему тому, что мнѣ извѣстно о Вашихъ намѣреніяхъ, я въ томъ могу поручиться.— «Какъ ни старались бы вы, князь Куракинъ, меня разувѣрить, я настаиваю на своемъ; повторяю, что вы нечего не знаете о намѣреніяхъ вашего кабинета; тайны его вамъ неизвѣстны; все, что у васъ дѣлается, клонится лишь къ этой цѣли; но теперь моя честь требуетъ, чтобы я поддержалъ цѣлость этого государства, состоящаго подъ моимъ покровительствомъ; въ этомъ замѣшано мое доброе имя; я не могу допустить, чтобы вы у него отняли пядь земли. Отчего Императоръ Александръ отказался въ Тильзитѣ отъ перваго плана, который я ему предложилъ? Принявши его, онъ бы теперь былъ избавленъ отъ безпокойствъ, которыя причиняетъ ему это Варшавское герцогство. Почему, въ 1809 году, такъ медленно двигалась и дѣйствовала Русская армія? Если бы она успѣшила занять Галицію, какъ ей и слѣдовало сдѣлать,—Галиція осталась бы за вами; не я виновенъ въ томъ, что вы этого не захотѣли, и однако же, одною изъ статей Вѣнскаго трактата, я выговорилъ для васъ уступку Австрію округа Галиціи въ 400 тысячъ жителей. У васъ не могутъ не знать, что Императоръ Австрійскій для того, чтобы не нарушать цѣлости своихъ нѣмецкихъ провинцій, предлагалъ уступить мнѣ обѣ Галиціи, и что въ это время, если бы я того захотѣлъ, я опять могъ бы возстановить Польшу. Отчего Императоръ Александръ для того, чтобы успокоиться окончательно насчетъ новыхъ своихъ подданныхъ, бывшихъ Поляковъ, и на счетъ возстановленія Польши, не захотѣлъ заключить на ея счетъ конвен-

цію, о которой мы условливались, согласясь на измѣненія въ редакціи первой статьи, мною предложенныя? Ибо графъ Румянцовъ предложилъ ему эту статью въ выраженіяхъ, возлагавшихъ на меня обязательства сверхъ человѣческихъ силъ, и которыя я слѣдовательно не могъ принять на себя. Съ тѣхъ поръ объ этой конвенціи не было болѣе рѣчи, и она предана забвенію, несмотря на всѣ пріятныя и полезныя послѣдствія, которыя она вамъ обѣщала. Отчего Императоръ Александръ не поручилъ вамъ заключить ее со мною? Отчего не уполномочилъ онъ васъ на это? Мы бы согласились, и она давно была бы заключена. Мнѣ теперь у васъ грозятъ на дѣлѣ, но я уже сказалъ вамъ, что я не привыкъ бояться угрозъ: не ими удастся меня поколебать. Вы хотите Варшавскаго герцогства, вы хотите Данцига,—я знаю, что вы ихъ хотите,—вы ищете лишь пустыхъ предлоговъ, чтобы начать войну, предполагая, что вы войною добьетесь своего; но если Императоръ Александръ, склоняясь къ коварнымъ совѣтамъ, непремѣнно хочетъ ее начать,—повторяю, что я готовъ ее вести. Я вооружаюсь,—я вамъ это сказалъ,—и вооружусь еще болѣе; при первомъ извѣстіи о враждебномъ движеніи вашихъ войскъ, сяду на коня; воевать мнѣ не учиться; войною, моими кампаніями, моими побѣдами удалось мнѣ сдѣлаться тѣмъ, что я теперь. Что выиграетъ Императоръ Александръ, сразившись со мною? Мы навлечемъ лишь бѣдствія на наши государства; ваши войска храбры, и я могу претерпѣть неудачи; но если счастье окажется на моей сторонѣ, Россія очень можетъ раскаяться въ томъ, что столь необдуманно предприняла эту войну, безъ всякаго повода съ моей стороны. По-ис-

тинѣ не могу понять ослѣпленія, господствующаго у васъ; повидимому, не хотятъ и подумать о случайностяхъ будущаго, и эта новая система, которую приняли у васъ и которой, повидимому, рѣшились держаться, также необъяснима! Я, по крайней мѣрѣ, ее не понимаю. Развѣ Императоръ Александръ рѣшился предпочесть союзу со мною союзъ съ Англіею?» — Но, Государь, возразилъ я, я уже имѣлъ честь сказать Вамъ, что я получилъ отъ Государя Императора настоящее приказаніе засвидѣтельствовать вамъ положительно, и я осмѣлюсь повторять Вамъ всячески, что Е. И. В.—во не хочетъ войны, что онъ желаетъ лишь мира и продолженія своей дружбы и своего союза съ В. И. и К. В.—вомъ. Долженъ прибавить, чтобы совершенно разсѣять мысли, которыя выражаетъ мнѣ В. В.—во на счетъ измѣненія расположеній Государя Императора относительно Англіи, что гр. Румянцовъ поручаетъ мнѣ съ особымъ тщаніемъ опровергать слухи, могущіе возникнуть о нашихъ сношеніяхъ съ Англичанами; что онъ положительно завѣряетъ меня, что ихъ нѣтъ, и что у насъ готовятся отразить оружіемъ всякую попытку, которую Англичане могли бы произвести на нашихъ берегахъ. — «Очень хорошо, сказалъ Императоръ, согласенъ этому вѣрить,—я не имѣю извѣстій о противномъ; но этимъ не сказано, чтобы мысль эта не существовала, и чтобы не могли думать о ея осуществленіи? Во всякомъ случаѣ, вы оказываете большую услугу Англіи, вынуждая меня ослаблять мѣры, которыя я долженъ противъ нея принимать, давая ей предчувствовать возможность разрыва между вами и мною и нашего сближенія съ нею, которое было бы первымъ его послѣдствіемъ. Сказавши

вамъ, что я вооружаюсь и что къ тому вынуждаете меня вы, я долженъ сказать вамъ также, что теперь я готовъ принять нападеніе. Данцигъ и крѣпости, коими я владѣю на Одерѣ, вооружены для защиты; признаюсь вамъ, что, давая вамъ знать черезъ герцога Кадорскаго, что я усилию гарнизонъ и укрѣпленія Данцига, я ссылаюсь на Англичанъ лишь въ видѣ предлога; но истинною причиною тому были вы,—противъ вашихъ нападеній старался я обезпечить Данцигъ. Я приказалъ арміи Варшавскаго герцогства очистить его при малѣйшемъ движеніи вашихъ войскъ и сосредоточиться около Данцига и Одерскихъ крѣпостей; я велѣлъ Саксонской арміи расположиться лагеремъ и быть готовою, въ случаѣ нужды, выступить на помощь арміи герцогства Варшавскаго. Если вы вступите въ область Рейнскаго союза,—берегитесь! Не заблуждайтесь на счетъ моихъ силъ; васъ обманываютъ ложные слухи, представляя ихъ поглощенными Испанскою войною: я выступлю противъ васъ съ 400 тысячъ человекъ; соберу ихъ, если нужно, больше; употреблю противъ васъ иныя силы, а уже не тѣ, которыми я располагалъ до Тильзитскаго мира. Состояніе ослѣпленія, въ которомъ у васъ находятся, походитъ на то, которое овладѣло Берлинскимъ Дворомъ передъ Іенскою битвою, и я имѣю поводъ ему удивляться». Въ теченіи этого разговора, я многократно осмѣлывался прерывать Императора Наполеона тѣми же представленіями, тѣми же увѣреніями, тѣми же объясненіями. Но, не останавливаясь на нихъ, онъ снова подхватывалъ нить своей рѣчи, и продолжалъ ее.—«Вы грозите мнѣ, сказалъ онъ затѣмъ. Этотъ циркулярный протестъ по Ольденбургскому дѣлу, разосланный вами ко всѣмъ

1.

Дворамъ Европы, былъ угрозою противъ меня; онъ доказываетъ, сколь мало дружбы сохранилъ ко мнѣ Императоръ Александръ; когда производятъ протестъ этого рода, бросаютъ перчатку, говорятъ, что хотятъ вести войну изъ за дѣла, подавшаго поводъ къ протесту; но стодитъ ли того это Ольденбургское герцогство, чтобы произвести разладъ между двумя великими имперіями и войну между нами? Берега Ольденбурга благопріятствовали англійской контрабандѣ,—я долженъ былъ присоединить эту страну и Ганзеатическіе города къ моей имперіи, въ силу системы, принятой мною вслѣдствіе морской войны, для того чтобы избѣгнуть войны (сухопутной) которую я считаю столь великимъ бѣдствіемъ. Чтѣ же? Если Императоръ Александръ непремѣнно этого хочетъ, я вновь водворю герцога Ольденбургскаго въ его герцогствѣ,—но чтѣ онъ отъ этого выиграетъ? Онъ будетъ раздавленъ французскими войсками и таможнями; онъ постоянно будетъ служить яблокомъ раздора между Россією и Францією, а этого-то я и хотѣлъ избѣжать, предлагая ему въ иномъ мѣстѣ приличное вознагражденіе. Если Эрфуртское княжество, владѣнія, которыя я бы къ нему присоединилъ и другія вознагражденія, которыя я могъ бы къ тому прибавить, не по-сердцу герцогу и Россіи, пусть же Императоръ Александръ выскажется на счетъ того, чего онъ можетъ для него желать и требовать; пусть онъ назоветъ мнѣ то, чего онъ желаетъ на мѣсто Эрфурта, если онъ Эрфурта рѣшительно не хочетъ! Если онъ сочтетъ это нужнымъ, пусть онъ прикажетъ завязать здѣсь переговоры и поручитъ ихъ вамъ; онъ увидитъ тогда мою готовность удовлетворить его во всемъ. Но вы сказали герцогу Бассано, и передъ Русскій Архивъ. 1870. 5

тѣмъ герцогу Кадорскому, что вы не имѣете полномочій для переговоровъ; вы даже не согласились дать первому письменный отзывъ по этому поводу, говоря, что вы на это не уполномочены: не такимъ способомъ можно дойти до соглашенія, не такимъ образомъ улаживаются дѣла, которыя покончить такъ легко! Захотимъ ли мы оставаться пять-шесть лѣтъ во всеоружіи, постоянно держать другъ друга въ безпокойствѣ, источая безъ нужды наши силы и наши финансы? Совсѣмъ иначе поступилъ я по поводу этого протеста: онъ меня оскорбляетъ, онъ огорчаетъ меня; не отъ друга и союзника могъ я ожидать чего-либо подобнаго; онъ долженъ служить мнѣ угрозой; и однакоже, я на него не отвѣтилъ, я храню на его счетъ безусловное молчаніе; мнѣ приготовили отвѣтъ на этотъ протестъ, но я его отвергъ. Еслибы, вмѣсто этого протеста, Императоръ Александръ предпочелъ написать мнѣ, выражая мнѣ участіе, принимаемое имъ въ его близкомъ родственникѣ; еслибы онъ высказалъ мнѣ желаніе, чтобы я сдѣлалъ для него еще болѣе, чѣмъ сколько я былъ намѣренъ для него сдѣлать, я бы исполнилъ его желаніе, и напелъ бы въ этомъ особенное удовольствіе. Еслибы даже онъ потребовалъ у меня одинъ или два округа Варшавскаго герцогства для своего дяди, въ вознагражденіе за Ольденбургское герцогство, я не колебался бы побудить короля Саксонскаго къ этой уступкѣ; но тогда я это сдѣлалъ бы потому, что требованіе было бы заявлено мнѣ дружескимъ способомъ и тономъ; тонъ угрожающій не есть тотъ, который можетъ на меня подѣйствовать. Еслибы Императоръ Александръ, до своихъ вооруженій, вздумалъ бы потребовать у меня даже Данцига и его округа, я думаю, что

и его бы я уступилъ». — Но, Государь, опять прервалъ я его, такъ какъ В. В.—во изволеніе говорить со мною объ этомъ протестѣ, то позвольте мнѣ представить Вамъ, что я не могу на него смотрѣть съ той же точки зрѣнія, какъ Вы: онъ не имѣетъ ни враждебнаго, ни угрожающаго характера; въ немъ заключается самое положительное свидѣтельство той цѣны, которую Государь Императоръ придаетъ союзу съ Вами, и его желанія поддержать этотъ союзъ. Этотъ протестъ имѣетъ лишь смыслъ оговорки, которую Е. П. В.—во счелъ нужнымъ сдѣлать на счетъ собственныхъ своихъ правъ и правъ своего семейства на герцогство Ольденбургское — ихъ общую отчину; и безчисленные примѣры, занесенные въ лѣтописи прошлыхъ столѣтій, оправдываютъ подобныя деклараціи и ставить ихъ въ обязанность. — «Все то, что вы мнѣ говорите, возразилъ Императоръ, не измѣняетъ моего мнѣнія на счетъ свойствъ этого протеста и смысла, который я долженъ ему придавать. Впрочемъ, у васъ, повидимому, не хотять помнить, что вступленіе герцога Ольденбургскаго въ Рейнскій союзъ весьма видоизмѣнило условное право его семейства на его герцогство, и что нужно быть членомъ этого союза и принадлежать къ нему, чтобы имѣть право на владѣніе, къ нему причисленное. Но я хочу вознаградить герцога; я сдѣлалъ предложенія для его вознагражденія. Эти предложенія не пришлись по вкусу герцогу и Россіи; пусть же теперь Императоръ Александръ выскажется на счетъ того, чего онъ отъ меня желаетъ для герцога; пусть онъ назначитъ мѣсто и свойство вознагражденія, которое могъ бы я ему доставить, такъ какъ Эрфурта онъ не хочетъ. Этотъ выборъ—дѣло Императора Александра. Я исполнилъ мою обязанность,

сдѣлавъ ему мои предложенія, высказавъ мое желаніе, чтобы герцогъ ничего не потерялъ. Такъ какъ вы не можете сказать мнѣ болѣе того, что вы знаете, и конечно совершенно не вѣдаете, чего желаетъ Императоръ Александръ для вознагражденія своего родственника, то для того, чтобы узнать точнѣе истинныя намѣренія Императора моего союзника, и то, что я могу сдѣлать съ ними согласнаго, я долженъ дожидаться первыхъ донесеній генерала Лористона, который долженъ доѣхать сегодня, поздно завтра, въ Петербургъ, и весьма близкаго возвращенія ко мнѣ герцога Виценскаго: и тогъ и другой конечно доставятъ мнѣ новыя свѣдѣнія о расположеніи и истинныхъ видахъ Императора Александра. Жду этихъ свѣдѣній съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо мнѣ желательно выйти изъ того состоянія колебаній и безпокойства, въ которомъ мы оба находимся. Покуда, я вооружаюсь и буду продолжать вооружаться. Я къ этому вынужденъ для того, чтобы меня не взяли врасплохъ; для того, чтобы съ моей стороны было сдѣлано все то же, что и съ вашей. Какъ мнѣ оставаться спокойнымъ на счетъ этого очевиднаго измѣненія въ видахъ и чувствахъ ко мнѣ Императора Александра? Я знаю, что при Императорѣ Александрѣ есть генералъ, которому было поручено предложить Швеціи, за ея нейтралитетъ и даже содѣйствіе на случай войны со мною, возвращеніе бѣльшей части Финляндіи, а именно всей сѣверной части этой провинціи, и общее владѣніе Аландскими островами. Я знаю также, что вы спѣшите заключить миръ съ Турками, предлагая имъ, для ускоренія дѣла, новыя условія, отказываясь на сей разъ отъ всегдашняго вашего притязанія удержать подъ вашимъ владычествомъ Молдавію и Валахію. Эти

новыя рѣшенія съ вашей стороны, противуположныя всѣмъ началамъ, которыми вы руководствовались до сихъ поръ,—не должны ли мнѣ они служить доказательствомъ, что, рѣшившись на войну со мною, вы жертвуете ей всѣмъ тѣмъ, что вы находили для себя выгоднымъ? Отступленіе пяти дивизій вашей дунайской арміи произвело столь сильное впечатлѣніе въ Константинополь, что Рейсъ-эффенди тотчасъ извѣстилъ о томъ моего повѣреннаго въ дѣлахъ, предупреждая его, что теперь вы направите всѣ ваши силы противъ меня, и Янинскій паша, узнавъ объ этомъ, тотчасъ далъ о томъ знать губернатору острова Корфу и тотчасъ устранилъ всѣ препятствія къ подвозу на островъ провіанта съ материка. Если вы начнете со мною войну, предупреждаю васъ, что нападу на васъ съ большими силами: во первыхъ сѣверо-германская армія назначена для дѣйствій противъ васъ; затѣмъ войска, расположенныя во внутренности Франціи, перейдутъ Рейнъ для того же; а въ третьихъ, я устраиваю въ Италіи большой лагерь, войска котораго, также назначенныя противъ васъ, должны будутъ двинуться на ваши границы черезъ югъ Германіи. Раскрывая вамъ такимъ образомъ мои планы, повторяю, что я не хочу войны, въ особенности съ вами: я не новпчокъ въ военномъ искусствѣ,—я имъ занимался всю жизнь, и льщу себя тѣмъ, что нѣсколько умѣю расчитывать и подготавливать напередъ военныя событія». Произпесши эти слова,—онъ распросилъ меня о моемъ здоровьи и простился со мною.

Я забылъ, Государь, вставить въ это донесеніе, что Императоръ Наполеонъ, выслушавши увѣренія, сдѣланныя ему мною отъ имени В. В.—ва, сказалъ:—«Видите ли, князь Куракинъ, теперь, когда

вы входите ко мнѣ съ шлемомъ на головѣ, эти увѣренія не могутъ произвести на меня того дѣйствія, которое бы они не минуемо имѣли, если бы вы предстали передо мною съ бѣлымъ жезломъ въ рукахъ». Я тотчасъ отвѣтилъ ему, что, сохраняя подобіе, употребленное Е. В.—вомъ, могу увѣрить его, что голова моя не покрыта шлемомъ, и что я дѣйствительно думаю, что въ моихъ рукахъ бѣлый жезлъ; что по этому самому и осмѣлился я говорить съ нимъ о мирныхъ и дружественныхъ увѣреніяхъ, которыя поручили мнѣ передать ему В. И. В.—во.

Смѣю считать, Государь, весьма прискорбнымъ (по тратѣ времени, которое протечетъ прежде, чѣмъ намъ удастся все уладить миролюбиво съ Императоромъ Наполеономъ) то обстоятельство, что В. И. В.—во не изволили снабдить меня предварительно инструкціями, достаточными для начатія переговоровъ о вознагражденіяхъ, желательныхъ для герцога Ольденбургскаго, и о прочихъ предметахъ, въ настоящее время лежащихъ

поводъ въ безпокойству и запросамъ Франціи.

Да соизволите В. И. В.—во облечь меня теперь, какъ того желаетъ Императоръ Наполеонъ, своимъ полномочіемъ для открытія и заключенія переговоровъ, которые касались бы вознагражденія герцога, Вашего дяди, за утрату его герцогства; да соизволите В. В.—во въ то же время и въ той же формѣ уполномочить меня на возобновленіе вопроса о бывшей Польшѣ, для того, чтобы новая конвенція дала этому вопросу прочное разрѣшеніе; и смѣю думать, что при моемъ усердіи и рвеніи къ Вашей Особѣ и службѣ, мнѣ удастся покончить здѣсь эти два дѣла способомъ быстрымъ и гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ могутъ они быть разрѣшены въ Петербургѣ, значительнаго удаленія котораго отъ Парижа уже достаточно, чтобы лишитъ эти дѣла того дѣятельнаго хода, который, по моему мнѣнію, въ настоящихъ обстоятельствахъ есть единственный, соотвѣтствующій интересамъ В. И. В.—ва. Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Б. КУРАВИНА КЪ НАНЦЛЕРУ ГРАФУ РУМЯНЦОВУ *).

№ 1902.

Paris, le 3/15 Août 1811.

Par le Chasseur Kawnatzky.

Monsieur le Comte!

Il est minuit. Je retourne seulement dans cet instant des Tuilleries et, quelque fatigné

*) Время, къ которому относятся эти замѣчательныя письма, описано превосходно четырьмя стихами Пушкина, который, вспоминая именно эту зловѣщую въ Русской исторіи осень, сказалъ:

Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала: еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго парода;
Еще грозилъ и колебался онъ.

que je sois, je me mets à écrire pour rendre compte à S. M. I., par l'organe de V. E., de l'entretien inattendu et très important, que l'Empereur Napoléon a jugé à propos d'avoir avec moi ce soir et qui a duré plus de deux heures dans sa salle du trône, en présence de sa Cour assemblée et de tous les Ministres étrangers. Mais avant de m'en acquitter, je veux parler de la manière, dont la feté d'aujourd'hui s'est passée. A l'audience diplomatique, qui a eu lieu à midi et demie, l'Empereur me fit l'honneur de m'adresser deux fois la parole. Il me demanda des nouvelles de S. M. I. et de l'endroit de Son séjour actuel; en apprenant

qu'Elle étoit à présent à Kammennoy Ostrow, dont il connoissoit la situation, il me donna le tems de lui faire le récit du nouveau canal et des embellissemens dans le jardin, qui y ont été faits ce printems. La seconde fois qu'il s'approcha de moi, il me parla de ma santé et du jardin de l'Hôtel de Biron, que j'occupe. Le Corps Diplomatique suivit Leurs Majestés à la grande messe dans la chapelle de la Cour. La messe finie, nous allames chez S. M. l'Impératrice. A six heures nous nous rendimes à un diner de 60 couverts chez le Grand Maréchal du Palais, où je revis le Maréchal Bessières, Duc d'Istrie, après son retour d'Espagne. C'est à huit heures du soir, que nous nous rendimes, d'après l'annonce qui nous avoit été faite, dans les grands appartemens de l'Empereur pour le cercle. Il n'y eût pas de spectacle, comme on l'avoit crû. L'Empereur et l'Impératrice parurent à huit heures et demie, et sans s'arrêter allèrent se placer sur le balcon dans la salle des Maréchaux, donnant sur le jardin, pour assister au concert public et au feu d'artifice, qui fut tiré en face du château sur la Place de la Concorde. Je suis resté dans la salle du trône avec l'Archichancelier, le Prince du Bénévent, les trois Ambassadeurs, d'Autriche, d'Espagne et de Naples, et quelques uns des Ministres de l'Empereur. Après le feu d'artifice, l'Impératrice entra d'abord avec sa suite dans la chambre du trône, s'arrêta peu avec nous et se retira. Les voitures étoient prêtes, Leurs Majestés devant retourner immédiatement à St. Cloud. L'Empereur en attendant faisoit sa ronde ordinaire des dames, et y employa plus de tems que de coutume; car ayant trouvé aussi sur son passage les évêques du Concile, il s'arrêta également avec eux longtems. En retrans dans la salle du trône, où je me suis trouvé avec les autres Ambassadeurs, et qui s'est remplie dans l'instant par ceux qui ont le droit d'y entrer,

l'Empereur passa rapidement les personnes qui étoient entre la porte et moi, et ne s'arrêta que pour m'honorer de sa conversation. Elle a duré plus de deux heures et a été si longue et si animée, qu'elle a dû fixer l'attention de tous les assistaus. Avec des formes plus amicales elle a été cependant, par sa nature et par le but qu'elle indiquait, le pendant de celle, que l'Empereur a eue le même 15 d'Aout, il a trois ans, à St. Cloud, avec le Comte de Metternich, et qui a fait tant de bruit dans le tems. J'avoue que j'en suis inconsolable. J'ai eû le chagrin de m'entendre répéter par l'Empereur, devant tout le monde, tout ce qu'il a daigné me dire à l'audience particulière qu'il m'accorda il y a trois mois, tout ce qu'il a dit ensuite dans le même sens et sur les mêmes objets au Comte Schouwaloff, tout ses griefs et toutes ses plaintes contre la Russie, le mécontentement que lui avoient causé les dernières dépêches que j'avois reçues; que le Comte Lauriston, à qui V. E. les avoit communiquées, n'avoit pas manqué de lui observer qu'elles ne signifioient rien, et qu'elles ne conduisoient nullement aux éclaircissemens et à la fin, qu'on devoit tant souhaiter de part et d'autre; qu'il m'avoit fait dire par le Duc de Bassano que nous n'avions fait qu'un pas rétrograde, que nous ne voulons absolument pas nous expliquer et répondre aux avances qu'il nous a faites pendant six mois; que depuis six mois il propose de s'arranger sur l'affaire de l'Oldenbourg; qu'il a offert d'indemniser le Duc d'Oldenbourg par tout ce qui étoit à sa disposition, par Erfurt, par une population égale homme par homme, par un même revenu que celui qu'il avoit; mais que la Russie se taisoit sur ses propositions; qu'on ne m'avoit pas envoyé les pleins pouvoirs qu'il avoit désirés, pour que je puisse négocier et conclure l'arrangement, qui étoit devenu nécessaire entre nous; que je

ne pouvois pas soutenir que ces pleins pouvoirs ne fussent superflus, et que j'étois suffisamment accredité près de lui; qu'il savoit fort bien que je n'avois pas la latitude qu'il me falloit pour négocier et pour finir, s'il m'engageoit à le faire; que le Duché d'Oldenbourg n'appartenoit pas directement à la Russie, qu'il faisoit partie des états de la Confédération du Rhin, et que s'il étoit poussé à bout, toute négociation deviendroit désormais impossible; qu'il n'avoit aucun compte à rendre de ses démarches envers les membres de cette Confédération, en étant le Protecteur, et qu'il pouvoit fort bien mettre le Duc d'Oldenbourg, comme on disoit autrefois, au ban, puisqu'il ne vouloit pas remplir ses obligations, comme membre de cette Confédération; qu'il l'avoit fait sommer trois fois pendant la guerre d'Autriche d'envoyer son contingent, et qu'il ne l'avoit pas fait; qu'il me le disoit à présent, quoiqu'il ne l'ait encore dit à personne, pas même à son Ministre; que le Duc n'avoit cessé de faire la contrebande avec les Anglais; qu'un grand intérêt politique l'avoit forcé de réunir l'Oldenbourg; qu'en le faisant il n'avoit pas du tout songé à faire de la peine à l'Empereur de Russie et à le blesser, que ce petit Duché, qui ne rapportoit au plus que 500 mille francs par an, ne pouvoit être une pomme de discorde et une raison de rupture entre deux grands Empires, intéressés à être amis, comme la France et la Russie; que par égard pour l'intérêt, que l'Empereur pouvoit prendre au Duc, il lui avoit fait proposer de l'indemniser complètement, et que le silence, que Notre Auguste Maître gardoit sur ses propositions, malgré qu'il les avoit souvent répétées, prouvoit, que n'étant pas content de ses offres en Allemagne, il avoit une arrière pensée, et que celle-là étoit sans doute qu'il vouloit avoir Danzig; mais qu'il ne pouvoit pas céder cette ville, pendant que la Russie étoit armée, ou bien quelque district du

Duché de Warsovie, mais que par les mêmes raisons il n'y consentiroit jamais; que son honneur étoit engagé à soutenir et à conserver dans son intégrité ce nouvel état, formé par ses soins; qu'il l'avoit promis, et qu'il tiendrait sa parole; qu'il n'en céderoit pas un pouce de terrain, pas un village; qu'il l'avoit remis au Roi de Saxe, dont la sagesse étoit si connue, pour ôter toute inquiétude à la Russie; qu'il avoit agrandi le Duché de Warsovie par la Galicie, parceque son honneur lui avoit également prescrit de ne pas sacrifier à l'Autriche les Galiciens, qui pendant la guerre s'étoient revoltés en sa faveur; que malgré toutes mes assurances il voyoit fort bien et sans se tromper, que la Russie en vouloit au Duché de Warsovie, qu'elle vouloit l'engloutir, mais que son devoir lui prescrivait de s'y opposer; qu'il ne vouloit certainement pas nous faire la guerre, mais que c'étoit nous qui l'y provoquions; que notre Manifeste n'a pu produire sur la Prusse et l'Autriche l'effet que nous attendions, parceque l'une et l'autre avoient à se rappeler, la Prusse, que nous avions pu prendre sur elle Bialystock, et l'Autriche, que pour arrondir notre frontière près de la Galicie, nous avions pu fort bien nous accommoder de quelques districts de cette province: que cette protestation n'étoit pas une simple déclaration pour mettre en réserve les droits de l'Empereur et de Sa maison, comme j'ai continué de l'affirmer; que c'étoit un véritable Manifeste, et que cette manifestation des sentimens de l'Empereur pour lui et pour son alliance, que je n'ai cessé de citer aussi, n'y avoit été placée que comme un simple formulaire d'habitude; que la réunion de Hambourg avoit pu ne pas plaire à la Russie, qu'il le comprenoit à cause de son commerce; mais que ce qu'il ne pouvoit pas du tout comprendre, c'étoit le système actuel de la Russie et des combinaisons qu'elle pouvoit avoir; qu'elle

étoit en guerre avec l'Angleterre, en guerre avec les Turcs, et qu'elle se mettoit mal avec la France; qu'il avoit cru avoir payé tous ses comptes envers la Russie à Tilsit, à Friedland et à Austerlitz, comme il l'avoit fait envers l'Autriche, qui se le tenoit pour dit, et qu'il n'avoit qu'à se louer d'elle depuis sa dernière paix; qu'elle avoit eu l'erreur de croire, que pendant qu'il étoit occupé de la guerre d'Espagne, elle pouvoit regagner ce qu'elle avoit autrefois perdu, mais qu'elle en étoit revenue; que quelques fussent mes argumens, il disoit toujours que c'étoit nous qui avions armé les premiers; que l'Empereur avoit dit lui-même au Comte Lauriston, qu'il étoit prêt à faire la guerre, qu'il l'avoit donc été avant lui, et tandis qu'il ne songeoit pas à l'être; qu'à présent la chose étoit différente, qu'il ne cachoit pas qu'il armoit, qu'il avoit dépensé cent millions pour ses armemens, qu'ils étoient déjà très considérables, qu'il ne les interromproit pas et les continueroit toujours, pendant un an, pendant deux ans, pendant trois ans, tant que la Russie ne s'expliqueroit pas franchement sur ce qu'elle veut et ne s'arrangeroit pas avec lui sur ses griefs; que quoique je lui répétasse toujours qu'elle ne demandoit rien, qu'elle ne désiroit que la continuation de son amitié et de son alliance, il ne pouvoit y croire, que ses armemens prouvoient autre chose, qu'elle s'étoit fait déjà le plus grand mal, en se privant des moyens de faire sa paix avec les Turcs telle, qu'elle la vouloit, qu'elle y seroit facilement parvenue en continuant l'offensive et les succès sur la rive droite du Danube, qu'elle avoit eus l'année passée; que ce n'est qu'en avançant toujours, qu'on peut forcer l'ennemi à la paix, qu'on offre; qu'il ne concevoit pas comment on avoit pu fonder chez nous quelqu' espoir sus les négociations de Bucharest, et même comment on avoit pu s'en occuper après avoir diminué dans le même

tems nos armées sur le Danube, dont l'emploi et les nouvelles victoires auroient dû seconder la négociation pour la paix; qu'en retirant, par une vaine crainte et des articles de gazettiers, cinq divisions de la Walachie, nous nous y sommes si fort affoiblis, que notre défensive ne pourra être également suffisante sur tous les points; que la bataille de Rudschuck fait l'éloge de la valeur de nos troupes, mais que le général s'étoit trop avancé hors de la ville; que c'étoit une victoire militairement parlant entre généraux, comme nous le sommes, dit-il en regardant le Prince de Schwartzemberg, qui se tenoit à coté de moi; «mais comme je vous parle d'objets politiques, je dirai que vous êtes politiquement battus, puisque vous avez abandonné Rudschuck que vous vouliez et que vous deviez conserver comme une tête de pont; car c'est s'abuser que de croire qu'on peut empêcher le passage d'un grand fleuve, quand on n'a pas de tête de pont sur l'autre rive de ce fleuve. En ne cachant pas que je suis armé déjà, en avouant que je continueroi mes armemens, c'est que j'ai pu les faire, et qu'ils me seront plus faciles et moins pénibles qu'à la Russie, parceque j'ai plus d'argent et plus de moyens qu'elle, j'ai dit que je ne veux point faire la guerre à la Russie, et que je puis rester trois ans dans l'état armé où je suis; mais si dans cet intervalle la Russie ne s'explique pas sur ce qu'elle veut, sur son mécontentement, et que nos différends ne s'appaisent pas, je ne pourrai pas continuer toujours les mêmes sacrifices; les mesures que je prends et que je continuerai à prendre, en restant armé, m'enlèveront mon argent, et quand je me verrai sur le point de n'en plus avoir, je serai obligé malgré moi de tirer l'épée; je ne veux pas la guerre, je ne veux pas aller la chercher si loin dans le Nord, je ne veux pas rétablir la Pologne, je l'ai déclaré positivement dans mes discours publics au Corps Legislatif

et de toute manière; je l'ai dit au P-ce Ponia-tovsky: les Polonais le savent. Si je suis forcé à la guerre, je puis être battu aussi, mais si je ne le suis pas, le rétablissement de la Pologne en sera le premier résultat. Je suis prêt encore à tranquilliser la Russie sur ce point par une convention, comme celle qui alloit se conclure et qu'il ne m'a pas été possible de ratifier, à cause d'un mot, d'une phrase, que le comte Romanzoff a voulu y insérer, et que je n'ai pu admettre, parcequ'il est au dessus des forces humaines d'y souscrire et de l'exécuter. Je suis prêt à cette convention, pourvu que le Comte Romanzoff ne s'avise pas d'insister sur cette phrase: *que la Pologne ne sera jamais rétablie*, car j'aurai à y répondre toujours ce que j'ai répondu. J'ai levé une nouvelle conscription, je me suis armé, j'ai augmenté la garnison et les fortifications de Danzig, mais je ne l'ai fait que quand des avis les plus détaillés me parvenoit de toute part sur les grands armemens de la Russie, quoique le Duc de Vicence ne m'en disoit rien, et qu'à Pétersbourg on s'efforçoit toujours à les lui contredire. J'ai fait de nouveaux bataillons dans les regimens de mon armée. Au mois de Novembre j'aurai deux cent mille hommes, indépendamment des quatre vingt mille hommes, que j'ai envoyés cette année en Espagne. L'année prochaine je léverai encore une conscription, qui me donnera de nouveau deux cent mille hommes de plus contre vous, sans y compter les troupes de la Confédération du Rhin et celles du Duché de Warsovie; dans deux ans je renouvellerai la même mesure et j'aurai alors six cent mille hommes à ma disposition. En continuant ainsi à augmenter progressivement mes forces contre la Russie, je continuerai à envoyer vingt cinq mille hommes chaque année en Espagne, et pour y finir la guerre, je ne ferai pas ce que vous faites pour finir la votre contre les Turcs: des fantômes chimériques ne

m'effrayeront pas hors de propos! Comment pouvois-je ne pas croire aux informations qui me parvenoit sur vos armemens, et à la direction, que vous leur donniez contre moi, puisque vous les augmentiez au détriment de vos propres intérêts, en y faisant servir les troupes que vous aviez en Finlande et en rappelant cinq divisions de Votre armée contre les Turcs, ce qui a si efficacement changé l'état et la balance de votre guerre contr'eux? L'Empereur Alexandre ne veut pas la faire; il le dit, Vous ne cessez de le répéter, je veux y croire; mais les faits ne sont pas conformes aux paroles. Le Duc de Vicence, revenu tout ensorcelé de la Russie, a voulu me soutenir que ces cinq divisions n'avoient pas quitté la Walachie; mes nouvelles directes me le confirmoient pourtant, et j'ai vu qu'il n'a pu qu'être abusé par tout ce qu'on lui faisoit accroire à Pétersbourg. Le Comte de Lauriston est également comblé de marques de faveur de l'Empereur, depuis les cinq mois qu'il y est. Un Ambassadeur peut être fort sensible à de pareilles distinctions, mais il ne doit pas s'oublier en faisant sa cour au pays où il est envoyé; il y a des occasions où il doit agir avec énergie et développer la vérité toute entière. L'affaire de l'Oldenbourg doit finir, elle a commencé et alimente seule nos différends. On n'a pas voulu vous envoyer les pleins-pouvoirs que vous avez demandés, qu'on envoie donc ici des plénipotentiaires pour en traiter et la finir; je ne désire et ne demande que cela. En attendant on Vous ôte un bon secrétaire, auquel Vous étiez accoutumé, et on vous laisse dans l'embarras sans un bon aide pour vous soulager dans votre travail. J'ai répliqué, que le Comte de Nesselrode avoit demandé un semestre pour retourner en Russie; qu'il y avoit acheté des terres en commun avec le Prince Gagarin, et que ses affaires domestiques l'y rappelloient pour quelque tems. «L'Empereur Alexandre et le Com-

le Romanzoff vont être comptables des maux, qu'ils feront éprouver à l'Europe, par la guerre. On peut savoir quand on veut la commencer, mais on ne peut savoir comment et quand on peut la finir. La franchise doit être toujours le langage des grandes puissances, et on ne l'observe pas chez vous. Je ressentis la plus grande satisfaction quand le général Lauriston m'informa, que l'Empereur lui avoit dit qu'il auroit bien besoin de renvoyer sur le Danube les cinq divisions, qu'il en a retirées et qu'il le feroit dès que je diminuerai de moitié ma garnison de Danzig. Je vis dans cette franchise un commencement de rapprochement, et je m'étois flatté que tout alloit finir entre nous, mais on en a fait un objet de réticence envers vous; on ne vous en a rien dit dans les dépêches que vous venez de recevoir; on n'a pas même voulu que vous me le confirmassiez officiellement; on ne vous répond rien sur le compte, que vous avez certainement rendu de ma conversation avec vous, et sur celle que j'ai eue avec Schouwaloff, où je lui ai répété ce que je vous ai dit; on s'est tû sur toutes les représentations que vous avez dû faire; ce silence n'indique-t-il pas clairement qu'ils ont à Pétersbourg une arrière-pensée, et une intention, qu'ils masquent encore par des protestations. Ils sont inconcevables dans leur aveuglement: on ne les comprend pas; ils agissent comme la Prusse l'a fait en courant d'elle même à sa perte. Je ne suis pas comme le Comte Romanzoff qui s'amuse à rire et à faire des calembourgs de tout; moi, je ne sais pas en faire autant, je prends tout au sérieux et j'agis d'après les conclusions, que me présentent mon devoir envers mes peuples et le véritable état des choses. Je sais que vous voulez expédier un courrier; expédiez-le, informez l'Empereur Alexandre de tout ce que vous venez d'entendre de moi; je connois son bon esprit et j'y compte beaucoup. C'est depuis un an que j'ai

commencé à remarquer du changement dans sa manière d'être vis-à-vis de moi; ce n'est pas officiellement que je vous ai parlé, ce n'est que par forme de conversation; enfin je désire vivement que vos souhaits s'accomplissent, et que vous puissiez voir bientôt, comme vous le croyez, toutes les difficultés applanies entre nous, et nos relations rétablies sur l'ancien pied.»

Après avoir dit ces paroles, l'Empereur me salua, de même que le Prince de Schwarzenberg, et se retira d'abord.

Toutes les dames, les Evêques, et tous ceux qui remplissoient les trois salles, qui précèdent la salle du trône, où nous nous trouvions, avoient pris le parti de s'en aller pendant ce long entretien. Quand nous traversâmes ces salles, nous y trouvâmes la seule comtesse Daru, ayant ôté les diamans de ses cheveux, et s'impatientant beaucoup de ce que son mari ne venoit pas la chercher.

Je dois dire que l'Empereur Napoléon m'a parlé d'une voix demi-basse, fort poliment, se servant souvent d'un ton amical et familier, et qu'il n'y a que le Prince de Schwarzenberg et le Duc de Campo Chiaro, Ambassadeur du Naples, mes voisins à mes deux côtés, qui ont pu suivre le fil de ses idées, et entendre distinctement ce qu'il me disoit. Le reste de l'assemblée n'a pu qu'en faire des conjectures. J'ai cruellement souffert des jambes, pour avoir été si longtemps debout et sur la même place. J'étois, je l'avoue, affligé et piqué au vif, de ce que l'Empereur Napoléon avoit jugé à propos de m'exposer à cette scène; car c'en étoit une très réelle, et que connoissant mes sentimens, il n'ait pas préféré de me faire venir dans son cabinet, pour me dire en particulier ce qu'il me disoit en public, sans aucune nécessité, et de ce qu'en me le disant d'une manière si désagréable pour moi, au cercle, avec cette authenticité,

il instruisoit ceux qui l'écoutoient du pied réciproque, sur lequel nous sommes maintenant avec la France, ainsi que des dispositions, que produisoient en lui les causes de son mécontentement et ses plaintes contre nous. Mais j'ai tâché de garder la meilleure contenance que j'ai pû; je n'ai pas paru un instant abattu, on inquiet, ou impatienté; avec une attitude immobile, l'air le plus calme, et le sourire toujours à la bouche, j'intervenois pour lui faire mes réponses, mes objections et mes assurances: je me dispense de les détailler parcequ'il est aisé de les préjuger d'après les ordres de notre auguste Maître, qui m'étoient parvenus à différentes époques, et d'après le devoir que j'avois à remplir comme son fidèle et très zélé serviteur.

Je sens que j'aurois dû adresser un rapport direct à S. M. I. sur cette longue et étonnante conversation, dont l'Empereur Son allié m'a honoré; mais en respectant Ses occupations, et n'ayant pas eu le bonheur de recevoir aucune réponse de Sa part, depuis près de trois ans, que je suis ici, je n'ai osé le faire. Je me borne donc à en informer V. E. avec toutes les circonstances, que ma mémoire a pû saisir, et je vous prie, Mr. le Comte, d'avoir la bonté de mettre cette dépêche en original sous les yeux de S. M.

J'ai l'honneur d'être. etc.

P. S. Paris, le ⁵/₁₇ Août, 1811.

En relisant cete dépêche, déjà copiée, ma mémoire m'a mieux servi que quand je l'ai écrite la nuit passée, entre minuit et six heures du matin, luttant contre le sommeil et la lassitude qui m'accabloient. Je me suis rappelé de quelques idées et expressions particulières de l'Empereur Napoléon, qui m'étoient échappées à ma première rédaction, et comme elles ne peuvent être indifférentes, comme

tout ce qui vient de ce Monarque, je m'empresse de les faire savoir à V. E. pour compléter et rendre encore plus exact le récit, que je lui transmets, de la conversation, que S. M. I. et R. a eu hier au soir pendant le cercle avec moi. Les voici:

«Ne concevant rien à la marche qu'on suit chez vous, je suis comme l'homme dans l'état de nature, qui, lorsqu'il ne comprend pas, se méfie.—Il y a pourtant des talens en Russie, mais ce qui s'y fait prouve, ou qu'on a perdu la tête, ou qu'on a des arrières pensées. Dans le premier cas vous ressemblez à un lièvre, qui a du plomb dans la tête, qui tourne et tourne sans savoir quelle direction il suivra et où il arrivera».

En parlant de la Pologne et qu'il ne songeoit pas à la retablir il a dit: «voulez-vous des assurances, des conventions, *la garantie de l'Autriche*, vous les auez».

Ut in litteris.

Царижъ, ³/₁₅ Августа 1811.

Съ егеремъ Кавницкимъ.

Графъ,

Теперь полночь. Только что возвращаюсь изъ Тюллери и, не смотря на усталость, сажусь писать къ Вамъ, чтобы чрезъ посредство В. С—ва отдать Е. И. В—ву отчетъ въ неожиданнымъ и весьма важномъ разговорѣ, который Императоръ Наполеонъ счелъ пужнымъ имѣть со мною нынче вечеромъ, и который длился болѣе двухъ часовъ въ его тронной залѣ, въ присутствіи всего его Двора и всѣхъ иностранныхъ пословъ. Но прежде чѣмъ это исполнить, хочу поговорить о томъ, какъ прошелъ сегодняшній праздникъ. На дипломатическомъ приѣмѣ, который происхо-

диль въ половинѣ перваго, Императоръ сдѣлалъ мнѣ честь два раза обратиться ко мнѣ. Онъ спрашивалъ меня о здоровьи Е. И. В—ва и о мѣстѣ Его настоящаго пребыванія; узнавъ, что Онъ теперь на Каменномъ Острову, положеніе котораго ему извѣстно, онъ далъ мнѣ время разсказать ему о новомъ каналѣ и объ украшеніяхъ, произведенныхъ нынѣшнею весною въ саду. Подошедши ко мнѣ во второй разъ, онъ говорилъ о моемъ здоровьи и о садѣ отеля Бирона, въ которомъ я живу. Дипломатическій корпусъ сопутствовалъ Ихъ Величествамъ къ торжественной обѣднѣ въ дворцовой церкви. По окончаніи обѣдни, мы отправились къ Е. В—у Императрицѣ. Въ шесть часовъ, мы были на обѣдѣ, на 60 кувертовъ, у великаго маршала дворца, и я тутъ увидѣлъ маршала Бессьера, герцога Истрійскаго, вернушагося изъ Испаніи. Въ восемь часовъ вечера мы, согласно повѣсткѣ, перешли въ большіе апартаменты Императора. Спектакля, котораго ожидали, не было. Императоръ и Императрица явились въ половинѣ девятаго, и не останавливаясь, прошли на балконъ, выходящій изъ залы маршаловъ въ садъ, чтобы присутствовать при публичномъ концертѣ и при фейерверкѣ, который былъ сожженъ насупротивъ дворца, на площади Согласія. Я остался въ тронной залѣ съ архи-канцлеромъ, княземъ Беневентскимъ, съ тремя послами—австрійскимъ, испанскимъ и неаполитанскимъ и съ нѣкоторыми изъ министровъ Императора. Послѣ фейерверка, Императрица тотчасъ вошла въ тронную залу, немного остановилась съ нами, и затѣмъ удалилась. Кареты были готовы, такъ какъ Ихъ Величества немедленно должны были вернуться въ Сень-Клу. Императоръ между тѣмъ, по своей привычкѣ, обходилъ дамъ и упо-

ребилъ на это болѣе времени, чѣмъ обыкновенно; ибо, встрѣтивши также на своемъ пути епископовъ собора, онъ и съ ними надолго остановился. Возвращаясь въ тронную залу, гдѣ я находился съ прочими послами, и которая тотчасъ наполнилась тѣми, которые имѣютъ право въ нее входить, Императоръ быстро прошелъ мимо лицъ, стоявшихъ между дверью и мною, и остановился только, чтобы почтить меня своимъ разговоромъ. Разговоръ этотъ тянулся болѣе двухъ часовъ и былъ столь длиненъ и столь оживленъ, что долженъ былъ приковать къ себѣ вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Въ формахъ хотя болѣе дружественныхъ, разговоръ этотъ, однакоже, по своему свойству и по цѣли, на которую онъ указывалъ, былъ повтореніемъ того разговора, который Императоръ имѣлъ того же 15-го Августа, три года тому назадъ, въ Сень-Клу, съ графомъ Меттернихомъ, и который въ свое время надѣлалъ столько шума. Сознаюсь, что я безъутѣшенъ. Я имѣлъ неудовольствіе выслушать отъ Императора, при всѣхъ, все то, что онъ изволилъ сказать мнѣ на частной аудіенціи, которую онъ давалъ мнѣ три мѣсяца тому назадъ; все то, что онъ затѣмъ говорилъ въ томъ же смыслѣ и о тѣхъ же предметахъ гр. Шувалову,—въ его жалобы на Россію; его неудовольствіе на послѣднія полученія мною депеши; что гр. Лорпстонъ, которому В. С—во ихъ сообщали, не преминулъ сообщить Вамъ, что онъ ничего не значать; что онъ не ведутъ къ объясненіямъ и къ концу столь желательному для обѣихъ сторонъ; что онъ велѣлъ мнѣ сказать черезъ герцога Бассано, что мы сдѣлали лишь шагъ назадъ; что мы рѣшительно не хотимъ объясниться и отвѣчать на шаги, дѣлаемые нѣмъ въ теченіи шести мѣсяцевъ;

что вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ онъ предлагаетъ согласиться на счетъ Ольденбургскаго дѣла; что онъ предлагалъ вознаграждать герцога Ольденбургскаго всѣмъ, что было въ его власти: Эрфуртомъ, населеніемъ, равнымъ Ольденбургскому, доходомъ, равнымъ утраченному имъ,—но что Россія молчитъ въ отвѣтъ на эти предложенія; что мнѣ не прислали полномочій, которыхъ онъ желалъ для того, чтобы и могъ вести переговоры о необходимомъ между нами соглашеніи; что я не могу утверждать, чтобы эти полномочія были излишни и чтобы я былъ достаточно аккредитованъ при немъ; что онъ очень хорошо знаетъ, что я не имѣю достаточной свободы для того, чтобы вести переговоры и покончить ихъ, если онъ того пожелаетъ; что герцогство Ольденбургское не принадлежитъ прямо Россіи; что оно входитъ въ составъ государствъ Рейнскаго Союза, и что если доведутъ его до крайности, всякіе переговоры сдѣлаются затѣмъ невозможными; что онъ, будучи покровителемъ этого Союза, не обязанъ никому отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ относительно членовъ онаго, и что онъ имѣетъ полное право исключить герцога Ольденбургскаго изъ Союза, такъ какъ онъ отказывается исполнять свои членскія обязанности; что онъ, во время войны съ Австріею, три раза побуждалъ его выслать свой контингентъ, но что онъ этого не сдѣлалъ; что онъ говоритъ мнѣ это теперь, хотя до сихъ поръ не говорилъ этого никому, даже своему министру; что герцогъ не переставалъ вести контрабандную торговлю съ Англичанами; что великій политическій интересъ вынудилъ его присоединить Ольденбургъ; что дѣлая это, онъ и не думалъ огорчать и оскорблять Русскаго Императора; что это

маленькое герцогство, приносящее много 500 тысячъ франковъ дохода, не могло служить яблокомъ раздора и причиною разрыва между двумя великими Имперіями, столь заинтересованными въ сохраненіи взаимнаго согласія, какъ Франція и Россія; что изъ уваженія къ участию, которое могъ принимать Императоръ въ герцогѣ, онъ предложилъ ему полное вознагражденіе, и что молчаніе нашего Государя объ этихъ предложеніяхъ доказываетъ, что мы недовольны его предложеніями въ Германіи; что у насъ есть задняя мысль—безъ сомнѣнія, желаніе приобрѣсти Данцигъ, но что онъ не можетъ уступить этого города, пока Россія вооружена, или какой-либо округъ Герцогства Варшавскаго, но что онъ по тѣмъ же причинамъ никогда не согласится на это; что его честь замѣшана въ томъ, чтобы сохранить въ цѣлости это новое государство, устроенное его заботами; что онъ это обѣщалъ и сдержитъ слово; что онъ не уступитъ изъ него ни единой пяди земли, ни единой деревни; что онъ отдалъ его королю Саксонскому, столь извѣстному своею мудростію, чтобы отнять у Россіи всякій поводъ къ безпокойству; что онъ увеличилъ Варшавское герцогство присоединеніемъ Галиціи, потому что честь предписывала ему также не приносить въ жертву Австріи Галичанъ, во время войны возмутившихся въ его пользу; что, несмотря на всѣ мои увѣренія, онъ видитъ ясно и безошибочно, что Россія льститъ на Варшавское герцогство, что она хочетъ поглотить его, но что онъ обязанъ тому воспротивиться; что онъ, конечно, не хочетъ войны съ нами, но что мы его на нее вызываемъ; что нашъ манифестъ, разосланный ко всѣмъ дворамъ Европы, лучшее тому до-

казательство; что, какъ ему очень хорошо извѣстно, этотъ манифестъ не могъ про- извести на Пруссію и на Австрію ожидаемаго нами дѣйствія, ибо Пруссія должна была помнить, что мы взяли у нея Бѣлостокъ, а Австрія, что мы, для округленія нашей границы, были весьма довольны отнять у нея нѣсколько округовъ Галиціи; что нашъ протестъ не есть простое заявленіе для огражденія правъ Императора и его дома, какъ продолжаю я утверждать, но настоящій манифестъ; что выраженія въ немъ, относящіяся до чувствъ Государя къ нему и до союза съ Франціею, на которыя я такъ безпрестанно ссылаюсь, вставлены сюда лишь какъ простая, обычная формула; что присоединеніе Гамбурга могло не понравиться Россіи, что онъ это понимаетъ, по причинѣ его торговли, но что онъ вовсе не можетъ понять системы, которой въ настоящее время держится Россія, и соображеній, которыми она можетъ руководствоваться; что она въ войнѣ съ Англіею, въ войнѣ съ Турками, и сверхъ того расходится съ Франціею; что онъ думалъ, что разсчитался съ Россіею въ Тильзитѣ, подъ Фридрихсборгомъ и Аустерлицемъ, какъ уже разсчитался съ Австріею, которая это сознаетъ и которую онъ можетъ только похвалить со времени послѣдняго мира; что она было вообразила, что можетъ, пользуясь его войною съ Испаніею, возвратитъ себѣ потерянное, но что она въ этомъ разувѣрилась; что каковы бы ни были мои доводы, онъ все-таки скажетъ, что мы вооружились первыя; что Государь Самъ сказалъ графу Лористону, что онъ готовъ на войну, слѣдовательно, Онъ былъ на нее готовъ прежде его, и когда онъ о ней еще не думалъ; но что теперь иное дѣло, и онъ не скрываетъ, что воору-

жается, что издержалъ сто милліоновъ на вооруженія, что эти вооруженія уже теперь значительны, и что онъ не прерветъ ихъ, а будетъ увеличивать въ теченіи года, двухъ лѣтъ, трехъ лѣтъ, пока Россія не объяснится откровенно на счетъ того, чего она хочетъ, и не уладитъ съ нимъ своихъ неудовольствій; что хотя я постоянно повторяю ему, что она ничего не хочетъ, что она желаетъ лишь продолженія его дружбы съ нимъ, онъ не можетъ тому вѣрить; что ея вооруженія доказываютъ противное; что она уже нанесла себѣ величайшій вредъ, лишивъ себя возможности заключить съ Турками миръ, согласный съ своими желаніями; что этого достигнуть ей было бы легко, еслибы она продолжала наступленіе и преслѣдовала успѣхи, одержанные ею въ прошломъ году на правомъ берегу Дуная; что лишь постоянно наступая можно принудить непріятеля къ предлагаемому миру; что онъ не понимаетъ, какъ могли у насъ возлагать какія-либо надежды на переговоры въ Букарештѣ, и даже какъ могли ими запятаясь, уменьшивши въ то же время войска на Дунаѣ, движенія и новыя побѣды которыхъ должны были бы содѣйствовать переговорамъ о мирѣ; что отодвинувши, изъ пустаго страха передъ писаніями газетчиковъ, пять дивизій изъ Валахій, мы до того въ ней ослабили себя, что наша оборона не на всѣхъ пунктахъ будетъ достаточна; что Рущукская битва дѣлаетъ честь храбрости нашихъ войскъ, но что главнокомандующій слышавъ далеко выступилъ изъ города. «Это побѣда, говоря по-военному, между генералами какъ мы, сказалъ онъ, взглянувъ на князя Шварценберга, стоявшаго около меня;—но такъ какъ я говорю о предметахъ политическихъ, то я скажу, что

политически вы побиты: ибо вы оставили Рущукъ, который вы хотѣли и должны были сохранить, въ качествѣ tête de pont; ибо ошибочно думать, что можно препятствовать переправѣ черезъ большую рѣку, не владѣя tête de pont по ту сторону ея. Не скрываю, что я уже вооруженъ и что я еще увеличу мои вооруженія, и это потому, что я могъ это сдѣлать, что вооруженія для меня легче, менѣе тягостны, чѣмъ для Россіи, ибо я имѣю болѣе денегъ и болѣе средствъ, чѣмъ она. Я сказалъ, что не желаю воевать съ Россіею, и что могу оставаться три года въ томъ вооруженномъ состояніи, въ которомъ теперь нахожусь; но если въ этотъ промежутокъ времени Россія не объяснится насчетъ того, чего она хочетъ, насчетъ своихъ неудовольствій; если наши распри не уладятся,—мнѣ нельзя будетъ продолжать постоянно тѣ же жертвы; мѣры, которыя я принимаю и буду продолжать принимать, поглотятъ мои деньги, и когда я увижу себя наканунѣ ихъ истощенія, я буду вынужденъ противъ воли взяться за оружіе. Я не хочу войны, я не хочу искать ея такъ далеко на сѣверѣ, я не хочу возстановленія Польши, и это высказалъ положительно въ моихъ публичныхъ рѣчахъ въ законодательномъ корпусѣ и всякими иными способами; я это сказалъ князю Понятовскому; Поляки это знаютъ. Если я буду вынужденъ къ войнѣ, я также могу быть побѣжденъ; но если этого не случится, то первымъ послѣдствіемъ того будетъ возстановленіе Польши. Я еще готовъ успокоить Россію на этотъ счетъ посредствомъ конвенціи подобной той, которая едва не была заключена и которой я не могъ утвердить вслѣдствіе слова, фразы, которую хотѣлъ включить въ нее графъ Румянцевъ, и

которой я не могъ допустить, ибо обязаться ею и ее исполнить—сверхъ человѣческихъ силъ. Я готовъ на эту конвенцію, только бы графъ Румянцевъ не вздумалъ настаивать на этой фразѣ, что *Польша никогда не будетъ возстановлена*, ибо мнѣ всегда придется отвѣчать на нее то же, что я уже отвѣчалъ. Я произвелъ новую конскрипцію, я вооружился, я усилилъ гарнизонъ и укрѣпленія Данцига, но я сдѣлалъ все это лишь тогда, когда до меня стали доходить со всѣхъ сторонъ самыя подробныя извѣстія о значительныхъ вооруженіяхъ Россіи, хотя герцогъ Виценскій ничего не говорилъ мнѣ о нихъ, и въ Петербургѣ постоянно старались ихъ отъ него скрыть. Я сформировалъ новые батальоны въ полкахъ моего войска. Въ ноябрѣ, у меня будетъ двѣсти тысячъ человѣкъ, независимо отъ осьмидесяти тысячъ, посланныхъ мною нынѣшнимъ годомъ въ Испанію. Въ будущемъ году, я опять произведу конскрипцію, которая дастъ мнѣ еще двѣсти тысячъ человѣкъ противъ васъ, не считая войскъ Рейнскаго союза и Варшавскаго герцогства; черезъ два года, я повторю ту же мѣру, и тогда въ моемъ распоряженіи будетъ шестьсотъ тысячъ человѣкъ. Продолжая такимъ образомъ постепенно увеличивать мои силы противъ Россіи, я ежегодно буду посылать по 25 тысячъ человѣкъ въ Испанію, и для того, чтобы тамъ покончить войну, я не стану дѣлать того, что вы дѣлаете, чтобы покончить вашу войну съ Турками. Я не стану пугаться нехстати призраковъ собственнаго моего воображенія. Какъ могъ я не повѣрить свѣдѣніямъ, получаемымъ мною о вашихъ вооруженіяхъ и о назначеніи ихъ противъ меня, когда вы ихъ увеличивали въ ущербъ собственнымъ вашимъ интере-

самъ, употребляя на нихъ ваши войска, расположенныя въ Финляндіи, и пять дивизій вашей арміи, выдвинутой противъ Турокъ, чѣмъ существенно измѣнились шансы вашей войны съ ними? Императоръ Александръ не хочетъ войны,—онъ это говоритъ, вы непрестанно это повторяете; хочю вамъ вѣрить; но факты не согласуются со словами. Герцогъ Виценскій, который пріѣхалъ съ пристрастіемъ къ Россіи, хотѣлъ меня увѣрить, что эти пять дивизій не оставляли Валахіи; прямыя извѣстія однако подтверждали мнѣ противное, и я вижу, что онъ былъ обманутъ всѣмъ тѣмъ, что ему навязывали въ Петербургѣ. Графъ Лористонъ также осыпанъ знаками милости Императора въ тѣ пять мѣсяцевъ, которые онъ тамъ провелъ. Послу могутъ быть весьма лестны подобныя отличія, но онъ не долженъ забываться до того, чтобы ухаживать за страшною, въ которую онъ посланъ; есть случаи, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать съ энергіею и раскрывать всю истину. Ольденбургское дѣло должно быть покончено; но одно вызвало и поддерживаетъ всѣ наши неудовольствія. Вамъ не хотѣли прислать полномочій, о которыхъ вы просили; пусть же сюда пришлютъ уполномоченныхъ, чтобы договориться объ этомъ дѣлѣ и покончить его,—я только этого и желаю и требую. Между тѣмъ, у васъ отнимаютъ хорошаго секретаря, къ которому вы привыкли, и васъ оставляютъ въ затрудненіи, безъ хорошаго помощника, который могъ бы облегчить ваши труды». Я возразилъ, что графъ Нессельроде испросилъ себѣ отпускъ, чтобы съѣздить въ Россію, что онъ купилъ тамъ имѣнія со обща съ княземъ Гагариннымъ, и что его домашнія дѣла требуютъ, чтобы онъ тамъ пробылъ въ некоторое время. «Императоръ

Александръ и графъ Румянцевъ будутъ отвѣчать за бѣдствія, которыя они навлекутъ на Европу войною. Можно знать, когда хочешь ее начать, но нельзя знать, когда и какъ удастся ее кончить. Откровенностію всегда долженъ отличаться языкъ великихъ державъ, а у васъ ея не соблюдаютъ. Я былъ очень обрадованъ, когда генераль Лористонъ извѣстилъ меня, что Императоръ сказалъ ему, что ему очень нужно возвратить на Дунай пять дивизій, которыя онъ отодвинулъ оттуда, и что онъ это сдѣлаетъ, какъ только я уменьшу на половину мой гарнизонъ въ Данцигѣ. Я видѣлъ въ этой откровенности шагъ къ сближенію, и я надѣялся, что все между нами кончится; но отъ васъ это скрыли; вамъ объ этомъ ничего не сказали въ только что полученныхъ вами депешахъ; не захотѣли даже, чтобы вы мнѣ это подтвердили оффиціально; вамъ ничего не отвѣчаютъ на отчетъ, конечно вами посланный, о моемъ разговорѣ съ вами и о томъ, который я имѣлъ съ гр. Шуваловомъ, когда я повторилъ ему все то, что я говорилъ вамъ; отвѣчаютъ молчаніемъ на всѣ представленія, которыхъ вы не могли не сдѣлать. Это молчаніе не указываетъ ли ясно на то, что въ Петербургѣ имѣютъ заднія мысли и намѣренія, которыя пока скрываютъ увѣреніями въ дружбѣ? Они непостижимы въ своемъ ослѣпленіи; ихъ не поймешь; они дѣйствуютъ, какъ дѣйствовала Пруссія, когда стремилась къ собственной гибели. Я не чета графу Румянцеву, который надо всѣмъ острить и шутить; я этого не умѣю; и на все гляжу серьезно и дѣйствую по заключеніямъ, къ которымъ приводятъ меня мои обязанности къ моимъ народамъ и истинное положеніе дѣлъ. Я знаю, что вы хотите отправить курье-

ра; отправьте его; извѣстите Императора Александра о всемъ томъ, что вы отъ меня слышали; я знаю его здравый умъ и весьма на него рассчитываю. Вотъ уже годъ, какъ я началъ замѣчать измѣненіе въ его способѣ дѣйствій относительно меня; я говорилъ съ вами не оффиціально,—это простая бесѣда; наконецъ, отъ души желаю, чтобъ исполнились ваши желанія и чтобъ вамъ удалось вскорѣ увидѣть, какъ вы надѣетесь, всѣ затрудненія между нами улаженными, и наши отношенія поставленными на старинную ногу».

Сказавши эти слова, Императоръ поклонился мнѣ, точно такъ же какъ и князю Шварценбергу, и тотчасъ удалился.

Всѣ дамы, епископы и всѣ тѣ, которые наполняли три залы, предшествующія троичной, въ которой мы находились, рѣшились разойтись во время этого длиннаго разговора. Когда мы прошли черезъ эти залы, мы встрѣтили въ нихъ одну графиню Дарю, снявшую брилліанты съ своихъ волосъ, и весьма разстроенную тѣмъ, что ея мужъ медлитъ проводить ее домой.

Я долженъ сказать, что Императоръ Наполеонъ говорилъ со мною полутихимъ голосомъ, весьма учтиво, часто впадая въ дружескій и фамплярный тонъ, и что лишь князь Шварценбергъ и герцогъ Кампо Кіаро, Неаполитанскій посолъ, мои сосѣди по обѣ стороны, могли слѣдить за нитью его мыслей и явственно слышать, что онъ говорилъ. Всѣ остальные лица собранія могли лишь дѣлать догадки. Мои ноги жестоко страдали отъ столь долгаго стоянія на одномъ мѣстѣ. Я, признаюсь, былъ огорченъ и задѣтъ за живое тѣмъ, что Императоръ Наполеонъ счелъ нужнымъ подвергнуть меня этой сценѣ,—ибо это была настоящая сцена,—и что, зная

мои чувства, онъ не предпочелъ призвать меня въ кабинетъ, чтобы сказать мнѣ наединѣ то, что онъ говорилъ мнѣ при всѣхъ безъ всякой надобности; и тѣмъ, что, говоря мнѣ все это столь неприятнымъ способомъ, на приемѣ, и съ такою настойчивостію, онъ раскрывалъ всѣмъ окружающимъ его, на какой ногѣ мы теперь стоимъ съ Франціею, а также настроеніе, въ которое приводятъ его поводы къ неудовольствію и жалобамъ на насъ. Но я постарался сохранить самый спокойный видъ, какой только могъ; я ни на минуту не выказалъ ни смущенія, ни волненія, ни нетерпѣнія; неподвижный, съ видомъ яснымъ, съ постоянною улыбкою на устахъ, я отъ времени до времени прерывалъ его рѣчь отвѣтами, возраженіями и увѣреніями. Воздерживаюсь отъ подробнаго ихъ изложенія, ибо легко представить себѣ ихъ содержаніе. по приказаніямъ нашего Августѣйшаго Государя, дошедшимъ до меня въ разныя времена и по моимъ къ нему обязанностямъ преданнаго и усерднѣйшаго слуги.

Чувствую, что долженъ былъ бы написать прямое донесеніе къ Е. И. В-ву объ этомъ длинномъ и удивительномъ разговорѣ, коемъ почтилъ меня Императоръ. Его союзникъ; но, уважая Его занятія, и не имѣвъ чести, въ теченіи около трехъ лѣтъ, проведенныхъ мною здѣсь, получить отъ Него какой-либо отвѣтъ, я не посмѣлъ этого сдѣлать. Итакъ ограничиваюсь тѣмъ, что извѣщаю объ этомъ разговорѣ В—е С—ство, со всѣми подробностями, какія могла удержать моя память; и прошу Васъ, графъ, представить эту депешу въ оргиналъ на усмотрѣніе Государя Императора.

Р. S. Парижъ $\frac{5}{17}$ Авг. 1811.

При внимательномъ пересмотрѣ этой депеши, уже переписанной, память моя

послужила мнѣ лучше, чѣмъ когда я писалъ ее прошлою ночью, между полуночью и шестью часами утра, борясь противъ сна и усталости. Я вспомнилъ нѣсколько частныхъ мыслей и выраженій Императора Наполеона, которыя ускользнули отъ меня при первой моей редакціи; и такъ какъ все высказанное этимъ Государемъ имѣетъ интересъ, то спѣшу сообщить ихъ Вамъ, чтобы дополнить и сдѣлать еще болѣе точнымъ посылаемый мною отчетъ о вчерашнемъ разговорѣ со мною, во время пріема Е. И. и К. В.—ва. Вотъ они:

—«Не понимая ничего въ ходѣ дѣлъ у васъ, я поступаю какъ человѣкъ въ со-

стояніи природномъ, который, не разумѣя, не довѣряется. Въ Россіи однако есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову, или имѣютъ заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ, и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда онъ добѣжить».

Говоря о Польшѣ и о томъ, что онъ не думаетъ ее возстановлять, онъ сказалъ: —«Хотите вы удостовѣреній, конвенцій, *гарантии со стороны Австріи*—все это будетъ»...

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВИТСАГО ОФИЦЕРА *)

С. Г. Хомутова.

17-го Марта (1814) главная квартира была переведена въ деревню Кле, въ четырехъ миляхъ отъ Парижа. Генералъ Толь дѣлалъ рекогносцировку съ Императоромъ и княземъ Шварценбергомъ, и мы провели ночь за двѣ мили только отъ Парижа, въ деревнѣ Бонди. Въ Кле я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены: Полньякъ, которому принадлежала деревня Кле, увидался тамъ съ Гюбсономъ, другомъ его дѣтства и молодости, съ которымъ революція разлучила его, а война, возвративъ въ отечество, соединила съ потерянными друзьями.

18-го мы поѣхали съ генераломъ Толемъ очень рано утромъ, на мѣсто сраженія. Корпусъ маршала Мармона сталъ передъ самымъ Парижемъ въ очень крѣпкую позицію и собирался упорно защищаться. Его атаковали со всѣхъ сторонъ; жаркое сраженіе продолжалось около шести часовъ;

мы потеряли многихъ воиновъ и между прочими храбрыхъ нашихъ офицеровъ Кнорринга и Лютинскаго. Наконецъ, въ два часа по полудни, мы заняли высоты Бельвиля; тогда сраженіе рѣшилось въ нашу пользу, непріятель бѣжалъ, и Парижъ предсталъ нашимъ взорамъ. Невозможно описать, что мы почувствовали при этомъ зрѣлищѣ.

Я былъ подлѣ гр. Милорадовича. — «Вотъ, вскричалъ онъ, столица цѣлаго свѣта; я поподчую ее своимъ манеромъ», и велѣлъ бросить въ городъ нѣсколько бомбъ. Мы съ нимъ подошли къ самой заставѣ, но войска получили повелѣніе остановиться. Къ Императору пріѣхалъ парламентаръ, который объявилъ, что французская армія ретируется, и Парижъ сдается побѣдителямъ. Капитуляцію подписали, и всѣ не помнили себя отъ радости, всѣ обнимали другъ друга, поздравляли, показывали Парижъ рукой и благодарили Бога. Оставивъ графа Милорадовича, я не нашелъ генерала Толя при
Русскій Архивъ 1870. 6

*) См. Русскій Архивъ 1869, стр. 219—304.

Императоръ и, послѣ совершенія капитуляціи, поѣхалъ его искать. Поднимаясь на одну высоту, я увидѣлъ его ѣдущаго ко мнѣ на встрѣчу, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ Государя Императора и Барклая де Толли. Его Величество, увидя послѣдняго, закричалъ: «Михаилъ Богдановичъ, поздравляю васъ фельдмаршаломъ!» Государь объявилъ еще много другихъ награжденій, и мы поѣхали ночевать въ Бонди, довольные, счастливые, увѣнчанные безсмертною славою.

19-го Марта изъ Парижа пріѣхали въ Бонди члены сената и другіе чиновники. Государь Императоръ принялъ ихъ очень милостиво. Они увѣряли насъ, что Парижане ненавидятъ тиранское правленіе Наполеона и ожидаютъ насъ съ нетерпѣніемъ. Въ десять часовъ утра Государь Императоръ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Парижъ съ многочисленной свитой, въ которой и я находился. Вся наша гвардія, гренадерскій корпусъ, три кирасирскія дивизіи, часть артиллеріи, прусская гвардія, австрійскіе гренадеры, корпусъ Баварцевъ, корпусъ Виртембергцевъ и баденская гвардія, стояли въ парадѣ у воротъ, которыя еще были заперты. Какъ только Его Величество подъѣхалъ, ворота отворились, музыка загремѣла со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько кавалерійскихъ эскадроновъ и гвардейскіе казаки открыли маршъ, за ними ѣхалъ Императоръ съ королемъ Прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ. Народъ толпился около насъ, изъявляя величайшую радость. Всѣ бросались къ ногамъ Государя, цѣловали его одежду, даже его лошадей; насъ тоже безпрестанно останавливали, называли Русскихъ своими избавителями и кричали: «Да здравствуетъ Императоръ Александръ! Да здравствуетъ король Прусскій, да здравствуетъ Людовикъ восемнадцатый, да

здравствуютъ Бурбоны, да здравствуетъ миръ!»..

Государь Императоръ остановился въ Елисейскихъ поляхъ, и всѣ войска дефилировали передъ нимъ, что продолжалось болѣе четырехъ часовъ. Народъ окружалъ Его Величество, и надо было силою разсѣивать толпу. По окончаніи парада, Государь поѣхалъ во дворецъ принца Бенвентскаго, гдѣ онъ остановился, хотя ему былъ приготовленъ Елизе Бурбонъ. Намъ всѣмъ казалось, что мы видимъ прекрасный сонъ. Кто видѣлъ на яву входъ Всероссійскаго Императора въ столицу Франціи, тому, кажется, не остается ничего и желать!

20-го мы пробыли въ Парижѣ, и я весь день гулялъ по городу въ кабриолетѣ, въ фіакрѣ, верхомъ и пѣшкомъ, видѣлъ Пантеонъ, Лувръ, Тюльери; но въ одинъ день нѣтъ возможности осмотрѣть все достойное вниманія въ этомъ великомъ, образованномъ, славномъ городѣ. Парижане хотятъ имѣть на престолѣ Бурбоновъ и всѣ надѣли блужную кокарду. Сенатъ объявилъ, что Наполеонъ пересталъ царствовать, и учредилъ временное правленіе. Кажется, Бонапартъ навсегда лишенъ престола, который онъ пріобрѣлъ ужасными преступленіями и кровью многихъ несчастныхъ жертвъ. Онъ приближается со своей арміей, но теперь никто его не боится, и большая часть войскъ отъ него отстала.

Вечеромъ я былъ въ оперѣ. Хотѣли дать Траяна, пьесу, относящуюся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; но Государю Императору не угодно было принять столь лестное выраженіе приверженности Парижанъ. и онъ просилъ, чтобъ эту пьесу перемѣнили. Зала была уже полна зрителей, когда одинъ изъ актеровъ вышелъ объявить, что будутъ играть Веста лку. Это было принято съ общимъ негодованіемъ; поднялся страш-

ный шумъ, стучали ногами, руками, палками, кричали: Траяна, Траяна! Тотъ же самый актеръ сказалъ, что переѣхали пьесу по желанію Императора Александра, и мгновенно шумъ и крики утихли. При появленіи Императора Русскаго и Короля Прусскаго поднялись громкія восклицанія, радостные крики. Требовали, чтобъ сбить былъ орелъ, украшающій ложу Наполеона. Энтузіазмъ усиливался каждую минуту. Съ восторгомъ приняли старинную пьесу Генриха IV, и всѣ плакали, призывая на тронъ Бурбоновъ.

21-го, главная квартира князя Шварценберга пошла въ Шевилье, въ двухъ миляхъ отъ Парижа, и я поѣхалъ туда же и занялъ хорошія квартиры для генерала и для себя.

22-го. Сегодня Вербное Воскресенье; мы молились въ католической церкви. Мнѣ не такъ жаль Парижа, какъ жаль того, что я не могу слышать нашей службы въ Страстную недѣлю.

Парижъ 1-го Апрѣля.

23-го Марта мы простояли въ Шевилье, и какъ началась Страстная недѣля, графъ Апраксинъ пригласилъ меня на постный завтракъ, состоявшій изъ икры и рѣдки. Изъ разсказовъ Новосильцева (адъютанта генерала Сеславина) который съ нами завтракалъ, мы узнали, что князь Шварценбергъ поѣхалъ на наши аванпосты и имѣлъ свиданіе съ маршалами Мармономъ, Неемъ и Макдональдомъ, которые согласились оставить Бонапарта и признать Бурбоновъ, которыхъ Французы единодушно призываютъ на престолъ. Такъ какъ вѣрнаго мы не знали ничего, то генералъ Толь послалъ меня на аванпосты за извѣстіями. Пріѣхавъ въ замокъ, гдѣ была конференція, я обратился къ графу Радецкому, и онъ подтвердилъ мнѣ, что маршалы отстали отъ На-

полеона и послали курьера къ нашему Императору, просить аудіенціи. Съ этими извѣстіями я возвратился къ генералу Толю въ часъ ночи.

24-го мы узнали, что князь Шварценбергъ уѣхалъ въ Парижъ; генералъ Толь рѣшился то же сдѣлать и послалъ меня занять квартиры. Несравненно пріятнѣе быть въ Парижѣ, чѣмъ въ маленькой деревушкѣ. Теперь, кажется, можно скоро ожидать мира, потому что Наполеонъ формально отрекся отъ престола. Я взялъ для генерала прежнюю его квартиру, а самъ остановился у г-на Терси, тоже прежняго моего хозяина, который очень ласково меня принялъ. Устроивъ все и всѣхъ, я пошелъ къ князю Волконскому—повидаться съ товарищами и посмотреть на толпу народа, окружавшую дворецъ и съ нетерпѣніемъ ожидавшую Государя Императора. Онъ скоро пошелъ въ церковь, и я послѣдовалъ за нимъ. За обѣдней генералъ Толь сказалъ мнѣ, что графъ Канкринъ обѣщалъ намъ выдать жалованье; это извѣстіе меня очень обрадовало, и я поспѣшилъ сообщить его всѣмъ товарищамъ. Обѣдали мы въ Пале-Рояль и вернулись во дворецъ ко всеобщей.

25-го за обѣдней было множество народа и вся конногвардія, такъ какъ Благовѣщеніе—праздникъ ихъ полка. Цѣлый день мы провели у себя на квартирахъ, а вечеромъ собрались опять въ церкви. Послѣ всеобщей Императоръ пошелъ исповѣдаться, прося у насъ всѣхъ прощенія, съ великимъ трогательнымъ смиреніемъ. За нимъ послѣдовали Великій Князь, всѣ генералы и мы.

26-го опять была полная церковь; когда запѣли причастный стихъ, Императоръ подошелъ къ алтарю приложился къ мѣстнымъ образамъ, поклонился всѣмъ и принялъ Святое Причастіе съ такимъ благоговѣніемъ, съ такою теплою вѣрою, что лице его ка-

*

залось еще прекраснѣе; счастье, небесная радость, блестяли въ его глазахъ, а кротость и доброта, сіяющія въ его чертахъ, дѣлали лице его, всю особу его, какимъ-то неземнымъ видѣніемъ. Когда мы подходили ко кресту, Его Величество поздравлялъ насъ. Послѣ обѣда съ товарищами въ Пале-Роялѣ, я ходилъ къ г-ну Дикре, бывшему учителемъ въ нашемъ пансіонѣ; онъ обрадовался, увидавъ меня, и живо напомнилъ мнѣ счастливые годы моего дѣтства. Отъ него я пошелъ опять въ дворцовую церковь слушать двѣнадцатъ Евангеліевъ.

27-го вечерня была въ четыре часа. Много было Французовъ и Француженокъ. Императоръ послѣ вечерни снялъ шпагу, отдалъ ее держать дежурному генералъ-адъютанту, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, приложился къ Плащаницѣ и дожидался, пока всѣ выполняли этотъ священный обычай.

28-го послѣ обѣдни я гулялъ въ Тюльерійскомъ саду съ Офросимовымъ и Вишняковымъ, были въ Домѣ Инвалидовъ и потомъ смотрѣли, какъ снимали статую Бонапарта съ колонны Вандомской. Площадь была покрыта народомъ, работали съ большимъ усердіемъ; но статуя была такъ прикрѣплена, что съ трудомъ ее сняли. Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола, всѣ его маршалы отъ него отошли, и вся армія его покинула. Хвала Богу! Миръ возвращенъ Европѣ, и Европа своимъ благополучіемъ обязана нашему Императору. Какая слава Александру Первому, какая слава Россіи! Я не могу довольно благодарить Небо за то, что я могъ участвовать въ этой войнѣ, которая будетъ служить удивленіемъ потомству.

29-го Марта, Свѣтлое Христово Воскресенье. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа я пошелъ въ церковь съ моимъ генераломъ. Всѣ уже

ждали Государя. Онъ скоро изволилъ выйдти съ королемъ Прусскимъ, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, съ княземъ Шварценбергомъ и генераломъ Вреде; за ними слѣдовало множество генераловъ всѣхъ націй, которые пришли поклониться Воскресшему Христу. Въ этотъ торжественный, радостный день, казалось, одна вѣра соединила всѣ народы. Заутреню и обѣдню служили съ большою пышностью. Императоръ усердно молился. Его Величеству не угодно было принимать поздравленій въ обыкновенное время, и послѣ обѣдни всѣ разошлись по домамъ; но часть присутствующихъ пошла во дворецъ, и я въ томъ числѣ: мы приносили поздравленіе Государю Императору, и онъ христосовался съ нами и пригласилъ разговѣться Святой Пасхой. Государь изволилъ сказать намъ, что представленія князя Волконскаго и генерала Толя всѣ подписаны. Я былъ пожалованъ въ штабъ-капитаны и благодарилъ Бога за эту новую монаршую милость. Въ двѣнадцать часовъ былъ большой парадъ, и войска, прошедъ мимо Императора, стали на площади Людовика XVI или Конкордъ, посреди которой былъ поставленъ амвонъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ жизнь несчастный Людовикъ XVI. На этомъ амвонѣ совершенно было молебствіе за послѣднія побѣды, за взятіе Парижа и за возвращеніе престола Бурбонамъ. Пушки выпалили сто одинъ разъ; радостныя восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ: «Да здравствуетъ Александръ I! Да здравствуютъ Людовикъ XVIII!» У всѣхъ зрителей были слезы на глазахъ, и всѣ единодушно преклонили колѣна предъ милосерднымъ Богомъ, единымъ подателемъ всѣхъ благъ! Послѣ молебствія Императоръ обнялъ французскихъ маршаловъ, сказавъ имъ, что Русскіе въ этотъ день всегда христосуются съ своими друзьями.

30-го церковь опять была полна Французовъ, которыхъ привлекло любопытство видѣть Государя Императора. Всѣмъ желавшимъ быть въ церкви позволено доставать билеты у Рошешуара. Цѣлый день я былъ занятъ счетами и къ вечеру подалъ ихъ генералу Толю.

31-го пошелъ съ Воейковымъ въ церковь Богоматери, гдѣ ожидали графа д'Артуа, брата Людовика XVIII. Онъ пріѣхалъ въ три часа; народъ принялъ его съ живѣйшей радостью; громкія восклицанія встрѣтили его въ церкви, гдѣ былъ молебень. Все время графъ д'Артуа стоялъ на колѣняхъ и молился очень усердно. Онъ не молодъ, но свѣжъ, и на лицѣ его написана доброта.

2-го Апрѣля осматривали Гобеленевскую фабрику обоевъ и зоологическій садъ; вечеръ провели въ театрѣ. Было такъ тѣсно, что я съ трудомъ могъ пройти, однакожъ имѣлъ довольно хорошее мѣсто. Ожидали Государя Императора, но онъ не пріѣхалъ. Прусскій Король съ сыновьями былъ въ закрытой ложѣ. Партеръ очень долго кричалъ: «Да здравствуетъ Императоръ Александръ! Да здравствуетъ Король Прусскій! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII. Графъ д'Артуа, даже графъ Сакенъ! который тоже былъ въ театрѣ. Давали: Охоту Генриха IV. Пьеса эта мнѣ очень понравилась, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ. Весь партеръ пѣлъ пѣсню Генриха IV, и всѣ съ радости плакали. Въ заключенье спектакля, актеръ Мишо пѣлъ куплеты, относящіяся къ славнымъ произшествіямъ нынѣшняго времени, что умножило восторгъ зрителей и вызвало громъ рукоплесканій.

4-го генералъ Толь позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Россію и что мы будемъ прикомандированы къ графу Дабичу. Это меня очень огорчило; я боялся,

что графъ отошлетъ насъ въ какой-нибудь дальній корпусъ; цѣлый день думалъ, что дѣлать и рѣшился просить, чтобъ и мнѣ дали отпускъ.

5-го пошелъ къ своему генералу съ просьбою объ отпускѣ; онъ, по обыкновенію, весьма добрый ко мнѣ, обѣщалъ поговорить съ княземъ Волконскимъ и послѣ обѣдни сказалъ мнѣ, что я отпущенъ въ Россію.

6 и 7-го цѣлые дни былъ занятъ дѣловыми бумагами и счетами. Генералъ Толь скоро уѣзжаетъ, и надо всѣ дѣла привести въ порядокъ. Орловскій ѣдетъ вмѣстѣ со мной въ Россію.

8-го генералъ Толь уѣхалъ! Я съ прискорбіемъ прощался съ нимъ; грустно мнѣ было разставаться съ такимъ добрымъ начальникомъ, которому я столько обязанъ и съ которымъ мы столько времени были неразлучны.

16-го. Давали: *Возвращеніе Улисса*. Пьеса не очень понравилась, хотя и написана прекрасными стихами и разыграна была лучшими актерами. Тальма представлялъ Улисса.

19-го спѣшилъ къ обѣднѣ, но опоздалъ. Императоръ уѣхалъ въ Компіень на встрѣчу Королю, и потому обѣдню отслужили ранѣе обыкновеннаго.

21-го Король Людовикъ XVIII вѣхалъ въ свою столицу. Поутру я пошелъ въ церковь Богоматери, гдѣ его ожидали, но тамъ была такая духота и тѣснота, что я ушелъ домой. Въ полдень пушечная пальба возвѣстила прибытіе Короля въ церковь. Тогда я пошелъ въ Тюльерійскій садъ, пробрался черезъ толпу народа и видѣлъ, какъ французскія войска проходили парадомъ. Солдаты были дурно одѣты, дурно выстроены и казались печальными. Король долго не ѣхалъ, и я пошелъ въ Пале-рояль, тамъ погулялъ съ знакомыми и, услышавъ ра-

достныхъ восклицанія, выбѣжалъ на улицу и видѣлъ всю церемонію. Множество нарядныхъ каретъ ѣхало передъ золоченой каретой, въ которой сидѣлъ Людовикъ съ герцогиней Ангулемской, герцогомъ Конде и герцогомъ Бурбонскимъ. Король очень толстъ и, говорятъ, не можетъ ходить, потому что у него подагра въ ногахъ. Военная музыка и народный крикъ провожали Короля до самаго Тюльерійскаго замка, гдѣ онъ остановился. Въ девять часовъ вечера городъ освѣтился, я пошелъ съ Нелединскимъ смотрѣть на иллюминацію, потомъ въ галерею князя Волконскаго видѣть фейерверкъ, который былъ совсѣмъ не хорошъ. Иллюминація тоже показалась мнѣ бѣдна; какая разница съ тою, которая ежегодно освѣщаетъ насъ въ Петергофѣ!

27-го ходилъ прощаться съ княземъ Волконскимъ, съ товарищами и съ добрыми моими хозяевами. Какъ они хлопотали снабдить меня всѣмъ нужнымъ на дорогу; никогда не забуду ихъ дружбы. Завтра выѣзжаю съ Ордовскимъ въ бричку, купленной Павломъ, и на своихъ лошадяхъ. Надѣюсь на милость Божию, что Онъ поможетъ намъ доѣхать благополучно.

Смоленскъ, 16 Іюня.

Всѣ деревни по дорогѣ разграблены и выжжены; въ одной изъ нихъ мы встрѣтили французскихъ плѣнныхъ. Воображаю, что они должны чувствовать при видѣ слѣдовъ ихъ варварства. Они сами не могутъ найти убѣжища и должны ночевать въ поляхъ.

Въ Крупкѣ мы нашли большое общество исправниковъ, засѣдателей и т. д. въ большомъ парадѣ: они ожидали Великаго Князя. Мы увѣрили ихъ, что онъ уже давно въ Петербургѣ, но они не вѣрили намъ. Вся дорога, по которой мы ѣхали, напомнила мнѣ 1812 годъ. Выѣзжая въ Смоленскъ, я

содрогнулся, увидя этотъ несчастный городъ. Ни одинъ домъ не сохранился, — только торчатъ обгорѣлыя стѣны, развалины, и кучи пепла. Бѣдные жители помѣщаются кое какъ въ подвалахъ. Мы остановились во вновь выстроенномъ трактирѣ. Я долго грустно ходилъ по городу, сравнивая его съ тѣмъ, что онъ былъ два года тому назадъ. Всѣ церкви разорены, только соборъ напоминаетъ блестящіе дни Смоленска. Церковь Пресвятой Богородицы, что на Дибровскихъ воротахъ, возобновлена и богато украшена. Я молился передъ чудотворной иконой, которая находилась въ арміи почти всю кампанію 1812 года и была нашей надеждой, нашимъ утѣшеніемъ. Сколько слезъ видѣла Пресвятая Владычица, сколько слышала теплыхъ молитвъ! Я какъ теперь гляжу на князя Кутузова, который послѣ Тарутинскаго сраженія палъ на колѣни передъ образомъ Смоленской Богородицы и благодарилъ Ее за успѣхи Россійскаго оружія.

21 Іюня. Москва.

Вся дорога, Дорогобужъ, Вязьма, все напоминало мнѣ нашу ретираду. Въ Гжатскѣ — я былъ пріятно удивленъ, увидавъ его вновь выстроеннымъ: нельзя думать, что онъ весь былъ сожженъ. Подъѣзжая къ Можайску, весь 1812 годъ живо представился моей памяти; сердце у меня сжалось при видѣ Бородинскаго поля. Каждый кустикъ, каждое дерево, каждая тропинка напоминали мнѣ 26 августа: здѣсь Кутузовъ стоялъ съ своимъ штабомъ, здѣсь пронесли раненнаго князя Багратиона, на этой высотѣ погибъ молодой Кутайсовъ, и мы нашли вѣрнаго его коня, и сколько воиновъ легло здѣсь за вѣру и отечество...

Я все ближе и ближе подвигался къ Москвѣ. Что я чувствовалъ, ты не можешь себѣ представить, и я не въ силахъ тебѣ опи-

сать *). Грусть и вслѣдъ за нею радость, благодарность къ Богу, умиляли мою душу. Печальныя мысли, смѣняясь радостными, какъ-то слились въ молитву.

Съ Поклонной горы я увидѣлъ Москву, — Москву такую же почти прекрасную какъ прежде, только колокольня Ивана Великаго безъ креста напоминала мнѣ все, что выстрадала наша Бѣлокаменная. У заставы я вышелъ изъ повозки, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ церкви Ильи Пророка. Еще видны были слѣды злодѣйствъ непріятеля, но новыя строенія уже возвышались подлѣ и радовали взоры. Я тотчасъ же узналъ домъ тетусекъ, уцѣлѣвшій отъ всеобщаго пожара и взошелъ тихо, не желая ихъ испугать; но поваръ Константинъ, попавшійся мнѣ навстрѣчу, опрометью бросился въ комнаты, крича изо всѣхъ силъ. Прибѣжали обѣ тетуски, и ты можешь себѣ вообразить нашу радость.... Онѣ рассказали мнѣ, гдѣ батюшка купилъ домъ, и мы вмѣстѣ отправились къ нему. Дорогой тетуски осыпали меня вопросами, показывали меня всѣмъ встрѣчающимся знакомымъ; тѣ выходили изъ экипажей, присоединялись къ намъ и съ триумфомъ привели меня къ батюшкѣ...

Я и теперь еще съ восторгомъ вспоминаю ту минуту, счастливѣйшую, какую можно имѣть, увидавъ отца послѣ долгой разлуки. Я цѣлый день былъ какъ бы внѣ себя. Сбѣжались все люди, пришли старыя знакомые, пріѣхали все друзья батюшки, вопросамъ и рассказамъ не было конца. Къ вечеру пошли въ церковь Ильи Пророка отслужить благодарственный молебенъ за благополучное возвращеніе и за все милости, ниспосланныя мнѣ отъ Бога.

Церковь Ильи Пророка много пострадала отъ непріятеля, но уже, насколько можно,

* Дневникъ этотъ писанъ въ видѣ писемъ къ сестрѣ Хомутова, Аннѣ Сергѣевнѣ. П. Б.

поправлена; во многихъ мѣстахъ не достаетъ золота и серебра, но вообще она такая же, какъ и была и живо мнѣ напомнила мое дѣтство.—Домъ, купленный батюшкой, очень хорошъ, но его надо заново отдѣлать, и батюшка устроилъ себѣ пока пріютъ въ банѣ.

На слѣдующій день батюшка повезъ меня дѣлать визиты, показывать меня своимъ знакомымъ. Прежде всего мы поѣхали къ графу Ростовчину, съ которымъ отправились въ соборъ на благодарственный молебенъ за заключеніе мира съ Франціей, радостное извѣстіе котораго привезъ генералъ адъютантъ Васильчиковъ. Архіепископъ Августинъ сказалъ отличную проповѣдь. Изъ собора продолжали визиты до самаго обѣда у графа Ростовчина для празднованія мира. Обѣдъ былъ великолѣпный, съ музыкой и пѣсельниками. Шампанское лилось рѣкой.

Москва совсѣмъ не кажется такой печальной, какъ я воображалъ: хотя и видны слѣды ярости непріятеля, но она почти вся вновь обстроена и черезъ нѣсколько лѣтъ никто не повѣритъ, что это та же Москва, которая была принесена въ жертву для спасенія Европы.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО КЪ Ф. И. ЦЕЙЕРУ.

Баронъ М. А. Корфъ, въ образцовомъ своемъ жизнеописаніи Сперанскаго, могъ лишь мимоходомъ (II, 383—385) коснуться его религиозныхъ воззрѣній. Письма его къ дочери (Р. Архивъ 1868 г.) и въ особенности письмо его изъ Перми, 6 Августа 1813 г., въ П. А. Словцову (Библиогр. Записки III, стр. 524) позволяютъ намъ заглянуть нѣсколько глубже въ духовную

жизнь знаменитаго переводчика «Подражанія Христу». Дополненіемъ къ этимъ даннымъ могутъ служить предлагаемыя письма къ Ф. И. Цейеру. Въ нихъ еще съ большею полнотою и ясностію высказался тотъ созерцательный квіетизмъ, въ коемъ великій труженикъ искалъ противовѣса всепожирающей дѣятельности своего ума и неутоленной жаждѣ своего законнаго честолюбія. Мистическій языкъ этихъ посланій не заслоняетъ трезвости мысли, складывающей оружіе передъ тайнами вѣчности. Осторожное, но твердое порицаніе религиозныхъ крайностей того времени—фантастическихъ и насильственныхъ толкованій Писанія и чисто-нервныхъ вырожденій религіознаго восторга—проводятъ рѣзкую черту между духовнымъ строемъ Сперанскаго и господствующимъ настроеніемъ тогдашнихъ мистиковъ. Даже вѣра въ близкое пришествіе Царствія Божія, это европейское повѣтріе той эпохи, высказывается имъ не безъ многозначительной оговорки.

Въ ряду этихъ писемъ чисто - духовнаго содержанія естественно нашло себѣ мѣсто и письмо (IV), касающееся Священнаго Союза; оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ дополненіемъ къ двумъ письмамъ о томъ же предметѣ къ Цейеру, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1867 г. (стр. 444—454). Прилагаемъ также найденное въ копии между бумагами Ф. И. Цейера, письмо Сперанскаго къ М. С. Броневскому, посвященное предметамъ того же разряда.

Подлинники всѣхъ этихъ писемъ сообщены въ Р. Архивъ отъ Зинаиды Амвросіевны Шлейденъ, которая (въ первомъ бракѣ) была супругою Франца Ивановича Цейера, ожончившаго жизнь въ Крыму, гдѣ онъ напоследокъ служилъ въ Комиссіи о размежеваніи земель Таврической губерніи.

Письма, кромѣ VIII-го и къ Броневскому, писаны по-французски; но такъ какъ читатели Р. Архива уже знакомы съ французскою письменною рѣчью Сперанскаго, то, въ видахъ сбереженія мѣста, мы сочли возможнымъ ограничиться помѣщеніемъ однихъ переводовъ.

I.

Изъ Перми *).

Мы такъ долго думали вмѣстѣ, что мнѣ еще невозможно, любезный другъ, разстаться съ этою привычкою.

До времени нашей разлуки, состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и молитвы умной. Вся наша духовность собственно сводилась къ теософіи. Къ ней же относятся творенія Бѣма, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе Царствія Божія.

Царствіе Божіе, въ насъ заключающееся (иными словами, внутреннее Слово или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда всѣ размышленія, всѣ рассужденія о предметахъ небесныхъ становятся сухими, скучными, безвкусными, и когда однакоже въ глубинѣ души ощущаешь болѣе или менѣе сильное влеченіе къ занятію божественнымъ. Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную (размышленія, рефлексіи, рассужденія о Богѣ) и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго оцутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ; не думаешь ни о чемъ;

*) Это означеніе слѣлано рукою Ф. И. Цейера.

умъ и память меркнуть и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ, представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно, и что оно не опирается ни на что въ особенности.

Тогда-то вступаешь въ *сумракъ вѣры*. Тогда-то не знаешь болѣе ничего и ждешь всякого свѣта непосредственно свыше и, если упорствуешь въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ зотъ нисходитъ, и Царствіе Божіе раскрывается. Но что же такое Царствіе Божіе, въ чемъ состоитъ оно? Никто не можетъ ни описать Вамъ его, ни дать о немъ понятіе. Его чувствуешь, но оно несообщимо. Самъ Иисусъ Христосъ описываетъ Царствіе Божіе лишь притчами и подобіями.

Въ этомъ-то состояніи начинается раздаваться *внутреннее слово*; это-то состояніе собственно называется *состояніемъ благодати*. Это-то состояніе служитъ исходомъ ученію Иисуса Христа; и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣститъ и уготовить намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою) составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ пути, но не есть путь.

Это же состояніе называется собственно мистическимъ богословіемъ. Это не книжное ученіе. Наставникъ къ немъ Самъ Богъ, и Онъ сообщаетъ Свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ и способомъ, который невозможно объяснить словами. Это богословіе есть мистическое не потому, что оно заключаетъ въ себѣ тайны, сокрытыя отъ толпы, но потому что чувства, возбуждаемыя имъ въ душѣ и истины, имъ раскрываемыя, совершенно несообщимы, и нѣтъ словъ, чтобы ихъ объяснить. Это апокалиптическое письмо, которое можетъ прочесть лишь тотъ, кто его получаетъ.

Что дѣлать для того, чтобы достигнуть

этого состоянія? Слѣдуетъ 1) признать себя за величайшаго грѣшника и величайшаго невѣжду 2) слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы постепенно отрѣшиться отъ всякаго имущества: а) отъ имущества вещественнаго б) отъ имущества умственного, т. е. не слѣдуетъ никогда позволять себѣ разсужденій о предметахъ небесныхъ, с) отъ имущества памяти, изгоняя изъ нея всякій образъ предметовъ небесныхъ.

II.

22 Декабря 1814. (Великополье)

Сомнѣніе и религія вѣшняя суть два пути къ благочестію.

Имѣвъ счастье пройти эти пути, находишься или, точнѣе, считаешь себя внутри храма, сознаешь, что есть религія внутренняя, богочитаніе болѣе чистое, и радуешься этому открытію.

Остановимся немного на оцѣнкѣ этого состоянія; посмотримъ, какой оно доставляетъ намъ свѣтъ, какія возбуждаетъ въ насъ чувства и какое вліяніе оно производитъ на наши дѣйствія.

Свѣтъ. Разсматривая съ нѣкоторою строгостію сумму свѣдѣній, которыми обладаешь въ этомъ состояніи, находишь, что они всѣ сводятся къ одной истинѣ, а именно къ той, что *Иисусъ Христосъ въ насъ*, истина конечно великая, но которая можетъ остаться безплодною, если она не обратится въ чувство преобладающее и останется невоздѣланною. Въ такомъ случаѣ, все ограничивается чтеніями, воспроизводящими передъ нами ту же истину подъ разными точками зрѣнія, т. е. обращаешься постоянно въ томъ же кругу мыслей вѣрныхъ по сущности, но безплодныхъ въ своемъ приложеніи. Между тѣмъ увѣряешь себя, что все подвигаешься впередъ и, по естественному заблужденію, изъ разнообразія точекъ зрѣнія заключаешь,

что расширяешь и умножаешь свои свѣдѣнія. Между тѣмъ, великіе вопросы о воплощеніи, о страданіяхъ, о смерти, о воскресеніи Іисуса Христа остаются неразрѣшенными, или стараешься согласовать ихъ посредствомъ аллегорическихъ толкованій и системъ, болѣе или менѣе остроумныхъ и, если въ концѣ концовъ еще находишься погруженнымъ въ сомнѣнія, увѣряешь себя, что ходишь въ сумракѣ *вѣры*: это великое слово, дурно понятое и еще хуже приложенное, отвѣчаетъ на все и успокоиваетъ на счетъ всего.

Чувства. Внимательное прилежаніе къ благочестивому чтенію естественнымъ образомъ производитъ измѣненіе въ молитвѣ. Она становится кротче, или горячѣе, или независимѣе, то-есть она изъ словесной обращается въ умную. Нѣтъ сомнѣнія, что она улучшилась; но вскорѣ настаютъ охлажденія, уклоненія и разсѣянности, слѣдовательно и тревоги; знаешь, что это внутренніе кресты и стараешься нести ихъ по мѣрѣ силъ; но не можешь скрыть отъ себя свою бѣдность благодатію, и все, что можешь сдѣлать—это не оставлять пути, по которому идешь. Гордость болѣе, быть-можетъ, всякого иного побужденія удерживаетъ насъ на немъ.

При всемъ внутреннемъ убѣжденіи въ обязательности смиренія, на дѣлѣ спотыкаешься на каждомъ шагу, и самый осторожный проводитъ жизнь скорѣе въ томъ, что сознаетъ свои паденія, чѣмъ въ томъ, что ихъ избѣгаетъ.

Дорожишь всѣмъ, а между тѣмъ чувствуешь, что отъ всего слѣдуетъ отрѣшиться.

Такимъ образомъ, относительно всѣхъ чувствъ, наиболѣе существенныхъ для благочестія (говорю о молитвѣ, о смиреніи и объ отрѣшеніи) живешь почти въ постоянномъ противорѣчій.

Вы видите, что я тутъ беру мои образцы

во всемъ что есть наиболѣе чистаго, наиболѣе искреннаго; ибо есть люди, которые считаютъ себя поистинѣ смиренными, отрѣшенными и обладающими высшими степенями молитвы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они наиболѣе удалены отъ этого; до этихъ людей мнѣ и дѣла нѣтъ.

Дѣйствія. Поведеніе вообще становится правильнѣе, совѣсть чувствительнѣе; слабости представляются пороками, пороки преступленіями; но не углубляешься достаточно въ свое сердце: признаешь себя за великаго грѣшника, но въ то же время говоришь себѣ: таковъ челоуѣкъ; и, обобщая такимъ образомъ свою испорченность, умаляешь ее хитрымъ изворотомъ своего самолюбія, скрываешь ее отъ себя, и живительный огонь раскаянья лишь скользитъ по язвѣ. Это самое плачевное заблужденіе.

Подведемъ итоги: мало свѣта, безпрестанное противорѣчіе въ чувствахъ, много нечистоты въ дѣйствіяхъ:—таково это состояніе, которое я называю *состояніемъ томленія*. Томленіе—истинное ему названіе, ибо чувствуешь себя неспособнымъ отступить, слишкомъ слабымъ, чтобы идти впередъ и однакоже несчастнымъ, оставаясь на мѣстѣ. Сидя около купели, проводишь года, восклицая: «челоуѣка не имамъ!»

О, когда прійдетъ спасеніе Израилево, чтобы бросить насъ въ эту живительную купель! Какимъ образомъ Онъ, принятый нами въ себя, даетъ намъ томиться такимъ образомъ?

Онъ внутри насъ: но насъ самихъ тамъ нѣтъ. И такъ, нужно намъ туда вернуться. Довольно читать, нужно дѣйствовать; довольно глядѣть, какъ ходятъ другіе: надобно ходить самому.

Первый шагъ состоитъ въ томъ, чтобы войти въ самого себя, второй шагъ есть раскаяніе, третій Причастіе. На этотъ

разъ, буду говорить съ Вами лишь объ этихъ трехъ упражненіяхъ.

Удаленіе отъ міра. Быть одинокимъ среди міра есть принадлежность существъ совершенныхъ, на которую мы не должны имѣть притязаній. Периодическія удаленія необходимы. Посвятите одну, двѣ недѣли на удаленіе, — хочу сказать на самое строгое одиночество. Странность, приличія — все это вздоръ въ сравненіи со спасеніемъ. Употребите это время единственно на то, чтобы разсматривать самого себя, безъ всякой примѣси теоретическихъ размышленій. Довольно Вы размышляли: пора Вамъ себя обсудить. Произведите надъ собою слѣдствіе съ трехъ главныхъ точекъ зрѣнія — гражданской, нравственной и религиозной. Недостаточно осудить себя въ общихъ чертахъ (великая ошибка обыкновенныхъ исповѣдей), — нужно спуститься до малѣйшихъ подробностей. Нужно имѣть храбрость взглянуть въ лицо всѣмъ безобразнымъ формамъ своего беззаконія. Я слишкомъ полагаюсь на благодать Нашего Спасителя и на благодать, уже пребывающую въ Васъ, чтобы не надѣяться, что взглядъ Вашъ не будетъ отведенъ изворотами самолюбія, и что Вы будете имѣть достаточно силъ, чтобы увидѣть себя таковымъ, какъ Вы есть. Не выходите изъ этого горнида прежде, чѣмъ когда Вы убѣдитесь, что злодѣй, влекомый въ темницу, истерзанный публичною казнію, есть нѣкоторого рода святой въ сравненіи со всѣми нами, людьми добра и внутренняго благочестія, которые имѣемъ притязанія на благодать и на общеніе съ Иисусомъ Христомъ (вы легко проникните этою истинною, вмѣстѣ горькою и спасительною). При этомъ разборѣ слѣдуетъ остерегаться одного камня преткновенія: судя себя, не слѣдуетъ судить другихъ, — слѣдуетъ дер-

жаться своей личности и предоставлять всѣ сравненія Тому, Кто вѣдаетъ сердца.

Раскаяніе. Когда чувствуешь себя проникнутымъ, разстерзаннымъ въ сознаніи своего беззаконія, тогда понимаешь впервые, что такое истинное раскаяніе. *Сердце сокрушенное* не есть выраженіе метафорическое, — это истинное и положительное ощущеніе; чувствуешь, какъ оно сокрушается, стирается въ прахъ. Не бойтесь слишкомъ измѣять его; напротивъ того, разорвите его окончательно, свидѣтельствуя такъ сказать публично объ этомъ внутреннемъ раскаяніи: хочу сказать, исповѣдуясь церкви, то-есть священнику, который въ нѣкоторомъ родѣ есть представитель, уполномоченный всѣхъ нашихъ вѣрующихъ братьевъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, живыхъ и мертвыхъ, составляющихъ, въ смыслѣ мистическомъ и истинномъ, тѣло Иисуса Христа. Не боюсь утверждать, что внутреннее раскаяніе, какъ бы оно ни было горячо, безъ этой формальной исповѣди (развѣ при неодолимыхъ препятствіяхъ) всегда будетъ не полно.

Причастіе. Въ причастіи Иисусъ Христосъ истинно соединяется съ нами. Онъ всегда въ насъ (и это присутствіе называется благодатію; вотъ истинный смыслъ этого выраженія, столь мало извѣстный книжникамъ нашего вѣка), хотя мы Его не ощущаемъ; но мы должны Его ощущать въ себѣ, и для того, чтобы возбуждать или оживлять это ощущеніе, и установлено Святое Причастіе. Тѣ, которые увѣряютъ, что вслѣдствіе постоянного и непрерывнаго общенія, они могутъ обойтись безъ этого спеціальнаго сочетанія, заблуждаются глубоко. Ибо, во первыхъ, постоянное общеніе предполагаетъ высокую степень святости, и кто будетъ достаточно смѣлъ, чтобы

ее себѣ приписать? Далѣе, предположивъ даже, что существуетъ это непрерывное общеніе, сіе другое, нарочитое и символическое общеніе лишь оживитъ и усилитъ его. И такъ, оно во всякомъ случаѣ чрезвычайно полезно и нужно. Присовокупите къ этимъ доводамъ, что Ваша церковь представляетъ къ этому упражненію столь великія удобства, что не пользоваться ими непрослительно. Было бы излпшнимъ предупреждать Васъ относительно другой опасности—сердечной сухости. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстно, что кротость и горячность чувства не всегда суть вѣрное ручательство въ умноженіи благодати; напротивъ того, она дѣйствуетъ могущественнѣе при внутреннихъ мученіяхъ и крестахъ.

Возвращайтесь, о возвращайтесь часто, любезный другъ, къ симъ тремъ святымъ упражненіямъ, и смѣю увѣрить Васъ, отъ имени Того, Чья радость состоитъ въ жизни и общеніи съ людьми, что Онъ не замедлитъ явиться. Онъ придетъ излить Свой свѣтъ на Вашъ разумъ, очищать Ваше чувство, руководить Вашими дѣйствіями. Вы ощутите въ себѣ силы, до сихъ поръ Вамъ неизвѣстныя. Томленія Ваши разсѣются. Ибо Онъ придетъ, говорю я вамъ, *не въ видѣ мысли, отвлеченнаго понятія, какъ испытывали Вы это до сихъ поръ*, но столь же дѣйствительно, столь же физически, какъ сегодня всходящее солнце. Ибо, когда разъ раскроется передъ нами зрѣлище духовнаго міра, не возможно не чувствовать солнца, имъ управляющаго. Но спрашиваю Васъ, чтѣ дѣйствительнѣе,—міръ духовный, или міръ вещественный?

Не говорю, чтобы все было сдѣлано, какъ только достигнешь этого состоянія ощутимаго общенія. О, нѣтъ, остается еще сдѣлать многое, чтобы достигнуть иного

общенія, которое уже не ощутимо, но трансцендентально, отрѣшено не только отъ всякаго образа, но отъ всякой мысли,—общенія почти неизъяснимаго словами, хотя весьма дѣйствительнаго. Но, чтобы дойти до него, необходимо пройти черезъ общеніе ощутимое. Когда Вы разъ прочно въ немъ утвердитесь, тогда Вы или не будете болѣе нуждаться въ моихъ совѣтахъ (ибо Онъ поведетъ Васъ Самъ) или, если Онъ еще захочетъ дѣйствовать, черезъ меня. то Онъ дастъ мнѣ къ тому способы и силы. О, сколь великія вещи Онъ Вамъ откроетъ. Внутренности Ваши тогда буквально вострепещутъ отъ радости. Вѣрите мнѣ, при нашей разлукѣ, мы съ Вами питались лишь молокомъ. Совсѣмъ иной вкусъ имѣетъ хлѣбъ сильныхъ, хотя онъ и составленъ изъ тѣхъ же началъ.

Я теперь знаю довольно точно образъ жизни Вашъ въ свѣтѣ, и не скрываю отъ себя всѣхъ трудностей, съ которыми придется Вамъ бороться для того, чтобы предаться съ послѣдовательностію этимъ упражненіямъ. Но подумайте: 1) что Вы уже получили значительные задатки отъ Св. Духа, и что подобныя отступничества, когда они упорны, не прощаются; 2) что все то, чтѣ теперь кажется Вамъ обязательствомъ, долгомъ признательности, удовольствіемъ, приличіемъ, черезъ два-три мѣсяца покажется Вамъ почти смѣшнымъ; 3) развѣ на этомъ пути, какъ и на всякомъ иномъ, не нужны жертвы, и долго ли еще мы останемся ни холодными, ни теплыми? 4) всегда есть средства раздѣлаться со свѣтомъ и уклониться отъ него потихоньку и безъ разрыва.

Присовокуплю два слова о Вашихъ чтеніяхъ и кончу. Во время Вашихъ удаленій отъ свѣта, въ предотвращеніе разсѣянности мыслей, изберите себѣ чтеніе простое,

каково наприимѣръ «Подражаніе», или дѣлайте переводъ, словомъ возьмитесь за упражненіе, которое заняло бы Вашъ умъ, не побуждая его къ изслѣдованіямъ. Но, главное, предавайтесь молитвѣ и тщательному разсмотрѣнію Вашей прошлой жизни. Въ прочія времена, посоветую Вамъ подробное изученіе Библии. Не потому, чтобы истинный свѣтъ истекалъ отъ буквъ,—нѣтъ; но черезъ это посредство изливается онъ обыкновенно. Итакъ надобно запастись этимъ матеріаломъ на время его дѣйствія. Утвердитесь въ буквальномъ смыслѣ, и Учитель въ свое время раскроетъ вамъ смыслъ истинный. Если Вы можете достать большую Библию Саси, она будетъ Вамъ полезна. Начните съ Ветхаго Завѣта: это ступень необходимая, чтобы возвыситься до Новаго. Но еще разъ, никто не долженъ льститься мыслию, что онъ видитъ ясно, пока его не озаритъ свѣтъ свыше. Аминь. Да будетъ съ Вами благодать Спасителя Нашего Иисуса Христа.

III.

Великополье 14 Марта 1815.

Да будетъ съ Вами, другъ мой, благодать Господа Нашего. Сообщу Вамъ на этотъ разъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ мыслей по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ даны мнѣ.

Благодать, возбуждающая столько теоретическихъ споровъ, для чувства вещь весьма простая. Она именно и есть это присутствіе Господа Нашего внутри насъ. *Безъ Меня ничего не можете*: это и есть принципъ благодати.

Въ этомъ-то смыслѣ также Апостолы и первые христіяне называли Иисуса Христа просто Господомъ.

Самое блистательное доказательство математической истины можетъ ли сравниться

въ очевидности съ дѣйствіями благодати, когда сердце раскрыто для нея покаяніемъ?

Насколько могу я судить, въ Вашемъ развитіи все идетъ хорошо. Что же касается до меня, стараго, изношеннаго мѣха, недостойнаго содержать новое вино, влитое въ него, то я всегда готовъ изливать въ Вашу душу все то, что будетъ мнѣ дано для Васъ.

Въ точности повинуйтесь духовнику Вашему, въ особенности относительно Причастія. Какъ Вы счастливы, что можете причащаться каждый мѣсяцъ!

Тотъ не знаетъ, что такое Сынъ, кто въ молитвахъ своихъ не обращается къ Его Матери *).

Тотъ также не знаетъ, что такое Единный Святой, кто не поклоняется ему во всѣхъ святыхъ Его.

Разные виды молитвы не предоставляются на нашъ выборъ. Это разные истечения одной и той же благодати.

Ошибочно думать, говорить св. Тереза, чтобы молитва, даже чисто словесная, если только она искренна и покорна, была недостаточна для того, чтобы довести насъ до великаго совершенства.

Молитва *словесна*, когда мы своими мыслями слѣдимъ за чужими словами; она *умна*, когда мы мысленно слѣдимъ за собственными своими словами. Слова тутъ есть всегда, ибо нельзя мыслить безъ словъ. Въ первомъ случаѣ они даны намъ, во вторыхъ они придуманы нами самими. Итакъ, разница весьма не велика.

Въ молитвѣ *чисто созерцательной*, слова, какъ и самыя мысли, исчезаютъ; но не потому, что того желаешь, а потому, что это дѣлается само собою.

Но великая тайна совершенства заключаетъ

*) Ф. И. Цейеръ былъ исповѣданія лютеранскаго?

ся въ томъ, чтобы во всѣхъ этихъ состояніяхъ оставаться вѣрнымъ своей благодати, говоритъ св. Францискъ, Вашъ патронъ.

Вотъ дивное средство для того, чтобы изгонять дурныя мысли, предупреждать разсѣянность, содержать себя постоянно въ присутствіи Господа Нашего, и даже для того, чтобы приготовляться издали къ дару созерцанія, средство, къ которому прибѣгали лучшіе изъ старинныхъ аскетовъ (панафидники, подвизающіеся труженики) и сохранившееся въ нашей Греческой церкви—это приучать себя, всякій разъ, какъ не занимаешься умственнымъ трудомъ или правильною молитвою (на прогулкахъ, напримѣръ, въ обществѣ, и т. п.) къ тому, чтобы повторять мысленно или сквозь зубы слова *Господи помилуй*, но повторять ихъ безостановочно и непрерывно. Привычка эта приобретается довольно скоро. Приемъ этотъ по истинѣ изумителенъ, я бы сказалъ волшебенъ, еслибы тутъ было умѣстно такое слово. Это лучше всѣхъ умозрѣній относительно самыхъ высокихъ истинъ вѣры, развѣ эти умозрѣнія даются намъ безъ всякаго съ нашей стороны старанія, а словно по вдохновенію; ибо тогда, и лишь тогда, слѣдуетъ имъ предаваться. Въ особенности полезно засыпать съ этимъ маленькимъ упражненіемъ на устахъ или въ мысляхъ.

Теперь, зная, гдѣ Васъ найти, буду отмѣчать постепенно все то, что будетъ мнѣ внушено для Васъ. Не упускайте отъ времени до времени извѣщать меня о Вашемъ внутреннемъ состояніи, и въ особенности о Вашихъ сердечныхъ сухостяхъ, ибо это, на пути ко кресту, самое существенное. Да будетъ съ Вами благодать Господа Нашего.

Р. С. Баснажъ былъ бы лучше. Въ него вошелъ весь Иосифъ. Но Придо также хорошъ. Въ Новомъ Завѣтѣ изучайте посланія св. Павла. Они составляютъ нѣкотораго

рода введеніе въ Евангеліе, которое несравненно выше и труднѣе.

IV.

Великополье, 22 Янв. 1816 *).

Замѣчанія Ваши весьма вѣрны: ошибаются люди, утверждающіе, будто духъ Царствія Божія несовмѣстенъ съ началами политическихъ обществъ. Развѣ державство не есть своего рода священство? Что такое помазаніе Государей? И если люди такъ часто оскверняли его и ругались надъ нимъ, слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы это установленіе не было Божественнымъ? Не получилъ ли самъ Саулъ послѣ этого дѣйствія даръ пророчества? Можно ли сомнѣваться въ дѣйствительности изліянія Св. Духа на лицо помазанное, если только оно способно воспринять его? И, воспріявши это изліяніе, можетъ ли, долженъ ли Государь ограничивать его дѣйствіе своимъ частнымъ поведеніемъ и позволять себѣ, при управленіи государствомъ, инныя, часто противоположныя, начала дѣятельности?

Въ сущности вопросъ сводится къ тому, признаемъ ли мы дѣйствительность вдохновенія и освященія. Ибо, разъ признавши эту дѣйствительность, мы должны признать, что это вдохновеніе должно быть вѣрнѣйшимъ руководителемъ во всѣхъ призваніяхъ. Въ обязательствахъ и въ твердомъ намѣреніи освятиться и дѣйствовать не иначе, какъ сообразно этому освященію и состоятъ, по моему мнѣнію, сущность Священнаго Союза Государей. Если они связываютъ съ нимъ инныя мысли, или если со временемъ они извратятъ его смыслъ: то актъ этотъ превратится въ ничто, станетъ даже гибельнымъ для ихъ народовъ и еще болѣе для нихъ самихъ. Онъ раскроетъ двери всѣмъ зло-

*. Сл. Р. Арх. 1867, 444—454.

употребленіямъ произвольной власти. Но зачѣмъ чернить установленіе, столь святое, такими ужасными предположеніями! Не достаточно ли они опровергаются нравственнымъ характеромъ Государей?

Нѣтъ, я твердо убѣжденъ, что послѣднему отступничеству, что великому, окончательному явленію Мужа Беззаконія будетъ предшествовать (и это на разстояніи довольно значительномъ) великое изліяніе духа благодати. Намъ не дозволено опредѣлять ни способа, ни времени этого изліянія; но что касается до времени, то намъ конечно позволительно ожидать его ежеминутно, собирать предвѣщанія, соображать малѣйшіе признаки. Эти признаки, быть-можетъ, насъ обманутъ; но достаточно и того, чтобы свѣтильники наши были зажжены, и чтобы мы были готовы идти на встрѣчу Жениху. Маленькое униженіе ошибки также обратится намъ въ пользу. Что же касается до спосововъ, то кто усомнится въ томъ, что сильное впечатлѣніе, произведенное на умы правительствомъ, могло бы быть способомъ, весьма дѣйствительнымъ?

Не знаю ни одного государственнаго вопроса, котораго нельзя бы было свести къ духу Евангелія. Все, до самого тарифа, можетъ быть разсмотрѣно и обработано въ этомъ духѣ, и подъ его руководствомъ. Хименесы, св. Бернарды, св. Людовики, Альфреды не черпали ли обильно изъ этого источника? Создавали ли они себѣ ниня начала для управленія государствами?

Правда, что выраженія Союзнаго Акта недостаточно точны; такъ, напримѣръ, Иисуса Христа нельзя назвать главою всѣхъ, даже и зараженныхъ членовъ; ибо Онъ глава единаго тѣла, которое есть Его Церковь; царство же не есть Церковь истинно вѣрныхъ; но зачѣмъ привязываться къ формѣ, вопреки духу и общему направленію этого

акта? Я бы охотно послалъ Вамъ копию съ моего письма *), но по истинѣ, почти не стоить того; къ тому же дѣнь переписывать. Но ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы сообщить его ни автору (?), ни даже другу С. Слово профанція тутъ всего умѣстнѣе. Кстати о С., предупреждаю Васъ, что онъ обидѣлся Вашею сдержанностію. Постарайтесь, прошу Васъ, успокоить его. Охлажденіе это можетъ пойти далѣе, чѣмъ на сколько и Вы и я могли бы этого пожелать. Хотя онъ и падаетъ, и возмущается, я въ немъ не отчаиваюсь.

Впрочемъ всѣ недовольные отнынѣ ожесточатся противъ религіи. Ей припишутъ они всѣ свои разочарованія, всѣ свои личные недочеты. Князь тьмы слишкомъ искусенъ, чтобы упустить столь прекрасный случай для того, чтобы раздуть страсти и обратить тщеславіе въ отступничество.

Вы исполнили мою душу радости Вашими немногими словами о непрестанной молитвѣ. Нѣтъ ничего дѣйствительнѣе этого таинства зачатія. Да будетъ съ Вами благодать Господа Нашего, и да соизволитъ Онъ сочетаться въ Васъ съ Самимъ Собою черезъ Св. Причастіе.

V.

Великополье, 9 Марта 1816.

Наконецъ, послѣ столькихъ промедленій, отсылаю Вамъ при семъ Житія Святыхъ. Имѣю привычку, читая книги этого рода, дѣлать выписки, и моя дѣнь въ писаніи мѣшаетъ мнѣ оканчивать чтеніе быстро. Поблагодарите, прошу Васъ, отъ меня Вашу добрую сестру за это истиннѣ назидательное чтеніе. Не могу о ней подумать, не жаль я нѣкоторымъ образомъ о стадѣ, рассы-

*) Т. е. къ Государю Александру Павловичу о Священномъ Союзѣ, уже напечатаннаго барономъ М. А. Корфомъ въ Р. Архивѣ 1867.

павшемся послѣ пораженія пастыря. Но Господь о томъ промыслить!

Все, что я читалъ когда-либо о вершинахъ самого возвышеннаго созерцанія, какъ по-латынѣ, такъ и по-французки,—все это я на дняхъ нашелъ пространно изложеннымъ и разъясненнымъ въ аскетической книгѣ, переведенной съ Греческаго на Славянскій языкъ, и напечатанной Синодомъ въ 1793 году подъ заглавіемъ *О добротолуби*, по ходатайству и стараніями настоятеля Балаамскаго монастыря. Книга эта повсюду продается и обращается. Вотъ сколь истинно, что у Господа никогда не будетъ недостатка въ дѣлателяхъ, и между тѣмъ какъ міръ кажется намъ почти погрязшимъ въ безднѣ беззаконій, вертоградъ Его воздѣлывается, растетъ и процвѣтаетъ, и царствіе Его шагомъ медленнымъ, но твердымъ все приближается. Эта мысль о труженикахъ смиренныхъ и невѣдомыхъ, но вѣрныхъ, дѣятельныхъ, одаренныхъ всеми силами мудрости и благодати, имѣетъ для меня нѣчто столь привлекательное, что я никогда не останавливаюсь на ней, не очерпнувъ изъ нея великихъ утѣшеній.

Эта книга, впрочемъ, въ сущности есть ни что иное, какъ изложеніе, ясное и весьма подробное, происхожденія и великихъ плодовъ молитвы *Господи помилуй*, которую называютъ молитвою духа, молитвою безъ образовъ, молитвою мистическою, и т. д. Пока да утвердитъ Васъ Господь въ этомъ пути, и да пребудетъ съ Вами во вѣки Его благодать.

VI.

Пенза, 11-го Сентября 1817.

Спѣшу, любезный другъ, сказать Вамъ мое мнѣніе о томъ, что Вы мнѣ пишете въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ объ обстоятельствахъ Вашей духовной жизни. Такъ какъ

Вы удостоиваете меня названія Вашего духовнаго отца, хотя сего и не заслуживаю, то пріймите мои замѣчанія въ томъ же духѣ любви и простосердечія, въ которомъ я ихъ дѣлаю. Буду говорить съ Вами безъ связи и единственно передъ лицомъ Господа Вашего.

Прежде всего, присоединяюсь къ Вамъ въ благодарности Господу за милости, которыми угодно Ему Васъ осыпать, ибо это по истинѣ милости.

Вспомните однакоже, что св. Терезія и другіе святые молили объ избавленіи отъ видѣній. Какъ бы ни были они отрѣшены отъ земнаго, какъ бы ни были духовны, къ нимъ всегда примѣшиваются нѣкоторыя формы.

Никогда не слѣдуетъ позволять себѣ погружаться слишкомъ глубоко въ созерцанія, когда находишься при людяхъ, даже въ церкви. Въ особенности не слѣдуетъ никогда допускать, чтобы внутреннее чувство распространялось на тѣло и оказывало на него воздѣйствіе. Къ невозможному никто не обязанъ; но прежде всего слѣдуетъ доказать себѣ эту невозможность. Черезъ это приобретаешь дурныя духовныя привычки, послѣдствія которыхъ часто опасны. И не вздумайте говорить мнѣ, что отъ этого нельзя воздержаться, или что это значило бы противиться дѣйствию Духа Святаго. Во первыхъ, отъ этого можно воздержаться, ибо всегда можно спуститься съ высоты созерцанія, постепенно переводя вниманіе на молитву умную или сосредоточивая его на смыслѣ молитвъ церкви. Это уклоненіе нисколько не препятствуетъ дѣйствию Св. Духа и нисколько его не ограничиваетъ: измѣняется лишь направленіе этого дѣйствія. Ученіе св. Павла на этотъ счетъ положительно. Прочтите со вниманіемъ главу 14 перваго посланія къ Коринѳянамъ. Тутъ

рѣчь идетъ объ известной формѣ дѣйствія Св. Духа, которой вѣрующіе этой церкви добивались предпочтительно передъ всѣми другими; состояла она въ томъ, чтобы говорить чужими языками (это нѣкотораго рода умонзступленіе или экстазъ, дѣйствительно обнаруживающійся употребленіемъ языковъ, неизвѣстныхъ тѣмъ самымъ, которые на нихъ говорятъ). И что же? Онъ воспрещаетъ имъ этотъ даръ, хотя онъ самъ причисляетъ его къ истиннымъ дарамъ Духа Святаго, и возбраняетъ его единственно по неудобству пользоваться имъ въ церкви, въ которой онъ можетъ произвести смятеніе. Онъ совѣтуетъ имъ приберечь этотъ даръ для ихъ одинокихъ упражненій, а въ церкви пользоваться лишь даромъ пророчества. Болѣе того, онъ даже воспрещаетъ имъ пророчествовать иначе, какъ соблюдая порядокъ очереди, и предупреждаетъ всѣ возраженія, подобныя тѣмъ, которыя Вы могли бы мнѣ сдѣлать, изрекая великое слово, что *самые духи пророчества подчинены пророкамъ*. Вслѣдъ за этимъ великимъ авторитетомъ идутъ всѣ примѣры, вся практика Святыхъ созерцательныхъ. Неизмѣнное ихъ ученіе объ этомъ предметѣ состоитъ въ томъ, что при людяхъ никогда не слѣдуетъ позволять, чтобы внутреннее чувство разливалось наружу. Вы найдете это въ трактатѣ Мюлаваля, какъ я это нахожу въ ста мѣстахъ моего «Добротолубія».

Не только по сущности, но и по формѣ, полезно, достойно истиннаго смиренія слѣдовать доброй практикѣ и здравому преданію истинныхъ нашихъ отцовъ духовныхъ. Помню, что сообщалъ Вамъ кое-что объ этомъ въ разговорахъ; напомню Вамъ тутъ эту форму въ немногихъ словахъ.

1) Для того, чтобы вступитъ въ созерцаніе, они ищутъ одиночества, т. е. самаго удаленнаго угла своей комнаты.

I.

2) Тамъ они принимаютъ положеніе, наиболѣе удобное, т. е. просто садятся, скрепчиваютъ руки подъ грудью, и устремляютъ взоры на какую либо часть своего тѣла, а именно на пупокъ (отсюда даже произошло одно изъ наименованій, даваемыхъ имъ). Опытъ доказалъ имъ всѣ выгоды этого положенія, охраняющаго ихъ въ одно время и отъ сна, и отъ развлеченія наружнымъ свѣтомъ, но они остерегаются закрывать глаза—они остаются неподвижны.

3) Они начинаютъ съ «Господи помилуй», но у нихъ, какъ и у Васъ, это скоро прекращается. Огонь, разъ возженный, горитъ самъ собою, и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда прійдешь въ себя.

4) Они остаются въ этомъ состояніи не сколько они хотятъ, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья.

4) Тутъ они видятъ иногда то, что они называютъ свѣтомъ Фавора (технической терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое; но знаю положительно, что видѣніе это гораздо чище, гораздо духовнѣе нашихъ обыкновенныхъ видѣній. Оно совершенно невыразимо словами, наши же болѣе или менѣе опредѣлены; слѣдовательно, степени хотя истинной, но гораздо низшей, чѣмъ это видѣніе, разаящееся, быть можетъ, лишь одною ступенью отъ собственно такъ называемаго лицезрѣнія Божія.

6) Не сумѣю описать Вамъ столь же достоверно способа, которымъ они держатся въ церкви; но изъ ихъ ученія я имѣю поводъ заключить, что они ограничиваются молитвою умною, позволяя себѣ погружать-

Русскій Архивъ 1870. 7

ся въ бездну созерцанія лишь настолько, чтобы, такъ сказать, одною ногою стоять въ общеніи со всѣми вѣрующими, которые не всѣ созерцатели. Вѣрно то, что они никогда не позволяли себѣ ни трясеній, ни экстазовъ, вещей, говорю Вамъ, порядка низшаго, которыя мы можемъ и должны подавлять, а если бы онѣ взяли надъ ними верхъ, слѣдуетъ настоятельно молить Господа о ихъ прекращеніи. Ибо представьте себѣ, чтобы въ церкви было много созерцателей, возбужденныхъ такимъ образомъ: что это будетъ, если не собраніе трясунувъ (истинныхъ бѣснующихся)? Это вопросъ св. Павла въ вышеупомянутой главѣ.

Стану ли я говорить Вамъ о собственномъ жалкомъ опытѣ, рядомъ съ этими великими примѣрами?.... Это такъ ничтожно. Въ Перми, я испытывалъ нѣкоторое время нѣчто подобное тому, что испытываете Вы, но это было непродолжительно. Съ тѣхъ поръ, форма моего созерцанія всегда была великою пустотою, отсутствіемъ всякаго образа и всякой мысли. Это, полагаю я, какъ и у Васъ. Но плоды этого состоянія сводятся просто къ великому спокойствію въ теченіи дня, къ нѣкотораго рода сладости, постоянной, хотя и не сильной. Это относительно чувствъ; чтоже до просвѣщенія разума, замѣчается нѣкоторая легкость въ пониманіи извѣстныхъ мѣстъ Евангелія, и неожиданное разумнѣе нѣкоторыхъ чертъ въ жизни Господа Нашего; въ церкви благоговѣніе иногда значительное, чаще состояніе созерцанія, менѣе глубокаго, менѣе молчаливаго, чѣмъ когда я одинъ, что вполне позволяетъ мнѣ слѣдовать за службою, и въ точности соблюдать всѣ принятые у насъ обычаи. Не думайте, чтобы я хотѣлъ съюзить всѣ дѣйствія Духа Святаго и свести ихъ къ этой единственной формѣ. Онѣтъ! Я убѣжденъ, что дѣйствія Его безчисленны и въ

своихъ степеняхъ, и въ вещественныхъ приложеніяхъ; но прошу, умоляю Васъ не предаваться оцутимому разлитію духа по Вашему тѣлу, въ особенности въ церкви. Въ ней тѣло должно находиться въ качествѣ глухо-нѣмаго слуги; оно недостойно принимать тутъ какое либо участіе, развѣ въ случаѣ, еслибы Вамъ было совершенно невозможно удержать потоки благодати. Такъ на примѣръ при этомъ исцѣленіи, которое я считаю безусловно чудеснымъ, и за которое, вмѣстѣ съ Вами, благодарю Господа.

Да пребудетъ благодать Его съ Вами во вѣки.

VII.

Пенза, 30 Окт. 1817.

Нѣсколько словъ, любезный другъ, о явленіяхъ Вашей духовной жизни. Радуюсь каждый разъ, какъ читаю Ваши записки. Последняя, въ особенности, доставила мнѣ великое утѣшеніе. Главное заключается въ томъ, что-бы ходить въ сумракѣ вѣры, т. е. въ полномъ отсутствіи всякой мысли, и не слишкомъ привязываться къ видѣніямъ и откровеніямъ, какъ-бы духовны они ни казались, а принимать ихъ однако-же съ благодарностію и благоговѣніемъ. Собственный Вашъ опытъ уже показалъ Вамъ, что истинный смыслъ этихъ видѣній подлежитъ различнымъ толкованіямъ; слѣдовательно, мы еще не достаточно просвѣщены, что-бы руководствоваться ими. Это Духъ Божій; но Духъ, сквозящій сквозъ вещество, еще недостаточно очищенное. Вотъ почему отпечатокъ, оставляемый имъ, еще не достаточно ясенъ.

То что Вы говорите о различіи пророческихъ видѣній совершенная правда.

Прощайте, да пребудетъ во вѣки съ Вами Тотъ, мудрость Коего есть мудрость дѣтей.

VIII *).

Пенза, 26-го Юня 1818 г.

Возобновляю, любезный мой Францъ Ивановичъ, размышленія, вчерашній день прерванныя.

Откуда происходятъ всѣ заблужденія ложнаго мистицизма?—Отъ ревности въ вѣрѣ, неочищенной отъ самолюбія. Какое средство къ сему очищенію?—Постъ, строгое наблюденіе за своими мыслями, сраженіе съ чувствами, жизнь покаянія. Но все сіе есть дѣятельность моего же самого ума и сердца, которое должно умертвить, и хотя дѣятельность безъ сомнѣнія похвальная, но все упражненіе, все развитіе силъ душевныхъ, все—случай и поводъ къ той же самой гордости и самолюбію. Слѣдовательно, не отвергая дѣятельныхъ путей, все остается заключить, что молитва и молитва умная есть единый путь совершенно безопасный. Видѣніе, глубокія и повидимому вдохновенныя мысли, все суть мысли, все упражненіе ума, а не прилѣпленіе, не оиѣмѣніе его въ единомъ Богѣ.

Естьли бы г-нъ Лабзинъ зналъ и проповѣдовалъ сію молитву: то во первыхъ не написалъ бы онъ и десятой части того, что написалъ, во вторыхъ, скорѣе и самъ бы пришелъ и другихъ привелъ бы къ истинѣ. Никогда не возмечталъ бы онъ, что посланъ отъ Бога созидать новый храмъ духовный: ибо онъ зналъ бы тогда, что храмъ сей и основанъ, и созданъ, и усовершенъ уже безъ насъ единымъ Господомъ нашимъ І. Христомъ.

Со всѣмъ тѣмъ я повторяю, что не вѣрю в малѣйшей части исторіи, на него взведенной, не вѣрю ни посвященіямъ, ни таинствамъ, яко бы имъ установленнымъ: но

* Письмо это и въ подлинникѣ писано по-русски.

вѣрю, что въ бесѣдахъ своихъ съ монахомъ онъ дѣйствительно могъ поколебать слабость его мозга.

Господь да сохранитъ насъ отъ сихъ метеоръ; такъ ихъ называетъ Св. Павелъ.

Прощайте, мой любезнѣйшій. Лобызаю васъ лобзаніемъ святымъ, въ единомъ Господѣ Нашемъ.

IX.

Пенза, 9 Юля 1818.

Я прочелъ съ удовольствіемъ и съ истиннымъ назиданіемъ Ваши упражненія о Священной Исторіи. Скажу Вамъ сперва нѣсколько словъ объ этихъ занятіяхъ вообще и затѣмъ о многообразіи смысловъ Писанія.

Изученіе Писаній тѣмъ способомъ, которымъ Вы его производите, т. е. развитіе смысловъ его не усиліями разума, но однимъ молитвеннымъ размышленіемъ, есть, по моему мнѣнію, послѣ чистаго созерцанія, упражненіе самое святое и самое полезное.

Еслибы мы были свободны въ выборѣ между различными дарами благодати, я бы остановился на этомъ, и предпочелъ его всѣмъ видѣніямъ, даже самому дару пророчества: ибо онъ менѣе даетъ простора самолюбію и поэтому менѣе опасенъ и болѣе согласимъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Постоянно чувствуешь себя на привязи, болѣе страдательнымъ, болѣе подчиненнымъ данному и установленному авторитету. Церковь тутъ, чтобы исправлять заблужденія по мѣрѣ того, какъ мы въ нихъ впадаемъ.

Но предаваясь этому упражненію, нужно очень остерегаться того, чтобы не привязываться къ толкованіямъ слишкомъ отдаленнымъ. Объясняюсь: Писаніе есть книга для поученія всѣхъ, приспособлен-

*

ная ко всѣмъ состояніямъ духовнымъ. По мѣрѣ того, какъ смѣняются эти состоянія, смыслъ его измѣняется, и хотя сущность всегда одна и та же, приложения разнообразятся до безконечности. Вотъ почему замѣчаемъ мы, что Св. Отцы давали одному и тому же мѣсту разныя объясненія, смотря по временамъ и степенямъ ихъ духовной жизни и смотря по развитію своихъ учениковъ.

И такъ, не находите страннымъ, если въ теченіи Вашихъ трудовъ Вамъ случится имѣть относительно тѣхъ же фактовъ иные взгляды, и всегда принимайте съ благодарностію хлѣбъ Вашъ насущный, не привязываясь къ одной формѣ предпочтительно передъ другою. Нужно сохранять данную форму, пока она сама по себѣ держится; но если представится другая, болѣе ясная,

не слѣдуетъ упорно отвергать ее, потому единственно, что нами уже была принята иная. Систематическая послѣдовательность, строгій порядокъ мыслей, столь восхваляемый въ наукахъ человѣческихъ, тутъ не у мѣста. Ибо все тутъ дѣло чувства или, точнѣе, духовнаго роста.

Возвращаюсь къ сущности Вашихъ упражненій. Среди многихъ вещей, по истинѣ прекрасныхъ, два соображенія въ особенности поразили меня: объясненіе на родосчисленія, предписаннаго Августомъ, и исторія избіенія младенцевъ. Несомнѣнно, что эти факты противорѣчатъ всему, что оставила намъ наиболѣе достовѣрнаго исторія. Поэтому совершенно необходимо искать тутъ аллегорическаго смысла, и тотъ, который былъ внушенъ Вамъ, кажется мнѣ превосходнымъ.

ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО КЪ С. М. БРОНЕВСКОМУ *).

Такъ, мой любезный С. М., краткая молитва *Господи помилуй* есть дѣйствительно духовный магнетизмъ, и не безъ содѣйствія благодати и истины Христовой пришло вамъ сіе сравненіе. Закрытіемъ міра чувственнаго совершается магнетизмъ душевный. *Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное*. Естественнымъ рожденіемъ мы облекаемся въ тѣло душевное: *бысть первый человекъ Адамъ въ душу живу*; возрожденіемъ мы облекаемся въ тѣло духовное: *последній Адамъ въ духъ животворяющъ*. Тайна искупленія нашего состоитъ въ предложеніи душевнаго въ духовное или, какъ нѣкоторые изъ Св. Отцовъ сіе называютъ,—въ преобоженіи, а Св. Павелъ еще выразительнѣе: *въ воззлавленіи*

всѣческии въ Христа; и сіе воззлавленіе или предложеніе начинается въ сей самой жизни, въ семъ самомъ мертвенномъ нашемъ тѣлѣ, и совершается въ вѣчности. Бытіе міра сего есть эпизода въ великомъ дѣлѣ творенія,—эпизода необходимая, но не цѣль и не конецъ поэмы. Она необходима потому, что духовность, свобода и возможность паденія суть одно и то же.

Обращаясь къ духовной молитвѣ, побѣждаю еще съ вами о свойствѣ ея. По мѣрѣ упражненія и навыка въ ней, открывается, что она какъ бы останавливаетъ ходъ мысленной нашей душевной силы—и на вопросъ, о чемъ мы думали, когда симъ образомъ моллись, мы не находимъ въ себѣ отвѣта, ибо дѣйствительно въ сіе время мы не мыслили ни о чемъ, не представляли себѣ ничего и ничего не

*) См. Р. Арх. 1863, ст. 47.

помнимъ: ибо помнить, представлять и мыслигь есть дѣло души, а не духа. Сіе состояніе Восточные Отцы называютъ безмолвіемъ, а западные *suspension de facultés de l'ame*. И вотъ почему молитва сія называется духовною. Она-то есть *молитва въ духъ и истинъ*; а не то, что нѣкоторые, впрочемъ благочестивые люди, подъ симъ разумѣютъ. Кратко: она состоитъ въ отсутствіи всего того, что называютъ какимъ-либо понятіемъ,—всего того, что не есть духъ Христовъ: ибо духъ ни понятій, ни словъ не имѣетъ.

Какой же молитвѣ научаетъ насъ Спаситель? Какую молитву предвѣщаетъ истиннымъ поклонникамъ? Какое это ученіе внятное невѣждамъ и младенцамъ, неприступное мудрымъ, т. е. размышляющимъ? Не то ли, гдѣ не нужны понятія и гдѣ напротивъ именно они исключаются? Съ сей точки зрѣнія многія и самыя важнѣйшія мѣста Евангелія получаютъ

свѣтъ удивительный. Душевный міръ затворяется, а духовный отверзается.

Невидимые слѣды сей молитвы сокрыты во всѣхъ почти религіяхъ, исключая тѣхъ, кои духъ міра сего совершенно исказилъ и обезобразилъ. Ею молятся въ Индіи и здѣсь въ Саровской пустынѣ: ибо о Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни Іудей, ни Еллинъ, но все нова тварь. Видимые же ея слѣды въ нашемъ отечествѣ проложены изъ Аѳонской горы съ 14-го вѣка. Остатки ихъ, и довольно свѣжіе, и теперь еще есть въ нашихъ пустыняхъ и монастыряхъ. Есть книга Славянская, напечатанная въ 1793-мъ году при Св. Синодѣ о *Добротолубіи*. Упоминаю о сей книгѣ и объ исторіи прехожденія сея молитвы изъ Аѳонской горы для того, что можетъ-быть въ случаѣ путешествія по горамъ встрѣтили вы ее въ нашемъ Крымскомъ Екатерининскомъ монастырѣ. Симъ отвѣчаю на письмо отъ 4-го Генваря и проч.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ ПОСЛѢ 1831 ГОДА.

ГЛАВА I.

Прибытіе эмиграціи во Францію.—Партіи.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссары.—Конарскій.—Послѣдствія его пропаганды.

Авторъ ¹⁾ брошюры *Szymon Konarski*, изданной въ Парижѣ безъ означенія года и мѣста, начинаетъ свой рассказъ такъ: «Къ исходу 1831 года совершилось въ Европѣ историко-политическое событіе, которому едва можно повѣрять: вѣскольکو десятковъ тысячъ солдатъ, ничуть неразстроенныхъ, исполненныхъ мужества, вооруженныхъ какъ слѣдуетъ и снабженныхъ всевозможными военными

припасами, выступило изъ отечества, не испытавъ пораженія и не извѣдавъ силъ въ послѣдней отчаянной битвѣ, и повергло къ стопамъ союзниковъ своего врага оружіе, покрытое славою многихъ недавнихъ побѣдъ, и добровольно приняло изгнаніе.» ²⁾

Это было мотивомъ пѣсни, которую заплѣла бѣлая половина дѣйствительно огромной польской эмиграціи 1831 года, ступивъ на чужую землю. Нечего говорить, *какая* именно была эта половина. Бра-

²⁾ Этотъ отзывъ о многочисленности и порядкѣ ушедшихъ за границу революціонныхъ войскъ, по устному свидѣтельству нѣкоторыхъ Русскихъ очевидцевъ, весьма преувеличенъ. П. Б.

¹⁾ Левъ Зенковичъ.

нили вождей - распорядителей, называли измѣнниками; что ни высшій чинъ былъ для этой половины—измѣнникъ, „zdrajca kraju“. Противъ генерала Бема, нѣсколько позже, было даже покушеніе въ Безансонѣ: пущенъ выстрѣлъ....

Но событіе казавшееся для многихъ Поляковъ невѣроятнымъ, было просто и естественно: самобытная Польша надолго, можетъ и навсегда, сдвигалась съ карты Европы. Нѣсколько тысячъ хорошо вооруженныхъ солдатъ дѣйствительно не были разбиты никакими другими солдатами, тѣмъ не менѣе они пошли какъ разбитые и точно *были разбиты*: ихъ сразило роковое теченіе исторіи, проявляющееся въ жизни всѣхъ народовъ и царствъ. Ихъ уносилъ съ родныхъ полей, жестоко сдувалъ тотъ самый вѣтеръ, который передъ тѣмъ сдунулъ очень многое, и никакія человѣческія силы не могли уже ихъ остановить. Когда полковникъ Заливскій, одинъ изъ того отчаяннаго кружка «подхорунжихъ», которые считаются обыкновенно главною пружиною взрыва 29 ноября 1830 г., собралъ друзей своихъ въ предмѣстьѣ Кракова, Подгурже, въ домѣ графа Ворцелля, и съ отчаяніемъ восклицалъ: «Что вы дѣлаете? Куда вы идете? Средства страны еще далеко не исчерпаны! Воротимся назадъ и подыместъ Польшу такъ, какъ она дѣйствительно можетъ подняться!» — его никто не слушалъ; массы шли: *они были разбиты*....

Мы остановимся теперь ненадолго на этой личности. Заливскій былъ одинъ изъ тѣхъ военныхъ характеровъ, которые чаще всего попадаютъ въ Польшѣ. Республиканецъ съ головы до ногъ, дерзкій, храбрый, необузданный, готовый когда угодно на всякую отчаянную выходку, не задумываясь, не справляясь со средствами,

онъ былъ, какъ и всѣ эти люди, весьма недалеко въ политикѣ и вообще ограниченъ. Господамъ Заливскимъ еще даютъ иногда подъ команду батальонъ, пожалуй полкъ, но далѣе командовать они не въ состояніи, хотя и мечтаютъ постоянно о диктаторствѣ и не знаютъ, съ кѣмъ себя сравнить, какъ только начнутъ сравнивать. Историкъ Мохнацкій, бывшій въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Заливскимъ, Высоцкимъ и другими авторами 29 ноября, сопоставляя оба эти лица, говоритъ: «Высоцкій чувствовалъ, что его роль, послѣ взрыва, тотчасъ кончится, а Заливскій, Богъ вѣдаетъ съ чего, строилъ весьма обширные планы для будущаго и непремѣнно хотѣлъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ или полководцемъ.... онъ вѣчно хотѣлъ быть первымъ». ³⁾

Въ другихъ націяхъ Заливскіе подчиняются требованіямъ общей, такъ сказать, логики; рано или поздно уступаютъ напору окружающихъ обстоятельствъ и смиряются. Въ нихъ, хотя подъ старость, пробуждается убѣжденіе, что такъ, какъ они думали, — перестраивать міръ нельзя. Въ Польшѣ, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ ея исторіи, Заливскіе не излечиваются ни обстоятельствами, ни временемъ, и въ удовлетвореніи своихъ фантазій, ббльшею частію несбыточныхъ и невозможныхъ, идутъ, что называется, на-проломъ, никого не слушая и ничему не внимая. Все благоразумное и умѣренное, что оказываетъ имъ малѣйшее сопротивленіе, они провозглашаютъ измѣной отечеству, истинному долгу гражданина. Они останавливаются только тогда, когда встрѣчаютъ на дорогѣ охлаждающую стѣну каземата, не то пулю. Таковъ и бываетъ обыкновенно ихъ конецъ.

³⁾ Познанское изданіе 1863 г., II, 300.

Изъ всего сказаннаго ясно, что эта *красная партія*. партія дѣйствующая, неутомимые «политики сердца», какъ выразился объ нихъ одинъ красный 1863 года, Авсйде;—вѣчные ребята: кто рвется и кипитъ до сѣдыхъ волосъ, и зачастую очень полезенъ правительствамъ.

До 1830 г. Заливскій, почтенный, со-рокалѣтній подпоручикъ 1-го линейнаго полка ⁴⁾ былъ извѣстенъ въ кружкѣ своихъ пріятелей составленіемъ плана *партизанской войны* въ русской Польшѣ, который предлагалъ потомъ и революціонному правительству, но оно его не приняло, опасаясь, повидимому, чтобъ изъ иного партизана не образовался какой-нибудь беспокойный вождь старыхъ временъ, съ которымъ трудно будетъ ладить ⁵⁾.

Тотъ же планъ явился и на Подгурже, въ сентябрѣ 1831 года и потерѣлъ, какъ видѣли, такое же пораженіе, только по другимъ обстоятельствамъ. Заливскій кончилъ тѣмъ, что основалъ тамъ какой-то *тайный комитетъ* и пустился въ странствія по Галиціи, Германіи, Италіи, критикуя передъ каждымъ встрѣчнымъ кампанію 1830—31 годовъ и давая постоянно чувствовать, что онъ не былъ какъ слѣдуетъ услышанъ... а то все пошло-бы иначе.

Триумфальное шествіе поляковъ по Европѣ, симпатіи всѣхъ націй, торжественныя встрѣчи, проводы, клики и слезы, при видѣ гонимыхъ рокомъ, отрешанныхъ усачей, изъ которыхъ многіе сражались въ

⁴⁾ Мохначій, II, 390. Какъ онъ достигъ, въ одинъ годъ, хотя бы и революціонный, до полковниковъ—рѣшить трудно. Чуть-ли это не чинъ фантастическій; однако онъ носитъ его во всѣхъ запискахъ съ 1831 года.

⁵⁾ Такъ объясняетъ это дѣло самъ Заливскій, въ показаніяхъ своихъ передъ Львовскимъ судомъ 10 сентября н. ст. 1833 года.

рядахъ Наполеона; потомъ сочувственныя статьи газетъ, гдѣ, между прочимъ, цѣлые три года сряду раздавался голосъ такого публициста, какъ Бёрне; наконецъ, невѣроятное положеніе огромной толпы среди чужихъ элементовъ.—толпы, которой прежде всего надо было что-нибудь ѣсть,—все это, соединившись вмѣстѣ, конечно не давало довольно долго установиться такой атмосферѣ, гдѣ какія бы то ни было возванія патріотовъ могли быть услышаны. Эмиграція, на первыхъ порахъ, представляла хаосъ, пугавшій какъ ее самое, такъ и тѣхъ, кто отважился дать ей пристанище. Отъ оборванныхъ усачей несло дымомъ битвъ и революціей. Франція, гдѣ ослѣли главныя волны польской эмиграціи, только-что сама освободилась отъ разныхъ колебаній и тревогъ. Земля ея еще качалась, и ей было вовсе не до того, чтобъ ухаживать за чужими, блуждающими по свѣту, революціями. Прибавленіе такихъ опасныхъ, горючихъ матеріаловъ, Богъ вѣсть откуда, къ тому, что не улеглось еще дома и тоже требовало ухода,—было конечно не по сердцу правительству Людовика Филиппа, и потому оно, разыгрывая роль націи гостепріимной и благодарной, простирая горячія объятія полякамъ (недавнимъ сподвижникамъ славной имперіи,) думало въ то же время, какъ бы отъ нихъ избавиться, какъ бы уложить на новыхъ поляхъ эти буйныя головы. И вотъ, бывшихъ вождей польской арміи стали всемирно ласкать, предлагать имъ мѣста въ Алжирѣ, склонять ихъ заняться формированіемъ туда особыхъ польскихъ легіоновъ.

Жизненныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голоду, въ эмиграціи было довольно. Раздумывать долго оказывалось ни съ какой стороны не удобно. Къ тому-же, французское правительство подавало кое-

какія отдаленныя надежды... Многіе усачи подвизали опять свои боевыя сабли, и давай гремятъ ими по прежнему на обоихъ полушаріяхъ вдругъ.

Вожди конечно понимали, *въ чемъ тутъ дѣло*, но тѣмъ не менѣе смотрѣли на это сквозь пальцы, и скорѣе поощряли соотчичей къ такой «заграничной» службѣ, чѣмъ удерживали отъ нея. По мнѣнію этихъ вождей, такая служба все-таки могла къ чему-либо пригодиться, могла открыть дорогу къ тому сочувствію державъ, къ тѣмъ европейскимъ *паробкамъ*, на которыхъ намекалъ постоянно въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ князь Адамъ Чарторыйскій. Между тѣмъ какъ поля, на которыя звали соотчичей Заливскій и тому подобныя личности, хоть это и были поля дорогой отчизны,—грозили одною безмысленною гибелью, и болѣе ничего.

Но дабы вести свое дѣло согласно какой-либо системѣ, дѣйствовать на эмиграцію и на край и вмѣстѣ не давать французскому правительству играть своими гостями какъ пѣшками,—люди, о которыхъ мы сей часъ упомянули (солидная, умѣренная партія эмиграціи) образовали *Комитетъ* названный *Польскимъ* (Komitet Polski) куда вошли членами почти всѣ члены бывшаго революціоннаго правительства Польши въ 1831 году, а президентомъ объявленъ бывший представитель Калишской партіи (во времена послѣднихъ сеймовъ) Бонавентура Немоевскій.

Но едва этотъ комитетъ успѣлъ дать о себѣ знать эмиграціи и краю, какъ уже противъ него стала строиться демократическая батарея, подъ крыломъ прежде бывшихъ въ Парижѣ Французско-Польскаго и Американско-Польскаго Комитетовъ⁶⁾. Въ первомъ предсѣдательство-

⁶⁾ Оба основаны въ 1831. Первый въ январѣ мѣсяцѣ.

валъ соратникъ Вашингтона, генералъ Лафайэтъ, а членами были: Ламаркъ, Жульенъ-де-Пари, Могенъ. Одиллонъ-Барро, Буле-де-ла-Мёртъ, Арманъ-Каррель, Викторъ-Гюго, Гарнье-Пажесь, Берамже, Густавъ-Монтебелло, Кремье, Леонардъ Ходзько и другіе.

Предсѣдателемъ Американско-Польскаго Комитета былъ какой-то Самуилъ Гоу (Howe). Членовъ мы не знаемъ⁷⁾.

Оба эти комитета, помогавшіе польской революціи 1830 года, и теперь собрали вокругъ себя все то, что дышало революціями и не думало о лаврахъ—Богъ вѣдаетъ гдѣ, подъ чужими знаменами—Донъ-Педро Португальскаго, не то Герцога Бургундскаго, не то Бельгій, не то Алжира; но искало случая, какъ-бы развернуть знамена съ бѣлыми орлами на родныхъ холмахъ и долахъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ⁸⁾ того же 1831 года все общество польскихъ демократовъ основало, посредствомъ обыкновенныхъ выборовъ, *Комитетъ*, получившій названіе *Польскаго Народнаго Комитета* (Komitet Narodowy Polski), гдѣ предсѣдателемъ былъ извѣстный польскій историкъ Іоакимъ Лелевель, а членами: Валентинъ Звѣрковскій, Леонардъ Ходзько, Романъ Солтыкъ, Ѳадей Кремповецкій, Антонъ Пршецишевскій, Карлъ Крайтсиръ, Антонъ

⁷⁾ Свѣдѣнія изъ показаній эmissара Артура Завиши, въ Варшавской Слѣдственной Комиссіи въ 1833 году, а также изъ сочиненія К. Борковскаго, тоже эmissара: *Wurgała Partyzancka* w г. 1833.

Ниже: изъ показаній Завиши и разныхъ эмигрантскихъ сочиненій, болѣе всего изъ сочиненія члена Централизаціи демократическаго общества, Виктора Гельтмана: *Demokracja Polska na Emigracyi*.

⁸⁾ Именно 8 декабря в. ст. Оттого этотъ Комитетъ прозванъ Декабрскимъ (*Grudniowy*.)

Глушневичъ, Адамъ Гуровскій и Валеріанъ Петкевичъ, какъ секретарь.

Вообразивъ себя сейчасъ-же главою эмиграціи (что представлялось иногда и болѣе мелкимъ комитетамъ и обществамъ), Комитетъ Лелевеля, какъ его обыкновенно звали, счелъ нужнымъ начать дѣйствія: «пропагандировать» всѣми способами въ смыслѣ своихъ принциповъ, одушевлять оставшихся дома братій напоминаніями о томъ, что послѣднее слово Польши еще не произнесено, что революція 1831 года вовсе не была послѣднею; что она можетъ повториться, даже и въ непродолжительномъ времени, а потому-де необходимо быть къ этому готовыми, заискивать въ сосѣдяхъ, ласкать простой народъ, обѣщать ему уравниеніе правъ, надѣлать землю,—стараться расположить къ себѣ и самихъ Русскихъ, между которыми, безъ сомнѣнія, есть много недовольныхъ правительствомъ, остатковъ декабрьскаго заговора».

Комитетъ Лелевеля издалъ прежде всего (въ концѣ декабря 1831 года) *Воззваніе къ польскимъ воинамъ*, положительно какъ-бы отъ всей Польши. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, *Воззваніе къ Венгерцамъ* на двухъ языкахъ: по-латини и по-венгерски, гдѣ припоминалась старая дружба Магарь съ Поляками, и было даваемо почувствовать, что, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ въ Европѣ, Карпатскія горы вѣроятно не будутъ препятствіемъ подать другъ другу руку.

Послѣ того шли воззванія: къ *Нѣмцамъ*, *Лотаринцамъ*, *Альзасу*, *Итальянцамъ*, къ *Русскому народу* ⁹⁾ на трехъ

⁹⁾ 12 августа н. ст. 1832 г. Какъ кажется, поводомъ къ этому воззванію была амнистія, разрѣшавшая эмигрантамъ возвратъ на родину.

языкахъ: по-русски, по-польски и по-французски (болѣе всего распространено французскихъ) и наконецъ къ *Евреямъ Царства Польскаго* (по-нѣмецки и по-французки, пера самого Лелевеля.)

Въ теченіе этого времени, эмигранты, жившіе первоначально по разнымъ городамъ Германіи, Италіи, Галиціи, стали сбиваться болѣе и болѣе къ одному мѣсту, подъ крыло Франціи. Необыкновенно много набралось ихъ въ особенности въ Парижѣ. Къ исходу декабря 1831 года прибылъ туда и Заливскій, съ компаніей друзей, между которыми, за отсутствіемъ Петра Высоцкаго ¹⁰⁾, считалъ себя, разумѣется, первымъ и даже прямо говорилъ (а потомъ и написалъ), что онъ игралъ главную роль при взрывѣ 29 ноября и *сдѣлалъ*, такъ сказать, *революцію*; что не будь его тогда между заговорщиками,—не извѣстно еще, было-ли бы что-нибудь въ Польшѣ.... Такіе намеки слыхали отъ него не разъ.

Такъ какъ около этого крикуна въ самомъ дѣлѣ собиралось всегда довольно много всякаго безпокойнаго и отчаяннаго народу, Комитетъ Лелевеля счелъ нужнымъ встрѣтить его съ нѣкоторою торжественностью и окружить вниманіемъ. Французы, Американцы, своя братья Поляки—привѣтствовали героя 29 ноября, носили на рукахъ изъ дома въ домъ и, наконецъ, 9 января н. ст. 1832 г., дали ему обѣдъ, съ рѣчами, спичами и прочимъ, а въ заключеніе Лелевель, со стороны сооте-

¹⁰⁾ Попался въ плѣнъ при взятіи Варшавскаго предмѣстья Воли, 26 августа 1831 г. Собственно найденъ спрятавшимся подъ зарядный ящикъ и сосланъ въ Сибирь; вывѣ, возвратившись въ Царство Польское, по амнистіи 1856 года, живетъ, какъ кажется, въ м. Варкахъ. въ 70 верстахъ отъ Варшавы.

чественниковъ, и Готфридъ Кавеньякъ ¹¹⁾, со стороны Французовъ, вручили ему почетную саблю временъ Наполеона I, наговоривъ при этомъ чего-то такого, что очень трудно было понять: что сабля эта, принадлежавшая офицеру Имперіи, Савари, передана Леонарду Ходзькѣ съ тѣмъ, чтобы ее навѣсить на Поляка, который болѣе другихъ отличился въ памятный день 29 ноября...

Кѣмъ передана? Что такое за сабля?—Объ этомъ никто не спрашивалъ. Недалековидный полковникъ попался и вступилъ въ общество демократовъ, а потомъ избранъ и членомъ Комитета. Мы видимъ его уже подъ *Воззваніемъ къ Русскому народу* ¹²⁾.

Но если попался онъ, недалековидный и честолюбивый полковникъ, на удочку

11) Братъ Евгенія, который игралъ известную роль въ событіяхъ 1848 года.

12) Въ своихъ показаніяхъ во Львовѣ Заливскій говорить, что къ нему ласкалось и французское правительство: министр-президентъ Казиміръ Перье присылалъ будто-бы къ нему чиновника съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ представиться министру, но Заливскій отвѣчалъ грубостью и едва не былъ за это высланъ изъ Парижа. Въ августѣ 1832 года, когда въ демократическомъ кружкѣ стали ярче высказываться ультра-красные элементы и Заливскій звалъ друзей возобновить революцію, прислалъ къ нему маршалъ Сультъ съ предложеніемъ: «организовать изъ Поляковъ «иностранные легіоны» въ Алжиръ. Заливскій также отказался. Позже, нуждаясь въ средствахъ къ жизни, можно сказать просто, бѣдствуя съ семьей (онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей) прибѣгъ онъ по неволѣ, черезъ генерала Дверницкаго, къ помощи французскаго правительства: маршалъ Сультъ далъ ему почувствовать, что, если онъ сформируетъ изъ Поляковъ легіонъ для Португальскаго короля Донъ-Педро, то получить пенсіонъ въ 6-т. франковъ. Заливскій и тутъ отказался. Пенсіонъ однакожь дали.

общества,—попалось и оно, принимая его въ свои нѣдра: полковникъ умѣлъ вносить всюду, куда только ни проникалъ, интриги, распри, клеузы и неудовольствія. Такъ же точно, какъ нѣкогда появленіемъ своимъ въ кружкѣ Подхорунжихъ, онъ разстроилъ его и поселилъ въ немъ несогласія, такъ и тутъ очень скоро замѣтили невыгоду его присутствія. Разница была лишь въ томъ, что тамъ онъ дѣйствовалъ робко и осторожно; высказывалъ свои претензіи не вдругъ, какъ человѣкъ не имѣвшій за собою никакихъ заслугъ, никакой славы, кромѣ славы стараго подпоручика, которому известно необъятное количество офицеровъ во всѣхъ полкахъ,—и это было единственною причиною, почему имъ тогда нѣсколько дорожили. Теперь другое дѣло: онъ былъ человекъ, сослужившій отечеству немалую службу: *соплавшій революцію!* Теперь у него былъ построенъ особый планъ дѣйствій, съ великими послѣдствіями не только для Польши, но даже, кто знаетъ, и для цѣлаго міра! Теперь Заливскій влекъ за собою, кромѣ всего, что сказано,—еще какой-то «Тайный Комитетъ» и всячески старался пристроить его къ мѣсту. Все это давало полковнику право шумѣть гораздо громче, нежели онъ шумѣлъ въ Варшавѣ, года два тому назадъ. Ладить съ нимъ было уже несравненно труднѣе.

Первые два-три мѣсяца, Мелевель, Ходзько и прочіе вліятельные люди кружка еще находили способы удерживать излишнюю горячность всѣхъ своихъ ультра-красныхъ, дѣлая имъ кое-какія уступки, въ ущербъ собственнымъ интересамъ и рискуя ежеминутно разстроиться съ французскимъ правительствомъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ положеніе сказанныхъ лицъ становилось труднѣе, а красные крикуны дѣла-

лись невыносимѣе и наглѣе. Въ нихъ за-мѣчалось, свойственное всѣмъ Полякамъ, стремленіе — образоватъ *что-нибудь свое* оригинальное, независимое, гдѣ бы не было, какъ они говорили, ничего сомнительнаго, *двуличиваго*; гдѣ бы не могъ командовать и всѣмъ распоряжаться человѣкъ, подобный фальшивому трусу Лелевелю, члену правительства, которое начало въ 1830 году тѣмъ, что просило Великаго Князя Константина Павловича разогнать шадунѣвъ на Сольцѣ, а на другой день выдало воззваніе отъ имени Императора Николая ¹³⁾.

Для этихъ красныхъ, *Польскій Народный Комитетъ* былъ переполненъ аристократами, если не по происхожденію, то по убѣжденіямъ, т. е. думалъ о продолженіи революціонныхъ дѣйствій въ краѣ на прежнихъ, аристократическихъ основаніяхъ, не смотря на то, что они такъ ярко выказали всему свѣту свою несостоятельность; тогда какъ нужно было поднять край иначе: бросивъ испорченную, эгоистическую шляхту и ища сочувствія въ народѣ, — ему подавая руку, его призывая къ жизни и уравнивая правами со всѣми другими словами: такимъ образомъ встанутъ не тысячи, а миллионы!

17 марта н. ст. 1832 года, куча людей, швырявшая такъ миллионы, сдѣлала рѣшительный шагъ — отдѣлилась отъ кружка Лелевеля и основала свой, заłożyла, какъ выражаются въ подобныхъ случаяхъ Поляки, знаменитое впоследствии *Демократическое Общество* ¹⁴⁾. Это была дѣйстви-

¹³⁾ Въ самомъ дѣлѣ, первое воззваніе совѣта управления, 30 ноября 1830, начиналось этими словами: «w imieniu Najjas' nieyszego Mikołaja I, Cesarza Roszyi, Króla Polskiego».

¹⁴⁾ Извѣстный эмиссаръ Руфинъ Пѣтровскій говорить, что основателемъ этого общества былъ членъ Польскаго Народнаго Комитета Адамъ

тально только „закладка“ первыхъ кирпичей. Смѣлые люди выступали не смѣло: ихъ было немного. Что это былъ за народъ, — можно судить по тому, что Заливскій, красный изъ красныхъ и безумный изъ безумныхъ, нѣкоторое время держался отъ нихъ въ сторонѣ и какъ-бы не хотѣлъ ихъ знать. Ему было собственно пріятно, что учреждается что-то такое, болѣе соответственное его планамъ. Онъ былъ-бы непрочь примкнуть къ этимъ рядамъ хоть сію же минуту (разумѣется, въ видѣ начальника, главы, не иначе), но какъ человѣкъ извѣстный, съ авторитетомъ, боялся рисковать своей репутацией, пристать къ чему либо такому, что прожить, можетъ быть, одинъ день. Онъ всматривался, поощрялъ, давалъ совѣты, но все-таки продолжалъ сидѣть на старомъ мѣстѣ и подписывать воззванія *Комитета*, который былъ нѣчто, былъ даже значительной силой.

Кучка отдѣлившаяся отличалась на первыхъ порахъ необыкновенною скромностью. Ею правилъ не *Комитетъ*, какъ это бываетъ во всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ, а секціи въ Парижѣ и Пуатье, состоявшія, каждая изъ 8—9 человѣкъ ¹⁵⁾. Во всѣхъ своихъ воззваніяхъ и статьяхъ, которыя полились рѣкой (ибо новое общество, надо отдать ему справедливость, обладало энергіей необычайной), предводительствующія секціи старались внушать соотечественникамъ, что сновыи кружокъ никѣмъ командовать не думаетъ и не будетъ; что онъ намѣренъ только указывать лучшіе и кратчайшіе пути къ дости-

Буровскій. (Rutina Piotrowskiego Pamiętniki. Poznań 1860, т. 1, стр. 6).

¹⁵⁾ Свѣдѣніе изъ показаній Мирославскаго въ Познанской слѣдственной тюрьмѣ 9 октября н. ст. 1846.

женію извѣстныхъ цѣлей—*помогать*; а что до власти, еслибъ она потребовалась при какомъ-либо удачномъ поворотѣ ихъ дѣлъ—край, безъ всякаго сомнѣнія, съумѣетъ отыскать ее или создать дома, изъ своихъ собственныхъ элементовъ. Странно и несправедливо было бы навязать ее со стороны людямъ, которые шли въ первый огонь и жертвовали всѣмъ. Что это—де аристократы, генералы, думаютъ только о томъ, какъ-бы захватить въ краю власть при первомъ удобномъ случаѣ и сочинили для этого даже заранѣе короля. На это они аристократы, а мы—де народъ, демократы...»

Разумѣется, подобныя проповѣди и разсужденія ни чуть не мѣшали нѣкоторымъ изъ скромныхъ проповѣдниковъ рваться грудью въ диктаторы и въ генералы будущей народной арміи. Въ послѣдствіи, ставъ на твердую ногу и увеличась въ объемѣ, общество положительно забыло свои обѣщанія и правила касательно власти и было дѣйствительною властью для существенной части эмиграціи и почти всѣхъ Поляковъ края.

Что до жизни, въ жизни вся польская интеллигенція Парижа и другихъ городовъ, болѣе или менѣе, сливалась. Не только ультра-красные демократы дружески сходились съ обыкновенными демократами, но допускались за-частую въ тотъ-же кругъ и «генералы», какъ напр. Дверницкій (особенно умѣвшій ладить съ красными), Сѣравскій, Уминскій и тому подобныя лица, которыя имѣли въ виду положительно шляхетскую революцію и послѣ нея—сеймъ и избраніе короля. Всякую же другую революцію они считали просто невозможной.

Такія дружескія сходы Поляковъ бывали обыкновенно въ національные ихъ праздники, къ которымъ прежде всего

относились разные революціонные взрывы: Костюшка, Барская Конфедерація, 3 мая, 29 ноября. Тутъ обсуждались со всевозможныхъ сторонъ неудачи каждаго заговора, разсматривалось, какъ бы лучше было тогда-то и тогда-то поступить. Извѣстно, что всѣ славянскіе народы куда-какъ крѣпки заднимъ умомъ и мастера стлать солому на мѣстѣ, гдѣ уже совершилось паденіе и произошелъ ушибъ.

Подъ конецъ всякого такого сборища была добрая выпивка, объятія, слезы, поцѣлуи, и всѣ расходились по домамъ обыкновенными друзьями и братьями, готовыми хоть завтра, хоть сей-часъ, всей массой за саблю и на Москалей!

Французское правительство смотрѣло на все это, нѣкоторое время, довольно равнодушно. Его не смущали ежедневныя явленія этихъ эфемерныхъ, шумливыхъ комитетовъ, которые болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы подставить одинъ другому ногу. Серьезной власти нечего было бояться подобныхъ, по-просту сказать, пустяковъ. Но когда *Польскій Народный Комитетъ* сталъ выпускать зажигательныя воззванія къ разнымъ народамъ, и французское правительство получило отъ многихъ дворовъ остерегающія ноты; когда было замѣчено, что Поляки, соединенно съ карбонарами, затѣваютъ какую-то всеобщую революцію—роль его измѣнилась. *Воззваніе къ Русскимъ* было каплей, переполнившей сосудъ: всѣмъ эмигрантамъ, которые подписали это воззваніе, парижская полиція предложила выѣхать, вслѣдствіе особенныхъ настояній русскаго посланника и такихъ-же рекомендацій изъ Петербурга. Нѣкоторые изъ высылаемыхъ, имѣя въ Парижѣ кое-какія связи, отговаривались, вплоть до начала 1833 года, то нездоровьемъ, то тѣмъ, то другимъ, и

не трогались съ мѣста, въ надеждѣ, что буря пройдетъ и они останутся. Однако настоянія полиціи продолжались. Долѣ держаться было уже нельзя. Лелевель выѣхалъ въ Лагранжъ (помѣстье Лафайета), Ходзько—въ Туръ, куда потомъ прибылъ и Лелевель, но ихъ снова разлучили. Лелевель пошелъ далѣе пѣшкомъ, въ синей грубой блузѣ, съ конфедераткой на головѣ, просто куда глаза глядятъ и, послѣ разныхъ скитаній, очутился въ Брюсселѣ, гдѣ жилъ до послѣдняго польскаго возстанія. Ходзько переѣхалъ въ Безансонъ, потомъ переселялся изъ города въ городъ, и въ заключеніе устроилъ какъ-то, что ему позволили опять воротиться въ Парижъ.

Какъ и гдѣ скитались прочіе—неизвѣстно, да и нѣтъ надобности знать. Только эта высылка уважаемыхъ эмиграціей лицъ и упорное преслѣдованіе ихъ по всему краю, раздражили партію, считавшую своею главою Лелевеля. Она покраснѣла и выдѣлила изъ себя разомъ значительный контингентъ въ демократическое общество. Мало этого: и другіе кружки, несравненно болѣе умѣренныя, заразились тою же болѣзнію—желаніемъ досадить чѣмъ нибудь Франціи и русскому правительству. Планъ Заливскаго «возобновить революцію въ Царствѣ Польскомъ», до сихъ поръ всеми обходимый, какъ нѣчто невозможное и несоотвѣтствующее времени, нашелъ теперь партизановъ во всѣхъ лагеряхъ, вдругъ показался и осуществимымъ и даже превосходнымъ. Самъ Заливскій озарился какъ бы новымъ свѣтомъ и смотрѣлъ на начальниковъ имѣвшихъ очень скоро встать легионовъ. Дѣло устреплось не то, что *Демократическимъ Обществомъ*, не то, что *Польскимъ Народнымъ Комитетомъ*, или другимъ какимъ либо кружкомъ,

а какъ-то такъ, общимъ раздраженіемъ эмиграціи, пропитавшимъ воздухъ. Сколько ни старалась умѣренная партія отвлечь молодежь отъ этого предпріятія (возобновить революцію) ничего не могла сдѣлать. По всѣмъ такъ называемымъ *закладамъ*¹⁶⁾ (zaklad) эмиграціи, существовавшимъ въ разныхъ городахъ съ начала 1832 года, поскакали курьеры «искать людей»—офицеровъ и рядовыхъ, для предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ русской Польшѣ. Эти курьеры встрѣчали разный приемъ въ закладахъ: гдѣ радушный, гдѣ неприязненный. Въ одномъ закладѣ, именно въ Авиньонскомъ, курьеръ Карлъ Шлегель (партіи Подхоружихъ 1830 года) поссорился съ предсѣдателемъ совѣта, Касперомъ Дзѣвцикимъ, былъ вызванъ имъ на дуэль и убитъ. Однако, въ общемъ результатѣ, предложеніе Заливскаго «поднять на ноги конгресувку и бить Москалей», произвело, по причинѣ уже извѣстнаго читателямъ настроенія умовъ, сильный шумъ и толки, болѣе или менѣе въ одобрительномъ духѣ, и заклады рѣшили выслать депутатовъ въ Ліонъ. къ 4 января н. ст. 1833 года.

Здѣсь, на бурномъ засѣданіи, въ родѣ

¹⁶⁾ Сколько намъ извѣстно, заклады эмиграціи были въ слѣдующихъ городахъ: Буржѣ, Безансонѣ, Ліонѣ, Люневилѣ, Авиньонѣ, Стразбургѣ, Шатору, Штутгартѣ, Фрибургѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, Тюбингенѣ, Карлсруэ, Ульмѣ, Вюрцбургѣ, Нюрнбергѣ, Альтенбургѣ, Дрезденѣ, Львовѣ, Краковѣ, Тарновѣ и Познані. Правительственная власть каждаго заклада была въ рукахъ совѣта (Rada). Характеръ закладовъ былъ различный, гдѣ аристократическій, гдѣ демократическій. Заливскій въ своихъ Львовскихъ показаніяхъ упоминаетъ о какихъ-то Польскихъ Комитетахъ по городамъ, насчитывая ихъ въ одной Франціи до 30: то ли же это. что заклады, мы рѣшить не въ состояніи.

сейма, планъ Заливскаго былъ одобренъ большинствомъ голосовъ. Часть пріѣхавшихъ исполнилась такого восторга и нетерпѣнія биться на родныхъ поляхъ, что тутъ же предложила Заливскому распорядиться ими по усмотрѣнію. Заливскій сперва долго оглядывалъ своихъ офицеровъ; а потомъ, за недостаткомъ людей для замѣщенія всѣхъ открывшихся вакансій новой организаціи, церемонія осматриванія и выпытыванія прекратилась. Просто-за-просто: брали кого случится, лишь бы онъ, по прочтеніи *инструкціи*, подписалъ ее и пригнулъ.

Планъ Заливскаго состоялъ въ томъ, чтобы, «обезопасивъ насколько можно посылнѣе матеріальными средствами въ странѣ и сдѣлавъ необходимыя приготовленія во всѣхъ трехъ захватахъ, вторгнуться въ русскую Польшу мелкими партизанскими отрядами, которыми занять войска правительства; а тѣмъ временемъ будетъ вооружаться огромная армія и выступить на сцену, лишь только заговоръ въ Польшѣ (въ Польшѣ 1772) и въ *орудіяхъ мести* достигнетъ надлежащаго развитія».

Все Царство Польское, а отчасти Литва и Русь¹⁷⁾, дѣлились для этого на нѣсколько округовъ, въ два уѣзда каждый. Всякому округу давался свой особый начальникъ, имѣвшій подъ командою извѣстное число партизановъ. *Инструкція* для этихъ партизановъ, пера самого Заливскаго, была такова:

1. Обязанности партизана суть: посвященіе себя на всевозможные труды и опасности, съ цѣлію освободить свое отечество и снискать людямъ равенство правъ, не обращая вниманія на вѣроисповѣданіе;

¹⁷⁾ Юго-западные губерніи Россіи: Кіевская, Волынская и Подольская.

уничтожить всякіе предрассудки и взаимную ненависть между сословіями. Стало быть: биться, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ тирановъ и ихъ клеветовъ, угнетающихъ родъ людской; употреблять всѣ способы къ ихъ уничтоженію.

2. Партизанъ долженъ укрываться по лѣсамъ и горнымъ ущеліямъ, въ мѣстахъ недоступныхъ; переходитъ въ своемъ округѣ постоянно съ одного пункта на другой и дѣлать оттуда набѣги, въ особенности по ночамъ, на непріятельскіе форпосты; истреблять магазины, аммуницію; захватывать военныя и другія казенныя кассы; бить чиновниковъ, назначенныхъ тираномъ; словомъ: уничтожать и забирать все, что составляетъ собственность наѣздническаго правительства и служить ему поддержкою.

3. Партизанъ долженъ, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, уважать спокойствіе мирныхъ жителей и всѣми мѣрами охранять ихъ собственность, еслибъ слуги или солдаты тирана захотѣли на нее посягнуть.

4. Каждый окружный начальникъ (*dowódca*), утвержденный главнымъ вождемъ партизановъ, можетъ выбрать какой угодно округъ для своихъ дѣйствій, изъ двухъ уѣздовъ состоящей; сверхъ того, имѣетъ право самъ назначать себѣ помощника (*zastępcę*) и набрать столько подчиненныхъ партизановъ, сколько заблагоразсудится.

5. Каждый начальникъ войскъ по округу обязанъ безпрекословно повиноваться главному вождю и выполнять его приказанія со всею точностію; такъ равно и каждый партизанъ своему окружному начальнику, какъ скоро исполнилъ добровольную присягу.

6. Каждый начальникъ округа имѣетъ право карать своихъ подчиненныхъ смертію за измѣну, за неисполненное приказа-

ніе и за посягательство на чужую собственность; равно и каждого человѣка въ своемъ округѣ, кто бы сталъ ему противиться, или измѣнять тайнѣ.

7. Каждый начальникъ округа, приказывающій грабить мирныхъ жителей или дѣлающій вообще что либо возмутительное, долженъ быть смѣненъ (zgådzony) подчиненными, а на его мѣсто назначенъ помощникъ, не то кто-либо другой изъ партиі, кого они найдутъ болѣе достойнымъ, мужественнымъ и честнымъ.

8. Каждый начальникъ округа обязанъ сноситься съ начальникомъ воеводства, или губерніи, и состоять въ его распоряженіи: а этотъ послѣдній сносится непосредственно съ главнымъ вождемъ.

9. Въ случаѣ невозможности держаться въ своемъ округѣ, по причинѣ напора непріятельскихъ силъ, окружной начальникъ, со своими партизанами, можетъ перейти, на неопредѣленное время, въ какой-либо сосѣдній округъ и дѣйствовать съ тамошнимъ начальникомъ заодно.

10. Каждый окружной начальникъ, освободивъ свой округъ, или хоть часть онаго, отъ власти непріятельской, учреждаетъ тамъ немедленно гражданскую власть изъ мѣстныхъ обывателей, пользующихся всеобщою довѣренностію и самъ за нею наблюдаетъ.

11. Каждый окружной начальникъ, имѣющій подъ своей командой болѣе 50 человѣкъ, отправляетъ изъ себя въ закладъ кадры, формирующихъ народную армию.

12. Высшая власть надъ партизанами называется *Местъ Народа* (*Zemsta Ludu*), и ей должны слѣпо повиноваться все партизаны до тѣхъ поръ, пока весь народъ не восстановитъ своей независимости. Лицо, снабженное этою властью, извѣстно только начальникамъ округовъ и ихъ помощникамъ.

13. Каждый партизанъ, по прочтеніи вышеприведенныхъ статей, выполняетъ слѣдующую присягу передъ окружнымъ начальникомъ:

«Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что, желая восстановления моего отечества и равноправности каждому человѣку, посвящаю себя добровольно на всевозможные труды, опасности и самую смерть; и до послѣдней капли крови буду биться противъ тирановъ и противъ тѣхъ, кто имъ служить; при чемъ, исполняя постановленія партизановъ, буду повиноваться своимъ начальникамъ. Господи, помоги мнѣ въ этомъ здѣсь и на томъ свѣтѣ...¹⁸⁾».

Когда было замѣчаемо вербующими такой народъ въ экспедицію Заливскаго, что они колеблются, находятъ много препятствій, ихъ всячески старались успокоить, пускали имъ пыль въ глаза напоминаніемъ о томъ, что Польша будетъ дѣйствовать не одна, а въ связи съ обще-европейскою революціей, имѣющей въ виду перестроить цѣлый міръ. Заливскій говорилъ даже, что ему извѣстно за достовѣрное о существованіи заговора между военными въ самой Россіи, а потому пробиться партизанамъ въ лѣсахъ придется какой-нибудь мѣсяць, много полтора, а тамъ все вспыхнетъ и они сольются съ огромной польскою арміею всѣхъ трехъ захватовъ, съ арміей, какой еще, касательно размѣровъ, едва ли гдѣ видано.

Но собственно, эти люди обрекались на жертву, и расчетъ главныхъ руководителей движенія заключался въ томъ, что всякій, поставленный въ условія партизана, отрѣзанный отъ своихъ, безъ вѣр-

¹⁸⁾ Подляникъ можно видѣть въ сочиненіи Борковскаго: *Wyprawa Partyzancka do Polski w r. 1833*, T. VII Biblioteki Pisarzy Polskich стр. 7—9.

ной надеждою воротиться, долженъ непременно быть энергиченъ, превзойти, такъ сказать, самого себя, выдумать такіа дѣйствія и хитрости, о какихъ въ спокойномъ и безопасномъ мѣстѣ и вообразить трудно. Имъ будетъ руководить уже не одинъ патриотизмъ и желаніе отмстить врагу, но и собственное всякому человѣку чувство самохраненія.

Эти мысли были высказаны впоследствии печатно даже бѣлыми органами, по крайней мѣрѣ такими, которые считали своими протекторами умѣренную партію эмиграціи: Чарторыскаго, Уминскаго, Дверницкаго...

Въ теченіе января мѣсяца 1833, были приняты и утверждены Заливскимъ слѣдующіе начальники округовъ, носившіе въ то же время названіе эмиссаровъ; если не всѣ, то нѣкоторые несомнѣнно пользовались этимъ титуломъ:

1. Артуръ Чарный-Завиша въ округъ Варшавско-Сохачевскій, съ самой Варшавой ¹⁹⁾.

2. Каликтъ Боржевскій въ округъ Плоцко-Липновскій.

3. Леонъ Залѣвскій въ округъ Равско-Ленчицкій.

4. Эдуардъ Шпекъ въ округъ, состоящій изъ уѣзда Станиславовскаго и Праги.

5. Леопольдъ Бялковскій въ одинъ изъ округовъ Калишскаго воеводства, сосѣдомъ къ Завишѣ.

6. Антонъ Винницкій въ округъ Гостынино-Куявскій.

7. Касперъ Дзѣвницкій въ округъ Радомско-Опочинскій.

8. Эдуардъ Дуньскій въ округъ Млавскій.

¹⁹⁾ Т. е. въ округъ, состоящій изъ уѣздовъ Варшавскаго и Сохачевскаго. Точно то же и далѣе.

9. Адамъ Сперчинскій въ округъ Пржаснышскій.

10. Фаустинъ Сулемирскій въ округъ Конинскій.

11. Леопольдъ Потоцкій—въ округъ Сѣрадзкій.

12. Рохъ Рупневскій—въ округъ Пултуско-Остроленскій.

13. Ушинскій—въ воеводство Подляское.

14. Стенанъ Гецольдъ—въ уѣздъ Волковыскій (Гродненской губерніи).

15. Карлъ Борковскій—въ округъ Острожско-Кременецкій (Волинской губерніи).

16. Фаддей Серпутовскій—въ округъ Бѣльско-Радзынскій.

17. Осипъ Гордынскій—въ округъ Сокольско-Бѣлостокскій.

18. Джонсъ Ринкъ (Johns Rynk)—въ округъ Любельско-Красноставскій *).

Большинство этихъ лицъ были военные, служившіе когда-то въ польскихъ войскахъ разными чинами, отъ унтеръ-офицера до поручика,—кто человѣкъ довольно образованный и начитанный, кто простой, грубый солдатъ. Унтеръ-офицеръ Шпекъ, какъ увидимъ, не сладилъ со своей командой и соединился сперва съ Гецольдомъ, экспедиторомъ бывшаго Виленскаго университета,—потомъ оба поступила обыкновенными рядовыми въ банду Завиши. Но все, прочитанное въ уставѣ партизансксмъ, удержалось въ каждой головѣ твердо. Присягу многіе знали наизусть, почти

*) Свѣдѣнія изъ показаній Антова Вяниціаго и нѣкоторые печатныя источники. Неполноты въ нныхъ округахъ, т. е. какъ бы недостачу уѣздовъ, мы поправимъ не въ состояніи. Такъ показывали иногда и сами окружные начальники. Не было ли на практикѣ для нныхъ измѣнено общее правило и не давали ли имъ дѣйствительно въ завѣдываніе только одинъ уѣздъ?

слово въ слово. Общій смыслъ задачи—*что именно дѣлать*—былъ ясенъ всѣмъ. Только параграфъ о томъ, что главный начальникъ называется *Местъ Народа*, не всѣми былъ понятъ одинаково. Многие, въ родѣ Шпека, думали, что это *главный комитетъ*, и такимъ образомъ впоследствии показали.

Округи выбирались каждымъ лицомъ такіе, гдѣ ему удобно было распоряжаться, гдѣ находились у него друзья, знакомые, родственники, или даже имѣніе. Кто не зналъ такихъ мѣстъ и кому было все равно, гдѣ ни дѣйствовать, тѣмъ Заливскій назначалъ округи самъ. Но все это было только расписано и разминовано такъ на бумагѣ: на дѣлѣ ни одинъ изъ партизановъ не попалъ на указанное мѣсто.

По причинѣ дѣйствительно существовавшей связи *Партизанскаго Напада*, или, какъ поляки попросту выражались и выражаются до сихъ поръ: «*Partyzaniki Zaliwskiego*» съ затѣями карбонаровъ, окружные начальники, отправлявшіеся въ край, были приглашены выполнить сверхъ своей, какую-то особенную *карбонарскую присягу*, которой текстъ намъ неизвѣстенъ. Послѣ того имъ были сообщены *знаки*, какимъ образомъ отличать *своихъ* за границей и дома. Эти знаки Наѣздъ принялъ тоже отъ карбонаровъ. По свидѣтельству одного изъ окружныхъ, Осипа Гордынскаго, они заключались въ слѣдующемъ:

1. При встрѣчѣ снимать шляпу немного направо и надѣвать прямо. Если встрѣченный *свой человекъ*, то онъ сейчасъ это замѣтитъ. 2) Подавая кому-либо правую руку, коснуться какимъ-либо пальцемъ его ладони. 3) Если встрѣченный проговоритъ послѣ этого *amitié*, отвѣчать: *fraternité*, и затѣмъ обомъ въ-разъ сказать *bienfaisance*. 4) Квартира *своего*
I.

узнается по вдѣланному гдѣ-нибудь на домѣ, или на близь-стоящемъ деревѣ, не то другомъ какомъ-либо предметѣ, небольшому треугольнику ²¹⁾.

Когда всѣ сказанныя церемоніи были соблюдены, пѣкото Гурецкій ²²⁾, начальникъ Лионскаго заклада, гдѣ былъ сборный пунктъ команды Заливскаго и устроены какой-то *Лионскій базаръ* (какъ-бы складъ матерьяловъ для Наѣзда)—роздалъ отправляющимся рекомендательныя письма, книжки карбонарской формы, по 150 франковъ на брата, а Борковскій снабдилъ каждого извѣстнымъ количествомъ яду ²³⁾.

Затѣмъ мѣстный французскій префектъ выдалъ имъ паспорта съ ложными именами и званіями,—и эмиссары двинулись, болѣею частію пѣпкомъ, на Швейцарію и Германію ²⁴⁾. Въ Цюрихѣ, новомъ сборномъ пунктѣ, уже произошли между ними нѣкоторыя столкновения. Иные высказывали неудовольствіе противъ главнаго вождя и сомнѣвались въ успѣхѣ предприятия. Были наконецъ и такіе, кто, обсудивъ съ пріятелями все дѣло похладнокровнѣе, не пошли дальше.

Въ Германіи было замѣчено странника—

²¹⁾ Гордынскій прибавилъ къ этому, что собранія карбонаровъ, состоящія изъ 11 человекъ, называются *вентами*. Лица, участвующія въ нихъ, обязаны знать два пароля: одинъ полугодичный; другой, требуемый при входѣ, мѣняется всякій разъ. Иногда, по разнымъ соображеніямъ, мѣняется и полугодичный пароль.

²²⁾ Gbreski. Временно должность его правилъ Левандовскій.

²³⁾ Показаніе разныхъ окружныхъ, лично бывшихъ тогда въ Лионѣ.

²⁴⁾ Такъ о паспортахъ показываютъ многие изъ эмиссаровъ. Борковскій, въ указани. сочиненіи *Wurga wa Partyz.* говоритъ, что паспорта выданы были обыкновенныя, съ настоящими именами и званіями.

ми, что тайна ихъ открыта: ихъ строго осматривали на заставахъ городовъ и малѣйше-подозрительныхъ ворочали назадъ во Францію. Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось труднѣе идти. Въ Галиціи уже нужно было просто-за-просто прятаться, входить въ города украдкой, ночью. Карлъ Борковскій съ Михаиломъ Ходзькой были остановлены во Львовѣ на заставѣ стражею, которая, оглядѣвъ ихъ внимательно, спросила: «ужь и вы не такіе-ли, о какихъ слухъ идетъ, что отправляются въ Польшу дѣлать какую-то революцію?»—Однако они отдѣлались кое-какъ, не бывъ задержаны, и пробрались внутрь города, а потомъ и дальше, гдѣ съ кѣмъ нибудь въ крытой бричкѣ, гдѣ ночью по лѣсамъ, пѣн-вомъ.

Въ Царство Польское, до образованія партій, рѣшились проникнуть весьма немногіе и тотчасъ воротились назадъ—кто въ Галицію, кто въ Княжество Познанское, и здѣсь, въ противность расчетамъ главнаго вождя и многихъ членовъ *Демократическаго Общества*, не смѣли отнюдь сближаться съ «людомъ», а напротивъ держались отъ него подале: потому что «людъ» кое-кого изъ нихъ связалъ и представилъ начальству, какъ бродягъ.

Эмиссарамъ стали помогать, какъ и всегда, одни только помѣщики. болѣе другихъ графъ Викентій Тышкевичъ, владѣтель села Кольбушова, Тарновскаго округа, Краковскаго воеводства, отъ чего его звали иногда просто «графъ Тарновскій». Это былъ большой пріятель Заливскаго, раздѣлявшій всѣ его безумные планы. Заливскій многихъ снабдилъ письмами къ Тышкевичу и самъ потомъ у него жилъ. Тышкевичъ приготовилъ для Наѣзда множество всякаго оружія, оставшагося у него какимъ-то образомъ послѣ 1831 г. Однихъ

ружей, совершенно новыхъ и исправныхъ, со штыками, было у него не менѣе 500 штукъ ²⁵⁾.

Потомъ помогали Наѣзду: помѣщикъ села Куржина (тоже въ Галиціи) Мышковскій, заготовившій, какъ говорили, разнаго оружія челоуѣкъ на 80. Далѣе: князь Адамъ Любомірскій, братья Богуславъ и Онуфрій Городинскіе. Въ пмѣни перваго, Збидневѣ, формировалось нѣсколько бандъ. Молодой графъ Францискъ Веселовскій, Константинъ Руссоцкій, помѣщица Титмайеръ съ сыномъ и другіе.

У насъ, въ Царствѣ, дѣятельно служили заговору помѣщики: Матвѣй Мышковскій, Збоинскій, Росцишевскій, Островскій, Вильчевскій и иные—всѣ Плоцкой губерніи, жившіе недалеко отъ границы.

Во многихъ помѣщичьихъ домахъ бросились шить сукманы для будущей «народной арміи»; готовили конскую сбрую, на подобіе старопольской. Болѣе ретивые мечтатели кормили даже на своихъ конюшняхъ лишнихъ лошадей!

Заливскій прибылъ на мѣсто дѣйствія одновременно съ первыми эмиссарами: Дзѣвпцкимъ, Завишей и Бялковскимъ, запасшись въ эмиграціи всѣмъ, чѣмъ нужно. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Парижа (куда проникъ, какъ запрещенный товаръ, подъ чужимъ племенемъ) онъ видѣлся съ генераломъ Дверницкимъ и открылъ ему все. Дверницкій отвѣчалъ, что «помочь не знаетъ какъ, а все-таки благословляетъ» ²⁶⁾.

²⁵⁾ Частію, показанія видѣвшихъ этотъ складъ, частію печатныя свѣдѣнія въ статьѣ гр. Франц. Веселовскаго. *Ustęp z moich wspomnień*, t. VII Biblioteki Piszarzy Polskich, стр. 134.

²⁶⁾ Леонардъ Ходзько въ письмѣ къ К. В. Воззвизскому. Т. VII Biblioteki Piszarzy Polskich, стр. 166.

Это была пустая фраза, чтобы что-нибудь сказать приятелю, котораго болѣе не надѣешься видѣть въ живыхъ. Въ душѣ своей Дверницкій былъ противъ экспедиціи. Мало этого: осенью 1832 года, именно 22 октября н. ст., когда стало усиливаться движеніе между красными, Дверницкій основалъ, съ друзьями, *Комитетъ Польской Эмиграціи*, Komitet Emigracyi Polskiej²⁷⁾, котораго самое названіе показываетъ, что онъ намѣренъ былъ править дѣлами «всей эмиграціи». Въ этотъ комитетъ вошли членами: Ушинскій, Юліавъ Сѣравскій, Иванъ Ледуховскій, Александръ Еловицкій, Амантій Жарчинскій, Станиславъ Ворцелль, Андрей Плихта и Волловичъ: все люди болѣе или менѣе уважаемые эмиграціею, несмотря на то, что красные всячески старались повредить ихъ репутаціи, называя ихъ измѣнщиками — слово, бывшее тогда въ сильномъ ходу. Этотъ комитетъ хотѣлъ воротить для эмиграціи прошлое: помирить ее съ французскимъ правительствомъ, заставить Европу глядѣть на Поляковъ иначе, нежели она стала глядѣть съ нѣкотораго времени; остановить то опасное направленіе умовъ въ массѣ соотчичей, которое влекло ихъ Богъ вѣсть куда. Но задача была не по силамъ новаго кружка. Дверницкій и его приятели, видя, что предпріятіе Заливскаго состоится, рѣшились на послѣднее средство: отправить въ край нѣсколько агентовъ, которымъ было приказано разрушать, по мѣрѣ возможности, все, что будутъ строить эмиссары Заливскаго. Въ числѣ такихъ агентовъ партнзаны считали какого-то Булинскаго²⁸⁾...

²⁷⁾ Какъ основанный въ октябрѣ, этотъ комитетъ у Поляковъ запросто называется Октябрскимъ (Październikowy).

²⁸⁾ Красная партія была до крайности раздра-

Но и эта мѣра ничуть не помогла. Потому стремился неудержимо; и даже самъ Заливскій, прибывъ на мѣсто, въ Галицію, увидѣлъ, что какъ ни безразсудно ихъ предпріятіе, но все-таки оно должно совершиться. Столько было скомпрометированнаго народу, столько понесено трудовъ, преодолено препятствій, что поднялся бы страшный ропотъ, бунтъ, еслибы кто-нибудь вдругъ сказалъ, что ничего не нужно и не будетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что иные маленькіе диктаторы округовъ вышли бы изъ повиновенія и предприняли бы возстаніе, какъ выражаются Поляки, «на свою руку» — на swoje ręce. Было уже поздно пугаться неудачи. Пугаться чего бы то ни было не могъ Заливскій уже и потому, что онъ былъ Заливскій, авторъ революціи 1830 года, человекъ, на которомъ теперь сосредоточены взоры всѣхъ, — и вотъ, недолго размышляя, онъ назначилъ срокъ вторженію — 19 марта н. ст. и перешелъ границу, близъ мѣстечка Уланова, вмѣстѣ съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ Генрихомъ Дмуховскимъ²⁹⁾; послѣ чего они углубились внутрь страны, въ направленіи къ Янову, Люблинской губерніи.

Немного прежде его, въ тотъ же день, перешелъ границу, близъ дер. Гурей³⁰⁾, Радомской губерніи, Сандомірскаго уѣзда, Касперъ Дзѣвицкій, тотъ самый, что убили на поединкѣ Шлегеля. Повидимому, онъ рвался въ бой, можетъ-быть, прямо съ тѣмъ, чтобы погибнуть. Набранная имъ

жена такими дѣйствіями бѣлыхъ и, кажется, поэтому Демократическое Общество выпустило въ іюль того же 1833 года извѣстный обвинительный актъ противъ князя Адама Чарторьскаго, заключавшій подъ собою 3600 подписей.

²⁹⁾ Дмуховскій подъ именемъ Сандерса.

³⁰⁾ Въ одной верстѣ отъ Вислы. Это былъ сборный пунктъ банды.

въ Галиціи небольшая банда, въ 24 человека, должна была, по его расчетамъ, напасть въ распахъ на казачій постъ въ м. Полянцѣ, перебить казаковъ, захватить ихъ оружіе и лошадей и этимъ начать свои партизанскіе подвиги въ Конгресувѣ. Нападеніе предполагали произвести ночью, но переправа черезъ Вислу заняла столько времени, что когда Дзѣвицкій, съ частію людей, выбрался на другой берегъ, стало свѣтать. Боясь упустить послѣднія удобныя къ нападенію минуты, онъ приказалъ остальной кучкѣ переправляться какъ можно поспѣшнѣе и догонять товарищей, а самъ, съ четырьмя партизанами ³¹⁾, которые уже переправились, двинулся къ Полянцу чуть не бѣгомъ, измучилъ людей и себя, и потому атака не могла быть удачна. Казаки перехватили повстанцевъ и отвезли въ ближайшій городъ, откуда они доставлены въ Варшаву. Дзѣвицкій, гдѣ-то на привалѣ, спросилъ стаканъ воды, быстро всыпалъ въ него яду и отравился.

Другая половина банды, подойдя къ Полянцу и увидѣвъ печальный исходъ нападенія, не сочла нужнымъ примыкать къ товарищамъ и разбрелась по лѣсамъ. Мы увидимъ ея остатки въ другомъ пунктѣ ³²⁾.

³¹⁾ Это были: канцеляристъ каменецъ-подольской казенной палаты Евстафій Рачинскій, мальчикъ 19-ти лѣтъ; рядовой бывшихъ польскихъ войскъ Василій Пршеорскій; унтеръ-офицеръ корпуса Раморино Іосифъ Куржальскій и унтеръ-офицеръ б. 4-го пѣхотнаго полка Антонъ Ольковский.

³²⁾ По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, банда раздѣлилась по переходѣ черезъ Вислу въ д. Бузпкахъ, Стопницкаго обвода, и на казаковъ не нападала, вслѣдствіе какихъ-то несогласій, а искала русскихъ солдатъ въ другомъ селеніи и тоже не нашла. Тутъ-то казаки и напали на ея слѣды.

12 (24) марта пробралась въ Царство, по дорожкѣ, проторенной Заливскимъ, партія Гецольда и Шпека; но, встрѣтивъ разныя препятствія, оставила вождей, и они должны были пристроиться къ партіи Завиши, о коей будетъ сказано ниже.

21 марта (2 апрѣля) перешла границу, около дер. Уфиловець (?), партія Бялковскаго, въ 10 человекъ, набранныхъ въ Галиціи, въ окрестностяхъ м. Збышева; приведена къ присягѣ ксендзомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, требуемыхъ при этомъ католической религіей, и пустилась бродить по лѣсамъ, въ разныхъ направленіяхъ, терпя нужду и голодь до такой степени, что солдаты и ихъ начальникъ зачастую ничего не ѣли по-двое и по-трое сутокъ сряду ³³⁾. Первую пищу привезъ имъ ксендзъ Михайлъ Старжинскій. Потомъ прислала сыру и ветчины помѣщица Новаковская; позже снова пріѣхалъ ксендзъ....

Ни въ какую деревню, тѣмъ болѣе въ мѣстечко или въ городъ, воины Бялковскаго и онъ самъ не смѣли, что называется, и носу показывать. Имъ были постояннымъ убѣжищемъ глухія чащи, окруженныя трясинами, да и тѣ приходилось безпрестанно мѣнять, изъ опасенія быть открыты казачьими разъѣздами, или захвачены крестьянской облавой, какія дѣлали въ пныхъ мѣстахъ войты гминъ, по приказанію начальства.

10 (22) апрѣля перешла границу новая партія, въ 13 человекъ, подъ начальствомъ бывшаго офицера польскихъ войскъ, Лубинскаго, приведена къ присягѣ, послѣ чего обѣ банды соединились въ лѣсу подъ м. Юзефовымъ ³⁴⁾. Вождямъ ихъ показа-

³³⁾ Показанія захваченныхъ людей этой банды.

³⁴⁾ Въ Замойскомъ обводѣ Люблинской губерніи. Здѣсь было нѣсколько человекъ изъ партіи

лось возможнымъ уничтожить казачій постъ сказаннаго мѣстечка. Для этого, всѣ силы, 23 человекъ, раздѣлены на четыре части и каждой части данъ особый начальникъ.

Одной такою частію, въ 5 человекъ, командовалъ молодой энтузіастъ, Антонъ Карчевскій (20 л.), сынъ официалиста изъ чьего-то богатаго имѣнія, служившій въ революцію 1830—31 годовъ подпоручикомъ въ корпусѣ Ружицкаго. Онъ бросился первый на площадь, махая саблею, въ расчетѣ увидѣть тамъ и другія части отряда, но никого не было, да и его двое подчиненныхъ тоже дали тягу. Остальные трое, вмѣстѣ съ нимъ, схвачены казаками и доставлены въ Варшаву.

Всѣхъ ихъ, а равно и захваченныхъ прежде съ Дзѣвицкимъ, постигла участь государственныхъ преступниковъ перваго разряда, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ: по разсмотрѣніи дѣла въ слѣдственной комиссіи, состоявшей при намѣстникѣ Царства, постоянно, съ 1832 года *), и по опредѣленіи наказанія военнымъ судомъ, Паскевичъ подтверждалъ³⁵⁾: первыхъ двухъ, Карчевскаго и Давыдовича, повѣсить въ г. Люблинѣ, а двухъ другихъ, Якубовскаго и Пленкевича, на томъ мѣстѣ австрійской границы, гдѣ они ее перешли (близъ м. Борова, Яновскаго уѣзда, Люблинской губерніи) съ надписью на висѣлицѣ ихъ именъ и почему понесли такую казнь,—что и было исполнено: надъ

Дзѣвицкаго, которые, при захватѣ его въ Польшу, бѣжали и послѣ скитались по лѣсамъ.

*) Закрыта только въ 1853 году.

³⁵⁾ Известно, что конфирмація высшаго лица большею частію смягчаетъ наказаніе, назначенное судомъ. На этотъ разъ намѣстникъ утвердилъ постановленіе суда, съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ, что до мѣста казни.

двумя первыми 10 мая, а надъ двумя послѣдними 11 мая ст. ст. (1833).

Пойманный тогда же шляхтичъ Іосифъ Берини (унтеръ-офицеръ корпуса Раморино) вслѣдствіе принадлежности къ той же самой бандѣ, осужденъ также на смерть; но Паскевичъ, въ уваженіе того, что Берини захваченъ просто въ деревнѣ, безъ оружія, избавилъ его отъ смертной казни и подтверждалъ: прогнать сквозь строй черезъ 500 чел. 4 раза, шпицрутеномъ, а потомъ сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

Захваченные люди изъ банды Дзѣвицкаго: Іосифъ Куржіальскій, Антонъ Ольковскій и Василій Пршеорскій разстрѣляны въ Варшавѣ нѣсколькими днями прежде: именно 25 апрѣля ст. ст., въ 6 часовъ утра; а четвертый, Евстафій Рачинскій, прогнанъ сквозь строй чрезъ 500 чел. 4 раза, также въ Варшавѣ, 28 апрѣля ст. ст. въ 5 часовъ утра и послѣ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу³⁶⁾.

Затѣмъ явилась изъ Княжества Познанскаго партія бывшихъ варшавскихъ студентовъ: Спорчинскаго, Дуньскаго и служившихъ разными чинами въ польскихъ войскахъ: Хелмицкаго, Сильвестра Рацѣнскаго и Феликса Бугайскаго. Перейдя границу 27 апрѣля н. ст., между дд. Бобровниками и Мелишевкой (Плоцкой губ.), партія эта двинулась къ Бенднову, на соединеніе съ бандой Сулемпрскаго, и сошлась съ ней 29 апрѣля н. ст., въ лѣсу.

Послѣ различныхъ приключеній и опасностей, соединенныя банды выслѣжены и атакованы войсками 13 мая н. ст., подъ станціей Яновице, въ лѣсу, когда

³⁶⁾ Военный судъ приговорилъ всѣхъ четырехъ къ смертной казни, но Паскевичъ освободилъ отъ нея Рачинскаго по молодости лѣтъ.

хотѣли было перебраться назадъ, за границу, и тутъ часть людей захвачена и доставлена въ Варшаву.

Въ Подольскую губернію пробрался какой-то Іосифъ Дущкій, участь котораго намъ неизвѣстна. На Литву, въ Гродненскую губернію, проникъ тамошній помѣщикъ Михаилъ Волловичъ. Какъ имѣвшій въ тѣхъ мѣстахъ множество знакомыхъ и любимый своими крестьянами, онъ довольно долго укрывался по лѣсамъ и хуторамъ, наконецъ взятъ посредствомъ облавы изъ чужихъ мужиковъ и повѣшенъ въ Гроднѣ³⁷⁾.

Послѣднею, сколько извѣстно, перешла границу, при селеніи Радзикахъ, Плоцкой губерніи (въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля по н. ст.), партія Завиши, изъ шести человекъ, набранная тоже въ Княжествѣ Познанскомъ и, постепенно увеличиваясь, перебралась на другую сторону Вислы, гдѣ къ ней пристали, въ видѣ рядовыхъ, брошенные своимилюдьми, эмиссары Шнекъ и Гецольдъ, о которыхъ было упомянуто выше.

Испытавъ тѣ же самыя неудачи, какъ и другія партіи, Завиша былъ атакованъ въ Кросненскомъ лѣсу гусарами эрцъ-герцога Фердинанда полка и взятъ со всѣми своими людьми, въ самомъ началѣ іюня 1833 года.

³⁷⁾ Одна польская брошюра, какъ кажется пера того же Зенковича, что писалъ о Коварскомъ, рассказываетъ, что когда взяли Волловича въ лѣсу (14 или 15 мая н. ст.), онъ былъ едва живъ, ничего не говорилъ и какъ бы не понималъ, что ему говорятъ, болѣе всего отъ крайняго изнеможенія. Видѣвшись предъ тѣмъ въ лѣсной сторожкѣ съ однимъ пріателемъ, Любешовскимъ піаромъ, онъ сказалъ ему: «ноги перестаютъ меня слушаться» (wyprowadzają mi posłuszeństwo) Artur Zawisza i Michał Wołłowicz, Paryż 1859, стр. 37—39.

Варшавская Слѣдственная Коммисія разсматривала дѣло Завиши и его сообщниковъ долѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ: нѣскольکو мѣсяцевъ сряду. Паскевичъ приказалъ на этотъ разъ «покончить съ заговоромъ!» Множество народу всякаго званія подвергнуто допросамъ и, по мѣрѣ участія въ беспорядкахъ, понесло различныя наказанія.

Самъ Завиша повѣшенъ на лобномъ мѣстѣ, между Вольскою и Іерусалимскою заставами, 14 (26) ноября (1833) въ 9 часовъ утра. Тогда-же разстрѣляны, въ томъ же самомъ пунктѣ, состоявшіе подъ командой Завиши: унтеръ-офицеръ бывшихъ польскихъ войскъ Эдуардъ Шнекъ, помощникъ экспедитора въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ титулярный совѣтникъ Степанъ Гецольдъ и шляхтичъ Александръ Пальмартъ.

Всѣ они были привезены въ цѣпяхъ. Когда стали ихъ расковывать, Завиша, одѣтый въ обыкновенномъ халатѣ, дрожалъ. Вѣроятно для того, чтобы не подумали, что онъ дрожитъ отъ страха, онъ сказалъ окружающимъ: «zimno!» (холодно). Потомъ спросилъ, также по польски: «нѣтъ ли тутъ кого-нибудь, кому бы я могъ передать послѣднюю волю? (czy piétna tu kogo kóliwék, któremu bym mógł odkruc moją ostatnią wolę?) Изъ толпы офицеровъ отдѣлился капитанъ Массонъ, адъютантъ князя Горчакова, и подошелъ къ Завишѣ. «Скажите моей матери, что я умираю достойнымъ ея сыномъ» (proszę powiedzieć mojej matce, że umieram godnie jej), проговорилъ онъ. Въ это время раздалися три залпа: экзекуція съ тремя товарищами Завиши кончилась. Онъ взглянулъ и сказалъ: «отъ чего я не умираю военной смертью?» (Dla czego nie umieram wojskową śmiercią?). Стали надѣвать смертную ру-

баху. Завиша сорвалъ ее и бросилъ. Кликнули ксендза и предложили ему успокоить осужденнаго. Ксендзъ подошелъ съ крестомъ и только-что произнесъ слова: «Провидѣніе и справедливость Господня!.., (opactznosc i sprawiedliwosc Boska), Завиша прервалъ его и сказалъ: „Провидѣніе и справедливости! Еслибъ они существовали, этого бы не было“! (opactznosc i sprawiedliwosc! Gdyby one istniały, tego by nie było) и за тѣмъ пошелъ къ эшафоту. Последними словами его были: «когда бы у меня было сто жизней, всѣ бы ихъ я отдалъ отчизнѣ!» (kiedym by miał sto życ. wszystkiebym ofiarował mojej oiczyźnie! .

Все время передъ казнью онъ стоялъ прямо, поднимая голову. Товарищи его были несравненно болѣе смущены, и ни одинъ изъ нихъ не произнесъ ни слова ³⁸⁾.

^{17/23} ноября разстрѣляны въ Липно (Плоцкой губерніи): шляхтичъ Павелъ Войткевичъ, тоже служившій когда-то въ польскихъ войскахъ; рядовой тѣхъ же войскъ Григорій Забонць и дезертиръ, рядовой Сибирскаго егерскаго полка Игнатій Морозовъ.

18(30) ноября разстрѣляны въ г. Калишѣ унтеръ-офицеры бывшихъ польскихъ войскъ Антонъ Винницкій и Іосифъ Домбковскій.

Сверхъ того: рядовой брестскаго пѣхотнаго полка Максимъ Гавриленко; рядовой бывшихъ польскихъ войскъ Петръ Левицкій; рядовой Луцкаго гренадерскаго полка Григорій Загребельный и какой-то Лиховскій прогнаны сквозь строй: первые два черезъ 500 человекъ по 3 раза, а послѣдніе два черезъ 500 человекъ по 2 раза, и затѣмъ сосланы въ Сибирь въ каторжную работу.

³⁸⁾ Сообщено однимъ генераломъ, находившимся при экзекуціи. Всѣ приведенныя здѣсь слова Завиши онъ слышалъ собственными ушами.

Тѣмъ временемъ Заливскій съ Дмуховскимъ (мы возвращаемся къ началу экспедиціи). напрасно проискавши начальниковъ округовъ по Царству ³⁹⁾ и не сдѣлавъ рѣшительно ничего, сочли за лучшее снова перебраться въ Галицію и огласить отсрочку возстанія. Это случилось въ концѣ апрѣля по нов. стилю, когда нѣсколько партій уже успѣли перейти границу и стать въ такіе условія относительно главнаго начальника, что его приказъ объ отсрочкѣ напрасно бы ихъ искалп. Мы знаемъ ихъ участь. Извѣстіе о томъ что съ ними случилось, очень скоро достигло и до распорядительной экспедиціи, а потомъ и до всѣхъ эмигрантовъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Парижѣ, огромная масса Поляковъ, между которыми видѣли Чарторыскаго, Умипскаго и всѣхъ бѣлыхъ,—служила по жертвамъ торжественную панпхиду ⁴⁰⁾. Нѣсколько такихъ-же панпхидъ отслужено по разнымъ городамъ, гдѣ были польскіе *заклады*... Все, что только носило имя Поляка, сѣтовало и сокрушалось объ этой неудачѣ, оплакивало погибшихъ безмысленно собратій, воторныхъ энергія и отвага могли бы годиться на что-либо другое... А между тѣмъ, повѣрятъ ли, въ то же самое время находилось повсюду множество такихъ безумцевъ, которые только и думали, какъ-бы продолжить начатое, отправить въ край новыхъ эмисаровъ! Самъ Заливскій, котораго самолюбіе было глубоко уязвлено и который искалъ себѣ выхода хотя куда вѣбудь, хотя-бы въ тюрьму или на эшафотъ, чтобы только спрятаться отъ глазъ общества,—прежде всего употреблялъ все-

³⁹⁾ До какого пункта достигалъ Заливскій и гдѣ болѣе держался во время своихъ странствій въ нашей Польшѣ—это осталось неизвѣстнымъ.

⁴⁰⁾ 7 июля в. ст. 1833.—Т. VIII, Biblioteki Pisarzy Polskich, стр. 179.

возможныя успѣія, чтобы вести дѣло дальше. Увѣренный въ душѣ, что все кончилось, онъ повторялъ всѣмъ и каждому, что «рочовыя и непредвидѣнныя обстоятельства задержали предпріятіе, но что лѣтомъ того же года оно непременно возобновится». Болѣе всего онъ жаловался на то, что его не слушаютъ, не понимаютъ, чего онъ хочетъ. Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца по нов. ст., онъ выпустилъ въ свѣтъ оригинальное *Воззваніе къ Галиціанамъ*, гдѣ отразился весь какъ въ зеркалѣ, со всею своею недалковидностью, со всѣмъ необузданнымъ честолюбіемъ, подложивъ все это тѣмъ отчаяніемъ, которое овладѣло тогда его душею. Вѣроятно нѣтъ произведенія пера, гдѣ бы *словъ, le style, do такой степени выражалъ человека, était l'homme*, какъ въ этомъ воззваніи Заливскаго. Галиціане только смѣялись, читая эти строки. Близкіе къ нему люди, замѣтивъ суровое обращеніе вождя, его несвоевременныя диктаторскія замашки, совершенно его оставили и, какъ бываетъ у Поляковъ, основали особое общество какихъ-то *польскихъ карбонаровъ* (*Węglarzy Polskich*), цѣлю котораго было, въ противность планамъ Заливскаго, поднять возстаніе не только въ Русскомъ Захватѣ, но и въ двухъ другихъ ⁴¹⁾. Это обстоятельство положило предѣлъ всѣмъ вообще затѣямъ этой партіи Заливскаго и отдѣлившись отъ него бывшихъ соратниковъ: ихъ арестовали, судили во Львовѣ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ государственныхъ преступниковъ перваго разряда, послѣ чего главные зачинщики, въ числѣ 12 человекъ ⁴²⁾, по-

⁴¹⁾ Сочиненіе Борковскаго: *Wurgawa Partyzancka*, стр. 41 и далѣе.

⁴²⁾ Имена ихъ въ томъ же сочиненіи Борковскаго на стр. 68. Позже осуждено еще 8, за ос-

сажены въ швейцарскую крѣпость Куфштейнъ, болѣе или менѣе на продолжительный срокъ: отъ 15 до 20 лѣтъ, въ цѣпяхъ на рукахъ и на ногахъ, по 6 1/2 фунтовъ каждая. Нѣкоторые не выдержали такого заключенія и умерли (ксендзь Забоклицкій и шляхтичъ Ролинскій). Другіе навсегда потеряли здоровье. Заливскій, выпущенный въ 1848 году, съ опухшими руками и ногами, глядѣлъ ветхимъ старикомъ и вскорѣ умеръ....

И все таки, несмотря на эти неудачи, на эти жертвы, на несчастія цѣлыхъ семей, отсюда проистекавшія,—работы ультра-красной партіи продолжались своимъ чередомъ. Тѣ же самыя цѣли преслѣдовались съ горячностью невѣроятною; одинъ планъ смѣнялъ другой; новые эмиссары заступали мѣста прежнихъ, погибшихъ, и пробивались сквозь всѣ препятствія, можно сказать, съ нечеловѣческой энергіей. Чѣмъ далѣе заживалась эмиграція на чужой почвѣ, тѣмъ болѣе терялись въ пей понятія о томъ, что дѣлается дома. Родимый край представлялся скитальцамъ въ какихъ-то неясныхъ, баснословныхъ краскахъ, гдѣ все казалось возможнымъ:—несодѣянное было содѣяннымъ. Страшная тоска по родинѣ еще болѣе увеличивала иллюзію. «Побуждаемые этой тоской и вмѣстѣ революціонною горячкою (говорить Авейде), эмиссары часто являлись въ край безъ всякаго плана, не имѣя ни полномочія, ни позволенія централизаціи, даже не давая себѣ отчета въ томъ, что должно дѣлать ⁴³⁾».

нованіе новаго общества Конфедерации польскаго народа. На одномъ изъ арестованныхъ за это время въ Галиціи, который въ мигу арестованія отравился, найденъ любопытный статутъ какого-то тайнаго общества.

⁴³⁾ I, 163. Централизація—особое учрежденіе Демократическаго Общества. Нѣсколько ниже бу-

Большая часть эмиссаровъ были люди ничтожные, которыхъ имена пропали для потомства. Но были и такіе, которымъ удалось надѣлать шуму и которыхъ память сохранилась до сихъ поръ. Къ такимъ принадлежить капитанъ бывшихъ польскихъ войскъ, Симонъ Конарскій, человекъ замѣчательный по уму и твердости характера.

Будучи той же школы, что и Заливскій; такъ же мечтавшій перестроить міръ посредствомъ ряда революцій; также не желавшій никому подчиняться,—Конарскій искалъ дѣятельности, высматривалъ мѣста, гдѣ-бы отличиться, стать новиднѣе.

Когда Заливскій съ товарищами сочинялъ свой безумный походъ въ Польшу,—составилось въ Италіи особое революціонное общество подъ именемъ *Юной Европы*, позже *Юной Италіи*,—считавшее своимъ главою Иосифа Мадзини. Это общество затѣяло экспедицію противъ Савойи, куда было вовлечено множество Поляковъ и всѣми войсками командовалъ тоже Полякъ, генералъ 1830 года, Раморино. Конарскій, не прискавшій еще для себя соотвѣтственныхъ занятій, бросился въ эту экспедицію. Судьба ея извѣстна: Раморино отступилъ (въ февралѣ 1834), войска его разбрелись. Общество, управлявшее всѣмъ этимъ движениемъ, было открыто. Члены его подвергнуты арестамъ, а Полякамъ, пребы-

леть объяснено значеніе этого слова со всею точностію.—Авейде утверждаетъ, что эмиссарская болѣзнь продолжалась у нихъ если не до Крымской войны, то по крайней мѣрѣ до 1848 года.—Мы можемъ замѣтить, что извѣстный по своему бѣгству изъ Сибири Руфякъ Пѣтровскій, слышшій эмиссаромъ Демократическаго Общества, отправился въ край, по его собственному признанію, безъ всякаго уповомочія централизаціи. (R. Piotrowskiego Pamiętniki, t. I, стр. 35. Можетъ быть, уповомочіе дано послѣ.

вавшимъ въ Швейцаріи, тамошнее правительство предложило выѣхать. Тридцать человекъ взяли паспорта немедленно; потомъ выѣхало еще пятьдесятъ. Остальные—ядро кружка, который назвался *Юной Польшей*, въ соотвѣтствіе съ *Юной Италіей* Мадзини—рѣшили отправиться въ видѣ особыхъ, новыхъ эмиссаровъ, въ Польшу: посмотрѣть, какой духъ въ народѣ. Не оставила-ли по себѣ слѣдовъ экспедиція Заливскаго? Нельзя-ли связать разорванныя звѣнья, сплотить разбитые революціонные кружки вмѣстѣ и вести дѣло спасенія далѣе?

Въ числѣ пустившихся на такое предпріятіе былъ и Конарскій. Побродивъ по лѣсамъ и хуторамъ Царства Польскаго, можетъ, частію, Литвы и Руси, весь этотъ народъ сошелся въ Краковѣ—безопасномъ пріютѣ всякихъ повстанцевъ. Если и въ наше время, въ шестидесятыхъ годахъ, Краковъ представляетъ иногда сборъ всего безпокойнаго съ цѣлой Европы, гдѣ, что ни день, въ послѣднее возстаніе, творились разныя революціонныя общества,—что жъ это было тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1834 году! Что за клокочущій котель мнѣній, плановъ, предпріятій являла изъ себя тогда древняя столица Ягеллоновъ! Какое множество кружковъ вращалось тамъ ежеминутно, подкапываясь другъ подъ друга! Конечно, будущій историкъ напрасно станетъ искать аriadниной нити для выхода изъ этого лабиринта,—да и не нужно.

Послушалъ тамъ Конарскій всякихъ толковъ, споровъ и криковъ: хаосъ и неурядица были такого рода, что онъ бѣжалъ опять во Францію, въ Парижъ, гдѣ эмиграція держалась все-таки нѣкотораго порядка и партія ясно отдѣлялась отъ партій; существовала и нѣкоторая литературная дѣятельность. Не находя

соотвѣтствующаго своимъ мыслямъ органа, гдѣ могъ бы работать, а главное: стремясь вездѣ играть роль хозяина, командующаго лица, Конарскій основалъ газету *Сьервъ Роѵнос*⁴⁴⁾, но выпустивъ нумеровъ съ десятокъ, бросилъ трудъ, который былъ не по немъ. Его опять потянуло въ Польшу. Ему показалось, что *именно теперь* можно кое-что тамъ сдѣлать. Конарскій ударился въ новыя странствія. Есть возможность думать, что тутъ замѣшалась немного и любовь . . . .

Это была пора, когда Демократическое Общество стало болѣе и болѣе подчинять себѣ всѣ красныя кружки эмиграціи и выдвигаться впередъ въ видѣ предводительствующей партіи. (*Общество Польскихъ Карбонаровъ, Общество правъ человека и гражданина* (Towarzystwo praw człowieka i obywatela), даже отчасти Галлиційская *Федерация*—и множество другихъ кружковъ начали мало-по-малу меркнуть и сходить съ горизонта. Дѣло кончилось тѣмъ, что принципы общества, которое два года тому назадъ выступало съ такою робостью, стали принципами всего молодого и горячаго, какъ въ эмиграціи, такъ и въ захватахъ, и образовали тотъ *народный катехизисъ*, который, не будучи писанъ никакимъ каноникомъ, живетъ и дѣйствуетъ и будетъ долго еще жить и дѣйствовать между Поляками, пуще всякаго писаннаго ученія.

⁴⁴⁾ Въ объявленіи о ней онъ говоритъ, что предпринимаемая газета будетъ посвящена счастію Сѣверо-Восточныхъ народовъ. Въ первыхъ нумерахъ она коснется слѣдующихъ предметовъ: Взглядъ на общее положеніе Европы. Назначеніе Польской Эмиграціи. О религіи. О мѣщанахъ Польши и Россіи. О собственности. О конституціяхъ. О революціонной силѣ. О народпой войнѣ. Ложная точка зрѣнія, съ которой до сихъ поръ смотрѣли на шляхту. О Русскихъ боярахъ и рабахъ. О герояхъ Россіи.

Такими чрезвычайными успѣхами общество обязано конечно прежде всего своимъ таинственнымъ вождямъ, которые стояли во главѣ извѣстныхъ уже читателю секцій Парижа и Пуатье, управлявшихъ всѣми другими секціями, иначе: всѣмъ Демократическимъ Обществомъ. Около 1835 года, вмѣсто этихъ управляющихъ секцій,⁴⁵⁾ возникло въ обществѣ коллективное правительство, изъ пяти членовъ, такъ сказать: центральный кружокъ, и онъ-то названъ *централизацией*—слово, котораго долго не понимали въ Европѣ, и до сихъ поръ далеко не всѣ пишущіе о Польшѣ знаютъ, что такое именно «централизація». Еще болѣею тайною были покрыты для насъ и даже для самихъ Поляковъ имена лицъ, составлявшихъ, въ тотъ или другой періодъ, Централизацію. Только возстаніе 1863 года, приподнявъ разныя завѣсы по части польскихъ заговоровъ, приподняло и эту⁴⁶⁾. Сами члены централизаціи стали писать и вскрыли многое, болѣе всѣхъ другихъ Викторъ Гельтманъ, игравшій въ обществѣ и его работахъ очень видную роль.

Эти вожди Демократическаго Общества были люди энергическіе и образованные, можно сказать энергическіе до невѣроятности и столько-же отважные. Для нихъ ничего не значило лично пуститься въ ка-

⁴⁵⁾ Но секціи всетаки остались по разнымъ городамъ. По крайней мѣрѣ были несомнѣнно какія-то демократическія секціи.

⁴⁶⁾ Вотъ извѣстные члены централизаціи Демократическаго Общества за десятилѣтіе, съ 1835 по 1845 годъ: Луціанъ-Юзефъ Зачинскій, Генрихъ Якубовскій, Тома Малиновскій, Адольфъ Христовскій, Робертъ Хмѣлевскій, Александръ Мольсдорфъ, Викторъ Гельтманъ, Иванъ - Цепомукъ Яновскій, Юзефъ Высоцкій, Людвигъ Мирославскій, Иванъ Альціата, Теофилъ Висвѣвскій, Альбертъ Дарашъ.

(Можно думать, что нѣныя фамиліи вымышлены, но болѣшая часть настоящія).

кое-либо предпріятіе затѣваемое въ Польшѣ и жить среди тысячи опасностей подъ чужими именами, всячески хитря передъ различными полиціями и постоянно ускользая отъ преслѣдованія. Сколько извѣстно во всѣ заговоры, попался въ руки полиціи и погибъ *только одинъ* членъ Централизаціи, Висневскій; другіе-же, если и попадались, то умѣли, такъ или иначе, освободиться и до сихъ поръ цѣлы и живы.

Имъ-то, этимъ энергическимъ и ловкимъ людямъ, Демократическое Общество, повторяемъ, обязано прежде всего своей силой и значеніемъ. Они знали, *что именно дѣлать* въ ту или другую минуту, чтобы привлечь всю массу и ею править; они обладали тайной сердцевѣднїи между своими, правда, безумными, но въ то же время очень легкими по характеру, простодушными и недалновидными соотчичами, у кого тѣмъ слабыхъ струнъ—и умѣли бить въ эти струны. Говорили позже, что Демократическое Общество снискало поддержку Масоновъ, которые будто-бы и составили его главную силу; можетъ быть..

Сказанную Централизацію, иначе свое правительство, Демократическое Общество могло смѣнять ежегодно всеобщей подачею голосовъ. Такіе *выборы* происходили обыкновенно въ памятный для всѣхъ поляковъ день, 29 ноября. Централизація, (въ предѣлахъ *манифеста*, выпущеннаго ею немного позже, въ 1836 году, а до тѣхъ поръ замѣнявшагося различными постановленіями) имѣла неограниченное право дѣйствовать какъ хочетъ въ отношеніи революціонной пропаганды, виѣ главнаго союза (po za Związkiem Głównym), будучи обязана только давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ Обществу. Предсѣдателя въ Централизаціи не было. Каждый изъ членовъ предсѣдательствовалъ недѣлю, поочередно.

Содержаніе отъ общества члены получали весьма умѣренное: 45 франковъ въ мѣсяцъ, если было сверхъ того вспомошествованіе отъ французскаго правительства; еслижь его не было, то 75 франковъ. Жили они очень скромно, можно сказать, бѣдно. За ихъ обѣдомъ рѣдко-рѣдко показывалась бутылка краснаго вина. Одѣвался еще скромнѣе. Особенно сертукъ Якубовскаго, не смѣнявшійся ничѣмъ другимъ нѣсколько лѣтъ сряду, былъ извѣстенъ всему Пуатю, по своему невѣроятному цвѣту. Мирославскій, поступившій въ члены Централизаціи только съ 1842 года, немного измѣнилъ порядокъ жизни этого кружка къ лучшему, къ нѣкоторой роскоши, за что на него сначала косились ⁴⁷⁾.

Принципы Общества, получившаго, съ 1835 года, такую силу и вліяніе на всѣхъ почти Поляковъ, управлявшаго даже иногда и самими бѣлыми,—стоятъ того, чтобы мы познакомили съ ними читателей. Но отдѣлить ихъ точно и опредѣленно отъ всего, что преподавалось тогда-же другими демократическими кружками Поляковъ (дѣйствовавшими какъ-бы отдѣльно, а между тѣмъ, въ конечномъ результатѣ, составлявшими часть той же самой рати)—едва ли было бы возможно для самаго глубокаго знатока этого дѣла изъ Поляковъ, еслибы онъ вздумалъ объ этомъ писать. Одно являлось въ одномъ воззваніи, другое въ другомъ; третье работывалось само собою, въ пропагандѣ какого-нибудь бойкаго эмиссара и послѣ записывалось въ скрижали Общества. Такъ поналъ въ эти скрижали и самый пресловутый *Катихизисъ* ⁴⁸⁾, будучи въ главнѣй-

⁴⁷⁾ Преимущественно по показаніямъ Мирославскаго въ Познани, съ 9 по 11 октября 1846 года.

⁴⁸⁾ Катихизисъ этотъ напечатанъ въ Приложе-

шихъ чертахъ произведеніемъ пера нѣ-
коего Правдовскаго, который работалъ
отдѣльно и котораго Общество почти
признавало своимъ членомъ, единствен-
но по его значительному вліянію на мас-
су. Самое же Общество никакого Катихи-
зиса никогда не сочиняло. Далѣе: то,
что натворилъ въ краѣ Конарскій и тому
подобныя личности, также вошло въ эту
кипучую рѣку проповѣдей и ученій, ко-
торая бѣжала изъ эмиграціи въ Польшу
и затопляла все. Самъ Мирославскій, ра-
товавшій противъ Централизаціи около
десяти лѣтъ, внесъ въ нее незамѣтно
множество принциповъ, которые потомъ
сдѣлались рѣшительно принципами Де-
мократическаго Общества, можетъ, отчасти
и помимо его воли.

Чтобы ошибка была менѣе, мы приве-
демъ *отраженіе всего этого въ краю*
устами краснаго Поляка, который служилъ
Демократическому Обществу въ послѣд-
нее возстаніе со всеусердіемъ, былъ чле-
номъ пяти жондовъ и конечно долженъ
же былъ знать, хоть въ общихъ чертахъ,
чему учили Учители. Это все тотъ-же
Авейде.

«Историческимъ призваніемъ, миссіей
Польши въ прошедшемъ (проповѣдывали
демократы) было развитіе свободы внутри
и развитіе свободы и братства народовъ
извнѣ. Раздѣленіе Польши, учиненное вра-
гами цивилизаціи и свободы, остановило
труды самостоятельнаго государства, по
это неизмѣнило нисколько миссіи Польши
среди народовъ міра. Польша исполняетъ
и понынѣ свое призваніе. Провидѣніе
Божіе, въ несповѣдимыхъ путяхъ Своихъ,
дало только другую наружную форму ра-

ботамъ Польши, ниспославъ на нее великія
бѣдствія.

«Такъ какъ французская революція
(1790), открывшая людямъ новый свѣтъ,
не довершила своего дѣла; любостыжатель-
ный духъ Россіи, Пруссіи и Австріи, со-
юзъ стараго, дореволюціоннаго деспотизма,
союзъ монарховъ-тирановъ, задержалъ че-
ловѣчество въ его натуральномъ развитіи:
то миссія Польши, въ наше время, напо-
минать народамъ объ ихъ несчастномъ
положеніи, не давать имъ засыпать въ раб-
ствѣ, пробуждать ихъ мысли и чувства въ
свободѣ, проповѣдывать свободу вездѣ въ
цѣломъ свѣтѣ. Европа, предоставленная
въ этомъ случаѣ самой себѣ, никогда
ничего не сдѣлаетъ, ибо она устарѣла и
одряхлѣла отъ многихъ трудовъ, ею для
человѣчества понесенныхъ. Тутъ нужны
новыя, свѣжія силы: такія силы могутъ
пробудиться только въ возстановленной
Польшѣ, въ государствѣ съ 20-ю по край-
ней мѣрѣ милліонами народа, возстанов-
ленной въ духѣ своего минувшаго, на
началахъ свободы и гражданскаго равен-
ства. Только она въ состояніи дать отпоръ
Россіи, главной изъ деспотическихъ дер-
жавъ; ограничить ее въ ея деспотическихъ
и любостыжательныхъ стремленіяхъ, ко-
торыя служатъ пагубнымъ примѣромъ для
другихъ деспотовъ. Польша, воспрянувъ
въ прежнемъ своемъ величіи, подастъ
руку помощи братьямъ Славянамъ Австрій-
ской и Турецкой имперій и призоветъ ихъ
къ свободной государственной жизни. А
затѣмъ, всѣ они, эти бодрые и свѣжіе
народы, ринутся на спасеніе устарѣлаго,
одряхлѣвшаго, замученнаго своими деспо-
тами Запада. Вотъ настоящая миссія Поль-
ши. Отсюда явствуетъ, что ея существо-
ваніе связано съ существованіемъ всѣхъ
народовъ, управляющихъ судьбами все-

ніяхъ къ книгѣ Ю. Ф. Самарина: «Иезуиты и ихъ
отношенія къ Россіи. М. 1868.» П. Б.

ленной. Оно необходимо для міра, оно есть историческое, жизненное условіе къ существованію всей Европы. Достигнуть же свободы Польша можетъ только отреченіемъ отъ всѣхъ недостатковъ и предразсудковъ своего прошедшаго, принявъ принципы французской революціи и учредивъ у себя республиканскую форму правленія, какъ лучшую изъ всѣхъ существующихъ; признавъ: верховную власть народа, какъ руководящій разумъ; всеобщую свободу, равенство и братство, какъ основу своего бытія и ось всѣхъ своихъ дѣйствій; революцію, хотя бы самую яростную и кровавую, какъ единственное средство къ достиженію цѣли; солидарность народныхъ интересовъ, какъ основаніе и руководство во внѣшнихъ сношеніяхъ, и, наконецъ, великій союзъ общенародной европейской революціи противъ монарховъ - тирановъ.

«Все это должно быть религіей, вѣрой Польши, прежде чѣмъ она приступитъ къ какому-либо дѣйствию; должно быть ея знаменемъ, вознесеннымъ превыше всякихъ временныхъ интересовъ; должно быть не только убѣжденіемъ, но слѣпымъ, неотвратимымъ фанатизмомъ каждаго Поляка, не допускающимъ никакихъ колебаній и сомнѣній. Каждый Полякъ, думающій иначе, есть врагъ своего отечества, и всѣ должны считать его такимъ.

«Что до Польши и Россіи (учили демократы) это двѣ идеи, два міра, два элемента, — рѣшительно противоположные одинъ другому: Польша—это идея свободы, равенства и братства народовъ, Россія—идея рабства, деспотизма и стяжанія; Польша—дѣятель цивилизаціи, Россія—дѣятель обскурантизма и варварства.

«Русское правительство, чувствуя великое значеніе Польскаго народа въ судь-

бахъ міра, и понимая, что жизнь Поляковъ есть для него смерть, при теперешней его формѣ и принципахъ,—старается всячески подавить Польскую національность. Оно лишило Поляковъ государственной независимости, обольщало и обманывало ихъ разными лживыми обѣщаніями и, какъ исполненное коварства, никогда не перестанетъ обольщать и обманывать. Оно отняло у Поляковъ всѣ права, какъ политическія, такъ и общественныя; гонить и угнетаетъ католическую религію, Польскій языкъ, народность; извращаетъ исторію, преслѣдуетъ Поляковъ за всякое патріотическое движеніе, за всякое слово, за вздохъ, за молитву къ Богу... Оно отдало всѣ дѣла Польши изъ руки людей, не имѣющихъ ни ума, ни сердца, ни совѣсти; его гражданскіе и военные чиновники—это шайка продажныхъ и коварныхъ негодяевъ.... Это правительство вырвало бы, еслибъ могло, у Поляка изъ сердца чувства, изъ головы мысли,—однимъ словомъ, никогда не будетъ оно желать или дѣлать Полякамъ добро, а всегда будетъ дѣйствовать ко вреду ихъ и гибели. Съ такимъ правительствомъ не можетъ быть примиренія или сдѣлки, подъ страхомъ вѣчнаго проклятія. Къ такому правительству не можетъ и не должно быть въ душѣ Поляка ничего, кромѣ величайшаго недобрія, презрѣнія, ненависти и жажды мести. Матери въ своихъ семьяхъ, ксендзы на амвонахъ и во время исповѣди, учителя въ школахъ—всѣ и вездѣ должны научать этому одинъ другаго взаимно; напоминать одинъ другому объ этихъ не то что чувствахъ, но священныхъ обязанностяхъ каждаго Поляка... Такому правительству Полякъ не обязанъ быть послушнымъ; не обязанъ оказывать поддержку, помощь, содѣйствіе.... Полякъ, который

дѣйствуетъ иначе, для выгодъ Русскаго правительства, — измѣнникъ....

«Итакъ, необходимо быть съ правительствомъ въ полномъ разбѣденіи; не скрывать отъ него своихъ чувствъ, напротивъ обнаруживать ихъ вездѣ, не надѣвая на себя отнюдь никакой личины. Текущіе вопросы, внутренніе и всякіе интересы Поляки должны разрѣшать и устранять сами собою, безъ правительственной помощи. А такъ какъ революція есть единственный путь, ведущій къ спасенію, то, признавъ это однажды на всегда, польскіе революціонеры только и должны о ней объ одной думать и заботиться; революція должна быть ихъ единственною мыслию, исключительнымъ стремленіемъ души и всѣхъ способностей, первой и главной мечтой, жизнію. Поляки должны прежде всего учиться тому, что нужно для революціи, писать о революціи»⁴⁹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что Конарскій, отправляясь въ Польшу пропагандировать, унесъ съ собою много кой-чего изъ этого ученія; кое-что помнилъ изъ преданій *юной Польши и юной Италіи*; иное выслушалъ въ Краковѣ отъ братьевъ Залѣскихъ, отъ господъ: Мульовскаго, Малиновскаго (Станислава) и другихъ, считавшихъ себя вождями особаго демократическаго кружка, подъ названіемъ *Słowarzyszenie Ludu Polskiego*⁵⁰⁾ и все это пустилъ въ ходъ

⁴⁹⁾ I, 106—120. Кое-что изъ выказаннаго здѣсь читатель можетъ найти въ разныхъ мѣстахъ сочиненія В. Гельмана: *Польская Демократія въ эмиграціи. (Demokracja Polska na emigracji)* XXXV т. Biblioteki Piszarzy Polskich, Lipsk, 1866.

⁵⁰⁾ Центральная власть этого кружка носила имя Главнаго Сбора (*Zbór Główny*), гдѣ членами были депутаты отъ земскихъ сборовъ (*Wyślanicy zborów ziemskich*), иначе сказать: депутаты Земель (*Ziemia*), на которыя дѣлилась вся Польша 1772 г. и которыхъ было 7—9. Затѣмъ шли Обводы, Округи, Гмины.

подъ своей собственной окраской, стараясь, какъ человекъ весьма честолюбивый и самолюбивый, къ тому же чистокровный Полякъ, быть оригинальнымъ, создать что-нибудь свое, свою особенную религію, и увлечь всѣхъ. Онъ даже думалъ одно время, что близокъ къ цѣли, что идетъ своею собственной дорогой, между тѣмъ какъ только повторялъ сказанное другими кружками, болѣе всего и яснѣе всего Демократическимъ Обществомъ.

Централизація слѣдила за Конарскимъ не безъ заботы. Ей хотѣлось приобрести этого горячаго и ловкаго бойца и продиктовать ему программу дѣйствій, что было не такъ легко. Централизація видѣла, что безъ надлежащаго руководителя, Конарскій слишкомъ зарвется вдаль, ударится въ подробности, упуская изъ виду главное; будетъ рисковать, гдѣ не

Число членовъ Главнаго Сбора было неограничено. Самъ Главный Сборъ могъ, собственной своей властью, принять какое угодно лицо въ свое лоно, если это лицо было ему необходимо. Кромѣ того требовался непременно представитель отъ крестьянскаго населенія (*representant wrościański*). Безъ него не могло быть засѣданія Главнаго Сбора.

Всякое засѣданіе Главнаго Сбора, а равно и другихъ сборовъ (Земскихъ, Обводовыхъ, Округныхъ и Гминныхъ) предсѣдатель (*Przewodnicący*) открывалъ слѣдующею молитвою: «Боже, Который прежде всего установилъ любовь къ ближнему, пошли благословеніе собравшимся во имя Твое; дай восторжествовать добродѣтели; положи предѣлъ господству преступленій; избавь Твой народъ отъ рабства; наполни сердца наши, споспѣшествуй намъреніямъ нашимъ! Аминь!»

Затѣмъ предсѣдатель произносилъ соотвѣствующую обстоятельствомъ рѣчь, в засѣданіе начиналось. Если было кого принять, — привѣтали, заставивъ произнести присягу. Произносившій держалъ все время горсть Польской земли.

Мы сдѣлали эту замѣтку потому, что Конарскій одно время былъ положительно слугою этого кружка.

нужно, бравировать какъ ребенокъ, какъ поэтъ, какъ Полякъ извѣстнаго закала и, разумѣется, кончить плохо. Централизація даже не выдержала, слѣдя за этимъ, такъ-сказать, любезнымъ для нея дѣтищемъ, хотъ и не воплилъ собственнымъ, и видя, что онъ, хотъ и шалить, а все таки успѣваетъ, что онъ счастливъ. Она не выдержала и послала въ край особыхъ агентовъ: отыскать проказника и образумить—вести его въ тѣ комбинаціи, которыя она тогда замышляла; но посланные его не нашли, и Конарскій до конца руководился то совѣтами друзей, то собственными фантазіями⁵¹⁾, и это всего чаще, будучи, въ общемъ, все-таки ратникомъ партіи, которая его ловила.

Отыскать Конарскаго было не легко. Онъ укрывался подъ разными именами и одеждами по хуторамъ волынскихъ помѣщиковъ, по глухимъ монастырямъ, и наша полиція не знала объ немъ до тѣхъ поръ, пока мѣсть Паскевичъ не получилъ извѣстій изъ Франціи о работахъ польскихъ эмиссаровъ въ нашей Польшѣ, при чемъ сообщались и примѣты Конарскаго. Само-собою разумѣется, что сейчасъ начались розыски⁵²⁾. Конарскій перебрался

⁵¹⁾ Альціата, W uradki w г. 1846, стр. 154. Онъ говоритъ между прочимъ: «Еслибы работой Конарскаго вошли въ комбинацію, которой инициатива принадлежала Централизаціи, то приготовили бы, можетъ-статься, важные матеріалы для возставія».

⁵²⁾ Приказъ Паскевича военному генералъ-полицеймейстеру дѣйствующей арміи о розысканіи Конарскаго носитъ дату: 5 (17) сентября 1835 г., № 1171. Но была еще прежде общая бумага, въ видѣ письма, написаннаго по приказанію фельдшершала къ тому-же лицу (генералъ-маіору Стороженкѣ) отъ 21 іюня (3 іюля) 1835 г., № 891, гдѣ перечислены всѣ выѣхавшіе тогда изъ Франціи эмиссары: Луціанъ Платеръ, подъ именемъ Лоренса (Laurence) въ Литву; Михайло Карскій

на Литву, перемѣнилъ фамилію, назвавшись Янушъ Немрава (неловкій), и снова слухи о немъ запали.

Въ началѣ 1837 года Государь былъ проѣздомъ въ Вильнѣ. Когда тамошній генералъ-губернаторъ, князь Долгорукій, сталъ докладывать Его Величеству о совершенномъ спокойствіи края, Императоръ замѣтилъ: «А Конарскій?»—и показалъ ему свѣжую денешу изъ Франціи о новыхъ проискахъ демократической партіи Поляковъ.

Легко вообразить, что за скачка всевозможныхъ полицейскихъ агентовъ началась послѣ этого по всей Литвѣ. На многихъ почтовыхъ станціяхъ были посажены особые наблюдатели, которымъ приказано всматриваться во всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ. Вездѣ пущены наблюдатели. Друзья совѣтовали Конарскому, по-добру по-здорову, скрыться. Одинъ даже, почти насильно, подвезъ его на своихъ лошадяхъ къ границѣ; но Конарскій до того привыкъ къ своей роли, къ этимъ опаснымъ скитаніямъ, въ разныхъ формахъ и видахъ по корчамъ, ярмаркамъ, деревнямъ, и (прибавимъ) до того вѣрилъ въ свою звѣзду, что, поглядѣвъ на черту, за которою ожидало его вѣроятное Опасеніе, Повернулъ назадъ, въ край, и очутился на такъ называемыхъ свенто-юрскихъ контрактахъ, въ Вильнѣ, и тутъ едва не попался⁵³⁾. Это было нес-

(онъ же Донскій), Наполеонъ Эгерсдорфъ, Леонъ и Адольфъ Залѣсскіе, Михайлъ Ходзько и Симонъ Коварскій, съ обозначеніемъ ихъ примѣтъ. Примѣты Конарскаго означены такъ: лѣтъ 25—30. Росту средняго. Волосы свѣтлорусые. Лобъ средний. Брови свѣтлые. Глаза голубые. Носъ короткий. Ротъ обыкновенный. Усы и гншпавка русые. Лицо круглое, здороваго цвѣта. Тучевъ. Псевдонимъ: Гапцельманъ или Гагельманъ».

⁵³⁾ Подробности объ этомъ случаѣ въ брошюрѣ Szymon Konarski, стр. 17—18.

ной 1838 года. Какой-то студентъ Виленской медико-хирургической академіи вывезъ Конарскаго по минскому тракту, но на станціи Кржижовице оба они были арестованы и отправлены въ Вильну, единственно потому, что Конарскій, во время перемѣны лошадей, оставшись на телѣгѣ, черезъ-чуръ пряталъ свое лицо въ воротникъ шинели, что было замѣчено изъ окна посаженнымъ «наблюдателемъ»⁵⁴⁾.

Въ Вильнѣ очень скоро дознались, *кто это*. Началось слѣдствіе, которое обнаружало обширный заговоръ, обнимавшій Литву, Юго-Западные губерніи и Царство Польское и имѣвшій правильную организацію, народную кассу, даже типографію.

Множество разнаго народа было привлечено къ этому слѣдствію и посажено подъ арестъ, строгій въ Варшавѣ и до невѣроятности снисходительный въ Вильнѣ. Самъ Конарскій содержался въ бывшемъ зданіи Базильянскаго монастыря, гдѣ содержался (14 лѣтъ передъ тѣмъ) Мицкевичъ, съ товарищами Филаретами и Променистыми⁵⁵⁾, а гдѣ, рядомъ съ казематами, были квартиры частныхъ лицъ, и въ одной изъ нихъ жилъ казенно-коштный ученикъ Виленской медико-хирургической академіи, Возняковскій, принадлежавшій къ организаціи, которую правительство розыскивало. Этотъ Возняковскій, съ другимъ членомъ той же организаціи, шляхтичемъ Заливакой, разобрали однажды ночью крышу надъ казематомъ Конарскаго и подвели къ отверстію другаго эmissара, работавшаго въ краю одно-

временно съ Конарскимъ, но вовсе неизвѣстнаго въ ту пору правительству, Адольфа Залѣскаго⁵⁶⁾, который разговаривалъ съ Конарскимъ около четверти часа, по-французски, высмотрѣлъ подробно помѣщеніе узника и принялъ отъ него разныя порученія и поклоны общимъ ихъ знакомымъ въ эмиграціи. Тутъ Конарскій открылъ пріятелю, что его участь рѣшена: онъ будетъ разстрѣлянъ. Просилъ продолжать начатое и утѣшался надеждою, что посѣянное ими не пропадетъ даромъ⁵⁷⁾.

Многіе караульные офицеры, Поляки и Русскіе, всячески облегчали Конарскому его заточеніе, брали отъ него записки и передавали другимъ арестантамъ, или кому-нибудь въ городѣ⁵⁸⁾. Конарскій, незадолго до казни, написалъ длинные стихи, гдѣ, въ одномъ мѣстѣ, злоствуя на свою судьбу и неудачи Поляковъ, отказывается отъ Бога и Неба, но кончаетъ четверостишіемъ, котораго смыслъ таковъ:

«Въ этой кельѣ пережилъ я страданія
всѣхъ сердець; отсюда видѣлъ Польшу,
залитую моремъ слезъ.... Тамъ не думалъ
о жизни, здѣсь не думаю о душѣ.... толь-
ко Польшу спаси, о Господи!»

Потомъ написалъ письмо къ матери, гдѣ опять становится вѣрующимъ и богобояннымъ католикомъ....

То и другое дошло до потомства⁵⁹⁾.

⁵⁶⁾ Впрочемъ позже его искали, но не могли найти. Онъ имѣлъ паспортъ на имя коновала Антова Карпяка. Иногда бродилъ коноваломъ по полкамъ, иногда жилъ лакеемъ у разныхъ лицъ въ Вильнѣ.

⁵⁷⁾ Показанія Заливаки въ виленской слѣдственной комисіи, 17 сентября 1840 года.

⁵⁸⁾ Свѣдѣнія объ этомъ между прочимъ въ запискѣ Отрошенин, Русскій Архивъ 1869 г.

⁵⁹⁾ Стихи могутъ любопытные найти въ брошюрѣ Szymon. Konarski; стр. 23-27. Все черезъ-

⁵⁴⁾ Цитированная брошюра, стр. 18. Авейде говоритъ, что за нимъ была отправлена погоня. I, 166.

⁵⁵⁾ Объ этихъ и другихъ партіяхъ въ Вильнѣ см. П г. Мохнацкаго, Познанское изданіе 1863, стр. 201 и далѣе.

Въ день его казни, 15 (27) февраля 1839, огромныя толпы народа облегли кругомъ, съ самаго ранняго утра, лобное мѣсто за Троицкой заставой. Какимъ-то образомъ, въ противность уставу, многіе изъ ближайшихъ друзей и знакомыхъ Конарскаго допущены были внутрь каре, которое при этомъ образуется войсками. Тутъ-же находился и отчаянная голова, эмиссаръ Залѣсскій, якобы преемникъ власти Конарскаго. Онъ стоялъ у самаго столба. Осужденнаго привезли въ саняхъ, въ 12-мъ часу дня. Всю дорогу онъ бросалъ народу разные отрывочныя фразы, а въ одномъ мѣстѣ вынулъ изъ саней ногу и потрянулъ цѣпами. Когда стали надѣвать на него смертную рубашку, и она легла какъ-то не ловко на плечахъ, Залѣсскій подошелъ и поправилъ; при этомъ они взглянули другъ на друга и улыбнулись ⁶⁰). Конарскій просилъ, чтобы ему не завязывали глазъ, но этого не нашли возможнымъ исполнить... Поязка сбила голубую шапочку, бывшую на головѣ Конарскаго—подарокъ его коханки Эмили... Онъ попросилъ кого-то, чтобы ее надѣли опять, и это было сдѣлано.

Когда трупъ уналъ, массы людей, вѣроятно сговорившихся заранѣе, бросились къ столбу, кололи и рѣзали его ножами, чтобъ имѣть на память куски дерева, къ которому былъ привязанъ Конарскій. Кто-то вырвалъ изъ рукъ квартальнаго голубую шапочку и пропалъ съ нею въ толпѣ. Похитили изъ саней верхнюю одежду разстрѣляннаго. Словомъ, происходили невѣдомыя и невозможныя въ наше время чудеса. Эти чудеса продолжали твориться

чуръ богохульное тамъ однако выпущено, но Поляки знаютъ это наизусть.

⁶⁰) Показаніе Заливак и 10 января 1840 года. Онъ стоялъ тутъ-же и все это видѣлъ собственными глазами.

I. $\frac{1}{2}$ 9.

и послѣ казни Конарскаго, когда слѣдственная коммисія напала на слѣды новаго заговора, основаннаго, можно сказать, на могилѣ Конарскаго, студентами Медико-Хирургической академіи и разною виленскою молодежью, — и начались новыя аресты.

Это былъ (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) заговоръ одной Литвы, носившій имя *Общества Человѣчности* (Towarzystwo Ludzkości); иногда говорилось по-французски l'humanité. Такъ какъ онъ возникъ на школьныхъ лавкахъ, то его приемы, во многомъ, отзывались этими лавками. Напримѣръ: каждый членъ подписывалъ свое имя на листѣ *организации* не иначе какъ *кровью*, добытою изъ собственнаго мизинца, потому изъ мизинца, что какал-то жила соединяетъ этотъ палецъ съ сердцемъ: стало быть, это кровь сердца ⁶¹)

Кромѣ обыкновеннаго имени тутъ же подписывали еще и вымышленное, которое сочинялъ обыкновенно преемникъ власти Конарскаго, Залѣсскій. Главныя члены носили на рукахъ двойныя кольца, сдѣланныя будто бы изъ цѣпей Конарскаго ⁶²) одно свѣтлое, а другое темное, такъ что первое входило во второе. На свѣтломъ, съ внешней стороны, было *всевидящее око* и цифра

⁶¹) Есть показаніе, что нѣмѣ разрѣзывали для этого лѣвый локоть.—Съ этихъ поръ до 1844 г. мы бродимъ во тьмѣ, неосвѣщенной ничѣмъ печатнымъ.

⁶²) Одинъ изъ заговорщиковъ показалъ (прапорщикъ Делюсине), что они намѣревались отрыть тѣло Конарскаго, зарытое на мѣстѣ казни, съ цѣпами. Составленъ былъ для этого такой планъ: «приготовить людей въ ближайшемъ мѣстѣ, и когда наступятъ сумерки, схватить на заставѣ стражника, наблюдающаго за прохожими и проѣзжими, затѣмъ вырыть тѣло, а цѣпи отдать дамамъ на кольца.—Было ли это исполнено, неизвѣстно; но что было возможно, въ этомъ пѣтъ сомнѣній.

Русскій Архивъ 1870.

1839; съ внутренней: K. L. Wilno. На темномъ были три бѣлыя звѣздочки.

Если дѣло пропаганды шло хорошо и всѣ участвующіе должны ожидать ежеминутныхъ приказаній дѣйствовать, — тогда рассылались имъ вѣнки изъ *бѣлыхъ* и *красныхъ* маргаритокъ (польскіе національные цвѣта). Если же, на оборотъ, дѣла были плохи и грозила опасность ревизіи, арестовъ и нужно было истреблять всякіе слѣды заговора, — то рассылались вѣнки изъ ржаной соломы ⁶³⁾.

Уставъ организаціи состоялъ изъ восьми пунктовъ, которые, въ общихъ чертахъ переданы были двумя заговорщиками, приблизительно, такимъ образомъ: ⁶⁴⁾

1) Любить ближняго какъ самаго себя.

2) Чтить Бога всѣмъ сердцемъ, разумѣя подъ этимъ однако-же Бога исповѣдуемаго католической религіей, Бога съ принципами любви, милости и свободы, при мысли о Которомъ не приходитъ въ голову ничего насильственнаго и деспотическаго.

3) Вступающій въ общество *человѣчности* жертвуетъ третью часть доходовъ на дѣло возстановленія Польши.

4) Вступающій въ общество каждый членъ долженъ помнить, что ему предстоитъ трудная дорога всевозможныхъ жертвъ, даже, можетъ быть, и самимъ собою, съ оружіемъ въ рукахъ, при чемъ итъ и помину о какихъ-либо суетныхъ наградахъ чина-

⁶³⁾ Показанія нѣсколькихъ членовъ общества *человѣчности*.

⁶⁴⁾ Считаю великимъ сдѣлать замѣтку объ этихъ показаніяхъ вообще. Гдѣ можно было провѣрить ихъ какимъ-либо печатнымъ документомъ, мы провѣрили, и очень рѣдко оказывалась большая неточность, и почти никогда не было чистой лжи. Эдуардъ Шпекъ передалъ произведенную имъ въ Лионѣ присягу, почти точъ въ точъ, какъ мы ее нашли потомъ въ эмиграціонныхъ сочиненіяхъ.

ми и крестами. Каждый служить такъ, будучи полонъ вѣры и надежды на успѣхъ святаго дѣла и въ его торжествѣ усматривая себѣ награду, какъ лицо, которое такъ или иначе ко всему этому приложилось.

5) Вступающій не долженъ разсуждать о возможности или невозможности рѣшаемой задачи. Онъ только дѣйствуетъ по указанію власти — и болѣе ничего.

6) Всякій членъ общества носитъ черную чамарку, въ видѣ траура по отчизнѣ, почивающей во гробѣ.

7) Мститъ врагамъ кровью за кровь; по этому и подписъ члена подъ организаціей дѣлается кровью.

8) Еслибъ кто изъ членовъ попалъ подъ арестъ, обязанъ свято хранить всѣ тайны общества, отнюдь не открывая никакихъ собственныхъ именъ.

По этому числу пунктовъ организаціи условнымъ знакомъ между членами было число «восемь», говоримое по латыни: *octo*.

Здоровались члены не правыми, а лѣвыми руками, соединяя крестъ на крестъ мизинцы и касаясь большими пальцами ⁶⁵⁾.

Каждый членъ при вступленіи въ общество, приносилъ присягу, и ему сообщался особый ключъ для переписки ⁶⁶⁾.

Агенты общества «апостоловалп» (*apostolowati*) — по выраженію, бывшему тогда въ ходу, разныя сословія, какое кому было сподручно. Такъ напримѣръ, Сотеръ Ходзько „апостоловаль“ крестьянъ и по-

⁶⁵⁾ По инымъ: показывали при этомъ изъ кармана кончикъ бѣлаго платка съ красной каймой.

⁶⁶⁾ Ключъ несомнѣнно тотъ, который употреблялся членами общества *человѣчности*; по присяга, можетъ быть, и другаго времени. Найдена въ бумагахъ нѣкоего Юсифа Богдановича, бывшаго членомъ общества *человѣчности*, во передъ тѣмъ участвовавшаго и въ возстаніи 1830-31 года.

мѣщиковъ, т. е. готовялъ ихъ всевозможными способами къ возстанію, объяснялъ имъ суть дѣла, взаимныя роли и т. п. причѣмъ помѣщикамъ, сверхъ обычныхъ совѣтовъ обращаться съ крестьянами какъ можно лучше, внушалось, чтобы они держали побольше *льсныхъ и друиыхъ дворовыхъ людей*, собирали какое случится оружіе, запасали порохъ, свинецъ; разъяскивали, въ чертѣ своихъ владѣній и гдѣ придется, стратегическія пункты и всякія укрытія для партизанскихъ отрядовъ, именно: лѣсныя чащи, пещеры, мѣста, обнесенныя болотами, все, что не легко доступно для регулярныхъ войскъ, гдѣ можно хоть на время уйти отъ преслѣдованія.

Упомянутый выше Возняковскій «апо-столовалъ» ученое сословіе и духовенство.

Студентъ медико-хирургической академіи Павловскій работалъ такимъ-же образомъ между разными школьниками.

Довольно скоро *общество челоѵчности*, конечно питаемое остатками кружковъ Заливскаго и Конарскаго, достигло значительнаго развитія. Иначе сказать: ряды заговорщиковъ, считавшихъ своими вождями первыхъ выходцевъ эмиграціи, обстроенные немного арестами и преслѣдованіемъ, какіе произошли вслѣдствіе открытій, сдѣланныхъ правительствомъ, рады были сомкнуться опять, увидавъ передъ собою какое ни на есть знамя. Можетъ, позже пришли на счетъ этого какія-либо приказанія и отъ централизаціи. Да и почему было не сомкнуться, если этому ничто особенно не мѣшало? Казнь Конарскаго не только не измѣнила порядковъ Базильянской тюрьмы, въ смыслѣ усиленія надзора надъ тамошними арестантами и принятія строгихъ мѣръ вообще: напротивъ, послѣ Конарскаго, все это еще

болѣе ослабло. Читаешь теперь о житіи-бытій виленскихъ политическихъ узниковъ того времени—и не вѣришь. Ближайшіе друзья «эmissара», надѣлавшаго такого шуму, во всякомъ случаѣ, люди чрезвычайно - подозрительные, *несомнѣнные члены того-же самаго заговора*, только принявшаго другую форму; люди, которыхъ въ инструкціяхъ комендантскаго управленія по карауламъ называли иногда «государственными преступниками»⁶⁷⁾ — почти всякій день уходили изъ своей тюрьмы въ городъ, кутили съ публичными женщинами, имѣя всегда много денегъ; принимали у себя гостей: профессоровъ академіи, помѣщиковъ, офицеровъ, дамъ всякаго разбора: и высшаго круга, которыя тоже состояли членами *общества челоѵчности*, и разныхъ кохановъ. Столь ихъ въ тюрьмѣ былъ таковъ, что кушанье постоянно оставалось и поступало въ вѣдѣніе караула, который по этому очень любилъ Базильянскую тюрьму. Не только офицеры, назначаемые туда на дежурство, смотритель тюрьмы и всякое другое тюремное начальство, но и простые солдаты, кому приходилось стоять на часахъ у благословенныхъ Базильяновъ, жили съ тамошними арестантами въ какой-то странной дружбѣ. Вообще многіе солдаты изъ квартировавшихъ въ Вильнѣ полковъ⁶⁸⁾ знали пропасть статскаго народа, ходившаго часто въ казармы, къ господамъ офицерамъ. А этотъ статскій народъ былъ не иной кто, какъ друзья узниковъ, члены одного и того-же союза, естественно

67) Какъ напримѣръ, въ «инструкціи г. Каравльовому офицеру въ кляшторѣ Базильяновъ отъ 12 марта 1839 года».

68) Привца Карла Прусскаго, Старо и Новонигерманландскій пѣхотные, и Эстляндскій и клязиза Кутузова Смоленскаго егерскіе.

заискивавшие въ войскахъ, и отсюда выходила общая связь: солдаты, офицеры, студенты, заговорщики — это были всё какъ-бы звѣнья одной и той же цѣпи, другъ съ другомъ такъ или иначе постоянно соприкасавшіяся.

Однажды извѣстный уже читателямъ Возняковскій проходил мимо дворца ⁶⁹⁾ съ Заливакой. Стоявшій тамъ на часахъ солдатъ узналъ ихъ обояхъ (такъ какъ часто видалъ въ казармахъ у господъ офицеровъ) и вѣроятно шутя сдѣлалъ имъ на караулъ ⁷⁰⁾. Возняковскій потомъ долго рассказывалъ объ этомъ въ разныхъ кружкахъ, съ похвальбой, воображая себя, можетъ-быть, человѣкомъ, уже имѣющимъ вліяніе на Русскую армію.

Въ первый день Пасхи, 26 марта ст. ст. того же 1839 года (т. е. съ небольшимъ *черезъ мѣсяць* послѣ казни Конарскаго) въ политической тюрьмѣ у Базильяновъ произошла сцена, совершенно невѣроятная. Въ одной изъ комнатъ, гдѣ содержались подозрѣваемые въ заговорѣ дерптскій студентъ Гильдебрантъ и его пріятель Мошинскій ⁷¹⁾, наврыто два боль-

⁶⁹⁾ Такъ называютъ въ Вильнѣ домъ, гдѣ живетъ начальникъ края.

⁷⁰⁾ Показаніе Заливаки въ виленской слѣдственной комиссіи 4 августа 1840 года.

⁷¹⁾ О первомъ знали, что овъ дерптскій студентъ, родомъ изъ Польши, находящійся въ подозрительныхъ связяхъ съ разными скомпрометированными лицами и принадлежащій къ тайному демократическому обществу Дерптскаго университета, которое, повидимому, самъ и основалъ. Каждый изъ членовъ этого общества вносилъ 5—6 процентовъ со ста отъ всего, получаемого изъ дому. Библіотекаремъ общества былъ Иванъ Еленскій, казначеемъ Аполливарій Керсновскій, секретаремъ Александръ Збродовскій.

А про Мошинскаго знали, что овъ служилъ въ революцію 1830 года въ Польскихъ войскахъ, потомъ странствовалъ по Англіи и Франціи, взятъ какъ подозрительный человѣкъ Прусскою

шихъ стола и уставлены пасками и куличами, по-польски «свенцонимъ», съ допленіемъ всего, что бываетъ объ эту пору въ богатыхъ польскихъ домахъ. Между прочимъ было много всякаго вина: венгерскаго, шампанскаго, лафиту... Къ часу разговѣнья прибыла толпа гостей: профессоровъ академіи, помѣщиковъ, студентовъ, дамъ. Тутъ же присутствовалъ и преемникъ власти Конарскаго, эмиссаръ Залѣсскій. Все это перемѣнилось съ караульными и другими офицерами русскаго и польскаго происхожденія. Караулъ нижнихъ чиновъ состоялъ въ тотъ день изъ однихъ русскихъ солдатъ.

Когда разговѣлись и выпили, Залѣсскій досталъ три экземпляра *организации*, раздалъ ихъ болѣе вліятельнымъ членамъ общества и просилъ собирать подписи, кто какія можетъ, начавъ тутъ же на столѣ со «свенцонимъ.» Нѣсколько подписалось немедленно. Послѣ въ городѣ подписывались другіе. Были ли всё подписи, по требованію устава, сдѣланы кровью—это неизвѣстно. Но ниня лица несомнѣнно подписались кровью ⁷²⁾.

Залѣсскій, повѣсивъ на стѣнѣ изображение бѣлаго орла, величиною въ листъ бумаги, сталъ подъ нимъ и произнесъ патріотическую рѣчь.

И все это происходило тамъ, куда безпрестанно повторявшимися инструкціями комендантскаго управленія предписывалось: «отнюдь не допускать никого изъ постороннихъ; самую пищу доставлять не иначе, какъ чрезъ квартальнаго надзирателя, котораго строго осматривать и не полицію и отправленъ въ Варшаву. Откуда бѣжалъ въ Галицію; опять взятъ и отправленъ въ Варшаву. Паскевичъ отослалъ его въ Вильну, какъ тамошняго уроженца,

⁷²⁾ Чтобы ярче выходила подпись, посыпали квасцовымъ порошкомъ.

пропускать одного, а быть при немъ дежурному офицеру; также точно и дежурному офицеру не входитъ одному, а съ кварталнымъ... Съ арестантами никому не разговаривать... Горячихъ напитков не пропускать, безъ особаго на то дозволенія» ⁷³).

Разумѣется, подобные беспорядки: путешествія по городу политическихъ арестантовъ, необыкновенныя *свенционы*, съ польскими орлами и съ рѣчами эмиссаровъ въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣли наследники Коначарскаго, не могли долго оставаться тайною для правительства. Дѣти, увлекшіяся по-дѣтски, сами же все разболтали, хвалясь передъ коханками и всякими пріятелями (между которыми были зачастую и полицейскіе агенты), что «вотъ-де какъ мы *играемъ на носу* ⁷⁴) у Русскихъ властей—и ничего!»

Паскевичъ, какъ главнокомандующій дѣйствующей арміи, которой одинъ корпусъ былъ расположенъ въ Литвѣ ⁷⁵), нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣла виленской слѣдственной комиссіи, по той причинѣ, что въ заговорѣ оказались участниками офицеры его арміи. Да и вообще онъ нерѣдко распоряжался въ Литвѣ

⁷³) Инструкціи: отъ 30 мая 1838, № 571; отъ 21 июня 1838, № 683; отъ 27 января 1839, № 89.

⁷⁴) *Grać na nosie*—польское выраженіе, значить: трунить, подшучивать.

⁷⁵) Дѣйствующая армія состояла изъ 4-хъ пѣхотныхъ корпусовъ. Районъ ея заключался въ 16-ти полныхъ губерніяхъ и двухъ неполныхъ (считая тутъ же и губерніи Царства Польскаго); 1-й корпусъ стоялъ постоянно въ Лифляндіи, Курляндіи и Литвѣ. Остальные занимали Малороссію и Царство Польское. Ихъ корпусные штабы находились: въ Кіевѣ, Гомелѣ и Варшавѣ.

какъ дома и присматривалъ за нею и юго-западными губерніями, какъ будто бы онѣ входили въ районъ ввѣренныхъ его управленію областей. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ (какъ на примѣръ при вспышкѣ 1846 года) онъ становился и дѣйствительнымъ начальникомъ того и другаго края, съ подчиненіемъ ему тамошнихъ генераль-губернаторовъ.

Паскевичъ отправилъ не медля въ Вильну военнаго - генераль - полицеймейстера дѣйствующей арміи и вмѣстѣ предсѣдателя варшавской слѣдственной комиссіи, генераль-маіора Стороженку, а потомъ, вслѣдствіе особаго Высочайшаго повелѣнія, послалъ туда же и начальника главнаго штаба сказанной арміи, генераль-адъютанта князя Горчакова, приказавъ обоимъ дать «иное направленіе» виленской слѣдственной комиссіи. Кто-то изъ нихъ, по прибытіи на мѣсто, окинувъ взглядомъ положеніе дѣлъ, справедливо воскликнулъ: «И что это за невинные ослы! Какъ еще они не ушли, имѣя всѣ къ тому средства».

Они не ушли (скажемъ мы) частію потому, что не хотѣли уйти *какъ-нибудь*, а подготавливали себѣ побѣгъ комфортабельный, соответствующій ихъ комфортабельной жизни у Базильяновъ (на это есть указаніе въ официальныхъ документахъ). Съ другой стороны, при той распушенности, какая ихъ окружала, при тѣхъ необычайныхъ послабленіяхъ властей, они надѣялись, можетъ быть, выйти на свободу и безъ всякаго побѣга, въ томъ духѣ, какъ былъ, на примѣръ, однажды выпущенъ ихъ вождь и руководитель Залѣсскаго, попавшій подъ арестъ за какую-то уличную ссору съ офицеромъ. Конецъ

концовъ (и это главное), они были не французскіе и не другіе какіе-либо заговорщики: они были наша братья, безпечные и безтолковые Славяне, вѣчныя, неизлѣчимыя дѣти—всюду, во всѣхъ приложеніяхъ къ жизни, хоть и считали себя куда-какими взрослыми. Они относились къ революціи шутя. Ихъ просто-напросто занимала эта «авантюга», эти тревоги и опасности, пересыпанныя хмѣлемъ, увитыя вѣнками любви, окруженныя вообще какою-то особенной, повстанской поэзіей. Эти ночныя прогулки изъ-подъ штыковъ куда-то туда, въ таинственные и занимательные для молодежи закоулки, гдѣ коханка, такая же Полька, по-польски безумная и по-польски прелестная, твердить тебѣ то-и-дѣло, что ты «великій человѣкъ, и будь такимъ до конца (а до какого конца—оба не знали); иди впередъ твердой и мужественной стопой; этого требуетъ отъ тебя страдающая, угнетенная отчизна, твое прошедшее и настоящее, гробы отцовъ и колыбели дѣтей»... Малоли что тамъ говорилось, весьма красиво и страстно. И вотъ, они сидѣли, эти чудаки, за своими рѣшотками, говорили о томъ, какъ бы уйти—и не уходили, когда представлялся случай. Имъ было вообще «недурно». Ихъ кормили *за все за это* и смачно угощали какіе-то невидимые гепіи. Дни текли за днями. Громъ грянулъ неожиданно, а все потому, что они сами же сѣли *подъ такое* дерево, — и тутъ только Мошинскій съ Гильдебрантомъ ударили себя по лбу...

Виленская слѣдственная коммисія, руководимая лицами, прибывшими изъ Варшавы отъ грознаго тогда всѣмъ и каждому Паскевича, начала съ того, что перевела Базильянскихъ узниковъ въ тю-

ремный замокъ. За ними учрежденъ дѣйствительно строгій надзоръ. Словомъ, все пошло совершенно иначе. Извѣстно, что бываетъ съ Русскимъ человѣкомъ, когда онъ изъ слабости вдругъ впадаетъ въ строгость....

Общество человечности было скоро открыто. Много народу снова пошло въ Сибирь и въ арестантскія роты. Въ числѣ сосланныхъ было даже 9-ть женщинъ, между ними Ева Фелинская, мать прославленнаго послѣднимъ возстаніемъ архіепископа.

(Продолженіе будетъ).

Статья эта написана на основаніи не однихъ печатныхъ источниковъ, но и подлинныхъ бумагъ, сообщенныхъ автору высшими властями, дозволившими и напечатаніе этой статьи. Она составляетъ родъ введенія къ большому труду объ исторіи послѣдняго Польскаго матажа и конечно обратитъ на себя вниманіе, какъ первый на русскомъ языкѣ опытъ разсказа о событіяхъ, коихъ истинный ходъ такъ запутанъ, а поводы и постороннія вліянія такъ еще мало изслѣдованы. Читатели подождутъ окончанія статьи. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЕ ЖУНОВСНАГО.

А. П. Ермолову.

Немногимъ извѣстно, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ собралъ значительную бібліотеку, которую онъ при жизни продалъ Московскому университету; еще менѣе извѣстно то, что знаменитый нашъ полководецъ самъ занимался переплетомъ своихъ книгъ въ своей подмосковной, гдѣ жилъ долго, устранившись отъ дѣйствительной службы.

Въ числѣ книгъ, поступившихъ отъ Ермолова въ бібліотеку Московскаго универ-

спета, мы видѣли тамъ: Стихотворенія Жуковскаго, изданія 1837-го года.

На заглавіи 1-ой части, рукою Жуковскаго, слѣдующая надпись:

«Его Высокопревосходительству, Алексѣю Цетровичу Ермолову, отъ автора, на память глубокаго почтенія. Москва, 1837, декабря 10».

На оборотѣ заглавія тою же рукою написано:

«ЕРМОЛОВУ.

Жизнь чудная его въ потомство перейдетъ: Дѣлами славными она безсмертно дышетъ. Захочетъ—о себѣ, какъ Тацитъ, онъ напишетъ

И лихо лѣтопись свою переплететь».

ОБРАЦИНЪ СТАРИННАГО КРЮЧКОТВОРСТВА.

Изъ письма къ издателю.

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ пожара нашего деревенскаго дома (въ 1840 году) нашелъ я тетрадку, страницъ въ семьдесятъ, въ которую прадѣдъ мой вносилъ все, что ему казалось любопытнымъ, полезнымъ или поучительнымъ, какъ то: рецепты отъ разныхъ болѣзней, способы готовить кушанья и настойки, обращения поздравительныхъ писемъ, купчихъ и условій, отрывки изъ газетъ и проч., политическія извѣстія, анекдоты, реляціи, а также копіи разныхъ стихотвореній торжественныхъ и сатирическихъ, извѣстныхъ прошеній (какъ то Искры, Румянцова) на Высочайшее имя, рескриптовъ и т. п. Между прочимъ прадѣдъ мой вписалъ въ свою тетрадку три просьбы нѣкоего секундъ-майора Аленина. Онѣ вѣроятно поразили его мастерствомъ изложенія, знаніемъ законовъ, смѣлостью обличительныхъ навадокъ. Просьбы эти, которыя самъ секундъ-майоръ называетъ незастигчивыми, дѣйствительно любопытны, какъ знаменіе того времени, какъ обращикъ чистѣйшаго ябедническаго слога, возвышающагося иногда до краснорѣчія и не лишенаго своеобразной юмористической окраски. Особенно замѣчательна вторая нижеприводимая просьба, въ которой проводится срав-

неніе между Тамбовскимъ намѣстникомъ и „нашимъ общимъ праотцемъ Адамомъ“. Что Аленинъ былъ крючкотворъ перваго сорта—это не подлежитъ сомнѣнію; но накопившее въ немъ негодованіе также несомнѣнно и неподдѣльно. Полагаю, что читатели „Русскаго Архива“ не посѣтуютъ на васъ за помѣщеніе этихъ документовъ стародавняго времени на страницахъ вашего любопытнаго сборника.

Иванъ Турпеневъ.

Бадень-Бадень ^{18/30} Ноября 1869.

*

Высокородному и Превосходительному Господину Генералъ-Майору, Тамбовскаго Намѣстничества Правителю и Кавалеру, Сергѣю Васильевичу Неклюдову.

Секундъ-Майора Аленина

покорнѣйшес прошеніе.

Имѣлъ я честь подать Вашему Превосходительству прошлаго 795-го года Декабря 23-го числа просьбу, по которой извѣстное уже существо состояло въ томъ, что капитанъ Вышеславцовъ долженъ мнѣ по тремъ векселямъ, писаннымъ 786-го и 789-го годовъ, на имя Московскихъ купцовъ и дошедшихъ отъ нихъ ко мнѣ съ надписью — суммою на 1225 р., и что о взысканіи оныхъ по *жаловельству* Вышеслав-

цова въ Московскомъ его домѣ въ 790 году Апрѣля 4-го числа просилъ я законнымъ порядкомъ въ Московскомъ губернскомъ правленіи, изъ котораго за противорѣчіемъ Вышеславцова дѣло сіе препровождено было при указѣ для поступленія по законамъ въ тамошній уѣздный судъ, который, по настоящему изслѣдованію, по собраннымъ справкамъ и по совершенному сужденію, въ 792-го году Марта 4-го числа, на основаніи законовъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ заключилъ, что неправильной Вышеславцова споръ слѣдуетъ уничтожить, деньги съ рекамію и проценты съ него взыскать; объ ономъ рѣшеніи по силѣ апелляціоннаго прошлаго 762-го года указа чрезъ управу благочинія въ надлежащее время и ему Вышеславцову объявить, а за прошествіемъ отъ того ему объявленія мѣсячнаго срока учинить съ него взысканіе; въ случаѣ же неплатежа представить его самого лично въ судъ. Но Вышеславцовъ, отозвавшись, что на платежъ наличныхъ денегъ не имѣетъ, и что будто за болѣзнію въ судъ явиться не можетъ; то когда велѣно было въ болѣзни его освидѣтельствовать, онъ изъ Москвы бѣжалъ, Таубовскаго Намѣстничества, Елатомской округи, въ село его Полянки, гдѣ и понынѣ находится; о которомъ побѣгѣ отъ управы благочинія въ Московской уѣздный судъ сообщеніемъ знать дано. Почему оный, соблюдая установленный законами порядокъ, для выполненія своего рѣшенія, сообщеніемъ изъяснивъ всѣ обстоятельства, препроводилъ оное вексельное при описи дѣло по вѣдомству иногородныхъ Московскаго нижняго надворнаго суда въ 3-й департаментъ, который отъ себя, какъ по объявленному Московскаго уѣзднаго суда рѣшительному опредѣленію, такъ и по поданному отъ меня объявленію (коиимъ я про-

силъ, чтобъ о взысканіи съ Вышеславцова вексельной претензіи моей, а въ случаѣ неимѣнія въ наличности у него денегъ, съ состоящимъ за нимъ Вышеславцовымъ Таубовскаго Намѣстничества, Елатомской округи, въ селыцѣ Полянкахъ недвижимымъ имѣніемъ чрезъ Таубовское намѣстническое правленіе поступить по законамъ)—представилъ въ Московское губернское правленіе, съ тѣмъ, дабы сообщено было оному Таубовскому намѣстническому правленію. И что хотя отъ Московскаго губернскаго правленія троекратно объ ономъ взысканіи сообщено было, но какъ по тѣмъ сообщеніямъ, такъ и по прилежнѣйшему хожденію титулярнаго совѣтника Поддьяконова, которому отъ меня дана была довѣренность, а равно и по моимъ ежегоднымъ письменнымъ и словеснымъ прозбанъ здѣшнее намѣстническое правленіе, примѣшавъ къ законамъ свое чрезвычайное, преудивительнѣйшее и незаконное снисхожденіе, благоволило, въ удовольствіе Вышеславцова, разоряющаго меня столько лѣтъ, ниспослать въ Елатомскій нижній земскій судъ семнадцать безо всякаго дѣйствія указовъ. А сей судъ, будучи обезпеченъ таковымъ же намѣстническаго правленія и къ себѣ снисхожденіемъ, не заботился видно исполнять прежде, доколѣ изъ оного сотый уже не послѣдуетъ къ нему указъ. Однакожь намѣстническое правленіе, дабы вдругъ отъ меня не отнять надежды въ полученіи отъ Вышеславцова денегъ и придерживаясь лишь притворнаго, но не естественнаго правосудія, едва рѣшилось черезъ три года на Елатомской нижній земскій судъ за неисполненіе семнадцати указовъ страшную пятирублевую наложить пеню; который судъ, чувствуя такую излишнюю тягость наложеннаго на себя штрафа, принужденъ уже былъ приступить къ описи Вышеславцова

имѣнія, и описалъ то слѣпыхъ, то хро-
мыхъ, то малолѣтнихъ двадцать душъ. На-
мѣстническое правленіе, получа сію, изъ
Елатомскаго нижняго уѣзднаго суда при-
страстную опись, препроводилъ при указѣ
здѣшняго верхняго земскаго суда во 2-й
департаментъ, который, по назначеніи въ
прошломъ 795-мъ году въ Октябрѣ мѣсяцѣ
сроковъ, и представилъ Правительствующе-
му Сенату; а изъ онаго для продажи
того имѣнія съ публичнаго торгу слѣ-
ланы были уже публики. Но намѣстниче-
ское правленіе, какъ главное мѣсто, не опа-
саясь никакаго штрафа и подражая только
одному Вышеславцова задобренію, послан-
нымъ въ верхній земскій судъ указомъ
продажу его имѣнія остановило; а въ Мо-
сковское губернскаго правленіе сообщило и
требовало отъ него увѣдомленія, слѣдуетъ
ли продавать Вышеславцова имѣніе! Како-
вой вопросъ не соответствовалъ намѣстни-
ческаго правленія резолюціямъ, а посему
явное отъ Московскаго губернскаго прав-
ленія на себя навелъ подозрѣнію, ибо вос-
противился генеральнаго регламента 14-й
главѣ и Высочайшаго учрежденія 129 и
130 статьямъ, и Правительствующимъ Се-
натомъ учиненныя для продажи того имѣ-
нія публикація пренебрегъ! Вышеславцовъ
же, пользуясь таковою намѣстническаго прав-
ленія сноровкою, изъ описнаго имѣнія лут-
чія четыре души, годныя въ рекруты, про-
далъ нарочно, дабы и по сему обстоятель-
ству новую уже завести тяжбу въ разсуж-
деніи недостаточной по мѣрѣ принадлежа-
щихъ мѣгъ отъ Вышеславцова денегъ описи
имѣнія! Письменно я просилъ намѣстниче-
ское правленіе, дабы вторительно учинена
была опись и наградила бы прежній ея не-
достатокъ, о чемъ намѣстническое правле-
ніе предписало верхнему земскому суду; а
Елатомскій нижній земскій судъ, по пред-

писанію верхняго земскаго суда, лишь толь-
ко приступилъ ко вторительному описанію
имѣнія, то Вышеславцовъ столько забунто-
валъ, что для укрощенія его оный нижній
судъ репортами къ Вашему Прѣвосходи-
тельству и въ намѣстническое правленіе
просилъ уже воинской команды, кои ре-
порты отъ 20-го Февраля по сей день о-
стаются нимаго недѣйствующими и вовсе
безгласными. Титулярный же совѣтникъ
Поддѣяконовъ представилъ въ намѣстни-
ческое правленіе прошлаго 795-го года въ
Апрѣлѣ мѣсяцѣ четвертой ещѣ вексель сум-
мою на 952 р. ко взысканію съ него жъ Вы-
шеславцова. И по многимъ его неудачли-
вымъ уверткамъ велѣно было наконецъ на
означенную сумму съ рекамію и процен-
ты писать имѣніе; но Елатомскій земскій
исправникъ Емельяновъ и при сей описи
не проропцлъ своего особаго къ нему Выше-
славцову усердія, ибо между живыхъ двад-
цати четырехъ душъ включилъ четыре
мертвыхъ; а на всѣ души изъ двухъ ты-
сячъ десятинъ земли, владѣемыхъ Выше-
славцовымъ, описалъ только пять десятинъ,
которая опись, препровожденная въ намѣст-
ническое правленіе отъ 29-го Генваря, и
по сіе время еще не отсылается изъ онаго
для продажи въ верхній земскій судъ, не
взирая на то, что указомъ 736-го года
Іюля 19-го числа повелѣно вексельныя дѣла
кончать именно въ мѣсяцъ, а въ случаѣ
же медленности присутствующіе и секре-
тари должны заплатить псу требуемая съ
заимобрателя деньги! Слѣдовательно равную
участъ нашелъ я въ правосудіи и Вашего
Превосходительства, посліку при подачѣ
моей просьбы словесныя и комплементно
словесныя лишь обнадеживанія ваши, что
я скоро удовлетворенъ буду, обращены уже
подлинныя и вѣроятнѣйшія къ Вышеслав-
цову, по коимъ можетъ волочить меня еще
другіе четыре года.

Русскій Архивъ 1870.

Что онъ прежде меня В. Превосх. милостію и покровительствомъ обнадѣженъ, тому доказательство первое: читалъ я секретаря Зміева письмо, адресованное къ земскому исправнику Емельянову, дабы онъ именно въ угодность Вашего Превосходительства не приступалъ къ исполненію по насланному изъ верхняго земскаго суда въ Елатомскій нижній земскій судъ указу. Второе: почиталъ я въ ономъ письмѣ одного токмо секретаря Зміева бездѣльничество и, надѣясь, что ежели Вашему Превосходительству чистосердечно открою, что онъ Зміевъ по своей деривации вашу къ нему довѣренность во зло употребляетъ, а меня жаломъ своимъ пронзаетъ даже до сердца, то сіе открытіе истинны примете отъ меня Ваше Превосходительство за нѣкое одолженіе, скорѣе сжадитесь и повелѣтъ соизволите, чтобъ сей же часъ вольный законъ, благоволящій моея справедливости, въ самой точности и неукоснительно былъ исполненъ, и не терпѣлъ бы уже болѣе отъ частнаго пристрастія дерзновеннаго себѣ сжиманія; секретаря же Зміева, коснувшася измѣнить довѣренности и вредить чести вашей, и земскаго исправника Емельянова за неисполненіе насланнаго изъ верхняго земскаго суда указа предадите уголовному суду! Но какъ скоро я Вашему Превосходительству о имени секретаря Зміева донесъ свойственно по его ухищреннымъ дѣяніямъ, то вдругъ Ваше Превосходительство, съ гнѣвомъ, вмѣсто благодарности за мою къ вамъ преданность въ предостереженіи отъ яда Зміева, назвалъ меня пьянымъ! Почему я, сверхъ чаянія моего и уже по неволѣ удостовѣрился, что сія змія въ образѣ Божія, на самомъ лонѣ правленія вашего угнѣздилась, и премыкается и извившаяся въ дугу, ласкаетъ лишь трезвыхъ, но неправыхъ и догадливыхъ къ жертво-

приношенію себѣ, а уязвляетъ отъ хмѣля неправосудія пьяныхъ, недогадливыхъ къ подолопоклоненію и не пьющихъ у себя ни золота, ни серебра и ни благоуханнаго лѣствкуренія, кромѣ угнетенной правости, требующей должнаго главноначальственнаго защищенія тогда, когда въ Россіи почитаютъ того Бога, Который небомъ и землею обладаетъ; когда во всемъ преимуществѣ православная наша процвѣтаетъ вѣра; когда премудрая, преправосудная и престогаовзыскующая за несоблюденіе святѣйшихъ Ея законовъ царствуетъ Государыня; когда ложныхъ, лукавыхъ и обманчивыхъ, корыстолюбивыхъ божковъ истребляетъ и ихъ храмы, основанные на взяткахъ, въ прахъ и пепелъ превращаетъ.

Наконецъ третіе: правящій плацъ-маіорскую должность призвалъ меня къ Вашему Превосходительству тогожъ Февраля 25-го числа; напрасно я обрадовался и возмнилъ, что истинный нашъ Богъ вліялъ уже въ вашу душу чувствительнѣйшій о Себѣ страхъ, что Онъ все видитъ, слышитъ и и о сокровеннѣйшихъ вашихъ таинствахъ знаетъ; что вдохнулъ въ васъ новое ко страждущимъ отъ неправосудія сожалѣніе, а къ секретарю Зміеву примѣрное омерзѣніе: ибо, пришедъ въ ваши палаты, увидалъ я нарочно собранный лѣстцовъ комплектъ, который противъ меня, взявъ сторону Вышеславцова, утверждалъ о его бѣдности въ столь высококъ смыслѣ, что ежели ему по воскресамъ меня удовольствовать, то безъ пользы подаренныя тысяча рублей и лошадь единственно въ отвращеніе справедливаго платежа мнѣ денегъ явственною и губельною уже будутъ его состояніи разстройкою;—секретарю же Зміеву дозволили Ваше Превосходительство въ своемъ присутствіи весь изблевать на меня ядъ, дабы я, обезпамятовшись, вышелъ изъ

границъ благопрістойности и выговорилъ что-нибудь незпое, такое къ чему бы было съ обыкновенною пріетать ему приказною петлею, и при самомъ удавленіи меня спросить: Замѣню ль я свою погрѣшность въ долгѣ Вышеславцова и скажу ли уже торжественно, что я съ имп обоими, секретаремъ Зміевымъ и съ Вышеславцовымъ, квити! Прпзнаюсь Вашему Превосходительству, что я было въ то время дѣйствительно обезнамятъ; но благоговѣннѣйшую приношумолитву тому Богу, въ Котораго вѣрую, что не допустилъ Зміеву яду волюгѣ дѣйствовать, сохранилъ отъ приказной его петли, и возвратилъ мнѣ прежнюю память, которая теперь способнымъ меня учинила доложить Вашему Превосходительству слѣдующее.

Опасно толь рѣдко посѣщать намѣстническое правленіе, ибо со дня управленія Таубовскимъ намѣстничествомъ трижды только Ваше Превосходительство имѣли въ ономъ засѣданіе; а господа совѣтники, пріѣзжающіе не ранѣе двѣнадцатаго часа въ намѣстническое правленіе, безъ присутствующаго вашего побужденія, почти не принимаются ни за какія дѣла, возмечтавъ, можетъ-быть, по примѣру вашему, что и для нихъ оное высокое мѣсто есть низко, возложили свою должность на честность, совѣсть и прилежность однихъ только секретарей, въ которыхъ сн добродѣтели безъ просительскихъ денегъ либо никогда, либо весьма рѣдко обитаютъ. *Опасно* и въ одномъ указѣ, а не токмо уже въ семнадцати еще призывать Императорское имя; ибо за сію дерзновенность, равно какъ Творецъ своихъ рабовъ, такъ и Государыня своихъ подданныхъ наказуетъ. *Опасно* удручать меня неправосудіемъ долге, ибо въ отчаянности не премину на оное жаловаться предъ Престоломъ. *Опасно* защищать болге Вышеславцова; ибо онъ въ

надсждѣ вашего къ нему отмѣннаго благоволенія и приверженности, забывъ толикое намѣстническаго правленія себѣ доброжелательство, на-прямки уже оное ругаетъ, которое и терпитъ ему собственно лишь для васъ, и снисходя явному его бунту по репорту Елатомскаго нижняго земскаго суди не предписываетъ послать за нимъ воицкую команду и, яко важнаго преступника, отдать подѣ судѣ; поелику и Ваше Превосходительство по такому же отъ того суда репорту ничего не изволите предпринимать! *Опасно* секретаря Зміева согрѣвать въ пазахъ; ибо онъ при малѣйшей на случай перемѣнѣ не пощадитъ и Ваше Превосходительство и большѣе еще прочихъ ужалитъ. *Опасно* на него даже и глядѣть и недовольно уже препоручать ему дѣла; ибо сынъ Сираховъ говоритъ: «якоже отъ лица змпна, бѣжи грѣха!» Да кстати бы Ваше Превосходительство благоволили нынѣ вспомнить всѣ обстоятельства при паденіи праотца нашего Адама. Онъ былъ въ плодоносномъ раю, и Ваше Превосходительство господствуете въ плодоносномъ Таубовскомъ намѣстничествѣ; ему дана подруга Ева, и Ваше Превосходительство такуюже имѣете; но діаволъ, завидуя Адамову блаженству, пресоздался въ удобнѣйшую ко искушенію змію, поджѣгъ отъ запрещеннаго древа отвѣдать смертоноснаго яблока, содралъ съ Адама и Евы одежду невинности, лишилъ ихъ Господней любви и благодати, предшествовалъ имъ изгнаннымъ изъ рая, восплескалъ слезамъ ихъ и степеніямъ, и весь родъ человѣческой сему плачевному подвергъ наслѣдству! Вотъ, Ваше Превосходительство, естественное зеркало изображеннаго характера секретаря Зміева! Или, яснѣе сказать, вотъ другой дьяволъ въ лицѣ Зміева! Ползетъ существовать въ кабинетъ вашъ! Шепчетъ чрезъ тѣ же пути, какъ и древле:

«Не бойся ничего! Санъ твой для великолѣспія тебѣ данъ; обрати монаршую довѣренность на собственный прибытокъ, нарушай законъ, гони правду; карай невиннаго, угнетай справедливаго, покровительствуй плутовъ, посылай меня почаще за контрибуціями въ уѣзды; не запинаясь и самъ сбрать разными круглыми металлами, бѣлыми, красными и синими бумажками, сервизами, перстнями, линейками, лошадьми, скоровами и всякою мягкою рухлядью; заводи по городамъ свои трактиры, подражай подушный провіантъ!» И еще повторяетъ: «Не бойся, не бойся; у тебя подпора велика—родной братъ оберъ-прокуроръ въ Сенатѣ; и такъ все всегда будетъ у насъ гладко!» Таковыми-то ядовитыми внушеніями, питая въ себѣ къ Вашему Превосходительству дьявольское коварство, ухитрится искушать васъ дотолѣ, доколѣ уже достигнетъ васъ равный съ Адамомъ и Евою жребій,—съ тою только разницею, что подвластные дворяне и коронные крестьяне, въ красные дни вашего главноначальствующаго заключенные въ острогъ бѣдствій, изыдутъ свободны; а онъ, Зміевъ, торжествуя надъ вашею слабостію, возславится богатымъ при оной приобрѣтеніемъ, и продолжать не престанетъ проигрывать въ часъ отъ излишества по тысячи триста рублей: и впредь, какъ и нынѣ, карты суть сладостнѣйшею его забавою! Извѣстно же мнѣ, что Зміевъ, бывъ учителемъ Полоцкаго народнаго училища, кое-какъ вырвался оттуда и присталъ къ Вашему Превосходительству, вмѣстѣ съ вами сюда прѣхалъ и по представленію вашему сдѣланъ сильномогучимъ секретаремъ; что изъ комиссіи народныхъ училищъ въ приказъ обществен-

наго прирѣнія получено сообщеніе, въ коемъ прописано, что многіе учителя разными происками выходятъ изъ своихъ званій: то чтобъ ихъ никогда не выпускать; что отъ главнаго господина директора народныхъ училищъ Его Сіятельства графа Петра Васильевича Завадовскаго предложено, какъ слышно, Правительствующему Сенату пионерно о Зміевѣ, что онъ обманомъ выбылъ изъ учителей, на что и послѣдовалъ указъ въ Полоцкое и здѣшнее правленіе, чтобы его Зміева прислать въ Санктъ-Петербургъ и обратить въ первобытное званіе. Чего ради, по послѣдней моей къ Вашему Превосходительству преданности, совѣтываю осмѣливаюсь: лучше согласитесь Зміева, яко свирѣпаго многолюдотву врага, прочь отъ себя откинуть и отправить по указу къ прожней его школярной должности, въ которой онъ подъ строгаю и разумною липшъ Его Сіятельства дирекцію былъ и пребудетъ изрядный учитель; а при васъ несласанно какъ презбалованный и чрезъ чуръ дурной секретарь! *Опасно* и сіи рѣшительныя выраженія отдать мнѣ съ подписью, на примѣръ за то, что оныя отторгнулись отъ обыкновенной формы: ибо и Ваше Превосходительство необыкновенно со мною поступили ради секретаря Зміева и должника моего Вышеславцова! Такую форму предложила мнѣ самая истина, чтобы совершенно Вашему Превосходительству представить, коль я обиженъ неправосудіемъ, и ничто уже меня кромѣ правосудія наградить не можетъ, котораго у Вашего Превосходительства вторительно покорнѣйше прошу!

Марта 16-го числа
1796-го года.

О ПРОДАЖѢ РУССКАГО АРХИВА ПРЕЖНИХЪ ГОДОВЪ

Годовыя изданія Русскаго Архива составляютъ каждое по большой книгѣ съ особымъ указателемъ собственныхъ именъ, въ ней упомянутыхъ, что облегчаетъ пользованіе матеріалами и статьями Русскаго Архива для историческихъ справокъ и для собиранія свѣдѣній о какомъ-либо лицѣ.

Дабы сдѣлать изданіе это доступнѣе большинству людей ученыхъ и любителей историческаго чтенія, назначаются слѣдующія *уменьшенныя* цѣны прежнимъ книгамъ Русскаго Архива:

1. Русскій Архивъ 1864 года съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя. 154 и 1182 стр. Цѣна **3** рубля.
2. Русскій Архивъ 1865 года. 1550 стр. Цѣна **3** рубля.
3. Русскій Архивъ 1866 года съ фотографическимъ портретомъ императрицы Екатерины въ траурномъ одѣяніи, въ царствованіе ея супруга. XX, 1777, XII и 134 стр. (Указатель къ повремен. изданіямъ Моск. Общества исторіи и древностей). Цѣна **4** рубля.
4. Русскій Архивъ 1867 съ литографированнымъ портретомъ К. Н. Батюшкова. XI, 1720, XIV и 338 стр. (Записки княгини Н. Б. Долгорукой и Д. Д. Мертваго). Цѣна **4** рубля.
5. Русскій Архивъ 1868 года съ общимъ оглавленіемъ всѣхъ статей, въ предъ идущихъ годахъ. LXIII, 2050 и 30 стр. Цѣна **5** рублей.
6. Русскій Архивъ 1869 года (Третій выпускъ „Окраинъ“ Ю. Ф. Самарина. Записки Саблукова о временахъ и кончинѣ императора Павла). 2080. 72 и LX стр. Цѣна **5** рублей.

Пересылка каждой книги Русскаго Архива въ другіе города—за **3** фунта за каждую книгу, смотря по разстоянію.

Выписывающіе не менѣе трехъ книгъ вмѣстѣ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Получать можно въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ, у П. И. Бартевева.

П О Д П И С К А

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, будетъ издаваемъ въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкой на домъ, такъ и съ пересыкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1 р. 50 к.**, для Франціи — **2 р.** для Англіи — **2 р. 50 к.**, для Швейцаріи и Італіи **3 р.**

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартевевъ.**

ГОДЪ

ОСЬМОЙ

РУССКІЙ ЯРМЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

2.

ПРИ

1870.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Четыре письма Императрицы *Елисаветы Петровны* къ *Ф. С. Вишневному*, съ предисловіемъ *С. П. Лашкевича*.
2. Письма о докторѣ Санхецѣ, устранинномъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства.
3. Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго *П. И. Савванитову*: письма *Екатерины, Павла Петровича, Маріи Фредериковны*, и *кн. Потемкина*.
4. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ. 1767.
5. Два манифеста Пугачевъ 1774.
6. Путешествіе Императора Павла по Ярославской губерніи, статья *Л. Н. Треболева*.
7. Письмо *Е. П. Пелидовой* къ *Ф. Ф. Вадковскому*. 1788.
8. Изъ записокъ *И. П. Дипранды* по поводу „Воспоминаній Вигеля.“
9. Изъ записной книжки *Алексы Осиповича Имберга*.
10. Поимка *В. К. Кюхельбекера* (два распоряженія Цесаревича *Константина Павловича*), съ предисловіемъ *М. Ф. Шукурова*.
11. Письма *Цесаревича Константина Павловича* къ маркизу де Кюбьеръ.
12. Записки *Н. В. Бриа* о Польскихъ разговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 года. Глава II-я. 1846 годъ.
13. Книжныя заграничныя вѣсти.
14. Замѣтки о убіеніи *Верещагина, Д. И. Свербева*.
15. Приобрѣтенія Чертковской библиотеки въ 1869 году.

МОСКВА.

Типографія *А. И. Мамонтова и К^о*, Большая Дмитровка, д. № 7.
1870.

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не желая замедлять помѣщеніе собранныхъ имъ статей и въ тоже время не находя удобнымъ еще увеличивать объемъ Русскаго Архива (уже и безъ того почти двое превышающій первоначально назначенные ему размѣры), нашелъ возможнымъ печатать отдѣльными книгами особый историческій сборникъ, подъ названіемъ «Осмнадцатый Вѣкъ», въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію и, въ большинствѣ случаевъ, объемомъ своимъ не подходящія къ тетрадамъ Русскаго Архива.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой—2 р. 50 к. второй, третьей и четвертой—по 3. Пересылка каждой за три фунта.

РУССКАЯ БЕСѢДА

20 БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ.

СЪ ЗНАЧИТЕЛЬНОЮ УСТУПКОЮ ПРОТИВЪ ПРЕЖНИХЪ ЦѢНЪ.

1856	года	4	книги	цѣна	4	р.
1857	»	4	»	»	4	»
1858	»	4	»	»	4	»
1859	»	6	книгъ	»	6	»
1860	»	2	книги	»	2	»

Покупающіе всѣ года вмѣстѣ въ одинъ разъ могутъ получать ихъ за 15 рублей. Пересылка каждаго года по одному рублю 20 коп., а всѣхъ вмѣстѣ 5 рублей. Обращаться въ Москву къ Петру Ивановичу Бартеневу въ Чертковской библиотекѣ.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ КЪ ГЕНЕР.-МАЙОРУ ВИШНЕВСКОМУ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ домашній кругъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, находился старикъ, генералъ-майоръ Ѳеодоръ Степановичъ Вишневскій. Не состоя ни въ какомъ придворномъ званіи, онъ просто былъ довѣреннымъ лицомъ, пользующимся особеннымъ вниманіемъ и благосклонностію Государыни. Въ царствованіе Императрицы Анны, въ чинѣ полковника, ѣздилъ онъ въ Венгрію для покупки винъ ко Двору и на обратномъ пути оттуда, въ селѣ Чемерѣ, замѣтилъ молодаго казака, Алексѣя Разумовскаго, который, пріятнымъ голосомъ и красивою наружностію, обратилъ на себя его вниманіе и былъ имъ увезенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ поступилъ въ придворные пѣвчіе. Отсюда переведенъ былъ Разумовскій въ штатъ Цесаревны Елисаветы Петровны, которая, по восшествіи своемъ на престоль, возвела молодаго Малоросіянину въ графское достоинство, и наконецъ пожаловала въ генералъ-фельд-маршалы ¹⁾. Такимъ образомъ Разумовскій всѣмъ своимъ счастіемъ былъ обязанъ Вишневскому. Это обстоятельство еще болѣе приблизило Вишневскаго къ особѣ Императрицы, которая до конца его жизни не переставала быть къ нему особенно внимательною. Въ знакъ своего благорасположенія, она дарила ему разную домашнюю утварь, принадлежавшую ея родителю Императору Петру. Изъ числа многихъ вещей, сохраняются у меня (какъ у потомка его по женскому колѣ-

ну): 1) Цѣльнаго краснаго дерева, *преддѣланый столъ*. 2) *Четыре* небольшія *картинки* голландской школы, писанныя на деревѣ и изображающія Голландцевъ пьющихъ пиво. 3) *Медальонъ* собственноручной рѣзбы Петра на деревѣ, изображающій Добродѣтель торжествующую надъ попоранною Злобою. 4) *Современный портретъ Императора Петра*, написанный на пергаментѣ, изготовленномъ въ видѣ бланка, для написанія на немъ грамоты. Послѣдній даръ Вишневскому отъ Императрицы заключался въ надачѣ имѣнія, въ Переяславскомъ полку, села Жарбована, на зубокъ для новорожденнаго его внука Ивана, о рожденіи котораго Вишневскій, увѣдомляя Императрицу, писалъ, что у него родился внукъ Иванъ-богатырь, который кричитъ: *дай папки!* На это Императрица шуточно отвѣчала словами: «для Вашего внука Ивана-богатыря, жалую на папку село Жарбовано». Къ сожалѣнію, этотъ документъ утраченъ,—сохранилась только одна память о немъ. Послѣдняя услуга Вишневскаго Государынѣ заключалась въ закупкѣ вина для Ея Величества. Бывшая по этому предмету переписка сохранилась вполнѣ и, по своему содержанию, заслуживаетъ вниманія, какъ памятникъ прошлаго добраго времени.

Кіевъ.

Ст. Лашкевичъ.

I.

Ея Императорскаго Величества собственноручное письмо, отправленное отъ Ея Величества Апрѣля 6 д. 1745 году, а
Русскій Архивъ 1870. 9

¹⁾ См. статью о гр. Разумовскихъ А. А. Васильчикова, во 2 кн. XVIII вѣка, изд. 2-е, стр. 626.

получено 10 дня через господина прапорщика Андрея Степановича Милорадовича *). (Такъ означено на особой запискѣ, находящейся при письмѣ. Подлинное же письмо писано на листѣ почтовой бумаги, свернуто въ конвертъ съ хорошо сохранившеюся на немъ сургучною печатью государственнаго герба. Адресъ на немъ: «Господину генералу-майору Вишневному»).

«Господинъ генералъ-маіоръ.

Поздравляю васъ неопѣваннымъ наступающимъ праздникомъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, которыхъ желаю вамъ многихъ такихъ еще торжествъ видѣть во всякомъ благополучіи; при семъ посылаю къ вамъ кавалерію святая Анны, которая въ дорогѣ васъ охранять будетъ святыми своими молитвами, и желаю носить на здорově и видѣть васъ въ ней.

Елисаветъ.

Сей часъ идемъ въ церковь съ вербою стоять; сожалѣю, что васъ нѣту: то бы можно бѣ вербою старыя кости поправить».

II.

Господинъ генералъ-маіоръ.

Письмо ваше о прибытіи въ Венгерскую землю мы получили, въ которомъ пишете, что старыхъ винъ удобныхъ для насъ не сыскали; и оному причина извѣстная есть, что уже чрезъ восемь или девять лѣтъ добрыхъ винъ не родилось, то ихъ и искать напрасно, а которые продавцы и объявляютъ старыми добраго роду винами, но тому чрезъ долгое время быть не возможно, и всѣ тѣмъ больше обманываютъ. И для того въ томъ сысканіи старыхъ винъ труда и времени тратить не надобно, но вмѣсто того надлежитъ изъ нынѣшняго настояща-

*) Отецъ графа Михаила Андреевича Милорадовича.

го роду винограда сдѣланныхъ винъ изъ самыхъ лучшихъ виноградовъ покупать сколько возможно больше; ибо осень, до половины Октября, по тому какъ здѣсь въ холодномъ климатѣ стояла благополучно, такъ больше надежно въ Венграхъ еще лутчею погодою состояла. И изъ купленныхъ или сдѣланныхъ вами винъ отправить будущею весною сюды до Гданска рѣкою Вислою триста бочекъ, и на дополнку ихъ семьдесятъ пять, всего триста семьдесятъ пять бочекъ, для которыхъ перевозу сюды посланы будутъ суда морскія; а затѣмъ оставшее вино, сдѣланное или закупленное сею осенью, держать до отправления въ будущемъ 1747 году весною, и тѣмъ оное тамъ содержаное настоящимъ порядкомъ еще лутче будетъ. И хотя въ данномъ вамъ указѣ написано, что пошлины вездѣ по уставамъ каждой земли платить, но понеже въ доношеніи къ намъ изъ Польши резидента Голембовскаго писано, что въ Польшѣ пошлины разныя и многія суть, а имянно: одни королевскія и республики, другія въ старостахъ, такожъ еще въ землѣ и мостовыя и тому подобныя деньги, въ которыхъ многихъ и разныхъ пошлинахъ и разчету съ сборщиками учинить и добрымъ порядкомъ расчитаться и безъ ссоръ обойтись невозможно. Чего для, въ прошлыхъ годѣхъ оной резидентъ Голембовской по указамъ отъ предковъ нашихъ столько исходатайствовалъ у коронныхъ казначеевъ, что они закупленные въ Венграхъ для Двора нашего вина безошлинно чрезъ Польшу пропускать велѣли; и чтобъ сію единожды полученную вольность какъ не упустить, и для того повелѣваемъ: чрезъ Польшу вина провозить не платя пошлинъ, о чемъ нашъ указъ ко оному резиденту Голембовскому посланъ, дабы по старому основанію безошлиннымъ провозомъ винъ пашпорты чрезъ Польшу исхо-

дятайствовалъ и вамъ отправилъ; а кромѣ Польши во всѣхъ областяхъ по уставамъ оныхъ пошлины платить, такъ какъ въ данномъ вамъ указѣ написано.

«Елисаветъ.»

«А ежели возможно хотя три антала *) на спочтѣ прислать, что сдѣлалась нужда, что «нигдѣ сыскать невозможно, а я обойтись безъ онаго не могу, что и вы извѣстны».

въ 8 Ноября

1745 года

въ Санктъ-Петербурхѣ.

III.

Прибавленіе къ указу, подписанному собственною Ея Императорскаго Величества рукою, къ господину генералу-майору Вишневному въ 8 Ноября.

«Получили мы ваши рапорты отъ 10 и 16 чиселъ прошедшаго Октября, въ которыхъ пишете: первое, что старья вина по вашему осмотру и покупкѣ для насъ негодны и дороги; другое, что изъ оныхъ же старыхъ винъ, каковы есть изъ лутчихъ, сто анталовъ искупя и по первому пути до Кіева выслать стараться будете. И оное по вашему репортамъ противорѣчіе намъ удивительно тѣмъ, что намѣрены купить такія, которыя сами описываете негодными для насъ; а въ указѣ вамъ данномъ въ 5 пунктѣ написано имянно, чтобъ вина, какъ старья такъ и молодья, были на нашъ вкусъ потребныя, а какія вина на нашъ вкусъ потребны, то вы знаете, и для того негодныхъ для насъ старыхъ винъ не покупайте, но вмѣсто того старайтесь молодыхъ добрыхъ и для насъ годныхъ винъ покупать сколько возможно болѣе, а паче для добраго роду сей осени, чего иногда и долго не будетъ. Что же вы пишете, что нашли

одинъ анталъ «1727 года» вина, который исполненъ всѣхъ добротъ, и еще сказываютъ есть такихъ четыре, за которые по сту по дватцати червонныхъ просятъ, и оныя пять анталовъ, не смотря на высокую ихъ цѣну, только бѣ угодныя на нашъ вкусъ были. купите, и ежели еще такой же доброты явятся тѣ, о которыхъ пишете въ концѣ, дватцать анталовъ, то и тѣхъ не пропускайте. И изъ оныхъ купленныхъ три антала отправьте къ намъ съ симъ посланнымъ, какъ выше писано. А что вы писали къ намъ о запрещеніи вамъ въ покупкѣ сухогрозна **), и о томъ дали знать тайному совѣтнику Ланчинскому въ Вѣнѣ, то мы надѣемся, что въ томъ позволеніе онъ заблаговременно исходатайствовалъ. И ежели время уже прошло сухогрозно на дѣло вина доставать, то старайтесь купить сдѣланнаго вина изъ сухогрозна. При репортѣ же вашему отъ 10 числа Октября прислали вы представленіе на 8 пунктѣ даннаго вамъ указу о покупкѣ садовъ тринадцати и трехъ домовъ съ погребями въ разныхъ мѣстахъ, и на тое покупку требуете десяти тысячь червонныхъ; но въ томъ данномъ вамъ указѣ написано откупать сады, а не покупать, и между откупа и купли разнь великая. И по силѣ того даннаго вамъ указу, надлежитъ, въ будущую весну и до осени какъ поспѣетъ виноградъ, еще присматривать лутчихъ садовъ для откупа или и для покупки, ежели возможно будетъ купить, дабы напередъ видѣть, за что еще откупъ платить и чтобъ оно было въ одномъ мѣстѣ для лутчаго усмотрѣнія; а въ разныхъ мѣстахъ и усмотрѣть невозможно. И въ откупѣ смотрѣть надобно, что будетъ

**) Вѣроятно сухо-грозно значитъ завялыя гроздія (грезно употребляется вм. гроздіе), изъ коихъ, быть можетъ, добывалось особое, лучшее вино.

*

*) По словарю В. И. Дала: анталъ—боченокъ, анкерокъ Венгерскаго вина въ 60 бутылкохъ.

прибыли, предъ тѣмъ какъ купить сдѣланное вино или виноградомъ на дѣло вина покупать, а особливо въ покупкѣ смотрѣть требуемую цѣну, и при томъ годовой расходъ на содержаніе оныхъ садовъ работниками и строеніемъ, а потомъ колико изъ тѣхъ покупаемыхъ садовъ можетъ и на сколько по тамошней цѣнѣ вина выходить. И о томъ о всемъ обстоятельное извѣстіе напередъ къ намъ прислать; какимъ путемъ или во Гданскъ Вислою-рѣкою, то отдаемъ на ваше разсужденіе *). И хотя извѣстно, что сухимъ путемъ на Кіевъ возить многимъ больше расходу станетъ, предъ тѣмъ какъ Вислою во Гданскъ возить, да когда винамъ молодымъ поврежденіе можетъ быть отъ моря, какъ вы пишете (хотя еще сами того не пробовали) то однакожь отправьте и Вислою-рѣкою въ Гданскъ десятую часть вина стараго и молодого, сколько у васъ въ покупкѣ и сдѣлано будетъ, всѣхъ сортовъ, каковыхъ отправите на Кіевъ, дабы знать подлинно, будетъ ли отъ моря винамъ поврежденіе или нѣтъ; и куды сколько и когда отправлять и съ кѣмъ будете, о томъ пишете въ Вѣну и въ Польшу къ министрамъ нашимъ, дабы они, заблаговременно пашпорты исходатайствовать, къ вамъ прислали.

«Елисаветъ».

въ 13 Ноября 1745
въ Санктъ-Петербурхѣ.

IV.

Господинъ генераль-майоръ!

Пишите вы, что нынѣшняго году вина будутъ таковы какъ 1719 и 1727 годовъ были, ежели чрезъ двѣ недѣли худшею погодою не отмѣнится, а у васъ на покупку винъ денегъ нѣтъ: и для того мы велѣли

*) Говорятъ, что въ Венгріи до позднѣйшаго времени еще были Русскіе царскіе виноградники.

чрезъ нашего въ Вѣнѣ обрѣтающагося тайнаго совѣтника и чрезвычайнаго посланника Ланчинскаго къ вамъ перевезть до шести тысячъ червонныхъ, а вамъ повелѣваемъ покупать самыя лутчія вина по прежнему указу, данному вамъ въ 1745 году, а столовыхъ низкой цѣны и низкой доброты винъ не покупайте; такожь и изъ нашихъ винницъ, ежели будутъ сухогрозныя, то пришлите, а ординарныя тамъ продайте.

«Елисаветъ».

«И когда вы распорядите, то желаемъ свасъ въ Москвѣ здоровыхъ видить».

въ 4 Ноября

1748 года.

въ Санктъ-Петербурхѣ.

ПИСЬМА О ДОНТОРѢ САНХЕЦѢ.

Оба письма безъ подписи, потому что списаны (въ точности) не съ подлинниковъ, а съ отпусковъ, находящихся въ архивѣ конференціи Имп. Акад. Наукъ, откуда и сообщены намъ Л. Н. Майковымъ. Первое письмо писано, по всему вѣроятію, канцлеромъ Бестужевымъ, а второе президентомъ академіи наукъ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Императрица тогда жила въ Москвѣ и окрестностяхъ ея.

Антоніо Санхець или, какъ у насъ его называли, Саншесъ, португальскій уроженецъ, вѣроятно еврейскаго происхожденія, род. въ 1699 г. въ Пенамкорѣ, ум. въ Парижѣ въ 1783. Онъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ врачей прошлаго вѣка. Въ 1731 г., чрезъ посредство Бюергава, императрица Анна вызвала его изъ Лейдена въ Москву; онъ сдѣлался придворнымъ медикомъ, завѣдывалъ медицинскою частью въ войскахъ, въ кадетскомъ корпусѣ и пр.; и кромѣ того, благодаря своей обширной учености, былъ членомъ нашей академіи наукъ. Ему поручено было здоровье Іоанна Анто-

новича, и французскій биографъ его (Biogr. Universelle, Didot) замѣчаетъ, будто онъ долженъ былъ оставить Россію по причинѣ своей приверженности къ сему предшественнику Имп. Елисаветы Петровны. Но едва ли замѣчаніе это вѣрно, такъ какъ еще въ 1744 г., на третій годъ по воцареніи Елисаветы, Саншесъ лечилъ Екатерину, тогда цесвицу Великаго Князя Петра Феодоровича (XVIII-й в. I, 45, вт. изд.). Стоитъ замѣтить, что онъ уѣхалъ отъ насъ въ Парижъ вскорѣ послѣ ссылки Лестока. Позднѣе, Саншесъ сохранялъ сношеніе съ русскими вельможами (Р. Арх. 1864, 386 и 396). На старости лѣтъ онъ занимался исключительно наукою и лечилъ даромъ бѣдныхъ людей, что разстроило его средства, и Русскіе помогали ему. Уже при Екатеринѣ, по просьбѣ И. И. Бецкаго, онъ написалъ книгу: «О парныхъ Россійскихъ баняхъ, поелику споспѣшествуетъ онѣ укрѣпленію, сохраненію и возстановленію здравія. Сочиненія господина Саншеса, бывшаго при дворѣ Ея Имп. Вел. славнаго медика. Переведена съ французскаго рукописанія доставленнаго Имп. Воспит. дому для изданія въ пользу общества. Печатано 1779 г. при сух. шлях. кад. корп. 4^о. 2 нек., XXII п 46 стр.» Чертк. Библ. А. IV, 5 (36). Изъ предисловія видно, что авторъ «не малое время находился при войскахъ Россійскихъ, съ которыми неоднократно бывалъ въ походахъ». Книга начинается: «При окончающихся дняхъ моей жизни, посвященныхъ службѣ Имперіи Россійской, не могу, кажется, совершить ихъ съ большею для оныя пользою, какъ показавъ свойства бань, употребляемыхъ ея обитателями со временемъ глубокаго древности.... Чудно покажется, что я первый осмѣлился писать о свойствахъ бань Россійскихъ; а особливо, когда уже тому болѣе ста лѣтъ какъ въ

Россіи, при Дворѣ и при арміи, всегда были искусные врачи, Нѣмцы, Англичане, Голландцы, Итальянцы и Греки, изъ коихъ однакожъ еще ни одинъ не писалъ о баняхъ».

Книга Саншеса позднѣе явилась и по-французски.

Увольненіе этого полезнаго челоуѣка изъ Русской службы находится въ связи и съ общою правительственною мѣрою того времени. Извѣстно, что Елисавета Петровна, вѣрная мысли родителя своего, приказала изгнать изъ Русскихъ предѣловъ вообще всѣхъ Евреевъ (умножившихся было во времена бироновщины), и когда Сенатъ докладывалъ ей о томъ, что Евреи полезны для торговли Южно-русскаго края, она положила такую резолюцію: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли» (Полное Собр. Зак. томъ XI, № 8840, отъ 16 Дек. 1743 г.). О томъ, что такое Евреи для Малороссіи, Императрица могла хорошо знать отъ любимца своего, казака Разумовскаго. П. Б.

1) Къ графу К. Г. Разумовскому въ Москву.

Monseigneur,

Sur la lettre que V. Exell. m'a fait l'honneur de m'écrire je n'ay rien autre chose à luy repondre, que ce que Mr. Sanches étoit inquieté d'une chose qui n'a absolument rien contribué à sa disgrace.

Sa Maj-té Imp. ma gracieuse Souveraine a tous les égards pour les savans, et même Elle protège les arts et les sciences au suprême degré. Mais, Monseigneur, Elle veut aussi que ceux qui sont dans son Academie soyent de même de bons Chretiens. Et on a informé Sa Maj. Imp. que le Doct. Sanches ne l'est pas. Ainsi c'est son Judaïsme et point de causes politiques, à ce que je sçache, que luy foit

perdre sa place. Je suis avec de profond respect, Monseigneur,

Votre très humble et très obeissant serviteur

à Moscou ce d'Avril, 1749.

Переводъ. Милостивый государь. На письмо, коимъ почтило меня Ваше Сіятельство, я могу отвѣчать лишь то, что г. Санхецъ обезпеченъ обстоятельствомъ, которое вовсе не было поводомъ къ его опалѣ. Ея Императорское Величество, моя всемилостѣвѣйшая государыня, любить ученыхъ, и даже въ великой степени покровительствуетъ искусствамъ и наукамъ; но, мил. государь, она желаетъ также, чтобы находящіеся въ ея Академіи были въ то же время добрыми христіанами; а Ея Имп. Величество узнала, что докторъ Санхецъ не изъ числа таковыхъ. И такъ, сколько мнѣ извѣстно, причиною, по которой онъ лишился своего мѣста, есть его Жидовство, а вовсе не обстоятельство политическое. Съ глубокимъ почтеніемъ, мил. государь, есмь вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга. Москва, Апрѣля 1749.

2) Письмо къ доктору Санхецу въ Парижъ.

Monsieur.

Vous avez très bien fait d'avoir obei aux ordres de Sa Majesté Imp. Elle n'est pas fâchée contre Vous, autant que je sache, à cause d'une faute ou d'une infidélité faite directement contre Elle ou contre Ses intérêts. Mais Elle croit que Sa conscience ne Luy permet pas de laisser un homme dans Son Academie, qui, ayant quitté l'Etendart de Jesus Christ, s'était laissé entraîné de combattre sous celui de Moysse et des Prophetes du Vieux Testament. Voicy, Monsieur, la veritable cause de Votre disgrâce. Non obstant tout cela, j'ay fait payer à vos ordres les 500 R.

pour les livres à Mr. Vigor, et j'ay ordonné de Vous payer de même Votre pension jusqu'au jour que Sa Maj. Imp. avait ordonné de Vous exclure du nombre des Academiciens, avec 238 R. qui fait exactement la somme que nous Vous devons. Si Vous avez fait encore quelques autres depenses pour l'Academie, en-voyez moi le compte; je Vous le rembourseray, étant très parfaitement, Monsieur, etc.

Переводъ. Милостивый государь! Вы очень хорошо сдѣлали, оказавъ повинованіе повелѣнію Ея Императорскаго Величества. Сколько мнѣ извѣстно, Она прогнѣвана на Васъ не за какой либо проступокъ или невѣрность, совершенные непосредственно противъ Нея или Ея интересовъ. Но Она полагаетъ, что было бы противно Ея совѣсти имѣть въ своей Академіи такого человѣка, который, покинувъ знамя Исуса Христа, рѣшился дѣйствовать подъ знаменемъ Моисея и вѣтхозавѣтныхъ пророковъ. Вотъ, мил. гос., истинная причина Вашей опалы. Тѣмъ не менѣе, я приказалъ, по назначенію Вашему, уплатить г. Вигору 500 р. за книги, а равно и переслать Вамъ Ваше жалованье по тотъ день, когда Ея Императорское Величество повелѣла исключить Васъ изъ числа академиковъ, съ 238 рублями, что и составляетъ вполнѣ ту сумму, которую мы Вамъ должны. Если Вы еще сдѣлали какія либо издержки для Академіи, пришлите мнѣ счетъ, и онъ будетъ уплаченъ. Примите и пр.

ИЗЪ СОВРАНІЯ АВТОГРАФОВЪ ПРИНАДЛЕЖАЩАГО П. И. САВВАЙТОВУ.

Екатерины II-й

Письмо къ Графу И. Г. Чернышеву ¹⁾.

Графъ Иванъ Григорьевичъ.

Не миръ заключенъ, а прелиминары 31

¹⁾ Письмо это относится къ окончанію второй Турецкой войны, и къ приготовленіямъ въ мор-

Юля подписаны какъ визиремъ, такъ и княземъ Репиннымъ. Въ оныхъ признано: Дибстръ—рѣка за живую границу между обѣихъ имперій, Канарджискій миръ и къ оному принадлежація конвенціи, также комерцъ- трактатъ признаны и возстановлены въ свой силѣ; слѣдовательно основа мира сдѣлана. Теперь ткачей назначаютъ, кои ткать будутъ; а сколько на то время употребятъ, Богу извѣстно. Основа добра; а что выдетъ, увидимъ. Сіе происходило пока здѣсь (по изреченію оберъ-шталмейстера Нарышкина) четыреножной *) союзъ вель рѣчи, кои также кончились съ ихъ стороны съ безспорнымъ признаніемъ справедливости живой границы по Дибстръ. Почему, не видя нужды въ пріемъ гостей, разоружили мы морское ополченіе. Что вы послѣдному пропзшествію рады, о семъ не сумѣваюсь. Не мнѣ, но Богу благодареніе приноситъ долженствуемъ за успѣхи на морѣ и на сушѣ храбрыхъ и неподобныхъ войскъ Россійскихъ, выведшихъ имперію и преодолевшихъ всѣ трудности и каверзы завистующихъ и злодѣйствующихъ. Мнѣ же осталось только сдѣлать употребленіе изъ оныхъ успѣховъ къ пользѣ имперіи, въ чемъ также Богъ помогъ. Желаю вамъ скорого выздоровленія. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Августа 13 ч.
1791 года.

Vous avés signé si bien votre nom, que je crois que vous comencerez bientôt à grifoner des billes doux 3).

скомъ вѣдомствѣ на случай нападенія Англичанъ. Гр. Чернышевъ пачальствовалъ адмиральтействъ—коллегією. Сл. Записки Храповицкаго, стр. 247.

*) Т. е. Турція, Англія, Пруссія и Швеція.

3) Вы такъ хорошо подписали свое имя, что, думаю, начнете скоро царапать любовныя записки.

Павла Петровича.

1

Писано къ нему же по случаю кончины брата его графа Захара (29 Августа 1784).

Гатчина. Сентября 2. 1784.

Съ крайнимъ прискорбіемъ увѣдомился я, графъ Иванъ Григорьевичъ, о печали вашей. Я ее тѣмъ болѣе съ вами дѣлю, что чувствую сію потерю. Вамъ извѣстно разположеніе мое и къ вамъ самимъ и къ брату вашему. Пекитесь о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ невѣстки вашей, которую прошу увѣрить о участіи сердечномъ принимаемомъ мною. Есмь на всегда вашимъ вѣрнымъ

Павель.

Далѣе на оборотъ, рукою Мариі Теодоровны написано:

Je partage bien sensiblement Votre peine, Monsieur le Comte, et en donnant des regrets sincers à la perte que Vous et nous faisons dans la personne du Maréchal Votre frère, je fais bien des vœux pour Votre santé et pour celle de Madame Votre belle-soeur que je Vous prie d'assurer de mon souvenir en lui temoignant combien je suis sensible à sa douleur. Si les regrets généraux qu'on donne à la perte qu'elle vient de faire peuvent l'adoucir, elle et Vous, Monsieur le Comte, devez trouver une vraie consolation dans les sentiments qu'on portoit à Monsieur votre frère, et qu'on manifeste dans ce moment-ci. Mon estime pour lui Vous étoit connue, et il ne me reste plus rien à ajouter que les vœux pour que des evenements heureux, dans la suite des tems, Vous servent de consolation; c'est le desir sincere de

Ваше благожелательное

Marie.

Переводъ. Графъ, чувствительно раздѣляю печаль вашу и искренно сожалѣю о

потерѣ, понесенной вами и нами въ особѣ фельдмаршала, вашего брата. Молюсь о здоровьи вашемъ и вашей невѣстки; прошу васъ, передайте ей, что я ее вспоминаю и засвидѣтельствуйте, какъ я чувствительна къ ея горести. Всѣ вообще сожальють о понесенной ею утратѣ. Она и вы, графъ, можете найти себѣ истинное утѣшеніе въ тѣхъ чувствахъ, съ которыми всѣ относились къ вашему брату и которыя теперь всѣми выражаются. Вамъ извѣстно мое къ нему уваженіе. Остается мнѣ прибавить, что я молюсь, дабы со временемъ счастливыя обстоятельства послужили вамъ утѣшеніемъ. Это—искреннее желаніе благоклонной къ вамъ Маріи.

2.

С.-Петербургъ. Генваря 21. 1798.

Александръ Андреевичъ. Кочубей ко мнѣ пишетъ въ письмѣ вчера мною полученномъ, какъ будто бы Турки, будучи по слабости своей убѣждены Французами, подъ видомъ супротивленія противу Позвантъ-оглу, собирають войско съ тѣмъ, чтобъ, соединя его съ войскомъ же Позвантъ-оглу, французскимъ идущимъ чрезъ прибережныя Адриатикѣ земли и австрійскимъ, заключившими на то союзъ, обратятся на меня, взявъ за претекстъ возстановленіе Польши. Письмо сіе многосложно, содержитъ въ себѣ и противорѣчія, писано при отъѣздѣ отъ мѣста, однимъ словомъ содержитъ и многія примѣчанія по поводу торговли, таможенъ и пошлинъ, побудило меня къ вамъ прямо отнестись и спросить, такъ ли и вы сіе все видите и что вамъ изъ своего пункту кажется и по вашему благоразумію и испытанію. Во всякомъ случаѣ ожидаю отъ васъ увѣдомленія и даже скажу руководства, дабы по сему мнѣ взять свои мѣры осторожности. Отсель впрередъ и для неизвѣстности

каковъ Тамара ¹⁾, буду съ вами въ перепискѣ частной между нами двумя. По сему будете несумнѣнны, что есмь вашимъ благоклоннымъ

Павелъ.

На конвертѣ собственноручная надпись:
Г. генералу отъ пинантерин Беклешову.

На оборотѣ письма помята: Полученъ въ Каменцѣ 28 Генваря съ фельдгегеремъ.

Князя Потемкина-Таврическаго.

19 Іюля 1788.

Къ Нащокину ²⁾.

Я знаю, мой другъ Воинъ Васильевичъ, что ты желалъ бы быть здѣсь, но я въ разсужденіи твоего здоровья, а паче по крайней нуждѣ имѣть тебя въ Херсонѣ и другихъ тамошнихъ частяхъ, такъ сказать правой моей рукой, прошу потрудиться тамо. Я когда принялъ на себя тебѣ доставить добро, то будь увѣренъ, что ты ничево не потеряешь и не меньше труды твои важны.

Вѣрный вашъ другъ и слуга
Кн. Потемкинъ-Таврическій.

МНѢНІЕ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

Понеже сдѣлана въ прошломъ 1766-омъ году амблематъ, то-есть задачъ ³⁾: рѣшить что полезнѣе ради поселянъ—быть ли имъ обладателями одного движимаго имѣнія или недвижимаго къ пользѣ государства, на что

¹⁾ Назначенный въ Константинополь на мѣсто Кочубей.

²⁾ Отцу Пушкинскаго друга, Павла Воиновича.

³⁾ Извѣстное предложеніе Вольнаго Экономическаго Общества, сдѣланное по мысли и съ участіемъ Екатерины и графа Г. Г. Орлова. Подробности см. въ Р. Архивѣ 1865 г., въ запискѣ А. Я. Полѣнова объ освобожденіи крестьянъ. Задача рѣшалась одновременно съ коммисією о сочиненіи новаго уложенія. П. Б.

всепокорно доношу и низжайше прошу двѣ причины мнѣ зачесть въ отпущеніе: 1-ое, опоздалъ я вышерѣченный амблематъ рѣшить за болѣзнію моею, что я пролежалъ весь прошлый годъ жестокой лихорадкой; 2-ое, штнль мой, то-есть композиція, не очень исправна, идеографія во ономъ композическомъ штнлѣ не имѣется. Того для прошу смотрѣть на мое мнѣніе, а не на композицію, понеже я человѣкъ неграматическій и никакихъ исторій отъ роду не читывалъ.

1-ое.

На Руси крестьяне никакого недвижимаго имѣнья не имѣютъ, понеже пахотная земля, сѣнокосы и земли собственные помѣщичьи, также и усадьбы ихъ принадлежатъ помѣщикамъ, а все то родовое, пожалованное или купленное.

2-ое.

Избы, коровы, овцы, пчелы и прочее принадлежатъ имъ, крестьянамъ, чего у нихъ добрые помѣщики не отымаютъ, а во время скудости еще и кормятъ, даютъ имъ лошадей и всѣхъ ихъ ссужаютъ, какъ домочадцевъ; а безъ того многіе бы помирали съ голоду, ибо на чтó давать кормъ каждому коню?

3-ье.

При такой своей свободѣ крестьяне будутъ огурничать еще больше, какъ нынѣ, и на обширной Россійской землѣ будутъ переходить съ мѣста на мѣсто, дѣлая помѣшательство въ государственныхъ сборахъ; а за моремъ, у неправославныхъ христіанъ, за грѣхи ихъ, по числу людей земли имѣется весьма малая толпка, такъ каждый крестьянинъ радъ тому, что онъ отжухарится.

4-ое.

У крестьянъ съ помѣщиками, еслибы крестьяне были бы на заморскомъ основаніи, была бы тяжба безконечная, и ихъ

сіятельства фелдм. и фелдцехмей., командующіе славною Россійскою арміею, были бы принуждены на огурничковъ бить челомъ комиссарамъ; а у насъ, на Руси, огурничковъ больше, нежели въ заморскихъ краяхъ, понеже тамъ крестьяне грамотны, а у насъ, на Руси, поупущеніемъ Божиимъ, и попы не всѣ гораздо грамотны; а чтобъ крестьяне любили ближняго, о томъ отцы духовные и не напоминаютъ, и нерѣдко сами съ ними нѣяствуютъ, воруютъ и ходятъ на разбой.

5-ое.

Служители господскіе всѣ люди крѣпостные, да и холопы всѣ положены въ подушный окладъ; слѣдовательно, они имѣютъ быть якобы поселяне, изъ которыхъ помѣщики научаютъ не только камардинству, но и столярству и партесному пѣнію; того ради, ежели бы поселяне по заморскому отъ господъ зависѣли, такъ бы у иного помѣщика некому было и студено искрошить, а не только сдѣлать какой фракасей, то-есть, поливай, или супа, то-есть похлебки, или почтета, то-есть пирога. А за моремъ фракасейскихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни ложки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все същещь.

6-ое.

Какъ наша Россія многонародна столько будетъ, какъ Галанское Королевство, попы наши такъ грамотны будутъ, какъ попы иноземскіе, дворяне — такіе острономы, какъ аглинскіе и французскіе, а крестьяне знать будутъ букварь, и слѣдовательно, будутъ совѣстнѣй и больше будутъ повиноваться страху Божию и чаще станутъ ходить въ церкви, нежели въ питейные дома, не будутъ на Волгѣ разбивать струговъ, и наша чернь о мастерствахъ заморскихъ лучшее понятіе (пропущено: полу-

читать) умѣе станеть, тогда можно будетъ имъ, крестьянамъ, быть на заморскомъ основаніи. А сіе мое композическое сочиненіе—сущая, не ложная правда.

*

Изъ рукописнаго сборника конца прошлаго вѣка, принадлежащаго А. О. Бычкову. Въ сборникѣ это *мнѣніе* приписано Сумарокову и потому названо «Голосомъ Сумарокова»; но это, очевидно, произошло по недоразумѣнію: собиратель, вѣроятно, зналъ о томъ, что А. П. Сумароковъ былъ противъ освобожденія крестьянъ. Мнѣніе сатирика объ этомъ предметѣ напечатано цѣликомъ въ «Исторія Имп. Вольнаго Эконом. Общества» (Спб. 1865), стр. 24—25; см. также статью С. М. Соловьева о 1767 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1861 г.

Л. Майковъ.

МАНИФЕСТЫ ПУГАЧЕВА.

I.

Божіею милостию Мы, Петръ третій, Императоръ и Самодержецъ всея Россіи и прочая.

Антиповской станицы г. атаману Ивану Платонову съ старшинами и всей Антиповской станицѣ объявляется всенародное извѣстіе.

Уповательно всей Россіи безъизвѣстно, которой уже большая половина подъ скипетръ и корону Нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась, и признавъ Насъ, обстоятельно увѣривъ о точномъ Нашемъ имени, а особдво нѣсколько Донскаго и Волжскаго войска, оказываетъ къ Нашей службѣ ревность и усердіе: того ради и вамъ г. атаману Платонову съ войскомъ посылаемъ всемилостивѣйшій Нашъ именной указъ съ Монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ, и повелѣваемъ: по прибытіи Нашемъ съ арміею, учинить пристойное стрѣтеніе; поуже

завтра въ половину дня прибыть вмѣемъ; для чего быть готовымъ въ Нашу службу; а злодѣевъ дворянъ всячески стараться искоренить: въ вѣрность чего за подписаніемъ собственной Нашей руки и приложеніемъ короны указъ сей данъ Августа 10 дня 1774 года.

Петръ.

II.

Божіею милостию Мы, Петръ третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется города Царьцына Донскаго войска казачьимъ старшинамъ и всему Донскому войску во всенародное извѣстіе.

Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что подъ скипетръ и корону Нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ, по прежней своей присягѣ, склонилась; сверхъ того нѣсколько Донскаго и Волжскаго войска оказываетъ на службѣ Нашей, въ искорененіи противниковъ, разорителей и возмутителей Имперіи — дворянъ, ревность и усердіе, и получили себѣ свободную вольность и Нашу Монаршую милость и награжденіе древняго святыхъ отецъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами. Того ради какъ Мы всемилостивѣйшій Монархъ и попечитель обо всѣхъ подданныхъ рабахъ желаемъ приклонить въ единственное вѣриподданство всѣхъ и васъ, и видѣть доказательство къ службѣ Нашей ревность отъ васъ; вы же нынѣ помрачены, но и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытятся Россіею, но и природное казачье войско хотѣли раздѣлить въ крѣпость свою и истребить казачій родъ. Мы однако, по власти Всевышней Десницы, надѣялись, что вы, признавъ оказанныя противъ Нашей

Монаршей власти и своего Царя противности и звѣрскія стремленія, которыя вамъ всегда будутъ въ погубель и повелителямъ вашимъ, раскаетесь и придете въ чувство покаянія, за что можете получить Монаршее Наше прощеніе и сверхъ того награжденіе также, какое получили отъ Насъ склонившіеся въ вѣрнопопданство рабы; въ свидѣтель-

ство того Мы собственною рукою подписать оизволили Августа 13 дня 1774 года.

Петръ.

*

Эти два манифеста въ 1849 г. были сообщены въ копіяхъ г. А. Леопольдовымъ въ Императорское Русское Географическое Общество, изъ архива котораго и заимствованы.

Л. Майковъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ *).

Въ концѣ февраля 1798 года пришло въ Ярославль извѣстіе о намѣреніи императора Павла Петровича посѣтить Ярославскую губернію на обратномъ пути изъ Казани въ Петербургъ. Понятно, что эта новость сильно встревожила мѣстную администрацію. Генераль-прокуроръ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, давая знать о такомъ высочайшемъ намѣреніи ярославскому губернатору, тайн. совѣт. Николаю Ивановичу Аксакову, обязалъ его принять заблаговременно всевозможныя мѣры, чтобы императоръ нигдѣ не встрѣтилъ задержки въ дорогѣ, согласно избранному имъ маршруту¹⁾. Этотъ самый маршрутъ и поставилъ всѣхъ въ тупикъ. Извѣстно было, что государь любитъ точное, буквальное исполненіе его воли, и наказываетъ за противорѣчіе, хотя бы и маловажное; между тѣмъ везти его, не отступая отъ указаннаго имъ направленія (черезъ Ярославль, Рыбинскъ, село Березово, деревню Красное, деревню Большой-Дворъ и т. д. до Устюжны), представлялось дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ. Могло случиться ужас-

ное несчастіе—императоръ, со всею свитою, и его августѣйшіе сыновья, Александръ и Константинъ, могли утонуть въ бездонныхъ болотахъ.

Вся задача состояла въ томъ, что «высочайшее шествіе» предположено было совершить *льтома*, но по *зимнему* пути въ такой мѣстности, «гдѣ только одни мужики «ходили черезъ болота по бревенчатымъ «лавамъ»²⁾, то-есть по сколоченнымъ на живую руку мостикамъ. Мужики иногда попадали въ трясины и тонули безслѣдно.

Аксаковъ не зналъ, что дѣлать. Даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, ему слѣдовало ожидать дурныхъ событій и сценъ, въ видѣ измученныхъ лошадей, грязнувшихъ экипажей и проч., а въ концѣ-концовъ—немилости государя. Опасаясь рѣшить этотъ щекотливый вопросъ собственной властью, Аксаковъ передалъ его, для обсужденія, въ губернское правленіе, которое и отправило землемѣра Коренева изыскивать другую, вполне безопасную дорогу, съ тѣмъ чтобы онъ руководствовался какъ своими соображеніями, такъ и показаніями окольных жителей; а для того, чтобы они не толковали пустяковъ, а говорили одну

*) Слѣхи во 4-й книгѣ XVIII вѣка статья о пребываніи императора Павла въ Казани и Владимирѣ.

1) Письмо кн. А. Б. Куракина отъ 11 февраля 1798 года за № 2051.

2) Архивное дѣло «о высочайшемъ шествіи по Ярославской губерніи», л. 2. Въ этомъ дѣлѣ 213 листовъ.

сущую правду, подъ страхомъ отвѣтственности,— велѣно было отбирать всѣ показанія на бумагѣ: словамъ не вѣрили ³⁾! Затѣмъ Н. И. Аксаковъ донесъ князю Куракину: «Отнынѣ, чтобы государь императоръ «безъ остановки и спокойно изволилъ проѣхать по Ярославской губерніи, первымъ «моимъ попеченіемъ будетъ», — и затѣмъ, конечно, съ душевнымъ волненіемъ, объяснялъ, ради чего нельзя исполнить воли монарха со всей точностью. «Отъ Рыбинска, по тракту, селенія Березово и Красное хотя лежатъ на прямомъ пути къ Устюжнѣ, но по дорогѣ зимней, гдѣ лѣтомъ «никакого проѣзду нѣтъ, потому что дорога «отъ Рыбинска до Березова—рѣкою Шексною по льду, далѣе до Краснаго частію «дугами, болотами и опять по Шекснѣ; отъ «Краснаго тоже дугами и болотами; отъ «Большого-Двора къ Веси-Ёгонской, по вѣрному моему разслѣдованію, два сущія болота, изъ коихъ одно на 15 верстѣ, и «по немъ зыбь, и оно, какъ увѣряютъ, «болѣе похоже на заросшее озеро, потому «что въ нѣкоторыхъ озеркахъ ни прямо, на подъ берегъ dna достать не можно. Словомъ: отъ Веси-Ёгонской до Краснаго и до Рыбной лѣтомъ ни на чемъ проѣхать «нельзя!» ⁴⁾. Аксаковъ донесъ о командировкѣ землемѣра и ждалъ отвѣта.

Между тѣмъ во всѣ уѣзды города разосланы указы съ извѣстіемъ о предстоявшемъ посѣщеніи государя ⁵⁾. Начальство требовало, чтобы «каждый изъ служащихъ былъ совершенно исправенъ къ своей должности». За мелкой приказной братіей стали слѣдить особенно внимательно, наблюдая, чтобы она не предавалась

чрезмѣрному пьянству, отъ котораго не разъ бывали уже большія бѣды. Какое вниманіе обращалъ иногда Павелъ I на похождения губернскихъ чиновниковъ, видно изъ слѣдующаго случая: шелъ одинъ приказный по мосту, пьяный, упалъ въ воду и утонулъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ разгнѣвался, сдѣлалъ невыгодное заключеніе объ ярославскихъ чиновникахъ и въ собственноручномъ рескриптѣ заявилъ губернатору крайнее свое неудовольствіе ⁶⁾. Вообще Павелъ I терпѣть не могъ пьяницъ, а Ярославцы—служилые люди, въ его время, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, особенной трезвостью не отличались, за чтѣ и попадали въ смирительный домъ.

Вскорѣ пріѣхалъ землемѣръ и донесъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Донесеніе это вполне подтверждадо высказанную Аксаковымъ необходимость въ перемѣнѣ маршрута, а потому Аксаковъ вторично сообщилъ кн. Куракину, по какой дорогѣ нужно ѣхать высокому путешественнику, именно: отъ Рыбинска къ городу Мологѣ и потомъ черезъ селенія Дубецъ, Брейтово и Горинское (Мологскаго уѣзда) и Сулово (Вѣжецкаго уѣзда) въ Весьёгонскъ ⁷⁾.

Съ наступленіемъ весны занялся починою этой дороги. Такъ-какъ и она была въ жалкомъ состояніи, то работы было вдоволь; помѣщичьи и казенные крестьяне строили мосты, клали гати, рыли водоотводныя каналы. Земская полиція и уѣзды предводители дворянства каждую недѣлю рапортовали губернскаму правленію что починено, что выстроено вновь; если спущена вода съ дороги, то куда: въ рѣку или въ другое мѣсто? Вообще ярославскія власти не хотѣли упустить изъ виду ни одной

³⁾ Указъ землемѣру 24 февраля за № 3896.

⁴⁾ Письмо Н. И. Аксакова отъ 25 февраля за № 181.

⁵⁾ Указы отъ 1-го марта за №№ 44—448860.

⁶⁾ Подлинникъ въ Ярославскомъ губернскомъ правленіи.

⁷⁾ Письмо отъ 4 марта за № 209.

подробности ⁸⁾ Къ первымъ числамъ юня все было улажено, и Аксаковъ успокоился, получивъ свѣдѣніе, что новый маршрутъ утвержденъ императоромъ. Слѣдуетъ замѣтить, до чего простиралось рвеніе полицейскихъ чиновъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога шла между старыми овинами; Мологскій земскій судъ донесъ, что было бы хорошо всѣ таковыя овины перенести куда-нибудь подальше; но, къ чести губернскаго начальства, означенное представленіе не имѣло успѣха. Ретивый Мологскій исправникъ Дмитрій Михайловъ получилъ отвѣтъ, что «на переноску строеній безъ воли хозьяевъ, а паче безъ крайней нужды, почитая оное для нихъ отягощеніемъ, губернскаго правленіе согласія дать не можетъ» ⁹⁾. Впрочемъ, съ казенными домами церемонились меньше. При самомъ въѣздѣ въ Рыбинскъ стояли ветхія казенныя строенія, между прочимъ кабакъ; исправлять ихъ было уже поздно, а потому признали за благо сломать ¹⁰⁾.

Вступленіе высочайшаго поѣзда въ предѣлы Ярославской губернии назначено было сперва 8 юня, но потомъ, какъ увидимъ, срокъ этотъ ускорили, ибо императоръ торопился въ столицу, гдѣ ожидали его обыкновенныя занятія. Вездѣ онъ останавливался только на короткое время. Для станцій въ Ярославской губернии, послѣ измѣненія маршрута, утверждены были слѣдующія мѣста: село Туношна (Ярославскаго уѣзда), Ярославль, Романовъ, деревня Киндяки, Рыбинскъ, Молога, деревня Дубецъ, село Брейтово и село Горинское. Въ одной изъ этихъ станцій, въ Киндякахъ, весьма опасались принять его величество, ради того, что середину деревни занималъ прудъ съ гни-

лой, вонючей водой. Губернскій предводитель дворянства, Александръ Осиповичъ Кожинъ, донесъ Аксакову о необходимости замѣнить эту станцію другою, и указывалъ для того на ближайшее село Анисимово, гдѣ находился хорошій барскій домъ съ мебелью, «а въ Киндякахъ, писалъ Кожинъ, «крестьянскія избы весьма ветхи и малы, такъ что для обѣденнаго стола нѣтъ ни «единой способной» ¹¹⁾. Аксаковъ отвѣчалъ, что «онъ никакъ не осмѣливается самъ собою перевести станцію», и требовалъ удаленія дороги отъ опаснаго пруда; «для высочайшаго же обѣда—избрать сарай, которому легко можно дать видъ изрядной «галереи». Кроме того, онъ распорядился отправкою въ Киндяки двухъ палатокъ, удобныхъ для помѣщенія по крайней мѣрѣ 50 человекъ ¹²⁾. На ходатайство уѣзднаго предводителя Рудина, о замѣнѣ Киндяковъ деревней Левиною, также послѣдовалъ отказъ губернскаго правленія, которое дало ему замѣтить, что мудрствованія въ дѣлѣ, утвержденномъ высочайшей властью, совершенно напрасны ¹³⁾. Такимъ образомъ оставалось только одно—украшать «преизрядно» сарай, т. е. дворецъ: въ современныхъ бумагахъ всѣ крестьянскія избы, гдѣ останавливался Царель I, называются не иначе какъ дворцами.

Время шло, а съ нимъ приходили и новыя заботы. Въ письмѣ князя Куракина ¹⁴⁾ изложено было «высокомонаршее соизволеніе, дабы на каждой станціи приготовить по «250 лошадей съ потребнымъ числомъ ямщиковъ и упряжкою». Сверхъ сего, для непредвидимыхъ случаевъ, повелѣвалось имѣть запасныхъ лошадей. Впослѣдствіи

⁸⁾ Дѣло о высоч. шеств., л. 62 и 63.

⁹⁾ Указъ 9 апрѣля за № 7163.

¹⁰⁾ Дѣло о высоч. шеств., л. 207, на оборотѣ.

¹¹⁾ Письмо отъ 14 мая за № 91.

¹²⁾ Письмо Аксакова отъ 15 мая за № 403.

¹³⁾ Указъ 20 мая за № 10861.

¹⁴⁾ Отъ 9 апрѣля за № 5006.

число ихъ увеличилось до громадной цифры: 535 на каждой станціи! ¹⁵⁾ Лошади были собраны «генерально со всей губерніи, не исключая ни единой положенной «въ подушный окладъ души, а именно: съ «мѣщанъ, фабричныхъ, крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, а также съ купцовъ». 300 душъ выставляли пару лошадей и извозчика «въ приличномъ одѣяніи», тоже—и каждый купецъ. Такъ опредѣлили на съѣздѣ своемъ въ Ярославлѣ, подѣ председательствомъ Аксакова, уѣздные предводители дворянства. Они нашли необходимымъ «для «соблюдения порядка и благоустройства изъ «братъ на каждой станціи по два человѣка «изъ дворянъ, людей достойныхъ и въ рас- «торопности опытныхъ, у коихъ быть симъ «извозчикамъ съ лошадьми въ точной ко- «мандѣ, и при случаѣ высочайшаго прибы- «тія наблюдать ямъ порядокъ въ распредѣ- «леніи лошадей къ каждому экипажу съ «извозчиками, по нумерамъ, чтобы въ слу- «чаѣ запряжки, по сиросу къ нумерамъ «экипажей, тѣ нумера въ ту жь минуту и «готовы были, и замѣшательства отнюдь «бы не было,.... и чтобы люди были при- «вычныя, а лошади смиренныя» ¹⁶⁾. По сдѣ- «ланной раскладкѣ, съ купцовъ приходилось 226 лошадей, остальные же податныя со- «словія должны были выставить ихъ, на пер- «вый разъ, 2677; но потомъ, вслѣдствіе «требованія унтеръ-штабмейстера Бычкова, «число это почти удвоилось.

Высочайшій поѣздъ состоялъ изъ 4 каретъ, 37 колясокъ и двухъ кибитокъ. Самъ императоръ и сопровождавшіе его великіе князья Александръ и Константинъ изволили сидѣть въ разныхъ коляскахъ. Особые экипажи назначались подѣ гардеробъ, для ка-

мердинера и парикмахера, для аптеки и аптекаря, для поклажи лейбъ-кучера, для казны и проч. При казнѣ находились сенатскій экзекуторъ Катенинъ и нѣкто господинъ Поскочинъ, «сенатскаго батальона офицеръ» ¹⁷⁾. Кухня обѣденная и кухня вечерняя занимали 8 колясокъ. Девять персонъ свиты сидѣли въ отдѣльныхъ экипажахъ; менѣе важныя персоны ѣхали по двое ¹⁸⁾.

Выборы въ комиссары при лошадяхъ совершились благополучно вездѣ, кромѣ Рыбинскаго уѣзда ¹⁹⁾. Тамъ удостоены были этой должности: артиллеріи подпоручикъ Николай Бычковъ и титулярный совѣтникъ Николай Перфильевъ, да къ нимъ еще три кандидата: прапорщикъ Андрей Свитинъ и губернскіе секретари Петръ Глѣбовъ и Петръ Васильковъ. Но первый изъ нихъ, Бычковъ, уѣхалъ въ Москву; Перфильевъ отозвался болѣзнію, а ближайшій послѣ нихъ кандидатъ Свитинъ, вмѣсто надлежащаго присмотра за лошадьми и кучерами, только и дѣлалъ что побивалъ кучеровъ. Напрасно Рыбинскій предводитель, князь Николай Андреевичъ Вяземскій, склонялъ Свитина къ миролюбію, доказывая непристойность его поступковъ: Свитинъ былъ непреклоненъ, такъ-что, потерявъ терпѣніе, князь рѣшился донести на него губернскому начальству: «Оный прапорщикъ при- «знавъ мною за недостойнаго быть при сей «важной должности. Многократно я заста- «валъ его на станціи босымъ и пьянымъ; «а при томъ онъ, Свитинъ, безвинно въ «пьяномъ образѣ билъ своими руками изво-

¹⁷⁾ Изъ письма кв. Куракина отъ 5 мая за № 6581.

¹⁸⁾ Дѣло «о высоч. шеств.» л. 70.

¹⁹⁾ Въ числѣ комиссаровъ было много дворянъ изъ лучшихъ старинныхъ фамилій, наиримѣръ: Голенищевъ-Кутузовъ, Смагинъ, Жеребцовъ, Абагуровъ и другіе.

¹⁵⁾ Дѣло о высоч. шеств., л. 79., и. 299.

¹⁶⁾ Тамъ же, л. 106 и 107.

«щиковъ. И, сверхъ всего онаго, нынѣ извѣщенъ я, что онъ же, Свитинъ, изъ службы отставленъ безъ мундира, каковыхъ «ни къ какимъ должностямъ избирать не велѣно, чего я прежде сего, по недавней «отъ службы моей отставкѣ и за недоставленіемъ изъ земскаго суда дворянскаго о «службахъ списка, совсѣмъ знать не могъ. «И такъ, въ разсужденіи сихъ неудобствъ, «и дабы не подпасть чрезъ сіе подъ высочайшій гнѣвъ, на мѣсто Свитина избралъ «я господина секундъ-маіора Андрея Ерастова сына Жохова, котораго и призналъ «за совершенно къ тому достойнаго». Казалось бы, тутъ и дѣлу конецъ. Но Свитинъ упорствовалъ; онъ объявилъ князю Вяземскому, что браковать лошадей и чинить расправу съ «подлымъ народомъ» — это его дѣло, отъ котораго онъ не намѣренъ устранить свою особу. «Оный Свитинъ (такъ жаловался князь Вяземскій), «упорствуя начальству, наставленій не принимаетъ, дѣлъ не сдаетъ и къ должности «господина Жохова не допускаетъ»²⁰⁾. Губернское правленіе вняло сей жалобѣ и отправило указъ, чтобы Свитинъ не дерзалъ противоборствовать начальству. Жоховъ былъ утвержденъ въ комиссарской должности²¹⁾.

Сборъ лошадей, конечно, потребовалъ отъ народа значительныхъ жертвъ. Чего, напримѣръ, стоило Ростовскимъ или Даниловскимъ крестьянамъ исполнить эту натуральную повинность въ Мологскомъ уѣздѣ, верстъ за полтора отъ своихъ деревень (22)? Къ тому же комиссары при лошадяхъ строго браковали послѣднихъ,

если видѣли въ нихъ малѣйшій недостатокъ; тогда крестьяне должны были выставлять другія подводы, въ ущербъ для своего хозяйства, которое и безъ того шло съ горемъ пополамъ. Между прочимъ, два предводителя, Даниловскій—Ив. Семен. Борщовъ и Романовскій—Ник. Ив. Рудинъ, вступили изъ-за браковки лошадей въ ожесточенную борьбу на бумагѣ: Рудинъ жаловался губернскому правленію, что Борщовъ, пренебрегая такимъ дѣломъ, какъ нарочно ставитъ лошадей худыхъ и малыхъ. Для примиренія спорившихъ сторонъ и вообще съ цѣлью «обозрѣть все потребное для высочайшаго шествія», поѣхалъ самъ губернаторъ (23). Въ Пошехонскомъ уѣздѣ защитникомъ крестьянъ явился исправникъ, гвардіи прапорщикъ Небольсинъ. Онъ узналъ, что народу приходится плохо: однѣ лошади забрakovаны, а другихъ нѣтъ, и купить не на что. «Всякаго поселянина видѣть «охраняемаго законами, которые не при- «тѣсняють его благосостоянія, есть долж- «ность въ округѣ капитана-исправника; ему «и по высочайшимъ учрежденіямъ поруче- «но имѣть бдѣніе, дабы сохраненъ былъ «узаконенный порядокъ». Такъ съ нѣкоторою торжественностью писалъ Небольсинъ къ Пошехонскому предводителю Ив. Вас. Левашову, убѣждая его «принять оныхъ «лошадей на сію службу годныхъ сколько «по мѣрѣ достоинствъ ихъ, столько и по «мѣрѣ мечты, что Его Императорское Вели- «чество не благоволитъ дѣлать для путе- «шества своего обремененія народу, а от- «мѣняетъ всѣ приготовленія и снаряды, «слѣдовательно требуетъ однѣхъ возмож- «ныхъ силъ» (24). Левашовъ ужасно про-

²⁰⁾ Рапортъ отъ 29 мая за № 102.

²¹⁾ Журнальное постановленіе 31 мая 1798 г.

²²⁾ Дѣло «о высоч. шеств.» заключаетъ въ себѣ много крестьянскихъ жалобъ, оставшихся безъ удовлетворенія.

²³⁾ Тамъ же л. 198 на оборотѣ.

²⁴⁾ Письмо Небольсина къ Левашеву отъ 19-го мая за № 17.

гибвался ²⁵). Оправдывая предъ губернскимъ начальствомъ свои распоряженія, онъ обвинилъ исправника, будто бы тотъ, защищая крестьянъ, вмѣшивается въ чужое, исключительно-дворянское дѣло, и Небольсинъ получилъ выговоръ. Губернское правленіе заключило, что «пошеховскій земскій исправникъ, свидѣтельствуя обракованныхъ уже лошадей, вступился въ дѣло, которое ему отнюдь не подвѣдомо, а потому въ ономъ завелъ переписку, служащую къ проволочкѣ времени, которая терпима быть не можетъ... Исправникъ сие вникъ въ повелѣніе начальства... Исправникъ не долженъ препятствовать желающему въ семъ важномъ дѣлѣ успѣху», и т. д. Однимъ словомъ, Небольсину внушили, что въ данномъ случаѣ онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдовало бы поступить опытному чиновнику, и что филантропическія чувства его вовсе неумѣстны ²⁶). Мнѣніе Небольсина, или, какъ онъ выражался, «мечта» о томъ, что государь не желаетъ обременять народъ своимъ путешествіемъ, имѣла слѣдующее основаніе: Ярославскому губернатору дано было знать о высочайшемъ повелѣніи «не дѣлать никакихъ по дорогамъ приготовленій и всего такого, что бы на нарядную встрѣчу походило». Аксаковъ получилъ приказъ «и самому оставаться при своемъ мѣстѣ, и прочимъ губернскимъ чиновникамъ строжайше воспретить дѣлать встрѣчи; а чтобъ всѣ они находились при своихъ должностяхъ» ²⁷).

По поводу этого распоряженія возникнулъ вопросъ: слѣдуетъ ли и дворянамъ избѣгать торжественныхъ встрѣчъ? Рѣшилъ, что въ такомъ случаѣ государь можетъ прогибаться на благородное сословіе. Но по-

мѣщики не охотно оставляли свои деревни, а потому упорство ихъ вызвало принудительную мѣру: засѣдатели земскихъ судовъ и конные драгуны ѣздили по усадьбамъ, «внушая каждому благородному дворянину, сколько лестно вѣрному подданному видѣть своего государя и принести всеподданнѣйшую благодарность за милостивое Его Величества награжденіе чрезъ посѣщеніе» ²⁸). Однако и затѣмъ нашлось не много желающихъ: человѣка три-четыре въ уѣздѣ. Вѣроятно, они были похрабрѣе другихъ, или ужъ на нихъ палъ жребій.

Встрѣтился еще вопросъ: въ какихъ мундирахъ представляться: въ дворянскихъ или въ военныхъ?—Рѣшили, что въ дворянскихъ, не иначе ²⁹).

Теперь нужно было подумать «касательно высочайшаго стола». На предводителей дворянства, «вкупѣ съ городничими и думами», Аксаковъ возложилъ заготовленіе кухонной посуды, съѣстныхъ припасовъ и мебели въ томъ количествѣ, какое ему указалъ генераль-прокуроръ, сдѣлавшій ясный намекъ, что государь будетъ гибваться, если замѣтитъ малѣйшую неисправность: «нужно вамъ распорядиться такимъ образомъ, чтобы сіи припасы лучшей доброты были... въ отращеніи: неудовольствія, въ противномъ случаѣ послѣдовать могутъ» ³⁰). Подробные списки припасовъ, доставленные кн. Куракинымъ, объясняютъ, что именно требовалось для каждаго обѣденнаго или вечерняго стола: нѣсколько пудовъ свѣжей говядины, цѣлый теленокъ, два козленка, или вмѣсто ихъ столько же молодыхъ барашковъ, 1 баранъ, 1 коченый или свѣжесольный окорокъ, 1 окорокъ провѣсный, 2 поросенка, нѣсколько

²⁵) Дѣло «о высоч. шеств.», л. 242 и 243.

²⁶) Журн. губ. прав. 22 мая 1798 г.

²⁷) Письмо кн. Куракина отъ 6 апрѣля за № 4677.

²⁸) Дѣло «о высоч. шеств.», л. 241.

²⁹) Тамъ же, л. 194

³⁰) Письмо кн. Куракина отъ 6 апрѣля за № 5735.

фунтовъ солонины, 2 индѣйки, 4 цулярки, 2 каплуна, не болѣе 6 и не менѣе 10 курицъ, 4 пары цыплятъ, 2 пары тетеревей, 3 пары куропатокъ, 4 пары рябчиковъ, 3 п. 20 ф. лучшей крупчатой муки и столько же пеклеванной, 10 ф. сливочнаго масла, 6 ф. чухонскаго масла и 4 ф. русскаго, согня яицъ, 10 бутылокъ густыхъ сливокъ, 10 бутылокъ свѣжаго молока, 10 ф. соли, ведро кислой капусты и 50 крупныхъ раковъ. (Впрочемъ относительно раковъ сдѣлана генераль-прокуроромъ уступка: «гдѣ они есть»). Затѣмъ: 2 ф. перловой крупы, 2 ф. крупы смоленской, бутылка ренскаго уксусу, рыбы живой на два блюда въ скоромные дни, а въ постные—на 12 блюдъ; сверхъ сего въ приличномъ количествѣ требовались свѣжіе и соленые огурцы, шампиньоны, лимоны, разная зелень и проч. «А гдѣ, объяснялъ кн. Куракинъ, изволить его императорское величество пробить цѣлый день, то въ тѣхъ мѣстахъ приготовить всѣхъ оныхъ запасовъ *адворе*... Да на каждой обѣденной и вечерней станціи для готовленія кушаньевъ сдѣлать въ кухнѣ очагъ съ камфорками и печи для печенія пирожнаго; да «для возки воды роспуски съ лошадыю и «человѣкомъ; да рабочихъ людей четыре «человѣка и для разной смывки четыре «бабы. А живность и дичь приготовленную «имѣть вездѣ ошпану и вычищену, положа ее въ холодномъ мѣстѣ, чтобы она не «смогла испортиться». Въ заключеніе кн. Куракинъ возлагалъ на отвѣтственность дворянства приготовленіе столовъ и стульевъ на 24 персоны. Если же Императоръ проводилъ въ какомъ-либо мѣстѣ цѣлыя сутки, тамъ слѣдовало заготовить мебель на 60 персонъ. Приказано было также имѣть для его величества «воду какъ можно лучше, и для того держать ее не въ

II.

«деревянной посудѣ, а въ большихъ стеклянныхъ бутылкахъ, или въ чемъ-нибудь «каменномъ, да чтобы отнюдь не было никакого запаха.» Квартіры, т. е. «дворцы», требовались сухія; въ теплые дни топка печей не допускалась. Послѣдняя статья Куракинской инструкціи гласила, что на вечернихъ станціяхъ обязательно имѣть «самую лучшую и здоровую корову для молока, по той причинѣ, что Государь Императоръ изволить во всю дорогу употреблять сыворотку»³¹⁾.

Губернское правленіе строго предписало предводителямъ дворянства трехъ уѣздовъ—Романовскаго, Рыбинскаго и Мологскаго—въ точности исполнить высококомандное соизволеніе³²⁾.

Мологскій предводитель Алекс. Сем. Мусивъ-Пушкинъ напрасно старался купить все нужное для высочайшаго стола и, наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, донесъ губернскому правленію, что въ такомъ бѣдномъ городкѣ, какъ Молога, „лимоновъ свѣжихъ, спаржи, шампиньоновъ, капусты цвѣтной, сафою желтаго и зеленаго «сыскать не можно! Равно велико мнѣ принасти графиновъ, стакановъ, рюмокъ и «столоваго бѣлья, да винъ столовыхъ, бѣлаго и краснаго, и еще портеру; но сихъ «вещей отыскать здѣсь негдѣ. Да также «назначено сдѣлать очаги съ камфорками «и печи для пирожнаго; но умѣющихъ мастеровъ сыскать здѣсь опять таки не можно.... Почему и благовольтъ губернское «правленіе снабдить меня резолюціею»³³⁾. По этому рапорту состоялось журнальное опредѣленіе, которое, на нашъ взглядъ, живо характеризуетъ чиновныхъ людей

31) Дѣло «о высоч. шеств.», л. 211—215.

32) Тамъ же, л. 216.

33) Рапортъ отъ 8 мая за № 54.

Павловскаго времени. Допосеніе Мусина-Пушкина ужаснуло Ярославскихъ администраторовъ. Требуя, чтобы лимоны, спаржа, шампиньоны и прочіе припасы были непременно куплены, губернское правленіе въ то же время взывало къ усердію Мусина-Пушкина и страдало тѣмъ, что отъ его неисправности будетъ худо и ему, и всѣмъ вообще. «Выскивайте оныя (лимоны и проч) не токмо въ Мологской, но и въ сосѣдственныхъ округахъ и городахъ, обратя на сей предметъ всю свою дѣятельность. «Исполняйте все оное наипоспѣшнѣйше, избѣгая переписки, яко въ такомъ дѣлѣ, которое не терпитъ ни малѣйшей медленности и коснѣнія и къ окончанію коего «нужно принять прямое усердіе, на что «Правленіе и полагается, такъ какъ всякому «вѣрноподданному должно и непременно подследить. Въ противномъ же случаѣ дѣло «сіе можетъ навлечь не только вамъ, но «и всему губернскому начальству, и обществу благородному, и всѣмъ вообще не- «избѣжныя непріятности, отъ чего сохрани «насъ Боже»³⁴⁾... Не ограничиваясь этимъ указомъ, губернаторъ Аксаковъ написалъ также Мологскому предводителю вуншительное письмо слѣдующаго содержанія: «Изъ рапорта вашего отъ 8 мая подъ № «54-мъ случилось мнѣ увидѣть, что къ «высочайшему Его Императорскаго Ведпчества шестію потребныхъ на столъ припасовъ, какъ-то: лимоновъ и прочаго, отыскать вы не можете; мастеровъ для сдѣланія очаговъ съ камфорками нѣтъ, такъ «равно и прочихъ вещей купить негдѣ, да «и денегъ на сей предметъ не назначено... «Посылалъ при семъ государственными ассигнаціями 250 рублей, покорно прошу «на сію сумму постараться испкупить на- «значенныя по ресстру припасы, употреб-

³⁴⁾ Указъ 13 мая за № 9979.

сая къ тому способныхъ людей. Равно- «мѣрно и прочія вещи неминуемо нужныя «можете вы благоразуміемъ своимъ оты- «скать и изъ другихъ, не такъ дальнихъ «мѣстъ, что только въ здѣшнихъ краяхъ «можно будетъ, непременно. Въ случаѣ же «доставленныхъ денегъ недостатка, сколько «требуется, имѣете вы требовать отъ ис- «правника своего, коему отъ меня пред- «писано, что и предоставляется чьему «суду для общества попеченію. При «всемъ томъ мастеровъ, столовъ, стульевъ «и винъ, кажется, сыскать возможно. А «переписываться некогда, дабы въ томъ «время не потерять и не быть неисправ- «ными (чего Боже сохрани!), послыку ма- «стеровъ, такъ-какъ почти у всѣхъ благо- «родныхъ дворянъ таковая постройка произ- «водится, можете вы найдти въ своей «или въ другой ближней округѣ, а прочее «искупить все въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ «черезъ благонадежныхъ и опытныхъ дво- «рянъ, а столы и тому подобное, что для «употребленія въ пищу не относится (sic!), «взять все, съ возвратомъ въ цѣлости, у «сосѣдей... Для вспомоствованія же «вамъ въ семъ важномъ дѣлѣ не возбра- «няется избрать молодыхъ дворянъ, сколько «нужно будетъ и кого вы заблагораз- «судите, ибо ни одинъ благородный чело- «вѣкъ отъ сего отрещись не долженъ, а «съ радостію исполнить. Наконецъ, вамъ «откроюсь, что и малое по сей части упу- «щеніе и неисправность останутся на соб- «ственномъ вашемъ отчетѣ.»³⁵⁾

Кромѣ напитковъ, заготовленныхъ дворянами, нѣсколько ящичковъ съ виномъ привезъ въ Ярославль нѣкто подклюшникъ Степановъ. Вина были отборныя, изъ «фряжскихъ» кремлевскихъ погребовъ. Вслѣдствіе требованія означеннаго господина подклюш-

³⁵⁾ Дѣло «о высоч. шеств.», л. 298.

ника, часть этихъ винъ была отправлена въ Тихвинъ, съ нарочнымъ ³⁶⁾, при особомъ спискѣ. Изъ него видно, что ящики заключали въ себѣ: аракъ, ромъ, коньякъ бѣлый и желтый, гданскую водку, заморскій ратафій, какія-то «горкія капли», рейнвейнъ, мадеру, кларетъ, портеръ, шатола-фитъ, вейнграфъ, венгерское, мозельвейнъ, зельцвассеръ и проч., всего 211 бутылокъ; въ Ядѣ славль же было оставлено гораздо болѣе ³⁷⁾, ибо здѣсь предвидѣлся значительный банкетъ.

Накануяѣ пріѣзда Императора, секретарь его, пзвѣстный поэтъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, обратился къ Аксакову съ письмомъ, въ которомъ пзвѣщаль, какимъ образомъ слѣдуетъ встрѣчать Его Величество.

«Милостивый государь Николай Ивановичъ! Поелвку воля Его Императорскаго Величества есть, чтобъ никакихъ для пріѣзда Его Величества пріуготовленій не было, то и считаю за нужное предупредить «о томъ ваше превосходительство, или паче спросить, чтобъ отъ васъ приказано было «какъ въ самомъ городѣ Ярославлѣ, такъ и по «всей дорогѣ, которою Государь Императоръ «черезъ губернію вашу слѣдовать будетъ, «никакихъ пріуготовленій не дѣлать, а будо «гдѣ сдѣланы, отыинить и уничтожить. Бо- «слѣ же всего накрѣпко втолковать град- «скимъ жителямъ и поселянамъ, чтобъ во «время проѣзда Его Величества отнюдь «ура!» не кричали, какъ то, къ неудоволь- «ствію Государя Императора, въ городѣ «Перехтѣ уиннено было. Стеченію же не-

36) Тамъ же, л. 277. Плетрукція, даппал нарочному, написана самимъ губернаторомъ; онъ приказываль ему всевозможнымъ образомъ хранить въ дорогѣ царскіе напитки и, по пріѣздѣ въ Тихвинъ, сдать ихъ тамошнему городничему. Виша были отпраздлены на четырехъ лошадахъ.

37) Тамъ же, л. 271.

«родному нигдѣ не препятствовать, равно «какъ и встрѣчамъ съ хлѣбомъ и солью «или поднесеніемъ чего-либо, по доброволь- «ному каждаго соизволенію, но не дѣлая къ «тому не только принужденія, а даже и «смайлѣшаго внушенія. Честь имѣю пре- «быть», и т. д. ³⁸⁾.

Разумѣется, добрый совѣтъ Нелединскаго-Мелецкаго былъ исполненъ въ точности; немедленно поскакали гонцы съ указами исправникамъ и городничимъ: накрѣпчайше подтвердить народу о недѣланіи восклицаній ³⁹⁾. Торопилсь предупредить народъ, потому что съ - часу - на - часъ слѣдовало ожидать прібытія Высочайшаго поѣзда изъ Перехты.

Наконецъ, онъ прібылъ въ Ярославль 4 іюня. Архивные документы ничего не говорятъ, чѣмъ ознаменовалъ Павелъ I свое пребываніе въ городѣ, гдѣ, ровно за 10 лѣтъ передъ тѣмъ, скончался любимый имъ, а особенно отцомъ его, Петромъ III, генералъ-губернаторъ Мельгуновъ. Вспомнилъ ли о немъ Павелъ, не извѣстно. Съ Императоромъ прібылъ въ Ярославль великій князь Константинъ, рожденіе котораго было отпраздновано здѣсь, въ свое время, чрезвычайно торжественно и воспѣто туземнымъ стихотворцемъ Санковскимъ. Покровитель его и сотрудникъ издаваемаго имъ журнала «Уединенный Пошехонецъ», архіепископъ Арсеній Верещагинъ, прівѣтствовалъ Императора Павла I ⁴⁰⁾ рѣчью, но содержаніе ея не сохранилось для потомства ⁴¹⁾.

38) Подлинное письмо, отъ 3 іюня 1798 г., изъ Перехты, находится въ дѣлѣ «о высоч. шествіи» л. 88.

39) Указы за №№ 12,061—12,067.

40) «Лѣтописецъ «о Ростовскихъ архіерейхт», рукопись.

41) Тотъ же «Лѣтописецъ» говоритъ, что «сей преосвященный Арсеній много отъ Государя почтенъ и жалованъ кавалерію.»

Для Павла приготовленъ былъ огромный деревянный домъ, гдѣ нѣкогда жили Ярославскіе генералъ-губернаторы, и хотя на починку его издержали значительную сумму казенныхъ денегъ—1152 р. 29 коп., однако, «по причинѣ немаловажныхъ отъ долготы «времени ветхостей», обратить сей домъ во временной дворецъ не дерзнули ⁴²⁾. Сочинитель *Исторіи губернскаго города Ярославля*, протоіерей И. Д. Троицкій, утверждаетъ противное и дѣлаетъ еще ошибку, говоря что Павелъ посѣтилъ Ярославль 8 іюня: въ этотъ день онъ былъ уже за границей Ярославской губерніи. Вотъ что читаемъ въ книжкѣ г. Троицкаго: «Украшенный щедротами и возвеличенный милостью великой монархини, счастливый Ярославль процвѣталъ и при августѣйшемъ сынѣ незабвенной своей благодѣтельницы, Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Его Величество, при обзорѣннѣ нѣкоторыхъ губерній обширной своей Имперіи, въ 1798 году, изволилъ посѣтить и нашъ городъ. Тогда случился здѣсь праздникъ въ память Ярославскихъ чудотворцевъ Василія и Константина, 8 іюня (?). Государь прибылъ сюда съ двумя августѣйшими сынами Александромъ и Константиномъ. По выслушаніи литургіи и молебна въ кафедральномъ соборѣ, державный гость удостоилъ высочайшимъ посѣщеніемъ архіерейскій домъ, и послѣ молебна при гробѣ благословеннаго семейства Ярославскихъ князей—преп. Феодора и чадъ его Давида и Константина, изволилъ остановиться въ генералъ-губернаторскомъ домѣ (?) Такимъ образомъ Ярославль торжествовалъ тогда (?) и память своихъ князей, и радостное присутствованіе помазанника Божія и его августѣйшихъ сыновъ, изъ которыхъ одинъ вскорѣ пріялъ державу Всероссийской

⁴²⁾ Дѣло «о высочайшемъ шествіи», л. 300.

имперіи. По обзорѣннѣ всего достопамятнаго на другой день Его Императорское Величество изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Колокольный звонъ и народное ура привѣтствовали и сопровождали августѣйшихъ посѣтителей» ⁴³⁾. Что колокола гудѣли, это конечно такъ; но въ крикахъ ура можно сомнѣваться: Павелъ это запрещалъ, какъ мы видѣли, чрезъ Нелединскаго-Мелецкаго,—и кто бы осмѣлился нарушить такое запрещеніе?.. Любопытно знать, чѣмъ выразился гнѣвъ Императора въ городѣ Нерехтѣ за обычное проявленіе народной радости.

Аксакову данъ былъ какой-то орденъ ⁴⁴⁾. Подчиненные не замедлили поздравить своего патрона съ монаршею милостью и желали ему другихъ наградъ, «съ разсужденіи прилежанія и трудовъ, возложенныхъ на его превосходительство» ⁴⁵⁾. Но добрый и распорядительный Аксаковъ не долго губернаторствовалъ въ Ярославлѣ: его смѣнилъ, если не ошибаемся, Левъ Васильевичъ Тредіаковскій, сынъ знаменитаго творца «Телемахиды».

По Романовскому уѣзду «высочайшее шествіе кончилось безостановочно и милости-

⁴³⁾ «Ист. губ. гор. Ярослав.», стр. 87 и 88.

⁴⁴⁾ Въ то же время Павелъ I изъявилъ свое благоволеніе Владимірскому губернатору Руничу: «Въ проѣздъ нашъ чрезъ Владимірскую губернію съ удовольствіемъ видѣли мы какъ въ самомъ губернскомъ городѣ Владимірѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ селеніяхъ, по тракту нашему лежащихъ, порядокъ и благоустройство, повсюду господствующее. Относи оное къ попеченію и трудамъ начальствующаго въ сей губерніи д. с. сов. Рунича, о нашемъ къ нему благоволеніи извѣщаемъ Сенатъ нашъ, повелѣвая дать знать о томъ всѣмъ губерніями управляющимъ. Павелъ». (Указъ отъ 31-го мая 1798 г. за № 9941. Дѣло о высоч. шествіи, л. 306.)

⁴⁵⁾ Дѣло о высоч. шествіи, л. 309.

во»⁴⁶⁾. Въ этомъ уѣздѣ, кромѣ комиссаровъ при лошадяхъ (секундъ-маіоры Ан. Куз. Моложениновъ и Маркелъ Матв. Малышкинъ), были еще *коммисары при кушаньяхъ*: гвардіи прапорщикъ Петръ Ив. Шубицъ, капитанъ Мих. Серг. и гвардіи поручикъ Ив. Серг. Власевы⁴⁷⁾. Трое послѣднихъ, вмѣстѣ съ уѣзднымъ предводителемъ Рудинымъ, приняли на себя всѣ расходы для высочайшаго стола на Киндяковской станціи⁴⁸⁾. Губернское правленіе «отнесло содѣланное онымъ предводителемъ, съ помощью трехъ персонъ, усердіе имъ въ похвалу»⁴⁹⁾.

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ Павелъ I оказалъ милость одной бѣдной женщинѣ. «5-го іюня, съ перваго часу и до шестого по-полудни, «Его Императорское Величество, всемилостивѣйшій нашъ Государь, изволилъ прослѣдовать Рыбинскую округу благополучно и покойно, пробывъ нѣсколько минутъ въ деревнѣ Сельховѣ, состоящей въ 14 верстахъ отъ Рыбинска, у вдовицы, для кушанья горячаго, которую и пожаловалъ двадцатью пятью рублями»⁵⁰⁾. Имя этой «вдовицы» въ официальныхъ документахъ не сохранилось.

Въ самомъ Рыбинскѣ Павелъ остановился также на нѣсколько минутъ. «Жители, старшіе г. городничаго, потрудились привести улицы въ хорошій порядокъ и успѣли въ томъ довольно.»⁵¹⁾ Мѣстный

историкъ, священникъ Матвѣй Гумилевскій, видѣвшій Императора лично, говоритъ объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Въ 1798 году 12 іюня⁵²⁾, многоплоднѣйшая и преблагословенная отрасль величайшей въ свѣтѣ Императрицы Екатерины II, сынъ и преемникъ августѣйшаго ея престола, Его Императорское Величество Самодержецъ Всероссийскій Павелъ Петровичъ, возвращаясь изъ Казани въ С.-Петербургъ, на нѣсколько минутъ въ Рыбинскѣ приостановился. Лишь только Его Величество изволилъ проѣхать мостомъ чрезъ рѣку Черемху и вступить въ самый городъ, тотчасъ же Рыбинское общество поднесло Его Императорскому Величеству хлѣбъ-соль и рыбу. Тогда почти весь городъ былъ еще чернымъ углемъ, и на мѣстахъ лучшихъ жилищъ свистѣли рѣзные вѣтры и играли пышнымъ пепломъ⁵³⁾. Кое-гдѣ основывались домики, а большею частію за настоящее жильё отвѣчали скобленые заборы и сокрывали на землѣ прахомъ лежащій градъ отъ отеческаго сердца, чтобы доставить высочайшему посѣтителю болѣе удовольствія, нежели жалости. Россійское Солнце, съ небеснымъ солнцемъ какъ бы согласясь, вмѣстѣ покатались къ западу чрезъ Мологу! Казалось, что тогда не только Русская земля веселилась о царѣ своемъ, но и самыя небеса сорадовались и ликовали

46) Рапортъ Романов. предвод., отъ 5 іюня за № 90.

47) Письмо того же предводителя къ Аксакову. Дѣло о высоч. шеств., л. 195.

48) Рапортъ Рудина отъ 7 іюня за № 92.

49) Журн. Ярослав. губ. прав. 26 іюня 1798 г.

50) Рапортъ Рыбинскаго исправника въ дѣлѣ «о высоч. шествіи» л. 263.

51) Письмо губ. предв. двор. Кожина къ Аксакову, отъ 15 мая за № 92.

52) Это ошибка, или описка: слѣдовало сказать: 5-го іюня. За неимѣніемъ у себя печатнаго сочиненія М. Гумилевскаго, мы пользовались автографомъ, хранящимся въ Ярославскомъ статистическомъ комитетѣ.

53) Риторическій сочинитель разумѣетъ здѣсь послѣдствія страшнаго пожара, бывшаго равно за годъ до пріѣзда Павла I, 8 іюня 1797 годѣ, «коими верхняя часть города и всѣ гостинные дворы опустошены, такъ что въ проѣздъ Его Императорскаго Величества Павла Петровича почти одни заборы стояли» (Изъ той же рукописи, л. 11-я на оборотѣ).

съ нами, даруя благовременныя ночи и красныя дни. Кто не желалъ, кто не летѣлъ изъ далей видѣть своего царя, по Всевышнему Божь—бога своего? ⁵⁴)?..

Съ наступленіемъ вечера, 5-го іюня, Павелъ прибылъ къ городу Мологѣ, гдѣ, по маршруту, назначенъ былъ ночлеги.

Слѣдовало переправиться черезъ Волгу. Для этой цѣли, заранѣе, еще 24-го мая, привезли изъ Рыбинска катеръ съ 14 гребцами подъ начальствомъ лейтенанта Вараксина ⁵⁵), которому Императоръ, бывший тогда въ хорошемъ расположеніи духа, пожаловалъ, за благополучный переѣздъ, золотыя часы, а гребцамъ («матросамъ») приказалъ выдать сто рублей ⁵⁶). Для императорской свиты приготовлены были на счетъ города два парома, двѣ лодки (трѣшники) и одна барка ⁵⁷). Городничій, кол. асс. Глѣбовъ, встрѣтилъ Павла Петровича у заставы, окруженный дворянами. Впрочемъ, ихъ было только шесть человекъ: майоръ Андрей и капитанъ Петръ Стерлеговы, поручикъ Дмитрій Батуриный, прапорщикъ Михаилъ Островскій, губернский секретарь Иванъ Подлѣссскій и подпоручикъ Захаръ Тютчевъ ⁵⁸). «Проѣзжая мимо шлагбаума, Государь стекшемуся народу благоволилъ откланяться; «у воротъ же дома моего (доносилъ городничій Глѣбовъ) изволилъ выйти изъ коляски «и семейству моему взъявилъ благоволеніе, «и въ домъ моемъ изволили возымѣть Его «Величество и Ихъ Высочества ночлеги» ⁵⁹).

⁵⁴) Краткое историческое и хронологическое описаніе города Рыбинска», л. 33 и 34.

⁵⁵) Рапортъ Мологскаго городничаго, отъ 29 мая за № 626.

⁵⁶) Рапортъ его же, отъ 6 іюня за № 477.

⁵⁷) Рапортъ его же, отъ 22 мая за № 585.

⁵⁸) Дѣло «о высоч. шест.», л. 311.

⁵⁹) Рапортъ Мологскаго городничаго, отъ 6 іюня за № 477.

Дворянскій предводитель Мусинъ-Пушкинъ подалъ Нелединскому-Мелецкому рапортъ на высочайшее имя о томъ: «какія селенія «у кого подъ опекою, и по выбору дворянъ «кто въ какой должности, съ ихъ формулярами, и кто изъ уѣздныхъ дворянъ на «сей случай въ городъ прибылъ, и сколько «помѣщичьихъ душъ по ревизіи» ⁶⁰). Кроме высочайшихъ особъ, въ домъ городничаго помѣстились на ночлеги: извѣстный фаворитъ Императора Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, Григорій Григорьевичъ Кушелевъ и Аркадій Ивановичъ Нелидовъ, тоже любимцы Павла I. Для остальныхъ были отведены квартиры въ частныхъ домахъ, разумѣется, сообразно официальному положенію каждаго лица ⁶¹). Вообще Мологскій градоначальникъ

⁶⁰) Письмо Мусина-Пушкина къ Аксакову, отъ 11 іюня.

⁶¹) Отъ городничаго Аксаковъ потребовалъ свѣдѣній: кто гдѣ квартировалъ? Изъ отвѣта видно, что «канцелярія Его Величества и господина Зайцева (?) была помѣщена въ домѣ мѣщаники Акулины Сукиной, гардеробъ—у мѣщ. Якова Пушкина, господинъ Блокъ у Архива Блатова, канцелярія генерала Кушелева у Игнатія Масленникова, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и его канцелярія — у Кузьмы Масленникова, Петръ Алексѣевичъ Обрѣзковъ съ своей канцеляріей—у купца Михаила Масленникова, графъ Толстой—въ домѣ купчихи Ульяны Бушковой, флигель-адъютантъ Левиный—у Петра Масленникова, князя Чарторижскіе—у купца Ильи Кузнецова, князь Волковскій и Венисенротъ(?)—въ домѣ мѣщ. Ильи Сѣченова, операторъ Вильгельмъ аптекаремъ и аптекой—у секретари земскаго суда Филипповскаго, бригадъ-майоръ Лавровъ—у мѣщ. Ѳедора Масленникова, экзекуторъ Катенинъ—у Попова, унтеръ-шталмейстеръ Ив. Мих. Бычковъ и два офицера—въ домѣ Андрея Масленникова, камеръ-пажи—у Ив. Кузнецова, фельдъегери у Вѣры Маховиной; наконецъ, лейбъ-кучеръ въ домѣ Григорья Новотѣльцова. Фамиліи Масленниковыхъ и Бушковыхъ, самыя богатыя въ Мологѣ, существуютъ и теперь.

былъ человѣкъ тонкій и политичный; правда, сначала, до прїѣзда въ Мологу Государя, онъ сильно побаивался и даже хотѣлъ взять отпускъ, въ чемъ ему, конечно, было отказано, ⁶²⁾ но потомъ смекнулъ, что все можетъ быть къ лучшему, стоитъ лишь задобрить кого-либо изъ вліятельныхъ фаворитовъ,— и не ошибся въ расчетѣ: Кутайсовъ благосклонно выслушалъ желаніе городничаго представиться Его Императорскому Величеству и повелъ Глѣбова въ «царскіе покои»,— повелъ коллежскимъ ассесоромъ, а вывелъ въ слѣдующемъ чинѣ. Навель, произведя Глѣбова въ надворные совѣтники, спросилъ объ отцѣ его и семействѣ. Разговоръ былъ милостивый. Вдругъ Павелъ Петровичъ, обратясь къ окну, увидѣлъ на улицѣ колѣнопреклоненнаго маіора Толкачева — и закипѣлъ гнѣвомъ. «Тотчасъ же (пишетъ городничій) велѣно было мнѣ отъ «Его Величества отправить онаго Толкачева въ его деревню, за карауломъ, а потомъ «дано именное повелѣніе, съ котораго при- «лагаю копію». Эта копія утратилась, и мы не знаемъ, въ чемъ состояла вина означеннаго офицера ⁶³⁾. Можно съ основательностью предположить, что ему еще прежде было запрещено казаться на глаза Государю. Думаемъ такъ на основаніи слѣдующихъ словъ Мологскаго предводителя Мусина-Пушкина въ донесеніи Аксакову: «А «за полчаса до прибытія Его Величества «явился премьеръ-маіоръ Толкачевъ. *кого «я и господинъ исправникъ уговаривали, «чтобы не казался, но онъ не послушал-*

⁶²⁾ «Отлучиться вамъ нельзя, дабы не опустить чегонибудь весьма важнаго для путешествія Государя Императора, по всеподданнѣйшей должности и изъ крайняго усердія». (Отвѣтъ Аксакова, въ дѣлѣ «о высоч. шествіи», л. 86).

⁶³⁾ Не сохранился ли подлинникъ въ семейныхъ бумагахъ Мологскихъ дворянъ Глѣбовыхъ?

«ся. О чемъ я и докладывалъ оберъ-гарде- «робмейстеру Ивану Павловичу Кутайсову, «на что онъ изволилъ сказать: «когда не «слушается, то оставь его!» Но въ са- «мый проѣздъ Его Величества, сказываютъ, «сталъ Толкачевъ на колѣни, что мнѣ, за «экспажамп, было не видно,—почему и при- «казано господину городничему его отыскать «въ городѣ и препроводить въ деревню, «который и сыскалъ, и взята въ полиціи «съ него подписка, чтобы изъ деревни ему «не выѣзжать, и потомъ препровожденъ въ «оную ⁶⁴⁾». . . Жаль, что Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ мало подробностей на бумагѣ: «за сими строками (писалъ онъ Аксакову, собираюсь я ѣхать въ Ярославль, чтобы пояснить лично». Намъ приводилось слышать, что Мусинъ-Пушкинъ, не смотря на комическую исторію его съ лимонами, былъ человѣкъ умный и наблюдательный; слѣдовательно онъ могъ рассказать Аксакову

⁶⁴⁾ Ссылка Толкачева продолжалась до воцаренія Александра I. какъ видно изъ слѣдующаго рескрипта:

«Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и Ярославскій гражданскій губернаторъ «Слудинъ! За проживающими въ Ярославской губерніи въ деревняхъ: отставными маіорами Дьяконовымъ и Толкачевымъ, прапорщиками Васютинымъ и Артемьевымъ, надворнымъ совѣтникомъ Тугариновымъ и титулярнымъ совѣтникомъ Куровскимъ велѣно было имѣть присмотръ и наблюденіе за ихъ поведеніемъ. Мы, находя «нынѣ сіе излишнимъ, повелѣваемъ: всякій надъ «шими надзоръ разрѣшить, и позволить имъ пользоваться свободою, на законномъ основаніи, пре- «бывая впрочемъ къ вамъ благосклонны.

Александръ.

«Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 14-го, 1801 года.» (Архивп. дѣло за № 26, л. 1-й).

Подобныхъ рескриптовъ было вѣсколько. Всѣ ссыльные получили свободу отъ благодушнаго Александра I, и число такихъ лицъ въ одной Ярославской губерніи простиралось до 20-ти, если не болѣе.

много любопытныхъ анекдотовъ, которые теперь пропали для исторіи.

На другой день послѣ ссылки злополучнаго премьеръ-маіора Толкачева, Императоръ проснулся очень рано, а городничій Глѣбовъ не спалъ всю ночь. Ему дана была еще награда, опять при посредствѣ Кутайсова. «Его Величество (читаемъ въ до-несеніи Глѣбова) изволилъ пожаловать мнѣ, «6 іюня, чрезъ Ивана Павловича Кутайсова, золотую табакерку съ эмалью. А при «выходѣ изъ дворца я принесъ всеподдан-«вѣйшую благодарность, и Государь Импе-«раторъ удостоилъ меня жалованьемъ къ «рукѣ и изъявилъ ко мнѣ свое благоволе-«ніе и милость и изволилъ шествовать въ «Воздвиженскую приходскую церковь къ «слитургии, гдѣ, отслушавъ (обѣдню), от-«правился въ путь, изъявляя свое благово-«леніе всѣмъ, а священника жаловалъ въ «той церкви къ рукѣ»⁶⁵). По отъѣздѣ Им-«ператора изъ Мологи, въ соборѣ отслужи-«ли благодарственный молебень. Катеръ, на «которомъ онъ переправлялся черезъ Волгу, «рѣшено было сохранить для потомства»⁶⁶).

На Дубцовской станціи «лошади были «очень скоро запряжены, гдѣ Его Величе-«ство на самое короткое время изволилъ «вставать... и говорить съ господиномъ «полковникомъ Горихвостовымъ»⁶⁷). Вѣро-«ятно, Горихвостовъ былъ одинъ изъ мѣст-«ныхъ дворянъ, жившій не далеко отъ Дуб-

⁶⁵) Рапортъ Молог. городничаго, отъ 6 іюня за № 477.

⁶⁶) Существуетъ ли онъ до сихъ поръ—положительно сказать не можемъ: кажется, сгорѣлъ въ 1864 году, когда страшный пожаръ уничтожилъ почти весь городъ Мологу. Въ 1862 году катеръ былъ еще цѣлъ и стоялъ въ отдѣльномъ строеніи, принадлежавшемъ купчихѣ Бушковой.

⁶⁷) Письмо Мусина-Пушкина къ Аксакову, отъ 11 іюня 1798 г.

ца, откуда Императоръ поѣхалъ далѣе, въ Брейтово.

Здѣсь произошла исторія, описаніе которой мы имѣемъ въ двухъ видахъ: первое описаніе, краткое, изложено въ рапортѣ Мологскаго земскаго суда, а второе, болѣе подробное, въ письмѣ шкипера перваго ранга, Федора Шевалева къ Мусину-Пушкину. Во избѣжаніе повтореній, передаемъ только послѣдній документъ, рассказывающій о возмущеніи Брейтовскихъ крестьянъ. Точно говоря, никакого возмущенія не было; но официальные бумаги XVIII вѣка, какъ и позднѣйшія, всякую просьбу крестьянъ о землѣ называли бунтомъ и возмущеніемъ. Нужно имѣть въ виду, что Брейтовская волость въ Мологскомъ уѣздѣ, принадлежавшая казнѣ, перешла въ помѣщичью владѣніе чрезъ пожалованіе ея Ив. Ив. Шувалову, а отъ него досталась княжнѣ Голлицыной. Сосѣдній помѣщикъ Ив. Яков. Мусинъ-Пушкинъ жилъ съ Брейтовскими крестьянами въ разладѣ и оттягивалъ у нихъ землю; чтобы принести на него жалобу, народъ хотѣлъ воспользоваться проѣздомъ Императора.

Вотъ что писалъ Шевалевъ (Письмо это находится у насъ въ современной копіи, представленной Мусинымъ-Пушкинымъ на распоряженіе Ярославскаго губернскаго правленія).

«Высокородному господину, Мологскому предводителю, коллежскому совѣтнику Александръ Семеновичу Мусину-Пушкину, отъ морскаго флота ластоваго комплекта 2-й дивизіи, отставнаго шкипера Федора Шевалева.

«Бывъ я, по выбору вашему и господъ дворянъ, для приуготовленія Его Императорскому Величеству стола въ селѣ Брейтовѣ, узналъ до приѣзда Его Императорскаго Величества въ оное село за часъ,

отъ выборнаго Алексѣя Львова и земскаго Ивана Козьмина, по прїѣздѣ уже оберъ-камеръ-гофъ-фурьера господина Крылова, что оной вотчины крестьяне: Прокофей Андреевъ, Ѳедосей Егоровъ и прочіе оной волости крестьяне, о коихъ показать могутъ тотъ выборный и земской, просили того выборнаго и земскаго написать и подать Его Императорскому Величеству на Ивана Яковлевича Мусина-Пушкина, якобы въ отпяти у нихъ земель, просительное письмо, на что тотъ выборный и земской не согласился и имъ, крестьянамъ запрещали чрезъ прочитаніе и внушеніе имъ сдѣланнаго госпожею ихъ въ разводъ земель миролюбиваго положенія. Но какъ они отъ той просьбы удержаться не хотѣли, то оный выборный, пришедши ко мнѣ, объявилъ о семъ.

«Почему и я отъ сего ихъ отвращалъ, сколько силъ моихъ было; но, по послушанію, принужденъ (былъ) доложить оному господину Крылову. И онъ съ своей стороны призывалъ сихъ возмутителей, но они не пришли, а явились выборный и земской, кои объявили, что просьбы не подають, и бумаги никакой не писали и рукъ не прикладывали, а мужики слушать ихъ не хотять.

«А по прибытіи его превосходительства генералъ-гардеробмейстера Ивана Павловича Кутайсова, я ему докладывалъ о семъ, и онъ изволилъ входить въ народную толпу и ихъ уговаривалъ. И выборный сказалъ, что онъ просьбы не имѣеть, а мужики молчали.

«А когда Его Императорское Величество изволилъ прибыть, то встрѣченъ былъ отъ выборнаго съ хлѣбомъ-солью благопрстойно.

«И когда всемилостивѣйшій Государь изволилъ сѣсть за обѣденный столъ, то въ то время мужики: Козьма Семеновъ и Иванъ

Григорьевъ, приступя ко мнѣ, сказали, что «мы хотимъ холстину послать подъ Государя и просить о нуждахъ нашихъ словесно»,—то я отвелъ ихъ къ народу легонько и сказалъ, что безъ доклада дозволить не смѣю. На что многіе изъ народа закричали: «нечего слушать, а дѣлать свое!» То я пошелъ и доложилъ господину Крылову о семъ, и онъ самъ, вышедъ къ возмутителямъ на улицу, сказалъ, что Императоръ сего не соизволитъ, чтобы для него послана была холстина. То они и ему грубо отвѣчали, и напоследокъ сказали, что «мы хотимъ это сдѣлать и никого не послушаемъ!»

«И означенный Козьма Семеновъ пошелъ было ближе ко дворцу, но оный господинъ Крыловъ отъ сего отвращалъ и уговаривалъ, а потомъ, видя дерзость и ослушаніе его, хотя и отталкивалъ, но потомъ самымъ тонкимъ и сухимъ прутикомъ ударилъ одинажды, который и переломился.

«И тотъ Семеновъ закричалъ во весь голосъ: «Ваше Императорское Величество, бьютъ напрасно и обижаютъ!» — что подтверждалъ многократно.

«Въ самое то время подвозили Государеву коляску; то изъ толпы народу мужики схватили подъ узцы переднихъ лошадей и кричали: «Не тою улицею хотите везть Государя, чтобъ не показать дворца!» Но фореиторы оныхъ отбили. А кто задерживалъ—именами не знаю. А выборный и земскій въ то время скрылись.

«Крикъ оный между тѣмъ продолжался; то Императоръ, вставъ изъ-за стола, изволилъ спросить:

— «Что за шумъ?»

«На что хозяинъ того дворца Ѳедосей Егоровъ, пришедъ, сказалъ, что народъ хочетъ просить объ отобраніи земель на Ивана Яковлевича Мусина-Пушкина, и что

для Его Величества приготовленъ дворець, который-де господа утапли, а отвели мой домъ, и что-де господа хотятъ васъ взети не мимо дворца.

«Почему Его Императорское Величество изволилъ ему, Егорову, сказать:

«Гдѣ Я—тутъ и дворець! А что стросніе строено,—до того дѣла нѣтъ».

«Потомъ соизволилъ выйти на крыльцо. Тогда Семеновъ закричалъ стоящимъ у крыльца Брейтовскимъ единомышленникамъ: «Приступайте! не робѣйте! становитесь на колѣни и просите! То многіе обоего полу и встали на колѣни, и съ плачемъ закричали, что отняты у нихъ земли.

«Государь изволилъ повелѣть молчать, подтверждая неоднократно; но всѣ кричали, не унимаясь. То Его Величество и приказалъ къ себѣ подойти одному.

— «О чемъ шумъ, и что хотите?»

«Почему Семеновъ вбѣжалъ на крыльцо къ Монарху и, весьма близко подошедши, всталъ рядомъ и просилъ, якобы Мусинъ-Пушкинъ у нихъ земли отнялъ и владѣть ими, о чемъ-де какъ прежде, такъ и прошлаго году просили мы у Вашего Императорскаго Величества, но сдѣлано-де не въ нашу пользу.

«На что всемилостивѣйшій Государь изволилъ сказать:

— «Есть у васъ хозяинъ?».

« Но Козьма сказалъ, что «рѣшили господа не въ нашу пользу».

«На то Государь соизволилъ сказать:

— «Стало быть, вамъ земля не слѣдуетъ по писцовымъ книгамъ и по межеванью; а кто ея владѣть, тому она и слѣдуетъ».

«И онаго Кузьму отослать изволилъ прочь.

«А между тѣмъ стоящій на колѣнахъ народъ кричалъ: «Помилуй, Государь!» Но Его Императорское Величество изволилъ по-

велѣть народу встать съ колѣней и молчать; но они не слушали. Соседъ Его Величество съ крыльца, тоже подтвержда; но они не унимались. И съѣлъ Императоръ въ коляску, въ третій разъ подтвержда, чтобъ встали и молчали; но и затѣмъ не унялись. Тогда изволилъ Его Величество сказать:

— «Палкою васъ!»

«И приказалъ ѣхать. Но народъ, скопясь великою толпою, заслонилъ дорогу, кою едва, съ нуждою, очистили ѣздовы»⁶⁸⁾...

Изъ донесенія земскаго суда, на которое мы указывали выше, видно, что за эту сцену «приставленнымъ къ столу дворянамъ отъ «Государя Императора гнѣва никакого не было». Въ томъ же донесеніи фактъ о побойщѣ крестьянъ «оберъ-камеръ-гофъ-куръ-еромъ, господиномъ Крыловымъ» переданъ съ тѣмъ измѣненіемъ, что ударовъ

⁶⁸⁾ Дѣло «о высоч. шествіи», л. 312 и 313. Далѣе, обращаясь къ Мусину-Пушкину, Шевалевъ описываетъ свои приключенія въ Брейтовѣ: «За день до прибытія туда Его Импер. В—ства, ваше в—родіе писали ко мнѣ, чтобы изъ «сарая столовый покой сломать; почему хотя я и старался оное исполнить наймомъ тѣхъ Брейтовскихъ крестьянъ, но оныя сказали мнѣ, что они ломать не хотятъ, и ежели я къ ломкѣ найму «кого стороннихъ, то они, Брейтовцы, никого не допустить, и кто полѣзетъ на кровлю, тѣмъ они «ноги отломаютъ и въ сполохъ ударятъ», и «если «будетъ вашихъ сто человекъ, то отъ насъ пять «сотъ!» Почему я и не могъ исполнить, чтобъ «не учинитъ какого бунту... А по отшествіи Его «Импер. Величества остался я въ селѣ Брейтовѣ «для забранія являющихся при мнѣ разныхъ «мелкихъ и прочаго, кои также Брейтовцы препятствовали провозать, а кто были таковы—могутъ «показать выборный, ибо онъ и былъ одного за «препятствіе и грубости, мнѣ сдѣланныя отъ «нихъ. И я былъ въ великомъ страхѣ и не зналъ, «что со мной случится», и т. д.

было нѣсколько, и что они наносились палкою, а не самымъ тонкимъ в сухимъ пруткомъ, какъ нѣжно выразился Шевалевъ. Фамилія его и имена нѣкоторыхъ крестьянъ, «чинившихъ боляе другихъ безпокойства», были записаны, по приказанію Императора. Въ концѣ рапорта есть извѣстіе о смерти одного крестьянина: онъ, изъ усердія, помогаль усталымъ лошадямъ тащить въ гору экипажъ, бывшій на высочайшемъ поѣздѣ, и какъ-то оборвавшись попалъ подъ лошадей, которыя его и задавили. Этого бѣдника звали Артамономъ Сергѣевымъ⁶⁹⁾.

Губернское правленіе, получивъ рапортъ земскаго суда, велѣло «задавленнаго повозкою челоуѣка скорѣе предать землѣ, съ разсужденіи лѣтняго времени, буде, спаче чаянія, до сего времени онаго не сдѣлано». Далѣе слѣдуютъ такіе разсужденія: «Поступокъ Брейтовскихъ крестьянъ, въ рапортѣ нижняго земскаго суда описанный, означаетъ крайнюю дерзость, съ глупости и невѣжества происходящую, — дерзость, потому что они безъ всякаго резона безпокойли высочайшую особу Его Императорскаго Величества; глупость и невѣжество — потому, что дѣло, о которомъ они просили Государя Императора, принадлежитъ болѣе ихъ помѣщику, который, еслибы подлинно была какая въ земляхъ отъ поручика Мусина-Пушкина обида и неудовольствіе между собою, не преминулъ бы на него просить гдѣ надлежитъ и защищать свое право, на основаніи Уложенія 13 главы 7 пункта, по сязѣ коего они, Брейтовскіе крестьяне, съ стѣхъ поръ, какъ по высочайшей волѣ сдѣлались крестьянами помѣщику, а съ ними вмѣстѣ земля со всеми угодьями —

«принадлежащею ему, сами собою не имѣютъ уже права, или, лучше сказать, со всемъ не могутъ никого и ни о чемъ просить и жаловаться безъ точной воли и «приказу своего помѣщика. Такогого поступка Брейтовскихъ крестьянъ губернское правленіе весьма не одобряетъ, и когда спросились бы у онаго, то получили «бы не иную, какъ вышесказанную резолюцію, съ воспреценіемъ. Сего ради, чрезъ «нижній земскій судъ строжайше имъ подтвердитъ, чтобъ впредь отъ подобнаго сему «дерзновеннаго поступка всемѣрно остерегался и безъ воли господина своего ничего не вчиняли», и т. д.⁷⁰⁾.

Въ концѣ іюня 1798 г. пріѣхалъ въ Брейтово съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ отъ Императора бригадиръ Никулинъ. Осмотрѣвъ построенную дворянами въ этомъ селѣ галлерейю для Государя, а также и кухню, сдѣланную для высочайшаго стола, Никулинъ ускакалъ обратно на другой же день, не заѣзжая въ Мологу, хотя подорожная и была выдана ему до этого города. Сверхъ сего, таинственный посолъ велъ какіе-то разговоры съ крестьянами объ ихъ землѣ и о помѣщикѣ Мусинѣ-Пушкинѣ; «но о чемъ въ подробности ихъ разспрашивалъ — то всё отъ оныхъ крестьянъ осталось скрытно»⁷¹⁾. Можно гадательно сказать, что Павелъ I вспомнилъ о «возмутителяхъ», стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ, и захотѣлъ оказать имъ какую-нибудь милость: справедливая исторія не откажетъ ему въ добрыхъ порывахъ сердца. Впрочемъ, Брейтовскіе крестьяне должны были считать себя счастливыми уже по одному тому, что они остались цѣлы и невредимы.

Л. Трефолевъ.

Ярославль. 1869 г. 30 августа.

⁶⁹⁾ Рапортъ Молог. зем. суда, отъ 8 іюня за № 571.

⁷⁰⁾ Дѣло «о высоч. шеств.», л. 281.

⁷¹⁾ Донесеніе исправника Аксакову, отъ 29 іюня. Тамъ же, л. 305.

ПИСЬМО Е. И. НЕЛИДОВОЙ НЪ В. В. ВАДКОВСКОМУ.

(Печатается съ подлинника, хранящагося у *Г. И. Вадковскаю.*)

Письмо это составляетъ драгоцѣнное дополненіе къ перепискѣ Е. И. Нелидовой съ Императоромъ Павломъ Петровичемъ и Императрицею Марією Феодоровною, напечатанной въ 3-й книгѣ Осмнадцатаго Вѣка. Написанное, такъ сказать, подъ глазами Маріи Феодоровны (тогда еще Великой Княгини) о чемъ свидѣлствуетъ собственноручная ея приписка, и исполненное выраженій самой нѣжной привязанности къ ея супругу, оно одно было бы достаточно, чтобы возстановить истинный характеръ исключительныхъ отношеній, связывавшихъ Екатерину Ивановну съ царственною четюю. — Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ Вадковскимъ были на войнѣ въ Финляндіи. Подробности см. въ Осм. Вѣкѣ III, 408 и слѣд.

à St. Pétersbourg, le 15 de Juillet, 1788.

Je commence par Vous embrasser en pensée, mon cher ami, et par Vous dire que M-me la Grande Duchesse a été très satisfaite de Votre lettre et de tout ce que Vous avez fait. Elle Vous recommande particulièrement d'appuyer le projet que Vous communiquera pas son ordre le major Benckendorff, et qu'il Vous expliquera en détail. Je viens à présent à ce que j'ai à Vous répondre sur Votre lettre du 13 de ce mois. Dieu veuille que la bouderie avec P. finisse au plutôt et pour ne se renouveler jamais. Je le désire sincèrement pour la tranquillité et le vrai bien de celui que nous servons, et à qui nous sommes voués de coeur et d'âme. Que Steinhewer est bavard, vain et imprudent! Vous savez que je m'en suis toujours aperçue; mais il faut qu'il reste dans les bornes, qu'il

n'ait aucune influence, surtout aucune influence nuisible et de travers sur des objets qui ne sont pas de sa portée. Connaissant ma tendre amitié pour mon frère Alexis et de là l'intérêt que je prends à tous ceux qui lui appartiennent, Vous pouvez apprécier, mon cher ami, toute la reconnaissance que je Vous ai pour tout ce que Vous avez bien voulu faire en faveur d'Ouwaroff. Je ne puis Vous cacher qu'il est parti plein d'angoisse et d'amertume sur les désagréments et les chagrins qu'il comptait essayer. Grâce à Vous, il va être plus heureux. C'est un parfait honnête homme: je le connais pour tel; il ne manque que du côté d'une négligence souvent condamnable. Mais elle ne pourra avoir lieu en lui, étant excité à présent par l'émulation de se rendre digne du suffrage et de la bienveillance de son maître futur. Tout ce que Vous daignerez faire à l'avenir pour lui en faciliter les moyens sera autant de preuves nouvelles de Votre amitié pour moi et mon frère, et je suis trop sûre de Vous pour ne pas oser l'espérer. La nouvelle que Vous me donnez que tout le monde est content de notre cher Grand-Duc me pénètre de joie. Que le Ciel continue à le bénir! Je voudrais que chacun l'aimât et le comptât autant que moi. Votre bonheur m'intéressa trop vivement pour que je ne m'empresse pas de partager avec Vous, et avec une vraie cordialité, par ce peu de mots, celui qui Vous attend à Votre retour ici. Soyez heureux, et soyez-le constamment. J'attends de Votre réciprocité que Vous Vous occuperez aussi à faire quelque voeu pour moi; je ne Vous en demande pas d'autre que

celui qu'on me permette à Votre retour de regagner ma retraite, et d'y jouir en paix de tous les dons que Dieu m'y a accordés. C'est le seul vœu que je forme pour moi-même, et le seul (questo non sarà) *будетъ!*

que j'attende de Votre amitié que je sais être sincère et telle que je puis la désirer. Je me porte bien, je suis toujours près de la G-de Duchesse, que je chéris toujours d'avantage par l'attachement sans bornes qu'elle a pour son mari, pour ce cher Pávlouschka que j'aime aussi de tout mon coeur. Indépendamment de toute autre considération, Vous savez qu'il suffit de voir que la personne qu'on aime est aimée vivement, pour aimer d'abord ce tiers dont les sentiments son unissonnés aux Vôtres. Adieu, mon très-cher; ne m'écrivez jamais qu'avec beaucoup de loisir; je Vous en prie malgré le plaisir que Vos lettres me feraient.

P. S. Vous voyez qu'on a voulu lire ma lettre, et qu'on l'a lue. A cette occasion, M-me la Grande Duchesse m'ordonne de l'excuser près de Vous, qu'Elle ne Vous répond pas à Votre dernière lettre. Elle dit que dans ce moment-ci sa tête est toute accablée par les circonstances, et c'est en vérité vrai. Elle Vous prie, dès que le projet dont Vous parlera le major Benckendorff aura eu son exécution, de lui faire le rapport le plus prompt et le plus circonstancié.

M-me Benckendorff Vous fait ses compliments.

Переводъ.

Петербургъ, 15-го Юля 1788.

Начну съ того, любезный другъ мой, что обвиняю Васъ мысленно, и скажу Вамъ, что Великая Княгиня была весьма довольна Вашимъ письмомъ и всѣмъ тѣмъ, что Вы сдѣлали. Въ особенности поручаетъ Она Вамъ поддерживать проэктъ, который по ея приказанію, сообщить Вамъ и объяснить

подробно майоръ Бенкендорфъ. Перехожу теперь къ тому, что имѣю я отвѣчать Вамъ на Ваше письмо отъ 13-го сего мѣсяца. Дай Богъ, чтобы неудовольствіе съ П. по-скорѣ прекратилось и болѣе не возобновлялось. Искренно этого желаю для спокойствія и для истиннаго блага Того, кому мы служимъ и кому мы преданы сердцемъ и душою. Какъ Штейнверъ болтливъ, тщеславенъ и неостороженъ! Вы знаете, что я это всегда замѣчала; но нужно, чтобы онъ оставался въ должныхъ границахъ, чтобы онъ не имѣлъ никакого вліянія, въ особенности вліянія вреднаго и превратнаго, на вещи, превышающія его разумѣніе. Зная мою нѣжную дружбу къ брату моему Алексѣю, и оттуда участіе мое ко всѣмъ тѣмъ, которые къ нему близки, Вы можете оцѣнить, любезный другъ, всю мою признательность за все то, что Вы соблагволили сдѣлать въ пользу Уварова. Не могу скрыть отъ Васъ, что онъ уѣхалъ исполненный раздраженія и безпокойства на счетъ неприяностей и огорченій, которыя онъ для себя предвидѣлъ. Благодаря Вамъ, онъ будетъ счастливѣе! Это вполнѣ честный челобѣкъ: я знаю его за такового; онъ грѣшитъ лишь небрежностію, часто предосудительною. Но теперь онъ отъ нея отстанетъ. Соревнованіе будетъ возбуждать его къ тому, чтобы сдѣлаться достойнымъ одобренія и благосклонности будущаго своего повелителя. Все, что вы еще въ будущемъ соблагволите сдѣлать, чтобы облегчить ему къ тому способы, будетъ для меня новымъ доказательствомъ Вашей дружбы ко мнѣ и къ моему брату, — и я слишкомъ въ Васъ увѣрена, чтобы на это не надѣяться. Сообщаемое Вами извѣстіе о томъ, что всѣ довольны нашимъ дорогимъ Великимъ Княземъ, несказанно меня радуеть. Да благословитъ и впредь его Небо! Я хо-

тѣла бы, чтобы всѣ любили и знали его на столько же, какъ и я. Ваше счастье слишкомъ мнѣ близко для того, чтобы я не выразила Вамъ, хотя этими немногими словами, мое участіе къ радости, ожидающей Васъ здѣсь. Будьте счастливы, и счастливы постоянно. Ожидаю отъ Вашей взаимности, что и вы пожелаете чего-нибудь для меня; прошу Васъ не пожелать мнѣ ничего иного, какъ только, чтобы при Вашемъ возвращеніи мнѣ позволили вернуться въ мое убѣжище¹⁾ и насладиться на покой всѣми благами, въ немъ дарованными мнѣ Богомъ. Это единственное желаніе, которое я питаю для самой себя и ожидаю отъ Ва-

(questo non sarà)—будеть!²⁾

ней дружбы, столь искренней и для меня утѣшительной. Я здорова; я постоянно при Великой Книгинѣ, которую люблю съ каждымъ днемъ болѣе за безграничную привязанность, питаемую ею къ мужу, къ этому дорогому Павлушкѣ, котораго я такъ

же люблю отъ всего сердца. Независимо отъ всѣхъ прочихъ соображеній, Вы знаете, что достаточно видѣть живую любовь къ любимому лицу, чтобы тотчасъ полюбить это третье лицо, котораго чувства настроены на одинъ ладъ съ вашими. Прощайте, мой дражайшій, пишете мнѣ лишь тогда, когда у Васъ будетъ много свободного времени,—прошу Васъ о томъ, несмотря на удовольствіе, которое доставили бы мнѣ Ваши письма.

P. S. Вы видите, что мое письмо захотѣли прочесть, и прочли. Великая Книгиня поручаетъ мнѣ извинить ее передъ Вами въ томъ, что Она не отвѣчала Вамъ на Ваше послѣднее письмо. Она говоритъ, что въ настоящее время голова у нея идетъ кругомъ отъ обстоятельствъ,—и это сущая правда. Она проситъ Васъ, какъ только осуществится проэктъ, который будетъ сообщенъ Вамъ майоромъ Бенкендорфомъ, о возможно-быстромъ и подробномъ донесеніи.

Вамъ кланяется г-жа Бенкендорфъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ И. П. ЛИПРАНДИ.

(По поводу воспоминаній Вигеля).

Я принадлежу къ числу, можетъ-быть, очень уже не многихъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, о которыхъ Ф. Ф. Вигель такъ часто упоминаетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ начиная съ 1818 года, когда въ Парижѣ я первый разъ встрѣтился съ нимъ. Съ 1817 года мы почтительно уже своими: родная сестра моя вышла замужъ за двоюроднаго брата Вигеля, семеновскаго полка капитана А. И. Тухачевскаго (командира галицкаго полка, убитаго на штурмѣ Варшавы, въ

1831 г.) За девять лѣтъ прежде, въ Шведскую войну 1808 и 1809 гг., я состоялъ при зятѣ его, генералѣ Алексѣевѣ, такъ имъ воспѣваемомъ; а потомъ, съ 1815 по 1819, былъ съ нимъ же въ Франціи, какъ это и будетъ видно. Съ 1808 года я зналъ уже о существованіи «Филиппушки», какъ его называли сестра его Наталья Филипповна и мужъ ея Илья Ивановичъ Алексѣевъ, и получилъ нѣкоторое понятіе объ этомъ семейномъ фонексѣ. Авторъ «Воспоминаній» ссылается на меня въ изображеніи нѣкоторыхъ эпизодовъ, начиная съ 1808 года, и дѣлаетъ это такъ несообразно съ истиною,

¹⁾ Т. е. отъ Двора въ Смольный.

²⁾ Слова *questo non sarà* (этого не будетъ) вписаны сверхъ строки В. Кн. Марією Федоровною; а слово «будеть!» Е. П. Нелидовою.

что я рѣшился исправить многія его показанія, указать на ихъ разнорѣчивость и такимъ образомъ охранить исторію отъ нелѣпостей, которыя, не будучи оговорены, неминуемо должны попасть въ колею оной— въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рассказываетъ, и рассказываетъ о событіяхъ и лицахъ не маловажныхъ.

Независимо отъ разъясненій тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о дѣлахъ, близко мнѣ знакомыхъ и въ которыхъ я участвовалъ, замѣчу и то, что мнѣ извѣстно положительно и что авторомъ излагается или недостаточно или превратно, сбивчиво, а очень часто и противоположно тому, что имъ же было уже сказано о томъ въ другомъ мѣстѣ. Вспроложеніе болѣе двухъ лѣтъ, находясь вмѣстѣ съ Вигелемъ въ Кишиневѣ, я имѣлъ съ нимъ близкія сношенія, какъ по возлагавшимся на меня порученіямъ князя Воронцова, такъ и по личному знакомству, о чемъ онъ не разъ и говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Видясь же съ нимъ ежедневно (а иногда и по цѣлымъ днямъ), не трудно было замѣтить, что онъ не всегда одинаково рассуждалъ объ одномъ и томъ же событіи или лицѣ, и это—смотря по настроенію его отъ тѣхъ или другихъ причинъ, совершенно чуждыхъ предмета и лица, о которомъ шла рѣчь. Такъ я зналъ его и впоследствии, когда мы служили въ Петербургѣ по миш. ви. дѣлъ и послѣ его отставки, въ Москвѣ и въ двѣ его попытки основаться здѣсь, въ Петербургѣ.

Авторъ «Воспоминаній» начинаеть II ю свою главу описаніемъ происхожденія рода Вигелей, своихъ родственниковъ съ отцовской стороны, и на стр. 7-й, назвавъ двоюроднаго брата своего, г. л. Федора Ивановича Сандерса «чудакомъ», присовокупляетъ, что война была его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ

или среди тревогъ войны, или ихъ воспоминаніями; *что въ первый разъ онъ видѣлъ непріятельскій огонь, въ чинѣ поручика, при Кагуль и проч.* 1) По окончаніи войны 1815 года, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Измаилъ, при овладѣніи которымъ три раза участвовалъ и пр. Но не въ этомъ суть. Рассказавъ, какъ онъ въ Кіевѣ будто бы выигралъ на биліардѣ графиню Мар. Игнатьевну Яблоновскую у ея мужа и женился на ней, и послѣ длинныхъ разсужденій, въ которыхъ не упустилъ, по своему, бросить и нѣсколько словъ с ея добродѣтели, Вигель заключаетъ: «Я счелъ не снзлшнимъ упомянуть объ этомъ старомъ «своинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ «отца моего (*ибо отъей онъ не оставилъ*) «тѣмъ болѣе, что оригинальность его до-«вольна замѣчательна». Сандерсъ дѣйствительно выигралъ въ биліардъ знатную сумму, и когда пришелъ къ графу Яблоновскому за полученіемъ оной и увидѣлъ графиню, то влюбился въ нее, послѣдствіемъ чего и установилось соглашеніе съ трехъ сторонъ. Еслибы принять и въ буквальномъ смыслѣ, что Сандерсъ *выигралъ* Маріи Игнатьевну въ *биліардъ*, то и это не было бы еще достаточной причиной надѣлать его поминутыми эпитетами; ибо мы имѣемъ множество примѣровъ, что жены, въ буквальномъ смыслѣ, были выигрываемы въ банкъ, штокъ, а можетъ-быть также и на биліардѣ, не говорю уже, что онѣ покупались отъ живыхъ мужей и т. п. Тотъ вѣкъ былъ богатъ подобными дѣлками. Вигелю слѣдовало бы указать на что-либо выходящее изъ обыкновенныхъ случаевъ *оригинальности чудака Сандерса*, и онъ

1) Въ строгой точности, первый разъ видѣлъ онъ огонь не при Кагулѣ, а на Ларгѣ; въ Кагулѣ же въ первый разъ онъ почувствовалъ дѣйствіе этого огня, будучи раненъ пулею въ лобъ.

могъ это сдѣлать, ибо зналъ. Пусть бы на-прим. онъ разсказалъ, какимъ образомъ въ 1808 г., вмѣсто депешъ, Сандерсъ передалъ маркитантскій счетъ, въ которомъ не было ничего болѣе, какъ: водки, икры, рѣму, баранки и т. п. грозному Пегливанъ-пашѣ, главнокомандующему въ Измаилѣ.

«Ибо онъ отътей не оставил!» Неужели воспоминанія Ф. Ф. Вигеля о *последнемъ его родственникѣ*, двоюродномъ братѣ, могли изгладиться изъ памяти его съ 1825-го года! Федоръ Ивановичъ Сандерсъ отъ перваго брака оставилъ сына (лѣтъ за сорокъ), подполковника Федора Федоровича, котораго, при участіи Вигеля въ 1824 году, перевели изъ егерскаго полка въ Кишиневскій баталіонъ внутренней стражи и который скоро вышелъ въ отставку; а отъ втораго— дочь Ольгу (кто не восхищался Измаильской Оленькой!), вышедшую уже лѣтъ двадцати пяти, по выбитіи Вигеля изъ Бессарабіи, замужъ за одного егерскаго штабсъ-капитана. И сынъ и дочь Сандерса упоминаются *по имени* въ жизнеописаніи Ф. И. Сандерса, въ «Галлерей сподвижниковъ Императора Александра I-го». Какимъ же образомъ двоюродный братъ отрицаетъ существованіе ихъ? Въ 1824 году, Вигель, объѣзжая Бессарабію, остановился въ Измаилѣ у коменданта, и я вмѣстѣ съ нимъ въ оба дня его тамъ пребыванія, объѣдалъ у Сандерса; мы смѣялись еще съ нимъ, что старики называли сороколѣтняго сына своего (казавшагося на видъ несравненно старѣе) не иначе, какъ «Фединкой» и пр.

Въ томъ II, на стр. 45, авторъ приступаетъ къ описанію дѣйствій зятя своего г. м. Алексѣева во время Финляндской войны, дѣлая его героемъ и чуть не военнымъ гениемъ во всѣхъ событіяхъ оной. Пропускаю разсказъ о движеніи Алексѣева съ Митавскимъ драгунскимъ полкомъ изъ

Сердоболя въ Карелию и обратно, что, будто бы, навлекло на него гвѣвъ Аракчеева, отнесшаго это къ трусости и т. п.²⁾ Все это игра воображенія автора, ибо, тотчасъ по соединеніи Саволаккаго корпуса г. л. Тучкова съ Карельскимъ, подъ начальствомъ г. м. князя Долгорукова, я поступилъ отъ перваго къ послѣднему, а потому имѣлъ свѣжую возможность знать все предшествовавшее, тѣмъ болѣе, что и продолженіе военнаго журнала было на моихъ рукахъ. О послѣдующихъ же событіяхъ, которымъ я близкій свидѣтель, мнѣ придется говорить пространнѣе, такъ какъ это уже исторія, а она должна быть исправлена; тѣмъ болѣе это необходимо, что мы не имѣемъ исторіи Финляндской войны, театр которой такъ къ намъ близокъ, о чемъ и было уже мною замѣчено³⁾.

Вотъ какъ Ф. Ф. Вигель описываетъ (стр. 46) соединеніе Карельскаго корпуса г. а. князя Долгорукова съ Саволакскимъ г. л. Тучкова 1-го.

«О благополучномъ совершеніи похода, донесъ онъ (князь Долгоруковъ) въ Петербургъ и произведенъ былъ въ генералъ-лейтенантъ». Соединеніе корпусовъ послѣдовало въ Тойвалѣ. 16-го сентября, а князь убитъ былъ 15-го октября, будучи еще генералъ-майоромъ.

«Соединившись съ Тучковымъ, который «былъ старше его въ чинѣ, онъ (князь Долгоруковъ) поставилъ его (Тучкова) и

²⁾ Замѣчаніе послѣдовало не за то, что онъ отступилъ изъ Карелии, но за то, что онъ безъ всякой видимой причины распространилъ страхъ между жителями Сердоболя и окрестностей, приказавъ грузить казенное имущество для отплытія т. А.

³⁾ Въ Р. Арх. 1866 г., стр. 1031 въ статьѣ: объ Аракчеевѣ и въ особой книгѣ: Матеріалы отечественной войны 1812 года. С.-Петербургъ 1867 г., стр. 204.

«затруднительное положеніе, не хотѣлъ себя подчинить ему и началъ дѣйствовать *отдѣльно*».

Въ самый день переправы Саволаккаго корпуса изъ Куопіо, чрезъ озеро, въ Тойвалу, началъ переправу и Карельскій корпусъ чрезъ проливъ Риссолу. Въ этотъ же вечеръ пріѣхалъ къ Тучкову въ Тойвалу и князь Долгоруковъ. Не было и не могло быть и рѣчи, чтобы генераль-маіоръ *не хотѣлъ подчиниться* генераль-лейтенанту въ дѣйстви на одномъ и томъ же пути, ибо другаго направленія не было, кромѣ какъ чрезъ Иденсалми на Улеборгъ, что было указано и главнокомандующимъ. Когда князь дѣйствовалъ въ Карелин, онъ находился уже подъ начальствомъ Тучкова 1-го, который еще въ августѣ предписалъ ему идти къ озеру Калавези, въ тылъ тайвольской позиціи, что и было совершено ⁴⁾. Одно, чего желалъ князь, состояло въ томъ, чтобы корпусъ его оставался въ томъ же составѣ, и было рѣшено, что онъ со своими войсками составитъ авангардъ, на что впоследствии получено и высочайшее утвержденіе. А такъ-какъ устроенный чрезъ проливъ Риссолу мостъ, для перевозки артиллеріи и обозовъ, не былъ еще готовъ, то и положено было, что Саволакскій корпусъ двинется впередъ и остановится передъ Палонсомъ. Въ Карельскомъ корпусѣ не было ни одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба, кромѣ маіора барона Тейля-фанъ-Сераскиркена, недостаточно

4) Независимо отъ другихъ матеріаловъ, это видно и изъ жизнеописанія Тучкова 4-го въ галлерей—«Императоръ Александръ и его сподвижники». Не разъ отъ князя изъ Карелии пріѣзжали съ донесеніемъ къ Тучкову 1-му въ Куопію, и послѣднимъ посланцемъ былъ ординарецъ князя, Митавскаго драгунскаго полка прапорщикъ Чоголовъ, съ которымъ и отправлена послѣдняя диспозиція.

II.

знавшаго русскій языкъ; по-этому князь испросилъ у Тучкова одного изъ таковыхъ, и жребій палъ на меня. Чрезъ нѣсколько дней по переправѣ тяжестей, князь Долгоруковъ выступилъ и занялъ Палонсъ, составивъ такимъ образомъ авангардъ корпуса Тучкова, имѣвшаго свою корпусную квартиру въ Савоярви, верстахъ въ пяти не доходя Палонса. Въ это время, въ продолженіе болѣе двадцати дней (до смерти князя), всѣ распоряженія получались отъ Тучкова, и оба генерала посѣщали одинъ другаго. Можетъ-быть, между ними была какая-либо личность, различные взгляды, но гармонія подчиненности, служба отъ того не терпѣли.

Прежде чѣмъ слѣдить далѣе за рассказомъ Вигеля, въ которомъ онъ не престаеътъ возвышать, въ ущербъ другимъ, зятя своего, Алексѣева, воздвигая его на первую степень дѣятельности и заслугъ, полагаю, не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о составѣ Карельскаго корпуса, чтобы видѣть ту роль, которую игралъ въ немъ Алексѣевъ.

Такъ называвшійся Карельскій корпусъ состоялъ изъ двухъ мушкатерскихъ полковъ: Навагинскаго, съ шефомъ своимъ (престарѣлымъ, или лучше сказать, ослабѣвшимъ въ здоровьи) г. м. Арсеньевымъ ⁵⁾, и полковымъ командиромъ полковникомъ Ляпнымъ, и Тенгинскаго, съ шефомъ г. м. Ершовымъ и полковымъ командиромъ полковникомъ Пестелемъ, и 4-го егерскаго полка, шефа коего, г. м. Багговута, на-лицо не было, а командовалъ имъ полковой командиръ полковникъ Адамовичъ. Изъ драгунскихъ полковъ, Ямбургскій, былъ пѣшій,

5) Онъ былъ въ чинѣ генераль-маіора, старше князя Долгорукова, но передъ тѣмъ слѣвано было распоряженіе, что званіе генераль-адъютанта предоставляет старшинство предъ находящимися въ одинаковыхъ чинахъ.

Русскій Архивъ 1870. 11

съ шефомъ полковникомъ И. В. Аргамаковымъ⁶⁾, и Митавскій, на лошадахъ, коего шефомъ былъ г. м. Илья Ивановичъ Алексѣевъ, зять Вигеля; полковымъ командиромъ полковникъ Родіонъ Ѳедоровичъ Гернгроссъ, но онъ былъ взятъ въ штабъ корпуса для исправленія должности бригадъ-маіора. Завѣдываніе полкомъ (въ числѣ около 3000 человекъ) лежало на командирѣ лейбъ-эскадрона маіорѣ Михайлѣ Ѳедотовичѣ Бобарыкинѣ, офицерѣ высокихъ достоинствъ и на службѣ и въ частной жизни. Независимо отъ упомянутыхъ войскъ была легкая артиллерійская рота маіора Судакова и шесть конныхъ орудій Штевена; піонерная рота капитана Александра Андреевича Ключарева и двѣ неполныя сотни казаковъ, Лощина и Киселева полковъ.

Штабъ князя Долгорукова составляли: по генеральному штабу маіоръ баронъ Ѳедоръ Васильевичъ Тейль-фанъ-Сераскиркенъ, офицеръ извѣстныхъ способностей (въ 1815 году, нашъ посланникъ въ Соединенныхъ Штатахъ) и я. По особымъ порученіямъ состоящій по кавалеріи полковникъ Александръ Денисьевичъ Берлиръ, уже въ лѣтахъ, бывшій при князѣ Потемкинѣ, человекъ высокихъ достоинствъ; въ должности бригадъ-маіора — упомянутый Гернгроссъ, славный дѣятель 1812 года. Личными адъютантами князя: гвардейской конной артиллеріи поручикъ Николай Ивановичъ Жадовскій и Нейшлотскаго гарнизоннаго баталіона поручикъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой, (извѣстный подъ названіемъ Американца⁷⁾); три ординарца: Митавскаго драгунъ-

6) Полкъ этотъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими эскадронами спѣшенныхъ же драгунъ другихъ полковъ, не слѣдовалъ за корпусомъ далѣе пролива; на нихъ возложено было охранять путь до Сердоболя.

7) Князь звалъ его издавна и былъ съ нимъ какъ съ старымъ товарищемъ, — любилъ слушать

скаго полка прапорщики: Чоголковъ и баронъ Соловьевъ, хорунжіи Нестеровъ; командированный въ штабъ баталіонный лекаръ Навагинскаго полка Н. Ѳ. Арендтъ (впоследствии лейбъ-медикъ) и переводчикъ титулярный совѣтникъ Лавреніусъ.

Изъ вышеприведеннаго краткаго очерка видно, что г. м. Алексѣевъ никакой особенной команды не имѣлъ, носилъ званіе шефа, весьма мало заботясь о полкѣ, который былъ въ рукахъ, по его собственному сознанію, несравненно лучшихъ, нежели его собственныя. Имѣя въ распоряженіи своемъ довольно лошадей, онъ охотно снабжалъ ими всѣхъ нуждавшихся въ оныхъ и вообще былъ добръ и очень не прочь погулять, или, какъ говорить и самъ Вигель, — «покутить». Алексѣевъ былъ дѣйствительно любимъ всѣми и храбръ, но уже никакъ не бодръ, ибо въ пылу битвы трудно было бы ожидать отъ него какихъ-либо распоряженій⁸⁾. Но Вигель, вслѣдъ за приведенными выше словами: «и началъ (кн. Долгоруковъ) дѣйствовать отдѣльно», присовокупляетъ: «онъ велѣлъ генералу Алексѣеву атаковать «Шведовъ въ укрѣпленныхъ киркѣ и мызѣ «Индесальми (!), а самъ съ веселымъ духомъ сталъ на пушечный выстрѣлъ отъ «мѣста сраженія, чтобы распоряжаться дѣйствіями».

Здѣсь ип въ одномъ словѣ иѣтъ правды, исключая того, что князь *распоряжался и былъ въ веселомъ духѣ*. Выше я уже замѣтилъ, что не было и рѣчи о неподчиненности князя Долгорукова Тучкову и объ его рассказы, мастерски излагаемые, и не впаде называлъ его какъ дядей Ѳедей или Ѳедоромъ. Онъ завѣдывалъ походнымъ хозяйствомъ и за столомъ разливалъ супъ; дѣлалъ конверты (тогда не было еще склеенныхъ) и т. п.

8) Умалчиваю о многихъ эпизодахъ, подтверждающихъ это, чему есть еще, хотя и очень мало, свидѣтели.

отдѣльномъ дѣйствиі первомъ, между тѣмъ какъ Ф. Ф. Вигель заставляетъ его такъ дѣйствовать спустя черезъ мѣсяцъ послѣ соединенія обоихъ корпусовъ. Еслибы авторъ «Воспоминаній», описывая событія, которымъ онъ не былъ свидѣтелемъ, не руководствовался сказками и своими вымыслами, а обратился къ исторіи той эпохи: то, независимо отъ нашихъ данныхъ, онъ нашелъ бы противное въ превосходной исторіи этой войны, написанной шведскимъ офицеромъ Монгомерри, участникомъ при Иденсальми⁹⁾; онъ увидѣлъ бы, что, на основаніи бывшаго перемирія, обѣ стороны, до открытія вновь военныхъ дѣйствій, должны были предупредить одна другую за семь дней, и что такое предупрежденіе послѣдовало не со стороны авангарднаго начальника князя Долгорукова, а отъ Тучкова, получившаго о томъ предписаніе на свое имя отъ главнокомандующаго, вслѣдствіе чего онъ и написалъ письмо отъ 7-го октября изъ Савоярви къ начальнику шведскихъ войскъ, генералу Сандельсу, и отправилъ оное съ своимъ адъютантомъ, кавалергардскаго полка поручикомъ барономъ Матвѣемъ Ивановичемъ Паленымъ. Полное содержаніе письма этого находится въ сочин. г. Монгомерри. Обстоятельство это достаточно, чтобы видѣть, кто былъ здѣсь начальникомъ. Въ полдень 15-го октября истекалъ срокъ для возобновленія военныхъ дѣйствій. Обзоръніе позиціи, занимаемой Шведами, было дѣлаемо ежедневно княземъ; генералъ Тучковъ пре-

⁹⁾ До сихъ поръ шведская военная литература обильно продолжаетъ обогащать исторію этой войны любопытными матеріалами. Очень недавно вышло чрезвычайно любопытное жизнеописаніе лицъ, участвовавшихъ въ войнѣ противъ Россіи, въ 1808 и 1809 годахъ (Lefnadstekningar öfver de utmärktore personerna under krieget emot «Ryssland ären 1808 och 1809. Förra delen. Stockholm. 1867).

доставилъ ему сдѣлать диспозицію, которую потомъ самъ повѣрялъ на мѣстѣ и приведеніе оной въ исполненіе, съ малыми измѣненіями, поручено было князю, съ его авангардомъ, составленнымъ, какъ замѣчено выше, изъ войскъ, прошедшихъ съ нимъ въ Карелію. Изъ корпуса же Тучкова предназначалось послать въ обходъ Ревельскій полкъ съ двумя другими баталіонами. Но обходъ этотъ не состоялся по причинамъ, независимымъ ни отъ Тучкова, ни отъ князя, какъ это было объяснено въ одной изъ моихъ статей¹⁰⁾.

Объ участіи въ сраженіи зятя Вигеля, генерала Алексѣева, скажется далѣе, а здѣсь мимоходомъ замѣчу, что кирка, о которой идетъ рѣчь, называется Иденсальма, а не *Индесальми*, и что она не была *укрѣплена*, а составляла пунктъ демаркаціонной линіи, около версты впереди къ намъ отъ линіи шведскихъ укрѣпленій, находившихся за проливомъ; что не было никакой мызы *Индесальми*, слѣдовательно, и она *укрѣплена* быть не могла. Была единственная мыза (и также не укрѣпленная) Фридрихсдалъ, за тройнымъ рядомъ шведскихъ укрѣпленій; въ ней находилась непріятельская главная квартира и, по отступленіи Шведовъ, — штабъ нашего авангарда.

¹⁰⁾ Подъ заглавіемъ: «Генераль-адъютантъ князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ». Она написана была въ опроверженіе книги, напечатанной въ Гельсингфорсѣ, въ 1838 году, подъ заглавіемъ: «Dunker och hans omgifning» (Дункеръ и окружающіе его). Въ книгѣ этой, чрезъ полѣвка, опять коснулись перестановки часовъ княземъ Долгоруковымъ, 15-го октября 1808 г., предъ иденсальмскимъ сраженіемъ. Я объяснилъ это ложное предположеніе и на шведскомъ же языкѣ напечаталъ статью въ гельсингфорскомъ журналѣ, издающемся профессоромъ Сигнеусомъ, въ сентябрьской книгѣ 1861 г. Впослѣдствіи, въ 1863 году, статья эта въ русскомъ переводѣ была помѣщена въ Сѣверной Пчелѣ (1863 года).

Послѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, Вигель продолжаетъ: «пока оскорбленный въ своей чести Алексѣевъ рвался доказать «нелѣпость обвиненій Аракчеева и шелъ по узкой плотинѣ (стр. 47), *черезъ малое озеро* прямо къ укрѣпленіямъ *Индесальми*, «сосыпаемый картечью и пулями, пущенное оттуда (?) ядро *вырвало бокъ (!)* у князя Долгорукова, который еще довольно далеко стоялъ верховъ. Смерть генерала обыкновенно изумляетъ, смущаетъ, разстроиваетъ солдатъ, но только не русскихъ: *оживленные* примѣромъ *другаго начальника*¹¹⁾, «наши воины продолжали идти отчаянно на бой: *непріятели вынаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно выиграно*. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, и честь этого дня, конечно, ему принадлежитъ».

Здѣсь было бы неумѣстно излагать вполне это несчастное для насъ дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не сказать объ ономъ нѣсколькихъ словъ, съ цѣлію показать, до какой степени можно позволять себѣ посягательство на истину, и какое искаженіе встрѣчается въ «Воспоминаніяхъ» на каждой строчкѣ,—по крайней-мѣрѣ тѣхъ эпизодовъ, которые мнѣ близко извѣстны. Въ упомянутомъ выше возраженіи моемъ шведскому автору, я распространялся уже объ этой битвѣ настолько, насколько слѣдовало для выясненія, будто бы князь Долгоруковъ переставилъ часы впередъ для начатія дѣла. Я выше сказалъ, что диспозиція, сдѣланная княземъ для атаки непріятельской позиціи, была, съ малыми измѣненіями, одобрена Тучковымъ, повѣрившимъ ее на мѣстѣ за два дня до сраженія. Здѣсь, прежде чѣмъ приступать къ разсмотрѣнію приведеннаго Вигелемъ описанія,

замѣчу въ опроверженіе автора, утверждающаго, будто бы Долгоруковъ дѣйствовалъ тутъ отдѣльно, безъ подчиненія себя Тучкову, что еще съ самаго утра 15-го октября, когда князь выѣхалъ изъ Палонса къ домакарціонной линіи, до самаго того времени, когда онъ былъ убитъ, безпрестанно пріѣзжали отъ Тучкова его штабные: бригадъ-маіоръ Ревельскаго полка маіоръ Сергѣй Петровичъ Пухинскій и адъютанты генерала—баронъ М. И. Палевъ, А. А. Набель и прикомандированный къ генеральному штабу 3-го егерскаго полка поручикъ М. И. Понсетъ, независимо отъ посылавшихся отъ князя, полковника Берлира и барона Соловьева, для извѣщеній (а Набель и Понсетъ находились тутъ почти постоянно или, по крайней мѣрѣ, они являлись чаще другихъ); слѣдовательно, если бы оба генерала почитали себя независимыми одинъ отъ другаго, то ничего подобнаго и быть не могло. Теперь скажу нѣсколько словъ по поводу приведеннаго выше текста, доказывающаго, что Ф. Ф. Вигель не имѣлъ никакого понятія о томъ, что взялся описывать, и былъ движимъ только однимъ желаніемъ выставлять на видъ Алексѣева. Чтобы яснѣе видѣть это, должно сказать, что въ половинѣ двѣнадцатаго часа князь былъ уже на демаркаціонной линіи у пасторскаго дома. Съ княземъ пріѣхалъ и Алексѣевъ, который былъ только шефомъ Митавскаго драгунскаго полка, тогда за откомандировками состоявшаго не болѣе какъ изъ двухсотъ человекъ, вовсе не предназначавшихся по диспозиціи къ дѣлу. Ровно въ полдень, шведскій ведетъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, началъ отступать до моста черезъ проливъ, до котораго было около версты. Чтобы не дать времени разобрать мостъ, князь поручилъ адъютанту своему графу Толстому, съ

11) Какое грубое сравненіе!!

нѣсколькими казаками, броситься за шведскими драгунами и завязать съ ними перестрѣлку. Вслѣдъ за гр. Толстымъ двѣ роты 4-го егерскаго полка, безъ ранцевъ, подъ начальствомъ маіора Тверитинова, и піонерная рота Ключарева тронулись бѣгомъ къ мосту; но прыткія финскія лошади, имѣ предъ казаками около ста саженъ впереди, на протяженіи менѣе версты, успѣли перебраться черезъ мостъ, и тогда изъ шанцевъ саволакскіе стрѣлки открыли сильный ружейный огонь, подъ прикрытіемъ котораго съ подготовленнаго къ разрушенію моста успѣли сбросить настилку въ воду. Тверитинову съ егерями не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ рассыпаться и вести перестрѣлку. Между-тѣмъ тотчасъ за Тверитиновымъ и Ключаревымъ двинулись войска; впереди шелъ 4-й егерскій полкъ, два орудія конной роты Штевена, Тенгинскій мушкатерскій полкъ, артиллерійская рота Судакова и Навагинскій мушкатерскій полкъ. Князь, съ демаркаціонной линіи, двинулся въ головѣ егерей; но, узнавъ, что мостъ разобранъ, послалъ за остальными конными орудіями, которыя скоро опередили егерей, и самъ онъ поспѣшилъ впередъ, указавъ для нихъ мѣсто и остановился на лѣвомъ ихъ флангѣ, черезъ дорогу, ободряя егерей и піонеровъ, которые, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и ядрами, принялись за работу. Вслѣдъ за симъ вся пѣшая рота Судакова поставлена была на мѣсто конныхъ орудій, принявшихъ гораздо правѣе въ лѣсъ, къ берегу озера Шели-Ярви, черезъ которое они могли дѣйствовать только на ближайшія укрѣпленія.

Прикрытые артиллерією, піонеры, подъ начальствомъ храбрыхъ, своего капитана Ключарева и поручиковъ — князя Оболенскаго и Кучинскаго, успѣли, подъ сильнымъ огнемъ, набросать тутъ же вырубав-

мая деревья и доставить, хотя и очень затруднительную, возможность пѣхотѣ перебраться. Въ продолженіи этого времени войска стягивались около князя. Здѣсь онъ приказалъ шефамъ Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ, генераламъ Арсеньеву и Ершову, остаться подъ предлогомъ, что въ ихъ лѣта и пѣшкомъ трудно перебраться черезъ кладки, а когда мостъ исправится, то они послѣдуютъ за полками. Обратясь къ полковымъ командирамъ и штабъ-офицерамъ, близъ его стоявшимъ, князь сказалъ: «съ Богомъ, господа!» Указывая на непріятельскія укрѣпленія, онъ присовокупилъ: «вотъ вамъ георгіевскіе кресты!» Полки двинулись... Недостатка у непріятеля въ ядрахъ и пуляхъ не было. По диспозиціи, 4-й егерскій полкъ, переправясь, долженъ былъ тотчасъ выбить шведскихъ стрѣлковъ изъ ямъ, устроенныхъ и распределенныхъ передъ деревушкою Каупила, лежащею противъ моста, и потомъ идти по дорогѣ, которая тотчасъ за проливомъ поворачивала направо, по берегу озера Шели-Ярви. Шведы, находившіеся передъ деревушкою Каупила, не долго сопротивлялись, изъ опасенія быть отрѣзанными. Навагинскій полкъ долженъ былъ поддерживать егерей, а Тенгинскій, переправясь черезъ проливъ, принять влѣво и, отойдя на хорошій ружейный выстрѣлъ отъ переправы, занять стрѣлками лѣсъ, по которому Шведы могли бы обойти маленькое озеро Алемайновъ, находящееся тотчасъ за деревнею Каупила, и угрожать тылу правой колонны. Алексѣевъ все это время стоялъ при князѣ; когда же Навагинскій полкъ перешелъ, то князь поручилъ ему правую колонну. Послѣ того, какъ переправился послѣдній полкъ (Тенгинскій), князь, увидѣвъ, что 4-й егерскій полкъ занялъ нижнія укрѣпленія и подвигался къ нагорнымъ, приказалъ Судакову

участить огонь, *слъзъ съ лошади* и, обратясь къ окружавшимъ его, нѣкоторыхъ разослалъ, а другимъ сказалъ: «Теперь и намъ пора». Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ мосту, онъ былъ пораженъ ядромъ, не будучи *«верхомъ»*, какъ говоритъ Вигель; и у него «не вырвало бока», а ядро ударило его въ правую руку и прошло черезъ туловище между грудью и спиною. Въ это время, изъ оставшихся при князѣ, ближе всѣхъ къ нему находилась: я съ планомъ позиціи въ рукахъ и графъ Толстой, съ огромной пенковой трубкой; полковникъ Берлиръ и баронъ Тейль были черезъ дорогу на батарее Судакова; ординарецъ Нестеровъ посланъ былъ сказать имъ, чтобы они присоединились къ нему. Князь былъ въ скруткѣ на распахку; подъ нимъ надѣтъ былъ,—тогда почти у всѣхъ въ употребленіи,—шпензерь, т. е. мундиръ безъ фалды. На шеѣ Георгіевскій крестъ, сабля подъ скруткою. Въ правой рукѣ онъ держалъ, на коротенькомъ чубукѣ, трубку, въ лѣвой небольшую зрительную трубу. День былъ прекрасный, осенній. Шли подъ гору довольно быстро: князь—по самой оконечности лѣвой стороны дороги. Ядра были довольно часты. Вдругъ мы услышали ударъ ядра и въ то же мгновеніе паденіе князя въ яму (изъ которой выбрали глину) около дороги. Гр. Толстой и я мгновенно бросились за нимъ (Монгомери, т. I, стр. 106, принялъ наше внезапное исчезновеніе за смерть, ибо говоритъ, что князь и два адъютанта его были вмѣстѣ съ нимъ убиты). Фуражки и чубука при немъ уже не было, но въ лѣвой рукѣ зрительная труба была стиснута. Онъ лежалъ на спинѣ. Прекрасное лицо его не измѣнилось. Трехфунтовое ядро ударило его въ локоть правой руки и пропизало его станъ. Онъ былъ бездыханецъ; графъ и я приподняли голову. Прибѣжали

Берлиръ и Тейль и послали меня черезъ дорогу къ Судакову за людьми; тотчасъ явился офицеръ съ людьми, нашли доску, накрыли трупъ какой-то парусиной, принесенной артиллеристами, и понесли, въ сопровожденіи Берлира, Толстаго и другихъ, въ Палонсъ; я долженъ былъ остаться съ барономъ Тейлемъ. Черезъ полчаса или даже болѣе, мы увидѣли, что егеря преслѣдуются изъ третьяго ряда укрѣпленій. Приѣхалъ Тучковъ и т. д. Вечеромъ, возвратясь въ Палонсъ, мы нашли князя на томъ самомъ столѣ, на которомъ обѣдывали, въ распоряженіи медиковъ, бальзамировавшихъ его. Здѣсь только я могъ обмыться отъ крови; но графъ Толстой рѣшительно сказалъ, что не будетъ смывать ея, пока сама не исчезнетъ, и взялъ себѣ шпензерь князя. Не буду выписывать всего, что тутъ происходило. На третій день Берлиръ и адъютанты князя, Жадовскій и гр. Толстой, повезли тѣло въ Петербургъ. Съ графомъ Толстымъ я свидѣлся въ 1810 году, когда онъ имѣлъ поединокъ съ Нарышкинымъ въ Або, о чемъ будетъ говорить и Вигель. Оставшись въ Финляндіи, я потерялъ его изъ виду; слышалъ, что онъ въ отставкѣ. Наканунѣ Бородинскаго сраженія, подъ вечеръ, находясь на центральной батарее, я услышалъ, что кто-то отыскиваетъ какого-то полковника графа Толстаго. Оказалось, что это мой старый знакомый, въ настоящее время уже начальникъ дружины ополченія. Изъ любопытства пошелъ онъ къ цѣпи посмотреть «Французовъ», а въ это время за нимъ прислалъ генералъ. Его скоро отыскали. Мы успѣли только размыться нѣсколькими словами и помянуть князя Долгорукова. Сказавъ мнѣ, гдѣ и чѣмъ онъ командуетъ, онъ поскакалъ на призывъ. 28-го, до разсвѣта, отправясь изъ Можайска съ квартиргеррами въ Москву къ Крым-

скому Броду и обгоняя безчисленные обозы, я услышалъ изъ одной повозки голосъ графа, звавшаго къ себѣ шедшаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него своего чело-вѣка. Я подѣхалъ, графъ былъ раненъ въ ногу и предложилъ мнѣ мадеры. Я кое-какъ выпроводилъ его изъ ряда повозокъ, и мы разстались. Во время войны 1813—1815 годовъ, я не встрѣчался съ нимъ; потомъ, оставшись во Франціи до 1819, въ корпусѣ князя Воронцова, я слышалъ, что онъ умеръ, и такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что въ 1822 г., будучи довольно долго въ Москвѣ, не вздумалъ и спросить о немъ отъ многихъ сослуживцевъ-Москвичей. Въ 1837 г. одинаково я пробылъ въ Москвѣ болѣе мѣсяца. Наконецъ въ 1844 году, бывши опять въ Москвѣ и навѣстивъ А. О. Вельмана, я встрѣтилъ у него незнакомаго старика, съ совершенно сѣдыми и густыми волосами. Хотя физиономія его казалась мнѣ не чуждою, но я далеко былъ отъ мысли угадать, кто онъ. Разговоръ былъ общій. Наконецъ почтенный хозяинъ отрекомендовалъ насъ одного другому. Почти въ одинъ голосъ мы спросили другъ друга: не вы ли? не вы ли? И потомъ послѣдовало, что въ такихъ случаяхъ быва-етъ. Тутъ же мы припомнимъ и повторили все то, что сказано выше. Графъ замѣтилъ мнѣ, что спензеръ князя до сихъ поръ у него, что видѣть его часто вошло у него въ привычку. На другой день взялъ онъ слово у него обѣдать; онъ пригласилъ еще почтеннаго ветерана нашей эпохи О. Н. Глинку. Мы съ Вельманомъ заѣхали по дорогѣ къ Федору Николаевичу и вмѣстѣ отправились къ графу. Я его нашелъ такимъ же: онъ разливалъ для всѣхъ супъ. Разговоръ нашъ заключался въ воспомина-ніяхъ о князѣ, о его смерти. На другой день онъ былъ у меня, и потомъ я у него;

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я опять пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву; тѣ же сви-данія, тѣ же воспоминанія; онъ общалъ мнѣ, лѣтомъ, въ деревнѣ, показать свои записки, какъ оказывалось въ этомъ слу-чаѣ, вѣрныя съ моимъ рассказомъ. Въ слѣдующую мою поѣздку я привезъ свой днев-никъ, но графа уже не стало. Я привелъ этотъ длинный рассказъ единственно пото-му только, что все мною сказанное объ Иденсальскомъ дѣлѣ было повторено при помянутыхъ лицахъ и происходило совер-шенно не такъ, какъ сострапываетъ Вигель. Со временемъ извлеку изъ моего дневника болѣе подробное разъясненіе тѣхъ событій.

Возвращаясь къ изложенію дѣла. Не было *узкой плотины*, да еще черезъ *малое озеро*, а былъ просто мостъ черезъ проливъ, шириною отъ 30 до 40 сажень, соединяющій два озера Иденъ-Ярви и Пели-Ярви. Я уже сказалъ, что Иденсальми было за версту сзади этого пролива, на нашей сторонѣ, а за проливомъ находились укрѣпленія, на которыя были направлены наши войска, а не къ *укрѣпленіямъ Иденсальми*: это чистая бессмы-слица. Относительно извѣстія о смерти князя, въ высшей степени любимаго вой-скомъ, то изъ тѣхъ, которые переправи-лись черезъ проливъ, узналъ первый Нава-гинскій полкъ, гдѣ находился Алексѣевъ, которому сообщалъ прибѣжавшій къ нему одинъ изъ ординарцевъ его полка. Але-ксѣевъ въ это время закусывалъ, пока полкъ, перебивавшійся поодиночкѣ черезъ мостъ, приводился въ порядокъ. Внезапная вѣсть эта, переданная ему отдѣльно, вы-звала его къ рыданіямъ. Онъ былъ окру-женъ многими, и смерть князя тотчасъ распространилась по полку. Послѣ этого изъ нашихъ уже никто не шелъ «впередъ *отчаянно на бой*», а шли впередъ только одинъ Шведы. За снѣмъ скоро узналъ о не-

счастіи Тенгинскій полкъ; егеря же узнали тогда только, когда отброшены были на Навагинскій полкъ.

Заключеніе параграфа, приведеннаго выше, превосходитъ уже всякую мѣру: «Не-спріятеля выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно «выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него «цѣль и невредимъ, и *честь этого дня, конечно, ему принадлежитъ*» (!).

Иденсальмская битва происходила слѣдующимъ образомъ: 4-й егерскій полкъ быстро овладѣлъ первою линіею укрѣпленій и, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, перебѣжалъ за нимъ ручеекъ пли проливъ, соединяющій озерко Алемайненъ съ Пиели-Ярви и, атаковавъ на возвышеніи вторую линію, проникъ въ редутъ. Генералъ Сандельсъ, сосредоточивъ все, что у него было въ третьей линіи и замѣтивъ, что оба баталіона егерей нашихъ не въ полномъ порядкѣ (естественное послѣдствіе двухъ отчаянныхъ натисковъ) и, увидѣвъ что Навагинскій полкъ находится отъ нихъ, даѣе, нежели онъ, ударилъ массою въ штыки на егерей, съ которыми завязался ожесточенный бой; масса восторжествовала надъ разсѣянными, Саволакскими егерями, не успѣвшими, по быстротѣ атаки, собраться; тогда все, что находилось внѣ редута второй линіи, начало послѣдно отступать; когда же увидѣли, что редутъ, въ которомъ находился маіоръ Обернибесовъ, упорно защищавшійся въ немъ, палъ и Шведы быстро стали напирать на егерей, копъ отступление обратилось уже въ бѣгство, для скорѣйшаго соединенія съ Навагинскимъ полкомъ, спѣшившимъ на выручку,—то уже было поздно. День начиналъ склоняться уже къ вечеру. Тенгинскій полкъ, стоявшій влѣво отъ моста черезъ проливъ около озерка Алемайненъ, увидѣвъ разстрой-

ство егерей (Навагинскаго полка онъ не могъ еще видѣть за холмомъ) и преслѣдовавшую ихъ массу Шведовъ, началъ отступать къ мосту. Отступление было послѣдно, изъ опасенія быть отрѣзанными; вмѣстѣ съ тѣмъ и Навагинскій полкъ, къ которому успѣла примкнуть часть егерей, въ свою очередь, увидѣвъ Тенгинскій полкъ быстро спѣшившимъ къ переправѣ столь трудной, по мосту, едва проходимому (который однакоже въ промежутокъ этого времени былъ уже хорошо устроенъ), усилить шагъ, и мало-по-малу всѣ три полка столпились въ безпорядкѣ для перехода; и конечно, еслибы артиллерія наша не была усилена прибывшимъ уже на мѣсто битвы Тучковымъ съ Ревельскимъ и потомъ другими полками, съ гвардейскою артиллеріею полковника Третьякова, то немногіе изъ трехъ полковъ, переправлявшихся за проливъ, успѣли бы спастись; но и затѣмъ до четырехсотъ человекъ, преимущественно Навагинскаго полка, не попали на нашу сторону, а бросились въ лѣсъ около озера Иденъ-Ярви и только въ слѣдующіе дни перевезены были черезъ оное кое-гдѣ наскоро собранными лодками. Совершенно уже стемнѣло; но ружейный и пушечный огонь не прекращался. Шведы опять утвердились передъ деревенькой Каупила и убійственнымъ огнемъ много намъ вредили. Здѣсь въ числѣ раненыхъ былъ и маіоръ Тейль-фанъ-Сераскиркенъ, въ голову пулей. Генералъ Тучковъ все время оставался подъ огнемъ около батарен Судакова.

Этимъ ограничиваю описаніе этого дѣла, котораго вся слава, по словамъ Ф. Ф. Вигеля, принадлежитъ его зятю генералу Алексѣеву, «выгнавшему изъ укрѣпленій Шведовъ, разбившему ихъ и забравшему «плѣнныхъ». Не было ни одного плѣннаго Шведа, а напротивъ наша потеря прости-

ралась до тысячи человекъ; въ числѣ раненныхъ картечью былъ полковникъ Ялинъ. Что мы вполне потеряли это дѣло, свидѣтельствуется, независимо отъ всѣхъ исторій, и въ сочиненіи Императоръ Александръ I и Егоподвижники; въ жизнеописаніяхъ лицъ участвовавшихъ въ ономъ, вездѣ положительно сказано, что Н. А. Тучковъ 1-й съ двумя полками, «подъ личнымъ предводительствомъ поддержалъ Тенгинскій, Навагинскій и 4-й егерскій полки, въ ту самую минуту, когда они, опрокинутые и преслѣдуемые Шведами, отступали въ разстройствѣ». Одинъ только Вигель называетъ это совершенною побѣдою, и виновникомъ такого славнаго подвига—былъ его зять Алексѣевъ! Участіе мое въ этой битвѣ засвидѣтельствовано военнымъ серебрянымъ Георгиевскимъ крестомъ. Я былъ тогда колонновожатымъ.

Въ 9-ь часовъ вечера, въ глубокую темноту, ружейный огонь чрезъ проливъ еще продолжался, какъ вдругъ послышался конскій топотъ и труба; артиллерія приняла это за конницу, предпринявшую наступленіе; нѣсколько выстрѣловъ сдѣлано было картечью; наконецъ догадались, что это былъ парламентаръ, предложившій сдѣлать перемиріе на 24 часа, для подобранія раненныхъ и убитыхъ. Генералъ Тучковъ согласился, и для сего назначенъ былъ съ нашей стороны бригадъ-маіоръ Пухинскій. Весь слѣдующій день былъ на то употребленъ, и едва къ вечеру успѣли убрать убитыхъ. Только эти послѣдніе оставались на нашу долю; раненные были уже подобраны Шведами. 17-го числа, непріятель отступилъ за 18 верстъ. А какъ при самомъ началѣ сраженія 15-го октября получено было предписаніе главнокомандующаго приостановиться въ наступательномъ дѣйствіи¹²⁾, то войска

¹²⁾ Вслѣдъ за симъ это опять было отмѣнено.

и были расположены на мѣстѣ битвы въ шалашахъ по окраинѣ лѣса, гдѣ стояла батарея Судакова, а отсюда эшелонами къ Палонсу. Корпусная квартира заняла пасторскій домъ. Бывшія войска въ Карельскомъ корпусѣ составили авангардъ, который, за исключеніемъ артиллеріи, піонеровъ и Тенгинскаго полка, расположился за проливомъ: штабъ авангарда на мызѣ Фридрихсдалѣ, имѣя впереди 4-й егерскій полкъ, а около бывшихъ непріятельскихъ окоповъ второй линіи Навагинскій. Командующій Митавскимъ полкомъ (около 200 человекъ) маіоръ Бобарыкинъ, вмѣстѣ съ 150 казаками, составлялъ какъ бы авангардъ авангарда и выдвинуть былъ за 6 верстъ отъ Фридрихсдала въ первые дворы растянутой деревни Партала.

Старшимъ изъ генераловъ въ Карельскомъ корпусѣ былъ генералъ Арсеньевъ, но по слабости его здоровья авангардъ не былъ порученъ ему, и онъ скоро уѣхалъ изъ корпуса¹³⁾, а потому командованіе онымъ

¹³⁾ Причину отъѣзда г. Арсеньева приписывали неудовольствію на него корпуснаго командира и вотъ почему: бригадъ-маіоръ Пухинскій, подбирая убитыхъ на полѣ сраженія, оставшемся въ рукахъ непріятеля, нашелъ нѣсколько нашихъ ружей съ деревянными кремнями; онъ упросилъ Шведовъ уступить ему два такихъ ружья, въ чемъ и не встрѣтилъ отказа. По представленіи ихъ г. Тучкову нельзя было узнать, Навагинскому или Тенгинскому полкамъ принадлежатъ оныя (егерскаго были иной формы); по засвидѣтельствованію Пухинскаго трудно было опредѣлить, около какихъ труповъ ружья эти лежали, ибо главная потеря мушкетерскихъ полковъ была въ то время, когда они столпились къ мосту, чтобы перебѣжать оный. Между тѣмъ начали дозваться подъ рукой. Обстоятельство это не могло не огласиться въ полкахъ, а потому, если и были еще въ оныхъ подобныя ружья, то деревянные кремни тотчасъ были замѣнены настоящими, и открылось это только потому, что изъ числа разбредшихся по лѣсамъ, нѣсколько человекъ, будучи переве-

отдано было Алексѣеву, при которомъ долженъ находиться и баронъ Тейль-фанъ-Сераскпрентъ, пользовавшійся общимъ довѣріемъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ перваго Иденсальмскаго сраженія, такъ для насъ неудачнаго, произошло второе, 30 октября, ночное, имѣвшее совершенно другой исходъ. Но въ дѣлѣ этомъ, зять Ф. Ф. Вигеля, Алексѣевъ, не принималъ никакого участія, хотя часть его авангарда едва ли не имѣла рѣшительное вліяніе на исходъ онаго. Здѣсь вкратцѣ позволяю себѣ разсказать оное.

Непріятель предпринялъ обойти насъ изъ своей позиціи, въ Віеремѣ, черезъ д. Свенномяки (по той самой дорогѣ, по которой князь Долгоруковъ имѣлъ намѣреніе направить Ревельскій полкъ съ двумя другими баталіонами) и назначилъ нападеніе въ ночь на 30-е число. Мховое болото, черезъ которое безъ мороза можно было проходить почти только по одиночкѣ, но и то по кладкамъ, выброшеннымъ въ длину, простиралось на нѣсколько верстъ и, начиная отъ Свенномяки, подходило къ самому дѣсу, въ которомъ были расположены въ линію четыре помннутыхъ баталіона тыломъ къ болоту ¹⁴⁾. Предположеніе непріятеля заклю-

ченными черезъ озеро, имѣли деревянные кремни и исключительно Навагинскаго полка. По слѣдствію открыто, что когда перемиріе приближалось къ концу, то въ одной или въ двухъ ротахъ нѣсколько человекъ не ввернули настоящихъ кремней, а ближайшія власти не усмотрѣли; но молва была, что это было главною причиною отъѣзда шефа онаго полка. Положительно же то, что такіа ружья были, и съ ними вступали въ дѣло!

14) Оно оказалось до такой степени непроходимымъ, что при выходѣ съ онаго на берегъ, гдѣ оканчивались выброшенные въ длину по двѣ по три жерди, поставленъ былъ только часовой, каковыми обыкновенно окружаютъ лагерь. Только за два дня до нападенія, шефъ Ревельскаго полка полковникъ А. А. Тучковъ 4-й, будучи дежур-

чалось въ томъ, чтобы, напавъ внезапно, среди ночи, на эти полки, прорваться къ стоящей на правомъ флангѣ Ревельскаго полка батарее Судаква (оставшейся на томъ же мѣстѣ, что и во время битвы 15) и разрушить находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ оной, внизъ, мостъ черезъ проливъ, отдѣляющій авангардъ отъ корпуса, и тогда пустить ракеты. Это должно было служить сигналомъ, по которому Сандельсъ, подошедшій уже къ нашимъ аванпостамъ авангарда, сдѣлалъ бы на оный общее нападеніе. Таковы въ главныхъ чертахъ были предположенія непріятеля. Обходъ былъ составленъ изъ охотниковъ, въ главѣ которыхъ были извѣстные предприимчивостью своею въ подобныхъ дѣйствіяхъ подполковникъ Дункеръ и майоръ Мальмъ съ другими отважными дѣятелями.

Обращаюсь къ герою Вигеля.

Очень часто пли, лучше сказать, ежедневно, къ Алексѣеву, стоявшему въ Фридрихсдалѣ (около версты отъ пролива, слѣдовательно и отъ начала корпуснаго лагеря) наѣзжали изъ онаго гости, начиная съ обѣда до поздней ночи, ибо должно отдать справедливость его радушію и хлѣбосольству: онъ былъ мастеръ угощать. Наканунѣ предпріятія Шведовъ, 29-го октября, пріѣхали къ обѣду изъ лейбъ-егерскаго полка капитаны графъ Шанъ-де-Растиньякъ, Шевалье-де-ла-Гардъ, подпоручикъ Нарышкитъ, баталіонный адъютантъ К. Н. Батюшковъ, гвардейской артиллеріи поручикъ Карабинъ и человекъ четыре изъ штаба Тучкова и армейскихъ. Я поименовалъ первыхъ потому, что они, исключая Карабина и Батюш-

нымъ по лагерямъ, поставилъ тутъ взводъ, и этотъ взводъ могъ удержать непріятеля на нѣсколько минутъ; а еслибъ и этого не было, то исходъ предпріятія Шведовъ былъ бы тотъ же, что и въ Револакѣ.

кова, оставались далеко за полночь, были изъ одного лагеря и едва прибыли на мѣсто, какъ выступили на совершениѣ блистательнаго подвига.

Алексѣевъ и баронъ Тейль жили въ главномъ, среднемъ домѣ; адъютанты, я и переводчикъ Лавреніусъ—въ одномъ изъ флигелей, стоявшихъ по бокамъ подъ прямымъ угломъ къ главному дому. По отбѣздѣ гостей, мы оставались еще болѣе получаса у генерала и, придя къ себѣ, столько же времени продолжали разговоръ, какъ человекъ, пришедшій изъ другаго флигеля, извѣстивъ насъ, что въ лагерѣ онъ слышалъ ружейный выстрѣлъ. Мы тотчасъ вышли изъ двери, и точно, въ это самое время, услышали еще выстрѣлъ и, не приписывая этому ничего серьезнаго, готовы были возвратиться въ комнату, какъ послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ одинъ за другимъ; адъютанты бросились къ генералу, а я къ барону. Съ крыльца дома, стоявшаго на возвышеніи, прямо черезъ озеро не болѣе версты, гдѣ усиливалась перестрѣлка; всѣ тотчасъ опредѣлили мѣсто обоихъ помянутыхъ полковъ. Алексѣевъ хотѣлъ лѣтъ туда; баронъ Тейль, конечно, одинъ изъ всѣхъ тутъ бывшихъ, понималъ важность пункта и что предпріятіе это не могло быть изолированное, но не могъ убѣдить Алексѣева остаться: тамъ стрѣляли,—и для него было достаточно. Наконецъ онъ объяснилъ ему, что нападеніе сдѣлано не на ту часть войскъ, которая находилась подъ его начальствомъ, что тамъ самъ корпусный командиръ и, наконецъ, что онъ, Алексѣевъ, можетъ подпасть подъ отвѣтственность за произвольное оставленіе своего мѣста. Только это послѣднее подѣйствовало. «Ну такъ дѣлай, что знаешь!» послѣдовалъ обычный отвѣтъ Алексѣева. Тотчасъ былъ посланъ мой товарищъ Дре-

бушъ, съ приказаніемъ, чтобы Бобарыкинъ немедленно отступилъ и примкнулъ къ 4-у егерскому полку, а этому сблизиться къ мызѣ Фридрихсдаль и отправить патрули влѣво, въ лѣсъ, для наблюденія. Генералу повторено, что въ такой моментъ ему должно оставаться на мѣстѣ, а что Дребушъ поѣдетъ и увидитъ, что надо будетъ дѣлать Навагинскому полку, стоящему ближе къ проливу. Мы поскакали во всю прыть; полкъ уже строился. Съ полминуты, баронъ общался нѣсколькими словами съ командиромъ полка. Огонь дѣлался все живѣе и какъ бы приближался; пули слышны были на своемъ излетѣ. Уже близко къ мосту, ружейная перестрѣлка слилась; слышны были крики. Баронъ остановился и послалъ меня назадъ взять одинъ баталіонъ Навагинскаго полка, который бы спѣшилъ бѣгомъ; по прибытіи баталіона къ мосту, тутъ падали уже пули. Немедленно баронъ перевелъ баталіонъ черезъ мостъ, принявъ влѣво и чрезъ нѣсколько минутъ былъ на батарее Судакова, у котораго лошади были уже впряжены, но уѣзжать было некуда: нѣсколько человекъ артиллеристовъ было ранено пулями; свалка была въ нѣсколькихъ шагахъ, въ баракахъ пѣхоты. Мѣшкать было некогда; баронъ слѣзъ съ лошади и повелъ баталіонъ въ лѣсъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи начинались бараки. Внезапное появленіе здѣсь стройной линіи, которую Шведы могли усмотрѣть по случаю нѣсколькихъ загорѣвшихся бараконъ, не остановило ихъ отчаяннаго напора, и на приведенный барономъ баталіонъ оживилась перестрѣлка и схватка въ штыки. Но здѣсь имъ прорваться для истребленія моста и поданія ракетами сигнала было уже нельзя, тѣмъ болѣе, что съ батареи Судакова баронъ послалъ офицера и за другимъ баталіономъ. Схватки

въ баракахъ и около все еще продолжались, и пули попадали въ пасторскій домъ, гдѣ была корпусная квартира и гдѣ на дворѣ нѣсколько человѣкъ было ранено¹⁵⁾. При первыхъ выстрѣлахъ генераль Тучковъ послалъ за остальными войсками, расположенными по разбросаннымъ верстѣ на пять дворами с. Палонса, и за нѣкоторыми стоящими и далѣе. Ближе всѣхъ былъ расположенъ гвардейскій егерскій баталіонъ полковника Турчанинова. За нимъ былъ посланъ адъютантъ Тучкова, поручикъ баронъ М. И. Паленъ. Слѣдуя съ баталіономъ по большой дорогѣ и замѣтивъ, что огонь непріятеля близокъ уже къ главной квартирѣ, онъ, зная мѣстность, повернулъ вправо къ пункту, на который Шведы вышли съ болота. Здѣсь оставленъ былъ арьергардъ, для прикрытія единственнаго ихъ пути. Егеря стремглавъ бросились на Шведовъ; послѣдовавшій здѣсь ружейный огонь возвѣстилъ Шведамъ, что они отрѣзаны; тогда все бросилось назадъ. Въ темнотѣ, въ дѣсу, всѣ перемѣшались; и спереди, и сзади, и съ боковъ—выстрѣлы, крики¹⁶⁾.

¹⁵⁾ Нападеніе было такъ быстро, что съ перваго раза Шведы проникли въ нѣсколько бараконъ прежде, нежели наши могли выбѣжать изъ оныхъ. Къ счастью, что у двухъ капитановъ (Ревельскаго—Петерсона и Низовскаго—Либгарда) было собрано много офицеровъ, гдѣ играли въ карты; при первыхъ выстрѣлахъ они повскакали и много содѣйствовали къ соблюденію порядка, чего бы не могло быть, еслибы всѣ спали въ своихъ баракахъ. Отъ строгаго запрещенія играть въ карты и шпионства, въ 1828 году, былъ вырѣзанъ гарнизонъ редута № V, подъ Шумлой, вмѣстѣ съ генераломъ Вреде.

¹⁶⁾ Баронъ Паленъ получилъ св. Георгія 4-го класса. Михайловскій-Давилевскій (Опис. Финл. войны, стр. 337) говоритъ, что Батюшковъ упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ о семъ ночномъ нападеніи:

«Помнишь ли, питомецъ славы,
«Иденсальми, страшну ночь?» и пр.

Маіоръ Мальмъ, съ нѣсколькими офицерами и множествомъ нижнихъ чиновъ, попались въ плѣтъ, и конечно, еслибы не ночь, то не многіе могли бы спастись. Сандельсъ, не видя сигналовъ о разрушеніи моста, возвратился въ Віеремъ, а Бобарыкинъ занялъ прежнее мѣсто.

Ограничиваюсь этимъ краткимъ очеркомъ, сдѣланнымъ мною единственно только для того, чтобы показать участіе зятя Вигеля и въ этомъ Иденсальмскомъ сраженіи. Алексѣевъ не выѣзжалъ изъ Фридрихсдала; но полкъ авангарда, по распоряженію, во время сдѣланному барономъ Тейлемъ, вмѣстѣ съ гвардейскими егерями были главными виновниками неуспѣха непріятеля: вотъ здѣсь Шведы были прогнаны съ потерями, а не тамъ, гдѣ Вигель ихъ указываетъ¹⁷⁾.

Разсказывая (на страницѣ 78), что жена Алексѣева, сестра Вигеля «въ концѣ мрачнаго октября, повезла изъ Абова, раненнаго «Алексѣева въ Петербургъ», авторъ дѣлаетъ подъ звѣздочкой выноску, въ которой между прочимъ повѣствуетъ о послѣдннѣ графа Ѳ. И. Толстаго съ Нарышкинымъ, и что поводомъ къ тому была *взаимная рев-*

Чтобы видѣть участіе мое въ томъ, о чемъ говорю, скажу, что я былъ за это дѣло провѣденъ въ подпоручики.

¹⁷⁾ То, что на стр. 48-й Ф. Ф. Вигель говоритъ о братѣ своемъ, Павлѣ, бывшемъ комиссіонерѣ, очень забавно; впрочемъ, о немъ будетъ еще случай сказать нѣсколько словъ, а здѣсь замѣчу только, что П. Ф. былъ комиссаріатскимъ чиновникомъ—въ частяхъ войскъ, дѣйствовавшихъ по берегу Ботническаго залива, а не при центральныхъ, дѣйствовавшихъ въ Куопіо, и употребленная тутъ фраза, «отъ Куопіо до Эрфурта, довольно далеко»—можетъ правильнѣе быть замѣнена: «отъ Куопіо до берега Ботники довольно далеко». Въ Эрфуртѣ Аракчевъ озабочивался болѣзнію провіантскаго чиновника, не занимавшаго значительнаго мѣста! Смѣшно и жалко, какъ и все сказанное по этому случаю.

юсть: «они оба были влюблены въ какую-то шведку, финляндку или чухонку.» Дѣйствительно, столкновение Толстаго съ Нарышкинымъ произошло у Алексѣева, но не за большимъ карточнымъ столомъ, а за бостоннымъ, въ которомъ принимали участие: Алексѣевъ, Ставраковъ, Толстой и Нарышкинъ. Никакой разбранки, о которой говорить Вигель, между ними не было, тѣмъ еще менѣе за ревность; въ этомъ отношеніи они были антиподами. Нѣсколько дней передъ тѣмъ, Толстой прострѣлялъ капитана генеральнаго штаба Бруна, вступившагося, по билету, за одну изъ своихъ сестеръ, о которой Толстой сказалъ какое-то слово, за которое въ настоящее время не обратили бы вниманія, или бы посмѣялись и не болѣе, но надо перенестись въ ту эпоху, чтобы судить о впечатлѣніяхъ. Когда слово это дошло до брата, то онъ собралъ свѣдѣнія, при комъ оно было произнесено. Толстой подозрѣвалъ (основательно или нѣтъ, не знаю), что Нарышкинъ, въ числѣ будто бы другихъ, подтвердилъ сказанное. Этотъ послѣдній зналъ, что Толстой подозрѣваетъ его въ этомъ. Играли въ бостонъ съ припункой; Нарышкинъ потребовалъ туза такой-то масти. Онъ находился у Толстаго; отдавая его, безъ всякаго сердца, обыкновеннымъ дружескимъ, всегдашнимъ говоромъ, онъ присовокушилъ: «тебѣ бы вотъ надо этого!» относя это къ другому рода тузу. На другой день Толстой употреблялъ всѣ средства къ примиренію, но Нарышкинъ остался непреклоненъ и чрезъ нѣсколько часовъ былъ смертельно раненъ въ пахъ. Графъ Шапъ-де-Растильякъ, его однополчанинъ, былъ секундантомъ. Далѣе, Вигель описываетъ пребываніе своего героя въ Петербургѣ: «На костыляхъ представился онъ къ Посударю и Аракчееву; даже послѣдній принялъ его ласково, и даже посадилъ,

счего не дѣлалъ онъ съ корпусными командами. Изъ военныхъ всѣ вельможные часто посѣщали его, оказывая ему участіе и уваженіе, особенно же недавніе начальники его Шуваловъ и Каменскій!», и рассказывая жизнь армейскихъ, которые, не заботятся о состояніи своего кармана, какъ говорится у нихъ въ мирное время: «послѣдняя копѣйка ребромъ», присовокупляетъ: «А этотъ (Алексѣевъ) былъ особенно добродушный и неразчетливый весельчакъ» и т. п.

На стр. 106-й, «по засвидѣтельствосванію очевидцевъ», но не называя ихъ, нашъ авторъ представляетъ отчаяніе графа Н. М. Каменскаго во время Рущукскаго штурма: «Каменскій, увидя совершенную неудачу свою и съ отчаянія забывъ весь страхъ (?), жаждалъ смерти и становился въ самыя опасныя мѣста, куда изъ крѣпости долетали непріятельскія ядра(!)». Что же это такое!

Вѣдь смыслъ такихъ выраженій дышетъ эпитафией. На счетъ отчаянія, крѣпко сомнѣваюсь; что же относится до словъ: «забылъ весь страхъ», то нахожу ихъ очень неумѣстными: гр. Н. М. Каменскій извѣстенъ безстрашіемъ съ молодыхъ лѣтъ и, какъ главнокомандующій, онъ зналъ свое мѣсто. Но положимъ однако же, что онъ забывъ весь страхъ и становился въ самыя опасныя мѣста, то такія самыя опасныя мѣста конечно уже не тамъ, куда изъ крѣпости долетаютъ непріятельскія ядра(!) Добросовѣстно ли братья писать о томъ, о чемъ не имѣешь никакого понятія? Такихъ промаховъ о военномъ дѣлѣ нѣтъ даже и у Тьера. На слѣдующей 107 стр. является опять кошмаръ Вигеля «Французъ Ансельмъ де Ж., котораго Каменскій имѣлъ слабость взять съ собой», и дѣлается не послѣднимъ дѣятелемъ въ интригахъ противъ Каменскаго!

*

Въ войну 1812—1814 годовъ, Алексѣевъ и я были въ разныхъ арміяхъ; мнѣ ни разу не пришлось съ нимъ встрѣтиться, но съ мая 1814 по исходъ 1818 года я былъ съ нимъ неразлучно¹⁸⁾. Возвратясь въ іюнѣ 1814 изъ Франціи подполковникомъ, я былъ назначенъ въ г. Бѣлостокъ для военнаго описанія какъ этой области, такъ и Гродненской губерніи. Въ маѣ 1815 года, мнѣ предписано было ожидать прибытія 3-й драгунской дивизіи, въ которую назначался дивизионнымъ квартирмейстеромъ. Дивизія находилась въ корпусѣ графа Ланжерона, въ составѣ арміи эрцъ-герцога Карла, знаменитаго отступателя. Черезъ нѣсколько дней драгунская дивизія, бывшая подъ начальствомъ Алексѣева, пришла въ Бѣлостокъ, и на другой день мы выступили далѣе. Походъ этотъ былъ въ родѣ прогулки. Жена Алексѣева Наталья Филипповна, которую я видѣлъ раза два въ Або, въ концѣ 1809 года, была съ мужемъ. Исключая командира Смоленскаго драгунскаго полка, полковника Дзеконскаго, имѣвшаго при себѣ только племянницу, другіе были только что жены: Набель, графъ Гудовичъ и Лесовскій. Сверхъ того были съ женами нѣкоторые штабъ-поборъ-офицеры и между ними адъютантъ

¹⁸⁾ Въ промежутокъ этого времени въ четвертой части втораго тома со стр. 149-й и въ послѣдующихъ, Филиппъ Филипповичъ рассказываетъ пребываніе свое въ Петербургѣ и частое посѣщеніе кухни своей, какъ онъ называетъ ее, Лизаньки, бывшей уже замужемъ за купеческимъ сыномъ К., человекомъ очень богатымъ, пускается о ней въ іереміинъ плачъ, приводитъ бездну, въ своемъ вкусѣ, розказней другихъ родственныхъ ему лицъ. Здѣсь онъ много грѣшитъ противъ истины. Всѣ эти событія и многія лица болѣе или менѣе близко мнѣ извѣстны, но такъ-какъ нѣкоторыя изъ нихъ и сама «Лизанька» еще живы, то и пропускаю весь этотъ періодъ.

тантъ Алексѣева штабъ-к. баронъ Соловьевъ. До границъ Польши съ Пруссіей всѣ эти дамы ѣхали при мужьяхъ, но здѣсь онѣ отстали. Въ Бамбергѣ, драгунская дивизія соединилась съ двумя пѣхотными, составившими корпусъ графа Ланжерона, который и пошелъ черезъ Франкфуртъ на Майнъ въ Майнцъ, гдѣ находился главнокомандующій резервной арміи эрцъ-герцогъ Карлъ. Не останавливаясь здѣсь болѣе какъ на дневку, его высочество угощалъ насъ обѣдомъ. Ватерлооская битва была уже дана; Парижъ занятъ, но крѣпости не признавали еще возвратившагося Людовика XVIII, и въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ мѣстахъ Эльзаса и Лотарингии образовались въ партизанъ (большею частію лѣсная и таможенная стражи) отставные солдаты и офицеры; въ составѣ партій этихъ встрѣчались и бездомные искатели приключеній. 3-я драгунская дивизія шла въ первомъ эшелонѣ; къ ней придали два казачьихъ полка и направили на Саарбрюкъ. По прибытіи 2-го и 3-го эшелона, составленнаго изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, драгуны и казаки направлены были къ Сааргемюндъ. Лѣса, окружавшіе болѣе или менѣе укрѣпленные: Фальцбургъ, Сааръ-Луи, Бичъ или Лиценштейнъ французами называвшійся «Petite-pierre», были наполнены партизанами. Графъ Ланжеронъ отправилъ меня съ эскадрономъ Кнабургскихъ драгунъ и двумя сотнями казаковъ въ с. Трулингентъ, гдѣ, развѣдавъ о возможности пробраться около крѣпости Фальцбурга, собрать необходимыя свѣдѣнія объ окрестныхъ мѣстахъ, спуститься къ Савериу, гдѣ встрѣчу кирассиръ барона Винценгероде, идущихъ на Нанси и сообщить ему эти свѣдѣнія. Въ Трулингентѣ я узналъ, но не положительно, что со вчерашняго дня Австрійцы подошли къ Фальцбургу. На проходѣ почти сплошнаго

лѣса, сдѣлано было по драгунамъ нѣсколько выстрѣловъ; смѣшившіяся взводъ отвѣчалъ, но такъ какъ все утихло, на рысяхъ, чрезъ нѣсколько верстъ, мы вынеслись на поляну и встрѣчены были двумя пушечными выстрѣлами изъ Фальцбурга, что заставило насъ опять скрыться въ лѣсъ. Нѣсколько казаковъ влѣзли на болѣе высокія деревья и замѣтили влѣво, версты за полторы, пѣхотный лагерь, а саженьяхъ во ста пѣхотный пикетъ; ошибаться было нельзя: бѣлые мундиръ заявили себя Австрійцами; я тотчасъ послалъ къ нимъ казачьяго офицера, чтобы отвратить тревогу, и вышелъ изъ лѣсу; данный мнѣ проводникъ съ пикета, чрезъ полчаса, привелъ насъ въ восточное предмѣстье Фальцбурга, гдѣ командовавшій австрійскою бригадою, генералъ Луксенъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, не исполнѣ меня удовлетворившія, для донесенія графу Ланжерону и сообщенія барону Винценгероде. Оставивъ для сего, съ разрѣшенія Луксена, офицера, самъ я съ отрядомъ спустился съ горы и чрезъ два часа пришелъ въ Савернъ, куда въ полдень подошелъ и кирасирскій корпусъ Винценгероде. Здѣсь встрѣтилъ я, независимо начальника моего 1813 и 1814 годовъ, у котораго я былъ оберъ-квартирмейстеромъ, и весь его штабъ почти въ томъ же составѣ, исключая князя С. Г. Волконскаго, который изъ дежурнаго генерала теперь велъ дивизію. Скучныя свѣдѣнія, мною доставленныя, оказались удовлетворительными. Получивъ нѣкоторыя бумаги, съ разсвѣтомъ, вмѣстѣ съ кирасирами, выступилъ и я. Обойдя крѣпость, Винценгероде направился на Напс¹⁹⁾, а я повернулъ на право въ Трулин-

¹⁹⁾ Корпусъ, войдя въ лѣса и подходя къ Люпену, былъ тревожимъ партизанами, или какъ ихъ тогда называли «corps francs». Чрезъ нѣсколько времени, во время проѣзда Императора

генъ. Пока кормили лошадей, пріѣхалъ начальникъ корпуснаго штаба г. м. Павелъ Ивановичъ Нейдгардтъ и опять вернулъ меня для указанія мѣстности около Фальцбурга, куда назначалась часть нашего корпуса для блокады на смѣну Австрійцевъ. Выдержавъ по пустому нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которыми ранены два драгуна, четыре казака и пять лошадей (изъ коихъ двѣ были убиты на мѣстѣ) мы вернулись поздно вечеромъ въ Трулингенъ, съ тѣмъ, чтобы самымъ раннимъ утромъ возвратиться въ Сааргеюндъ. Часа черезъ два прискакалъ адъютантъ графа, Бестужевъ-Рюминъ, съ извѣстіемъ, чтобы мы дожидали его къ 10 часамъ утра. Въ назначенное время онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, которому предназначалось наблюдение за Фальцбургомъ, съ придачею двухъ пѣхотныхъ полковъ, взаимнѣ которыхъ изъ его дивизіи брались два драгунскихъ къ другимъ пунктамъ. Проѣхавъ опять пространство, но въ это время благополучно, мы на четверть часа побывали у генерала Луксена и какъ Савернъ былъ только въ нѣсколькихъ верстахъ, а тамъ была прекрасная гостиница, то графъ рѣшилъ ѣхать туда обѣдать, оставивъ конвой передъ спускомъ горы. Ланжеронъ повѣрялъ баснословное преданіе прыжка какого-то принца съ горы и воображаемые слѣды подковъ его лошади на камнѣ. Въ 10-ть часовъ вечера возвратился въ с. Трулингенъ все совершенно истомленные, но отдыхъ былъ очень кратковременный: адъютантъ графа

Александра I-го, на этомъ же мѣстѣ, извѣстный тогда партизанъ «Присъ», началъ на конвой; при этомъ случаѣ ѣхавшій впереди для открытія, гвардейскаго генеральнаго штаба ш. к. Левъ Алексѣевичъ Перовскій (впоследствии министръ и графъ), въ числѣ другихъ, сдѣланнымъ залпомъ, былъ раненъ въ ногу.

Ланжерона, князь Ратевъ, тогда очень известный всей армии просвещенъ своимъ въ семействѣ графа, прѣхалъ вмѣстѣ съ фельдъегеремъ и австрійскимъ адъютантомъ эрцъ-герцога, съ депешами, по которымъ всему корпусу нашему измѣнялось назначеніе: пѣхота должна была немедленно слѣдовать въ Понтъ-а-Муссонъ, а драгунская дивизія для блокады Метца.

Въ ту же ночь дотащились мы на пзуренныхъ, какъ и сами, лошадяхъ въ Сааргеюндъ и занялись диспозиціями и маршрутами для выступленія въ тотъ же день. Не знаю почему, австрійскій адъютантъ требовалъ, чтобы ему указаны были мѣста Фальцбурга, Сааръ-Луи и Бича, которыя прежде назначались намъ для обложенія, но къ которому мы еще не приступали; смѣшнѣе же всего было настояніе о Фальцбургѣ; наблюдавшемся съ самаго начала Австрійцами; но на возраженіе о семъ Нейдгардта австрійскій адъютантъ отвѣчалъ очень хладнокровно, что это не ихъ армія—эрцъ-герцога, а корпуса графа Бубны. Павелъ Ивановичъ былъ горячаго темперамента; онъ продолжалъ опровергать безмыслицу требованія, но ничто не помогло: непроходимый, какъ говорятъ, тяжелый Швабъ не поддавался. Наконецъ, графъ рѣшилъ удовлетворить этому педантизму, и на меня возложили это неприятное порученіе²⁰⁾. Одно, что умиротворяло меня, это то, что Австріецъ не спѣшилъ. Наши войска выступили, а мы, преспокойно отдохнувъ до другаго дня, неутомительно исполнили порученіе, не лишнее нѣкоторыхъ любопытныхъ или, правильнѣе сказать, донельзя смѣшныхъ эпизодовъ. Возвратясь, я засталъ корпусную квартиру уже

²⁰⁾ Командированіе меня чрезъ Трулингенъ къ Фальцбургу и пр. и успѣшное исполненіе свидѣлствуются приказомъ, отданнымъ по корпусу.

на мѣстѣ въ Понтъ-а-Муссонѣ, и Алексѣева, наблюдавшаго за Метцомъ въ с. Пельтѣ, въ прекрасномъ замкѣ, по дорогѣ въ Майнцъ. Ему придана была егерская бригада полковника Михайла Александровича Фонъ-Визина. Съ возвращеніемъ скоро послѣ г. Нейдгардта изъ главной квартиры, положеніе нашего штаба было понято, и онъ былъ тотчасъ переведенъ въ Жуи-оз'-Аршъ²¹⁾, на дорогѣ отъ Метца къ Понтъ-а-Муссону въ 6-ти отъ перваго и въ 12-ти верстахъ отъ послѣдняго. Жуи до этого было занято 2-й бригадой г. м. Платона Ивановича Каблукова, оставшагося здѣсь. Конноартиллерійская рота Фалькенберга подвинулась сюда же, штабъ казачьяго Ягодина полка расположенъ былъ при 1-й бригадѣ, въ Пельтѣ; другой, Гревцова, въ двухъ верстахъ отъ Жуи въ селѣ Корнѣ. Скоро приказано было перевести Ягодина изъ Пельта на лѣвый берегъ Мозеля и расположить между Метцомъ, Верденомъ и Тонвилемъ для наблюденія разъѣздами.

Къ Метцу собрались всѣ «*sougrs-francs*», дѣйствовавшіе около сихъ мѣстъ; главнымъ начальникомъ у нихъ былъ полковникъ Веріотъ²²⁾. Гарнизонъ крѣпости еще не сда-

²¹⁾ Это послѣднее присовокуплено по причинѣ величественныхъ остатковъ римскаго акведука, пересѣкающаго селеніе, или лучше сказать, родъ загороднаго помѣщенія въ лѣтнее время богатѣйшихъ жителей Метца.

²²⁾ Веріотъ, лишившійся глаза въ какомъ-то сраженіи, жилъ съ семействомъ въ Тулѣ (бывшей крѣпости въ 4-хъ часахъ отъ Нанси къ Шалону), на своей родинѣ въ отставкѣ, съ пенсіономъ. Въ 1815 году вступилъ въ «*sougrs-francs*». По распущеніи отряда, въ концѣ сентября, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму въ Нанси съ нѣкоторыми другими. Алексѣевъ и всѣ любили этого старика, а потому обратились къ коменданту Нанси, нашему г. м. графу Долову, заступившему мѣсто Дорохова въ командованіи Изюмскимъ полкомъ. Онъ былъ уроженецъ Нанси,

важся, но ни онъ, ни партизаны, собравшіеся въ фурштаты оной, ничего не принимали, — точно тоже было и съ нашей стороны. Впродолженіи всего времени до октября, мы не обмѣнялись ни однимъ выстрѣломъ, а напротивъ очень часто, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, мы и начальники волонтеровъ: полковникъ Веріотъ, Дювержье, Ришобракъ и изъ крѣпости генеральнаго штаба подполковникъ Лекокъ — сходились вмѣстѣ и, начиная съ вечера, часто до ранняго утра проводили въ кутежахъ, въ саду Жирардена, находившемся на демаркаціонной линіи; а были случаи, что подгулявшихъ Французовъ приглашали въ Жюи. Алексѣевъ, жившій у другаго Жирардена (брата перваго), неоднократно появлялся на эти собранія, что оставался не долго. На такія сходки мы были разрѣшены графомъ Ланжерономъ, и я долженъ былъ составлять записки, если что услышу отъ противниковъ нашихъ заслуживающаго вниманія, и представлять начальнику штаба г. м. Нейдгардту. Независимо отъ сего, въ самомъ Жюи было большое, и очень хорошее общество, мужчины коего

всѣ мѣстныя власти въ тогдашнихъ обстоятельствахъ искали въ немъ. Графъ Ланжеронъ также привялъ участіе въ Веріотъ; наконецъ придумано было средство: Алексѣевъ, чрезъ графа Ланжерона, требовалъ Веріота для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ (само собою разумѣется вымышленныхъ) по бывшимъ столкновеніямъ подъ Метцомъ. Конецъ концовъ былъ тотъ, что Доловъ выхлопоталъ у французскаго генерала, къ которому поступилъ Веріотъ подъ разбирательство, отпустить его на двѣ недѣли изъ тюрьмы подъ наше поручительство, что и было исполнено. Не прошло и двухъ недѣль, какъ графы Ланжеронъ и Воронцовъ у дюка де-Ришелье выхлопотали ему прощеніе. Одинъ изъ его подчиненныхъ, Ришобракъ, намъ знакомый и вмѣстѣ съ нимъ арестованный, былъ разстрѣлять; чуть ли не такая же участь ожидала и Веріота.

II.

собирались часто у Алексѣева и всей ватагой послѣ обѣда разѣзжались на музыку къ полковнымъ командирамъ и въ конно-артиллерійскую роту, куда большею частію являлись и дамы, которыхъ Платонъ Ивановичъ Каблуковъ, квартируя у Бутара, имѣвшаго ловкую жену и двухъ сеотеръ, приглашалъ къ себѣ. Чаше всего, Алексѣевъ возилъ Французовъ въ Корнѣ, гдѣ стоялъ штабъ казачьяго Гревцова полка. Домъ, который Французы называли «chateau», былъ громадный, прекрасно меблированный, садъ тоже превосходный, и тутъ уже происходили всевозможныя пиршества, бывало до завтрака на другой день. Ухорожія пилски казаковъ, ихъ пѣсни и припѣвы (все это, конечно, безъ присутствія дамъ), любимыя Алексѣевымъ, очень нравились Французамъ, иногда черезъ-чуръ угощеннымъ пуншемъ, которымъ они охотно замѣняли свое кислое — «созель». Хозяинъ мой, Валетъ, меръ Жюи, снабжавшій насъ продовольствіемъ подъ квитанціи, очень подходилъ къ нашему начальнику веселостію, но всегда просилъ не сказывать его женѣ и двумъ прекраснымъ дочерямъ, изъ коихъ старшая въ наше время вышла замужъ за французскаго артиллерійскаго капитана Шюллера, а младшую, Каролину, онъ искалъ спустить кому-нибудь изъ Русскихъ, и впоследствии, съ этою же цѣлію, пріѣзжалъ и въ Ретель. Валетъ часто участвовалъ и на сходбищѣ въ саду Жирардена. Независимо отъ сего, графъ Ланжеронъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ для осмотра войскъ и обѣдывалъ у Алексѣева. Тогда обѣдъ былъ многочисленный: оба бригадные, всѣ полковые и нѣкоторые изъ эскадронныхъ и другихъ начальниковъ, а также и лучшіе мѣстные Французы: Валетъ, оба Жирардена, Бутаръ, Соденъ и пр. Съ графомъ пріѣзжалъ

Русскій Архивъ 1870. 12

и весь штабъ его; иногда онъ бралъ съ собой г. л. Петра Кирилловича Эссена, стоявшаго съ дивизіей въ Понтъ-а-Муссонъ. Всѣ эти объѣды почти ничего не стояли Алексѣеву: Валетъ доставлялъ провизію, вина, фрукты, столь прославленные «mirabelles de Metz», которыми пріѣзжавшіе запасались, и т. п. Все входило въ составъ общихъ квитанцій штаба и войскъ, превращаясь въ овесъ, сѣно, солому и т. п.²³⁾ Не знаю уже, какъ уплачивалъ Людовикъ XVIII по этимъ квитанціямъ, но знаю отъ самого Валета (къ которому, ѣхавши въ Висбаденъ и обратно, заѣзжалъ на нѣсколько дней), что онъ не оставался въ накладѣ: «Tout fut liquidé loyalement», говорилъ онъ. Ланжеронъ всегда ѣзжалъ часа черезъ два послѣ объѣда и, для почести, коляска его сопровождалась многочисленной кавалькадой до Корни, двѣ версты, и тамъ всѣ оставались у Гревцова. Бестужевъ-Рюминъ и князь Ратевъ на этотъ вечеръ отирашивались у Ланжерона.

Такъ мы прожили до октября, когда комендантъ Метца, получивши законныя, по его мнѣнію, предписанія, призналъ короля, и мы пошли въ Нанси, куда скоро пріѣхали Наталья Филипповна и всѣ дивизионныя дамы.

Я вошелъ во всѣ эти подробности, чтобы показать, какъ и въ этомъ случаѣ Вигель пристрастенъ къ своему герою. Говоря, что Русскіе не успѣли въ эту кампанію участвовать въ разгромленіи Франціи, онъ присовокупляетъ, на стр. 137: «Я было и

²³⁾ Составилась самими Французами продовольтвенная коммиссія изъ большей части меревъ селеній, которыя мы занимали. Предсѣдателемъ ея ими же выбранъ былъ Валетъ, какъ меръ штаба, и онъ одинъ распоряжался всѣмъ, посылалъ ассигновки и т. п. Другіе пріѣзжавшіе къ нему только подписывать оныя.

забылъ сказать, что и въ эту войну русское войско встрѣтило *дѣйствительное упражненіе* подъ стѣнами Метца, который довольно долго и упорно защищался. «Въ сей осады²⁴⁾ особенно отличился *капитанъ мой, Алексѣевъ, и оказательствомъ тому служитъ данный ему за это чинъ генералъ-лейтенанта*».

Изъ приведеннаго предъ симъ разсказа читатель видитъ, какое было *дѣйствительное упражненіе* русскаго войска подъ стѣнами Метца, гдѣ кромѣ какъ изъ нѣсколькихъ тысячъ бутылокъ шампанскаго и пшеничаго мозель-вейна одніе пробки могли оказывать *упорство* при вылетѣ, крѣпко загнанныя въ бутылку; другихъ выстрѣловъ, повторяю, не было. Произведенъ же Алексѣевъ не за подвиги яли, какъ Вигель говоритъ, за отличіе подъ Метцомъ, а въ общемъ производствѣ всѣхъ дивизионныхъ начальниковъ въ генералъ-лейтенанты, а онъ былъ одинъ изъ самыхъ старшихъ генералъ-майоровъ, не разъ обойденный младшими; и при общемъ производствѣ—не было причины обходить его. Если же Вигелю нужно было показать, что и русское войско участвовало въ общій выстрѣловъ съ Французами, въ 1815 году то, независимо отъ нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ съ партизанами, онъ могъ бы привести довольно жаркую схватку Чернышова въ Шалонѣ.

Тотчасъ, по прибытіи дивизіи въ Нанси, сдѣлалось уже извѣстнымъ, что 3-я драгунская дивизія поступитъ въ корпусъ графа Воронцова²⁵⁾, въ составъ союзной арміи, подъ начальствомъ Веллингтона, ос-

²⁴⁾ Достопочтенный авторъ не знаетъ даже, что такое—осада, да еще упорная!

²⁵⁾ И здѣсь Вигель не оставилъ замѣтить, что Алексѣевъ назначенъ былъ по собственному выбору Государя!.... И также, а съѣшпо!

тающейся во Франціи. Но пока дѣлалось росписаніе этой арміи, мы оставались болѣе мѣсяца въ Нанси. Наконецъ, получено было распоряженіе: пѣхота русскаго корпуса размѣщалась въ Мобежъ, Авенъ, Ландреси, Бовъ, Живъ, Шарлемонъ и др.; конница отдѣльно, почти за сто верстъ отъ пѣхоты ^{*)} въ Арденскомъ департаментѣ, въ прилегающихъ къ Шампань округахъ (arondissement) Ретелъ и Вузьеръ. Я тотчасъ долженъ былъ отправиться впередъ для расписанія квартиръ. Въ городѣ Ретелъ, лежащемъ на дорогѣ отъ Мезьера въ Реймсъ, въ 25 верстахъ отъ сего послед-

няго, кавалерія расквартировалась слѣдующимъ образомъ: въ самомъ Ретелѣ—штабы: дивизионный 1-й бригады и Тверскаго полка; штабъ Смоленскаго полка въ Шато-Порсіенъ; эскадроны обоихъ полковъ въ окрестныхъ замкахъ. Въ г. Вузьерѣ штабъ 2-й бригады и Курляндскаго полка. Въ Бюанси—штабъ Кюмбургскаго полка, въ окрестностяхъ штабовъ—эскадроны. Конно-артиллерійская рота въ Ативьи. Оба казачьи полка, подъ начальствомъ г. м. Льва Александровича Нарышкина, въ Бретегъ близъ Валансьена.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АЛЕКСѢЯ ОСИПОВИЧА ИМБЕРГА.

Печатается съ подлинника, сообщеннаго сыномъ автора, Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

Милыя дѣти мои! Вамъ пріятно конечно узнать нѣкоторыя подробности о происхожденіи нашемъ. За потерю бумагъ, по кончинѣ батюшки (когда я по служенію моему былъ въ отсутствіи), передамъ вамъ, что знаю.

Дѣдъ мой *Aimable Imberg*, во время смутъ во Франціи, оставилъ свое отечество и пріѣхалъ въ Россію съ весьма огромнымъ, по тогдашнему времени, капиталомъ, и поселился въ Петербургѣ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и двоюродный братъ его Jean le Pop, имѣвшій также небольшой капиталъ. Дѣдушка занялся коммерческими дѣлами и въ послѣдствіи ворочалъ, какъ говорятъ, большими капиталами, а Лебонъ кончилъ жизнь на службѣ въ чинѣ статскаго совѣтника. Познакомилъ съ молодымъ еще тогда и не значущимъ гвардейскимъ офицеромъ Потемкинскимъ (впослѣдствіи княземъ Таврическимъ, Лебонъ помогалъ ему

деньгами. Отправляясь въ Турецкую войну въ походъ, Потемкинъ занялъ еще у него денегъ и остался должнымъ всего 5 т. р. асс., въ обезпеченіе коихъ, при всемъ настояніи Потемкина, не взялъ отъ него никакого обязательства, говоря: «если васъ убьютъ, то никто мнѣ не заплатитъ, а если возвратитесь живы, тогда при возможности отдадите». Потемкинъ возвратился и не только заплатилъ свой долгъ, но во всю свою жизнь любилъ Лебона; онъ жилъ у него и управлялъ, можно сказать, и домою и всѣми сокровищами свѣтлѣйшаго, получилъ отъ него огромное состояніе и кончилъ жизнь въ отставку. Замѣчательно, что когда Потемкинъ просилъ тогдашняго начальника таможи опредѣлить Лебона членомъ таможи, то сказалъ ему при томъ: «Я тебѣ ручаюсь, что Лебонъ не будетъ красть, ибо онъ доволенъ тѣми процентами, которые я заплатилъ ему за благородную ссуду мнѣ денегъ, когда я ихъ не имѣлъ сколько было нужно, и я радъ, что могъ по квитаться съ

^{*)} Между нашей пѣхотой и конницей, въ Мезьерѣ, былъ расположенъ прусскій корпусъ.

этимъ добрымъ человѣкомъ». Лебонъ былъ женатъ на Малороссійкѣ, женщиной не-образованной, но съ большимъ запасомъ природнаго ума. Оба она распоряжались сватъ-баами двухъ племянницъ Потемкина и дѣлали приданое. Жена его, Агаея Романовна, была столь же скупа и крута, сколько онъ благотворителемъ и кротокъ. При жизни его жили они болѣе нежели прилично: свой домъ, экипажъ, прислуги болѣе 30 человѣкъ. Я ихъ очень еще помню. Но когда Иванъ Гавриловичъ скончался, она продала домъ, экипажъ, отпустила людей и наконецъ, почти безъ прислуги, сперва сама ходила съ кулькомъ на рынокъ, а потомъ оставалась почти безъ пищи необходимой, ѣла изъ черенковъ, и до того демонъ скряжничества ею овладѣлъ, что кончила жизнь какъ какая несчастная, и полиція ее похоронила. Несчастныя богатства въ драгоценныхъ вещахъ, сундуки, наполненные дорогими мѣхами, матеріями (приданое племянницъ Потемкина), большею частью погнило, а неподверженное тлѣнію и деньги Богъ вѣсть куда дѣвалось! Господи, прости ей такое заблужденіе! За нѣсколько лѣтъ предъ смертію своею, она отстранила отъ себя всѣхъ родныхъ мужа. Года три послѣ кончины Ивана Гавриловича, жила у нея родной ей братъ; но куда онъ дѣвался, бывъ въ отсутствіи по службѣ моей, я не знаю.

Дѣдушка же, напротивъ, не желалъ службы, занимаясь дѣлами своими, былъ въ большомъ капиталѣ. Не знаю уже, по покровительству ли Потемкинымъ брата его Ивана Гавриловича, но онъ имѣлъ много дружескихъ связей съ нѣкоторыми вельможами того времени и извѣстенъ даже былъ лично самой Императрицѣ. Самый искренній его пріятель былъ графъ Ф. Матвѣвичъ Толстой, генералъ-аншефъ и подпол-

ковникъ Преображенскаго полка (тогда Императрица была полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ).

Дѣдушка женился на дѣвицѣ Еленѣ Самойловнѣ Фигнеръ. Кто былъ ее отецъ, не знаю; но она была красоты необыкновенной и очень молода, выходя за него. Знаю, что братъ ее былъ начальникомъ стеклянныхъ и фарфоровыхъ заводовъ, Самойла Самойловичъ, и помню, какъ меня батюшка возилъ иногда къ нему, и онъ очень меня ласкалъ и всегда подчивалъ и отпуская съ подаркомъ и множествомъ конфетъ. Сынъ его Александръ въ отечественную войну 1812 г. прославился своимъ партизанствомъ, а младшій служилъ въ военной службѣ и у него въ партіи и доселѣ здравствуетъ, имѣя очень хорошее состояніе. Дай Господи ему долгую жизнь, но если у него не будетъ дѣтей, то ближе меня нѣтъ наследниковъ.

Въ послѣдствіи бабушка вышла за мужъ за Француза же, художника Академіи Художествъ Гадклу. Отъ перваго брака она имѣла дочерей: Екатерину, Анну и сына Юсифа (батюшку моего), а отъ втораго брака дочь Марію. Марія Любимовна была за мужемъ за академикомъ Мартыновымъ (Андрей Бонимовъ), имѣла сына Александра, общавшаго много. Онъ отлично рисовалъ военные парады и т. п. и былъ любимцемъ въ Бозѣ почивающаго Императора Николая I, имѣя къ нему всегдашній входъ. Къ сожалѣнію, онъ въ молодости утонулъ. Государь матери назначилъ пенсію въ 1200 р., которую послѣ нея получали дочери Софья и Елисавета. Старшая дочь Любовь за мужемъ за докторомъ Поцандопуло; вторая, Софья, въ дѣвушкахъ; а меньшая, Елисавета, за мужемъ за Авениромъ Алексѣевичемъ Чоголовымъ, человѣкомъ весьма добрымъ и богатымъ. Онъ страстенъ къ портретной живописи и дѣлаетъ подлинно успѣхи.

Бабушка Елена Самойловна, какъ женщина свѣтская, желала непременно, чтобы мой батюшка опредѣлялся въ службу и не иначе, какъ въ военную. Тогда это дѣло было богатѣе, да и всѣмъ вообще, не трудное, но дѣдушка стоялъ твердо противъ этого. Надѣясь, что по любви она уломаетъ мужа, рѣшилась она исполнить свое желаніе. Сказано и сдѣлано. Графъ Толстой записалъ его въ Преображенскій полкъ, и въ одинъ изъ прекрасныхъ дней она вводитъ въ дѣдушкѣ молодого сержанта въ полной формѣ. «Ба! Что это—шутка, или вѣтъ?» И когда бабушка подтвердила истину, то онъ тотчасъ же отправился къ графу и какъ тотъ замѣтилъ на лицѣ его неудовольствіе и подумалъ, что онъ, не зная порядка службы, желалъ чего-нибудь большаго, встрѣтилъ его такъ: «Мой любезный, болѣе теперь сдѣлать не можно, а къ новому году мы его вышлемъ въ армію и непременно капитаномъ». — «Какъ! да развѣ вы имѣете право такъ играть чинами? Нѣтъ, В. С., не за тѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ: честный человѣкъ, я не потеряю такого зва. Сынъ мой, или, лучше сказать, жена хотѣла, чтобы онъ служилъ, и вы знаете, что это противу моея воли. Но если же это такъ сдѣлалось, тогда онъ долженъ начать службу солдатомъ, чтобы быть когда-нибудь хоть порядочнымъ офицеромъ. Я вамъ говорю это серьезно, и если вы меня не послушаете, то упаду къ ногамъ Императрицы и буду просить избавить меня отъ такой несправедливости;—и увѣренъ, что она мнѣ въ семь не откажетъ, да и вамъ спасибо не скажетъ!» Съ тѣмъ онъ вышелъ отъ графа и болѣе уже никогда у него не бывалъ, а батюшкѣ спорили галуны и опредѣляли солдатомъ, ибо онъ уже настоялъ, чтобы ему остаться въ службѣ. Этого мало: отецъ выслалъ его изъ дому

въ казармы, гдѣ онъ и жилъ и никогда не далъ ему ни гроша, говоря: «ты получаешь жалованье, а солдату не много надобно». Потомъ батюшку перевели унтеръ-офицеромъ въ артиллерію, гдѣ онъ и служилъ до поручика. Въ большіе праздники позволялось ему дома обѣдать, а иногда оставаться до вечера, но никогда ночевать. Однажды зимою уже поздно отецъ отправилъ его въ команду, и на Охтѣ напали на него свиньи и собаки, такъ что онъ едва отмахался тесакомъ. Бабушка, впрочемъ, давала ему много денегъ, но по молодости ихъ было не надолго. Батюшка воспитаніе получилъ, можно сказать, блестящее, въ лучшемъ пансіонѣ въ Петербургѣ. Отличнымъ ученикамъ давали золотые и серебряные крестики въ петлицу, съ которыми они ходили вездѣ и даже въ Лѣтній садъ гулять, а въ наказаніе лишали этого отличія (это впрочемъ съ соизволенія Императрицы) на голубыхъ и на розовыхъ лентахъ, разумѣется на ордонскихъ. Извѣженъ былъ, какъ невозможно болѣе и при всемъ томъ перенесъ всю тягость солдатской жизни. Зная многіе иностранные языки, нѣмецкій и французскій совершенно и довольно хорошо англійскій, онъ игралъ необыкновенно хорошо на скрипкѣ. Я музыку хорошо понимаю, но съ такимъ чувствомъ и выраженіемъ я никого не слышалъ.

Оставя военную службу, батюшка вступилъ въ таможенную, въ которой служилъ 37 лѣтъ до своей отставки. На мѣстѣ, которое онъ занималъ, товарищи его дѣлали въ три-четыре года большія состоянія, покупали имѣнія, но онъ кончилъ жизнь въ совершенной бѣдности. Предъ производствомъ своимъ въ офицеры, принялъ онъ подданство, а предъ женитьбою—и греко-россійское исповѣданіе. Матушка моя была урожденная Антропова, Наталья Ивановна.

По портрету, въ молодости своей, она была очень хороша собою, да и я еще засталъ ее такою; а батюшка былъ такой красавецъ, какихъ, право, теперь не встрѣтишь. Теперь рано молодежь начинаетъ жить, а потому еще не разцвѣтя совершенно вянетъ.

Дѣла дѣдушки измѣнились по времени, состояніе его разстроилось. Въ кончину его, бабушки не было здѣсь въ Петербургѣ; всю движимость его разграбили обрुжавшіе его, и на долю батюшки изъ движимости досталось весьма немного, а самъ онъ приобрѣлъ только доброе имя и общее уваженіе и любовь. Скончался въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ почтовой службѣ. Таможенную, вмѣсто богатства, кончалъ несчастіемъ. Пострадалъ за другихъ, истинно по примѣрной честности своей. Между бумагами моими есть несчастное это дѣло.

*

Въ Дрезденъ пріѣхалъ я 14 марта 1814. Въ первый день Пасхи получено извѣстіе о занятіи войсками нашими Парижа. Были молебствіе и торжество. Квартира моя была у вдовы Миллеръ. Богато убранныя комнаты, три парадныхъ, спальня и передняя, штофныя обои и мраморныя каминны. Содержанія имѣлъ всего до 12 т. р. асс.

Служба, при такомъ достойномъ начальникѣ, каковъ былъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, была самая пріятная, и житье наше тоже.

Великая Княгиня Екатерина Павловна, при которой находилась матушка князя, статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская, дабы доставить имъ свиданіе, направила путь свой на Дрезденъ съ тѣмъ, чтобы пробыть тамъ три дня; но князь такъ умѣлъ занять Ея Высочество, что она изволила пробыть болѣе трехъ недѣль и выѣхала, уже подуча письмо отъ

Государя Императора Александра I-го. Чтобы занять такую умную женщину, какова была Великая Княгиня, можно судить о разнообразіи и великолѣпіи праздниковъ, которые даны были въ то время. Одинъ изъ этихъ баловъ, на террасѣ въ большой галлерей, гдѣ было около 600 челов. (и всѣ ужинали) и фейерверкъ на Эльбѣ, стояли князю болѣе 30 т. талеровъ. Великолѣпіе изумительное. По утрамъ князь приходилъ къ Ея Высочеству пить чай и приносилъ портфель съ разными важнѣйшими бумагами и съ нѣкоторыми по королевству донесеніями, ничтожными, но смѣшными, и все это ее занимало. Когда представлялись Ея Высочеству всѣ чины Россійскіе и Саксонскіе, то она очень многихъ важныхъ лицъ, и особенно ученыхъ париковъ, изволила принимать по-одиночкѣ въ кабинетѣ и удивляла ученыхъ Нѣмцевъ своими вопросами, такъ что они становились въ тупикъ и выходили отъ нея съ восторгомъ и удивленіемъ глубокой ея учености. Представленіе продолжалось около трехъ часовъ. Ея Высочество имѣла наружность необыкновенно пріятную и вмѣстѣ важную; но обращеніе ея было такъ мило, что съ нею можно было говорить свободно.

Наканунѣ этого великолѣпнаго бала я получилъ орденъ св. Анны 2-го класса. Во время танцевъ Ея Высочество сидѣла, гдѣ начинали экосезы. Когда дошла мнѣ очередь дойти до первой пары, подлѣ Ея Высочества стоялъ Николай Ивановичъ Депрерадовичъ, который меня очень любилъ. Онъ сказалъ Великой Княгинѣ: «Вотъ надобно замѣтить В. В., какъ будетъ онъ танцевать; этотъ новый кавалеръ какъ на воздухѣ полетитъ». На это Е. В., обратясь ко мнѣ, изволила насказать мнѣ столь много пріятнаго, что я до слезъ былъ тронутъ и такъ сконфузился, что пропу-

стиль время начинать и не помню, какъ уже кончилъ. Послѣ того, два раза удостоивала она меня своимъ словомъ, въ пребываніе свое въ Дрезденѣ. По отъѣздѣ Ея Высочества, настала тишина: мы какъ будто всѣ осиротѣли, несмотря на то, что и обыкновенная жизнь наша была весьма пріятна и шумна.

Ея Высочество изволила отозваться, что если когда-нибудь она имѣть будетъ Дворъ и князь пріѣдетъ къ ней, то она никакъ не въ состояніи будетъ принять его, какъ онъ ее принималъ; болѣе сказать невозможно.

Въ Лондонѣ, напротивъ, была она недовольна. За столомъ, король, сидя подлѣ Ея Высочества, всю любезность заключилъ въ томъ, что, показывая ей вилку, сказалъ: не правда-ли у меня хорошо работаютъ?

Въ пребываніе Великой Княгини въ Дрезденѣ, князь былъ затрудненъ желаніемъ ея быть въ Кенигсбергѣ. Хотя и комендантъ бывалъ въ городѣ и почти всѣ бывали мы тамъ, но крѣпость эта формально не была еще сдана Русскимъ, и гарнизонъ былъ Саксонскій; слѣдовательно, неосторожно было везти туда Великую Княгиню. Но какъ желаніе ея видѣть эту крѣпость было неизмѣнно, то князь наканунѣ сдѣлалъ въ городѣ праздникъ и пригласилъ на балъ коменданта со всѣмъ семействомъ, и устроено было такъ, чтобы семейство оставалось въ городѣ, подъ предлогомъ весьма благовиднымъ, покуда на другое утро Е. В. съ княземъ съѣздила и осмотрѣла эту истинно-необыкновенную крѣпость. Самая природа дѣлала ее неприступною, и триста человѣкъ гарнизона достаточно было бы ее защитить. Мѣстность такъ необыкновенно-выгодна, что ни воды, ни дровъ, ни хлѣба отнять не было возможности. Этотъ огромный камень, въ которомъ и на

которомъ крѣпость, такой великанъ, что Гейдельбергская бочка въ сравненіи какъ булавочная головка съ пушкою.

*

Когда проѣзжалъ чрезъ Дрезденъ въ Вѣну Датскій король, онъ останавливался на Schloss-gasse, въ Hôtel de Pologne. Я не видалъ въ жизни человѣка, который бы болѣе и чаще его смѣялся. Въ Вѣнѣ на его счетъ сказали: König von Dänemark lacht für alle ¹⁾; а вмѣстѣ съ тѣмъ и на прочихъ государей: Александръ I любитъ за всѣхъ; Прусскій король маневрируетъ и учитъ солдатъ за всѣхъ, а императоръ Австрійскій Францъ — платитъ за всѣхъ. (Но это не правда: Нѣмцы не тароваты).

По случаю пріѣзда короля въ Дрезденъ, генералъ Васильчиковъ, Алексѣй Васильевичъ ²⁾, посланъ былъ на границу для встрѣчи и сопровожденія, и онъ ожидалъ себѣ ордена Даненброга, но получилъ богатую табакерку ³⁾. Въ день отъѣзда Его Величества я посланъ былъ отъ князя доложить ему, что все готово и спросить, въ которомъ часу выѣзжаетъ и приготовить обѣдъ въ Пильницѣ. Послѣ продолжительныхъ докладовъ наконецъ принялъ меня король и, уѣзжая изъ Пильница уже въ Вѣну, чрезъ камергера, прислалъ мнѣ очень небольшую бриллиантовую булавку и еще подобныя подарки двумъ адъютантамъ князя. Надъ добрымъ Васильчиковымъ трунили, что онъ не получилъ желаннаго и вслѣдствіе этого, повѣса Бибииковъ (Влади-

¹⁾ Король Датскій смѣется за всѣхъ.

²⁾ Въ то время генералъ ополченія и помощникъ графа Н. А. Толстаго, впоследствии дѣйствительный тайный совѣтникъ.

³⁾ Авторъ ошибается. Табакерка была самая обыкновенная, изъ панье-маше, такъ что ее получилъ потомъ камердинеръ А. В. Васильчикова.

Примѣчаніе А. А. Васильчикова.

миръ) вырѣзалъ изъ бумаги Слона ⁴⁾ и привѣсилъ ему сзади подлѣ камергерскаго ключа на пуговицу. За эту дерзкую шалость плохо было бы Бибикову, если бы доброта Васильчикова не спасла его.

Князь Н. Г. Реннинъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и сердца; дай Боже, чтобы окружающіе нашихъ добрыхъ Государей были люди подобные ему. Приверженность его къ престолу и любовь къ отечеству при безпримѣрной благотворительности выше всякаго изъясненія.

Съ самаго приѣзда моего въ Дрезденъ, онъ былъ ко мнѣ очень милостивъ, но потомъ случаи для меня счастливые по службѣ сблизили меня съ нимъ совершенно, и я пользовался неограниченною его довѣренностію.

Въ Саксоніи начали повторяться довольно часто изъ войскъ нашихъ побѣги солдатъ. Я управлялъ судною ⁵⁾ частію, и приговоръ подсудимому, мною назначенный, князь всегда утверждалъ. Обыкновенное наказаніе: прогнать чрезъ баталіонъ (разумѣется не комплектный) одинъ разъ.

Но какъ между хорошими колосьями прорастаютъ плевелы, такъ и между благородными людьми вмѣшиваются и низкія душонки; такъ случилось и между княземъ и Александромъ Дмитриевичемъ Гурьевымъ (сыномъ тогдашняго министра финансовъ) человѣкомъ благороднѣйшимъ. Нашлись, изъ окружающихъ князя, люди, которые для своихъ расчетовъ употребляли всѣ способы, чтобы поспорить вхъ и въ томъ, къ сожалѣнію

⁴⁾ Первый и весьма рѣдко жалуемый Датскій ордевъ.

⁵⁾ Кромѣ того, госпитальною частію и перепискою съ Варшавою и вообще по продовольствію, и часто особыми важными порученіями, и былъ членомъ въ комиссіяхъ. Примѣчаніе автора.

успѣли. Гурьевъ началъ дѣйствовать въ тихомолку и даже до того, чтобы и въ которое возмущеніе въ бригадѣ Гурьева (Онъ былъ и комендантъ Дрездена и бригадный командиръ ополченія, дѣйств. ст. сов. и камергеръ, носилъ мундиръ съ генеральскими эполетами). Князь, по добротѣ своей, не желая никому зла, а равно и Гурьеву, призвалъ его къ себѣ и возвратилъ ему представленныя имъ отъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ просьбы объ отставкѣ. Онъ разъяснилъ ему, къ чему ведетъ его подобный поступокъ (Гурьевъ не зналъ военной службы). Казалось, Гурьевъ чувствовалъ свою вину, и можно было надѣяться на миръ; но мерзавцы этого не желали и на огонь угасающій не воду, а масло подливали.

30-го Августа, въ день тезоименитства Государя, у князя былъ большой обѣдъ, но ни самъ Гурьевъ и ни одинъ изъ штабъ-офицеровъ, приглашенныхъ на обѣдъ, не пріѣхали. Можно судить, сколь таковой поступокъ, на чужбинѣ и на виду бывшихъ враговъ нашихъ, былъ чувствителенъ князю. Гурьевъ и всѣ штабъ-офицеры сказались большими и обѣдали у Гурьева, который и самъ былъ именинникъ. Не ловко сдѣлано, но и это бы еще могло пройти; но вечеромъ Гурьевъ пріѣхалъ въ театръ. Когда князь его увидѣлъ, тотчасъ послалъ адъютанта спросить о его здоровьи и совѣтовалъ ему не рисковать своимъ здоровьемъ и уѣхать домой. Но Гурьевъ остался почти до конца спектакля. Не пріѣхать обѣдать, по приглашенію, въ день своихъ именинъ къ князю, или въ день ангела его, было бы не весьма учтиво, но въ тезоименитство Государя—было крайне дерзко.

На другой день Гурьевъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ генералъ-майоръ Рыдѣвъ. Съ этого времени, онъ былъ уже открытымъ врагомъ князя, а отецъ его

пресѣдовалъ князя до самой смерти своей. Я крайне скорбѣлъ объ этомъ и сколь ни старался мѣшать подлецамъ ссорить двухъ честныхъ и благородныхъ людей, но усилъ не могъ. Но Гурьевъ, не терпя весь штатъ князя, любилъ меня очень, и я весьма друженъ былъ со всѣми адъютантами его, и онъ даже дѣлалъ иногда мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ: въ послѣдствіи онъ сохранилъ ко мнѣ свое расположеніе и, по возвращеніи нашемъ въ - за границы, по его ходатайству у отца его, братъ мой Осипъ опредѣленъ былъ членомъ въ Кронштадтскую таможену.

Гурьевъ конечно гордъ, но онъ истинный, честный и благородный человекъ и безпристрастный. Ни одного изъ Кіевскихъ военныхъ губернаторовъ такъ не любили и не уважали. Онъ въ душѣ зналъ, что Поляки враги престола, но онъ былъ справедливъ. Женщины на него не имѣли вліянія, него любили, если только Поляки могутъ кого-нибудь изъ Русскихъ любить; но крайней мѣрѣ такъ нагло не смѣялись надъ нимъ, какъ надъ Левашевымъ, который былъ однакоже рыцарь въ полномъ смыслѣ слова.

Я увлекся отъ разсказа. Гурьевъ, разубѣется, не хвалилъ дѣйствій князя и во всемъ искалъ невыгодной стороны. Но что могъ онъ найдти, если вся Европа, смѣю сказать, одобрила дѣйствія князя и даже самъ король Саксонскій, ненавидѣвшій князя, отдалъ ему всю справедливость за управление князя королевствомъ? (Подробно можно видѣть изъ описанія Бантышъ-Каменскаго въ его Словарѣ).

Но какъ надобно было непремѣнно обвинять въ чемъ-нибудь, то напали на слабость князя въ управленіи. Къ слабому наказанію относили и побѣги солдатъ. Одинъ рядовой ушелъ съ часовъ и увезъ съ со-

бою ружье и аммуницію. Преступленіе большее; онъ даже подговаривалъ и другаго. Въсто одного раза чрезъ батальонъ, я приговорилъ его чрезъ тысячу человекъ три раза (жестоко!), и думалъ, что князь непремѣнно смягчитъ. Но каково было мое удивленіе, когда князь, прочитавъ, сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, это невозможно; должно разстрѣлять для примѣра». На возраженіе мое онъ сказалъ рѣшительно: «И то говорятъ уже, я думаю, что я слабъ; надобно дать примѣръ».

И.—Я думалъ, В. С., что вы побраните меня за строгость и помянете подсудимаго.

Князь.—Не ужели ты думаешь, что я дѣлаю это по чувствамъ? На мнѣ тяжелая обязанность, и я долженъ ее исполнить.

И.—Если уже вамъ угодно и должно непремѣнно разстрѣлять, то извольте приказать кому-нибудь другому переимѣнить приговоръ, а я останусь при своемъ.

Слезы у меня брызнули неволью, и я уже не помнилъ самъ, что говорилъ,—такъ меня поразила настойчивость его, и что чрезъ меня какъ будто долженъ умереть человекъ. Князь удивился моей упорности и видимо даже испугался, видя меня въ такомъ безпамятномъ положеніи; далъ мнѣ воды и, по своей истинно-ангельской добротѣ, такъ былъ тронутъ, что самъ прослезился, обнялъ, цѣловалъ меня и сказалъ: «Я очень радъ случаю, что могъ узнать тебя; ты побѣдилъ меня, помѣшалъ мнѣ исполнить долгъ мой, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сдѣлалъ доброе дѣло по человечеству. Сколько ни случалось мнѣ въ жизни имѣть дѣло съ вашими братьями, оберъ-аудиторами, все какъ бы по жестоце, а ты такъ плачешь, чтобы спасти отъ наказанія. Пускай Гурьевъ бранитъ меня, но на этотъ разъ онъ точно будетъ правъ, ибо по истинѣ должно бы разстрѣлять.

Когда ты, другъ мой, будешь постарѣе и поопытнѣе, то вспомнишь, что ты хотя и заставилъ меня сдѣлать доброе дѣло, но не совсѣмъ справедливое по обязанности моеи. Заготовь предписаніе и принеси ко мнѣ!»

Я торжествовалъ невыразимо; но когда я принесъ князю подписать о исполненіи приговора, то торжество мое возрасло еще болѣе. Въ кабинетѣ у князя были Гурьевъ, другіе наши генералы и Саксонцы, и многіе изъ свиты князя. Никто не зналъ о происходившемъ у меня съ княземъ. Онъ обращается ко всѣмъ и спрашиваетъ: «Господа, скажите мнѣ откровенно, какъ вы меня понимаете—добрый я человекъ, или злой?» Разумѣется всѣ, даже и не любившіе его, увѣрены были въ его добротѣ и единогласно отвѣчали, что онъ истинно добрый человекъ. Но князь, поблагодаривъ ихъ, сказалъ: «Конечно, я желаю по возможности быть добрымъ и счастливымъ, если этого достигну; но вотъ человекъ (указывая на меня) во сто разъ добрѣе меня. Сегодня утромъ, при докладѣ, онъ до слезъ спорилъ со мною за доброе дѣло и преклонилъ меня согласиться съ нимъ, и этому доброму дѣлу я обязанъ его твердостью и его сердцу. Я и самъ до слезъ былъ тронутъ, что онъ побѣдилъ меня». Обращаясь къ Гурьеву, сказалъ ему: «Александръ Дмитріевичъ, я знаю, что вы его любите и теперь очень это понимаю и надѣюсь, что вы теперь, за настоящій случай, мнѣ на меня будете гнѣваться, потому что онъ этому болѣе виноватъ и потому что вы и сами имѣете доброе сердце».

Какъ князь ни былъ хорошъ со мною и прежде, ибо онъ не могъ ни къ кому не быть добръ, но послѣ сего случая, онъ необыкновенно ко мнѣ, смѣю сказать, привязался и удостоивалъ меня своею довѣренностію.

Во всю мою службу при немъ, въ теченіи 17 лѣтъ, я два раза только видѣлъ что онъ, будучи такъ сказать агнецемъ, походилъ на лютаго звѣря,—до такой степени былъ онъ взбѣшенъ.

Однажды въ караулѣ стоялъ офицеръ нашъ, Казанскаго ополченія, на такомъ посту, гдѣ не позволено было пропускать никого. Голубчикъ любилъ выпить до того, что, и будучи въ караулѣ, напился жестоко. Одинъ изъ часовыхъ останавливалъ проходящаго Саксонца и, по недоразумѣнію, вышла ссора. Въ это время проходила Саксонская смѣна при унтеръ-офицерѣ, который вступился за земляка; караульный этотъ офицеръ вызвалъ караулъ и началъ было дѣйствовать штыками. Въ это время князь проходилъ отъ моста въ Новый Городъ и услышалъ шумъ. Къ сожалѣнію, изъ бывшихъ при немъ, послалъ онъ адъютанта Адабашева, который и безъ того уже важное это дѣло такъ приукрасилъ, что князь въ ту же минуту приказалъ смѣнить офицера и предать военному суду. Дѣло вышло плохо и, желая поправить, но не умѣя, еще болѣе испортили. Этого несчастнаго, въ то самое время, когда былъ приемъ у князя и, разумѣется, были и Саксонцы, впустили еще полупьянаго, и онъ началъ просить прощенія, кланяясь въ ноги. Тутъ вышелъ уже князь изъ себя. Подлый этотъ поступокъ Русскаго офицера въ глазахъ иностранцевъ до того его разсердилъ, что судъ былъ надъ нимъ произнесенъ: лишить чиновъ и въ солдаты (онъ до подполковника имѣлъ власть и лишить жизни, и производить). Никто не смѣлъ не только уже просить о помилованіи, но даже попадаться къ нему на глаза и даже идти съ бумагами весьма нужными. Дежурный нашъ штабъ-офицеръ Мироновъ, котораго князь очень любилъ, долженъ былъ

вести нужныя бумаги, но никакъ не рѣшался. Прошло часа два, и время было, чтобы не опоздать на почту; онъ обратился ко мнѣ и настоятельно меня просилъ отнести къ подпису бумаги, а если князь спроситъ, сказать, что онъ занемогъ. Нечего дѣлать, я пошелъ. Я вошелъ въ кабинетъ и засталъ, что князь ходитъ по комнатѣ, и губы еще у него дрожатъ. Простоялъ я съ четверть часа, онъ меня не замѣтилъ; и когда я уже рѣшился выйти, онъ спросилъ у меня, что мнѣ надобно. Когда я молча подалъ бумаги, то онъ сказалъ: «Почему же ты, а не Мироновъ пришелъ?» На что я отвѣчалъ, что онъ боленъ. «А, понимаю, боялся придти, пусть себя! И на тебя стану теперь кричать, за что ты хотѣлъ взять чужую обузу на себя. Другъ мой, не подвергай свою доброту напрасному испытанію. Безбожные люди! Въмѣсто того, чтобы поковать и беречь меня, они меня доводятъ до крайности. Какъ изпачать такого негодяя на такой важный пунктъ. Развѣ нельзя ему найти службу, если терпятъ его на службѣ! Да еще вывели его пьянаго на позоръ предъ Саксонцами. Какого мнѣнія могутъ они быть и о службѣ нашей, и о дворянствѣ, и о начальникахъ!». Мало-по-малу лицо его стало проясняться и, уходя отъ него, я вынесъ и прощеніе несчастному. Опять онъ раздѣловалъ меня и сказалъ: «Видно, твоя такая судьба: не пришелъ Мироновъ для того, чтобы ты былъ участникомъ опять добраго дѣла.»

Другой разъ онъ былъ сердитъ очень во время холеры, когда, при началѣ ея появленія, принимались строгія мѣры и учреждались карантинныя. Полтавскій уѣздный предводитель П. боялся ѣхать для учрежденія карантина; съ недѣлю онъ не показывался на глаза, и князь увѣренъ

былъ, что онъ уже давно уѣхалъ. Но по времени и недалекому разстоянію, онъ уже долженъ былъ и возвратиться. И когда князь узналъ, что онъ еще не уѣхалъ, послалъ къ нему адъютанта своего Бибикова (Владимира) съ приказаніемъ, чтобы онъ тотъ же часъ поѣхалъ.

Въ этотъ день были у помѣщика Чуйкевича крестины въ деревнѣ, верстахъ въ 6-ти отъ Полтавы. Этотъ предводитель былъ кумомъ, вмѣстѣ съ моею Анютою ⁶⁾. Гостей было много созвано къ обѣду, и какъ-то удивленіе князя, когда онъ встрѣтилъ тутъ П.! Жаль было князя, но непріятно было видѣть П., который, уклонясь отъ своей обязанности въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково было тогда учрежденіе карантинное,—вздумалъ еще пофанфаронить. Поистинѣ одна только чрезмѣрная доброта князя могла избавить П. отъ неминуемой отвѣтственности. И что же, въ послѣдствіи онъ былъ врагомъ князя, за добро ему оказанное,—и не одинъ разъ!

*

Наполеонъ, въ войну 1812 года, выпустилъ нѣсколько милліоновъ нашихъ ассигнацій (фальшивыхъ), превосходно сдѣланныхъ. По назначеніи князя Н. Г. Репнина, послѣ Лейпцигской битвы, генералъ-губернаторомъ королевства Саксонскаго, изъ первыхъ дѣйствій его было также отысканіе сказанныхъ ассигнацій. По секретнымъ свѣдѣніямъ извѣстно было, что, кромѣ открытыхъ на 6 милліоновъ, скрывается еще милліонъ таковыхъ, и въ томъ подозрѣвали королевскаго банкира Фреге. Довѣренность князя ко мнѣ, послѣ нѣсколькихъ случаевъ, была такъ велика, что онъ и это важное дѣло поручилъ мнѣ. По королевству, при самомъ еще началѣ угра-

⁶⁾ Супруга А. О. Имберга, ур. Злобина.

вления онымъ, князь сдѣлалъ публикацію, что не предъявившій фальшивыя ассигнаціи въ теченіи назначеннаго срока подвергался военному суду и ссылкѣ въ Сибирь, съ штрафомъ въ пять разъ сокрытой имъ суммы.

Надобно сказать, что когда князь принялъ королевство, то въ государственной кассѣ было немного болѣе милліона талеровъ, т. е. ровно ничего. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, банкиры Лейпцигскіе, Фреге и Рейхенбахъ, а равно и Дрезденскій, Босанжъ, оказали большія услуги нашему правительству, особенно же первый изъ нихъ. Къ тому же дѣло подошло къ Михайловской ярмаркѣ. Подозрѣнія хотя были и убѣдительныя, но весьма было затруднительно и рисковано (въ случаѣ невѣрности свѣдѣній) опозорить, такъ сказать, и поколебать довѣріе такого банкира, какъ Фреге, оказавшаго еще важныя услуги нашему правительству. Нужно было дѣйствовать весьма осторожно.

Но утру, часу въ 9-мъ, отправился я въ контору Фреге, скрывъ около дома двухъ гусаръ. Сперва обратился я къ его сыновьямъ, дабы не испугать старика. Предъявивъ имъ откровенно причину моего прихода, я просилъ сказать мнѣ безъ всякихъ изворотовъ, когда и отъ кого они получили фальшивыя наши ассигнаціи и почему, согласно публикаціи, не представили ихъ правительству? Разумѣется, они упорствовали и увѣряли меня въ ложности этого подозрѣнія, и я вынужденъ былъ обратиться къ отцу. Таже была исторія; но во всѣхъ ихъ замѣтилъ я какое-то замѣшательство и наконецъ потребовалъ Gross-Buch. Просматривая ее, я замѣтилъ одну статью; записано: Friedrich-August Winter—милліонъ; имя короля, и къ нему прибавлено Winter. Потребовавъ у нихъ по

этой статьѣ всѣ документы, я этимъ заставлялъ ихъ сознаться.

Фреге былъ банкиръ короля и сумму эту получалъ отъ него, и потому Фреге, изъ привязанности къ королю, не хотѣлъ открыть этихъ денегъ, дабы не выставить неблаговидное дѣйствіе его, изъ слѣпой преданности къ Наполеону, а потомъ боялся уже того наказанія, которому онъ подвергался согласно публикаціи. Онъ предложилъ мнѣ 400 т. рублей асс., дабы я скрылъ это дѣло, и еслибы поторговаться, то и прибавилъ бы; но я, разумѣется, отвергнулъ это предложеніе и потребовалъ бумажки. Изъ сихъ денегъ вышущено было только 22 т. рублей, а остальными набили два мѣшка, которые понесли за мною два гусара, и я въ такомъ торжествѣ отправился къ князю. Легко было вообразить его тревожное ожиданіе, что я сдѣлаю. Если дѣйствительно ложь, если я не успѣю въ томъ, то Фреге могъ простирать къ князю важную и справедливую претензію за нанесеніе торговому и знаменитому дому его безчестія и подрывъ кредита, для банкира весьма важнаго. Кромѣ того, совѣсть мучила бы князя, что за все добро и услуги Фреге онъ заплатилъ бы ему такъ жестоко. Издали еще идя, я видѣлъ, что князь стоялъ на балконѣ (я шелъ изъ Leipziger Strasse) и какъ скоро онъ увидѣлъ меня и за мною гусаровъ не съ пустыми мѣшками, онъ едва не прыгнулъ ко мнѣ на узницу отъ радости. Тутъ онъ мнѣ сказалъ: «При неудачѣ, меня обвинили бы главное въ томъ, что въ такое важное дѣло я употребилъ юношу неопытнаго; но я зналъ точно, кому поручалъ; ты меня оправдалъ, обрадовалъ и обязалъ истинно». Тотчасъ собрался къ князю почти весь штатъ его, бывший съ нимъ тогда въ Лейпцигѣ (это было въ Михайловскую ярмар-

гу) и, разсматривая ассигнаціи, удивлялись искусству, съ какимъ онѣ сдѣланы. Въ доказательство могу сказать, что одна пятидесятирублевая переходила изъ рукъ въ руки (фальшивая) и того же достоинства, вынутая адъютантомъ Рычковымъ изъ портфеля, настоящая, и потомъ въ мѣшокъ, вмѣсто фальшивой, положили настоящую, а ту Рычковъ взялъ къ себѣ. И когда всѣ эти бумажки отправлены были въ Петербургъ для уничтоженія, то отъ министра финансовъ Гурьева была вопросъ, по какой причинѣ, вмѣстѣ съ фальшивыми, оказалась одна настоящая, и случай этотъ ему описали. Въ Вѣну къ Государю, съ донесеніемъ, посланъ былъ адъютантъ Перовскій, а до возвращенія его, Фреге подержать былъ домашнему секретному архиву.

Все что возможно бы сдѣлать для Фреге, еслибы я и взялъ съ него предложенныя мнѣ деньги,—все сдѣлано. Князь въ официальномъ донесеніи изложилъ все, какъ должно быть. Но въ собственноручномъ письмѣ къ Государю сказалъ, что Фреге, какъ вѣрный подданный своего государя, поступилъ какъ бы и всякій честный человѣкъ сдѣлалъ. Легче пострадать для своего Государя, нежели выставить поступокъ его и неблаговидный,—одинъ только Богъ судитъ царей. Къ тому еще высказалъ всѣ тѣ услуги Фреге, оказанныя имъ нашему правительству, и Перовскій привезъ совершенное прощенье Фреге со взысканіемъ только тѣхъ выпущенныхъ имъ 22 т. рублей. О моемъ поступкѣ самъ Фреге откровенно сказалъ князю по окончаніи этого дѣла. Добрѣйшій князь иногда напоминалъ мнѣ объ этомъ и, зная часто бездѣлку и нужду мою, всегда помогая мнѣ, какъ истинный и добрый другъ, говорилъ: «Доброе дѣло никогда плечи не жметъ и

спать крѣпко не мѣшаетъ: деньги легко пришедшія легко и уйдутъ, а совѣсть до могилы насъ преслѣдуетъ».

*

Въ Дрезденѣ въ 1814 году было ужасное происшествіе: взрывъ пороховаго погреба. Князь съ семействомъ и многіе изъ свиты его жили въ Пильницѣ, въ загородномъ мѣстопребываніи короля. Наканунѣ этого дня я пріѣхалъ въ Дрезденъ. По утрамъ часу въ 10-мъ, выходя въ дежурство, не успѣлъ еще выйти на улицу, услышалъ сильный громъ и трескъ (небо было чисто, и сіяло солнце), и какъ изъ нашего дома, такъ и изъ другихъ, посыпались на улицу стекла изъ оконъ. Выбѣжавъ на улицу, я уже видѣлъ только ужасную тучу, идущую отъ моста на городъ. Надобно замѣтить, что взрывъ былъ за Эльбою и даже за новымъ городомъ. Стукъ этотъ былъ такъ силенъ, что его слышали въ Пильницѣ, и прежде чѣмъ успѣли послать донесеніе князю о происшествіи семъ, отъ него прискакалъ уже гусарь спросить, что такое случилось. Сила взрыва была такъ велика, что бревна и другія тяжести кидало и на самый мостъ, и много забило жителей. Но странно и непонятно: остался живымъ часовой Томскаго полка у самаго взорваннаго погреба; и притомъ вышибло двери (разумѣется желѣзныя) у смежнаго погреба и его вкинуло туда, зарыло, можно сказать, землю; но послѣ нашли его живымъ и совершенно здоровымъ, тогда какъ на большомъ разстояніи нѣкоторыхъ убило и изувѣчило.

*

Въ Дрезденѣ князь, кромѣ созданныхъ въ сердцахъ Саксонцевъ памятниковъ о себѣ, оставилъ два замѣчательныхъ:

1-й. Это возобновленіе Дрезденскаго моста, взорваннаго Французами, и

2-й. Лѣстницу на Брюльской терасѣ и Lusthaus на самой терасѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще оставались развалины башни, въ которой совершалась смертная казнь. Нѣкогда въ этой башнѣ сидѣла женщина, имѣя въ каждой рукѣ по костъ. Когда вводили преступника, по мѣрѣ приближенія его къ этой фигурѣ, она поднималась на ноги, разнимала руки и, принимая его въ свои объятія, разрѣзывала его пополамъ, а въ это время растворялась площадка, на которую падалъ трупъ и тотчасъ проваливался въ Эльбу, а фигура принимала опять сидячее свое положеніе. На всей этой терасѣ прекрасный скверъ, и въ этомъ навильонѣ, гдѣ казнили, теперь Нѣмцы пьютъ пиво и кофей и очень любятъ это гулянье, потому что Gross-Garten довольно далеко отъ города.

Все это хорошо, но прекраснѣе всего, что князь устроилъ все это—и мостъ, и гулянье, на свои деньги и вотъ какъ:

1) По военному уставу, всѣ укрѣпленія, палисады и проч., сдѣланныя въ осажденномъ городѣ, по занятіи его побѣдителями, обращаются въ собственность главному начальнику того города. Послѣ Лейпцигскаго сраженія князь назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Саксоніи, и слѣдовательно, все это принадлежало ему по праву, и по продажѣ составило болѣе 70 т. талеровъ.

2) Когда князь принялъ въ управленіе королевство, въ государственной кассѣ было денегъ менѣе полутора милліоновъ талеровъ. По разнымъ поставкамъ во время войны, слѣдовало непременно выдать одному подрядчику, Прусскому подданному, 930 т. талеровъ, чего онъ, по бѣдности казначейства, никакъ и ожидать не могъ. Финансовое управленіе предположило выдать ему въ число долга по возможности 10 т. талеровъ и объ этомъ представило на у-

твержденіе князя. Но князь смотрѣлъ на вещи иначе и, къ удивленію, предписалъ выдать всю сумму 930 т. талеровъ. Нѣмецъ какъ обухомъ въ лобъ. Какъ отдать почти всѣ деньги и остаться безъ гроша! Несмотря однакоже на всѣ справедливыя и основательныя возраженія, князь убѣдилъ этого почтеннаго человѣка вотъ чѣмъ: намъ предстоитъ поспѣшно сформировать 50 т. ополченія; многія значительныя выдачи еще необходимы, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ. Что въ кассѣ денегъ нѣтъ—это не секретъ и, слѣдовательно, если мы подрядчику дадимъ только и 10 т. талеровъ, то все же остальнаго капитала далеко не достаточно, чтобы не остановить ходъ дѣла, и поэтому намъ нуженъ теперь кредитъ, который только можетъ выручить насъ. И какъ теперь новое управленіе Русское, да мы выдадимъ вдругъ одному лицу такую огромную сумму, то подумаютъ, что у насъ милліоны, и мы приобрѣтемъ кредитъ. Такъ и сдѣлано. Но когда пригласили подрядчика явиться за полученіемъ денегъ (онъ разумѣется не надѣялся получить и 10 т. тал.) и выкатили ему боченки, то онъ едва съ ума не сошелъ отъ удивленія и радости. А какъ по законамъ Саксоніи, всякій человѣкъ, получающій изъ казны деньги (подобно ему), обязанъ дать десятый процентъ въ пользу того лица, который разрѣшаетъ выдачу, на этомъ основаніи подрядчикъ представлялъ слѣдующую сумму князю; но онъ, разумѣется, денегъ не принялъ, а присоединилъ ихъ къ вырученнымъ за палисады, и на эти деньги и мостъ починенъ, и устроена лѣстница, и гулянье на Брюльской терасѣ.

*

Король Саксонскій циталъ къ князю самое непріязненное чувство, безъ всякой впрочемъ вины съ его стороны. Во время

самого сраженія Лейпцигскаго и послѣ онаго, Государь Александръ Павловичъ ожидалъ, что король предстанетъ къ нему съ повинною головою, но Фридрихъ этого не сдѣлалъ, и Государь изволилъ выѣхать изъ Лейпцига, не видясь съ нимъ.

Выѣзжая, онъ приказалъ князю, чтобы въ сей же день короля выпроводить въ назначенное ему тогда пребываніе въ Пруссіи. Легко было приказать, но трудно исполнить, тѣмъ болѣе, что нашего гарнизона въ Лейпцигѣ было не болѣе одного некомплектнаго батальона.

Дѣлать было нечего, и медлить невозможно: къ вечеру князь отправился къ королю и сказалъ ему, что онъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, чтобы ручаться за безопасность Его Величества, совѣтуетъ и просить его удалиться изъ города въ безопасное мѣсто. «А, понимаю, я вашъ арестантъ; дѣлайте, что вамъ приказано»,—и по нѣкоторымъ съ обѣихъ сторонъ переговоровъ, король, въ приуготовленномъ уже *портъ-шеви*, вынесенъ былъ изъ города и далѣе, сѣвъ въ экипажъ, отправился въ путь.

Управленіе королевствомъ было не завидное, и князь преобразовалъ почти всѣ части онаго. Когда въ 1815 году Фридрихъ возвратился на свой престолъ, онъ снялъ всѣ ордена и всѣ чины съ Саксонцевъ, которые пожалованы были по представленію князя; но что касается до преобразованій, то оставилъ совершенно все какъ было сдѣлано княземъ, при всемъ томъ, что очень былъ сердитъ лично на князя. Это самый лучшій аттестатъ князю. А чтобы доказать великую любовь короля къ князю, можетъ послужить слѣдующій ничтожный случай.

Когда главная квартира въ 1815 г. была уже въ Парижѣ, въ одно утро Государь обратился къ князю съ слѣдующими сло-

вами: «Ну, господинъ отставной король Саксонскій, ты такъ напугалъ старика Фридриха, что онъ безъ твоего позволенія не смѣетъ даже въ театръ идти.»

Когда князь вступилъ въ управленіе королевствомъ, то изъ первыхъ дѣйствій его было—охранить всякую собственность короля. Самъ онъ помѣстился въ домъ Брюля, а во дворцѣ осталась старуха, сестра короля, и племянники. Въ Пильницѣ запечатанъ былъ дворецъ короля, и князь помѣщался въ особомъ зданіи, впрочемъ прекрасно на самой Альбѣ устроенномъ; въ театрѣ ложа королевская была запечатана, и, что всего хуже для всѣхъ насъ было, запечатанъ былъ и королевскій погребъ, а то бы мы, я думаю, очистили бы его за здоровье короля. И вотъ, по этому-то случаю, король и прислалъ къ Государю въ Парижъ просить позволенія снять печать съ ложи его. Разумѣется, эта булавка не уколола Александра 1-го, но всѣ очень этому смѣялись.

Надобно правду сказать, что управленіе князя Саксоніею было самое полезное для королевства и самое благородное. Люди и тамъ, какъ и всадѣ люди. Князь могъ бы нажить миллионы, но онъ прожилъ около миллиона своихъ денегъ и разстроилъ тамъ свое состояніе. Ему предлагали даже взять изъ картинной галлерей что ему угодно выбрать, а въ Кенгштеинѣ, гдѣ было все добро короля, что бы онъ могъ тутъ хватить! Но и мысль эта была ему чужда. Правда, что много серебра перечеканено въ монету, но это была необходимость и для пользы же королевства.

При князѣ ежедневно издавалось родъ газеты *Gouvernements-Blatt*, гдѣ публиковались, къ всеобщему свѣдѣнію, всѣ распоряженія его, всѣ поступающіе доходы и всѣ вообще денежныя выдачи.

Не такъ дѣйствовали Пруссаки, когда передано было имъ временное управленіе.

Зная уже, какія провинціи отходили къ Пруссіи, они отовсюду ввозили туда все, что только было возможно успѣть. Высосали всю монету Саксонскую и обмѣняли ее на свои чугунные талеры. За то, когда вступили Прусскія войска въ Дрезденъ, то не только нигдѣ на улицѣ не видно было ни одного Саксонца, но даже вездѣ и всѣ окна были завѣшаны шторами. Рѣшительно, какъ будто вымерло все населеніе. Этому я былъ свидѣтелемъ. Насъ, Русскихъ, оставалось уже очень мало въ Дрезденѣ. У коменданта Добшица былъ обѣдъ, на который и я былъ тоже приглашенъ. Грустно было видѣть почтеннаго этого человѣка, — такое на него сдѣлало это впечатлѣніе. Но мы съ Пруссаками жили дружно. Скоро прѣѣхалъ и главный начальникъ Гауди, преночтенный человѣкъ, бывшій министръ. Хотя все шло своимъ чередомъ, но гдѣ только дѣло шло о публичности, то Саксонцы умѣли показать свою ненависть къ Пруссакамъ.

Возвращаясь къ управленію князя. При королѣ, въ самое счастливое время, талеръ не доходилъ и до 21 гроша, а при князѣ, при всѣхъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, курсъ возвысился, и когда онъ сдалъ королевство, то былъ уже 22½ гроша. Содержанія отъ земли онъ имѣлъ только 12 т. талеровъ въ мѣсяцъ. Предъ отъѣздомъ его изъ Дрездена, король Прусскій прислалъ ему 100 т. талеровъ и орденъ чернаго орля, при самомъ лестномъ рескриптѣ, а нашъ Государь 12 т. асс. на дорогу: весьма гомеопатично!

Отчетъ князя, прочитанный имъ публично, надѣлалъ много шума въ Европѣ и выставилъ необыкновенныя его дарованія. По истинѣ, князь Николай Григорьевичъ былъ

человѣкъ великаго ума и прекраснаго сердца. Въ жизни своей очень много дѣлалъ добра и пользы, но никого никогда не сдѣлалъ несчастливымъ. Если новая генерация не такъ горячо вспоминаетъ его, то долго и очень долго Саксонія, съ истиннымъ чувствомъ благодарности, памятовала объ немъ.

7-го Ноября 1815, князь выѣхалъ изъ Дрездена въ Вѣну. Всѣ части управленія были собраны, и учебныя заведенія (такъ же весьма много ему обязанныя своимъ улучшеніемъ) прощались съ нимъ съ особеннымъ чувствомъ скорби. Отъ дома, имъ занимаемаго, до заставы стояли войска наши, саксонскія и прусскія, и артиллерія. Били походы, играла музыка; тогда отдали честь Саксонцы, преклонили знамена (что и прежде дѣлали при всѣхъ торжествахъ, и пушки стрѣляли до выѣзда его за заставу. Онъ ѣхалъ верхомъ и, разумеется, огромная свита его сопровождала, а по улицамъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, столько народу, что точно некуда кинуть было булавочку. Въ окнахъ вездѣ дамы, ковры и цѣты. Въ Ириѣ Саксонцы давали ему обѣдъ, сдѣлали все, что только холодные и неизобрѣтательные Нѣмцы сдѣлать могутъ: но все это въ сравненіи съ прощальнымъ баломъ⁷⁾, который дали мы. Русскіе (насъ оставалось уже не болѣе 20 человѣкъ, и на которомъ было и ужинало болѣе 600 человѣкъ, — какъ булавка передъ пушкою. Въ домѣ графа Шенбурга устроены были и садъ. Была коммиссія, гдѣ разсуждали около недѣли, какъ устроить праздникъ, и точно, это было нѣчто въ родѣ волшебной сказки. За ужинамъ говорили рѣчи в Саксонцы, и Пру-

⁷⁾ Балъ стоилъ болѣе 12 тысячъ рублей; главный вкладчикъ былъ Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ.

саки. Потомъ мы почти одни Русскіе проводили князя и княгиню до крыльца и тамъ привели его въ горницу на рукахъ. Тутъ не похоже было на циръ: всѣ мы плакали, и онъ тоже; но счастливъ тотъ, кто такъ въ жизни своей плакалъ, какъ мы всѣ тогда. Описать все это очень бы хорошо, но для этого нужно и перо соотвѣтственное.

Изъ Пирны въ Вѣну его сопровождалъ одинъ только адъютантъ Бибииковъ-старшій, Пларіонъ Михайловичъ. До половины дороги, къ границѣ Богеміи, многіе провожали, а я съ адъютантомъ Рейнсфельдомъ (всѣ мы были верхами и въ однихъ мундирахъ) такъ увлеклись, что, несмотря ни на какія просьбы князя и княгини, проводили ихъ до Петерсвальда и на другой уже лень возвратились на почтовыхъ въ Дрезденъ, и какъ утромъ было довольно свѣжо, то и порядочно перезябли. Грусть нашу выразить трудно было.

*

Въ Вѣнѣ я жилъ въ Бургѣ, во дворцѣ, имѣлъ съ Перовскимъ⁸⁾ въ одной комнатѣ, и были мы друзья, какихъ нынѣ мало. Онъ, будучи адъютантомъ у Великаго Князя, управлялъ канцеляріею по инженерной части, и очень просилъ меня быть его помощникомъ, когда я пріѣзжалъ изъ Полтавы. Меня брали съ чиномъ 2500 р. ас. жалованья, столько же награжденія и квартиры; но я, не желая оставить князя, отказался, и чрезъ это мы поссорились, и уже дружба наша нѣсколько остыла. Какая бы мнѣ послѣ представилась карьера по службѣ! Перовскій—благороднѣйшая душа. Онъ мнѣ былъ обязанъ въ жизни: 1) Онъ долженъ былъ имѣть дуэль съ начальникомъ штаба генер. Фитомъ.—я это дѣло уладилъ. 2) Изъ Вѣны по сердечнымъ дѣламъ нужно было

ему съѣздить въ Дрезденъ видѣться съ актрисою (Андріини), былъ безъ гроша,—я ему отдалъ всѣ мои деньги, которыхъ тогда случилось около 300 червонныхъ. 3) Онъ служилъ въ генеральномъ штабѣ, и князь П. М. Волконскій не выпускалъ его, а Великій Князь Николай Павловичъ бралъ его къ себѣ въ адъютанты. Я ему присовѣтовалъ проситься въ полкъ, въ чемъ князь отказать ему не могъ; и только что отдано было въ приказѣ о вступленіи его въ л. г. егерскій полкъ, чрезъ недѣлю онъ поступилъ въ адъютанты по желанію Его Высочества, и симъ сдѣлалъ онъ свою блестящую карьеру, которой онъ впрочемъ былъ истинно достоинъ, и 4) Въ 1818 году я былъ съ княземъ Н. Г. Реппинымъ въ Москвѣ. Тамъ родился у Великаго Князя Николая Павловича сынъ, а Государь Александръ Павловичъ былъ въ отлучкѣ. Съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ назначили Перовскаго. Время для дороги, правду сказать, самое несносное, но съ такими порученіями обыкновенно посылаютъ для награды. Перовскій, который страдалъ сильно грудью, отказывался и даже намѣренъ былъ выдти въ отставку. Всѣми силами старался я уговорить его и наконецъ, обще съ покойнымъ Кир. Александр. Нарышкинымъ, такъ насѣли на него, что онъ согласился и произведенъ былъ въ полковники. Онъ очень желалъ заплатить мнѣ чѣмъ-нибудь; но онъ и умеръ, не имѣя этого утѣшенія.

*

Во все время пребыванія своего въ Вѣнѣ на конгрессѣ, Государь Императоръ Александръ I два раза только обѣдалъ у Императора Франца Іосифа Австрійскаго. Нашъ Государь имѣлъ столъ самый утонченный, а Францъ безъ кислой капусты не могъ съ апетитомъ пообѣдать. Каждую недѣлю два раза пріѣзжали изъ Петербурга срочные Русскій Архивъ 1870. 13.

⁸⁾ Василиемъ Алексѣевичемъ.

фельдъегери, которые, кромѣ бумагъ, привозили нѣкоторую провизію и между прочимъ осетрину, вино и даже кофей. Когда настало время ботвиньи, то за обѣдомъ у Государя лордъ Каткартъ высказалъ всю непринужденность Англичанина. Коль скоро подали тарелку съ ботвиньей, то Государь спросилъ его: *Comment trouvez vous cette soupe Russe?* Каткартъ, хлѣбнувъ ложку и отдавая человѣку, отвѣчалъ: *C'est diablement mauvais.* ⁹⁾

*

Въ походѣ при Государѣ былъ *maitre d'hôtel* Миллеръ. Каждый день былъ гофмаршальскій обѣдъ для генералъ и флигель-адъютантовъ и нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ при главной квартирѣ Государя и особенно при походной канцеляріи начальника главнаго штаба князя Петра Михайловича Волконскаго, имѣвшихъ квартиры во дворцѣ. Въ числѣ послѣднихъ и я наслаждался чудеснымъ этимъ обѣдомъ и имѣлъ экипажъ, мѣсто въ общей ложѣ въ театрахъ и завтракъ во дворцѣ отъ Австрійскаго Императора, и каждый день ѣли мы кислую капусту, съ тою только разницею, что съ разными каждый день приготовлениями: ветчиною, колбасами и т. п.

Изъ формулярнаго списка (1844) д. ст. сов. А. О. Имберга видно, что онъ родился въ 1790 г., вѣронсповѣданія православнога, служилъ съ 1804 года, а съ 1808 г. въ генералъ-аудиторіатѣ; 25 янв. 1814 г. по высоч. повелѣнію опредѣленъ оберъ-аудиторомъ къ генералъ-адъютанту князю Репнину, въ Лейпцигѣ 10 окт. 1814 г. открылъ миллионъ фальшивыхъ ассигнацій, отданныхъ королемъ Саксонскимъ на сохраненіе банкиру Фреге. По-

⁹⁾ Какъ вы находите эту русскую похлебку? — Чертовски скверно.

томъ онъ долго служилъ правителемъ канцеляріи князя Репнина, въ бытность его Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; съ 1831 по 1842 г. почтъ-директоромъ V округа (въ Вильнѣ); а съ 1844 г. предсѣдателемъ Виленской казенной палаты, но всего одинъ мѣсяць, и за болѣзнію уволенъ по именному указу. — Имбергъ скончался въ Сиб. 24 марта 1864, и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. *И. Б.*

ПОИМКА В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Помѣщаемые ниже два документа относятся къ одному изъ декабристовъ, автору разныхъ стихотвореній и прозаическихъ статей, издателю журнала «Мнемозины», лицейскому товарищу и другу Пушкина, Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру (ум. 1843), который, послѣ событій 14-го декабря 1825 года, усиѣлъ переодѣтый бѣжать изъ Петербурга и пробраться въ Варшаву; но тамъ, отыскивая своего лицейскаго товарища, служившаго въ гвардейской конной артиллеріи, Есакова ¹⁾, былъ признанъ по примѣтамъ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Григорьевымъ, арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Въ первомъ изъ этихъ документовъ заключается распоряженіе цесаревича Константина объ отысканіи Кюхельбекера, съ подробнымъ описаніемъ его примѣтъ; во второмъ сообщается обстоятельный разсказъ объ его арестованіи въ Варшавѣ. Обѣ бумаги, за собственноручною подписью великаго князя Константина Павловича, адресованы къ дивизион-

¹⁾ О Семенѣ Семеновичѣ Есаковѣ, какъ лицейскомъ товарищѣ Кюхельбекера, не разъ упоминается въ письмахъ Иличевского къ Фуэсу, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г.

ному генералу Гогелю ²⁾, квартировавшему въ Дубнѣ.

Всѣмъ извѣстна печальная роль, которую игралъ въ возмущеніи 14-го декабря Кюхельбекеръ, и объ ней нечего распространяться; считаемъ не лишнимъ только привести здѣсь мѣткую характеристику Кюхельбекера, сдѣланную Баратынскимъ за нѣсколько мѣсяцевъ до ватастрофы 14-го декабря, и объясняющую многое и въ его жизни и въ злополучной судьбѣ. «Онъ человѣкъ занимаемый по многимъ отношеніямъ—пишетъ Баратынскій къ Н. В. Путятѣ въ февралѣ 1825 года—и рано или поздно, въ родѣ Руссо, онъ будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями ³⁾, и характеръ его очень охотенъ съ характеромъ женеваго чудака: таже чувствительность и недовѣрчивость, таже безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ ⁴⁾, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей; и порою таже восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для несчастія ⁵⁾».

Когда Баратынскій писалъ эти строки,

²⁾ Федоръ Григорьевичъ Гогель былъ, кажется, братъ того И. Г. Гогеля, которому, по замѣчанію г. Липранди, русская артиллерія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, обязана многими нововведеніями и усовершенствованіями.

³⁾ Дарованія свои Кюхельбекеръ обнаружилъ еще въ Лицеѣ, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и при выпускѣ получилъ серебряную медаль.

⁴⁾ Эта неумѣренность мнѣній Кюхельбекера помела поводъ Пушкину величать его именемъ извѣстнаго революціонера, Анахарсиса Клоотса (Библиогр. Зап., т. 1, стр. 102).

⁵⁾ Русск. Арх. 1867, стр. 266.

могъ ли онъ ожидать, что несчастіе такъ скоро обрушится надъ головою бѣднаго Кюхельбекера!

М. Шууровъ.

1.

Начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру, Гогелю 2-му.

Г. военный министръ, генералъ отъ инфантеріи Татищевъ, отъ 4-го сего Генваря увѣдомилъ меня, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ сдѣлать повсемѣстное объявленіе, чтобы взяты были всѣ мѣры къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера, и если гдѣ окажется кто либо его скрывающій, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ противъ скрывающихъ государственныхъ преступниковъ; присовокупляя при томъ, что Кюхельбекеръ росту высокаго, сухощавъ, глаза на выкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорахъ кривится, бакенбарды не растутъ, борода мало заростаеъ, сутуловатъ и ходитъ немного искривившись, говоритъ протяжно; ему около 30 лѣтъ.

Во исполненіе таковой высочайшей его императорскаго величества воли, предлагаю вашему превосходительству, объявивъ объ ономъ по высочайше ввѣренной вамъ дивизіи, принять строгія мѣры къ розысканію, не находится ли означенный Кюхельбекеръ гдѣ либо въ расположеніи войскъ оной дивизіи, и ежели окажется, то тотчасъ, задержавъ его подъ строжайшимъ арестомъ, мнѣ съ нарочнымъ донести. Варшава. Генваря 11 дня, 1826 года.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи *Ком-стантинъ.*

№ 77.

На подѣ подлинника рукою Гогеля по

мѣчено: «отъ 14 генваря предписано бригаднымъ и полковымъ командирамъ о принятіи строжайшихъ мѣръ къ отысканію».

2.

Начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генераль-лейтенанту и кавалеру, Гогелю 2-му.

Изъ предписанія моего отъ 11-го сего генваря вашему превосходительству извѣстна высочайшая его императорскаго величества воля о принятіи всѣхъ мѣръ къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера и что я о семъ сдѣлалъ распоряженіе по высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ и губерніямъ.

Вчерашняго числа, пополудни въ часъ, лейбъ-гвардіи Волынскаго полка унтеръ-офицеръ Никита Григорьевъ, будучи посланъ по ротнымъ дѣламъ съ однимъ рядовымъ на предмѣстье Прагу и идя тамъ по площади, встрѣтилъ человѣка, одѣтаго въ тулупъ, крытомъ китайкою, а подъ нимъ — простомъ нагольномъ тулупѣ же, подпоясанаго кушакомъ и въ русской шапкѣ, шедшаго въ городъ отъ Гроховскаго вѣзда. Сей человѣкъ, останова его, спросилъ по-русски: «тутъ ли квартируетъ гвардейская конная артиллерія?» Унтеръ-офицеръ Григорьевъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ, и спросилъ его, что онъ за человѣкъ и зачѣмъ хочетъ знать объ конной артиллеріи? На сіе онъ сказалъ, что онъ крѣпостной слуга барона Моренгейма и желаетъ знать, гдѣ офицеръ оной артиллеріи Есаковъ, знакомый съ его господиномъ. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, взглядываясь въ него и помня примѣты Кюхельбекера, о которыхъ назадъ тому нѣсколько дней какъ въ полку было объявлено въ приказѣ и внушено объ оныхъ нижнимъ чинамъ, и находя, что оныя весьма сходствуютъ съ симъ человѣкомъ, а притомъ видя, что онъ мѣшается въ рѣчахъ, спрашивая

объ конной артиллеріи, тогда какъ самъ объявилъ, что находится уже съ годъ въ Варшавѣ, и потому предложилъ ему проводить его лейбъ-гвардіи въ Волынской полкъ, говоря, что тамъ есть братъ г. Есакова ⁶⁾, командиръ полка, который дастъ ему вѣрнѣе свидѣніе о служащемъ въ конной артиллеріи; но человѣкъ въ тулупѣ, благодаря его нѣсколько разъ за труды, неоднократно просилъ его учтивымъ образомъ не беспокоиться и вернуться. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, изъ сего болѣе еще удостовѣрся, что онъ долженъ быть сомнительный человѣкъ, повелъ его на гауптвахту (что на Прагской площади) и представилъ караульному офицеру, лейбъ-гвардіи Литовскаго полка прапорщику Суровцову 2-му, которой спрашивалъ его, что онъ за человѣкъ? Но и ему отвѣчалъ, что барона Моренгейма. Офицеръ же отправилъ его подъ арестомъ къ коменданту, предъ которымъ уже онъ признался, что есть тотъ самый Кюхельбекеръ, котораго отыскиваютъ, — въ слѣдствіе чего онъ былъ тотчасъ представленъ ко мнѣ и, по снятіи съ него по приказанію моему допроса, отправленъ онъ въ С.-Петербургъ подъ строжайшимъ арестомъ.

О чемъ даю знать вашему превосходительству на тотъ конецъ, что уже не нужно болѣе продолжать мѣръ къ поимкѣ его. Варшава. Генваря 20-го дня, 1826 года.

Генераль-инспекторъ всей кавалеріи *Ком-стантинъ*.

№ 220.

На полѣ помѣчено рукою Гогеля: «Отъ 24 генваря предписано бригаднымъ и полковымъ командирамъ».

⁶⁾ Этотъ Есаковъ, впоследствии, во время польскаго возстанія 1830 года, командиръ Волынскаго полка, попалъ въ руки бунтующей варшавской толпы. Онъ былъ тогда въ чинѣ генерала.

ПИСЬМА ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО НИАЗА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КЪ МАРКИЗЪ ДЕ-НЮБЪЕРЪ.

Въ 1814 г., въ Парижѣ, гдѣ-то въ общественномъ мѣстѣ, Императоръ Александръ Павловичъ услыхалъ въ толпѣ народа (которая такъ часто окружала его въ то время) дѣтскій возгласъ на русскомъ языкѣ: «Здравія желаю, Ваше Императорское Величество!» Государь конечно удивился, и ему доложили, что нѣкто г-жа Л., жившая когда-то въ Россіи, имѣетъ къ нему просьбу и захотѣла возгласомъ своего дитяти привлечь царское вниманіе. Государь подозвалъ брата своего Цесаревича Константина и поручилъ ему разузнать обстоятельства просительницы. Та объявила, что ее можно видѣть въ домѣ шталмейстера маркиза де-Кюбьера. Цесаревичъ поѣхалъ по назначенію, встрѣтилъ любезныхъ и образованныхъ людей, которые, не преступая предѣловъ почтительности, въ тоже время ничего въ немъ не искали, и вскорѣ дружески сошелся со всѣмъ семействомъ де-Кюбьеровъ.

Симонъ-Люи-Пьеръ, маркизъ де-Кюбьеръ (1747—1821) былъ съ дѣтства близокъ къ дому Бурбоновъ. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ королями Людовикомъ XVI, Людовикомъ XVIII и Карломъ X и состоялъ шталмейстеромъ при второмъ изъ нихъ. Это былъ человекъ отлично образованный; онъ занимался естественными науками (*Histoire des coquillages de mer*, 1799, in 4°); писалъ также стихотворенія и комедіи (*Le Charlatan*).

Супруга маркиза де-Кюбьера, къ которой писаны нижеслѣдующія письма, была въ первомъ бракѣ за г-омъ Оливомъ и съ нимъ жила нѣкоторое время въ Сѣверной

Америкѣ, куда удалялся г. Оливъ, принадлежа къ бретаньскому дворянству, столь извѣстному своею преданностью законнымъ государямъ и избѣгая подчиненія французскому революціонному правительству.

Въ Америкѣ родился у нихъ сынъ, котораго судьба привела потомъ къ намъ въ Россію и о которомъ такъ часто говорить въ письмахъ къ его матери Великій Князь Константинъ Павловичъ. Молодой Оливъ (въ Россіи Вильгельмъ Николаевичъ), по возвращеніи изъ Америки во Францію, получилъ воинское образованіе въ извѣстной школѣ Сенъ-Сиръ, служилъ въ королевской гвардіи, сопровождалъ Людовика XVIII въ 1815 году, во время его удаленія, въ Гентъ и состоялъ для порученій при герцогѣ Беррійскомъ (*officier d'ordonnance*).

Великій Князь Константинъ Павловичъ особенно полюбилъ молодаго Олива и непремѣнно пожелалъ перевести его къ себѣ на службу, что и состоялось послѣ нѣкоторыхъ затрудненій. Десять лѣтъ г. Оливъ провелъ при Цесаревичѣ въ Варшавѣ въ должности адъютанта и сдѣлался однимъ изъ наиболее къ нему близкихъ людей. По разстроенному здоровью онъ вышелъ въ отставку; но, будучи женатъ на Русской, продолжалъ жить въ Россіи и впоследствии поселился въ Крыму. Тамъ былъ онъ предводителемъ дворянства Таврической губ. и между прочимъ предсѣдательствовалъ въ строительной комиссіи по сооруженію дворцовыхъ зданій на южномъ берегу Крыма, въ Оріандѣ. Прекрасный Оріандинскій дворецъ выстроенъ съ примѣрною

бережливостью, скоростью и отчетливостью, за что покойный государь Николай Павловичъ выражалъ В. Н. Оливу особенное благоволеніе и пожаловалъ ему камергерскій ключъ съ исключительнымъ дозволеніемъ носить его при уланскомъ мундирѣ, съ которымъ Оливъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Вильгельмъ Николаевичъ скончался въ Москвѣ 3 Августа 1854 г.

Нѣкоторыя письма Великаго Князя къ матери г-на Олива и одно къ нему печатаются здѣсь съ французскихъ подлинниковъ, сохранившихся въ семействѣ г-на Олива и обязательно намъ сообщенныхъ. Два изъ нихъ приводимъ и въ подлинникѣ для показанія французскаго слога, остальные въ одномъ русскомъ переводѣ.

Намъ кажется, что письма эти имѣютъ важность, наглядно изображая Великаго Князя и притомъ съ той малоизвѣстной нынѣшнему поколѣнію стороны его прямого и благороднаго характера, которая такъ крѣпко привязывала къ нему людей, имѣвшихъ случай ближе узнать его. *П. Б.*

I.

Милостивая Государыня!

Пріймите благосклонно истинную мою благодарность за Ваше любезное Апрельское письмо, которое дошло до меня лишь въ Іюль, да еще въ послѣднихъ числахъ. Я не зналъ, чему приписать Ваше молчаніе, и успокоился лишь прочитавши Ваше письмо, тонъ котораго доказалъ мнѣ, что Вы не оставляете меня Вашешю благосклонностью, столь для меня драгоценною. Не вздумайте приписывать медлительность этого отвѣта чему-либо, кромѣ слѣдующихъ причинъ: 1) Я не былъ дома, а въ Петербургѣ, гдѣ письмо Ваше было мнѣ доставлено передъ самымъ моимъ отъѣздомъ сюда. 2) Я не имѣлъ вѣрнаго случая писать къ Вамъ, и

къ этому присоединилось пребываніе здѣсь Государя Императора. Вы можете себѣ представить, сколько у насъ вдвоемъ было хлопотъ. Императоръ соблаговолилъ заняться нашимъ вновь созданнымъ Польскимъ войскомъ и остался имъ доволенъ; сверхъ того у насъ были праздники и собранія, поглощавшіе все наше время. Императоръ пробылъ лишь шестнадцать дней между нами и уѣхалъ отсюда въ Петербургъ къ величайшему нашему сожалѣнію. Получивши приказаніе отправить курьера въ Парижъ, пользуюсь имъ, Мил. Гос., чтобы начертить Вамъ эти строки и чтобы повторить Вамъ выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя я посвятилъ Вамъ на всю мою жизнь. Пріймите ихъ благосклонно. Я вижу изъ Вашего письма, Мил. Гос., что полковникъ Хленковичъ ¹⁾ не отличился любезностію и велъ себя опрометчиво. Весьма довольный имъ по службѣ, я однако имѣлъ честь писать Вамъ, что онъ старая *volaille* ²⁾ и что вообще онъ не блещетъ любезностію. Я убѣжденъ, Милостив. Государ., что если Вы когда нибудь увидите вновь ту *volaille*, которую я имѣю при себѣ, Вы ее не узнаете: до того она отшлифована и отчищена во всѣхъ отношеніяхъ. Слава Богу, я доволенъ своею судьбою и очень счастливъ здѣсь. Его Величество удостоиваетъ меня своего довѣрія и своей дружбы. Чего мнѣ еще нужно? Съ занимаемаго мною поста, могу наблюдать за несчастными и за негодяями, изъ которыхъ нѣкоторые были у меня на рукахъ, какъ напримѣръ Карно ³⁾, пробывшій здѣсь 8 мѣсяцевъ. Слава Богу, эта старая каналія выѣхала въ Пруссію вла-

¹⁾ Съ нимъ было послано предъидущее письмо Великаго Князя.

²⁾ Шутливое названіе, которымъ Великій Князь постоянно обозначаетъ бонапартистовъ.

³⁾ Извѣстный членъ Конвента.

дѣнія. Вы не можете себѣ составить понятія о томъ, что писалъ этотъ человекъ, и что ему писали, въ особенности изъ Нидерландовъ, гдѣ угнѣздилась вся эта новая эмиграція, и гдѣ она собралась въ значительномъ количествѣ. Кромѣ того, Карно получалъ письма изъ Парижа отъ своихъ друзей, и всегда не подписанныя, что заставляетъ меня предполагать, что число ихъ не мало. Онъ, Карно, адресовалъ свои отвѣты г-ну Жоке, по улицѣ Пале-Рояль, въ домъ № 1. Предполагаю, что это его братъ. Къ намъ также прибыло нѣсколько недѣлъ назадъ, лицо, которое я считаю довольно значительнымъ. Это полковникъ Вюель-Кастель, братъ котораго былъ камергеромъ *volaille*, а теперь долженъ быть или мэромъ или начальникомъ національной гвардіи въ Версалѣ. Смѣю просить Васъ, Мил. Гос., сообщить мнѣ нѣсколько свѣдѣній объ этой личности, вѣроятно Вамъ не безъизвѣстной вслѣдствіе долгаго Вашего пребыванія въ этомъ городѣ. Я же, въ качествѣ добраго роялиста и усерднаго слуги моего Государя, дѣлаю, что могу, чтобы услѣдить за этимъ адскимъ отродіемъ негодяевъ. Извините меня, Мил. Гос., если я говорю съ Вами столь откровенно и безцеремонно; но счастливыя минуты, проведенныя мною въ средѣ Вашего любезнаго и прелестнаго семейства, совершенно избаловали меня, и я осмѣливаюсь говорить въ этомъ письмѣ, какъ будто бы я еще находился между Вами. Будьте увѣрены, Мил. Гос., что эти прелестныя мгновенья никогда не изгладятся изъ моей памяти, в то я отдалъ бы ни въсть что для того, чтобы ихъ воротить. Соблаговолите, Мил. Гос., напомнить обо мнѣ г. маркизу и сказать ему, что я надѣюсь, что здоровье и веселость ему не измѣняются. Чего бы я ни отдалъ, чтобы вновь посмѣяться съ нимъ! Позвольте мнѣ также попросить Васъ пере-

дать мое нижайшее почтеніе Вашимъ дочерямъ и сказать имъ, что, несмотря на все мое желаніе послать имъ для увеселенія нѣсколько здѣшнихъ кавалеровъ, не могу этого сдѣлать, ибо мы въ этомъ отношеніи не богаты. Разсчитывая на Вашу старинную дружбу, М. Г., посмѣю ли попросить Васъ обнять за меня Вашего сына, котораго люблю отъ всей души! Заставьте его путешествовать, М. Г., и пришлите его сюда, ко мнѣ: общаю Вамъ, что онъ будетъ принять какъ братъ и другъ. Если прелестная моя сосѣдка у Инвалидовъ еще помнитъ меня, соблаговолите, М. Г., передать ей нижайшій мой поклонъ.

Смѣю просить Васъ, М. Г., простить мнѣ это длинное маранье, и сохранить мнѣ Вашу благосклонность, пріемля увѣренія въ преданности и почитаніи, съ коими остаюсь на всю жизнь искренно Вамъ преданный
Константинъ.

Варшава 16/28 Окт. 1816.

P. S. Генералъ Олсуфьевъ и мой адъютантъ Кицкій шлютъ Вамъ, М. Г., нѣжайшіе поклоны и смѣютъ напомнить о себѣ всему Вашему любезному семейству.

II.

Милостивая Государыня!

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я получилъ любезное письмо, коимъ Вы меня почтили отъ 18-го сего мѣсяца. Пріимите за него, М. Г., искреннюю мою благодарность, а такъ же за все то, что Вы изволите говорить мнѣ по поводу союза, въ который я вступилъ⁴⁾. Участіе, принимаемое и Вами, и Вашимъ милымъ семействомъ, умножаетъ мою радость, и конечно принесетъ мнѣ счастье. Я замедлил моимъ отвѣтомъ,

⁴⁾ Женитьба на княгинѣ Ловичъ. Извѣстно, что Великій Князь былъ относительно ея самымъ нѣжнымъ и попечительнымъ супругомъ.

вслѣдствіе прїѣзда Государя въ эту столицу: наша однообразная жизнь совершенно измѣнилась, и этотъ городъ, имѣющій притязаніе быть столицею, по моему дѣлается ею лишь когда Его Величество удостоиваетъ его Своего августѣйшаго присутствія. Нашъ добрый и милый Оливъ былъ Ему мною представленъ. Онъ принялъ его съ тою добротою, которая Вамъ извѣстна, и нѣсколько разъ съ нимъ заговаривалъ. Оливъ этимъ восхищенъ, и онъ правъ. Съ моей стороны, не упускаю случая, чтобы выставить его на видъ. Все это я пишу строгой маркизѣ де - Кюбьеръ; ей я отдаю отчетъ въ томъ, что случается съ моимъ адъютантомъ, прося ее сообщить объ этомъ нѣжной матери нашего дорогаго Вилльяма. Еслибъ я обратился прямо къ матери, меня могли бы заподозрить въ лести, или въ пристрастіи къ сыну, разсчитанномъ на то, чтобы подкупить чувства матери; но, обращаясь къ строгой нѣжности г-жи маркизы де - Кюбьеръ, не могу выразаться иначе, какъ со всевозможною правдивостію. Простите мнѣ, М. Г., это отступленіе; я позволилъ себѣ его, разсчитывая на Вашу ко мнѣ благосклонность.—Мы наканунѣ открытія сейма, или иначе, камеръ. Господствующая здѣсь страсть къ подражанію тому, М. Г., что происходитъ у Васъ во Франціи, при подобныхъ обстоятельствахъ, предвѣщаетъ намъ довольно страстныя пренія: тотъ депутатъ у насъ принялъ себѣ въ образецъ Мануэля, этотъ Б. Констана, третій генерала Фуа, четвертый Лафайета, и т. д., и т. д., словомъ, стоятъ на томъ, чтобы быть копіями съ подобныхъ образцовъ, когда, по моему, было бы проще быть оригиналами, соревнуя въ оказаніи вѣрности и послушанія лучшему изъ Государей. Но мода—божество столь увлекательное, что никто не можетъ устоять противъ ея пре-

лестей; и быть дурною копіею кажется почетнѣе, чѣмъ хорошимъ оригиналомъ. До сихъ поръ, слава Богу, у насъ еще нѣтъ ни Квируги, ни генерала Пепе, не смотря на добрую волю сдѣлаться ими; но могущество Государя еще сдерживаетъ эти порывы. При успѣхахъ просвѣщенія и при добромъ желаніи учиться, еслибы только была допущена тѣнь возможности, взаимное обученіе въ вещахъ этого рода сдѣлало бы немалые шаги, во имя цивилизаціи и счастья рода человѣческаго. Да избавитъ насъ отъ этого Бога!—Соблаговолите, М. Г., передать г-ну де Кюбьеръ мои поздравленія по поводу наградъ, полученныхъ Вашимъ младшимъ сыномъ въ Лицеѣ³⁾. Руководимый Вами, онъ не можетъ со временемъ не сдѣлаться отличнымъ человѣкомъ. Смѣю также напомнить о себѣ Вашимъ дѣвицамъ, и просить Васъ, М. Г., о продолженіи Вашей ко мнѣ благосклонности, свидѣтельствуя Вамъ то уваженіе и преданность, съ коими навсегда пребуду преданный Вамъ

Константинъ.

Варшава 25 Авг. 1820.
6 Сент.

III.

....Я счастливъ, М. Г., видя изъ письма Вашего, что милому нашему Вилльяму хорошо при мнѣ. Надѣюсь, что такъ и всегда будетъ, что Вамъ нечего будетъ сътовать на его удаленіе, что время и дальнѣйшее производство его по службѣ послужатъ Вамъ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ дорогимъ сыномъ (если только подобное утѣшеніе возможно). Что до меня, то я долженъ отзываться о немъ самымъ лест-

³⁾ Говорится о молодомъ маркизѣ де - Кюбьеръ. Онъ также, какъ отецъ его, занимался словесностью; умеръ въ молодыхъ годахъ.

нымъ для него образомъ. Онъ усерденъ, точенъ, понятливъ и радѣтеленъ. Таковы качества, отличающія его во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, онъ добрый товарищъ, любезенъ, уменъ и умѣлъ пріобрѣсти дружбу своихъ сослуживцевъ. Съ моей стороны, я люблю его отъ всего сердца и счастливъ, когда могу всячески засвидѣтельствовать ему это. Чтò въ немъ удивительно и чтò рѣдко встрѣчается въ нашемъ вѣкѣ—это горячность, кою одаренъ онъ въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ требуется душа и надо дѣйствовать отъ сердца. Я его видѣлъ въ подобномъ случаѣ. Прежде я любилъ его очень искренно; послѣ того люблю его еще больше. Поэтому онъ пользуется моею полною привязанностью и полнымъ моимъ довѣріемъ. Все, чтò онъ къ Вамъ написалъ объ отличномъ обращеніи съ нимъ Его Величества, очень меня радуетъ, потому что онъ чувствуетъ тому цѣну: опять рѣдкость въ нашемъ вѣкѣ, когда поставляютъ себя въ заслугу не дорожить ничѣмъ и особливо въ здѣшнемъ краю. Вамъ извѣстны, М. Г., тѣ чувства, которыя я питаю къ Франціи, и Вы конечно повѣрите, что рожденіе герцога Бордосскаго было для меня праздникомъ. Порядокъ, повидимому, у Васъ восстанавливается, и новые выборы болѣею частію превосходны. Но, съ обычною моею откровенностію, признаюсь Вамъ, что мнѣ вовсе не нравится поведеніе виконта Ноайля въ камерѣ. Мнѣ казалось бы, что истинные роялисты и тѣ, которые имѣютъ притязаніе быть таковыми, должны были бы соблюдать болѣе спокойствія въ своемъ образѣ дѣйствій, предоставить своимъ противникамъ шумъ, рѣзкія выходки *партии изступленныхъ* (если такъ можно выразиться) и бороться съ ними спокойно, хладнокровно, а главное, разумно. Нанѣ послѣдній здѣшній сеймъ былъ изъ самыхъ разо-

чаровывающихъ; и такъ какъ злу всегда легче подражать, чѣмъ добру, то и подражали первому. У насъ были наши Бенжаменъ—Констаны, наши Казимиры Перье, наши Фуа, наши Себастіаны и т. д., и т. д. до такой степени, что эти господа—разумѣется наши—буквально переводили отсюда свои рѣчи. Захотѣли также подражать сценѣ маркиза Шовелена, въ *правилахъ науки*; но, благодаря городскому плацъ-маіору (старой лисицѣ и старому практику) были разсѣяны, имъ однимъ, человекъ двадцать шалуновъ, яко-бы либераловъ, которые захотѣли пошумѣть, и исчезли при видѣ этого Цербера или бульдога, весьма неудобнаго во время безпорядковъ. Его Величество не дастъ Себя смущать всѣмъ этимъ шумомъ, и при закрытіи держалъ рѣчь, доказывающую Его неудовольствіе, чтò произвело большое впечатлѣніе на людей благомыслящихъ, но не тронуло демагоговъ. Слава Богу, въ этой странѣ все можетъ идти безъ согласія камеръ; онѣ дѣлали лишь глупости, и ихъ при томъ и оставили; а такъ какъ созываютъ ихъ лишь черезъ два года, и то лишь на мѣсяцъ, изъ котораго нужно вычестъ дни открытія и закрытія, дни выбора комитетовъ и чтенія отчета, и затѣмъ четыре или пять воскресеній, два-три праздника, то всего остается лишь 15 или 18 дней для того, чтобы шумѣть, и можно оставить имъ это маленькое удовольствіе: ибо какъ только оканчивается сеймъ, всѣ мои милые сопративители возвращаются къ тому опредѣленному положенію, въ которомъ не шутятъ съ бунтовщиками и съ людьми, производящими безпорядки. До сихъ поръ, войска хороши, и на нихъ можно разсчитывать. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы имъ было разрѣшено восстанавливать порядокъ. Чтò до нихъ, то въ случаѣ несчастія, я увѣренъ,

что они открыто прибѣгли бы къ силѣ оружія.....

Константинъ.

Варшава $\frac{23 \text{ Янв.}}{4 \text{ Февр.}}$ 1821

IV.

Милостивая Государыня!

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ имѣлъ я честь получить Ваше письмо отъ 16-го прошлаго мѣсяца, и прошу Васъ принять выраженіе усердѣйшей моей благодарности; если я столь долго медлил отвѣтомъ, то виновенъ въ томъ не я, а время полученія Вашего письма, совпавшее съ пріѣздомъ Его Величества въ эту столицу.

Итакъ, пользуюсь первою удобною минутою, чтобъ исполнить эту обязанность, столь дорогую моему сердцу, умѣющему цѣнить и любить Ваше семейство. Желанія, которыя Вы изволите выражать, М. Г., для моего счастья, по поводу новаго года, суть новыя доказательства Вашей доброй и благосклонной о мнѣ памяти, коею я живо тронуть. Милый нашъ Вилльямъ продолжаетъ исполнять свою службу съ самымъ похвальнымъ усердіемъ и рвеніемъ, доставляющимъ ему общее одобреніе и уваженіе. Его В—во изволилъ осыпать его милостями, и еще вчера сказалъ мнѣ, что онъ Ему очень правится по своему взгляду и образу мыслей на счетъ событій дня. Извѣщаю Васъ, М. Г., обо всемъ этомъ, напередъ увѣренный, что сердце матерн не будетъ къ тому не чувствительно. Чтò до насъ, М. Г., то нашъ образъ жизни есть постоянное *semper idem*. Основаніе его—полнѣйшее однообразіе. Ни одно важное событіе, безъ каковыхъ не обходятся прочія страны, у насъ не совершается; все для насъ ограничивается тѣмъ, чтобы по силамъ исполнять свои обязанности и не вмѣшиваться въ то, чтò до насъ не касается. Всѣ тѣ извѣстія, которыя га-

зетамъ угодно разглашать объ этой странѣ, до того ложны и не похожи на истину, что мы сами, читая ихъ, не можемъ себѣ представить, изъ какихъ источниковъ могутъ почерпаться всѣ эти басни. Приписываю ихъ происхожденіе лишь зависти и желанію заставить насъ сдѣлать какую-либо глупость. Надѣюсь, однакоже, что съ Божіею помощію не случится ничего подобнаго, и что тѣ, которые занимаются разглашеніемъ всѣхъ этихъ исторій, обманутся въ своихъ разчетахъ.

Пріймите, и т. д. Преданный Вамъ
Константинъ.

Варшава $\frac{10}{22}$ Янв. 1823.

V.

Madame!

J'ai exactement reçu Votre aimable lettre en date du 22 Janvier et je m'empresse de Vous en remercier bien sincèrement; elle est une preuve de Votre souvenir qui m'est toujours bien précieux. Veuillez en agréer l'assurance et me le continuer, puisque je crois en être digne par le véritable attachement que je porte à toute Votre famille. L'intérêt que Vous avez bien voulu prendre, Madame, à la perte irréparable que nous venons de faire tous, dans la personne de feu l'Empereur, n'a pu qu'augmenter les sentiments de véritable et sincère attachement, que je Vous porte; j'en étais persuadé d'avance. Cette cruelle perte me prive d'un maître adoré, d'un bienfaiteur, d'un frère et, j'ose le dire, d'un ami, au service duquel toute ma vie a été consacrée; avec lui tout est fini pour moi sur cette terre; je ne vis que du souvenir du passé; le présent n'est plus pour moi, et quant au futur, je l'abandonne en toute confiance et toute soumission à la volonté de Dieu.

Vous voulez bien, Madame, dans votre lettre, faire l'éloge de ma conduite; je le reçois

avec reconnaissance; mais je Vous avoue, avec la franchise que Vous me connaissez, que je ne sais pourquoi on l'admire tant. Elle était toute naturelle et toute simple, si on veut bien songer à ma position passée qui devait décider de mon avenir. Comblé de bontés, de bienveillance, d'amitié et de la plus grande indulgence par feu mon Maître, aurais-je pu hériter de lui sans lui manquer? Aurais-je pu me trouver sur une place qu'il avait occupée? Aurais-je pu toucher, pour ainsi dire, à ce qui lui appartenait sans me rendre indigne de ce qu'il avait daigné faire pour moi, de son vivant, sans être ingrat envers lui? J'étais content, heureux, satisfait par lui, ainsi donc je devais rester là où il m'avait placé et ne prétendre à rien de plus. Voilà ce que j'ai fait avec un contentement de coeur et d'âme que je ne puis exprimer. Il me semble qu'il vit encore et que j'ai le bonheur de le servir. Pour moi, Madame, il existera et ne mourra jamais, jusqu'à ce que je serai de ce monde.

Toutes les gazettes et papiers publics en ont jugé autrement et ont débité sur mon compte un tas d'absurdités les unes plus ridicules que les autres et qui ne méritent pas la peine d'être réfutées. Cela prouve que tous sont de ce monde et jugent d'après des idées vulgaires; ils n'ont pas eu le bonheur d'avoir un Maître, tel comme j'en ai eu un, et ne l'ont pas servi; s'ils avaient eu ce bonheur, ils auraient pensé certainement comme moi, et agi et raisonné de même. Voici ma profession de foi, et je Vous la soumets en toute confiance. Faites-en, Madame, l'usage que Vous en voudrez, ainsi que de ma lettre: je l'abandonne entièrement à Votre discernement. J'espère que le sort de M-r Votre fils cadet est déjà décidé et que le Roi daignera récompenser en lui les services de son père. Veuillez, Madame, me ressouvenir à toute Votre

aimable famille et agréer pour Vous les assurances de mon bien sincère et respectueux attachement, en agréant de même l'hommage de la considération distinguée que je Vous porte et avec laquelle je ne cesserai d'avoir l'honneur d'être, Madame, Votre tout dévoué
Constantin.

Varsovie le $\frac{26 \text{ Janvier}}{7 \text{ Fevrier}}$ 1826.

Переводъ.

Милостивая Государыня!

Я своевременно получилъ Ваше любезное письмо отъ 22 Января и спѣшу искренно поблагодарить Васъ за него; оно—доказательство Вашей доброй о мнѣ памяти, всегда для меня столь драгоценной. Примите въ томъ увѣреніе и не оставляйте меня ея, ибо я считаю себя ея достойнымъ по той истинной привязанности, которую я питаю ко всему Вашему семейству. Участіе, которое Вы изволили принять, М. Г., въ невозградимой утратѣ, понесенной всѣми нами въ лицѣ покойнаго Государя, могло лишь усилить тѣ чувства истинной и сердечной привязанности, которыя я къ Вамъ питаю; я напередъ былъ въ немъ увѣренъ. Эта жестокая утрата лишаетъ меня обожаемаго Государя, благодѣтеля, брата и, смѣю сказать, друга, на службу котораго было посвящена вся моя жизнь; съ нимъ для меня все покончено въ этомъ мірѣ: живу лишь воспоминаніемъ о прошломъ; настоящее для меня болѣе не существуетъ; чтѣ же до будущаго—предаю его съ полнымъ довѣріемъ и покорностію на волю Божию.

Вы соблаговолили, М. Г., въ вашемъ письмѣ похвалить мой образъ дѣйствій; принимаю Вашу похвалу благодарно, но увѣряю Васъ, съ тою откровенностію, которую Вы во мнѣ знаете, что я не понимаю, почему такъ удивляются этому образу дѣйствій. Онъ былъ самымъ простымъ и естествен-

нымъ, если только принять въ соображеніе мое положеніе въ прошломъ, которое должно было опредѣлить и мое будущее. Очастливленный милостію, благосклонностію, дружбою и крайнимъ снисхожденіемъ со стороны покойнаго моего Государя, могъ-ли я ему наследовать, не провинившись передъ нимъ? Могъ-ли я посягнуть на мѣсто, только что имъ оставленное? Могъ-ли я, такъ сказать, коснуться того, что ему принадлежало, не становясь недостойнымъ всего, что онъ для меня сдѣлалъ при жизни, не становясь къ нему неблагодарнымъ? Я былъ доволенъ, счастливъ, удовлетворенъ его милостями. Итакъ я долженъ былъ пребыть тамъ, куда онъ меня поставилъ, и не имѣть притязаній ни на что другое. Вотъ что я сдѣлалъ съ невыразимымъ удовлетвореніемъ души и сердца. Мнѣ кажется, что онъ еще живъ, и что я имѣю счастье ему служить. Для меня, М. Г., пока я на землѣ, онъ живъ и не умретъ.

Всѣ газеты и журналы обсудили дѣло иначе и разгласили на мой счетъ кучу нелѣпостей, одну другой безсмысленнѣе, которыя и не стоятъ опроверженія. Это доказываетъ, что всѣ они отъ міра сего, и судятъ по пошлымъ понятіямъ: они не знали счастья имѣть такого Государя, какой былъ у меня; они ему не служили; еслибы они имѣли это счастье, они конечно думали бы какъ я, и точно такъ же дѣйствовали бы и разсуждали. Вотъ моя исповѣдь, передаю ее Вамъ съ полнымъ довѣріемъ. Располагайте ею, М. Г., какъ Вамъ заблагоразсудится, такъ же, какъ и мои письма: предоставляю его совершенно на Ваше благоусмотрѣніе. Надѣюсь, что судьба Вашего младшаго сына уже устроена, и что Король соблаговолитъ наградить въ немъ заслуги его отца.

Напомните о мнѣ, М. Г., всему Вашему любезному семейству и пріймите для себя

увѣренія въ моей искренней и почтительной преданности, а вмѣстѣ съ тѣмъ глубококомъ высокопочитаніи, съ коимъ всегда буду имѣть честь быть преданнымъ Вамъ

Константинъ.

Варшава $\frac{26 \text{ Января}}{7 \text{ Февраля}}$ 1826.

VI.

Письмо къ В. Н. Оливу.

Франкфуртъ на Майнѣ $\frac{20 \text{ Августа}}{1 \text{ Сентября}}$ 1829.

Графъ Моріаль своевременно передалъ мнѣ Ваше письмо, любезный Оливъ, встрѣтивъ меня на дорогѣ между Дрезденомъ и Лейпцигомъ, и я выражаю Вамъ за него всю мою благодарность, такъ же какъ за хлопоты, принятія Вами на себя по поводу вещей, которыми я обязанъ щедротамъ Короля. Передайте, мой милый, благодарность мою графу де-ла-Бульери и скажите ему, что я весьма тронутъ его усердными хлопотами ⁶⁾. Вы видите изъ этого письма, что я нахожусь на берегахъ Рейна, слѣдовательно вдали отъ дома; слѣдов. мнѣ будетъ возможно позаботиться объ остальномъ содержаніи Вашего письма лишь по моему возвращеніи, которое совершится, съ Божіею помощію, не прежде шести недѣль или двухъ мѣсяцевъ. Позаботьтесь о пере-

⁶⁾ Дѣло идетъ о копіяхъ съ картинъ, которыя Цесаревичъ желалъ имѣть. Графъ де-ла-Бульери (Boullerie) тогдашній министръ королевскаго двора, былъ друженъ съ семействомъ г-на Олива, и чрезъ него легко было довести до свѣдѣнія Карла X-го о желаніи Его Высочества. Картины были списаны лучшими художниками того времени, по приказанію Короля, и посланы имъ въ даръ Цесаревичу.

сылкѣ вещей въ Варшаву, такъ чтобы онѣ прибыли нетронутыя и цѣлыя; уполномочиваю Васъ даже обратиться за этимъ къ нашему посланнику, черезъ Лабенскаго, которому можете показать это письмо. По тому, что Вы говорите мнѣ въ Вашемъ, эти вещи могли бы достигнуть мѣста своего назначенія около конца Ноября, и я считаю болѣе удобнымъ уладить тогда все то, что къ нимъ относится. Буду сегодня въ Эмсъ, куда надѣюсь прибыть завтра. Хотя время года теперь уже позднее, но предпочитаю его для нашего спокойствія, и во избѣжаніе толпы и шума въ лѣчебный сезонъ, который вовсе не прельщаетъ меня. Впрочемъ, мои занятія помѣшали мнѣ воспользоваться раньше позволеніемъ Императора и Короля ⁽⁷⁾, чтобы отлучиться отъ моего поста, который я хотѣлъ бы оставить прежде, чѣмъ военныя событія окончательно повернулись въ нашу пользу и чѣмъ кончилась кампанія, или даже эта война, столь-же неполитическая и несвоевременная, какъ и предсудительная для легитимности ⁽⁸⁾. Эта война лишь дѣло либерализма, и поэтому столь превозносится тѣми, которые ему покровительствуютъ, и мнѣншія которыхъ (горжусь тѣмъ), я не раздѣляю—теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-либо. По слабому моему разумѣнію, не съ Востока можемъ мы ожидать зла, но съ Запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей.

Если Король достаточно силенъ, чтобы энергически поддержать свое новое министерство, и если въ его рукахъ сила будущего, поздравляю его съ тѣмъ отъ души: пора было положить предѣлъ всему тому, что совершалось; если-же нѣтъ, сильно бо-

(7) Николая Павловича.

(8) Такого же мнѣнія о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. держалась и императрица Марія Федоровна.

юсь за послѣдствія. Это весьма рискованная игра, по возможнымъ послѣдствіямъ, и можетъ привести ко всеобщему потрясенію и воспламененію. Впрочемъ, вдали отъ Васъ, не бывъ въ Парижѣ 11 лѣтъ, трудно судить вѣрно о вещахъ, и обыкновенно судяшь лишь по слухамъ, по предположеніямъ и внѣшности. Вы видите, любезный Оливъ, что я плачу Вамъ за Ваши услуги тою же монетою, представляя Вамъ картину моихъ воззрѣній.

Передайте мое почтеніе Вашей матери и Вашимъ сестрамъ. Напомните обо мнѣ Вашей тещѣ и Вашей супругѣ; нѣжно цѣлую моихъ двухъ крестниковъ. Дружескій поклонъ графу Дюро. Что дѣлается съ нимъ при этихъ постоянныхъ перемѣнахъ? Я узналъ о повышеніи Инкура, и пожалъ плечами. Постарайтесь, если возможно, достать мнѣ таблицы артиллеріи и лафетовъ, новаго образца.

Сохраните воспоминаніе и дружбу къ тому, кто всегда будетъ искренно Вамъ преданъ.

Константинъ.

VII.

Madame!

Notre cher William m' a exactement remis à son arrivée ici la lettre dont Vous avez eu la bonté de le charger pour moi. Veuillez en agréer toute ma gratitude la plus sincère, ainsi que pour tout ce que Vous voulez bien m' y dire d'aimable et d'obligeant. J'ai été bien charmé de faire la connaissance d'Armand, que j' avais vu jadis tout à fait enfant. L'attention que Vos deux fils, Madame. ont eu de venir me trouver ici m' a bien sensiblement touché, et je leur en suis bien reconnaissant. Nous avons passé presque tout notre temps ensemble, qui ne fut consacré

qu' à causer sur ce qui les concerne et à m'instruire sur l'état des choses en France. Vous connaissez trop bien, Madame, ma façon de penser et pour me servir d'un terme usité, du bord dont je suis, pour douter, un seul instant de l'impression pénible que j'ai dû éprouver en apprenant la tournure que les choses semblent vouloir prendre. C'est un état de choses tel qu'il faut nécessairement qu'il se prononce d'une façon ou d'une autre. Veuillez le bon Dieu fair finir ce dédale sans commotion et faire triompher la cause de la justice, de l'honneur et de l'équité, bien entendue *par les hommes* et sous ses véritables acceptions. Mais j'avoue franchement que je crains bien pour quelque catastrophe par la tendance des deux partis en présence; je crains en outre les réactions et les vengeances mutuelles, n'importe d'où elles partiront. La conciliation, pas d'exagération, l'oubli de bonne foi du passé et surtout de la part de ceux qui se prétendent être chrétiens, c'est ce que je conseille et que je voudrais être compris des tous. Fidélité et confiance à la personne sacrée du Roi dans tous; point de partialité de sa part pour personne, voir les hommes tels qu' ils sont et ne pas les chercher comme ils devraient être. Ne pas prétendre à plus qu'on ne peut humainement exiger. De plus, être homme, homme soi-même et mettre de côté cet entourage de demi-divinité dont on l'entoure ainsi que les Princessa en un mot rallier autour de soi non son parti avec ses vieilles théories surannées, mais tous les partis et leur prouver, sans concession à aucun, une bienveillance, une confiance et une justice égales. Gouverner par soi-même, voir de même et n' être pas une espèce de Dalai-lama que l'on encense du matin au soir et qu'on tient en cage. S'occuper du militaire à fond et ne pas en faire une espèce de spectacle, toujours plus ou moins

fort déplaisant pour lui. Abandonner une fois pour toutes ces chasses écervelées où l'homme s'abrutit et ne gagne rien. Tant vaudrait se faire boucher dans un abattoir. Faire revivre le véritable zèle dans toutes les branches en annulant une fois pour toute cette vénalité, qui ne considere les grades et les places que d'après ce qu'elles rapportent. Ce sont bien des difficultés à surmonter, Madame; j'en conviens, mais une volonté ferme et réfléchie surmonte par sa persévérance tous les obstacles.—Je vois partir Vos enfants, Madame, avec peine; mais je me dis qu' ils vont Vous rejoindre, et mon égoïsme se tait. Je suis bien sensible au souvenir que Vous voulez bien accorder à ma femme: grâce à Dieu sa santé est assez bonne. et nous comptons passer ici trois à quatre semaines. Je pars demain pour Bruxelles pour y passer quelques jours auprès de ma soeur d'Orange et j'espère être de retour dans huit à dix jours. Veuillez, Madame, me ressouvenir à M-lles Olive et leur présenter mes hommages en agréant pour Vous les assurances de mon attachement respectueux avec lequel je ne cesserai d'être, Madame, Votre tout dévoué
Constantin.

Ems le ²⁰ Septembre. 1829.
2 Octobre.

Переводъ.

Милостивая Государыня!

Нашъ милый Вильямъ аккуратно передалъ мнѣ, по прибытіи моемъ сюда, письмо, которое Вы были такъ добры мнѣ прислать черезъ него. Приймите за него мою искреннѣйшую благодарность, а также за все любезное и обязательное, сказанное мнѣ въ немъ. Я былъ очень радъ познакомиться съ Арманомъ, котораго я видѣлъ нѣкогда совершеннымъ ребенкомъ. Вниманіе, которое оказали мнѣ оба Ваши сына, посѣтивши меня здѣсь, чувствительно меня тронуло, и я имъ

за это очень благодаренъ. Мы проводили почти все наше время вмѣстѣ, и оно все было посвящено разговорамъ о ихъ дѣлахъ и о положеніи вещей во Франціи. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстенъ мой образъ мыслей, чтобы на мгновение усумниться въ тягостномъ впечатлѣніи, которое я долженъ былъ испытать, узнавъ оборотъ, повидимому принимаемый вещами. Это такое состояніе, которое необходимо должно опредѣлиться такъ или иначе. Дай Богъ, чтобы путаница разрѣшилась безъ потрясеній и чтобы восторжествовала сторона справедливости, чести и правды, въ истинномъ значеніи этого слова. Но признаюсь откровенно, что я очень боюсь какой-либо катастрофы, по настроенію обѣихъ враждующихъ партій; боюсь кромѣ того взаимной мести и реакцій, въ какомъ-бы направленіи онѣ не появились. Согласительность, отсутствіе преувеличеній, искреннее забвеніе прошлаго, въ особенности со стороны тѣхъ, которые выдають себя за христіанъ,—вотъ, что я совѣтую и что я желалъ-бы видѣть для всѣхъ понятнымъ. Всеобщая вѣрность и довѣріе къ священной особѣ Короля, отсутствіе пристрастія съ его стороны къ кому-бы то ни было, видѣть людей такими какъ она есть, а не искать въ нихъ того, чему слѣдовало бы быть. Не требовать болѣе, чѣмъ то, чего добиться есть человѣческая возможность. Сверхъ того, быть самому человѣкомъ и откинуть ту полу-божественную обстановку, которою окружають его, какъ и принцевъ; словомъ, собрать вокругъ себя не свою партію съ ея старыми выдохшими теоріями, но всѣ партіи, и оказы-

вать имъ всѣмъ, безъ уступокъ какой-либо изъ нихъ, равную благосклонность, довѣріе и справедливость. Управлять самому, видѣть своими глазами, а не быть какимъ-то Далай-Ламою, которому кадятъ съ утра до вечера, а держать въ кѣлѣткѣ. Основательно заняться войскомъ, а не дѣлать изъ него одно зрѣлище, что для него всегда болѣе или менѣе оскорбительно. Оставить разъ на всегда эти безумныя охоты, на которыхъ человѣкъ тупѣетъ, ничего не приобретаая: это все равно, что сдѣлаться мясникомъ на бойнѣ. Воскресить во всѣхъ отрасляхъ управленія истинное усердіе, разъ на всегда искоренивъ ту продажность, которая разсматриваетъ чины и мѣста лишь по отношенію къ тому, что они приносятъ. Это значительныя трудности, М. Г., сознаюсь въ томъ; но твердая и обдуманная воля своею настойчивостію побуждаетъ всѣ препятствія.—Я сожалѣю, М. Г., объ отъѣздѣ Вашихъ дѣтей; но при мысли, что они ѣдутъ къ Вамъ, эгоизмъ мой умолкаетъ. Я очень тронутъ Вашимъ воспоминаніемъ о моей женѣ. Слава Богу, ея здоровье довольно хорошо, и мы собираемся прожить здѣсь отъ четырехъ до пяти недѣль. Я увѣжаю завтра въ Брюссель для того, чтобы пробыть тамъ нѣсколько дней съ сестрою принцессою Оранскою, и надѣюсь вернуться черезъ дней восемь—десять. Напомните обо мнѣ, М. Г., дѣвицамъ Оливъ и передайте имъ мой поклонъ, а Васъ я прошу принять увѣреніе въ почтительной дружбѣ, съ кою не перестану быть преданный Вамъ
Константинъ.

Эмсъ $\frac{20}{2}$ Сентября
1829. 2 Октября

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНИЯХЪ ПОСЛѢ 1831 ГОДА ¹⁾.

Г Л А В А П.

Заговоры и революционные взрывы 1846 г.

На всемъ пространствѣ Польши царствовало внѣшнее спокойствіе нѣсколько лѣтъ сряду; тѣмъ не менѣе подземныя силы работали своимъ чередомъ, подъ руководствомъ той же Централизаціи. Съ 1836 по 1846 г. была, можно сказать, самая дѣятельная пора Централизаціи ²⁾. На развалинахъ одного предпріятія она строила новое зданіе, не дожидаясь даже, чтобы высохли хоть слезы и кровь прежнихъ жертвъ... Вотъ почему невозможно съ точностію отдѣлать одинъ заговоръ отъ другаго: это былъ одинъ непрерывно продолжавшійся заговоръ.

Теперешнія работы Централизаціи, въ соединеніи съ внутреннимъ Демократическимъ Обществомъ, клонились къ тому, чтобы подготовить Польшу, постепенно и не торопясь, къ той обще-европейской революціи, о которой говорилось между всякими революціонерами давно и которая, по ихъ расчетамъ, могла вспыхнуть весьма скоро; иные полагали: въ промежутокъ времени отъ 1846 до 1848.

¹⁾ См. выше, стр. 201

²⁾ Въ 1836 году выпущенъ Централизаціей извѣстный манифестъ Польскаго Демократическаго Общества, составленный подъ главной редакціей Виктора Гельтмана. Можно видѣть въ его сочиненіи: *Demokracya Polska na Emigracyi XXXV t. Biblioteki Pisarzy Polskich*, стр. 3.

Въ 1839 г. агенты Общества, управлявшіе секціями и округами, получили приказаніе Централизаціи переформировать эти секціи и округи, изъ ведущихъ пропаганду, на гражданскую и военную іерархію. Между 1840 и 1841 г. эта организація стала мало-по-малу принимать опредѣленный образъ. Прежде другихъ устроились: Великое Княжество Познаньское, Западная Пруссія, Вольный Краковскій округъ, съ воеводствомъ того же имени въ Царствѣ, Галиція по рѣку Санъ и незначительная часть Малороссіи. Позже осталась часть Царства, Жмудь, небольшая часть Литвы и Восточной Галиціи ³⁾.

Иосифу Высоцкому, хорошо образованному офицеру бывшихъ польскихъ войскъ, Централизація предложила открыть въ Парижѣ курсъ военныхъ наукъ для молодыхъ Поляковъ, а Мирославскаго просила быть ему въ родѣ помощника, по той же каедрѣ. Мирославскій, до тѣхъ поръ воевавшій съ Централизаціей въ журналахъ цѣлыхъ семь лѣтъ, со времени ея основанія (1834—1842), и укоряемый ею и многими другими партіями за то, что промѣнялъ родной языкъ на французскій, —охотно согласился помогать Высоцкому, во-первыхъ потому, что въ сущности былъ дитя тѣхъ же принциповъ, а во-вторыхъ любилъ смертельно рисоваться передъ публикой, ораторствовать, учить. Ему какъ бы польстило, сдѣ-

³⁾ Показанія Мирославскаго въ Познанѣ 10 Октября 1846 года.

лавъ его профессоромъ молодежи. Онъ сталъ бойцомъ Демократическаго Общества, бойцомъ Централизаціи, какого она еще и не видала, бился за нее противу всѣхъ кружковъ; а въ Ноябрь 1842 года принять въ члены Демократическаго Общества, въ секцію *Парижъ* ⁴⁾.

Между кружками, желавшими ускоренія взрыва, былъ опаснѣе всѣхъ кружокъ такъ называемыхъ Плебесвъ (*Plebejuszów*) подъ начальствомъ Стефанскаго, въ Тарновскомъ округѣ Восточной Галиціи. Онъ состоялъ по преимуществу изъ ремесленниковъ. Всѣ усилія Централизаціи подчинить его своей власти, а равно подобный ему кружокъ въ Царствѣ Польскомъ, ксендза Сцѣгеннаго, были тщетны. По крайней мѣрѣ, еще Стефанскій съ ремесленниками только шумѣлъ и грозилъ подняться, но не поднимался; а Сцѣгенный, со своими крестьянами, вопреки совѣтамъ чуть ли не цѣлаго Царства и множества друзей въ Галиціи и Познани, произвелъ возмущеніе въ Кѣльцахъ (1844), кончившееся для него и его сообщниковъ очень печально: его подвели подъ висѣлицу и сослали въ каторжную работу, а подчиненныхъ ему крестьянъ (13 человекъ) наказали шпицрутеномъ и тоже сослали въ каторжную работу.

Въ то время полицейскія власти не были достаточно свѣдущи въ Польскихъ революціонныхъ затѣяхъ. Никто изъ слѣдившихъ не зналъ, до какой степени широко раскинуты сѣти Демократическаго Общества; никому и въ голову не приходило, что какой-то кѣлецкій ксендзъ, съ тридцатью безумцами, есть только малая отрасль огромнаго дерева, котораго корни кроются въ Парижѣ, не то въ Версали. Если же и предполагали это иные остроум-

цы изъ полицейскихъ, все-таки не дѣлалось никакихъ особенныхъ розысковъ и открытій. Тѣмъ не менѣе Общество и его провинціальныя секціи тухнули. Кружки на нѣкоторое время сблизились и выказали родъ повиновенія уполномоченнымъ агентамъ Централизаціи, между коими былъ даже и членъ ея, Малиновскій, человекъ серьезный, осторожный, врагъ всего хаотическаго и безхарактернаго. Онъ жилъ тогда въ Прусской Польшѣ и видѣлъ хорошо, что заговору до надлежащей зрѣлости еще далеко и о взрывѣ мечтать можетъ развѣ какой-нибудь безусый мальчишкѣ.

Къ концу 1844 г., едва полиціи трехъ державъ попритихли, кружки нетерпѣливаго свойства снова начали бурлить и выходить изъ повиновенія Централизаціи. Кромѣ Стефанскаго, оный отдѣлившагося, явился довольно сильный и вліятельный кружокъ какого-то Мальчевскаго и хотѣлъ забрать все въ свои руки. Малиновскій, пробившись съ ними понапрасну, бросилъ все и уѣхалъ въ Версаль—тогдашнее мѣсто-пробываніе Централизаціи. На засѣданіи, назначенномъ по поводу его возвращенія, былъ обсуждаемъ вопросъ: «Что же теперь дѣлать? Оставить ли несогласныя съ Демократическимъ Обществомъ партіи на произволъ судьбы, а самимъ продолжать работы въ томъ же духѣ, т. е. готовить матеріалы къ возможно-скорой революціи, или поискать еще средствъ къ примиренію съ партіями и удержанію всей массы заговорщиковъ въ зависимости отъ Централизаціи?»

Мнѣніе Малиновскаго было: бросить несогласныя партіи, исключить ихъ изъ союза; но Альціата возражалъ, что эта мѣра не годится, потому что приведетъ къ несвоевременному и безтолковому взрыву, который безъ сомнѣнія потрясетъ и Общество, погубивъ множество преданныхъ ему лю-

Русскій Архивъ 1870. 14

⁴⁾ Его показанія, въ Познани 10 Октября 1846 г.
II.

дей, и остановитъ его дѣйствія на самое неопредѣленное время. Онъ добавилъ, что увлекаться въ негодованіи на такой ходъ дѣлъ и терять отъ этого энергію несправедливо; что иначе заговоръ идти не можетъ; что это нетерпѣніе иныхъ весьма естественно подъ гнетомъ наблюдающихъ за ними правительство, подъ страхомъ быть ежеминутно открытыми. Въ особенности Полякъ не можетъ вести систематическую интригу. Его хватить на заговоръ, который можно обработать въ пять минутъ, а какъ только дѣло затянулось, онъ становится нетерпѣливъ, готовъ на всякое безумство. Несмотря на все это, партіи иногда сходились и слушали одного вождя. Отчего же не можетъ случиться этого и теперь? Отчего имъ нельзя соединиться вновь, хотя, повидимому, они и разошлись безвозвратно? Все могутъ сдѣлать энергія и ловкость, съ кѣмъ угодно. А ждать спокойной, терпѣливой революціи, заговора, доведеннаго до совершенства,—очень странно. Нетерпѣніе въ подобныхъ предпріятіяхъ есть дѣло естественное и законное. Взглянувъ, стало быть, на отпаденіе товарищей съ этой снисходительной точки зрѣнія, необходимо (полагалъ Альціата) еще разъ воззвать къ примиренію: обѣщать скорый взрывъ и дѣйствительно идти къ нему всѣми силами, чтобы это было для всѣхъ замѣтно; и если посчастливится дойти хотя до приблизительнаго окончанія приготовленій, подать знакъ.

Съ такимъ мнѣніемъ большинство согласилось. На сторонѣ Малиновскаго оказался только одинъ пріятель его Якубовскій, такой же разсудительный и осторожный революціонеръ, если только еще не больше. Малиновскій подалъ въ отставку, сдѣлавшись, по правиламъ Демократическаго Общества, обыкновеннымъ его членомъ (Вый-

ти совѣмъ изъ Общества онъ не могъ). На его мѣсто былъ предложенъ Мирославскій—въ видѣ искры, которая должна была воспламенить подготовленные мины, оживить затянувшіяся работы⁵⁾.

Дѣйствительно, если искали такой искры, трудно было найти что-либо соответственнѣе. У Мирославскаго давно строились въ умѣ планы, какъ подвинуть дѣло впередъ. Сверхъ того, онъ былъ тѣхъ убѣжденных, «что даже самыя ошибки, самыя безплодныя революціонныя предпріятія (какъ наприм. Заливскаго), если только поведены по плану предводительствующей школы,—принесутъ этой школѣ несравненно болѣе выгодъ нежели спокойная десятилѣтняя пропаганда»⁶⁾.

Въ Централизациі все измѣнилось. Изъ тихой и медленной она стала бурной и стремительной. Мирославскій, какъ ораторъ и крикунъ, какъ человекъ живой и неуступчивый, легко забралъ въ руки своихъ спокойныхъ и миролюбивыхъ товарищей. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ безсмѣннаго предсѣдателя Централизациі. Чтобы удовлетворить начертанному плану, т. е. вести заговоръ къ скорѣйшему взрыву и расположить нетерпѣливыхъ въ свою пользу, Централизациа разослала приказанія по главнымъ секціямъ, чтобы они измѣнили, какъ можно поспѣшнѣе, свои комитеты на особую военную организацію, правила которой тутъ же и сообщались. Уполномоченные агенты Централизациі⁷⁾ принялись

⁵⁾ Все это изъ его показаній въ Познани, 10 Октября 1846, и изъ статьи Альціаты: Wyradki w 1846 roku, biblioteka Pisarzy Polskich, t. XXIX, стр. 161 и далѣе.

⁶⁾ Показанія 9 Октября 1846 г. въ Познани.

⁷⁾ Въ Галиціи дѣйствовалъ Висвѣвскій, въ Малороссіи Руѣивъ Пѣтровскій, по арестованіи котораго (въ Декабрѣ 1843) на его мѣсто назна-

работать въ запуски другъ передъ другомъ. Все это были сильно-красивые, исключая одного Гельтмана, управлявшаго заговоромъ въ княжествѣ Познаньскомъ и въ некоторой части Русской Польши. Онъ былъ довольно умѣренный человекъ, и ему вѣрна была высшая власть—завѣдываніе всѣми другими частями. Онъ одинъ сдерживалъ кое-какъ необузданныхъ.

Въ Русской Польшѣ, вслѣдствіе арестовъ по дѣлу ксендза Сцѣгеннаго и усилившихся потомъ наблюдений за всякимъ безпокойнымъ народомъ, военная организація заговорщиковъ долго не устанавливалась. Литва помнила еще казни Коонарскаго, Волловича и послѣдовавшія за тѣмъ опустошенія въ рядахъ союза, и неохотно шла на удочку агентовъ Версаля. Малороссія никогда не общалась много повстанцамъ. Только вольный Краковскій округъ, съ некоторою частью Галиціи и Познаньскаго Княжества, завели довольно скоро кое-какую военную организацію и, вообразивъ, что дошли до конца, обнаруживали сильное нетерпѣніе. Гельтманъ далъ знать товарищамъ въ Версаль, что онъ еще ладитъ съ прежними кружками, но явилось много новыхъ, которые никого не хотятъ слушать и рвутся къ возстанію; что необходимо поэтому прислать въ край военного человека со значеніемъ, кто бы могъ или задержать движеніе, или (когда найдетъ это неудобнымъ) направить все такимъ образомъ, какъ будетъ лучше въ военномъ отношеніи.

Централизація отправила въ Познань Мирославскаго, чтобы онъ осмотрѣлъ положеніе дѣлъ чисто съ военной точки зрѣнія и рѣшилъ, отвѣчаютъ ли средства за-

говора тому нетерпѣливому стремленію, какое вообще выказывается въ партіяхъ.

Мирославскій прибылъ въ Познань въ началѣ марта 1845 г., увидѣлся немедля съ Гельтманомъ и узналъ отъ него слѣдующее. Партія Мальчевскаго, будучи скомпрометирована, не находила для себя иного выхода, какъ сблизиться съ Демократическимъ Обществомъ. Ей послѣдовали въ Княжествѣ Познаньскомъ, такъ называемые, *Старые и Плебеи*. Въ Галиціи сторонники *жизненной правды* (*prawda żywotna*⁸⁾ и *федерация* тоже изъявили готовность слушаться военного вождя. Изъ Варшавскаго Комитета пришли довольно благопріятныя извѣстія со стороны примиренія повѣтовъ, но организація (писали) тамъ все еще слаба. Малороссія давала знать, что инициативы въ дѣлѣ возстанія взять на себя не въ состояніи, а готова идти въ слѣдъ за Восточной Галиціей во всемъ, что бы послѣдняя ни предприняла.

Взявъ все это во вниманіе, Мирославскій съ Гельтманомъ постановили не начинать ничего до 1846 г., а продолжать дальнѣйшія приготовления къ возможно-скорой революціи: пріобрѣтать сочувственныхъ людей во всѣхъ сословіяхъ, собирать деньги и дѣлать другія необходимыя возстанію записки.

Пріобрѣтеніе людей не представляло далеко тѣхъ затрудненій въ Прусской и Австрійской Польшѣ, какъ въ Царствѣ. Страхъ имени Паскевича, Варшавской цитадели, Сибири и солдатской карьеры на Кавказѣ, или въ Оренбургскихъ баталіонахъ, былъ тогда таковъ, что охлаждалъ горячность самыхъ

⁸⁾ Произведеніе того Правдовскаго, о которомъ мы уже сказали. По словамъ Мирославскаго, Демократическое Общество, вслѣдствіе значительнаго вліянія Правдовскаго на массу, пришло въ некоторыя сочиненія его своимъ.

ченъ Висвѣвскій, а на мѣсто послѣдняго въ Галицію—Эдуардъ Дембовскій. Мирославскій скрылъ еще двоихъ, въ чемъ и самъ признается.

*

отчаянныхъ. Командовать будущими фантастическими отрядами повстанцевъ въ Русской Польшѣ охотниковъ было немного. Печальные опыты Завиши, Дзѣвцакаго и прочихъ были еще у всѣхъ въ памяти. Въ особенности трудно было найти главнокомандующаго центральными силами Царства, т. е. въ Варшавской губерніи. Объ этомъ Централизація разсуждала не разъ еще до Мирославскаго и потомъ при Мирославскомъ. Наконецъ, изъ рапортовъ Познаньской организаціи было усмотрено, что есть въ виду на это мѣсто человекъ съ именемъ, со средствами и кое-какимъ вліяніемъ въ обществѣ; даже немного военный, только, къ сожалѣнію, бѣлый, который, какъ всѣ эти, такъ называемые *панки*, привыкъ вести жизнь совершенно праздную, среди охоты, конскихъ скачекъ, ярмарочныхъ съѣздовъ и женщинъ, не думая ни о какомъ отечествѣ и, въ особенности, ни о какихъ революціяхъ. Рѣчь была о богатомъ познаньскомъ помѣщикѣ Брониславѣ Домбровскомъ, сынѣ извѣстнаго генерала Наполеоновскихъ временъ, Генриха Домбровскаго, имя котораго вошло въ пѣсни и патристическіе куплеты. Этотъ Домбровскій былъ женатъ на Польшкѣ самыхъ храбрыхъ свойствъ, изъ дома князей Лонцкихъ, которая, вскорѣ по выходѣ замужъ (1843), получила отъ отца въ завѣдываніе прекрасное имѣніе въ Станиславовскомъ у. Варшавской губ. по имени Куфалѣвъ, что заставило молодую чету переѣхать на нѣкоторое время въ Варшаву, представиться намѣстнику и сдѣлать другія знакомства. Въслѣдствіе тогдашней моды и порядковъ (вообще у насъ очень обыкновенныхъ), иначе сказать, въслѣдствіе извѣстной нашей слабости ко всему богатому и аристократическому, Домбровскіе были приняты въ Замкъ и во всѣхъ официальныхъ русскихъ

домахъ Варшавы самымъ лучшимъ образомъ. Къ тому же, поддержка аристократовъ лежала и въ системѣ управленія Паскевича краснѣ. Говорятъ, однажды Паскевичъ покосился на бороду, которую Домбровскій отпустилъ-было, съѣздовъ въ Познань: она была тотчасъ сбрита, и это установило еще лучшія отношенія Домбровскихъ съ Замкомъ.

Все это вмѣстѣ (и Куфалѣвъ, лежащій въ центрѣ Царства) было новымъ поводомъ, почему люди, управляемые заговоромъ, еще болѣе пожелали имѣть Домбровскаго на своей сторонѣ и еще снисходительнѣе взглянули на его личные недостатки.

Въ то время, когда Централизація нашла, такъ сказать, главнокомандующаго въ Русскую Польшу, во всѣхъ организаціяхъ уже не церемонились не только съ бѣлыми, но и ни съ кѣмъ. Дѣйствуя по возможности патриотизмомъ, показывали подъ полюю и еще кое-что...

Уже въ 1843 г. начали нѣкоторые знакомые Домбровскаго въ Познани подшучивать надъ его правительственными симпатіями. Потомъ онъ получилъ нѣсколько анонимныхъ писемъ, исполненныхъ угрозъ. Еще позже, въ началѣ 1845 г. ему объявили напрямикъ, что онъ *долженъ непременно* дѣлать тоже, что дѣлаютъ всѣ: т. е. нести свои силы и средства на помощь воскресающей Польшѣ; иначе будетъ плохо и ему, и его имѣніямъ. Множество друзей его было уже увлечено общимъ потокомъ, между прочимъ ближайшіе родственники его по жевѣ, Лонцкіе, и шуринъ графъ Игнатій Бнинскій. Домбровскаго заставили учредить какой-то *Жюкей-клубъ*, гдѣ собирались толковать о предстоящей революціи. Помѣщикъ Зембинскій основалъ въ томъ же духѣ *Охотничій клубъ*. Домбровскій сталъ полуреволюціонеромъ. Недоста-

вадо немногаго, чтобы онъ уступилъ напо-
ру обстоятельству и совѣмъ далъ себя опу-
тать заговору, какъ мальчикъ; чтобы по-
вѣрилъ разнымъ баснямъ, распускаемымъ
агентами Демократическаго Общества, по
приказанію Мирославскаго и тому подоб-
ныхъ революціонныхъ дѣятелей.

Въ маѣ 1845 года Домбровскій былъ въ
имѣніи своихъ родныхъ въ Букскомъ окру-
гѣ⁹⁾, гдѣ встрѣтилъ человека однихъ съ
собою лѣтъ, т. е. около 3, который ре-
комендовался ему помѣщикомъ Ковальскимъ.
прибывшимъ въ ту сторону по своимъ дѣ-
ламъ. Они разговорились, и Домбровскій
увидѣлъ, что имѣть дѣло съ весьма обра-
зованнымъ и бойкимъ малымъ, какіе попада-
ются не часто. Ковальскій въ полчаса
очаровалъ его и сильно заинтриговалъ своей
особой. Такъ какъ тогда вообще ходили
слухи о появленіи множества агентовъ Эми-
граціи между Поляками всѣхъ трехъ захва-
товъ, то Домбровскій рѣшилъ, что это ни-
кто иной, какъ агентъ, и при томъ агентъ
не совѣмъ обыкновенный, а изъ самыхъ
высшихъ.

По приѣздѣ оттуда въ Познань, Домбров-
скій увидѣлся съ однимъ пріятелемъ, ко-
торый предложилъ ему пойти съ нимъ «кое-
куда, гдѣ онъ услышитъ много хорошаго
и любопытнаго». Домбровскій понималъ ко-
нечно, какъ всякій Полякъ, что можно бы-
ло услышать тогда въ нѣмъ укромномъ
мѣстѣ; что значило таинственное «кое-ку-
да». Онъ сейчасъ согласился, и они по-
шли.

На Фридриховой улицѣ стоялъ домикъ,
гдѣ жило нѣсколько семействъ. Одну изъ
квартиръ, въ углубленіи, на дворѣ, зани-
малъ небогатый учитель Лецевскій, членъ

⁹⁾ Кажется, Свиняры, имѣніе Лонцкихъ; тамъ
происходили многіе революціонные съѣзды того
времени.

Демократическаго Общества, посвященный
заговоромъ во многія тайны. Проникали
въ эту квартиру не легко, черезъ разные
темные коридоры. Миновавъ ихъ со своимъ
путеводителемъ, Домбровскій очутился въ
комнатѣ, наполненной народомъ, гдѣ была
также и познакомившійся съ нимъ, въ
Букскомъ округѣ, Ковальскій. Они встрѣ-
тились какъ старые пріатели. Ковальскій,
послѣ третьяго слова, объявилъ Домбров-
скому, что онъ вовсе не Ковальскій и не
помѣщикъ, пріѣхавшій въ эту сторону по
своимъ дѣламъ, какъ представился ему пре-
жде, а Людвигъ Мирославскій, прибывшій
изъ Версали по дѣламъ, которыя объясняютъ
всякому польскому патриоту нечего...

Затѣмъ, въ краткомъ и живомъ очеркѣ,
пересыпанномъ тѣми красивыми фразами,
которыми онъ постоянно производилъ эф-
фектъ, говоря съ молодежью, Мирослав-
скій изобразилъ Домбровскому положеніе
ихъ дѣлъ: обширныя приготовления, уча-
стіе всѣхъ сословій, огромныя денежныя и
другіе запасы. Словомъ, представилъ все въ
блестящемъ видѣ и заключилъ, что теперь
сидѣть кому бы то ни было изъ Поляковъ
сложно руки есть преступленіе, измѣна оте-
честву. Въ особенности странно и предосу-
дительно было бы равнодушіе такого лица,
какъ Домбровскій, наследникъ имени, по-
крытаго въ Польской исторіи неувидасмой
славой. «Я назначилъ васъ, заключилъ
Мирославскій, начальникомъ военныхъ дѣй-
ствій на правомъ берегу Вислы, въ центрѣ
Царства Польскаго. У васъ тамъ имѣніе.
Это маскируетъ ваши разъѣзды изъ Поз-
нани въ Варшаву, изъ Варшавы внутрь
края. Въ вашемъ Куфлѣвѣ, подъ видомъ
охоты, могутъ съѣзжаться, для перегово-
ровъ по нашимъ дѣламъ, разные люди,
и никакая полиція ихъ ни въ чемъ не за-
подозритъ и не подслушаетъ. Итакъ, вы

съ этого дня—начальникъ праваго берега Вислы въ Царствѣ Польскомъ!»!

Домбровский слушалъ Мирославскаго не безъ волненія. Передъ нимъ былъ чело-вѣкъ, котораго онъ зналъ давнымъ давно по сочиненіямъ, о комъ ему было много на-говорено разныхъ разностей друзьями, чело-вѣкъ, нѣкоторымъ образомъ, знаменитый, таинственный эмиссаръ Централизаціи, глав-ный вожь заговора, повидимому нешуточ-наго, безъ сомнѣнія будущій диктаторъ Польской республики,—словомъ, Людвигъ Мирославскій, «Папа Людвигъ», какъ зва-ла его попросту Организациа. Аристокра-ты, несмотря на обыкновенную свою важ-ность и гордость въ отношеніи къ плебе-ямъ вообще, пасуютъ передъ демократиче-скими знаменитостямъ, какъ только съ ни-ми встрѣтятся, и рады ихъ послушать. При томъ Домбровский былъ уже черезчуръ слабъ въ столкновеніи съ такимъ бойцомъ. Мирославскій, еще какъ Ковальскій, какъ нѣчто неизвѣстное, уже поколебалъ въ Дом-бровскомъ нерѣшительность и аристократи-ческія понятія о революціяхъ. Теперь онъ овладѣлъ имъ вполне. Укромная, далекая ото всего комната, внушающія къ себѣ уваженіе усатыя физиономіи, подогрѣтыя вен-герскимъ еще до прихода гостя,—оконча-тельно рѣшили дѣло. Уйти оттуда не на-чальникомъ праваго берега Вислы, т. е. вообще отказаться, было очень трудно. Домбровский, протягивая Мирославскому ру-ку, рѣшился замѣтить только, что онъ весьма плохой военный; что если и уча-ствовалъ въ нѣсколькихъ прусскихъ ма-неврахъ, какъ напримѣръ въ 1841 г. во время большихъ маневровъ 5 и 6 корпу-совъ въ Силезіи, въ должности адъютанта при генералѣ Грольманѣ,—такъ это един-ственно потому, что у него всегда была хорошая лошадь, а настоящей войны ни-

когда онъ не видалъ. Кромѣ того, вообще не считаетъ себя способнымъ къ револю-ціи и не сумѣлъ бы приобрѣсти ни одного чело-вѣка.

— «Этого и не требуется, возразилъ Мирославскій: люди есть, войска для васъ приготовлены; вамъ остается только при-нять надъ ними начальство. Намъ нужно ваше имя, ваше положеніе въ обществѣ, а какъ бить Москалей—это вы узнаете въ первой же съ ними схваткѣ».

Возражать было нечего. Люди есть, вой-ска приготовлены...

Такимъ образомъ мирный гражданинъ салоновъ, скачекъ и ярмарочныхъ съѣз-довъ въ Познани, Гнѣздиѣ и Варшавѣ, от-ставной подпоручикъ прусскаго ландвера, сдѣлался генераломъ приближавшейся ре-волюціи, командующимъ какими-то невидимыми пока силами на правомъ берегу Вислы ¹⁰⁾.

Лѣтомъ того же 1845 г. Домбровский былъ въ Варшавѣ и тутъ впервые почув-ствовалъ опрометчивость, съ какою далъ себя склонить заговорщикамъ. Въ Русской Польшѣ почти ничего не было сдѣлано по части революціонныхъ подготовленій. Но возвратъ назадъ былъ, разумѣется, невоз-моженъ. За Домбровскимъ весьма внима-тельно слѣдили, и каждый шагъ его былъ извѣстенъ.

Явясъ къ осени снова въ Познани и выразивъ кое-кому опасенія за Русскую Польшу, начальникъ праваго берега Вислы почувствовалъ, что проповѣдуетъ въ пу-стынѣ. Его никто не слушалъ. А инымъ его слова казались даже опаснымъ сум-збродствомъ, чѣмъ-то въ родѣ измѣны. За-говоръ неся къ послѣднему своему выра-женію, къ взрыву, на всѣхъ парусахъ, и

¹⁰⁾ Частию показанія Домбровскаго въ Позна-ни, 11 Сентября 1846 г., частию другіе источники.

удержать его движеніе было бы невозможно никому, не только слабому подпоручику прусскаго ландвера. Подъ конецъ года образовалось опять множество кружковъ, противныхъ Централизаціи. «Плебеи» опять стояли особо и кричали, что «Централизація питается тукѡмъ глупцовъ, поддающихся ея деспотизму; а кто не такъ глупъ, долженъ искать другаго выхода». Глава этого кружка, Стефанскій, назначилъ съѣздъ въ Тарновъ и попался въ руки прусской полиціи, прямо вслѣдствіе небрежности, съ какою дѣйствовалъ. Послѣдовало, какъ водится, множество арестовъ. Опасность грозила всему заговору. Гельтманъ, по прежнему правившій дѣлами Познаньской организаціи и наблюдавшій за всѣмъ, а равно и прибывшій въ край за сборомъ денегъ Альціата — дали знать Централизаціи, что «болѣе ждать нельзя; все находится въ крайне-напряженномъ состояніи, и снова нуженъ Мирославскій, уже единственно за тѣмъ, чтобы принять начальство».

Мирославскій съ осени работалъ опять въ Версали, вмѣстѣ съ Высоцкимъ, надъ планомъ военныхъ дѣйствій; закупалъ паспорта, высылалъ агентовъ въ Германію, чтобы проторить дорогу имѣющимъ отправиться въ Польшу высшимъ чинамъ арміи. Но болѣе всего занималъ ихъ обоихъ и вообще всю Централизацію денежный вопросъ возстанія и почти совершенное отсутствіе оружія и снарядовъ.

Уѣзжая изъ Познани (вскорѣ послѣ описаннаго нами свиданія съ Домбровскимъ), Мирославскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всякій членъ организаціи припасъ себѣ оружіе, какое можетъ, и хотя небольшое количество пороху—на первыя дѣйствія. Дальше, разумѣется, нужно было обезпечить транспортровку оружія и другихъ необходимыхъ для войны запасовъ изъ Англии и

откуда только будетъ можно. Отправленный, какъ мы видѣли, въ край за сборомъ денегъ Альціата долженъ былъ заняться отчасти и этимъ дѣломъ, т. е. обезпеченіемъ транспортровки оружія. Тоже поручено было и Малиновскому, выѣхавшему въ край почти одновременно съ Альціатою ¹¹⁾. Но оба они, какъ плохіе революціонеры, притомъ не раздѣлявшіе убѣжденія Мирославскаго, что возстаніе необходимо *сейчасъ*, сдѣлали очень мало. Мирославскому слѣдовало пуститься въ дорогу даже и тогда, еслибъ его и не звали Гельтманъ и Альціата. Онъ и собирался. Вдругъ прибылъ Малиновскій и сталъ выражать негодованіе и упреки Централизаціи за уступку необузданнымъ ребятишкамъ. Онъ находилъ, по прежнему, возможнымъ отклонить взрывъ, разставшійся со всѣми непослушными и предоставя ихъ вѣдѣнію прусской полиціи, какъ Стефанскаго. Малиновскаго и вторившаго ему друга его, Якубовскаго, некому было слушать. Якубовскій также подалъ въ отставку (это было тѣмъ болѣе удобно, что подходило время выборовъ: 29 ноября). На его мѣсто назначили ожидаемаго съ часу на часъ Гельтмана, однако онъ не пріѣзжалъ. Въ половинѣ декабря, получено было отъ него письмо, гдѣ онъ уже рѣшительно вызывалъ Мирославскаго въ Познань и тамъ назначалъ ему свиданіе. Мирославскій выѣхалъ въ Познань и прибылъ 31 декабря н. ст., но не засталъ уже Гельтмана: отыскиваемый полиціею, онъ принужденъ былъ скрыться. Свѣдѣнія, наскоро собранныя Мирославскимъ, показали, что заговоръ вовсе еще не въ такомъ положеніи, чтобы можно было

¹¹⁾ Припоминаемъ читателямъ, что Малиновскій не состоялъ тогда членомъ Централизаціи, а былъ только членомъ Демократическаго Общества.

начивать дѣло. Царство Польское и Малороссія были какъ и въ началѣ года. О Литвѣ прибывшій оттуда эмиссаръ Рёръ объяснилъ будущему диктатору, что «тамъ все спитъ; молодежь глупа и неразвита; что его принимали мѣстами точно врага или шпиона. Если можно гдѣ начать, такъ развѣ между Бугомъ и Щарой»¹²⁾.

Мирославскій какъ бы и не слыхалъ ничего такого, что было ему не по сердцу, а только занесъ на свою карту, уже сильно исписанную и исчерченную, слова Рёра: «*между Бугомъ и Щарой*», и мысленно повелѣвалъ быть тамъ такимъ-то повстанцамъ. Рѣзкіе и нетерпѣливые говорили, что «единственный способъ привести все противорѣчія къ одному знаменателю. это— барабанъ и пушка!» Мирославскому очень понравилась эта фраза. Онъ самъ повторилъ ее потомъ нѣсколько разъ.

Военныя приготовленія шли по возможности быстро. Первые деньги, 2100 таллеровъ, добытыя у помещиковъ разными безцеремонными средствами, были посланы съ Либельтомъ¹³⁾ и Альціатою во Францію, для найма хорошихъ офицеровъ и для напечатанія 1000 экземпляровъ Военнаго Устава. Познанская организация обѣщала достать еще 10 тысячъ таллеровъ; но и это, еслибы было дѣйствительно собрано, составило бы, по признанію самого Миро-

12) Показанія самого Рёра, который былъ арестованъ позже, въ Кнышинѣ Гродненской губ. (25 февраля 1846 г.). Паскевичъ подтверждалъ: прогнать его сквозь строй черезъ 500 человекъ два раза и потомъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ. Мы еще съ нимъ встрѣтились.

13) Докторъ Карлъ Либельтъ весьма вліятельный человекъ Познанской организации. Недавно (въ началѣ 1869 г.) вѣзжалъ торжественно въ Львовъ.

славскаго¹⁴⁾, только третью часть всей суммы, необходимой на открытіе первыхъ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ и ея не было собрано, а возстаніе предпринималось!

Мирославскій дѣйствительно слѣдовалъ высказанному имъ однажды принципу, что «си самыя безплодныя дѣйствія, если только ведутся по планамъ предводительствующей школы, способствуютъ ея торжеству болѣе чѣмъ десятилѣтняя пропаганда». Безъ такого принципа нельзя было начать возстанія въ то время, въ какое оно было начато.

Уже не принимая никакихъ возраженій и только заносъ на планъ новыя замѣтки и слова прибывавшихъ оттуда или отсюда курьеровъ, Мирославскій пригласилъ, въ самыхъ первыхъ числахъ Января н. ст. 1846, все высшіе чины Познанской организации выбрать членовъ будущаго народнаго правительства; при чемъ, со стороны приглашавшаго, были употреблены мѣры, чтобы выборъ отвѣчалъ рѣшенію Централизации: «*значать возстаніе въ самомъ непродолжительномъ времени*». Карты были подтасованы. Мирославскій первый предложилъ отъ эмиграціи—Альціату. Возраженій не послѣдовало, и Альціата былъ выбранъ. Нѣкто Владиславъ Косинскій, очень красивый, человекъ съ большимъ вліяніемъ въ цѣлой Прусской Польшѣ, предложилъ отъ Познанской организации, доктора Либельта, и этому никто не противился. Затѣмъ выбрали самого Мирославскаго начальникомъ всехъ военныхъ операцій, съ обѣщаніемъ повиноваться всему, что онъ признаетъ, въ военномъ смыслѣ, за лучшее.

14) Показанія Мирославскаго въ Познани 11 окт. 1846. Также статья: Sprawa Więźniów Poznańskich 1846—1848 г., XXIX томъ Biblii. Pisarzy Polskich, стр. 207.

Такъ какъ депутатовъ отъ Краковскаго вольнаго округа, а равно отъ Галиции, Царства Польскаго и другихъ провинцій не прибыло, то присутствующіе на выборахъ рѣшили отправиться въ Краковъ и вызвать депутатовъ туда, какъ въ болѣе безопасное мѣсто. Уполномочіе Мирославскому и все прочее, состоявшееся въ Познани, было написано на небольшомъ клочкѣ бумаги химическими чернилами и передано Косинскому, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ какого-либо возраженія Галиціанъ или иныхъ, онъ вызвалъ написанное и предъявилъ.

Около 10 генваря н. ст. Мирославскій съ Косинскимъ и еще кое-кто прибыли въ Краковъ (Мирославскій подъ именемъ Маевского) и цѣлую недѣлю ждали депутатовъ изъ Царства и другихъ пунктовъ. Явившійся изъ Царства помѣщикъ Мѣховскаго уѣзда, Радомской губерніи, Николай Лисовскій, объявилъ, что тамошніе депутаты напередъ соглашаются со всѣми постановленіями Кракова и Познани. Къ этому онъ прибавилъ, что Царство встанетъ, лишь бы показались колонны изъ Галиціи и Пруссіи.

Изъ Западной Галиціи пріѣхалъ бойкій агитаторъ Иванъ Тиссовскій, въ то время повѣренный по дѣламъ графа Кучковскаго¹⁵⁾. Отъ Восточной Галиціи ждали Виснѣвскаго, а отъ Малороссіи помѣщика Подольской губерніи Торжевскаго, но они не явились. Наконецъ, 18 генваря н. ст., было приступлено къ выборамъ. Противъ происшедшаго въ Познани никто не возражалъ. Отъ Галиціи былъ предложенъ Тиссовскимъ графъ

¹⁵⁾ О прошедшемъ его извѣстно только, что онъ родомъ изъ Тарнова; по окончаніи курса во Львовскомъ университетѣ, онъ бѣжалъ отъ родителей въ 1831 г. въ Царство Польское и опредѣлился въ артиллерію Дверницкаго. По переходѣ Дверницкаго, опять ушелъ въ Царство, и до конца возстанія служилъ рядовымъ въ корпусѣ Рыбинскаго, съ которымъ и перешелъ границу.

Францискъ Веселовскій и выбранъ; но послѣ, вліяніемъ Мирославскаго, замѣненъ Тиссовскимъ, котораго Мирославскій справедливо считалъ способнѣе къ революціонной службѣ; а Веселовскаго назначили главнымъ начальникомъ Галиційской организаціи. Отъ Краковскаго округа и Верхней Силезіи былъ выбранъ бывший адъюнктъ-профессоръ Краковскаго университета, Людвигъ Горшковскій, единственное лицо тянувшее немного-другую ноту, чѣмъ другіе. Это былъ человѣкъ хитрый и недовѣрчивый. Передъ выборами онъ ѣздилъ, съ какими-то особыми планами, въ Познань, по всѣмъ вѣроятностямъ, составить свою партію и повалить тѣхъ, кто ему не нравился; но это ему не удалось, и онъ воротился, какъ ни въ чемъ не бывало, сдѣлавшись по выраженію Мирославскаго, такимъ «шелковымъ, что ну» (jak baranek Wozy), почему Мирославскій, окончивъ выборы, на послѣднемъ засѣданіи (коихъ было всего четыре) сказалъ пріятелямъ: «подобрали теперь аккордъ! (ogólna Dyktatura)¹⁶⁾.

Срокъ возстанію былъ назначенъ тогда же: 21 февраля н. ст.—канунъ послѣдняго карнавальнаго дня, съ субботы на воскресенье.

Мирославскій съ товарищами снова перѣхалъ въ Познань. Тамъ, на первомъ сходбищѣ всѣхъ вліятельныхъ лицъ заговора, назначены военачальники разныхъ пунктовъ изъ мѣстныхъ организацій (такъ какъ изъ-за границы никого не прибыло), и планъ военныхъ дѣйствій приведенъ въ надлежащую полноту. Довольно взглянуть на этотъ планъ, чтобы увидѣть, до чего каждый Полякъ-ребенокъ, какъ только онъ станетъ разыгрывать роль главнаго вождя.

¹⁶⁾ Показаніе его въ Познани 12 окт. 1846.

Вотъ онъ, этотъ невѣроятный планъ, въ томъ видѣ, какъ онъ набросанъ самимъ Мирославскимъ на картѣ Польши 1772 г., найденной Прусскимъ правительствомъ въ бумагахъ помѣщика Владислава Лонцкаго, въ имѣнїи котораго, Свиныхъ, Мирославскій и прочіе главные заговорщики арестованы.

«Пользуясь первымъ замѣшательствомъ, которое естественно произойдетъ въ правительствахъ всѣхъ трехъ захватовъ, послѣ всеобщаго взрыва, въ одинъ и тотъ же часъ, повстанцы собираются въ разныхъ пунктахъ, каковы суть:

1) Для Княжества Познанскаго: Букъ, Плешевъ и Рогово.

2) Для Пруссїи: Хелмно, Торунъ и Гомбинъ.

3) Для Верхней Силезїи: Тостъ надъ Козлимиъ.

4) Для Кракова и Галиціи: Львовъ, Краковъ и Новое-Място надъ Вислой.

5) Для Подола и Волини: Константиновъ, Новгородъ-Волинскій и Корецъ.

6) Для Литвы и Жмуди: Минскъ, Вильно и Россїены.

Затѣмъ соединяются:

1) Отряды Великаго Княжества Познанскаго, Хелмна и Торуня—подъ Коломъ.

2) Отряды Верхней Силезїи и Царства Польскаго—подъ Ченстоховымъ.

3) Отряды изъ-подъ Кракова и Новаго-Мяста—подъ Малогощемъ.

4) Отряды изъ-подъ Львова, Константинова, Новгорода-Волинскаго и Корца—подъ Ковелемъ.

5) Отряды изъ-подъ Гомбина и Россїенъ—подъ Ковномъ. Отсюда оба идутъ къ Гродну, для соединенія съ Виленскимъ отрядомъ: наконецъ вся масса направляется въ Слонимъ, на соединеніе съ повстанцами Минска.

Эти различныя части войскъ должны послѣ того идти къ Пётркову и Ровну и образовать двѣ арміи: западную, заключающую въ себѣ отряды изъ Великой Польши, Кракова и Галиціи, и восточную, состоящую изъ отрядовъ Малороссїи и Литвы.

Обѣ арміи пойдутъ, дѣйствуя наступательно, къ Ивангороду, для овладѣнія этою еще неоконченною крѣпостью. Если это не удастся, оба отряда воротятся къ границамъ Галиціи, дабы привлечь къ себѣ тамъ новыя силы.

Что касается лицъ, кои будутъ командовать сборными силами Царства Польскаго, Литвы, Жмуди, Западной Пруссїи и Познанскаго княжества, назначаются, на главные пункты, слѣдующія:

Въ Царствѣ Польскомъ—помѣщикъ Брониславъ Домбровскій.

На Литвѣ—Иванъ Реръ.

На Жмуди—Теофилъ Магдзинскій.

Въ Западной Пруссїи—полковникъ Михайлъ Бесекирскій.

Въ Княжествѣ Познанскомъ — майоръ Людвигъ Мирославскій¹⁷⁾.

Инструкціи этимъ командующимъ:

Магдзинскій собираетъ всѣ силы изъ Шавлей, Тельши и Россїенъ, на Жмуди, а также все, что окажется въ Восточной Пруссїи, — и идетъ подъ Ковно, для овладѣнія этимъ городомъ. Затѣмъ, чрезъ Августовское воеводство, заходитъ напротивъ отряда, собраннаго Домбровскимъ. Если же взять Ковно не удастся, — Магдзинскій переправляетъ свой отрядъ черезъ Нижній Нѣманъ, для соединенія съ Домбровскимъ.

17) Съ этимъ чиномъ стоитъ онъ въ нашихъ официальныхъ документахъ того времени. Гдѣ и какъ онъ получилъ его — неизвѣстно. Выходя за границу при корпусѣ генерала Рыбискаго, Мирославскій былъ только поручикомъ.

Рѣръ стягиваетъ на Литвѣ всѣ силы между рѣками Щарой и Бугомъ; соединяется за тѣмъ, сколь можно послѣпнѣе, съ Августовскимъ и Подляскимъ возстаніемъ и идетъ къ Нижнему Бугу, гдѣ поступаетъ въ распоряженіе Домбровскаго.

Домбровскій собираетъ подъ Сѣдльцами всѣхъ повстанцевъ, какихъ только удастся; соединяется затѣмъ, надъ р. Нуржець, недалеко отъ Буга, съ колоннами Жмуди и Литвы, и двинется съ этою восточною арміею къ Ивангороду. Здѣсь соединяется съ повстанцами лѣваго берега Вислы, т. е. съ восточною арміею.

Бесекирскій стягиваетъ всѣ отряды Западной Пруссіи надъ р. Дрвенцой, переходитъ ее, идетъ чрезъ Плоцкое воеводство къ Вислѣ, переправляется черезъ нее подъ Добржиномъ и соединяется затѣмъ, подъ Коломъ, съ войсками, которыя придутъ отъ Рогова и Плешева. Если бы все это не удалось, — Бесекирскій начнетъ въ Плоцкомъ воеводствѣ оборонительную войну.

Сборнымъ пунктомъ для Великаго Княжества Познаньскаго, какъ сказано выше, будутъ: Букъ, Рогово и Плешовъ.

Что же до западныхъ обводовъ: Медыховскаго, Мендзыржецкаго, Вольштынскаго, Веховскаго, Косцянскаго, Буковскаго, Шамотульскаго и Познаньскаго, — ихъ сборные пункты за озерами Слупя и Непрушова, подъ Бугомъ. Начальство надъ ними приметъ офицеръ изъ миграціи.

Авангардъ, состоя изъ жителей Познани и окрестностей, на пространствѣ отъ двухъ до двухъ съ половиною миль въ окружности, подъ начальствомъ Феликса Бялоскурскаго, Александра Понинскаго и Альфонса-Климентя Бялковскаго, — старается овладѣть Познаньскою цитаделюю. Съ этою цѣлью Познаньскіе повстанцы, въ четырехъ отрядахъ, каждый съ особеннымъ вождемъ,

ударятъ на цитадель, на артиллерійскій паркъ, гусарскіе казармы и жилища вышнихъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства.

Если бой въ улицахъ и на баррикадахъ продолжится, тогда повстанцы изъ окрестностей, собравшись, подъ прикрытіемъ ночи, вблизи города, въ видѣ аррьергарда, вступаютъ въ него. Если все это не удастся, то атакующіе отходятъ къ Буку и тамъ пристраиваются къ различнымъ отрядамъ. Тогда уже всѣ силы Западнаго округа составятъ резервный Велико-польскій корпусъ, который притянетъ къ себѣ, въ окрестностяхъ Шрема и Оборниковъ, другія части Восточнаго округа. По занятіи двухъ этихъ городовъ и укрѣпившись въ нихъ какъ можно лучше, равно устроивъ на Вартѣ хорошую переправу, сказанныя силы имѣютъ троякое назначеніе:

1. Препятствовать войскамъ, идущимъ на помощь Познани, пропикнуть въ этотъ городъ и стараться разбивать ихъ врознь.

2. Поддерживать связь съ дѣйствующею арміею на правомъ берегу Варты, чрезъ города Оборники и Шремъ; равно защищать эти города, изъ коихъ первый долженъ быть резиденціею властей Великаго Княжества, а изъ втораго главный вождь посылаетъ приказанія на оба берега Варты.

3. Резервный корпусъ старается атаковать Познаньскій гарнизонъ, пока не подошли Прусскія войска изъ Помераніи и Силезіи. При появленіи же таковыхъ, атакуетъ ихъ со всею стремительностью. Если же эти атаки не будутъ имѣть успѣха, тогда резервный корпусъ переходитъ Варту подъ Шремомъ, или Оборниками, для соединенія на правомъ ея берегу съ дѣйствующею арміею.

Если же бы удалось занять Познань и цитадель ея сразу, тогда первый наборъ

Западнаго округа будетъ относиться къ дѣйствующей арміи, на усиленіе которой со стороны Бука и Познани онъ потянется отъ Пыздръ. Здѣсь, при саити рѣкъ Просны и Варты, будетъ разбитъ укрѣпленный лагерь.

Другой наборъ расположится, при сказанномъ оборотѣ дѣлъ, вокругъ Познани, укрѣпится тамъ и будетъ защищать ту мѣстность отъ вторженія Прусскихъ войскъ. Если же ему придется уступить превосходящей силѣ, тогда онъ двинется изъ Княжества Познаньскаго къ дѣйствующему корпусу войскъ, съ которымъ сойдется въ одно цѣлое.

Первые наборы, изъ обводовъ Пшемовскаго, Одолановскаго, Острешовскаго, Кротошинскаго и Кробскаго, собираются подъ начальствомъ Аподлинарія Курнатовскаго и образуютъ маршевую колонну. Для прикрытія этой операціи будетъ произведена фальшивая атака на кавалерію, стоящую въ Островѣ; Курнатовскій же проникаетъ въ Калишское воеводство и старается занять Калишъ, а потомъ—удается это, или не удастся,—поворачиваетъ, чрезъ Пыздры, или Турекъ, на Кошицъ, неподалеку отъ Кола, дабы здѣсь соединиться съ колонною, которая прибываетъ изъ Рогова. Еслибы Русскія войска этому воспрепятствовали, то колонны изъ—подъ Пшешева и Рогова соединяются недалеко отъ Пыздръ, при слитіи рѣки Просны съ Вартою.

Въ Роговѣ, между озерами, у истоковъ рѣки Велны, сойдутся отряды подъ команду Мирославскаго, изъ обводовъ: Иновроцлавскаго, Быдгощскаго, Шубинскаго, Выржискаго, Ходзешинскаго, Чарнковскаго, Оборницкаго, Вонгровскаго, Гнѣзненскаго, Сржонскаго, Шремскаго, Вржесневскаго и Могельницкаго.

Для того, чтобы отвлечь вниманіе не-

пріятеля отъ передвиженія этихъ отрядовъ, а частию для ихъ прикрытія и овладѣнія въ тоже время нѣкоторыми складами оружія,—исполнить, гдѣ фальшивыя, гдѣ настоящія атаки, слѣдующія лица: Станиславъ Садовскій—на Быдгощъ¹⁸⁾; Альбинъ Мальчевскій на кавалерію, стоящую въ Иновроцлавѣ, Гнѣзковѣ и Глинкахъ; Адольфъ Мальчевскій—на Гнѣзно и, наконецъ, графъ Игнатій Бницскій—на Пилу.

Какъ только повстанцы всѣхъ обводовъ соберутся подъ Роговымъ,—Мирославскій, произведи имъ въ теченіи четырехъ или пяти дней ученіе, вторгнется въ Царство Польское¹⁹⁾.

Таковъ былъ общій планъ. Частныя подробности предоставлялось развивать каждому отдѣльному начальнику, согласно средствамъ и условіямъ мѣстности, гдѣ кто будетъ дѣйствовать. Такъ, подробности Галиційскихъ операцій оставлены на волю тамошнихъ начальниковъ, которыми были: для Восточной Галиціи майоръ Фаленцкій и полковникъ Каминскій, для Западной—Высоцкій и Бобинскій. Военныя операціи Малороссіи зависѣли отъ тамошняго начальника Ружицкаго. Подробности дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ долженъ былъ распорядиться Домбровскій. Впрочемъ всѣмъ этимъ лицамъ даны Мирославскимъ кое-какія наставленія въ общихъ чертахъ. Они заключались въ томъ, чтобы Домбровскій, если не найдетъ возможности овладѣть какии-либо ближайшимъ къ нему укрѣпленным пунктомъ, наиримѣръ Ивангородомъ, стараясь бродить по глухимъ и неудобнымъ

¹⁸⁾ Бромбергъ.

¹⁹⁾ Альціата, Biblioteki Pisarzu Polskich томъ XXIX, стр. 162—164, 203—216. и показанія: Домбровскаго и Мирославскаго въ Познани и Гиссовскаго въ Квингштейнѣ.

для атакъ регулярныхъ войскъ мѣстамъ надъ границей Мазовша, Подлясья и Люблина, пока не подойдутъ изъ Литвы и Жмуди корпуса Рёра и Магдзинскаго, съ которыми онъ двинется вмѣстѣ между Сайдоміромъ и Варшавою.

Далѣе предполагались вторженіе повстанскихъ отрядовъ съ Мирославскимъ и общія дѣйствія въ Царствѣ подъ его главною командою.

Приближался февраль мѣсяць. Мирославскій, увидясь съ Домбровскимъ въ Познани, требовалъ его отъѣзда къ мѣсту назначенія; но Домбровскій сказалъ, что долженъ повидаться съ женою и сдѣлать кое-какія распоряженія, послѣ чего дѣйствительно уѣхалъ въ Винагоры, къ жепѣ, открылъ ей все и условился съ нею, чтобы она оставалась все время въ Познани и только въ крайнемъ случаѣ сѣѣшила къ нему на вырочку, не то дала знать объ опасности съ вѣрнымъ человѣкомъ, разумеется, не жаль денегъ.

За Домбровскимъ наблюдали теперь еще строже. Начальникъ Варшавской организаціи Дзвонковскій, пребывавшій то въ Царствѣ, то въ Галиціи, то въ Княжествѣ Познаньскомъ, лично прибылъ въ Винагоры и настаивалъ, чтобы Домбровскій отправился немедленно. Пришлось собраться. Домбровскій просилъ только показать ему списокъ главныхъ вождей и офицеровъ, точно ли они есть на-лицо. Дзвонковскій обѣщалъ.

Сборы генерала, «командующаго правымъ берегомъ Вислы», на планѣ Мирославскаго, были какъ бы сборы всякаго другаго генерала. Онъ бралъ съ собою трехъ очень хорошихъ англійскихъ лошадей, собственно для употребленія во время военныхъ дѣйствій, старую кобылу, пони и жеребца, для вида. Фуражъ, для всѣхъ этихъ лошадей, везли въ особой огромной телегѣ,

запряженной четверней дюжихъ коней,—потому четверней, что на днѣ телеги лежали ружья, пистолеты, порохъ и другіе снаряды и припасы, необходимые революціи. Самъ Домбровскій съ Дзвонковскимъ выѣхали особо впередъ, яѣхали до Кола. Тутъ Дзвонковскій, вручивъ товарищу путешествія нужныя бумаги, именно: большой пакетъ для передачи Варшавскому купцу Степану Добричу (который былъ начальникомъ Варшавской организаціи *de facto*), ключокъ бумаги для передачи помѣщику Тулпскому, письмо къ брату своему Адаму и, наконецъ, письмо къ помѣщику Дескуру,—отправился куда-то въ сторону, а Домбровскій поѣхалъ на Варшаву и прибылъ въ нее 9 февраля н. ст.

Письма, переданныя ему Дзвонковскимъ, были не что иное на видѣ, какъ простая бѣлая бумага. Даже не было на нихъ адресовъ. Домбровскій отмѣтилъ ихъ особыми значками, только ему одному понятными. На другой день по пріѣздѣ онъ пошелъ къ Добричу, котораго до тѣхъ поръ не зналъ, рекомендовался ему, какъ начальникъ праваго берега Вислы, и просилъ снабдить необходимыми свѣдѣніями, при чемъ вручилъ ему относящійся до него пакетъ. Въ пакетѣ, сверхъ рекомендаціи Домбровскаго Добричу, заключались инструкціи Мирославскаго разнымъ властямъ, на разные случаи. Прочитавъ все это вмѣстѣ съ Домбровскимъ, Добричъ объявилъ ему, что завтра соберетъ кое-кого изъ вліятельныхъ лицъ организаціи, дабы потолковать сообщу, что и какъ предпринять, при чемъ замѣтилъ, что нельзя разсчитывать на большее число участниковъ, такъ какъ недавніе аресты всѣхъ сильно напугали ²⁰).

²⁰) Эти аресты были произведены по случаю полученныхъ изъ Пруссіи предостереженій, что у насъ заговоръ. Кромѣ того было открыто,

Такое извѣстіе, конечно, не могло быть приятно начальнику праваго берега Вислы, когда онъ намѣревался уже вступить въ командованіе какими-то обѣщанными ему Мирославскимъ войсками...

Собранные Добричемъ на другой день главные дѣятели Варшавской организаціи были: эмиссаръ Карлъ Рупрехтъ, сынъ архитектора изъ г. Бялы, берлинскій студентъ, явившійся въ Царство подъ предлогомъ свиданія съ родителями, архитекторскій аппликантъ Михаилъ Мирецкій; помѣщикъ Тулинскій, сынъ бывшаго генерала польскихъ войскъ, и еще человекъ до десяти разныхъ мелкихъ чиновниковъ. Ихъ только такъ называли «главные дѣятели», а это, въ сущности, была *вся*, или *почти вся* Варшавская организація въ ту минуту: часть заговорщиковъ была арестована, третья часть попряталась и не хотѣла ничего знать. Собравшіеся наговорили Домбровскому самыхъ необыкновенныхъ вещей и представили заговоръ Царства въ блестящихъ краскахъ. Мирецкій обѣщаль начальнику употребить все свое вліяніе на разныхъ знакомыхъ и родню въ окрестностяхъ Ивангорода, если только будетъ признано необходимымъ брать эту крѣпость. Другія лица тоже обѣщали найти сочувствующихъ людей въ разныхъ мѣстахъ. Въ особенности восторженно говорилъ Рупрехтъ. Но когда Домбровскій попросилъ у нихъ списка всѣхъ участвующихъ, они стали поглядывать другъ на друга, и списка никакого не явилось. Еще болѣе Домбровскій опустилъ голову. Онъ бы конечно бѣжалъ куда-нибудь, еслибъ только былъ

какъ говорили, особое покушеніе противъ Паскевича и всѣхъ Русскихъ на балу, который давало, не задолго до новаго 1846 г., Общество Благотворительности, въ такъ называемыхъ «редутныхъ» залахъ театра.

такой уголъ, куда бѣжать, но бѣжать было некуда.

Въ такомъ раздумьи, рѣшительно не зная что дѣлать, онъ очутился, на третій или на четвертый день по приѣздѣ въ Варшаву, у одной старой своей знакомки, госпожи Коссовской, которую выдалъ и даже ухаживалъ за ней, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ м. Самострѣль, имѣніи родственника своего Бнинскаго, гдѣ она свела съ ума не одного Домбровскаго. Это была женщина поразительной красоты и самая пламенная, самая отчаянная патріотка. Она приѣхала въ Царство изъ Познани именно за тѣмъ, чтобы одушевлять и поддерживать, какъ съумѣетъ, слабую Варшавскую организацію. Не имѣя надлежащимъ образомъ выправленнаго паспорта, она стала на квартирѣ какой-то знакомой, на Козьей улицѣ, и собиралась скоро выѣхать внутрь страны, въ свое имѣніе.

Г-жа Коссовская обратилась къ Домбровскому, какъ къ старому доброму другу, съ самыми душевными привѣтствіями и сказала, что наконецъ-то онъ пошелъ по дорогѣ, приличной человекѣ съ такой фамиліею. Слово за слово, и Домбровскій, что называется, растаялъ и наговорилъ, какъ самъ потомъ признавался, ужаснѣйшей чепухи. Куда дѣлся страхъ и опасенія! Онъ чувствовалъ въ плечахъ какія-то крылья, готовая унести его высоко и далѣко; чувствовалъ себя настоящимъ предводителемъ великихъ, непобѣдимыхъ дружинъ. Не годилось слабой женщины, а мѣдныя трубы зарокотали въ его ухахъ... Дѣло дошло до того, что онъ вынулъ изъ кармана инструкцію Мирославскаго и прочиталъ ее хвѣткъ до конца; потомъ досталъ карту и началъ что-то на ней показывать... Но тутъ она его остановила, сказавъ, что ничего не понимаетъ. «Лучше я къ вамъ приѣду въ

Демблинъ ²¹⁾, когда вы его возьмете, и не одна, а съ моими людьми». — «Браво! воскликнулъ Домбровский. Намъ точно нужны люди. Я не могу добиться списка, сколько всего участвуетъ. Вѣрно ужъ черезъ-чуръ мало, потому и боятся мнѣ показать.»

Тутъ опять имъ стали овладѣвать мрачныя мысли, и онъ сказалъ: «Глупо я сдѣлалъ, что прибылъ сюда. Лучше было бы мнѣ остаться въ Познани: тамъ бы я болѣе принесъ пользы; тамъ все-таки есть кое-какая организація, а здѣсь ничего». — «Э! гдѣштесь, возразила Коссовская: нѣтъ, такъ будутъ. Я напишу къ моимъ знакомымъ въ Радомскую губернію: посмотрите, сколько они подымутъ народу!»

Она точно написала три письма и отдала Домбровскому: одно было къ Ксаверію Ісинскому; другое къ Роману Цихоцкому, третье къ Карчевскому, служившему въ Польскихъ войскахъ 1830 года.

Затѣмъ они разстались. Домбровский соитовалъ ей беречь себя; что же до него, то онъ, при неудачѣ, надѣялся ускакать на своихъ англійскихъ лошадяхъ.

Условившись съ Рупрехтомъ и прочими, то они придутъ къ нему въ непродолжительномъ времени въ Куфлѣвъ, Домбровский выѣхалъ изъ Варшавы, вмѣстѣ съ Мирецкимъ, 12 февраля н. ст.; 13-е пробылъ въ Куфлѣвъ, гдѣ управляющій подалъ ему письмо отъ Рѣды, который извѣщалъ Домбровскаго, что «жилъ у него трое сутокъ, не могли ждать долѣе, отправился къ месту назначенія; что впрочемъ ничего особеннаго не случилось, что бы измѣнило видъ вещей и ихъ планы».

14-го числа Домбровский выѣхалъ съ Мирецкимъ въ сторону Ивангородской крѣпости, съ цѣлію осмотрѣть ея положеніе и

верки, о которыхъ говорили ему, что они не кончены. Въ м. Новый-Дворъ они заѣхали къ старику Дзвонковскому, нашли тамъ и сына его Адама и вручили ему относившійся до него клочокъ бумажки отъ брата. Взявъ написанное и прочитавъ въ другой комнатѣ, Адамъ воротился блѣдный и смущенный, жаловался на нездоровье и говорилъ, что ѣдетъ въ Плодкъ посоветоваться съ знакомымъ докторомъ. Объясниться съ нимъ на-единѣ ни Домбровскому, ни Мирецкому не случилось, и они уѣхали, настроенные печально.

Дальнѣйшія странствія показали имъ, что сочувствія возстанію рѣшительно нигдѣ нѣтъ и ни на кого разсчитывать нельзя. Въ Мацѣвицахъ, гдѣ жилъ дѣдъ Мирецкаго и гдѣ послѣдній обѣщалъ найти много народу, Домбровский явился подъ именемъ Лемпицкаго, желающаго будто бы прискать аренду въ большихъ имѣніяхъ графовъ Замойскихъ. Все это было выдуманно за чѣмъ-то его товарищемъ, Мирецкимъ, и не очень ему нравилось.

Наконецъ они осмотрѣли крѣпость и нашли, что она была какъ всякая крѣпость. Слухи, что она не кончена, на ту пору не имѣли основанія.

17-го февраля н. ст. оба странника, съ совершенно упавшимъ духомъ, воротились въ Куфлѣвъ, и принялись разбирать и приводить въ порядокъ оружіе, какъ находившееся въ домѣ прежде, такъ и прибывшее съ лошадьми изъ Пруссіи. Его оказалось не очень много: штукъ десятокъ ружей, двуствольныхъ и одноствольныхъ, нѣсколько пистолетовъ и сабель ²²⁾.

На слѣдующій день, т. е. 18 февраля, явился въ Куфлѣвъ Рупрехтъ, съ молодымъ помѣщикомъ изъ подъ г. Сѣдлецъ, Панта-

²¹⁾ Такъ зовутъ Поляки крѣпость Ивангородъ.

²²⁾ Показанія Домбровскаго въ Познани 15 сентября н. ст. 1846 г.

леономъ Потоцкимъ, человѣкомъ самыхъ отчаянныхъ свойствъ. Для него не было никакихъ преградъ и сомнѣній. Онъ былъ отданъ возстанію всею душою и вѣрилъ въ его успѣхъ. Повстанцы грезились ему вездѣ не десятками и не сотнями, а десятками тысячъ. Одна Варшава съ окрестностями, по его мнѣнію, должна была дать до 30 тысячъ. Для обезпеченія дѣйствій въ центрѣ, онъ находилъ необходимымъ занять Сѣдльцы и предлагалъ на это себя, такъ какъ его мнѣніе, Цыся, лежало отъ этого города всего-на-все въ 10-ти верстахъ. Домбровский до того былъ озадаченъ всѣмъ, что насказалъ ему и наобѣщавъ Потоцкій, что едва не предложилъ ему въ помощь себя съ тѣми людьми, которыхъ надѣялся собрать. Къ тому же плана опредѣленнаго не было: и такъ было хорошо, и такъ хорошо. Однако, подумавъ, онъ сказалъ только, что «можетъ-быть и самъ двинется въ томъ же направленіи, ибо это сближаетъ его съ отрядами, ожидаемыми изъ Литвы и Жмуди».

Послѣ этого всѣ принялись разсматривать инструкціи Мирославскаго, и Домбровский уже говорилъ, что пойдетъ на Ивангородъ, куда приглашалъ и Потоцкаго по взятіи Сѣдлецъ. Таково было состояніе ума этого человѣка, что за три дня до начатія дѣйствій онъ не зналъ, *идъ именно будетъ дѣйствовать!*

Вся почти ночь прошла въ разныхъ толкахъ и соображеніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Домбровскому хотѣлось поидти съ Потоцкимъ подъ Сѣдльцы, то онъ чего-то боялся и шелъ опять подъ Ивангородъ...

На зарѣ, 19-го, Потоцкій и Мирецкій отправились къ мѣстамъ назначенія—одинъ подъ Сѣдльцы, другой въ Мацеёвицы. Съ полудня начали прибывать приглашенные въ Куфлѣвъ, частію самимъ хозяиномъ, ча-

стію Рупрехтомъ и Мирецкимъ. Прежде всѣхъ явился молодой помѣщикъ Андрей Дескуръ, человѣкъ въ родѣ Потоцкаго: на все готовый, вѣрившій въ силы возстанія, бывший Москалей и бравшій у нихъ крѣпости. Потомъ пришли изъ Варшавы кучкою молодые чиновники: Адольфъ Грушецкій, рослый и здоровый парень съ большими усами, мелкій чиновникъ Варшавскаго губернскаго правленія, аппликантъ прокураторской канцеляріи при Варшавскомъ уголовномъ судѣ, Станиславъ Коцишевскій, смотрѣвшій бойко и отчаянно; аппликантъ другаго какого-то суда, Владиславъ Жарскій, въ томъ же духѣ, какъ и Коцишевскій; наконецъ аппликантъ мирового суда 4-го Варшавскаго округа, Иванъ Литыскій, потише прочихъ.

Представясь хозяину, они ту же минутою заговорили объ оружіи, пошли въ его оружейную и стали безъ церемоніи выбирать себѣ оружіе по вкусу—кто ружье, кто саблю, а вечеромъ приступили къ литью пулъ, которыхъ было налито ими до 200 штукъ при помощи только-что нанятаго Домбровскимъ охотника Лютынскаго и повара Краковскаго, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ господъ.

Для отклоненія всякихъ подозрѣній отъ дворовыхъ людей, которые еще не были посвящены въ тайну (хотя ее давнымъ давно проникли своимъ польскимъ чутьемъ), Домбровский объявилъ, что на 21-е февраля назначается большая охота, и велѣлъ управляющему собрать человѣкъ 40 или 50 мужиковъ, по преимуществу холостыхъ бабылей, дабы, въ случаѣ надобности, легко было увлечь ихъ въ возстаніе.

Наконецъ насталъ роковой день 21 февраля,—день, когда, по расчетамъ заговорщиковъ, должна была подняться вся Польша 1772 года.

Легко понять, съ какими чувствами покинули свои постели всѣ лица, собравшіяся въ Куфлѣвъ, если только кто-нибудь изъ нихъ ложился. Первою мыслью Домбровскаго было пойти въ костелъ и исповѣдаться. Потомъ всѣ завтракали вмѣстѣ, разговаривая о разныхъ подробностяхъ нападенія. Грушецкій и Рупрехтъ попросили осѣдлатъ лошадей, чтобы поѣздить и попрактиковаться, но оказались весьма плохими кавалеристами. Стали снова бесѣдовать, всѣ разомъ, о своемъ страшномъ предпріятіи... Вдругъ отворились двери, и вошелъ нѣкимъ неожиданный Потоцкій. Онъ былъ сильно разстроенъ. Товарищи услышали отъ него, что взятіе Сѣдлецъ сопряжено съ большими затрудненіями, какихъ онъ не ожидалъ, потому что не ожидалъ такого равнодушія со стороны обѣщавшихъ содѣйствіе. Всѣ измѣнили, остался онъ одинъ, вслѣдствіе чего просилъ ему помочь: идти на Сѣдльцы вмѣстѣ.

Тутъ для Домбровскаго опредѣлилось окончательно, куда онъ долженъ идти, и онъ отвѣчалъ Потоцкому, что теперь уже поздно дѣлать какія-либо перемѣны въ планѣ; что онъ идетъ къ Ивангороду и относительно этого отдалъ уже приказанія кому нужно. «Ну, дайте мнѣ хотя офицеровъ, ютя тѣхъ людей, которые тутъ сидятъ», сказалъ Потоцкій. Домбровскій согласился уступить только троихъ: Литыискаго, Жарскаго и Коцишевскаго; и Потоцкій, забравъ ихъ въ сани, поѣхалъ въ Цысю, только замѣтилъ Домбровскому на порогѣ: «Совѣтую служить нашему дѣлу вѣрой и правдой; иначе знаешь, конечно, что ожидаетъ трусовъ и измѣнниковъ»²³).

По отъѣздѣ Потоцкаго, Домбровскій уви-

дѣлъ нѣкоторую перемѣну въ обращеніи съ нимъ его якобы подчиненныхъ. Они глядѣли какими-то стражами, а не подчиненными, и выраженіе «*Rap jepega!*» имѣло уже въ ихъ устахъ что-то саркастическое. Грушецкій даже сказалъ, что они намѣрены слѣдовать неотступно по пятамъ начальника и не позволять ему уклониться отъ своихъ обязанностей.

Не задолго передъ обѣдомъ прибыли помѣщики Тулинскій и Бембовскій, а въ 5 часовъ пришло съ нарочнымъ письмо отъ жены Домбровскаго, которая извѣщала его, что столько-что пріѣхала въ Варшаву; что заговоръ въ Познани открытъ полиціей; Мирославскій со многими высшими членами Организациі и со всѣми планами и бумагами захваченъ... Въ заключеніе умоляла мужа бросить все и бѣжать въ Пруссію; «что до паспорта—онъ будетъ».

Прочтя это письмо, Домбровскій впалъ въ совершенное отчаяніе и рѣшился объявить обо всемъ гостямъ, представивъ имъ всю бессмыслицу ихъ одиночнаго возстанія, безъ помощи изъ-за границы; но Рупрехтъ и Грушецкій ничего и слышать не хотѣли и требовали съ угрозами, чтобы онъ велъ ихъ въ бой съ Москалями, говоря, что другаго выхода нѣтъ, что они скомпрометированы всѣ до одинаго и должны погибнуть; «лучше-жъ погибнуть въ битвѣ со врагомъ, нежели какъ-нибудь иначе, на висѣлицѣ или въ казематѣ».

Дѣлать было ничего. Домбровскій написалъ женѣ письмо, что возвратъ уже невозможенъ, и просилъ ее думать только о своемъ спасеніи. Письмо это повезъ въ легкихъ саночкахъ Краковскій, котораго мы уже видѣли занимавшимся литьемъ пулъ. Его употребляли на всѣ секретныя порученія. Онъ встрѣтилъ госпожу свою на полудорогѣ: она сама спѣшила въ Куфлѣвъ.

Русскій Архивъ 1870. 15

²³) Показаніе Домбровскаго 13 сент. в. ст. 1846 в Познани.

Бросивъ свою изнуренную четверню, она пересѣла въ сани Краковскаго и въ нихъ прибыла въ Кулѣвъ, около 8 часовъ вечера.

Домбровскій передалъ ей, въ уединенной бесѣдѣ, свои затрудненія относительно подчиненныхъ и вытекающую оттуда необходимость идти въ бой. Домбровская рѣшилась выручить мужа: это была, какъ мы уже сказали, очень храбрая Польшка. Она вышла съ мужемъ къ гостямъ и произнесла имъ краткую рѣчь, въ которой высказала всю безавсудность ихъ странныхъ требованій и умоляла оставить предпріятіе, ведущее всѣхъ ихъ къ несомнѣнной гибели. Грушецкій схватилъ было пистолетъ и грозился положить Домбровскаго на мѣстѣ, если онъ имъ измѣнитъ. Но госпожа Домбровская стала между нимъ и мужемъ. Тулинскій и Бомбковскій явились на ее сторону и начали точно также убѣждать товарищей отказаться отъ предпріятія. Кончилось тѣмъ, чѣмъ кончаются многія житейскія дѣла и что измѣняетъ характеръ самыхъ несговорчивыхъ и неукротимыхъ: Рупрехту и Грушецкому была предложена нѣкоторая сумма и лошади, готовые вести ихъ куда прикажутъ. Они сѣли и выѣхали. Тулинскій и Бомбковскій сѣли въ другія сани, а потомъ уѣхалъ и Домбровскій и на другой день бѣжалъ за границу ²⁴⁾...

А несчастный начальникъ лѣваго берега Вислы (такъ въ Организациіи звали Потоцкаго), ничего не зная и не вѣдая о случившемся въ Познани и о рѣшеніи его товарищей въ Кулѣвѣ ²⁵⁾, дѣлалъ у себя по-

слѣднія приготовленія. Точно также какъ и Домбровскій, онъ приказалъ собрать мужиковъ, только не на охоту, а подъ видомъ того, чтобы потолковать съ ними о предстоящемъ наборѣ. Мужики однако смежили дѣло, какой это наборъ. Особенно же подозрѣнія ихъ усилились, когда Коцишевскій и Жарскій начали угощать ихъ водкою и совать имъ въ руки деньги, говоря не очень связно, что «дѣло идетъ о пользѣ ихъ отечества и объ ихъ собственной пользѣ... что часъ пришелъ освободиться и получить въ надѣлъ землю... не звать надъ собою никого, кромѣ Пана Бога».

Тѣ, кто былъ помысленъ и пилъ меньше водки, отвѣчали господамъ на отрѣзъ, что «бунтовать не пойдутъ», а кто подпилъ, тѣ, чисто по-мужицки, начали плакать и причитать ²⁶⁾. Изъ нихъ набралось человекъ съ десятокъ, которые сказали, что спойдутъ въ огонь и въ воду за своимъ паномъ, что они также Поляки».

Потоцкій отдѣлялъ ихъ отъ прочихъ и произнесъ къ нимъ рѣчь, гдѣ были между прочимъ слова: «сего дня встаетъ вся Польша; намъ ли отставать отъ братьевъ?» А Коцишевскій прочелъ имъ *прокламацію*, имѣвшуюся у него отъ Рупрехта въ 8 экземплярахъ; но никто ничего не понималъ, потому что сильно были пьяны. За тѣмъ заряжены ружья и уложены въ трое саней. Близъ 12 часовъ поѣздъ тронулся. Потоцкій ѣхалъ впереди, верхомъ, какъ предво-

дѣльцахъ, гдѣ былъ взятъ, говорить, что «сначала Д. хотѣлъ дать знать Потоцкому, но послѣ отдумалъ на томъ основаніи, что было будто бы уже поздно, и такимъ образомъ Потоцкій и его товарищи были брошены одни на всевозможныя опасности». А Домбровскій обвиняетъ Рупрехта и Грушецкаго, что они не дали знать, когда это имъ было поручено.

²⁶⁾ *Plakali i lamentowali*—выраженіе Потоцкаго.

²⁴⁾ Показанія Домбровскаго, Рупрехта и Потоцкаго.

²⁵⁾ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ могъ быть предупрежденъ: отъ Кулѣва до Цыси только 24 версты. Потоцкій въ тотъ день проѣхалъ это расстояние въ 3 часа съ вебольшимъ. Рупрехтъ въ своихъ показаніяхъ отъ 11 (23) февраля въ

дитель. Лытинскій и Жарскій сидѣли въ саняхъ съ крестьянами, которыхъ при отпращиваніи оказалось девять человѣкъ. Коцишевскій ѣхалъ верхомъ сзади, чтобы наблюдать за мужиками, не вздумалъ бы какой бѣжать. Но, несмотря на эти предосторожности, лишь только поѣздъ очутился въ лѣсу, двое мужиковъ тихонько свалились въ кусты и давай Богъ ноги ко дворамъ.

Съ остальными семью Потоцкій и трое его пріятелей прибыли къ Варшавской заставѣ города Сѣдлецъ, во второмъ часу ночи ²⁷⁾, оставили лошадей подъ присмотромъ кучера въ полѣ, а сами пошли по тихимъ и темнымъ улицамъ, толкуя о томъ, какъ и съ чего начать нападеніе.

Планъ нападенія, сочиненный незадолго до отъѣзда самимъ Потоцкимъ, былъ таковъ: «Прежде всего ударить на гауптвахту, перебить тамъ солдатъ и ружья ихъ раздать мѣстной организаціи, которая безъ сомнѣнія не замедлитъ явиться на выстрѣлы. Потомъ, захвативъ въ Уѣздномъ Канцелярствѣ и въ Провіантской Коммиссіи деньги (которыхъ считали не менѣе миліона рублей), идти на собраніе, гдѣ долженъ быть балъ; перебить тамъ всѣхъ Русскихъ, между прочимъ ненавистнаго всѣмъ начальника уѣзда Гинча, арестовать начальника гарнизона генерала Ладыженскаго и вынудить у него приказаніе войскамъ, какое будетъ потребно. Въ собраніи вѣроятно еще пристанетъ нѣсколько народу: тогда идти и освободить арестантовъ, снабдить ихъ оружіемъ гарнизонъ, а дальѣ дѣйствовать по усмотрѣнію».

²⁷⁾ Слѣдовало пріѣхать скорѣе (отъ Цыси до Сѣдлецъ всего 10 верстъ); но они попали не на ту дорогу (на Зельковъ), блуждали и наконецъ, взявъ направленіе къ деревнѣ Йгоне, выѣхали на трактъ, ведущій къ Сѣдльцамъ.

Поспоривъ немного съ Жарскимъ, который находилъ болѣе выгоднымъ атаковать прежде собраніе, а потомъ гауптвахту, Потоцкій настоялъ, чтобы отъ плана нисколько не отступали, и повелъ свою команду къ гауптвахтѣ ²⁸⁾.

На платформѣ бродилъ чуть-видимый во мракѣ часовой, слабо озаряемый близъ висѣвшимъ фонаремъ. Потоцкій, подойдя къ нему внезапно и уставя въ упоръ ружье, сказалъ: «кричи пардонъ!» Но часовой, вмѣсто всякаго отвѣта, спустилъ на руку ружье. Тогда Коцишевскій, бросившись съ другой стороны, ударилъ его въ бокъ кинжаломъ: солдатъ упалъ, застонавъ. Потоцкій взялъ его ружье и отдалъ одному изъ мужиковъ, которые все время держались боязливо по-одалъ. Произшедшій на платформѣ шумъ и стоны раненаго солдата разбудили часть команды; двери открылись, и оттуда выглянуло нѣсколько головъ. Потоцкій закричалъ: «клады ружья, клади ружья!» хотя никакихъ ружей не было видно, и съ этими словами выстрѣлилъ въ дверь и ранилъ солдата. Потомъ кто-то изъ его людей пустилъ выстрѣла два - три въ окна, послѣ чего всѣ побѣжали къ канцелярству, которое было не далеко. Тамъ вышла точно та же исторія: ранены часовой и солдатъ; послѣдній выстрѣломъ, пущеннымъ въ окно. Потоцкій опять кричалъ: «клады ружья!» Разумѣется, нападающіе ожидали помощи, но ея ни откуда не являлось. Улицы были тихи. Только немного погода раздался звонъ какихъ-то ципоръ: это шелъ жандармъ, посланный уѣзднымъ начальникомъ изъ собранія узнать, гдѣ и кто стрѣляетъ? Едва люди Потоцкаго его увидѣли, какъ грянуло нѣсколько выстрѣловъ, и одинъ сбиль жандарма съ ногъ.

²⁸⁾ До нея отъ заставы 390 сажень.

Почта его убитымъ, Потоцкій съ командой пошелъ послѣдно къ собранію³⁰⁾. Мужики опять держались по-одалъ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, несмотря на позднее время. Многіе изъ находившихся тамъ Поляковъ поджидали Потоцкаго, но только не съ семью человѣками его же собственныхъ крестьянъ...

Вдругъ грянули выстрѣлы. Дамы бросились въ заднія комнаты. Съ иными сдѣлалось дурно. Мужины, подбѣжавъ къ нимъ, сказали: «не бойтесь,—это наши!»

Однимъ выстрѣломъ ранило жандармскаго унтеръ-офицера, а другимъ служителя при шинеляхъ. Потоцкій кричалъ: «кто Полякъ—къ оружію и соединяйся съ нами!» Но и здѣсь никто не шелъ. Уѣздный начальникъ Гинчъ выскочилъ на крыльцо посмотреть, что такое дѣлается? Потоцкій, узнавъ его, подбѣжалъ и, уперши пистолетъ въ самую грудь, спустил курокъ. По счастью, произошла осѣчка. Въ дверяхъ стали показываться военные... Видя, что дѣло плохо, заговорщики бѣжали въ разсыпную по Флоріанской улицѣ, къ Збучинской заставѣ. Впрочемъ Гинчъ захватилъ двухъ мужиковъ.

Проблуждавъ цѣлый день, 22 февраля, по лѣсамъ, Потоцкій, Жарскій и Коцишевскій очутились къ вечеру въ дер. Млынки (21 верста отъ Сѣдлецъ), гдѣ наняли фурманку до Мелехова; но доѣхавъ до дер. Жебрака (отъ Млынокъ 4 версты), бросили ее и пошли пѣшкомъ. Въ 11-мъ часу ночи они добрали до дер. Новаки (отъ Жебрака 8 верстъ) и постучались въ одной крестьянской избѣ, прося пустить ихъ переночевать. Хозяинъ пустить-пустилъ, но со страху бѣжалъ куда-то, а жена его сварила гостямъ яичницу. Это была первая ихъ пи-

ща послѣ того, какъ они оставили Цысю. Изъ Новакъ Жарскій и Коцишевскій перешли въ дер. Пирогъ (отъ Новакъ 3 версты), принадлежавшую матери Потоцкаго, а самъ Потоцкій попалъ на мельницу той же деревни, называвшуюся Деркачъ (Пирогъ отъ Сѣдлецъ 11½ верстъ, а мельница Деркачъ саженьхъ во ста отъ этой деревни). Мельникъ Яворскій, узнавъ барина и догадавшись, что заставило его искать пріюта на мельницѣ въ такую пору (слухи о затѣяхъ пановъ давно бродили между разными сословіями селъ и деревень), перепугался и далъ знать въ Цысю, тамошнему солтысу: тотъ явился съ мужиками и арестовалъ своего помѣщика³⁰⁾. Точно также взяты Жарскій и Коцишевскій и доставлены въ Сѣдльцы. Литынский и прочіе розысканы послѣ, кто въ Сѣдльцахъ, кто въ Варшавѣ³¹⁾. Добричъ взятъ въ имѣніи своего брата, куда, какъ мы видѣли, уѣхалъ.

Дѣятельность Слѣдственной Комиссіи закипѣла. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ рассмотрѣно и окончено дѣло всѣхъ захваченныхъ лицъ. Затѣмъ, по составленіи приговора военнымъ судомъ, Паскевичъ конфирмовалъ:

³⁰⁾ Въ Цысѣ уже знали о происшествіи въ Сѣдльцахъ.

³¹⁾ Сообщаются такія подробности о взятіи Жарскаго и Коцишевскаго: они зашли къ крестьянину Песеку, который, сочтя ихъ за недобрыхъ людей, собралъ 9 человѣкъ мужиковъ, но не рѣшился съ ними идти на двохъ вооруженныхъ и побѣжалъ въ ближайшую деревню, къ эконому Фридриховичу, за народомъ. Фридриховичъ сказалъ, что у него весь народъ пьянъ, по случаю масляницы, некого дать. «А ты караулъ бутовщиковъ: я смахаю въ городъ и возьму оттуда казаковъ!» сѣлъ верхомъ и проскакалъ 16 верстъ въ ¾ часа, явился къ уѣздному начальнику, и тотъ далъ казаковъ; но когда они прибыли въ Пирогъ, Жарскій и Коцишевскій были уже связаны тамошними мужиками, при помощи трехъ, пришедшихъ изъ дер. Котуля.

³⁰⁾ Отъ гауптвахты до собранія 50 сажень.

«Потоцкаго, Коцишевскаго и Жарскаго повѣсить: перваго въ Сѣдльцахъ, а двухъ остальныхъ въ Варшавѣ. Рупрехту и Добричу, исполнивъ надъ ними весь обрядъ повѣшенія, даровать жизнь и потомъ сослать ихъ въ каторжную работу, въ рудникахъ, безъ срока; а Литынскаго, прогнавъ сквозь строй чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, тоже сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока».

Государь Императоръ утвердилъ эту конфирмацію, и она была исполнена: въ Варшавѣ 4 (16) марта, въ 10 часовъ утра, на гласисѣ Александровской цитадели; въ Сѣдльцахъ 5 (17) марта, въ 3 часа пополудни.

Съ остальными обвиненными поступлено согласно приговора военного суда, именно: Грушецкій сосланъ въ Сибирь, въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на 10 лѣтъ. Толинскій и Бембовскій сосланы просто на поселеніе. Сопричастные заговору помѣщики Островскій и Боржеславскій отданы въ солдаты въ отдѣльный Сибирскій корпусъ.

Тѣмъ временемъ Варшава приняла видъ военного положенія, хотя оно собственно и не было объявлено. Въ разныхъ пунктахъ поставлены военные посты: у Замка рота пѣхоты и сотня казаковъ; на Старомъ-Мѣстѣ—рота и эскадронъ; у моста черезъ Вислу—взводъ пѣхоты; у Банка—рота извводъ; у арсенала—тоже рота и взводъ; на Саксонской площади — тоже самое; на Александровской и Красинской площадяхъ—тоже по ротѣ и по взводу.

Сверхъ того, къ складочному Варшавскому магазину, гдѣ хранились косы, приставленъ сильный караулъ, и приказано свезти всѣ косы Царства Польскаго, хранившіяся на частныхъ и казенныхъ заводахъ, въ ближайшія крѣпости и остановиться дальнѣйшимъ ихъ производствомъ впредь до особаго разрѣшенія ³²⁾.

³²⁾ Официальные источники.

По всему Царству скакали офицеры, которымъ приказано прослѣдить, не замѣчается ли гдѣ революціоннаго движенія и въ случаѣ, если что будетъ замѣчено,—раскрываться энергически. Говорятъ, что главную массу этихъ офицеровъ взяли, по приказанію Паскевича, съ какого-то бала: каждому въ руки подорожная, простая и ясная инструкція—и катать!

Все безпокойное, что можетъ быть и подымало тамъ и сямъ головы, — спѣшило снова спрятаться. Скакавшіе по Царству офицеры видѣли кое-гдѣ одни подозрительные *свѣзды на охоту*, напр. подъ мѣстечкомъ Турекъ (Плоцкой губ.) свѣздъ въ 500 человѣкъ, которые, впрочемъ, тутъ же и разѣхались по домамъ.

Нѣсколько мелкихъ бандъ возникло единственно на самомъ югѣ Царства, у Австрійской границы, именно въ Мѣховскомъ уѣздѣ, Радомской губ., и то съ тѣмъ, чтобы не медля скрыться въ Галицію. Часть изъ нихъ сформирована помѣщиками Лисовскими, Романомъ и Юсифомъ, подъ влияніемъ Казимира Хмѣлевскаго, котораго послалъ въ ту сторону Добричъ. О нихъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній.

Другія банды возникли подъ влияніемъ арендатора дер. Люборжиць (Мѣховскаго уѣзда) Людвигъ Мазараки. О нихъ извѣстно слѣдующее. Не задолго до возстанія, Мазараки и зять его, Алоизій Венде, тоже арендаторъ, распространили по ближайшимъ къ нимъ гминамъ: Острову, Ваврженчпцамъ, Иголоміи и м. Бржеско, довольно много возмутительныхъ прокламацій, гдѣ говорилось, что «скоро встанутъ всѣ Славянскіе народы прежней Польши, отъ моря до моря, и крестьянамъ будутъ дарованы земли. Поэтому войты гминъ и бургомистры должны вооружать, подъ страхомъ смерти, народъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ, отъ

18 до 45 лѣтъ, чѣмъ придется: косами, топорами, пиками, а гдѣ можно и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и явиться со своими людьми къ Логановской корчмѣ (двѣ версты отъ м. Прошовиць) 20 февраля ³³⁾, въ 12 часовъ ночи, а оттуда высшими вождями будутъ направлены въ разные пункты для партизанскихъ дѣйствій, именно: нападать на мелкіе отряды, казаковъ и пограничную стражу, забирать у нихъ оружіе, лошадей, сѣдла, зброю и все пригодное для повстанскихъ войскъ.

Въ назначенный срокъ двѣ банды, одна Франца Шашевскаго, а другая Сигизмунда Юрдана, явились у Логановской корчмы. Къ нимъ присоединился и самъ Мазараки, съ бандой изъ Люборжницъ, и всѣ вмѣстѣ, прождавъ понапрасну банду экспедитора почтъ Подгурскаго изъ Гебдова ³⁴⁾, двинулись къ Прошовицамъ, окружили домъ, гдѣ стояло три казака: одинъ при этомъ выскочилъ и былъ раненъ, а другіе два спрятались. Банды забрали ихъ лошадей и пошли къ Иголоміи и Ваврженчицамъ ³⁵⁾, гдѣ отняли у инвалидной команды и стражниковъ оружіе и сбѣжали подѣ Краковъ.

Здѣсь дѣла были въ самомъ критическомъ положеніи съ того времени, какъ Мирославскій, окончивъ выборы членовъ будущаго народнаго правительства, уѣхалъ въ Познань. Ожидаемые съ часу на часъ офи-

церы изъ Франціи не прибывали, а дни летѣли быстро, притомъ самые тревожные, подѣ страхомъ ежеминутныхъ арестовъ и разоблаченія тайны. Назначенный срокъ возстанія близился. Пришлось набрать поспѣшно предводителей изъ шляхты въ родѣ тѣхъ, какими были: Мазараки, Венде, братья Лисовскіе. Пока они знакомились съ бандами, изучали инструкцію и мѣстность, производили возможные ученья, — грянулъ громъ: австрійскій отрядъ внезапно занялъ Краковъ (утромъ въ 4 часа 18 февраля н. ст.), гдѣ дотолѣ не было никакихъ войскъ; а потомъ получено извѣстіе объ арестованіи Мирославскаго и отсрочкѣ возстанія. Чтò тутъ было дѣлать? Въ квартирѣ Альціаты, не задолго предѣ тѣмъ воротившагося изъ Франціи, сошлись выбранные отъ Галиціи и Кракова члены народнаго правительства: Тиссовскій и Горшковскій, и стали обдумывать свое положеніе. «Чтобы отложить возстаніе, разослать объ этомъ приказы въ разныя мѣста, времени было еще довольно: трое сутокъ ³⁶⁾. Но будетъ ли толкъ? Послушаютъ ли вездѣ этихъ приказовъ люди, которыхъ чувства до такой степени напряжены, и которые употребили на приготовленія столько хлопотъ, испытали такія тревоженія, принесли довольно существенныя жертвы? Наконецъ, надо знать и своевольство этого народа въ Галиціи, этихъ маленькихъ диктаторовъ и вождей, воображающихъ о себѣ Богъ вѣсть что. Иные и вниманія не обращали, что есть въ Краковѣ какой-то членъ Централизаціи Альціата, члены будущаго правительства: Тиссовскій и Горшковскій. Не лучше ли было, поэтому, встать всѣмъ и ударить на Краковъ, даже хотя бы погиб-

³³⁾ Наше 8-е. Прошовицы—12 верстъ отъ границы.

³⁴⁾ Онъ былъ разбитъ на дорогѣ казаками, которые отправились выручать товарищей, захваченныхъ бандой войта гмины Кршешовице, Романа Працкаго, на посту въ Видомѣ, и выручили. Передъ тѣмъ таже банда Працкаго произвела нападеніе на Кршешовице, но была отражена мѣстною командой. Вотъ и всѣ нападенія въ Царствѣ.

³⁵⁾ Оба мѣстечка у самой границы. Въ Иголоміи таможня.

³⁶⁾ Сборище у Альціаты происходило утромъ 19 февраля в. ст.

нуть; въ такой жертвѣ будетъ смыслъ, будетъ урокъ слѣдующимъ шокольникамъ. Но отчего же погибнуть? Если взрывъ произойдетъ сейчасъ, дружно, всѣми силами, то есть еще шансы выиграть дѣло, разбить Австрійцевъ, занявшихъ городъ: ихъ не такъ много.... и они что-то суетятся, какъ бы чѣмъ-то встревожены.... Только нужно не медлить ни минуты. Иначе къ этимъ робкимъ Австрійцамъ подойдетъ подкрѣпленіе, или придутъ Русскіе, о которыхъ уже носились слухи, что они готовятся къ походу.... Удачное же, благовременное возстаніе, всѣми существующими силами, можетъ поднять всю Галицію, и тогда пусть приходятъ Русскіе, пусть приходятъ Австрійцы, Прусакі: будетъ чѣмъ съ ними пошвариться!»

Такъ, болѣе или менѣе, разсуждали сошедшіеся у Альціата вожди Галиційской Организациі ³⁷⁾. Тиссовскій сказалъ подъ конецъ, что согласился бы на послѣднее, т. е. поднять край и ударить на Краковъ, если бы только былъ подъ рукою человѣкъ, способный принять начальство надъ войсками, но такого человѣка нѣтъ. Стало-быть, возстаніе будетъ безъ вождя, массы лягутъ безсмысленной жертвой. На такое возстаніе Тиссовскій не изъявлялъ согласія. Альціата объявилъ, что онъ вполне раздѣляетъ его мнѣніе, прибавя, что есть и еще недостатки, извѣстные ему очень хорошо и почти равняющіеся отсутствію вождя, а потому и онъ готовъ употребить все, отъ него зависящее, чтобы возстанія не было и безсмысленныхъ жертвъ не пало. Хитрый и осторожный Горшковскій не возражалъ и вообще вмѣшивался въ эти разсужденія мало. Поэтому было рѣшено послать немедленно по Галиціи курьеровъ, съ отѣнной

возстанія, а тамъ, послушаютъ или не послушаютъ такого приказа, это ужъ не ихъ дѣло, не дѣло правительства: въ жертвахъ, которыя падутъ тогда, они вины на себя не примутъ. Тиссовскій и Горшковскій положили выѣхать во Францію и пошла укладываться. Альціата же сталъ готовить курьеровъ, и нѣсколько человѣкъ собрались къ нему довольно скоро. Въ то время, какъ онъ съ ними разговаривалъ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ: письмами, знаками, декретами, вдругъ отворилась дверь и вошли опять Горшковскій и Тиссовскій, объявляя, «что они не ѣдутъ; что, по соображенію у себя на дому всѣхъ обстоятельствъ, находятъ неприличнымъ бдуждать по чужимъ землямъ, когда своя въ такомъ критическомъ положеніи. Къ тому же они еще не такъ скомпрометированы, чтобы бѣжать. А что вотъ такихъ-то - де не мѣшало бы отправить за границу, а то имъ будетъ плохо».

Альціата отвѣчалъ, что эти лица и безъ того выѣзжаютъ немедленно и сейчасъ явятся за инструкціями и бумагами ³⁸⁾. Они дѣйствительно вскорѣ явились. Произошли трогательные проводы, съ извѣстной обстановкой, въ родѣ той, при которой вручалась Заливскому въ Парижѣ сабля: правительство, оракулы возстанія, по просту сказать, подкутили, и все вдругъ настроилось совершенно иначе: у каждаго въ ухахъ затрубили трубы, передъ глазами мелькнули побѣдоносные орлы. Возстаніе стало возможнымъ, необходимымъ. Тѣ отряды, что ближе къ Кракову, должны представить дѣйствующій корпусъ, а тѣ, что далѣе (иные стояли за семь миль отъ города), послужать резервомъ. Ура!.... Аль-

³⁸⁾ Въ показаніяхъ Тиссовскаго, 25 мая н. ст. 1846, въ Кёнигштейнѣ, говорится, что и Альціата выѣхалъ внутрь края.

³⁷⁾ Альціата, Wypradki w 1846 г., стр. 184 и далѣе.

ціата, розказывая объ этой сценѣ, справедливо замѣчаетъ: «прискорбно положеніе народа, на судьбы котораго имѣють вліяніе подобныя засѣданія и совѣты»³⁹⁾!

Приготовленные курьеры полетѣли разсѣивать приказанія совѣмъ другаго свойства, нежели тѣ, за какими ихъ призывали. Изъ опасенія подкрѣпленій Австрійцамъ и прихода русскихъ войскъ, возстаніе подвинуто впередъ цѣлыми сутками, не съ 9 на 10, а съ 8 на 9, въ ночь.

Отряды только этого и ждали. Нѣсколько ближайшихъ къ Кракову бандъ немедленно двинулись въ походъ и ударили на городъ около 12 часовъ ночи, отъ предмѣстья Звѣржинецъ, но были отражены австрійскими войсками, понеся большой уронъ⁴⁰⁾. Другія, отдаленнѣйшія, ударили въ 4-мъ часу утра, отъ предмѣстій: Клепажа, Весолы и Страдомя. Ихъ судьба была таже. что и первыхъ: часть перебита, часть разсѣялась, часть захвачена въ плѣнъ. Раздавшіеся въ это время выстрѣлы изъ трехъ домовъ, изъ одного на городской улицѣ, изъ другаго, на углу Флоріанской, что зовутъ «подъ арапами», и третьяго, трактира Фохта, обошлись очень дорого жителямъ этихъ домовъ: они были всѣ до одного переколоты разъярившимися австрійскими солдатами; въ томъ числѣ погибла какая-то красивая, молодая дѣвушка, то же, какъ говорятъ, стрѣлявшая изъ окна.

Къ полудню 9 (21) февраля настала въ городѣ необыкновенная тишина. Начальствующій австрійскими войсками генералъ Коллинъ-де-Колштейнъ объявилъ военное

³⁹⁾ Wypadki, стр. 184 и слѣд.

⁴⁰⁾ Съ этихъ поръ наши официальные документы: доведенія резидента и другихъ лицъ, а также правительственный «Дневникъ свѣдѣній и распоряженій, вслѣдствіе покушенія мятежниковъ въ Краковѣ, Позенѣ, Галиціи и Царствѣ Польскомъ».

положеніе, которымъ запрещалось жителямъ, спустя два часа по оглашеніи, показываться на улицахъ, впредь до особаго распоряженія. А кто не послушается, въ тѣхъ грозили стрѣлять, и дѣйствительно стрѣляли.

Казалось, все кончено... Вдругъ, на слѣдующій день, 22 февраля и. ст., въ 6 часу утра, начавшій такъ грозно и такъ энергически генералъ Коллинъ отступилъ къ предмѣстью Подгурже, имѣя (кто этому повѣрить?) 1300 человекъ пѣхоты, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и 6 орудій; а потомъ удалился внутрь страны.

Альціата говоритъ въ своихъ Запискахъ что поводомъ къ этому отступленію послужили слухи о нѣкоторыхъ усѣхахъ возстанія внутри края, о взятіи мѣстечка Хршанова, гдѣ разсѣяны австрійскій гарнизонъ, и о движеніи народныхъ массъ на помощь повстанцамъ, что могло пресѣчь Коллинну отступленіе къ главному отряду⁴¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ выѣхали изъ города президентъ Сената со своимъ помощникомъ, и полицейскія власти.

Городъ ничего не могъ понять, что такое творится и чего испугался генералъ Коллинъ. Болѣе вліятельныя лица бѣлой партіи собрались въ домѣ графа Юсіфа Водзицкаго и рѣшили отправить отъ себя депутацію въ Подгурже: спросить у президента Сената, дѣйствительно ли онъ и войска удалились изъ Кракова и назадъ не воротятся?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, собравшіеся у Водзицкаго составили *комитетъ общественной безопасности* изъ слѣдующихъ лицъ: графа Юсіфа Водзицкаго, графа Петра Мошинскаго, обывателя Юсіфа Коссовскаго, банкира Леона Бохенка и проживавшаго у него нѣкоего Антона Гельцеля, людей болѣе или менѣе въ городѣ извѣстныхъ и пользовавшихся уваженіемъ.

⁴¹⁾ Wypadki, стр. 191.

Этотъ комитетъ, въ видѣ временнаго правительства, началъ свои дѣйствія съ того, что учредилъ *городскую стражу*, раздѣлилъ ее на сотни и назначилъ сотниковъ, которые размѣстили свои команды по разнымъ пунктамъ, между прочимъ часть была приставлена къ тюрьмамъ и казначейству.

Затѣмъ графъ Водзицкій написалъ *воззвание къ народу*, гдѣ, устраняя отъ себя всякую власть и объясняя учрежденіе комитета и стражи единственно необходимою сохранивъ въ городѣ какой-либо порядокъ, по случаю отбытія войскъ и дѣйствительнаго правительства, просилъ жителей помочь ему чѣмъ кто въ состояніи, покаместъ будетъ учреждено что-либо прочное, или воротятся власти ⁴²⁾.

Между тѣмъ улицы наполнялись вооруженнымъ народомъ, притекавшимъ со всѣхъ концовъ. Это были остатки нападавшихъ наканунѣ бандъ, перемѣшанные съ пьяными мужиками и не имѣвшие никакого предводителя, или такихъ, кого никто не слушалъ. Съ Марьявицкой башни ⁴³⁾ кто-то ударилъ въ набатъ. Вездѣ раздавались крики: «къ оружію! къ оружію!» Жители въ испугѣ попрятались, а вооруженный сбродъ началъ гулять по рынку и по главнымъ улицамъ,

⁴²⁾ Изъ показаній разныхъ лицъ, между прочимъ Гавронскаго, которому было поручено отправиться съ этимъ воззваніемъ въ типографію; но онъ, придя туда, нашелъ, что печатается воззваніе другого правительства, о коемъ мы сейчасъ скажемъ.

⁴³⁾ Такъ называется довольно высокая колокольня храма Успевія Богоматери, на углу главной площади, иначе рынка, и Флоріанской улицы, замѣчательная тѣмъ, что съ нея, по старому обычаю, всякій часъ, днемъ и ночью, трубятъ трубачъ на 4 стороны свѣта, за что городъ платитъ ему около 10 рублей въ мѣсяцъ. Этотъ трубачъ имѣетъ двѣ коморки съ печью подъ своими колоколами.

врываясь въ чужие дома и лавки, стрѣляя изъ ружей и производя разные другіе безпорядки. Стражники, приставленные къ тюрьмамъ, бѣжали; арестанты были выпущены и присоединились къ гулявшей толпѣ.

Водзицкій бросился на площадь и, собравъ около себя кучу народу, сталъ читать имъ свое скромное *воззваніе*, никакъ не воображая, что въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда готовилось тогда же другое *воззваніе*, другаго правительства, точнѣе *манифестъ*, не такъ скромный.

Въ домъ Вальтера, почти напротивъ Марьявицкой башни, черезъ площадь, въ квартирѣ, нанятой заблаговременно Рогавскимъ, будущій диктаторъ, Тиссовскій (пока членъ революціоннаго правительства отъ Галиціи), опершись на столъ, важно диктовалъ этотъ *манифестъ*, сообщенный ему въ общихъ чертахъ изъ Парижа. Продиктованное поспѣшно уносили въ типографію, набирали и печатали (и съ этимъ-то печатаніемъ встрѣтился Гавронскій, посланный Водзицкимъ).

Вдругъ, во время диктовки, среди шума и движенія разныхъ лицъ, отчасти близкихъ «правительству», отчасти привлеченныхъ любопытствомъ,—въ залу вбѣжала вооруженная толпа, предводимая Горшковскимъ, и объявила Тиссовскому, что въ городѣ существуетъ какое-то другое правительство и что глава его, графъ Водзицкій, уже читаетъ на рынкѣ воззваніе къ народу. Вмигъ сообразивъ опасность, Тиссовскій крикнулъ вошедшимъ по диктаторски: «Привестъ ихъ сюда, кто это читаетъ! Если не послушаютъ словъ, употребить силу!»

Толпа ринулась, и Водзицкій съ товарищами, блѣдный и перепуганный, явился черезъ минуту передъ Тиссовскимъ, который объявилъ ему, что «Народное прави-

тельство, въ такомъ-то составѣ, приняло бразды правленія и заботится о приведеніи города въ надлежащій порядокъ; а потому существованіе другаго правительства, одновременно съ дѣйствительнымъ, странно и неумѣстно».

Водзичицкій спросилъ только: «кто же выбралъ это *дѣйствительное* народное правительство? Откуда оно имѣетъ власть распоряжаться такъ, какъ распоряжается?»

Тиссовскій отвѣчалъ, что «выбрано оно познаньской организаціей, съ польскими депутатами изъ Франціи и другихъ мѣстъ».

Коротко и ясно. Дальнѣйшіе вопросы не повели бы ни къ чему. Тонъ Тиссовскаго, зала, набитая на половину вооруженнымъ сбродомъ, который слушался только Тиссовскаго, говорили Комитету общественной безопасности, что не время выказывать власть, а надо повиноваться. Тиссовскій, продиктовавъ послѣднія строки *манифеста*, объявилъ своимъ гостямъ, что вскорѣ соберутся военные чины для обсужденія разныхъ вопросовъ, между прочимъ для выбора командующаго войсками; что имъ уже «дано знать». Въ самомъ дѣлѣ, посланные народнымъ правительствомъ люди спѣшно разсылали воззваніе ко всѣмъ оставшимъ и состоявшимъ на службѣ военнымъ Полякамъ, чтобы они, къ 9-ти часамъ утра, собрались, подъ страхомъ смерти, въ домъ Народнаго Правительства, находящійся тамъ-то.

Дѣлать нечего: поднялось съ одровъ разное старичье, достало свои заплѣсневѣлые мундиры и потащилось въ домъ Народнаго Правительства. Между ними былъ одинъ, поминившій даже Косцюшку: нѣкто Ржуховскій⁴⁴⁾. Онъ явился, облеченный въ

⁴⁴⁾ Онъ былъ родомъ изъ Кѣлецкаго повета. Отецъ его арендовалъ разныя деревни. Въ 1786 г. Каэтанъ Ржуховскій, будучи 14

лѣтъ, вступилъ въ Литовскую гвардію и прослужилъ въ ней всю Косцюшкнву революцію. Потомъ взялъ въ австрійскую военную службу. Въ 1795 г. произведенъ въ поручики. Въ 1805 вышелъ въ отставку капитаномъ, но въ слѣдующемъ, 1806, опять поступилъ на службу и въ 1812 получилъ чинъ подполковника. Въ 1815 снова вышелъ въ отставку, арендовалъ разныя имѣнія, а въ 1830 г. очутился опять въ воинскихъ рядахъ, командуя 1-мъ полкомъ кракусовъ. Въ 1831 вышелъ окончательно въ отставку и поселился въ Краковѣ. Въ 1846 г. ему было 74 года.

бѣлый сюртукъ съ эполетами, и рекомендовался Тиссовскому войномъ Косцюшки. Это ли обстоятельство, или его эполеты на бѣломъ, хотя и грязномъ, сюртукѣ, выдвинули его впередъ. Тиссовскій, объявивъ присутствующимъ, что открываетъ баллотировку для выбора командующаго войсками, повелъ себя и тутъ какъ диктаторъ: самъ читалъ списокъ балотируемыхъ офицеровъ и объяснялъ достоинства каждаго. Ржуховскій былъ выставленъ имъ какъ болѣе всѣхъ другихъ отвѣчающій званію командующаго⁴⁵⁾, и его выбрали. Первое, что нужно было сдѣлать: занять чѣмъ-нибудь шатающійся по площади вооруженный народъ, который продолжалъ стрѣлять и дебоширствовать. Ржуховскій получалъ приказаніе вести людей къ мосту, соединявшему городъ съ предмѣстьемъ Подгурже, и развестъ его, якобы для того, чтобы Австрійцы не могли воротиться. Ржуховскій отправился, но развестъ моста не сумѣлъ, а только сжегъ одну его арку, послѣ чего команда его опять вышла изъ повиновенія, воротилась на площадь и принялась за то же, что дѣлала прежде, т. е. стрѣляніе изъ ружей и разгуливаніе изъ угла въ уголъ, безъ всякаго порядка. Назначенный

лѣтъ, вступилъ въ Литовскую гвардію и прослужилъ въ ней всю Косцюшкнву революцію. Потомъ взялъ въ австрійскую военную службу. Въ 1795 г. произведенъ въ поручики. Въ 1805 вышелъ въ отставку капитаномъ, но въ слѣдующемъ, 1806, опять поступилъ на службу и въ 1812 получилъ чинъ подполковника. Въ 1815 снова вышелъ въ отставку, арендовалъ разныя имѣнія, а въ 1830 г. очутился опять въ воинскихъ рядахъ, командуя 1-мъ полкомъ кракусовъ. Въ 1831 вышелъ окончательно въ отставку и поселился въ Краковѣ. Въ 1846 г. ему было 74 года.

⁴⁵⁾ Такъ, по свидѣтельству многихъ изъ бывшихъ въ залѣ. Тиссовскій же говоритъ, что «какой-то нахалъ въ бѣломъ сюртукѣ самъ выбралъ себя въ командующіе, пользуясь хаосомъ».

комендантомъ города офицеръ бывшихъ Польскихъ войскъ, Червинскій (человѣкъ тоже весьма не молодой) занялъ въ некоторую часть бродившихъ учрежденіемъ карауловъ у гауптвахты, находившейся тамъ же, на площади, и далъ знать Тиссовскому, чтобы тотъ принялъ какія-нибудь мѣры для окончательнаго обузданія своевольныхъ массъ. Тиссовскій самъ видѣлъ въ окошко, что дѣло усмиренія толпы идетъ плохо, и самъ придумывалъ средства... Въ это время принесли только-что отпечатанный экземпляръ манифеста. Тиссовскій ухватился за него, какъ за якорь спасенія и, являсь на площадь, прочелъ громкимъ голосомъ:

«Манифестъ Польской республики къ народу Польскому.

«Поляки! Часъ возстанія пробилъ. Вся разорванная Польша встаетъ и собираетъ свои части. Встали наши братья въ Княжествѣ Познаньскомъ и Конгрессовой Польшѣ, на Литвѣ и на Руси, и бьются съ сопостатомъ за свои святыя права, отнятыя у нихъ коварствомъ и насиліемъ. Вы знаете, конечно, что творилось тамъ и творится постоянно: цвѣтъ нашего юншества гнѣтъ по тюрьмамъ; старцы, которые насъ поддерживали, преданы поруганію; духовенство лишено всякаго значенія,—словомъ, каждый, кто только дѣломъ или даже хоть одною мыслию стремился жить и умирать для Польши, уничтоженъ, либо ждетъ съ часу на часъ въ тюрьмѣ этой участи. Отдались въ нашихъ сердцахъ и растерзали ихъ до крови стоны милліоновъ, засѣченныхъ, замученныхъ по темницамъ, служащихъ солдатами въ рядахъ угнетателей;—стоны терзаемыхъ всѣмъ, что только можетъ человѣкъ вынести. Враги отняли у насъ нашу славу; запрещаютъ намъ говорить по-польски, исповѣдывать вѣру отцовъ; препятствуютъ улучшеніямъ всякихъ

учрежденій; вооружаютъ братьевъ противъ братьевъ; распространяютъ клеветы о достойнѣйшихъ сынахъ отечества. Братья! еще одинъ мигъ, и Польша не будетъ! Не будетъ ни одного Поляка! Внуки наши будутъ проклинать нашу память за то, что вмѣсто лучшаго края земля мы оставили имъ пустыню и развалины; допустили окрывать цѣпями самый доблестный изъ народовъ міра; что они должны исповѣдывать чужую вѣру, говорить на чужомъ языкѣ и быть невольниками похитителей правъ своихъ. Прахъ отцовъ нашихъ, мучениковъ за народное дѣло, вопіетъ къ намъ изъ могилъ, чтобы мы отместили за нихъ; вопіютъ къ намъ дѣти, чтобы мы сохранили имъ отечество, ввѣренное намъ Господомъ Богомъ; вопіютъ къ намъ свободные народы всей земли, чтобы мы не дали погибнуть святымъ основамъ народности; взываетъ самъ Богъ, Который потребуетъ отъ насъ отчета въ дѣлахъ жизни нашей».

«Насъ двадцать милліоновъ: встанемъ какъ одинъ человѣкъ, и силы нашей никто не одолѣетъ! Будетъ у насъ свобода, какой еще не видали на землѣ; дойдемъ до такого устройства общества, гдѣ каждый будетъ пользоваться доходами съ земель, по мѣрѣ заслугъ и способностей. Ни о какихъ привилегіяхъ, подъ какой бы то ни было формой, не будетъ и помину. Напротивъ, каждый Полякъ найдетъ обезпеченіе для себя, жены и дѣтей; каждый, страдающій какимъ-либо недугомъ, душевнымъ или тѣлеснымъ, будетъ призрѣнъ, не слыша ни малѣйшаго укора съ чьей-либо стороны. А земля, состоящая только въ условномъ владѣніи крестьянъ, сдѣлается ихъ безусловною собственностью; всякій чиншъ, панцивна и тому подобное, уничтожается; а служба народному дѣлу, съ оружіемъ въ

рукахъ, будетъ награждена землею изъ народныхъ имуществъ.

«Поляки! забудемъ всякую между собою разницу, станемъ братьями, сынами одной матери-отчизны, одного Отца Бога на небесахъ! Его призовемъ на помощь, и Онъ исподлетъ силу нашему оружію и дастъ намъ побѣду. Но дабы Онъ услышалъ наши молитвы, не будемъ позорить себя пьянствомъ, грабежомъ, самоволіемъ, убійствомъ безоружныхъ инновѣрцевъ и чужеземцевъ, ибо не съ народами, а съ притѣснителями нашими мы имѣемъ дѣло. Теперь же, въ знакъ единства, надѣнемъ народныя кокарды и произнесемъ такую присягу: «Клянусь служить моей отчизнѣ, Польшѣ, словомъ и дѣломъ! Клянусь посвятить ей всѣ мои личные интересы, имущество и жизнь. Клянусь исполнять безпрекословно всякія приказанія народнаго правительства, учрежденнаго въ Краковѣ, 22 сего февраля, въ 8 часовъ по полудни, въ домѣ подъ Христофорами ⁴⁶⁾ и слушаться всякой власти отъ него поставленной. Господи Боже, помоги мнѣ въ этомъ!»

«Манифестъ сей долженъ быть напечатанъ въ Правительственной Газетѣ и разосланъ по цѣлой Польшѣ въ отдѣльныхъ экземплярахъ, дабы его оглашали съ амвоновъ по костеламъ, а въ гминахъ прибывали по стѣнамъ, на видныхъ мѣстахъ ⁴⁷⁾».

Чтеніе покрывалось не одинъ разъ оглушительными криками восторга. Въ манифестѣ было все, что нужно Поляку, чтобы настроить его патриотически. Многія фразы повторялись потомъ на площади, когда

⁴⁶⁾ Такъ въ народѣ называется домъ Вальтера, что на рынкѣ.

⁴⁷⁾ Подлинникъ, между прочимъ, въ Запискахъ Гельмана: *Biblioteka Pisarzy Polskich*, t. XXXV, стр. 87. Авейде говоритъ, что этотъ манифестъ написанъ І. Высоцкимъ. I, 180.

Тиссовскій, упоенный эффектомъ, который произвелъ на чернь, воротился опять въ Правительственный Домъ, даже почти былъ унесенъ на рукахъ, при громогласныхъ ура. Онъ чувствовалъ силу, власть. Квартира, занимаемая правительствомъ, показалась ему сумрачной и недостаточно обширной. Онъ рѣшилъ тутъ же, для приданія правительству болышаго значенія и важности, перебраться, немедля, въ какой-нибудь домъ повиднѣе, съ залой пообширнѣе. Такииъ домомъ представился му Общественный Клубъ, носившій въ городѣ названіе Сѣраго Дома. Ту же минуту народное правительство (т. е. Тиссовскій, Горшковскій, Гржегоржевскій и Рогавскій) отправились въ залу Клуба, увлекая за собою все, что было въ прежнемъ правительственномъ домѣ: кучу военныхъ, дожидавшихся приказаній, и разный любопытный народъ. Едва только члены усѣлись, Тиссовскій, снова играя роль предсѣдателя, диктатора, первенствующее лицо, спросилъ: «Что теперь дѣлать, господа? Что намъ всего нужнѣе?» Гржегоржевскій и нѣсколько за нимъ, по преимуществу статскихъ, отвѣчали, что всего нужнѣе баррикада!

Гдѣ, какъ баррикада—этого никто не зналъ, а только кричали баррикада! Такия странныя требованія возбудили почти всеобщій смѣхъ. Особенно смѣялись старики военные. Однако Гржегоржевскій настаивалъ, и когда Тиссовскій, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, отказалъ въ согласіи на постройку баррикады, сказавъ рѣшительнымъ тономъ, что сея не будетъ, покаместъ онъ членъ правительства: что такой недѣльности, ни съ чѣмъ несообразной, допустить нельзя», Гржегоржевскій подалъ въ отставку. Тиссовскій счелъ не лишнимъ закрѣпить свое постановленіе о баррикадѣ декретомъ, который и былъ напечатанъ въ

Правительственной Газетѣ. Вслѣдъ за тѣмъ было выдано еще нѣсколько постановлений, между прочимъ предписано всѣмъ вооруженнымъ людямъ, гдѣ бы они ни находились, сосредоточиваться въ окрестностяхъ Кракова. Манифестъ и это предписание, разосланные съ особыми курьерами, жадно читаемые и по своему толкуемые по деревнямъ и мѣстечкамъ, усилили движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, къ Кракову направились толпы народа, вооруженнаго и невооруженнаго. Какъ всегда случается въ революціяхъ, это движеніе массъ было черезчуръ преувеличено въ разсказахъ и толкахъ жителей всѣхъ мѣстъ. Пантофлева почта (т. е. Жиды) переносила зъ края въ край, что идутъ десятки тысячъ, что возстаніе съ часу на часъ приобретаетъ силу; что уже тронулись Силезцы изъ Пруссіи; что народное правительство снабжаетъ всѣхъ, желающихъ поступить къ нему на службу, бѣлыми и синими куртками; что въ одномъ Краковѣ не менѣе 10 т. повстанскихъ войскъ; что часть ихъ скоро двинется на Кѣльцы, а къ 1 марту будетъ поголовное возстаніе. Про генерала Коллина говорили, что онъ отрѣзанъ отъ сообщенія съ внутренней арміей.

Эти слухи и кое-какія революціонныя явленія (захватъ повстанцами разныхъ казенныхъ суммъ) до того перепугали нѣкоторыхъ бургомистровъ и крейсѣ-коммисаровъ Галиціи, что они рѣшились обратиться за помощью къ хлопамъ и возбудить ихъ противъ помѣщиковъ, что всегда такъ легко. Даже, если вѣрить внымъ оффиціальнымъ источникамъ (не говоря уже объ общихъ слухахъ) крейсѣ-капитаны и старосты округовъ Тарновскаго и Бохенскаго прямо объявили крестьянамъ, что «за живаго предводителя возстанія правительство выдаетъ 5 гульденовъ, а за мертваго 10 ⁴⁸⁾».

⁴⁸⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, за живаго 6 гуль-

Хлопство ринулось на ненавистное ему по крови и по преданіямъ сословіе. Произошли сцены, которыя тяжело описывать. Конечно, австрійское правительство (на совѣсти котораго лежитъ много всякихъ мрачныхъ дѣяній) желало бы вычеркнуть изъ своей исторіи эти печальныя страницы.... Помѣщиковъ били, увѣчили, часто ничуть не причастныхъ заговору. Одного, какого-то Карла Котарскаго, перепилили пилою ⁴⁹⁾. А можетъ и не одного. Считалось необыкновеннымъ счастіемъ, если, избивъ до полусмерти, вязали и отправляли въ городъ. Дома и хутора помѣщиковъ, на пространствахъ нѣсколькихъ округовъ, были разграблены, а кое-гдѣ даже и сожжены. Скотъ и хлѣбъ помѣщичій раздѣлены мужиками между собою. Разумѣется, кто успѣвалъ, бѣжалъ куда глаза глядятъ. Иные явились на нашемъ берегу Вислы. И долго ни по-

леновъ, а за мертваго 12. Военный начальникъ Радомской губерніи, полковникъ Горловъ, извѣстный своею расторопностью, вслѣдствіе чего былъ посланъ фельдмаршаломъ на границу наблюдать за движеніемъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, отъ 1 (13) мая 1846, № 474, выражается такъ: «Я удостовѣрился, что Тарновскій и Бохенскій старосты и крейсѣ-капитаны, устрасаясь возмущенія и желая предупредить всеобщій бунтъ, объявили награду за каждаго доставленнаго шляхтича, живаго или мертваго».

⁴⁹⁾ Свѣдѣнія изъ письма, сообщеннаго Кіевскимъ генераль-губернаторомъ Бибиковымъ Паскевичу. Надо замѣтить, что тогда юго-западные губерніи и Литва были подчинены Намѣстнику Царства Польскаго Высочайшимъ приказомъ отъ 21 февраля 1846, почему оба генераль-губернатора обязаны были доносить фельдмаршалу обо всемъ, что только найдутъ достойнымъ замѣчанія.

Извѣстное побовще въ селѣ Горожанѣ, Самборскаго обвода, въ 3½ миляхъ отъ Львова, описано очевидцемъ, счастливо спасшимся отъ смерти, нѣкимъ В. Чаплицкимъ, и напечатано подъ заглавіемъ: «Powiesć o Hogożanie, Lwów», 1862.

мѣщиковъ, ни ксендзовъ, ни мандатаріевъ⁵⁰⁾, ни экономовъ, ни войтовъ гминь, не видно было по селамъ и деревнямъ. Главная рѣзня происходила на масляной. Всѣхъ убитыхъ помѣщиковъ насчитываютъ до 800 семействъ, преимущественно въ округахъ: Тарновскомъ, Бохенскомъ, Ржешовскомъ, Ясельскомъ, Саноцкомъ и Сандецкомъ. Въ одномъ Тарновскомъ убито 180 человекъ, изъ которыхъ только 16 можно было кое-какъ узнать въ лицо⁵¹⁾.

Были, впрочемъ, мѣста, гдѣ крестьяне ограничились одной ревизіей помѣщичьихъ домовъ: не скрыто ли гдѣ оружія, пороху и припасовъ, а самихъ помѣщиковъ не трогали. Къ такимъ мѣстностямъ относятся деревни: Кросно, Долгое, Жненцинь, Жеальцы, Хорховка, Борки, Кобыляки, Сулистровъ⁵²⁾.

Народъ ходилъ въ праздничныхъ одеждахъ, ничего не дѣлая, а только бражничая, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Кое-гдѣ галиційскіе мужики подходили кучами къ нашей границѣ и кричали мужикамъ Царства Польскаго, черезъ Вислу: «что-жь, вы-то скоро ли начнете душить своихъ нововъ?» Говорятъ, будто шляхта крикнула въ одномъ пунктѣ съ нашего берега Галичанамъ: «идѣте, это мы придемъ къ вамъ на Пасху и надѣлаемъ изъ вашего брата окорковъ и колбасъ!»

Вотъ когда грянуло извѣстное *Письмо Польскаго дворянина къ князю Меттерниху*—*Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich*...

Вѣсти объ этой рѣзнѣ и о приближеніи русскихъ и прусскихъ войскъ очень ско-

⁵⁰⁾ Мандатаріи (mandatariusz) деревенскій судья. Также—агентъ и повѣренный по дѣламъ.

⁵¹⁾ Тоже письмо съ мѣста дѣйствія, доставленное Бябиковымъ Паскевичу.

⁵²⁾ Тоже письмо.

ро достигли до Кракова и сильно встревожили бѣлыхъ, точнѣе сказать—все умѣренное. Конечно, люди, ничего не ожидавшіе отъ дѣтскаго, необдуманнаго возстанія, стали задавать другъ другу вопросы: «Куда идетъ такъ-названное народное правительство? Что готовить краю? Въ чью голову распоряжается по-диктаторски Тиссовскій?» Недовольныхъ имъ было много, но ни одного, кто бы рѣшился противъ него открыто вооружиться. Всѣ только шушукали въ тишинѣ, высказывали другъ другу неудовольствіе, и болѣе ничего. Первый, рѣшившійся объясниться съ Тиссовскимъ, иначе сказать съ правительствомъ (которое, по выходѣ въ отставку Гржегоржевскаго, состояло собственно изъ двухъ только членовъ: Горшковскаго и Тиссовскаго),—былъ Николай Лисовскій, присланный, какъ мы видѣли выше, Организацией Царства Польскаго для подачи голоса на сѣздѣ уполномоченныхъ при выборѣ членовъ правительства отъ Галиціи. Онъ считалъ себя очень важнымъ лицомъ, воображалъ, что за нимъ слѣдятъ больше чѣмъ за другими, и въ первыя минуты взрыва спрятался. Теперь, когда порядокъ въ революціонномъ смыслѣ, по мнѣнію гг. Тиссовскихъ, сталъ возстановляться, т. е. прекратилось, болѣе или менѣе, разгуливанье празднаго народа, выстрѣлы и дебоширства, Лисовскій явился въ старый Правительственный Домъ, куда Тиссовскій ушелъ съ Горшковскимъ, для домашнихъ совѣщаній, послѣ преній о баррикадѣ и другихъ предметахъ въ Сѣромъ Домѣ.

Прежде всего онъ сообщалъ товарищамъ, что «онъ живъ». Потомъ сталъ укорять Тиссовскаго за нѣкоторыя распоряженія, могущія вызвать вмѣшательство сосѣднихъ державъ, въ особенности Россіи, и разрушить ихъ Краковскую республику.

Тиссовскій слушалъ молча. Состояніе его духа было въ высшей степени тревожно. Онъ и самъ, безъ всякихъ Лисовскихъ, зналъ, что дѣло идетъ плохо, что изъ всей этой кутерьмы, изъ всѣхъ безчисленныхъ воззваній, манифестовъ и преній, то въ Сѣромъ Домѣ, то подъ Христофорами, — не выходитъ ничего ровно, развѣ только возникаютъ опасенія, что въ самомъ дѣлѣ придетъ Австрія или Россія, или обѣ вмѣстѣ, и распорядятся Краковской республикой по благоусмотрѣнію. Тиссовскій былъ не прочь свалить съ себя приличнымъ образомъ бремя правленія, предоставить другимъ рѣшать крайше-затруднительные вопросы отечества, отвѣчать передъ современниками и потомствомъ. Сверхъ всего, что носилъ онъ въ своей груди, сверхъ той нравственной тяжести, которая его постоянно давила къ землѣ, во всѣ эти дни, онъ былъ просто-за-просто боленъ и разбитъ физически. Онъ почти не спалъ трое-четверо сутокъ сряду. Ему нуженъ былъ необходимо покой, хотя на нѣсколько часовъ. Подумавъ немного и сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ сказалъ Лисовскому: «Корошо такъ разсуждать, а ты бы вотъ попробовалъ управлять республикой въ такія минуты, при такой печальной, безвыходной обстановкѣ, когда нѣтъ ни откуда помощи, когда кругомъ апатія и безмолвіе, а русскіе штыки нависли и угрожаютъ! Коли хочешь, садись и пиши законы. Вотъ тебѣ моя власть; вотъ тебѣ и мой шарфъ!»

Съ этими словами Тиссовскій снялъ съ себя шарфъ, который носилъ постоянно какъ знакъ высшей власти, и повязалъ его Лисовскому. Лисовскій былъ утѣшенъ этимъ какъ ребенокъ. Ему показалось, что онъ точно можетъ направить рѣку по тому руслу, по какому ей нужно течь; что именно это и недоставало для спасенія погибающихъ.

За все это время въ немъ вращалось очень много всякихъ мыслей и проектовъ. Не было только случая пустить ихъ въ ходъ. Теперь этотъ случай неожиданно представляется... Точно также утомленный и неспавшій, Лисовскій какъ-будто выспался, когда Тиссовскій украсилъ его знакомъ своей власти, какъ извѣстно, почти диктаторской. Лисовскій чувствовалъ въ себѣ необъятныя силы творить и творить много. Потолковавъ между собою еще съ четверть часа, всѣ четыре лица, составлявшія тогдашнее народное правительство Краковской республики, пошли въ Сѣрый Домъ, гдѣ Лисовскій и Горшковскій тотчасъ же начали что-то писать, а Тиссовскій только смотрѣлъ издали, ни во что не вмѣшиваясь. Сонъ смыкалъ ему глаза. Онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ. Наконецъ не выдержалъ и ушелъ домой спать.

На другой день (24 февраля и. ст.), часовъ около 7-ми, Тиссовскаго разбудили звуки трубъ, смѣшанныя съ какимъ-то неопредѣленнымъ шумомъ и криками: въ городъ вступалъ довольно стройный кавалерійскій отрядъ Эразма Скаржинскаго. Отрядъ этотъ былъ не великъ: всего 50 всадниковъ, но за ними тянулась страшная масса вооруженныхъ чѣмъ попало мужиковъ, тысячъ до пяти. Слѣзши съ коня, Скаржинскій сталъ спрашивать: «Гдѣ народное правительство? Гдѣ Тиссовскій?» и скоро былъ препровожденъ на квартиру послѣдняго, который принялъ его совсѣмъ не такъ, какъ отставной членъ-руководитель правительства. Много значить для челоуѣка выспаться. Окинувъ взглядомъ изъ окна «свою армію», Тиссовскій почувствовалъ себя опять рѣшительнымъ диктаторомъ. Вчерашнее происшествіе съ Лисовскимъ, передача власти и шарфа представились ему страннымъ, неестественнымъ сномъ, какимъ-то

нелѣпымъ кошмаромъ, который магически разсѣяли звуки трубъ и солнечные лучи, игравшіе на сабляхъ уланъ, правда немногочисленныхъ, но все-таки уланъ! Отчего нельзя превратить въ такихъ же уланъ и все стоявшее сзади мужицкое воинство, съ разнымъ дреколіемъ въ рукахъ? Отчего нельзя перемѣнить этого дреколія на сабли и пики, а сукманы на мундиры, съ народными цвѣтами?.. Тиссовскій пошелъ немедленно въ Сѣрый Домъ, гдѣ Лисовскій съ Горшковскимъ продолжали что-то спѣшно писать. Взглянувъ на нихъ иронически, онъ сказалъ: «Все это, что вы написали, господа, теперь не нужно. Кто бы что ни думалъ и ни говорилъ объ этомъ,—я принимаю диктаторскую власть. А вотъ и новый командующій войсками, Скаржинскій, котораго услуги республика, надѣюсь, скоро оцѣнитъ!»

Лисовскій съ Горшковскимъ возражать не посмѣли. Къ тому-жь они были точно также утомлены, и глаза ихъ смыкались еще пуще, чѣмъ наканунѣ у Тиссовскаго. Бой былъ ни съ какой стороны не равенъ. Тиссовскій сдѣлался диктаторомъ и выпустилъ въ свѣтъ слѣдующій приказъ.

«Диктаторъ

«Иванъ Тиссовскій къ народу Польскому»

«Безпорядки, начавшіе вторгаться въ коллективное правительство и получаемыя отъ всюду вѣсти, что крестьяне, не понимая въ чемъ дѣло, бросаются на помѣщиковъ, заставили меня взять власть въ свои руки, о чемъ извѣщая въ особенности жителей города Кракова, предостерегаю всѣхъ, что часовые, стоящіе у моихъ дверей, получили приказаніе не впускать ко мнѣ никого, кромѣ тѣхъ, кто является, за извѣстнымъ знакомъ, съ рапортомъ. А рапортовать могутъ только тѣ, кто имѣетъ сообщить что-либо существенно важное. Съ проектами и

совѣтами могутъ являться только тѣ, кого я вызову».

«Краковъ. Февраля 24 дня 1846 г.

(Подписали) «Иванъ Тиссовскій».

«Секретарь Рогавскій».

Началось диктаторское правленіе. Тиссовскій съ новымъ командующимъ (старога вовсе и не увѣдомляли объ отставкѣ, на что онъ ни чуть не претендовалъ и куда-то скрылся) занялись приведеніемъ въ порядокъ армии, сортировкой солдатъ и назначеніемъ командующихъ частями, чего до тѣхъ поръ не было, кромѣ назначенія одного только коменданта. Старому артиллеристу, Францу Каминскому, старику 52-хъ лѣтъ, приказано быть инспекторомъ артиллеріи. Онъ замѣтилъ диктатору, что никакъ не понимаетъ, въ чемъ будетъ состоять его служба, какъ инспектора артиллеріи, *когда артиллеріи никакой нѣтъ*. Тиссовскій отвѣчалъ: «Правда, что теперь нѣтъ, но скоро будетъ. Вы же сами выльете пушки на заводахъ Штейгера. А пока займитесь осмотромъ пороховыхъ магазиновъ!»

Эти «пороховые магазины» состояли всего изъ 20 бочекъ пороху, которые Каминскій и осмотрѣлъ въ какомъ-то сараѣ. Пушекъ никакихъ не выливали, а поставили на колеса одну валявшуюся съ давнихъ поръ въ замѣ пушку, фунтоваго калибра, которой ни разу не удалось даже выстрѣлить.

Другой подобный воинъ прежней Польши, старикъ подъ 60 лѣтъ, Яцентій Бохановскій, сдѣланъ былъ инспекторомъ пѣхоты, и ему велѣно отправиться немедленно въ замокъ, гдѣ заняться сортировкой войскъ: отдѣлать стрѣлковъ отъ косинеровъ, косинеровъ отъ тѣхъ, которые имѣли какое-либо другое холодное оружіе, и наконецъ такихъ отъ не имѣвшихъ оружія вовсе.

Кохановскій отправился и напелъ въ замѣкъ массу людей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, гдѣ кое-какой скюртукъ игралъ роль мундира, а дрянное охотничье ружье было лучшимъ вооруженіемъ. Многія лица смотрѣли по разбойничьи. Это были выпущенные за два дня арестанты. Привести въ порядокъ такое волнство было не легко. Тисовскій ждалъ-ждалъ Кохановскаго съ рапортомъ, наконецъ не выдержалъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ замѣкъ самъ, сопровождаемый тогда же назначеннымъ начальникомъ своего штаба, Иваномъ Непршецкимъ, воиномъ временъ Наполеона. Они сдѣлали строгій выговоръ Кохановскому за медленность и нерасторопность, и принялись всѣ въ-троемъ производить сортировку. Она кончена была кое-какъ часа въ два. Затѣмъ начальство поѣхало смотрѣть собранію на рынокъ городскую стражу, которую разослали потомъ по разнымъ пунктамъ. Замѣтимъ, что здѣсь инспекторъ артиллеріи Кампскій явился сотникомъ 9-й гмшны: таковъ былъ недостатокъ въ офицерахъ.

Вечеромъ диктаторъ занятъ былъ устройствомъ министерствъ и разныхъ управлений. Роговскій писалъ безъ усталы кучи приказовъ. Какъ творились министерства, достаточно рисуетъ рассказъ Горшковскаго о назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ сѣдаго старика Велѣгловскаго (когда-то предсѣдателя Краковскаго Сената); въ Правительственный Домъ продолжали заглядывать разные любопытные; приходилъ и Велѣгловскій. Диктаторъ, замѣтя его, шепнулъ Горшковскому, сидѣвшему подлѣ: «Видишь этого сѣдаго мужа? Мнѣ кажется, онъ бы годился въ министры... напр. внутреннихъ дѣлъ? Не предложить ли?»—«Что-жь, можно попробовать», отвѣчалъ Горшковскій. Подозвали «сѣдаго мужа» и приказали ему

II.

быть министромъ внутреннихъ дѣлъ. Каноникъ Развадовскій сдѣланъ, точно такимъ же образомъ, министромъ духовныхъ дѣлъ. Нѣкто Сухоржевскій назначенъ организаторомъ кавалеріи, Боровскій—организаторомъ милиціи, Губертъ—военнымъ начальникомъ Подгуржа. Святковскій—военнымъ губернаторомъ г. Кракова, Экельскій—интендантомъ, Стражевскій—директоромъ полиціи, Ротарскій—президентомъ комиссіи по довольствію войскъ.

Съ духовнымъ министромъ велись послѣ переговоры о томъ, нельзя ли въ Ченстоховѣ произвести чудо!...

Въ промежутки отъ занятій (конечно очень краткіе) диктаторъ принималъ разныхъ депутатовъ и давалъ аудиенціи нѣкоторымъ лицамъ, желавшимъ ему представиться. Между прочимъ являлся къ нему молодой графъ Дзялынскій—скиталецъ по бѣлому свѣту и по всемъ польскимъ диктаторствамъ. Начальникъ банды (человѣкъ въ 200), дѣйствовавшей въ Велпчкѣ, и въ то же время Галиційскій эмиссаръ, Дембовскій (уже извѣстный читателямъ, который посѣщалъ всездѣ и направлялся на разные предпріятія—представилъ диктатору 24 февраля и. ст., захваченную имъ въ Велпчкѣ казенную кассу—въ 100 т. гульденовъ. Диктаторъ, желая умѣрить его черезъ-чуръ горячіе порывы, опредѣлилъ его въ канцелярію холоднаго и разсудительнаго Велѣгловскаго (министра внутреннихъ дѣлъ) секретаремъ, но тотъ разстался съ нимъ черезъ нѣсколько часовъ.

Самъ собою разумѣется, что всѣ сколько-нибудь солидные и серьезные люди Кракова смотрѣли на эту диктаторскую комедію съ сокрушеннымъ сердцемъ. Появленіе австрійскихъ войскъ снова подъ Краковомъ не обѣщало ничего хорошаго для повстанцевъ. Говорили и объ русскихъ войскахъ, Русскій Архивъ 1870. 16

шедшихъ на помощь Австрійцамъ. Бывшій комитетъ *Общественной безопасности*, съ добавленіемъ кое-какихъ новыхъ лицъ, собрался въ ночь съ 24 на 25 февраля н. ст., въ Сѣромъ Домѣ, лишь только диктаторъ ушелъ отдыхать къ себѣ на квартиру и весь городъ успокоился. Тутъ были: графъ Водзицкій, графъ Мошинскій, Иванъ Мирошевскій, Иларій Менцишевскій, профессоръ Вишневскій и другіе вліятельные представители (флага Краковского кружка. Стали разсуждать о томъ, какъ бы помочь бѣдѣ. Почти все находили необходимымъ прежде всего свергнуть диктатора, не стѣняясь средствами. Пока обдумывали планъ, какимъ образомъ этого легче достигнуть, Тиссовскій узналъ о заговорѣ и приближалъ въ Сѣрый Домъ. Раздраженіе противъ него такъ было велико, что его едва пропустили въ залу. Онъ увидѣлъ себя во враждебномъ лагерѣ, гдѣ, при малѣйшей заносчивости, не только могъ быть арестованъ, но даже убитъ. Необходимо было уступить панору неблагоприятныхъ для него стихій. Тиссовскій, какъ уже замѣтили, былъ вообще довольно находчивъ. Онъ нашелся и тутъ: выслушавъ, почти безъ возраженій, укоры Вишневскаго и Хрипановскаго въ томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ такого, что могло бы обезпечить спокойствіе города на будущее время, — Тиссовскій опять сложилъ власть и удалился. Собственно ему нужно было только безопасно уйти домой. Здѣсь, окруженный друзьями, онъ раздражился гнѣвомъ на похитителей власти, представлялъ ихъ измѣнниками отечеству и замышлялъ новое *сепр d'état*. Слухи о появленіи казаковъ у Михаловидкой таможни и общее смятеніе по этому случаю въ городѣ, утромъ 25 февраля н. ст., какъ нельзя болѣе пригодилась тутъ оставшему диктатору. Военныя силы его между кото-

рыми былъ сверхъ прежнихъ бандъ вновь прибывшій кавалерійскій отрядъ Мазараки и банды двухъ Юрдановъ, обратились все-таки къ нему же съ вопросомъ: что имъ дѣлать? Тиссовскій послалъ ихъ на границу для рекогносцировки. Потомъ, когда рекогносцировка, при небольшой стычкѣ съ казаками, кончилась, Тиссовскій собралъ другой отрядъ, включивъ въ него всю свою пѣхоту и велѣлъ ему отправиться противъ Москалей и разбить ихъ если можно... Словомъ, онъ распорядился опять всемъ. Онъ опять, самъ не зная какъ, сталъ *de facto* диктаторомъ, точно и не былъ никогда смѣняемъ. Партиа, работавшей противъ него, какъ бы и не существовало. Удвоивъ вокругъ себя стражу и никого не пуская къ себѣ на глаза безъ подробнаго осмотра и распросовъ, диктаторъ назначилъ военный судъ надъ Менцишевскимъ, Вишневскимъ и Мирошевскимъ, какъ главными руководителями заговора. Судъ этотъ⁵³⁾ приговорилъ Вишневскаго къ смертной казни, а Мирошевскій и Менцишевскій были оправданы. Впрочемъ и Вишневскому дали уйти.

Чтобы не имѣть враговъ въ бывшемъ *Комитетѣ Общественной безопасности*, Тиссовскій учредилъ постоянный *Городской советъ*, въ которомъ застѣдали: графъ Водзицкій, графъ Мошинскій, Юліанъ Завицевскій, генералъ Вонсовичъ и банкиръ Иванъ Бохенекъ. Военнымъ министромъ назначенъ нѣкто Бадени, также изъ бѣлыхъ

Кромѣ того, для успокоенія простаго народа, двинута въ край, чрезъ Подгурже, большая духовная процессія, подъ началь-

53) Состоялъ изъ: нотаріуса Севастьяна Коритовскаго, Эдуарда Дембовскаго и Юліана Савичевскаго. Должность инстингатора при этомъ исполнялъ Люблинскій помѣщикъ Карлъ Бржезовскій.

ствомъ Эдуарда Дембовскаго, который все хотѣлъ что-нибудь дѣлать, выставляться на показъ, идти на опасности; только Австрійскія войска перехватили всѣхъ зачпниковъ. Множество ксендзовъ было аре-

стовано, а Дембовскій куда-то пропалъ.

Катастрофа, долженствовавшая положить конецъ всей комедіи, близилась.

(*Окончаніе въ слѣдующей тетради*).

НИЖНИЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

Проселочныя дороги Европы (By-ways of Europe, by Bayard Taylor. Lond. Sampson, Low. 1869). Подъ этимъ названіемъ появилось описаніе такихъ мѣстностей, которыя лежатъ внѣ большихъ путей европейскаго туриста, и потому рѣдко кѣмъ-либо посѣщаются. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что нынѣ путешественнику почти уже не остается ничего сказать новаго или свѣжаго обо всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ на проѣзжемъ пути и давнымъ давно осмотрѣнныхъ и описанныхъ. Онъ выбралъ для своихъ описаній Андорскую республику, Майорку и Минорку, Монсерратъ, Grunde, Chartreuse и Тевтобургскій лѣсъ. Для русскаго же читателя книга Байарда, съ талантомъ написанная, интересна въ особенности описаніями двухъ русскихъ мѣстностей: *Ладожскаго озера* и *Нижняго Новгорода*, который, неизвѣстно почему, авторъ поставилъ тоже на „проселочныя“ свои дороги.

*

Travels in the Central-Caucasus and Bashan including Visits to Ararat and Tabreez and Ascents of Kasbek and Elbruz, by Douglas Freshfield. Lond. 1869. Longman (Путешествіе по Среднему Кавказу и Башану, съ описаніемъ поѣздки на Араратъ и въ Тавризмъ и восхожденія на Казбекъ и Эльбрусъ, соч. Дугласа Фрешфилда). Авторъ и двое его то-

варищей, страстные любители странствованій по малодоступнымъ и вовсе неприступнымъ мѣстамъ, совершили сопряженную со многими затрудненіями поѣздку по Сири и по Кавказской области. Онъ описываетъ очень занимательно путь свой отъ Поты въ Кутаисъ и Тифлисъ, въ Эривань и Нахичевань со всѣми дорожными впечатлѣніями и наблюденіями. Самую занимательную часть книги составляетъ подробное описаніе замѣчательнаго по смѣлости и искусству восхожденія на Казбекъ и на самую вершину Эльбруса, куда Фрешфилдъ съ товарищами проникли рѣшительно первые изъ Европейцевъ, и гдѣ самые туземцы едва-ли бывали, потому что мѣстные проводники отказались вести туда путешественниковъ, буквально проложившихъ первую дорогу на вершину Эльбруса, возвышающуюся на 16.000 футовъ надъ поверхностью моря. Странствуя между горами въ дикихъ и неприступныхъ мѣстахъ, эти Англичане много видѣли и описали новаго и любопытнаго *).

*

Въ 7 книжкѣ Трудовъ Лондонскаго

*) На возвратномъ пути, они были у насъ въ Чертковской библиотекѣ и въ извѣстной книгѣ о Кавказѣ Вагнера нашли подтвержденіе того, что дѣйствительно они выше всѣхъ подымались на Эльбрусъ.
П. Б.

Этнологическаго Общества (Transactions of the Ethnological Society of London. 1869) помѣщена статья г. Гайдъ-Клерка: «Тацитовы Верины или Веринги, и отношенія ихъ къ английской этнологіи». Въ этой статьѣ изслѣдуется вопросъ о происхожденіи и о племенныхъ отношеніяхъ Варяговъ Руси. Соединеніе имевъ: Angli et Varini, Англи и Варини— въ тацитовой книгѣ о Германцахъ, наводитъ автора на мысль о племенномъ сродствѣ Варяговъ съ Англо-Саксами, въ противоположность мнѣнію о Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ. Свою мысль авторъ подкрѣпляетъ и изясняетъ множествомъ ссылокъ на древнихъ писателей и лѣтописцевъ, на филологическое сходство въ названіяхъ английскихъ мѣстностей съ именемъ Варяговъ и на исторію Варяжскаго племени, особливо въ Россіи ¹⁾.

*

Въ той же книгѣ помѣщена этнологическая записка г. Уимпера о Русской Америкѣ (Russian America or Alaska).

*

По поводу книги г. Уимпера обывшихъ Русско-Американскихъ владѣнійхъ (см. прошлогднія Книжныя Вѣсти ²⁾) въ *Revue de deux Mondes* 1869 г. 15 іюня, есть статья г. Блерэй: *Le territoire d'Alaska et les colonies du Nord-Ouest de l'Amérique*.

*

Въ десятомъ томѣ Петерманнова журнала *Geographische Mittheilungen* помѣщено описаніе территоріи Аляски, составленное г. Даллемъ, начальникомъ экспедиціи, въ коей участвовалъ Уимперъ.

¹⁾ Какъ заняла бы статья эта покойнаго А. С. Хомякова. П. Б.

²⁾ Р. Архивъ 1869, стр. 033.

Извѣстно, что Сѣверо-Американскіе Штаты, по окончаніи междоусобной войны, сочтя нужнымъ вновь заявить Европѣ свои морскія силы, послали въ объѣздъ экспедицію подъ начальствомъ адмирала Фаррагута; у всѣхъ еще конечно остались въ памяти описанія приема, сдѣланнаго этому флоту и Фаррагуту въ Россіи. Нынѣ въ Америкѣ издано подробное описаніе всего путешествія и всѣхъ приемовъ, сдѣланныхъ Американскому флоту въ разныхъ странахъ Европы (*Our Admiral's Flag Abroad. The Cruise of Adm. Farragut, Commanding the European Squadron in 1867—1868 by James Montgomery, of the Admiral's Staff. New-York. 1869* ³⁾).

*

Извѣстный корреспондентъ газеты *Times*, Уилліамъ Россель, сопровождавшій принца и принцессу Валлійскихъ въ путешествіи по Востоку 1869 года, напечаталъ въ этой газетѣ рядъ писемъ объ этомъ путешествіи. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ посвящены описанію Крыма, развалинъ Севастополя и памятниковъ славной осады. Всѣ эти письма Росселя вышли въ концѣ отдѣльною книгой подъ названіемъ: *Путевой дневникъ на Востокъ* (*A Diary in the East during the Tour of the Prince and Princess of Wales. With Illustrations. Lond. 1869*).

*

Страница о Востокъ (*Une page sur l'Orient. 1 vol. Paris, Guéren et Morgand*). Подъ

³⁾ Московская Городская Дума изготвила великолѣпный дипломъ на званіе Московскаго гражданина одному изъ Американскихъ гостей. Дипломъ этотъ въ богатомъ ковчегѣ работы Сазикова, въ скоромъ времени будетъ отправленъ по назначенію. П. Б.

этимъ заглавіемъ извѣстный русскій путешественникъ и ученый П. Чихачевъ издалъ въ популярномъ изложеніи свои изслѣдованія о Малой Азіи; книга содержитъ въ себѣ, кромѣ описанія Малой Азіи, политическія соображенія автора объ исторіи Востока и о нынѣшнемъ состояніи такъ называемаго Восточнаго Вѣпра.

*

Анличане и Русскіе въ Верхней Азіи соч. Люлляе (Lullier. Les Anglais et les Russes dans la Haute Asie. Paris. 1869) Въ этомъ сочиненіи авторъ, съ французской точки зрѣнія, разбираетъ отношенія Россіи и Англии къ Китаю, которому придаетъ особую важность въ дѣлахъ Востока.

*

Мери Стенли (Mary Stanley or the secret ones. 3 vols. London 1869). Вотъ еще заглавіе романа съ содержаніемъ изъ русскаго быта. Исторія героини, англійской гувернантки, проживающей въ русскіхъ семействахъ, служитъ безыменному автору канвою для размѣщенія описаній, сценъ и разсказовъ изъ русскаго быта и разсужденій объ общественныхъ отношеніяхъ въ Россіи. Романъ очень длиненъ и состоитъ изъ множества эпизодовъ довольно неискусно связанныхъ но отдѣльные очерки и разсказы написаны живо и не безъ таланта. Авторъ связываетъ судьбу своей героини съ судьбою нѣкоего графа, ставя его въ положеніе начальника тайной полиціи въ царствованіе Императора Александра Павловича. Потомъ этотъ графъ, вслѣдствіе разныхъ неприяностей, оставляетъ свою должность и, поступая въ рады недовольныхъ, прини-

маетъ участіе въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ противъ правительства. Значительную часть романа занимаютъ сцены изъ извѣстной исторической драмы 1825 года и описанія событій 14 декабря. Авторъ съ сочувствіемъ очертилъ типъ и идеалы русскаго заговорщика въ лицѣ своего графа, но самъ ставитъ его въ такое фальшивое положеніе, что не успѣваетъ передать свое сочувствіе читателю.

*

Джемсъ Грентъ, писатель историческихъ романовъ, пользующійся въ англійской литературѣ нѣкоторою извѣстностью, взялъ для послѣдняго своего романа сюжетъ изъ русской исторіи 18 столѣтія, именно изъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II. Романъ носитъ такое заглавіе: *Секретная депеша или приключенія капитана Бельюни* (The Secret Despatch, or the Adventures of Captain Balgonie, by J. Grant. Lond. Virtue and C^o). Темою разсказа служатъ заговоръ Мировича и гибель несчастнаго Іоанна Брауншвейгскаго. Герой романа—англійскій офицеръ въ русской службѣ, которому поручено доставить коменданту крѣпости секретное приказаніе лишить жизни несчастнаго принца (здѣсь, по привычкѣ иностранныхъ писателей, повторяется басня, будто бы Іоаннъ убитъ по приказанію Екатерины). Посланецъ испытываетъ всякаго рода опасности и приключенія на пути изъ Новгорода въ С.-Петербургъ (?) и вступаетъ въ любовныя отношенія съ сестрою Мировича, на которой женится наконецъ. На этой канвѣ авторъ изображаетъ сцены изъ русскаго бы-

та и картины русскаго общества. По отзывамъ критики романъ написанъ не безъ таланта и обличаетъ въ авторѣ внимательное изученіе современныхъ мемуаровъ.

*

Въ Лондонѣ появилась въ видѣ литературнаго разсказа біографія князя А. Д. Меншикова, соч. Питцкера, подъ заглавіемъ: *Изъ мужиковъ въ князья*, жизнь Александра Меншикова (From Peasant to Prince: the Life of Alexander Menschikoff, by M. A. Pietzker. Lond. 1869. Griffith and Farran).

*

Сулицкаго: *Семилѣтняя война въ Помераніи и въ сосѣднихъ областяхъ* (Sulicki. Der Siebenjähriger Krieg in Pommern und in den benachbarten Marken. Studien des Detachements und des Kleinen Krieges. Berlin. 1867).

*

Тугутъ, Клерфайтъ и Вурмсеръ, подлинныя документы изъ Вѣнскихъ государственнаго и военнаго архивовъ, съ историческимъ предисловіемъ Вивенô (Thugut, Clerfayt und Wurmser, Original Documente aus dem K. K. Haus-Hof und Staatsarchiv und dem K. K. Kriegsarchiv in Wien vom July 1794 bis Februar 1797. Mit einer historischen Einleitung von Dr. Vivenot. Wien. 1869).

*

Осенбрюнекъ. Путесыя розысканія въ Швейцаріи (Wanderstudien aus der Schweiz. Schaffhausen. 1869). Во 2-мъ томѣ этого сочиненія разсказывается между прочимъ, по вновь открытымъ швейцарскимъ источникамъ, о походѣ Суворова черезъ Альпы.

*

Въ историческомъ журналѣ (Histo-

rische Zeitschrift) Зибеля, въ 4-й книжкѣ за 1869 годъ, помѣщена статья Брикнера о войнѣ Россіи со Швеціей 1788 года (Russland und Schweden, 1788), печатавшаяся по русски въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. того же года.

*

Aus dem Leben des Generals der Infanterie Heinrich von Brandt. 1 Theil: Die Feldzüge in Spanien und Russland 1808—1812. Aus den Tagebüchern und Aufzeichnungen seines verstorbenen Vaters zusammengestellt von H. v. Brandt. Berlin. 1868 (Изъ жизни генерала отъ инфантеріи Генриха фонъ-Брандта. Часть первая. Походы въ Испанію и въ Россію 1808 — 1812). Извѣстный ветеранъ Прусской арміи, генераль-фонъ Брантъ, недавно умершій, оставилъ записки о своихъ походахъ, изданныя сыномъ его. Вторая половина перваго тома содержитъ въ себѣ разсказъ о походѣ Бранта съ Привислянскимъ легиономъ (Legion de la Vistule) Наполеоновской арміи отъ Валенсіи до Нѣмана, о приключеніяхъ въ Россіи и во время отступленія. Въ этихъ запискахъ много интересныхъ подробностей о Наполеонѣ, о маршалахъ и генералахъ великой арміи, о битвахъ въ Россіи и объ ужасахъ отступленія; онѣ представляютъ въ искусномъ разсказѣ, оживленную картину эпохи и тѣхъ мѣстностей, которыя проходила армія.

*

Выдержки изъ бумагъ оставшихся по смерти Прусскаго дипломата (Mittheilungen aus den nachgelassenen Papieren eines preussischen Diplomaten. Berl. 1868). Умершій въ 1815 году графъ Шляденъ во время дипломатической своей дѣятельности имѣлъ случай дѣлать выписки

и извлеченія изъ порученныхъ ему и попадавшихся ему въ руки актовъ. Эти извлеченія издалъ нынѣ племянникъ Шлядена. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ вниманія для русской исторіи донесенія прусскаго посланника изъ Курляндіи и изъ Польши въ эпоху перваго раздѣла Польши, и нѣсколько писемъ Императрицы Екатерины II и донесеній Прусскаго посланника изъ Петербурга, относящихся къ раздѣлу Польши.

*

Подъ названіемъ: Листки изъ Прусской исторіи (Blätter aus der preussischen Geschichte. Leipzig 1868—1869) издано 5 томовъ дневника, веденнаго Фарнгагеномъ фонъ Энзе о политическихъ и общественныхъ событіяхъ въ Пруссіи съ 1820 по 1830 годъ. Въ дневникъ своемъ Ф. ф. Энзе часто упоминаетъ о русскихъ дѣлахъ и о событіяхъ въ Россіи, возбуждавшихъ толки въ Берлинѣ, о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ русскими путешественниками; въ немъ немало подробностей относящихся къ характеристикамъ императора Александра I.

*

Политика Германскихъ государствъ въ эпоху революціонныхъ войнъ до заключенія мира въ Кампоформію, и дипломатическіе переговоры изъ той же эпохи. Соч. Гюффера (Hüffer. Die Politik der deutschen Mächte im Revolutionskriege bis zum Abschluss des Friedens von Campoformio. Diplomatische Verhandlungen aus der Zeit der franz. Revolution. Münster. 1869). Книга эта, направленная противъ нѣкоторыхъ сужденій и выводовъ Зибеля (въ его дополненіяхъ къ исторіи франц. революціи), содержитъ въ себѣ

дипломатическую переписку Тугута съ Австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1793 по 1793 годъ, по поводу послѣдняго раздѣла Польши.

*

Переписка Иосифа II съ Екатериною (Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Herausgeg. v. Alfred Ritter v. Arneht. Wien. 1869). Въ преиздѣ своемъ изданіи (Переписка Маріи Терезіи съ Иосифомъ) Арнетъ уже напечаталъ 5 писемъ Екатерины II къ Иосифу. Въ настоящемъ изданіи собраны имъ всѣ письма Иосифа и отвѣты Екатерины, какіе только можно было разыскать въ Вѣнскомъ и Спбургскомъ государственныхъ архивахъ. Всего напечатано здѣсь 181 письмо, въ томъ числѣ 86 писемъ Екатерины. Изъ всей переписки остались неразысканными только 20 писемъ, наименѣ важныя. Напечатанныя письма обнимаютъ періодъ съ 1774 по 1790 годъ и представляютъ интереснѣйшій матеріалъ для исторіи, особенно же для характеристики Иосифа и Русской государыни. Первое письмо Екатерины относится къ опредѣленію границы приобрѣтенныхъ отъ Польши губерній, сопредѣльныхъ съ Австріей. Затѣмъ переписка прерывается на 6 лѣтъ и возобновляется не прежде 1781 года, съ особеннымъ оживленіемъ, по поводу предположеннаго союза Россіи съ Австріей и переговоровъ связанныхъ съ турецкою войной. Въ концѣ книги напечатаны въ видѣ приложенія письма Иосифа II къ другу своему графу Ласся, въ коихъ онъ описываетъ впечатлѣнія во время поѣздки по Крыму.

*

Въ Англіи издано нѣсколько сочи-

ней, относящихся къ вопросу горячо возбужденному въ послѣднее время нѣкоторыми изъ политическихъ дѣятелей—къ вопросу о возможности столкновенія Россіи съ Англіей въ Средней Азіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій носятъ на себѣ характеръ политическаго памфлета и отличаются раздраженіемъ противъ Россіи и преувеличенною боязнію въ виду предполагаемыхъ завоевательныхъ ея плановъ. Таково сочиненіе капитана Аркурта: *Наша сѣверная граница* (Our Northern Frontier, by Capt Harcourt, Assistome Commissione in Panjab. Lond. 1869). Напротивъ, плодомъ серьезнаго и спокойнаго изслѣдованія является сочиненіе капит. Тренча: *Русско-индѣйскій вопросъ въ историческомъ, стратегическомъ и политическомъ отношеніяхъ, съ очеркомъ среднеазіатской политики* (The Russian Indian Question historically, strategically and politically considered. With a sketch of Central Asian Politics and Map of Central Asia, by captain Trench. Lond. 1869). Авторъ, проведя 2 года въ службѣ на границѣ британскихъ владѣній съ Афганистаномъ, имѣлъ случай изучить положеніе страны, и представляетъ въ своей книгѣ обстоятельное описаніе ея въ историческомъ, географическомъ и политич. отношеніяхъ. Не подчиняясь безотчетному страху партіи, одержимой крайнею руссофобіею, онъ предвидитъ однако возможность столкновенія Россіи съ Англіей въ Средней Азіи по поводу возможной въ будущемъ борьбы изъ-за Восточнаго вопроса. Надежнѣйшими средствами для отвращенія возможной опасности онъ полагаетъ проложеніе желѣзнаго пути по долинѣ Евфрата и утвержденіе англійскаго преобладанія въ Афганистанѣ.

*

Тому же вопросу объ упомянутой дорогѣ посвящено въ особенности вышедшее недавно сочиненіе г. Андру (On the Completion of the Railway system of the Valley of the Indus. by Andrew. London. 1869).

*

Нѣкто фонъ Фалькенъ, прусскій подданный, находясь въ должности главнаго управляющаго большимъ помѣщичьимъ имѣніемъ въ одной изъ губерній Сѣверо-Западнаго края, въ началѣ польскаго мятежа, въ 1863 году, подвергся преслѣдованіямъ сначала со стороны жонда, которымъ былъ осужденъ на смерть, но избавился отъ гибели; потомъ, по доносу, схваченъ былъ русскимъ правительствомъ, преданъ суду слѣдственной комиссіи и осужденъ, повидимому въ слѣдствіе недоразумѣнія, къ ссылкѣ въ Сибирь; но вскорѣ возвращенъ изъ Сибири, чрезъ посредничество графа Бисмарка. Фалькенъ издалъ въ свѣтъ описаніе своихъ приключеній подъ заглавіемъ: *Изъ дневника ссыльнаго въ Сибирь* (Aus dem Tagebuche eines nach Sibirien verbannten von Theophil von Falken. Berl. 1869), съ литографированнымъ портретомъ гр. Муравьева. Въ Сибири описываетъ онъ Тобольскъ, Томскъ и свои впечатлѣнія въ такъ называемомъ Мертвомъ Домѣ.

*

Изъ записокъ русскаго Декабриста (Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Beiträge zur Geschichte des St. Petersburger Militair-Aufstandes von 14 December 1825 und seiner Theilnehmer. Leipzig 1869). Авторъ этихъ записокъ баронъ Розенъ, одинъ изъ сосланныхъ въ слѣдствіе

мятежа 1825 года, сообщаетъ много интересныхъ подробностей о слѣдствіи надъ заговорщиками и особенно о пребываніи сосланныхъ въ Сибири. Книга эта должна была появиться и въ переводѣ на Русскій языкъ, но задержана по распоряженію цензурнаго управленія.

*

Въ Нѣмецкомъ Трехмѣсячномъ Обзорѣи (Deutsche Vierteljahresschrift) за 1869 годъ помѣщено нѣсколько статей Карнапа, о состояніи народнаго хозяйства въ Россіи.

*

Вышелъ 4-й томъ извѣстнаго сочиненія Шницлера о Россіи: L'Empire des Tsars au point actuel de la science. Онъ содержитъ въ себѣ описаніе промышленнаго состоянія Россіи (Les intérêts matériels et privés: agriculture, industrie et commerce). Книга печатается въ Страсбургѣ.

*

Гражданское сословіе и бюрократія. 4 главы изъ новой Лифляндской исторіи (Bürgerthum und Bureaukratie. Vier Capitel aus der neueren Livländischen Geschichte v. Julius Eckhardt. Leipzig. 1870). Подъ такимъ заглавіемъ издалъ г. Экартъ новое свое сочиненіе о Лифляндіи. Вслѣдъ за предисловіемъ, въ которомъ разсуждается объ отношеніяхъ русскаго, а въ особенности прибалтійскаго дворянства и другихъ сословій къ русскимъ правителямъ — чиновникамъ, идутъ объщанныя въ заглавіи 4 главы, которыя можно пожалуй назвать очерками русской администраціи въ Лифляндіи. Имя сочинителя достаточно объясняетъ, въ какомъ духѣ эти очерки написаны. Первая глава называется: Періодъ на-мѣстничества (Aus der Zeit der Statthal-

terschaft) вторая глава: съ 1797 по 1810 годъ (Aus den Jahren 1797—1810); третья глава: Stackelberg-Chanykofsche Commissi-он,—описываетъ дѣйствія комиссіи которой поручено было въ 1845 году обревизовать городское управленіе въ городахъ Лифл. губерніи, особливо въ Ригѣ. Четвертая глава (Zur Geschichte der russischen Altgläubigen in Riga) рассказываетъ исторію русскаго старообрядческаго поселенія близъ Риги и его отношеній къ церковному и гражданскому правительству.

*

Шедо Феротти: Письма о народномъ образованіи въ Россіи, адресованныя къ министру народнаго просвѣщенія (Lettres sur l'instruction populaire en Russie. adressées à M. le comte D. Tolstoi. Leipzig. 1869). Эта небольшая брошюрка содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ трактата, изданнаго тѣмъ же авторомъ въ 1868 году „О нигилизмѣ въ Россіи“ и предлагаетъ, для умственнаго и нравственнаго образованія крестьянъ, образовывать особый корпусъ учительницъ изъ женъ и дочерей священно-и церковнослужителей.

*

Въ Лейпцигѣ напечатана, подъ заглавіемъ: *Съ Урала и Алтая* (Im Ural und Altai), переписка Александра Фоня Гумбольдта съ бывшимъ Русскимъ министромъ финансовъ гр. Канкринымъ, веденная во время путешествія, предпринятаго Гумбольдтомъ по желанію Императора Николая на Уралъ и Алтай въ 1829 году.

*

Кириллъ и Методій. Историческое изслѣдованіе объ обращеніи Славянъ въ христіанскую вѣру (Cyrille et Méthode.

Etude historique sur la conversion des Slaves au christianisme, par le dr. Louis Leger. Paris. 1868). Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что цѣль его труда—разсвѣять предразсудки и невѣжество своихъ соотечественниковъ относительно Славянскаго міра и его исторіи; для разясненія понятій объ этомъ предметѣ выбралъ онъ важнѣйшую эпоху всеславянской исторіи и предпринялъ описать подвигъ св. Кирилла и Меодія къ основанію національной церкви между Славянами Въ исполненіи этой задачи автору помогало знакомство со славянскими нарѣчіями; путешествуя по Европѣ, онъ бывалъ въ Прагѣ, въ Аграмѣ и въ другихъ центральныхъ городахъ Славянскаго міра; отъ того относится онъ къ Славянству съ замѣтнымъ сочувствіемъ. Первые двѣ главы книги содержатъ въ себѣ очеркъ нравовъ, быта, вѣрованій у древнихъ Славянъ; а слѣдующія 11 главъ—исторію славянскихъ апостоловъ, славянскихъ письменъ и литургіи.

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ „Краткихъ очерковъ Русской Исторіи“ Иловайскаго (Kurzgefasste Geschichte des russischen Reichs, übers. v. Fabricius. Reval. 1867) съ примѣчаніями переводчика.

Сочиненіе русскаго ученаго путешественника, г. Мельгунова, о южномъ прибрежьи Каспійскаго моря и о сѣверныхъ областяхъ Персіи, удостоенное въ 1864 году Демидовской преміи, издано въ нѣмецкомъ переводѣ др. Ценкера, съ участіемъ самого автора, сдѣлавшаго въ нѣмецкомъ текстѣ значительныя измѣненія и дополненія

(Das südliche Ufer des Kaspischen Meers. Leipzig. 1868).

Въ Лейпцигѣ изданъ нѣмецкій переводъ сочиненія покойнаго Е. П. Ковалевскаго: Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами (Der Krieg Russlands mit der Türkei).

Въ Берлинѣ изданъ переводъ романа г. Писемскаго «Тысяча душъ»; переводчикъ г. Кайслеръ.

Въ Петербургѣ, переводъ драмы гр. Толстаго: *Смерть Іоанна Грознаго* (The Death of Ivan the Terrible. A Tragedy in 5 acts. Translated from the Russian of Count Tolstoi by Henry Harrison).

Въ Митавѣ, у книгопр. Бере, появился первый томъ изданія избранныхъ сочиненій Тургенева, на нѣмецкомъ языкѣ (Iwan Turgeniew's ausgewählte Werke). Переводъ дѣлается подъ надзоромъ автора, въ чемъ удостоверяетъ написанное имъ предисловіе къ изданію. Первый томъ содержитъ въ себѣ: *Отцы и Дети*.

Въ Парижѣ, подъ названіемъ: *Nouvelles Moscovites*, изданъ тоже сборникъ повѣстей Тургенева, изъ коихъ нѣкоторыя переведены самимъ авторомъ, а другія г. Меримѣ.

Въ Лондонѣ вышли переводы повѣстей «Несчастная», подъ названіемъ: *The Unhappy one*, и «Дворянское Гнѣздо» (*Liza*).

Г. Ральстонъ, одинъ изъ чиновниковъ Британскаго Музея, составившій себѣ извѣстность дѣльными критическими статьями о русской литературѣ и переводомъ басенъ Крылова на англійскій языкъ, написалъ статью, помѣщенную въ Апрельской книжкѣ журнала: *Двухнедѣльное обозрѣніе* (*Tortnightly Review*), *О русскиихъ народ-*

мыль сказкаль. — Въ Апрельской же книжкѣ Сѣвернаго Британскаго Обозрѣнія (North british Review) напечатана критическая статья о сочиненіяхъ Тургенева. Въ другомъ Обозрѣніи «Macmillan's Magazine» (за Августъ) напечатана другая статья его о книжнѣ Таракановой.

Въ Октябрьской книжкѣ журнала: Британское трехмѣсячное Обозрѣніе (British Quarterly Review) помѣщена критическая статья о сочиненіяхъ Тургенева.

Въ Англійскомъ журналѣ Athenaeum появляются съ нѣкотораго времени довольно часто критическія статьи и корреспонденціи о явленіяхъ русской литературы, присылаемыя, какъ по всему видно, изъ Россіи. Многія изъ этихъ статей обличаютъ дѣйствительное знакомство съ литературой и обществомъ.

Въ теченіе 1869 года помѣщены были статьи о слѣдующихъ книгахъ: *Страхова* «Общее направленіе русской литературы», *Аршарумова* «Русскія народныя сказки», *Грота*, — «Карамзинъ и его значеніе въ литературѣ», Русскія былины и пѣсни, Петербургскія трущобы, Анекдоты о Балакиревѣ», Путешествіе Костенкова по Средней Азій,

о русскихъ сатирическихъ журналахъ и пр. Нѣкоторыя корреспонденціи адресованы изъ с. Покровскаго подь Москвою. Въ этихъ статьяхъ почти не встрѣчается грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ обыкновенно иностранцы, когда пишутъ объ Россіи: видно, что писатель знакомъ съ исторіей нашей литературы и съ бытомъ нашимъ. Жаль только, что выборъ его падаетъ какъ-то случайно на сочиненія, какія попадаютъ ему подь руку. Такъ онъ умалчиваетъ вовсе о замѣчательныхъ книгахъ, появившихся у насъ въ послѣднее время, а упоминая о новостяхъ литературы, приводитъ часто названія книгъ, вовсе не заслуживающихъ вниманія.

ЗАМѢТКА

Къ стр. 186. Францъ Ивановичъ Цейеръ, родившійся около 1787, (слѣд. лѣтъ на 15 моложе своего знаменитаго друга и богословски-мистическаго руководителя) и скончавшійся въ 1834 г., былъ исповѣданія Римско-Католическаго. Упомянутая въ письмахъ Сперанскаго сестра Цейера была въ супружествѣ за негоціантомъ Дазеромъ.

ЗАМѢТКА О СМЕРТИ ВЕРЕЩАГИНА.

Весьма часто народныя преданія, основанныя на недостоверныхъ и преувеличенныхъ слухахъ, еще при жизни современниковъ становятся легендами, вносятся въ исторію и ее искажаютъ. Такъ можетъ случиться и съ переданнымъ мнѣ рассказомъ Обрескова о трагической смерти Верещагина. Эготъ

рассказъ очевидца, близкаго моего родственника, сообщенъ былъ мною другу и товарищу моему по университету М. А. Дмитріеву; но въ статьѣ его о томъ, напечатанной недавно въ его книгѣ: «Мелочи изъ запаса моей памяти» (стр. 238), къ достоверной повѣсти прибавились недостоверныя слухи, и

и обязанностью считаю сдѣлать къ ней поправку отъ моего въ ней упомянутого имени.

Вотъ въ короткихъ словахъ то, что рассказывалъ мнѣ Василій Александровичъ Обресковъ, тогдашній адъютантъ графа Растопчина, впоследствии Московскій полицеймейстеръ.

«Когда доложилъ я главнокомандующему о приводѣ Верещагина изъ острога, Графъ приказалъ мнѣ провести его къ главному подъѣзду своего дома (на Лубянкѣ), сошелъ съ верхняго этажа на это крыльцо, объявилъ Верещагина стоявшей тутъ толпѣ измѣнникомъ Отечества и приказалъ драгунамъ рубить его на смерть палашами. Драгуны замаялись, приказаніе повторилось. Удары тупыми, неотточенными палашами послѣдовали, но не могли въ скоромъ времени достигнуть цѣли. Растопчинъ велѣлъ толпѣ докопчить заранѣе обдуманную имъ казнь за измѣну и тотчасъ же удалился вмѣстѣ со мною по той же парадной лѣстницѣ въ верхній этажъ дома».

Все остальное, напечатанное Дмитріевымъ, о томъ, что Растопчинъ немедленно сошелъ по задней лѣстницѣ на другое крыльцо, что онъ сѣлъ тамъ на дрожки и выѣхалъ безвозвратно изъ Москвы—все это принадлежитъ не рассказу очевидца, а другимъ различнымъ слухамъ, которые, впрочемъ, можетъ быть и самъ я передавалъ Дмитріеву, но не иначе какъ слухи.

Слухи эти даютъ совсѣмъ другой видъ событію. Потомство не имѣетъ права обвинять Растопчина въ убійствѣ по расчету, въ убійствѣ для спасенія своей жизни.

Въ такомъ обвиненіи я умоваю ру-

ки. Растопчинъ могъ быть и, по моему убѣжденію, былъ преступнымъ убійцею Верещагина, но онъ не могъ быть и не былъ убійцею изъ трусости. Въ этомъ ручаются намъ вся его жизнь и каждая его строка до насъ дошедшая.

Невольно, такъ сказать, привлеченный защищать память Растопчина отъ самаго подлаго расчета, я никакъ однако не буду оправдывать звѣрство его поступка. Верещагинъ былъ убитъ Растопчинымъ, а не казненъ по произнесенному надъ нимъ законному приговору главнокомандующимъ столицы. Верещагинъ былъ жертвою фанатическаго бѣшенства. Надъ нимъ, по обвиненію того же Растопчина въ государственной измѣнѣ, не было произведено законное слѣдствіе какъ надъ обвиняемымъ въ государственномъ преступленіи, не былъ произнесенъ законный судебный приговоръ. Совершенная надъ нимъ казнь, если это только была казнь, а не убійство, не была конфирмована верховною властью. Если Растопчинъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ имѣлъ право на жизнь и смерть, то орудіемъ казни должны быть палачи, или разстрѣливающіе по приговору военнаго суда рядовые, а не драгуны съ ихъ тупыми, не отточеными саблями, а тѣмъ паче не чернь, которую Растопчинъ вовлекъ въ страшное преступленіе проливать кровь неповинную. Нѣтъ никакой причины предполагать того, о чемъ и народное преданіе умалчиваетъ, о чемъ и молва до насъ современниковъ не доходила, чтобы смерть Верещагина была въ то время необходима, какъ неизбѣжный призмѣрь, какъ единственное средство къ усмиренію бунтующей черни. Народ-

наго бунта никакого не было; да если и могли быть къ нему какіе нибудь признаки, не было нужды въ его усмирѣніи такимъ отчаяннымъ способомъ за нѣсколько часовъ до сдачи столицы непріятелю: буйной толпѣ было бы и безъ того надъ чѣмъ потѣшиться.

И до такихъ чудовищныхъ размѣровъ неистоваго разгула власти могъ дойти, кто же? Графъ Ростопчинъ, вѣрный слуга трехъ царствованій, чловѣкъ, извѣстный у насъ независимымъ и благороднымъ своимъ характеромъ, тщательно предохранявшій себя отъ нерѣдкихъ въ то время привычекъ самоуправства, какъ администраторъ, какъ помѣщикъ, какъ глава семейства; Ростопчинъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей Европы, нашего почти времени, знаменитый двигатель Русской политики, другъ Суворова и всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи, извѣстный остроумною, увлекательною любезностью въ высшихъ кругахъ своего и Европейскаго общества, даровитый писатель, вельможа, окруженный почестями, уваженіемъ, богатствомъ, семейнымъ счастіемъ. Освобождая его память отъ упрека въ несвойственной характеру его трусости, къ чему можемъ мы отнести злодѣяніе, имъ совершенное? Ставить ли, въ заключеніе, вопросъ о томъ, что было бы стерпимѣе для совѣсти Ростопчина при жизни и менѣе позорно для его памяти по смерти: убійство ли по расчету, или убійство по таившемуся въ его природѣ варварству *)? Видно бываютъ иногда такіе

тяжкіе часы въ чловѣческой жизни, когда лучшіе изъ людей, увлекаемые необузданною Христіанствомъ страстію къ своему родному и раздражаемые ненавистію и мщеніемъ ко врагу, съ подмостковъ своего величія стремглавъ падаютъ на послѣднюю ступень бѣшенства. Въ наше время принадлежить психіатріи, а не исторіи судить такихъ безумцевъ.

Сопоставленіе трагическихъ именъ Верещагина и Ростопчина наводитъ на насъ страхъ за новое наше поколѣніе, воспитываемое, среди развитой предъ нимъ свободы, всѣми обольщеніями народнаго чувства, всѣми увлеченіями международной ненависти.

Лѣтъ черезъ десять послѣ 12-го года Графъ Ростопчинъ жилъ съ семьей въ Парижѣ. Близкіе ему люди рассказывали мнѣ тамъ, что онъ мучился угрызениями совѣсти, что тѣнь Верещагина по почамъ являлась ему въ сонныхъ видѣніяхъ.

Д. Свербеев.

О ПРИНОШЕНІЯХЪ ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ ЧЕРТКОВСКУЮ БИБЛИОТЕКУ въ 1869 году.

Въ теченіи 1869 года, въ Чертковскую бібліотеку поступили слѣдующія приношенія отъ нижеименованныхъ лицъ, о чемъ и сообщается здѣсь признательное заявленіе.

Отъ *Помпея Николаевича Батюшкова*, первые четыре выпуска роскошнаго

повара Француза. Онъ хвастался этимъ похлѣвникомъ, повторяя вездѣ острогу: «J'ai fait naturaliser Russe mon chef de cuisine». (Р. Арх. 1869) Способъ обрусѣнія старинный, хотя самое слово тогда, какъ теперь, не имѣетъ еще мѣста въ нашихъ словаряхъ.

*) Не задолго до убійства Верещагина Ростопчинъ безъ суда подвергъ торговой казни своего

хромолитографированнаго изданія: „Памятники старины въ Югозападныхъ губерніяхъ Имперіи“, Спб. 1868 г.

Отъ *Аркадія Варлаамовича Башкатова*, изъ Калуги: 1) Пергаменный патентъ на чинъ полковника Ивану Чебышеву, за подписью Императрицы Екатерины I-й и князя Меншикова, 31 марта 1726 г. 2) Басни Николая Леонтьева, безъ загл. листа, изданіе прошлаго вѣка, съ посвященіемъ Екатерины II-й „Россійскому Свѣтилу, которое при вседневномъ своемъ восхожденіи, озирая въ сладкомъ снѣ покоющуюся свою Имперію, мечеть повсюду лучи правосудія, мира, тишины, веселія и спокойствія“.

Отъ графа *Михаила Дмитриевича Бутурлина*: 1) Жизнь Паесіелло, соч. Доминичисъ, М. 1818. 2) Catalogue raisonné des tableaux du comte A. de Stroganoff, безъ года и мѣста, съ рисункомъ, 3) Ouvaroff. Essai sur les mystères d'Eleusis. St. Pétersb. 1812. Отпечатано было въ 100 экз. 4) Святое Евангеліе отъ Маттея. Парижъ 1821. При этой книжкѣ письмо издателя князя А. Я. Лобанова къ графу Д. П. Бутурлину.

Отъ *Николая Степановича Воробьева*: 1) Описаніе въ лицахъ о бракѣ царя Михаила Федоровича. Извѣстное Бекетовское изданіе съ раскрашенными рисунками. 2) Жалованная грамота съ царскою печатью и шелковою обложкою, данная 1683 года Агафону Константинову Кременецкому на вотчинное владѣніе деревнею Баранцовою въ Козельскомъ уѣздѣ, въ Луганскомъ стану.

Отъ *Григорія Николаевича Геннади*: Сто десять не имѣвшихся въ Чертковской библиотекѣ брошюрь.

Отъ *Михаила Петровича Демидова*: раскрашенный рисунокъ въ подлинную величину находящейся въ Висбаденѣ гравированной картины, изображающей Московское посольство 1576 года къ Германскому императору (см. Р. Архивъ 1868, стр. 2047).

Отъ *Загара Николаевича Мухомтова*: не достававшіе у насъ Отчеты Обществъ Посѣщенія бѣдныхъ (см. Р. Архивъ 1869, стр. 1012).

Отъ *княгини Ольги Степановны Одоевской*: 1) Рукописный подробный указатель къ извѣстной книгѣ А. Х. Востокова: „Описаніе рукописей Румянцовскаго Музея“, 2) Собраніе періодическихъ изданій за послѣднія пять лѣтъ, во многихъ мѣстахъ съ замѣтками покойнаго князя В. Ф. Одоевскаго.

Отъ бывшаго помощника библиотечкаря Чертковской библиотекы *Николая Павловича Петерсона*, изъ Спасска (Тамбовск. губ.): рукопись, писанная на берестѣ, составляющая небольшую книжку въ 25 стр., богословскаго содержанія. Писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. Для примѣра, на стр. 18-й: «Всяко отпаденія благаго и добраго погрѣшеніе отъ тріехъ золъ бываетъ: отъ любви мнѣнія, отъ сластолюбія и славолюбія. Діаволу убо гордынею падшу съ небесе, Адаму же сластолюбія ради изгнану бывшу, Іудѣ же имѣнія ради предателю бывшу Христову. Сими же трими покушенми и Господа врагъ искуси, егда глаголаше: Рцы даже каменіе си хлѣбы будутъ; славолюбіемъ: аще Сынъ Божій еси, поверзи себе долу; сребролюбіемъ: вся царствія показа». Начала и конца и никакой отиѣтви нѣтъ.

Отъ *Дмитрія Аркадіевича Столыпина*: Фотографическій большого размѣра портретъ Сперанскаго, снятый съ оригинала, писаннаго масляными красками и подареннаго самимъ Сперанскимъ отцу жертвователя, Аркадію Алексѣевичу Столыпину.

Отъ *Григорія Васильевича Есипова*: Рукопись на 159 листкахъ, содержащая въ себѣ въ спискахъ разныя историческія бумаги первой половины XVIII вѣка.

Отъ *Егора Васильевича Чешкина*, изъ Риги: поясной портретъ масляными красками графа Юрѣя Юрьевича Броуна.

Отъ *Александра Викторовича Ричинскаго*: литографированный снимокъ съ церковнославянской надписи, находя-

щейся на колоколѣ 1420 года, открытомъ въ селѣ Неводницѣ, Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда.

Отъ *Александра Павловича Ртищева* изъ Каширскаго уѣзда: поясной портретъ масляными красками дяди его, главнокомандующаго на Кавказѣ (1812), Николая Ѳеодоровича Ртищева.

Отъ *Михаила Николаевича Смирнова*: собственноручное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны 4 іюля 1732, изъ С.-Петербурга, къ графинѣ Скворонской.

Отъ *Паула Михайловича Строева*, собственноручное письмо К. Ѳ. Калайдовича къ архимандриту Амвросію, отъ 11 сент. 1811 изъ Москвы.

Съ радостнымъ сочувствіемъ относясь къ успѣхамъ *историческаго* изученія нашей прошлой жизни, спѣшимъ привѣтствовать новое современное изданіе, предпринятое въ Петербургѣ г. Семеvскимъ, подъ названіемъ **Русская Старина** и представляемъ содержаніе ея первой, только что появившейся книжки.

Содержаніе: I. Объ изданіи «Русской Старины». II. Записка Петра-Великаго о фортеціяхъ 1724 г. III. Письмо Борисова къ Брюсу 1712 г. IV. Журналь генерал-фельдмаршала князя Н. Ю. Трубецкаго. 1717—1763 гг. V. Записки придворнаго брильянщика Позье. 1729—1764 гг. VI. Бумаги князя М. М. Щербатова, планъ исторіи Екатерины II и опытъ предисловія къ этой исторіи. VIII. Приказы императора Павла 1796 г. VIII. Отчеты Лагарпа гр. и И. Салтыкову, о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей. 783 г. IX. Письма и указъ императора Александра 1801—1803 г. по дѣлу помѣщиковъ Орлова, Побѣдинскаго и проч. X. Не обнародованный манифестъ 1812 г. о войнѣ Россіи съ Франціей. XI. Бумаги А. С. Шишкова 1813 г.: 1) письмо гр. Н. П. Румянцева къ императору Александру; 2) отвѣтъ императора; 3) письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Шишкову. XII. Письмо императора Александра къ гр. Аракчееву, 5-го ноября 1820 г., о безпорядкахъ въ лейб-гвардіи семеновскимъ полку. XIII. Письма К. Н. Батюшкова къ Гибличу 1807 г. XIV. Стихотворенія А. И. Олдовскаго. 1826—1837 гг. XV. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

Въ Приложеніи помѣщены Записки Волотова 1738—1794 гг.; часть I. Письма 1—9. Записки эти печатаются съ подлинной рукописи.

Дай Богъ и впередъ по больше такихъ бумагъ и новыхъ историческихъ показаній! П. Б.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Указы Петра Великаго и Екатерины I-й Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ (изъ мѣстнаго Архива, съ примѣчаніями Е. В. Чешихина).—Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго времени.—Современное письмо о Салтычихѣ.—Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья М. Ѳ. Де-Пуле (по найденнымъ въ Архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора бумагамъ).—Первые дни Екатерининскаго царствованія (сообщено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ—Манифесты по поводу восшествія на престолъ Императ. Екатерины II-й.—Антидотъ (противоядіе), полемическое сочиненіе Екатерины II-й.—Императоръ Павелъ въ Казани (современный журналъ).—О пребываніи Императора Павла во Владимірѣ на Блязьмѣ. М. И. Рауга.—Бумаги о ссылкѣ князя и графа Зубовыхъ.—Ода Императору Павлу. Степана Руссова, съ предисловіемъ М. И. Семейскаго.—Подробный азбучный указатель къ книгамъ 3-й и 4-й Осмнадцатаго Вѣка. 540 стр.

ЦѢНА ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ

ТРИ рубля.

Иногородные обращаются въ Москву къ издателю П. И. Бартеневу и прилагаютъ на пересылку за три фунта, смотря по разстояніямъ.

ТАМЪ ЖЕ.

Книга 1-я Осмнадцатаго Вѣка (516 стр.) цѣна 2 р. 50 к.

Книга 2-я (592 стр.) цѣна 3 р.

Книга 3-я (500 стр.) цѣна 3 р.

Пересылка каждой книги за три фунта, по разстояніямъ.

Занимаясь приготовленіемъ въ печати историческихъ бумагъ, сохранившихся въ домашнемъ архивѣ свѣтлѣйшаго князя С. М. Воронцова, издатель «Русскаго Архива» пріостанавливаетъ на нѣкоторое время (но не прекращаетъ) печатаніе V-й книги своего сборника: «Осмнадцатый Вѣкъ» Многія изъ назначенныхъ въ эту книгу статей появятся въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года.

О ПРОДАЖѢ РУССКАГО АРХИВА ПРЕЖНИХЪ ГОДОВЪ.

Годовыя изданія Русскаго Архива составляютъ каждое по большой книгѣ съ особымъ указателемъ собственныхъ именъ, въ ней упомянутыхъ, что облегчаетъ пользованіе матеріалами и статьями Русскаго Архива для историческихъ справокъ и для собиранія свѣдѣній о какомъ-либо лицѣ.

Дабы сдѣлать изданіе это доступнѣе большинству людей ученыхъ и любителей историческаго чтенія, назначаются слѣдующія *уменьшенныя* цѣны прежнимъ книгамъ Русскаго Архива:

1. Русскій Архивъ 1864 года, съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя. 154 и 1182 стр. Цѣна три рубля.
2. Русскій Архивъ 1865 года. 1550 стр. Цѣна три рубля.
3. Русскій Архивъ 1866 года, съ фотографическимъ портретомъ Императрицы Екатерины въ траурномъ одѣяніи, въ царствованіе ея супруга. XX, 1777, XII и 134 стр. (Указатель къ повремен. изданіямъ Моск. Общества исторіи и древностей). Цѣна четыре рубля.
4. Русскій Архивъ 1867, съ литографированнымъ портретомъ К. Н. Батюшкова. XI, 1720, XIV и 338 стр. (Записки княгини Н. Б. Долгорукой и Д. Д. Мертваго). Цѣна четыре рубля.
5. Русскій Архивъ 1868 года съ общимъ оглавленіемъ всѣхъ статей, въ предъидущихъ годахъ. LXIII, 2050 и 30 стр. Цѣна пять рублей.
6. Русскій Архивъ 1869 года (Третій выпускъ „Окраинъ“ Ю. О. Самаринъ. Записки Саблукова о временахъ и кончинѣ Императора Павла). 2080. 72 и LX стр. Цѣна пять рублей.

Пересылка каждой книги Русскаго Архива въ другіе города—за три фунта за каждую книгу, смотря по разстоянію.

Выписывающіе не менѣе трехъ книгъ вмѣстѣ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Получать можно въ Москвѣ, исключительно въ Чертковской библиотекѣ, у Ш. И. Бартелева, гг. же книгопродавцы продаютъ по вольной цѣнѣ.

П О Д П И С К А

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первая семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкой на домъ, такъ и съ пересыкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—**семь рублей.**

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартееву.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ—въ нижномъ магазинѣ *А. О. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1 р. 50 к.**, для Франціи — **2 р.** для Англіи — **2 р. 50 к.**, для Швейцаріи и Італіи **3 р.**

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеевъ.**

ГОДЪ

ОСЬМОЙ

РУССКІЙ ЯРМЪЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1870.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Четыре письма *Екатерины II* къ княгинѣ А. П. Черкасской.
2. Прошеніе Тульскихъ купцовъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ, съ поощрительными замѣтками *Екатерины II*
3. Черновое письмо *Екатерины II* къ Д. В. Волкову.
4. Письмо *Екатерины II* къ С. Θ. Стрекалову о безпорядкахъ въ театральномъ управленіи.
5. Письмо князя *Потемкина* къ *Екатеринѣ II*.
6. Автобіографическія Записки *В. С. Хвостова*.
7. Письма *И. В. Лопухина* къ *Сперанскому*.
8. Письмо *Сперанскаго* къ *И. В. Лопухину*.
9. Письмо князя *П. М. Волконскаго* къ (гр.) А. А. Загревскому о кончинѣ Императора Александра Павловича.
10. Записки Берга о Польскихъ заговорахъ глава III (Въ приложеніяхъ: Похожденія *Завиши*, Письмо *Конарскаго* къ матери и записка барона Менгдена).
11. Воспоминаніе объ А. И. Герценѣ, *Д. Н. Свербева*.
12. Замѣчанія о письмахъ *Екатерины II* къ княгинѣ Черкасской. *М. Н. Лонгинова*.
13. Библиографія сочиненій *В. А. Жуковскаго*, по поводу новаго ихъ изданія. *Его же*.
14. Нѣсколько словъ о *Костровѣ* и его переводахъ, по поводу новаго изданія *Апулсева Золотаго Осла*.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К°. Большая Дмитровка. д. № 7.

1870.

О ПРОДАЖѢ РУССКАГО АРХИВА ПРЕЖНИХЪ ГОДОВЪ.

Годовыя изданія Русскаго Архива составляютъ каждое по большой книгѣ, съ особымъ указателемъ собственныхъ именъ, въ ней упомянутыхъ, что облегчаетъ пользованіе матеріалами и'статьями Русскаго Архива для историческихъ справокъ и для собиранія свѣдѣній о какомъ-либо лицѣ.

Дабы сдѣлать изданіе это доступнѣе большинству людей ученыхъ и любителей историческаго чтенія, назначаются слѣдующія *уменьшенныя* цѣны прежнимъ книгамъ Русскаго Архива:

1. Русскій Архивъ 1864 года, съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя. 154 и 1182 стр. Цѣна **три** рубля.
2. Русскій Архивъ 1865 года. 1550 стр. Цѣна **три** рубля.
3. Русскій Архивъ 1866 года, съ фотографическимъ портретомъ Императрицы Екатерины въ траурномъ одѣяніи, въ царствованіе ея супруга. XX, 1777, XII и 134 стр. (Указатель къ повремен. изданіямъ Моск. Общества исторіи и древностей). Цѣна **шесть** рублей (осталось небольшое число экземпляровъ).
4. Русскій Архивъ 1867, съ литографированнымъ портретомъ К. Н. Батюшкова. XI, 1720, XIV и 338 стр. (Записки княгини Н. Б. Долгорукой и Д. Д. Мертваго). Цѣна **четыре** рубля.
5. Русскій Архивъ 1868 года, съ общимъ оглавленіемъ всѣхъ статей въ предъидущихъ годахъ. LXIII, 2050 и 30 стр. Цѣна **пять** рублей.
6. Русскій Архивъ 1869 года (Третій выпускъ „Окраинъ“ Ю. Ф. Самарина. Записки Саблукова о временахъ и кончинѣ Императора Павла). 2080, 72 и LX стр. Цѣна **пять** рублей.

Пересылка каждой книги Русскаго Архива въ другіе города—за **три** фунта за каждую книгу, смотря по разстоянію.

Выписывающіе не менѣе трехъ книгъ вмѣстѣ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Получать по этой цѣнѣ можно въ Москвѣ, исключительно въ Чертковской библиотекѣ, у П. И. Бартевева.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й
къ княгинѣ А. П. Черкасской (урожд. Левшиной) *).

письмо 1-е.

Черномазая Левушка! J'aurais voulu monter en carrosse, dès que j'ai reçu votre jolie lettre, pour aller tout droit au Couvent vous voir; mais ne vous en deplaise, le grand froid m'a retenue. Je gambade un peu moins que vous, aussi je vous trouve très aimable; mais l'air de vos grands corridors est trop rafraichissant pour moi pendant ce mois-ci. De que les fortes geles seront passées, je viendrai assister pendant une après-dinée entière à toutes vos différentes occupations, si le miennes, — car j'en ai aussi, — me le permettent. — Mes compliments à toute la communauté; embrassez, s'il vous plait, de ma part, mes plus anciennes connaissances, les soeurs grises; dites leurs, que j'aime à voir leurs progrès de toutes especes, ce m'est un vrai contentement; je leur marquerai en venant un soir jouer au long avec la commu-

*) Письма эти (равно и переводы ихъ и примѣчанія къ нимъ) перепечатываются изъ рѣдкой книги: «Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородн. дворянъ Левшиныхъ М. 1812. въ унив. тип.» стр. 49—58, въ 4-ку (Чертк. биб-ка Д. III 1/9). Письма писаны къ Александрѣ Петровѣ Левшиной въ бытность ея воспитанницею Смольнаго монастыря. Впослѣдствіи она была супругою князя Петра Александровича Черкаскаго, и потомства не оставила. Сохранились ли письма ея къ Государынѣ намъ неизвѣстно. Великая Екатерина находила возможность и время переписываться и съ дѣтьми. Такъ покойный графъ Александръ Ивановичъ Рибобьеръ сказывалъ намъ, что не задолго до своей кончины она писывала къ нему (малолѣтнему ребенку во время лѣтнихъ его поѣздокъ съ матерью изъ Петербурга въ деревню. П. Б.

III

nauté. Mes compliment à Madame de la Fond, à la quelle vous tant avez d'obligation et que vous aimez si tendrement.

Catherine.

Переводъ.

Черномазая Левушка! Я хотѣла садиться въ карету, когда получила твое пріятное письмо, и намѣрена была ѣхать прямо въ Монастырь тебя увидѣть; но извините, великой холодъ меня удержалъ; ибо я рѣзвлюсь по меньше твоего, по тому-то и нахожу тебя очень любезною. Однакожь въ семь мѣсяцъ воздухъ въ вашихъ большихъ коридорахъ для меня слишкомъ свѣжъ. Когда большіе морозы убавятся, я пріѣду на цѣлое послѣобѣденное время присутствовать при всѣхъ вашихъ различныхъ занятіяхъ, ежели мои то позволяютъ; ибо и у меня оныя есть. Мой поклонъ всему обществу; обоими за меня, ежели вамъ будетъ то угодно, моихъ самыхъ старинныхъ знакомыхъ Сѣрыхъ Сестрицъ *); скажи имъ, что мнѣ пріятно видѣть ихъ успѣхи во всѣхъ родахъ; это мое истинное удовольствіе. Я окажу имъ оное, пріѣхавъ когда-нибудь вечеромъ, чтобъ подолѣе насладиться вашимъ обществомъ.—Мое почтеніе госпожѣ Лафонъ, которой вы столько обязаны и которую столь нѣжно любите.

Екатерина.

*) Такъ называютъ дѣвицъ, состоящихъ въ третьемъ возрастѣ, кои носятъ платье сѣраго цвѣта.
Русскій Архивъ 1870. 17.

ПИСЬМО 2-е.

Dites, Левушка! votre babil me suffirait-il pour répondre à chacune de vous en particulier le moyen? Vous dites tout ce qui vous vient dans la tête; vous me félicitez de ma fête; vous me grondez de ce que je suis allée à la campagne, vous me invitez à voir la boue de votre vilain jardin, et puis tant d'autres galimatias, qu'il faudrait une main de papier pour vous répondre en détail; j'y renonce donc; mais continuez, Mademoiselle: votre plume, votre langue et votre cœur vont à merveille; et en vérité je vous aime beaucoup.—Алимушка! au cœur non pas de soubrette, qui monte tous les jours de 221 degrés, pour voir de loin ce château tant détesté par la communauté. Vous méritez que je vous dirai grand merci pour tous les beaux compliments, que vous me faites, et parceque vous avez l'art de tirer les religieuses de leurs cellules, par votre gaieté et par beaucoup d'autres raisons encore.—Là Dame Croupillac ménage apparemment son papier pour ses procès, son écriture est menue, la tournure de son compliment concise; elle soutient cependant de son caractère et chicane le soleil, auquel elle souhaite une éclipse—voilà ce que la coutume.—Lisé encore, la belle Lisé, si douce au lieu d'être contente d'avoir épousé tant de fois Euphemon Молчаковъ, trouve aussi à redire, malgré son beau compliment sur ma fête, que j'occupe un château tout doré.—Euphemon fils, après avoir mangé tout son bien avec ses amis, vient me parler de son cœur, je l'accepte en dépit de Lisé et de la Dame Croupillac, que je marierai à Freinfat un beau jour, pour venger mon château offensé, et à la noce dansera malgré elle la Demoiselle Barschof, pour la punir de ce, qu'elle trouva la neige de Petersbourg comparable à celle de Zars-

koselo. — L'apparition sur l'horizon de la Demoiselle Nelidoff est un phénomène, que je viendrai observer de près, au moment qu'on s'y attendera le moins, et cela peut être bientôt, bientôt. Priez Dieu que la glace defile au plutôt; en attendant j'embrasse toutes les faiseurs de tapage à la fois, et les remercie de toutes les amitiés qu'elles me témoignent. Mes compliments à Mme de la Fond. L'an 1770.

Catherine.

Переводъ.

Скажи, Левушка, есть ли мнѣ средство на ваше болтаніе отвѣчать, и при томъ каждое особливо! Ты говоришь все то, что тебѣ на умъ взойдетъ; ты меня поздравляешь съ моимъ праздникомъ, ты журишь меня за то, что я уѣхала въ деревню; ты приглашаешь меня смотрѣть грязи въ вашемъ гадкомъ саду, и потомъ пишешь столько другой разной галиматии, что надобна цѣлая дѣсть бумаги, ежели отвѣчать на все подробно; и такъ я отказываюсь. Однакожь продолжай, сударыня; твое перо, твое намѣреніе и твое сердце прекрасны, и, сказать правду, я люблю тебя много.—Алимушка *), не имѣющая сердца той служанки, которая ежедневно всходитъ черезъ 221 ступеньку, чтобы посмотрѣть издали на замокъ, столько проклинаемый монастырками,—ты заслуживаешь великую мою благодарность за пріятное привѣтствіе, тобою мнѣ сдѣланное, и что ты умѣешь выманивать монахинь изъ келій своею игривостью, и еще по многимъ дру-

*) Алымова.

гимъ причинамъ.—Госпожа Крупильякъ *), какъ видно, сберегаетъ бумагу для своихъ тяжбъ, трудъ своего писанія и сокращенной образецъ своего поклона; между тѣмъ она выдерживаетъ свой характеръ и ругается надъ солнцемъ, которому желаетъ затмѣнія,— вотъ что дѣлаетъ привычка. — Лиза опять, прекрасная Лиза, столько смиренная, вмѣсто того, чтобъ быть довольною, выходя столько разъ замужъ за Ефима Молчакова **), нашла, къ чему придратъся, не взирая на свое прекрасное привѣтствіе на моемъ праздникѣ, что я занимаю Дворецъ весь раззолоченной.—Ефимовъ сынъ, скупавши все имѣніе съ своими пріятелями, говорилъ мнѣ о своемъ сердцѣ; я принимаю оное на зло Лизѣ и госпожѣ Крупильякъ, которую при первомъ случаѣ выдамъ за Фрейенфата, чтобы отмстить за мой обиженной Дворецъ, и на свадьбѣ будетъ танцовать по неволѣ г. Барщова, въ наказаніе за то, что нашла великое сходство между снѣгами петербургскимъ и царско-сельскимъ. — Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой есть феноменъ, которой я наблюдать буду очень пристально, въ то мгновеніе, когда всего меньше ожидаютъ, и сіе можетъ случиться скоро. Молите Бога, чтобы ледъ скорѣе пронесло; въ ожиданіи сего обнимаю всѣхъ шумозаводчицъ вообще, и благодарю всѣхъ за

*) Лицо въ комедіи, игранный воспитываемыми дѣвицами, которое представляла Александра Петровна.

**) Лиза, также лицо въ той же комедіи. Императрица подъ онымъ относится къ той, которая оное представляла.

оказываемое ими ко мнѣ дружество. Мое почтеніе госпожѣ де Лафонъ.

Екатерина.

1770 года.

ПИСЬМО 3-е.

Voici ma reponse à vos deux lettres, Mademoiselle; soit dit en passant, la première a été écrite d'un caractère si menu, que si vous continuez à perfectionner cette façon d'écrire, vous me mettez en depense: dans six mois d'ici je serai obligée d'acheter des lunettes pour lire vos lettres; mais, avec lunettes ou sans lunettes, elles me seront toujours également agréables.—Dites, s'il vous plait, à Madame de la Fond de ma part, que cette grande Demoiselle blanche, au tient brunatre, au nez de peroquet, qui produisait autrefois un si grand magasin de voyelles, lorsque j'arrivais ou que je parlais du couvent, écrit aussi naturellement, que ses lettres sont remplies d'enjouement; j'aime beaucoup que la belle nature aille son train, sans affectation et sans recherche, et je trouve черномазая Левушка, avec son étourderie et ses saillies, précisément à mon gré. Continuez, Mademoiselle, continuez; dans trois ans d'ici, je viendrai vous enlever du couvent, et vous aurez beau crier, vous demener et pleurer, vous verrez malgré vous ce Zarskoselo, dont vous avez si mauvaise opinion, et en dépit de votre humeur, car vous aimez la vérité, vous serez obligée de convenir, que c'est un bel endroit et plus beau de beaucoup que ce jardin du palais d'été, dont la classe blanche faisait l'ornement le jour que certaines pintades se sont promenées, et qu'elles y ont tourné la tête à toute la ville; mais voyez un peu de quoi ses Demoiselles se mettent: depuis ce jour cette ville est inondée de vers, non pas

pourtant de ceux, qui rongent les feuilles des arbres et qui font un degat si terrible ici dans mon jardin, mais de ceux, que produisent les poètes lorsqu'ils ont devant eux des objets qui animent leur imagination. Je viendrai en ville un jour, pour voir comment Madame de la Fond arrange tous les coins et recoins de cette habitation bourgeoise, dont vous me parlez. J'espère que vos marmailles continueront à ne point mioler; grace à vos soins, vous voyez que je me sers des expressions de la communauté, ou du moins des vôtres. N'ayez pas peur que Mr. Betzky s'obstine à vous apprendre à nager; à son âge c'est un exercice, où il faut de la force et de l'adresse; on fait ordinairement plus de bruit, que de besoin. Je vous conseille de le prendre au mot, et il serait plus embarrassé que vous d'exécuter sa promesse; vous verrez, qu'il vous repondra: fort bien, fort bien, Mademoiselle, et il remettra la partie à un autre jour.—Vous devez encore vous adresser à lui pour savoir, pourquoi il a placé dans ma chambre, au palais d'hiver, un sophà à la turque? Il met dans mes appartemens ordinairement tout ce qu'il veut, il n'y a que votre face travaillée par Mlle Moltchanoff que j'ai placée moi même; c'est un meuble d'affection, qui ne quittera point la place, que je lui ai donnée; pour mieux dire, celle que vous même lui avez donnée. Si cela vous parait obscure: demandez en l'explication à vos superieures, elles ne sauraient l'ignorer.—Je trouve la serenade que le prince Orlow vous a donnée très bien imaginée; il aime à vous faire plaisir, il vous a vu naître et vous affectionne infiniment; il aime le bien de la patrie, et votre education y tend; il vous aime aussi particulièrement, savez-vous pourquoi?—Parceque vous êtes aimables. Eh bien! ma lettre est elle assez longue: j'ai cependant encore à vous dire: de

saluer les marmailles brunes, de caresser les marmots bleux, d'embrasser les soeurs grises, et de jeter les bras au cou de pelerines blanches, mes plus anciennes amies. Faites aussi une très profonde reverence à Madame de la Fond, et mettez dans ce moment dans votre contenance tous les sentimens, qu'elle a su vous inspirer, avec autant de succès, que d'applaudissement; cela ne saurait que lui faire plaisir, s'est son ouvrage. Dites encore à ceux ou celles qui trouveront à redire à ce que je vous ai qualifiées ci-dessus de pintades, que les pintades sont les plus belles poules possibles.

Catherine.

Переводъ.

Вотъ мой отвѣтъ на два вашихъ письма, сударыня; сказать мимоходомъ. первое писано литерами столько мелкими, что ежели вы постараетесь продолжать усовершенствованіе сего рода писанія, то введете меня въ убытокъ: чрезъ шесть мѣсяцовъ отъ сего времени считая, я принуждена буду купить очки, для читанія вашихъ писемъ; но безъ очковъ или съ очками, оныя мнѣ всегда будутъ пріятны. — Скажите, ежели вамъ угодно, отъ меня госпожѣ Лафоншѣ, что эта большая бѣлая дѣвица, съ цвѣтомъ лица темноватымъ, съ носомъ попугаевымъ, которая нѣкогда произносила цѣлой столько большой магазинъ литеръ гласныхъ, когда я въ монастырь пріѣжала, или изъ онаго уѣзжала *), писать столько согласно съ природою, что письма ея наполнены веселіемъ: я очень люблю, чтобъ любезная при-

*) Сія шутка относится къ Александрѣ Петровнѣ, и гласныя буквы всегда составляютъ восклицанія радости и плача.

рода шла своимъ путемъ, безъ красоты, безъ старанія, и я нахожу опрометчивости и шутки черномазой Левушки точно по моему вкусу. Продолжай, сударыня, продолжай; чрезъ три года отъ сего времени я приѣду взять тебя изъ монастыря, и какъ бы ты ни кричала, ни увертывалась и ни плакала, ты по неволѣ увидишь то Царское Село, о которомъ имѣешь столько худое мнѣніе, и на зло твоему обычаю (ибо ты любишь истину) принуждена будешь согласиться, что мѣсто это прекрасное, и несравненно лучше Лѣтняго сада, которому возрастъ Бѣлой дѣлалъ украшеніе въ тотъ день, когда нѣкія пинтады *) въ немъ прогуливались, и вскружили головы всему народу; но смотри, что эти дѣвушки надѣлали: съ сего времени весь городъ наполнился червями **), не тѣми однако, которые гложутъ листья на деревьяхъ, и кои производятъ столь ужасное опустошеніе въ моихъ садахъ, но кои раждаются отъ стихотворцевъ тогда, какъ они имѣютъ предъ собою предметы, оживляющіе ихъ воображеніе. Я приѣду когда нибудь въ городъ посмотрѣть, какимъ образомъ госпожа Лафонъ распорядила всѣ уголки и закоулки въ томъ мѣщанскомъ жилищѣ, о которомъ ты мнѣ говорила. Я надѣюсь, что ваша мелюзга, благодаря вашимъ попеченіямъ, не перестаетъ мяукать; видишь ли, что я употребляю монастырскія выраженія, по крайней мѣрѣ твои.—Не пугайтесь, что г. Бецкой настаиваетъ въ томъ,

*) Родъ куръ.

**) Каламбуръ заимствованной отъ игры словъ однозначущихъ во Французскомъ языкѣ; ибо vers означаетъ на ономъ и червей и стихи.

чтобы учить васъ плавать! Не по его лѣтамъ упражненіе, для котораго потребны сила и проворство; обыкновенно дѣлаютъ больше шуму, нежели надобно. Я совѣтую вамъ согласиться, и онъ придетъ больше вашего въ замѣшательство отъ исполненія своего предложенія; вы услышите точно слѣдующій отвѣтъ: очень хорошо, очень хорошо, сударыня! И отложить исполненіе до другаго дня... Вы еще спросите у него, для чего онъ поставилъ въ моей комнатѣ въ Зимнемъ Дворцѣ Турецкую софу? Обыкновенно онъ ставитъ въ моихъ покояхъ все, что хочетъ; одну только твою рожицу, работанную г-жею Молчановою, поставила я сама: это мебель пристрастная, которая не сойдетъ съ того мѣста, которое я для ней назначила, или лучше сказать, которое ты сама для ней избрала; ежели для тебя покажется сіе темно, проси объясненія у своихъ начальницъ; имъ это извѣстно. Я нахожу серенаду, которую для васъ далъ князь Орловъ, прекрасно изобрѣтенною: онъ любитъ васъ утѣшать; при его глазахъ вы родились; онъ пристрастенъ къ вамъ до безконечности: онъ весьма любитъ свое Отечество, а ваше воспитаніе ко благу онаго относится. Онъ любитъ васъ откровенно; знаете ли почему?—Что вы любезны. Однакожь письмо мое очень длинно; но между тѣмъ надобно еще кой-что тебѣ сказать. Поклонись мелюзгѣ Темноцвѣтной, приласкай малютокъ Голубыхъ, обойми за меня сестрицъ Сѣрыхъ и охвати руками за шею пилигримокъ Бѣлыхъ, моихъ старинныхъ пріятельницъ. Отдай также самой низкой поклонъ госпожѣ Лафоншѣ, и включи въ

сие мгновеніе въ израженіе свое всѣ тѣ чувства, кои умѣла она въ васъ вдохнуть съ толикимъ же успѣхомъ, какъ и одобреніемъ; это доставить ей утѣшеніе, поелику означаетъ труды ея. Скажи еще тѣмъ, коимъ не понравится мое выраженіе выше упомянутое о пинтадахъ, что пинтады изъ всѣхъ возможныхъ куръ самыя прекраснѣйшія.

Екатерина.

письмо 4-е.

Je pense, Mademoiselle, que je dois tirer deux conclusions de votre lettre: la première que vous êtes triste, lorsque vous ne me voyez pas, et par contrecoup la seconde, que vous êtes bien gaie quand vous me voyez. — Or le tems est disposé à la pluie, à la tristesse: le voyage de Moscou vous afflige; j'en ai vu des traces déjà la dernière fois. Je me suis esquinée pour éviter le méchant proverbe, qui dit: que quand une femme pleure, toutes les autres le font autant.... Voyez un peu comme le monde est injuste, et comme on a comode notre sensibilité. Mais enfin, Mademoiselle, ne pleurez pas de ce que vous ne me verrez pas d'un an: car, quand je viendrai et que le terme en sera venu, je vous en leverai un beau jour, et vous me verrez tout à votre aise, et vous grasouillerez en pie de cour. Faites mes complimens à M-me de Lafond: je souhaite que sa santé se rétablisse au plutôt. Je salue la communauté en corps et en esprit. Remarquez s'il vous plait, que quoique j'écris moins bien que vous, j'observe orthographe mieux cependant.

Catherine.

Переводъ.

Мнѣ кажется, сударыня, что мнѣ изъ письма вашего надлежитъ вывести двоякое заключеніе: первое, что вы

печальны, когда меня не видите, и напротивъ, что вы бываете очень веселы, когда меня видите. Ибо погода наклоняется къ дождю, къ унылости. Путешествіе въ Москву васъ огорчаетъ; признаки того видѣла я въ послѣднее наше свиданіе, а потому увернулась, чтобъ избѣжать злой пословицы, которая говоритъ: ежели одна женщина плачетъ, всѣ другія сдѣлаютъ тоже. Смотри, какъ свѣтъ не справедливъ и какъ насмѣхаются надъ нашею чувствительностію. Однакожъ, сударыня, не плачьте о томъ, что меня годъ не увидите. Когда я возвращусь, и когда придетъ срокъ, я возьму тебя къ себѣ, и тогда смотри на меня досыта, и ворчи какъ придворная сорока. Поклонись г-жѣ Лафоншъ, пожелай скорого восстановленія ея здоровья. Я желаю благополучія тѣлеснаго и душевнаго всѣмъ монастыркамъ. Замѣть, ежели угодно, что хотя я пишу не такъ хорошо, какъ ты, однакожъ лучше наблюдаю орфографію.

Екатерина.

Нѣскольکو новыхъ писемъ и бумагъ императрицы Екатерины.

Письма и бумаги эти (за исключеніемъ письма къ С. Ѳ. Стрекалову) сохранились въ подлинникахъ у Маріи Павловны Сумароковой и сообщены намъ при обязательномъ посредствѣ князя Николая Михайловича Голицына. М. П. Сумарокова вѣкогда получила ихъ отъ одного изъ ближайшихъ къ императрицѣ Екатерины лицъ — Маріи Савишны Перекусихиной (сковчавшейся 8 Авг. 1824 г. на 85 г. какъ значится на ея надгробіи въ Александровской лаврѣ). Въ молодости своей, М. П. Сумарокова была знакома съ Марьею Савишною, которая, зная благоговѣйное ея уваженіе къ великой государыней, подарила ей эти автографы. П. Б.

I.

Прошеніе Тульскихъ купцовъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ съ отмытками Екатерины II-й. *)

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица, Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская,

Государыня всемилостивѣйшая.

Увѣдомилися мы отъ статскаго дѣйствительнаго совѣтника господина Теплова, что Ваше Императорское Величество, имѣя попеченіе матернее о благоденствіи своихъ подданныхъ, желаете, чтобъ купечество Россійское имѣло торгъ въ Средиземное море изъ Санктпетербурга.

Мы нижеподписавшіеся, услыша о такомъ благоволеніи Вашего Императорскаго Величества, предприняли прежде тому опытъ учинить; и для того сложилися акціями, считая каждую по пяти сотъ рублей, а именно:

Купцы Тульскіе.

Иванъ Володимеровъ	100	акцій
Ларіонъ Лугининъ	30	—
Михайла Пастуховъ	20	—
Михайла Грибановъ	10	—
да къ числу оныхъ и господинъ Тепловъ въ компанію нашу идетъ, полагая своихъ	20	акцій,
что учинить всѣхъ съ нашими 180 акцій.		
Итого	90000	рублей.

Мы своихъ еще прибавили двадцать акцій.

Но къ тому, всемилостивѣйшая государыня! приедемъ дерзновеніе ис-

просить себѣ милостиваго вспоможенія въ слѣдующемъ:

1) Чтобъ Ваше Императорское Величество, яко первѣйшая по Божѣ попечительница о добрѣ подданныхъ своихъ, принять соизволили сію нашу компанію и предприемлемый нами опытъ въ единственное свое покровительство

Компаніи быть подъ нашимъ единственнымъ вѣдѣніемъ.

2) Чтобъ намъ объявить персону, чрезъ которую бы мы съ нужными иногда намъ по сему дѣлу прошеніями приступить къ Вашему Императорскому Величеству смѣлость имѣли.

Ст. дѣств. совѣтнику Теплому поручаемъ намъ докладывать.

3) Чтобъ намъ пожалованъ на первой случай былъ нарочно къ тому построенной фрегатъ о тридцати пушкахъ съ потребнымъ числомъ морскихъ офицеровъ и матросовъ, а притомъ и необходимо-надобною по препорціи такого фрегата военною командою съ ея военнымъ снарядомъ и командирами. И чтобъ намъ позволено было на тотъ же фрегатъ для лучшаго обнадеживанія принять и чужестранныхъ жителей морскихъ на нашъ коштъ до толкаго числа, какъ мы пожелаемъ.

Фрегатъ дается, а когда мало то и два; команда военная дана будетъ, и прочее апробуется.

4) Понеже мы намѣрены сей опытъ учинить въ тѣхъ только обстоятельствахъ, которыя до купечества принадлежатъ и безъ помощи Вашего Императорскаго Величества, не имѣя еще кораблей, собою всего теперъ учинить не можемъ; то въ семъ случаѣ никакихъ подробныхъ расходовъ, касающихся

*) Отмытки Государыни напечатаны прописью.

до содержанія того фрегата, до жалованія военной на немъ командѣ и до приключеній ему (отъ чего Боже сохрани) экстраординарныхъ принять на себя не можемъ, ибо оныя купечеству впредь не нужны будутъ, и нынѣ зависятъ только отъ высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости. А вмѣсто того помянутой фрегатъ мы разумѣть будемъ яко наемной; и для того мы обызываемся всѣ купеческіе фрахты за товары въ него нагруженные, до назначеннаго мѣста и обратно возить; съ нагруженныхъ же, не требуя отъ насъ за недогрузку, въ число полнаго груза фрахту, внести въ казну Вашего Императорскаго Величества сумму по разчисленію.

Фрегату быть на нашемъ содержаніи со всѣмъ экипажемъ и командою. Пошлины съ товаромъ отвозныхъ и привозныхъ платить четвертую часть по тарифу, а листовыхъ и оневыхъ въ полъ противъ чужестранныхъ; но и о тѣхъ деньгахъ внесши въ Таможню доложить намъ. И все сіе дѣлается для сего только фрегата на первой годъ.

5) Ежели (отъ чего Боже сохрани) фрегатъ по своимъ несчастливымъ приключеніямъ гдѣ промедлить не по купечеству, и отъ того излишніе въ содержаніи его и команды на немъ находящейся сдѣлаются расходы (чему бы повелѣно было вѣрной журналъ вести особливою съ согласія нашего фактора) то ихъ на нашъ щетъ не ставить.

Апробуется.

6) Чтобъ командиръ фрегатной поступалъ по выгодѣ купеческой, и не принуждалъ бы нашего фактора къ безвременному поспѣшенію изъ порта

въ портъ переходить, нагружаться и выгружаться; но дѣлалъ бы оное тогда, когда нашъ факторъ сходство настоящихъ цѣнъ товарамъ найдетъ (асверхъ того всегда бы благосклонно и своими совѣтами ему способствуя и отъ него приѣмля взаимные, поступалъ) потому что все сіе предпріятіе будетъ служить только опытомъ на будущее время торгу государственному.

Апробуется.

7) На возвратной нагрузкѣ, когда не случится къ покупкѣ довольнаго числа потребныхъ товаровъ, въ такомъ бы случаѣ дозволено было входить въ Французскія и Гишпанскія гавани для нагрузки товаровъ; а за невозможностию наполнить оными фрегатъ, дабы онъ безъ груза не остался, вольно бы было идти въ островъ Ивику *), или куда лучше усмотрѣно будетъ, въ Гишпанію, и нагрузить Гишпанскою солью, которую по привозѣ въ Санктпетербургъ повелѣно бы было принять въ казну и заплатить за нее во что оная намъ самимъ обойдется, не требуя по тарифу съ нея пошлины.

Апробуется для перваю опыта.

8) Чтобъ въ Адмиральтейской Коллегіи назначена намъ была изъ членовъ персона, которая бы въ Коллегіи опекунство намъ дѣлала, ежели какія нужды къ ней отъ насъ иногда случатся.

Адмиралу Мордвинову поручаемъ.

9) Хотя столь надежно вооруженный фрегатъ и не имѣетъ причины опасаться морскихъ разбойниковъ, однакожъ для безопасности въ Средиземномъ морѣ всеподданнѣйше просимъ

*) Одинъ изъ Балеарскихъ острововъ.

истребовать отъ Оттоманской Порты или черезъ другую какую дружескую державу у Алжирскихъ беевъ пашпорты. Такъ же повелѣть и къ другимъ Европейскимъ дворамъ отписать, дабы нашъ фрегатъ въ портахъ тамошнихъ свободное имѣлъ пристанище и торгъ свой безпрепятственно производилъ.

О семъ что можно сдѣлано будетъ.

10) Компанія намѣрена послать напередъ сухимъ путемъ въ Ливорну прикащика или фактора своего, при которомъ весьма нуженъ переводчикъ тѣхъ языковъ, а другаго на кораблѣ при товарахъ; того ради всеподданнѣйше просимъ пожаловать намъ искусныхъ, добрыхъ и надежныхъ двухъ человекъ переводчиковъ.

Тепловъ прискаты имѣютъ способныхъ и надежныхъ людей и намъ доложитъ.
Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы

Иванъ Володимеровъ.

Ларионъ Лукинъ.

Михайла Пастуховъ.

Михайла Грибановъ.

Сентября 23-го дня

1763 года.

Итакъ на другой же годъ царствованія Екатерины дѣятельно осуществляется мысль о нашей торговлѣ въ Средиземномъ морѣ. Вотъ когда уже готовились наши политическіе успѣхи, ознаменованные Чесменскою побѣдою. П. Б.

II.

Записочка Екатерины II-й къ А. Н. Нарышкиной ¹⁾.

«Сожалѣю, душа моя Анна Микитишна, что я сегодня, матушка моя, тебя не видала, а еще болѣе, что ты неможешь. Дай Богъ, чтобъ ты скоро

¹⁾ Сл. Р. Арх. 1869 стр. 193.

выздоровѣла. Кланяйся, пожалуй, Пракскови Александровнѣ ²⁾. Baisez la de ma part et aimez moi toutes les deux, autant que je vous aime. Adieu, mes belles, mes charmantes. Le serai toute ma vie votre fidele amie

Caterine».

Забавься, матушка, картами моими. Я бѣ сама пріѣхала къ тебѣ, ежели возможность бы была».

III.

Черновое письмо Екатерины II-й къ Д. В. Волкову.

«Дмитрій Васильевичъ.

Графъ Григорій Григорьевичъ просилъ мнѣ, чтобъ я дозволила вамъ ѣхать съ нимъ на Конгрессъ ³⁾. Я признаюсь, что во всякое иное время сія его прозьба мнѣ весьма бы пріятна была и полезна для важнаго дѣла, о которомъ трактовать будутъ. Если бѣ я единственно смотрѣла на природныя ваши дарованія, кои конечно никакое дѣло для васъ трудно не позволять быть, затрудненіе въ томъ не нашла(бъ); но когда съ другой стороны смотрю на Московское состояніе теперешнее, когда на мысли приходитъ, что тамо было прошедшую осень, что сей городъ едва еще пришелъ ли въ такое состояніе, чтобъ онъ могъ остаться безъ строгаго, разумнаго и искуснаго бдителя; что тамошній Сенатъ требу-

²⁾ Племянница Нарышкиной, въ супружествѣ графиня Брюсъ.

³⁾ Т. е. поцалуйте ее за меня, и обѣ любите меня столько же какъ я васъ люблю. Прощайте, моя прекрасная, моя прелестная. Останусь на всю мою жизнь ваша вѣрная пріятельница Екатерина.

³⁾ Въ Фокшаны въ 1772 г. съ гр. Г. Г. Орловымъ.

еть твердыхъ сенаторовъ, что князь Волконской ¹⁾ тамо новѣ вась..... ²⁾ сію столицу я себѣ не иначе представляю, какъ на подобіе челоуѣка, которой, вставъ бы съ одра послѣ смертельныхъ припадковъ, требуетъ много хожденія и попеченія, прежде нежели его почестъ можно здоровымъ; что тотъ городъ приводится въ порядокъ и послушаніе, въ которомъ никогда не былъ. Все сіе себѣ воображая, отдаю вамъ самимъ на рѣшеніе, которое дѣло теперъ мнѣ казаться должно важнѣе и гдѣ мнѣ васъ употребить казаться имѣетъ на теперешнее время нужнѣе, зная впрочемъ сверхъ того, что гдѣ (бъ) я васъ ни употребила, вездѣ ваши качества природныя у мѣста будутъ и вездѣ оны къ пользѣ имперіи и къ моему удовольствію усердіемъ вспомошествоемы будутъ».

IV.

Письмо Екатерины II-й къ С. Ф. Стрекалову.

Степанъ Федоровичъ. Указомъ нашимъ отъ 12-го Іюля 1783-го года покойному дѣйствительному тайному совѣтнику Олсуфьеву даннымъ, предписали мы все то, что нашли удобнымъ и полезнымъ для устройства управленія разными зрѣлищами и музыкаю при дворѣ нашемъ, учредили подъ предсѣданіемъ его особый комитетъ, снабдили достаточными суммами, и сверхъ того присвоили еще сему комитету доходъ съ даваемыхъ публикѣ

зрѣлищъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ съ половиною не только не видимъ мы въ томъ поправленія, но въ общѣ вѣдаемъ, что публика имѣетъ основательныя причины жаловаться на потерю денегъ ея на даваемые зрѣлища, большею частію того не стоящія; театръ національный приведенъ въ разстройство и упадокъ; служащіе не получаютъ принадлежащаго имъ жалованья чрезъ долгое время; не смотря на пособія, отъ насъ при заведеніи комитета учиненныя, вошелъ онъ въ большіе или, лучше сказать, неоплатные долги; а при всемъ томъ еще означенный комитетъ самъ наноситъ явный ущербъ въ доходахъ его дирекціи, съ убыткомъ напраснымъ и для публики, дозволеніемъ безъ разбора бенефисовъ или зрѣлищъ въ пользу частныхъ людей, хотя оный въ 33-мъ пунктѣ того указа имѣетъ точное о семъ наставленіе и весьма ограниченную власть. Таковыя неурядки убѣждаютъ насъ препоручить вамъ войти въ подробное изысканіе и разсмотрѣніе. 1-е, все ли то комитетомъ исполнено, что въ указѣ нашемъ отъ 12-го Іюля 1783-го г. повелѣно, разбирая пунктъ за пунктомъ, и буде не исполнено, то къмъ и для чего. 2-е, національный театръ отъ чего приведенъ въ упадокъ, а и прочіе не въ самомъ лучшемъ состояніи находятся, и кто тому виной? 3-е, долги почему сдѣланы, для чего комитетъ, имѣвъ точныя предписанія о непревышеніи положенныхъ ему доходовъ, о томъ не докладывалъ; причемъ не оставьте безъ разсмотрѣнія и всѣхъ частей хозяйства. 4-е какія причины могли побудить комитетъ на подобное дозволеніе безъ разбора бенефисовъ.

¹⁾ Назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, въ началѣ Ноября 1771 г. О Волковѣ сл. XVIII в. кн. 1-я, изд. 2-е, стр. 93 и 104.

²⁾ Два слова не разобрать.

О всемъ томъ донесите намъ подробно съ вашими примѣчаніями и съ изъясненіемъ средствъ къ поправленію всего онаго и ежели усмотрите, что издержки денегъ казенныхъ и собранныхъ за зрѣлища учинены были безъ наблюденія правилъ узаконенныхъ, или же съ крайнимъ небреженіемъ хозяйства, и что долги въ противность помянутому указу нашему доведены до такой степени, что комитетъ не въ состояніи изъ доходовъ его вѣдомства заплатить: въ такомъ случаѣ, какъ взысканіе сего убытка относится будетъ на тѣхъ, кто оному виною, вы не упустите представить Сенату о положеніи секвестра на имѣніе ихъ до разбора и рѣшенія дѣла.

Екатерина.

Въ С.-П.-бургѣ, Декабря 19. 1785 года.

(сообщено Д. А. Кропотовымъ)

Подлинникъ, хранящійся у Д. А. Кропотова, писанъ на полулистѣ съ золотымъ обрѣзомъ, рукою писца; подпись собственноручная, а числовая помѣта проставлена, вѣроятно, статсъ-секретаремъ.

V.

Письмо Князя Потемкина къ Екатериѣ II.

Всемилоствѣйшая Государыня!

По полученному изъ Таврической области рапорту имѣю счастье Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, что какъ вторая половина Февраля такъ и первые семь дней Марта протекли тамъ благопо-

лучно, и не только нигдѣ не оказалось опасной болѣзни, но и бывшія по городамъ и селеніямъ лихорадки и горячки совсѣмъ прекратились.

Что касается до достопамятныхъ происшествій, то съ 10-го числа Февраля при деревнѣ Кучукъ-кой, лежащей между Ялтою и Балаклавою, поверхность земли, начавши прежде нечувствительно отдѣляться, наконецъ 13-го числа съ сильнымъ трескомъ провалилась на немалое разстояніе; сколько же при семъ случаѣ разрушилось въ помянутой деревнѣ домовъ и инаго строенія, и погибло садовъ съ плодовитыми деревьями и посѣяннаго хлѣба, осмѣливаюсь поднести вѣдомость*), такъ какъ и планы прежнему и нынѣшнему тамъ мѣстоположеніямъ. Жители сей деревни едва почувствовали начало движенія, то, предвидя опасность и боясь землетрасенія, которое по увѣреніямъ старожилонъ случилось въ той деревнѣ лѣтъ за пятьдесятъ, послѣжили сами со всѣмъ скотомъ и имуществомъ перейти въ ближайшую деревню Кнеизъ и по таковой осторожности всѣ остались въ живыхъ. Вашего Императорскаго Величества
«вѣрный подданный
Князь Потемкинъ.»

28 дня Марта
1786 года.

*) Въ у насъ не имѣется.

ЗАПИСКИ ВАСИЛИЯ СЕМЕНОВИЧА ХВОСТОВА. ¹⁾

Описание жизни тайного советника, сенатора и кавалера Василия Хвостова; писано, въ 1832 году, самимъ имъ для дѣтей своихъ.

Я родился въ 1754 году, декабря 24 ч. Родители мои были изъ весьма посредственнаго дворянства, какъ состояніемъ имѣнія въ Гдовскомъ уѣздѣ, съ небольшимъ изо ста душъ крестьянъ, такъ и чиномъ; ибо отецъ мой былъ отставной секундъ-маіоръ, Семенъ Васильевичъ; мать же изъ дворянокъ Галицкаго уѣзда, Дарья Ивановна, изъ рода Головцыныхъ.

Насъ было у нихъ три сына: старшій Александръ ²⁾, умершій на 67-мъ году, былъ тайнымъ совѣтникомъ и управляющимъ государственнымъ банкомъ для дворянства, и меньшій Яковъ, вышедшій въ отставку шихтмейстеромъ и умершій на 48 году.

Отецъ нашъ, служившій въ Тобольскомъ пѣхотномъ полку, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, Степаномъ и Андреемъ, отправясь въ походъ въ Семилѣтнюю тогда съ Прусаками войну, оставилъ насъ старшаго при матери, меня отдалъ старушкѣ, своей матери, богомольной, совершенно христіанской нравственности, парализемъ разбитой; а

меньшаго отвезла мать въ Галичь и оставила у своихъ родителей.

Описывать моего дѣтства воспитаніе я не стану; оно было таково, что для ума ничего не было употреблено, и даже самой грамотѣ учителемъ былъ пономарь. Въ глуши деревенской жизни, при обращеніи съ холопами, немудрено бы было испортить сердце ребенка; но Провидѣніе спасло меня.

По окончаніи Прусской войны, отецъ нашъ, вышедъ въ отставку, пріѣхалъ въ свою усадьбу и собралъ разсѣянное свое семейство, но увидѣвъ недостатокъ и упущеніе въ первоначальномъ воспитаніи нашемъ, выпсалъ изъ Петербурга Нѣмца учителя за 300 руб., что по тогдашнему весьма небогатуму состоянію не легко было. Но родительскому объ насъ попеченію не соответствовалъ успѣхъ, ибо принужденъ былъ въ оставшійся учителю часовой срокъ употреблять его вмѣсто старосты за присмотромъ работъ крестьянскихъ; онъ же, чтобъ не упустить должности своей, бралъ насъ на гумно и, пока хлѣбъ молотили, давалъ намъ урокъ, страницы по двѣ изъ Нѣмецкаго лексикона. Такое ученіе печалило родителей нашихъ, не имѣвшихъ возможности доставить намъ лучшихъ средствъ; но судьба помогла имъ.

Отецъ нашъ случайно сѣхался съ стариннымъ своимъ пріателемъ, дворяниномъ Псковской губерніи, г-мъ Алексѣевымъ, у котораго былъ сынъ однихъ съ нами лѣтъ, заботившимся также о его воспитаніи, при-

¹⁾ Печатаются съ подлинной собственноручной тетради, которая была сообщена въ Русскій Архивъ невѣсткою автора (супругою его сына) Екатериною Александровною Хвостовою.

²⁾ Извѣстный стихотворецъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ графомъ Д. И. Хвостовымъ.

личною и сообразною его достаточному состоянію. Онъ предложилъ отцу моему поручить ему насъ троихъ съ тѣмъ, что, имѣя уже способнаго и добраго учителя Француза, составить у себя пансіонъ, пригласивъ еще двухъ сосѣдовъ, имѣвшихъ также по одному сыну. Отецъ мой принялъ сіе пріятельское предложеніе съ благодарностію, и мы, три чада, воспользовались и порядочнымъ ученіемъ и пристойнымъ воспитаніемъ. По протеченіи сихъ трехъ лѣтъ, отецъ мой взялъ насъ къ себѣ, дабы отвезти въ Петербургъ и тамъ стараться воспользоваться казенными заведеніями для дѣтей дворянства. Онъ нашелъ въ столицѣ родственника матери нашей, извѣстнаго при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины второй, генералъ-маіора Степана Васильевича Перфильева, весьма дружнаго съ гг. Орловыми. Его предстательствомъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, бывъ тогда президентомъ Академіи наукъ, принялъ насъ въ гимназію и благодарилъ отца нашего за довѣренность къ нему, что онъ первый дворянинъ, который отдаетъ дѣтей своихъ въ гимназію, тогда какъ она назначася была для однихъ только разночинцевъ. Самолюбіе отца нашего пыталось имѣть хотя одного изъ трехъ сыновей челоука ученаго. Старшій изъ насъ имѣлъ способности достигнуть быть ученымъ челоукомъ. Родительское попеченіе заставило отца нашего опредѣлиться въ гимназію экономомъ. Шестидесять воспитанниковъ, 30 большаго и 30 меньшаго возраста, не подвергали его подозрѣнію, чтобъ онъ дѣлалъ сіе изъ вѣдъ корысти. Цѣль его была, чтобъ, живши въ одномъ съ нами домѣ, имѣть насъ подъ глазами. Мы поступили въ гимназію въ 1765 году, но въ 1770 году лишились отца и матери. Меньшій братъ отца нашего, служившій тогда въ Пе-

тербургѣ, оставался нашимъ покровителемъ, но въ слѣдующемъ 1771 году умеръ. Дядя нашъ, Степанъ Васильевичъ, оставя жизнь деревенскую, прибылъ къ намъ и заступилъ мѣсто отца. Въ 1772 году выпущены мы были изъ гимназіи студентами. Старшій братъ мой опредѣлился въ иностранную коллегію и былъ при Фонъ-Визинѣ, съ которымъ, по пылкости свойствъ ума своего, не ужился, вышелъ переводчикомъ и былъ при князѣ Вяземскомъ, тогдашнемъ генералъ-прокурорѣ, который очень любилъ его и скоро перевелъ въ Сенатъ, съ чиномъ ассесора. Но братъ мой соскучился быть въ статской службѣ, перешелъ съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника и былъ принятъ въ военную службу подполковникомъ, потомъ былъ полковникомъ и наконецъ бригадиромъ. Былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополь; по возвращеніи былъ, по проискамъ своихъ непріятелей, подъ гнѣвомъ Императрицы, а при Государѣ Павлѣ 1-мъ, чрезъ внушенія ему брату моему ищущихъ зла, былъ выключенъ изъ службы. По кончинѣ сего Государя былъ опредѣленъ управляющимъ въ государственный банкъ для дворянства.

Меньшій мой братъ, выпедъ въ очень молодыхъ лѣтахъ въ отставку, женатъ былъ на богатой дворянкѣ Вороновой, умеръ на 48 году жизни.

Теперь принимаюсь описаніемъ о себѣ, вступившемъ въ свѣтъ на 18-мъ году возраста.

По выпускѣ изъ гимназіи явился я къ г. сенатору Ржевскому, опредѣленному на мѣсто графа Владиміра Григорьевича Орлова, уѣзжавшаго тогда въ чужіе края. Сей благодѣтельный челоукъ принялъ меня въ свое покровительство, просилъ графа Григорья Григорьевича Орлова взять меня къ себѣ, что сей и исполнилъ, принявъ меня

лекторомъ; но когда мои родственники и знакомые стали шутить надъ моимъ невѣжествомъ, что служу въ чинѣ, какова нѣтъ въ Россійской службѣ, тогда я объяснилъ сію печаль мою графу. и онъ, видя мою дѣтскую неопытность, милостиво улыбувшись, приказалъ мнѣ называться секретаремъ его. Въ семь положеніи оставался я при немъ одиннадцать мѣсяцевъ. Въ это время возвратила ему Императрица званіе и должность генераль-фельдцеймейстера и пожаловала титулъ свѣтлѣйшаго князя. Онъ любилъ меня, былъ ко мнѣ ласковъ и милостивъ, бралъ всегда съ собою, когда ѣзжалъ въ Петергофъ или въ свою пожалованную ему Гатчину или въ Ропшу. Когда жилъ подлѣ зимняго дворца, тогда видалъ я, проходя къ нему въ жѣ де помъ*), прогуливающую уединенно въ маленькомъ Ермитажномъ садикѣ Великую Екатерину. Когда же князь переѣхалъ въ домъ свой, бывший Штегельмановъ, что подлѣ графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, и которые оба дома нынѣ составляютъ Воспитательный Домъ, тогда князь началъ жить своимъ, какъ говорится, хозяйствомъ. У него бывала Императрица и однажды на святкахъ, на вечеринкѣ, изволила участвовать во всѣхъ святочныхъ играхъ, гдѣ въ игрѣ *доволенъ ли своимъ соседомъ* не рѣдко случалось мнѣ стоять за стуломъ Государыни; въ игрѣ же въ веревочку видѣть, какъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ удачно подкрадывался ударить ее по рукѣ, дабы свести ее въ середину круга; естественно, что не затруднялась она сыскать себѣ смѣху. Нельзя умолчать и не сказать, что и въ семь случаевъ всѣ присутствующіе взирали на нее, какъ на божество благодѣтельности.

*) Jeu de pomme.

Прежде описанія вступленія моего въ военную службу кстатп будетъ разсказать два бывшіе со мною случая, послужившіе мнѣ въ пользу со стороны нравственности моей. Когда мы были еще въ гимназіи, то уволеннымъ на святкахъ къ родственникамъ, случилось намъ познакомиться чрезъ одного удалаго дядю нашего съ однимъ его пріятелемъ, человекомъ женатымъ и дѣтей имѣющимъ, но ведущимъ жизнь во всѣхъ смыслахъ непохвальную. Онъ взялъ на себя добрый трудъ просвѣтить невинное ребячество наше и повезъ насъ троихъ братьевъ на вечеринку за городъ къ Ульрихшѣ... Когда я былъ при князѣ Орловѣ, то въ одинъ вечеръ, возвращаясь въ квартиру, кою нанимали мы съ братьями, у нихъ нахожу компанію изъ товарищей бывшихъ гимназистовъ человекъ шесть или семь, сидящихъ на полу кругъ чаши съ пуншемъ, окруженной бутылками, стаканами и рюмками. Старшій братъ мой, какъ я уже сказалъ выше, пылкой во всѣхъ смыслахъ, встрѣтилъ меня предложеніемъ, что ежели я молодець, то бы поравнялся съ ними. Амбиція заставила меня тотчасъ согласиться, и онъ, сочтя, что уже ими выпито и наливъ столько стакановъ и рюмокъ, сказалъ, что не станутъ сами пить, пока съ ними не поравняюсь. Я, въ доказательство, что не отстаю отъ старыхъ своихъ со товарищей, опорожнилъ всѣ стаканы и рюмки, копъ было конечно около десятка. Ура и рукоплесканіе были наградою за такое безприкладное доказательство моей любви къ нимъ. Но не прошло и получаса, какъ меня подожили на одну изъ постелей, кои уже были приготовлены для всей компаніи. На другой уже день разсказали мнѣ, какъ я перепугалъ всѣхъ моимъ стономъ и слезамъ; насплду добились узнать причину. Я имъ отвѣчалъ, рыдая, что отецъ и мать ви-

дять на томъ свѣтѣ, что дѣти ихъ пьяницы. Они посмѣялись и оставили меня спать. Съ тѣхъ поръ получилъ я отвращеніе... и удалился отъ хмѣльныхъ компаній. Сямъ двумъ случаямъ обязанъ я за то состояніе здоровья, которымъ пользуюсь и по нынѣ, на семьдесятъ осмомъ году жизни моей и что безъ очковъ пишу и читаю.

Я прежде уже сказалъ, что князь Григорій Григорьевичъ любилъ меня, и я былъ, какъ домашній, что видѣли и всѣ къ нему прїѣзды имѣвшіе и должностные его чиновники. Въ одно утро 1773 года въ Апрѣлѣ, когда полковникъ Будановъ, правитель его канцеляріи, былъ у него съ дѣлами, князь приказалъ ему написать меня аудиторомъ; на спросъ же Буданова, на сколько времени быть мнѣ сержантомъ, князь сказалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: «коли тебѣ надобно, то дни на три». И въ семъ званіи я всегда находился при князѣ, пока поступившій на мѣсто Буданова, подполковникъ Воейковъ, поссорившійся съ старшимъ братомъ моимъ, не вздумалъ отомстить ему вредомъ мнѣ. Доложивъ князю, что, по дѣламъ канцеляріи, нуженъ ему аудиторъ, получилъ позволеніе употребить меня, чѣмъ и отвлекъ меня отъ моего благодѣтеля; къ пущему же притѣсненію поручилъ меня оберъ-аудитору Владычину, извѣстному тогда неблагорасположенному человѣку. Сей дебютировалъ тѣмъ, что когда явился я въ канцелярію, то, гордо принявъ меня, приказалъ мнѣ взять лежащее на полу въ углѣ дѣло, почти въ аршинъ толщины, чтобы я сдѣлалъ выписку. Выслушавъ съ покорностью приказъ и вѣжливо откланявшись, я вышелъ изъ канцеляріи и болѣе не бывалъ въ ней.

Въ сіе время князь женился; ему пошло худо, и онъ отпраздился въ чужіе края, а я остался преданный судьбою въ руки ау-

диторовъ. Состоя въ сей должности во второмъ канонирскомъ полку, я явился къ полковнику своему Борису Ивановичу Меллеру, брату Ивана Ивановича, заступившаго должность князя Орлова. Сей знаменитый заслугами мужъ, въ военной Россійской исторіи конечно забыть быть не долженъ. Полковникъ мой поручилъ мнѣ отправлять должность полковаго адъютанта; но мои завистники успѣли чрезъ артиллерійскую канцелярію вытребовать меня въ аудиторіатъ, куда и долженъ былъ явиться, но съ перваго дня увидѣлъ, въ какія руки я попался. Мнѣ однакожъ посчастливилось, съ польщеніемъ самага самолюбія, выдраться изъ сѣтей мнѣ несносно унижительныхъ и не видѣть себя подъ начальствомъ людей свойствъ низкихъ. Бывши еще при князѣ Орловѣ, почтенной Иванъ Ивановичъ Меллеръ зналъ меня, но пріобрѣтеннымъ мною знакомствомъ съ сыновьями его обязанъ я бытности за полковаго адъютанта у Бориса Ивановича, который подлюбилъ меня и у котораго былъ я какъ бы близкой родственникъ. Между сыновьями Ивана Ивановича былъ третій Карлъ, необыкновенныхъ дарований и весьма добраго сердца. Узнавъ отъ меня всю неприятность моего положенія, онъ присовѣтовалъ мнѣ просить отца его, чтобы отпустилъ меня въ отпускъ по нуждамъ моимъ въ Москву, гдѣ весьма желалось мнѣ воспользоваться видѣть блескъ торжествъ мира съ Оттоманскою Портою. Иванъ Ивановичъ не только не отказалъ, но тотчасъ приказалъ дать мнѣ паспортъ, съ которымъ не замедлилъ я явиться въ аудиторіатъ и увидѣлъ всю злобную досаду нѣкоторыхъ членовъ аудиторіата, особенно аудитора, которому презусъ тотчасъ приказалъ принять отъ меня дѣла, которыми онъ только старался было наградить меня. На другой день, пришедъ по утру къ

Ивану Ивановичу, нахожу тутъ моего товарища аудитора, жаждущагося на обремененіе его дѣлами и что я не спросился у аудиториата, испросивъ себѣ отпускъ. Генералъ съ обыкновенною своею кротостію сказалъ, чтобы шелъ онъ къ своей должности, представивъ себѣ, что будто Хвостовъ умеръ. Сей законическій приказъ врѣзался крѣпко мнѣ въ память и умъ.

Такимъ образомъ, получивъ на 28 дней отпускъ, отправился я вскорѣ въ Москву съ однимъ пріятелемъ дяди моего. Но вѣтренная моя молодость не пустила меня въ тотъ же день съ нимъ выѣхать; и общалъ ему, что догону его прежде Новгорода и даже своего человѣка отпустилъ съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, на другой же день взялъ я наемнаго извозчика, отправился въ путь; а какъ хотѣлось мнѣ поторопиться, то, взявъ одну только подушку и коверъ, кинулся я въ кибитку на сѣно и приказалъ ѣхать какъ можно скорѣе. Городская мостовая, далеко не столь хорошо камнемъ вымощенная, могла бы заставить поберечься; но неопытность моя могла выдержать только до Средней Рогатки, гдѣ съ Царскосельской дороги поворачивали на Московскую. По сей прескверной тогда мостовой приказалъ я ѣхать также скоро; но проѣхавъ версты двѣ, вдругъ закричалъ я ямщику: стой! Онъ остановился и, видя, что я насилу дышу, покачавъ головою, сказалъ мнѣ: «ахъ ты баринъ, да ты видно никогда не ѣзжалъ въ кибиткѣ» и, снявъ съ себя кушакъ, перевязалъ меня крѣпко и велѣлъ сѣсть на облучекъ; такимъ образомъ отправились мы почти шагомъ до Ижоры, гдѣ, отдохнувъ, пустился я къ Новгороду и догналъ г. Костомарова, моего спутника, съ конемъ и прибыли въ Москву.

Я остановился у тетки моей Шаблыки-

ной, родной сестры моей матери, жены удалого, какъ выше сказано, дяди, нравственнаго моей юности просвѣтителя. Тетка моя вела жизнь скромную и уединенную; кругъ знакомства дяди мнѣ не нравился, и я пустился въ волокитство и былъ небезсчастенъ. Самое лучшее, что я приобрѣлъ моею бытностію въ Москвѣ, было, что я видѣлъ все торжество мира съ Портою и пышность славнаго двора Великой Екатерины и блескъ появленія на горизонтѣ славы знаменитаго князя Потемкина.

Между тѣмъ, не долженъ я упустить сказать, что нѣсколько мѣсяцевъ уже просрочилъ. Я прибѣгнулъ къ тому же доброму Карлу Ивановичу и допущенъ былъ просить отпуска еще на мѣсяць. Добрый Иванъ Ивановичъ сказалъ мнѣ съ милостивою улыбкою, что не лучше ли взять отпускъ на два или на три мѣсяца. Мнѣ такъ было совѣстно употребить во зло его снисхожденіе, что я отрекся отъ дальнаго какъ на одинъ только мѣсяць отпуска; но въ Москвѣ прожилъ одиннадцать, занимаясь только волокитствомъ, главною слабостію молодыхъ моихъ лѣтъ. Въ Москвѣ, въ это только, можетъ быть, время, было заведено молодыми барынями и дѣвушками ѣздить по обѣднямъ въ церкви, по ихъ видамъ. Мнѣ случилось однажды познакомиться симъ посредствомъ съ одною княжною, жившею по бѣдности на хорошемъ содержаніи въ одномъ также княжескомъ домѣ на Арбатской улицѣ. Скоро увидѣлъ я, что можно намъ сблизить знакомство. Я приказалъ моему человѣку сыскать въ ихъ домѣ нанять мнѣ прачку, и чрезъ нее-то завелась у меня съ княжною корреспонденція...

Въ день новаго 1776 года, простудился я въ маскарадѣ и получилъ сильную горячку, такъ что когда на третій день пустили мнѣ изъ руки кровь и я палъ въ об-

морокъ, то едва въ тридцать первый день узналъ ту женщину, которой я порученъ былъ. Въ теченіи сихъ дней былъ я близъ гроба, и докторъ сталъ сомнѣваться, спасетъ ли меня, ибо шпанскія мухи уже не дѣйствовали. Но Провидѣнію угодно было продлить мнѣ жизнь, и я спасенъ былъ собаками вотъ какъ. Дядя мой имѣлъ всегда при себѣ борзыхъ собакъ; онъ былъ охотникъ; равный ему охотникъ князь Шаховской приѣзжаетъ къ нему съ своими собаками въ тотъ день, когда ужъ ладанъ и теплая вода для обмытія усопшаго были приготовлены. Собаки начались грызться и подняли такой лай, что встревожили усыпляющіяся чувства умирающаго. Приѣхавшій на другой день докторъ, остановясь у воротъ, посылаетъ спросить, живъ ли я, узнавъ, что еще живъ, приходитъ, осматриваетъ и находитъ, что одна на ногѣ шпанская муха подѣйствовала и произвела пузырь въ грошъ величины. Тутъ докторъ съ удивленіемъ объявилъ, что онъ оставилъ меня вчерась въ полномъ увѣреніи, что не переживу ночи; но когда ему пересказали все случившееся, то сей добрый человекъ, обрадованный что живъ буду, написалъ мое спасеніе отъ смерти моей хорошей натурѣ.

При семъ хочу описать всѣ странности, случившіяся со мною во время моей болѣзни, коя продолжалась весь великой постъ. Напримеръ: сдѣлавшись набожнымъ, пожелалъ я вмѣстѣ съ теткою говѣть. У нея приглашенъ былъ священникъ, а я непременно хотѣлъ быть при службѣ; но такъ какъ отъ шпанскихъ мухъ и горчипцы ноги мои не могли носить меня, то два человека ввели меня, и то подъ заячьимъ одѣяломъ, чрезъ двѣ комнаты. Я совсѣмъ почти оглохъ и, любя церковное пѣніе, пѣлъ изо всей мочи съ дѣячками; но часто не въ одинъ съ

III

ними тонъ и такъ, что иногда они отъ смѣха переставали пѣть, и я все-таки не переставалъ и сердился на попа за такое безчиніе. Моею глухотою я досажалъ многимъ, сдѣлавшись подозрѣвающимъ и недовѣрчивымъ. Когда же мнѣ къ святой недѣли стало гораздо легче, то пришелъ ко мнѣ такой аппетитъ, что я съѣдалъ съ чаемъ, за обѣдомъ и ужиномъ, въ день по четыре большихъ бѣлыхъ и по два пеклеванныхъ хлѣбцовъ, добрая порціи супа и почти всю четверть телятины въ день. Никогда не забуду, какъ осрамился я на обѣдѣ своего доктора. Онъ далъ мнѣ волю, и я ѣлъ до поту лица. Передъ жаркимъ подалъ онъ мнѣ на тарелкѣ поджаренную телячью почку; я, принявъ тарелку, вмѣсто того, чтобы отложить себѣ порцію, поставилъ всю тарелку передъ собою; но докторъ мой не выдержалъ, захохоталъ и напомнилъ мнѣ о воздержаніи. Жена его и дочери очень тому смѣялись, а я, хотя постыдился, но не унялъ аппетита своего при пирожномъ.

Я такъ скоро оправдлся, что когда возвратился въ Петербургъ, то не хотѣли мнѣ вѣрять, что я имѣлъ горячку; но потеря волосъ была доказательствомъ. Разказавъ о моей горячкѣ, не хочу не пересказать о моемъ въ теченіи тридцатидневнаго въ ней безпамятства мечтаніи. «Бывъ отъ природы виденъ собою и довольно красивъ, какъковымъ я въ мечтѣ моей себя видѣлъ, «полюбила меня какая-то молодая богатая вдова, которая чрезъ нѣсколько дней купила мнѣ каменный огромный домъ, въ скоемъ нашелъ я спальню такъ расположенную, какъ была у князя Григорія Григорьевича Орлова, и у ниша, гдѣ была «кровать, такіе же въ головахъ и ногахъ «два богатые комоды, на коихъ, на зеленымъ бархатомъ покрытыхъ ящикахъ съ «наклономъ, полагались его брилліа.

Русскій Архивъ 1870. 18

«золотыя табакерки. Столько же лежало «подаренныхъ мнѣ и при томъ въ двухъ «выдвижныхъ ящикахъ—въ одномъ золо- «тыхъ и серебряныхъ денегъ куча, а въ «другомъ—пукки ассигнацій, изъ коихъ съ «первою почтою разослалъ я роднымъ мо- «имъ болѣе 50 тысячъ рублей въ подарокъ. «Домъ мой былъ снабженъ прямо барски, «какъ мебелью, прислугою и славною кух- «нею. Екипажи и лошадей имѣлъ слав- «ныхъ, какъ верховыхъ, такъ и упряж- «ныхъ.»

«Скоро потомъ подарила мнѣ 12 тысячъ «душъ крестьянъ, въ 12-ти верстахъ отъ «Москвы. Въ имѣніи семъ былъ господскій «домъ и славный конскій заводъ, куда ѣз- «жалъ я съ моими пріятелями сортировать «слонядей, которыхъ англлизировать и ко- «сторыхъ отобрать для упряжки; санной «экипажъ былъ у меня славный. Когда въ «благородномъ клубѣ сговаривались въ са- «няхъ кататься, тогда я пріѣзжалъ съ «двѣнадцатью санями отлично отдѣланны- «ми. Тѣ, кои были запряжены въ одну ло- «шадь, были славные рысаки или виноход- «цы; у дуги же всякаго былъ ѣздокъ вер- «хомъ одѣтый богато, то по-венгерски, то «по-турецки или персидски; короче, дамы «скидали по жеребью билеты, кому ѣхать «въ моихъ саняхъ, такъ чтобы въ каж- «дыхъ саняхъ были кавалеръ и дама.»

«Ставъ въ Москвѣ извѣстенъ какъ по «богатству, равно и по тому что покрови- «тельствуюемъ Орловыми, просилъ я графа «Алексѣя Григорьевича, чтобы всякую сре- «ду кушать у меня славную уху стер- «ляжку, гдѣ и бывалъ онъ съ отборнымъ «обществомъ. Такимъ образомъ прожилъ «я года три (въ бреду горячки моей) и «свелъ я вѣрныи счетъ недѣлямъ, мѣся- «цамъ и годамъ. Наконецъ соскуча холо- «стою жизнію и не выдавъ никогда моей

«благодѣтельница, сталъ помышлять о же- «нитьбѣ и посредствомъ площадныхъ свахъ, «не имѣя никакихъ связей съ благород- «нымъ женскимъ дворянствомъ, помолвился «и женился на какой-то Шереметевой, «взявъ за нею двѣ тысячи душъ крестья- «нъ.»

«Пресытаясь Московскою моею роскош- «ною жизнію и подумавъ, что время уже «приблизить себя къ моему патрону князю «Орлову, отправился я съ женою уже бе- «ременною въ Петербургъ. Тутъ явились «новыя дѣстѣнія моему самолюбію сцены. «Примѣчательнѣйшія были слѣдующія: од- «нажды былъ съ женою въ партерахъ въ «театрѣ дворцовомъ; Императрица замѣти- «ла жену мою по необычайно-богатому го- «словному убору. Узнавъ отъ князя Орло- «ва, что это жена пріѣхавшаго изъ Моск- «вы его адъютанта, приказала привести «меня къ себѣ въ ложу. Не помню уже, «что Государыня мнѣ говорила милостиво «и подала мнѣ руку; а я, ставъ на колѣни, «поцѣловалъ, но отъ слабости послѣ болѣз- «ни не могъ самъ встать, и князь меня «поднялъ. По окончаніи театра пошли мы «въ лѣтній садъ по sur le quai (какъ тог- «да набережную называли). Неожиданно ви- «днимъ возвращающуюся изъ сада прогули- «вающуюся съ своею свитою Императрицу. «Сошедъ съ набережной, мы ей поклони- «лись; она же, остановясь, подозвала жену «мою, любовалась головнымъ ея уборомъ, «потомъ просила ее дать ей на образецъ «и приказала своимъ фрейлинамъ тотчасъ «ѣхать съ женою моею во дворецъ, оста- «вить ея уборъ, чтобы приказали сдѣлать «подобный для Императрицы, а жену мою «убрать въ брилліанты государственные. «Сіе было исполнено и сильно польстило «нашему тщеславію.»

«Я уже сказалъ, что жена моя была

«беременна, и такъ какъ уже очень приближался срокъ ей родить, то отправилсъ «мы въ Нарву къ славному въ тогдашнее «время доктору Сандеру. Вскорѣ занемогъ «и разстроивъ желудокъ моченою брусни- «ской, я едва легъ въ постель, какъ пришелъ «сказать мнѣ, что жена родила. Я такъ «былъ встревоженъ, что вскочилъ не спро- «ся, кого родила, сына или дочь? Сіе потрясеніе души моею заставило проснуться телѣснымъ чувствамъ; тутъ прервалась мечта тридцати лѣтней жизни въ суточное существованіе; но слабость осталась и на долго столь великая, что часто бывалъ я безъ чувства и памяти. Около великаго поста сталъ я весьма потихоньку собираться съ силами и въ половинѣ Апрѣля едва могъ пройтись по улицѣ; въ Маѣ возвратился въ Петербургъ и явился къ своему полковнику Борису Ивановичу Меллеру.

Урокъ моей Московской жизни былъ полезенъ моей молодости. Я сталъ и воздержнѣе, и осторожнѣе, сталъ жить вмѣстѣ съ дядею и меньшимъ братомъ. Въ это время полковникъ мой, особенно всѣмъ семействомъ своимъ меня любившій, опредѣленъ былъ начальникомъ Колывановоскресенскихъ заводовъ и рудниковъ и областнымъ начальникомъ края сего, долженствовавшего управляться не по прежней системѣ управления Высочайшаго Кабинета, но сообразно правиламъ Учрежденія губерній. Я былъ такъ привязанъ къ Борису Ивановичу, что, поговоря съ дядею моимъ, взявшимъ на себя попеченіе управлять имѣніемъ нашимъ посредствомъ вѣрющихъ отъ всѣхъ насъ троихъ братьевъ писемъ, явился къ нему съ просьбою, чтобы онъ взялъ меня съ собою въ Сибирь. Онъ очень удивился таковой моей рѣшимости, уговаривалъ меня не рисковать своею молодостию и не отказываться отъ лестныхъ надеждъ

сыскать путь къ счастью въ столицѣ. Я просилъ его неотступно взять меня съ собою, съ тѣмъ только, что, буде не полюбитъ мнѣ тамъ, то меня отпустить, что онъ и обѣщалъ мнѣ. Возвратясь домой, объявилъ я о семъ дядѣ, который тѣмъ охотнѣе согласился, что, по особеннымъ своимъ причинамъ, начиналъ скучать обязанностию пещись объ насъ и платить долги, особенно за старшаго брата моего, шибко пустившагося въ свѣтъ.

Итакъ, въ исходѣ 1779 года, вышедъ изъ артиллеріи съ чиномъ капитана арміи и причисленъ будучи въ конную роту Колыванскаго горнаго баталіона, отправился я въ Барнаулъ, главное мѣсто заводовъ. До Владиміра ѣхалъ я въ свитѣ Бориса Ивановича. Тутъ остановился я у давнишняго нашего знакомаго, коего жена была у двухъ знаменитыхъ генераль-губернаторовъ приближенною. Она-то обольстила и склонила меня попытаться посватать дочь губернатора; и какъ сей отказалъ, то и пустился я догонять своего начальника. Будучи въ Екатеринбургѣ, знаменитый тогда заводчикъ Турчаниновъ*), въ домѣ коего была отведена генералу квартира, приѣзжалъ просить посѣтить его въ заводѣ, гдѣ всегда самъ жилъ. Заведенія его знамениты по тогдашнему искусствѣ времени; но минеральный кабинетъ и оранжереи превосходны: первый малахитами и послѣдній авансами; бібліотека многочисленная; сомнительно, чтобы онъ ею пользовался; но то извѣстно, что наследники его подѣлили ее на три равныя части, разбирая каждый по книгѣ изъ каждаго увража, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ сочиненій.

Наконецъ достигли мы Тобольска, гдѣ провели остатокъ года и встрѣтили 1780 г.,

*) Отецъ Колтовской (см. Записки Державина).

осыпанные ласкою и угощеніями Дениса Ивановича Чечерина, сего незабвенную память и благодарность заслужившаго отъ Сибири губернатора, семнадцать лѣтъ съ особою довѣренностію великой Екатерины управлявшаго Тобольскою губерніею. Семейство сего почтеннаго мужа состояло въ одной уже очень взрослой дочери и пріѣхавшаго къ нему изъ Петербурга съ женою и двумя дѣтми сына *), съ которыми я очень хорошо познакомился. Онъ взялъ съ меня честное слово, чтобы пріѣхать къ нему изъ Барнаула на масляницу покататься на его славныхъ рысакахъ, что я исполнилъ, хотя отъ Барнаула до Тобольска болѣе 1500 верстъ разстоянія. Молодость моя, прекрасная зимою дорога и прогоны по денежкѣ на лошадь за версту удержать должны удивляться моему рыцарству.

Проживъ въ Тобольскѣ недѣли съ три, отправился Борисъ Ивановичъ въ Барнаулъ, главное мѣсто управленія всѣхъ Колыванскихъ заводовъ и рудниковъ; но, вѣхавъ въ предѣлы заводскаго вѣдомства, принужденъ былъ оставить жену, по причинѣ заблѣвшаго груднаго своего сына, и взявъ только меня, отправился въ Барнаулъ, куда чрезъ нѣсколько недѣль пріѣхала и Марья Федоровна съ двумя дочерьми Марьею и Екатериною. Я со взводомъ драгунъ моей роты посланъ былъ конвоировать ихъ до самаго дома губернаторскаго, гдѣ и встрѣчены были всѣми чиновниками.

Теперь приступлю описать эпоху моей десятилѣтней жизни въ спокойствіи и счастіи. Ставъ въ домѣ Бориса Ивановича какъ бы родственникомъ, я былъ любимъ всѣми чиновниками, какъ статскими, такъ и горными, кои всѣ были люди достойные и преданные усердной и вѣрной службѣ.

*) Одинъ изъ нихъ, Викторъ Александровичъ живетъ до нынѣ въ Орл. губерніи. Ему 93 года.

Всякій разъ Борисъ Ивановичъ бралъ меня съ собою, когда ѣздили осматривать заводы и рудники, и я, какъ говорится: «съ кѣмъ поживешь, тѣмъ и прослывешь», — сдѣлался любителемъ минералогіи и наконецъ имѣлъ непосредственный систематическій минеральный кабинетъ, болѣе нежели пзъ трехъ тысячъ кусковъ состоявшій.

Въ 1782 году, по учрежденіи, въ силу высочайшаго повелѣнія, областного правленія, послалъ меня Борисъ Ивановичъ съ донесеніемъ о семъ къ обоимъ своимъ начальникамъ, князю Вяземскому и Олсуфьеву. Я получилъ отъ Государыни эмальпрованную золотую табакерку и въ ней сто червонныхъ. При принесеніи князю моей благодарности объявилъ онъ мнѣ, что скоро назадъ меня отправитъ, въ чемъ не замедлился.

Пробылъ съ мѣсяцъ къ Петербургѣ, гдѣ дядя мой, бывъ тогда экзекуторомъ въ Сенатѣ и уже хорошо извѣстель князю Вяземскому, не старался оставить меня, и я принужденъ былъ возвратиться въ Барнаулъ.

Пріѣхавъ въ Тобольскъ, напелъ великую перемѣну. На мѣсто дряхлаго и совѣмъ опустившагося Дениса Ивановича Чичерина, опредѣленъ Тобольскимъ и Пермскимъ генералъ - губернаторомъ Евгений Петровичъ Канквинъ. Слѣсъ, съ какою обрацадся онъ съ престарѣлымъ почтеннымъ своимъ предмѣтникомъ, не обѣщала, чтобы онъ былъ начальникъ благорасположенный. Стоитъ только взглянуть на карту составленную имъ Тобольской губерніи, тотчасъ видна цѣль своекорыстія. Пробывъ нѣсколько дней въ Тобольскѣ, возвратился я въ Барнаулъ и съ сихъ поръ повелъ жизнь скромную; обзавелся экипажемъ и лошадьми и составилъ себѣ кругъ короткаго знакомства изъ лучшихъ людей общества,

какъ-то: прокурора Таптыкова, оберъ-бергмейстера Делакруа, совѣтниковъ Борисова и Соболева. Сей послѣдній пикировался быть музыкантомъ и дѣлалъ у себя музыкальные вечера, что по нуждѣ и служило забавою. Не забуду, что онъ однажды на стихахъ звалъ меня, будучи боленъ, на вистъ. Я отвѣчалъ ему:

Большаго посѣтить есть должность христіанства;
Хранить такой законъ, душевна знакъ изрядства.
Но что за польза въ томъ, что ты не бусурманъ,
Когда собираешься очистить мой карманъ?

Желаю жъ слѣдовать я старому завѣту:

Зубъ за зубъ, за два, два, такъ далѣе по расчету;

Не робкою, тебѣ скажу, теперь душой,

Сыграемъ робертовъ десятка два со мной;

А тамъ посмотримъ, всякъ повѣритъ пусть карманъ,

Кто православнъ изъ насъ, кто бусурманъ.

Въ сіе время опредѣленный за смертію Адама Васильевича Олсуфьева Соймоновъ Кабинета начальникомъ, пріѣзжалъ въ Барнаулъ и съ нимъ г. Качка, заступившій мѣсто Бориса Ивановича, по части заводскаго начальства.

Здѣсь приступаю описать значительную эпоху жизни моей въ 1783 году.

Область Колыванская обращается въ губернію съ составленіемъ ея изъ присоединенныхъ уѣздовъ отъ Тобольской губерніи. Пріѣзжаетъ въ Барнаулъ генералъ-поручикъ Иванъ Варолюмеевичъ Якобій, генералъ-губернаторомъ Иркутскимъ и Колыванскимъ. Праздники и угощенія были по возможности парадныя. Сей извѣстный умомъ, благорасположенный и знавшій Иркутскій край, къ тому жъ богатый чиновникъ, съ пышностію въ Сибирь пріѣхавшій, скоро полюбилъ меня, какъ хорошо отрекомендованнаго ему въ Петербургѣ, гдѣ, набирая чиновниковъ для укомплектованія мѣстъ по высочайше учреж-

денномуо губерніяхъ положенію, включилъ и меня. Для поощренія же, чтобы туда ѣхали люди способные, испросилъ по два чина; слѣдовательно сдѣлался я изъ капитановъ надворнымъ совѣтникомъ и былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ гражданскую палату съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ. Сіе не перемѣнило моего семейнаго, такъ сказать, обращенія съ Борисомъ Ивановичемъ, коего старшая дочь Марья становилась день отъ дня совершенною невѣстою, и я начиналъ къ ней имѣть чувства привязанности съ большимъ прежняго жаромъ. Якобій пригласилъ насъ троихъ: предсѣдателя моего Борисова, ассесора Гранау, родственника Бориса Ивановича и меня въ Иркутскъ, къ открытію губерніи, куда мы и отправились на-легкѣ 1500 верстъ, запасясь изряднымъ мѣшкомъ пельменей, замороженною дикою козою и рябчиками. Явась къ Ивану Варолюмеевичу, былъ имъ обласканъ съ приглашеніемъ всякій день у него обѣдать и ужинать. У него всякую недѣлю были въ четвергъ концертъ изъ собственныхъ весьма порядочныхъ музыкантовъ, а въ воскресенье балъ. Открытіе губерніи было торжественно и пышно. Устройство присутственныхъ мѣстъ и распредѣленіе чиновниковъ обѣщало большую пользу для правительства. Знаменитый, извѣстный трудолюбіемъ Ламбъ былъ губернаторомъ; Поповъ, весьма дѣло свое знавшій, очень хорошій человѣкъ, былъ вице-губернаторомъ; короче всего, благородное общество составляло какъ бы кругъ согласныхъ между собою родныхъ. Сіе однакоже не долго продолжалось. Губернаторша поссорилась съ сдѣлавшеюся въ весьма близкой связи съ Якобіемъ женою предсѣдателя гражданской палаты Путятинуо (той же самой, которая ту же роль играла у Воронцова, Владимірскаго генералъ-губер-

натора) и Иркутское общество раздѣлилось на партіи. А какъ Якобій поссорился съ Вяземскимъ, то присланный отъ него подъ предлогомъ наблюденія за казенною палатою и по всей финансовой части, не упустилъ случая растравлять распрю въ угодность Вяземскому: то и пошло все, какъ говорится, къ чорту, такъ что наконецъ Якобій былъ сосланъ и преданъ суду. На мѣсто его опредѣленъ человѣкъ противоположныхъ его способностей.

Праздники Иркутскіе не вскружили мнѣ головы до того, чтобы не думать мнѣ о моемъ положеніи и видахъ на Марью Борисовну. Разсуждая, что въ случаѣ отказа буду я принужденъ играть роль печальную въ Барнаулѣ, рѣшився я открыться Якобію и просить его, чтобы, въ случаѣ неудачи, позволилъ мнѣ проспать объ отпускѣ въ Петербургъ, на что я получилъ его увѣреніе, что исполнить мою просьбу.

Возвратясь въ Барнауль, я выдумалъ политическую штуку: чтобы приготовиться къ отъѣзду въ Россію, началъ продавать своихъ лошадей, дрожки, сани и все что называлъ мнѣ не нужнымъ, что всѣхъ удивило и дошло и до Бориса Ивановича.

Однажды утромъ прихожу я къ нему; онъ былъ одинъ и еще не одѣвался. Поговоря о постороннемъ, спрашиваетъ меня, что бы это значило, что я продаю лошадей своихъ и экипажи и не хочу ли оставить Барнауль. Правда, отвѣчалъ я ему; но ежели желаетъ онъ удержать меня при себѣ, то отъ него зависить, отдавъ за меня Марью Борисовну. Сію неожиданное предложеніе такъ старика ошеломило, что онъ сѣлъ на стулъ, началъ оправлять чулки, съ минуту молчалъ, и наконецъ сказалъ добросердечный сей отецъ: для чего же я прежде не говорилъ ему. Тутъ сердце у меня упало: я вообразилъ, что конечно

одному изъ двухъ, или овдовѣвшему вице-губернатору Ивановскому, или предсѣдателью уголовной палаты Гревенцу, еще холостому, дано слово. Я показалъ Борису Ивановичу мое сердечное прискорбіе, упустивъ предварить его о искомомъ мною счастьи, и что видно, что далъ онъ кому-нибудь слово. Тогда съ ласкою увѣрялъ онъ меня, что никому его не давалъ, что узналъ меня и не имѣя ничего сказать противъ, онъ соглашается, но что поговорить съ женою. Въ тотъ день не былъ я въ домѣ его. На другой день въ нетерпѣніи прихожу поутру къ нему, и на отзывъ его слова: Geduld (терпѣніе) убѣждалъ я рѣшить меня скорѣе и получа позволеніе говорить самому съ Марьей Федоровной. Отправился я на ея половину; она была еще въ спальнѣ. Имѣя всегда свободу быть въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно пьютъ по утрамъ чай, я адресовался къ Марьѣ Борисовнѣ, чтобы она доложила матушкѣ, что имѣю нужду ее видѣть. Она возвратясь сказала мнѣ, чтобы я шелъ въ спальню, куда сама пошла. Давъ имъ минутъ съ десять времени поговорить между собою, вхожу въ спальню и вижу стоящую ко мнѣ синною Марью Федоровну, положившую руки на плечи дочери. Коль скоро увидѣла меня Марья Борисовна, какъ бы испужавшись сказала матери, что я вошелъ. Оробѣвшая сѣла она на кровать маленькаго своего сына; начала тѣмъ, что Борисъ Ивановичъ говорилъ уже ей, что я прошу руки ихъ дочери, что они ничего противъ меня сказать не имѣютъ и что это зависить отъ ея воли. Увѣренъ бывъ въ ея ко мнѣ склонности, я подошелъ къ ней и просилъ сказать мнѣ одно лишь слово да или нѣтъ. Съ нѣкоторою застѣнчивостію подала она мнѣ руку, и тѣмъ кончилось мое сватовство.

Теперь пошли приготовленія приданнаго.

Добрый, но не богатый Борисъ Ивановичъ послалъ въ Петербургъ для потребныхъ покупокъ, а Марья Ѳедоровна принялась за разныя пляцы для стеганьевъ, что послужило занятіемъ всѣхъ знакомыхъ ей дѣвицъ. Посему можно было бы заключить, что спѣшили свадьбою; но не тутъ-то было: цѣлый годъ я былъ сговореннымъ. Между тѣмъ Борисъ Ивановичъ старался устроить мнѣ домъ спокойный и приличный нашему состоянію. Въ немъ двѣ комнаты были оштукатурены и, по дружбѣ г-на Ренованса, горнаго штабъ-офицера, расписаны прекрасно. Послѣ свадьбы мы его заняли и стали жить домомъ. Не получивъ за женою ничего деньгами, да и грѣхъ бы было мнѣ пожелать отъ ея родителей больше, чѣмъ ее надѣлили они, сталъ я жить одними 600 руб. жалованья, не получая ни копѣйки изъ части моего имѣнія отъ дяди, который, не измѣняя свое къ намъ прежнее расположеніе, не очень заботился объ насъ; прислалъ однакожь по просьбѣ моей кухарку, дѣвку и кучера; самъ же вошелъ въ общество корабельной компаніи членомъ, которая наконецъ, существовавъ очень недолго, разрушилась. Дядя мой умеръ, оставивъ по себѣ иски и долги компаніи, кои, такъ какъ имѣніе его и наше, по случаю сего имъ предпріятія, было въ залогѣ, то сдѣлавшись по времени наслѣдникомъ, я долженъ былъ выкупить.

Можетъ, покажется невѣроятнымъ, чтобы можно было жить домомъ женатому, да еще и съ дѣтьми, шестью стами рублей въ годъ, безъ побочныхъ и даже непозволенныхъ доходовъ. Но я объясню сію возможность: я, не будучи сроденъ позволить себѣ дѣлать что либо противъ доброй совѣсти, обязанностию сверхъ того считалъ не пятнать тестя моего, коего правила безкорыстія были столь строги, что однажды

разсердился на меня, что я представилъ ему привезенные офицеромъ горнымъ, посланнымъ на Ирбитскую ярмарку, боченокъ сельдей и сыръ голландскій, въ поклонъ отъ Томскаго купца Шумилова, имѣвшаго небольшія дѣла по заводамъ. На силу уговорилъ я тестя моего приказать принять сельди, какъ вещь въ Барнаулѣ рѣдкую, и что сей подарокъ нельзя считать взяточкою; но когда подали за обѣдомъ сельди и онъ нашелъ ихъ хуже обыкновенныхъ Петербургскихъ, то сильно выговаривалъ мнѣ, что я связалъ его съ Шумиловымъ, челоуѣкомъ имѣющимъ худую репутацію. Во 2-хъ, безъ роскоши и модныхъ прихотей, весьма можно было прожить умѣреннымъ доходомъ; ибо, судя по чрезмѣрной тогдашней дешевизнѣ, какъ-то: по 3 копѣйки фунтъ ржаной и по 7 фунтъ пшеничной муки, по 5 гривень четверть овса и 2 копѣйки копна сѣна, говядины фунтъ 2 копѣйки, не удивительно, что я имѣлъ при себѣ для услуги челоуѣкъ десять людей и по десяти иногда и болѣе лошадей, изъ коихъ весьма немногія куплены были дороже 20 руб. Въ доказательство избытка губерніи въ лошадяхъ, коихъ на заводахъ и рудникахъ получали мастеровые по 7, 8 и не дороже 10 руб., довольно будетъ, когда скажу, что въ Кузнецкомъ уѣздѣ въ мое время считались у двухъ крестьянъ братьевъ Гусевыхъ болѣе 4000 лошадей въ нѣсколькихъ табунахъ, по волѣ въ степи пасущихся подъ надзоромъ табунныхъ жеребцовъ; хозяева же всякую недѣлю ѣздили осматривать, гдѣ пасутся.

Наконецъ въ 1784 году, въ Февралѣ я женился, и тогожь года въ Декабрѣ далъ мнѣ Богъ дочь Софью. Сей прелестный ребенокъ, чрезъ три года получивъ злую оспу, умеръ. Безмѣрная привязанность матери не токмо сей потери была причиною, но до-

рого стояла и самой ей. Лежа въ родильной постели, не могла она пережвнть обычая, чтобы подлѣ ея кровати не была кровать Сонюшкина; сія же привыкла не заснуть иначе, какъ чтобъ рученка ея не была на грудяхъ матери. Слѣдствіемъ чего было, что воспа сдѣлалась гнилою и заразила груди матери, у коей молоко сильно скоплялось.

И теперь съ ужасомъ вспоминаю я тѣ минуты, когда сказали Марьѣ Борисовнѣ, безпрерывно спрашивающей о Сонюшкѣ, что она скончалась. Вскочивъ съ постели и сѣвъ на край, вдругъ онѣмѣла, устремила глаза къ образу и молчала не плача. Матушка, сестра Катерина Борисовна, два доктора и я дали себѣ волю, не плакать только, но рыдать, чѣмъ и привели ее въ чувство. Тогда уговорили ее переѣхать къ матери, и доктора употребляли все стараніе и искусство помочь ей. Разными припарками и пластырями изгнали они изъ груди воспенной ядъ, который былъ такъ ѣдокъ, что носившая въ послѣдній день Сонюшку попережвннно съ кормилицей на рукахъ Катерина Борисовна получила на рѣсницахъ, а первая по всей лѣвой рукѣ, воспицы, отъ конхъ не скоро освободились. Въ этой суматохѣ, какъ перевезли жену мою, забыли о новорожденномъ, котораго чрезъ нѣсколько часовъ перевезла родственница тещи моей. Въ ту же самую ночь заболѣлъ оспою второй сынъ мой, ребенокъ по третьему году; но, благодаря Бога, съ терпѣніемъ нашего добраго доктора Англичанина Брауна, онъ спасенъ, равно и Марья Борисовна.

Въ это время семейство Бориса Ивановича прибавилось прїѣздомъ двухъ его сыновей Андрея и Петра; оба капитаны артиллеріи, изъ нихъ старшій, служившій въ Омской крѣпости, женился на дочери генерала Огарева, командовавшаго войсками

по Иртышской линіи. Общество Барнаульское получило удовольствіе, а казенная палата оцутительные выгоды отъ новаго вице-губернатора Николая Исаевича Ахвердова, человекъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкаго какъ умомъ, такъ и свойствами. Въ это время прибылъ къ намъ и новой генералъ-губернаторъ г. Пиль, на мѣсто г. Якобіа. Сей, почти противоположныхъ способностей предшественнику своему, начальникъ обошелся довольно хорошо съ Борисомъ Ивановичемъ, коему въ пособіе по дѣламъ губернскаго правленія перевелъ меня въ оное. Тутъ началась моя настоящая служба статская, и я былъ полезенъ тестю моему.

Въ 1788 году получаетъ тесть мой письмо отъ брата своего Ивана Ивановича, въ коемъ уговариваетъ его оставить Сибирь, чтобъ остающіеся имъ дни старости провести вмѣстѣ, и что надѣяться можетъ, что Государыня не оставитъ Бориса Ивановича безъ награды. Сіе предложеніе естественно обрадовало все семейство, тѣмъ болѣе, что Иванъ Ивановичъ обѣщаль меня перевести въ артиллерійскую канцелярію съ чиномъ артиллеріи подполковника, а сыновей Бориса Ивановича возьметъ въ Петербургъ.

Обдумывая мое тогда положеніе, рѣшился я, съ согласія тестя, ѣхать впередъ въ Петербургъ, дабы узнать о состояніи моего имѣнія и потому и расположить, чтобъ жить домомъ; а сверхъ того, чтобъ быть какъ прїѣдетъ изъ арміи Иванъ Ивановичъ. Марья Борисовна съ тремя дѣтьми должна была прїѣхать въ Петербургъ съ отцомъ. Планъ этому всему былъ хорошъ, но на выполненіе надобны были деньги. Знавъ систему безкорыстной службы Бориса Ивановича, и думать я не могъ надѣяться на помощь его, особенно чтобъ заплатить долги, кои нажилъ въ теченіи десяти лѣтъ (ихъ было съ небольшимъ двѣ тысячи руб-

лей) я адресовался къ купцамъ Нуртовымъ, коимъ сею суммою былъ долженъ, предложилъ имъ въ залогъ мой минеральный кабинетъ. На другой же день приходитъ ко мнѣ старшій изъ нихъ четырехъ и отдаетъ мнѣ разодранный мой вексель, говоря, что, зная меня столько лѣтъ добрымъ человекомъ, имъ грѣхъ не помочь мнѣ, да ежели и на дорогу въ деньгахъ будетъ нужда, то они не откажутъ. Я попросилъ на отъѣздъ въ Петербургъ 500 рублей и на другой день получалъ. Поступокъ со мною сихъ богатыхъ купцовъ не столь меня удивилъ и тронулъ, какъ то, что мелкіе купцы, къ коимъ послалъ я сказать, чтобъ пришли за деньгами, отказались отъ долга. Тогда я сталъ собираться, и пока получилъ изъ Иркутска отпускъ, уложивъ мой минеральный кабинетъ въ ящики и отправивъ на своихъ лошадяхъ въ Петербургъ, самъ поѣхалъ на-легкѣ на почтовыхъ.

По пріѣздѣ моемъ писалъ я къ Ивану Ивановичу въ армію, увѣдомляя его, что ожидаю его приказанія, и получилъ въ отвѣтъ подтвержденіе его обѣщанія. Между тѣмъ, нанявъ порядочную квартиру, расположилъ я привезенный мой кабинетъ въ нарочно сдѣланные шкапы въ намѣреніи продать его, предвидя, что не имѣю надежды получить помощь отъ имѣнія, которымъ по смерти дяди управлялъ меньшей нашъ братъ, женатый на дочери богатаго Воронова, который, не прощая дочери своей, вышедшей за мужъ безъ его воли, не только ничего имъ не давалъ и не хотѣлъ даже ихъ видѣть, но завелъ дѣло въ Синодѣ, чтобъ развести ихъ, какъ женившихся, бывъ внучатными. Въ семъ положеніи брата моего я не только не хотѣлъ стѣснять его требованіемъ себѣ части дохода, но еще имѣлъ случай сдѣлать послышную мою братскую услугу, давъ ему для за-

клада пожалованную мнѣ Императрицею золотую табакерку и золотые мои часы, что по времени и пропало. Онъ же, примирясь съ тестемъ своимъ и сдѣлавшись господиномъ очень хорошаго имѣнія, уступилъ мнѣ свою часть изъ родового намъ тремъ братьямъ принадлежавшаго.

Такъ какъ срокъ отпуска моего кончился, то я просилъ увольненія отъ моей должности совѣтника Кольванскаго губернскаго правленія и былъ причисленъ къ герольдіи.

Смерть Ивана Ивановича, убитаго подъ Килей, отнявъ у меня всю надежду на его покровительство, заставила меня, оставя всѣ виды по службѣ, спѣшить вывезть жену и дѣтей изъ Сибири. Къ счастью, я продалъ мой кабинетъ княгинѣ Дашковой для Академіи Наукъ за 4000 рублей и симъ средствомъ могъ отправиться въ Барнаулъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ получаю чрезъ ѣхавшаго при караванѣ съ серебромъ въ Петербургъ офицера письма, коими извѣщаютъ меня, что Борисъ Ивановичъ, пораженный смертію брата, находится въ тяжелой болѣзни, что все его семейство въ грусти и что всѣ трои мои сыновья умерли. Не трудно представить себѣ мое горестное положеніе. Долго не могъ я смотрѣть безъ слезъ на маленькихъ дѣтей, коихъ находилъ въ почтовыхъ избахъ, гдѣ перемѣнялъ лошадей. Наконецъ пріѣхалъ я въ Барнаулъ. Я умолчу о слезахъ и горестныхъ чувствахъ нашего семейства, къ успокоенію коего было одно только, что Борисъ Ивановичъ началъ оправляться. Пробывъ нѣсколько недѣль съ нашими родными, отравились мы съ женою въ Россію, взявъ съ собою одну офицерскую жену, давно приверженную къ нашему семейству. Мы благополучно пріѣхали въ Пермь, гдѣ тогда былъ генералъ-губернаторомъ Алексѣй Андреевичъ Волковъ. Онъ и жена его насъ

очень полюбили, равно и вице-губернаторъ и все семейство его. Желая сдѣлать меня жителемъ Перми, предложили мнѣ мѣсто совѣтника въ казенной палатѣ, управлявшаго тогда горною частію. Я не отказался отъ сего завиднаго мѣста, и генералъ-губернаторъ сдѣлалъ формальное представленіе о смѣнѣ прежняго совѣтника и объ опредѣленіи меня на его мѣсто.

Зная, что въ Петербургѣ къ подобнымъ представленіямъ необходимо нужно собственное, личное исканіе, отправился я самъ, оставя жену въ Пермь; но по пріѣздѣ скоро узналъ, что сильные того совѣтника документы, предупредившіе меня, сдѣлали, что онъ сохранилъ свое мѣсто; я же твердо рѣшился поселиться въ деревнѣ, которую тогда помирившійся съ тестемъ своимъ, меньшой братъ мой вовсе мнѣ представилъ законною сдѣлкою.

Возвратясь въ Пермь, нашелъ я жену мою въ самомъ послѣднемъ времени къ разрѣшенію отъ бремени, что счастливо и кончилось рожденіемъ намъ сына, коего и крестили генералъ-губернаторша и вице-губернаторъ. Къ сей намъ радости прибавилось извѣстіе изъ Барнаула, что сестра Катерина Борисовна вышла за мужа за тамошняго вице-губернатора Николая Исаевича Ахвердова; а пріѣздъ брата Петра Борисовича, ѣхавшаго къ своимъ родителямъ, довершилъ наше удовольствіе. Здѣсь не могу мѣста сказать, что сей тогда молодой, очень собою красивый и ловкій артиллеріи капитанъ былъ главнымъ поводомъ, что мы играли комедію «Задумчивой», гдѣ онъ, въ роли Ореста, такъ всѣхъ прельстилъ своею игрою, что по выздоровленіи послѣ родовъ жены моей не могли мы отказаться, чтобы не сыграть въ другой разъ.

Наконецъ оставили мы Пермь и весновали въ Москвѣ, остановясь у ближняго

родственника тещи моей. Переѣздивъ зимніе экипажи на лѣтніе, отправились мы прямо въ Нѣжово, усаднице, изъ коего меньшій братъ мой, по передачѣ его мнѣ, переѣхалъ къ тестю своему. Мы съ женою нашли маленькій на скорую руку построенный домикъ по нуждѣ, ибо прежній дядею построенный большой и прекрасный въ два этажа домъ былъ братомъ моимъ проданъ бригадиру Длицу, поселившемуся въ трехъ верстахъ отъ Нѣжова въ небольшой деревнѣ имъ купленной. Я нашелъ начатой братомъ новый на 12 саженьхъ домъ въ чернѣ, но уже подъ крышкою съ замысловатымъ, но неудобнымъ расположеніемъ. Вообще все службы и скотные дворы были въ самомъ худомъ состояніи. При всемъ этомъ деревня сія полюбилась моей Марьѣ Борисовнѣ, что заставило и меня помышлять приложить все стараніе прочно водвориться. Я началъ съ того, что перенесъ новостроющійся домъ на новый, прочный, каменный фундаментъ и на то самое мѣсто, гдѣ жила бабушка моя, у которой я воспитывался.

Въ 1793 году, узнавъ, что посылается чрезвычайнымъ посломъ Михайло Ларионовичъ Кутузовъ въ Константинополь, гдѣ тогда былъ тамъ повѣреннымъ въ дѣлахъ старшій мой братъ, съ которымъ лѣтъ двѣнадцать не видался, просилъ и Кутузова взять меня съ собою. Онъ сіе охотно сдѣлалъ по дружбѣ съ братомъ моимъ, и я опредѣленъ кавалеромъ посольства. Поводомъ къ сему предпріятію былъ мой расчетъ, чтобъ избѣжать объясненія чрезъ перепеку о всѣхъ излишнихъ и неправильныхъ правахъ на доходы съ общаго нашего имѣнія меньшаго нашего брата, что и могло бы старшему брату дать обо мнѣ поводъ сомнѣваться. Когда же мы увидѣлись и я ему все объяснилъ, то и онъ

отказался отъ наслѣдственной своей части, что и сдѣлалъ законнымъ актомъ.

Оставяжену на 7-мъ мѣсяцѣ беременности, отправился я къ посольству и настигъ Кутузова въ Екатериноградѣ. Получивъ отправления изъ Николаева ѣхать на бригантинѣ въ Царь-Градъ, прибылъ я туда въ Іюнь, бывъ 16 сутокъ за безвѣтріемъ и противнымъ вѣтромъ на морѣ, нашелъ брата Александра Семеновича въ Буюкдере, гдѣ онъ жилъ съ семействомъ въ загородномъ, славномъ, принадлежащемъ Россійскому посольству, домѣ на берегу Черноморскаго пролива. Я остался у него и жилъ до того времени, когда надобно было передъ прїѣздомъ посольства переѣхать въ Перу.

Наконецъ прибылъ Михайла Ларіоновичъ со всею свитою, изъ 700 и болѣе чело-вѣкъ состоящую. Верховный визирь ожидалъ его верстъ за пять отъ Константинополя, куда послѣ даннаго угощенія и завтрака и послѣ отъѣзда визиря, отправилось посольство параднымъ маршемъ. Посольство и всѣ при немъ чиновники ѣхали верхомъ на богато-убранныхъ султанскихъ лошадяхъ.

Сія тихая процессія и по многимъ улицамъ по Константинополю на показъ водимая была такъ утомительно-продолжительна, что посольство наше не прежде вечера и уже съ факелами прибыло въ Перу. Мнѣ отведена была квартера очень хорошая у доктора Жульяни, любимца славнаго Гасанъ-паши. Я нанялъ камердинера Грека, который зналъ хорошо тамошніе обычаи, говорилъ по французски и по итальянски; я имъ былъ очень доволенъ.

Вскорѣ дана была послѣ аудіенція у Султана; верховный визирь, капитанъ-паша, рейсъ-эфенди, и прочіе первые чиновники угощали посла и всю свиту. По случаю сему поступилъ братъ мой отлично хорошо.

Онъ прежде прибытія посла писалъ къ рейсъ-эфендію, представляя, что такъ какъ Султанъ въ грамотахъ своихъ называетъ Россійскаго посла достумысомъ (дорогимъ гостемъ), слѣдовательно желаетъ, чтобъ какъ посольство, такъ и его свита не остались голодны за столомъ, то чтобъ были тарелки, ложки, ножи и вилки—по обычаю Европейцевъ, что Султанъ и приказалъ чтобъ было; и такъ для посла былъ сдѣланъ сервизъ золотой, осыпанный яхонтами и изумрудами, для чиновниковъ свиты набиралъ у Грековъ нужное для стола. Сіе наблюдалось какъ у визиря, такъ и прочихъ, гдѣ посольство обѣдалъ. Лучше всѣхъ угостилъ капитанъ-паша, зять и любимецъ султана Селима, представя намъ зрѣлище джигитной игры, составленное изъ наилучшихъ наѣздниковъ всей имперіи.

Во время посольства я былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Вскорѣ за посольствомъ прибылъ министромъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, а братъ мой кончилъ порученіе свое повѣреннаго въ дѣлахъ. На другой годъ, въ началѣ весны, посольство, оставя Константинополь, отправилось въ Россію. Изъ Елисаветграда (гдѣ я узналъ о смерти меньшаго моего брата) Кутузовъ отпустилъ меня впередъ въ Петербургъ, куда прїѣхавъ отправился тотчасъ въ деревню къ женѣ, которую и нашелъ здоровою и счастливою сыномъ Николаемъ; а такъ какъ нужно очень было быть въ Петербургѣ прежде Кутузова, то и поѣхали мы съ женою туда. Жизнь Петербургская ей не нравилась; она убѣждала меня, чтобъ жить въ Нѣжовѣ, которое очень любила. Я, чтобы угодить ей, подалъ просьбу объ отставкѣ, которую и получилъ въ 1795 году съ чиномъ статскаго совѣтника. Но въ самое то время, когда я хлопоталъ о ней, получаю съ на-

рочнымъ изъ Нѣжова извѣстіе, что моя Марья Борисовна скончалась въ родахъ, равно и ребенокъ. Пораженный симъ несчастіемъ, отправился я въ деревню и оплакивая десятилѣтнюю мою жизнь съ женою истинно доброю, утѣшался только оставшимся мнѣ отъ нея сыномъ. Въ грусти моей рѣшился я посвятить себя деревенской жизни и употребить все стараніе о приведеніи имѣнія въ лучшее положеніе.

Въ это время переѣхали ко мнѣ жить тетка моя Уварова, родная сестра отца моего, подаривъ мнѣ 58 душъ у ней оставшихся въ Лугскомъ уѣздѣ, кои, по смерти брата Александра Семеновича, подарилъ я его дочери Софѣѣ.

Грустная и уединенная моя жизнь въ деревнѣ заставила меня обратить все стараніе о поправленіи обветшалого моего усадища, въ коемъ одинъ только господскій домъ приведенъ былъ въ довольно порядочное состояніе, прочее же строеніе было крайне плохо.

Опредѣливъ изъ крестьянъ моихъ двѣнадцать въ плотники, я выстроилъ три скотные двора, два новыя гумна, двѣ обширныя пуня для соломы и пчелъ, амбаръ для сѣна телятамъ, хлѣвъ на случай заболѣвшей скотины, избу съ печью, въ коей вмазанъ большой чугунный котель для корму скота паренымъ охоботьемъ отъ вымолоченнаго хлѣба, молошную избу и при ней ледники, въ той-же связи для пастуховъ избу съ чуланами; къ господскому дому два флигеля, баню и ткацкую, каретный сарай, два хлѣбные амбара и хлѣбный магазинъ; нанялъ садовника и завелъ садъ.

Безъ хвастовства могу сказать, что я въ теченіи пяти лѣтъ моего одиночества привелъ Нѣжово въ несравненно лучшее состояніе, какъ въ разсужденіи самаго усадища, такъ и пашни. Въ 1792 году, когда

я пріѣхалъ въ него, запашка состояла изъ сорока четвертей ржи, нынѣже доведена до ста.

Нашедъ барщину малолюдную и въ жалкомъ состояніи, я взялъ изъ оброчныхъ тридцать сохъ на барщину. А такъ какъ сіи оброчные живутъ при Чудскомъ озерѣ и зимою промышляютъ рыбною ловлею, то и содержались на господской работѣ только до Ноября; а дабы къ сему времени поспѣть мнѣ обмолотить хлѣбъ, то я построилъ два гумна и симъ средствомъ успѣвалъ нерѣдко до Рождества Христова молоченье оканчивать. Но чтобъ дать средство и барщиннымъ поправиться, то я ихъ помѣстилъ въ рыбный промыселъ. На сей случай употребилъ я слѣдующую разсчетливость. У бережскихъ моихъ оброчныхъ было болѣе десяти неводовъ, въ каждомъ было по двѣнадцати работниковъ, коихъ они принимали съ воли. Переживъ нѣсколько холостыхъ изъ оброчныхъ на дѣвкахъ изъ барщинныхъ семей, я породнилъ ихъ и потомъ опредѣлилъ въ каждый неводъ по четыре барщинника, такъ чтобъ, гдѣ въ семьѣ два работника, одинъ оставался дома и смѣнялся бы на промыселъ понедѣльно. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ поправляться стали мои барщинные: ибо на худой конецъ рублей до пятидесяти въ зиму доставали и стали заводить порядочныхъ лошадей, неотмѣнно потребныхъ на озерѣ; стали сѣять болѣе прежняго овса, и я пересталъ слышать на господской работѣ безпрестанное понуканье лошадей.

Что я не ошибся въ расчетѣ, взявъ тридцать сохъ съ оброчныхъ на лѣто на барщину, спустивъ каждому по десяти рублей изъ оброка, то пусть всякъ сочтетъ, сколько принесла мнѣ прибыли пашня, доведенная до ста четвертей посѣва ржи,

когда прежде застѣвалось ея сорокъ. Но главнымъ честолюбіемъ хозяйства моего похвастать могу тѣмъ, что въ сорокъ лѣтъ владѣнія, въ самые голодные годы, никто не видѣлъ кого-нибудь изъ крестьянъ моихъ просящаго милостыни.

Выше сказано мною, что переѣхала ко мнѣ моя родная тетка, старушка богомольная. Она часто брюзжала и уговаривала меня жениться. Я соглашался, но съ тѣмъ, что даю ей довѣренность ѣхать самой пскать невѣсту, самъ же изъ Нѣжова ни ногой, и буде не пріѣдетъ ко мнѣ сама невѣста и мы другъ друга не полюбимъ, то останусь вдовымъ. Сія шутка сбылась. Изъ Пскова пріѣзжаетъ въ Чернево къ Андреяну Ивановичу Хвостову братъ жены его въ гости на святки съ женою, и съ ними дѣвица Колюбакина Катерина Александровна. Александръ Ивановичъ Хвостовъ съ женою, дочерьми и сыномъ, ѣхавши въ Чернево, заѣхали ко мнѣ и уговорили провести святки вмѣстѣ; а какъ въ самый новый годъ я бываю мянпникъ, то просилъ ихъ къ себѣ. Ко мнѣ пріѣхала сестра Наталья Матвѣевна съ мужемъ, съ его сестрами и съ зятемъ мужа своего Дедюхинымъ. Пробывъ у меня два дня, разъѣхались; сосѣдки же мои Хвостовы подговорили меня ѣхать въ Чернево. А такъ какъ любя меня искренно уговаривали жениться, то и воспользовались и довели совѣтами и убѣжденіями, чтобъ всмотрѣлся въ хорошіе умъ и свойства Колюбакиной. Знавъ, будучи въ Псковѣ, несчастную жизнь ея при отцѣ ея, понадеясь имѣть въ ней добрую жену, предложилъ ей мою руку. Обробѣвши отъ неожиданнаго моего предложенія, отвѣчала мнѣ, что завися отъ отца, ничего сказать не можетъ. А какъ сіе сдѣлалось гласнымъ въ Черневѣ, то Пальчикова поѣхала въ Псковъ, куда и я не замедлилъ отправитъ-

ся. Почтенная старушка Пальчикова обрадовалась мнѣ, позвала г. Колюбакина, объявила ему мое желаніе, на которое съ великою радостію онъ согласился и благословилъ насъ. Всѣ во Псковѣ удивлялись мнѣ, а нѣкоторые и позавидовали моей невѣстѣ. Зная и даже свидѣтелемъ бывъ бѣдности ея гардероба (ибо на балахъ у губернатора Беклешова и вице-губернатора Бибикова, гдѣ болѣе дюжины бывало разряженныхъ дѣвиць, одна Колюбакина была въ бѣломъ миткалевомъ платьѣ), я немедленно отправился въ Петербургъ, гдѣ въ короткое время сдѣлалъ ей все нужное какъ со стороны платья, такъ и уборовъ, и возвратился въ Псковъ, а въ началѣ Февраля мы обвѣнчались, и я, показавъ жену далеко не въ прежнемъ видѣ, поживъ у тестя недѣли двѣ, отправился въ Нѣжово.

Скоро узналъ я доброту сердца, тихой нравъ, чувствительную признательность и безпредѣльную ко мнѣ привязанность моей милой Катерины Александровны. Узнавъ, что желалось бы ей увидѣться съ сестрами, живущими въ Малороссіи, я охотно исполнилъ, и мы весною отправился къ тестю моему, который обыкновенно ѣздилъ изъ Пскова въ деревню свою въ Новоржевскомъ уѣздѣ. Мы предложили тестю моему ѣхать съ нами, и онъ охотно согласился. И такъ пустились мы въ сей, не близкой путь, т. е. Полтавской губ. въ городъ Лубны, оттуда въ деревню къ свояку моему г. Алексѣеву. Познакомясь съ новою моею роднею и погостивъ нѣсколько недѣль, пустились въ обратной путь и были въ Кіевѣ, оттуда черезъ Могилевъ пріѣхали къ зятю въ его деревню, а отъ него прямо въ Нѣжово, черезъ Псковъ (гдѣ узналъ о кончинѣ императора Павла I). Моя Катерина Александровна была беременна. Опасаясь подобныхъ родовъ моей Марьи Борисовны, мы

поѣхали въ Нарву, гдѣ со стороны надежныхъ бабки и доктора я былъ покоенъ. Но кто изъ смертныхъ можетъ предусмотрѣть непредвѣленіе Провидѣнія? Послѣ трехсуточныхъ мукъ, при всемъ неуспѣшномъ попеченіи бабки и двухъ докторовъ, скончалась моя милая, добрая Катерина Александровна, не перенеся болѣе отъ операціи, чтобы вынуть уже умершаго ребенка. Наканунѣ Екатеринина дня, въ который три года предъ симъ въ первый разъ ее увидѣлъ, я на вѣки съ нею простился. Тѣло перевезено изъ Нарвы въ Крапивенскій нашъ погостъ и погребено подлѣ могилы Марьи Борисовны, но такъ, что между ними приказалъ я приготовить могилу и себѣ, которая съ 1800 года и по нынѣ существуетъ. Желалъ бы быть положенъ въ нее по смерти моей.

Пораженный вторично столь тяжелымъ въ жизни ударомъ, оставилъ я мое Нѣжово и поѣхалъ въ Петербургъ. Отъ тестя моего не требовалъ я не только части имѣнія мнѣ по закону слѣдовавшей, но отослалъ ему людей, въ приданство покойной данныхъ, и все имущество. А какъ мой сынъ поручень уже былъ свояку моему Ахвердову и отданъ въ пансіонъ, то между прочими развлеченіями, я явился къ графу Александру Сергѣевичу Строгонову, бывъ съ 1796 г. три года предводителемъ Гдовскаго уѣзда, тогда какъ онъ былъ губернскимъ. Хотя онъ былъ и весьма хорошо расположенъ ко мнѣ, но не онъ, а сынъ его Павелъ Александровичъ и его племянникъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, бывшіе при императорѣ Александрѣ Павловичѣ самыми къ нему ближайшими, полюбивъ меня, сдѣлались моими покровителями и проложили мнѣ путь къ счастью.

Не лишнимъ считаю помѣстить здѣсь

происшествіе со мною въ бытность уѣзднымъ предводителемъ.

При самомъ выборѣ меня, по случаю особеннаго происшествія съ моимъ предшественникомъ г-номъ Мятлевымъ (тайнымъ совѣтникомъ, директоромъ банковъ и Бѣлаго орла кавалеромъ) сдѣлался я извѣстенъ многимъ знатнѣйшимъ особамъ. Сама императрица похвалила поступокъ мой, сказавъ: *ей пріятно, что дворяне себя чувствуютъ*. Я приобрѣлъ любовь и уваженіе Гдовскаго дворянства посильнымъ стараніемъ о пользахъ его, защитою отъ притѣсненій и строгимъ наблюденіемъ правилъ при рекрутскихъ наборахъ. При восшествіи на престолъ императора Павла I-го имѣлъ я случай быть полезенъ графу Строгонову, бывшему тогда въ великомъ страхѣ, опасаясь подпасть, за участіе въ исторіи Петра III-го, гнѣву Павла I-го. Высочайшимъ его повелѣніемъ предписано было сенаторамъ не отлучаться изъ столицы, губернскіе же предводители должны были въ проѣздъ изъ Москвы чрезъ Ригу императора встрѣчать его и провождать по губерніи; то графъ Строгоновъ избралъ меня заступить его мѣсто и отъ Ямбурга до Гатчины проводить Государя. Съ утвержденія главноуправляющаго тогда въ столицѣ Архарова вступилъ я въ исполненіе сего препорученія.

Дѣтямъ моимъ не излишне будетъ прочитаты подробности сего со мною бывшаго. Получивъ маршрутъ и предписаніе заготовить все, что для стола Государева означено было, поѣхалъ я осмотрѣть, что въ Ямбургѣ, гдѣ назначено быть ночлегу Государя, и въ Чирковицахъ, гдѣ быть обѣденному столу, исправить нужнымъ найдется. Возвратясь, отправилъ туда обойщика, красильщика и штукатуровъ, а Лазарева просилъ, чтобы къ назначенному дню одолжилъ меня

и приказалъ бы доставить въ Чирковицы изъ Ропшинскихъ своихъ прудовъ хорошей живой рыбы для стола Государю. Вслѣдъ за симъ, отправился самъ въ Ямбургъ и распорядилъ все какъ должно. Свѣтъ Государевой отведены лучшія квартиры, и даже нижнимъ чинамъ приготовлено было поужинать. Въ тотъ день, какъ Государь уѣзжалъ изъ Нарвы и уже пріѣхала кухня и принявъ припасы, начали готовить къ ужину, вдругъ прискакалъ рядовой съ словеснымъ повелѣніемъ Государя, чтобъ все отпавилось въ Заполье и тамъ готовить ужинъ и ночевать Государю. Пораженный какъ громомъ, не зная я что дѣлать, какъ вдругъ прискакала въ 8 лошадей коляска постановилась у квартиры Государя. Узнавъ, что пріѣхалъ обергардеробмейстеръ Кутайсовъ (важность особы сей тогда уже была извѣстна), я подошелъ къ коляскѣ и просилъ его потрудиться посмотреть, какъ было приготовлено для пріема Государя и великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ такъ добръ, что исполнилъ просьбу мою и хвалилъ мое распоряженіе; но когда я рассказалъ ему о ветхости, неопрятности и даже опасности Запольскаго почтоваго дома, то онъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ, что не смѣетъ отмѣнить повелѣнія и что надобно туда ѣхать и тамъ смотрѣть, что можно поправить.

Между тѣмъ, лошади ему были готовы, и онъ уѣхалъ. Тутъ я видѣлъ, какъ круто исполнялись дворцовою прислугою повелѣнія Императора. Менѣе четверти часа имъ нужно было, чтобъ отправить кухню и всѣ припасы, также и столы и студья въ Заполье. Самъ я поскакалъ туда, и являсь къ Кутайсову, изъяснилъ ему страхъ мой, что когда Государь изволитъ увидѣть, какія мерзости написаны на стеклахъ и по стѣ-

намъ, то ежели приишетъ моею нерадивости, то могу быть несчастливъ. Кутайсовъ общалъ мнѣ, что буде Императоръ пріѣдетъ рано, то онъ постарается уговорить его проѣхать въ Чирковицы. Мнѣ было отлегло отъ сердца, какъ вдругъ пріѣзжаетъ камеръ-гофъ-фурьеръ Назаровъ, который пошедь въ покой, гдѣ уже накрытъ былъ столъ, спросилъ, кому здѣсь поручено; когда же я ему отвѣчалъ, что мнѣ, какъ предводителю дворянъ, поручено, то какъ бѣшенный сказалъ мнѣ: «Развѣ вы хотите Государя задавить? Вѣдь потолокъ провалится!» Тутъ вступился Кутайсовъ и объяснилъ ему, что я совѣмъ не виноватъ и какъ въ одинъ часъ могъ я все исправить. Пошли на верхъ и по счастью, нашли три поперегъ положенные бруса, къ коимъ потолокъ прикрѣпленъ. Къ вечеру уже пріѣхалъ Государь, великіе князья и вся свита. Я приказалъ одному изъ 4-хъ бывшихъ при мнѣ дворянъ доложить графу Безбородкѣ, зная, что онъ боялся таракановъ, что не угодно ли ему проѣхать въ Чирковицы, гдѣ ему приготовлена квартира въ господскомъ домѣ. Императоръ и великіе князья пошли въ покой съ перегородкою, назначенной для спаленъ. Со входомъ ихъ туда, сердце у меня замерло и, ходя у крыльца взадъ и впередъ, ожидалъ бѣды себѣ. Но минутъ черезъ десять подходитъ ко мнѣ мое страшнлице Назаровъ и очень вѣжливо объявляетъ мнѣ, что Государь Императоръ приглашаетъ меня къ вечернему его столу. Отдавъ глубочайшій поклонъ, счелъ я себя въ правѣ взойти на крыльцо, гдѣ стояли нѣкоторые меня знавшіе, въ томъ числѣ Нелединскій, секретарь при Государѣ, отъ котораго я услышалъ, что неизвѣстно за что братъ Александръ Семеновичъ выключенъ изъ службы. Государь, проходя въ столовую, остановился

и, осматривая всѣхъ тутъ бывшихъ, увидѣвъ меня на крыльцѣ стоявшаго, далъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подошелъ. Лишь только я переступилъ порогъ, Государь спросилъ меня: какого уѣзда я предводитель? Я отвѣчалъ, что Гдовскаго, что мнѣ поручено все касательно высочайшаго проѣзда отъ Ямбурга до Гатчины. Но душа моя, страхомъ объятая, заставила меня предупредить и сказать Государю, что я въ великомъ страхѣ; онъ спросилъ: отъ чего? Я отвѣчалъ: «Вашему Величеству угодно было переимѣнить и повелѣть вмѣсто Ямбурга быть здѣсь вечернему столу и ночлегу; но домъ въ весьма худомъ состояніи». Онъ съ милостивою улыбкою изволилъ мнѣ сказать: «Меня, сударь, вѣтромъ сюда занесло, и вотъ какъ растрепаны у меня пукли. Вы называли Гдовъ; я, кажется, былъ во Гдовѣ?» Я отвѣчалъ: «Ваше Императорское Величество, бывъ великимъ княземъ, изволили въ проѣздъ въ чужіе края быть въ немъ». — «А! помню, помню, онъ на Наровѣ», и съ тѣмъ вмѣстѣ указалъ мнѣ войти въ столовую, гдѣ уже были великіе князья, фельдмаршалъ Каменскій и Растопчинъ. Ставъ у дверей, видѣлъ я, какъ Каменскій, за каждое ему слово, цѣловалъ полу сертука у Государя; видѣлъ, какъ Государь разговаривалъ съ Ростопчинымъ пантомимами и какъ, шутя съ Константиномъ Павловичемъ, выбилъ у него изъ рукъ шляпу. Короче, я былъ спокоенъ, видя Государя веселымъ. Садясь за ужинъ, изволилъ дать мнѣ знать, чтобъ я занялъ мѣсто. О! какъ я возгордился, когда подходилъ ко мнѣ съ блюдомъ страшный мнѣ прежде Назаровъ. Когда, послѣ ужина, Государь и великіе князья пошли на свою половину, то фельдмаршалъ, ѣхавшій въ открытой маленькой коляскѣ, просилъ меня дать ему подушку, — одно, чѣмъ

могъ я услужить ему. Всю ночь провелъ на караулѣ, чтобъ не было шуму, и у проѣзжихъ колокольчики отвязывались. Поутру требуютъ сливокъ, приносятъ десятками кринки молока, всѣ не годятся. Спасибо кофешенку, который успокоилъ меня, сказавъ, что онъ всегда въ запасъ возитъ полныя склянки крѣпко закупоренныя, но что Государь всегда ихъ узнаетъ. Когда поутру стали запрягать лошадей, я спросилъ Кутайсова, что мнѣ дѣлать и, повторивъ благодарность мою, что все приписалъ его великодушію, сказалъ ему, что считаю нужнымъ быть въ Чирковицахъ прежде Государя. Онъ все одобрялъ, и я поскакалъ туда. Меньше получаса прошло, пріѣзжаетъ Императоръ, велѣлъ стать подождать почтового дома; я являюсь и стою подлѣ коляски его. Увидѣвъ меня, сказалъ: «Ты какъ здѣсь? Остаешься, я не люблю, чтобъ впередъ меня ѣздили». Я не успѣлъ поклониться, какъ лошади были уже запряжены и поскакали во весь духъ. Я проводилъ всю свиту и, исполнивъ благополучно всѣ мнѣ порученія, забывъ о стерлядяхъ Назарева и даже мою у Каменскаго подушку, поѣхалъ въ Петербургъ, явился къ Архарову, который тотчасъ благодарилъ меня, сказавъ, что онъ все знаетъ. Я весьма былъ удивленъ, увидѣвъ его въ столь мрачномъ духа положеніи, что не подходилъ уже ни мало на прежняго пышнаго и гордаго Архарова. Велѣдъ почти за мною пріѣзжаетъ упомянутый мною Назаровъ, съ конемъ въ ту же минуту съ подобострастіемъ пошли въ другую комнату, а я отправился домой и скоро узналъ, что мы Архарова болѣе не увидимъ. Вотъ что мнѣ рассказали. По пріѣздѣ въ Гатчину, Государь отменно былъ къ нему милостивъ, даже обнимая цѣловалъ его и таковымъ былъ съ нимъ до развода караула и во все

время, пока не пошелъ къ Императрицѣ и отъ нея къ фрейлинѣ Нелидовой; возвратясь въ кавалерскую, съ гнѣвнымъ видомъ приказалъ Архарову, чтобъ тотчасъ ѣхалъ въ Петербургъ и никогдабъ ему не казался. На другой день я былъ у графа Строгонова, отранпортовалъ ему о выполненіи его порученія и нашелъ его въ томъ же положеніи, ожидающимъ судьбы своей. Пробывъ нѣсколько въ Петербургѣ и узнавъ систему управленія Императора Павла I-го, удалялся я въ свое Нѣжово, окончивъ свое Гдовскаго уѣзда предводительство. Какъ я женился и овдовѣлъ, сказано уже выше сего.

Теперь обращаюсь къ тому времени, какъ обрѣлъ я любовь молодого Строгонова и Новосильцева.

Послѣ похоронъ жены, несносна стала мнѣ жизнь въ Нѣжовѣ; я поѣхалъ въ Петербургъ и, хотя былъ въ глубокомъ траурѣ, поѣхалъ однакожъ къ графу Строгонову, узнавъ отъ брата Александра Семеновича, что старикъ графъ уваженъ и даже былъ въ большемъ кредитѣ у покойнаго императора (въ погребальной процессіи котораго и на торжественномъ изъ Невскаго монастыря перевезеніи, по высочайшему его распоряженію, гроба Петра III-го и поставленнаго подлѣ гроба императрицы Екатерины II-й, употребленъ я былъ отъ печальной комиссіи, такъ какъ и при перевезеніи ихъ изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ, гдѣ нѣсколько разъ наряжаемъ былъ дежурнымъ).

Сказавъ выше, что у графа Строгонова я былъ въ траурѣ, разскажу о послѣдствіи. Онъ очень пожалѣлъ о моемъ несчастіи и совѣтовалъ мнѣ вступить въ службу. Благодаря его, сказалъ я ему, что за оказанную мною готовность выполнить порученіе его въ проѣздъ покойнаго Государя изъ Нарвы въ Гатчину, надѣюсь на его

III

покровительство. Но когда онъ мнѣ сказалъ, что тому уже прошло четыре года, то я такъ былъ симъ тронутъ, что въ ту же минуту сталъ съ жаромъ говорить ему: «Поэтому я заключить долженъ, что когда бы былъ сосланъ въ Сибирь Государемъ, по случаю проѣзда его (отъ каковаго порученія, не бывъ къ его сіятельству такъ преданъ, могъ бы отречься), то неужели бы и тогда на просьбу мою получилъ такой же отвѣтъ?» Сіе его сконфузило, и онъ началъ увѣрять, что будетъ стараться обо мнѣ. Сіе происходило въ его славной галлерей картинъ, и я совсѣмъ не примѣтилъ смотрѣвшаго на нихъ молодого, незнакомаго мнѣ человѣка. Это былъ графъ Павелъ Александровичъ, сынъ графа Александра Сергѣевича, недавно пріѣхавшій изъ Парижа. Между тѣмъ, стали пріѣзжать къ графу посторонніе, и когда онъ ими занялся, тогда молодой графъ, подошедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я, когда буду имѣть какую надобность, то бы отнесся къ нему, что еще повторилъ, взявъ меня подъ руку и идучи къ столу съ Николаемъ Николаевичемъ Новосильцовымъ, котораго я видалъ и прежде въ семь домѣ. На другой день разсказалъ я о семь брату Александру Семеновичу, который мнѣ, какъ деревенскому невѣжѣ, открылъ глаза, давъ мнѣ знать, что молодой Строгоновъ и Новосильцовъ суть самые ближайшіе къ Государю, а потому, коли искать себѣ чего, то смотри выбирай получше. Случайно узнавъ, что графъ Хвостовъ долженъ оставить мѣсто оберъ-прокурора Синода, я просилъ новыхъ моихъ благодѣтелей, кои показывали искренно желаніе мнѣ покровительствовать, что счастіемъ почиталъ бы получить мѣсто сіе, что мнѣ и было обѣщано. Но когда графъ Хвостовъ сдѣланъ сенаторомъ и Новосильцовъ сталъ просить обо мнѣ Государю Русскій Архивъ 1870. 19

даря, то онъ изволилъ отвѣчать: «Для чего ты не сказалъ мнѣ прежде? Я вчера съобѣщаль матушкѣ опредѣлить на сіе мѣсто Яковлева, родственника графа Румянцева». Но при объявленіи мнѣ сей неудачи, я былъ ободренъ, что безъ хорошаго мѣста не останусь. Въ это время были учреждены министерства, и графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ былъ сдѣланъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ къ графу Виктору Павловичу Кочубею. Николай же Николаевичъ Новосильцовъ оставался при Государѣ, собственнымъ Его Величества секретаремъ. Я старался оказывать обоимъ истинную приверженность и имѣлъ доказательства ихъ ко мнѣ довѣренности.

Однажды, бывъ у Новосильцова, услышалъ я, что нѣкто сенаторъ Селифонтовъ опредѣляется Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, и что отъ Тобольской губерніи отдѣляется часть, чтобъ составить вновь учреждаемую Томскую, въ составъ коей должна поступить и бывшая Колыванская губернія. Посовѣтовавшись съ старшимъ моимъ братомъ и открывъ ему мое сердечное желаніе заплатить добромъ за мои десять лѣтъ спокойно и благополучно проведенныя въ краю семь, просилъ я обонхъ моихъ благодѣтелей, объяснивъ имъ причины моего желанія быть тамъ губернаторомъ, отъ чего они и не отказались. Черезъ нѣсколько дней графъ Павелъ Александровичъ сказалъ мнѣ, чтобъ я просилъ Кочубея. Изъяснивъ ему, что почти себя счастиемъ служить подъ его начальствомъ, буде сдѣлаетъ въ новоучреждаемую Томскую губернію губернаторомъ, онъ мнѣ объявилъ, что Селифонтовъ представилъ уже двухъ кандидатовъ. Я извинялся, что, не зная о томъ, его беспокоилъ и хотѣлъ откланяться, но онъ остановилъ меня и

предлагалъ мнѣ на выборъ три губерніи. Я благодарилъ его и отказался. Сіе показалось ему страннымъ, но когда изъяснилъ ему, что, не желая разстроить мое состояніе и зная, что однимъ губернаторскимъ жалованьемъ нельзя прилично званію начальника губерніи прожить, на предосудительные же доходы не поущусь, то не вижу резону изъ одного губернаторскаго званія себя разстраивать; но какъ окладъ Томскаго почитаю себя достаточнымъ по дешевизнѣ края, то надѣялся бы служить такъ, что начальству неудовольствія и себя бы безчестья не навлекъ. Графъ Кочубей, выслушавъ со вниманіемъ мое объясненіе, сказалъ мнѣ, чтобъ я попросилъ генералъ-губернатора, что я и исполнилъ. Въ сaturday воскресенье, когда я пріѣхалъ къ графу Александру Сергѣевичу на дачу, куда много къ нему съѣзжалось обѣдать, пріѣзжаетъ графъ Павелъ Александровичъ и объявляетъ мнѣ, что я сдѣланъ Томскимъ губернаторомъ. На другой день благодарилъ я Кочубея и былъ у Селифонтова, который, будучи человекъ болѣе простой, не скрывалъ своего на меня неудовольствія. Въ короткое время благодѣтели мои доставили мнѣ новое доказательство ихъ ко мнѣ благорасположенія, испрося у Государя мнѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Все что нужно правительству къ учрежденію вновь губерніи поручено было мнѣ, и велѣно было отпустить по требованію моему деньги. Зная весь недостатокъ въ приказныхъ и нижнихъ чинахъ въ Тобольской губерніи, отъ коей удѣлить въ новоучреждаемую Томскую предполагаемо было, я представилъ, чтобъ повелѣно мнѣ было набрать въ Петербургѣ нужное ихъ число. Получивъ разрѣшеніе съ тѣмъ, чтобъ класнымъ чиновникамъ дано будетъ впередъ за треть жалованье и какъ имъ, такъ и

нижнимъ чинамъ прогонныя деньги, я въ короткое время набралъ около 70 человѣкъ, изъ коихъ очоно немного оказалось неспособныхъ. Покойный графъ Васильевъ, министръ финансовъ, бывъ ко мнѣ хорошо расположенъ, нѣсколько разъ говорилъ мнѣ шутя, что пора мнѣ кончить вербовать чиновниковъ, что скоро у него не достанетъ денегъ. Наконецъ, закупивъ все, что потребно было къ открытію губерніи, и отправивъ съ надежными чиновниками, равно и всѣхъ туда опредѣленныхъ, сталъ и самъ собираться. При отправленіи нижнихъ чиновъ объявилъ я въ предупрежденіе каждому, что кто будетъ хорошъ, то буду стараться объ немъ; а кто будетъ худъ, тому паспортъ въ руки и ступай въ Петербургъ пѣшкомъ.

Прежде отъѣзда моего, вотъ что случилось со мною замѣчательнаго. Приѣхавъ поутру къ Новосильцову, когда никого постороннихъ у него не было, сказываетъ онъ мнѣ, что получивъ изъ Англіи отъ общества Герягутеровъ предложеніе ихъ и просьбу исходатайствовать у Государя позволеніе прислать миссіонеровъ для приведенія псевѣрныхъ въ вѣру христіанскую. Зная же, продолжалъ онъ, что Сибирь любима, посмотри, не найдешь ли извлечь изъ сего пользу краю сему. Получивъ отъ отъ него переводъ съ оригинала ихъ предложенія и кондицій, отправясь домой, принялся разсматривать и придумывать, какую ощутительнѣйшую извлечь пользу отъ сей колоніи. Для чрезъ три привожу Николаю Николаевичу проэктъ, на какомъ основаніи и съ какою цѣлью приглашать Герягутеровъ. Зная, что въ учреждаемую Томскую губернію включенъ уѣздъ Красноярскій, въ которомъ находится Ирбитскій желѣзоплавильный заводъ на рѣкѣ Тубѣ, которой довольно высокіе берега весьма богаты самы-

ми легкоплавными желѣзными рудами, узнавъ также, что сей заводъ, принадлежавшій прежде купцу, но за недоимку по винному откупу описанъ въ казну, я рассудилъ, что можно изъ него извлечь обширную государственную пользу. Известно, что правительство употребляло много стараній и капитала для усовершенствованія искусства закалки стали, для чего выписываны были изъ Англіи мастера, за большую плату, но сіи не открывали никогда секрета сего. На семъ основавъ цѣль предположенія моего, изъяснилъ мнѣніе мое, что почитаю весьма полезнымъ привлечь колонію, но съ тѣмъ, чтобъ они завели стальныя и оружейныя фабрики, поелику выработкою просто желѣза не получить такого прибытка, судя отдаленный провозъ въ Россію. А когда колонія заведетъ стальныя фабрики, то со временемъ откроется, столь скрываемый Англичанами секретъ закалки стали.

Здѣсь обрывается Записки; дальнѣйшее служитъ къ нимъ приложеніемъ.

I.

Рапортъ Сперанскаго Государю Императору.

1-го Іюня 1820 года.

(Изъ Иркутска).

По прошеніямъ, принесеннымъ на Высочайшее имя отъ бывшихъ гражданскихъ губернаторовъ, Томскаго—Хвостова и Тобольскаго—Корнилова, благоугодно было Вашему Императорскому Величеству повелѣть мнѣ: «вникнувъ во всѣ обстоятельства, донести съ моимъ заключеніемъ и съ присокупленіемъ моего объ нихъ мнѣнія».

Обстоятельства дѣлъ, подробно мною разсмотрѣнныя, имѣю честь представить въ прилагаемыхъ при семъ двухъ запискахъ.

Заключеніе мое, на точномъ разсмотрѣніи сихъ обстоятельствъ основанное, состоитъ въ томъ, что оба чиновника сіи невинны.

Наконецъ мнѣніе, которое благоугодно

*

Вашему Величеству повелѣтъ мнѣ о нихъ представить, состоитъ въ томъ, что они оба служили въ Сибири съ истиннымъ усердіемъ и безкорыстіемъ, оставили по себѣ доброе имя и найдутчіе отзывы; были обвиняемы: Хвостовъ по личнымъ неудовольствіямъ, а Корниловъ по неправильной мѣрѣ, самимъ генераль-губернаторомъ утвержденной и послѣ имъ же отмѣненной и на губернатора сложенной. Были судимы первой 6-тъ, а второй 8-мъ лѣтъ, оправданы Правительствующимъ Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ и потомъ оставлены подъ всею тяжестью вины незаслуженной. По всѣмъ отношеніямъ они достойны правосуднаго Вашего Величества на судьбу ихъ воззрѣнія и справедливаго по примѣру другихъ вознагражденія.

Копія съ записки Сперанскаго при рапортѣ Государю Императору.

въ 1820 году Юня 1-го дня.

Бывшій Томскій гражданскій губернаторъ Хвостовъ опредѣленъ въ сіе званіе въ 1803 году. Ему поручено было открыть и устроить Томскую губернію. Надлежало собрать людей и устроить всё вновь. Въ 1804 году всё было устроено, и дѣла приняли законной ходъ. Издержка на всѣ губернскія помѣщенія составляла 4120 рублей.

Ему поручено было водвореніе поселенцевъ; онъ учредилъ новый порядокъ поселенія и въ теченіи трехъ лѣтъ водворилъ 3200 семействъ. Въ 1808 году они поступили уже во всѣ земскія повинности, и къ возврату казенной ссуды. Изъ 385 т. на сіе предназначенныхъ, онъ употребилъ только 60 т.; сбережено 325 т. Тоже самое поселеніе въ Иркутской губерніи продолжалось вмѣсто 3-хъ—13-тъ лѣтъ, стоило до полумилліона, и поселенцы едва нынѣ только введены въ положеніе крестьянъ.

Онъ сдѣлалъ обзорѣніе отдаленнѣйшихъ частей губерніи, гдѣ ни прежде ни послѣ его губернаторы не бывали, предохранилъ Туруханской уѣздъ отъ голода, въ Енисейскѣ завелъ хлѣбные запасы.

На сихъ личныхъ обзорѣніяхъ и точномъ познаніи нуждъ народныхъ основалъ разныя предположенія къ лучшему устройству губерніи. Въ бытность его въ Петербургѣ въ 1806 году онъ поднесъ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ прямо ¹⁾. Ему объявлено было изустно Высочайшее благоволеніе.

По возвращеніи въ Томскъ онъ сдѣлалъ представленія генераль-губернатору о облегченіи народныхъ повинностей. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: въ отсутствіе его распоряженіемъ комитета земскихъ повинностей вмѣсто 8-ми паръ положено было содержать на станціяхъ по 30-ти лошадей, —число совершенно излишнее. Тягость простиралась до 305 т. рублей. Первая половина была уже собрана. Губернаторъ представлялъ облегчить по крайней мѣрѣ вторую и сложить съ народа около 90 т. рублей; но положеніе комитета было утверждено генераль-губернаторомъ, и представленіе его было отвергнуто ²⁾.

Въ Казенной Палатѣ производилось одно откупное дѣло; генераль-губернаторъ далъ предложеніе. Гражданскій губернаторъ почелъ себя въ невозможности исполнить его противъ сенатскаго указа. Споръ кончился тѣмъ, что Сенатъ Палату за исполненіе сего предложенія оштрафовалъ 9-ю т. руб. ³⁾.

Хвостовъ просилъ и въ 1808 году получилъ отставку.

Когда уже онъ оставилъ губернію, генераль-губернаторъ представилъ на него слѣ-

¹⁾ Первая причина личныхъ неудовольствій.

²⁾ Вторая причина личныхъ неудовольствій.

³⁾ Третія и рѣшительная причина личныхъ неудовольствій. Примѣчанія Хвостова.

дуюція обстоятельства: 1) что Хвостовъ, отправляясь въ Петербургъ, увезъ съ собою одну поселщицу; 2) что на него былъ отъ одного канцеляриста доносъ, якобы земскій исправникъ хотѣлъ собрать съ разныхъ волостей въ подарокъ ему 700 рублей; 3) что онъ допустилъ медленность въ исполненіи предложенія генераль-губернатора о невыпускѣ изъ города одного канцелярскаго чиновника, состоявшаго подъ судомъ.

По сямъ обвиненіямъ указомъ 9-го Іюня 1808 года велѣно поступки его разсмотрѣть въ Сенатѣ. По слѣдствію найдено: 1) Что поселщица взята была Хвостовымъ къ грудной его дочери съ билетомъ земскаго суда не въ Петербургъ, но до Екатеринбурга, откуда и возвращена имъ назадъ. 2) Что доносъ о подаркахъ произошелъ отъ канцеляриста, два раза Хвостовымъ преданнаго суду и, произведеннымъ на мѣстѣ слѣдствіемъ (тогда какъ уже Хвостовъ былъ подъ судомъ) совершенно отвергнутъ. 3) Что медленность въ исполненіи предложенія было пропущеніе однихъ сутокъ, и канцелярскій чиновникъ не избѣгнулъ отъ сего на суда ни наказанія.

Всѣ мѣста разсматривавшія сіе дѣло: 5-й департаментъ Сената, Общее Собраніе, признали Хвостова невиннымъ; четыре члена въ Совѣтѣ полагали сдѣлать ему только за медленное исполненіе выговоръ.

Высочайшею конфирмаціею на докладѣ въ 29-й день Августа 1814 года положено: «быть по мнѣнію четырехъ членовъ и вмѣнить Хвостову судъ въ наказаніе».

*

Записка Хвостова о Сибири.

Удаленная отъ центра верховнаго правительства, Сибирь не можетъ быть въ глазахъ онаго, какъ только въ отдаленномъ туманѣ. Средства познавать выгоды и не-

выгоды края сего зависятъ отъ управляющихъ имъ. Ежели бы виды сихъ властей устремлены были на споспѣшествованіе улучшенія вѣрваемыхъ имъ частей; то сколько бы могли они представить средствъ на пользу правительства и слѣдственно для государства! Генераль-губернаторы, обязанные наблюдать за правосудіемъ и точностію исполненія обязанностей всѣхъ чиновъ власти ихъ порученныхъ, не могутъ сами лично, соображая ихъ лѣта и долговременную службу, при истощеніи силъ физическихъ, обозрѣвать мѣстныя уѣздовъ выгоды и невыгоды, коихъ разнообразность удивительна. Познавать же ихъ черезъ земскихъ исправниковъ и комисаровъ, людей весьма мало образованныхъ, есть средство самое скудное; самые для особыхъ порученій опредѣляемые къ нимъ едва ли имѣютъ способности къ хозяйственнымъ наблюденіямъ. Лучшимъ, буде не единственнымъ, почиталъ бы я обозрѣнія уѣздовъ самими губернаторами поставить главною обязанностию; во нужно будетъ обезпечить ихъ, на времяотлучки отъ губернскаго, правительства, отвѣтственностию по дѣламъ онаго однихъ предсѣдателей. Слѣдствіемъ обзора уѣздовъ будетъ для губернатора способъ узнать губернію и служеніе чиновниковъ. Ежегодное представленіе возможнаго обозрѣнія уѣздовъ и донесеніе высшему начальству съ мнѣніемъ, что можно было улучшить или переимѣнить въ видахъ хозяйственныхъ, поставить въ должность губернаторамъ, какъ сіе было въ 1804 и 1805 годахъ при графѣ Викторѣ Павловичѣ Кочубеѣ. Губернаторъ, увѣренный, что служба его будетъ доведена до свѣдѣнія Государя, слѣдовательно не останется безъ возмездія, не предпочтетъ виды порочныя средству ревностнымъ исполненіемъ своей должности заслужить воззрѣніе монаршее

на заслуги его. Но все зависить отъ благораспоряженія министра ко благу государства и отъ выбора губернаторовъ, способныхъ не на бумажное только производство дѣлъ, но на расположеніе къ наблюденію пользы хозяйственныхъ; тогда не будутъ терпимы и покровительствуемы худые начальники губерній, и добрые не останутся безъ возмездія. Семнадцатилѣтнее управленіе въ Сибири г-на Чичерина, сего достойнаго полной довѣренности Великія Екатерины губернатора, останется надолго въ памяти благодарной Сибири; напротивъ того двѣнадцати-лѣтнее генераль-губернаторство г-на Пестеля носить и долго въ Сибирѣ носить будетъ печать вреднаго для пользы правительства начальства его. Между многими обнаруженными уже сему доказательствомъ вреда для верховнаго правительства представлю слѣдующее до меня относящееся.

Въ 1804 году открывъ учреждавшуюся Томскую губернію, по приведеніи въ надлежащее теченіе дѣлъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, почелъ я главною обязанностію узнать внутреннее состояніе уѣздовъ. Въ 1806 году по трех-лѣтнемъ личномъ ихъ обозрѣніи и тщательномъ познаніи выгодъ и невыгодъ уѣздныхъ, испрося позволеніе пріѣхать въ С.-Петербургъ, представилъ я мои предположенія о лучшемъ устройствѣ Томской губерніи графу Кочубею. Я имѣлъ счастье слышать изустное монаршее одобреніе моего ревностнаго служенія и получить орденъ св. Владимира 3-й степени. Сія предположенія мои съ официальнымъ мнѣ объявленіемъ монаршаго ихъ одобренія препровождены для соображенія къ генераль-губернатору Пестелю. Они состояли въ слѣдующемъ:

О перенесеніи города Нарыма на выгоднѣйшее мѣсто, изъяснивъ причины неудоб-

ства нынѣшняго его положенія и мѣстныя выгоды новаго.

О уничтоженіи города Туруханска, представя неудобства его и напрасное содержаніе отъ казны присутственныхъ мѣстъ.

О образѣ суда за уголовныя преступленія кочующихъ на сѣверѣ сего уѣзда разныхъ племенъ народовъ, служащемъ болѣе къ ихъ истребленію, нежели къ исправленію обычаевъ сихъ полудикихъ, не имѣющихъ понятія ни о законахъ божественныхъ ни о гражданскихъ. Средства отвратить со временемъ сей въ управленіи недостатокъ и доставить возможность дать сямъ народамъ нѣкоторое образованіе, въ отношеніи къ общественнымъ должностямъ ихъ, изъяснены въ моемъ представленіи.

О образѣ сбора ясака натурою, едвали приносящемъ значительную пользу для казны, но стѣснительномъ для ясашныхъ и особенно служащемъ къ злоупотребленіямъ, чему наиболѣе повеломъ инструкція въ 1763 году гвардіи маіору Щербачеву данная и по нынѣ единственнымъ правиломъ служащая.

О заведеніи школы въ Сагайской степи для введенія средства знать Россійскую грамоту Татарамъ въ сихъ степяхъ кочующимъ, довольно просвѣщеннымъ, но не имѣющимъ никакихъ письменъ.

О устроеніи въ верху рѣки Енисея въ Красноярскихъ степяхъ солонвареннаго завода, какъ для облегченія доставки соли въ сей уѣздъ изъ отдаленныхъ варницъ Енисейскихъ, такъ и въ предосторожность на случай оныхъ оскуденія.

Всѣ сія предположенія должны находиться въ дѣлахъ министерствъ внутренняго и финансовъ.

Въ концѣ Февраля въ 1807 году, въ надеждѣ, что ревностною службою, пристрастною привязанностію къ краю сему и по-

печеніемъ о устройствѣ его достигну цѣли моею, поѣхалъ я обратно въ губернію. Но въ началѣ 1808 г. принужденъ былъ, по причинамъ въ рапортѣ г-на Сперанскаго въ 1820 году Государю Императору изъясненнымъ, просить увольненія отъ настоящей должности и, получивъ оное, возвратился въ С.-Петербургъ, гдѣ былъ предупрежденъ уже пріѣздъ мой преданіемъ меня суду Правительствующаго Сената по представленіямъ генераль-губернатора Пестеля. Въ семь поносномъ и горестномъ состояніи, какъ порочно служившій подданный, оставался и до 1822 года, по Мартъ мѣсяць, когда пожалованъ сенаторомъ.

Нынѣ повodomъ нижеслѣдующаго моего разсужденія было обращенное мое вниманіе, присутствуя въ уголовномъ департаментѣ Сената, на частые приговоры въ ссылку въ Сибирь на поселеніе. Ревностное мое желаніе быть и въ глубокой старости полезнымъ отечеству и пристрастіе къ сему интересному краю заставили меня взять смѣлость сказать о Сибири мое мнѣніе, что Высочайшей власти нужно имѣть Сибирь особеннымъ запаснымъ магазиномъ, какъ не подверженную никакимъ политическимъ опасностямъ въ отношеніи сосѣдей ея. Для достиженія сей цѣли наиболѣзнительшимъ почиталъ бы обратитъ всѣхъ ссылаемыхъ на поселеніе, для заведенія промышленныхъ во всей Сибири. Сямъ средствомъ нашелся бы способъ употреблять съ пользою и самыхъ женщинъ, особенно при фабрикахъ.

Великаго пространства степи въ южной части Сибири могутъ служить къ заведенію конскихъ заводовъ для ремонта, буде не строевыхъ, такъ упряжечныхъ лошадей для арміи. Самая худѣющая отъ времени до времени порода нынѣшнихъ Сибирскихъ лошадей имѣла бы средство поправиться. чрезъ продажу съ казенныхъ заводовъ же-

ребцовъ, желающимъ Сибирскимъ жителямъ. Овцеводство и заведеніе суконныхъ фабрикъ на толстыя сукна для тамошнихъ войскъ и для нуждъ жителей доставили бы казнѣ и денежной доходъ и пользу доведеніемъ сей промышленности со временемъ до того, что не нужны будутъ сукна иностранныя для Азіатской торговли. Заведеніе фабрикъ для стальныхъ производствъ, какъ-то: клинки для сабель и шпагъ, стволы и замки ружейные, разной величины шурушы, всѣ мелкія желѣзныя издѣлія, кромѣ полосоваго желѣза, по тяжести не прибыльнаго (по отдаленности перевоза) принесли бы правительству существенныя пользы *). Заведенія сахарныхъ фабрикъ изъ свекловицы, судя по весьма хорошему климату южнаго края Красноярскаго уѣзда и по почвѣ земли изъ чернозема, почитаю и удобнымъ и полезнымъ. Все сіе мое предположеніе относится до Томской только губерніи; прочія же Сибирскія губерніи могутъ быть могутъ имѣть обширнѣйшіе виды на улучшенія края. Но главнѣйшимъ видомъ сихъ пользъ почитаю, чтобъ нынѣшней цѣли водворенія ссылаемыхъ за вины дать лучшее и полезнѣйшее направленіе.

Ежели спросить, какое намѣреніе правительства опредѣлитъ Сибирь мѣстомъ наказанія туда ссылаемыхъ, то, судя изъ многолѣтняго опыта постояннаго сего дѣйствія,

*) Лучшимъ мѣстомъ для заведенія сего почитаю упрямный и взятый въ казну заводъ Ирбинскій въ Красноярскомъ уѣздѣ, лежащій при рѣкѣ Тубѣ при самыхъ горахъ изобилующихъ наилучшими, легкоплавными желѣзными рудами. Изъ дѣлъ министерства управленія внутренняго въ 1803 году еще можно видѣть мое представленіе о привлеченіи Шотландской колоніи въ намѣреніи, чтобъ, заведеніемъ стальной фабрики, въ ихъ собственность ей утвержденной, достигнуть средства узнать секретъ закалки стали.

кажется, заключить должно, что наполненіе народа въ Сибири, по ея малолюдности въ сравненіи съ огромнымъ пространствомъ, одно только было въ виду правительства, и ежели цѣлю было усиленіе земледѣлія, то не трудно удостовѣриться, что обиліе въ южной части Сибири хлѣба отяготитъ землещцевъ, ибо не доставляетъ имъ способа обращеніемъ онаго въ деньги платить свободно казенныя подати.

Вышесказанныя средства могли бы послужить, по мнѣнію моему, не токмо къ пользѣ казны отъ сихъ заведеній, но породили бы петочкии промышленности, могущихъ оживить бездѣйственность или, такъ сказать, полумертвенность взаимныхъ связей Сибири съ Россією.

Комитету Сибирскому предлежать должно обратить вниманіе на улучшеніе государственнаго хозяйственнаго управленія сего интереснаго края. Комитетъ сей нужно, по мнѣнію моему, составить изъ чиновниковъ не обремененныхъ разными порученіями, и имѣющихъ елико возможно познаніе о семъ отдаленномъ краѣ и состоять подъ предѣдательствомъ особы облеченной Высочайшею довѣренностію. Сіе почитаю тѣмъ болѣе нужнымъ, что главныя хозяйственныя учрежденія принадлежать будутъ Высочайшему Кабинету въ отношеніи ясака *) и заведенія стальной фабрики, зависящей имѣть связь съ Колывановоскресенскими заводами.

Когда праздность ведетъ человѣка къ порокамъ, то, суди о многочисленности ссылаемыхъ, чего ожидать отъ скопленія людей худой нравственности безъ занятія ихъ? Обыкновенное средство водворенія ссылаемыхъ въ Сибирь не имѣетъ ничего въ

*) Заведеніемъ въ Иркутскѣ и Тобольскѣ выдѣлки пушнаго товара и оленьихъ кожъ сдвали не доставится болѣе прибыли.

виду къ предупреденію могущихъ произойти золъ для края сего; сперва небезопасностію большой дороги, потомъ усиленными шайками разбойниковъ. Регулярныя войска изъ Сибири выведены; линейныхъ и городовыхъ казаковъ число не такъ велико, чтобъ обезпечить все пространство Сибири; между тѣмъ каждагодно по законамъ осуждаемые въ Сибирь на поселеніе и многими тысячами туда приводимые тѣмъ заняты? Конечно праздностію и своевольствомъ; ибо и самое бдительнѣйшее начальство не имѣетъ средства ни къ обузданію, ни къ поспѣшному обращенію сихъ людей на пользу правительства, чрезъ медленныя средства къ поселенію ихъ.

На все вышесказанное осмѣливаюсь изложить мнѣніе мое о средствахъ предупредительныхъ до того времени, пока примутся мѣры приступить къ каковымъ либо заведеніямъ.

Нынѣ же сформировать въ каждой изъ Сибирскихъ губерніевъ по баталіону казаковъ изъ посылаемыхъ на поселеніе, и по одной въ немъ ротѣ полагалъ бы я полезнымъ имѣть конныхъ. Приведеніемъ ихъ въ надлежащую дисциплину, къ чему способствовать можетъ употребленіе Сибирскихъ казаковъ и гарнизоновъ, правительство тамошнее будетъ имѣть средство къ удержанію порядка и тишины тамъ, гдѣ оную нарушить покусятся. Средство сіе по мѣрѣ надобности всегда будетъ можно усилить, особенно при самыхъ учрежденіяхъ какого либо изъ вышесказанныхъ заведеній.

Естественно, что всѣ вновь въ Сибирь заведенія потребуютъ денегъ; но дальновидность государственнаго хозяйства разсчитетъ, послужатъ ли предприемлемыя заведенія промышленности къ существеннымъ пользамъ государства оживленіемъ сего

края, который въ теперешнемъ его положеніи можно уподобить большаго пространства озеру, не имѣющему для освѣженія никакихъ приливовъ и истоковъ кромѣ обыкновенныхъ дождей лѣтомъ и льда зимою.

Но ежели бы верховной власти угодно было, буде не вовсе отмѣнить ссылку въ Сибирь на поселеніе: то хотя бы на нѣсколько лѣтъ остановить ежегодное сильное скопленіе ссылаемыхъ туда, дабы наличныхъ уже тамъ устроить, для вновь же безпрестанно въ ссылку поступающихъ Высочайше повелѣть опредѣлить назначеніе въ работы для устройства дорогъ или водныхъ коммуникацій въ самой Россіи. Способъ учредить внутри Россіи военный

надзоръ за ссылаемыми въ работы не можетъ быть затруднителенъ по удобности расположенія полковъ армейскихъ во всѣхъ губерніяхъ Россійскихъ. Соединеніе рѣкъ Тобола съ Чусовою и Енисея съ Обью доставило бы удобнѣйшее средство водянымъ сообщеніемъ отъ самаго Нерчинска до С. Петербурга доставлять сѣру и свинецъ и перевозить ясакъ изъ Иркутской губерніи, а со временемъ и всѣ издѣлія Сибири. Но нужно наблюдать, чтобъ водяною коммуникаціею не совсѣмъ отнять у живущихъ на большой ея дорогѣ единственнаго промысла получать деньги чрезъ перевозку товаровъ сухимъ путемъ, особенно изъ Кяхты.

ПИСЬМА И. В. ЛОПУХИНА НЪ М. М. СПЕРАНСКОМУ.

1.

Москва, 22 Сентября 1804.

Дружески обнимая васъ, любезной и почтенной другъ Михайла Михайловичъ (надѣюсь, что позволите мнѣ удовольствіе всегда васъ такъ называть въ дружескихъ сношеніяхъ), посылаю вамъ въ Московской гостинецъ двѣ книжки. Одна, т. е. Таулера, сколько изящна по своему содержанию, столько же рѣдкость по изданію, которое кажется одно и было на Французскомъ. Прочихъ еще не могъ найти, какъ и желаемого вами реестра. Все же, что можно, сдѣлаю, поставляя себѣ за превеликое удовольствіе вамъ дѣлать удовольствіе.

Зная, что дружески мною интересуетесь, скажу о себѣ, что я здоровъ, слава Богу! только крайне озабоченъ домашними хлопотами по моимъ долговымъ дѣламъ, которыя неописанно еще разстроились отъ моей долговременной отлучки и безвремен-

наго житья, при невзвѣстности, въ П.бургѣ. Не забывайте сердечно васъ любящаго и почтающаго покорнѣйшаго слугу

И. Лопухина.

2.

Москва, 24 Октября, 1804 г.

Слѣшу сказать вамъ, любезной и почтенной другъ, что съ несказаннымъ утѣшеніемъ получилъ я дорогое письмо ваше; съ несказаннымъ утѣшеніемъ и по живымъ въ немъ чувствамъ вашей ко мнѣ дружбы, и по такому твердому расположенію любви къ предмету и мною любимому.

Тому вкусу въ чтеніи, которой вы любезный другъ описывали, надобно радоваться. Кемпрі, Фенелонъ, Таулеръ всегда должны составлять наилучшее и самое питательное чтеніе для ищущихъ истины и прямаго дѣла. Главное искусство, если можно такъ сказать, въ этомъ дѣлѣ не знать стараться о свѣтѣ и истинѣ, но умѣть ста-

ратся о соединеніи съ ними или о способахъ давать имъ въ насъ раскрываться и дѣйствовать, не мѣшая только имъ. Завтра по тяжелой почтѣ отправлю къ вамъ всѣ сочиненія М-е Guion, кромѣ трехъ томовъ, которыхъ не достааетъ и которые обѣщали мнѣ скоро достать. Если я ихъ при себѣ еще не получу, то распоряджу посылку ихъ къ Федору Петровичу¹⁾, отъ котораго получите вы. Завтра же посылаю 37 томовъ. Очень радъ, что досталъ.

Арнольдовой исторіи, которая подлинно совершенная въ своемъ родѣ, вѣтъ на Латинскомъ языкѣ. Я вамъ обѣщаль, мой почтенной другъ, изъ нея выписать реестръ авторамъ; но я не помнилъ, что въ ней такой формы реестра нѣтъ. Для этого я вамъ достаю одну книгу Латинскую еще лучшую. Она у одного пріятеля, котораго здѣсь нѣтъ. Какъ скоро получу, пришлю; если же меня не застанетъ, то также адресую къ Федору Петровичу, которой вамъ вручить и котораго по нѣжной моей къ нему привязанности не могу при всякомъ случаѣ не препоручать вашему благорасположенію, хотя я въ немъ и увѣренъ.

Я, слава Богу, здоровъ; только все въ превеликихъ хлопотахъ по денежнымъ и долговымъ моимъ обстоятельствамъ. Доходамъ никакимъ не время, а кредитъ отлучками моими и неизвѣстностью ихъ продолженія совсѣмъ подрывается. Собираюсь въ Крымъ, но кромѣ затрудненій по этимъ обстоятельствамъ, и не знаю еще на чемъ ѣхать; что говорится: ни на саняхъ, ни на колесахъ. И зима безпримѣрно рано началась, только безъ снѣгу; что же пришлось мнѣ по необходимымъ надобностямъ жить здѣсь такое время, тому, знаете, что не я виною.

Сохраняйте, любезной другъ, вашу дра-

гоцѣнную ко мнѣ дружбу и не позволяйте себѣ никогда ни на одну секунду подумать, чтобъ подвержены были перемѣнѣ тѣ чувства искренней дружбы и отличнаго почтенія, (сѣ) которыми обнимаетъ васъ покорнѣйшій слуга

И. Лопухинъ.

Р. S. Съ однимъ поѣхавшимъ въ С.П.Б., и которому далъ я къ вамъ рекомендательное письмо, послалъ я при этомъ письмѣ одну прекрасную книжку вамъ.

3.

11 Ноября 1804, Москва.

Сердечно обнимая васъ, любезнаго и почтеннаго моего друга, спѣшу послать къ вамъ обѣщанную мною книгу. Она—сокровище. единственная въ томъ родѣ, въ какомъ вы желали. Только что насилу могли ее достать; получилъ—и не успѣвая отдать въ переплетъ, чтобы не замѣштался, потому что я уже такъ сказать на полетѣ, посылаю. Примите какъ подарокъ самой искренней и доброжелательной дружбы.

Отпустивъ напередъ лѣтніе экипажи свои, на которыхъ, если не отъ Харькова, то по крайней мѣрѣ отъ Екатеринослава, должно будетъ непремѣнно ѣхать, и давши имъ поубраться, поскачу въ розвальняхъ доколь можно путемъ зимнимъ. Прежде истинно никакъ нельзя было выѣхать моимъ бокамъ, уже пожилымъ, не говоря о хлопотахъ неописанныхъ. Прости драгоценный другъ, не забывайте меня. Обязывайте вашею дружбою умѣющаго быть признательнымъ и много почитающаго васъ покорнѣйшаго слугу

И. Лопухина.

Пожалуйте обоймите за меня сердечнаго моего Федора Петровича и продолжайте ему благодѣтельствовать.

¹⁾ Лубяновскому.

Р. S. Позвольте васъ попросить о скорѣйшемъ исполненіи (если оно еще не послѣдовало) повелѣннаго Государемъ о духоворадахъ, переселенныхъ на Молочныя Воды, по запискѣ, которую гр. Викторъ Павловичъ ¹⁾ подносилъ задолго еще до моего отъѣзда изъ П.бурга и которая во всемъ утверждена, т. е. чтобы имъ вдругъ и обще выдать пожалованную еще въ началѣ 1802 года и неполученную ими сумму и пр.

4.

24 Ноября.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій другъ, еще книжка и предрагоцѣнная. Но ее посылаю только для васъ, и собственно и совершенно для васъ. Оригиналъ ея на Нѣмецкомъ. Она въ концѣ оснадцатаго вѣка и конечно изъ самаго высокаго степени просвѣщенія писана. Предрагоцѣнная — но только вамъ посылаю.

Quelques Traits etc. четыре экземпляра прилагаю, и для того чтобъ умножить волкомъ посылки, и прося два экземпляра поскорѣе отдать Федору Петровичу, которой давно у меня просилъ для кого-то, а два для васъ: не разсудится ли кому когда подарить.

А рггос о Федорѣ Петровичѣ. Онъ или скромничаетъ, или очень доволенъ своимъ жребіемъ въ службѣ; но мнѣ кажется, что и по строгой справедливости надлежало бы ему получить слѣдующій чинъ, которой нѣсколько человекъ, меньше его достойныхъ, и обошедши его, получили. Постарайтесь, любезнѣйшій другъ, облагодѣтельствовать человека, котораго вы любите, и меня тѣмъ одолжите. А молодому человеку въ службѣ чины не ненужны.

¹⁾ Кочубей.

Я послалъ къ вамъ и *Духовнаю путеуказателя*, которой подлинно указатель доброй. Потомъ послалъ картину, и въ Англии гравированную, и оригинальную, ибо гравирована въ Москвѣ.

Сцены Штиллинговы очень скоро выйдутъ всѣ части. Я ихъ считаю за сокровище, и совѣтую вамъ читать.

Что-то очень занемоглось мнѣ сегодня, такъ что даже трудно писать. Принялъ лѣкарство.

Прости, почтенной другъ. Обнимаю васъ сердечно, цѣлую много разъ. На всю жизнь съ особливимъ почтеніемъ вашъ вѣрнѣйшій другъ и покорный слуга Лопухинъ.

Р. S. Очень бы я желалъ, чтобъ вы продолжали переписку съ Теофил. ¹⁾, хотя онъ и не знаетъ прямую цѣну Фенелону, коимъ я надѣюсь вы у насъ будете, ежели продолжите усердіе къ званію вашему на этомъ пути.

5.

Симферополь. 30 Марта 1805 г.

Давно не писалъ я къ вамъ, мой почтенный и предлюбезной другъ. Но я изъ Крыма и ни къ кому не писалъ, кромѣ брата моего въ Москву, да въ П.бургъ одно къ графу Виктору Павловичу по справкѣ его съ комиссією. Даже къ нашему Федору Петровичу, моему сердечному другу, сегодня другое только пишу. Нѣтъ, мнѣ съ самаго пріѣзду нынѣшняго въ Крымъ всѣ что-то, какъ говорятъ, не по себѣ. Едва ли одну недѣлю съ ряду я былъ здоровъ; и лихорадки здѣшной отвѣдалъ. Но не для этого, а точно по той причинѣ, что такою дальнею и безвременною отлучкою моею совершенно разоряется мое состояніе, по-

¹⁾ Съ епископомъ Калужскимъ Теофластомъ Русановымъ, бывшимъ потомъ экзархомъ Грузіи.

слалъ я на нынѣшней же недѣлѣ просьбу къ Государю о увольнении меня отсюда и о повелѣннн возвратиться въ Москву присутствовать въ своемъ департаментѣ Прав. Сената. Письмо отправилъ по почтѣ прямо и въ *собственныя руки*. Но сегодня же увѣдомляю графа Виктора Павловича, прося всеубѣдительно о представствѣ въ мою пользу. Прямо же просьбу къ Е. В. послалъ для того, что за 2 тысячи съ лишкомъ верстѣ и въ здѣшней глуши можно ли отгадать, что случится, пока почта идетъ, съ тѣмъ чрезъ кого адресуется. Письмо придетъ, а онъ ужъ можетъ быть приказалъ долго жить, если не натуральною, такъ политическою—всею случится можетъ. А дѣло для меня интересное—и дни тутъ дороги. О посылкѣ письма прямо я эту причину, другими только словами, и къ графу писалъ. У Государя я прошу увольненія отсюда на свое мѣсто въ Сенатъ Московской, и образъ того увольненія предаю его милости и справедливости. А я бы не изъ сребролюбія, котораго извѣстно, что я чуждъ и въ добродѣтель мою не ставлю (у меня безсребренничество природное, темпераментальное) но по прямой надобности желалъ бы я, чтобъ мнѣ оставили столовые, и хотя бы половину нынѣ получаемыхъ. Кажется это было бы не чрезвычайное—и сколько примѣровъ? Алябьевы, Сушковы, Пестели, Обресковы, Мухановы и пр. и пр. И всѣмъ сенаторамъ, получавшимъ по особымъ департаментамъ или порученіямъ столовые деньги, оставались они при присутствіи въ Сенатѣ. О семъ я писалъ и къ графу. Васъ же, моего почтеннаго и драгоценнаго друга, прошу постараться, сколько возможно, о наилучшемъ и скорѣйшемъ увольненіи меня отъ здѣшней комиссіи. Обязете навсегда. Поручаю это вашему дружескому порученію (*sic*), и увѣренъ, что все только

возможное въ пользу мою сдѣлать не упустите.

Теперь скажу, что съ неописаннымъ удовольствіемъ получалъ я послѣднее ваше письмо. Даруй Боже чувствамъ такимъ расти и укрѣпляться. Очень я радъ, что вамъ нравятся сочиненія М. Г. ¹⁾. Они подлинно сокровище духовное. Читайте, пожалуйста, ея письма. Чтеніе ихъ особливо интересно и полезно. Знаете ли, любезнѣйшій другъ, что мнѣ и на сихъ дняхъ пришло на мысль? Куда бы хорошо, когда бъ вы что нибудь выбрали изъ ея сочиненій для перевода, хотя по маленьку, хотя въ минуту отдохновенія. Кромя всего, я бы ожидалъ отъ этого *chef d'oeuvre* въ переводѣ.

А *propos* о Евальдѣ. Я не знаю кто написалъ въ *Abeille du Nord* о его со мною знакомствѣ и обо мнѣ, и газету того номера показали мнѣ въ Москвѣ и поздно; а я до прїѣзду сюда и газетъ не читалъ. Книга его, о которой тутъ писано, что будто чрезъ меня поднесена Императрицѣ вдовствующей, хороша, но не отъбнное что либо. Она называется *Наука быть хорошею дѣвицею*, такъ помнится, и подписана не мною, а Натальей Федотовной Плещѣвой по моей просьбѣ, въ удовольствіе купца или книгопродавца Московскаго, мнѣ знакомаго, и которой печаталъ этотъ переводъ на свое иждивеніе. Евальдъ, однако, писатель препочтенной и полезной. Христіанской календарь его или журналъ весьма хорошъ. Онъ въ этомъ журналѣ перевелъ мою книгу о Внутренней церкви съ Французскаго перевода, и очень хорошо. Лучше нежелю по французски. По какимъ-то слухамъ сперва онъ написалъ, что это сочиненіе извѣстнаго Сен-Мартеня, недавно умершаго; но послѣ, узнавши, что я сочи-

¹⁾ Г-жи Гювъ.

нитель, со всею Нѣмецкою аккуратностію въ Полярской книжкѣ своего журнала выпечатавъ всѣми литерами мое имя и титулы. Странно, что, такъ хорошо зная языкъ Французской, могъ онъ повѣрить о переводѣ этомъ, что Сен-Мартеново сочиненіе. Не только образъ изъясненій, и штиль совсѣмъ не похожъ на Сенъ-Мартеновъ; но всего тутъ примѣчательнѣе, что прежде Рускихъ клепали Сен-Мартеномъ, или Мартинистами, а тутъ на самого Сен-Мартена всклепали оригинальное Руское сочиненіе.

Ну, прости, искренне почитаемой и любимой другъ. Сердечно васъ обнимаю и цалую множество разъ. Любите меня всегда и, извиняя мою лѣнь, или лучше сказать случающуюся по временамъ у меня какую-то непреодолимую трудность писать, утѣшайте меня въ свободныя минуты хотя нѣсколькими строчками своего дружескаго памятованія. Вѣчный вашъ другъ и слуга покорнѣйшій Лопухинъ.

Много писалъ сегодня и такъ усталъ, что мочи нѣтъ. При томъ и нездоровится. Но надобно еще васъ поблагодарить за Штера, Матвѣя Петровича; предостойной и прелюбезной человекъ. Я его очень полюбилъ, и онъ меня, кажется, также.

6.

Москва, 13 Октября 1805.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ получаю письмо ваше, почтенной и любезнѣйшій другъ, спѣшу послать къ вамъ книги: *Le chemin pour aller à Christ* и *La présence de Dieu*.

Извѣстно ли вамъ, что послѣдняя есть сочиненіе того же Дютюа, которой писалъ *La philosophie divine*; она въ своемъ родѣ изъ драгоцѣннѣйшихъ и какъ стала рѣдка, то я напечаталъ ее здѣсь съ оригинала въ 1799. Посылаю еще книжку *Les fruits de la grace*,

не зная имѣете ли ее. *Idées diverses etc.* писаны пофранцузски покойнымъ княземъ Н. В. Репнинымъ, а *Revelations etc.* переводъ съ Рускаго манускрипта нѣкотораго Краевича, которой подлинно имѣлъ Вѣхнѣчское *) просвѣщеніе, но больше ничего не написалъ. Вспоминается мнѣ въ сей моментъ, что есть у васъ эта книжка и Руской оригиналь отъ Ѳедора Петровича. Скажите, пожалуйста, такъ ли я вспоминаю; а между тѣмъ Французская всѣ пойдеть къ вамъ.

Путеуказатели у меня нѣтъ ни одного экземпляра, и сыскать не могу, хотя у меня ихъ было много, а всего и сотни были. Но десятки тогда же розданы пріятелямъ, а сотни въ извѣстное время были арестованы и сожжены. Для себя я не оставлялъ, имѣвъ оригиналы; а наконецъ и Французской (*Directeur spirituel*) отдалъ я покойному князю Репнину. Французской переводъ этой предрагоцѣнной книги очень хорошъ. Но для васъ лучше бы имѣть оригиналь Латинской. Это вѣтъ сочиненіе Молиноса. Я постараюсь для васъ выписать чрезъ одного знакомаго любителя и большого знатока въ этой матеріи. Сообщите мнѣ еще, не желаете ли какихъ? А между тѣмъ ищю и Рускую получить здѣсь; а когда здѣсь никто не уступитъ, то изъ деревни отъ одного пріятеля навѣрное выищу. А про-
ros: имѣете ли вы *Жизнь M-me Guion*?

Я получилъ ваше письмо, сердечной другъ, въ самое то время, когда собирался сообщить вамъ съ какимъ восхищеніемъ читалъ я, возвращаясь изъ Крыма, въ Кадугѣ у преосв. Ѳеоф., моего также давняго пріятеля, ваши письма. Боже, помогай вамъ! Преосв. кажется нисколько еще не получилъ вкуса къ прямой чисто-

*) Т. е. Якова Бѣма? П. Б.

тѣ дѣла. Въ отвѣтахъ его вамъ, которые онъ мнѣ читалъ, довольно то видно изъ его понятій о Фенелонѣ и о связи его съ M-me Guion. Впрочемъ онъ имѣетъ многія достоинства.

Какъ же я радъ, любезнѣйшій другъ, что вы такъ полюбили Фенелона, что вы также полюбили *простоту*. Она есть главное и необходимос укрѣпленіе обители Божіей въ сердцахъ; а обитель сія есть единственная школа премудрости.

Сохраняйте всегда безцѣнную свою дружбу къ преданному вѣчною къ вамъ привязанностью Лопухину.

7.

Москва, 2 Ноября 1805.

Не претензію на отвѣты, будучи при меньшихъ гораздо заботахъ очень на нихъ лѣнивъ, но желаніемъ дѣлать пріятное вамъ, любезный и почтенный другъ Михайло Михайловичъ, побуждаясь, спрашиваю: получили ль вы отъ меня посылочку съ книгами, отправленную по почтѣ 13 Октября, въ который послалъ я къ вамъ *Le chemin pour aller à Christ etc.*? Выписывалъ для васъ и Рускія. Какъ скоро получу, тотчасъ доставлю. Я, кажется, забылъ къ вамъ написать о картинѣ моей, выгравированной въ Англіи, но имѣю извѣстіе, что Ѳеодоръ ¹⁾ по моему препорученію вамъ доставилъ.

Не могу описать, какъ мнѣ пріятно, что вы такъ прилежно занимаетесь. Кромѣ частной пользы, я увѣренъ, что вы будете важнымъ орудіемъ для общаго въ кругѣ истины, по употребленію на свѣтъ ея рѣдкихъ вашихъ свойствъ.

По дружбѣ и зная ваше пріятельское и благотѣльное расположеніе къ Матвѣю Петровичу ²⁾, сообщаю вамъ приложенную

¹⁾ Ѳеодоръ Петровичъ Лубяновскій

²⁾ Штеру.

бумажку, въ искренности и откровенности писанную. Мнѣ жаль его. Что принадлежить до комиссіи, то скажу вамъ только, по тому сколько я знаю, что преемникъ мой тоже дѣлаетъ, чтобы книгу съ конца читать.

Много объ этомъ мнѣ уже и скучно теперь говорить, а сегодня и къ вамъ не успѣваю больше писать ни о чемъ, находя впрочемъ въ бесѣдѣ вашей величайшее наслажденіе. Сердечно васъ обнимая, множество разъ цѣлую, драгоценный другъ мой и на всю жизнь вашу вѣрнѣйшій другъ и слуга покорнѣйшій И. Лопухинъ.

P. S. Скоро выйдутъ сочиненія нѣкотораго Штиллинга; то-то сокровище.

8.

Москва, 19 Іюня 1806.

Сердечно обнимая васъ, почтенной другъ, посылаю желаемой вами экземпляръ. Благодарю за комиссію. Мнѣ превеликое удовольствіе хотя что нибудь сдѣлать вамъ пріятное—и докуки ваши, какъ вы называете, мнѣ одолженія.

Посылаю еще пріязначной книги Пастырскаго Посланія 3 экземпляра: на лучшей бумагѣ для васъ, а изъ остальныхъ одинъ прошу отдать Ѳеодору Петровичу. Хотя эта книга и по цензурѣ печатана, но послѣ того, что было о цензурѣ касательно такихъ книгъ по случаю Сіонскаго Вѣстника, лучше чтобъ она была не очень публична пока, и только бы межъ самыми ближними любителями обращалась.

А прогос о Сіонскомъ Вѣстникѣ. Въѣтъ очень хорошій журналъ! Желательно, чтобъ ходъ его не остановился. Издателю спасибо. Ему бы хотѣлось переимѣнить мѣсто—и въ почтъ-директоры. Помогите ему пожалуйста при случаѣ. И всего бы лучше въ Московскіе, ежели будетъ вакансія; хотя я и Мо-

сковскому вынѣшнему *), какъ самому старинному гакже знакомцу, желаю всякаго добра.

Отрывки Крымской моей работы, помнит-ся, послалъ я къ вамъ; однако и здѣсь прилагаю.

Я довольно здоровъ тешеръ, только засучечъ домашними обстоятельствами. Хлопочу о продажѣ деревень. Хочется расплатиться и успокоить себя подь старость, приближающуюся немедленными шагами. А между тѣмъ инымъ хочется меня потѣснить, чтобъ воспользоваться.

Желаю вамъ здоровья. Берегите его для всевозможнаго посвященія жизни вашему опредѣленію, которое конечно отличное. Да поможетъ только Богъ вамъ, не ослабѣвая, соответствовать своему внутреннему званію. Прости, сердечной другъ. Желаю вамъ въ Единомъ искать и обрѣтать все. Преданѣйшій другъ и слуга И. Лопухинъ.

9.

Безъ года, мѣсяца и числа.

Дружески васъ обнимаю. Жалѣю, что давно не имѣлъ удовольствія видѣть васъ. Посылаю къ вамъ книгу прекрасную и прерѣдкую, изъ гостиницы отъ любви искренней и отъ такого же уваженія къ вашему вкусу. Посылаю еще реестръ нѣкоторымъ писателямъ, которой вы желали имѣть. Послѣ доставлю полнѣе. Этыхъ записалъ на память, самыхъ коренныхъ.

Посылаю также для вашего любопытства писанное мною нѣкогда письмо, которое я общалъ вамъ сообщить и которое писалъ

*) Ф. П. Ключареву.

я по матеріи просьбы того Француза, которую вы мнѣ дружески показывали. До свиданья. Скоро надѣюсь увидѣться. Я было и сегодня собирался къ вамъ на островъ, да принужденъ былъ принять лѣкарство. Я очень не здоровъ всѣо; особливо флюсы меня мучать.

О извѣстномъ письмѣ еще всѣо не рѣшено. Вы уже слышали всѣо съ нимъ доселѣ бывшее приключеніе. Не правда ли, что рокъ страстей?

Joh. Masohn.

Thomas à Kempis.

Joh. Arndt.

Taulerus (Tauler).

Rusbrochius.

Molinos. Directeur spirituel.

Jacob Böhm.

Joh. Pordage.

St. Jean de la Croix.

Catherine de Gènes.

Jeanne Léade.

Antoinette Bourignon.

M-me Guion.

Poiet.

Fénelon.

Arnold, auteur du livre: Kirchen und Ketzers-Historie en Allemand et de plusieurs ouvrages latins.

Mystère de la Croix, ouvrage précieux. par un anonyme.

La presence de Dieu }
La philosophie Divine } par Mr Du Toit.
— — Chrétienne }

Le philosophe inconnu, ou S-t Martin.

Eckartshausen.

Stilling.

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСАГО КЪ И. В. ЛОПУХИНУ.

Если люди, въ понятіяхъ вѣчной истины и любви, не будутъ говорить другъ другу правды, то я не знаю въ чемъ же состоять будетъ святость ихъ союзовъ и польза ихъ сношенія?

Споры ваши съ Тургеневыми и вообще долговья дѣла ваши извѣстны мнѣ были прежде, нежели вы о нихъ ко мнѣ писали: по привязанности моей къ вамъ, и даже по нѣкоторой ревности къ вашему имени, я долженъ былъ имѣть о нихъ познаніе. Быть богатымъ и употреблять богатство на предметы благотворенія конечно хорошо; но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было впрочемъ ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло не похвальное; а въ васъ оно и совсѣмъ непонятно. Оно опечалило друзей вашихъ, обрадовало завистниковъ и невѣжей; возродило старыя нареканія и, что всего горшѣ, соблазнило слабыхъ.

Въ чемъ состоитъ вся сія соблазнительная тяжба?—Всѣ заимодавцы ваши имѣютъ право на ваше имѣніе: ибо долгъ, въ срокъ незаплаченный, есть завладѣніе чуждаго. Въ числѣ сихъ должниковъ одинъ ищетъ быть прежде другихъ удовлетвореннымъ. Какая вамъ до сего нужда? Имѣніе не вамъ принадлежитъ, а заимодавцамъ. Положимъ, что *вы вступаетесь за нихъ*. Но кто далъ вамъ право учреждать степени нужды и удовлетворенія въ имѣніи чуждомъ? Вы владѣете имъ единственно по праву сильного, или лучше сказать по слабости долговыхъ нашихъ законовъ. Такимъ образомъ вступивъ въ чужую тяжбу, въ дѣло вашихъ заимодавцевъ, и споря о чужомъ имѣніи, вы довели дѣло до Сената. Здѣсь

по крайней мѣрѣ время было остановиться; но вы поступили далѣе. Высшее правительство, не какими силами человеческими, но Богомъ и Государемъ конечно по лучшему возможному плану учрежденное и не безъ Промысла существующее, рѣшило дѣло не по вашему мнѣнію. Простая гражданская скромность и умѣренность въ дѣлѣ корысти, не говоря уже о христіанскомъ смиреніи и самоотверженіи, должна была васъ заставить пожертвовать вашимъ мнѣніемъ; но вы рѣшились лучше предпочесть его всему, рѣшились назвать ихъ всѣхъ *беззаконниками и сущими поборниками неправды* (истинный смыслъ письма вашего къ Государю), нежели покориться.

Остерегитесь, милостивый государь, Бога ради остерегитесь. Духъ, непрерывно на насъ враждующій, позавидовавъ святости и прямотѣ вашихъ о истинѣ понятій, преградилъ на сію минуту благотворное ихъ вліяніе на дѣла и движеніе вашей воли. Онъ ввергъ васъ въ странное своекорыстіе, въ нѣкоторый родъ занальчивости и непокоривости, омрачивъ умъ вашъ какими-то видами личнаго, препирательнаго и на единомъ вашемъ мнѣніи основаннаго правосудія, и отвелъ васъ такъ далеко отъ истинной любви и смиренія въ добри тяжбы и самоимѣнія, что вы ужаснулись бы сами, если бы со стороны прочитали послѣднюю жалобу вашу. Развѣ все дѣло наше состоитъ въ томъ, чтобы исповѣдывать словами имя Христово и усаждать въ кабинетѣ размышленіемъ о семъ великомъ имени, а внѣшнія дѣла попускать вти такъ, какъ бы они шли и безъ Него, по общему движенію страстей? Развѣ на

крестъ надобно смотрѣть съ умиленіемъ, а несть его не наше дѣло? Развѣ словами только надобно намъ здѣсь считать себя изгнанниками и пришельцами, а на дѣлѣ за каждый кусокъ земли воевать съ цѣлымъ свѣтомъ и всѣхъ, съ нами разномыслящихъ, считать *за беззаконниковъ*? Развѣ можно любить людей, и обливать всегда желчію укоризны то самое сословіе, въ комъ Промыслъ насъ поставилъ и соприслалъ въ видѣ собратіи? Послѣ всего, что вы дѣлали для успѣховъ истины и благочестія, вы не можете, вы не должны себя вести по общимъ правиламъ, въ свѣтѣ принятымъ и привимаемымъ; вамъ не можетъ быть простительно вводить и утверждать собственнымъ примѣромъ вашимъ столь разительной расколъ между правилами христіанскими и гражданскимъ поведеніемъ. Вы знаете, что расколъ сей издавна существуетъ и что онъ всегда былъ камнемъ претыканія для слабыхъ.

Остерегитесь, милостивый государь; скажу вамъ еще горестную истину: *въ васъ и примѣромъ вашимъ Богъ смиряетъ всѣхъ насъ, кои, по слову Фомы Кемпійскаго, вили себѣ нивыдо на небеси*. Я не говорю лично о себѣ, хотя не могу отъ васъ скрыть, что по привязанности моей къ вамъ и я неоднократно раздѣлялъ со всѣми слабыми чашу соблазна и скорби, отъ васъ къ намъ идущую.

(Сообщено А. Ѳ. Быковымъ.)

Я вижу одно средство, конемъ можно еще все поправить: продать имѣніе за какую бы то цѣну ни было и расплатиться съ долгами. Кто далъ вамъ право удерживать чужое для того, что вы раздавали нѣкогда и нынѣ раздаете свое?

По всѣмъ свѣдѣніямъ, мною собраннымъ, вы безъ хлѣба еще и за сямъ не останетесь; а медля умножите только ваши запутанности, и что и того хуже, умножите толки противниковъ и, смѣю вымолвить предъ вами страшное слово, *умножите поношеніе имени христіанскаго*.

Что принадлежитъ до дѣла съ Тургеневыми, оно уже рѣшено *единогласно всѣмъ свѣтомъ* противъ васъ и прежде письма вашего: письмо не остановитъ исполненія.

Я бы сталъ у васъ просить прощенія за всѣ грубыя, можно сказать, истины письма сего, если бы менѣе былъ увѣренъ въ чистотѣ намѣреній моихъ и въ той справедливости, съ которою откроете вы истинный ихъ источникъ; а открывъ его, не можете конечно на меня и сѣтовать. И такъ, вмѣсто прощенія, буду просить у васъ новаго и большаго одоженія: прислать мнѣ для прочтенія Записки вашей жизни, если кому либо изъ друзей вашихъ они могутъ быть сообщаемы; ибо ни на минуту не могу я помыслить, чтобы когда либо исключили вы меня изъ числа наиболѣе вамъ преданныхъ и душою и сердцемъ къ вамъ привязанныхъ.

ПИСЬМО НИЯЗЯ П. М. ВОЛНОНСАГО НЪ А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

о кончинѣ императора Александра Павловича.

Ужаснѣйшее бѣдствіе, насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отнимаетъ у меня силы къ изъясненію скорби и сокрушенія, мною ощущаемыхъ. 19 Ноября, по утру въ 10 часовъ и 50 минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ по случаю кончины обожаемаго Монарха Александра Павловича, послѣ 13 дневной желчной и потомъ обратившейся въ нервическую горячки. Никому столь не было извѣстно, любезный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ Нимъ. Легко можете себѣ представить, въ какомъ положеніи я нахожусь. Увѣренъ, что вы равномерно печаль сію чувствуете въ той же силѣ, бывъ столько Ему преданы. Во все время болѣзни Государевой, я не покидалъ Его, ухаживалъ за Нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны; и къ несчастію моему всѣ мои труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на насъ гнѣвъ Свой, лишивъ насъ столь драгоцѣннаго Монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ Его могъ оказать Ему послѣдній долгъ. Теперь, бывъ здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести, занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу Имперіи, безъ малѣйшихъ способвъ и съ большею трудностію доставать

самыя необходимыя вещи, по сему случаю нужныя, за всякою бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ; распорядить всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребныя для церемоніи; и признаюсь, что ежели бы меня здѣсь не было, не знаю, какъ бы сіе пошло: ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала Государя и за Нимъ ухаживала; при кончинѣ оказала удивительную твердость: печаль Свою, по слабому Ея здоровью, переносить, благодаря Бога, хорошо. Не знаю, что будетъ въ послѣдствіи. Я такъ ослабѣлъ, бывъ 13 дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь, имѣю сверхъ того на рукахъ Императрицу и устройство церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Императора Константина Павловича, за Коимъ послалъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю, чѣмъ все кончится и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ отечеству прослуженіемъ тремъ царствованіямъ, можно кажется удалиться, дабы по крайней мѣрѣ имѣть время заняться собственными дѣлами, кои весьма въ худомъ положеніи: ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать объ оныхъ покойнаго Императора, Онъ же самъ никогда не об-

рацалъ на сіе вниманія, слѣдовательно я остался безъ всего. Теперь не знаю еще, на что рѣшится Императрица, которую оставить одну въ семь положеніи нахожу еще грѣшно; но быть удалену отъ своего семейства, пристоль худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшилъ положить на Бога, Который меня никогда не покидалъ; надѣюсь, и въ семь несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю, въ какомъ уныніи должна быть столица, особенно Государыня Императрица Марія Феодоровна; я боюсь какъ за Нее, такъ и за Императрицу Елизавету Алексѣевну, Которая сколько ни крѣпится, но страдаетъ ужасно отъ удара, Ее постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событія несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ моимъ сюда, чувствуя и здѣсь ужасную тоску и грусть непомѣрную, кои относились всегда на счетъ скуки и недостатка въ обществѣ, и никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе.

Проклятый змѣй ¹⁾ и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею ²⁾ и гнуснѣйшимъ поступкомъ; ибо въ верный день болѣзни Государь занимался

чтеніемъ полученныхъ Имъ бумагъ отъ змѣя, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ Государя, Который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно. Вотъ предчувствіе мое и сбылось! Можетъ ли сей извергъ показываться еще на глаза въ свѣтъ, и неужели совѣсть его не убьетъ; но хотя бы сіе и случилось, не воротитъ уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ Государю.

Благодарю васъ за письмо ваше отъ 13 Октября и весьма сожалѣю о вашемъ нездоровьи; пора вамъ приняться за леченіе. Теперь болѣе нежели когда можемъ надѣяться, что удастся намъ пожить въ сосѣдствѣ и заниматься хозяйствомъ.

Аграфенѣ Феодоровнѣ ³⁾ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе.

Прощайте, любезный другъ, что-то съ нами будетъ!!! Желаю вамъ здоровья и прошу быть увѣрену въ совершенной моей къ вамъ дружбѣ.

Князь Петръ Волконскій.

(Сообщено А. О. Бычковымъ)

¹⁾ А. А. Аракчеевъ.

²⁾ Убіеніе Настасьи и страшная кара замѣшанныхъ въ ономъ. П. Б.

³⁾ Супругъ А. А. Закревскаго, дочери извѣстнаго собирателя Русскихъ древностей графа О. А. Толстаго.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХ ВОЗСТАНИЯХ ПОСЛѢ 1831 ГОДА.

Г Л А В А III *).

Намѣстникъ Царства Польскаго получилъ очень скоро довольно подробное описаніе всего случившагося въ Краковѣ, частью отъ Австрійцевъ, частью отъ нашего Краковскаго резидента, д. с. с. барона Унгернъ-Штернберга, вслѣдствіе чего приказалъ двинуть въ ту сторону ближайшія свои войска: баталіонъ Кременчугскаго егерскаго полка и сотню казаковъ, подъ начальствомъ командира этого полка, полковника барона Менгдена, и занять Краковъ къ 12 февраля ст. ст. Но этотъ приказъ тутъ же отмѣненъ, по причинѣ распространившихся слуховъ, что возстаніе принимаетъ весьма обширные размѣры и что Австрійскія войска—пѣхота, кавалерія и артиллерія—отступили.

Вездѣ говорили о какой-то *всесвѣтной революціи*.

Фельдмаршалъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи около города Кѣльць большаго отряда, въ 10 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи, 13 сотенъ казаковъ и горцевъ, 2 роты саперъ, 2 стрѣлковыя роты и 20 орудій. Войска эти должны быть на мѣстѣ (около Кѣльця) къ 18 февраля ст. ст. Между тѣмъ, пока они сходились, отданъ приказъ начальнику 8 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Па-

нютину, занять Краковъ тѣми силами, какими онъ располагаетъ; а онъ располагалъ (16 февраля) 3-мя баталіонами пѣхоты, 6-ю сотнями казаковъ и 4-мя сотнями горцевъ, при 12 орудіяхъ. Разумѣется, этого было слишкомъ достаточно, чтобы разбить Краковскихъ повстанцевъ, со всѣми другими повстанскими полчищами Галиціи и Познани; но Панютинъ почему-то медлилъ выступленіемъ, вслѣдствіе чего Паскевичъ послалъ къ нему генералъ-маіора Безака, подъ видомъ начальника артиллеріи, предложивъ Панютину «относиться къ посланному съ полнымъ довѣріемъ и не имѣть отъ него никакихъ секретовъ»¹⁾.

Впрочемъ, торопя Панютину, фельдмаршалъ смотрѣлъ на дѣло довольно серьезно и предпологалъ возможность нѣкотораго столкновенія, въ обыкновенномъ «регулярномъ», такъ сказать, смыслѣ этого слова. Какъ человѣка, понимавшаго силу правильно организованныхъ отрядовъ, его приводило въ недоумѣніе болѣе всего бѣгство изъ Кракова Австрійскихъ войскъ съ артиллеріей.

Въ одномъ изъ предписаній командиру 3-го корпуса, генералъ-адъютанту графу Ридигеру²⁾ отъ 15-го февраля 1846, № 687, фельдмаршалъ такъ излагаетъ планъ дѣй-

¹⁾ Предисловіе отъ 16 февраля ст. ст. 1846, за № 752.

²⁾ Находился тогда въ Кѣльцахъ, такъ какъ войска, назначенныя для занятія г. Кракова, принадлежали къ его корпусу.

*) Первые двѣ главы см. выше, стр. 201 и 431.

ствій противъ повстанцевъ. «Артиллерія должна разстроить непріятеля. Она дѣйствуетъ *предпочтительно прежде*, и пѣхота отнюдь не должна ее заслонять. Если непріятель выдержитъ картечь, послать пѣхоту, которая должна быть въ двухъ линіяхъ, никакъ не въ одной. Потомъ кавалерію. Музульманъ не посылать въ атаку на пѣхоту, ибо они будутъ только горячиться, а употреблять ихъ въ перестрѣлкахъ и фланкерахъ противъ кавалеріи, равно во флангахъ, когда атакуютъ казаки»³).

Предполагалось такимъ образомъ, что непріятель выдержитъ картечь 12 орудій! Можно замѣтить при этомъ, что къ отряду, отправленному отъ насъ, ожидали еще немедленнаго присоединенія Австрійцевъ изъ Подгуржа, гдѣ было 6 орудій. Да Пруссія должна была двинуть отрядъ, тоже конечно не безъ артиллеріи. Такія силы! Но въ сущности черезчуръ было довольно однихъ нашихъ войскъ, которыхъ имя всеяло въ тѣ времена панической страхъ и не въ повстанцахъ, собранныхъ наскорою руку.

Безакъ, по прибытіи на мѣсто (въ Кѣльцы), тоже не выражалъ рѣшительнаго мнѣнія.

Наконецъ, вслѣдствіе предписанія фельдмаршала отъ 16 февраля 1846 г., за № 744⁴), войска выступили 17 февраля ст.

³ Въ концѣ предписанія есть такая собственноручная замѣтка Паскевича: «А лучше, чтобы онъ (Панютинъ), по полученіи сего предписанія, форсированно пошелъ до Мѣхова; ибо, ставши тамъ, онъ ближе будетъ къ секурсамъ, которыя идутъ изъ Пруссіи или Австріи. Ему же нечего бояться. Странно будетъ, если Австрійцы или Пруссаки прежде насъ придутъ. А генералу Панютину нечего опасаться».

⁴ «Идите сейчасъ съ тремя баталіонами, артиллеріей и казаками, какіе у васъ уже есть, и отрядомъ князя Бебутова, впередъ въ Михаловице, а Краковъ окружите казаками. Бояться нечего, стыдно. Деритесь и держите бунтовщиковъ въ страхъ».

ст., утромъ, а 19 были уже подъ Краковомъ. Одушевленіе возрасло до невѣроятной степени. Солдаты не чувствовали усталости, несмотря на то, что шли по страшной грязи, въ самую дурную погоду, и дѣлали огромные переходы.

Въ городъ отправлена немедленно такая прокламація:

«Жители города Кракова!

«Сильное Русское войско идетъ для возстановленія нарушеннаго спокойствія въ вашемъ городѣ. Спѣшите принять его въ ваши стѣны, дабы оно могло защитить невинныхъ. Всякій, кто положитъ оружіе, будетъ пощажень. Смерть ожидаетъ тѣхъ, кто будетъ взятъ съ оружіемъ, а сверхъ того и городъ, если въ немъ стануть защищаться, будетъ преданъ безъ пощады огню и мечу. Объявляю вамъ это по повелѣнію его свѣтлости намѣстника Царства Польскаго, фельдмаршала князя Варшавскаго».

(Подписаль) «Начальникъ войскъ, назначенныхъ для занятія города Кракова, генералъ-лейтенантъ Панютинъ».

Почти въ то же самое время (нѣсколькими часами раньше) Краковское народное правительство получило извѣстіе, что генералъ Коллинъ намѣренъ вступить въ переговоры. Тиссовскій тотчасъ отправилъ въ Подгурже двухъ Французовъ. Одного изъ нихъ Австрійцы задержали, а другаго отправилъ обратно въ городъ для увѣдомленія жителей, что генералъ Коллинъ требуетъ безусловной сдачи, революціонныхъ парламентаровъ не принимаетъ, а можетъ войти въ сношенія только съ депутатами отъ города. Тогда отправлены въ Подгурже: Вольфъ, графъ Водзицкій, Гельцель и Федоровичъ. Но тутъ же распространились слухи о приближеніи Русскихъ войскъ,

и въ городъ прибыло воззваніе генерала Панютинна. Переговоры съ Австрійцами прекратились; вниманіе всѣхъ сосредоточилось на Русскихъ, какъ бы единственно отъ нихъ ожидали рѣшенія вопроса: быть или не быть вольной Краковской республикѣ.

Само собою разумѣется, что въ городѣ никто не думалъ о сопротивленіи. Средства Тиссовскаго состояли въ 1000 чел. кое-какъ вооруженныхъ, 200 всадниковъ и 5000 не вооруженныхъ крестьянъ. Все это войско имѣло одну пушку фунтоваго калибра, о которой мы уже сказали.

Всѣ вліятельныя лица народнаго правительства сошлись въ Сѣрый Домъ, и военный министръ Бадени предложилъ Тиссовскому написать отреченіе и передать власть Комитету Общественной Безопасности. Другіе министры поддерживали предложеніе Бадени. Тиссовскій, послѣ нѣкотораго колебанія, написалъ слѣдующее:

«Диктаторъ Министрамъ-товарищамъ.

«Обстоятельства принуждаютъ меня выступить въ походъ съ вооруженною силою, почему передаю власть управленія министрамъ, предписывая имъ соблюдать въ дѣлахъ существующій порядокъ и представить мнѣ, по возвращеніи, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ».

Послѣ этого поднялся шумъ. Предложено было нѣсколько разныхъ мнѣній, между прочимъ сдать Русскимъ войскамъ. Тиссовскій отвѣчалъ на это рѣшительнымъ тономъ, что «сдаваться пока никому не намѣренъ, а будетъ до нельзя дѣйствовать вооруженной рукой. Если выступаетъ изъ Кракова, такъ единственно за тѣмъ, чтобы узнать о положеніи дѣлъ въ краѣ, что дастъ возможность рѣшить, куда идти: въ Галицію или въ Царство».

За тѣмъ дано секретное предписаніе со-

брать войска къ 1-му часу по полуночи (со 2-го на 3-е марта н. ст.) въ предмѣстьѣ Клепажъ. Въ 7 часовъ утра Тиссовскій сдѣлалъ смотръ около дер. Бржовицы и потомъ двинулся къ селенію Кршешовицамъ. У него было: 900 косинеровъ, 200 стрѣлковъ и 200 кавалеристовъ. Въ свитѣ диктатора находились: Эразмъ Скаржинскій, Мазараки, Рогавскій, младшій Иорданъ, Венда, Наполеонъ Экельскій, два Калинки, Осипъ Хладекъ и другіе.

Комитетъ Общественной Безопасности, тѣмъ временемъ, отправилъ деуцатовъ къ генералу Панютину, съ завѣреніемъ въ самомъ добромъ расположеніи жителей Кракова къ Русскимъ. Послѣ сего нашъ отрядъ вступилъ въ городъ, имѣя впереди казаковъ. Жители кричали: «да здравствуетъ Русскій Императоръ!»

По собраніи свѣдѣній, куда направились повстанцы, посланъ отрядъ для ихъ преслѣдованія, состоявшій изъ 4-хъ сотенъ музульманъ, съ двумя конными орудіями и баталіономъ Кременчугскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника князя Бебутова. Соединенно съ нимъ приказано дѣйствовать полковнику князю Барятинскому, имѣвшему подъ командой полкъ донскихъ казаковъ.

Повстанцы шли форсированными маршами. Въ Кршешовицахъ сожгли бумаги и прокламаціи; деньги, имѣвшіяся въ кассѣ, роздали войску. Военный совѣтъ, собравшійся ночью (кажется, съ 3 на 4 марта н. ст.), рѣшилъ сложить оружіе предъ Пруссаками, на Прусской границѣ, что и совершилось близъ гор. Хелмна. Тиссовскій сдался простымъ офицеромъ⁵⁾. Альціата,

⁵⁾ Потомъ бѣжалъ, имѣя паспортъ на имя Француза Шевалье Ганри де Тондъ (Chevalier Henri de Tonde), но скоро схваченъ и посаженъ въ Бѣнингштейнъ.

описывая этотъ фактъ, восклицаетъ: «сто-пло-жь вставать противъ одного врага, чтобы сложить оружіе предъ другимъ!»!

Черезъ три часа послѣ насъ вступили въ Краковъ Австрійцы, имѣя 5 ротъ пѣхоты и 2 эскадрона кавалеріи. Позже нѣсколькими днями прибылъ Прусскій генералъ отъ инфантеріи графъ Бранденбургъ. Прусскія же войска въ Краковъ не вступали, а расположились въ м. Хршановѣ: 2 баталіона пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи и пѣшая артиллерійская батарея, подъ начальствомъ полковника Гобе.

Союзники учредили немедля *временное военное управленіе*, подъ предсѣдательствомъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, какого либо Австрійскаго генерала, кого назначить Австрійское правительство. Назначенъ былъ на этотъ разъ фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Кастильони.

Дабы кончить съ возстаніемъ 1846 г. во всѣхъ захватахъ, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что произошло въ это время въ Пруссіи.

Изготовивъ *планъ и инструкціи*, Мирославскій успѣшилъ разослать приказанія къ разнымъ высшимъ чинамъ Познаньской организаціи, чтобы они, въ теченіе недѣли, отъ 4-го до 11-го февраля (н. ст.), съѣзжались въ указанныя имъ мѣста, для выслушанія отъ него и другихъ уполномоченныхъ необходимыхъ объясненій, по предмету предстоящихъ операций, что и было исполнено очень многими начальниками, безъ соблюденія надлежащихъ предосторожностей со стороны полиціи, которая шла, уже довольно давно, слѣдъ въ слѣдъ за каждымъ шагомъ заговора и только вылучала моментъ, когда бы лучше и удобнѣе захватить мятежниковъ.

Мирославскій являлся на сборища почти вездѣ самъ, принималъ рапорты о сдѣлан-

ныхъ въ той или другой мѣстности распоряженіяхъ и давалъ нужные совѣты и приказанія. Самое многочисленное и, добавимъ, самое неосторожное сборище было въ м. Серебряная Гора, 8 февраля, гдѣ Мирославскій, по принятіи обычныхъ рапортовъ отъ разныхъ лицъ, изложилъ передъ всѣми ими очень подробно планъ дѣйствій, а комиссарамъ обводовъ, не имѣвшимъ еще письменныхъ инструкцій, вручилъ таковыя, и это было вмѣстѣ съ тѣмъ и утвержденіемъ ихъ въ сказанныхъ должностяхъ (номинаціями). Девятаго числа съѣхавшіеся въ Серебряной Горѣ отправились по своимъ округамъ; а одинадцатаго утромъ Мирославскій выѣхалъ въ село Свиныры, для новыхъ совѣщаній съ другими вождями; но тутъ Прусская полиція рѣшила прекратить комедію—и арестовала Мирославскаго, Бесекирскаго, владѣльца Свинырь Лонцакаго и нѣсколькихъ еще, а потомъ пошли и дальнѣйшіе аресты.

Такъ кончились затѣя заговорщиковъ въ княжествѣ Познаньскомъ.

Въ Западной Пруссіи дѣло было немного иначе. Тамъ, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ расчетовъ Прусскаго правительства, аресты начались гораздо ранѣе.

Прежде всего, еще въ концѣ декабря (24) 1845, арестованъ, изъ болѣе видныхъ дѣятелей заговора, повстанскій комиссаръ Старогродскаго обвода, академикъ Трояновскій, назначенный на это мѣсто главнымъ начальникомъ той части, Севериномъ Эльжановскимъ.

Старогродскій обводъ считался важнымъ потому, что съ него начинались дѣйствія, по мѣстному плану, составленному Владиславомъ Косинскимъ (съ которымъ мы уже встрѣтились)—именно: прежде всего думали взять Старогродъ.

Лишь только стало извѣстно, что Троя-

новскій арестованъ, Эльжановскій назначилъ на его мѣсто администратора пробства, ксендза Лободзкаго, а этотъ пригласилъ къ себѣ въ помощники очень бойкаго молодого человѣка Путкаммеръ-Клещинскаго, ученика школы сельскаго хозяйства. Но оба объявили Эльжановскому, что не смотря на полную готовность служить возстанію изо всѣхъ силъ,—они, по своему положенію въ обществѣ, надѣлаютъ немного, если у нихъ не будетъ кого-либо со значеніемъ и опытностью въ военномъ искусствѣ.

Эльжановскій обѣщалъ прискаты, но пока прискивалъ, его арестовали. Начальство надъ краемъ принялъ Косинскій, распорядившійся въ то время приготовленіями въ дѣйствіямъ около Быдгоща, почему долженъ былъ очень много ѣздить и конечно обратилъ на себя вниманіе полиціи. 16-го февраля н. ст. его тоже арестовали подъ Лаусбергомъ, и эта часть возстанія замерла.

Межъ тѣмъ обѣщанный Лободзкому соратникъ прибылъ въ Старогродъ изъ Крулевца 20 Февраля. Это былъ тамошній студентъ—медикъ, Флоріанъ Цейнова, завербованный Магдзинскимъ, и они составили съ Лободзкимъ такой планъ нападенія на Старогродъ:

«1) Ночью съ 21-го на 22-е ударить на городъ, уничтожить гарнизонъ (гусаръ), взять лошадей съ ихъ конюшень и занять арсеналъ. 2) Перобить на балу, въ клубѣ, всѣхъ членовъ клуба, офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, равно и всѣхъ тѣхъ, кто будетъ оказывать сопротивленіе. 3) Забрать публичныя кассы. 4) Если все это не удастся, то назначить уѣзднаго комиссара, огласить революцію и дать епископу въ Целплинѣ адъюнкта, для направленія его дѣйствій. Наконецъ, учредить револю-

ціонный трибуналь. 5) Послать вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько вооруженныхъ людей въ Грудзѣндзъ, какъ въ центральный пунктъ, для открытія сношеній съ повстанцами Западной Пруссіи, а съ оставшимися людьми, созвавъ ландверъ, усилить и распространить мѣстное возстаніе»⁶⁾.

За тѣмъ Цейнова и Путкаммеръ-Клещинскій, съ другими лицами, начали подымать народъ по деревнямъ Суминѣ, Липну, Быттоню, Ривальдѣ, Вонбржезнѣ, Ябловѣ и Кленовкѣ.

Самъ начальникъ округа Лободзкій только писалъ письма и воззванія, то есть, дѣйствовалъ вліяніемъ своего имени и званія. Къ вечеру 21 февраля н. ст. собралось около ста человѣкъ вооруженныхъ чѣмъ попало: вилами, косами, топорами, палками,—рѣдко кто имѣлъ ружье,—и двинулись къ тремъ сборнымъ пунктамъ. Въ рядахъ Клещинскаго еще на дорогѣ произошли несогласія. Какой-то каменщикъ, изъ дер. Кленовки, по имени Куна, просто напросто ругалъ старую Польшу, говоря, что «еслибъ не она, не было бы всѣхъ этихъ тревогъ; и зачѣмъ её возстановлять»? На мѣстѣ (въ какой-то рошѣ, подъ самымъ городомъ) оказалось недовольныхъ и непослушныхъ еще болѣе. Напрасно Клещинскій махалъ саблей, произносилъ рѣчи, вынималъ изъ-за пазухи распятіе: ничто не помогало. Подчиненные его говорили, что на городъ не пойдутъ, что сдѣлать имъ ничего нельзя, а лучше разойтись. Пробывши съ ними съ полчаса или болѣе, Клещинскій отправился разыскивать начальниковъ другихъ отрядовъ. Цейнову и какого-то Мазуркевича—нашелъ и объявилъ имъ о положеніи своихъ дѣлъ. Но и у нихъ

⁶⁾ Показанія самого Лободзкаго и Цейновы. Вообще здѣсь все по Прусскимъ матеріаламъ.

было тоже самое—тѣ же крики неудовольствія и непослушаніе. Поговоривъ межъ собою еще немного, вожди рѣшили распустиить своихъ людей, взявъ съ нихъ клятву о храненіи тайны. Такой имѣли конецъ замыслы повстанцевъ на Старогродъ.

Все утихло. Нигдѣ въ Прусскомъ захватѣ не было никакого взрыва. Съ 21 на 22 февраля, вдругъ вѣсть о возстаніи Кракова пробудила опять въ повстанскихъ сердцахъ нѣкоторыя надежды, и подъ вліяніемъ ихъ возникъ заговоръ въ Познани: поднять какія только можно силы и осадить Познанскую цитадель, съ 3 на 4 марта н. ст. въ ночь, и если нападеніе удастся, выпустить на волю заключенныхъ въ ней: Мирославскаго съ товарищами.

Въ расчетѣ заговорщиковъ было, что солдаты Польскаго происхожденія, составляющіе гарнизонъ крѣпости, и часть офицеровъ, сочувствуютъ возстанію, а потому помогутъ нападенію. Планъ составленъ такой:

«Такъ какъ главное укрѣпленіе лежитъ подлѣ города и днемъ имѣетъ съ нимъ сообщеніе, то часть заговорщиковъ можетъ легко забраться внутрь и тамъ до извѣстнаго времени спрятаться».

«По знаку, данному изъ города ракетой, два унтеръ-офицера изъ заговорщиковъ, переодѣвшись въ солдатское платье, пойдутъ къ главнымъ воротамъ крѣпости, какъ бы возвращаясь съ караула отъ цейхауза, и вдругъ бросятся на часоваго и обезоружатъ его».

«Въ тоже самое время часть забравшихся внутрь людей отворятъ ворота крѣпости поддѣльнымъ ключемъ (который былъ сдѣланъ въ Бреславлѣ, по слѣдку, доставленному начальнику заговора. Неголевскому, поручикомъ Мацкевичемъ),—и впустятъ въ крѣпость народъ, обезоруживъ предварительно внутреннюю при воротахъ стражу».

«Другая часть заговорщиковъ, находящихся въ крѣпости, врывается въ казармы гарнизона, припираетъ гдѣ нужно двери и захватываетъ ружья, стоящія въ коридорахъ, съ тѣмъ, чтобы раздать своимъ. Конечно, тутъ помогутъ сочувствующіе изъ войскъ».

«Въ городѣ должны произойти тогда же слѣдующія распоряженія: все заставы и выходы въ поле преграждаются вооруженнымъ народомъ, дабы власти не могли дать знать о штурмѣ расположеннымъ въ окрестностяхъ войскамъ. Равно должны быть окружены: Хвалишевскій мостъ и артиллерійскій паркъ, дабы находящійся въ Реформатскомъ укрѣпленіи гарнизонъ не могъ подать помощи осажденнымъ, а орудія дѣйствовать. Этотъ пунктъ порученъ лѣсническому графа Дзялынскаго, Тромпчинскому».

Сверхъ всего изложеннаго было еще въ предположеніи застрѣлить коменданта генераль-поручика Штейнакера, въ 12 часовъ дня (3 марта) во время смотра войскъ, на Вильгельмовскомъ плацу; но онъ въ 9 часовъ уже воротился въ крѣпость, а передъ вечеромъ имѣлъ отъ оберъ-полицеймейстера свидѣнія о заговорѣ и принялъ предосторожности.

Увидѣвъ, что они открыты, заговорщики измѣнили часть нападенія, намѣреваясь вести приступъ не ночью, а въ 8³/₄ вечера. Равно измѣнили и сборные пункты, но это произвело только путаницу: часть попала на старыя мѣста и не найдя тамъ ни обѣщаннаго оружія, ни начальниковъ, пождала-пождала и разошлась. Другіе не нашли ничего на новыхъ мѣстахъ... Такимъ образомъ нападающихъ оказалось очень немного. Поговоривъ между собою и получивъ извѣстіе, что въ крѣпости приняты мѣры и противъ новыхъ распоряженій, начальники распустили команду. Оружіе было частію брошено въ Варту, частію зарыто.

Только у Хвалишевскаго моста было все исполнено по начертанному плану: смѣлый и энергическій Тромпчинскій собралъ до 60 человѣкъ народу, какъ бы на охоту, вооружилъ ихъ, посадилъ на 6-ть большихъ телѣгъ—и первый въѣхалъ на мостъ. Когда часовой крикнулъ: *кто идетъ?*—съ воза выстрѣлили; на выстрѣлы отвѣчали приготовленные въ воротахъ солдаты тоже выстрѣлами и ранили самого Тромпчинскаго и двухъ его товарищей, а третій былъ убитъ. Возъ конечно тутъ же забранъ, и въ немъ оказалось много оружія.

Другіе возы, державшіеся сзади, увидѣвъ эту сцену, остановились; народъ бѣжалъ, и подошедшія войска взяли только телѣги съ лошадьми и оружіемъ.

Въ ночь произошли многочисленные аресты.

Такъ кончилось возстаніе 1846 года, задуманное, повидимому, на широкую руку. Маленькая Краковская республика перестала существовать. Однако революціонное броженіе умовъ продолжалось въ краѣ еще довольно долго. Поляки не хотѣли вѣрить, чтобы возстаніе, въ которомъ принимали участіе всѣ высшія сословія и которое было подготовляемо исподоволь и располагало хорошими средствами,—чтобы оно дѣйствительно кончилось. и кончилось какъ-то странно, вдругъ, какъ будто и не начинавшись. Когда взяли Бесскирскаго (въ имѣніи Лонцкихъ, Свиныхъ, въ одно время съ Мирославскимъ), и полицейскій офицеръ сталъ утѣшать плачущую его жену, она приподнялась и сказала: «Вы думаете, что я плачу по мужѣ? Я плачу о томъ, что рѣшеніе участи Польши отложено еще на шесть мѣсяцевъ!»

Во многихъ мѣстахъ всѣхъ трехъ захватовъ, отъ марта до мая мѣсяца, происходили незначительныя вспышки, конча-

вшіяся арестами двухъ-трехъ человѣкъ и только. Кіевскій генералъ-губернаторъ писалъ къ Паскевичу, что замѣчаетъ даже и у себя нѣкоторое движеніе молодежи, въ пунктахъ, соприкасающихся съ границей, и при рапортѣ отъ 23 марта 1846 прислалъ *прокламацію*, ходившую тамъ, но кажется она была болѣе ранняго происхожденія.

Австрійцы извѣщали, что у нихъ, въ округѣ Сандецкомъ, распространено какое-то *письмо съ неба*.

У насъ въ Томашовѣ (Люблинской губ. Замостьскаго уѣзда), въ ночь съ 11 на 12 апрѣля ст. ст., подброшенъ пакетъ въ синагогу, заключавшій въ себѣ довольно безграмотное *воззваніе къ Евреямъ* на еврейскомъ языкѣ.

Было еще нѣсколько подобныхъ фактовъ въ нашей Польшѣ, не стѣющихъ того, чтобы объ нихъ говорить подробно.

Мы упомянемъ только о заговорѣ Варшавскихъ гимназистовъ противъ Паскевича.

Повторяя за нѣкоторыми взрослыми, что возстаніе 1846 года не удалось единственно потому, что тутъ вмѣшался «Эриванъ», школьники бросили между собою жребій, кому его убить, чтобы поправить дѣла, если не въ настоящемъ, то хоть для будущаго. Жребій палъ на какого-то недовкаго и очень юнаго гимназиста. Тогда одинъ ученикъ 7 класса 1-й Варшавской гимназій, Антонъ Рудскій, вызвался самъ, безъ всякаго жребія, убить «Эривана» изъ ружья. не то изъ пистолета, будучи хорошимъ стрѣлкомъ.

Заговоръ этотъ сдѣлался извѣстнымъ правительству по причинѣ хвастливой болтовни ребятъ. Рудскаго арестовали. Послѣ оказались сопричастными къ тому же дѣлу варшавскіе жители: Генрихъ Мониковскій и Лосевичъ.

Также точно медленно приходили въ себя

разыгравшіеся деревенскіе элементы Галиціи. Мужики не хотѣли ничего дѣлать, ни взносить податей. Были даже такіе, кто пресерьезно требовалъ отъ правительства обѣщанныхъ наградъ за головы помѣщиковъ. «Вѣдь намъ же читали о Пасхѣ (говорили они) по вѣтмъ костеламъ благодарность эрць-герцога за то, что мы порѣшили помѣщиковъ!»

Такъ поняли они *прокламацію* эрць-герцога Фердинанда, которую дѣйствительно читали по костеламъ и гдѣ была выражена благодарность правительства крестьянамъ за сочувствіе и за то, что между ними не открыто заговорщиковъ.

Весной во многія деревни пришлось послать военныя команды, и только при ихъ помощи водворился кое-какъ прежній порядокъ, и крестьяне стали работать. Въ иныхъ, особенно безпокойныхъ, деревняхъ даже были поставлены для устрашенія народа висѣлицы.

Союзныя войска стояли въ Краковѣ до іюня мѣсяца. Нашихъ было тамъ постоянно: 2 баталіона, 2 конныхъ орудія, легкая № 5 батарея, сотня Донскихъ казаковъ и сотня музульманъ.

Карбонарскіе клубы, проклявъ своихъ союзниковъ-Поляковъ за излишнюю горячность и неумѣнье вести надлежащимъ образомъ заговоръ продолжали свои работы и подготовили къ 1848 и 1849 годамъ нѣсколько взрывовъ. Поляки не преминули пристроиться тамъ, гдѣ это оказалось удобно. Возстаніе Познаньскаго Княжества имѣло для нихъ связь со всѣми революціонными затѣями эмиграціи послѣ 1831 года; было *одно и тоже дѣло*, прерывавшееся вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ.

Мы привели выше мнѣніе объ этомъ одного краснаго, съ безвѣстнымъ племенемъ. Вотъ что говорятъ о томъ же Мирослав-

скій, начиная свое описаніе «Познаньскихъ происшествій»:

«Страдающая мѣстная демократія (Demokrasya krajowa) и взывающая демократія эмиграціи, долго отыскивая другъ друга подъ двойнымъ гнетомъ чуждаго наѣзда и своего шляхетскаго хозяйничанья въ страдѣ, наконецъ встрѣтились въ заговорахъ, начавшихся съ 1836 года спорадически во всѣхъ трехъ захватахъ вдругъ и приведенныхъ въ 1844 и 1845 годахъ Централизациею Демократическаго общества къ одной общей дѣятельной Конфедерации. Приостановленное (zawieszona) въ 1846 году, возстаніе ни чуть не сложило оружія подъ висѣлицей Потоцкаго и Виснѣвскаго ⁷⁾, подъ топоромъ Шели ⁸⁾, подъ процессами Пруссаковъ. Запертое въ тюрьму въ теченіи 1846—47 годовъ ⁹⁾, въ 1848 оно высту-

⁷⁾ Теофіль Виснѣвскій повѣшенъ во Львовѣ, вмѣстѣ съ Капустинскимъ, въ іюнь 1847 года.

⁸⁾ О Шелѣ мы не упомянули вовсе за отсутствіемъ хорошихъ и вѣрныхъ источниковъ. Это былъ предводитель огромной крестьянской банды въ 1846 году, дѣйствовавшей подъ покровительствомъ Австрійцевъ. Самъ онъ былъ тоже крестьянскаго званія. Мужики звали его *król Chłorów*. Говорятъ, банда его простиралась до 5 т. человѣкъ.

⁹⁾ Мирославскій разумѣетъ заключенныхъ въ крѣпость и подвергнутыхъ болѣе или мѣнѣе продолжительному аресту въ разныхъ мѣстахъ, себя и товарищей своихъ по заговору 1846 года. Изъ 254 захваченныхъ въ то время судъ приговорилъ: восьмерымъ отрубить голову топоромъ, другихъ заключить на всю жизнь или на извѣстный срокъ, третьихъ выслать вонъ и т. д. Конфирмаціею короля приговоръ этотъ былъ смягченъ: осужденныхъ на смерть посадили въ одиночныя казематы безъ срока, до ста на разные сроки, и наконецъ иные совсѣмъ освобождены. Имена всѣхъ этихъ лицъ можно видѣть въ *Allgem. Zeit.* 1847, отъ 3 декабря и въ *XXIX т. Biblioteki Piszarzy Polskich*, стр. 278.

пило опять, на зовъ европейскихъ потрясеній, все тоже самое, съ тѣмъ же самымъ евангеліемъ, которое не вѣсть когда будетъ проповѣдано (*nie przegadana jęwangelja*), съ тою же непреложной вѣрой въ святость своихъ догматовъ и въ достоинство средствъ, которыми рассчитывало дойти до цѣли¹⁰⁾».

Поляки поднялись въ Познани, въ 1848 году, потому что тамъ поднялось и нѣмецкое населеніе, узнавшее о движеніи Берлина и требовавшее отъ правительства того же, чего требовалъ Берлинъ. Само собою разумѣется, что заговорщики Нѣмцы обрадовались лишнимъ революціоннымъ рукамъ и братались съ Поляками до тѣхъ поръ, пока Поляки были имъ нужны, для ихъ *нѣмецкаго дѣла*. Берлинцы вынесли Мирославскаго съ торжествомъ изъ Моавитской тюрьмы¹¹⁾, при оглушительныхъ крикахъ ура, какъ бы своего собственного вождя, и онъ, имѣвъ нѣсколько бесплодныхъ объясненій съ бирлинскими заговорщиками, которыхъ училъ «какъ дѣйствовать далѣе», отправился въ Познань и принялъ начальство надъ Познанскими повстанцами изъ Поляковъ, которые называли его «*Wódzem Zmartwychwstałym*», т. е. воскресшимъ изъ мертвыхъ вождемъ».

Но умное Берлинское правительство весьма скоро и ловко окончило всѣсчеты со своими нѣмецкими повстанцами, и они, будучи удовлетворены въ своихъ нѣмецкихъ требованіяхъ, успокоились и обратились къ мирнымъ занятіямъ. Поляки остались одни,

¹⁰⁾ Powstanie Poznanskie w roku 1848. Paryż, 1860, стр. 5—6.

¹¹⁾ Такъ названа новая въ то время тюрьма въ Берлинѣ, съ одиночнымъ заключеніемъ. По ней заключенныхъ тамъ узниковъ Поляки называли „Моавитскими узниками“, и всѣ знали, о комъ идетъ рѣчь. До сихъ поръ этотъ терминъ употребляется между Поляками.

и тоже, конечно, должны были успокоиться и положить оружіе, несмотря на нѣсколько удачныхъ схватокъ съ прусскими войсками, напр. подъ Вржеснею, Соколовымъ и Милославомъ. Мирославскій снова попался въ руки прусскаго правительства, но на этотъ разъ былъ помплованъ и уѣхалъ въ Парижъ.

Мы не описываемъ подробно этого возстанія, такъ какъ оно не имѣло съ нашою Польшей никакой связи. По крайней мѣрѣ эта связь нигдѣ и ни въ чемъ ярко не обнаружилась. Любопытствующихъ знать о немъ ближе отсылаемъ къ книгѣ Мирославскаго, нѣсколько разъ нами приведенной. Кромѣ того есть и еще описанія тѣхъ же событій, между прочимъ Морачевскаго.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ 1849 году, извѣстный маневръ Паскевича предупредилъ возстаніе Галиціи, а съ нею, вѣроятно, и Познани.

Въ это время возникъ въ Литвѣ одинокій (если вѣрить Авейде), независимый отъ Централизаціи заговоръ, о которомъ, кажется, нигдѣ еще не было писано. Онъ состоялъ преимущественно изъ школьной молодежи и ограничивался главнѣйшимъ образомъ Литовскими губерніями, съ самымъ незначительнымъ участіемъ Малороссіи; но въ Царство, повидимому, не проникалъ. Вождями этого заговора считаются два брата Далевскіе, Францъ и Александръ, къ которымъ присталъ позже служившій чѣмъ-то въ нашихъ войскахъ, стоявшихъ въ Вильнѣ, Сигизмундъ Сѣраковскій, тогда еще молодой человекъ.

Планъ литовскихъ заговорщиковъ былъ таковъ: или поднять возстаніе въ то время, когда Венгерская революція приметъ счастливый исходъ и Дембинскій или Высоцкій вторгнутся въ русскіе предѣлы; или возстаніемъ, поднятымъ въ тылу дѣйствующей

арміи, отвлечь русскія силы и этимъ помочь Мадамъ. Сѣраковскій былъ посланъ переговорить объ этомъ съ Дембинскимъ и благополучно перебрался черезъ Польшу и Галицію, но на обратномъ пути арестованъ и тутъ все узнали ¹²⁾).

Далевскіе были сосланы въ Сибирь, въ кааторжную работу, а Сѣраковскій рѣзжалованъ въ рядовые и отправленъ въ Оренбургскіе баталіоны. И съ нимъ, и съ Далевскими намъ еще придется встрѣтиться.

Наконецъ насталъ тяжелый для насъ 1855 годъ, съ его Крымской кампаніей, съ Севастополемъ. Казалось, когда бы лучше встать Полякамъ, какъ не въ это время; между тѣмъ они не встали. Даже не было нигдѣ къ этому видимаго поползновенія. Авейде говоритъ: «Люди, не знавшіе нашего положенія, но вспоминавшіе наши до 1830 года конвульсивные революціонные порывы, предлагали вопросъ: отчего не возстали мы во время Крымской войны, несмотря на всю нашу ненависть къ Русскому правительству? Мы не возстали потому, что не могли возстать; потому что мы отупѣли и были слабы, невыразимо слабы» ¹³⁾).

Впрочемъ, Юсефъ Высоцкій входилъ отъ имени *Демократическаго Общества*, точнѣе, отъ его бранныхъ остатковъ, въ переговоры съ Англійскимъ и Турецкимъ правительствомъ о томъ, съ какой бы стороны Поляки могли быть имъ полезны въ дѣйствіяхъ противъ Русскихъ въ Крыму; но предложенія, сдѣланныя ему Англійей и Турціей, онъ нашелъ для Польши не только невыгодными, но даже оскорбительными, и ничего не предпринялъ ¹⁴⁾).

Можетъ быть, дѣйствительно все сказанное справедливо и Поляки точно были слабы

въ 1855 году для того, чтобы подняться; но, по нашему мнѣнію, существовали тогда еще и другія причины, которыя, болѣе или менѣе, парализовали подобный замыселъ, еслибы онъ въ комъ и зародился: это— начавшее выработываться въ польскомъ обществѣ, незамѣтно, какъ бы помимо воли самихъ Поляковъ, убѣжденіе, что «видно намъ и имъ въ самомъ дѣлѣ должно слиться воедино и жить въ какой ни на есть дружбѣ, что *иначе нельзя*, что такъ определено судьбою».

И Русскіе, съ своей стороны, тоже сами не зная какъ, стали протягивать руки Полякамъ, уже съ полной русской искренностью и простосердечіемъ, которое, какъ это зачастую съ нами бываетъ, даже перешло позже законные предѣлы....

Система Паскевича, это неослабное, характерное держаніе въ рукахъ Польши, никогда не шедшее въ разладъ съ правительственной системой Россіи по тому же предмету, конечно сдѣлало кое-что въ 25 лѣтъ, отозвалось тамъ и тутъ. Мы дѣйствительно какъ бы стали срастаться. Дѣйствительно произошло начало возможнаго сближенія Русскихъ съ Поляками. Имя Поляка болѣе и болѣе переставало быть нетерпимымъ въ арміи и въ другихъ русскихъ корпораціяхъ. Пускай припомнятъ Севастопольцы свое время. Если не всѣ, то многіе изъ нихъ вѣроятно согласятся, что масса тамошнихъ начальниковъ частей, Польскаго происхожденія, въ полкахъ и на батареяхъ, была для солдатъ совершенно тѣмъ же, чѣмъ были для нихъ русскіе командиры. Иныя Поляки были даже безъ памяти любимы своими подчиненными. Можно назвать довольно именъ.... Поль-итаба князя Горчакова состояло изъ Поляковъ, а кто этого боялся? Кто-бы отважился попрекнуть тамъ Поляка тѣмъ, что онъ Полякъ?.....

¹²⁾ Авейде, I, 196—197.

¹³⁾ I, стр. 209, примѣчаніе.

¹⁴⁾ Авейде, I, 200.

Да! *вырабатывалось что-то такое* на огромных пространствах, и могло бы, как намъ кажется, выразиться еще сильнѣе и ярче, перейти къ чему-либо болѣе существенному, еслибъ только—*продолженіе той же характерной системы*, какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, разумѣется, принаравливаемое постоянно ко времени и обстоятельствамъ. Но... такъ не судили боги, и мы снова разстались, а на сцену выступили событія, которыя будутъ описаны въ слѣдующихъ главахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ПОХОЖДЕНІЯ ЗАВИШИ.

(См. выше, стр. 235).

Прежде чѣмъ отправиться эмиссаромъ въ Польшу, Завиша старался какъ-можно-ближе сойтись съ начальникомъ предпріятія Заливскимъ, бывалъ у него (въ Парижѣ) очень часто, выпытывалъ имена членовъ общества, чтобы по этому судить, на сколько серьезно ихъ дѣло, но Заливскій никого не называлъ, говоря, что связанъ клятвой и честнымъ словомъ; что когда, по отправленіи агента въ Галицію, прибылъ оттуда уполномоченный отъ тамошней Демократической Организации и тоже спрашивалъ объ именахъ членовъ *Zemsty Ludów*, предлагая ту-же минуту по открытіи тайны, вручить обществу 200 т. франковъ,—ему было отказано, и деньги не приняты.

Завиша видалъ у Заливскаго Генриха Дмуховскаго, Дверницкаго, Лелевеля, Косницкаго, Ледуховскаго; но разъ при вопросѣ, что это за народъ, Заливскій отвѣчалъ: «Все разныя партіи. Ледуховскому я бы ничего не повѣрилъ. Дверницкому однажды хотѣлъ-было открыться, но, припоинивъ одно обстоятельство, отдумалъ».—Ну, а Лелевевъ? спросилъ Завиша. Заливскій не отвѣчалъ ничего.

Въ одну изъ встрѣчъ съ Заливскимъ, Завиша попробовалъ выпытать у него хотя имена эмиссаровъ, отправляемыхъ въ край. Заливскій и тутъ открылъ очень мало. «Каждый долженъ знать только своего сосѣда», отвѣчалъ онъ и назвалъ сосѣдей Завиши: въ обводѣ Ленчицкомъ Боржевскаго и въ Равскомъ—Леона Залѣскаго.

Когда Завиша выразилъ окончательное согласіе отправиться, Заливскій указалъ ему въ Варшавѣ ксендза Пулавскаго, а этотъ долженъ былъ указать въ свою очередь другія лица. Уминскій передалъ какіе-то *знаки*, по которымъ эмиссары и организациа могутъ другъ друга узнавать, и обѣщалъ прислать изъ Ліона особый *патентъ*, съ объясненіемъ *всего*, что послѣ и сдѣлано. Одинъ знакомый Завиши, Французъ Баррели, былъ нѣсколько на него похожъ и далъ ему свой паспортъ, по которому Завиша получилъ изъ Парижской префектуры новый паспортъ, для отъѣзда въ Пруссію,—и уѣхалъ въ февралѣ 1833 года.

Сначала Завиша жилъ въ Берлинѣ. Потомъ перебрался въ деревню своихъ отдаленныхъ родственниковъ, Дзяловскихъ, Туржно, близъ Торуня, и оставался тамъ до 11 марта н. ст., въ ожиданіи другаго эмиссара. Каликста Боржевскаго (служившаго въ Бельгійской арміи), дабы снабдить его нѣкоторыми совѣтами и указаніями, такъ какъ онъ долженъ былъ работать (собрать партію) въ тѣхъ-же мѣстахъ.

Наконецъ, потерявъ надежду на его прибытіе, Завиша выбрался, переодѣтый крестьяниномъ, изъ Туржна и перешелъ пѣшкомъ границу Царства Польскаго. Идя проселкомъ черезъ деревни: Волю, Кликоль, Злотополе, городъ Липно; потомъ, по почтовой дорогѣ, на Добржинъ и Винары (гдѣ переправился черезъ Вислу),—онъ замѣтилъ вездѣ разставленные деревенскіе

караулы и въ жителяхъ какую-то особенную осторожность. Въ корчмѣ Ощивилокъ, до которой онъ дотащился съ большимъ трудомъ и опасностями, задами деревень: Радзивъ, Цѣхомецъ и Лонскъ,—его взяло раздумье, идти-ли дальше, или воротиться? Тутъ онъ увидѣлъ, что странствованія по Польшѣ эмиссаровъ не такъ легки, какъ они представлялись каждому изъ нихъ въ Парижѣ; страхъ одолѣлъ всякія другія размышленія, и Завиша, перейдя снова Вислу и Виняръ, быстро перенесся обратно въ Туржно, черезъ деревню Ясень, гор. Липно и селенія: Злотополе, Волю, Злотарію и Плюсковенсы. Было 10 или 11 апрѣля н. ст. (1833) *).

Боржевскій все еще не являлся. Завиша былъ этому отчасти радъ, такъ-какъ опасное предпріятіе замедлялось и даже могло вовсе разстроиться. Вдругъ получаетъ онъ письмо, что Боржевскій уже давно въ Пруссіи и что его дѣло, по части пріисканія отважныхъ людей для вторженія въ Царство, идетъ недурно. Боржевскій жилъ у помѣщика Сляскаго, куда приглашалъ прибыть и Завишу для совѣщаній. Завиша поѣхалъ. Когда они встрѣтились, послѣдній не рѣшился рассказать товарищу о своихъ неудачныхъ походахъ въ Царствѣ, кончившихся побѣгомъ, чтобы тотъ не заподозрѣлъ его въ трусости. Напротивъ, Завиша всячески представлялъ изъ себя человека, готоваго на все, и они оба начали собирать партію изъ разнаго народа, въ чемъ помогъ имъ, главнѣйшимъ образомъ,

*) Въ брошюрѣ нами цитированной въ текстѣ: Artur Zawisza i Michał Wollowicz, называется, будто бы Завиша проникъ и въ Варшаву, арестованъ тамъ у ратуши, но бѣжалъ. Даже сообщается часъ, когда онъ вошелъ въ Варшаву: 9 часовъ утра 14 марта н. ст. (стр. 11).

унтеръ-офицеръ бывшихъ польскихъ войскъ, Войткевичъ, человекъ расторопный и отважный. Мало по малу, въ недѣлю или около того, у нихъ набралось шесть человекъ народу всякаго званія: Антонъ Аксамитовскій, Сѣдлецкій, Куррель, Ковалевскій, Зайонць и Войткевичъ. Съ ними Завиша и Боржевскій рѣшились перебраться на ту сторону рѣки Дрвенцы, въ Корчевскомъ лѣсу, противъ дер. Плонной, что въ Царствѣ Польскомъ. Имъ говорили, что нужно только отыскать рыбака Кречмера, занимающагося перевозомъ разныхъ *такихъ людей*,—и онъ перевезетъ. Кое-какъ нашли проводника къ Кречмеру и пустились въ путь (30 апрѣля н. ст.). Но дорогой проводникъ отъ чего-то бѣжалъ. Нашли другого, и тотъ бѣжалъ... Наконецъ, Еврей-контрабандисты указали имъ убогую хату Кречмера, и онъ перевезъ ихъ черезъ Дрвенцу и потомъ довелъ до дер. Радзика, взявъ съ cadaго человека по золоту за перевозъ и 4 злата за проводы до Радзика.

Отъ Кречмера партія узнала, гдѣ въ Радзикахъ стоитъ казацкій кордонъ, чтобы сдѣлать на него нападеніе. Аксамитовскій, подойдя къ дому (была довольно темная ночь) стукнулъ въ окно и сказалъ по-русски: «Записку принесть, братецъ!» Одинъ казакъ вышелъ и былъ пробитъ кинжаломъ, послѣ чего Завиша съ Войткевичемъ вскочили внутрь и давай колотъ и битъ казаконъ; тѣ заматались и побѣжали вонъ; партія дала залпъ изъ ружей... человека три легло, остальные были переранены.

Забравъ ихъ оружіе, повстанцы отправились поспѣшно въ направленіи къ дер. Хойно, принадлежавшей Боржевскому, куда прибыли 3 мая н. ст. утромъ и весь этотъ день оставались у одного мужика, хорошо извѣстнаго Боржевскому. Подкрѣпились пищею, выспались. А Завиша описалъ по-

боище съ казаками въ стихахъ и послѣ торжественно читалъ товарищамъ.

Въ дер. Хойно жилъ дезертиръ Сибирскаго егерскаго полка Морозовъ. Онъ легко далъ себя уговорить присоединиться къ партіи, которая послѣ этого двинулась въ дальнѣйшій путь, по дѣсамъ. и достигла черезъ два дни (почти ничего не ѣвши) до такъ называемыхъ Любовецкихъ дѣсовъ. Встрѣченный дегтярникъ Ботновскій привелъ къ Завишѣ караульщика дѣсовъ Каминскаго, котораго убѣдили отправиться къ помѣщику Вильчевскому, за провіантомъ. Вильчевскій самъ пріѣхалъ и привезъ партіи провіанту, 7 мая н. ст. вмѣстѣ закусили и потолковали. Завиша не преминулъ прочесть свои стихи о «славномъ побойщѣ въ Радзикахъ». 8 мая н. ст. перешли въ Ясенскій дѣсъ, гдѣ явились къ нимъ съ провіантомъ помѣщикъ Островскій и кондитеръ изъ г. Липно, Губрикъ, и оба потомъ остались въ партіи, которая тронулась въ Орловскіе дѣса, примыкавшіе къ имѣнію богатаго и вліятельнаго помѣщика Мыстковскаго.

Наслышавшись объ его повстанскомъ характерѣ, Завиша отправился къ нему въ домъ, въ видѣ мужика. Мыстковскій принялъ его очень радушно, предложилъ свое содѣйствіе, сказавъ при этомъ, что онъ долженъ вести себя какъ можно осторожнѣе, потому что, вслѣдствіе исторіи въ Радзикахъ, отправлены уже воинскія команды, которыя его ищутъ. Мыстковскій совѣтовалъ даже немедля расположиться по дворахъ разныхъ помѣщиковъ, подъ видомъ слугъ, мастеровыхъ, пока пройдетъ гроза, а тамъ слѣдовать далѣе. Завиша согласился на это и, воротясь въ дѣсъ, привелъ оттуда всю партію, 12 мая н. ст., въ домъ къ Мыстковскому, который помѣстилъ часть народу у себя, а часть разослалъ по дво-

рамъ сосѣдей, говоря, что «нечего дѣлать, надо помочь. Натворили глупостей, да въдъ свои, не выдавать же!» Другіе были тѣхъ же убѣжденных. Особенно сочувствовалъ повстанцамъ молодой помѣщикъ Росцишевскій. Онъ пріѣхалъ къ Мыстковскому и прожилъ у него два дня, кутя съ вождями партіи и сочиняя разные планы. Между прочимъ всѣ вмѣстѣ толковали о томъ, какъ бы напасть на Плоцкъ, или хоть на Липно. Войскъ тамъ немного. Если же будетъ неудача, до можно укрыться въ монастырѣ... Банда въ ихъ мысляхъ росла до значительныхъ размѣровъ... Въ Плоцкѣ являлась какая-то организація... Они брали пушки, стоящія въ одномъ извѣстномъ пунктѣ и плохо охраняемыя Москалями... Завиша опять читалъ стихи...

Мыстковскій тѣмъ временемъ сѣзидилъ въ Липно и привезъ оттуда печальныя извѣстія: о пребываніи партіи въ тѣхъ мѣстахъ было уже извѣстно, и приняты самыя дѣятельныя мѣры къ ея розысканію. Это заставило Завишу перемѣнить мѣсто: онъ уѣхалъ къ Росцишевскому и прожилъ у него три дня, до 19 мая н. ст.; Боржевскаго отправили къ кому-то, какъ бы гувернера: но онъ, видя, что дѣла ихъ сильно плохи, бѣжалъ за границу. Завиша собралъ людей и перешелъ съ ними въ дер. Вержницю. Во время пути пристало къ нему нѣсколько новыхъ охотниковъ до приключеній, между прочимъ два молодыхъ челоуѣка: Люборадзскій и Веберъ, оба имѣвшіе по 16 лѣтъ, но отчаянные и отважные. Они уже давно, бросивъ службу въ Плоцкѣ*), скитались по дѣсамъ и искали «братьевъ».

*) Люборадзскій служилъ апликавтомъ въ Плоцкомъ судѣ исправительной полиціи, а Веберъ въ канцеляріи президента города.

23 мая партія Завиши прибыла въ имѣніе г-жи Лемпицкой, Носегвѣвъ, отлично принята и накормлена въ саду; водки, вина, даже шампанскаго было вдоволь. Однако, опытные люди изъ наѣхавшихъ туда помѣщикамъ совѣтовали Завишѣ скрыть скорѣе свои слѣды переправкою за Вислу, такъ какъ на ихъ сторонѣ было весьма не безопасно. Но какъ переправиться? Лемпицкая обѣщала все уладить, и одинъ изъ ея людей указалъ Завишѣ пунктъ, куда должно собрать партію и гдѣ они все найдутъ.

26 мая н. ст. партія была собрана въ Тулибовскихъ кустахъ, а 27 тронулась къ рѣкѣ, но увидѣла въ указанномъ мѣстѣ только лодку безъ весель и болѣе ничего. Поэтому партія снова воротилась въ кусты и пробыла тамъ до 1 іюня. Въ этотъ день одинъ мужикъ г-жи Лемпицкой переправилъ людей Завиши на ту сторону Вислы, недалеко отъ Влоцлавка.

Расположившись подъ этимъ городомъ, въ лѣсу, партія сочиняла планъ нападенія на городъ, но посланный туда крестьянинъ узналъ, что тамъ 60 человекъ команды, сильно бодрствующей, по причинѣ слуховъ о бродящихъ кругомъ бандахъ. Уже за голову Завиши было назначено 500 злотыхъ.

Двинулись къ дер. Люборжу, чтобы получить провіанту, но были приняты тамъ очень дурно, даже насилу унесли ноги въ Кросненскій лѣсъ, гдѣ, доставъ кое-какъ разной провизіи и игральныя карты, сѣли играть въ вистъ, весело толкуя о томъ, какъ ихъ банда увеличится и они пойдутъ на Варшаву, отравить колодцы въ казарнахъ, убьютъ Паскевича... Вдругъ, откуда ни возмись, гусары и почти всѣхъ тутъ же забрали.

Часть, бѣжавшая къ Влоцлавку, была захвачена немного позже.

III.

II.

ПИСЬМО КОНАРСКАГО.

(Къ матери, наканунѣ дня его смерти).

(къ стр. 256 и 257)

«Милая матушка, братья, семья моя и всѣ вы, кто меня любилъ, кому душа моя обязана счастливѣйшими минутами жизни и всѣми лучшими воспоминаніями,—простите меня за слезы и страданія, которыя испытали вы потому, что я жилъ на этомъ свѣтѣ. Въ ту минуту, когда вы будете читать это письмо, участь моя вѣроятно уже рѣшится. Генералъ П. и военный судъ обѣщали мнѣ, что эти строки дойдутъ до васъ. Можетъ статься, природа побѣдитъ философію и всевозможныя разсужденія, потому что сердце и права природы сильнѣе всего, что я могу съ полной откровенностью здѣсь высказать. Но я желалъ бы, по любви моей къ вамъ, чтобы спокойствіе и сила духа, какія я въ это мгновеніе чувствую, были присущи и вамъ, когда вы станете читать это письмо. Я бы желалъ передать въ васъ всю мою душу, ибо тогда вы имѣли бы спокойствіе и отвагу, которыя я надѣюсь сохранить до самой смерти. Сегодня сообщили мнѣ приговоръ, осуждающій меня на смерть. Я готовъ васъ утѣшать, какъ и тѣ, которымъ угодно, не зная меня. являться ко мнѣ съ утѣшеніемъ; кто находитъ въ этомъ какую-то потребность, утѣшаютъ меня, не вѣдая, что мнѣ это утѣшеніе вовсе не нужно. Мнѣ бы слѣдовало сдѣлать тоже самое въ отношеніи васъ, ибо знаю, что вы нуждаетесь въ утѣшеніи, но бывши цѣлую жизнь искреннимъ и чистосердечнымъ человекомъ, не хочу фальшивить и теперь, и объявляю вамъ прямо и откровенно, и надѣюсь, вы мнѣ вѣрите, что настоящій приговоръ не только меня не смущаетъ, на-

Русскій Архивъ 1870. 21

противъ, я ему радъ. Еслибъ вы взглянули на меня въ эту минуту, вы бы прочитали на моемъ лицѣ, что я не лгу. И эта же самая искренность заставляетъ меня добавить, что еслибъ въ самомъ дѣлѣ случилось, какъ говорятъ, что меня помилуютъ и смертный приговоръ будетъ замѣненъ заключеніемъ въ крѣпость, тѣлеснымъ наказаніемъ, либо ссылкой въ Сибирь,—тогда я былъ бы истинно несчастливъ, и ваши слезы и состраданія надъ моей судьбой были бы вполне сираведливы. Вѣдь вы конечно всѣ убѣждены, вмѣстѣ со мной, что лучше разъ умереть, мгновенно разстаться съ жизнью, при пособіи палача, нежели умирать медленной смертію, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, гдѣ-нибудь въ казематѣ, или рудникахъ Нерчинска. Да и вы ничего не потеряете отъ такого приговора, каковъ мой: однажды меня оплачете, однажды пожалѣете обо мнѣ (ужьэтого никакъ не могутъ вамъ запретить), и останется вамъ воспоминаніе, правда, печальное, но утѣшительное убѣжденіемъ, что я ничѣмъ себя не запятналъ и погибъ, облитый не только вашими слезами, но и слезами множества друзей, потому что, могу сказать, я имѣлъ друзей во время жизни: меня любили почти вездѣ, гдѣ я жилъ. Такъ какъ это письмо, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ послѣднее, которое вы отъ меня получите, то я считаю своимъ долгомъ сказать тебѣ, моя матушка, какъ матери, въ устраненіе огорченій, которыхъ могу быть поводомъ послѣ моей смерти,—считаю долгомъ сказать тебѣ, что умираю съ чистой и спокойной совѣстью. Если же, послѣ моей кончины, злость и недоброжелательство, или грубая ограниченность начнутъ тебя преслѣдовать униженіемъ моей чести, не то неблагоприятнымъ изображеніемъ иныхъ моихъ дѣйствій на этомъ свѣтѣ; если най-

дутся люди, которые захотятъ, чтобы ты пережила и эти страданія,—не вѣрь имъ, матушка: совѣсть моя чиста во всѣхъ отношеніяхъ, и нѣтъ никакой грязи на моей жизни. Я согрѣшилъ передъ лицомъ власти—и за это рассчитываюсь головою; но передъ лицомъ челоуѣчества, передъ лицомъ чести и правоты, несмотря на ужасныя минуты, которая прожилъ, передъ лицомъ самого Бога, матушка,—кромѣ тѣхъ грѣховъ, которыхъ чтобы избѣжать, нужно быть болѣе, нежели челоуѣкомъ,—кромѣ этихъ грѣховъ, за всѣ другіе не буду судимъ, не понесу вѣроятно и кары»

«Еще одна просьба къ вамъ ко всѣмъ, потому ко всѣмъ, что, я знаю, вы люди бѣдные, и ты матушка, и ты, братъ. И хоть тутъ дѣло идетъ не о большой суммѣ, но я васъ такъ много утруждалъ подобными просьбами, и другимъ, можетъ статья, это было подъ часъ весьма не по сердцу... болѣзненное чувство, которое я испытываю при воспоминаніи обо всемъ этомъ, заставляетъ меня объясниться прямо и откровенно....»

«Я остался долженъ 50 прусскихъ талеровъ въ Лейпцигѣ и 100 франковъ въ Швейцаріи. Отдайте пожалуйста эти долги. Это послѣдняя милостыня, которой прошу у васъ. Адресы прилагаются. У кредитора въ Лейпцигѣ попросите извиненія, что такъ поздно расплачиваюсь, и выразите ему мою искреннюю признательность. Тоже самое выразите и кредитору въ Швейцаріи. Не могу еще не попросить васъ, чтобы вы, если обстоятельства позволятъ, поклонились отъ меня и той, которая, по чувству моего сердца, по выбору души моей, стала вамъ родственницей, стала частію нашего семейства. Я любилъ ее и, несмотря на всѣ душевныя потрясенія, какія перенесъ въ послѣдніе дни. люблю и до сихъ поръ. Не

знаю, позволить ли ей растерзанное сердце долго обо мнѣ помнить. Я ничуть не требую этого и нисколько не удивился бы, еслибъ она меня забыла. Вѣдь все ея семейство изъ - за меня подъ арестомъ. Само собою разумѣется, что я не имѣлъ бы другой жены, еслибъ остался жить. Кланяйтесь же ей и всему ея семейству и попросите у нихъ, отъ моего имени, прощенья за всѣ слезы и страданія, какія они претерпѣли по причинѣ заключенія моего въ тюрьму. Ты, братъ, я знаю, любишь вашу бѣдную матушку: помни же, что она много вынесла въ своей жизни отъ людей. Справедливо ли? Это разсудитъ Богъ. Помни, что сверхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ ней, ты принимаешь на себя и мои обязанности. Смерть моя пускай не останавливаетъ тебя на пути къ женитьбѣ. Не носи отнюдь траура по мнѣ. Не знаю твоей избранной, а потому замѣчу только, чтобы ты не забывалъ, что кто женится, тотъ налагаетъ на себя обѣтъ на всю жизнь; во ты человекъ съ умомъ, опытенъ, а потому, вѣроятно, будешь счастливъ. Прими же, мой милый Станиславъ, благословеніе отъ вашего Симона оттолѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ и всѣми тѣми изъ нашей семьи, кто оставилъ уже этотъ міръ, я буду ожидать всѣхъ васъ, свободный и спокойный; ибо здѣсь, на землѣ, во время, которое проживаемъ, когда нужно вынести здѣшнія муки, чтобъ быть честнымъ человекомъ, жизнь въ тягость. Ты скажешь когда-нибудь своимъ дѣтямъ, братъ, что на этомъ свѣтѣ жилъ Симонъ, братъ твой, который былъ честенъ и который любилъ бы ихъ... Если Богъ дастъ тебѣ сына, назови его Янушемъ, — имя, которое я долго носилъ; а дочери дай имя Эмилиа, дорогое моему сердцу. Что касается моихъ вещей, которыя здѣсь находятся, мнѣ сказали, что

онѣ поступать въ казну. Хотя эти тряпки, безъ сомнѣнія, никому не нужны, однако можетъ случиться, что вамъ ихъ не отдадутъ. Оставляю это на волю судьбы».

«Матушка! Милая Матушка! Имѣй силы, имѣй духъ перенести ударъ, который тебя ожидаетъ. Помни, что съ тобою остается братъ мой и что ты обязана сохранить себя для его дѣтей. Что бы онъ сталъ дѣлать, когда-бы ты, предавшись отчаянію, покинула его сиротою? Со мною кончено, и толковать обо мнѣ не стоить. Но бѣдный братъ мой, оставшись на этомъ свѣтѣ одинъ, жилъ бы, терзаясь тоскою, и наши души, смотря на его страданія, такъ же-бы страдали. Я же, хотя и одинъ иду на тотъ свѣтъ, перенесу эту разлуку, потому-что издавна къ ней привыкъ. Живите счастливо и свободно! О, еслибъ вы испытали хоть половину счастья, отвѣчающую половинѣ моихъ страданій!.. Прощайте и не жалѣйте обо мнѣ, ибо не о тѣхъ надо жалѣть, что идутъ туда, а о тѣхъ, кто остается здѣсь. Любите другъ друга, живите въ добродѣтели и будьте счастливы въ душѣ своей, и смерть вамъ будетъ такъ же легка, какъ и мнѣ. Милый братъ мой! Не гонись за избытками и не желай болѣе того, что имѣешь, — и Богъ благословитъ твой домъ. Не знаю, когда меня казнятъ, но мнѣ все равно: сегодня, завтра, черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ. Спокойной ночи вамъ, дорогіе моему сердцу! Въ Румбовичахъ, подлѣ могилы тетушки, положите камень, безъ всякихъ надписей и простой, такъ-какъ я жилъ просто, не побарски: положите его на память обо мнѣ. Я буду ходить туда съ тетушкой и утѣшаться вашимъ счастьемъ, не то — плакать о вашей несолѣ. Вѣрю въ моего Бога, что это будетъ мнѣ дозволено, а потомъ, когда и вы соединитесь со мною, мы будемъ ходить туда всѣ вмѣстѣ и шутя вспоминать

о нашихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ, испытанныхъ нами въ земную нашу жизнь. Ксендзъ говоритъ, что я буду разстрѣлянъ сегодня. Прощайте! Надѣйтесь на милосердіе Божіе такъ же, какъ и я надѣюсь.

Симонъ Конарскій.»

Примѣчаніе переводчика. Станиславъ Конарскій, о которомъ здѣсь упоминается, былъ унтеръ-офицеромъ въ польскихъ войскахъ; въ революцію 1830 г. дослужился до подпоручика. За сношенія съ братомъ Симономъ былъ посаженъ на годъ въ Замосцьскую крѣпость, потомъ его возвратили на мѣсто жительства.

III.

Разсказъ командира Кременчугскаго егерскаго полка бар. Менгдена о занятіи русскими войсками города Кракова въ 1846 г.

(къ стр. 631—637)

«7-го или 8 февраля 1846 года, въ девять часовъ вечера, я получилъ въ Кѣльцахъ эстафету отъ начальника корпуснаго штаба, полковника Фролова, «имѣть ближайшій къ полковому штабу 2-й баталіонъ командуемаго мною полка готовымъ къ выступленію въ Краковъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ отъ тамошняго русскаго резидента, вспыхнулъ мятежъ».

«А въ ночь, съ 10 на 11 число, пришло повелѣніе фельдмаршала: «съ полученія сего баталіону выступить, забравъ съ собою стоящихъ на пограничномъ кордонѣ казаковъ». Я сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, и баталіонъ выступилъ утромъ 11-го, а черезъ 24 часа былъ уже въ Мѣховѣ (70 верстъ отъ Кѣльць). Здѣсь мы нашли Радомскаго военнаго начальника, полковника Горлова, и мѣстнаго начальника уѣзда, Пѣтковскаго, въ большой тревогѣ. Ходили слухи, что Краковъ съ окрестностями всталъ и учредилъ народное правительство, а войска Австрійцевъ прогнаны. Поэтому, въ Мѣховѣ боялись вторженія повстанцевъ и

спѣшили отправить въ Кѣльцы дѣла присутственныхъ мѣстъ и казенныя суммы.... Военный начальникъ вскорѣ передалъ мнѣ полученную имъ на мое имя эстафету изъ Галиціи отъ нашего резидента, который, извѣщая меня о выходѣ изъ Кракова австрійскаго гарнизона, съ городской милиціей и всѣми тремя резидентами, остерегалъ, что занятіе сказаннаго города, гдѣ инсургенты дѣйствительно учредили свое правительство, едва-ли возможно тѣми силами, которыми я располагаю»

«Вслѣдствіе этого я распорядился такъ: мѣстную жандармскую команду, при офицерѣ, послалъ на рекогносцировку къ дер. Скальбержъ и мѣстечко Олькушъ, откуда нападеніе казалось болѣе вѣроятнымъ. Одну роту моего полка двинулъ къ Михаловицкой таможенѣ, по шоссе; другую къ пограничной заставѣ Шицъ, проселочной дорогой, а третью, съ батальоннымъ командиромъ, въ м. Сломники. Четвертая осталась, съ батальоннымъ штабомъ и обозомъ, въ Мѣховѣ. Самъ я, одновременно съ выступленіемъ первыхъ трехъ ротъ, отправился въ почтовой бричкѣ къ Михаловицкой таможенѣ, куда прибылъ довольно рано утромъ 13 февраля, и остановился у корчмы, гдѣ были казаки. Къ удивленію моему я нашелъ ихъ лошадей разсѣданными и всѣхъ людей въ разбродѣ. Сдѣлавъ выговоръ сотенному командиру и велѣвъ проворитѣ подсѣдлать и быть готовымъ къ встрѣчѣ непріятеля во всякую минуту, самъ съ сотникомъ пошелъ въ таможеню, дабы передать ему кое-какія письменныя инструкціи относительно казаковъ»

«Не прошло и десяти минутъ послѣ нашего прибытія въ таможеню, какъ стражники, стоявшій у плагбаума, вбѣжалъ къ намъ съ испуганнымъ лицомъ и объявилъ, что по шоссе отъ Кракова ѣдутъ какіе-то

всадники, въ красныхъ шапкахъ и темныхъ буркахъ. Всѣ чиновники выбѣжали вонъ и закричали: «Кракусы! Кракусы!» Я выско- чилъ также на крыльцо и точно увидѣлъ два эскадрона на полныхъ рысяхъ, направ- ляшіеся къ таможенной заставѣ. Поров- нявшись съ послѣднимъ верстовымъ стол- бомъ, они придержали лошадей, повиди- мому для того, чтобы собраться въ одну кучу,—и потомъ понеслись во весь карьеръ къ шлагбауму. Начальникъ, какъ говорили послѣ, Мазараки (очень извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ, такъ-какъ онъ арендовалъ разныя имѣнія въ Мѣховскомъ уѣздѣ) и его адъю- тантъ мчались на-передѣ. Подскакавъ къ самому шлагбауму, начальникъ закричалъ сторожу: *отворай!* Шлагбаумъ былъ за- пертъ; сторожъ долго суетился, ища ключа, однако нашель и отперъ,—и повстанцы по- неслись къ корчмѣ»

«Пока это происходило, казначей таможи успѣлъ втолкнуть меня въ бричку, сѣлъ подлѣ меня самъ и крикнулъ ямщику: «по- шель!» Мы мчались, а повстанцы висли у насъ, что называется на хвостѣ и конечно захватили-бы въ плѣнъ, если бы только догнали. Но мы примчались благополучно къ корчмѣ, гдѣ были казаки, совсѣмъ го- товые къ бою. Завязалась перестрѣлка, кончившаяся нѣсколькими ранеными и уби- тыми съ обѣихъ сторонъ, послѣ чего Ма- зараки съ Кракусами снова скрылся за за- ставой. Какъ мы узнали послѣ, съ ихъ стороны былъ между прочимъ раненъ одинъ изъ Юрдановъ, тоже нашъ помѣщикъ, со- бравшій небольшую банду»

«На другой день подобное нападеніе дол- жно было повториться: повстанцы явились уже съ отрядомъ пѣхоты, но мы имѣли у корчмы одну карабинерную роту, которую я послалъ на-канунѣ съ дороги. Простоявъ нѣсколько времени въ подумерствѣ отъ

корчмы, повстанцы воротились въ Кра- ковъ»

«Донесеніе мое о появленіи Кракусовъ на самой границѣ и о стычкѣ ихъ съ казака- ми произвело въ Варшавѣ тревогу, вслѣд- ствіе чего фельдмаршалъ предписалъ на- чальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту Панютину, сформировать значительный от- рядъ, изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, и двинуться съ нимъ къ Мѣхову (Паню- тинъ находился въ Кѣльцахъ). Я тоже счелъ необходимымъ концентрировать свой баталіонъ и собралъ роты изъ Сломниковъ, Шницъ, Михаловицъ въ Мѣховѣ, оставя на границѣ, для наблюденія за непріятелемъ, однихъ казаковъ; Мѣховъ-же съ уѣздомъ объявилъ на военномъ положеніи и ото- бралъ у жителей всякое оружіе»

«15 февраля на зарѣ мы услышали со стороны Кѣльцъ рѣзкій лошадиный топотъ: это былъ авангардъ генерала Панютина, музульмане, считавшіеся конвоемъ намѣст- ника, на своихъ лихихъ карабахскихъ ко- няхъ, изрядная вольница, позволявшая себѣ по пути разныя азіатскія шалости. Болѣе всего доставалось отъ нихъ кондитерскимъ. Такъ и въ Мѣховѣ, они ту же минуту раз- били кондитерскую. Карабахскихъ своихъ лошадей ставили по лучшимъ домамъ и тутъ же сами спали! Впрочемъ фельдмаршалъ за все это щедро платилъ изъ своего кар- мана»

«Въ 9 часовъ утра прибылъ генералъ- маіоръ Безакъ, исправляющій должность начальника штаба такъ называемаго «Кра- ковскаго отряда». А часомъ позже и самъ командующій отрядомъ, генералъ-лейте- нантъ Панютинъ. Имъ отвели помѣщеніе на почтовой станціи, какъ въ лучшемъ до- мѣ города. Безакъ сей-же часъ назначилъ войскамъ новую диспозицію: второму бата- ліону Кременчугскаго полка выступить не-

медля, съ музульманами, въ м. Сломники и тамъ остановиться, пока не подойдутъ въ Мѣховъ два батальона пѣхоты (4-й Сѣвскій и 4-й Кременчугскій)—и казачья конная батарея. Въ Краковъ послали для собранія свѣдѣній, жандармскаго полковника Повало-Швейковскаго. Были слухи, что войска инсургентовъ намѣрены оставить Краковъ въ ночь съ 18 на 19 февраля ст. ст.: поэтому я предлагалъ двинуть одинъ батальонъ къ границѣ, чтобы потомъ немедленно занять Краковъ, но мнѣ этого не разрѣшили.»

«19 числа, отрядъ изъ Сломниковъ, состоявшій, какъ сказано выше, изъ батальона пѣхоты, дивизиона музульманъ и казачьей батареи, подвинулся къ Михаловицкой таможи. Было 11 часовъ дня. Мы ждали съ нетерпѣниемъ возврата полковника Повало-Швейковскаго, но онъ не прибывалъ. Уже начали думать, что онъ не вернется вовсе, попавъ въ руки повстанцевъ... Въ предосторожность отъ внезапнаго нападенія были приняты всѣ мѣры: выдвинута впередъ артиллерія на позицію, и зарлжены пушки. Такъ войска стояли и ждали не извѣстно чего. Полковникъ князь Бебутовъ, начальникъ нетерпѣливыхъ горцевъ, не выдержалъ и сталъ проситься въ городъ. Послѣ долгихъ соображеній и совѣтовъ наконецъ ему дозволяли это, и онъ не только безпрятственно въѣхалъ въ городъ, но и разѣзжалъ тамъ довольно долго по разнымъ улпцамъ, послѣ чего расположилъ свой отрядъ на площади, въ предмѣстьи Клепажѣ, и сталъ дожидаться прибытія пѣхоты.»

«Этою пѣхотою была, прежде всего, мол карабинерная рота, почти бѣгомъ пробѣжавшая пространство отъ заставы до Кракова. Мы заняли всѣ караулы, какъ-то: у главной гауптвахты, у городской тюрьмы, у казначейства, и другіе мелкіе посты, переданные инсургентами избраннымъ граж-

давамъ. Три егерскія роты моего же полка расположились по приходѣ въ казармахъ, что близъ бывшаго королевскаго замка, на Вавелѣ. Намъ было очень пріятно, что мы, Русскіе, первыми вошли въ городъ, упредивъ вступленіе Австрійцевъ, которые, какъ говорятъ, потому не вступили въ городъ передъ нами, что принимали разѣзжавшихъ по Кракову музульманъ за новый отрядъ повстанцевъ. Войдя послѣ насъ, часа черезъ два, черезъ три, они не нашли удобнаго помѣщенія и это, повидимому, ихъ сильно раздражало. Нечего и говорить о томъ, что они не нашли также и своего имущества и тяжестей, брошенныхъ ими въ городъ, при отступленіи за Вислу, двѣ недѣли тому назадъ»

20 февраля утромъ, князь Бебутовъ, съ музульманами, и казаки, съ полковникомъ флигель-адъютантомъ Барятинскимъ, пустились преслѣдовать инсургентовъ, уходившихъ форсированными маршами къ Силезской границѣ, черезъ м. Кршешовице. Я, по смѣнѣ съ караула моей карабинерной роты, тоже отправился велѣдъ за кавалеріей, имѣя весь второй батальонъ Кременчугскаго полка и 4 орудія казачьей конной артиллеріи. Грязь была страшная. Солдаты съ трудомъ передвигали ноги, тѣмъ болѣе, что имъ приходилось нерѣдко вытаскивать на себѣ увязнувшія пушки, хотя каждую везло 8 добрыхъ лошадей. Едва въ 9 часовъ вечера достигли мы до м. Кршешовицъ, не выдавши никакихъ повстанцевъ, кромѣ нѣсколькихъ отсталыхъ. Князь Бебутовъ, какъ увѣрялъ послѣ, сталкивался съ ними не разъ; но не рѣшился, не имѣя пѣхоты, ударить»

«На другой день, 21 числа, мы получили предписаніе вернуться въ Краковъ, куда прибыли, между тѣмъ, корпусные командиры трехъ покровительствующихъ державъ:

австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Врбна, нашъ генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ и прусскій генералъ отъ пѣхоты графъ Бранденбургъ. Изъ нихъ и трехъ резидентовъ составила конференція, которая положила, на первыхъ порахъ: «содержать прибывшія войска контрибуціоннымъ способомъ, располагая ихъ частію въ самомъ городѣ, частію внутри области». Такимъ образомъ, Австрійцы (пѣхота, артиллерія, шеволежеры, генералъ-губернаторское управленіе и полковые штабы) помѣстились въ Краковѣ, прусскія войска—въ м. Хршановѣ (по одному баталіону отъ 10 и 11-го линейныхъ полковъ, 4 эскадрона уланъ и батарея пѣшей артиллеріи); второй баталіонъ Кременчугскаго полка—въ мѣст. Кршешовице, 4-й въ монастырѣ Могіла, въ 7-ми верстахъ отъ Кракова. Всѣ эти войска состояли подъ главной командой австрійскаго фельдмаршала-лейтенанта графа Кастильони, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и генералъ-губернаторомъ г. Кракова и области»

«Первые три дня прошли въ смотрахъ и разводахъ съ церемоніей. Все это у Австрійцевъ и Пруссаковъ почти по-нашему. Разница кое въ какихъ мелочахъ: напр. при отдачѣ паролей и приказаній адъютантами во время развода прусскіе фельдфебеля записываютъ это въ книжкахъ, которые вмѣютъ при себѣ. Но такъ какъ это поглощаетъ довольно времени, то для развлечения войскъ играетъ музыка. У Австрійцевъ же играла музыка на главной гауптвахтѣ всякій разъ при смѣнѣ часовыхъ. Сдача часовыхъ на всѣхъ постахъ между Нѣмцами и Русскими происходила посредствомъ пантомимныхъ знаковъ, что было очень странно и вызывало улыбки наблюдателей»

Но окончаніи конференціи всѣ корпусные командиры, нашъ, прусскій и австрій-

скій, выѣхали изъ Кракова, а я остался начальникомъ всего нашего отряда. Жизнь текла по прежнему: смотры, ученья. Въ большіе праздники, приходившіеся на долю той или другой націи, каждый отрядъ давалъ обѣды, завтраки, какъ только можно было пышнѣе и лучше, посредствомъ города, приглашая къ участію и другихъ—мы Нѣмцевъ, Нѣмцы насъ. На мою долю выпало отпраздновать тезоименитство Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Огромная монастырская зала наполнилась цвѣтами. Завтракъ на 500 человекъ высшихъ чиновъ готовилъ лучший рестораторъ Кракова La Rose. Войска расположились завтракать въ монастырскомъ саду. Было множество штабъ и оберъ-офицеровъ, прусскихъ и австрійскихъ, также и простыхъ солдатъ. Жители города пріѣхали вмѣстѣ съ женами. Тосты провозглашались въ такомъ порядкѣ: за Русскаго императора и императрицу, за Австрійскаго императора Фердинанда и за Прусскаго короля Вильгельма IV. Музыка играла гимны всѣхъ трехъ націй. Пѣсельники пропѣли нѣсколько пѣсень, очень занимавшихъ Нѣмцевъ.

«Любезность и предупредительность Австрійцевъ въ отношеніи къ намъ была чрезвычайная, хоть въ душѣ они только и думали, чтобы насъ поскорѣе выпроводить во свояси. Въ моемъ полку умеръ одинъ молодой офицеръ, подпоручикъ Чайковскій, католикъ. Графъ Кастильони тотчасъ разослалъ по войскамъ циркулярныя предписанія, приглашая всѣхъ къ церемоніи похоронъ. Духовенство костела «Дѣвы Маріи» одѣло внутренность храма трауромъ и зажгло необыкновенное множество свѣчей. Дамы убрали гробъ цвѣтами и гирляндами. Особый хоръ артистовъ замѣнялъ клиръ, и пѣня былъ исполненъ великолѣпный реkvіемъ.

Графъ Кастильони, съ высшими чинами, провожалъ гробъ до могилы пѣшкомъ. Было много почетныхъ лицъ города и дамъ высшаго общества. Сверхъ полковой музыки шла за гробомъ музыка шеволежеровъ (Гогецоллерискаго полка). При опущеніи гроба въ могилу дамы сняли съ него цвѣты и надѣлали изъ нихъ маленькихъ букетовъ, которые раздавали толпѣ. Кому не досталось букета, тотъ получилъ кусочекъ галуна отъ гроба. Иные прицѣпляли къ груди обрывки золотой бахрамы. Такъ хоронилъ Краковъ русскаго подпоручика—повиднимо въ пику Австрійцамъ».

«Около 28 іюня пришло извѣстіе изъ Вѣны, что, по согласію трехъ покровительствующихъ державъ, вольный городъ Краковъ присоединяется къ Австрійской имперіи. Русскія-же и прусскія войска должны очистить Краковскую область къ 1 (13) іюля. Надо было видѣть, какъ вдругъ поднялась Австрійцы! И наши взаимныя отношенія мгновенно измѣнились. Графъ Кастильони дошелъ до того, что разослалъ маршруты нашимъ и прусскимъ войскамъ, куда и какъ идти. Намъ предписывалось выступить ночью и миновать Краковъ. Это насъ взорвало, тѣмъ болѣе, что въ маршрутѣ, полученномъ тогда же изъ корпуснаго штаба, требовалось, чтобы мы шли именно на Краковъ и, разумѣется днемъ. Я увѣдомилъ объ этомъ графа, но получилъ отъ него новое предписаніе, уже въ видѣ совѣта, чтобы я, слѣдуя на Краковъ, расположилъ войска почевать по деревнямъ, а не въ городѣ, такъ-какъ послѣднее будто-бы менѣе удобно солдатамъ. Въ сущности, Австрійцы боялись демонстраціи жителей въ пользу нашихъ войскъ. Нечего дѣлать, я согласился; и когда полкъ сталъ подѣ Краковомъ, я, съ корпусомъ офицеровъ, пошелъ откланяться бывшему нашему начальнику. Въ

краткихъ словахъ мы благодарили графа за постоянное къ намъ вниманіе. Онъ отвѣчалъ такую-же точно рѣчью, выразивъ благодарность офицерамъ и въ лицѣ ихъ войскамъ, за сохраненіе порядка и проч. и проч. Не могъ однако скрыть нѣкотораго внутренняго удовольствія, что мы завтра все-таки уходимъ. Когда офицеры вышли, я объявилъ графу, что по существующимъ узаконеніямъ и обычаю мы должны, передъ уходомъ, отслужить напутственный молебенъ, почему я прошу его сіятельство назначить для этого въ городѣ соотвѣтственный плацъ. Графъ Кастильони сталъ рѣзко возражать, что это, вслѣдствіе разныхъ причинъ, неудобно; и когда я объявилъ ему, что отступить отъ правилъ никоимъ образомъ не могу, онъ сказалъ, что никакого распоряженія относительно плаца не будетъ и что русскія войска къ разсвѣту должны быть на границѣ».

«Я поклонился и вышелъ. Дѣло этимъ, разумѣется, кончиться не могло. Явись немедля къ нашему резиденту, барону Унгернъ-Штернбергу, я просилъ его отправиться къ графу Кастильони и объяснить ему, что выступленіе нашихъ войскъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ желалъ, помимо уже нарушенія нашихъ военныхъ постановленій, прямо не прилично въ политическомъ смыслѣ, что такъ бѣгутъ только отъ врага, но не расстаются съ союзникомъ, съ которымъ жили до тѣхъ поръ мирно и рѣшали общіе важные вопросы.—Унгернъ-Штернбергъ отправился и все это изложилъ графу въ такомъ видѣ, что тотъ немедля отмѣнилъ первое приказаніе, предписавъ всѣмъ своимъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ собраться къ 8 часамъ утра ($\frac{2}{11}$ іюля) въ мой квартирѣ, для прохода русскихъ войскъ; велѣлъ усилить караулъ на главной гауптвахтѣ, давъ ему знамя, и ког-

да мы пошли въ колоннахъ чрезъ городъ, этотъ караулъ отдалъ намъ честь, и знамя салютовало нашимъ знаменамъ. Сборное мѣсто для молебна было назначено въ предмѣстѣи Клепажъ,—та площадь, на которой князь Бѣбутовъ дожидался прибытія пѣхоты 19 февраля. Батальоны командуемаго мною полка были построены правымъ флангомъ къ Флоріанскимъ воротамъ, во взводныхъ колоннахъ. Графъ Кастильони пріѣхалъ съ огромной свитой раньше назначеннаго времени, именно въ 5-мъ часу утра, когда войска только еще строились. Не смотря на такую рань, народу изъ Кракова и предмѣстьевъ собралось очень много. Графъ Кастильони, поздоровавшись съ солдатами, благодарилъ ихъ за службу и пріятное поведеніе. Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи котораго батальоны перемѣнили дирекцію на лѣво, ставъ лицомъ къ Флоріанскимъ воротамъ и пошли церемониальнымъ маршемъ, повзводно, мимо меня, къ заставѣ, имѣя впереди пѣсельниковъ. Графъ Кастильони ѣхалъ во

главѣ колоннъ до первой деревни, послѣ чего, съѣхавъ съ шоссе, пропустилъ батальоны мимо себя, раскланялся со мною и уѣхалъ. А народъ провожалъ насъ гораздо дальше, нные до самой границы, крича по-минутно ура»

«Въ заключеніе замѣчу, что за нѣсколько дней до нашего ухода изъ Кракова, явилась ко мнѣ депутація отъ города, съ предложеніемъ дать намъ прощальный завтракъ; но я, вслѣдствіе происшедшей у насъ размолвки съ Австрійцами, долженъ былъ отклонить отъ себя эту честь и только просилъ передать городу нашу глубокую благодарность»

«Графъ Кастильони жаловался на меня фельдмаршалу за грубости, якобы мною ему оказанныя, и мнѣ велѣли подать объяснительную записку г-ну и. д. начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, полковнику Веселитскому, что я и исполнилъ 2 августа, изложивъ подробно нашъ выходъ и предшествовавшія ему объясненія мои съ австрійскимъ главнокомандующимъ».

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. И. ГЕРЦЕНЪ.

Третьяго дня, 9 (21) генваря 1870 г. умеръ въ Парижѣ отъ воспаления въ легкихъ, послѣ пятидневной болѣзни, А. И. Герценъ, на 57-мъ году отъ роду.

Горькая судьба этого человѣка состоитъ того, чтобы я рассказалъ о прежнихъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ и о недавнемъ и недолгомъ съ нимъ свиданіи послѣ двадцатипяти-лѣтней разлуки.

Тутъ по-неволѣ приходится мнѣ начать мой рассказъ съ моего давняго прошлаго. Воротаясь въ 1826-мъ году изъ-за границы, я причисленъ былъ къ Московскому Архиву Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ. Въ немъ встрѣтилъ я не тѣхъ уже великосвѣтскихъ юношей, о коихъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ *Опъинь*. Лучшіе изъ нихъ, изучивъ болѣе или менѣе основательно философію Шеллинга, переходили тогда къ изученію Гегеля. Между ними, еще гораздо прежде моего пріѣзда въ Москву, составилъ литературный кружокъ, который еженедѣльно сходился у Красныхъ Воротъ, въ домѣ Елагиныхъ. Авд. Петр. Елагина, урожденная Юшкова, родственница и другъ Жуковскаго, была мать служившихъ въ Архивѣ братьевъ Кирѣевскихъ.

Почетными посѣтителами ея гостинной, кромѣ архивскихъ юношей, товарищей ея сыновей и друзей по литературѣ и философіи, бывали нерѣдко: Несторъ Русскихъ писателей И. И. Дмитріевъ, Михайлъ Александровичъ Салтыковъ, М. Ѳ. Орловъ и наѣзжавшіе по временамъ въ Москву Вяземскій, Жуковскій и А. И. Тургеневъ, всюду извѣстный своимъ обширнымъ образованіемъ и Европейскими, учеными и общественными связями. Тамъ бывалъ и Пушкинъ уже послѣ своего *Бориса Годунова* и въ первый разъ явился тамъ Гоголь еще до *Ревизора*.

Къ этому день отъ дня распространявшемуся Московскому кружку присталъ и я, не будучи совсѣмъ литераторомъ, а по моей охотѣ иногда кой-что почитать и умныхъ рѣчей послушать. Въ этомъ избранномъ, если угодно, Московскомъ обществѣ роль моя была, такъ сказать, страдательная и такою оставалась постоянно въ полномъ смыслѣ слова. Въ это время всѣ мы безъ исключенія были еще Европейцами, а потому и журналъ, который въ 1832 началъ издавать старшій Кирѣевскій, былъ наименованъ „Европейцемъ“. Впослѣдствіи къ кружку примкнули нѣкоторые изъ профессоровъ университета, недавно окончившіе ученое свое образованіе въ Германіи. Къ нему же принадлежала дѣятельно и шумно дѣвица Янишъ; она сошлась тутъ съ литераторомъ Павловымъ и вышла за него замужъ.

Съ годами, и кажется именно съ 1833 года, члены кружка (хотя, въ строгомъ смыслѣ, не слѣдовало бы такъ называть ихъ, ибо этотъ кружокъ никогда не составлялъ замкнутого общества) чле-

ны, говорю, этого кружка мало-по-малу, сначала почти незамѣтно, а потомъ очень рѣзко, но все еще миролюбиво, начали между собой раздѣляться. Одни изъ нихъ преобразовались въ Славянофиловъ, и нѣкоторые надѣли поддѣвки и отростили бороду: честь перваго передѣванья принадлежитъ, кажется, К. Аксакову, занимъ передѣлся А. С. Хомяковъ; другая половина кружка, и въ главѣ ихъ Чаадаевъ и всѣ профессора кромѣ Шевырева, остались вѣрны всѣмъ началамъ Европейской гражданственности, и потому тогда же, въ противоположность Славянофиламъ, усвоено за ними было прозвище Западниковъ. По возвращеніи Герцена изъ ссылки, которою для него назначена была Вятка, лучший другъ его Грановскій ввелъ его, кажется въ 39-мъ году, въ это общество. Тутъ познакомился съ нимъ и я, стараясь сблизиться по родственнымъ его отношеніямъ со всей семьей Яковлевыхъ и Голохвастовыхъ, съ которыми я былъ коротко знакомъ еще съ университетской скамьи 15—17 годовъ, по тогдашнему моему товариществу съ Д. П. Голохвастовымъ (впослѣдствіи попечителемъ университета). Братья Яковлевы происходили отъ древняго боярскаго рода и имъ особенно чванились, желая отдѣлить себя отъ другихъ извѣстныхъ богачей того же имени, но не той фамиліи. Отцемъ Герцена съ лѣвой стороны былъ тотъ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, который отчасти сдѣлался извѣстнымъ по своему свиданію съ Наполеономъ въ объятый пламенемъ Москвѣ, въ 1812 году.

Александръ Ивановичъ Герценъ,—

мнѣ почему то пріятно называть полнымъ Русскимъ именемъ этого такъ долго бывшаго Искандера,—былъ въ то время женатъ на своей двоюродной сестрѣ, дочери тоже съ лѣвой стороны другаго изъ братьевъ Яковлевыхъ Александра Алексѣевича, оригинальнаго старичка, бывшаго въ началѣ царствованія Александра I синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Третій ихъ братъ Левъ Александровичъ былъ нашимъ министромъ при первомъ и послѣднемъ Вестфальскомъ королѣ Иеронимѣ Бонапарте. Всѣ, они вмѣстѣ съ родными ихъ сестрами Голохвастовой и княгиней Хованской и съ пріятелемъ моимъ, сыномъ первой, вылиты живыми въ Запискахъ Герцена; тамъ же описалъ онъ и наше избранное, если хотите, Московское общество. Совѣтую, пачиная съ себя, всѣмъ составителямъ мемуаровъ подражать, если только съумѣютъ, *Былому и Думамъ* Герцена.

Невыгодность положенія Герцена уже въ собственномъ такъ называемомъ порядочномъ Московскомъ обществѣ, исходившая изъ самаго его рожденія; такъ странно и неудачно выбранная для него идиллическая, чуждая Русскому уху фамилія, невольна напоминающая Германскаго романическаго *Herzenskind*-а, пылкая его кровь, горячее воображеніе и его учебныя, а потомъ и ученныя его занятія сперва естественными, а потомъ словесными науками по обоимъ факультетамъ, изъ коихъ вышелъ онъ кандидатомъ—все это вмѣстѣ взятое поставило его въ разрѣзъ съ обществомъ и выработало изъ него яраго мечтателя.

Чужой въ своей семьѣ и въ той сре-

дѣ, къ которой имѣлъ все право принадлежать по значительному состоянію и положенію его отца и по превосходству собственнаго образованія, съ ранняго возраста сдѣлался онъ врагомъ всего тогдашняго общественнаго строя. «*Inde ira*», оттуда весь его гнѣвъ противъ дворянъ, вся заклятая и вѣчная его вражда противъ помѣщиковъ. Но такое наложенное на него силою обстоятельствъ настроеніе не мѣшало ему быть, при всей его пылкости, самымъ добрымъ, остроумнымъ, любезнымъ, любящимъ и любимымъ нашимъ собесѣдникомъ. Конечно, онъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ крайнѣйшихъ Западниковъ; конечно онъ предпочиталъ всѣмъ старѣйшаго сторонника Европейской гражданственности Чаадаева; но въ тоже время дружески подавалъ руку юному своему противнику К. Аксакову и всегда любовался, скажу восхищался, остроуміемъ парадоксальнаго Хомякова, и каждый разъ, входя въ гостиную, отыскивалъ его глазами, чтобы вступить съ нимъ въ новый споръ, либо продолжать вчерашній.—Такимъ образомъ, все еще обстоило между нами благополучно. На бѣду всѣмъ и особливо на бѣду ея автора, напечатана была Надеждинымъ Чаадаевская статья, надѣлавшая много шума въ городѣ и ошдественною злою молвою вынудившая правительство подвергнуть Чаадаева домашнему аресту и объявить его на короткое время сумасшедшимъ. Всѣ подробности этого грустнаго происшествія были переданы мной въ некрологъ Чаадаева. *) Покуда нашъ мученикъ

*) Р. Архивъ 1868, стр. 976—1002.

католическаго направленія сидѣлъ въ заперти, до тѣхъ поръ, пока посѣщаль его назначенный полиціею докторъ съ вопросами о здоровьѣ, во все это время Славянофилы наравнѣ съ Западняками посѣщали мнимаго больного съ искреннимъ, нелицемѣрнымъ участіемъ; но первые, несмотря на всю свою дружбу и уваженіе къ Чаадаеву, не могли не сердиться за его печатный акаѣистъ Римскому папѣ. Впослѣдствіи братъ поэта Языкова, ученый геологъ и совершенно равнодушный ко всякому религиозному, политическому и нравственному вопросу, изъ одной любви посямѣяться надъ ближними (а тутъ подъ рукой случилась ихъ цѣлая толпа) додразнилъ поэта до того, что этотъ, болѣзненный, ни съ того ни съ сего разразился ругательными стихами на Чаадаева и всѣхъ его единомышленниковъ. Литературный кружокъ рассыпался и, вслѣдствіе этого, обѣ половины начали доходить, каждая въ свою сторону, до крайней степени превеличенія и раздраженія своихъ принциповъ. Подъ вліяніемъ такихъ увлеченій, усиленныхъ общимъ (впрочемъ, неясно-понимаемымъ мною) недовольствомъ на тогдашнее положеніе вещей, Герценъ отправился за границу.

Вся двадцатипяти-лѣтняя дѣятельность его извѣстна. Не мнѣ ее оправдывать. По моему образу мыслей, я никогда и ни въ чемъ не могъ вполнѣ раздѣлять его убѣжденій и тѣмъ еще менѣе одобрять дѣйствія, которыя употреблялъ онъ для осуществленія на дѣлѣ этихъ убѣжденій. Но въ то же время, что бы ни говорили, я никогда не хотѣлъ вѣрить и не вѣрю теперь тѣмъ тяжелымъ обвиненіямъ, которыя

распространялись на счетъ его въ нашемъ обществѣ и нашей печати. Его окружающіе могли злоупотреблять его страстными увлеченіями, могли,—допустимъ и это,—заставлять его говорить и печатать иногда то, чего не было въ его мысляхъ и намѣреніяхъ; но я рѣшительно отвергаю теперь, чтобы добрый по сердцу Герценъ способенъ былъ поощрять какія-либо темныя личности или какія-нибудь массы на зажигательства и убійства. При всемъ томъ, во все время изданія имъ *Колокола* и разныхъ политическихъ брошюръ, я не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть никакихъ съ нимъ сношеній въ трехкратной поѣздкѣ моей за границу и въ послѣднюю изъ нихъ въ 1862 рѣшительно отклонилъ желаніе двухъ глубоко уважаемыхъ мною лицъ, чтобы я вступилъ съ нимъ въ переписку по одному случаю, именно по предпринятому имъ изданію *Записокъ* одного изъ Декабристовъ. Мой отказъ, можетъ-быть слишкомъ рѣзкій, какъ-то дошелъ до него съ прибавленіемъ ложныхъ Московскихъ сплетенъ, будто бы я приписывалъ корыстнымъ расчетамъ Герцена его усилія собирать подобныя *Записки*. Пылкій Герценъ повѣрилъ сплетнямъ и въ одномъ изъ *М Колокола* намекнулъ обо мнѣ, какъ о прежнемъ своемъ знакомцѣ, выжившемъ изъ ума отъ старости, впрочемъ не называя имени.

Между тѣмъ *Колоколъ* началъ звонить рѣже, и наконецъ слабые его звуки совсѣмъ исчезли вмѣстѣ, кажется, съ другими брошюрами Герцена. Немногіе изъ Русскихъ, видѣвшіе Герцена за границей, сказывали, что онъ хандрить, груститъ въ своемъ изгна-

ни, что давно уже замѣтно было изъ печатныхъ послѣднихъ его строкъ. М. П. Погодинъ, усвоившій почему-то себѣ право писать и печатать безъ оглядки все, что попадаетъ въ его умную, покрытую честными сѣдинами голову, рассказалъ намъ въ своемъ курьозномъ «Русскомъ» о своемъ свиданіи съ изнемогающимъ Искандеромъ и, къ изумленію всѣхъ, напечаталъ свое къ нему письмо, въ которомъ достойный нашъ историкъ убѣждалъ изгнанника раскаяться и уединиться, на подвигъ покаянія, въ Соловецкій монастырь. Всѣ эти вѣсти начали примирять меня съ Герценомъ и пробуждать во мнѣ прежнее сочувствіе, къ которому присоединилось искреннее сожалѣніе о его участи. Мнѣ, повторяю, никогда, несмотря на все имъ напечатанное въ страстномъ до безумія увлеченіи, не вѣрилось, чтобы онъ былъ или могъ сдѣлаться безнравственнымъ, злымъ, подлымъ эгоистомъ, и часто, думая о немъ въ эти послѣдніе годы, мнѣ вспоминалось послѣднее наше за четверть вѣка свиданіе въ Россіи, гдѣ между нами, съ глазу на глазъ, была живая, откровенная рѣчь о двухъ сторонахъ эгоизма. Онъ горячо упрекалъ меня въ консервативномъ, въ желаніи сохранить за собою лично для моей семьи всѣ удобства тогдашняго моего положенія и оставаться равнодушнымъ къ прогрессивному стремленію, отъ котораго я боялся преувеличенной, по его мнѣнію, опасности замышляемаго переворота; я, нѣсколько спокойнѣе и сдержаннѣе, нежели онъ, укорялъ его въ свою очередь въ необузданномъ и нисколько не опредѣленномъ стремленіи впередъ, въ желаніи для невѣрной

пользы отдаленнаго потомства разрушать существующій порядокъ, болѣе или менѣе обезпечивающій всѣхъ членовъ настоящаго общества,—въ неуверенности въ томъ, чтобы настоящее, каково бы оно ни было, могло быть замѣнено лучшимъ, и всѣ эти стремленія приписывалъ я желанію каждаго отчаяннаго прогрессиста прославить себя *coûte qui coûte*, не взирая ни на какія препятствія и опасности, лишь бы стать на пьедесталъ, вести за собою толпу и величаться передъ ней. «Увидимъ (заклучилъ я) въ послѣдствіи, кто изъ насъ двухъ останется правымъ, кто сдѣлаетъ больше пользы и надѣлаетъ меньше вреда».—«Когданибудь сочтемся»,—и съ этимъ словомъ мы разошлись, не предполагая однако нашей долгой разлуки.

Послѣднею осенью, пріѣхавъ въ Швейцарію, сталъ я отыскивать его въ Женевѣ; мнѣ отвѣчали, что онъ въ Ниццѣ, и подтвердили, что онъ давно уже молчитъ и бездѣйствуетъ. Продолжительная болѣзнь одной изъ его дочерей заставила его пріѣхать изъ Ниццы въ Парижъ передъ новымъ годомъ; я уже былъ тамъ, и мнѣ дали его адресъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ моей квартиры. Я не замедлилъ къ нему отправиться. Съ моей визитной карточкой въ рукѣ, прежній, но уже постарѣвшій Герценъ, такъ бывало мнѣ симпатичный, и отнюдь не тотъ Искандеръ, котораго я и не любилъ и опасался, явился передо мной въ своей гостинной, гдѣ я его ожидалъ, и не могъ скрыть отъ меня своего удивленія при такой нечаянной встрѣчѣ: онъ думалъ найти у себя одного изъ моихъ сыновей, а никакъ не меня. Съ пер-

выхъ словъ объяснились мы дружелюбно въ его обо мнѣ отзывѣ. Замѣтивъ въ лицѣ его выраженіе грустнаго утомленія: «Ну, Александръ Ивановичъ, сказалъ я ему, что вы и какъ вы?»— «Годы, какъ видите, и меня угомонили». Тутъ пошли взаимные распросы о нашихъ семьяхъ, и я рѣшился спросить, точно ли онъ имѣетъ намѣреніе воротиться на родину. «Это немислимо, сказалъ онъ, и вѣрѣте, что я нигдѣ, а тѣмъ менѣе въ Вѣнѣ, не хлопоталъ о возвращеніи. Знаете ли, прибавилъ онъ, я, Герценъ, считаюсь отсталымъ въ глазахъ новыхъ Женевскихъ эмигрантовъ. Между политическими выходцами всѣхъ странъ и національностей непримиримая распря неизбежна, —эта зараза всюду за нами сопутствуетъ. Вотъ Вамъ послѣдняя Женевская книжка „Народное дѣло“, и Вы увидите, какъ издатели этого журнала меня опередили, а равно и все то, чего желаютъ они для Россіи“. Въ концѣ этой книжки эмигранты младшаго поколѣнія призывали Герцена къ объясненію и отвѣту.—Первое наше свиданіе длилось немного; мы пожали другъ другу руку, обнялись и обѣщались видаться; разумѣется, я приглашалъ его къ себѣ. 12 генваря н. с. (въ запомненный мною день по смертоубійству, совершенному принцемъ Наполеономъ) Герценъ зашелъ ко мнѣ и съ лестнымъ для меня вниманіемъ прослушалъ одну мою статейку, которая читалась у меня для двухъ-трехъ слушателей. Послѣ чтенія онъ оставался со мною недолго, и это было второе и послѣднее наше съ нимъ свиданіе.— Я забылъ сказать, что, не смотря на краткость нашихъ бесѣдъ,

онъ не оставилъ съ искреннимъ участіемъ предложить мнѣ вопросъ о слѣдствіяхъ освобожденія крестьянъ. Я откровенно выразилъ ему мое личное искреннее мнѣніе, что эмансипація благотворнѣе до сего времени подѣйствовала на дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ на освобожденныхъ, что она у первыхъ отняла всякое самоуправство и тѣмъ самымъ ихъ облагородила и заставила жить умственно и нравственно. „Хорошо и это, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ умиленія. Ваше откровенное признаніе меня во многомъ утѣшаетъ“. Не заставъ его дома нѣсколько дней спустя, я еще повторилъ мое посѣщеніе и узналъ, что онъ тяжело занемогъ простуднымъ воспаленіемъ. Съ тѣхъ поръ я началъ справляться о ходѣ болѣзни у его дочерей. Ихъ три, и двѣ изъ нихъ отъ первой жены. Всѣ онъ знаютъ по-русски, и старшая, лѣтъ около двадцати пяти, очень хорошо говоритъ на нашемъ языкѣ; всѣ три очень привлекательны не особенной красотой, а какимъ-то милымъ простодушіемъ. Наканунѣ смерти отца послали онъ телеграмму за братомъ въ Флоренцію, гдѣ онъ, женатый на Итальянкѣ, профессоромъ физиологіи. Герценъ-сынъ пріѣхалъ на третій день и не могъ застать въ живыхъ отца, не предчувствовавшего смерти, не оставившаго никакого завѣщанія кромѣ не одинъ разъ гораздо прежде повтореннаго имъ желанія быть погребенному въ Ниццѣ, рядомъ съ первой своей женой. Юный ученый очень понравился мнѣ умной, пріятной, скромной и въ тоже время серьезной своей наружностью; онъ, превосходновладѣя Русскимъ языкомъ,

разскалъ мнѣ, что отецъ обезпечилъ ихъ будущность, что онъ жилъ всегда очень умѣренно и не проживалъ ежегоднаго дохода съ своего капитала.

По собраннымъ мною извѣстіямъ, внутренняя, домашняя, семейная жизнь нашего изгнанника прошла не безъ печалей; но снимать покровъ съ семейной жизни чьей бы то ни было я всегда считалъ и считаю нескромностью самой неприличной. Мнѣ довольно и того тяжелаго чувства, которое легло на мою душу въ виду этого гроба, одиноко поставленнаго на полу возлѣ той самой еще не совсѣмъ убранной постели, на которой, какъ видно, за не много времени до моего прихода лежало тѣло. Около гроба входящему въ небольшую комнатку не видно было никого кромѣ четырехъ не слишкомъ опрятно одѣтыхъ въ трауръ служителей, ожидавшихъ выноса. Въ другой болѣе обширной комнатѣ находилось три-четыре неизвѣстныхъ мнѣ дамы и человекъ тридцать разныхъ мушницъ, нѣтъ также незнакомыхъ, и между ними, показалось мнѣ, ни одного изъ Русскихъ. Могу назвать развѣ только одного Н. И. Тургенева, который, не имѣя возможности съ своей разболѣвшей ногой возвратиться на третій этажъ, ожидалъ выноса у подъезда. Простота всего этого послѣдняго акта человѣческой жизни доведена была тутъ до убійственнаго на душу живыхъ впечатлѣнія, — такъ это по крайней мѣрѣ глубоко и скорбно отразилось на моей. Четверо служителей подняли ящикъ и понесли его мимо насъ; всѣ оставались въ какомъ-то безчувственномъ,

равнодушномъ безмолвіи — ни одной молитвы, ни одного вздоха. Не здѣсь ли, подумалъ я, не во всемъ ли томъ, что совершается теперь на моихъ глазахъ — вся разгадка мятежной жизни этого страдальца? Не отсутствіе ли всякой вѣры, всякаго религіознаго убѣжденія, ивсушило въ немъ источникъ той жизни, которая посвящается лучшемъ безсмертія, орошается водою спасенія? — Похоронная процессія изъ трехъ экипажей и отъ тридцати до сорока человекъ пѣшихъ провожала покойника на кладбище Père Lachaise, гдѣ предполагалось оставить на нѣсколько дней гробъ до перевоза въ Ниццу. Я счелъ приличнѣе и удобнѣе для себя не быть на кладбищѣ, чтобы не выслушивать надгробныхъ рѣчей, которыя могли быть тамъ произнесены.

Разсказывая другимъ о моихъ впечатлѣніяхъ, тутъ я не нарушаю скромности. Все что окружало бранные останки Герцена, все, то, что совершалось надъ ними, все это — вѣрнѣе сказать ничто не совершавшееся, называемое здѣсь придуманнымъ нарочно выраженіемъ *enterrement civil*, повторяется здѣсь ежедневно надъ многими умирающими. Такъ было недавно съ *Sainte Veuve* омъ, по его вѣроятно собственной волѣ, нѣкогда бывшей подъ игомъ аскетизма; такъ было еще недавно съ тѣломъ юноши, убитаго принцемъ Наполеономъ, — вѣроятно по волѣ его семейства.

Д. Свербеевъ.

Января 11/23-го 1870.

Парижъ.

Нѣсколько замѣчаній о письмахъ Екатерины II къ княгинѣ Черкасской (Левшиной).

(См. выше стр. 529).

Александра Петровна Левшина (впоследствии княгиня Черкасская) родилась около 1758 года. Она была старшая дочь майора Петра Ивановича Левшина отъ перваго его брака съ княжною Татьяною Ивановной Кольцовою-Масальскою. Оставшись сиротою четырехъ лѣтъ отъ роду, она принята была на воспитаніе въ Смольный монастырь при самомъ его основаніи въ 1764 году, и по выпускѣ изъ него, въ 1776 г. апрѣля 30, была вскорѣ пожалована во фрейлины. Меньшая сестра ея Екатерина Петровна тоже была взята потомъ ко Двору, но вскорѣ скончалась въ дѣвцахъ. У нихъ былъ одинъ только братъ Іосифъ Петровичъ, родившійся отъ втораго брака отца ихъ съ Агаею Никитичною Люшиною и умершій бездѣтнымъ. Александра Петровна Левшина вышла замужъ за князя Петра Александровича Черкаскаго, который былъ старшимъ сыномъ князя Александра Андреевича Черкаскаго, старшаго внука извѣстнаго боярина князя Михаила Алегуковича (женатаго на княжнѣ Пожарской). Тесть же Александры Петровны, князь Александръ Андреевичъ Черкасскій, женатый на Полькѣ, Аннѣ Корсаевѣ, будучи Смоленскимъ губернаторомъ, сосланъ былъ Анною Іоанновною въ 1734 г. въ Сибирь, по обвиненію въ разныхъ проступкахъ, но преимущественно потому, что былъ тайнымъ сторонникомъ мысли о возведеніи на Русскій престолъ малолѣтнаго герцога Гольштинскаго, въ послѣдствіи Петра III. Елизавета Петровна возвратила князя Александра

Андреевича изъ Сибири, и онъ умеръ, 1 февраля 1749 г., въ чинѣ генералъ-поручика, въ должности гофмаршала при Наслѣдникѣ Престола и будучи Александровскимъ кавалеромъ. Сынъ его князь Петръ Александровичъ не оставилъ дѣтей отъ брака съ Александрою Петровною Левшиною, умершею еще въ молодости, и вторично женатъ не былъ.

Въ Императорскомъ Петергофскомъ дворцѣ находились, перенесенные теперь, кажется, въ Эрмитажъ, четыре великолѣпные, писанные знаменитымъ Левицкимъ, портрета во весь ростъ четырехъ лучшихъ и наиболѣ любимыхъ Екатериною воспитанницъ Смольнаго монастыря перваго выпуска, произведеннаго въ 1776 г. двѣнадцать лѣтъ послѣ его основанія. Императрица пожелала сохранить память о своихъ любимцахъ и приказала Левицкому изобразить каждую изъ нихъ занимающеюся тѣмъ искусствомъ, въ которомъ она наиболѣ отличалась. Портреты эти суть слѣдующіе:

1) **Живопись.** Александра Петровна *Левшина*, о которой сейчасъ говорено.

2) **Музыка.** Наталья Семеновна *Борцова*, въ послѣдствіи супруга: а) Клавдія Семеновича *Мусина-Пушкина*, отъ котораго имѣла шестерыхъ сыновей и двухъ дочерей и б) г. *Ховена*. Она скончалась въ глубокой старости, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ званіи гофмейстерины при фрейлинахъ Высочайшаго Двора.

3) **Танцы.** Глафира Ивановна *Альмова*, въ послѣдствіи супруга: а) дѣйствитель-

наго тайнаго совѣтника и Александровскаго кавалера Алексѣя Андреевича *Ржевскаго* (ум. 1804), пріятеля Державина и женившася на ней бездѣтнымъ вдовою, по смерти первой жены своей Александрой Ѳедотовны, урожденной Каменской, сестры фельдмаршала; отъ этого втораго брака его родились три сына и одна дочь; и б) камергера Иполита Петровича *Маскля* (Француза), переводчика на французскій языкъ басень Крылова и бывшаго почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ. Дѣтей отъ этого брака, въ который она вступила уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не было.

Замѣчу кстати, что существуетъ указаніе, будто этотъ портретъ изображаетъ другую особу, носившую фамилію Ржевскихъ не по замужству, какъ Глафира Ивановна, о которой сейчасъ пла рѣчь, а по рожденію, а именно Ѳедосью Степановну *Ржевскую*, вышедшую замужъ за князя Михаила Николаевича *Голицына* (род. 1756. ум. 1827, тайнымъ совѣтникомъ), овдовѣвшаго по смерти первой супруги своей Прасковьи Петровны, урожденной Бемъ, и женившася въ послѣдствіи въ третій разъ на Натальѣ Ивановнѣ Толстой (род. 1774, ум. 1841). Княгиня Ѳедосья Степановна Голицына, съ которой будто бы снятъ портретъ Левницкаго, изображающій танцы, была дочь генераль-поручика Степана Матвѣевича Ржевскаго (род. 1732. ум. 1782) и супруги его Софьи Николаевны (род. 1737, ум. 1790), урожденной баронессы Строгановой. Это второе показаніе основано на свидѣтельствѣ, повидимому, достоверномъ, именно звѣстнаго поэта князя Ивана Михайловича Долгорукаго (род. 1764, ум. 1823), которому Софья Николаевна

III

Ржевская приходилась родною теткою по его матери. Но этому противорѣчить то, что означенная картина всегда признавалась за портретъ *дѣвицы Алымовой, а не дѣвицы Ржевской*. Во всякомъ случаѣ настоящій вопросъ еще требуетъ окончательнаго разъясненія.

4) Декламация. Екатерина *Молчанова*, въ послѣдствіи супруга генераль-маіора Сергѣя Адамовича *Олсуфьева*, втораго сына Адама Васильевича, звѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины. Единственный сынъ ихъ Дмитрій Сергѣевичъ былъ Пензенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а единственная дочь была замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Дмитриемъ Сергѣевичемъ Жеребцовымъ.

Обращаюсь за сими къ самымъ приведеннымъ выше письмамъ Екатерины II къ Александрѣ Петровнѣ Левшиной.

Письма эти появились впервые въ печати на стр. 48—58 чрезвычайно рѣдкой книги: «Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородныхъ дворянъ Левшинныхъ. М. 1812» in 4. Она была издана звѣстнымъ агрономомъ и писателемъ В. А. Левшиннымъ, но почти всѣ ея экземпляры сгорѣли въ Московскомъ пожарѣ 1812 года (Каталогъ Чертковск библ., 1863, отд. 1, стр. 242, № 1277, и Словарь Сопикова, ч. 4. стр. 375, № 10276). Потомъ появились они въ Лондонскомъ изданіи «Записокъ княгини Дашковой» въ числѣ приложеній, а оттуда въ искаженномъ видѣ перешли въ Лондонское изданіе безграмотнаго и безобразнѣйшаго русскаго перевода этихъ Записокъ, напечатаннаго въ 1859 году (стр. 329—334).

Время, когда писаны эти письма, можно опредѣлить довольно точно. А. П. Левшина вступила въ Смольный монастырь Русскій Архивъ 1870. 021

при его основаніи, въ 1764 году, и пробыла тамъ двѣнадцать лѣтъ, изъ которыхъ по три года въ каждомъ изъ четырехъ возрастовъ или классовъ, въ которыхъ воспитанницы назывались по цвѣтамъ своихъ платьевъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: *кофейными*, *юлубыми*, *спрыми* и *блыми*. Итакъ, Левшина была до 1767 года—кофейною, до 1770—голубою, до 1773—сѣрою, а до 1776—бѣлою. Въ первомъ письмѣ ясно видно, что она была—*сѣрою*, слѣд. оно писано между 1770 и 1773 годами, вѣроятно въ концѣ 1772 г., когда писано и второе письмо, потому что въ немъ говорится о поздравленіи съ днемъ именинъ Императрицы, 24 ноября. Третье письмо относится къ лѣту 1773 года, когда Левшина перешла уже въ старшій возрастъ (сдѣлалась *блыю*); въ немъ говорится о происходившемъ 20 мая 1773 года (см. ниже) первомъ гуляньи Смолянокъ въ Лѣтнемъ саду, что произвело большой эффектъ въ городѣ и описано было въ газетахъ. Наконецъ четвертое письмо относится къ началу 1775 года, такъ какъ въ немъ говорится объ отъѣздѣ Императрицы въ Москву, именно тогда предпринятомъ для празднованія мира съ Турціей, и о томъ, что по возвращеніи ея изъ Москвы, предположенномъ къ 1776 году, Левшина будетъ взята изъ монастыря, что дѣйствительно и было, такъ какъ къ этому времени она кончала въ немъ двѣнадцати-лѣтній курсъ своего воспитанія.

Вотъ нѣсколько объясненій къ тексту приведенныхъ писемъ. Госпожа Лафонъ, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, была назначена управлять Смольнымъ монастыремъ при самомъ его основаніи въ 1764 году, при чемъ начальство надъ нимъ было поручено княжнѣ Екате-

ринѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой (род. 1722, ум. 1781), а главное завѣдываніе извѣстному Ивану Ивановичу Бецкому (род. 1704, ум. 1795).

Во второмъ письмѣ упоминается Екатерина Ивановна Нелидова (род. 1756, ум. 1839), соученица Левшиной, въ послѣдствіи камеръ-фрейлина, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ Императора Павла I (См. о ней «XVIII Вѣкъ», т. 3, стр. 422—459).

Въ этомъ же письмѣ упоминаются дѣйствующія лица изъ разныхъ французскихъ пьесъ, которыя разыгрывались, на домашнемъ театрѣ Смольнаго монастыря, его воспитанницами

Въ третьемъ письмѣ говорится объ упомянутомъ уже выше гуляньи въ Лѣтнемъ саду Смолянокъ перваго курса, впервые переведенныхъ въ старшій возрастъ (бѣлыхъ) и въ числѣ которыхъ были: Левшина, Борщова, Алымова, Молчанова и Нелидова. Поэты дѣйствительно воспѣли это событіе. Этому сохранились слѣдующія два печатныхъ свидѣтельства:

1) «Стихи благороднымъ дѣвицамъ перваго (вѣроятно старшаго) возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ первый разъ въ саду Лѣтняго Ея Императорскаго Величества дома сего 1773 году, мая 20 числа» (Сошниковъ, ч. 4, стр. 505, № 11362, гдѣ сказано, что стихи эти сочинилъ Сумароковъ).

2) «Стихи, сочиненные на случай, когда благородныя дѣвицы 4-го возраста, воспитывающіяся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по 9-ти лѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явились въ обществѣ и гуляли въ саду лѣтняго дворца Ея Императорскаго Величества мая 20 дня 1773

года. Сіе число есть день общаго гулянья въ реченномъ саду» (Сопиковъ, ч. 4, стр. 508, № 11413). Авторъ этихъ стиховъ не извѣстенъ.

Въ собраніи сочиненій Сумарокова (М. 1781, ч. IX,) находится еще стихотвореніе подъ заглавіемъ «Изъ письма къ дѣвицамъ Нелидовой и Борщовой». Вотъ оттуда выписка:

А вы,
И всѣ товарищи во воспитаньи ваши,
Живущи на брегахъ Невы,
Заслуживаете къ себѣ почтенья наши.
Явите и другимъ
Своимъ сестрамъ драгимъ,
Нелидова, Барщова,
Письмо безъ лѣсна слова!
Смѣдѣтельствуйте имъ: кому пріятна честь,
Не станетъ никому стихи тотъ ложью плестъ;
Бесчестенъ авторъ той, кто чтитъ и сѣтъ лѣсть.
Смѣдѣтельствуйте то сестрамъ своимъ любезнымъ
И прилѣпившимся къ геройскимъ драмамъ слез-
нымъ,

Играющимъ въ трагедіи моей,
Хотя мнѣ видѣти того не удалось.
Со Ипокреною ихъ дѣйствіе лилося:
Какъ Рубановская въ пристойной страсти ей,
Со Алексѣевой входила во раздоры,
И жалостные взоры,
Во горести своей,

Ко смерти ставъ готовой,
Въ минуты лютаго часа,
Съ Молчановой и Львовой,
Мѣтала въ небеса.
Арсеньева пѣвѣ въкъ старой избираетъ,
Служанку съ живостью Алымова играетъ,
Подъ видомъ Левшиной Запра умираетъ
и пр.

Въ письмахъ Екатерины упоминается о мебели, сдѣланной (вѣроятно—вышитой) для Государыни Молчановою, конечно тою, которая названа выше и потомъ была замужемъ за С. А. Олсуфьевымъ.

Въ 1773 году князь Григорій Григорьевичъ Орловъ (род. 1734, ум. 1783), послѣ немилости, постигшей его въ 1772 году, опять заслужилъ благоволеніе Екатерины. Онъ очень цѣнилъ Смольный монастырь, какъ первое заведеніе, основанное для образованія дворянскихъ дочерей.

Письма Екатерины къ А. П. Левшиной вполне достойны того, чтобы сдѣлаться общеизвѣстными. Они придаютъ новую плѣнительную черту привлекательному образу великой Государыни.

Михаилъ Лонкиновъ.

25 Января 1870 г.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗДАНИЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ЖУКОВСКАГО.

Последнее (шестое) издание сочинений Жуковского, напечатанное въ Петербургѣ, въ минувшемъ 1869 году, есть самое полное изъ всѣхъ, а относительно стихотворений его можетъ назваться *почти* полнымъ. Впрочемъ самъ издатель говоритъ, что оно обнародовано лишь *пока*, въ виду настоятельной потребности имѣть эту книгу, не находящуюся въ продажѣ, и что можно надѣяться увидѣть со временемъ окончательное издание всѣхъ произведений поэта, обстановленное примѣчаніями въ родѣ академическаго изданія Державина. Въ виду этого, считаю полезнымъ обнародовать списокъ всего, что было напечатано доселѣ изъ сочинений и переводовъ Жуковского и не вошло въ изданіе 1869 г. Прибавивши указываемыя мною здѣсь произведенія его къ тому, что помѣщено въ изданіи 1869 года, получится все вышедшее изъ-подъ пера его и обнародованное по 1 января 1870 года. Къ этому нужно будетъ присовокупить то, что найдется для печати въ бумагахъ Жуковского и еще не издано.

I. Отдѣльно изданныя произведенія.

1. «Мальчикъ у ручья»; пер. изъ Коцебу; 4 ч. М. 1801 (Изд. 2. М., 1819).
2. «Вильгельмъ Тель», поэма, и «Розальба», новѣсть; пер. изъ

Флоріана. М. 1802 (Изд. 2. М., 1817).

3. «Донъ Кишотъ»; изъ Флоріана. 6 ч. М., 1805 (изд. 2, М. 1815).
4. «Слова ораторіи Гайдна четыре времени года». М. 1803.
5. «Переводы въ прозѣ». 3 части. С. Пб. 1827. Изд. 2.

II. Стихотворенія.

1. «Новопожалованный» (Вѣстн. Евр., 1807, № 2, стр. 123. Перепечатано въ 3 изд. сочиненій Жук., т. 12, стр. 71, но пропущено почему-то въ 6 изданіи 1869 года.)
2. «Смерть», басня. (ibid., № 13, стр. 29).
6. «Пѣсня въ веселый часъ» (ibid., 1813, № 1—2, стр. 76).
7. «Пѣснь матери», изъ Беркея. (ibid. № 11—12, стр. 185).
3. «Пѣсня». (ibid., 1809, ч. 18, стр. 45).
4. «Признаніе» (ibid., 1811, № 1, стр. 24).
5. «Осень» (ibid., № 3, стр. 87).
8. «Императрица Марія Феодоровна» (Сынъ Отеч., 1821, № 1, стр. 21).
9. «Къ ***» (Славян., 1828, № 43, стр. 149).
10. «Русская пѣснь на взятіе Варшавы» (Сѣверн. Пчела, 1831, № 201).

11. «Къ Воейкову» (Современ., 1856, № 11, Смѣсь, стр. 48 и Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 917).
  12. «Къ Воейкову» (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 943).
  13. «Записка къ Свѣчину» (ibid., стр. 944).
  14. Vouquillon»; французскіе стихи (ibid., стр. 945).
  15. «Письмо къ князю П. А. Вяземскому» (ibid., 1866, стр. 863).
  16. «Письмо къ князю П. А. Вяземскому» (ibid., стр. 865).
  17. «Протоколъ 20 засѣданія Арзамаса» (ibid., 1868, стр. 829).
  18. «Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ» (ibid., 1869, стр. 379).
  19. «А. П. Ермолову» (ibid., 1870, стр. 270).
- Кромѣ того въ изданіи 1869 года есть выпущенные стихи противъ первоначальныхъ редакцій: напр: послѣдній девятый куплетъ въ пьесѣ «Лалла Рукъ» (т. 2, стр. 246), 4 послѣдніе стиха въ пьесѣ «Стихи на гробъ А. Ѡ. С.» (т. 4, стр. 378), послѣдніе 96 стиховъ въ «Посланіи кн. Вяземскому» (т. 4, стр. 386), 20 первыхъ стиховъ въ пьесѣ «Записка къ Баронессѣ Черкасовой» (т. 4, стр. 480).
- III. Оригинальныя статьи въ прозѣ.
1. «Мысли при гробницѣ» (Пріятн. и пол. препр. врем., 1797, ч. 16, стр. 106).
  2. «Благодарственная рѣчь на актѣ университетскаго благороднаго пансіона 1798». Переп. въ Москвит., 1847, кн. 3, стр. 66).
  3. «Миръ и война. Пр. и пол. пр. вр., 1798, ч. 2, стр. 259).
  4. «Жизнь и источникъ» (ibid., стр. 280).
  5. «Къ надеждѣ» (Утр. Заря, 1800, кн. 1, стр. 18).
  6. «Мысли на кладбищѣ» (ibid., стр. 68).
  7. «Истинный герой» (ibid., стр. 160).
  8. «О путешествіи въ Малороссію» (Вѣстн. Евр., 1803, № 6, стр. 114).
  9. «Вадимъ Новгородскій» (ibid., № 23—24, стр. 211).
  10. «Три пояса» (ibid., 1808, № 23, стр. 197) (Пер. въ прозѣ, 1827, т. 1, стр. 101).
  11. «Два слова отъ издателя» (ibid., 1809, № 6, стр. 125).
  12. «Печальное происшествіе» (ibid., № 9, стр. 3).
  13. «Благодарность любезному издателю Аглаи» (ibid., № 16, стр. 283).
  14. «О поэзіи древнихъ и новыхъ», (ibid., 1811 № 3, стр. 186).
  15. «Разборъ трагедіи Грузинцева Электра и Орестъ» (ibid., № 7, стр. 205).
  16. «О новой книгѣ Паррота». (ibid., 1818, № 2, стр. 302).
  17. «Записка о Современникѣ, 1837» (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 1022).
- Свѣдѣнія объ Историческихъ таблицахъ Жуковскаго можно извлечь изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1836, № 6, стр. 409.

IV. Переводныя статьи въ прозѣ.

(Кромѣ напечатанныхъ въ книгѣ «Переводы въ прозѣ В. Жуковскаго, 3 ч., С. Пб., 1827», упомянутыхъ выше I. 5).

1. «Полныя сочиненія Г. Леонарда», изъ Spectateur du Nord (Иппокрена, 1799, ч. 1, стр. 81 и 97).
2. «Письмо французскаго путешественника» (Вѣстн. Евр. 1803, № 23—24, стр. 238).
3. «Путешествіе Ж. Ж. Руссо въ Параклетъ» (ibid., 1808, № 2, стр. 97).
4. «Бомарше въ Испаніи» (ibid., № 3, стр. 193).
5. Два письма принца де Линя» (ibid., 1809, № 21, стр. 3).
6. «Два письма его же» (ibid., № 24, стр. 273).
7. «Путешествіе Цитеры на островъ невинности», съ фр. (ibid., 1810, № 7, стр. 174).
8. «Анекдоты о Гайднѣ» (ibid., № 11, стр. 169).
9. «Платонъ въ Сициліи» (ibid., № 13, стр. 3).
10. «Нѣчно о Риваролѣ» (ibid., стр. 35).
11. «Тимей-ваятель», съ фр. (ibid., № 17, стр. 3).
12. «Путешествіе Шатобріана въ Грецію и Палестину» (ibid., стр. 18).
13. «Отрывокъ изъ Шатобріанова путешествія въ Грецію» (ibid., № 22, стр. 138).
14. «Мысли объ заведеніи въ Россіи Академіи Азіятской», пер. съ фр. сочиненія С. С. Уварова (ibid.,

1811, № 1, стр. 27 и № 2, стр. 96).

15. «Аместанъ и Мелединъ» Съ фр. (ibid., № 5, стр. 3).
16. «Отрывки изъ писемъ Миллера къ Бонстетену» (ibid., № 6, стр. 83).
17. «О слогъ простомъ и слогъ украшенномъ», съ англ. (ibid., № 8, стр. 285).
18. «Разсужденіе о трагедіи», изъ Юма (ibid., стр. 292).
19. «О краснорѣчій» изъ Юма (ibid., № 9, стр. 14).

V. ПИСЬМА.

Г. Р. Державину.

1. 1799, Января (печатается въ Академич. изд. Держ., т. 6, стр. 83).

И. И. Голубкову.

2. 1809, Мая 25 (Русск. Арх., 1863, изд. 2, стр. 925).

А. И. Тургеневу.

3. 1810, Ноября 7 (Русск. Арх., 1867, стр. 790).
4. Безъ помѣты (1814) (ibid., 1866, стр. 651).
5. 1815, Августа 4 (ibid., 1864, Изд. 2, стр. 888).
6. 1815 (ibid., 1867, стр. 799).
7. 1816, Октября 21 (ibid., стр. 801).
8. 1816, Октября 31 (ibid., стр. 806).
9. Безъ помѣты (1816) (ibid., стр. 811).
10. Безъ помѣты (1816) (ibid., стр. 812).
11. 1817 (ibid., стр. 813).

12. Безъ помѣты (1817) (<i>ibid.</i> , стр. 815).	30	} <i>Безъ помѣтъ</i> } (<i>ibid.</i> стр. 821, 822, 823 и 824).
13. 1817, Февраля 24 (<i>ibid.</i> стр. 817).	31	
14. Безъ помѣты (<i>ibid.</i> , стр. 819).	32	
	33	
<i>А. П. Елашиной.</i>	34	
	35	
	36	
	37	
15. 1815 (Соч. Бирѣвск., 1861, т. I. стр. 4 и 5).	38	
	39	
16. 1815, Юня 15 (Русск. Арх., 1865, изд. 2, стр. 1297).	40. 1826, Юня 3 (<i>ibid.</i> , стр. 825).	
17. 1815 осенью (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 893).	41. 1826, Юля 23 (<i>ibid.</i> , стр. 826).	
18. Безъ помѣты (<i>ibid.</i> , стр. 898).	42. 1828, Сентября 28 (<i>ibid.</i> , стр. 829).	
19. 1816, зимою (<i>ibid.</i> , стр. 902).	43. 1827, Юля 3 (<i>ibid.</i> , стр. 830).	
20. 1830, Января 21 (Соч. Бир., 1861, т. I. стр. 26).	44. 1827, Августа 28. (<i>ibid.</i> , стр. 831).	
	45. Безъ помѣты (1830) (<i>ibid.</i> , стр. 832).	
<i>И. И. Дмитриеву.</i>	46. 1831, Юля 1 (<i>ibid.</i> , стр. 833).	
21. 1816, Февраля 18 (Русск. Арх., 1866, стр. 1628).	47. 1833, Января 28 (<i>ibid.</i> , стр. 834).	
22. 1817, Марта 1 (<i>ibid.</i> , стр. 1631)	48. 1838, Ноября 4 (<i>ibid.</i> , стр. 837).	
23. 1823, Февраля 11 (<i>ibid.</i> , стр. 1632).	49. 1839, Февраля 9 (<i>ibid.</i> , стр. 841).	
24. 1831; ¹⁰ Октября 16 (<i>ibid.</i> , стр. 1634).		
25. 1834, Февраля 19 (<i>ibid.</i> , стр. 1637).	<i>Князю А. Н. Голицыну.</i>	
26. 1836, Августа 23 (<i>ibid.</i> , стр. 1639).	50. 1824, Января 2 (Русск. Арх., 1868, стр. 156).	
27. 1837, Марта 12 (<i>ibid.</i> , стр. 1640).	51. 1824, Февраля 10 (<i>ibid.</i> , стр. 159).	
	<i>А. П. Зонтагъ.</i>	
<i>Бокку</i>	52. 1824 (О жизни и соч. В. А. Ж., соч. Плетнева, 1853, стр. 64).	
28. 1818, Февраля 18 (Лѣт. Русск. Лит. и Древн., 1859, ч. I. стр. 76).	<i>Д. В. Давыдову.</i>	
	53. 1825 (Библ. Зап., 1858, № 7, 197).	
<i>И. И. Козлову.</i>		
29. 1823, Мартъ (Русск. Арх., 1867, стр. 821).		

Н. Н. Шереметевой.

54. 1828, Янв. 11 (Библ. Зап., 1858, № 22, стр. 675).
 55. 1828, Февраля 5 (ibid., стр. 676).
 56 } Безъ помѣтъ (ibid., стр. 671
 57 } и 678).
 58. 1844, Ноября 2 (ibid., стр. 679).
 59. 1845, Января 11 (ibid., стр. 679).
 60. 1845, Ноября 23 (ibid., стр. 680).
 61. 1847, Января 3 (ibid., стр. 682.)
 62. 1847, Мая 7 (ibid., стр. 683).
 63. 1847, Декабря 16 (ibid., стр. 684).

И. В. Попову.

64. 1835, Сентября 19—Декабря 14 (Русск. Арх., 1865 изд., 2, стр. 1299).

Графиня Е. П. Ростопчиной.

65. 1838, Апрѣля 25 (Стихотв. Гр. Рост., 1856, ч. 1, стр. 231).

А. Я. Булакову.

66. 1843, Апрѣля 11 (Библ. Зап., 1858, № 18, стр. 550).
 67. 1843, Октября 10 (Русск. Арх., 1868, стр. 1446).
 68. 18844, Юля 11 (ibid., стр. 1448).
 69. 1844, Августа 11 (ibid., стр. 1449).
 70. 1845, Января 11 (ibid., стр. 1450).
 71. 1845, Февраля 10 (ibid., стр. 1451).

72. 1845, Апрѣля 11 (ibid., стр. 1452).
 73. 1845, Октября 1 (ibid., стр. 1453).
 74. 1845, Октября 30 (ibid., стр. 1455).
 75. 1845, Декабря 20 (ibid., стр. 1456).
 76. 1845, Декабря 31 (ibid., стр. 1458).
 77. 1846, Марта 16 (ibid., стр. 1460).
 78. 1846, Апрѣля 12 (ibid., стр. 1461).
 79. 1846, Мая 21 (ibid., стр. 1460).
 80. 1846, Юля 5, нов. ст. (ibid., стр. 1462).
 81. 1847, Января 20 (ibid., стр. 1464).
 82. 1847, Мая 13 (ibid., стр. 1465).
 83. 1847, Августа 7, нов. ст. (ibid., стр. 1467).
 84. 1847, Октября 15 (ibid., стр. 1469).
 85. 1848, Марта 7, нов. ст. (ibid., стр. 1470.)
 86. 1848, Мая 14 (ibid., стр. 1471).
 87. 1848, Августа 9 (ibid., стр. 1472).
 88. 1848, Октября 9, нов. ст. (ibid., стр. 1473).
 89. 1849, Марта 7 (ibid., стр. 1474).
 90. 1849, Мая 17 (ibid., стр. 1476).
 91. 1849, Юля 9, нов. ст. (ibid., стр. 1477).
 92. 1849, Сентября 1 (ibid., стр. 1479).
 93. 1849, Декабря 12 (ibid., стр. 1479).

94. 1850, Юля 1 (*ibid.*, стр. 1480).
 95. 1850, Октября 1 (*ibid.*, стр. 1481).
- Графу М. Ю. Вельюрскому.*
96. 1844, Февраля 4, нов. ст. (Рус. Арх., 1869, стр. 644).
- А. О. Фонъ-дербъ-Бринену.*
97. 1845, Юня 18 (Русск. Арх., 1867, стр. 844).
 98. 1846, Юня 1 (*ibid.*, стр. 849).
 99. 1847, Мая 6 (*ibid.*, стр. 853).
 100. 1847, Юня 3 (*ibid.*, стр. 857).
 101. 1848, Октября 10 (*ibid.*, стр. 858).
 102. 1849, Октября 31 (*ibid.*, стр. 859).
- Князю П. А. Вяземскому.*
103. 1847, Юля 2—Августа 1 (Р. Арх., 1866, стр. 1070).
 104. 1850, Апрелья 18 (*ibid.*, 1868, стр. 440).
- И. И. Базарову.*
105. 1848, Ноябрья 18 (Русск. Арх., 1869, стр. 81).
 106. 1848, Декабря 20 (*ibid.*, стр. 83).
 107. Безъ помѣты (*ibid.*, стр. 84).
 108. 1849, Юля 11 (*ibid.*, стр. 85).
 109. 1849, Ноябрья 11 (*ibid.*, стр. 86).
 110. 1849, Декабря 8 (*ibid.*, стр. 86).
 111. Безъ помѣты. (*ibid.*, стр. 88).
 112. 1850, Января 1 (*ibid.*, стр. 89).
 113. 1850, Юня 20 (*ibid.*, стр. 90).
 114. Безъ помѣты (*ibid.*, стр. 90).
115. 1850, Юля 12 (*ibid.*, стр. 89).
 116. 1851 (Юля 15, какъ сказано въ письмѣ) (*ibid.*, стр. 91).
 117. 1851. Безъ помѣты (*ibid.*, стр. 93).
 118. 1851, Ноябрья 29 (*ibid.*, стр. 94).
 119. 1851, Декабря 5 (*ibid.*, стр. 96).
 120. 1852, Января 3 (*ibid.*, стр. 96).
 121. 1852, Января 17 (*ibid.*, стр. 97).
 122. 1852, Февраля 29 (*ibid.*, стр. 97).
 123. 1852, Марта 7 (*ibid.*, стр. 99).
- Графинь С. М. Соллогубъ.*
124. 1850, Юля 24 (Русск. Арх., 1869, стр. 958).
- С. М. Соковину.*
125. Безъ помѣты (Библ. Зап., 1861, № 13, стр. 386).
 126. 1837, Юля 20 (*ibid.*, стр. 387).
- П. А. Плетневу.*
127)	} Безъ помѣтъ	{ (О жизни и соч. В. А. Жук., соч. Плет., 1853, стр. 47, 48 и 127).
128		
129		
130)		
131. 1845, Юля (<i>ibid.</i> , стр. 134 и 135).		
132. 1848, Декабря 20 (<i>ibid.</i> , стр. 140).		
133. 1849, Октября 11 (<i>ibid.</i> , стр. 144).		
134. 1850, Февраля 15 (<i>ibid.</i> , стр. 152).		

135. 1850, Октября 20 (*ibid.*, стр. 158).
 136. 1850, Октября (*ibid.*, стр. 104).
 137. 1850 (*ibid.*, стр. 155).
 138. 1851, Августа 25 (*ibid.*, стр. 161).
 139. 1851, Сентября 13 (*ibid.*, стр. 162 и 166).
 140. 1851, Октября 24 (*ibid.*, стр. 168).
 141. 1851, Ноября 7 (*ibid.*, стр. 169).
 142. 1851, Ноября (*ibid.*, стр. 171).
 143. 1851, Декабря 7 (*ibid.*, стр. 173).
 144. 1852, Января 23 (*ibid.*, стр. 176).
 145. 1852, Марта 5 (*ibid.*, стр. 178).

Неизвестнымъ.

146. 1816 (О жизни и соч. В. А. Жук., соч. Плетн., 1853, стр. 43).
 147. 1822 (*ibid.*, стр. 58).
 148. 1823 (*ibid.*, стр. 60).
 149. 1826 (*ibid.*, стр. 67).
 150. 1827 (*ibid.*, стр. 73).
 151. 1841, Апрѣля 21 (*ibid.*, стр. 126).
 152. 1826, (Н. М. Карамзинъ, М. П. Погодина, 1866, ч. 2, стр. 504).
 153. Безъ помѣты (Библ. Зап., 1858, № 22, стр. 685).

Вотъ кажется все, что напечатано доселѣ изъ сочиненій и переводовъ Жуковскаго. Списокъ этотъ можно почесть едва ли не *окончательнымъ* изъ всѣхъ составленныхъ до нынѣ. Теперь его легко дополнять новыми отмѣтками по мѣрѣ появленія въ печати ка-

кихъ-либо изъ неизданныхъ еще доселѣ произведеній поэта. За симъ, когда наступитъ время для общаемаго окончательнаго изданія всего написаннаго Жуковскимъ, распорядителю онаго останется присоединить къ собранному здѣсь материалу то, что найдется удобнаго для печати въ бумагахъ поэта. Къ услугамъ этого распорядителя готовъ у меня экземпляръ изданія 1869 года сочиненій Жуковскаго, съ подробнымъ обозначеніемъ при каждой пьесѣ, въ стихахъ или прозѣ, когда и гдѣ она впервые была напечатана, съ присовокупленіемъ къ тому (тамъ гдѣ это нужно и оказалось возможнымъ) объясненій, къ какимъ лицамъ или обстоятельствамъ та или другая пьеса относится, откуда заимствована и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій уже указаны мною въ «Русскомъ Архивѣ» 1864, изд. 2, стр. 1133—1135, примѣнительно къ предпоследнему 5-му изданію сочиненій Жуковскаго, въ 13 томахъ, 1849—1857 годовъ. Теперь же свѣдѣнія эти у меня полнѣе и многочисленнѣе.

Кстати приведу здѣсь неизданные стихи Жуковскаго. Стихотвореніе его «Теонъ и Эсхинъ» отнесено имъ къ 1813 году (изд. 1869, т. 1, стр. 262), но напечатано было двумя годами позже (Вѣстн. Евр., 1815, № 5—6, стр. 27). Въ промежуткѣ этихъ двухъ эпохъ Жуковскій собственноручно вписалъ эту пьесу въ альбомъ молодого барона Петра Ивановича Черкасова (род. 1797, ум. 1867) брата той баронессы Елены Ивановны Черкасовой, которой адресованы нѣкоторыя Долбинскія стихотворенія Жуковскаго (изд. 1869, т. 4, стр. 479, 480 и 481), а въ за-

ключеніе приписалъ къ «Теону и Эскину» слѣдующее обращеніе къ своему молодому другу, помѣченное 12-мъ Декабря 1813 года и списанное мною съ автографа поэта:

Барону Петру Ивановичу Черкасову.

Мой опытный старикъ Теонъ
Сказалъ: прекрасенъ свѣтъ! стоя съ душой унылой
Передъ безмолвною могилой;
Узнавъ несчастье, все вѣривъ жизни онъ.
А ты, мой милый другъ, лишь къ жизни присту-
паешь
И свѣтъ сей по однимъ лишь обѣщаньямъ знаешь
Надежды молодой!
Ахъ вѣрь имъ! съ ясною твоею, другъ, душой

Что бы ни случилось заѣсь, все путь твой будетъ
ясенъ!
Кто другъ прекрасному, тому сей свѣтъ прекра-
сенъ!

Я за тебя порукою тебѣ!
Ты добръ—и такъ дава быть счастливымъ сво-
бода.

Оставь проказничать судьбѣ!
Тебя не выдастъ ей заступница-природа!

Въ заключеніе остается только ожи-
дать, чтобы обѣщанное полное собра-
ніе всего написаннаго Жуковскимъ ско-
рѣе явилось въ свѣтъ.

31 Января 1870 г.

Михаилъ Ломинозъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КОСТРОВѢ И О ПЕРЕВЕДЕННОЙ ИМЪ КНИГѢ АПУЛЕЯ: ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЬ ¹⁾.

Только-что въ началѣ прошлаго столѣтія сталъ образовываться русскій литературный языкъ, какъ уже во 2-й его половинѣ у насъ появились писатели (большую частію подражательные), по всѣмъ отраслямъ литературы. Произведенія ихъ дороги для насъ, какъ слѣды нашей умственной жизни и какъ памятники языка новаго, старавшагося выразить мысли и понятія, сдѣлавшіяся достояніемъ европейскихъ литературъ. Къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей времени Екатерины II, изъ которыхъ ярко выдѣляются имена Фонъ-Визина и Державина, — принадлежитъ бакалавръ Московскаго университета Еремплъ Ивановичъ Костровъ.

Не много сохранилось намъ свѣдѣній

¹⁾ Писано по поводу новаго, только-что отпечатаннаго изданія этой книги: „Золотой Осель“, правоописательный латинскій романъ 2-го вѣка по Р. X. Сочиненіе Апулея. Пер. съ лат. Е. И. Кострова. М. въ тип. Грачева 1870. Мал. 8^о 368 стр. Цѣна 1 р. 25 коп. Продается въ извѣстнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

о жизни Кострова. Онъ родился около половины прошлаго вѣка и его, подобно Ломоносову, волна преобразованія выплеснула на поверхность общества изъ самой глубины простонародья: Костровъ былъ сыномъ Вятскаго государственнаго крестьянина. Первоначально онъ обучался въ Вятской семинаріи, потомъ въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи и наконецъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ и получилъ ученую степень бакалавра. Костровъ пользовался особымъ покровительствомъ куратора Московскаго университета, извѣстнаго тогда писателя Михаила Матвѣевича Хераскова. Херасковъ доставилъ ему должность университетскаго стихотворца, которая состояла въ сочиненіи хвалебныхъ одъ, отъ имени университета на разные торжественные случаи. Пушкинъ и М. А. Дмитріевъ (въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти») сохранили намъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ о Костровѣ и

объ отношеніяхъ его къ Хераскову, Шувалову и кн. Потемкину. Образованность уже сильно двинулась въ то время; но бѣдному литератору еще легко доводилось являться въ иномъ знатномъ домѣ съ оттѣнкомъ шута или юродиваго. Костровъ предался пьянству. Онъ умеръ вѣроятно въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія.

Оригинальныя произведенія Кострова (если такъ можно назвать его оды, идилліи и проч.) не имѣютъ значенія; но Костровъ замѣчательнъ какъ переводчикъ. Зная древніе языки: греческій и латинскій, а изъ новыхъ— французскій, Костровъ подарилъ рускую литературу замѣчательными по своему времени переводами.

Первое мѣсто между ними, по важности, занимаетъ переводъ Гомеровою Иліады (1787 года).

Достоинство этого перевода (не конченнаго) было оцѣнено въ свое время; довольно сказать, что новѣйшій переводчикъ Иліады, Гнѣдичъ, сначала хотѣлъ ограничиться только окончаніемъ перевода Кострова. И если наши поэты, Гнѣдичъ и Жуковскій, успѣли передать намъ всего Гомера, все-таки Костровымъ положено было въ этомъ дѣлѣ начало. Переводъ этотъ перепечатанъ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Кострова и составляетъ существенное ихъ достоинство, хотя невѣжественная рука новѣйшаго издателя значительно искажила александрійскіе стихи Кострова ²⁾.

²⁾ Въ Чертковской библиотекѣ можно получить (по 50 к.) литографированный портретъ Е. И. Кострова, изданный съ тѣмъ, чтобы на вырученныя продажей его деньги напечатать вновь этотъ переводъ Иліады, по первоначальному тексту.

Кромѣ Гомера, Костровъ въ послѣдствіи перевелъ и поэтическую поддѣлку Макферсона—Пѣсни Оссіана, сына Фингалова (1792 г.). Это было, кажется, послѣднимъ его трудомъ. Въ подлинности Оссіана тогда не сомнѣвались и обыкновенно ставили его въ параллель Гомеру. Оссіана любилъ читать и Наполеонъ; нашъ переводчикъ посвятилъ свой трудъ русскому герою—Суворову. Поэтъ и полководецъ при этомъ обмѣнялись другъ съ другомъ стихами. Костровъ, прославляя Суворова, уподоблялъ его Фингалу: Суворовъ говорилъ Кострову:

„Виргилій и Гомеръ,—о еслибы возстали,—
Для превосходства бы твой важный слогъ
избрали.“

Любопытны эти дружескія отношенія двухъ людей, стоявшихъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ общества,— прославленнаго полководца съ бѣднымъ бакалавромъ Московскаго университета, сыномъ Вятскаго крестьянина. Невольно приходитъ на мысль латинское изрѣченіе, приведенное Пушкинымъ въ его Годуновѣ:

Musa gloriam coronat, gloriaque Musam.

Переводъ Оссіана сдѣланъ съ французскаго Летуриéroва перевода и имѣлъ два изданія. Возвышенныя поэтическія картины Оссіана переданы у Кострова языкомъ, приближающимся къ древнеславянскому, къ которому, какъ къ источнику, всегда обращались наши предки для выраженія всего выходящаго изъ обыкновенной жизни. Вкусы перемѣнились: въ наше время едва ли мы нуждаемся въ переводѣ Оссіана; но еслибы онъ понадобился, не мѣшало бы перепечатать переводъ Кострова: по крайней мѣрѣ новый пе-

реводчикъ съ англійскаго оригинала многому могъ бы поучиться у Кострова.

Но первымъ по времени и, по нашему мнѣнію, самымъ удачнымъ трудомъ Кострова былъ его переводъ Апулея Золотаго Осла. Онъ свидѣтельствуемъ намъ о глубокихъ познаніяхъ Кострова въ искусствѣ рѣчи. Фраза его безспорно живѣе Ломоносовской. Онъ удачно составляетъ новыя слова, пользуясь и церковно-славянскимъ языкомъ и простонароднымъ говоромъ. Современный читатель, съ первыхъ же страницъ, убѣждается, что онъ напрасно пугался стариннаго, тяжелаго слога книги, девяносто лѣтъ тому назадъ изданной, и что для знакомства съ Апулеемъ, ему нечего прибѣгать къ переводамъ французскимъ или нѣмецкимъ. Переводъ этотъ, изданный въ 1780—1781 годахъ, извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія, знаменитымъ Новиковымъ, теперь составляетъ библиографическую рѣдкость, и мы предлагаемъ его въ новомъ изданіи, перепечатывая съ возможною орфографическою точностію, устраняя только явныя опечатки и дѣлая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненія относительно разстановки знаковъ препинанія.

Луцій Апулей, латинскій писатель 2-го вѣка, философъ платонической секты, родился въ Африканскихъ владѣніяхъ Римской Имперіи. По своей матери онъ происходилъ отъ славнаго Плутарха, историка великихъ мужей. Въ молодости своей Апулей много путешествовалъ и долго жилъ въ Афинахъ и въ Римѣ; потомъ онъ возвратился на родину женился на бо-

гатой вдовѣ и поселился въ Карфагенѣ. Онъ дожилъ до старости, занимаясь науками и адвокатурою и исполняя высокія должности. Апулей умѣлъ заслужить любовь и удивленіе своихъ согражданъ, и ему воздвигнуты были статуи. Изъ сочиненій его, кромѣ романа Золотой Осель (единственнаго произведенія въ этомъ родѣ, сохранившагося намъ отъ древней римской литературы), — остались еще его апологія и нѣсколько философскихъ трактатовъ.

Романъ Золотой Осель принадлежитъ къ числу немногихъ юмористическихъ произведеній классической древности. Предметъ этотъ (превращеніе человѣка въ осла) первоначально былъ обработанъ двумя греческими писателями 2-го вѣка — Лукіемъ Патрасскимъ и Лукіаномъ. Название Апулея Осла *Золотымъ* дано ему современниками и подтверждено потомствомъ, какъ знакъ неотъемлемаго его достоинства.

Золотой Осель Апулея представляетъ намъ живую картину частной жизни, нравовъ, суевѣрій и разврата древняго общества, въ ту удивительную переходную пору, когда уже на Востокъ засіялъ свѣтъ христіанства. Въ этой рамѣ бытовыхъ разсказовъ, какъ драгоценный камень въ простой оправѣ, вставленъ прелестный эпизодъ Психей — высокій мифъ безсмертной души человѣческой. Исторія Психей вдохновила многихъ поэтовъ и художниковъ. Кальдеронъ сдѣлалъ изъ нея священную мистерію, Корнель и Мольеръ — лирическую драму, Лафонтенъ и вслѣдъ за нимъ нашъ Богдановичъ — шуточную сказку, Лапрандъ — философическую

поэму. Древніе и новые художники, Рафаэль и Канова, передали въ живописи и въ скульптурѣ чудную аллегорію. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ современный французскій поэтъ Лапрадъ, въ книгѣ своей о Психеѣ: «Идея мѣа о Психеѣ удивительно сходится съ христіанскою метафизикою. Въ великихъ вопросахъ о происхожденіи зла, испытаніи человѣка на землѣ и будущихъ судьбахъ души человѣческой, она показываетъ совершенное согласіе доводовъ разума съ греческою міеологіей и съ нашими собственными религіозными преданіями. Согласіе смысла этой басни съ идеями книги Бытія и Евангелія не могло ускользнуть отъ первыхъ христіанскихъ писателей, которые съ такимъ благороднымъ рвеніемъ старались отыскивать въ греческой философіи все, что могло связать ее съ преданіями христіанства. Изображеніе мѣа Психеи встрѣчается на многихъ христіанскихъ гробницахъ первыхъ вѣковъ».

«Повѣсть о Психеѣ не есть вымыселъ Апулея: онъ только разсказалъ намъ мѣо, который былъ извѣстенъ за долго до него и сохранился изображеннымъ на древнихъ статуяхъ, барельефахъ и каменяхъ. Басня Психеи не есть сказаніе чисто міеологическое, какъ мѣо Прометей или Пандоры; она не принадлежитъ ни къ жреческому, ни даже къ поэтическому періоду Греціи; она скорѣе произведеніе философскаго періода и не восходитъ далѣе платонической школы. Освобожденная отъ Апулеевскихъ прикрасъ, возведенная въ первобытную чистоту, въ какой она сохранилась намъ въ произведеніяхъ древняго рѣз-

ца, она достойна была выйти изъ устъ божественнаго Платона. Быть-можетъ, это остатки древняго преданія, сохраненнаго школою Платона и носящаго отпечатокъ его художественности. Не безъ основанія думаютъ, что басня Психеи составляла часть нѣкоторыхъ таинствъ древнихъ, гдѣ великія космогоническія и нравственныя истины передавались непосвященнымъ подъ покровомъ аллегорій.»

Сцена дѣйствія въ Золотомъ Ослѣ есть Тессалія, покрытая лѣсами страна волшебства и чародѣйства. Какъ для нашихъ предковъ волхвы являлись преимущественно въ дремучихъ лѣсахъ сѣвера, у грубаго финскаго населенія, такъ точно и древнему человѣчеству казались чѣмъ-то таинственнымъ лѣсныя дебри на сѣверныхъ окраинахъ Греціи.

Въ Илиадѣ, если не ошибаемся, еще нѣтъ никакого волшебства; въ ней дѣйствуютъ только божественные люди и человѣчественные боги. Въ Одиссеѣ являются въ первый разъ чародѣйки, въ видѣ прелестныхъ богинь Цирцеи и Калипсы: онѣ, какъ Цирцея, могутъ обратить спутниковъ Одиссея въ свиней, но могутъ и даровать своему любимцу безсмертіе; отъ нихъ еще вѣетъ амврозіей Олимпа.

Мы думаемъ, что волшебство проникло въ отечество Гомера не позже, какъ во время владѣнія гораздо болѣе суевѣрныхъ Римлянъ, изъ Тессаліи, страны не чисто греческой, быть-можетъ, населенной славянскимъ племенемъ. Чародѣйки Апулея не имѣютъ ни прелести Гомеровскихъ волшебницъ, хотя могутъ обратить міръ въ хаосъ, ни ужасныхъ и отвратительныхъ атри-

бутовъ средневѣковыхъ вѣдьмъ; и если у нихъ въ лабораторіи есть кости мертвыхъ, то еще не является къ ихъ услугамъ другъ ихъ чортъ, которому они продали душу. Апулеева чародѣйка составляетъ переходъ отъ Гомеровою Цирцеи къ страшнымъ колдуньямъ Макбета и къ нашей Кіевской вѣдьмѣ.

На всѣхъ европейскихъ языкахъ, въ числѣ другихъ классическихъ писателей, печатаютъ и издаютъ переводы Апулея; мы не должны лишать себя того, что уже давно имѣемъ. Хорошіе старинные переводы извѣстныхъ сочиненій нисколько не теряютъ своего достоинства отъ времени, но напротивъ, переводы эти получаютъ новый интересъ въ исторіи литературы, сохраняя образцы языка, которыми писали и говорили наши предки. Образованному читателю нашего времени пріятно слѣдить, какъ придумывались и впервые рождались на языкѣ русскомъ слова и обороты для выраженія понятій и картинъ, дотолѣ у насъ не усвоенныхъ. Французы еще до сихъ поръ перепечатываютъ переводы Амюта, а языкъ его гораздо болѣе удаленъ отъ современнаго французскаго, чѣмъ языкъ Кострова отъ нынѣшняго нашего языка. Вообще можно сказать, что если въ Иліадѣ и въ Оссіанѣ у Кострова языкъ довольно изысканъ, то въ переводѣ Апулея онъ по большей части простъ и естествененъ.

По пословицѣ: «изъ пѣсни слова не выбинуть», мы, въ настоящемъ изданіи этой книги, не могли да и не

хотѣли ни смягчать нѣкоторыхъ выраженій, ни выбрасывать нѣсколько грубыхъ картинъ Апулеевыхъ. Разумѣется, эта книга въ цѣломъ не есть кодексъ морали, и она не для чтенія женщинъ и дѣтей; но она дорога, какъ яркая картина своего времени, въ которой равно отражаются и послѣднія оргіи языческаго міра, и высокія идеи платонической философіи. При возобновляющейся у насъ охотѣ къ знакомству съ классическою древностью, Золотой Оселъ является совершенно кстати, ибо пѣлые томы ученыхъ изслѣдованій не дадутъ намъ такого живаго понятія о бытѣ древняго человечества, какъ эта книга. Люди Екатерининскаго вѣка имѣли въ русскихъ переводахъ почти всѣхъ классиковъ; ихъ не смущали нагія картины Апулеевой книги; но за то имъ не извѣстны были Ригольбоши и романы Поль-де-Кока. Притомъ Апулей, изображая сцены сладострастія, нисколько не сочувствуетъ имъ; напротивъ, онъ очищается отъ нихъ возвышенною, горячею молитвою и самъ дѣлается участникомъ священныхъ мистерій.

Пушкинъ въ Онѣгинѣ, вспоминая свою юность, помянулъ Апулея.

Кажется, что мы не ошибемся, если скажемъ, что Пушкинъ, который такъ любилъ оригинальную личность нашего переводчика, «въ садахъ лицей» читалъ Апулеева Золотаго Осла по переводу Кострова.

И. Х.

8 Января
1870.
Москва.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 823 Р. Архива 1867 г. Въ замѣчаніи при 7-мъ письмѣ Жуковскаго къ И. И. Козлову сказано, что княжна Суворова (нынѣ княгиня Голицына, вдова вн. Михаила Михайловича) была во второмъ бракѣ за г. Остолоповымъ. Ничего подобнаго не было: составитель примѣчаній сдѣлалъ въ этомъ случаѣ грубую ошибку.

Къ стр. 1087-й Р. Архива 1869 г. Супругъ Маріи Θεодоровны Портеръ, ур. княжны Щербатовой былъ знаменитый путешественникъ сирь Робертъ Керъ-Портеръ.

Въ № 39-мъ «Современныхъ Извѣстій» 9 февраля сего года, заявлено, что отецъ Кустодіевъ, черезъ своего повѣреннаго Ливанова, подалъ г. прокурору Московскаго окружнаго суда жалобу на то, будто бы я присвоилъ себѣ его литературную собственность, издавъ вторично ту книгу Сборника «Осмнадцатый Вѣкъ», въ которомъ помѣщена первая половина писемъ дюка Лирійскаго, переведенныхъ Кустодіевымъ съ Испанскаго подлинника для Русскаго Архива.

Священникъ Мадритскаго нашего посольства Кустодіевъ, будучи въ Москвѣ весною 1868 г., предложилъ написать для Р. Архива статью о временахъ Петра II и Анны Іоанновны по сохранившимся въ Мадритѣ бумагамъ дюка Лирійскаго. Я охотно принялъ это предложеніе и обѣщаль заплатить за нее по 50 р. съ листа Р. Архива, предполагая статью листа въ 4 или 5. Никакого письменнаго условія при этомъ не было сдѣлано; я никогда ихъ не дѣлалъ съ моими сотрудниками, а въ этомъ случаѣ и посовѣстился бы писать условіе, такъ какъ о. Кустодіевъ, будучи священникомъ, могъ оскорбиться выраженіемъ недовѣрія къ его слову.

Лѣтомъ 1868 г. начали приходять ко мнѣ изъ Мадрита и С. Себастьяна толстые пакеты съ рукописью Кустодіева. Первая присылка убѣдила меня, что статья превыситъ размѣры Р. Архива, и потому я началъ печатать ее въ нарочно для такихъ случаевъ выходящихъ приложеніяхъ къ Р. Архиву: «Осмнадцатый Вѣкъ». Вторая и слѣдующія присылки показали, что трудъ Кустодіева вовсе не статья, а простой переводъ съ Испанскаго, и при томъ на плохой Русскій языкъ. Остановиться печатаніемъ было уже нельзя: это значило бы потерпѣть большой убытокъ бумагою и платою въ типографію. Тѣмъ не менѣе о. Кустодіевъ получилъ свои деньги по 50 р. въ размѣрѣ листа Р. Архива. Противъ помѣщенія своего перевода въ Осмнадцатомъ Вѣкѣ онъ не возражалъ. Русскій Архивъ 1868 года печатался въ 2400 экз.; именно въ этомъ же числѣ отпечатанъ и трудъ Кустодіева, ибо первое изданіе XVIII вѣка оттиснуто 1200 экз., и второе тоже 1200 экз., о чемъ можно справиться въ типографіяхъ.

Итакъ я могъ бы подать искъ на о. Кустодіева, получивъ за мои деньги не то, что я покупалъ, т. е. не статью, а переводъ, и при томъ будучи лишенъ возможности возратить покупаемое. Уваженіе къ священническому сану переводчика удержало меня отъ такого иска. И. Бартеевъ.

АНАТОЛІЙ МЕЛЕСЬ ЕПИСКОПЪ

(Историческій очеркъ)

Епископъ Анатолій, въ свое время, обращалъ на себя большое вниманіе всѣхъ властей высшей сферы и возбуждалъ самыя противорѣчащія сужденія о себѣ. Съ одной стороны Синодъ видѣлъ въ немъ одного изъ упорнѣйшихъ противниковъ своей власти и всѣ усилія употреблялъ къ тому, чтобы или заключить Анатолія въ монастырь и такимъ образомъ привести въ покорность себѣ, или даже удалить его изъ предѣловъ Россіи и тѣмъ вынести себя изъ того неловкаго положенія, въ какое поставилъ его Анатолій, осмѣлившись не признать надъ собою его авторитета и власти. Съ другой стороны, Императрица, Дворъ и Сенатъ, считая Анатолія за человѣка весьма полезнаго для службы и интересовъ государства, оказывали ему явное заступничество.

Самъ по себѣ Анатолій не обладалъ никакими особенными достоинствами и талантами и къ тому отличался настолькоъ гордымъ характеромъ, что при первомъ же столкновеніи съ Синодомъ вооружилъ противъ себя всѣхъ членовъ его Заступничество и расположеніе со стороны Императорскаго Двора и свѣтскихъ властей было оказываемо Анатолію не въ слѣдствіе его личныхъ достоинствъ, а «ради того важнаго дѣла, за которымъ онъ въ Россію изъ Турціи пріѣзжалъ.»

Въ Россію Анатолій явился въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны въ качествѣ повѣреннаго отъ подвластныхъ Турціи Славянъ, Сербовъ, Болгаровъ и др., которые, желая выѣхать изъ Турціи, уполномочили Анатолія ходатайствовать предъ на-

шимъ правительствомъ о позволеніи имъ поселиться въ Россіи и о предоставленіи имъ, на первое время по переселеніи, нѣкоторыхъ льготъ относительно податей и другихъ государственныхъ повинностей. Порученіе Анатолія не имѣло успѣха, такъ какъ учрежденная при Дворѣ Ея Величества Конференція, въ видахъ поддержанія мирныхъ отношеній къ Турціи, рѣшилась отказать въ просьбѣ Славянскимъ народамъ *). Не такъ смотрѣла на это дѣло преемница Елизаветы Петровны. Она вполнѣ сознавала всѣ выгоды колонизаціи для обширнаго и малонаселеннаго государства; она ясно видѣла необходимость заселенія богатыхъ мѣстностей южной Россіи. Для этой цѣли вызывались изъ-за границы дорого стоявшіе и чуждые Русской землѣ Нѣмцы. Понятно отсюда, какъ должна была посмотреть Екатерина на предложеніе, выраженное Славянами чрезъ Анатолія. Нѣмецкихъ колонистовъ нужно было вызывать изъ-за границы, давать имъ большія льготы, чтобы привлечь ихъ въ Россію, заботиться объ ихъ прирученіи, а это вещь не легкая, потому что, какъ показали опытъ и исторія, еще и въ настоящее время вопросъ о сліяніи Нѣмецкой народности съ Русскою не подвинулся ни на шагъ. Между тѣмъ Славянскіе народы сами просили о переселеніи въ Россію и слѣдовательно могли довольствоваться меньшими льготами, а по родству съ нами имъ ничего не стоило свыкнуться съ Россіею.

*) См. Р. Арх. 1869, стр. 737.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 22.

Что касается до причины, которая удержала Елизавету Петровну дать согласіе на переселеніе Славянъ, то для Екатерины эта причина не существовала. Она, почти во все свое царствованіе, находилась во враждебныхъ отношеніяхъ къ Турціи и потому могла и не обращать вниманія на то, какъ взглянетъ Турція на переселеніе ея подданныхъ въ Россію.

Не эти ли соображенія и вызвали въ Императрицѣ Екатеринѣ II участіе къ Анатолю и были причиною отзыва ея о немъ, сдѣланнаго въ письмѣ къ оберъ-прокурору Чебышову, что «сей человекъ службѣ моей нуженъ?»

Намъ кажется, что описаніе жизни Анатоля въ Россіи можетъ послужить весьма важнымъ матеріаломъ для характеристики отношенія свѣтской власти къ Св. Синоду въ царствованіе Екатерины II. Анатолий, какъ мы замѣтили уже и какъ подробно узнаеть читатель далѣе, преслѣдуется Синодомъ и защищается Императрицею и свѣтскими властями. Понятно, что въ разрѣшеніи этого столкновенія между духовною и свѣтскою властями долженъ выразиться характеръ ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ первый разъ Синодъ узналъ объ Анатолий въ 1750 г., изъ донесенія Кіевской Губернской Канцеляріи, которая въ декабрѣ этого года сообщала Синоду, «что сего октября 18 числа, по выдержаніи за Переволочанскимъ форпостомъ указной двойной шестидневной карантинны, Св. Аѳонскія горы, Павловскаго Георгіевскаго монастыря архимандритъ Анатолий, съ экономомъ Давыдомъ и съ однимъ служителемъ въ Кіевъ пропущены». Къ этому Канцелярія присовокупляла, что Анатолю съ его свитою выдано кормовыхъ денегъ на двѣ недѣли, на

всѣхъ ихъ, 16 р. 28 коп. Въ январѣ слѣдующаго года Анатолий былъ уже въ Москвѣ, гдѣ вскорѣ по прибытіи явился въ Синодальную Контору и здѣсь, 9 января, далъ показаніе о своей личности и цѣли своего путешествія:

«Отъ роду ему двадцать осьмой годъ; отецъ его Василій, прозваніемъ Волошанинъ, родился въ Волохахъ, въ городѣ Рая-Брагиловѣ, и оттуда въ прошлыхъ давныхъ годѣхъ, выѣхавъ, жительство имѣлъ, и нынѣ еще въ живыхъ, и жительствуетъ въ Малой Россіи, Переяславскаго полку, въ мѣстечкѣ Золотоношѣ, въ коемъ мѣстечкѣ и онъ, Анатолий отъ того отца своего рожденъ; а имя ему было Анатолю, Алексій. И какъ онъ, Анатолий, сталъ приходитъ въ возрастъ, тогда отъ онаго своего отца отданъ для обученія латинскаго и прочихъ діалектовъ въ Кіевскую Академію, въ коей онъ, Анатолий, и обучался по 1743, и ходилъ до школы піитики и обучался латинскаго, греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго діалектамъ; точю нынѣ онъ, Анатолий, по еврейски и по нѣмецки позабылъ, а знаетъ говорить и писать по гречески и по латыни. Изъ объявленной же школы онъ, Анатолий, вышелъ, въ началѣ того 1743 (въ которомъ мѣсяцѣ не упомнить) въ домъ къ отцу своему для жительства. Въ вѣрности же службы Ея Императорскому Величеству и Высокому Ея Императорскаго Величества Наслѣднику, внуку Государя Петра Перваго, Его Императорскому Высочеству Благовѣрному Государю Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, у состоявшихъ въ прошлыхъ 1741 и 1742 годѣхъ, присягъ былъ онъ, Анатолий, во время обученія своего въ Кіевскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ, и на присяжныхъ листахъ подписался свѣтскимъ именемъ, Алексіемъ, по про-

званію Мелесь; а въ 1743-мъ же, по желанію своему, съ позволенія означеннаго своего отца, изъ того мѣстечка Золотоноши поѣхаль, для свиданія съ родственниками своими, въ вышеупомянутый Волошской городъ Рая-Брагиловъ, обще съ находившимся въ томъ мѣстечкѣ Волошаниномъ, свѣтскимъ человѣкомъ, именемъ Радуломъ (который изъ того мѣстечка отъѣзжалъ въ свое отечество) а для того своего проѣзда пашепорта онъ, Анатолій, ни откуда у себя не имѣлъ; понеже тотъ Волошанинъ объявилъ ему, Анатолію, имѣемый при себѣ пашепортъ, въ коемъ означено было, что съ нимъ, Волошаниномъ Радуломъ, въ Волоцкую землю отпущенъ онаго Радула товарищъ; и о томъ товарищѣ онъ, Радулъ, объявилъ ему, Анатолію, что-де сыскать его не могу, почему вмѣсто того Радулова товарища онъ, Анатолій, съ тѣмъ Волошаниномъ Радуломъ, по объявленному пашепорту, изъ Малой Росіи за границу и отправился. И пріѣхавъ въ тотъ городъ, жилъ у родственниковъ своихъ мѣсяца съ полтора и, увѣдомившись отъ нихъ, что близъ того города имѣется благочестивый монастырь, имянуемый Тристенъ, пошелъ въ тотъ монастырь. И по приходѣ въ оный монастырь, жилъ въ немъ мѣсяца съ четыре, и по всеусердному своему желанію (понеже издавна намѣренъ былъ принять чинъ монашества, точію въ то время въ Великой и Малой Росіи въ монашество постригать было не позволено) того Тристенова монастыря игуменомъ, іеромонахомъ Михаиломъ, по просьбѣ своей онъ, Анатолій, въ 1743-мъ г. постриженъ въ монаха, въ рясофоръ. И по томъ постриженіи, во ономъ монастырѣ жительствовадь по 1745 г.; а въ томъ году изъ онаго монастыря, съ позволенія помянутаго игумена

Михайла и всей братіи, обще того жъ монастыря съ двумя монахами Волошанами, Арсеніемъ да Маврикіемъ, пообѣщанію, пошли въ Кіевъ для поклоненія святымъ мощамъ. И пришли туда въ томъ же году, гдѣ и находились мѣсяца съ два, а жительство имѣли въ разныхъ Кіевскихъ монастыряхъ. И въ томъ же году изъ Кіева онъ, Анатолій, обще съ тѣми монахами пошелъ, для свиданія съ реченнымъ своимъ отцомъ, въ помянутое мѣстечко Золотоношу. И по приходѣ, жительство имѣли у означеннаго его, Анатолія, отца съ мѣсяць; а потомъ отъ него пошелъ онъ, Анатолій, и объявленные монахи, за границу Польской области, въ благочестивый монастырь, имянуемый Мотренинъ. И, по приходѣ туда, того монастыря игуменомъ Мелетіемъ приняты въ братство, и въ томъ монастырѣ жительство имѣлъ мѣсяца съ три, и показаннымъ игуменомъ Мелетіемъ постриженъ онъ, Анатолій, въ мантію. А въ 1746 отъ онаго игумена Мелетія и братіи посланъ былъ онъ, Анатолій, въ Переяславль къ покойному преосвященному Никодиму, епископу Переяславльскому съ прошеніемъ, чтобы его преосвященство посвятилъ его, Анатолія, въ помянутый Мотренинъ монастырь, въ іеродіакона. И по приходѣ его, Анатолія, въ Переяславль, означенный Никодимъ, епископъ Переяславльскій его, Анатолія, во іеродіакона посвятилъ, въ томъ же году; и по посвященіи жительствовадь онъ, Анатолій, для обученія въ священнослуженіи въ домъ его преосвященства; а по обученіи, изъ Переяславля отъ его преосвященства отпущенъ паки въ объявленный Мотренинъ монастырь, куда и пришелъ и жительство имѣлъ въ немъ по 1747 г. А въ томъ году изъ онаго Мотрени-

на монастыря пошелъ онъ, Анатолій (понеже въ томъ монастырѣ жить болѣе не пожелалъ) въ Волоской городъ Бокурештъ, въ коемъ имѣется еллиногреческая школа; и по приходѣ въ тотъ городъ, во оной школѣ того еллиногреческаго діалекта обучался онъ по 1749. По изученіи жъ того діалекта просилъ онъ, Анатолій, пребывающаго въ томъ городѣ преосвященнаго Неофита, митрополита Букурештскаго и всея Унговлахіи, о посвященіи себя во іеромонаха; точію его преосвященство, вмѣсто себя, просилъ находившагося же тамо преосвященнаго Григорія, митрополита Мирликійскаго, чтобы онъ его, Анатолія, произвелъ во іеромонаха, по которой просьбѣ его преосвященство его, Анатолія, во іеромонаха, въ томъ же 749 г и посвятилъ. И по томъ посвященіи, жилъ онъ, Анатолій, во ономъ городѣ Бокурештъ до сентября мѣсяца того году. И изъ онаго городу пошелъ для житія въ монастыри Аѳонскія горы; куда пришедъ, явился Павловскаго Георгіевскаго монастыря игумену іеромонаху Досіею и братіи, и просилъ, чтобы принять былъ онъ, Анатолій, для жительства въ тотъ монастырь въ братство; почему онъ, Анатолій, въ тотъ монастырь, въ 1749 и принять, въ коемъ и жительствовавалъ неисходно, мѣсяца съ полшеста. И когда означенный игумень Досіею и вся братія усмотрѣли его, Анатолія, что онъ знаетъ говорить Россійскимъ діалектомъ, также по гречески и по волоски, предъявили ему, Анатолію, жалованную въ тотъ Георгіевскій монастырь въ прошлыхъ давныхъ годѣхъ, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти отъ Государей Императоровъ Всероссійскихъ, на полученіе въ тотъ монастырь изъ Россіи милостивнаго жалованья, грам-

моту (съ которою они изъ того монастыря, за немѣнѣемъ въ монастырѣ способныхъ людей и за крайнимъ своимъ убожествомъ, въ Россію за тою милостынею, назадъ тому съ тридцать лѣтъ и болѣе, не присылали) и просили его, Анатолія, чтобы онъ поѣхалъ, того Георгіевскаго монастыря, съ строителемъ монахамъ Филоеємъ (который, ѣдучи съ нимъ, Анатоліемъ, на Черномъ морѣ, прошлаго 1750 въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умре) обще того же Георгіевскаго монастыря съ экономомъ монахомъ Давыдомъ, въ Россію со объявленною жалованною грамотою и съ имѣющеюся святынею, для полученія въ тотъ монастырь милостыни. И при томъ отправленіи послали съ нимъ, Анатоліемъ, того Георгіевскаго монастыря отъ всего братства къ святѣйшему Константинопольскому патріарху Кириллу прошеніе о посвященіи его, Анатолія, въ тотъ Георгіевскій монастырь въ архимандрита. И, ѣдучи, онъ, Анатолій, въ Россію, явился помянутому святѣйшему патріарху и означенное отъ братіи прошеніе вручилъ; и по тому прошенію онъ, святѣйшій патріархъ, его, Анатолія, въ Константинополь въ домовую своей церкви, по церковному чиноположенію, во архимандрита посвятилъ, прошлаго 1750 въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. И по томъ посвященіи онъ, Анатолій, явился находящемуся въ Константинополь Россійскому резиденту, господину Неплюеву, и истребовавъ отъ него для свободнаго въ пути до Россіи проѣзда пашепортъ, изъ Константинополя въ Россію поѣхалъ».

Такимъ образомъ главною цѣлію поѣздки Анатолія въ Россію, въ 1750 г. была перемѣна жалованной Георгіевскому монастырю грамоты и полученіе слѣдующей по этой грамотѣ мило-

стинной дачи ¹⁾, за которою Георгіевскій монастырь не присылалъ съ 1718 г., т. е. въ теченіи 32 лѣтъ. Кромѣ этой прямой цѣли, въ поѣздкѣ Анатолія была еще и другая; именно монастырь вручилъ ему нѣкоторыя изъ находившихся въ немъ святыни для того, чтобы, видя «такое священное сокровище, христомыяниити людіе, по усердію своему на вспоможеніе того монастыря, по возможности своей, полагали милостинное подаваніе.»

Святыня, которая вручена была Анатолію, состояла: 1, изъ ковчега съ частию древа отъ Животворящаго Креста и съ частицами св. мощей разныхъ святыхъ; 2, изъ даровъ, принесенныхъ волхвами при рожденіи Христа Спасителя, золота, ливана и смирны; 3, изъ нѣсколькихъ иконъ ²⁾.

¹⁾ Определеніемъ св. Синода отъ 20 февраля 1742, какъ видно изъ донесенія Московской Синодальной канторы, назначено такое количество милостинной дачи: по 35 рублей ежегодно и при каждомъ пріѣздѣ, который долженъ быть чрезъ пять лѣтъ въ шестой, давать сверхъ того «за прежде чинившіяся харчевья и питейныя дачи и за дрова, и на прочее,» на шестинедѣльный срокъ пребыванія въ Россіи, всей свѣтъ пріѣзжающихъ по 16 р.; «а за чинившіяся прежде при отъѣздахъ изъ Москвы въ жалованье таковыми присылаемымъ денежныя, и соболыныя, и отъ камокъ и суконъ дачи, за понесенный ихъ, чрезъ отдаленные пути, въ пріѣздахъ трудъ производить за все деньгами, общемо суммою — іеромонаху по пятнадцати, служителя по пяти рублевъ.... А буде въ который годъ отъ коего монастыря присылки быть не имѣеть, а уедлитса тою присылкою лѣтъ до десяти, или свыше, то оную присылаемымъ отъ реченныхъ монастырей духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ жалованную дачу и на пропитаніе производить имъ только за одинъ пріѣздъ, что надлежало выдать по пяти лѣтъхъ въ шестой годъ; а болѣе того (хотя два или три пріѣзда безъ присылки минутся) дачи не производить.»

²⁾ При дѣлѣ находится слѣд. подробное описаніе этихъ предметовъ. «1, Ковчегъ деревянный съ верхнею задвижкою, на ней написано красками распятіе Господне съ предстоящими въ томъ ковчегѣ (?); ковчегъ же

Иконы эти получены были Анатоліемъ отъ патріарха Константинопольскаго Кирилла, который желалъ, чтобъ одна изъ нихъ, св. великомученика Георгія, была поднесена Им-

древянный, иврою въ длину въ пол-аршина; въ ширину въ пять вершковъ, обложенъ по краямъ серебромъ позлащеннымъ, снизу на поперечномъ краю серебро обломано; на томъ же ковчегѣ сверху выемная дска, обложена же серебромъ позлащеннымъ; на оной дскѣ изображеніе — въ срединѣ распятіе Господне съ предстоящими, вверху въ престолахъ Христосъ; на той же дскѣ десять изображеній разныхъ святыхъ. Внизу изображеніе короля въ преклоненіи, съ воздвигнутыми руками, колѣнъ, со слѣдующею надписью древнимъ сербскимъ діалектомъ: «И мнѣ грѣшнаго и недостойнаго раба твоего Стефана сотворишаго и принесшаго тебѣ крестъ сій, милостію же твоею и помощію и силою честнаго креста, края всѣхъ *Раискиихъ* земель и поморскихъ Владислава». Кругомъ той же дски вычеканенъ на сребрѣ жъ позлащенномъ тѣмъ діалектомъ тропарь: «Пречистому Твоему образу поклоняемса, Благій». Подъ тою дскою въ срединѣ крестъ устроенный, шестерокопечный, изъ древа Честнаго Животворящаго Креста Господня, имѣеть въ себѣ составленныхъ осемь частей, снизу оправленъ въ сребрѣ позлащенномъ, кругъ онаго святыхъ мощей съ едину страну святаго апостола Андрея, съ другую — святаго Теодора, сверху святаго Понтелеймона, внизу святаго Прокопія, оныя части болшія; да въ малыхъ мѣстахъ Теодорона Тирона, отъ ризы Христовой, отъ пеленъ Христовыхъ, отъ ризы Богородицы, поясъ святыхъ Богородацы, отъ лохани въ нейже ноги умы ученикамъ своимъ (I. Хр.), отъ мѣста Краіева, отъ трости святаго Саввы, святаго Варооломея, святаго Евстратія, святыхъ младенцевъ; отъ порфиры Христовой, святыхъ купины, лобнаго мѣста, да надписи не видно на двоихъ мѣстахъ; прочія же мѣста праздыя. Внизу того ковчега нѣсколько древа отъ ветхости истлѣло, и внизу ковчегъ на двое отъ ветхости жъ распался, токмо удержуетъ сверху положенное серебро.

2, Дары принесенные отъ волхвовъ Христу Спасителю состоятъ въ слѣдующемъ: три бляхи, сдѣланныя изъ золота конительною плетеною работою. Едина на подобіе треугольника, двѣ же четверугольныя, продолговатыя. Между ими на подобіе русскихъ рѣховъ восемь ливана да продолговатыхъ восемь же смирны. Между ими средняго бурмяжкаго ж м угу тридцать два зерна наннзано; оное все между оными тремя бляхами.

ператрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а другая, Пресв. Богородицы, наследнику престола Петру Теодоровичу.

Огобравъ это показаніе отъ Анатолія, Московская Синодальная контора выдала ему количество причитающейся, для Павловскаго Георгіевскаго монастыря, за 32 года милостивной дачи; но сдѣлать дальнѣйшія распоряженія она не рѣшалась, безъ полученія на то опредѣленія Сѣнода. И потому, сообщая св. Сѣноду показаніе Анатолія, съ извѣщеніемъ, что ему выдано, по расчету за 32 г. милостивной дачи 1161 р., контора спрашивала св. Сѣнодъ, какъ поступить ей въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ относительно самого Анатолія и привезенной имъ святыни? Она спрашивала, слѣдуетъ ли отпустить Анатолія обратно на Аѳонъ, или удержать его въ Россіи: «ибо онъ оказался не греческой или какой другой эгравичной націи, но Малороссіянинъ, и слѣдовательно Ея Императорскаго Величества подданный, принимавши присягу въ 1741 и 1742 г. При этомъ контора указывала Сѣноду, какъ на примѣръ, что привѣзавшій въ 1748 г. съ Аѳонскаго Предтечева монастыря одинъ монахъ, какъ уроженецъ Бѣлоградской губерніи и «яко

3, Образъ шитый златомъ и серебромъ святаго великомученика Георгія на конѣ, вѣнецъ обнизанъ мелкимъ жемчугомъ, да въ разныхъ мѣстахъ такого жемчугу тридцать три зерна. Къ тому образу на бумагѣ привѣшена сургучовая красная печать со изображеніемъ двоголаваго орла, безъ державъ съ подписью вокругъ греческими литерами; мѣрою тотъ образъ въ длину четыре съ половиною, въ ширину три съ половиною вершка.

4, Образъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы, шитой же осьмиугольной; въ длину вершокъ въ ширину безъ мала вершокъ же, вѣнецъ и кругомъ обнизанъ мелкимъ жемчугомъ. Къ оному образу на бумагѣ привѣшена сургучевая красная печать, изображеніе мало видно.*

подданной», не былъ уволенъ обратно на Аѳонъ, но оставленъ, по опредѣленію Сѣнода, въ Россіи. Далѣе, контора спрашивала, можно ли допустить Анатолію допускать христіанъ къ приклоненію привезенной имъ святыни и особенно «яко къ малослышанной вещи, т. е. принесенныхъ І. Христу волхвами даровъ, къ смотрѣнію и облобызанію ихъ приходящихъ», и наконецъ, не слѣдуетъ ли отправить Анатолія въ С. Петербургъ, такъ какъ ему поручено Константинопольскимъ патріархомъ поднести иконы Высочайшей фамиліи? Въ ожиданіи отвѣта отъ св. Сѣнода на эти вопросы, контора распорядилась, чтобы привезенная Анатоліемъ святыня была запечатана и хранилась въ Синодальной разницѣ, вмѣстѣ съ описью.

Святѣйшій Сѣнодъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ Анатолія, «съ показаннымъ, обрѣтающимся при немъ экономомъ и служителемъ, въ С. Петербургъ, давъ ему обыкновенный паспортъ и на дорожной проѣздъ и на подводы (изъ имѣющейся въ той конторѣ на канцелярскіе расходы суммы) денегъ 10 рублей; при чемъ и объявленную имъ, архимандритомъ, въ ковчегѣ святыню и иконы съ нимъ же архимандритомъ отправить, и велѣтъ ему, архимандриту, по прибытіи въ С. Петербургъ, явиться и объявленную святыню во всякой цѣлости за тѣми жъ печатями, объявить въ святѣйшемъ правительствующемъ Сѣнодѣ».

21-го февраля Анатолій съ своею свитою выѣхалъ изъ Москвы и 11-го марта явился въ Сѣнодъ со святынею, которая, какъ записано въ синодальномъ журналѣ, «смотрѣна и, по запечатаніи его, архимандричьею печатью и синодальною, оставлена

въ св. Сѣнодѣ до предбудущаго о томъ въ полномъ собраніи разсужденія». Въ слѣдующее за тѣмъ засѣданіе Сѣнода, 14 марта, она была подробно разсмотрѣна, и поручено архіепископу С. Петербургскому Сильвестру «отъ лица Сѣнода» представить архимандрита Анатолія Ея Императорскому Величеству и ихъ Императорскимъ Высочествамъ, «въ благоприятное время для врученія грамоты и образовъ.» Это порученіе было возложено на преосвященнаго Сильвестра потому, что «на Васильевскомъ островѣ квартирующимъ Св. Сѣнода членамъ, за распутіемъ рѣчными нынѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества быть не удобно». Не извѣстно почему, но преосвященный Сильвестръ отстранилъ отъ себя представленіе Анатолія Императрицы и передалъ это духовнику Императрицы, протоіерею Благовѣщенскаго Собора Феодору Яковлеву Дубянскому, которымъ Анатолій и былъ представленъ Елизаветѣ Петровнѣ. Помянутые образа Императрица взяла къ себѣ, а ковчегъ со святынею былъ поставленъ сначала въ Зимнемъ, а потомъ въ Анничковомъ Дворцѣ, не распечатанный. Но, какъ мы видѣли, святыня вручена была монастыремъ Анатолію для того, чтобы «видя таковое священное сокровище, христіанскіи людіе, по усердію своему, на вспоможеніе того ихъ монастыря, по возможности своей, творили милостинное подаваніе»; то Анатолій сталъ просить у Сѣнода разрѣшенія собирать это подаваніе, указывая въ своемъ прошеніи на то, что монастырь ихъ «отъ несносныхъ агарянскихъ даней въ толь крайнюю нищету и въ пребѣдное состояніе прииде, что и монастырское зданіе отъ основанія начало разсыпаться и въ церкви свя-

той каменное зданіе разсѣлося, монастырскія же дачи и святыя сосуды имѣются въ закладѣ». За тѣмъ, ходатайствуя о дозволеніи совершать молебствія предъ привезенною святынею, Анатолій подкрѣплялъ свою мысль между прочимъ и тѣмъ разсужденіемъ, «что помянутая святыня никогда изъ монастыря износима еще не была, нынѣ же крайнія ради нищеты, дабы ко обლობызанію притекающихъ съ вѣрою православныхъ христіанъ, и чтобъ на вспоможеніе того монастыря, по возможности, творили подаваніе, ковчегъ съ частію древа креста Христова и съ разными мощами, при томъ же часть даровъ принесенныхъ Предвѣчному Младенцу Христу Господу Намему отъ волхвовъ, то есть азато, ливанъ и смирну, хотя и въ далѣчайшія страны, посланы».

Св. Сѣнодъ разрѣшилъ Анатолію просить милостиню, но съ тѣмъ, чтобы онъ «непристойностей не употреблялъ, а паче Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ отнюдь собою не утруждалъ. Что касается до дозволенія совершать предъ святынею молебствія, то Сѣнодъ отложилъ разрѣшеніе этого вопроса до тѣхъ поръ, «егда оная святыня отъ Двора Ея Императорскаго Величества возвращена будетъ; а о позволеніи ему, архимандриту, въ священнодѣйствіи надлежащее разсмотрѣніе учинить епархіальному адѣшнему архіерею», архіепископу Сильвестру, который и разрѣшилъ Анатолію священнодѣйствовать. Но получивъ это разрѣшеніе, Анатолій, вопреки поставленію Сѣнода, вскрылъ ковчегъ со святынею, запечатанный сѣнодальною печатью, и сталъ, по желанію богомольцевъ, пѣть молебны и допускать къ обლობызанію святыни.

За это самовольство Анатолія потребовали къ отвѣту въ Сѹнодѣ, и здѣсь на вопросъ членовъ Сѹнода: «съ чьего позволенія и для чего онъ, за учиненнымъ св. Сѹнода запрещеніемъ, то чинить дерзаетъ», Анатолій августа 22 дня 1751 г., отвѣчалъ: «что оная святыня отъ отца духовника отдана перваго числа августа и имѣется въ Аничковскомъ Дворцѣ, и приказаніемъ отъ него того числа при той святынѣ водоосвященіе онъ, Анатолій, учинилъ; а когда оная была въ Придворной церкви, то ко оной многихъ онъ прикладываться допускалъ, а приказалъ отъ оной печать снять и допускать отъ духовникъ, а прикладывались равнокакъ къ кресту, такъ и къ злату и какъ прежде была, такъ и до нынѣ состоитъ оная святыня за печатью его, архимандрита».

Не успѣлъ еще св. Сѹнодѣ сдѣлать свое заключеніе относительно этого Анатоліева показанія, какъ, чрезъ духовника Императрицы, объявленъ былъ Высочайшій Ея Величества указъ, которымъ повелѣвалось дать Анатолію позволеніе на совершеніе предъ привезенною имъ святынею молебствій и «о допускѣ» прикладываться къ животворящему кресту. Въ журналѣ св. Сѹнода, отъ 14 октября 1751 г. въ слѣдствіе этого записано такое постановленіе: «Въ слѣдствіе Высочайшаго соизволенія, тотъ архимандритъ, Анатолій, отъ упомяннаго отца духовника, сего жъ числа, присланъ и представленъ предъ собраніе, которому о вышеозначенномъ дозволеніи и благословеніи даю отъ святѣйшаго Сѹнода, съ такимъ притомъ приказаніемъ, чтобы означенное при томъ животворящемъ крестѣ водоосвященіе и ко оному желающимъ прикладываться допускъ (кто того по усердію своему требо-

вать будетъ) чиненъ былъ (кромѣ иноземцевъ и иновѣрцевъ всякой націи людей) однимъ только правовѣрнымъ Греко-Россійскія вѣры христіанамъ съ должнѣйшимъ благоговѣніемъ и благочиніемъ и приличною пристойностію. А привезенные имъ же архимандритомъ, изъ показаннаго жъ Аѳонскія горы, дары: злато и ливанъ и смирна, хотя желающимъ и объявлять, но просто, а прикладываться къ нимъ никого не допускать и никакихъ церковныхъ обрядовъ при нихъ не дѣйствовать. Что же касается до того, что онъ архимандритъ требовалъ при томъ словесно о дачѣ ему сборной, для испрошенія во Всероссійской имперіи милостыни, книги и отправленія ему священнодѣйствія, о ономъ подать ему святѣйшему правительствующему Сѹноду должнѣйшее доношеніе, по коему и надлежащая резолюція учинена быть имѣеть». Поданное Анатоліемъ, вслѣдствіе этого, 21-го октября, доношеніе возбудило сильное негодованіе Сѹнода противъ него. Въ этомъ доношеніи Анатолій прописывалъ, будто на его прошеніе о дозволеніи совершать молебствія при святынѣ до сихъ поръ отъ Сѹнода не было никакой резолюціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, требуемое позволеніе объявлено Сѹнодомъ лично ему еще 14 октября. Кромѣ того, при изложеніи Императорскаго указа св. Сѹноду, отъ 14 октября, Анатолій въ своемъ доношеніи сдѣлалъ нѣкоторыя добавленія къ его тексту, утверждая, будто этимъ указомъ, объявленнымъ ему чрезъ о. духовника, представлено Анатолію право производить по всей Россіи сборъ пожертвованій до 15.000 рублей въ пользу Георгіевскаго монастыря; между тѣмъ какъ въ объявленномъ духовникомъ указѣ не

было и помину объ этомъ обстоятельстве.

Не имѣя ни малѣйшаго основанія подозрѣвать своего сочлена, отца-духовника въ неточной и разногласной передачѣ указа Императрицы, и въ слѣдствіе этого предположивъ со стороны Анатолія наглый обманъ въ этомъ дѣлѣ, св. Синодъ тѣмъ не менѣе не хотѣлъ карать Анатолія за эту вину, а прозвавъ его въ собраніе, приказалъ только взять Анатолію поданное имъ доношеніе обратно и вмѣсто него представить другое «въ силу бывшаго ему отъ св. Синода, 14 октября, приказанія». Но Анатолій объявилъ: «что онъ, безъ воли духовника, протоіерея Феодора, того доношенія обратно взять, а другаго въ показанной силѣ написать не смѣетъ». Тогда Синодъ обратился за разъясненіемъ дѣла въ духовнику, который, какъ и слѣдовало ожидать, призналъ объявленный Анатоліемъ указъ ложнымъ.

Призвавъ еще разъ Анатолія въ свое собраніе, Синодъ сдѣлалъ ему, соответственное его поступку, *правовоченіе*, изъяснивъ вмѣстѣ «и то, какому истязанію онъ, Анатолій, подвергнется по правамъ государственнымъ за эти свои непристойности», и требовалъ отъ него только извиненія; но «онъ, Анатолій, не только въ томъ извиненія никакого не приносилъ и прощенія не просилъ, но стоя, ничего не отвѣтствуя, съ тѣмъ изъ собранія выступилъ. Это упорство и нераскаянность Анатолія еще болѣе вооружили противъ него Синодъ, и потому въ томъ же засѣданіи, 28 октября, было сдѣлано распоряженіе о задержаніи Анатолія при синодальной канцеляріи до времени опредѣленія ему «за тѣ его вины» установленнаго въ законѣ наказанія. Послѣ

четырёхдневнаго ареста, Анатолій смирился и «потребовалъ допуску себя предъ собраніе св. Синода; чего ради и представленъ и, по представленіи, поклонився предъ св. Синодомъ, просилъ въ чемъ онъ погрѣшилъ прощенія, и при томъ довольное ему чинено, — о его упрямствѣ, и что за то наитягчайшему подлежить онъ, по силѣ указовъ, истязанію — увѣщаніе и изъясненіе, при каковомъ онъ, кланяясь, паки просилъ прощенія. На послѣдокъ сказано ему, буде онъ хочетъ, то по перзоподанному его доношенію производство чинено будетъ; естли же онъ первое свое доношеніе уничтожить, а другое подастъ въ той силѣ, какъ ему прежде было приказано, съ объявленіемъ его въ томъ прощенія, то тогда и снисходительная резолюція воспослѣдовать можетъ. При чемъ онъ сказалъ, что-де маленько подумаетъ, такое доношеніе напишетъ и съ тѣмъ выступилъ».

Слухи о поступкѣ Анатолія дошли и до Дворца и, какъ надо полагать, не были въ пользу пріѣзжаго архимандрита, потому что тогдашній оберъ-прокуроръ князь Шаховской, объявилъ св. Синоду въ предложеніи своемъ, отъ 11 ноября, что «Государыня на мое представленіе изустно мнѣ повелѣтъ соизволила св. Синоду объявить свое повелѣніе, дабы онаго архимандрита въ св. Синодъ призвавъ, приказали ему, чтобъ онъ все то, что отъ него св. Синодъ требуетъ, по надлежащему, объяснилъ и учиненной ему въ Синодальной канцеляріи допросъ въ удостовѣреніе подписалъ. Буде же того онъ архимандритъ не учинитъ, то объявить ему, чтобы онъ ѣхалъ обратно изъ Россіи». Послѣдняя угроза подѣйствовала надлежащимъ образомъ на

Анатолія, и онъ безпрекословно уже исполнилъ всѣ требованія Синода.

Съ своей стороны и Синодъ, получивъ отъ Анатолія исполненіе всѣхъ его требованій, сдѣлался снисходительнѣе къ нему, «предложилъ гнѣвъ на милость» и 11 декабря 1751 г. далъ разрѣшеніе на трехлѣтній сборъ подаваній въ Россіи, Анатолю и его товарищамъ, выдавъ имъ сборную книгу и указъ и обявавъ при этомъ Анатолія, чтобы «по прошествіи объявленнаго трехъ-годичнаго термина, со онымъ указомъ и книгою и съ сборными деньгами, явиться имъ въ святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ или въ синодальной конторѣ неотложно».

За тѣмъ, въ февралѣ 26 числа слѣдующаго года, Анатолю выданъ былъ паспортъ для свободнаго проживанія въ Россіи въ теченіи трехъ лѣтъ. Этимъ собственно и оканчивается столкновеніе Анатолія въ первый его прїѣздъ въ Россію, съ Синодомъ.

Окончивъ сборъ подаваній, Анатолий, въ 1754 г. отбылъ за границу, получивъ, при своемъ отъѣздѣ, новую жалованную грамоту Павловскому Георгіевскому монастырю, въ замѣнъ старой, обивѣтшавшей, и кромѣ того отъ Императрицы деньгами, для передачи въ монастырь «за принятіе ею частицы отъ привезеннаго имъ Животворящаго Креста Господня» 3000 руб. и 1.000 р. на дорогу.

Синоду Анатолий не далъ знать ни о своемъ отъѣздѣ изъ Россіи, ни о результатахъ своихъ сборовъ, хотя и долженъ былъ сдѣлать это, во 1-хъ въ силу взятаго съ него Синодомъ письменнаго обязательства и во 2-хъ, какъ замѣчалъ Синодъ, изъ вѣжливости.

Въ концѣ 1756 г. Анатолий опять предпринялъ путешествіе въ Россію, и на этотъ разъ уже въ санѣ Меле-

тійскаго епископа. Въ іюнѣ этого года, коллегія иностранныхъ дѣлъ препроводила въ Синодъ для разсмотрѣнія, полученное ею отъ «резидента при Портѣ Турецкой, канцеляріи совѣтника Алексія Обрезкова», прошеніе епископа Анатолія, въ которомъ послѣдній, сообщая о прибытіи своемъ въ Константинополь и о посвященіи его Константинопольскимъ патріархомъ во епископа Мелетійской церкви, испрашивалъ у коллегіи иностранныхъ дѣлъ позволенія выѣхать въ Россію, «чтобы не подать патріаршему престолу у Порты подозрѣнія» такъ какъ, объяснялъ онъ, у патріарха за произвожденіе меня, какъ Россійскаго подаваннаго, во архіереи, начались несогласія и смятенія съ околичными епископами». Въ удостовѣреніе своего посвященія въ епископа, Анатолий, при своемъ прошеніи, приложилъ копію съ патріаршей грамоты объ этомъ посвященіи, въ переводѣ на русскій языкъ. Въ этой грамотѣ патріархъ Константинопольскій Кириллъ свидѣтельствовалъ, что на вакантную Мелетійскую кафедру онъ «заблагоразсудилъ воспроручествовать» преподобнѣйшаго архимандрита въ свято-именуемой горѣ Аевостѣй священныя, царскія и ставропигіальныя честныя обители св. Павла, во іеромонасѣхъ, господина Анатолія, честнаго, благочестиваго же, благоговѣйнаго и украшеннаго такъ въ тѣлесномъ состояніи, какъ въ душевныхъ нравахъ, и отъ юнаго возраста монашескій пріемшаго образъ, честножительствующаго и обхожденіе показующаго надлежащее монашескому образу, во благочестіи же воспитаннаго и св. Писаніе знаніемъ и искусствомъ свѣдующаго и единымъ словомъ достойна суща архіерейства».

Опираясь на то, во 1-хъ, что Анатолий назначенъ былъ епископомъ такой епархіи, которая существуетъ только по имени, и во 2-хъ, что хиротонія его во епископа произведена не въ городѣ и не въ соборномъ храмѣ престольномъ, а въ монастырѣ и по соизволенію одного только Константинопольскаго патріарха, безъ правильнаго избранія прочими татошними епископами, святѣйшій Синодъ призывалъ, что «произвожденіе Анатолія во архіерейство, яко со св. правилами не сходное, паче же въ крайнюю онымъ противность учиненное, неправильно и не дѣйствительно» и даже прибавилъ къ этому, что архіерейство получено имъ «по коварническимъ, душевреднымъ и безсовѣстнымъ проискамъ. чрезъ богопротивное святокупство и лихоимство». На просьбу о дозволеніи Анатолію пріѣхать въ Россію, онъ отвѣчалъ, что такого дозволенія давать ему не слѣдуетъ, «и надобности въ немъ здѣсь никакой не имѣется, а должно ему пребываніе имѣть въ прежнемъ Павлогорскомъ монастырѣ, съ прошеніемъ, чрезъ усердныя молитвы, у Господа Бога въ показанномъ душевредномъ своемъ проискѣ прощенія».

Это постановленіе св. Синода было сообщено чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и Анатолію, который однакожъ, не стѣснялся такимъ прямымъ отзывомъ св. Синода о его архіерействѣ и отказомъ на его просьбу о дозволеніи пріѣхать въ Россію и не отмѣнилъ своего намѣренія посылать еще разъ въ Россію.

16-го мая 1757 г. до св. Синода дошелъ слухъ, что Анатолий, неизвестно какимъ образомъ, пробрался въ Россію и живетъ въ С. Петербургѣ. Тотчасъ же рѣшено было навести

объ этомъ справку. Секретарю Юрьеву приказано было, съ этою цѣлію, сходить, въ тотъ же день, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ случаѣ, если уже не застанеть членовъ въ присутствіи, на квартиру въ вице-канцлеру Воронцову, и узнать — дѣйствительно ли Анатолий прибылъ и по чьему позволенію?

Въ слѣдующее собраніе Синода, 21-го мая, Юрьевъ донесъ, что вице-канцлеръ, у котораго онъ былъ 17 мая утромъ, обѣщалъ прислать немедленно означеннаго Анатолія въ Синодъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить надлежащее увѣдомленіе на предложенные св. Синодомъ вопросы.

Послѣднее обѣщаніе Воронцовъ исполнилъ черезъ нѣсколько дней, увѣдомивъ, что «извѣстный Св. Синоду Анатолий, епископъ Мелетійскій, нынѣ пріѣхалъ сюда, будучи отправленъ изъ Кіева отъ тайнаго совѣтника и вице-губернатора Костюрина, *) въ разсужденіи того нужнаго дѣла, съ какимъ онъ изъ-за границы пріѣхалъ, и остановить или отослать обратно онаго невозможно было, о которомъ дѣлѣ, яко принадлежащемъ до правительствующаго Сената, отъ коллегіи представлено оному; а о пріѣздѣ его, епископа, св. Синоду во извѣстіе сообщается, и когда св. Синоду помянутый епископъ потребенъ будетъ, то можетъ его къ себѣ и призвать».

Св. Синодъ, однакожъ, не тотчасъ потребовалъ къ себѣ Анатолія для личныхъ объясненій. Въ засѣданіи 3 іюня 1757 г., по выслушаніи уже заготовленнаго отношенія въ Сенатъ съ требованіемъ присылки Анатолія—

*) Вѣроятно на дочери этого Костюрина былъ женатъ гр. Александръ Ивановичъ Шуваловъ, начальникъ тогдашней тайной канцеляріи.

рѣшено было собраніемъ «обождать посылкою этого требованія до будущаго времени». Это рѣшеніе состоялось не безъ причины, и есть основаніе предполагать, что оно послѣдовало въ виду слуховъ о заступничествѣ за Анатолія Сената.

И дѣйствительно, 5-го іюня изъ Сената послано было вѣдѣніе Сѣноду, въ которомъ говорилось, что Анатолій «по касающимся къ пользѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса секретнымъ обстоятельствамъ сюда пріѣхалъ», и требовалось вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Анатолію дозволено было здѣсь свободное пребываніе и «оставленъ бы онъ былъ съ покоемъ».

Тогда Сѣнодъ въ отвѣтъ на это вѣдѣніе, написалъ Сенату такого рода сообщеніе: «Св. Сѣнодъ до требуемаго Правительствующимъ Сенатомъ здѣсь спокойнаго пребыванія Анатоліева не мѣшается; но точію, по должности своей, разсуждаетъ, что онъ, Анатолій, по силѣ св. отецъ правилъ, противнымъ поступкомъ, явно оказавшимся, а наипаче, вслѣдствіе самаго Христа Спасителя Нашего, святаго евангелиста Іоанна въ началѣ 35-мъ, изрѣченія (яко той не ходяй дверми во дворъ овчій, но прелазяй инуды, той—татъ есть и разбойникъ), за правильнаго архіерея почтенъ и въ сообщеніе церковное принятъ быть не долженъ». Здѣсь Сѣнодъ прописываетъ всѣ вины Анатолія, какъ онъ неправильно и чрезъ коварство достигъ епископства, какъ онъ, безъ вѣдома Сѣнода и вопреки взятой съ него подписки, скрылся изъ Россіи въ прошлый пріѣздъ, съ собранною на монастырь суммою денегъ, и какъ теперь, вопреки запрещенію Сѣнода, опять пріѣхалъ въ Россію и въ архіерейскомъ санѣ. Въ

заключеніе Сѣнодъ говоритъ, что «если бы о его нынѣшнемъ сюда пріѣздѣ отъ Правительствующаго Сената представленія не было, что оной касается къ пользѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса, то бы съ нимъ, Анатоліемъ, не иначе поступить долженствовало, какъ поступлено было напредъ сего съ таковымъ же, изъ Россіи за границу въ Волосскую землю бѣжавшимъ Епифаніемъ, игуменомъ Козельскимъ, и тамо такожде, обманнымъ образомъ, чинъ архіерейства получившимъ, и паки въ Россію, въ 1724 г. возвратившимся, именовавшимъ себя епископомъ Гусскимъ, который, по лишеніи священно-монашескаго чина, сперва въ свѣтской судъ наказанію, а потомъ въ Соловецкій монастырь, въ вѣчное по смерти заключеніе и работу, былъ посланъ».

Спустя почти полтора года, именно 18 ноября 1758, изъ Сената дано было знать св. Сѣноду, что Анатолій, съ товарищемъ своимъ, священникомъ Петромъ Морочаниномъ, по опредѣленію учрежденной при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференціи, отпущены за границу, и за усердіе ихъ къ пользѣ Ея Императорскаго Величества интересовъ награждены на дорогу изъ Штатсъ-Конторы Анатолій 400 р., а Морочанинъ 100 р.

Такъ кончилось на этотъ разъ пребываніе Анатолія въ С. Петербургѣ. Хотя поведеніе его и не соответствовало желанію Сѣнода, такъ какъ Анатолій, во всю свою бытность въ С. Петербургѣ, ни разу не являлся въ Сѣнодъ и не доносилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и, не смотря на протестъ Сѣнодскій, продолжалъ именовать себя епископомъ (чему слѣдовали, къ немалому огорченію Сѣнода, и выс-

шія правительственныя государственныя учрежденія,—Сенатъ, Конференція и Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ) тѣмъ не менѣе, всего этого было недостаточно, чтобы побудить Сѣнодъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ для приведенія Анатолія въ должное ему послушаніе. Радитого секретнаго дѣла, для котораго Анатолій прибылъ изъ Турціи, и ради той пользы, которая ожидалась отъ него для интересовъ Ея Величества, Сѣнодъ терпѣлъ пребываніе Анатолія въ С. Петербургѣ и, хотя имѣлъ право, не возставалъ открыто противъ признанія свѣтскими властями Анатолія архіереємъ. Самъ Анатолій мало обращалъ вниманія на отношенія къ нему Сѣнода: занятый своимъ дѣломъ, онъ желалъ только одного отъ Сѣнода—безопаснаго пребыванія въ столицѣ на то время, пока дѣло его рѣшится.

Получивъ, 18 ноября 1758 г., увѣдомленіе объ отпускѣ Анатолія за границу, Сѣнодъ имѣлъ право надѣяться, что едва ли Анатолій, оставивъ теперь Русскіе предѣлы, попытается еще разъ проѣхать въ Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстіе объ отъѣздѣ Анатолія было принято Сѣнодомъ благопріятно, потому что этимъ онъ выведенъ былъ изъ неловкаго положенія—равнодушно смотрѣть на то, какъ не признанный имъ епископъ ни во что вмѣняетъ Сѣнодскія опредѣленія и продолжаетъ принимать архіерейскія почести.

Но къ немалому изумленію Сѣнода, въ сентябрѣ 1759 г. архимандритъ Межигорскаго монастыря Никаноръ донесъ, что того 1759 г. апрѣля 26 числа, прибылъ въ Запорожскую Сѣчь чужестранный епископъ Анатолій, не извѣстно какой епархіи, что войско Запорожское охотно его приняло

и, построивъ ему архіерейское облаченіе, дозволило служить, чѣмъ Анатолій и воспользовался: «въ тамошней Сѣчевой церкви многократно служилъ и въ служеніе имя преосвященнаго митрополита Кіевскаго возглашать не велѣлъ, точію свое возглашать приказалъ.»

Хотя въ этомъ доношеніи и не сказано было, кто таковъ и какой именно епархіи пріѣхавшій въ Сѣчь чужестранный епископъ Анатолій, а напротивъ было помянуто, что этотъ епископъ «о себѣ и о прочихъ обстоятельствахъ, до него касающихся, письменно ничего не объявилъ»; но Сѣноду достаточно было одного имени, чтобы узнать въ этомъ Анатоліи не признаннаго имъ Мелетійскаго епископа. Изъ донесенія архимандрита Межигорскаго монастыря Сѣнодъ увидѣлъ, что надежда его на удаленіе Анатолія за границу не оправдалась и что Анатолій въ своихъ противодѣйствіяхъ Сѣноду становится все дерзостнѣе. На совершеніе Анатоліемъ архіерейскаго служенія Сѣнодъ посмотрѣлъ какъ на самовольство и дерзость съ его стороны, а въ готовности Запорожскаго войска признать Анатолія архіереємъ онъ увидѣлъ льстивыя и обманчивыя происки послѣдняго; въ исключеніи же изъ возглашеній при богослуженіи имени Кіевскаго митрополита—Сѣнодъ предугадывалъ стремленіе къ расколу и соблазнъ для народа. Въ слѣдствіе этого Сѣнодъ пришелъ къ убѣжденію, что Анатолій болѣе терпимъ быть не можетъ и 17 сентября 1758 г. определилъ: «сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніе съ такимъ требованіемъ, чтобы отъ него, по сношенію съ его ясновельможностію г. Малороссійскимъ Гетманомъ и кавалеромъ, опредѣлено было вышечисланна-

го, яко явно преступника и своеволь-но-безпутно волочащагося бродягу, чернца Анатолія, чтобъ онъ больше у помянутыхъ Запорожцевъ продолжаться и наковыхъ либо у нихъ (яко простосердечныхъ) непристойныхъ новостей причинить не могъ, строжайшимъ образомъ чрезъ пристойную команду въ реченной Запорожской Сѣчѣ, или гдѣ въ прочихъ тамошнихъ пограничныхъ мѣстѣхъ обрящется, сыскавъ и отобравъ у него имѣющееся при немъ все архіерейское, въ оной Сѣчѣ сдѣланное, съ подобающимъ къ тому приборомъ, облаченіе, — выпроводить за здѣшнюю границу, въ самой скорости, подъ надежнымъ, по пристойности, присмотромъ, безъ всякаго медленія и отрицанія и впредь его сюда, въ Россійскую имперію, нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, отнюдь не пропускать.»

Скоро былъ полученъ отъ Сената отвѣтъ на это вѣдѣніе, изъ котораго оказалось, что Анатолій и не выѣзжалъ изъ Россіи, не смотря на то, что, какъ увѣдомлялъ объ этомъ самъ Сенатъ, годъ тому назадъ онъ отпущенъ за границу: что Анатолій жилъ въ Запорожской Сѣчѣ съ дозволенія Сената же и что «его Анатолія, для нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствъ, изъ Запорожской Сѣчи нынѣ отлучить не возможно и, пока тѣ обстоятельства перемѣнятся, то надлежитъ ему еще нѣсколько времени тамо побыть». А что касается до запрещенія Анатолію архіерейскаго священнослуженія и отобранія у него облаченія, то Сенатъ предоставилъ Сѣноду дѣйствовать, въ этомъ случаѣ, «по своему разсужденію».

Тогда Сѣнодъ предписалъ Кіевскому митрополиту отобрать у Анатолія архіерейское облаченіе и объявить ему запрещеніе отправлять не только

архіерейское, но и всякое другое священнослуженіе. Въ случаѣ упорства Анатолія подчиниться этимъ распоряженіямъ, Сѣнодъ угрожалъ «отлучить его, Анатолія, отъ Церкви, яко согнявшій и не уврачевавшійся удъ, и, по достойномъ сужденіи и лишении всего чина, предать анаемѣ.» Однакожь и такія угрозы не подѣйствовали на Анатолія. Въ январѣ 1760 г. въ Сѣнодъ было получено новое донесеніе отъ архимандрита Межигорскаго монастыря, въ которомъ говорилось, «что Анатолій не только самъ отъ означеннаго архіерейскаго служенія упорнымъ своимъ самовольствомъ не престаеетъ, но еще и другихъ, таковыхъ же безправильно бродящихъ, чужестранныхъ іеромонаховъ, безъ достовѣрныхъ объ ихъ священствѣ видовъ, въ сослуженіе себѣ, самовольно, насильно принимая, опредѣляетъ».

Изъ слѣдующаго за этимъ донесенія того же архимандрита мы узнаемъ, что Запорожское войско держало сторону Анатолія, что войсковые старшины, по прочтеніи имъ Сѣнодскаго указа, объявили ему архимандриту, «что-де какъ мы начали, такъ и кончать будемъ,—мы въ отвѣтъ» Въ этомъ же донесеніи архимандритъ доводилъ до свѣдѣнія Сѣнода, что Анатолій въ высокаторжественные дни 24 и 25 ноября, не только не служилъ, но ни на молебствіи, ни за всеночнымъ бдѣніемъ даже не былъ, хотя по прочимъ днямъ и отправлялъ службу».

Въ глазахъ Сѣнода этотъ поступокъ Анатолія имѣлъ не малое значеніе. Онъ давалъ Сѣноду возможность обвинить Анатолія въ непочтеніи къ императорской власти, «въ нарушеніи Высочайшихъ правъ и указовъ», и чрезъ то вооружить противъ него и свѣтскую власть.

Теперь Сѹнодъ рѣшился присту-
пить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ,
чтобы такъ или иначе положить ко-
нецъ поступкамъ Анатолія. Въ засѣ-
даніи 26 января 1760 г., обозрѣвъ
всю дѣятельность Анатолія въ Россіи
и найдя его поступки «злостными,
продерзостными и закону Божию и
Церкви святѣй противными.» Сѹнодъ,
для предупрежденія дальнѣйшей «дер-
зости и смущенія» со стороны Ана-
толія, постановилъ «немедленно взять
его въ Кіевъ». Въ слѣдствіе этого
было послано въ Правительствующій
Сенатъ вѣдѣніе, а «къ его ясновель-
можности господину Малороссійскому
Гетману и кавалеру графу Кириллу
Григорьевичу Разумовскому — Сѹно-
дальная грамота.» Сѹнодъ просилъ,
«дабы соблаговолено было вышеписан-
наго чернца Анатолія, пристойнымъ
образомъ, изъ Запорожской Сѣчи отоз-
вать и, подъ крѣпкимъ карауломъ,
для означеннаго правильнаго сужде-
нія и должнаго съ нимъ, въ силу свя-
тыхъ правилъ, Духовнаго Регламента
и Высочайшихъ Ея Императорскаго
Величества указовъ и правъ, посту-
пленія, привести въ Кіевъ и пору-
чить въ крѣпкое содержаніе преосвя-
щенному Кіевскому впредь до буду-
щаго о немъ, Анатоліѣ, рѣшительно-
го указа.»

Анатолій, вѣроятно услыхавъ о та-
комъ опредѣленіи Сѹнода, поспѣшилъ
въ С. Петербургъ, чтобы личными
хлопотами отвратить собиравшуюся
надъ нимъ грозу. Въ февралѣ 1760 г.
въ Сѹнодѣ было получено отъ Сена-
та вѣдѣніе, въ которомъ сообщалось о
прибытіи Анатолія и о томъ, что, од-
новременно съ его прибытіемъ въ С.
Петербургъ, поступило въ Сенатъ
прошеніе отъ Запорожскаго Низов-
скаго войска, въ которомъ оно объ-
являло, «что они сего епископа Ана-

толія, по крайнѣйшему желанію все-
го ихъ общества, просили въ тамош-
ней церкви литургисать, почему онъ
хотя много отговаривался, однакожъ
по прилежному войсковому прошенію
соборне литургисалъ, чѣмъ все про-
стонародное Низовое войско весьма
довольствовались. Когда жъ бы и
впредь сіе при Кошѣ Запорожскомъ
происходило, то не только навсегда
вящшая слава, но и умноженіе, по
пограничности тамошней церкви, слѣ-
довать можетъ; да и весь оной Кошъ
къ тому желательны.» Въ заключеніе
войско просило, — «дабы вышеписан-
ный Анатолій епископъ, доколѣ отту-
да во опредѣленное мѣсто выѣдетъ,
въ церкви Сѣчевой священнослуже-
ніе, въ подлежащіе дни, продолжалъ,
и чтобы въ томъ дозволеніе учинить.»

Въ этомъ же «секретнѣйшемъ» вѣ-
дѣніи Сенатъ открылъ, наконецъ, Сѹ-
ноду и то важное дѣло, по которому
Анатолій пріѣзжалъ ранѣе въ С. Пе-
тербургъ, и причины, ради которыхъ
Анатолію дозволено было, послѣ от-
пуска за границу, пожить нѣкоторое
время въ Запорожской Сѣчѣ. Сенатъ
сообщалъ, что Анатолій прибылъ сю-
да «отъ Албанцевъ, желающихъ къ
выходу въ Россію, съ подтверждені-
емъ о томъ ихъ желаніи и для ис-
ходайствованія резолюціи и отвѣта
на письмѣ, на какомъ основаніи оныя
въ Россіи быть имѣютъ, о чемъ изъ
Сената сообщено было въ учрежден-
ную при Дворѣ Ея Императорскаго
Величества Конференцію, изъ кото-
рой въ отвѣтъ получено, что, въ от-
вращеніе всякаго Оттоманской Пор-
тѣ подаваемаго напраснаго соображе-
нія, даннымъ коллегіи иностранныхъ
дѣлъ указомъ, повелѣно не только
вызовъ сюда Черногорцевъ, Албан-
цевъ и протчихъ Оттоманской Пор-
ты подвластныхъ народовъ оставить;

но и находящихся, отъ оной коллегіи зависящихъ, гдѣ либо здѣшнихъ людей немедленно сюда и къ своимъ мѣстамъ возвратить; вслѣдствіе чего помянутой епископъ Анатолій и отпущенъ былъ отсюда обратно. Но онъ присланнымъ изъ Запорожской Сѣчи, чрезъ Кіевскую Губернскую Канцелярію въ Правительствующій Сенатъ доношеніемъ представлялъ, что получилъ изъ Константинополя отъ пріятеля своего письмо, которое состоитъ въ немалой ему опасности, что о порученномъ ему дѣлѣ не дошло бы знать Портѣ, и просилъ резолюціи, какимъ образомъ ему въ такомъ случаѣ поступить; почему, по указу Правительствующаго Сената, и дозволено ему остаться въ Запорожской Сѣчѣ до времени; а о показанномъ его сумнительствѣ, въ Константинополѣ, чрезъ резидента развѣдать». Въ заключеніе Сенатъ увѣдомлялъ св. Синодъ, что имъ уже сдѣлано Анатолію приказаніе явиться для объясненія и суда въ св. Синодъ.

И вотъ, 14 февраля, предъ синодальное собраніе предсталъ Анатолій для допроса, суда и приговора за всѣ, причиненные имъ Синоду, непріятности и «продерзостные поступки.» Синодъ прежде всего потребовалъ отъ него признанія въ тѣхъ поступкахъ, о которыхъ доносилъ Синоду Межигорскій архимандритъ. Относительно самовольнаго совершенія въ Запорожской Сѣчѣ архіерейскаго служенія, Анатолій замѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, дѣлалъ это, но потому что все войско Запорожское просило его отомъ. Затѣмъ у Анатолія была отобрана панагія, а самъ онъ, въ тѣхъ видахъ, что допросъ имѣлъ быть продолженъ и отложенъ до другого раза, былъ отданъ подъ крѣпкій караулъ при Синодальной канцеляріи.

На другой день составлены были вопросныя пункты для допроса Анатолія и назначена особая комиссія для производства слѣдствія. Комиссія съ всѣмъ рвеніемъ принялась за порученное ей дѣло, во всѣ труды ея остались напрасными; Анатолій, по собственному ея признанію, «не очистилъ своимъ отвѣтомъ ни одного вопроснаго пункта,» отъвѣчая то нездоровьемъ, то безпамятствомъ, то депрессіей (отчаяніемъ), то несвоевременнымъ начатіемъ допроса, напр. тогда, когда онъ не выслушалъ Божественной литургіи.

Видя, что всѣ попытки добиться у Анатолія отвѣтовъ на предлагаемыя вопросы оставались напрасными и что узнать что либо, къ разъясненію дѣла, отъ самаго Анатолія невозможно, Синодъ принужденъ былъ ограничиться разборомъ уже извѣстныхъ ему обстоятельствъ и по нимъ однимъ постановить рѣшеніе. Къ какому рѣшенію пришелъ Синодъ, это видно изъ поданнаго имъ, 19 февраля, Государынѣ Императрицѣ слѣд. рапорта.

«Называвшійся до нынѣ, нѣкоей, бывшей въ Греціи, Мелетинской пустошлой епархіи епископомъ Анатоліемъ, имѣвшійся здѣсь въ Россійской имперіи не однократно, по усмотрѣнію Синодомъ произведеннаго о немъ дѣла, и изъ самого его, Анатолія, прежняго допросомъ показанія и по другимъ, вѣроятнымъ, какъ ниже явствуетъ, обстоятельствамъ, по учиненнымъ своимъ, въ противность святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ правилъ и Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, поступкамъ и происхожденіямъ, оказалась въ слѣдующихъ продерзостяхъ:

1., Будучи Вашего Императорскаго Величества Малороссійскаго Перея-

ВО ВСѢХЪ МОСКОВСКИХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ ПОСТУПИЛИ ВЪ
ПРОДАЖУ КНИГИ:

ПИСЬМА РУССКАГО ОФИЦЕРА,

Ө. Н. Глинки, о войнѣ 1812-1815 г., въ пяти частяхъ, большой томъ. Цѣна
2 рубля.

Его же **ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.**

Большой томъ, 500 стр. Ц. 2 р.

ОСТЗЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Письма М. П. Погодина къ проф. Ширрену по поводу книги г. Самарина.
Цѣна 60 коп.

Польскій Вопросъ. Собрание разсужденій М. П. Погодина. 1830-1868 г.
Цѣна 1 рубль.

Н. М. Карамзинъ, по его письмамъ, сочиненіямъ и отзывамъ современ-
никовъ. Два тома, съ тремя портретами и снимками съ почерковъ. Цѣна 5 р.

РУССКАЯ БЕСѢДА,

20 большихъ томовъ,

СЪ ЗНАЧИТЕЛЬНОЮ УСТУПКОЮ ПРОТИВЪ ПРЕЖНИХЪ ЦѢНЪ.

1856	года	4	книги	цѣна	4	р.
1857	»	4	»	»	4	»
1858	»	4	»	»	4	»
1859	»	6	книгъ	»	6	»
1860	»	2	книги	»	2	»

Покупающіе всѣ года вмѣстѣ въ одинъ разъ могутъ получать ихъ за 15 рублей.
Пересылка каждаго года по одному рублю 20 коп., а всѣхъ вмѣстѣ 5 рублей.
Обращаться въ Москву, къ Петру Ивановичу Бартеневу, въ Чертковской библио-
текъ.

П О Д П И С К А

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкой на домъ; такъ и съ пересыкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—**семь рублей.**

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ *А. О. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

О продажѣ прежнихъ годовъ Р. Архива см. на внутренней сторонѣ сей обертки.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непременно сообщать номеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1 р. 50 к.**, для Франціи — **2 р.**, для Англіи — **2 р. 50 к.**, для Швейцаріи и Италіи—**3 р.**

Составитель и издатель Русскаго Архива: *Петръ Бартепевъ.*

ГОДЪ

ВОСЬМОЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

4 и 5.

ПРИ

1870

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Анатолий Мелесь, епископъ. Историческій очеркъ, по новооткрытымъ бумагамъ, *Н. И. Григоровича*.
2. Тринадцать писемъ *Екатерины II*-й къ оберъ-прокурорамъ Святейшаго Синода, съ введеніемъ и примѣчаніямъ *Н. И. Григоровича*.
3. Выдержки изъ дружескихъ писемъ *Евгенія Болховитина* къ Воронежскому жителю *В. И. Македонцу*. 1800—1810. Съ примѣчаніями и послѣсловіемъ *Н. Е. Свєрнаго*.
4. Письма *Сперанскаго* къ *А. А. Столыпину*.
5. *Фотина Павловна*, послушница архимандрита *Фотія*. Статья *П. С. К—аю*.
6. Примѣчаніе къ свѣдѣніямъ о *Фотіи*. *Ф. Горбукова*.
7. По поводу статей о госложѣ *Крюдверъ*, князя *Н. Н. Голицына*.
8. *И. И. Сухиновъ*. (одинъ изъ Декабристовъ).
9. Черта въ характеръ князя *В. Ѳ. Одоевскаго*.
10. Изъ семейнаго архива села *Вытебты*. Письма *Н. И. Зиновьева* къ сыну его въ *Лейбцигъ*. Съ введеніемъ и примѣчаніями *Н. П. Барышникова*.
11. Театръ въ *Петрозаводскѣ* въ 1809 г. (Сообщено *К. М. Петровымъ*)
12. Изъ писемъ *Н. П. Курьевскаго* къ *В. А. Жуковскому*.
13. Еще нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ *Екатерины II*-й. Замѣтки *М. Н. Лошинова*.
14. Описаніе *Михайловскаго Дворца*. 1801 *Августа Коцебу*.
15. О новооткрытой статуѣ *Екатерины II*-й.
16. Нѣсколько словъ объ императорѣ *Николаѣ I*-мъ. Замѣтка *М. В. Юзефовича*.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1870.

Цѣна на 1870 годъ за 12 тетрадей — семь рублей.

Книги, которыя можно получать въ Москвѣ въ Чертковской Библіотекѣ
(Мясницкая № 7).

Сочиненія А. Д. Черткова:

1. *Воспоминанія о Сициліи*. М. 1836—1837. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
2. *О переселеніи Фракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь*. М. 1851. 8°. Ц. 50 к. съ пер. 60 к.
3. *Фракійскія племена, жившія въ Малой Азіи*. М. 1852. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 60 к.
4. *Пелазго-Фракійскія племена, населившія Италію*. М. 1853. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 60 к.

РУССКІЕ НА БОСФОРЪ

въ 1833 году.

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Изданіе Чертковской библіотеки.
въ 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рисункомъ. Цѣна 1 р. 50 к.,
съ пер. 2 р.

~~~~~
СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и библиографическими о немъ свѣдѣніями, въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р.,
пересылка за три фунта.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8
VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ.

Сочиненіе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Изданіе Русскаго Архива. Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к.
Къ этому второму изданію прибавлены:

- 1) Статя о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библіотекѣ «Тайныхъ Наставленіяхъ Общества Іисусова».
- 2) «Тайныя Наставленія» въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.
- 3) Польскій Катихизисъ.
- 4) Подробное оглавленіе всей книги.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Библикова. М. 1865. 8°. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
Воспоминанія графа Соллогуба. М. 1866. мал. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 75 к.
Записки гр. Бассевича о Россіи при Петрѣ Великомъ. М. 1866. бол. 8°. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

славскаго полку, мѣстечка Золотоноши, природнымъ подданнымъ, и находясь нѣсколько времени въ Киевскихъ школьныхъ училищахъ, своевольно, въ 1743 г., безъ всякаго увольненія изъ Россіи за границу ушеть, и бродя въ Польшѣ и Волосской землѣ по разнымъ мѣстамъ и монастырямъ, монашество и іеромонашество, чрезъ проски свои, въ противность святыхъ правилъ, безъ избранія, яко чуждой церкви клирикъ, получа, въ 1749 г., въ Аѳонскую гору, въ Павло-Георгіевскій монастырь пришедши, и бывъ во ономъ, чрезъ полшеста мѣсяца, во архимандрита того монастыря бывшимъ Константинопольскимъ патриархомъ Кирилломъ, таковымъ же неправильнымъ образомъ, произведенъ, и подъ именемъ тамошнихъ монашествующихъ, съ нѣкоторою святынею въ Россію для полученія въ тотъ монастырь, опредѣленной по штату Палестинскому, милостинной дачи, въ 1750 г. пріѣзжалъ, которой, къ препорученію въ тотъ монастырь, получилъ отъ Синода за прошлые годы, по оному штату, тысячу сто двадцать рублей, собственно отъ Вашего Императорскаго Величества пожалованныхъ три тысячи, да ему особливо на проѣздъ данныхъ тысячу рублей; и сверхъ того, по его, Анатолиеву, прошенію, даннымъ отъ Синода указомъ, дозволено было ему же, на монастырскія нужды и на оплату долговъ, просить въ Россійской имперіи у добротныхъ дателей милостиннаго подаванія чрезъ три года; но сколько онъ того подаванія собралъ, не давъ, по обязательной своей подпискѣ, никакого извѣстія, и не являсь съ тѣмъ ни въ Синодъ, ни въ Московскую Синодальную Конторъ, въ 1754 г. отбылъ за границу и тѣ всѣ, доставшіяся ему въ руки въ немалой суммѣ состояція

IV. 2.

деньги, въ рѣченный монастырь отдалъ-ли и всѣ-ли сполна, неизвѣстно.

2., Послѣ того своего отсюда туда возвращенія не въ долгомъ времени, въ 755 г., (какъ видно душевреднымъ своимъ проискомъ чрезъ богопротивную тѣми деньгами симонію), по изволенію единого онаго же бываго Константинопольскаго патриарха, безъ правильнаго протчихъ архіереевъ избранія, въ крайнюю святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ правилъ противность, во епископа, съ наименованіемъ токмо вышепомянутой, запустѣлой отъ древнихъ лѣтъ и не имущей въ себѣ ни архіерейскаго престола ни обитающихъ христіанъ, Мелетинской епархіи, двумя токмо епископами, произведенъ, и то не во градѣ и не въ соборномъ какомъ престольномъ храмѣ, но въ томъ же монастырѣ; и данною отъ того патриарха грамотою ему, Анатолию, позволено архіерейская тайна дѣйствовать, аще куда онъ призванъ будетъ. Таковой, отличной отъ Православно-Восточной Греко-Россійской Церкви образецъ у единыхъ токмо папистовъ въ употребленіи есть. Которое неправильное его, Анатолиеву, яко здѣшняго Россійскаго Вашего Императорскаго Величества подданнаго, учиненное во епископа произведение, усмотря, прочіе тамошніе же Греческіе архіереи оному своему Константинопольскому патриарху съ представленіемъ въ томъ отъ Порты Оттоманской каковаго либо подозрѣнія, явно протестовали, почему тогда же, ко избѣжанію противнаго изъ того приключенія, оной же Константинопольскій патриархъ давалъ отъ себя тому Анатолию наставленіе, и онъ, Анатолій, признавъ въ томъ опаснымъ, чрезъ пребывающаго въ Константино-

русскій архивъ 1870. 23.

полѣ Россійскаго резидента Обрезкова и чрезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, просилъ къ выѣзду своему оттуда въ Россію дозволенія, но въ томъ ему, Анатолію, сѣнодальнымъ, 24 іюня 756 г. опредѣленіемъ и посланнымъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ указомъ, за показаннымъ его неправильнымъ и въ крайнюю святыхъ правилъ противность во епископа произведеніемъ, не признавая ни мало его же достойна быти епископомъ, не только вовсе отказано, но помянутому Константинопольскому патріарху за то, чрезъ онаго же резидента, выговоръ учинить велѣно.

3. Не удовольствуясь тѣмъ, онъ, Анатолій, чрезъ нѣкакіе свои умыслы, въ 1757 по нѣкоторымъ яко бы касающимся къ пользѣ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества интересовъ обстоятельствамъ, (какъ сообщеннымъ Сѣноду отъ Сената вѣдѣніемъ, а изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ доношеніемъ знать дано), прибывъ въ Санктъ-Петербургъ, по должности своей, какъ святыми правилами и Духовнымъ Регламентомъ, артикуломъ 13, повелѣвается, яко признавая себя въ порочныхъ своихъ поступкахъ подозрительна, и въ явное духовной власти презрѣніе, въ Сѣнодѣ неявился; чего ради онъ, Анатолій, по означенному же неправильному его во епископа произведенію и порочнымъ проискамъ, вслѣдствіе самаго Христа Спасителя, у святаго Евангелиста Іоанна, въ зачалѣ 35-мъ изреченія (яко той, иже не входя дверьми во дворъ овчій, но прелазяй инуды, той тать есть и разбойникъ), отъ Сѣнода, чрезъ сообщенное въ Сенатъ, отъ 14 іюня 757 года вѣдѣніе, и паки за правильнаго архіерея и къ принятію въ церковное сообщеніе не признавъ.

4., Какъ же въ 1758 году онъ Анатолій отъ Сената за границу обратнo отпущенъ, то, по заобычайному своему своевольству, прибывъ въ апрѣль мѣсяцъ 1759 въ Запорожскую Сѣчь, и тамо, по принятіи его и по сдѣланіи ему Запорожцами архіерейскаго облаченія, безъ всякаго отъ высшей духовной власти дозволенія, по допущенію оныхъ Запорожцовъ, крайнимъ своимъ безстрашіемъ, дерзнулъ, самовольно, аки бы мѣстный и правильный архіерей, въ тамошней церкви архіерейское служеніе священнодѣйствовать, со исключеніемъ притомъ изъ возглашенія настоящаго епархіальнаго архіерея Кіевскаго митрополита, а вмѣсто его о употребленіи своего имени, что онъ явнымъ своимъ безстрашіемъ и за запретительными о неисправленіи ему того въ здѣшней имперіи служенія, подъ тяжкимъ прещеніемъ, отъ Сѣнода въ надлежація мѣста посланными указами вѣдая оныя, и послѣ того безсовѣстно чинилъ и прищельцевъ изъ-за границы бродягъ, яко же и самъ, чернцовъ, а еще посвященные ли, не извѣстно, тамъ принимая собою къ священнослуженію допускалъ, а на высокаторжественные, въ 1759 въ ноябрѣ мѣсяцѣ, яко то 24-го на тезоименитство Ея Императорскаго Высочества благовѣрныя Государыни Великой Княгини Екаторины Алексіевны, и 25-го чиселъ восшествіе на Всероссійскій Императорскій престолъ Вашего Императорскаго Величества, не только не служилъ, но ниже на всемошнихъ бдѣніяхъ и на молебствіяхъ не былъ, изъ чего наипаче всякому разсудить и признать можно, какія онъ недоброжелательства и худую совѣсть имѣеть.

5. Какъ онъ же, Анатолій, по сообщенному предъ симъ Сѣноду отъ

Сената вѣдѣнію (черезъ которое дано знать, яко чинимыя имъ, Анатоліемъ, вѣкія секретныя до Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества интересовъ касающіяся представленія, для которыхъ онъ въ 757 прибылъ сюда, явились бесполезны и противны, и отъ Сената велѣно ему, какъ онъ, по прибытіи изъ Запорожской Сѣчи обрѣтается въ Санктъ-Петербургъ и надлежащему въ вышепоказанныхъ его по духовной командѣ преступленіяхъ сужденію явиться въ Синодъ), аки уже не по волѣ своей, сего февраля 14 числа, въ Синодъ явился: то предъ собраніемъ Синода, по словесному вопрошенію о исправленіи имъ въ Запорожской Сѣчѣ, своевольно въ противность правилъ святыхъ и за синодальнымъ запрещеніемъ, архіерейскаго служенія, самъ признавая сказалъ, что онъ то архіерейское служеніе отправлялъ.

6., Послѣ жъ того, для предписанныхъ не маловажныхъ, касающихся до него, по дѣлу, причинъ, по задержаніи его при Синодальной Канцеляріи, до указаго разсмотрѣнія, подъ арестомъ, и по снятіи съ него предъ синодальнымъ собраніемъ тогда же панатіи, какъ Синодомъ, сего февраля 15 и 17 чиселъ, велѣно было его, Анатолія, по тому его дѣлу, въ дополненіе прежняго и въ совершенное изъясненіе, по вопроснымъ пунктамъ, допросить; точію явнымъ своимъ преслушаніемъ и упрямствомъ отвѣчиваясь, яко бы за слабостью своего здоровья и несостояніемъ, въ допросъ не пошелъ и притомъ приговаривая дать знать, яко онъ о всѣхъ прежде учиненныхъ о немъ по дѣлу синодальнымъ опредѣленіямъ вѣдаетъ и въ исправленіи имъ въ Запорожской Сѣчѣ собою архіерейскаго служенія тоже, какъ и выше значить, вторич-

ной винъ своей подтвердилъ; и тако по оному его, Анатоліеву, о тѣхъ синодальныхъ о немъ опредѣленіяхъ знанію въ вышеозначенныхъ своихъ преступленіяхъ и непристойныхъ въ противность правилъ святыхъ поступкахъ самъ добровольно признался и виннымъ себя показалъ, за чѣмъ уже болѣе и допрашивать его нужды не состоитъ.

А ниже означенными правилами, напечатанными въ Кормчей Книгѣ, повелѣваются: Святыхъ Апостолъ 34-мъ, епископомъ безъ своего старѣйшаго (какъ въ толкованіи изъяснено) митрополита или архіепископа, ничтоже излишне творити, ни епископа поставляти, и старѣйшій, рекше, митрополитъ или архіепископъ, безъ воли всѣхъ епископовъ, ничтоже такового творитъ, полезнаго ради всѣмъ соединенія; и во епископа избраніе, — Св. Апостолъ по 1-му, Вселенскаго 1 собора по 4-му, помѣстнаго собора въ Антиохіи Сирстѣй по 19-му и помѣстнаго же Сардійскаго собора по 5-му, — отъ всѣхъ сущихъ во области, епископъ творити; отъ мірскихъ же властей избраніе бывающее, по 3-му седьмаго Вселенскаго собора правилу, всяко не твердо есть. А приемай чуждаго причетника и поставляяй (по 17-му шестаго Вселенскаго собора правилу) поставленный и самъ да извержется; помѣстнаго же собора во Антиохіи Сирстѣй по 13-му и по 16-му, праздно епископу, не имущему епископїи, во оную область переходити и поставленія пресвитера и діакона или правленія вѣкогo церковнаго творити отнюдь не повелѣвается и изверженія отъ епископїи подвергается. Халкидонскаго же Вселенскаго 4-го собора правило 6-е повелѣваетъ: не токмо епископу, но и пресвитеру и діакону и причетникамъ рукополага-

тиса не просто, но въ церкви, въ ней же работаетъ, или коего града или села или монастыря къ церкви особо; а кромѣ того просто гоставляемымъ не дѣйствительно и не сильно такое рукоположеніе; которыя также и прочія святыя правила и узаконенія, принадлежація къ должности его, Анатолиевой ему, Анатолію, совершенно знать содержаніе (?) оныхъ самымъ дѣйствіемъ, а не въ противность поступать весьма надлежало; отъ чего онъ, яко духовная персона, отрещися и извинитися ничѣмъ не можетъ.

Того ради Синодомъ, по довольномъ разсужденіи, сего февраля 18 д., опредѣлено: упомянутаго Анатолія, за вышепрописанныя его, явно оказавшіяся вины, особливо же за богопротивное имъ, какъ по дѣлу въ прежнихъ Синодальныхъ опредѣленіяхъ довольно изображено, епископскаго сана себѣ не для церковной какой пользы, но ради своего интереса и несытаго лакомства похищеніе и за своевольное безъ всякаго отъ высшей здѣшной духовной власти дозволенія, въ Запорожской Сѣчѣ, архіерейскаго служенія отправленіе, и чрезъ то учиненное въ тамошнемъ простомъ народѣ возмущеніе, и отъ настоящаго своего епархіальнаго Киевскаго преосвященнаго архіерея въ-которымъ образомъ отторженіе (ибо они, будучи чрезъ оное обстоятельство возмущены и хитрыми его прельщеніями и происками уловлены, дерзнули мимо главной духовной команды, то есть Синода, прислать въ Сенатъ прошеніе, чтобы у нихъ въ Сѣчѣ быть архіерею, и именно еще ему же бродягѣ и преступнику Анатолію, какъ о томъ Синоду сообщеннымъ изъ Сената вѣдѣніемъ знать дано). А въ вышеозначенномъ, дерзновенномъ своемъ служеніи и самъ онъ, Анато-

лій, виновнымъ себя подлинно призналъ, также и за всеявственное Синоду, вчинимымъ отъ онаго повелѣніямъ и запрещеніямъ непокореніе и преслушаніе, по силѣ вышепрописанныхъ и прочихъ согласующихъ къ тому правилъ святыхъ, и по вышепомянутымъ прежнимъ, какъ въ дѣлѣ значится, синодальнымъ опредѣленіямъ и резонамъ, лиша его богопротивно похищеннаго архіерейскаго сана и іеромонашества, и оставя токмо простымъ монахомъ, для пресѣченія могучихъ и впредь въ ближайшихъ, къ здѣшнимъ границамъ, мѣстахъ произойдти какихъ либо подобныхъ отъ него возмущеній и противныхъ церкви святѣй поступковъ, дабы таковое вредное Церкви святой духовныхъ сановъ похищеніе во обычай не вошло и не вкоренилось (какъ то и напредъ сего съ таковымъ же похитителемъ архіерейскаго сана, бывшимъ Козельскимъ игуменомъ, чернцомъ Епифаніемъ, Синодомъ поступлено), послать подъ карауломъ, на казенномъ путевомъ коштѣ, въ неисходное содержаніе, Сибирской епархіи въ Троицкой Кондинскій монастырь, въ коемъ велѣно ему въ пищу давать противъ дву братовъ; а чтобы онъ, Анатолій, отнынѣ впредь ни епископомъ, ни архимандритомъ, ниже іеромонахомъ не назывался, а именовался бы токмо простымъ монахомъ и до священнослужительскаго обученія и священнодѣйствія не касался, и никого бы благословлять и осѣнять не дерзалъ, о томъ объявлено ему въ Синодѣ съ надлежащею запискою. О чемъ Вашему Императорскому Величеству Синодъ чрезъ сіе всеподданнѣйше рапортуеть за извѣстіе.»

Такимъ образомъ, лишеніе всѣхъ степеней священства и вѣчно зато-

ченіе въ Кондинскомъ Сибирскомъ монастырѣ было назначено Анатолію въ наказаніе за «всѣ его продерзости Сѹноду».

Между тѣмъ, изъ Константинополя отъ резидента Обрезкова полученъ былъ отвѣтъ на данное ему Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ порученіе «развѣдать о сумнительствѣ Анатолія, объ угрожавшей ему опасности, что о порученномъ ему дѣлѣ не дошло ль знать Портѣ». Обрезковъ доносилъ, «что искалъ его, Анатолія, тамо одинъ купецъ по собственному дѣлу, и что изъ монастыря его два монаха арестованы отъ патріарха за умышленный, съ братомъ его, обманъ; а монастырю никакихъ нападковъ ни отъ кого не дѣлается, почему и не было ему, Анатолію, причины утруждать Правительствующій Сенатъ своимъ представленіемъ». Такимъ образомъ никакой опасности, со стороны Порты, Анатолію не угрожало въ случаѣ его возвращенія въ Константинополь. Самъ ли Анатолій выдумалъ ее, что бы достать чрезъ это позволеніе у Сената поселиться въ Запорожской Сѣчѣ, или же дѣйствительно имъ получено было письмо, напугавшее его, — это осталось не извѣстнымъ. Какъ бы то ни было, но это донесеніе Обрезкова не имѣло никакого значенія для измѣненія произнесеннаго надъ Анатоліемъ приговора.

Въ силу этого приговора, въ мартѣ мѣсяцѣ, Анатолій былъ посланъ на мѣсто ссылки, и 29-го марта онъ былъ уже въ Тобольскѣ. Преосвященному Павлу, митрополиту Тобольскому поручено было Сѹнодомъ, чтобы онъ немедленно, по прибытіи Анатолія въ Тобольскъ, отослалъ его на мѣсто ссылки. Но, какъ видно изъ донесенія этого преосвященнаго, это распоряженіе Сѹнода не было

исполнено имъ, — «за неспособностію нынѣшняго вѣшняго времени и лѣсными и непроходимыми до Кондинскаго монастыря дорогами и опаснымъ чрезъ рѣки путемъ», писалъ преосвященный Павелъ, не возможно было отправить, тотчасъ же, Анатолія на мѣсто заточенія, и вслѣдствіе этого «до водополя» онъ былъ оставленъ при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ.

Любопытно, въ этомъ донесеніи преосвященнаго Павла, описаніе поведенія Анатолія во время пути: ни строгость сѹнодскаго приговора, ни тяжесть лишеній и невзгодъ, ни стыдъ опороченія не могли сломить желѣзной воли Анатолія и склонить его на покорность Сѹноду. «Дорогою Анатолій», — доносилъ митрополитъ, — «не повинуюсь Святѣйшаго Правительствующаго Сѹнода рѣшительному о немъ опредѣленію, неправильно архіереемъ себя разглашалъ и народъ благословлялъ, и къ побѣгу своему способу искалъ и тѣмъ же архіерейскимъ чиномъ, въ своеручной, въ пріемѣ своего скарба, роспискѣ подписался, и прочія непристойныя, противъ опредѣленія и чести Свят. Правительствующаго Сѹнода, рѣчи употреблялъ и въ караульнаго капрала за чинимое ему въ томъ запрещеніе ножъ бросилъ»

Въ наказаніе за эти поступки, Сѹнодъ приказалъ, въ указѣ на имя преосвященнаго Павла, содержать Анатолія «скована въ ножныхъ желѣзахъ».

Когда и какъ Анатолій былъ отправленъ въ Кондинскій монастырь, не было ли во время пребыванія его въ Тобольскѣ, какихъ либо новыхъ преступленій съ его стороны, мы не знаемъ. Но видно, что, по началу, Сѹнодъ не мало безпокоился, чтобы

Анатолій не надѣлалъ какихъ либо новыхъ неприятностей ему. Такъ онъ предписалъ преосвященному Павлу, чтобы тотъ ежемѣсячно доносилъ Сѹноду о поведеніи преступника, какъ въ бытность его въ Тобольскѣ, такъ и по прибытіи въ Кондинскій монастырь. Потомъ, когда митрополитъ Павелъ донесъ, что въ Кондинскомъ монастырѣ ограда деревянная «и къ содержанію того арестанта, Анатолія, не надежная», то Сѹнодъ распорядился, чтобы выбранъ былъ другой монастырь, «въ которомъ было бы удобно помѣстить Анатолія, наблюдая, чтобы этотъ монастырь былъ не въ градѣ какомъ, но отдаленномъ отъ жительства и уединенномъ какомъ мѣстѣ, подѣ наикрѣпчайшимъ присмотромъ, чтобы утечки отнюдь учинить не могъ никуда».

Но оба эти распоряженія Сѹнода не были приведены въ исполненіе. Не знаемъ почему, но Анатолій во все время своего заточенія оставался въ Кондинскомъ монастырѣ: свѣдѣній о поведеніи его, отъ преосвященнаго Павла въ Сѹнодъ не поступало. Въ неисполненіи этого послѣдняго распоряженія Сѹнода, преосвященный оправдывался дальнимъ разстояніемъ и неудобствомъ сообщенія съ Кондинскимъ монастыремъ, такъ что относительно жизни Анатолія въ этомъ монастырѣ мы не знаемъ ничего, ни худаго, ни хорошаго.

Не прошло трехъ лѣтъ со времени ссылки Анатолія въ Сибирь, какъ въ судьбѣ его происходитъ весьма важная перемѣна: его приказано было возвратити изъ заточенія. Само собою очевидно, что приказаніе послѣдовало не со стороны Сѹнода. Виновницею этой перемѣны была вступившая тогда на Русскій престолъ, императрица Екатерина Алексіевна, кото-

рая, не смотря на то, что въ числѣ обвинительныхъ, противъ Анатолія, пунктовъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ былъ — «непокорность его Высочайшимъ указамъ и правамъ», обратила милостивое вниманіе на заточеннаго Мелетійскаго епископа. 26-декабря 1762 г. изъ кабинета Ея Величества сообщено было Сѹноду, что «Ея Императорское Величество повелѣтъ соизволила св. Правительствующему Сѹноду именной своего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій указъ, чтобы сосланнаго въ Сибирь въ Кондинскій монастырь въ заточеніе бывшаго архимандрита, который потомъ и архіереемъ назывался, Анатолія, освободить и опредѣлить его для житія въ какой нибудь изъ Великороссійскихъ монастырей съ надлежащимъ пропитаніемъ».

Указъ этотъ, какъ видно изъ послѣдующаго хода дѣлъ, не былъ вызванъ только фактомъ вступленія на престолъ новой царствующей особы и не принадлежалъ къ числу обычныхъ, при такихъ случаяхъ, милостей отъ трона. Судя по той заботливости, какую впоследствии императрица обнаружила для возвращенія Анатолію отнятыхъ у него правъ священства и епископства, мы имѣемъ право допустить мысль, что императрица еще ранѣе лично знала Анатолія и составила выгодное понятіе о его способностяхъ. Приведенный выше указъ о переведеніи Анатолія изъ Сибири въ одинъ изъ Великороссійскихъ монастырей былъ, слѣдовательно, первымъ шагомъ къ возвращенію присвоенныхъ имъ себѣ іерархическихъ духовныхъ степеней.

Получивши этотъ указъ, св. Сѹнодъ, 13 января 1763 г. далъ распоряженіе, чтобы Анатолій переведенъ былъ въ Нижегородскій Макарь-

евъ монастырь тѣмъ же чиномъ, какой имѣлъ въ послѣдніе два года въ Кондинскомъ монастырѣ, слѣдовательно въ званіи простаго монаха, и только количество отпускаемыхъ на пропитаніе его порцій увеличено противъ прежняго на одну: опредѣлено было давать ему три братскія порціи. Синодъ распорядился также, чтобы, во время пути Анатолія отъ Тобольска до Нижняго Новгорода, онъ былъ сопровождаемъ двумя солдатами «для препровожденія и охраненія его».

Неожиданная и пока незначительная переменна въ судьбѣ Анатолія, какъ кажется, произвела въ его образъ мыслей и настроеніи духа довольно замѣтную перемену, по крайней мѣрѣ, на первое время. Между тѣмъ какъ, по донесенію преосвященнаго Павла, присланному имъ въ Синодъ около этого времени, Анатолій въ Кондинскомъ монастырѣ жилъ спокойно, никакихъ противузаконныхъ поступковъ не дѣлалъ, притязаній на архіерейство не заявлялъ: теперь, съ извѣстіемъ о своемъ освобожденіи, его поведение нѣсколько измѣняется. Увидавъ, что возвращеніе его изъ заточенія послѣдовало не по волѣ Синода и, можетъ быть даже вопреки желанію послѣдняго, — Анатолій рѣшилъ, что и въ будущемъ ждать милостей отъ Синода нѣтъ основаній. Кромѣ того, усмотрѣвъ изъ собственнаго опыта, что покорность Синоду не располагаетъ послѣдняго къ возвращенію ему, Анатолію, правъ священства, и что нерасположеніе къ нему Синода иногда не служитъ препятствіемъ къ улучшенію его положенія, — Анатолій рѣшился пренебречь синодскимъ опредѣленіемъ относительно архіерейскаго сана, и предъ своимъ отправленіемъ изъ Кон-

динскаго монастыря опять называлъ себя епископомъ. Преосвященный Тобольскій доносилъ, что Анатолій, когда отъ него, въ пріемѣ денегъ на дорогу, потребована была росписка, дерзнулъ, въ той роспискѣ, назвать себя епископомъ.

Изъ Тобольска Анатолій отправленъ былъ на мѣсто своего назначенія въ апрѣлѣ 1763 г.

Въ маѣ 1764 г. онъ прислалъ въ Синодъ слезное и раболѣпное прошеніе, въ которомъ жаловался, что «на новомъ мѣстѣ своего жительства, въ Макарьевскомъ монастырѣ, онъ претерпѣваетъ нищету и самокрайнѣйшую нужду и скудость», въ особенности со времени введенія монастырскихъ штатовъ, «потому что въ штатъ монастыря онъ не включенъ и вслѣдствіе этого не получаетъ назначеннаго ему Синодомъ содержанія въ три порціи. Поэтому «падъ предъ стопами св. Синода, (онъ) слезно просилъ, въ разсужденіи бѣдственной его жизни и толь долговременнаго заточенія, соединеннаго, при слабости уже изнуреннаго здоровья печалію моею, съ крайнею скудостію, явить богоподобную милость и не оставитъ недостойнаго раба Божіихъ и высокомонаршихъ щедротъ, которыя св. Синодъ во всей имперіи торжественно прославляетъ, участникомъ быть къ вѣчному жъ прославленію». Въ концѣ прошенія Анатоліемъ, собственноручно, прибавлены были слѣдующія строки: «о вышеписанномъ слезно и раболѣпно прося, доноситъ бѣдствующій и здоровьемъ и состояніемъ всепослѣднѣйшій и недостойный Анатолій, бывший Мелетійскій».

Но Синодъ не умилился и этою покорностію и униженіемъ и оставилъ просьбу Анатолія безъ всякаго удовлетворенія. Только спустя

три года послѣ этого прошенія и опять же помимо Сѹнода было обращено вниманіе на улучшеніе его положенія. Именно, въ февралѣ 1767 г. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ сообщила св. Сѹноду, что «Ея Императорское Величество высочайше указать изволила св. Сѹноду дать знать изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ, чтобы находящійся въ Нижегородской епархіи, въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ, лишенный архіерейскаго сана, монахъ Анатолій включенъ былъ въ томъ же монастырѣ въ штатное число, дабы онъ могъ имѣть себѣ пропитаніе». Тогда только Сѹнодъ предписалъ преосвященному Нижегородскому опредѣлить Анатолія въ штатъ Макарьевскаго монастыря, хотя бы для этой цѣли пришлось и исключить изъ монастыря какого нибудь монаха.

Вскорѣ послѣ опредѣленія Анатолія въ число штатныхъ монаховъ, начались у него несогласія съ архимандритомъ Макарьевскаго монастыря, которыя сопровождались весьма неприятными для Анатолія послѣдствіями и подъ конецъ заставили его бѣжать изъ монастыря и искать защиты отъ притѣсненій архимандрита, который въ свою очередь чернилъ Анатолія предъ Сѹнодомъ, донося ему о неприличности его поведенія.

Пока Сѹнодъ разсматривалъ дѣло о ссорѣ архимандрита съ Анатоліемъ и доношеніе перваго о поступкахъ Анатолія, послѣдній жилъ нѣкоторое время въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, но скоро и оттуда бѣжалъ. Настоятель Благовѣщенскаго монастыря донесъ объ этомъ преосвященному, который, обычнымъ порядкомъ, довелъ о томъ до

свѣдѣнія Сѹнода. Въ донесеніи преосвященнаго при этомъ случаѣ описаны примѣты Анатолія, по которымъ можно составить приблизительное понятіе о его наружности: «оной монахъ Анатолій ростомъ не малый, глаза черные, волосы на головѣ черные жъ, съ просѣдью, на лѣвомъ вискѣ, близъ волосъ, шрамъ; лицомъ бѣлъ, борода черная продолговатая; коренастъ; говоритъ по малороссійски, сверхъ того по гречески и по латынски».

Между тѣмъ Анатолій пришелъ въ Москву и въ ночь на 25-е декабря явился въ тамошней сѹнодальной конторѣ хлопотать о томъ, чтобы его не посылали снова въ Макарьевъ монастырь. Св. Сѹнодъ, узнавъ, что Анатолій явился въ Московскую сѹнодальную канцелярію и тамъ содержался, нашель что это лучшее помѣщеніе для него и предписалъ канцеляріи «содержать его впредь до указа, подъ карауломъ и производить ему кормовыхъ по 10 коп. на день изъ положенной на конторскіе расходы суммы».

Желаніе Анатолія было исполнено: Сѹнодъ опредѣлилъ быть ему въ Раифской пустынѣ Казанской епархіи и такимъ образомъ опять придвинулъ его къ Сибири, изъ которой онъ такъ еще недавно былъ возвращенъ.

Но это опредѣленіе Сѹнода было, почти одновременно съ нимъ, парализовано другимъ, исшедшимъ отъ Высочайшей власти. Исправляющій должность оберъ-прокурора при св. Сѹнодѣ, бригадиръ Чебышевъ, 22 января 1769 г. предъявилъ Сѹноду указъ Императрицы, которымъ повелѣвалось «послать указъ къ монаху Анатолію, находящемуся въ Казанской Раифской пустынѣ, дабы онъ явилъ

ся здѣсь (въ С. Петербургѣ), а поприѣздѣ сюда доложить Ея Императорскому Величеству, на дорогу же выдать ему изъ Коллегіи Экономіи 100 р.»

Въ силу этого Высочайшаго указа, Синодъ 23-го января 1769 и отнесся къ преосвящ. Казанскому предписаніемъ о немедленномъ исполненіи по вышесказанному Высочайшему повелѣнію, поручивъ преосвященному выдать Анатолію и деньги на дорогу. Какъ и надлежало ожидать, преосвященный Казанскій, 9-го марта, отвѣтилъ Синоду, что Анатолій еще не приѣхалъ въ Раифскую пустынь и, вѣроятно, находится еще въ Нижнемъ Новгородѣ, куда и слѣдовало, по его мнѣнію, отправить синодское предписаніе. Синодъ спѣшилъ тогда исправить свою ошибку и въ тотъ же день, въ который получено это донесеніе, послалъ предписаніе въ Нижній Новгородъ

16 марта Анатолій былъ уже въ С. Петербургѣ и, какъ узнаемъ изъ журнала св. Синода за этотъ день, являлся къ оберъ-прокурору Чебышеву, а зтимъ послѣднимъ «объявленъ коллежскому совѣтнику г. Козицкому».

Прибытіе Анатолія въ С. Петербургъ причинило не мало хлопотъ и работы св. Синоду. Пришлось опять разсматривать и обсуждать всѣ прежніе поступки Анатолія; то и дѣло составлялись новыя записки и экстракты изъ дѣла объ Анатоліѣ, частію для собственныхъ надобностей Синода, а частію для представленій Императрицъ и нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ журналѣ св. Синода, отъ 27-го апрѣля 1769 записано, что этотъ день св. Синодомъ слушано все дѣлопроизводство объ Анатоліи и это слушаніе продолжалось до $\frac{1}{2}$ 12 часу ночи, такъ что предполагавшееся по этому дѣлу разсуж-

деніе пришлось отложить до будущаго времени.

Конечно не безъ причины и не изъ любопытства Синодъ началъ разсматривать дѣло объ Анатоліѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ взялся за это дѣло, не по собственной инициативѣ, а по желанію той же высокой покровительницы, которой Анатолій обязанъ былъ своимъ возвращеніемъ изъ Сибири. Можетъ быть и самъ Синодъ, видявное покровительство Императрицы Анатолію и желая, съ своей стороны, сдѣлать ей угодное, рѣшился облегчить нѣсколько участь Анатолія и занялся просмотромъ дѣла о немъ съ цѣлю хотя нѣсколько оправдать то смягченіе, которое онъ желалъ произвести въ наказаніи Анатолія.

Въ заключеніи своемъ Синодъ «призналъ его, Анатолія, повиннымъ и, прежними Синода опредѣленіями, осужденнымъ правильно;» и какъ всѣ его, Анатолія, поступки усматриваются быть неправодушны, пронырливы и хитростны, а притомъ упорны и презорливы, то сіе самое, чтобы онъ могъ съ пользою во что либо быть употребленъ, подаетъ сумнѣніе. Однако, если по причинѣ понесеннаго имъ, Анатоліемъ, немаловажнаго наказанія, приступить къ разсужденію о помилованіи его, а именно о возвращеніи ему единого токмо священства (поелику Синодомъ онъ не признанъ епископомъ только, а о священствѣ его сумнѣнія не было), то должно ему будетъ неотмѣнно принести покаяніе и предъ лицомъ Синода и признать себя во всемъ томъ повиннымъ, въ чемъ отъ Синода, яко правительства Всероссийской Церкви, осужденъ былъ законно, и сіе признаніе утвердить письменно.»

«Такое его письменное признаніе тѣмъ паче нужно есть, что какъ, по

производству о немъ дѣла, такъ уже и по осужденію, не видно, чтобы онъ въ томъ оказывалъ когда какое раскаяніе и признаніе, и паче пребылъ упоренъ.»

На этотъ разъ Анатолій согласился подчиниться св. Синоду и исполнить требуемую имъ формальность. Онъ подалъ написанное имъ, въ формѣ прошенія, извиненіе въ своихъ поступкахъ и раскаяніе въ прежнемъ упорствѣ. Это извиненіе было, однакожъ, св. Синодомъ возвращено Анатолію для перемѣны въ немъ нѣкоторыхъ выражений, которыя показались Синоду или не довольно сильными, или негармонизирующими съ характеромъ прошенія.

По поводу этого-то возвращенія Синодомъ, поданнаго ему Анатоліемъ раскаянія въ своихъ поступкахъ, Императрица, — нужно думать, и кроме того, не вполне довольная малою уступкою Синода въ пользу Анатолія — и писала къ оберъ-прокурору, что ее «удивляетъ поступокъ Синода и тѣмъ наипаче, что чрезъ васъ имъ сказано было, что этотъ человекъ къ службѣ моей нуженъ,» и поручала оберъ-прокурору объявить Синоду, что «ея желаніе есть, чтобы Анатолій былъ прощенъ.» *)

Когда Синоду передана была эта воля Императрицы, то въ тотъ же день, 18 мая, онъ приказалъ «учинить надлежащую повѣстку оному, Анатолію, чтобы онъ въ св. Синодъ явился». А на другой день было принято Синодомъ и прошеніе Анатолія, которое было слѣдующаго содержанія:

«Указомъ изъ святѣйшаго Правительствующаго Синода сысканъ я, низайшій, въ С. Петербургъ, гдѣ, отъ 13-го прошедшаго марта по сіе

время, нахожусь; жребій же моего несчастія, какъ и претерпѣнныхъ злослуженій Правительствующему Синоду не безъ извѣстны. Я человекъ почему и оправдать себя предъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ не дерзаю; но тѣмъ паче, съ истиннымъ сожалѣніемъ въ содѣянномъ мною, противу подобающаго Правительствующему Синоду почтенія, поступкѣ признаю мою виновность, за чтò и полагаю себя претерпѣнному въ наказаніе злослуженію. Но ежели нѣсть грѣхъ кающагося побѣждая милосердіе Божіе и, по словеси Христову, отпускаются грѣхи и седмижды седмицею, ежели наконецъ претерпѣнныя и претерпѣваемые мною злослуженія и бѣдствія могутъ какую либо, во удовлетвореніе содѣянной мною вины, быть жертвою: то, падъ предъ многомоцнымъ св. Синодомъ правительствомъ, съ чистосердечнымъ моимъ соболѣзнованіемъ, во всемъ томъ, въ чемъ оная состоитъ, смиренно прошу, отпустивъ мой долгъ, сотворить со мною человекòлюбіе и милость. Всенжайшій слуга старецъ Анатолій.»

Попрочтенія этого прошенія, Синодъ произвелъ обрядъ возвращенія Анатолію священства.

Въ журналѣ св. Синода, по поводу этихъ обстоятельствъ, было замѣчено: «впущенъ былъ въ собраніе св. Синода монахъ Анатолій и подалъ о отпущеніи ему вины прошеніе, которое при немъ тогда жъ читано, и потомъ разсуждено оному Анатолію, въ разсужденіи его покаянія и долговременнаго претерпѣнія, въ сходство св. отецъ правилъ, возвратитъ священство.»

Хотя Синодъ въ своемъ заключеніи, изъявивъ готовность возвратитъ Анатолію священство, и оговорился, что

*) См. ниже.

это единственная уступка, которую онъ можетъ сдѣлать въ пользу Анатолія; но не трудно было предвидѣть, что дѣло не остановится на этой только уступкѣ, и что, съ теченіемъ времени, Синодъ признаетъ Анатолія и епископомъ. Этою своею уступкою Синодъ доказалъ, что онъ считаетъ раскаяніе Анатолія искреннимъ, признаетъ его исправившимся въ своемъ поведеніи и прощаетъ ему прежніе его поступки. Слѣдовательно прежнее поведеніе Анатолія не могло служить ему препятствіемъ, по крайней мѣрѣ, такимъ, котораго невозможно обойти, въ полученію епископскаго сана, и если бы въ должности священника Анатолій показалъ себя достойнымъ носить это званіе, то Синодъ не могъ бы ничего возразить противъ возведенія его въ санъ архіерея. И поэтому принимая за тѣмъ въ расчетъ уже не разъ обнаружившееся сочувствіе къ Анатолію Императрицы и ту настойчивость, какую она выказала при возвращеніи Анатолію священства, мы нимало не удивимся, что Синодъ, который съ трудомъ согласился на возвращеніе Анатолію священства и оговорился, что большаго дать никакъ не можетъ, въ послѣдствіи принужденъ былъ отступить отъ своего рѣшенія и признать Анатолія архіереемъ.

Намѣреніе Императрицы относительно возвращенія Анатолію архіерейскаго сана можно было угадывать уже вскорѣ послѣ возвращенія ему священства, когда отдано было приказаніе Синоду возвратитъ Анатолію отобранныя у него, при отправленіи въ Сибирь, принадлежности архіерейскаго сана, напр. панатію.

Въ санѣ іеромонаха Анатолій, вскорѣ послѣ возвращенія ему священства, былъ отправленъ на флотъ въ походъ противъ Турокъ на Средизем-

ное море съ войсками, подъ начальствомъ графа Орлова, и былъ свидѣтелемъ истребленія, въ Чесменской гавани, Русскими войсками Турецкаго флота.

Въ это время, именно когда Анатолій былъ еще въ Архипелагѣ, и состоялось въ Синодѣ опредѣленіе о возвращеніи Анатолію архіерейскаго сана. 15-го октября 1770 г. Синодъ, «пріемля въ разсужденіе съ благодарнымъ признаніемъ, великое Божіе благословеніе, оказанное надъ Россійскимъ Императорскимъ флотомъ, находящимся въ Архипелагѣ, чрезъ истребленіе въ конецъ непріятельскаго Оттоманскаго флота, притомъ вѣдая, что и оный Анатолій во оныхъ морскихъ, Ея Императорскаго Величества, походахъ не безъ пользы общественной находится и въ трудностяхъ тѣхъ походовъ имѣеть участіе, да и впредь можетъ употребленъ быть, чаятельно тѣмъ съ бѣльшею пользою, чѣмъ меньше онъ, Анатолій, будетъ оставаться въ предосудженіи лишенія архіерейскаго чина: того ради святѣйшій Правительствующій Синодъ, уважая праведно всѣ помянутые резоны и его притомъ покаянiе и понесенную епитимію, имѣя также несуетную надежду, что онъ, Анатолій, впредь будетъ вести себя порядочно, кротко и чину архіерейскому пристойно, благословили его, Анатолія, отъ запрещенія, подъ коимъ онъ доселѣ находился, разрѣшить, и священнослуженіе архіерейское исправлять дозволить.»

Дѣлая такое опредѣленіе, Синодъ, очевидно, противорѣчилъ самъ себѣ, потому что онъ никогда не признавалъ Анатолія епископомъ, считалъ и опредѣлялъ, что посвященіе Анатолія во епископа было незаконно, не истинно, противно церковнымъ и

апостольскимъ правиламъ, а теперь вдругъ возвращаетъ ему это, по мнѣнію его, незаконное архіерейство, какъ будто бы Анатолій находился только подъ запрещеніемъ. Если прежнее поставленіе Анатолія въ епископа было не законно и слѣдовательно не дѣйствительно, то Синоду, чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было не снимать съ Анатолія запрещенія, а произвести его въ санъ епископа. Это даетъ поводъ думать, что прежнее посвященіе Анатолія въ епископа Синодъ не считалъ противузаконнымъ и недѣйствительнымъ, и только потому, что Анатолій не показалъ предъ нимъ своей покорности, онъ отвергалъ его архіерейство. Синодъ, конечно, видѣлъ это самопротиворѣчіе, и потому, самъ по себѣ, никогда не возвратилъ бы Анатолію архіерейскаго сана, если бы не было на то настоятельной воли Императрицы.

Послѣ возвращенія Анатолія изъ Архипелага, онъ получилъ, по распоряженію Екатерины II, въ управленіе Глуховскій монастырь. Именно въ сентябрѣ 1772 г. она дала Синоду указъ, въ которомъ говорилось: «возвратившемуся нынѣ изъ Архипелага епископу Анатолію повелѣваемъ опредѣлить, для жительства его, въ Малой Россіи Глуховскій Петропавловскій монастырь, который ему и препоручить въ правленіе. При томъ не возбраняется ему, епископу Анатолію, и отправлять церковнослуженіе въ томъ монастырѣ и въ Глуховѣ на такомъ основаніи, какъ Грузинскіе архіереи въ Москвѣ отправляютъ. Что касается до содержанія его, о томъ отъ насъ дано наше повелѣніе Коллегіи Экономіи.»

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія объ Анатоліѣ, такъ что вся дальнѣйшая жизнь его не извѣстна.

ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

къ

ОБЕРЬ-ПРОКУРОРАМЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛСТВУЮЩАГО СУНОДА.

(1765—1796).

Письма Екатерины II заслуживаютъ полного вниманія какъ памятникъ, выходящій изъ ряда другихъ историческихъ документовъ и имѣющій объяснить, хотя нѣсколько, одинъ изъ главныхъ вопросовъ богатаго событіями XVIII вѣка Русской исторіи—вопросъ объ отношеніи императорской власти къ Св. Синоду, государства къ церкви. Вопросъ этотъ, весьма важный, хотя въ теоріи и законодательствѣ разрѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительно, но фактическое отношеніе свѣтской власти къ власти церковной, со времени учрежденія Синода, почти не разобрано.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода, какъ извѣстно, есть власть посредствующая между „коллективнымъ собраніемъ высшаго церковнаго правительства въ Россіи“ и Особою Государя. Всѣ сношенія Св. Синода, какъ съ Государемъ, такъ и съ прочими гражданскими властями, производятся только чрезъ посредство оберъ-прокурора; чрезъ него же со стороны Императорской власти дѣлаются Св. Синоду предложенія и объявляются указы. Передача Императорской воли Св. Синоду производится или въ формѣ указовъ, за подписью Государя, или въ видѣ словеснаго сообщенія чрезъ оберъ-прокурора, или же наконецъ въ формѣ рескриптовъ или писемъ. Помѣщаемыя ниже письма Императрицы Екатерины Второй есть именно послѣдняя форма объявленія Синоду Высочайшихъ повелѣній. И такъ какъ, по выраженію Петра I-го, оберъ-прокуроръ есть, царское око“ въ „Вышемъ собраніи Духовнаго Правительства“, то отношенія къ нему Го-

сударя въ письмахъ. какъ документахъ неофициальной формы, имѣютъ болѣе искренній и откровенный характеръ и могутъ, слѣдовательно, заключать въ себѣ такія мысли и слова, какихъ нельзя найти ни въ одномъ другомъ болѣе официальном документѣ. А отсюда очевидно, что эти письма, болѣе чѣмъ всякій другой официальный документъ, могутъ служить къ уясненію отношеній между Государемъ и Синодомъ и къ установленію истиннаго взгляда на то, каковы эти отношенія, не на бумагахъ, а въ самой дѣйствительности.

Въ царствованіе Екатерины оберъ-прокурорскую должность въ Синодѣ преимущественно занимали: 1, Арміи генералъ маіоръ Алексѣй Семеновичъ Козловскій, 2) Дѣйствительный статскій совѣтникъ И. И. Меллессино, 3) Бригадиръ Петръ Петровичъ Чебышевъ, 4) Статскій совѣтникъ Сергій Васильевичъ Акчуринъ, 5) Статскій совѣтникъ Аполлосъ Ивановичъ Наумовъ, 6) Дѣйствительный статскій совѣтникъ церемоніймейстеръ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ. Предлагаемыя письма были писаны къ тремъ изъ нихъ: И. И. Меллессино, П. П. Чебышеву и А. И. Мусину-Пушкину.

Николай Григоровичъ.

РЕСКРИПТЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й

къ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ МЕЛЛИССИНО

I.

Иванъ Ивановичъ! Записанный Вами имянной мой о живописцѣ Антроповѣ указъ, который для выправки оставленъ былъ, извольте, по полученіи сего, произвести въ надлежащее дѣйство.

Екатерина.

Въ 8 день ноября 1765 года.

Антроповъ, въ мартѣ 1765 г., подалъ Екатеринѣ челобитье, въ которомъ просилъ „о выдачѣ слѣдуемаго ему жало-

ванья и о прочемъ“. На прошеніи Государыня положила революцію: „Справиться съ комиссією о духовныхъ имѣніяхъ, потребенъ ли по ея мнѣнію впредь при Синодѣ для надзиранія надъ иконописцами живописецъ, и есть ли потребенъ, то гдѣ ему быть полагается, и одному или болѣе?“ Вслѣдствіе этого повелѣнія кабинетъ Ея Императорскаго Величества сдѣлалъ запросъ св. Синоду, который сообщалъ извѣстія объ Антроповѣ въ особой запискѣ, представленной оберъ-прокуроромъ, чрезъ Теплова, Государынѣ.

Записка эта составляетъ драгоценный матеріалъ для біографіи этого художника, который не мало оставилъ превосходныхъ произведеній, а посему мы не лишнимъ находимъ помѣстить ее здѣсь.

„Экстрактъ о живописцѣ Алексѣѣ Антроповѣ.“

„Оной Антроповъ прежде находился въ Московскомъ университетѣ и, въ 759 г., Правительствующимъ Сенатомъ пожалованъ въ рангъ подпоручика. А въ 760 г. просилъ въ Синодѣ о опредѣленіи его въ вѣдомство онаго живописнымъ мастеромъ, но опредѣленія учинено не было; а въ 761 г. марта 8 дня генералъ-поручикъ, камеръ-геръ, генералъ-адъютантъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, — въ письмѣ своемъ къ бывшему тогда въ Синодѣ оберъ-прокуроромъ князю господину Козловскому, а оной по тому и Синоду объявилъ именной блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны указъ, чтобъ его, Антропова, опредѣлить при Синодѣ съ пристойнымъ жалованьемъ и дать бы ему изъ всѣхъ епархій учениковъ“.

„Почему Синодъ въ томъ же году, декабря 21 дня, его, Антропова, въ вѣдомство свое, для надзиранія надъ иконописцами въ искусномъ святыхъ иконъ писаніи, съ жалованьемъ изъ доходовъ бывшей канцеляріи синодальной экономическаго правленія по 600 рублевъ въ годъ и опредѣлилъ съ тѣмъ, чтобъ ему какъ учениковъ, данныхъ

отъ Синода, изъ епархій и изъ монастырей, иконописному и живописному художествамъ обучать, такъ и всякую иконную, живописную и финифтяную работу (когда нужда востребуетъ) исправлять, не требуя за работу платы. Но учениковъ у него никого не было. Со опредѣленія его, Антропова, въ духовное вѣдомство жалованья ему, по 13 число іюля 762 году, изъ Коллегіи Экономіи 337 рублей 70 копѣекъ выдано; послѣ же того о выдачѣ ему онаго жалованья хотя и посланъ былъ изъ Синода въ ту Коллегію указъ, но она отвѣтствовала, что такого жалованья, яко сверхъ прежнихъ расходовъ опредѣленнаго, до будущаго штатнаго Духовною Коммиссію положенія о выдачѣ, опредѣлить ему не можно. А если повелѣно будетъ ему, Антропову, то невыданное жалованье выдать, то онаго ему за вышеозначенное время, въ которое онъ въ командѣ синодальной не состоялъ, имѣетъ быть, съ 13 числа іюля 762 по іюль же мѣсяцъ сего 765 и того, за 2 года за 11 мѣсяцевъ и 18 дней, 1778 р. 62 $\frac{1}{2}$ к. "

„А какъ потомъ въ конфирмованномъ Ея Императорскимъ Величествомъ синодальномъ штатѣ живописцу быть не положено, то и онъ, Антроповъ, изъ команды синодской выбылъ и ничего по Синоду не исправлялъ“.

„Для надсмотрѣнія надъ иконописцами въ синодское вѣдомство опредѣленъ живописецъ Мина Колокольниковъ, которой въ той должности быть и безъ жалованья обязался“.

„А сего 765 г. марта 7 дня въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, во исполненіе именнаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія, по челобитью онаго Антропова послѣдовавшаго, изъ духовной коммиссіи требовано извѣстія: впродъ при Синодѣ для надзиранія надъ иконописцами живописецъ потребенъ ли и, если потребенъ, то гдѣ онъ му быть полагается, и одному или болѣе“?

„Коммиссія о томъ требовала извѣстія отъ Синода, а Синодъ отвѣтствовалъ,

что въ ономъ живописцѣ Антроповѣ, за опредѣленіемъ показаннаго Колокольникова, никакой при Синодѣ надобности не состоитъ; о чемъ точно и въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества изъ Коммиссіи было сообщено“.

При этой запискѣ представленъ былъ и реестръ, что именно живописцемъ Алексѣемъ Антроповымъ, съ 13 іюля 1762 г., т. е. съ того времени какъ никакого ни откуда жалованья не получалъ, исправляемо было:

1) Въ Москвѣ къ коронаціи Ея Императорскаго Величества, на Триумфальные ворота, 8 портретовъ Ея Императорскаго Величества, состоящіе въ большой пропорціи.

Да послѣ коронаціи, для двора Ея Императорскаго Величества:

2) Два портрета Ея Императорскаго Величества, въ маломъ видѣ, стоящіе, одинъ въ гвардейскомъ мундирѣ, а другой въ коронаціонной одеждѣ.

3) Двѣ плащаницы въ придворной церкви съ золотомъ.

4) Портретъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича Павла Петровича.

5) Портретъ Ея Императорскаго Величества, стоящій, большой.

6) Плащаница, которая послана въ Голштинію.

Для святѣйшаго Синода:

7) Портретъ Ея Императорскаго Величества, поясной.

8) Подносные Ея Императорскому Величеству святые образа. А сколько именно-того, де онъ, Антроповъ, не упомянуть.

Записка и реестръ имѣли благотворное дѣйствіе на Государыню, которая, возвращая оберъ-прокурору указъ о немъ, повелѣла „привезть его въ дѣйство“. Содержаніе его слѣдующее:

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всѣросійскія изъ св. правительствующаго Синода въ учрежденную о церковныхъ имѣніяхъ коммиссію. Сего 1763 г. іюля 22 дня св. правительствующему Синоду въ письменномъ пред-

ложеніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника и сѣнодальнаго г. оберъ-прокурора Меллиссино, объявленъ имянной Ея Императорскаго Величества высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: что Ея Императорское Величество, уважая имянной, блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны указъ, въ прошломъ 1761 году объявленный, бывшимъ въ св. Сѣнодѣ оберъ-прокуроромъ господиномъ княземъ Козловскимъ о опредѣленіи въ вѣдомство сѣнодское для надзиранія надъ иконописцами живописца Алексѣя Антропова съ жалованьемъ по 600 рублей на годъ и при томъ Всемилостивѣйше снисходя на всеподданнѣйшее его, Антропова, прошеніе въ разсужденіи того, что онъ, въ 762 году іюля 13 дня, отправленъ въ Москву для нужныхъ исправленій къ бывшей Ея Императорскаго Величества коронаціи, съ коего числа и жалованья ему уже не производится, отъ чего онъ имѣетъ нужду; того іюля 18-го дня Высочайше ему, г. оберъ-прокурору, указати соизволила, чтобъ оставить его, Антропова, при той должности, къ коей онъ опредѣленъ, не отрѣшая и другаго, которой, добровольно въ вѣдомствѣ сѣнодальномъ быть пожелалъ, и при томъ бы выдать ему, Антропову, съ 13 іюля 1762 г., надлежащее жалованье, и впредь выдавать изъ доходовъ Коллегіи Экономіи. А сего ноября 8 дня именнымъ же Ея Императорскаго Величества за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ высочайшимъ указомъ, даннымъ ему жъ, г. оберъ-прокурору, а отъ него, г. оберъ-прокурору, при предложеніи къ исполненію св. Сѣноду объявленнымъ, повелѣно: записанной имъ, господиномъ оберъ-прокуроромъ, именной Ея Императорскаго Величества о живописцѣ Антроповѣ указъ, который для выправокъ оставленъ былъ, произвестъ въ надлежащее дѣйство. И во исполненіе означенныхъ именныхъ Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ, св. правительствующимъ Сѣнодомъ опредѣлено: помянутому живо-

писному мастеру Антропову, для надзиранія за иконописцами при св. Сѣнодѣ быть, обще съ другимъ живописнымъ мастеромъ Миною Колокольниковымъ, о томъ имъ въ канцеляріи св. Сѣнода объявить по надлежащему, а для вѣдома и должнаго въ силу означенныхъ именныхъ Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ исполненія въ Московскую св. Сѣнода контору и въ Коллегію Экономіи послать указы, также и во оную учрежденную о церковныхъ имѣніяхъ комиссію дать знать о томъ указомъ же, и учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ комиссіи о томъ вѣдать, а въ Московскую св. Сѣнода контору и въ Коллегію Экономіи о томъ же указы изъ св. Сѣнода посланы“.

II

Иванъ Ивановичъ! Посланнаго при семь, Тамбовской епархіи, попа Іосію Іоникіева, подававшаго ко мнѣ продержостное на Сѣнодѣ и на статскаго дѣйствительнаго совѣтника Теплова челобитье, которое по разсмотрѣніи неправильно, а проситель худаго состоянія оказался, изволите, объявя сей мой въ Сѣнодѣ указъ, послать въ какой нибудь монастырь на нѣкоторое время для усмиренія подъ началъ, гдѣ противъ монаха и содержаніе ему опредѣлите. А потомъ, естли онъ исправится, то отдаю на волю Сѣнода, пристроить его къ мѣсту по ихъ усмотрѣнію.

Екатерина.

Въ 7 день апрѣля 1766 года. Въ Санктъ-Петербургѣ.

Содержаніе доноса, который Іоанникіевъ подалъ Государынѣ, не извѣстно. Для разъясненія же дѣла, Елагинъ, по порученію Императрицы, писалъ къ оберъ-прокурору, отъ 20 марта 1766 г. слѣд. письмо: „Милостивый Государь мой Иванъ Ивановичъ. По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію надлежитъ мнѣ имѣть обстоятельное свѣдѣніе о дѣлѣ, производившемся въ

св. правительствующемъ Синодѣ,—Тамбовской епархіи церкви Богоявленія Господня священника Юссія Іоаннікіева, чаго ради ваше превосходительство покорно прошу или кошію съ онаго дѣла, или выписку обо всемъ томъ, что св. Синоду о немъ, Іоаннікіевѣ, извѣстно, ко мнѣ прислать, а мнѣ вѣрить, что я съ должнымъ почитаніемъ есмь на всегда покорный слуга *Иванъ Елагинъ*“.

Изъ препровожденной оберъ-прокуроромъ выписки изъ дѣла къ И. П. Елагину видно, что Іоаннікіевъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста по жалобамъ на него причта.

III

Иванъ Ивановичъ! Тамбовской епархіи, Краснослободской десятины, Новокрещенскаго села Кангушъ, церкви Рождества Христова, попъ Алексѣй Васильевъ, поданнымъ намъ челобитьемъ приносилъ жалобу на . . . . . въ разныхъ будто учиненныхъ ему отъ него обидахъ и притѣсненіяхъ, приписывая, что онъ о томъ и въ Синодѣ просилъ, но не получилъ удовольствія. Мы, рассматривая по тому челобитію взятую изъ Синода справку, нашли, что по всѣмъ его дѣламъ Синодомъ разсматривано, и опредѣленіе учинено справедливо, и что онъ, какъ изъ епархіи своей сюда, такъ и за отправленіемъ отъ Синода туда обратно, бѣжалъ. А признавая, изъ всѣхъ онаго попа дѣлъ, его человекомъ безпокойнымъ и хлопотливымъ, повелѣваемъ вамъ Синоду предложить, чтобъ по причинѣ его безпокойнаго состоянія учинено было однажды объ немъ такое опредѣленіе, которое бы ему къ утружденію насъ самихъ, такъ и Синода недѣльными своими прошеніями путь пресѣкло; чего ради и повелѣли его отослать къ вамъ.

Екатерина.

14 января 1767 г. С. Петербургъ.

Свѣдѣній о священникѣ Васильевѣ мы не имѣемъ и не умѣемъ даже назвать то лицо, на которое онъ жаловался. Въ подлинникѣ слова, гдѣ въ нашемъ текстѣ поставлены точки, зачеркнуты такимъ толстымъ штрихомъ, что прочитать ихъ нѣтъ возможности и, какъ надо полагать, сдѣлано это съ умысломъ, чтобъ скрыть имя лица, на которое приносилась жалоба.

IV.

Иванъ Ивановичъ! На поданной намъ отъ преосвященнаго Димитрія ¹⁾ митрополита Новгородскаго зборное чиноположеніе, объявите нашему Синоду, что мы во ономъ полагаемся на мнѣніе Синода.

Екатерина.

19 Февраля 1767. Москва.

„Зборное чиноположеніе“, какъ назвала его Екатерина, или точнѣе „Послѣдованіе въ недѣлю Православія“, какъ опредѣленный чинъ богослуженія, введено въ употребленіе съ IX вѣка по Р. Хр., когда церковь, сообщивъ ему извѣстный обрядъ, вмѣстѣ съ тѣмъ постановила ежегодно совершать его въ воскресенье на первой недѣли Великаго носта ²⁾“.

Съ водвореніемъ въ Россію христіанской вѣры изъ Греціи, перешелъ въ нее и Греческій Чиповникъ, помѣщаемый

¹⁾ Димитрій (Свѣчновъ), митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій, скончавшійся въ 1767 году, 30 декабря.

²⁾ Воскресенье, въ которое совершается торжество православія, именуется „сборнымъ“, т. е. соборнымъ, потому, что оно совершается съ соборныхъ церквахъ и учреждено вселенскимъ соборомъ, въ 842 году. См. Замѣтки Правосл. обозр. 1865 г. февраль стр. 61. Другіе, названіе „сборнаго“ объясняютъ тѣмъ, что въ этотъ день бываетъ въ церквахъ многочисленное собраніе народа. См. Анаѣма, или торжество православія СПб. 1863 г.

Въ богослужебныхъ книгахъ оно извѣстно подъ именемъ *Недѣли св. отецъ и Феодоровской*, въ память св. мученика Феодора Тирона.

при Постной Тріоди ³⁾, дѣйству совершаемому въ недѣлю православія ⁴⁾.

Это священнодѣйствіе испытало, безъ сомнѣнія, въ осмысленнѣйшій періодъ времени, разныя мѣстныя дополненія и перемѣны, сущность которыхъ и значеніе до половины XVIII вѣка, за неимѣніемъ коллекціи списковъ епархіальныхъ „Чиновниковъ“ остается пока не обследованною. Можно, впрочемъ, догадываться (имѣя въ виду тотъ же перечень еретиковъ жидовствовавшихъ), что внесенные отечественныхъ происшествій въ Греческій чиновникъ послѣдовало не ранее XVI вѣка.

Послѣдованіе въ недѣлю Православія выдержало со времени учрежденія Святѣйшаго Синода, т. е. съ 1721 года, четыре редакціи: въ 1752, 1767, 1852 и 1869 годахъ.

Мысль объ исправленіи „чина“ возникла въ первый разъ у членовъ св. Синода при совершеніи „анаематствованія“ въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, въ 1749 году. Послѣ этой церемоніи соборяне доносили святѣйшему Синоду: — „Приказали намъ оной Чиновникъ для лучшаго разсмотрѣнія представить въ святѣйшій правительствующій Синодъ“. Успенскимъ спискомъ съ „Чиновника“ св. Синодъ тогда, между прочимъ, не удовольствовался и въ то же время потребовалъ копию съ экземпляра, хранящагося въ Кіево-Печерской Лаврѣ. По полученіи обоихъ уже списковъ, которые относятся къ концу XVI и началу XVIII столѣтій, поручено было св. Синодомъ „разсмотрѣть ихъ и испра-

вить“ архіепископу Крутицкому Гавріилу. Святитель исполнилъ это порученіе только въ 1752 году; но исправленное послѣдованіе его не было введено въ употребленіе. По немъ только дважды совершено богослуженіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ 1753 году 28 Февраля и въ Петропавловскомъ соборѣ, въ С. Петербургѣ въ 1755 г. 12 Марта.

Не разбирая въ подробностяхъ тѣхъ сокращеній, какия сдѣлалъ преосвящен. Гавріилъ въ исправленномъ имъ чинѣ противъ Успенскаго списка, мы не можемъ умолчать о томъ, что онъ оставилъ безъ измѣненія имена всѣхъ еретиковъ и измѣнниковъ отечества ⁵⁾, включенныхъ въ Успенскій списокъ и ограничился въ исправленіи большею частью одною обрядовою стороною его.

За тѣмъ святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ 23 Марта 1766 года, постановилъ „изъ Московскаго Успенскаго собора и

⁵⁾ Не лишнимъ считаемъ перечислить здѣсь имена еретиковъ и измѣнниковъ, помѣщенныхъ въ списки Успенскаго собора.

I) Отдѣлъ собственно еретиковъ открываетъ только именами осужденныхъ на соборѣ 1505 г., т. е. главныхъ сторонниковъ Схаріевой ереси жидовствующихъ, а именно дьякъ Волкъ Курицынъ, Митя Коноплевъ, Ивашка Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, архимандритъ Юрьевскій.

II) Вслѣдъ за этими возмутителями мира церкви, помѣщена остающаяся до нынѣ не исполнѣнная опредѣленною личностью нарушителя покоя отечества, перваго самозванца Гришки Отрепьева.

III) За нимъ самозванецъ же дьякъ Тимоѳей Анкидиновъ, осужденный въ 1644 г., который выдавалъ себя за родственника царя В. Шуйскаго.

IV) За этимъ врагомъ внѣшняго покоя государства, поименованъ осужденный соборомъ 1667 года „бывшій протопопъ Аввакумъ и сообщники ихъ“, т. е. попъ Лазарь, теодоръ родіаковъ и „бывшій чернецъ Епифанецъ“.

V) За тѣмъ включенъ — Стенька Разинъ, осужденный въ 1672 году.

VI) За нимъ, всѣмъ извѣстный „язувъръ Никита пустосвятъ и сообщники его“, т. е. чернецы: Сергій Нижегородецъ, холопъ боярскій, Савватій разстрига, Савватій Костромитинъ, Доросей и Гавріилъ.

VII) Послѣднимъ изъ лицъ, внесенныхъ въ Чиновникъ, былъ измѣнникъ, гетманъ Иванъ Мазепа, осужденный въ 1708 году.

³⁾ Чинъ православія имѣлъ мѣсто въ Постной Тріоди до 1740-хъ годовъ, въ концѣ которыхъ, какъ видно изъ доношенія духовенства Московскаго Успенскаго собора (въ 1749 году) во вновь напечатанныхъ Тріодяхъ „такого чина не положено“; по сему соборяне просили святѣйшій Синодъ напечатать его въ исправленномъ видѣ. Пособіе къ изученію устава богослуженія Православной церкви соч. священн. Констант. Никольскаго. Спб. 1865 г. 2 изд., стр. 566—570.

⁴⁾ Чинъ Православія составленъ Мессодіемъ, патриархомъ Константинопольскимъ, умершимъ въ 846 году.

IV. 3.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 24.

изъ всѣхъ епархій называемыя чиноположенія, по коимъ таковыя въ недѣлю православія церемоніи отправляются, гдѣ какія сыскаться могутъ какъ письменныя, такъ и печатныя всѣ безъ остатку для разсмотрѣнія и исправленія прислать въ святѣйшій Синодъ немедленно По полученіи рукописей и печатныхъ Тріодей, высланныхъ отъ весьма немногихъ преосвященныхъ⁶⁾, святѣйшій Синодъ 13 сентября поручилъ исправить по нимъ послѣдованіе Гавріилу⁷⁾, епископу Тверскому, бывшему тогда въ С. Петербургѣ. Въ журналѣ этомъ, между прочимъ, сказано: „какимъ порядкомъ оное чиноположеніе начать и чѣмъ кончить объявить и для того объявленія призвать его, Гавріила, въ св. Синодъ предъ собраніе.“

Въ собраніе 2-го Октября „впущенъ преосвященный Гавріилъ, и поручено ему оный чинъ исправить“, вмѣстѣ съ тѣмъ словесно сообщено наставленіе, по которому онъ долженъ быть измѣненъ. Черезъ три недѣли, т. е. 27 Октября, исправленный чинъ былъ представленъ на разсмотрѣніе собранія, но св. Синодъ опредѣлилъ: „предложить объ ономъ въ полномъ собраніи“, которое и состоялось 8 Декабря.

⁶⁾ Присланы были рукописи отъ преосвященныхъ Меодія, епископа Астраханскаго, Гавріила, архіепископа С. Петербургскаго и Павла митрополита Тобольскаго; кромѣ того отъ Московской св. Синода конторы выслано три рукописныхъ списка: 1) Синодикъ писанъ на пергаментѣ, обложенъ бархатомъ краснымъ, на верхней доскѣ написанъ образъ пресвятыя Богородицы; по полямъ окладъ и вѣнцы серебряные, гладкіе, золочены; 2) Синодикъ въ десять, писанъ уставомъ, обложенъ кожей, въ доскахъ, и 3) два Чиновика дѣйствія бываемаго въ недѣлю Православія, писаны уставомъ, въ переплетахъ бумажныхъ. Другіе преосвященные донесли, или что у нихъ нѣтъ или не совершаютъ этого богослуженія, или совершаютъ по Пустой Тріоди.

⁷⁾ Гавріилъ (Петровъ), епископъ Тверскій, потомъ архіепископъ С. Петербургскій и наконецъ митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій, скончавшійся въ Новгородѣ 26 января 1801 г., на 71 году жизни, сидя на софѣ, при собраніи, окружавшихъ его духовныхъ лицъ.

Въ немъ „слушанъ чинъ и поправляемъ былъ“, и на основаніи сдѣланныхъ перемѣнъ, 15 Декабря св. Синодъ постановилъ: поднести новоисправленный чинъ Императрицѣ.

19-го Декабря митрополитъ Дмитрій объявилъ св. Синоду, что онъ поднесъ Государынѣ новоисправленный чинъ, „а при томъ и старый, присланный изъ Московской Синодальной конторы Успенскаго собора Чинovníкъ“.

Изъ именнаго указа на имя оберъ-прокурора, приведеннаго въ началѣ настоящей статьи, мы узнаемъ, что Государыня въ этомъ дѣлѣ, какъ и слѣдовало ожидать, положила на мнѣніе св. Синода. А потому св. Синодъ, опредѣленіемъ 27 Марта 1767 г. постановилъ: „чинослуженіе напечатать въ Московской типографіи въ числѣ 140 экземпляровъ и разослать по 4 экземпляра въ епархіи“, съ тѣмъ, „чтобы оная церемонія отправляема была въ однихъ только кафедральныхъ соборахъ самими епархіальными преосвященными архіереями соборнѣ, а въ случаѣ котораго не будетъ, то оной церемоніи не имѣть“.

Чинослѣдованіе, исправленное епископомъ Гавріиломъ, значительно сокращено противъ прежнихъ редакцій. Въ немъ исчислены самыя ереси, подлежащія осужденію соборному, но имена еретиковъ исключены. Изъ свѣтскихъ же лицъ, осуждаемыхъ государственнымъ правомъ, оставлены только Отрепьевъ и Мазепа.

Въ третьемъ исправленіи, или въ изданіи 1852 года, сдѣлано измѣненіе самое незначительное, а именно, слово „блгдословящимъ“, замѣнено выраженіемъ: „безумнѣ-глаголющимъ“.

Наконецъ въ 1869 г. имена Отрепьева и Мазепы выпущены, и нынѣ православная наша церковь, въ день своего торжества, заповѣдуетъ своимъ членамъ хранить тѣ истины откровенія, безъ которыхъ они не могутъ принадлежать къ царству истины и благодати, и не претъдуетъ именъ государственныхъ преступ-

пиковъ „анаематствованію“. О нихъ говорится въ общихъ выраженіяхъ:

„Помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особенному о нихъ Божію благословенію и, при помазаніи дарованія. св. Духа къ прохожденію великаго своего званія въ нихъ не излпаются и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и пзмѣну, анаема, трижды“.

V.

Иванъ Ивановичъ! предложите святѣйшему Синоду, что я на постриженіе бывшаго въ Камчаткѣ студента Петра Гаврилова сына Грязнова сонзволю, естли Синодъ его къ тому удостоиваетъ и потребныя въ немъ для того качества находить.

Екатерина.

29 Марта 1767. Москва.

Грязновъ отправился въ Камчатку въ 1742 г. съ архимандритомъ Іоасафомъ (Хотунцевскимъ) для обращенія Камчадаловъ къ хрпстіанству и пробылъ тамъ по 1765 г. „претерпѣвая, со утратою здравія, недостатки какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ“. Возвратившись въ Петербургъ въ 1767 г., Грязновъ подалъ просьбу св. Синоду, въ которой писалъ: „За понесенные мною въ Камчаткѣ труды, старанія и болѣзни призрите милостивно и по желанію моему удостойте чина монашескаго, а когда по усмотрѣнію вашего святѣйшества достойнъ явлюсь и іеромонашества, то опредѣлите меня въ братство вашего святѣйшества въ синодальной домъ, чтобъ я вмѣсто награжденія за объявленные понесенныя мной многолѣтнія нужды единственно былъ въ вѣдомствѣ вашего святѣйшества. Ибо я, по отбытіи моемъ отъ Камчатки. другой годъ странствую и едва дневную пищу имѣю“.—Св. Синодъ не рѣшилъ опредѣлить его въ монахи, имѣя Высочайшее повелѣніе, чтобы вновь не постригать въ монашество до тѣхъ поръ, пока не будутъ замѣщены тѣ монахи, которые остались за штатомъ, а потому

и поручилъ оберъ-прокурору представить Государынѣ слѣд. записку о Грязновѣ. „Выѣхавшій изъ Камчатки въ Москву студентъ Петръ Гавриловъ сынъ Грязновъ, который тамо для проповѣди слова Божія и обученія Камчадалскихъ дѣтей хрстіанскому закону находился двадцать три года, проситъ нынѣ за понесенные его труды о постриженіи въ монашество, къ чему по извѣстному его честному состоянію и гѣтамъ святѣйшій Синодъ хотя и соглашается, но, за состоявшимся имяннымъ Ея Императорскаго Величества о непостриженіи въ монахи до того времени, пока заштатные всѣ монахи во оной штатѣ вступятъ Высочайшимъ указомъ, собою позволенія на то учинить не смѣетъ“.

29 Марта оберъ-прокуроръ получилъ выше приведенный Высочайшій рескриптъ, а 21 Мая того же 1767 г. Грязновъ, согласно постановленію св. Синода былъ „постриженъ въ рясофоръ“ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, архимандритомъ Геннадіемъ, и названъ Константиномъ. Когда донесено было объ этомъ св. Синоду, онъ, съ своей стороны, постановилъ: „опредѣлить его, Грязнова, въ синодальной домъ пономаремъ и поднести Императрицѣ всеподданнѣйшій рапортъ, слѣдующаго содержания: „По именовану Вашего Императорскаго Величества, за подписаніемъ собственныя Вашего Императорскаго Величества руки, данному синодальному оберъ-прокурору господину Мелиссину, Марта 29 дня, а отъ него, г. оберъ-прокурора Синоду объявленному Высочайшему указу, бывший въ Камчаткѣ студентъ Петръ Гавриловъ сынъ Грязновъ который, какъ Синоду извѣстно, состоянія добраго и къ монашескому житію оказался надежнымъ, по желанію его, въ монашество постриженъ и опредѣленъ въ синодальной домъ. О чемъ Вашему Императорскому Величеству Синодъ всеподданнѣйше репортуетъ“.

VI.

Иванъ Ивановичъ! Казанской купецъ поднесъ мнѣ на Волгѣ образъ, избоб-

ражающей Святую Троицу съ тремя лицами и четырьмя глазами, а какъ мнѣ таковыхъ образовъ видѣть не случалось, то и разсудила послать оной при семъ, съ тѣмъ, чтобъ вы оной предложили Святѣйшему Синоду и меня увѣдомили, позволено ли такіе образа писать; а я съ моей стороны опасаюсь, чтобъ сіе не подало поводу несмысленнымъ иконописцамъ прибавить къ тому еще по нѣсколькѣ рукъ и ногъ, что бы весьма соблазнительно и похоже было на Китайскія изображенія.

Екатерина.

24 Мая 1767 на Волгѣ, галера Тверь.

Императрица, боясь, чтобы за поднесенный образъ не пострадалъ Казанскій купецъ, поручила Козьмину написать отъ ея имени Мелисину, чтобы онъ не строго допрашивалъ купца, который въ глазахъ ея, какъ и слѣдовало ожидать, мало виновенъ былъ въ пылкой фантазіи художника, нарисовавшаго образъ съ нѣсколькими лицами. Козьминъ писалъ: „Государь мой Иванъ Ивановичъ! При отправленіи именнаго Ея Императорскаго Величества къ Вашему превосходительству указа, Ея Величество мнѣ указать изволила къ Вашему превосходительству отписать, чтобъ изъ онаго не произведено было строгихъ слѣдствій, о чемъ донеся имѣю честь быть съ особеннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства, государя моего *покорный слуга Сергій Козьминъ*. 24 Мая 1767, галера Тверь“.

30 Мая того же года оберъ-прокуроръ представилъ Императрицѣ слѣд. всеподданнѣйшій рапортъ. „Отъ 24 числа сего мѣсяца Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, и при томъ присланный о трехъ лицахъ и четырехъ глазахъ изображающей Святую Троицу образъ, я 28-го получить удостоился и святѣйшему Синоду 29 въ нарочномъ собраніи, все оное въ оригиналъ предложить. Святѣйшій Синодъ, много уди-

влясь о такомъ нелѣпомъ и непристойномъ изображеніи, востребовалъ изъ прежнихъ духовныхъ и изъ указовъ выписку, которая тогда жъ сыскана и читана была, по которой точно оказалось, что не только таковыхъ непристойныхъ изображеній живописцамъ писать не велѣно, но еще и на крѣпкое оное чинить запрещено, и посланными изъ Синода въ разныхъ годѣхъ указами епархіальные архіереи наблюдать того обязаны. Изъ сей выписки подношу я при семъ Вашему Императорскому Величеству экстрактъ съ таковымъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, что святѣйшій Синодъ весьма сожалѣетъ, что такія на подобіе еллинскихъ боговъ изображенія между правовѣрными обращаются. Чего ради, въ пресѣченіе того, и разсуждено ко всемъ архіереямъ послать о томъ еще подтвердительные указы, а въ Правительствующій Сенатъ сообщить вѣдніе, чтобъ и съ свѣтской стороны таковое жъ, кому надлежитъ, учинено было подтвержденіе. А какъ въ вѣдомствѣ Синода состоятъ нынѣ два апробованные живописца, то онымъ дана будетъ инструкция на такомъ основаніи, чтобъ безъ ихъ апробаціи нигдѣ живописцы святыхъ иконъ не писали и въ народъ въ продажу не употребляли; а что касается до того живописца, который сей образъ писалъ, то хотя святѣйшій Синодъ и разсуждаетъ, что надлежало бы его чрезъ того купца, который оной образъ Вашему Императорскому Величеству поднесъ, сыскать и навѣдаться, нѣтъ ли и еще гдѣ таковыхъ непристойныхъ образовъ въ употребленіи, но однакожъ онаго безъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія учинить смѣлости не имѣетъ. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше и репортую. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ, *оберъ-прокуроръ Иванъ Мелисина*“.

Св. Синодъ, съ своей стороны, между прочимъ, опредѣленіемъ 1-го Іюля 1767 г., постановилъ: „А понеже по учиненной

въ св. Синодѣ изъ прежнихъ духовныхъ правъ и изъ указовъ выписокъ точно оказалось, что не токмо таковыхъ непристойныхъ изображеній живописцамъ писать не велѣно, но еще на крѣпко оное зинить запрещено и посланными изъ св. Синода въ разныхъ годѣхъ указами епархіальные преосвященные архіереи наблюдать того обязаны, почему св. Синодъ весьма сожалѣетъ, что такія въ поюбіе еллинскихъ боговъ изображенія между правовѣрными обращаются, того ради приказали: въ пресѣченіе того ко збѣмъ преосвященнымъ архіереямъ и зъ С. Петербургскую св. Синода контору послать еще подтвердительные указы, чтобъ таковыя въ иконныхъ изображеніяхъ странныя и нечлѣныя непристойности какъ наудобнѣе искоренены и пресѣчены быть могли, а въ Правительствующій Сенатъ сообщить вѣдѣніе, тобы и съ свѣтской стороны таковое жъ юму надлежитъ учинено было подтвержденіе; а какъ въ вѣдомствѣ св. Синода состоятъ нынѣ два апробованные живописца, а именно: Алексій Антроповъ и Миза Колокольниковъ, то онымъ сочинить, приимнясь къ прежеданной въ 1722 году суперъ-интенденту Заруднову *)

*) Въ 1722 г. былъ распубликованъ синодальный указъ, содержаніе котораго можно отчасти видѣть изъ „экстракта“.

Въ книгѣ называемой Соборное дѣяніе, которое было при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, въ лѣто отъ созданія міра 7175 (1669) кое подписано бывшими въ Москвѣ Александрійскимъ, Антиохійскимъ и Московскимъ патріархами и другими Греческими и Россійскими архіереями, между прочимъ, написано такъ:

1) Повелѣваемъ убо надъ иконописцами испусну художнику и доброму чловѣку (отъ духовнаго чина) начальникомъ и дозорщикомъ быть, да не поругаются невѣжды святымъ иконамъ худымъ и нечлѣнымъ письмамъ пишуще, и да престанетъ всякое суемудріе неправедное, еже обыкоша всякъ собою писати безъ свидѣтельства, сирѣчь Господа Саваога образъ въ различныхъ видѣхъ, и нѣкоторы сложеніе перстовъ, и иная подобная таковая безсмѣстна.

2) Въ 707-мъ г. именнымъ Государя Императора Петра Великаго чрезъ Рязанскаго итврополита Стефана, объявленнымъ указомъ

инструкціи, дабы нигдѣ живописцы святыхъ иконъ не писали и въ народѣ въ продажу не употребляли“.

Опредѣленіе св. Синода, какъ надо заключить изъ отвѣтнаго письма Екктерины на имя Мелиссно (см. ниже слѣдующій № VII) не понравилось ей. Она боялась злоупотребленій, или, говоря ея словами, „прицѣпокъ“.

между прочимъ же велѣно, надъ художниками икононого и живописнаго письма надзирать, чтобъ святыя иконы писали благолѣпно и удобно по древнимъ свидѣтельствовавшимся подлинникамъ и для того смотрѣніи опредѣленъ былъ суперъ-интендентеръ Иванъ Зарудной, а неискусныхъ писать запрещено подъ жестокииъ штрафомъ, о чемъ и вторично въ 710-мъ году указомъ же подтверждено.

3) А когда учрежденъ святѣйшій Синодъ, то въ 722-мъ году распубликовано печатными указами, чтобъ иконное писаніе исправлять тщательно, и писать тѣ иконы самымъ добрымъ мастерствомъ, а рѣзныхъ и отливныхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять (кромѣ распятія и иныхъ штукатурнымъ мастерствомъ устроенныхъ и на высочихъ мѣстахъ поставленныхъ куммтоговъ) каковое исправленіе точно возложено на попеченіе епархіальныхъ архіереевъ, а надъ иконописцами и живописцами надзирать и свидѣствовать ихъ и искусныхъ до письма иконъ допускать въ Москвѣ вышеозначенному Заруднову, а въ городѣхъ подъ вѣдѣніемъ его особливимъ искуснымъ иконописцамъ, о чемъ ему, Заруднову, отъ Синода и инструкция была дана.

Сверхъ же того и еще въ 1723-мъ и въ 1725-мъ годѣхъ о томъ же указами было подтверждено.

4) Въ 1759-мъ году Февраля 7 именнымъ блаженныя и вѣчностойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны указомъ велѣно: все гдѣ имѣются въ церквахъ и лавкахъ неискусно писанныя иконы отобрать въ Синодъ, и впредь таковыя писать запретить.

По которому указу какъ изъ Синода во все духовныя, такъ по сношенію съ Правительствующимъ Сенатомъ изъ онаго и въ свѣтскія команды указы жъ посланы, съ такимъ дополненіемъ, чтобъ въ Москвѣ и въ городѣхъ выбрать лучшихъ мастеровъ, кои бы надъ такими художниками найрѣнко надсматривать и неискусною работою святыхъ образовъ писась отнюдъ не допускать. Въ этомъ духѣ дана была Зарудному инструкция. Но эта мѣра не достигла цѣли: въ Москвѣ и въ другихъ городѣхъ были цѣлыя омады „мазанковъ“.

VII.

Иванъ Ивановичъ! Изъ репорта вашего усмотрѣла я, что Синодъ опредѣлилъ послать ко всѣмъ архіереямъ подтвердительные указы, дабы нигдѣ непристойныхъ изображеній на образахъ не было; оное весьма хорошо; но чтобъ дать въ вѣдомствѣ Синода находящимся живописцамъ инструкцію таковую, чтобъ безъ ихъ апробаціи прочіе живописцы святыхъ иконъ не писали, того никакъ, въ разсужденіе пространства Имперіи, сдѣлать не можно, да и прицѣпки изъ того великія родиться могутъ. А потому одного только того довольно, естли Синодъ подтвердить всѣмъ архіереомъ, дабы они въ епархіяхъ своихъ прилежнѣе наблюдали, чтобъ впредь нигдѣ таковыхъ неприличныхъ изображеній не было.

Екатерина.

Іюня 4 дня 1767 года.

Согласно съ волею Императрицы и св. Синодъ сдѣлалъ 20 Іюня 1767 г., слѣдующее постановленіе: „Къ синодальнымъ членамъ такъ и къ прочимъ преосвященнымъ архіереомъ и въ ставропигіальныя лавры и монастыри ко властямъ въ подтвержденіе прежнихъ послать еще указы, въ которыхъ написать, чтобъ во всѣхъ епархіяхъ преосвященные архіереи, а въ ставропигіальныхъ лаврахъ и монастыряхъ архимандриты въ силу прежнихъ и означеннаго именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа имѣли наиприлежнѣйшее смотрѣніе, дабы нигдѣ святыхъ образовъ непристойными изображеніями писано не было, чего въ епархіяхъ преосвященнымъ архіереомъ велѣтъ наискрѣпчайше наблюдать и духовнымъ правителямъ, заикамъ и десятоначальникамъ и, ежели гдѣ что окажется, оное пресѣкать и поступать въ томъ по прежнимъ указамъ безъ опущенія; что же

касается до находящихся въ вѣдомствѣ св. Синода живописцовъ, то объ оныхъ учиненную выписку предложить къ докладу особо, и объ ономъ и въ Правительствующій Сенатъ сообщить вѣдѣніе.

VIII.

Господинъ оберъ-прокуроръ! Преосвященный Казанскій поданнымъ ко мнѣ докладомъ представлялъ, что епархія его въ первоклассномъ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ ⁹⁾ архимандритъ Евгеній умеръ, и просилъ, чтобъ на его мѣсто перевести архимандрита Іеронима, ¹⁰⁾ изъ второкласснаго Казанскаго Спасо-преображенскаго монастыря, ¹¹⁾ что я учинить ему и позволила, въ разсужденіи представленныхъ отъ него архимандриту сему одобреній, о чемъ вы Синодъ можете увѣдомить. Что же касается до іеромонаха Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго корпуса, о которомъ онъ же на мѣсто архимандрита Іеронима представляетъ; оное предаю я на разсужденіе Синода, который по разсмотрѣнію своему можетъ о томъ *сдѣлать опредѣленіе* ¹²⁾ чего ради и докладъ преосвященнаго при семъ посылаю.

Екатерина.

Іюля 3 дня 1767 г. Съ галеры Тверь на Волгѣ.

⁹⁾ Успенскій муж. I класса монастырь, въ узд. гор. Свіяжскъ. Основанъ въ XVI стол. св. Германомъ, архіепископомъ Казанскимъ, преемникомъ св. Гурія.

¹⁰⁾ Іеронимъ (Форхосковскій) 37-ый настоятель Спасо-преображенскаго монастыря. Изъ Богородицкаго монастыря онъ посвященъ былъ въ епископа Владимірскаго епархія.

¹¹⁾ Преображенскій муж. II класса монастырь въ губернскаго гор. Казани. Основанъ въ 1556 г. св. Варсонофіемъ первымъ архимандритомъ этого монастыря, а впоследствии онъ хиротонисанъ во епископа Тверской епархія.

¹²⁾ Въ подлинникѣ слова: „сдѣлать опредѣленіе“ написаны рукою Екатерины, въ замѣнъ словъ зачеркнутыхъ ею, разобрать которыя невозможно.

Св. Синодъ, вслѣдствіе Высочайшей воли, объявленной оберъ-прокурору Мелиссино. 17 Августа 1767 г. представилъ Императрицѣ и, съ своей стороны, всеподданнѣйшій рапортъ слѣдующаго содержанія: „Именнымъ Вашего Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ на поднесенномъ отъ Казанскаго архіепископа докладѣ подписаннымъ, повелѣно, Казанской епархіи въ Свѣжскій Богородицкій монастырь перевести изъ Казанскаго Спасопреображенскаго монастыря архимандрита Іеронима, который и переведенъ, а во оной Спасопреображенской монастырь во архимандрита жъ и для преподаванія Богословія въ тамошнюю семинарію въ ректора, тѣмъ же докладомъ оной архіепископъ просилъ о пропзведеніи изъ ученыхъ Сухопутнаго Кадетскаго Шляхетскаго корпуса іеромонаха Теокиста, что отъ Вашего Императорскаго Величества предано на размотрѣніе Синода. А понеже оной іеромонахъ Теокистъ до состоянія того Вашего Императорскаго Величества указа Синодомъ переведенъ уже въ архимандрита въ Кіевской епархіи въ Глуховской Петропавловской монастырь ¹³⁾ и по прїездѣ въ Москву отъ преподаванія Богословія за скорбутною болѣзнію отрекся, а потому архіепископъ, извѣстяся о семъ, просилъ, чтобъ вмѣсто, его, Теокиста, въ

Спасопреображенскій монастырь опредѣлить изъ ученыхъ же Московскаго Данилова монастыря ¹⁴⁾ архимандрита Константина. Тогда же, во исполненіе вышеобъявленнаго именнаго Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указа, оной архимандритъ Константинъ въ тотъ Казанской Спасо преображенской монастырь архимандритомъ и въ Семинарію ректоромъ Синодомъ опредѣленъ“.

IX.

Иванъ Ивановичъ! Мое соизволеніе есть, чтобъ на мѣсто умершаго нынѣ Успенскаго протопопа, произведенъ былъ Троицкаго архимандрита отца Платона братъ священникъ.

Екатерина.

20-го Сентября 1767. Москва.

Въ Сентябрѣ 1767 г. ключари Московскаго Успенскаго собора, священники, Іоаннъ и Петръ Алексѣевы доносили св. Синоду: „Сего Сентября 18 числа онаго собора протопопъ Теодоръ Мартиніановъ сынъ Листіевъ волею Божіею умре“. Пока св. Синодъ собирался сдѣлать постановленіе о назначеніи новаго настоятеля въ соборъ, оберъ-прокуроръ 21 Сентября предложилъ св. Синоду высочайшій указъ, въ которомъ повелѣвалось произвестъ въ настоятели собора брата законоучителя наслѣдника престола, архимандрита Платона, „протоіеря Спасскаго собора, что во дворцѣ на Бору“, Александра Егорова ¹⁵⁾. Согласно высочайшей волѣ, св. Синодъ сдѣлалъ надлежащее постановленіе, 21 Сентября 1767 г.

¹³⁾ 9 Іюня 1766 г., митрополитъ Кіевскій Арсеній доносилъ св. Синоду, что архимандритъ Петропавловскаго Глуховскаго монастыря „Сильверстъ Добрынь, минувшаго Мая 18 дня 1766 г. умре“, а потому и представилъ кандидатовъ на его мѣсто; но св. Синодъ, по рекомендаціи митрополита Гаврііла, опредѣленіемъ 20 Марта 1767 г., постановилъ—опредѣлить въ Петропавловскій монастырь іеромонаха Теокиста, а на его мѣсто „произвестъ обрѣтающагося въ томъ корпусѣ іеродіакона Антонія“.

Петропавловскій муж. II класса монастырь находится въ Глуховскомъ уѣздѣ, при слободѣ Бутыркахъ, отъ чего и называется часто Бутырскимъ. Онъ основанъ въ XVI вѣкѣ, и въ числѣ игуменовъ его былъ св. Димитрій, подвизавшійся въ немъ сочиненіемъ Четырехъ Минен.

¹⁴⁾ Даниловъ, муж. II класса монастырь, находится въ городѣ Москвѣ. Основанъ около 1272 г. св. княземъ Данииломъ Александровичемъ Московскимъ.

¹⁵⁾ Александръ Егоровъ, до опредѣленія въ Спасскій соборъ, занималъ священническое мѣсто при церкви Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ“.

РЕСКРИПТЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ЧЕБЫШОВУ И АКЧЮРИНУ.

X.

Петръ Петровичъ! Слышавъ отъ васъ, что доношеніе, подданное монахомъ Анатоліемъ въ Сѹнодъ, ему обратно отдано съ тѣмъ, чтобъ онъ перемѣнилъ нѣкоторыя слова, полюбопытствовала я оное видѣть и, не нашедши въ ономъ ни малѣйшаго сумнѣнія, признаюсь, что удивляетъ меня поступокъ Сѹнода тѣмъ напаче, что чрезъ васъ имъ сказано, что сей человекъ службѣ моей нуженъ. И такъ предложите Сѹноду, что мое желаніе есть, чтобъ онъ прощенъ былъ, то есть, чтобъ ему священство возвращено было, ибо по собственному признанію Сѹнода оное не противно правиламъ св. Отецъ. Анатолій дѣйствительно уже покорство свое показалъ прошеніемъ прощенія.

Екатерина.

Царское Село. 1769 года Мая 17 дня.

XI.

Петръ Петровичъ! Панагію, которая у Анатолія снята, и прочіе его пожитки, которые остались въ Сѹнодѣ, пришлите къ коллежскому совѣтнику Козицкому *).

Екатерина.

Петергофъ. 1769 года Іюня 13 дня.

XII.

Господинъ Акчюринъ, скажите Сѹноду, чтобъ старались сихъ бѣдныхъ людей умѣстить на праздныя лѣта, гдѣ будетъ нынѣ число церквей въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ прибыло.

16-го Марта 1775 г. Москва.

Вся записка писана собственною рукою Государыни, и при ней приложено было прошеніе 16-ти дьячковъ Владимірской епархіи, въ которомъ они, между

*) Разъясненіе этихъ рескриптовъ помѣщено въ предъидущей статьѣ.

прочимъ, писали: „Всемилоствѣйшая Государыня, всещедрая мать отечества, помилуйте всеподданнѣйшихъ рабъ, воззрите на невинно страждущихъ, повелите насъ бѣднѣйшихъ, не имущихъ гдѣ главъ преклонити, отъ церквей не отрѣшати и для положенія по прежнему въ подушной окладъ не отсылать и во владѣніе помѣщикамъ и другимъ командамъ не отдавать; а повелите быть намъ, по прежнему, при церквахъ, къ коимъ опредѣлены. А нѣкоторые изъ насъ, тогда по малолѣтству своему хотя и не опредѣлены, повелите на праздныя мѣста производить съ прочими священно и церковнослужительскими дѣтьми уравнительно, дабы мы не могли понести напраснаго лишенія чиновъ своихъ, а паче ругательства и поношенія съ женами своими и дѣтьми и, по не имѣнію при церкви мѣстъ, не могли бы скитаться по міру и не претерпѣвать гладъ и изнуреніе“.

Всѣ подписавшіеся дьячки, 16 человекъ, согласно желанію Императрицы, были опредѣлены къ мѣстамъ и изъ подушнаго оклада исключены.

РЕСКРИПТЪ ЕКАТЕРИНЫ II

КЪ ГРАФУ АЛЕКСѢЮ ИВАНОВИЧУ
МУСИНУ-ПУШКИНУ.

XIII.

Алексѣй Ивановичъ! Пожалованные отъ насъ Сѹнода нашего членамъ, архіепископамъ Казанскому Амвросію и Псковскому Иннокентію, такожъ Тобольскому архіепископу Варлааму кресты для ношенія на черномъ клобукѣ при семъ для доставленія имъ посылаемъ, пребывая вамъ благосклонны.

Въ С. Петербургѣ. Апрѣля 1, 1796 года.

Екатерина.

*

Эти письма императрицы Екатерины II-й, равно какъ предшествующая имъ статья о епископѣ Анатоліѣ Медесѣ, напечатаны съ вѣдома и разрѣшенія Сѹнодальныхъ властей. П. Б.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ДРУЖЕСКИХЪ ПИСЕМЪ ЕВГЕНІЯ

(ВПОСЛѢДСТВИИ МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО)

къ Воронежскому пріятелю его

ВАСИЛІЮ ИГНАТЬЕВИЧУ МАКЕДОНЦУ.

1.

Отъ 17 Февраля 1800 г. Москва.

Милостивый Государь Василій Игнатъевичъ! ¹⁾

Первое сіе письмо съ дороги пишу и въ вамъ изъ Москвы, въ которую я пріѣхалъ 3-го дня въ вечеру. Дорога моя была крайне безпокойна, ибо вся въ ухабахъ, и я въ каждую станцію по нѣскольку разъ опрокидывался съ кибиткою верхъ дномъ. Бока всѣ избило, а пріѣхавъ въ Москву получилъ еще побужденіе спѣшить въ Питеръ, но способу нѣтъ ѣхать. Кибитка моя вся избита, и мастеровыхъ въ нынѣшніе дни для починки ея сыскать нельзя: всѣ въ гуляньѣ... ²⁾

Скучно, тяжело, больно мнѣ вспоминать о Воронежѣ, но чтоже дѣлать...

Шумная Москва мнѣ покоя не даетъ. Новостей здѣсь такъ много, что и не знаю что вамъ написать. Важнѣйшее то, что Беклешовъ уволенъ, а на мѣсто его Оболяниновъ ³⁾. Астраханскій Платонъ ⁴⁾ получилъ Александровскій

¹⁾ Таково обращеніе Евгенія къ своему другу—въ большей части писемъ; иногда же онъ обращается просто: любезнѣйшій мой В.И. любезный другъ и пр.—В.И. Македонецъ былъ совѣтникомъ Воронежской гражданской палаты.

²⁾ 16, 17 и 18-е Февраля этого года — послѣдніе дни масленицы.

³⁾ А. А. Беклешовъ былъ генераль-прокуроромъ съ 7 Іюля 1799 г.; а 2 Февраля 1800 г. онъ былъ замѣщенъ П. Х. Оболяниновымъ. О томъ и другомъ см. у Корфа въ Живни Сперанскаго. Ч. 1., стр. 46—56.

⁴⁾ Платонъ Любарскій—Астрахан. архіепископъ въ 1794—1805. Кромѣ проповѣдей, онъ извѣстенъ отчасти и историческими своими сочиненіями по церковной исторіи, а также краткимъ извѣстіемъ о Пугачевѣ, изданномъ 2-мъ т. Ист. Пуг. бунта, соч. Пушкина.

орденъ, а Феоктистъ ⁵⁾ Бѣлоградскій Анненскую. Оба они одолжены симъ Николаю Никол. Бантышу Каменскому ⁶⁾, который имъ то выпросилъ чрезъ пресвящ. Амвросія... ⁷⁾

На прошедшей недѣлѣ полученъ здѣсь указъ выслать изъ Москвы всѣхъ исключенныхъ изъ службы, и не велѣно съ ними никому ни знакомиться ни переписки вести. Причиною сему Балкъ-Полевъ ⁸⁾ выключенный камергеръ, который отважился по Москвѣ ходить во фракъ и въ круглой шляпѣ, не слушаясь запрещеній и отъ полицмейстера ⁹⁾. Государю донесено, и онъ предписалъ графу Салтыкову ¹⁰⁾ *вынять изъ Москвы всѣхъ исклю-*

Кромѣ того множество писемъ Платона о Пугачевщинѣ къ Бантышу-Каменскому, въ Архивѣ старыхъ дѣлъ. См. 2-е изд. Обзора Р. духов. л. Архiep. Филарета, кн. 2-я, стр. 172—173.

⁵⁾ Феоктистъ Мочульскій, съ 1784 г. Бѣлогородскій архіепископъ; тоже изъ ученыхъ и членъ Рос. Академіи.

⁶⁾ Извѣстному начальнику Москов. Архива Государственной коллегии иностранныхъ дѣлъ.

⁷⁾ Амвросій Подобывдовъ, до 1799 г. архіепископъ Казанскій, а въ это время—Петербургскій, членъ Синода; пользовался въ то время вліяніемъ при дворѣ. Онъ ревностно заботился о распространеніи и покровительствѣ духовнаго образованія. Имя его постоянно встрѣчается въ письмахъ Евгенія. Позднѣе онъ былъ С.Петербургскимъ митрополитомъ.

⁸⁾ Объ этой личности мы не можемъ сообщить никакихъ свѣдѣній; но запрещеніе носить круглыя шляпы было объявлено полиціею въ первый же день вступленія на престолъ Павла.

⁹⁾ Оберъ-полицеймейстеромъ Москвы былъ, въ то время, Эртель, — одинъ изъ неумолимыхъ и непреклонныхъ гатчинскихъ офицеровъ.

¹⁰⁾ Ив. Петровичу, Московскому военному генераль-губернатору.

ченныя шалуновъ и впредь не пускать, да и запретить съ ними всякое сообщеніе на дѣлахъ и письмъ подь опасеніемъ. Изъ посланныхъ въ ссылку за картежную игру хозяинъ того дома возвращенъ.

2.

Отъ 15 Марта 1800 года. Санктпетербургъ.

Покорнѣйше благодарю за письмо ваше писанное къ Евѣиму за котораго нынѣ отвѣчаетъ уже *Евгеній*. Приѣздъ мой въ Санктпетербургъ, и опредѣленіе мое Пресектомъ я уже описывалъ вамъ на прошедшей почтѣ. ¹⁾ По отпускѣ моего письма на другой день полученъ указъ изъ св. Синода постричь меня ²⁾ Я было началъ отговариваться неимѣніемъ ни клобука, ни черной рясы, ни мантии. Но не тутъ-то было. Все нашли дѣя для меня. Отецъ ректоръ ³⁾ ссудилъ меня и клобукомъ и гарнитуровою рясою, а братія власнищею и мантиею. Камилавку же велѣно мнѣ всегда носить фіолетовую. ⁴⁾ а отъ черной я уволенъ на всю жизнь. Нечего дѣлать, согласился; но съ тѣмъ, чтобы постригли въ утрени. Согласились и на это. Я думалъ, что никого постороннихъ не будетъ, однако не угадалъ. Нѣкоторые какъ-то пронюхали, и были даже дамы. Чтобы мнѣ не стоять всю утреню предъ иконою съ крестомъ, то положено сдѣлать постриженіе уже по окончаніи утрени. При окончаніи сердце у меня дрогнуло. Но постригавшій меня отецъ-ректоръ ободрялъ. Такъ и быть: пошелъ въ притворъ. Тамъ раздѣлся, разулся, надѣлъ

¹⁾ Этого письма нѣтъ въ числѣ доставленныхъ въ Р. Архивъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, навѣрное что именно склонило даровитаго и уже извѣстнаго своею ученостію Воронежскаго протоіерея къ поступленію въ монашество. Вѣроятно, кончина жены и дѣтей. *П. Б.*

³⁾ Ректоромъ академіи во все время пресекства Евгенія былъ Амвросій Протасовъ, въ послѣдствіи архіепископъ Казанскій и Тверскій и извѣстный проповѣдникъ.

⁴⁾ Евгеній, приѣхавшій въ Петербургъ протоіереемъ, имѣлъ фіолетовую камилавку, а теперѣ ему оставлено право носить еѣ.

власяницу, и слышу запѣли уже: *Объятія отца*. Повели, положили на землю, однакожь на ковръ, безъ памяти; подняли, и ну допрашивать. Насилу дождался конца. Одѣли меня, снарядили, обули въ сандаля, крестъ и свѣчу въ руки—и ну лобзанія творить всей братіи. Все кончено. Я пошелъ въ олтарь и, одѣвшись въ шубу, помаршпровакъ домой. Алексѣй мой ⁵⁾ этого не зналъ и, увидя меня въ черномъ платьѣ уже, изумился. По утру явился я къ Пресвященному ⁶⁾, и онъ меня благословилъ чотками прекрасными (кои цѣнить рублей въ 20), да Кіевскою маленькою псалтырью и парамономъ вышитымъ. Въ тотъ день у него я съ отцомъ ректоромъ и обѣдалъ. На утре приказалъ онъ мнѣ съѣздить порекомендоваться синодальнымъ членамъ. Я успѣлъ быть только у двухъ преосвященныхъ Псковскаго да Ростовскаго ⁷⁾. Ростовскій оставилъ меня и обѣдать. А на третій день надѣли на меня и шапку и крестъ ⁸⁾ Крестовъ и шапокъ монастырскихъ ⁹⁾ у меня по пяти и очень хорошіе, жезловъ два и притомъ не худые. Мантия съ зелеными скрижалями, не смотря на то, что монастырь третьекласный. Вотъ вся исторія моей перемѣны.

3

Отъ 12 Апрѣля 1800 года. С. П. Бургъ.

Вы хвалитесь морозомъ, а здѣсь съ самаго приѣзда моего не было болѣе 18 градусовъ. Съ Благовѣщенія пошелъ дождь и тепло, а вчера и величествен-

⁵⁾ Алексѣй Болховской, племянникъ Евгенія, упоминаемый не разъ въ слѣдующихъ письмахъ и въ перепискѣ съ гр. Хвостовымъ.

⁶⁾ Къ Амвросію.

⁷⁾ Псковскій архіепископъ—Ириней Клементьевскій, Ростовскій—Павель Пономаревъ. Оба, и особенно первый, долго оставались присутствующими членами Синода.

⁸⁾ Шапкою Евгеній называетъ архимандритскую митру; въ архимандриты произведенъ былъ Евгеній 11 марта.

⁹⁾ Т. е. Архимандрита Зеленецкаго монастыря. См. ниже 2 пр. къ 8-му письму.

ная Нева вскрылась. Однако по улицамъ грязно. Правда я рѣдко выѣзжаю и только на праздникахъ ¹⁾ ѣздилъ съ отцомъ ректоромъ идолопоклонничать по синодальнымъ...

На сихъ дняхъ синодальному члену протоіерею Озерецковскому ²⁾ препоручены въ полное судовѣдѣніе и управу всѣ полковые и флотскіе священники, независимо ни отъ какого архіерея. Это походить на бѣлое епископство. Да такъ Государь словесно и объяснился. На Московской дорогѣ въ селѣ Чудовѣ открылась многочисленная секта духоборцевъ, коихъ усмирять послана была и команда. Они не признаютъ ни религіи, ни таинствъ, ни власти никакой. Получено и обстоятельное въ св. Синодѣ донесеніе о нихъ. Но еще неизвѣстно въ какой силѣ ³⁾.

Подаренныя мнѣ отъ владыки чотки оказались драгоценными; они изъ чернаго янтаря; и поеліку онъ нынѣ у дамъ на сергахъ въ превеликой модѣ, то не угодно-ли, чтобы я прислалъ Катеринѣ Макаровнѣ ⁴⁾ шары двѣ зеренъ на серги. Нѣтъ нужды что съ чотокъ.

P. S... Суворовъ въ Польскихъ своихъ деревняхъ отчаянно болѣлъ. По всему его тѣлу выступили волдыри водяные. Доктора однакожъ увѣряютъ, что это къ лучшему. Да сохранить его Господь Богъ...

Въ новой Невской церкви нѣкоторыя картины такъ хороши, что въ сравненіи съ натурою недостаетъ имъ только души. На картину Введенія Богородицы во храмъ смотрѣлъ я съ полчаса и все еще недосыта наглядѣлся. Удивительная живопись!..

¹⁾ Свѣтлаго Христова воскресенія.

²⁾ См. объ этомъ въ Пол. Собр. 3. Митрополитій указъ — 4 Апрѣля; № 19, 369 и высочайшій 22 Апрѣля, № 19, 398.

³⁾ Въ послѣдствіи Евгенію поручено было составить *Изслѣдованіе исповданія духоборческой секты*, чтѣ и сдѣлано Евгеніемъ.

⁴⁾ Екатерина Макаровна — жена Македонца. Въ каждомъ изъ своихъ писемъ Евгеній обыкновенно приписываетъ и ей свой поклонъ, почтеніе и уваженіе.

Пожалуйста избавьте меня отъ титула *Священно-архимандрита*. Онъ свойственъ только Лаврскимъ архимандритамъ, то есть архіерео-архимандритамъ.

4.

Отъ 26-го Апрѣля 1800 года С. П. Бургъ.

Вѣрю, что извѣстіе о мнѣ истинно Вася порадовало. Такъ, конечно я чувствую свое счастье и самъ: но оно и тяжело. Отъ множества должностей рѣдко высыпаюсь, и отъ того чувствую даже боль въ груди, въ спинѣ, въ головѣ. Вся Академія звалена на мои плечи и въ ней 200 человекъ на всемъ содержаніи, а тамъ еще два класса ¹⁾, консисторія ²⁾, церковь и проч. Только и отдыху послѣ обѣда въ Субботу да Воскресенье. вмѣсто отдохновенія обѣдаетъ у меня въ каждую Субботу Данила Осиповичъ, да къ нему, думаю, пристанетъ Акимовъ, тутъ только и разсѣяніе мыслей. Впрочемъ всегда въ копейку.

Дивлюсь я, что Оренбургской ³⁾ къ вамъ не пишетъ; да и сюда ни къ кому. Къ прежнему анекдоту я припишу здѣсь еще и другой о немъ. Когда получилъ онъ указъ о пожалованіи въ архіерея, то такъ поспѣшилъ въ Петербургъ, что забылъ взять съ собою и хорошую пару сапоги. Удивилъ онъ этимъ всѣхъ. Кое-какъ его одѣли, снарядили, велѣли отострить усы (ибо знаете, какъ онъ ихъ подбривалъ), отдали протоіерею Озерецковскому выучить его ходить и, такимъ образомъ приготова къ посвященію, представили въ Гатчину. Его имя здѣсь сдѣлалось пословицею, такъ, что когда хотятъ проименовать простакомъ, то говорятъ: *это второй Келембетъ*. Это я самъ слышалъ за столомъ публичнымъ отъ пресвященныхъ синодальныхъ. Выздъ его былъ такъ же странный. Прислано въ вечеру спросить: для чего новопосвященные архіереи не ѣдутъ къ своимъ мѣстамъ? Вдругъ они *всѣ миты, св хаты; чутъ успыли лажмитъ по-*

сбираты ⁴⁾ и дали драда за шлагбаумъ въ ту же ночь. Въ прочемъ о немъ увѣрены, яко о добромъ.

Изъ новостей, сколько припомню, напишу хотя и неважные:

1) Около 10 Маія спущены будутъ 3 новопостроенные корабли въ Адмиралтействѣ, и Государь самъ изволить открыть кампанію и дождетъ до Ревеля, какъ говорятъ.

2) На флотъ выбрать велѣно самыхъ лучшихъ Петербургскихъ священниковъ. Это имъ, думаю, не по вкусу. Но правда вѣдь только на одну кампанію, а послѣ по очереди другихъ. Со временемъ можетъ быть очередь дойдетъ и до городовъ.

3) Суворова мы уже можетъ быть не увидимъ, ибо онъ, доѣхавъ до Риги, не могъ далѣе; и ему внутри приключилась гангрена.

4) О нищихъ вышелъ указъ ⁵⁾, не позволять имъ волочиться по Петербургу и ссылатъ всѣхъ безъ разбора на поселеніе. Тоже думаю послѣдуетъ и по увѣзднымъ городамъ. Указъ прекрасный. Теперь по Петербургу чисты улицы.

5.

Отъ 6-го Маія 1800 года. С. П. Бургъ.

Сегодня въ первомъ часу по полудни умре и генералисимусъ князь Суворовъ, у насъ въ Петербургѣ, въ хижинѣ у племянника, Синодскаго оберъ-прокурора ¹⁾. Дней съ 10 какъ онъ едва доведенъ сюда. Каждый день покой его по дважды топили. Вотъ и конецъ великаго человѣка!

¹⁾ Сначала, до 5 Апрѣля 1802 г., Евгенийъ былъ учителемъ философіи и высшаго красноречія въ Академіи.

²⁾ Съ 15 Марта Евгенийъ былъ опредѣленъ присутствующимъ въ С. Петербургской консисторіи.

³⁾ Т. е. Оренбургскій епископъ, Амвросій Келембетъ, посвященный недавно передъ тѣмъ въ епископа.

⁴⁾ Вѣроятно Келембетъ былъ изъ Малороссіянъ. *Митю*—по великорусски *опрометью*, П. Б.

⁵⁾ Указы эти нѣсколько разъ издавались и до Павла Петровича и при немъ.

Mors sola fatetur

Quantula sunt hominum corpuscula!.. ²⁾

Суворову у насъ назначено погребеніе въ Субботу. Могила будетъ въ Невскомъ, въ Благовѣщенской нижней церкви возлѣ лѣваго крылоса. Церемонія, думаю, будетъ большая. И смерть его обманывала лѣкарей, какъ самъ онъ неприятелей. Съ мѣсяцъ каждый день ему лѣкари назначали кончину, выдумывали гангрену и Богъ знаетъ что, но по смерти заключили, что это *magnum senilis*. Говорятъ, что предъ кончиною, за два дня, открылись на давнихъ, зажившихъ у него ранахъ язвы и превратились въ гангрену. Впрочемъ онъ скончался тихо и въ памяти, а все остро шутилъ. Услышите много его анекдотовъ, но думаю много и прилгутъ, а особливо госпожа Москва.

Прилагаю при семъ вамъ копію съ печатнаго монумента, Суворову въ Италіи воздвигнутаго ³⁾. Оригиналъ печатанъ во Флоренціи *in folio* заглавными большими литерами, какими и копія сія списана. Вы можете для любопытствующихъ перевести оный, а кто хочетъ, пусть и по-итальянски читаетъ. Итальянскій буквальный переводъ съ Латинскаго.

Что-то напишетъ намъ на смерть Державинъ! Но его дома нѣтъ. Онъ ѣздитъ по губерніямъ.

6.

Отъ 14 Маія 1800 года С. П. Бургъ.

Сегодня Государь изволилъ отъ насъ выѣхать въ Шавловскъ по утру. За нимъ помаршировала и гвардія. Неизвѣстно еще, когда мы его увидимъ; но вѣрно пріѣдетъ онъ къ спуску послѣдняго корабля, что можетъ случиться не прежде какъ чрезъ шесть недѣль, по слуху.

¹⁾ Т. е. въ домѣ графа Д. И. Хвостова, бывшаго оберъ-прокуроромъ Синода съ 10 Юня 1799 г. до 6 Января 1803 г.

²⁾ Только смерть показываетъ, какъ ничтожно тѣло человѣка.

³⁾ Копіи этой не имѣется при письмахъ.

Третьяго дня то есть 12 Маія погребли мы князя Суворова въ Невской церкви нижней за лѣвымъ крылосомъ. Я былъ въ процессіи и потому могу коротко описать вамъ церемоніаль. Съѣхались всѣ синодальные члены въ домъ синодскаго оберъ-прокурора (ибо тамъ князь и скончался, потому что онъ ему по женѣ племянникъ). Въ 8 часовъ утра мы при нихъ были. Комната по обыкновенію обита была чернымъ сукномъ съ бѣлыми подъ потолкомъ карнизами. Гробъ стоялъ на высокомъ черномъ катафалкѣ обитый малиновымъ бархатомъ съ золотымъ генеральскимъ позументомъ и золотыми по угламъ кистями. Князь лежалъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, въ Андреевской лентѣ. Около гроба стояли табуреты числомъ 18, на нихъ разложены были кавалерій, бриліантовый бантъ пожалованный Екатериной II-й за взятіе Измаила и перо за взятіе Рымниа, бриліантовая шпага, фельдмаршальскій жезлъ и проч. На пестроту разныхъ кавалерій любо было смотреть. Подивился я Сардинской зеленой кавалеріи съ крупнымъ бриліантовымъ крестомъ. Два раза обходилъ я табуреты, спрашивая, какой гдѣ орденъ и знакъ, а для разсказыванья приставленъ былъ и человекъ. Тамъ я видѣлъ и любимаго князю камердинера *Прошку*. Чудной шутовской физиономіи человекъ! Но на шеѣ его двѣ золотыя медали... Лицо покойнаго князя было спокойно и безъ морщинъ. Борода отросла на полдюйма и вся бѣлая. Въ физиономіи что-то благоговѣйное и спокойное. Между тѣмъ сѣзжались иностранные министры, сенаторы и президенты. Насмотрѣлся я пестроты иностранныхъ и нашихъ кавалерій. (Тутъ увидѣлъ я и Лисаневича въ первый разъ; но не захотѣлъ ему признаться. Проворный полицмейстеръ!). Предъ окнами расположены были войска, по баталіону изъ каждаго полка. Домъ у Николая Морскаго, надъ самымъ каналомъ. Въ 10 часовъ начался выносъ. По совершеніи литія подняли подушки съ орденами офицеры и понесли на пе-

редъ процессіи по два въ рядъ. За ними архіерейскіе пѣвчіе; за ними бѣлое духовенство по два; за тѣмъ придворные пѣвчіе въ черномъ платьѣ; за ними придворные священники; за ними мы; за нами синодальные члены и гробъ. Мы всѣ прошли мимо строя при барабанномъ боѣ и опущенныхъ на молитву ружьяхъ. Гробъ везенъ былъ на шести сѣрыхъ лошадяхъ, приодѣтыхъ съ головы до ногъ черными сукнами. На дрогахъ стоялъ катафалкъ съ гробомъ, а надъ гробомъ препышный малиноваго бархату, съ золотымъ позоромъ фигурнымъ, багдахинъ на 8-ми столбахъ. Сей багдахинъ дѣланъ былъ еще для князя Безбородки и оставленъ въ Невскомъ. Шнуры поддерживали офицеры, а лошадей вели съ факелами нарочно къ тому одѣтые въ плащи. Едва провезли гробъ, то войско двинулось за нимъ съ траурнымъ маршемъ и сопровождало до Невскаго. Санктпетербургскій архіерей провожалъ тѣло до Харламова моста, потомъ сѣвъ въ карету поскакалъ въ Невской на встрѣчу. Ростовскій архіерей провожалъ тѣло отъ туда до Аничковскаго дворца, а отъ селъ до Лавры—Псковскій. Мы шли по Сѣнной безсмѣнно до Лавры. Едва вышли на Невскій проспектъ близъ Гостиннаго ряду, какъ вдругъ увидѣли Государя ожидающаго церемоніи верхомъ на лошади при углу Гостиннаго двора. Мы поклонились, и онъ соотвѣтствовалъ, а потомъ сдѣлалъ честь и гробу. Мы потянулись къ Невскому, а онъ куда изволилъ поѣхать, не видали. Лбы наши припотѣли въ пути, ибо не менѣе 6 верстъ мы промаршировали. Улицы, всѣ окна въ домахъ, балконы и кровли преисполнены были народу. День былъ прекрасный. Народъ отсюду бѣжалъ за нами. Наконецъ мы дошли и ввели церемонію въ верхнюю монастырскую церковь. Гробъ поставленъ на катафалкѣ подъ тѣмъ-же багдахиномъ посреди церкви. Обѣдня посѣшно началась въ половинѣ 12-го часу. Въ церковь пускали только большихъ, а народу и въ монастырь не допускали.

Проповѣди не было. Но за то лучше всякаго панегирика пропѣли придворные пѣвчіе 90-й псаломъ *Живыи въ помощи*, концертъ сочин. Бортнянскаго. Прочтите этотъ псаломъ, и вы со мною согласитесь, что нѣтъ лучшаго панегирика Суворову. Войска расположены были за монастыремъ. Огнѣю погребеніе, и тутъ-то разъ десять едва я могъ удерживать слезы. При послѣднемъ цѣлованіи никто не подходилъ безъ слезъ ко гробу. Тутъ явился и Державинъ. Его преуниженный поклонъ гробу тронулъ до основанія мое сердце. Онъ закрылъ лицо платкомъ — и отшелъ, и вѣрно изъ сихъ слезъ выльется безсмертная ода. Всѣ плакали; только что не смѣли рыдать... Я и самъ, пришедши домой, три раза читалъ пѣтый въ концертѣ псаломъ и отъ умиленія на свободу *поплылавъ*. Есть ли вы хотите почувствовать во всей силѣ выразительность сего псалма, то попросите архіерейскихъ пѣвчихъ пропѣть сей концертъ Бортнянскаго, а при пѣніи вообразите Суворова. При опусканіи гроба трижды 12 разъ за монастыремъ выпалено изъ пушекъ, и чрезъ каждые 12 выстрѣловъ бѣглой огонь. Буди вѣчная память Суворову.

7.

27 Маія Петербургъ.

(1800 г.)

Вотъ *надпись* Суворову, сочиненная какимъ-то Шаликовымъ: ¹⁾

Остановись, прохожій!
Здѣсь человекъ лежитъ на смертныхъ не прохожій;
Въ глаши на крылось съ дячкомъ онъ басомъ пѣлъ,
А славою какъ Петръ и Александръ гремѣлъ.
Ушатою на себя холодную лилъ воду,
А пламень храбрости вливалъ въ сердца народу.
Не въ латахъ, на коняхъ, какъ греческій герой,

¹⁾ Шаликовъ, Петр. Иван., кн., род. 1767 г., ум. 1852 г. Въ теченіе 25 л. былъ редакторъ „Москов. вѣдомостей“; изд. журн. „Москов. Зритель“ и „Аглаю“. Сочиненія его изданы въ 1816 г.

Не со щитомъ златымъ, украшеннымъ всѣхъ наче,

Съ нагайкою въ рукахъ и на казацкой княчѣ.
Въ едино лѣто взялъ полдюжины онъ Троя.
Не въ броню облеченъ, не на холму высокою.
Нездалина брань взиралъ спокойнымъ окомъ.
Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ предъ войсками
верхомъ

Какъ молнія сверкалъ и поражаъ какъ громъ.
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летають
птицы;

Жилъ въ низкой хижинѣ, а отнималъ столицы.
Вставалъ по пѣтухамъ, сражался на штыкахъ.
Чужой народъ его носилъ на головахъ.
Одною пищею съ солдатами питался,
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ
причитался.

Былъ двухъ Имперій вождь, Европу удивлялъ.
Сажалъ на тронъ царей самъ на соломѣ
спалъ.

Еще мой графъ Бутурлинъ ²⁾ прекрасную надпись ему придумалъ:

Cineres hic, fama ubique. ³⁾

Да и самъ покойникъ предъ смертью говорилъ своему племяннику: *Митюша!* *Не черти моей гробницы стихами; а развѣ напиши только: здѣсь лежитъ Суворовъ.*

Повелѣно (мнѣ сказывалъ Петръ Ив.) сдѣлать покойнику бронзовую конную статую. Изъ лѣвой рукъ щитъ съ орломъ молніеноснымъ, а правая рука со шпагою на отмань; а подъ нею въ низу гидра, у коей многія головы отсѣчены, а остальные зіяютъ еще на него при ногахъ копя.

Говорятъ, что и Державинъ написалъ четыре стиха, но я еще не видѣлъ. Николаю Николаевичу Вантышъ-Каменскому пожалованъ орденъ Почетнаго Командора Св. Іоанна Иерусалимскаго.

8.

Отъ 28 Іюня 1800. С. П. Бургъ.

Вы спрашиваете о моемъ жидованѣ отъ Академіи 250 р. ¹⁾ да отъ мона-

¹⁾ Въ такихъ же выраженіяхъ — „мой графъ Бутурлинъ“ Евгений говорить о немъ и въ другихъ письмахъ. Гр. Д. П. Бутурлинъ, въ то время, имѣлъ смотрѣніе въ эрмитажъ за древностями.

²⁾ Здѣсь — прахъ, а слава — повсюду.

³⁾ Объ академич. штатахъ :того времени см. Ист. Петербург. Академ. Чистовича стр. 153—158.

стыря 200 р. да на карету отъ монастыря ²⁾ же 100 р. Вотъ все мое жало ванье. Спасибо, что я запасаю деньгами. Жить по кашейски не хочется, да правда скалыжничать не для кого. Смерть придеть, все пропадетъ. Лучше же пожить, чѣмъ Богъ послалъ. День нашъ вѣкъ нашъ...

Кончина Авдотьи Степановны ³⁾ припомнила мнѣ живѣе, нежели обыкновенно, смерть покойной моей жены; ⁴⁾ и я—признаюсь—выронилъ десятка два слезъ. Благодарю Бога, что не осталось у меня дѣтей. Это было бы продолженіе и продолженіе безпрестанное слезъ, а теперь—omnia mea tесum porto... ⁵⁾

Учрежденіе овищихъ дано было только полиціи: но почему-то ходатайству видно опять отмѣнено, ибо опять у насъ появились нищія, хотя несравненно меньше...

24 Іюня здѣсь въ капитулѣ ордена св. Іоанна Іерус. былъ праздникъ ⁶⁾. Нашъ владыка, яко кавалеръ-командоръ, служилъ тамъ въ капитульской церкви при собраніи кавалеровъ. На канунъ 23, въ вечеру, была церемонія сожиганія жертвенниковъ, то есть складено было посреди двора капитульского ря-

домъ малыхъ 9-ть костровъ вышиною аршина въ два, а въ квадратъ аршина полтора на подобіе жертвенниковъ. На верху сихъ жертвенниковъ цвѣточныя лежали вѣнки и другія фигурки; бока увѣшаны были гирляндами, изъ ельничковыхъ вѣтвей связанными. Младшіе кавалеры съ зажженными факелами въ мантияхъ стояли на дворѣ; а въ 7 часовъ вышли изъ покоевъ церемоніею старшіе кавалеры по два въ рядъ. Шествѣ замыкалъ командоръ или графъ Салтыковъ ⁷⁾. Всѣ вышедшіе кавалеры имѣли въ рукахъ факелы не зажженные и въ церемоніи обшедши три раза костры зажгли у младшихъ свои факелы, обступили костры со всѣхъ сторонъ и зажгли ихъ. Сперва отъ горящаго ельника дымомъ все затмилось, а по прогорѣніи показалось чистое пламя, и кавалеры стояли около костровъ, пока они обгорѣвъ начали разваливаться. Тогда пошли они въ церемонію въ покой и оттуда разѣхались во свояси. Сія церемонія у ордена древняя и была еще въ Іерусалимѣ или послѣ крестовыхъ походовъ, а что она значитъ, спросите у историка Черенкова. ⁸⁾

9.

Отъ 11-го Іюля 1800. С. П. Бургъ.

О строящейся отъ Мещерякова младшеицкой церкви можно прилично припомнить эпиграмму напечатанную въ *Опытъ Воронежской Типографіи* на стран. 66-й подъ № 7...

Жаль, что Задонскій монастырь безъ настоятеля хлѣветъ ¹⁾. Да правда, гдѣ

²⁾ Евгений вмѣстѣ съ полученіемъ сана архимандрита, 11-го же Марта былъ сдѣланъ настоятелемъ Зеленецкаго монастыря. Отсюда въ письмахъ своихъ онъ нерѣдко подписывается: Евгений, архимандритъ Зеленецкій. Монастырь этотъ, существующій и теперь—въ 180 верстахъ отъ Петербурга близъ Тихвина и былъ въ то время Тихвинскаго, а теперь Ново-Ладожскаго уѣзда.

³⁾ Кто эта женщина, мы не знаемъ; видно только, что о кончинѣ ея увѣдомлялъ Евгения другъ его Македонецъ.

⁴⁾ Въ 1793 г. Евгений вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Анною Антоновной Росторгуевой, имѣлъ отъ нея троихъ дѣтей; но всѣхъ ихъ лишился уже къ 1798 г., а 21 Августа 1799 г. умерла и жена его. Объ этой потерѣ Евгений нерѣзъ вспоминаетъ въ настоящихъ своихъ письмахъ. См. 16-е, 62-е письмо.

⁵⁾ Все мое—при мнѣ.

⁶⁾ Отношенія Императора Павла къ Малтійскому ордену известны.

⁷⁾ Н. И. Салтыковъ—извѣстный графъ, фельдмаршалъ и князь; въ 1799 г. онъ сдѣланъ былъ порутчикомъ и гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

⁸⁾ Воронежецъ Черенковъ, какъ видно изъ послѣдующихъ писемъ Евгения, составилъ, напечаталъ и даже посвятилъ Императору Исторію Малтійскихъ Рыцарей. См. нис. 31 и 51.

¹⁾ Задонскій монастырь—Воронежской губ.

²⁾ Объясняется это тѣмъ, что въ послѣднее время настоятелями Зеленецкаго монастыря нерѣдко были то преемники, то ректоры Невской Семинаріи, не имѣвшіе конечно возможности не только жить, но совсѣмъ даже и навѣщать свой монастырь; это послѣднее случилось и съ Евгениемъ, ниразу не посѣтившимъ своего монастыря въ теченіе двухъ лѣтъ настоятельства.

настоятели не живутъ, всѣхъ тѣхъ монастырей состояніе несчастное. Я тоже могу сказать и о своемъ. Лѣтъ десять уже не бывали въ немъ настоятели ²⁾, да за болотами туда и вѣдѣть нельзя иначе, какъ зимою. Отъ Петербурга онъ въ 100 верстахъ ³⁾, близъ Тихвина. Вчера у насъ приготовлены были диспуты въ одно время, богословскіе и философскіе. Званъ былъ весь Синодъ и общался. Все приготовлено было, и обѣдъ у владыки. Мы прождали до 10 ти часовъ, и пріѣхалъ только отецъ архим. Михаилъ ⁴⁾, прокуроръ Синода, да оберъ секретари два, а прочіе за непогодю отказались. Посему всѣ наши комплементы, всѣ стихи и разговоры не годились. Диспуты начались въ половинѣ 10-го часу просто безъ рѣчей, прочитаны только на богословскихъ диспутахъ одна диссертация, да на моихъ одна. Мы повалякали до 2 часовъ, и владыка нашъ, понахмурившійся было за непріѣздъ членовъ, поразвеселился. Съ диспутовъ къ нему на великолѣпный обѣдъ, а послѣ обѣда на чай къ ректору...

1-го Іюля весь Синодъ обѣдалъ у Петра Ивановича ⁵⁾, и я съ ректоромъ былъ тамъ же въ прихвостникахъ. Владыка насъ туда возилъ съ собою въ каретѣ. Столъ былъ премотовской, а десертъ еще мотоватѣе. Ананасы, абрикосы, арбузы, дыни, бергамоты и проч. преисполняли столъ, а вишня шпанская, усыпанная плодами, поставлена была деревомъ посреди гостинной. Объ арбу-

зѣ жъ скажу, что я не промѣнялъ бы всего здѣшняго арбуза на ломтикъ Павловскаго ⁶⁾. Прочее все хорошо.—3 Іюля былъ я въ Академіи художествъ послѣ обѣда, а по утру въ Кунсткамерѣ. Глаза всѣ растерялъ и за множествомъ предметовъ не припомню всего. Обѣдали мы тогда у син. члена отца архим. Михаила, и онъ насъ водилъ вездѣ. Въ Кунсткамерѣ все для меня было чудесно. Былъ въ гостяхъ и у Петра Великаго. Тамъ видѣли и оригиналъ Наказа Екатерины II, весь на франц., а изрѣдка кое-гдѣ есть и по русски; посмѣялись, глядя и на сапожную сбрую Петра Великаго, на его шляпу, кафтаны и токарки. Въ Академіи Художествъ все убрано было напоказъ публикѣ. Вице-президентъ самъ насъ вездѣ водилъ между множествомъ зрителей. Видѣлъ я тамъ славную сѣтку съ рыбой, ракомъ и паукомъ; видѣлъ еще славнѣйшую Ломоносова мозаическую картину, а еще лучше его мозаическая картина Петра Апостола, составленная однимъ Французомъ. Видѣлъ много антиковъ и копій знатнѣйшихъ мастеровъ; видѣлъ неподобныя картины, статуи, эстампы, бюсты; многія работы и изъ постороннихъ мастеровъ выставлены были на показъ. Намъ показана и отдѣлывающаяся для Михайловскаго дворца превеликая и пребезподобная картина *коронованіе Михаила Феодоровича и коронованіе нашего Государя*. Первая отдѣлана только до половины. Былъ я и сидѣлъ въ Готторповѣ шарѣ, и вертѣли его около насъ...

Посылаю при семъ надпись Державина Суворову. ⁷⁾ Первый стихъ мнѣ не по вкусу кажется. Прочія надписи его же. Въ прошлое воскресенье была свадьба сына Суворова съ дочерью Александра Львовича Нарышкина въ Петергофѣ. Статуя Суворову отдѣлывается.

²⁾ О разстояніи Зеленецкаго монастыря отъ Петербурга см. 2 пр. къ 8 п.; разстояніе, указанное въ предшествующемъ примѣчаніи, сдѣлано на основаніи Ист. Рус. Іер. и правльнѣе.

⁴⁾ Михаилъ—Десницкій, въ то время архимандритъ Юрьевскаго монастыря; съ 1818 г.—митрополитъ Новгородскій и Петербургскій.

⁵⁾ Не князь ли Тюеякинъ, дѣйств. камергеръ?

⁶⁾ Павловскъ г.—Воронеж. губ., извѣстный и теперь разведеніемъ лучшихъ арбузовъ.

⁷⁾ Этой надписи не сохранилось при письмахъ. См. соч. Державина, изд. Грота, III, 380.

10.

Отъ Октября 1800. С. П. Бургъ.

Отвѣчаю вамъ вдругъ на три письма... Становлюсь медлителенъ въ отвѣтахъ; но, право, задушенъ почти дѣлами, время отъ времени больше ¹⁾)... Съ арх. Евгениемъ ²⁾ я познакомился коротко и къ нему часто ѣзжу. Онъ мнѣ подарилъ въ 2-хъ томахъ in fol. напечатанный свой здѣсь Греческій переводъ книги Зерникава ³⁾ De processione Spiritus Sancti. Я пересмотрѣлъ всю его библиотеку; видѣлъ книгъ двадцать его рукописныхъ сочиненій, но большая часть ихъ на старинный складъ схоластическій и для свѣта бесполезна. Много Греческихъ стиховъ на разные Россійскіе эпохи и случаи. Много переводовъ съ Латинскаго и Французскаго на Греческій-влинскій, но это тѣмъ бесполезнѣе, ибо Греки не поймутъ, а Европейцы читать не будутъ. Зерниковой книги онъ 100 экзempl. отправилъ было на корабль въ Англію; но Французы тотъ корабль перехватили, и Евгенийъ съ прискорбіемъ и съ шуткою мнѣ на то сказалъ: Forte latrones Galli opere meo pro obturandis silopetis tormentisque utentur ⁴⁾. Ему все хочется славы въ потомствѣ и поддержать въ себѣ честь остатка Греческой древней крови. Я часто до

досады разстроиваю его сожалѣніемъ о упадкѣ въ Греціи наукъ. Non, non, кричитъ онъ съ жаромъ, Gaecorum indoles nil detrimenti passa est, nec desunt hucusque Graeciae summa in quolibet disciplinarum genere ingenia ⁵⁾. Тутъ бѣжитъ онъ трясясь въ шакау, хватаетъ книги: En opus mathematicum puper a Graeco quodam conscriptum.—En tractatus theologicus in monte Athonide concinnatus, Venetiisque evulgatus.—En Systema philosophorum, quod ipsemet in academia Athoniade tradidi.—En pie defuncti fratris nostri Nicephorii eruditissima scripta. Vides, кричитъ, modernis Graecis non adeo exaruisse venam ⁶⁾. Я внутренно смѣюсь стариковскому патриотизму въ защищеніи Греческой націи, но люблю симъ старцемъ заниматься, да и онъ, чувствую, любить меня. Я съ его наставленія завелъ въ Академической церкви съ позволенія владыки служеніе Литургіи на Греческомъ языкѣ. Служу самъ съ іеродіакономъ, обучающимъ у насъ Греч. классъ, и даже пѣвчіе у меня поютъ на Греческомъ. Сего въ Петербургѣ искони не бывало, и стеченіе любопытствующаго народа великое, а между тѣмъ Академисты бдльшую чувствуютъ охоту къ Греческому языку, который до нынѣ здѣсь былъ въ пренебреженіи.

11.

Отъ 9 Ноября 1800 (Петербургъ).

... Хлопотыдушать, да случились еще и огорченія. Владыка требуетъ строгости. Я принялся было, но раздражилъ

¹⁾ Кромѣ должностей префекта, учителя, члена консисторіи и настоятеля, съ Августа 1800 г. и во весь 1801 г. Евгенийъ исправлялъ чреду богослуженія и проповѣди Слова Божія въ С. П. Б. Въ этомъ же году Евгенийъ составилъ известное свое соч.: Каноническое изслѣдованіе о папской власти, по поводу предложенія іезуитскаго генерала Грубера о соединеніи церквей.

²⁾ Разумѣется Евгенийъ Булгарь.

³⁾ Адамъ Зерникавъ или Церникавъ, извѣстный ученый 17-го в., перешедшій отъ протестанства къ православію. Упоминаемое здѣсь его сочиненіе объ исхожденіи Святаго Духа, написанное имъ въ обличеніе католиковъ въ 1682 г., напечатано въ первый въ 1774 г. См. Слов. духов. пис. ч. 1-я, стр. 9—17.

⁴⁾ Вѣроятно, разбойники-Французы употребить мою книгу на свои пыточные орудія.

⁵⁾ Нѣтъ, нѣтъ! Природныя дарованія Грековъ не ослабѣли, въ Греціи нѣтъ недостатка въ величайшихъ умахъ по какой угодно отрасли наукъ.

⁶⁾ Вотъ сочиненіе математическое, недавно написанное однимъ Грекомъ. Вотъ богословское изслѣдованіе, составленное на Аеонской горѣ и изданное въ Венеціи. Вотъ философская система, мною самимъ переведенная въ Аеонской академіи. Вотъ — ученѣйшія писанія въ Бозѣ почившаго нашего брата Никифора. Видишь — у новыхъ Грековъ не застыла еще покажись кровь!

IV. 4.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 25.

вольныхъ здѣшнихъ студентовъ. За то хочу бросить все тщаніе. Скорѣе самому лопнуть можно, нежели упрямыхъ исправить ¹⁾.

Теперь что-то денно и ночью работаютъ по Англійскимъ дѣламъ. Обстоятельства худы и ведутъ въ задоръ. Впрочемъ объ экипированіи флота еще у насъ и слуху нѣтъ. Видно, хотятъ прежде повоевать перьями.

Вчера въ Михайловскомъ замкѣ было освященіе церкви. Государь между выстроенными полками изволилъ вѣхать въ церемоніи отъ Зимняго Дворца верхомъ съ цесаревичами, при колокольномъ по всему городу звонѣ. Фамилія въ каретахъ. Освящалъ весь Синодъ, а намъ и взглянуть не досталось. По освященіи Государь пожаловалъ бриліантовый Іерусалимскій крестъ нашему владыкѣ ²⁾ а прочимъ ничего. Пущечной пальбы не было.

12.

Отъ 27 Ноября 1800 г. С. П. Бургъ.

..... О жизнь, жизнь! Вчера на Охтѣ погребалъ я жену одного моего любезнаго пріятели и давняго университетскаго ¹⁾ соученика. Онъ женился въ прошломъ Маѣ; взялъ 17 лѣтнюю добринькую, чувствительную себѣ жену; вскорѣ послѣ свадьбы вѣздили они на гулянье за городъ. Она простудилась, получила сильной кашель, потомъ гемоптой, потомъ чахотку, потомъ наконецъ вчера она погребена мною. Признаться, крайне мнѣ было чувствительно, а особливо по припряматованью подобнаго ²⁾.

¹⁾ Въ этомъ же родѣ Евгенийъ говорить и въ письмѣ отъ 6 Декабря: „Недосуги мнѣ иногда дохнуть не даютъ. А недосуги сіи суть все мелочныя смотрѣнія за академистами. Но за мелочи здѣсь больше взыскиваютъ“.

²⁾ Амвросію.

¹⁾ Нужно припомнить, что Евгенийъ, будучи студентомъ Москов. духовной академіи, въ то же время посѣщалъ лекціи нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Но кто этотъ университетскій товарищъ Евгения—неизвѣстно.

²⁾ Конечно Евгенийъ разуметь здѣсь собственную недавнюю потерю—жены.

Rumor sensim reperere ³⁾ incipit de locandis in matrimonium magnis nostris principissis Maria ⁴⁾ et Catharina ⁵⁾. Sed cui? non dum liquet.

Р. С. Св. Синодъ опредѣлилъ мнѣ быть и въ слѣдующемъ году череднымъ. И такъ труды все не легче становятся.

13.

Отъ 9 Декабря 1800. С. П. Бургъ.

... 25 Ноября владыка возилъ меня въ придворную церковь къ обѣдни, и я тамъ видѣлъ всю фамилію Августѣйшую и всѣхъ Русскихъ и иностранныхъ бояръ. Великолѣпно! На ту пору полна придворная церковь была раскольниковъ, коихъ нарочно Монархъ благоволилъ пригласить къ обѣднѣ. У насъ теперь гоститъ Шведскій король ¹⁾. Слышно, пробудетъ и еще недѣлю мѣсто. Съ нимъ и Зюдерманландскій ²⁾.

Хотя прокуроръ, какъ вы меня извѣщаете, и писалъ къ вашему губернатору совѣтъ, чтобъ я отъ себя поднесъ книгу ³⁾; но я ни за что не соглашусь, дабы не быть нахальною выскочкою. Лучше выброшу изъ головы мечты всѣ. Предаюсь судьбѣ.

Видно, новый вашъ губернаторъ весельчакъ, что театромъ занимается. Нынѣ времена не до театровъ, а лишь бы въ должности быть исправнымъ.

Р. С. 12 съ 13-мъ Декабря у насъ въ одинъ 12-й день торжествовано ⁴⁾.

14.

6-го Генваря, по обыкновенію, были всѣ мы при Дворѣ и совершали процес-

³⁾ Потихоньку начинаетъ ходить слухъ о сватовствѣ великихъ нашихъ князей Маріи и Екатерины. Но за кого? Покажетъ еще неизвѣстно.

⁴⁾ Марія Павловна, родилась въ 1786 г. Февраля 4.

⁵⁾ Екатерина Павловна род. 1788 Мая 1.

¹⁾ Густавъ IV-й.

²⁾ Герцогъ Зюдерманландскій, принцъ Карлъ.

³⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о напечатанной въ это время Евгениемъ Исторіи Воронежской губерніи, дѣйствительно посвященной имени Импер. Павла.

⁴⁾ 12 Декабря рожденіе Александра Павловича, 13-го—Елены Павловны.

сію на Іорданъ изъ дворцовой церкви сквозь экзерцицъ-гаузъ къ каналу. Государь самъ въ экзерцицъ-гаузъ устроить изволилъ нѣсколько ротъ со знаменами и самъ командовалъ. Войска распрекрасныя! Я не видывалъ такого чистаго подбору людей. Монархъ съ нами изволилъ стоять на Іорданѣ во весь молебень. Послѣ водоосвященія окропляемы были знамена нашимъ владыкою. Пальбы же не было. Въ тотъ же день послѣ церемоніи въ придворной церкви пѣли мы и молебень вмѣсто 7-го числа ¹⁾ А въ 7-е число не было въ Петербургѣ торжества и засѣдали вездѣ въ присутствіяхъ.

Новостей у насъ нѣтъ. Говорятъ только и еще про уменьшеніе статскихъ чиновъ. Посему многіе не надолго мѣстами полученными попользуются.

Нашъ владыка ²⁾ при титулѣ Петербургскаго получилъ еще и *Новгородскаго*; а митрополитъ ³⁾ по прошенію уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, и позволено ему доживать вѣкъ свой въ Новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, съ пенсією только однихъ командорскихъ денегъ. Вѣтъхъ, вельми вѣтъхъ уже деньми! *Frequentissime asphyxia deliquioque animi laborat. Hydrops vero pedes gravat.*

Генваря 9. 1801 года

Невская Академія.

15.

31 Генваря (1801. С. Петербургъ)

Новаго нѣтъ, кромѣ что мрутъ архіереи. Новгородскій Гавріилъ ⁴⁾ 26-го

¹⁾ 7 Генваря было днемъ рожденія великой княжны Анны Павловны. Такія перенесенія молебствій на церковные праздничные дни бывали и при Александрѣ 1-мъ.

²⁾ Т. е. Амвросій.

³⁾ Гавріилъ (Петровъ) — извѣстный богословъ и ученый, бывшій митрополитомъ съ 1783 года. Краткій отзывъ Евгенія объ этомъ пастырѣ см. въ слѣд. письмѣ.

⁴⁾ Весьма часто подвергается обморокамъ и страдаетъ упадкомъ духа. Водяная же мучать ноги.

⁵⁾ Т. е. бывшій С.-Петербургскій митрополитъ, о которомъ говорилось въ предшествовавшемъ письмѣ.

скончался отъ стеченія въ груди воды. За день сдѣлался уже безъ языка, а за два дни заготовилъ уже новую духовную. Умеръ спокойно, но не такъ славно, какъ бы стоило. Чтоже дѣлать? Конецъ великихъ людей почти всегда таковъ. Вспомнимъ Румянцова, Суворова, Миниха и другихъ...

27-го мы въ вечеру о семь вѣсть получили съ эстафетомъ и на утре служили со владыкою соборнѣ ему панихиду. Владыка много слезъ лилъ, да и монахи тоже. Сегодня его тамъ будутъ погребать въ Софійскомъ соборѣ. Погребеніе будутъ исправлять его викарій ⁵⁾ и отставной Викторъ ⁶⁾, Владимірскій бывшій. А отсюда никто не похвалять.

Покойникъ ежедневнохристиански приготовлялся къ смерти. Отъ всѣхъ почти уединился и углублялся въ размышленія. Однакожь велъ переписку и съ нашимъ и все твердилъ о близости смерти.

Hydrops pedum et asthma ⁷⁾ болѣе всего тяготили его. Скончался также и нашъ давній пріятель Аѳанасій Вольховскій ⁸⁾ бывшій Могилевскій епископъ, предъ новымъ годомъ. Варлаамъ ⁹⁾ ни думано ни гаданно въ честь попалъ, ибо нашъ владыка цедулою просилъ только прикомандировать его къ себѣ въ подмогу для службы, а Монархъ по случаю присоединенія Грузіи ¹⁰⁾ далъ ему и титулъ *члена* ¹¹⁾. Изумились нечаянному и не предполагавшемуся происшествію. Но такъ и быть. Настоящій будетъ *membrum* ¹²⁾. Теперъ очищаютъ ему у

²⁾ Михаилъ Десницкій, о которомъ также упоминалось выше.

³⁾ Викторъ Онисимовъ; но если вѣрно показаніе Рос. Герархіи, что Викторъ уволенъ на покой въ Новгородъ только 24 Февраля, то едва ли конечно онъ могъ быть на погребеніи Гавріила.

⁴⁾ Вдяная и одышка.

⁵⁾ Аѳанасій Вольховской скончался тоже на покое, 1 Генваря.

⁶⁾ Варлаамъ — Грузинскій архіерей.

⁷⁾ Присоединеніе Грузіи объявлено манифестомъ 17 Генваря 1801 г. Пол. Собр. 3. № 19, 721.

⁸⁾ Т. е. члена Синода.

⁹⁾ Членъ.

насъ покой. Справедливы стихи что у Григорья Андреевича ¹⁰⁾.

16.

7 Февраля 1801. С. П. Б.

Письмо ваше писано самыми горькими чернилами. Такъ: правда, я виновать, что часто на два, а иногда на три письма ваши отвѣчалъ однимъ письмомъ. Но сами же вы признаетесь, что вы свободнѣе меня. А притомъ, вы одно письмо ко мнѣ напишете, да другой и третій одно. Слѣдовательно мнѣ стекается отвѣчать на многія. Но никто, я думаю не похвалится, чтобы больше васъ чрезъ годъ получилъ отъ меня писемъ; ниже братъ мой... ¹⁾

Посылаю при семъ къ вамъ Адресъ-календарь, да Исторію Воронежа... Въ Адресъ-календарѣ множество невѣрностей. Аюня ²⁾ Новороссійскій названъ архіепископомъ, а многіе архіереи изъ кавалеровъ названы архимандритами; однакожь изъ него хоть штаты и старшинство узнаете.

Еще одинъ изъ Московскихъ Грузинскихъ архіереевъ пожалованъ членомъ Синода, но только отсутствующимъ...

Владыкѣ письмо доставьте—прошу.

17.

Отъ 20 Марта 1801 г. С. П. Бургъ.

На письма ваши замедлилъ я отвѣтомъ, за поѣздкою для осмотра разныхъ монастырей въ видѣ благочиннаго... Но успѣлъ только побывать въ одномъ Коневскомъ монастырѣ ¹⁾ на Ладожскомъ озерѣ близъ Кексгольма. Ибо распутица да-

¹⁰⁾ Стихи эти не приведены, и что за личность Г. А., мы не знаемъ.

¹⁾ Григорій; былъ священникомъ, но такъ же скоро овдовѣлъ и поступилъ въ монахи. Объ немъ не разъ говоритъ Евгенийъ въ своихъ письмахъ.

²⁾ Аванасій Ивановъ, бывший Воронежскій епископъ переведенъ въ 1799 г. въ Екатеринославъ.

¹⁾ Причину своей поѣздки именно въ Коневскій монастырь Евгенийъ объясняетъ своему другу гораздо позже въ письмѣ отъ 26 Апр. 1802 г.

лѣе не допустила ѣхать. Въ небольшемъ моемъ вояжѣ, я поступилъ какъ будто дальній путешественникъ съ замѣчаніями. Да, правду сказать, я и дѣйствительно былъ въ чужомъ краю. Ибо не успѣлъ я отвѣхать 27 верстъ отъ Питера, какъ въѣхалъ внутрь Чухны, которая меня, а я ее не понималъ...

Въ избы входилъ я только обогрѣваться. Чухонцы живутъ точно какъ Русскіе мужики, и не опрятнѣе ихъ. Но избы ихъ обширны и вышиною сажени по четыре, отъ чего и воздухъ свободнѣе; питаются только молокомъ; не стоворчивы, но прямодушны и честны. Замѣчательно, что у нихъ воровства нѣтъ. Я записалъ нѣсколько ихъ словъ, которыми при семъ вамъ и хвастаюсь. Съ нѣкоторыми изъ стариковъ ихъ я очень поладилъ чрезъ раздаваніе имъ листового табаку. Они меня величали *бачкой* и скоро давали лошадей. Есть у нихъ печатные катихизисы Чухонскіе, и почти всѣ они умѣютъ читать, а вообще всѣ мужчины и женщины знаютъ *впрую, отче и заповѣди*. Чухонки сами учатъ дѣтей, и хорошія въ домѣ хозяйки: у каждой есть самопрядка ткальной станъ. До самаго монастыря и обратно ѣхалъ я по Чухнѣ. Вся сторона ихъ лѣсиста, гориста, камениста, озериста, болотиста, бугровата и долиновата. Кажется, что Богъ нарочно закидалъ сію сторону превеликими камнями, залилъ болотами, завалилъ холмами, засѣялъ лѣсами, чтобы люди туда не ходили; но правду Гораций сказалъ: *Audax Iapeti genus coelum ipsum petit* ²⁾. Я бы описалъ вамъ и Коневскій монастырь со всѣми древностями; но, можетъ быть, вамъ покажется излишно и скучно. На обратномъ пути слѣдовало мнѣ ѣхать мимо самаго Петербурга на другой край Ладожскаго озера въ свой Зеленецкой монастырь, ибо чрезъ озеро нѣтъ пути. Но какъ скоро приблизился я къ Петербургской заставѣ Марта 12-го въ 7 часовъ вечера, то

²⁾ „Дерзкій родъ Япета хочетъ достигнуть до самаго неба“.

услышалъ отъ караульнаго, что въ прошлую ночь Государь Императоръ Павелъ I скончался, а взошелъ на престолъ Августѣйшій Александръ I. Это заставило меня заѣхать въ Невскій, и владыка воняжъ мой остановилъ. И такъ поздравьте насъ, а мы васъ, съ новымъ всемилостивѣйшимъ Монархомъ. 12-го въ вечеру и въ ночь, весь городъ иллюминированъ былъ по всѣмъ окнамъ свѣчами, а по улицамъ фонарями и плашками, и я ѣхалъ среди всеобщей иллюминаціи. Приѣхавъ въ Невскій, я узналъ, что и владыка нашъ покойнымъ Императоромъ 10-го числа въ вечеру пожалованъ митрополитомъ. Вотъ сколько безъ меня произошло въ Петербургѣ новостей. Но слава Богу, все спокойно и тихо. Я радъ еще и тому, что меня опять не послали доканчивать свой воняжъ. Въ прошлое воскресенье служилъ я въ Зѣмкѣ³⁾, и пѣли надъ покойнымъ Императоромъ панихиду. Онъ еще тогда лежалъ на постелѣ. Тогожь дни въ 7 часовъ въ вечеру подняли на парадный одръ, а выносъ въ крѣпость будетъ въ слѣдующую великую субботу. Къ церемоніи сваряжаемся, а о времени погребенія еще не слышно. О новыхъ указахъ и приказахъ читайте въ газетахъ. Монархъ иногда присутствуетъ и при разводахъ. Въ одно время съ нашимъ митрополитомъ посланъ бѣлой клобукъ и въ Грузію къ Католикосу⁴⁾.

Слышно, что опять Беклешовъ⁵⁾ будетъ, да уже и приѣхалъ. Въ Ратгаузъ⁶⁾ вашъ со всѣхъ сторонъ и ваши и наши кучами тянулись, но теперь всѣ остаются на своихъ...

Вотъ вамъ нѣсколько и Чухонскихъ словъ:

Хюва гумѣнда — доброе утро	} поздравленія.
Хюва пайва — добрый день	
Хюва инда — добрая ночь	

³⁾ Михайловскомъ.

⁴⁾ Митрополиты Грузинскіе называются Католикосами. Католикосомъ Грузинскимъ или Карталинскимъ и Кахетинскимъ былъ въ то время Антоній, сынъ покойнаго царя Ираклія (†1798 г.) До этого времени Католикосы не носили бѣлыхъ клобуковъ.

тѣрее — здорова; *костюмала* — спасибо; *ѣбоне* — лошадь; *нейба* — хлѣбъ; *вѣдда* — вода; *ія велла* поѣзжай скорѣе; *мѣнда вирста* — которая верста; *міешъ* — мужикъ; *анисъ* — человекъ; *акка* — баба; *тѣтта* — дѣвка; *иза* — отецъ; *ма* — земля; *юмала* — Богъ; *тѣйвасъ* — небо; *тѣйва* — солнце; *ку* — мѣсяць; *тѣлве* — зима; *кеватъ* — весна; *кѣжа* — лѣто; *юксъ* — осень; *вѣлкя* — огонь.

Будетъ съ васъ. Съ Чухонцемъ теперь говорить уже можете. На дорогѣ попалъ я на одного Чухонскаго пастора, который мнѣ весьма худою латынью едва могъ изъяснить, что онъ и всѣ Чухонскіе пасторы большею частію изъ Швеціи, что служатъ они всю службу по Чухонскимъ книгамъ, — что Чухонцы древній сѣверный народъ, но преданій и лѣтописей у себя никакихъ не имѣютъ; а нѣсколько только извѣстно объ нихъ по Шведскимъ и Норвежскимъ древнимъ лѣтописямъ; — что языкъ ихъ отличенъ отъ Шведскаго, и сходства весьма мало, и то потому, что Чухонцы долго были подъ Швеціею, и отъ нихъ религію получили; что есть между самими Чухонцами нѣкоторыя отличія въ языкѣ по разнымъ сторонамъ; — что они очень привержены къ религіи, а также и къ Шведамъ; — что всѣ ихъ книги церковныя большею частію напечатаны и проч. и проч.

20 Марта въ 9 часовъ вечера потребовали всѣхъ насъ въ Зѣмокъ для переносу тѣла съ трона въ траурную.

Мы были, положили въ гробъ тѣло монаршее и перенесли въ траурную въ *castrum doloris*, превеликолѣпно галлереею воздвигнутое среди залы. Шли сквозь всѣ покои зѣмка. Я не могу вамъ описать изумительнаго великолѣпія и убранства покоевъ. Гробъ несли камергеры и поставили въ высокое такъ называемое *castrum doloris*. При переносѣ

⁵⁾ Беклешовъ опять сдѣланъ былъ генералъ-прокуроромъ.

⁶⁾ Указомъ 4 Сентября 1800 г. объявлено было объ учрежденіи въ губерніяхъ Ратгаузъ въ мѣсто Магистратовъ. См. П. С. З № 19, 543.

былъ Государь Императоръ съ Императрицею и Константинъ Павловичъ. А прочихъ не было. Завтра съ владыкою нашимъ буду я тамъ служить, а умовеніе ногъ въ соборѣ совершать будетъ Псковскій

Въ Замкѣ объявлена намъ еще печальная вѣсть, что великая княгиня Александра Павловна ¹⁾ post infelicem et caesareum partum aeternam migravit ad sedes. Государыня вдовствующая Императрица неутѣшна.

Еще новость: послѣдовалъ указъ присутственнымъ мѣстамъ быть по выбору ²⁾.

21 Марта въ 1-мъ часу по полудни. Сейчасъ, по отслуженіи нами въ Замкѣ обѣдни и панихиды, объявлено нашему владыкѣ повелѣніе монаршее, что и выносъ и погребеніе будетъ въ великую субботу. Въ повелѣніи назначено собираться по утру въ 6 часовъ, а церемонія начнется въ 8 часовъ точно. Шествіе будетъ изъ Замка на Невскій проспектъ чрезъ мосты Исакиевскій и Тучковъ мостъ въ крѣпость. Только!

18.

Марта 27-го 1801 г.

Въ прошедшую великую субботу ¹⁾ погребли мы покойнаго Монарха въ Петропавловскомъ соборѣ. Шествія было ровно мѣрныхъ восемь верстъ. Ноги мы такъ отбили, что и теперь еще не отдохнемъ. Тѣлу сопутствовалъ самъ Государь Императоръ и вел. князь Константинъ Павловичъ, а великая княгиня Анна Федоровна въ каретѣ, прочихъ же не было. Во время шествія чрезъ каждую минуту были въ крѣпости пушечные выстрѣлы, а при опущеніи тѣла громъ изъ всѣхъ орудій. Въ церкви катафалкъ или castrum doloris былъ прекра-

¹⁾ „Послѣ несчастныхъ и соединенныхъ съ кесарскимъ сѣченіемъ родовъ она переселилась въ вѣчные покои“. Алекс. Павловна родилась 1783 г. Іюля 29. въ супружествѣ было за эрцъ-герцогомъ Іосифомъ Палатиномъ Венгерскимъ.

²⁾ См. № 19, 740 Пол. Соб. З.

¹⁾ Т. е. 23 Марта.

снѣй. Стѣны всѣ убиты чернымъ сукномъ, и окна завѣшаны. Страшно было даже войти въ соборъ. Хотѣлось мнѣ послать къ вамъ церемоніаль погребенія, но нигдѣ достать не могъ. Здѣсь поелику всѣ въ дѣйствиіе его видѣли, то и не любопытствовали списывать, а въ Москвѣ, думаю, множество списковъ...

Государыня вдовствующая Императрица въ прошлый понедѣльникъ прислала къ нашему митрополиту, на раздачу милостыни по усопшемъ Монархѣ, 10000 р.

Коронація, какъ слышно, будетъ осенью, ибо Государь въ рабочую пору не хочетъ отвлекать народъ въ Москву...

Паленъ ²⁾ между прочимъ донесъ Монарху, что народъ такъ приверженъ къ нему, что съ жадностью расхватили всѣ манифесты и теперь-де продаются уже по 1 рублю. Государь отвѣтствовалъ: „въ этомъ я совершенно удостовѣренъ буду тогда, когда лѣтъ черезъ 10-ть моего царствованія также дорого будутъ покупать мой манифестъ“. Салтыковъ ³⁾ просилъ о опредѣленіи своего сына президентомъ въ одну коллегію. Отвѣтъ: „я самъ молодъ, и съ молодыми президентами мнѣ нечего дѣлать“.

19.

Отъ 18 Апрѣля 1801. С. П. Б.

Хотѣлъ я на прошлой недѣлѣ послать съ Дуровымъ ¹⁾ церемонію погребенія, описанную моимъ Алексѣемъ ²⁾. Но Дуровъ ко мнѣ не бывалъ. А чтобъ новость сія не потеряла цѣны своей отъ замедленія, то на нынѣшней же почтѣ Алексѣй отправляетъ оное къ дядѣ своему; а дабы вы имѣли прежде всѣхъ удовольствіе прочесть оное, то прилагаю я

²⁾ Графъ фонъ деръ Паленъ, военный губернаторъ Санктъ-петербургскій.

³⁾ Впрочемъ сынъ фельдмаршала Салтыкова Александръ Николаевичъ въ 1806 году сдѣланъ былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ барона Бундберга.

¹⁾ Дуровъ, Воронежецъ, отправлявшійся изъ Петербурга въ Воронежъ.

²⁾ Племянникомъ Евгенія, См. выше прил. 5-е ко 2-му письму.

оное въ моемъ пакетѣ ³⁾); ибо, думаю, изъ братнихъ рукъ нескоро вы его дождетесь—тѣмъ паче, что можетъ быть зачнуть рукъ въ двадцать списывать и перепискою исказить до безумія. Итакъ прочтите вы оригиналъ, который смотренъ мною...

Вообще о церемоніи въ добавокъ скажу вамъ, что она была бѣднѣе Екатерининскаго погребенія. Тогда и катафалкъ въ соборъ былъ величественнѣе, и для зрителей сдѣланы были ступени мѣста къ стѣнамъ отъ полу до сводовъ. Тогда шли и полки за гробомъ, и процессія была важнѣе, и много парадныхъ каретъ въ слѣдъ, а нынѣ ни одной. Можетъ быть, тогда потому, что 6 недѣль готовились, а нынѣ двѣ недѣли. На погребеніе сперва ассигновано 20 тысячъ, да послѣ прибавлено до 5. Изъ вещей достался только одинъ цугъ митрополиту, а прочія траурныя вещи съ аукціону распроданы, а мы всѣ gratias. На гробъ еще по сіе время не сдѣлано томбы. Подробнѣе о всемъ услышите отъ пріѣзжающихъ къ вамъ...

Попалъ и я въ цѣхъ стихотворцевъ. На Святой, шутя, написалъ я сонетъ; показалъ пріятелямъ; они вырвали и пустили по городу. Дошелъ онъ какъ-то и до Государя и похвалялъ. Сталъ и Саулъ во пророцѣхъ ⁴⁾...

Caput nostrum ⁵⁾ de die in dies magis dolet. Слышно, что за Киевскимъ ⁵⁾ фельдъегеръ посланъ. Можетъ, быть ad

³⁾ Описанія церемоніала нѣтъ при доставленныхъ письмахъ.

⁴⁾ Указываемаго Евгеніемъ его стихотворенія также нѣтъ при письмахъ.

⁵⁾ Т. е. за Киевскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Бодоиномъ.

⁶⁾ Переводъ. „Глава нашъ со дня на день все больше груститъ. Слышно, что за Киевскимъ фельдъегеръ посланъ. Можетъ быть и возвратятъ его сюда на всякій случай, по не для дѣла; потому что къ дѣламъ онъ не пригоденъ; а развѣ только чтобъ поставить въ тѣни другихъ. Времена переменяются, и мы измѣняемся. Впрочемъ до насъ мало это касается. Потому что мы — только пыль, тѣнь и число; мы только считаемся людьми, мы — солдаты какаго либо вождя.

tempus hic retinebitur, non ad negotia, quippe quibus(?) ineptus est, sed ad obumbrandos alios. Tempora mutantur, et nos mutamur in illis. Nostra tamen parum interest. Quippe nil nisi pulvis, umbra et numerus summus, et cujus libet ducis milites.

Церемоніаломъ порекомендуйте моего Алексѣя и преосвященному ⁷⁾).

P. S. Сейчасъ получилъ я отъ Бантиша - Каменскаго письмо. Умиленно просить новостей и хотя краткаго понятія о церемоніяхъ, почему я рѣшился описать послать къ нему, а его просить въ ту же почту по прочтеніи. Отправить въ Воронежъ на ваше имя. Черезъ него вѣрно Алексѣево маранье разнесется по Москвѣ и всей Россіи. Кромѣ Алексѣя едва ли кто занимался сими мелочьями.

20.

25 Апрѣля 1801. С. П. Бургъ.

Анекдоты о Монархѣ нашемъ. ¹⁾ Кн. Зубовъ недавно подступя началъ просить его всепокорнѣе исполнить одну просьбу, не изъясняя напередъ оную. Монархъ далъ слово. Князь подложилъ ему подписать простительный и опредѣлительный указъ генералъ-майору (какъ помнится) Арбеневу, который виноватъ въ бездѣлицѣ — въ побѣгѣ отъ полка своего за 40 верстъ въ Италиіи во время самаго сраженія. Монархъ поморщился, однако подписалъ: *принять какъ въ службу*. Черезъ минуту онъ подступилъ къ князю и началъ просить выполнить его свою одну просьбу. Князь съ униженностію объявилъ готовность къ услугамъ. Раздерите пожалуйста, сказалъ Монархъ, давишній, подписанный мною указъ. Князь сталъ въ тупикъ; однако что дѣлать, разодралъ. ²⁾ Экономическое общество просило у Монарха позволенія штемпелевать портретъ его на своихъ медаляхъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Монархъ, ваше обще-

⁷⁾ Т. е. Воронежскому, которымъ въ то время былъ Арсеній Москвитинъ.

ство обязано заведеніемъ Екатерины II, ¹⁾ такъ не будьте къ ней неблагодарны и въ память всегда штемпелюйте ея портретъ на медаляхъ, а я прибавляю вамъ жалованья на расходы... ²⁾

При письмѣ семъ прилагаю двѣ копіи съ именныхъ ³⁾ объ оберъ-священникѣ Озерецковскомъ. Каково молодца штрафуютъ за интриги и заносчивость? Tolluntur in altum, ut lapsu graviore ruant ⁴⁾ говоритъ Ювеналъ. Онъ чрезъ Кутайсова ⁵⁾ тайными просками возвеличился было до *зла*; но за него-же теперь униженъ до *земли*. Первый указъ уже напечатанъ ⁶⁾ и на нынѣшней почтѣ разошлется по всѣмъ епархіямъ, а второй, не знаю, будутъ-ли печатать. Дай Богъ, чтобы не публиковали. И первый уже тяжелъ для него. Намъ уже жаль его.

De capite nostro ⁷⁾ hucusque nihil certi. Скученъ и уединенъ. Rumor fertur, diocesis Petropolitana iterum separatam iri a Nowogrodensi, nobisque Paullum Arch. ⁸⁾ pollicentur. Quidquid erit, expectandum potius, quam augurandum est ⁹⁾.

¹⁾ Импер. вольное экономич. общество учреждено въ 1765 г., 31 Октября П. С. З. № 12 509.

²⁾ См. № 19832 Пол. Соб. З. Тутъ говорится и о прибавкѣ жалованья Обществу и о медали.

³⁾ Копіи этихъ нѣтъ при письмѣ. Объ Озерецковскомъ см. выше - 3-е письмо.

⁴⁾ Подымаются на высоту для того, чтобы тѣмъ больше и стремительнѣе упасть на землю.

⁵⁾ Графъ И. П. Кутайсовъ — любимецъ Имп. Павла.

⁶⁾ Здѣсь, вѣроятно, разумѣется, указъ 19 Апрѣля о недѣланіи оберъ-священникомъ никакихъ распоряженій помимо св. Синода. См. въ Пол. С. Зак. № 19844.

⁷⁾ Здѣсь разумѣется конечно митрополитъ Амвросій.

⁸⁾ Павелъ Пономаревъ; о немъ см. 7-е пр. къ 2-му п.

⁹⁾ О нашей главѣ до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Скученъ и уединенъ. Носится слухъ, что Петербургская епархія опять будетъ отдѣлена отъ Новгородской, и намъ обѣщаютъ архіепископа Павла. Что будетъ — лучше обождать, чѣмъ предсказывать.

21.

Юня 6, 1801 года С. П. В.

Изъ новостей у насъ дальнихъ нѣтъ...
Ritum coronationis perficiet Plato Mosquensis, non vero noster; quinquam, ut videtur, Mosquae adfuturus est quoque noster. Ipse, ut fertur, jus hoc concessit Mosquensi.

Многіе епископы представлены къ награжденію орденами и архіепископствами. Въ томъ числѣ Меодій ¹⁾ и Тамбовскій ²⁾ къ Аннѣ 1-й ст. А всѣ ректоры Академій ко 2-й степени тогожъ ордена.

22.

13 Юня 1801 г. С. П. Бургъ.

Скучна коли такъ ваша и бездождная весна, а у насъ дожди перепадуютъ; ночь пресвѣтлая, предолгой день, шумъ градской, суеты должностей — и для насъ невеселѣй вашей весны. У насъ какіе нибудь фрукты есть, а у насъ никакихъ. Съ Апрѣля показались было *алимоны* и *пельсины*, ¹⁾ а нынѣ такъ вздорожали, что *алимоновъ* 10 по 5 руб., а *пельсиновъ* и еще дороже. Причиною сему то, что бывшее замѣшательство съ Англією ²⁾ заставило еще въ Мартѣ купцовъ распродать сей товаръ на Нѣмецкихъ и Аглинскихъ берегахъ...

Лисаневичъ ³⁾ преумное дѣло сдѣлалъ, взявъ отставку; ибо избѣгъ всѣхъ ин-

¹⁾ Обрядъ коронованія будетъ совершать Платонъ Московскій, а не нашъ; хотя, какъ кажется, и нашъ будетъ присутствовать въ Москвѣ. Говорятъ, что онъ самъ уступилъ это право Московскому.

²⁾ Меодій—Смирновъ, съ 1799 г. епископъ Коломенскій и Тульскій, а до того времени съ 1795 г.—епископъ Воронежскій.

³⁾ Тамбовскимъ епископомъ былъ въ то время Феофилъ Раевъ.

¹⁾ Здѣсь Евгенийъ шутитъ конечно, подражая крику разнощиковъ.

²⁾ Извѣстно, что Павелъ Петровичъ въ послѣдній годъ своего царствованія готовился къ войнѣ съ Англією; при этомъ надано было въ 1800 г. много указовъ, стѣснившихъ нашу внѣшнюю торговлю.

³⁾ Петербургскій полицеймейстеръ. См. п. 14 Мая 1800 г. и Записки Саблукова, въ Р. Архивѣ 1869 года.

тригъ и нареканій, въ которыхъ конечно бы онъ былъ замѣшанъ. At malum actionum non nisi pessimum potest esse finis. Fortuna dum primo aspectu arridet, tanto malignius insidiatur ⁴⁾.—Вы пеняете, что Лисаневичъ не ведетъ съ вами переписки. Нельзя не извинить его. Онъ здѣсь такъ былъ замученъ дѣлами, что теперь, думаю, безъ памяти отдыхаетъ и конечно нескоро отдохнетъ...

Вы пишете, что сонетъ мой изгаженъ переписками. Вотъ вамъ предлагается при семъ вѣрная копія ⁵⁾.

Посылаю двѣ печатныя рѣчи нашего митрополита, говоренныя Государю на пасху и при посѣщеніи Синода.... Приложилъ я и указъ Сената. Онъ есть слѣдствіе несогласія Беклешова съ Сенатомъ.

Вотъ сейчасъ нашелъ я и копію съ рескрипта монаршаго къ Кіевскому митрополиту. Я и его посылаю. Написано распрекрасно.

23.

Отъ 14 Іюля 1801. С. П. Б.

Письмо ваше отъ 6 Февраля доставлено мнѣ 16 Іюня. Видно оно шло чрезъ Константинополь, около Рима и Лисабона, а тамъ мимо Исландіи, чрезъ Ледовитое море въ Камчатку и оттуда ко мнѣ чрезъ всю Сибирь...

Вы хвалитесь дождями, а у насъ они и не переставали. Но замѣчательнѣе всего то, что съ Петрова дня у насъ сильныя жары до 26 градусовъ. Мочи нѣтъ сидѣть въ покояхъ. Не помнятъ здѣсь такого лѣта, и что удивительнѣе почти при каждодневномъ дождѣ. А причина та, что отъ васъ все вѣтеръ вѣетъ. О любезное отечество! Оно дышетъ къ намъ теплотою!...

Достоверно я слышалъ, что губерніи умножаются на прежній складъ ¹⁾. Учре-

⁴⁾ Но злыя дѣла не могутъ имѣть другаго конца, какъ только самый дурной. Чѣмъ болѣе улыбается счастье сначала, тѣмъ злостнѣе надѣвается.

⁵⁾ Это конечно то стихотвореніе Евгенія, о которомъ онъ говорилъ въ п. 18 Апр.; но его не сохранилось и при этомъ письмѣ.

жденіе Губерній вновь переправлено и многія статьи выключены, а многія прибавлены. Скоро издадутъ ²⁾. Вспомогательной банкъ и нѣкоторыя коллегіи на прежній манеръ упразднятся... Новаго у насъ нѣтъ ничего. Все тихо, спокойно, безопасно, но притомъ дѣятельно. Монархъ живетъ большей частію на Каменномъ Острову, ѣздитъ иногда къ матушкѣ въ Павловскъ, въ Петергофъ, въ Кронштадтъ.

24.

25 Сентября 1801 г. С. П. Б.

Зная, что вы берете участіе во всемъ до меня относящемся, спѣшу увѣдомить васъ, что вчерашняго дня съ почтою при письмѣ отъ митрополита получилъ я изъ Москвы всемилостивѣйше Монархомъ въ день коронаціи пожалованный мнѣ, осыпанный алмазами, золотой крестъ и съ золотою цѣпью. Я по Государѣ обязанъ милостивѣйшему нашему архипастырю, который между прочими представленными включилъ и меня.... Креста своего одѣвнѣть я еще не умѣю; только самой щегольской. По щету моему на немъ 224 алмаза кругомъ по борду и въ коронѣ, не считая искръ въ промежуточныхъ лучахъ между рогами. Да еще четыре большихъ алмаза въ коронѣ. Въсу въ немъ 12 золотн., а въ цѣпочкѣ 23 зол. Крестъ очень субтильно, а цѣпочка увѣсисто выработана. Распятіе на финифтѣ. И такъ поздравьте Евгенія. Если захотите прочесть и письмо митрополиче, то оно есть у брата.

25.

Отъ 10 Октября 1801. С. П. Б.

Узнавъ, что и вы въ тотъ же со мною день славный для Россіи, прославлены милостыями всемилостивѣйшаго нашего

¹⁾ Первый указъ о восстановленіи числа губерній появился уже въ Августѣ. См. П. С. З. № 20004.

²⁾ 1-го Генваря 1802 г. обнародованы были штаты 37 губерній, № 20099 Пол. Собр. З.

Монарха, поздравляю отъ сердца васъ съ сею милостію. Не скорбите о предварившихъ васъ чинами. Не всегда счастливѣе тотъ, кто предваряетъ насъ въ чемъ нибудь. Быть довольну настоящимъ есть истинное наше счастье. Кто хочетъ на большой дорогѣ обогнать многихъ, у того скорѣе ось допнетъ. Притомъ же у перегонающихъ достоинство обыкновенно бываетъ въ лошадяхъ, а не въ сѣдокахъ. Вы желаете мнѣ пантѣи. Далекое еще! Подвигъ, какъ вижу я, еще великъ мнѣ лежитъ. Милости обыкновеннѣе всего бываютъ оковами.

Вы пишете, что я, не надумавшись довольно, писалъ къ вамъ о воспитаніи Мишеньки ¹⁾. Я писалъ къ вамъ довольно подумавши и распознавъ въ тонкости Петербургское воспитаніе ²⁾....

Сонцовъ ³⁾ о сию пору къ вамъ ни слова не писалъ, а меня и изъ Москвы поздравилъ со крестомъ; но не по его милости, а по милости митрополичей. Лестцы его славятъ въ Воронежъ, что будто и табакерку онъ получилъ не за мою кппгу ⁴⁾. Спросите ихъ, за чтожь? Самъ онъ мнѣ говорилъ, что получилъ за книгу. Тоже, думаю, онъ и самъ скажетъ по прїѣздѣ въ Воронежъ.

Р. С. Не дивитесь, что владыко вашъ забытъ при коронаціи. Танбовской и Тульской были бѣ то же, естли бы не Тр. ⁵⁾

¹⁾ Это—сынъ Македонца.

²⁾ Въ прежнихъ однакожь письмахъ нѣтъ нечего о Петербургскомъ воспитаніи. Вѣроятно письмо, о которомъ говорится здѣсь, утеряно.

³⁾ Сонцовъ, А. Б., былъ въ Воронежѣ губернаторомъ съ 1797 г.

⁴⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о сочиненной Евгеніемъ въ Воронежѣ Исторіи Воронежской губерніи, которая посвящена была Им. Павлу и вѣроятно была подписана Сонцевымъ Государю. Въ спискѣ Воронеж. губернаторовъ, помѣщен. въ означенномъ соч. Евгенія, подъ именемъ А. Б. Сонцова написано между прочимъ „когого ободреніемъ и патріотическими пособіями собрано написанное сіе Историч. свѣдѣніе о Воронеж. губерніи.“

⁵⁾ Вѣроятно Д. П. Троищинскій.

Вы не вѣрите, что Петербургское воспитаніе дѣлаетъ безпристрастнымъ къ отечеству. Въ оправданіе моего мнѣнія взгляните на Замитина, на Левшина и многихъ имъ у васъ подобныхъ.

Honos est aura; quem afflat, recreat. Ceteros intactos relinquit ⁶⁾.

26.

Отъ 19 Декабря 1801 г. С. Петербургъ.

Обновку на новый годъ—календарь я уже послалъ вамъ... Новой лучше стараго ¹⁾. Примѣйте. въ немъ предсказываются въ слѣдующемъ году 4 бури. Сказываютъ, что это заключено по вѣрнымъ выкладкамъ. Посмотримъ. Наводненіе намъ предсказано здѣшними старожилками еще въ Іюль. Оно дѣйствительно у насъ случилось. Потомъ еще въ Сентябрѣ старики начали говорить, что зима у насъ будетъ поздняя; и она послѣ долговременной слякоти въ самомъ дѣлѣ появилась къ намъ уже около 6-го Декабря...

Васъ наряжаютъ по слѣдствіямъ изъ предпочтенія прочимъ. За эту честь не для чего скучать безпокойствами. Еще скучнѣе жить въ свѣтѣ безъ дѣйствія и—безъ уваженія. Я радъ, что васъ, а не другаго кого посылаютъ слѣдовать Докукина, который, кажется, докучилъ уже всему свѣту. Пора вора на висѣлицу.

Князь Гагаринъ въ отставку... съ честнымъ видомъ. На его мѣсто въ коммерцъ-коллегію Румянцовъ.

Слышали-ль вы исторію у насъ случившуюся съ генеральшею Обуховою, пострадавшею отъ своихъ дочерей, которыхъ она старалась воспитать по нынѣшнему. Модное воспитаніе ввело ихъ во всю моду. Мать хотѣла было унять. За то чуть было не зарѣзана была молодцами и едва бѣгствомъ тайно спаслась. Жаловалась Государю. Препору-

⁶⁾ Почести—тотъ же вѣтеръ; на однихъ онъ вѣетъ и освящаетъ ихъ; другихъ же вовсе не касается.

¹⁾ Эти подарки къ новому году Евгеній почти ежегодно посылалъ своему другу.

чено было изслѣдовать Гагарину, и — осудили мать-же въ монастырь; но.... проникательный Монархъ, сверхъ чаянія и желанія судей, приказалъ выслать въ деревню и дочерей. О модное воспитаніе!... о судъ боярскій!.. ²⁾

27.

9 Января 1802 г. С. П. Бургъ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и съ новыми застѣдателями ¹⁾, а васъ особенно съ Мальтописцемъ ²⁾. Когда въ присутствіи дѣла не случится, то онъ вамъ докладываетъ будеть о Мальтійскихъ кавалерахъ. У насъ съѣзжаются помаленьку иностранные Малт. кавалеры для выбора гротмейстера; и естли они прослышатъ про вашего исторіографа, то опасно, какъ бы не поймали его въ гротмейстеры и не подбрили ему лба.. Развъ попрепятствуетъ то, что онъ не католической религіи. Да, полно—естли въ немъ хоть какая нибудь религія? Слѣдовательно легко его переименовать можно не только католикомъ, да хоть и мѣзульманомъ.

Жаль, что у васъ между боярами нескладина выходитъ ³⁾. Всяко царство раздѣльшееся на ся запустѣеть, и всякъ домъ раздѣливыйся на ся не станеть, говоритъ нашъ Спаситель. И такъ дѣйствительно опасно, чтобы у васъ не завелся Тамбовъ ⁴⁾.

Января 3-го погребли мы сенатора Храповицкаго, а 4-го вице-президента воен. коллегіи Ламба. Послѣднему Государю на погребеніе пожаловалъ 10 000 р. и самъ былъ съ Константиномъ Павловичемъ на выносѣ. Мы думали, что онъ за

²⁾ О дѣлѣ Обуховой мы не можемъ сообщить никакихъ свѣдѣній.

¹⁾ Въ гражданской палатѣ, въ которой служилъ Македонецъ.

³⁾ Черенковымъ; это та самая личность, о которой упоминалось въ 8 п.

⁴⁾ Объ этой, равно какъ и о другихъ упоминаемыхъ въ письмахъ Евгенія Воронежскихъ нескладинахъ, а въ послѣдствіи и Новгородскихъ, мы не можемъ сообщить ничего.

нами поѣдетъ въ Невскій, какъ то и обѣщался; однакожь воротился съ дороги. Погребалъ весь Синодъ. Мнѣ досталось говорить надгробную ⁴⁾, и заплатили 100 р. съ спасибомъ. Это еще новина въ Петербургъ, ибо съ 1797 года ни по комъ здѣсь не смѣли говорить надгробныхъ, да и теперь о позволеніи сказать надгробную докладывали Государю...

6-го была у насъ прекрасная, какой никогда не бывало здѣсь, церемонія. Иорданъ сдѣлана была противъ дворца на Невѣ. Полки разставлены во фронтъ вокругъ дворца. Командовалъ главнымъ самъ милой Государь. Мы вышли изъ большаго дворцоваго подъѣзда и пошли по всей дворцовой площади къ Адмиралтейству, и обошедши весь дворецъ кругомъ, при барабанномъ боѣ взошли на Неву въ Иорданъ. Къ намъ въ Иорданъ же пришли Императрицы, Марія Павловна и Баденскія принцессы. При погруженіи креста изъ всѣхъ гвар. полковъ прекрасный бѣглый огонь; а поокропленія всѣхъ знаменъ съ крѣпости пушечная пальба. Прекраснѣе всего было глядѣть на конногвардейскій полкъ Константина Павловича, а и еще прекраснѣе было видѣть, какъ онъ по немъ леталъ соколомъ, и какъ браво дѣлалъ онъ честь Государю, съ глубочайшимъ, искреннимъ, на лицѣ написаннымъ почтеніемъ. Полкъ его стоялъ со стороны дворцов. набережной, противъ Иордани. Народу было безчисленно. День прекрасный и не холодный. У всѣхъ на лицахъ написано было благонадежное, безбоязненное взираніе на высочайшую фамилію. Послѣ окончанія водосвятія Государыни Императрицы вмѣсто того, чтобы возвратиться прямо съ берегу во дворецъ, поохотились за нами пройти пѣшкомъ вокругъ дворца по полкамъ, а это вѣдь около версты. Государь, Константинъ и другіе около ихъ плясали на лошадяхъ.

⁴⁾ Можетъ быть, Евгеній разумѣеть здѣсь то, что недавно передъ этимъ было сказано о Тамбовѣ въ указѣ 1 Августа 1801 г. П. С. Зак. № 19962.

28.

Отъ 23 Января 1802 года С. П. Бургъ.

Съѣзды на конной площади преобширные, и все чувствительно дешевле обыкновеннаго; только хлѣбъ дорожаетъ и отъ лѣтней 7 рублевой цѣны доходитъ до 8 и слишкомъ рублей. Причиною то, что лѣтомъ отъ прекращенія поставокъ ввезено къ намъ меньше прошлыхъ лѣтъ. А вы жалуетесь и на то, что у васъ хлѣбъ доходитъ до 5 рублей. Экіе Украинцы! За то сахаръ у васъ будетъ дешевле къ веснѣ. Ибо и у васъ падаетъ ему цѣна примѣтно, и говорятъ, что сойдеть до 16 рублей. Дрова у васъ, вы жалуетесь, по 70 коп. возъ. Но вѣдь въ немъ нашихъ однополѣнныхъ дровъ будетъ сажень. А мы лѣтомъ съ барокъ покупали сажень по 340 к. и это считали предъ прежними годами весьма дешево. Экъ вамъ тягости!...

Умеръ и Іоаннъ епископъ Пермскій ¹⁾ на святкахъ ²⁾ *aroplecticō icu inter magna tum apud eum congressorum multitudinem sedens atque confabulans* ³⁾.

На прошедшей недѣлѣ при насъ прѣхалъ къ митрополиту Вас. Ал. Злобинъ ⁴⁾, обвѣщанный тремя разноцвѣтными лентами и медалями. Между разговорами онъ сказалъ, что въ нынѣшніе откупы до 3 миліоновъ не дано казнѣ доходу. Много онъ прекрасно тутъ разсуждалъ о оборотахъ откупа, о стремленіи черни къ пьянству, о разореніи селъ и семействъ. Хвалился, что у него въ деревняхъ нѣтъ кабака, и говорилъ, что естля истребить и вездѣ въ селахъ кабаки, а оставить только въ городахъ, и продавать по 5 р. ведро, то ни казна, ни откупщи-

¹⁾ Іоаннъ Островскій, рукоположенъ 1800 г. Февр. 5 изъ архимандритовъ Новгородскаго Юрьева монастыря.

²⁾ Но въ Исторіи Рос. Цер. день смерти его обозначенъ 24 Декабря 1801 г.; слѣд. не на святкахъ. ³⁾ Т. е. умеръ отъ апоплексическаго удара, сидя и разговаривая въ обществѣ собравшихся у него многочисленныхъ гостей.

⁴⁾ Злобинъ — сперва простой Вольскій мящанинъ, въ то время стоялъ во главѣ всѣхъ откуповъ и былъ своего рода знаменитость.

ки (разумѣя сложность всей Россіи) ничего не потерпятъ. Онъ сіе доказывалъ многими пространными и весьма вѣроятными вычислениями; и села не разорялись бы отъ пьянства. Я удивился обширнымъ свѣдѣніямъ въ народосчисленіи, въ продуктѣ всего хлѣба въ Россіи, въ оборотѣ онаго на вино, на расходы, на выпуски, въ барышахъ откупщиковъ и проч. При чивѣ своемъ онъ все еще ходитъ въ бородѣ и Русскомъ кафтанѣ и говоритъ, что рѣшился до смерти такъ ходить. Здѣсь онъ женитъ сына своего на Англичанкѣ самой бѣдной, но для него кажущейся лучше всякой богатой ⁵⁾.

29.

6 Февраля 1802 г. С. П. Бургъ

Вы нѣкогда вмѣсто меня скучали, что меня изъ Зеленецкаго никуда не переводятъ. Молитва ваша услышана. По случаю Пермской епархіи ¹⁾ вышла перетасовка многихъ архимандритовъ. Митрополитъ нашъ рѣшился въ первоклассномъ Кирилловѣ монастырѣ завести Семинарію ²⁾, и чуть чуть было Синодальные не присовѣтовали меня употребить на сіе дѣло съ опредѣленіемъ въ сей монастырь Я горѣлъ нетерпѣніемъ оставить опасный Петербургъ хоть бы на всегда, а силы въ службѣ уже ослабѣваютъ при безчисленныхъ дѣлшнихъ должностяхъ и дѣлахъ. Но митрополиту еще не угодно было это. Изъ Зеленецкаго монастыря меня перевели въ Сергіеву пустынь, что на Петерговской дорогѣ ³⁾. Вы мѣсто сіе

⁵⁾ Маріаннъ Стивенсъ, свояченицѣ Спераскаго. *П. Б.*

¹⁾ Т. е. по случаю смерти Пермскаго епископа, см. 1 и 2 е прим. къ 28-му п.

²⁾ Нужно замѣтить, что митрополитъ Авросій дѣятельно заботился о заведеніи духовныхъ училищъ и въ прежнихъ своихъ епархіяхъ (Ѣвской и Казанской; а въ Новгородской онъ дѣйствительно открылъ 7 училищъ.

³⁾ Сергіево-Троицкая пустынь — второклассный монастырь, на южномъ берегу Финскаго залива. Отъ Петербурга эта пустынь въ 15 верстахъ, отъ Стрѣльной (въ то время мызы) въ 1 верстѣ, а отъ Петергова въ 10 верстахъ.

знаете. Оно прекрасно и по окрестностямъ раю подобно. Но мнѣ, больше имени, наслаждаться имъ не даютъ. Зеленецкаго я и не видалъ; а Пустынь хотя и часто видѣть можетъ быть случится, но съ тѣмъ, чтобы отдохнувъ въ ней на полсутки, съ большимъ вздохомъ оставлять ее. Sic nos in scertra heronis? ⁴⁾ скажу по Виргиліеву. 2-го Февраля я со звономъ туда въѣхалъ, служилъ и монастырь принялъ въ управление, разузнется *по титлу*. Поглядѣлъ на море изъ настоятельскихъ прекрасныхъ покоевъ; посидѣлъ въ томъ покоѣ, гдѣ въ 1762 г. Юня 28 сидѣла Екатерина II, трепеща отъ...—Тамъ донынѣ виситъ ея портретъ и надпись ⁵⁾ изъ Римлян. XVI. 1. 2. Изъ оконъ о смотрѣлъ всѣ прелестныя окружающія мызы; увидѣлъ изъ спального окна и Петербургъ, и—къ вечеру опять въ него долженъ былъ ѣхать. Теперь я пишу къ вамъ изъ Невского, а не изъ Пустыни. Вздохните со мною... и у васъ есть пустыня — Тавровъ, по обстоятельствомъ точное изображеніе моей.

3-го Февраля у насъ не было торжества, а соединено съ 4-мъ числомъ. Часто у насъ нынѣ сіе дѣлаютъ.

О постриженіи Григорья моего въ мантию на нынѣшней почтѣ указъ въ Воронежъ посылается. Нареките его какимъ нибудь мудренымъ именемъ и не давайте скучать.

Евгеній Сергіево-Пустыинскій.

30.

20 Февраля 1802 г. С. П. Бургъ.

...Поздравляю и съ лицезрѣніемъ Императрицы. Она ѣдетъ сюда съ жалобой. Я сказалъ преосв. Варлааму о ея проѣздѣ. Здѣсь и квартира уже ей приготовлена на Невской перспективѣ противъ Гостиннаго ряду...

⁴⁾ Такъ-то опять вѣнчасшь ты меня на царство?

⁵⁾ Вручаю же вамъ Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкви яже въ Кегхреехъ. Да примите ю о Господѣ достойнѣ святымъ и споспѣшествуйте ей о ней же аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ есть.

Вы жалуетесь, что зима у васъ мокра; и у насъ какъ намоченная губка. Все слякоть. Физики и натуралисты замѣчаютъ, судя по осеннимъ наводненіямъ и необыкновенной вездѣ зимѣ, что великія перемѣны послѣдовали въ глобусѣ земномъ отъ внутреннихъ огней. Свидѣтельствуютъ то многія землетрясенія.—Я слышалъ, что насъ за тѣсное знакомство въ Воронежѣ называли масонами и знатниками; такъ кто жъ послѣ этаго захочетъ съ нами знаться? Не всякому такую науку (дружбы) Богъ откроетъ...

Въ безпокойствѣ вашемъ о Мишенькѣ я беру самое живѣйшее участіе. Но совѣтовъ отъ меня не ждите. Я не хочу ни васъ, ни Катерину Макаровну ими растревоживать. Судите сами, а я только часто размышляю, что 1) сколько вы его дома ни воспитывайте, но къ публичнымъ должностямъ отнюдь приготовить его не можете и должны будете непременно когда нибудь разстаться съ нимъ, отпустивъ его къ службѣ военной, или статской въ вышшія команды, нежели каковы есть у васъ въ Воронежѣ, дабы онъ получилъ и о службѣ вышшее понятіе, нежели какое можетъ имѣть онъ объ ней при васъ и подъ вашимъ крылышкомъ. 2) Для совершеннаго окончанія воспитанія его еще потребно 10 лѣтъ. Кто же насъ увѣритъ, что мы этаго срока дождемся? А если не дождемся, то кто изъ партикулярныхъ людей возьмется докончить планъ попеченій о воспитаніи его?— Но онъ-де за глазами можетъ развратиться.—Тоже можетъ и при глазахъ.—Его дома будутъ учить хорошіе учителя.—Всѣ они Адамы Адамычи, Кутейкины и Цифиргины. Самой посредственной учитель больше пользы можетъ принести ученикамъ въ публичной школѣ, нежели въ домашней. Самой посредственной ученикъ въ публичной школѣ правда рѣзвѣе, но за то оборотливѣе и догадливѣе; правда не за всѣми успѣетъ понимать, но за то утѣшится и тѣмъ, что многихъ увидитъ и хуже себя и получить рвеніе. Правда прежде

времени узнаетъ всѣ плутни и лукавства, но за то не будетъ и розинею. Вотъ мои размышленія. Похожи ли они на правду, или нѣтъ, не знаю. Что изъ сихъ размышленій можетъ слѣдовать, сами заключайте.

Вы спрашиваете о Греческомъ корпусѣ. Съ 1797 года уже онъ не существуетъ и соединенъ съ 1-мъ Кадетскимъ. Онъ былъ заведенъ для Греческихъ въ 1772 году вывезенныхъ дѣтей, которыя большею частію въ Петербургѣ померли, а прочія по воспитаніи въ свѣтъ выпущены...

31.

15 Марта 1802 г. С. П. Бургъ.

Книгъ своихъ я съ трепетомъ жду ¹⁾ и боюсь, чтобы по нынѣшней мокрой слякотной погодѣ не подмочили ихъ. Между тѣмъ я уже и здѣсь накупилъ вновь бібліотеку себѣ книгъ. По вольности цензуры ²⁾ съ весны привезутъ намъ миллионы новыхъ книгъ; да ба! читать намъ некогда.... Какъ ни суди вашъ владыка о желаніи моемъ вырваться изъ Питера, но онъ на мысли мои не попадаетъ. Ему Петербургъ извѣстенъ только по членству синодальному; но каково тутъ префекту и у нынѣшняго митрополита вникающаго во все, онъ кажется, не знаетъ. Я теперь на степени такой уже, что вездѣ съ голоду не умру, а скучать съ книгами нельзя. Здѣсь же и книгъ читать некогда. Всякое утро процвѣтетъ и погибнетъ.... Не выпускаютъ изъ Питера и воли не даютъ; да и въ Пустыню только на нѣсколько часовъ отпускаютъ, а рѣдко на ночь. Вотъ уже три недѣли я тамъ не былъ. Я тамъ теперь зимою помѣ-

щаюсь на случай пріѣзда въ одномъ маленькомъ покойникѣ....

Вы желаете мнѣ епископства. Нѣтъ, теперь я очень ясно вижу, какъ владыкъ отсюда пожуриваютъ. Теперь бѣдному Аѳ. Нов. такая гонка за все.... Это и со стороны смотрѣть не сладко.... А архимандритамъ покойно.

Графъ Бутурлинъ ³⁾ и здѣсь меня отыскалъ. Онъ самъ ко мнѣ сперва пріѣхалъ, а я за то ему часто плачу посѣщеніями. Онъ сюда переселился и со всею своею бібліотекою. Квартируетъ противъ самаго дворца на Исакіевской площади и имѣетъ уже придворную должность.

Одно только превосходнѣйшее для языковъ училище во всей Россіи и есть Петербургское Петровское ⁴⁾, гдѣ года въ три мальчики выучиваются по французски и по нѣмецки не только говорить, но и чисто переводить и разумѣть книги. Я самъ часто видалъ и разговаривалъ съ десятилѣтними тамошними мальчиками и удивлялся. Но за то платить они 500 р. въ годъ. Университетскія школы о сю пору всѣ въ упадкѣ. Теперь готовятъ новый университету штатъ ⁵⁾ и жалованье умножаютъ вдвое до 120000 р. Что-то будетъ!. Но отъ Русскихъ профессоровъ, каковы тамъ теперешніе, нельзя лишняго надѣяться...

9-го погребли мы дочь Осипа Ивановича Хорвата ⁶⁾ книжницу Тюфякину. Погребеніе устроили Зубовы Николай и Валеріанъ и горько плакали. 12 го кончили мы и императорскій трауръ; служили всѣ въ крѣпости. Въ три часа по-полудни прибылъ Государь и Конст. Павл. со всею вообще импер. фамилією,

³⁾ О Бутурлинѣ Р. Арх. 1867, стр. 376.

⁴⁾ Основанное 22 Января 1764 г. при Евангелической церкви св. апостола Петра. П. С. 3 № 12,021.

⁵⁾ Комиссія для разсмотрѣнія уставовъ Академіи Наукъ и Москов. Университета объявлена указомъ еще 1802 г. П. С. 3 № 20,167.

⁶⁾ Бывшаго при Евгеніи Воронежскимъ губернаторомъ, съ 1792 г. по 1794 г. См. Ист. Вор. Губ. стр. 89.

¹⁾ Евгеній въ одномъ изъ прежнихъ своихъ писемъ просилъ своего друга переслать ему въ Петербургъ оставшіяся въ Воронежѣ его книги. Объ этихъ-то книгахъ и говорится здѣсь.

²⁾ Свободный ввозъ заграничныхъ книгъ разрѣшенъ былъ уже указомъ 31 Марта 1801 г. См. П. С. 3. N 19,807. Дополнительные указы издавались и послѣ этого не одинъ разъ, см. напр. № 20107, 14 Января 1802 г.

даже и маютки, и всѣ припадали къ гробницѣ. Не была только импер. Елисава. Алексѣевна. 13-го праздновали восшествіе, и я проповѣдывалъ въ Морскомъ; а при Дворѣ никакого собранія не было.

32.

26 Апрѣля 1802. С. П. Бургъ.

Вы спрашиваете (по желанію *нѣкоего*) извѣстія о Валамскомъ игуменѣ Назаріѣ ¹⁾. Онъ и теперь на Валамскомъ острову. Но вотъ его исторія. Въ прошломъ 1801 году дошли до нашего митрополита слухи, что онъ держитъ въ монастырѣ многихъ людей безъ видовъ и даже въ рясофоръ многихъ такихъ постригъ. О семъ донесено было даже по свѣтской командѣ тамошнему Выборгскому губернатору. Чуть чуть недолго и до покойнаго Государя, и тогда бы... Посему для изслѣдованія отправленъ былъ туда отъ насъ одинъ присутствующій протопопъ. Онъ дѣйствительно нашелъ тамъ до 25 человекъ хотя и не бѣглыхъ, но безъ документовъ на свободное ихъ состояніе — и всѣхъ ихъ тотчасъ изъ монастыря выслалъ, а Назарій за сіе отданъ подъ судъ и по суду отрѣшенъ отъ настоятельства и опредѣленъ въ число братій нашей Лавры. Здѣсь онъ жилъ до милостивѣйшаго манифеста Апрѣля 2 ²⁾, а потомъ по просьбѣ его уволенъ въ Валамской же островъ на покой. По симъ-то обстоятельствамъ и я, какъ нѣкогда писалъ къ вамъ ³⁾, отправленъ былъ въ Коневскій и другіе монастыри для подобнаго же изслѣдованія. И я тоже сдѣлалъ что протопопъ.

19 погребли мы Кутузова, президента Адмиралт. коллегіи. Добрый нашъ Мо

¹⁾ Валаамскій Спасопреображенск. 3-й классный мужской монастырь находится на одномъ изъ С.-Западныхъ острововъ Ладожскаго озера, издревле называемомъ Валаамомъ, отъ сего и названіе монастыря. Отъ С.-Петербурга онъ отстоитъ въ 200 в. См. Ист. Р. Іер.

²⁾ См. П. С. З. № 19.814.

³⁾ См. п. 20 Марта 1801 г.

нархъ съ Конст. Павл. были на вынось, да и на погребеніе пожаловалъ 20000 руб. — Освященіе Исакиевскаго собора назначено Мая 30. Вышелъ новый указъ о ученіи семинаристовъ медицинѣ ⁴⁾.

33.

13 Маія 1802 г. С. П. Бургъ.

Насъ бѣдныхъ рѣдко и въ Пустыню отпускаютъ: представьте, только дважды со Святой былъ я тамъ. За то и дома я по пустынически живу — никуда вонъ ногою. Провожу только иногда вечера съ Грузинскимъ преосвящ. Варлаамомъ ¹⁾ — и знаете ли, что изъ этихъ вечернихъ у меня съ нимъ времяпрепровожденій вышло? Онъ мнѣ все рассказывалъ да рассказывалъ про Грузію, а я слушалъ да слушалъ, да на усъ себя моталъ, а тамъ якъ присѣвъ писать, ажъ смотрю, уже цѣлая книга о Грузіи маранья скопилась. Прочелъ владыкѣ Варлааму — онъ ажъ изумился, и ну пополнять, поправлять, съ находящимися здѣсь Грузинскими князьями ²⁾ совѣтываться и спрашиваться. Попросилъ я помощи и отъ Бантыша-Каменскаго. Онъ все любопытное изъ своего гнѣзда мнѣ сообщилъ. Вотъ и книга. Показалъ митрополиту. Одобрено, велѣно напечатать и теперь уже подъ тисками. Два листа уже отпечатаны.

Мы съ Грузинскимъ сами хохочемъ, что изъ шутокъ вышла книга ³⁾. Названіе ея есть слѣдующее: *Историческ. изображение Грузіи въ политическомъ,*

⁴⁾ П. С. З. №№ 20.344 и 20.346. Но оба эти указы въ П. С. З. помѣчены Юлемъ мѣсяцемъ: первый 17-мъ, а второй 24-мъ.

¹⁾ См. 15-е письмо.

²⁾ Въ Петербургѣ жили въ это время между прочимъ Грузинскіе царевичи Богратъ, Іоаннъ и Михаилъ, см. П. С. З. № 20.386.

³⁾ Здѣсь Евгенийъ шутитъ надъ своимъ трудомъ; но въ сущности онъ дороже ему стоилъ, и въ основаніе его легли не одни только рассказы и матеріалы, сообщенные Б.-Каменскимъ; изъ предисловія и изъ самаго соч. видно, что Евгениемъ перечитано было при этомъ не мало прежде писаннаго о Грузіи. Слич. письма. 35-е и 44-е.

церковномъ и учебномъ ея отношеніи. Просимъ не погнѣваться: вы скоро ее читать будете. Тамъ увидите и по грузински *отче нашъ* и нѣсколько стиховъ. И все это писалъ человекъ ни слова по грузински не знающій и отъ роду Грузіи не видавшій. Митрополитъ нашъ 2 Мая получилъ отъ вдовствующей Императрицы бриліантовый крестъ въ 4 т. за помяновеніе покойника....

Я еще не увѣдомлялъ васъ, что я съ 6-го Апрѣля учу уже не Философію, а Богословію. А ректоръ только ректоромъ остался.

Въ новомъ изданіи Географическаго Рос. словаря ⁴⁾ въ Москвѣ напечатано въ 1-й части все мое Воронежское описаніе отъ слова до слова ⁵⁾; но такъ нерадиво и смѣшанно, что даже досадно мнѣ было читать.

Читаете-ли вы Карамзина журналъ? ⁶⁾ Кажется, хорошъ. Я подписался.

Наконецъ вдругъ три изданія вышло и переписки Екатериной съ Вольтеромъ ⁷⁾. Но такъ худо переведены, что даже жаль.

34.

17 Іюня 1802 г. С. П. Бургъ.

Послѣднее (письмо ваше), получилъ я въ Пустынѣ и на благопріятномъ растворенномъ благоуханіемъ воздухѣ прочелъ оное. О естли бы вы были тамъ со мною. Я бы вамъ поднесъ за оное только что привезеннаго на Французскихъ корабляхъ шампанскаго покала и новаго Французскаго вина большую рюмку. Мы теперь сими новостями лакомимся.

Іюня съ 1-го пробылъ я до 4-го въ

⁴⁾ Л. Максимовича и А. Шекатова. Изд. это продолжалось отъ 1801 до 1809 г.

⁵⁾ См. 1-й ч. Географ. Слов. стр. 1033—1149. Впрочемъ здѣсь только часть сочиненія Евгенія, остальное содержаніе его Воронежской Исторіи размѣщено въ другихъ частяхъ Словаря, по разнымъ азбучнымъ статьямъ.

⁶⁾ Вѣстникъ Европы.

⁷⁾ Эти изданія, кромѣ невѣрности перевода, еще и далеко не полны. Слѣдовало бы издать вновь. Но гдѣ подлинныя рукописи? П. Б.

Пустынѣ своей съ ректоромъ и всѣми академическими учителями. Тутъ-то была рекреція! Помните какъ бывало на Чижовкѣ, или въ Троицкомъ ¹⁾. 2-го Іюня ѣздили мы всѣ въ Кронштадтъ, все чудесное тамъ осмотрѣли: машину всемогущую, каналы для починки кораблей преудивительные, магазины преогромные, гавань преобширную, кораблей иностранныхъ неизчислимое множество, разнообразность народа неописанную и вмѣстѣ нанюхались воздуху смраднѣйшаго. Были и на военныхъ, въ море уже отправляющихся, корабляхъ. Капитанъ-командиръ принялъ насъ учтиво и проводилъ съ музыкальнымъ маршемъ. Волны были преогромныя; но мы безопасно качались въ катерѣ, не боящемся волны, смѣялись морской пѣнѣ и сыпавшимся на насъ брызгамъ. Паруса наши, какъ на крыльяхъ, мчали насъ по водянымъ волнамъ. Мы переѣзжали съ корабля на корабль, были у ласковыхъ Французовъ. Домой подъ самымъ монастыремъ подѣхали мы уже за полночь. О какъ весело по морю кататься! Митрополитъ морщась отпустилъ насъ, а особливо узнавъ, что мы хотимъ ѣхать въ Кронштадтъ...

30 Маія соборитъ освятили мы стародавній Исакиевскій соборъ въ присутствіи Императрицъ и были у нихъ у руки...

Вы скучаете службою. Скучно и безъ службы, а особливо съ малымъ достаткомъ. Вы говорите, что въ жизни перемарали много бумаги безъ пользы. Нѣтъ... ваше маранье полезнѣе нашего для ближнихъ. Мы пишемъ для удовольствія, а вы для облегченія несчастныхъ. И такъ вы все въ преимуществѣ, и имя ваше печатается въ книгѣ животной. Въ доказательство сего посылаю вамъ при семъ Адресъ-календаръ ²⁾.

¹⁾ Названіе подгородныхъ слободъ въ Воронежѣ; въ Троицкомъ же и лѣтнія архіерейская дача съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ по берегу р. Воронежа.

²⁾ Этотъ Адресъ-календаръ и объяснилъ намъ мѣсто службы Македонца.

Въ сосѣдство къ моей Пустынѣ перѣхалъ жить, т. е. въ Стрѣльну, Цесаревичъ съ полкомъ, и ежедневная пальба...

35.

15 Іюля 1802 г. С. П. Бургъ.

Теперь уже вакація, разумѣется отъ Академіи; а впрочемъ все рабочіе дни. Однакожъ выпрошусь на недѣлю въ свою Пустынь...

Посылаю къ вамъ экземпляръ моей Грузіи ¹⁾ Прилагаю при томъ еще и Грузинскую грамматику, сочиненную пресовъ Варлаамомъ, ²⁾ или бишь выкраденную безъ толку изъ большой Католикосовой ³⁾ грамматики. Однакожъ я въ ней ни-мало не участвовалъ. Авось и вы по грузински выучитесь. Ее напечатано только 200 экземпляровъ на счетъ автора, и въ продажѣ нѣтъ. Прилагаю при семъ еще и диссертацию перваго новопроизведеннаго Медицинскою Академіею доктора. Какова есть, не судите.

Изъ посвященія вы увидите, что автору не захотѣлось выставить себя ⁴⁾. Мое дѣло было всегда работать для общей пользы и не ожидать награды. Да и дѣйствительно никогда оныхъ не получалъ. И сія книга отправлена митрополитомъ Государю; но отвѣту еще нѣту.

36.

23 Октября 1802 г. С. П. Б.

Прилагаю письменную тетрадку, выписанную изъ одного стариннаго ману-

¹⁾ Т. е. сочиненной Евгениемъ исторіи Грузіи. См. 33-е письмо.

²⁾ Объ этой грамматикѣ Варлаама, равно какъ и о большой грамматикѣ Католикоса упоминаетъ Евгенийъ въ своей исторіи Грузіи.

³⁾ Т. е. Антонія, но не того, который жилъ въ это время и о которомъ упоминалось въ 17-мъ письмѣ, а его предшественника извѣстнаго кромѣ грамматики и многими другими сочиненіями на Грузинскомъ языкѣ, какъ оригинальными, такъ и переводными.

⁴⁾ На заглавномъ листѣ сказано просто: Сочинено въ Александро-Невской Академіи.

IV. 5.

скрипта ^{*}), найденнаго мною въ нашей Академической бібліотекѣ. Въ ней увидите вы кое-что до Воронежа относящееся, чего въ обыкновенныхъ исторіяхъ нѣтъ. Вотъ какъ были внимательны и замѣчательны въ старину даже и пѣвчіе придворные, что писали журналы своего путешествія. А нынѣ и губернаторы вездѣ—даже и въ своихъ губерніяхъ—все проѣзжаютъ безъ замѣчанія. По прочтеніи тетрадку сію положите въ бібліотеку Народнаго Училища. Я увѣренъ, что тамъ лучше знаютъ цѣну симъ мелочамъ, нежели въ Семинаріи, гдѣ конечно бросили бы ее безъ вниманія и записанія; и мѣсяца черезъ три, можетъ быть, умный какойнибудь Латынскій бібліотекаръ выбросилъ бы ее съ соромъ вонъ за то, что она не Латынская и не печатная...

У насъ было три наводненія, и первое ужасное. Мнѣ случилось на ту пору ѣхать въ Пустынь: по всей Коломнѣ ѣхалъ я по водѣ въ поларшина, да и по Петергофской дорогѣ верстъ 5 тоже.

Нашихъ новостей писать къ вамъ нѣтъ у меня охоты, потому что вы, кажется, не занимаетесь ими, не знаю, по скромности ли, которая въ нынѣшнюю пору уже излишна и безвременна; ибо все слава Богу безопасно;—или по невниманію.

37.

15 Ноября 1802. С. П. Б.

14 числа во 2-мъ часу по полудни доходило и до насъ землетрясеніе, но столь слабое, что во всемъ Петербургѣ только три человѣка замѣтили оное: 1) Англійская посланница, наливавшая въ то время кофе; 2) одинъ пансіонскій учитель, стоявшій прислонясь къ стѣнѣ въ третьемъ этажѣ дома, да 3) Гамбургскій купецъ, державшій въ рукахъ стаканъ пуншу. Такъ я слышалъ отъ Николая П. Румянцова, сочлена нашего въ Комитетъ ¹⁾. Всѣ вышеупомянутые господа

^{*}) Приложенія этого не сохранилось при письмахъ.

¹⁾ Благотворительнаго общества.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 26.

не сочли это землетрясеніемъ, а собственнымъ головокруженіемъ. Однакожь записали и когда изъ Москвы получены о семь вѣсти, то они, справясь съ записками, нашли тотъ-же самый день и часъ. Въ Москвѣ *) чувствовано было въ семи мѣстахъ, какъ изъ репорта видно, а въ Кіевѣ минутъ 15 оно продолжалось съ чувствительнымъ подъ землею шумомъ. Получены также репорты о томъ-же изъ Калуги, Тулы, Курска и Бѣлоруссіи. Прошедшею весною въ Перми было еще чувствительнѣйшее землетрясеніе. И все это въ Россіи дѣло бывавалое и прежде, и слѣдовательно, яко натуральное происшествіе, не можетъ наводить никакого страха. Надобно ожидать какого нибудь извѣстія объ изверженіяхъ огнедышущихъ горъ. Всѣ другія пророчества излишни. Предъ тѣмъ у насъ были великія отъ моря наводненія.

Бывши на смотрѣ воздушнаго шара, нечаянно увидѣлъ я Миллера съ Катериною Николаевною. Послѣ того они были у меня и обѣдали. Миллеръ бѣдной хвалился обнадеживаніями всѣхъ бояръ. Но я увѣренъ, что всѣ эти обнадеживанія ничего не стоятъ, а совѣтоваль ему заходить съ боку. Онъ видно не послушался и — вы непременно уже читали въ газетахъ поносный ему отказъ.

38.

27 Ноября 1802. С. П. Б.

Жалю, что губернія ваша ябедами портится. Изъ Богучарскаго уѣзда прислана къ министру юстиціи жалоба поповъ *Старо-и-Новомъловатскихъ* и еще третьей какой-то сосѣдней слободы, за неумѣренныя за свадьбы взятки. Онъ послалъ туда розыскать, мимо духовной команды. Вотъ плодъ ябедъ!

Вы, помнится, спрашивали меня, какіе у насъ успѣхи по Комитету благотвѣтельнаго общества ¹⁾. Доселѣ ника-

*) Это землетрясеніе было однимъ изъ самыхъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній А. С. Пушкина (онъ о немъ и записалъ) П. Б.

¹⁾ См. въ П. С. З. указъ Мая 16, 1802 г. № 20, 266: Объ учрежденіи благотворительнаго общества.

кихъ еще не было. Иностранные сочлены хотѣли все учредить на Гамбургскій манеръ ²⁾, а Русскимъ это не нравилось и хотѣлось устоять на установленіи одного Приказа Общественнаго Призрѣнія. Все только спорили и ни въ предметъ, ни въ планахъ не согласились. Наконецъ я предложилъ раздѣлить и опредѣлить сперва предметы на разные разряды, и по моему предложенію раздѣлены дѣла Комитета на три класса: 1) помощь инвалидамъ, 2) воспитаніе дѣтей безпомощныхъ 3) истребленіе таскающихся здоровыхъ и могущихъ работать нищихъ. Потомъ предложилъ я всѣ сіи разряды препоручить какимъ нибудь членамъ обдумать и представить планы на разсмотрѣніе Комитету. По сему первая часть препоручена мнѣ, вторая пастору Буссу, и третья статскому совѣтнику Лерху. Я свое предначертаніе отдѣлалъ, подалъ, и оно по послѣднимъ моимъ пунктамъ во всей силѣ принято за основаніе. Прочіе-жъ сочлены еще о сю пору ничего не представили. Графъ ³⁾ хочетъ, чтобы основаніе моего плана было основаніемъ и прочихъ двухъ плановъ. Посмотримъ, что представятъ другіе коммисіонеры. А я теперь потѣю надъ расположеніемъ подробнаго учрежденія моей части. Постановленіе мы дѣлаемъ на одинъ только Петербургъ сперва. Естъли удастся, то и вездѣ тоже будетъ.

39.

15 Января 1803 г. С. П. Б.

...Комитетъ нашъ вскорѣ рухнетъ ¹⁾, ибо сотрудники мои отказались отъ сочиненія плановъ по своимъ частямъ и теперь хотятъ все оставить по прежнему Приказамъ, предположивъ размножить ихъ заведенію; а въ пособіе, по моему предначертанію, заставить и каждое состояніе пещись о своихъ. Мнѣ

²⁾ Однакожь въ самомъ вышеозначенномъ указѣ особенно обращается вниманіе на Гамбург. благотворительную дѣятельность.

³⁾ Т. е. графъ Н. Ш. Румянцовъ.

же препоручено написать и докладъ о семь, который я уже и изготовилъ.

Вышли и штаты министерскихъ канцелярій ¹⁾. Окладъ пребогатой! Прави-телямъ канцелярій до 3000 жалованья; меньше 500 нѣтъ жалованья. Но по случаю тяжелой болѣзни графа Воронцова ²⁾ чутьли скоро не будетъ перемѣны въ министерствѣ. Я думалъ, что, отдѣлавшись отъ чреды, буду имѣть больше досугу. Ни чуть! Дѣла такъ же душатъ, какъ и прежде.

Р. С. Третьяго дня дворецъ въ городѣ Павловскѣ весь выгорѣлъ. Императрицѣ тысячь 200 изъяну.

На прошедшей недѣлѣ былъ я съ Витовтовымъ ³⁾ у одного Англичанина работающаго Голландскую тесму — изъ чего-же? Изъ нашей бросаемой пакли. Я прилагаю при семь образчики отъ грубой пакли до шелковидной матеріи въ трехъ степеняхъ обдѣлки. Вотъ что иностранныя руки могутъ дѣлать изъ Русской дрипи!

40.

Отъ 19 Марта 1803 г. С. П. Б.

Предварительныя правила о просвѣщеніи ¹⁾ хороши, но исполненіе еще далеко. Вспомните, что еще въ 1788 году ²⁾ былъ также указъ о учрежденіи университетовъ, но и о сию пору они не учреждены. Бездѣлицы недостаетъ — людей могущихъ учить, да денегъ могущихъ ободрить людей...

Третьяго дня данъ приказъ войскамъ на всякій случай готовымъ быть въ походъ въ 24 часа по повелѣніи

¹⁾ 7 Января. П. С. З. № 20 582.

²⁾ Государственнаго канцлера.

³⁾ Дѣйствительный камергеръ, которому поручено было образование Комитета благотворительнаго общества.

¹⁾ Указъ о комиссіи для составленія этихъ правилъ обнародованъ 8 Сент. 1802 г. П. С. З. № 20 407. Самыя же эти правила утверждены и обнародованы указомъ 26 Января 1803 г. № 20 597.

²⁾ См. Пол. Собр. З. № 16 315.

41.

Отъ 25 Апрѣля 1803. С. П. Б.

...Война наша со Шведами что-то пріостановилась. Но за то 15-го Апрѣля напугалъ насъ пороховой Охтенскій заводъ, въ 9-мъ часу по утру взорвавшийся. 18 человекъ по кускамъ раскидано на воздухъ да 14 изувчено. Справедливо правды наши называли порохъ *зельемъ*.

Изъ Петербурга цѣлыми стаями ежедневно выгоняютъ нищихъ иногородныхъ, дабы они шли въ свои мѣста, а бѣднымъ отставнымъ положено производство пенсій. Это все по нашему проекту.

Въ Синодѣ у насъ какъ-то сильная неладница съ прокуроромъ ¹⁾. Вчера еще онъ объявилъ имянной, вопреки одному Синодскому опредѣленію. Исторію о Вологодскихъ кандидатахъ ²⁾ вы, я чаю, уже слышали. Много и послѣ было такихъ же помѣхъ въ контру. А при томъ непріятны все вѣсти изъ разныхъ епархій. О какъ скучно все это переносить митрополиту!

Съ Мая, слышно, Государь, естли что не помѣшаетъ, хочетъ проѣхаться въ южныя *Россійскія* провинціи до Крыму.—Се женихъ грядетъ, исходите въ стрѣтеніе на всякій случай. Но поѣдетъ безъ этикета и на почтовыхъ...

42.

Отъ 8 Мая 1803. С. П. Бургъ.

Чудна мнѣ ваша церемонія надъ плащаницею. Стоить-ли она того, чтобы

¹⁾ Съ Января до 7-го Октября 1803 г. оберъ-прокуроромъ св. Синода былъ Яковлевъ, Александръ Алексѣевичъ. Объ этой же неладницѣ съ прокуроромъ см. ниже письма отъ 16-го Іюля и 3-го Ноября. Нѣкоторое понятіе объ этой неладницѣ и расприхъ въ Синодѣ могутъ отчасти дать и письма М. Платона къ М. Амвросію за 1803 г., 77—82 п. Н. С.—Этотъ Яковлевъ (дядя Герцена, ярко изображенный въ „Быломъ и Думахъ“) оставилъ записки о тщетной борьбѣ своей съ митроп. Амвросіемъ; онъ имѣются у насъ. П. Б.

²⁾ На Вологодское епископство. Съ 3 Февраля до 26 Апрѣля Вологодская кафедра оставалась незамятою.

изъ Покровской церкви ¹⁾ нести ее съ процессією по городу къ самому владыкъ? Да и какая бы ни была Кривошеинская плащаница, но она ничего не стоитъ предъ старинною соборною плащаницею, коей больше ста лѣтъ: ибо древность въ священныя вѣщахъ непримѣрную имѣетъ силу вдыхать большее благоговѣніе, нежели новыя вещи. А особливо въ такой печальный день каковъ великій пятокъ, въ которомъ воспоминается солище помершимъ и вся природа въ уныніи. Судите-жъ, кстати-ли тутъ блескъ плащаницъ?

Я дважды уже былъ въ своемъ земномъ раѣ—Пустынѣ. Зелень и сады во-кругъ, море играетъ и тихими волныш-ками умываетъ берега съ плесканьемъ. Съ мызъ приносятъ ко мнѣ изъ оранжерей рѣдьку, огурцы, зелень и даже персики. Безподобная гладностью Петергофская дорога уже отдѣлана. Я проѣзжалъ по ней и въ Петергофъ, и тамъ—лучше Адамова рая, а во дворцѣ—небо со всѣми святыми. Въ слѣдующее воскресенье опять буду въ Пустынѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ пріятелей. Я люблю смотрѣть съ балкона въ море на Кронштатъ, на летящія надменные парусами корабли. Поелику тамъ будутъ съ мною нѣкоторые и Малороссіяне, то возьму съ собою Перелипованную Энеиду ²⁾. Якимовъ ³⁾ крестьянъ заводитъ не думаетъ. Да и вамъ не совѣтую прибавлять ихъ, ибо дай Богъ и этихъ удержать. Вы легко можете понять изъ текущихъ дѣлъ ⁴⁾. А скоро и еще важное услышите о томъ же.

¹⁾ Одна изъ городскихъ Воронеж. церквей, отстоящая на версту съ лишнимъ отъ архіерейской церкви.

²⁾ Извѣстная шутка Котляревскаго.

³⁾ Одинъ изъ Воронежцевъ, служившихъ въ Петербургѣ, близкій знакомый Евгенія.

⁴⁾ Мысли Импер. Александра Павловича относительно освобожденія крестьянъ извѣстны. Кромѣ позднѣйшихъ мѣръ къ освобожденію крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ это уже время, въ которое пишетъ Евгеній, принимались нѣкоторыя частныя мѣры, имѣвшіяся къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

16 Мая у насъ готовятся праздновать день рожденія столѣтняго старика Петербурга. Дай Богъ, чтобъ онъ постоялъ еще лѣтъ тысячу къ славѣ Россіи. Только Шведамъ онъ не милъ. Впрочемъ Богъ вѣсть: судьбы градовъ и цѣлыхъ царствъ подобны судьбѣ челоувѣковъ

Въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ ⁵⁾ напечатана очень лестная для меня рецензія Грузинской моей Исторіи. Трудъ рецензіи взялъ на себя извѣстный славный Исторіи профессоръ Шлецеръ и самъ прислалъ сей номеръ въ нашу Академію за извѣстіе. По нѣмецки и я нынѣ маракую отчасти. Я собираюсь отвѣчать Шлецеру. Слышно, что книга моя переведена уже на Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки ⁶⁾. Но Шлецеръ дѣлалъ рецензію съ Русскаго оригинала; ибо онъ знаетъ по русски и долго жилъ, лѣтъ тому 30, въ Петербургѣ ⁷⁾. Онъ издавалъ многія наши лѣтописи.

43.

Отъ 29 Мая 1803. С. П. Б.

Посылаю при семъ къ вамъ описанія нашихъ церемоній три экземпляра. Я и церемоніаль сей описывалъ и проповѣдывалъ ¹⁾. Ибо хотя проповѣдь и назначена была ректору, но онъ заболѣлъ и отказался, а можетъ быть отказался и заболѣлъ: ибо боленъ былъ только три дня лихорадкою легкою. За пять дней только до срока досталось мнѣ писать; однако кое-какъ управился, и Синодъ одобрилъ къ напечатанію. Ее тиснуто 2500 экземпляровъ и достанетъ на всѣ концы вселенныя. Мнѣ дали 150 экземпляровъ, но кое-какъ почти разошлись...

⁵⁾ 1803 г. Марта 12, отд. 12, статья 4.

⁶⁾ Дѣйствительно переводы эти сдѣланы были.

⁷⁾ Шлецеръ приглашенъ былъ въ Россію въ 1760 г., а выѣхалъ изъ Россіи въ 1770 г. Подробнѣе о Шлецерѣ см. въ Словарѣ Русскійхъ писателей и статью прое. Соловьева въ Русск. Вѣстникѣ за 1857 г.

¹⁾ Церемоніаль и проповѣдь по случаю празднованія 100-лѣтія Петербурга. См. Пол. Собраніе поучительныхъ словъ митр. Евгенія т. IV, стр. 101—110. Киевъ 1834 г.

Государя мы проводили 23-го въ Финляндію на 14 дней; а прочая высочайшая фамилія того-же дня выѣхала въ Павловскъ. Одинъ Цесаревичъ живетъ въ лагерь на Петергофской дорогѣ; а съ половины Іюня перейдетъ въ сосѣдство ко мнѣ.

Къ намъ пріѣхалъ теперь славный Гарнеринъ и готовитъ къ пріѣзду Государеву шаръ, на которомъ отсюда отправится онъ и въ Москву. Въ Павловскѣ онъ дѣлалъ опытъ надъ маленькимъ шаромъ для Государыни. Къ сему шару привязалъ онъ кошку съ зонтикомъ, а къ привязи фитиль, который черезъ нѣсколько минутъ, догорѣвъ и пережегши привязь, освободилъ отъ шара кошку, и она съ зонтикомъ сохраннымъ спустилась на землю и представлена цѣла Императрицамъ. Самъ Гарнеринъ готовится сперва подняться изъ Таврическаго дворца съ женою и еще съ однимъ кѣмъ нибудь изъ охотниковъ, а потомъ подапнется одинъ и, оставя на высотѣ шаръ, самъ спустится на зонтикъ. До пріѣзду еще Гарнерина, одинъ изъ студентовъ Медицинской Академіи сдѣлалъ самъ небольшой шаръ и пустил его въ присутствіи Государя на воздухъ. Онъ поднялся до чрезвычайной высоты и тамъ лопнулъ, потому что сдѣланъ былъ безъ отдушниковъ. Такое искусство Русскаго студента одобрено всѣми и награждено отъ Государя. Да и достойно, потому что нашъ Русакъ показался искуснѣе Богемца Черни.

Слышно, что Французы съ Англичанами уже драться стали. Нашъ курсъ и товары бирженскіе вдругъ начали цѣною подниматься. Чѣмъ-то это кончится!

Въ половинѣ Іюня три наши корабли отправлены будутъ въ Японію и восточные острова около всего свѣта. Флотилія сія поѣдетъ подъ начальствомъ сенатскаго прокурора Никол. Петр. Рязанова по собственному его вызову. Ему даются полныя кредитивныя грамоты ко всѣмъ восточнымъ державамъ отъ имени нашего Государя. Рязановъ,

будучи мнѣ коротко знакомъ, звалъ меня въ сію экспедицію. Но Богъ съ нимъ! Пусть онъ одинъ Кукомъ будетъ. Не завидны мнѣ всѣ его Азіатскія почести. Онъ даже Государю докладывалъ обо мнѣ. Но, спасибо, графъ Румянцовъ отклонилъ сіе вниманіе на бѣдную мою голову. Лучше съ вами проживемъ въ Россіи.

44.

Отъ 11-го Іюня 1803. С. П. Бургъ.

Похвалюсь вамъ, что 31-го Мая досталось мнѣ съ митрополитомъ быть въ Павловскѣ и съ Государынями и прочею высочайшею фамиліею обѣдать. За столомъ было человекъ около 100, а мы съ митрополитомъ сидѣли противъ самихъ Государынь.

Признаюсь, сперва показалось дико, а послѣ осмѣлясь я говорилъ за столомъ столь-же громко и смѣло какъ и другіе; а особливо сидѣвшій возлѣ меня графъ Румянцовъ много придавалъ мнѣ духу фамильярностью своею. Онъ меня тутъ-же за столомъ рекомендовалъ Государынямъ какъ пріятеля своего и ученаго человека, а я краснѣлъ отъ его рекомендацій и притомъ отъ рекомендацій еще митрополитскихъ. Онъ передъ столомъ поднесъ всей фамиліи по экземпляру церковнаго церемониала и, указавъ на меня, донесъ, что я говорилъ проповѣдь. Румянцовъ тутъ примолвилъ, что я-же сочинялъ и Грузинскую исторію и проч. ¹⁾ Я отъ стыда всего упомнить не могу. Государыня вдовствующая спрашивала меня, бывалъ-ли я прежде въ Павловскѣ, обходилъ-ли я весь его и нравится ли онъ мнѣ? На все то я кое-какъ отвѣчалъ.

Послѣ обѣда и послѣ кофе заѣхали мы еще къ Николаю Иван Салтыкову на мызу и домой возвратились уже въ

¹⁾ Евгенийъ къ этому времени заявилъ свое имя и ученость не только тремя упомянутыми здѣсь сочиненіями, но и многими другими. См. перечень сочиненій М. Евгенія до 1805 г. въ Августов. кн. Трудовъ Кіев. духов. Академіи за 1867 г.

11-мъ часу вечера. Спасибо митрополиту! Въ Воронежѣ я бы всего этого не видѣлъ.

Государь возвратился изъ вояжа 5-го Юня въ вечеру на Каменный Островъ, гдѣ уже и ожидала его Государыня.

45.

Отъ 16 Юля 1803. Сергіева Пустынь.

Дивлюсь я, что нѣкогда бывшій благословеннѣйшій край Богучарскій сдѣлался нынѣ гнѣздомъ адскихъ ябедъ и волненій. Да, правда, они нынѣ видно стали просвѣщеннѣе. Вотъ плоды просвѣщенія! Хуторской простоты, видно, уже нынѣ нигдѣ нѣтъ. А все Москали! Конечно и Есковъ Москаль-же.

Я теперь два дни уже въ отпускѣ на 7 дневную вакацію, въ своей Пустынѣ живу, и послѣ городского шума восхищаюсь уединеніемъ своимъ. По всѣмъ *многочисленнымъ* покоямъ настоятельскимъ хожу одинъ и не чувствую пустоты. Такъ-то надоѣлъ мнѣ шумъ Петербургской жизни... Взялъ я сюда съ собою нѣсколько книгъ и пріятельскія письма и на нихъ отвѣчаю на досугѣ.

Прошедшіе дни для меня были крайне заботны, потому что 5 Юля ¹⁾ былъ у меня здѣсь праздникъ, и обѣдали члены Синодальные, а митрополитъ и служилъ. 11-го же числа я исправлялъ въ Академіи диспуты. Все сіе измучило меня.

Въ сосѣдствѣ и въ виду гостить возлѣ меня и Цесаревичъ и частою пальбою его экаерциій я увеселяюсь. Только пушечная пальба по ночамъ около 11 или 12 часу, иногда, не даетъ и спать какъ залповымъ стукомъ, такъ и осіявающимъ при темнотѣ пламенемъ. Онъ ужасный охотникъ до пальбы и до экаерциій. Любитъ также ѣздить и по волнамъ.

Учрежденіе объ инвалидахъ хорошо; но когда оно исполнится! Прокуроръ ²⁾

¹⁾ 5-го Юля—память св. Сергія.

нашъ все еще форсируетъ на показъ.— О путешествіи Государя на Югъ ничего теперь не слышно.

Вы дивитесь, что я за нищенскій комитетъ ³⁾ ничего не получилъ. Да когда же я что нибудь за труды получалъ? Во всю мою жизнь судьба моя была работать, а не получать за работу награды, а если что получалъ и получилъ я, то совсѣмъ не за труды, а какъ-то по случаю. Чудно! И здѣсь не стыдятся меня въ глаза даже хвалить и начальники и свѣтскіе. Но или я причиною, что никогда и ничего себѣ я не просилъ и просить не хочу, или можетъ быть и Провидѣніе Божье не хочетъ баловать меня и не за заслуги награждать меня хотеть, а туне, когда я не чаю.

Р. С. 30 Юля С. П. Б.

Письмо писано было въ Пустынѣ, но теперь только я его посылаю, потому что и еще мнѣ тамъ случились хлопоты. 22-го Юля былъ праздникъ въ Петергофѣ и превеликолѣпная иллюминація. Туда приглашенъ былъ и Синодъ, а какъ Пустыня моя на дорогѣ, то двѣ ночи Синодальные всѣ у меня ночевали, и слѣдовательно некогда мнѣ было отправлять къ Вамъ письмо, да и въ Петергофѣ мнѣ быть не удалось за домашними пріготовленіями. Но изъ Петербурга цѣлые полгорода туда ѣздили и ходили. Смѣшно было смотрѣть на многихъ женщинъ въ модныхъ платьяхъ и подъ флеромъ, а марширующихъ туда пѣшкомъ, ибо извозчики были крайне дороги. А въ женщинахъ обыкновенно нетерпѣливость такова, что хотя пѣшкомъ итти 26 верстъ, да только быть бы на гуляньѣ. Въ 12 часу ночи Гарнеринъ пустилъ съ Петергофской гавани иллюминованный шаръ; но по несчастію онъ едва поднялся на воздухъ, то загорѣлся и съ сильнымъ трескомъ лопнулъ. Вся Петергофская иллю-

²⁾ Т. е. оберъ-прокуроръ Синода — Яковлевъ.

³⁾ Такъ называется Евгений Комитетъ благотворительнаго общества. Ст. 38-а и 39-е письма.

мянація, слышно, стоила 40000 руб., и всѣ были веселы. Столы были для всѣхъ. Но изъ духовныхъ за императорскимъ столомъ былъ только одинъ митрополитъ. Съ вечеру до свѣту былъ вольный маскарадъ.

46.

31-го Августа 1803. С. П. Б.

Посылаю вамъ календарь, который я нѣкогда хотѣлъ было печатать еще въ Воронежѣ ¹⁾. Его теперь напечаталъ Розоновъ ²⁾ на свой щетъ.

Вчера былъ у насъ славный праздникъ, который посѣтилъ и Государь съ Государынями. Заходили и къ митрополиту на чарку пѣнной горѣлки. На закуску приготовлены были и оселедци, и лемишь и буханцы съ кавьяромъ и проч. и проч. по наставленію Энеиды Малороссійской.

Р. С. Добрые Воронежскіе нѣкоторые купцы вчера обѣдали у меня ³⁾.

47.

Отъ 24 Сентября 1803 г. С. П. Б.

Задумавши проситься въ отставку, видно и друзей своихъ изъ памяти въ отставку назначаете, любезный мой Василій Игнатьевичъ. Это уже пуще монашескаго отреченія отъ свѣта, котораго они однакожъ никогда не чуждаются и, правду сказать, развѣ вы хотите уподобиться пустынноику? Если въ Тавровѣ своемъ созиждете себѣ какой нибудь высокій чердакъ и въ него переселитесь, то уподобитесь не только пустынноику, но и столпнику. А въ свѣтѣ, что страннѣе, то удивительнѣе и по-

¹⁾ Подробное оглавленія составленнаго Евгениемъ календаря см. въ спискѣ его сочиненъ за 1803 г. напечатанномъ въ Тр. Киев. д. Акад. Авг. кн. 1867 г.

²⁾ Ф. Ф. Розановъ, товарищъ и другъ Евгения по Московской академіи; въ это время онъ былъ товарищемъ Директора Московской Синодальной Типографіи.

³⁾ Такихъ мѣстъ, указывающихъ на частыя посѣщенія Евгения заѣзжими въ Петербургъ Воронежскими купцами, помѣщиками или просто чиновными людьми — въ письмахъ Евгения очень много; но мы ихъ не приводили.

чтениѣ. И такъ, не сыскавъ чести въ службѣ, вы хотите ее найти въ отставкѣ. Посмотримъ.

Я слышалъ отъ уединенниковъ, что, дабы не жалѣть о мірѣ, то надобно возненавидѣть его и пріучиться надъ нимъ смѣяться. Для сего посылаю я вамъ нѣсколько каррикатурныхъ картинъ *) для украшенія вашей Тавровской залы. Тутъ увидите осмѣянныхъ и лѣкарей за королю оспу, и модныя нынѣшнія пляски, прически, уборы и проч. и проч. На это вы будете приговаривать: *право мунъ сать* и тѣмъ утѣшаться.

У насъ все тихо и новостей, кромѣ жалованныхъ за маневры, нѣтъ еще ничего. Государь переѣхалъ въ Таврической дворецъ на житье до зимы. Въ коронацію собранія при дворѣ не было. Слышно, готовятъ рукобитье на 15 Октября, и запасенъ уже фейерверкъ.

Вашъ Задонскій Тимошей, во еже умножится подаянню, выгадалъ портретъ Тихоновъ, и пускаетъ по свѣту, не заботясь, что портретъ ни чуть не похожъ на оригиналъ, а корыстолюбивые типографщики съ неисправнаго портрета вырѣзали еще неисправнѣйшія эстампикъ. Прилагаю при семъ вамъ экземпляръ. Не карриатура-ли и это?

48.

Отъ 22 Октября 1803. С. П. Бургъ.

Дивлюсь я, что славный бывший при Московскомъ университетѣ пансіонъ ¹⁾ такъ худо нынѣ рекомендуется. Естьли въ самомъ дѣлѣ онъ сего стоитъ, то лучше не посылать туда Мишеньку...

Просьба ваша объ отставкѣ ²⁾ здѣсь получена, какъ сказывалъ мнѣ нашъ

*) Посылки этой, равно какъ и упоминаемаго въ этомъ же письмѣ экземпляра обезображеннаго портрета Тихона, не сохранилось при письмахъ.

¹⁾ Т. е. пансіонъ, введенный известнымъ профессоромъ Москов. университета Шадемомъ, явившимся къ намъ въ Россію въ 1756 г.

²⁾ Изъ имѣющихся писемъ не видно, что собственно было причиною и поводомъ къ подачѣ другомъ Евгения Македонцемъ прошенія объ отставкѣ.

Воронежецъ Рясовскій, служащій въ генераль-прокурорской канцеляріи . . . Онъ разсказывалъ мнѣ и о ябедѣ Внукова, присланной къ генераль-прокурору на 17 пунктахъ. Боже мой, что у васъ дѣлается! Этотъ человѣкъ, видно, самой злой, ибо впуталъ тутъ человѣкъ до десяти ни къ селу, ни къ городу, и губернатора и Мещерякова и уголовную палату... и самъ на себя въ выколотиі мужику глаза доносить. И все это безъ связи, безъ дѣли и безъ документовъ. . . . Ну дѣйствительно, въ Воронежѣ у васъ завелся адъ; а если всѣ подобныя вамъ выдутъ въ отставку, то будетъ хуже ада. Какъ хотите, а съ отставкою я васъ поздравлять не буду, хотя расположенія моего къ вамъ не перемѣню. Думаю только, что вы такъ одичаете, что и письма писать разучитесь... Мой пріятель Бутурлинъ³⁾ ѣдетъ въ Римъ посланникомъ и хочетъ попытаться, нельзя ли тамъ наживать на себя долговъ меньше, нежели здѣсь. Вотъ какъ люди съ имѣніемъ лучше вашего Таврова безъ службы пропитаться не могутъ и въ отставку итти не хотятъ. Инаго здѣсь давятъ въ трое тисковъ, а все крѣпится и съ мѣста нейдетъ. И это замѣчательно даже и въ самыхъ большихъ боярахъ; вы уже слышали о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, и еще услышите...

Р. С. Поздравьте Ивана Никитича Черенкова⁴⁾ со все милостивѣйше пожалованнымъ ему перстнемъ за Мальтійскую исторію.

49.

Отъ 3-го Ноября 1803. С. П. Б.

И такъ вы въ отставкѣ по собственному капризу. Какъ жаль этаго всѣмъ любящимъ васъ!... Прочитывайте почаще притчу Спасителю о талантахъ у Матѳея въ гл. XXV.—Я не знаю, какъ вы противъ 25 стиха совѣсть свою предъ Богомъ оправдаете. Это мораль не человѣческая, а божеская.

³⁾ О Бутурлинѣ см. выше въ п. 7-мъ и 31-мъ.

⁴⁾ Объ этой личности упоминалось не разъ выше. См. 8 и 27 письма.

Къ числу каррикатурныхъ картинъ, вамъ отъ меня присланныхъ, я бы желалъ, чтобы кто нибудь васъ изобразилъ сидящаго въ Тавровѣ за станкомъ въ халатѣ, въ суконномъ колпакѣ, съ опущенною бородою, съ трубкою табаку, на босу ногу въ туфляхъ и пр. Вы бы сами засмѣялись на сію каррикатуру. Но—такъ и быть. Она будетъ въ оригиналѣ.

Что по сіе время не рѣшено еще распредѣленіе епархій по губерніямъ¹⁾, тому причиною бывшія въ Синодѣ съ прокуроромъ распріа²⁾. Теперь спорщикъ уволенъ, и у насъ новый прокуроръ—князь Голицынъ³⁾, человѣкъ молодой, но съ достоинствами выше лѣтъ своихъ. Онъ съ ребячества при Государѣ былъ нажемъ и съ нимъ воспитывался, а потому крайне близокъ; но тѣмъ не гордится, и кажется будемъ всѣ имъ довольны⁴⁾. Онъ теперь прежде всего за сіе дѣло принялся и предложилъ скорѣе кончить. Мѣшаетъ только разведенный отъ льду Исакиевскій мостъ стѣзжаться всѣмъ членамъ. При первомъ собраніи дѣло о разграниченіи епархій рѣшится, какъ писалъ я прежде. Затѣмъ вдругъ приступятъ къ назначенію нѣсколькихъ новыхъ въ Россіи епархій.

50.

Отъ 20 Ноября 1803. С. П. Б.

Харьковскій университетъ все еще собираются открывать, такъ какъ и нашъ Петербургскій¹⁾. Ждутъ, какъ слышно, изъ чужихъ краевъ профессоровъ, а нашими брезгуютъ. Желалъ

¹⁾ Штаты губерній, какъ указано выше, объявлены 1 Января 1802 г. № 20099 П. С. З. Расположеніе же епархій сообразно раздѣленію губерній состоялось въ 1804 г. № 21155 П. С. З.

²⁾ См. 3 е примѣч. къ п. 41-му., а также письмо 45-е.

³⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, съ 21 Октября 1803 г. вмѣсто Яковлева, уволеннаго 7 Октября.

⁴⁾ Сопоставь 81 и 82 письма. М. Платона.

¹⁾ Указъ объ открытіи Харьковского университета состоялся 5 Ноября 1804 г., а Петербургскій открытъ только въ 1817 г.

бы и я попасть въ университетъ на богословію. Вѣдь тамъ жалованье не наше жидоморское, да и служба не наша ваторжная.

Вы хвалитесь грязною осенью, а у насъ свѣжная зима и уже морозы въ 15°. Появилась уже изъ Архангельска семга и свѣжая и соленая и копченая. Много также и нашей ряпушки. Но еще нѣтъ Волжинской икры. Сиги съ Ладоги уже пришли. Въ морѣ за 30 верстъ до Кронштадта замерли два Англійскіе корабли. На биржѣ много устрицъ и Зельцерской воды.

Въ Москвѣ конфискована книга *Кумъ Матвей* по именному указу, а по представленію нашего митрополита. Вотъ вамъ сколько несвязныхъ новостей, похоже на Вуюкову нбеду...

51.

4 Декабря 1803 г. С. П. Б.

Письмо ваше отъ 12 Ноября я получилъ и изъ онаго увидѣлъ, что и предъ вами виноватъ. Признаюсь чистосердечно, далеко зашелъ я шутками ¹⁾, и ставя себя на вашемъ мѣстѣ, чувствую, что я ваеъ нескромно оскорбилъ. Но если есть мѣсто снисхожденію, то покорнѣйше прошу меня простить. А я потщусь исправить и загладить мою грубую ошибку. Увѣряю васъ, что впредь я предъ вами изъ границъ скромности уже не выду. Ошибки лучше всего учать васъ въ жизни. Прошу только васъ не помнить на мнѣ зла. А мнѣ очень чувствительно...

52.

18 Декабря 1803 г. С. П. Б.

Въ Кіевѣ митрополитомъ и титулярнымъ членомъ Синода пожалованъ Казанскій 11-го сего мѣсяца ¹⁾; а нынѣш-

¹⁾ Здѣсь, мы думаемъ, нужно разумѣть тѣ письма Евгенія, въ которыхъ онъ шутитъ, остритъ и даже упрекаетъ своего друга за его отставку.

¹⁾ Кіевскій м. Гавріилъ Бодони, тотъ самый, о которомъ Евгенийъ говорилъ выше, какъ о возможномъ соперникѣ Пепербург. Амвросію, уволенъ отъ управленія епархіею, 21 Авгу-

ній день докладъ подается о кандидатахъ на Казанскую и Черниговскую ²⁾ епархіи. На первую поставлены кандидатами Тверской, да Вятской, а на вторую викаріи Новгородской, да Московской. Нынѣ же къ вечеру услышимъ рѣшеніе. Егда очевидно, что Тульскимъ будетъ Тверскимъ ³⁾, а намѣстѣ его, какъ гадаютъ, будетъ Московской ректоръ, а въ Новгородѣ достанется викарствовать, какъ кажется, нашему ректору ⁴⁾ Впрочемъ это гаданіе не иначе совершится, какъ естли по докладамъ нынѣшнимъ безъ перемѣны выдетъ.

53.

Отъ 8-го Генваря 1804 С. П. Б.

Увѣренъ будучи въ томъ, что вы меня любите и участвуете во всемъ, до меня касающемся, спѣшу увѣдомить васъ, что 1-го Генваря сего новаго года Промысломъ Божиимъ и милостію Монарха нашего пожалованъ я въ званіе Новгородскаго викарія. Признаюсь, что я не ожидалъ столь скоро выдти изъ послушниковъ; да и не вышелъ бы такъ скоро, естли бы благоволеніе архипастыря нашего не было ко мнѣ особенное. Владыка выбралъ меня, и я сердечно готовъ ему жертвовать всѣмъ собою. Въ концѣ сего мѣсяца по посвященіи, думаю, успѣю и выѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ не запустить епархіальныхъ дѣлъ;

ста 1803 г. Въмѣсто него назначенъ въ Кіевъ, 11 Декабря того же года, Серапіонъ Александровскій, Казанскій архіепископъ.

²⁾ Чернигов. архіеп. Викторъ Садковскій умеръ 11 Ноября 1803 г. Въмѣсто него, 18 Декабря, дѣйствительно назначенъ викаріи Новгород. Михаилъ Десницкій, о которомъ не разъ упоминалъ Евгенийъ въ первыхъ своихъ письмахъ. Въ Казань, того же 18 Декабря, назначенъ Тверской архіеп. Павелъ Зерновъ.

³⁾ Такъ дѣйствительно и было: Тульскій еп. Меодій Смирновъ переведенъ въ Тверь 31 Декабря 1803 г.

⁴⁾ Послѣднія два предположенія, какъ видно изъ слѣдующаго письма, не оправдались: въ Тулу былъ назначенъ ректоръ Алек.-Нев. Академіи Амвросій Протасовъ, а въ Новгородъ—самъ Евгенийъ.

а владыка всю епархію въ полную мнѣ власть вручаетъ. Прошу помолиться о благоуспѣши моемъ. 11-го будетъ мнѣ нареченіе, а 17-го посвященіе. У васъ есть архіерейская присяга. Посмотрите, на какой подвигъ влечетъ меня неожиданное званіе Божіе! О! да поможетъ Господь быть достойнымъ сего званія! Вы и я видали архіереевъ; сличите съ присягою, и тогда со мною признаетесь, что мы неключимые рабы.

54.

Сверхъ хлопотъ по производству, приѣма гостей, развѣзду съ поклонами и пр. и пр. надобно было еще сдавать Академію, сумму Академическую, любезную мою Сергіеву Пустынь — и я едва могъ отдѣлаться въ мѣсяцъ. Досталось кое-гдѣ недочеты тихонько приплатить, неоконченное — докончить, неполное приполнить и тому подобное ¹⁾. Словомъ сказать, сверхъ пожалованной тысячи отъ Государя, я издержалъ своихъ столюжъ и съ малыми остатками вырвавшись пріѣхалъ въ Новгородъ 8 числа сего мѣсяца въ вечеру. Теперь душа на мѣстѣ... Служба была недолга, но крайне тяжела.

Благодаря покорнѣйше за поздравленіе ваше, прошу въ перепискѣ со мною забыть, что я теперь, но почитать меня тѣмъ, чѣмъ я доселѣ былъ въ разсужденіи васъ, то есть отъ сердца приверженнымъ и преданнѣйшимъ вамъ. Быть другомъ вашимъ есть титло лестнѣйшее дня меня всего въ жизни.

Отъ 17 Февраля 1804 г.

Новгородъ.

P. S. 4-го Февраля на Царицынскомъ Лугу былъ великолѣпнѣйшій фейерверкъ, состоявшій изъ 19 перемѣнъ. Начался прекраснымъ обелискомъ, а кончился преогромнымъ шитомъ. Для Синода отвѣдена была особая комната съ

¹⁾ Нужно имѣть въ виду, что на рукахъ префектовъ Академіи въ то время была не только нравственная часть заведенія (инспекція), но такъ же и хозяйственная (экономія). Ист. П. Б. Акад. 124 стр.

правой стороны близъ императорской, и я тутъ-же смотрѣлъ. Комнаты сіи были въ бывшемъ старомъ Ломбардѣ, близъ Мраморнаго дворца. Зрѣлище продолжалось $1\frac{1}{4}$ часа. Стукъ, громъ, сіяніе, хлопанье было неисчетное.

Вчера былъ я и въ своемъ Хутынѣ ²⁾. Сергіева Пустынь въ подметку не годится сему прекрасному мѣсту. Лѣтомъ тамъ будетъ рай, а особливо въ бесѣдѣ, построенной преосвященнымъ вашимъ ³⁾.

55.

...Въ своемъ Неаполѣ ¹⁾ подъ рукою милостиваго моего благодѣтеля ²⁾ я совершенно покоюсь. О всѣхъ трудныхъ дѣлахъ я имѣю дерзновенне спрашивать его. Ибо онъ приказалъ мнѣ отсюда къ нему каждую почту писать.

Вмѣсто увеселенія служу я въ соборѣ каждое воскресенье и всегда съ проповѣдью. Новгородцы ко мнѣ ласковы...

Весною выѣду въ прекрасный свой Хутыль, который какъ Сіонъ возвышается надъ Новгородскими окрестностями. Содержаніе мое здѣсь довольно, ибо около 2400 р. придетъ всего. Я часто кормлю братію хлѣбомъ-солью. Судите-жь, можно ли мнѣ желать своей епархіи, изъ коихъ рѣдка принесетъ такое довольство, а пріятностей (кромѣ развѣ самовластія) несравненно меньше. Даже и Тавровъ вашъ (хотя вы въ немъ самовластны) меньше можетъ приносить удовольствія.

Отъ 23 Марта 1804.

(Новгородъ),

56.

Отъ 16 Мая 1804 г. Новгородъ.

Мнѣ на другой-же день Пасхи пришло извѣстіе прискорбное о кончинѣ

²⁾ Хутыномъ или Хутынскимъ монастыремъ управлялъ непосредственно викарій митрополита. Монастырь этотъ въ 10 верстахъ отъ Новгорода, внизъ по теченію рѣки Волхова, на правомъ берегу отъ рѣки.

³⁾ Тогдашній воронежскій еп. Арсеній Москвинъ б. викаріемъ Новгородскимъ, съ 7 Ноября 1798 г., до 16 Октября 1799 г.

¹⁾ Новгородъ, что по гречески Неаполь.²⁾ М. Амвросія.

моей матушки, и потому на праздникѣ досталось поплакать.

Не знаю, кто писалъ въ Воронежѣ о частомъ моемъ служеніи, но это правда.

Весь постъ всѣ обѣдни преждеосвященные и воскресныя, а страстную всю сряду служилъ я. Ни одного воскресенія не упустилъ также я безъ проповѣди, и нынѣ это продолжаю, ибо тягости не нахожу въ этомъ, да и Новгородцы любятъ архіерейское служеніе и проповѣдываніе, а тѣмъ самымъ обязываютъ меня къ оному. Къ здѣшнимъ боярамъ я рѣдко выѣзжаю, ибо всѣ они разбились на несогласныя партіи и другъ друга ѣдятъ, а бѣднаго губернатора оклеветали, и онъ на нынѣшней недѣлѣ ѣдетъ въ Петербургъ какъ видно съ тѣмъ, чтобы къ намъ никогда не возвращаться. И такъ не хвалитесь Воронежскими ябедами, они и вездѣ есть. Здѣсь въ Новгородѣ въ прошлыя 7 лѣтъ смѣнено уже восемь губернаторовъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ они были худы. Такія же партіи здѣсь и между купцами.

Вы просите у меня моего портрета. У меня и у самого нѣтъ его, а въ Новгородѣ нельзя сыскать живописца и на икону Суздальской работы. Однажды только въ жизни давался я писателю живописцу, и самый оригиналъ отослалъ къ матушкѣ, а теперь гдѣ онъ, не знаю.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ отпускаю я своихъ племянниковъ къ вамъ на Воронежъ... Прошу племянника Алексѣя ¹⁾ содержать въ вашей милости и не оставлять наставленіями, каковыми въ молодости вы и меня руководствовали ²⁾.

¹⁾ Это— тотъ самый Алексѣй Болховской, о которомъ не разъ уже упоминалъ Евгений въ прежнихъ своихъ письмахъ,

²⁾ Начиная съ этого письма, Евгений не разъ говоритъ о такомъ благодѣтельномъ значеніи для него въ молодости его друга Македонца. Къ сожалѣнію, наши попытки частымъ образомъ разъяснить болѣе точно эти отношенія между двумя друзьями не да-

Они мнѣ много помогли узнать свѣтъ, а потому и ему они помогутъ.

Вы все дожидаетесь открытія Харьковскаго университета, но и открытыя едва дышатъ о сую пору. Ни учить, ни учиться некому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія. Кто-жъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ почти наукахъ твердятъ Иппократово слово: *Age longa, vita brevis, occasio momentosa, experientia periculosa* ³⁾. Родимся же мы на свѣтъ не умствовать, а дѣйствовать. Изъ Петербурга вѣстей важныхъ нѣтъ. Государь на 10 дней отѣхалъ въ Ревель. Хотѣлъ было ѣхать и въ Одессу, но отложилъ.

Что Московскій митрополитъ поѣхалъ на 3 мѣсяца въ Кіевъ ⁴⁾, это думаю вы уже слышали. А предлогомъ тому поставилъ будто собираніе матеріаловъ для Россійской церковной исторіи ⁵⁾, которой онъ во весь вѣкъ свой не напишетъ, хотя лѣтъ двадцать уже собирается ⁶⁾. Да и писать сѣлъ только въ прошломъ Сентябрѣ, увидѣвши мою диссертацію о Соборахъ ⁷⁾, какъ сказы-

ли покажетъ никакихъ результатовъ, болѣе того, чѣмъ видно изъ самихъ писемъ.

³⁾ Наука—трудное, долгое дѣло, а жизнь коротка, при томъ важное дѣло—случай, а знаніе—опасная вещь.

⁴⁾ Поѣздка въ Кіевъ м. Платона продолжалась отъ 22 мая до 17 Іюня. См. 90-е и 95-е письма Платона въ Православ. Обзор.

⁵⁾ Въ письмахъ своихъ Платонъ ничего не говоритъ объ этой ученой цѣли своей поѣздки въ Кіевъ; и, судя по краткости пребыванія Платона въ Кіевѣ, отъ утра 2-го Іюня до 8 Іюня, трудно, разумѣется, и предположить, чтобы онъ могъ заниматься въ Кіевѣ собираніемъ означенныхъ матеріаловъ, кромѣ, разумѣется, знакомства съ монументальными памятниками Кіева.

⁶⁾ На этотъ счетъ впрочемъ ошибся Евгений. Известно, что въ слѣдующемъ 1805 году появилась «Краткая Ист. Рос. церкви М. Платона» трудъ замѣчательный для того времени.

⁷⁾ Историч. изслѣдованіе о Соборахъ Рос. церкви появилось въ печати въ 1803 г.

валъ мнѣ Московскій преосв. викарій *). Онъ боится, чтобы другой кто не предупредилъ его, и не постыдилъ въ давнемъ общаніи по всюду разславленномъ, что онъ сочиняетъ Рос. церк. исторію...

Въ Кронштадтѣ, слышно, Государь будетъ 18 Мая праздновать столѣтіе сего города.

Старикъ нашъ митрополитъ, какъ пишетъ ко мнѣ, недомогаетъ. По Лаврѣ съ новыми на мѣстахъ нашихъ начальниками еще не уладился и жалѣетъ объ насъ...

57.

25 Мая 1804 г. Хутынь.

...Я живу теперь въ Хутынѣ и дышу свѣжимъ воздухомъ. Но Новгородцы сыскиваютъ меня и здѣсь. Есть у меня монастырская пашня, покосъ и подъ окнами рыбная ловля. Слѣдовательно не вамъ однимъ *rusticare licet* ¹⁾. Я самъ работаю въ саду и рѣжу вѣтви, а кромѣ того прорѣзываю и дорожки. Ибо весь садъ заросъ. Скоро примусь чистить пруды. И правду сказать, теперь то начинаю быть хозяиномъ. Но все воображается: *sic vos non vobis* ²⁾...—Да правда и всѣ люди хазяйствуютъ не для себя однихъ, а и для наслѣдниковъ. Покрайней мѣрѣ я не скажу того, что сказалъ Соломонъ Екклесіаст. гл. 2, ст. 18 и 19.

58.

Отъ 27 Сентября 1804. Хутынь.

Благодарю васъ за благорасположеніе ваше къ племяннику моему и за постъ-

ценіе его дома, гдѣ бывало и я съ вами иногда праздновалъ. *Grata est memoria praeteriti temporis vel e longinquo* ¹⁾. Я часто мыслями и нынѣ бываю у васъ въ Тавровѣ, воображаю новый домъ вашъ, и какъ будто въ немъ съ вами бесѣдую.

Вы хвалитесь жатвою и сѣномъ. А я такъ не очень ²⁾. Изъ 10 сноповъ у меня только по полчетвертику, а сѣна вдвое меньше прошлогодняго. Овсы также худы. Впрочемъ, слава Богу, къ 5-му Сентября все убрали.

Каковъ вамъ кажется указъ и статьи о рекрутскомъ наборѣ ³⁾? Что-то очень строго. Но клонится къ чему-то важнѣйшему.

Въ Петербургѣ, пишутъ, все тихо и спокойно. Даже новостей никакихъ кромѣ обыкновенныхъ нѣтъ. Старикъ нашъ ⁴⁾ получилъ алмазные знаки Андрѣевскіе.

Да бишь вотъ новости: 1) вышелъ именной указъ не пускать мірянъ въ олтарь и стоять всѣмъ благочинно въ церкви ⁵⁾. Это Государь самъ замѣтилъ, бывши въ Невскомъ на праздникѣ, ибо заслонили отъ него всѣ иконы и олтарь. 2) Въ проѣздѣ по Финляндіи Государь замѣтилъ, что худо поютъ дьячки и уважалъ учить лучше пѣвику.

59.

Покорно благодарю за дружеское ваше писаніе отъ 1-го Ноября изъ благополучнаго вашего Таврова, которой, какъ теперь вижу, избавилъ васъ отъ пагубныхъ городскихъ раздоровъ. Видно, нынѣ и вездѣ таково, какъ у васъ.

Здѣсь всѣ грызутся, и ни съ кѣмъ нельзя завести разговора, въ которой

¹⁾ Пріятно -- воспоминаніе о прошломъ, хоть и далекомъ.

²⁾ Съ переездомъ Евгенія въ Новгородъ онъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ дѣлится со своимъ другомъ различными извѣстіями, касающимися мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ.

³⁾ 7 Сентября. № 21,441. П. С. З., предписано взять съ 500 душъ по одному.

⁴⁾ Т. е. митрополитъ Амвросій; ему въ это время было 60 лѣтъ съ лишнимъ.

⁵⁾ См. П. С. З. № 21,544 и 21567.

* Трудно сказать, какого именно викарія разумѣть здѣсь Евгеній—Серафима ли Глаголевскаго, бывшаго Московскимъ викаріемъ до 29 Января 1804 г., или Августина Виноградскаго, сдѣланнаго Москов. викаріемъ съ 7 Февр. 1804 же года. Вѣроятно послѣдняго, п. ч. онъ былъ на чредѣ въ Петербургѣ около этого времени и слѣдовательно могъ видѣться съ Евгеніемъ

¹⁾ Можно вести сельскую жизнь.

²⁾ Да ты работаешь не для себя.

бы не вмѣшивали критики, осужденія и даже ругательства своимъ собратіямъ. Дворяне возстаютъ на губернатора, губернаторъ на нихъ, купцы на тѣхъ и другихъ. Ни съ кѣмъ коротко знакомымъ быть нельзя, дабы не приклепили въ партію. То и дѣло бѣгаютъ въ Петербургъ съ ябедами и вывозятъ оттуда указы.

Вмѣсто подарка посылаю вамъ при семь послѣдніе мои Петербургскіе труды надъ ученическими опытами ¹⁾. До насъ въ Петербургъ этаго не бывало, а если правду митрополитъ и другіе говорятъ, то де и впредь не скоро будетъ. Его бранятъ, зачѣмъ онъ меня скоро выпустилъ. А я такъ хвалю его за это.

Митрополитъ зоветъ меня на святки въ Питеръ для совѣту о затѣваемой реформѣ Духовныхъ Академій. Еще въ прошломъ году натолковалъ я ему сію идею, а онъ только въ прошедшемъ Ноябрьѣ доложилъ Государю, и ему велѣно сдѣлать предначертаніе ²⁾.

Р. С. Читаете-ли вы журналъ внутреннихъ дѣлъ министра ³⁾ издаваемый подъ именемъ *Сактпетербургскій журналъ* ⁴⁾. Для меня это кажется прекраснѣйшая книга. А особливо отчетъ за 1803 годъ. Книга сія есть во всѣхъ губернскихъ правленіяхъ.

Декабря 7. 1804.
Новгородъ.

60.

Давно уже я не писалъ вамъ. Но причина моя, думаю, вамъ уже извѣстна. Я съ

¹⁾ Здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣются слѣдующія сочиненія написанныя студентами Академіи подъ руководствомъ Евгенія: а) Истор. изслѣдованіе о Соборахъ рос. церкви б) Разсужденіе особорномъ дѣланіи 1157 г. на Мартіана; в) О началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облачений; г), Ожигъ, именуемой православною исповѣданіемъ вѣры восточ. церкви П. Могилы. Всѣ эти сочиненія, за исключеніемъ перваго, были напечатаны въ 1804 г., а первое въ 1803 г.

²⁾ См. слѣдующее письмо.

³⁾ В. П. Кочубея.

⁴⁾ Объ этомъ журналѣ см. 1 кн. „Жизни Сперанскаго“ б. Корфа, 99 стр.

28 Декабря по 9 Марта прожилъ въ Петербургѣ. А съ прїѣзду въ Новгородъ едва отдохнулъ отъ Петербургскихъ хлопотъ, хотя и сюда ихъ то и дѣло изъ Питера пригоняютъ. Признаюсь, хотя я самохвально нѣскольکو, что митрополитъ встрѣтилъ меня съ отеческою нѣжностію. Ибо по выѣздѣ нашемъ съ Тульскимъ, у не го все нето пошло и по Академіи и по Лаврѣ. Кромѣ многихъ другихъ дѣлъ, мнѣ повѣрилъ онъ обрѣзывать всѣ академическія классы, дѣла Правленія, щеты и весь порядокъ ¹⁾. Скажу правду, нѣтъ у него людей ²⁾. Важнѣйшее мое занятіе въ Петербургѣ было планы о реформѣ и новыхъ штатахъ всѣхъ духовныхъ училищъ. Проектъ мой читанъ Государю и отменно уваженъ ³⁾. Теперь онъ въ Синодѣ, и Синодальные (кромѣ митрополита) оспариваютъ одинъ только пунктъ *подчиненіе Семинарій Академіямъ* ⁴⁾. Это не по сердцу епархіальнымъ. Но кто-жъ виноватъ, что многіе епархіальные не радятъ о успѣхахъ въ своихъ Семинаріяхъ, и жалованьемъ располага-

¹⁾ О причинахъ порученной Евгенію ревізій Академіи и о представленныхъ имъ митрополиту результатахъ этой ревізій, несовсѣмъ согласныхъ съ тѣмъ, что говоритъ Евгеній своему другу по секрету, см. въ Истор. Петерб. Акад. стр. 106—11. Но сличи что говорится въ тойже исторіи Академіи о тѣхъ не удобствахъ въ академич. преподаваніи, которыя замѣчены непосредственно за ревізіею Евгенія и которыя вызвали нужныя перемѣны, стр. 111 112.

²⁾ Ректоромъ академіи б. въ то время Флавіанъ Ласкинъ, ректорствовавшій до самой смерти своей 2 Февраля 1808 г. Преемникомъ непосредственно послѣ Евгенія б. — Сильверстъ Суходольскій, бывшій въ этой должности съ 4 Февраля 1804 г. до 25 Мая того же года; послѣ него — Израилъ Звягинцевъ, переведенный въ 1808 г. въ первоклассный Свіяжскій Богородицкій монастырь (Казан. епархіи).

³⁾ Высочайшаго одобренія проектъ этотъ удостоился въ Мартѣ мѣсяцѣ тогоже года. Этотъ же проектъ легъ потомъ въ основу соображеніи учрежденнаго 29 Ноября 1807 г. Комитета объ усовершенствованіи духов. училищъ.

⁴⁾ Въ числѣ не совсѣмъ довольныхъ былъ и митрополитъ Москов. Платонъ. См. его письма 102, 103, 105, 108.

ють по самопроизволу, а о достоинствѣ опредѣляемыхъ ими учителей многіе и понятія не имѣютъ. Впрочемъ жалованье на Семинаріи положится по крайней мѣрѣ вдвое. Слѣдовательно будетъ изъ чего содержать хорошихъ учителей. О всемъ моемъ планѣ я нѣсколько подробнѣе писалъ къ вашему преосвященному ⁵⁾. Спросите у него.

О вознагражденіи меня за труды мои орденомъ св. Анны 1-го класса, вы, думаю, уже слышали. Прилагаю при семъ копію съ рескрипта. Placuit ergo fatis, ut amissam quondam Annam ⁶⁾ hoc insigni quasi recuperarem ⁷⁾.

Четырежды былъ я представленъ Государю и высочайшей фамиліи и осыпанъ ласками всѣхъ прежнихъ моихъ благодѣтелей. Мухановъ ⁸⁾ славно отдѣлалъ вашихъ ябедниковъ, а еще славнѣе защитилъ губернатора, когда Государь хотѣлъ было и его смѣнить. *Сорвишишь, Государь, естъ-ли и его съ виновными на-ряду поставиши*, сказалъ Мухановъ, а прочимъ по дѣломъ.

Отъ 31 Марта 1805
Новгородъ.

61.

Отъ 12 Іюня 1805. Хутынь М.

..Вы нѣкогда желали имѣть мой портретъ. Будучи въ Петербургѣ, я писалъ себя въ архіерейскомъ уже видѣ и приготовилъ копію и для васъ....

Пожалуйте пришлите по скорѣе эпиграмму покойнаго князя Вяземскаго покойному же Голикову на книгу его *Длѣнія Петра Великаго*. Помнится, она начинается словами: *воспитанникъ дьячковъ* и проч. У меня нѣтъ ея, а у насъ вѣрно есть. Вы спросите на что мнѣ она?— Я издаю Словарь о Россійскихъ писа-

⁵⁾ Арсенію Москвину.

⁶⁾ Имя покойной жены Евгенія.

⁷⁾ Отраднѣе мнѣ было то, что этимъ орденомъ я какъ бы опять приобрѣлъ потерянную нѣкогда Анну.

⁸⁾ Мухановъ б. посланъ въ Воронежъ слѣдователемъ по вышеупомянутому доносу Виукова.

теляхъ, который съ новаго года и печатается ежемѣсячно по частямъ въ Моск. журналѣ *Другъ Просвѣщенія* ¹⁾. Скоро приходитъ статья о Голиковѣ, такъ мнѣ хочется помѣстить при немъ и эпиграмму Вяземскаго.—Вы видите, что и все еще школярничаю и, думаю, по смерти не отстану.

Р. С. Скончался преосвященный Смоленскій ²⁾. Думаю, переведутъ туда бѣднаго Оренбургскаго ³⁾. Я давно умоляю о немъ митрополита.

62.

4 Августа 1805. Хутынь.

.... Позвольте спросить—что подаю вамъ мысль, будто вы мнѣ наскучили своими письмами? Я никогда не ожидалъ отъ васъ такого себѣ нареканія, и признаюсь, никогда не хочу подавать случаевъ къ такому обвиненію. Я не до того забывчивъ, чтобы не помнить многія съ вашей стороны оказанныя мнѣ благодѣнія и какъ самъ въ себѣ твердо увѣренъ, такъ и васъ смѣю наубѣдительнѣе увѣрить, что писать къ вамъ щитаю пріятнѣйшимъ себѣ долгомъ. Въ отмщеніе вамъ покушаюсь думать, не вы ли сами наскучили писать ко мнѣ?...

¹⁾ Журналъ „Другъ Просвѣщенія“ издавался около 3-хъ лѣтъ, съ 1804 до 1807 г., подъ главною редакціею графа Д. И. Хвостова, бывшаго оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Объ участіи Евгенія въ этомъ журналѣ статьями по составляемому имъ въ то время Словарю Рос. писателей, а такъ же и другими переводными и оригинальными статьями болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ перепискѣ Евгенія съ гр. Хвостовымъ, изд. Гротомъ—первыя 42 письма.

²⁾ Дмитрій Устиновичъ, скончался 26 Мая 1805 г. Отзывъ о немъ см. м. проч. въ 92 п. М. Платона.

³⁾ Т. е. того Амвросія Келембета, о которомъ не разъ упоминаетъ Евгеній особенно въ первыхъ своихъ письмахъ, напр. въ 4-мъ письмѣ. Надежда Евгенія относительно перевода Оренбургскаго въ Смоленскъ не сбылась: 7 Іюля этаго же года въ Смоленскъ б. переведенъ Вятскій еп. Серафимъ Глаголевскій; но, какъ увидимъ ниже, ходатайства Евгенія предъ митрополитомъ за Оренбургскаго не остались вовсе безплодными.

При семь препровожаю вамъ три части Трудовъ вольнаго экономическаго общества. Жалѣю, что не въ кожаномъ переплетѣ ко мнѣ высланы. А въ Новгородѣ нѣгъ перилетчика и для бумажнаго переплету.

63.

Радъ, что угодилъ вамъ присылкою портрета. Живописецъ ничего въ немъ не прибавилъ кромѣ свѣжей краски въ лицѣ, ибо и по прежнему блѣдновать.... Впрочемъ сѣверный климатъ мнѣ дѣйствительно здоровѣе вашего, и ни одно Воронежское платье уже не годится. Можетъ быть, это сидячей жизни приписать должно. Но большая часть пріѣзжающихъ жить въ Петербургъ единогласно говорятъ, что не смотря на вонючія болота, жить тамъ здорово; а мы въ прямую линію только 100 верстъ отъ Петербурга, и также въ болотахъ.

Если вы еще не слыхали, то увѣдомляю васъ, что преосвященный Аѳанасій ¹⁾ скончался 18 Августа, т. е. въ тотъ самый день, въ который послѣдовалъ было ему импийной указъ о переселеніи въ Астрахань, а Астраханскому на мѣсто его. Не вытерпѣлъ бѣдный позора, что оштрафовали его на Приказъ общественнаго призрѣнія 2000 рублями ²⁾, и съ горести проболѣлъ два мѣсяца. Астраханскій ³⁾ уже выѣхалъ, а епархія сія до времени поручена Саратовскому Гаю ⁴⁾; потому что Государь на долго изъ Петербурга уѣхалъ къ

¹⁾ Т. е. Аѳанасій Ивановъ — Екатеринбургскій архіепископъ, о которомъ не разъ упоминалось въ прежнихъ письмахъ Евгенія. См. 16-е письмо.

²⁾ За что положенъ б. этотъ штрафъ мы не знаемъ.

³⁾ Платонъ Любарскій.

⁴⁾ Гай Такаовъ, изъ Грузиновъ, переведенъ въ 1799 г. Октября 16 изъ епископовъ Моздокскихъ, викаріемъ Астраханскимъ.

⁵⁾ Известно, что Импер. Александръ, озлобленный возрастающимъ могуществомъ Наполеона въ Италіи, Германіи, Испаніи и Голландіи, въ 1805 г. принялъ участіе въ 3-е коалиціонной войнѣ противъ Франціи, въ союзъ съ Англією, Австрією, Швецією и Неаполемъ.

арміи на Австрійскія границы ⁵⁾ и забралъ штатъ изъ всѣхъ министерствъ. Слѣдовательно теперь не до духовныхъ дѣлъ.

21 Сентября 1805.

Новгородъ.

64.

Вѣсти военныя насъ не веселятъ. Около 5 кораблей съ высадными войсками на морѣ разбились. А притомъ съ часа на часъ ожидаемъ извѣстій о сшибкѣ нашихъ войскъ съ самимъ Бонапартиемъ. Газеты иностранныя объ насъ что-то скромничаютъ, а въ Петербургѣ много странныхъ вѣстей ¹⁾.

Не совѣтую Михайлѣ Васильевичу ²⁾ думать о военныхъ походахъ. Въдѣ все кончится тѣмъ-же, чтобы выдти въ статскую службу, но съ тою разницею, что онъ ее до тѣхъ поръ знать не будетъ. Если-бы я былъ въ Петербургѣ, то увязалъ бы его въ какую нибудь министерскую канцелярію, а особливо въ Кочубеевскую ³⁾, въ коей лучше всѣхъ можно поучиться. Но, въ самомъ дѣлѣ, не спѣшите рѣшить о его состояніи. Пусть пока учится....

Новостей изъ Питера никакихъ нѣтъ; потому, что три недѣли уже отъ Государя ни одной бумаги ни въ Сенатъ, ни въ Синодъ не приходило. Государь занятъ переѣздами.

Отъ 10 Ноября 1805.

Новгородъ.

65.

Приближается Христіанскій праздникъ рождества Спасителя Нашего и новый годъ. Искренніи мои желанія вамъ всегда одинаковы. Но теперь это случай изъяснить ихъ. Я при каждомъ служеніи не забываю возсылать моленія къ промышляющему о насъ Богу; а въ наступающіе радостные дни помяну васъ съ

¹⁾ Дѣйствительно, въ промежуткѣ времени между этимъ и предшествующимъ письмомъ, въ теченіи всего Октября мѣсяца, Наполеонъ нанесъ цѣлый рядъ пораженій Австрійцамъ и, въ началѣ Ноября, союзныя Австрійско-Русскія войска, не смотря на храбрость послѣднихъ, должны б. отступить въ самый центръ Австріи и отчасти даже въ Венгрію.

²⁾ Сынъ Македонца.

³⁾ Т. е. въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

умиленнымъ воспоминаніемъ всѣхъ вашихъ прежнихъ ко мнѣ благодѣяній и одолженій...

Къ новому году опять зовутъ меня въ Петербургъ, и есть-ли здоровъ буду, то нельзя будетъ не ѣхать, хотя и крайне не хочется. Ибо не гулять, а работать тамъ достанется. А при томъ и небезъизъясно. Да и вообще Петербургская жизнь для архіереевъ есть темница....

Однихъ только епархіальныхъ архіереевъ жизнь есть подлинная, покойная жизнь....

Война наша кончилась измѣною Нѣмцевъ противъ насъ ¹⁾, ибо они заключили миръ ²⁾, не сказавши нашимъ и даже измѣнически открыли Бонапартію планъ военныхъ нашихъ дѣйствованій. Отъ того онъ, предупредивъ наши планы, много поколотилъ Русскихъ, но зубъ за зубъ досталось и ему. А Государь нашъ съ негодованіемъ повелѣлъ арміи своей идти домой и самъ возвратился въ Петербургъ 7-го Декабря въ вечеру. Смѣшнѣе всего то, что Римская императрица съ министромъ своимъ Кобенцелемъ тайно даже отъ мужа заключила миръ. Вотъ каковы Италіанки! Это похоже на пару г. Простакова и г-жи Простаковой въ Недорослѣ. Императоръ Римскій въ совершенной командѣ у сей Италіанки лукавой. Бонапарте, погостивши въ Вѣнѣ, шелъ было уже въ Венгрію на сеймъ. Скоро увидите реляціи о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ. А Англичанамъ опять

приходить матъ, ибо съ ними Бонапарте ни на чемъ не хочетъ помириться.

Отъ 13 Декабря 1805.

Новгородъ.

Нынѣ мои монашескіе иманины и кормлю губернатора съ прочими.

66.

Отъ 3 Февраля 1806. Новгородъ.

На письмо ваше отъ 3 Генваря цѣлымъ мѣсяцомъ опоздалъ отвѣчать. Но вы извините, когда узнаете, что въ Петербургскомъ карантинѣ пробылъ я около трехъ недѣль и вырвавшись о сю пору насилу отдохнулъ. Дѣло не дѣло, а утомленъ до усталости. Старики любятъ потѣшиться задачами хотя и не нужныхъ работъ молодымъ ¹⁾....

Объ войнѣ нашей бывшей съ Французами больше вамъ ничего не скажу какъ что по ровну почти легло на полѣ, съ обѣихъ сторонъ до 25 тысячъ, а нашихъ именно до 15 тысячъ. Но — Бонапарте взялъ всю нашу артиллерію (до 120 пушекъ) и 40 знаменъ, да въ плѣнъ до 5000. Есть и у насъ 3 Французскихъ знамя ²⁾. Причиною сему не недостатокъ храбрости, но измѣна и внезапность нападенія. Наес pro secreto ³⁾.

Крайне хотѣлось Бонапартію послѣ сраженія видѣться съ нашимъ Государемъ одинъ, наединѣ безъ всякой свиты, но — молодежь наша отсовѣтовала, боясь, что Бонапарте всѣхъ ихъ оговорить. Plus quam decet scribo ⁴⁾.

А война была Богъ знаетъ за что!

P. S. Посылаю при семъ къ вамъ и еще одинъ опытъ прошлыхъ моихъ школьныхъ трудовъ ⁵⁾.

¹⁾ Послѣ сраженія при Аустерлицѣ, Русскіе быстро отступили за рѣку Мархъ, чтобы подкрѣпиться новыми силами. Въместо того, что-бы выждать этихъ подкрѣпленій и по соединеніи съ ними и съ готовыми накопцъ къ бою Прусаками снова напасть на врага, Импер. Австр. Францъ рѣшилъ уничтоженно посвятить Наполеона во Французскомъ лагерѣ и согласился на перемиріе, обязавшее Русскихъ возвратиться въ свои предѣлы.

²⁾ Миръ Пресбургскій 6. заключенъ 26 Декабря; по этому здѣсь нужно разумѣть не этотъ миръ, такъ какъ письмо пишется 13 Декабря, а вышеупомянутое перемиріе, заключенное 4 Декабря.

¹⁾ Какія именно работы дѣлалъ Евгеній по порученію митрополита въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ мы не знаемъ.

²⁾ Конечно Евгеній говоритъ здѣсь о потеряхъ понесенныхъ нами въ битвѣ при Аустерлицѣ 2 Декабря 1805 г.

³⁾ Это — по секрету.

⁴⁾ Пишу больше, чѣмъ позволятельно.

⁵⁾ Можетъ быть здѣсь идетъ рѣчь о напечатанномъ въ 1805 году. Разсужденіи о чинахъ Греко-россійской Церкви, дѣйствительно составленномъ однимъ изъ студентовъ Петербург. академіи подъ руководствомъ Евгенія.

67.

Отъ 21 Марта 1806. Новгородъ.

...Воронежъ вашъ все еще обуреваются вихрями партій и сплетней. Жалко слышать. Но и у насъ здѣсь тоже, да думаю и вездѣ. Завтра ждемъ мы новаго губернатора-князя Ухтомскаго, вамъ и мнѣ извѣстнаго по Воронежу. Но не думаю, чтобы и онъ долго у насъ усядѣлъ. Я уже пережилъ здѣсь двухъ губернаторовъ, это третій...

Думаю, читали уже вы въ газетахъ о праздникахъ, данныхъ Багратиону въ Москвѣ. Въ Петербургъ на это морщатся и берутъ на свой счетъ....

68.

...Князь Романъ Ивановичъ ¹⁾ живетъ у насъ тихо и все также лѣнивъ къ дѣламъ, какъ былъ у васъ. Карты составляютъ половину его упражненій. А по сему гадаю я, что множество здѣшнихъ запутанныхъ дѣлъ скоро выгонитъ и его изъ службы....

Изъ Петербурга важныхъ вѣстей нѣтъ, кромѣ что, слава Богу, Императрица Елис. Ал. беременна. Всѣ рады. Въ Далмациі у насъ со Французами скоро дойдетъ до сшибки, а съ Турками войны не будетъ, развѣ на будущей годъ съ Прусаками. Но добрый миръ лучшебъ и хорошей войны....

Отъ 21 Мая 1806.

Хутынъ монастырь.

69.

Чтобы не быть въ долгу, спѣшу отвѣчать на письмо ваше отъ 13 Іюня, которое получилъ я 23 въ Хутынской своей пустынь, гдѣ я думалъ было наслаждаться всею роскошью сельской природы, но продолжающаяся и донинѣ у насъ и холодная и дождливая погода иѣшаетъ. Для насъ чудно, что вѣтеръ все вѣетъ отъ васъ съ юга, но дышетъ пуще сѣвера. И сѣно и овощи и даже хлѣбъ нашъ на пашняхъ весь замокъ. Во ржи у насъ по крайней мѣрѣ четвертая доля бѣлыхъ пустыхъ колосьевъ, и

¹⁾ Ухтомскій.

V. 1.

старики говорятъ, что это отъ ознобу. Что касается до вышины ржи, то и наша вашей не уступаетъ. Я вчера нарочно ходилъ по своей монастырской пашнѣ и много находилъ стеблей по 9 четвертей, а колось такъ же посредственъ, какъ и у васъ. У насъ еще и ржи не отцвѣли....

Препровождаю при семъ три экземпляра книги, вашей дружбѣ посвященной ¹⁾. Я переводилъ ее въ послѣдніе скучные мѣсяцы моего пребыванія въ Воронежѣ для утѣшенія себя ²⁾, и послѣ умноживъ примѣчаніями отдалъ было при отъѣздѣ изъ Петербурга книгопродавцу Глазуну для напечатанія, но онъ передалъ въ Москву Пономареву, и по долговременномъ пропаданіи наслу вышла въ свѣтъ. Размышленія въ ней и глубокомысленныя и пресладкія для унылаго сердца. Теперь я получилъ только 5 экземпляровъ. Одинъ отослалъ къ митрополиту, другой оставилъ себѣ, а три къ вамъ препровождаю. Когда получу еще, то вамъ же пришлю. Ибо вамъ принадлежитъ право раздавать ее, а меня прошу продолжать любить.

„Получилъ съ книгами Іюля 10—1806 г.“

¹⁾ Безъ сомнѣнія здѣсь идетъ рѣчь о напечатанномъ въ 1806 г. переводѣ Евгенія: „Опытъ о человѣкѣ“ поэма г. Попе. Переводъ въ прозѣ, съ историческими и философическими примѣчаніями М. въ типогр. Пономарева 1806 г.

²⁾ Несомнѣнно, что подъ этими послѣдними скучными мѣсяцами нужно разумѣть время протекшее отъ 21 Августа 1799 г., когда умерла жена Евгенія (см. 4-е пр. къ 8-му п.), до выѣзда его изъ Воронежа въ Петербургъ въ концѣ Генваря или началѣ Феврала 1800 г. Но при этомъ мы должны указать на бросающееся съ перваго взгляда разнорѣчіе между этимъ послѣднимъ показаніемъ Евгенія относительно времени перевода этой книги и письмомъ Евгенія къ Селивановскому въ Іюль 1793 г. гдѣ онъ писалъ: „Вамъ скоро поспѣетъ Поповъ „Опытъ о человѣкѣ“. Библ. Зап. 1859 г. стр. 69. Разнорѣчіе это впрочемъ не таково свойства, чтобы оба эти показанія могли считаться исключаящими одно другое. Онъ показываютъ только, что Евгеній начиналъ, прерывалъ и потомъ опять продолжалъ свой переводъ.“

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 27.

70.

Отъ 6 Сентября 1806. Новгородъ.

На дружеское ваше письмо отъ 10 Юля позамедлилъ я отвѣчать потому, что все ждалъ изъ Москвы вашихъ книгъ ¹⁾ и теперь получивъ ихъ посылаю вамъ цѣлой десятокъ. Ошибки типографическія, прошу, сами поправьте, ибо въ иныхъ мѣстахъ и смыслъ попорченъ. Я весьма радъ, что сей мой подарокъ вамъ не противенъ. Увѣряю васъ, что изъ вкорененной въ сердца моемъ благодарности готовъ я сдѣлать все, что вамъ пріятно. Потому что всегда памятно мнѣ ваше руководство въ молодыхъ моихъ лѣтахъ и дружескіе совѣты во все мое пребываніе и знакомство ваше въ Воронежѣ. Теперь я все это въ полной мѣрѣ чувствую.

Прискорбно мнѣ, что вы жалуетесь на умножающіяся въ васъ немощи: но въ утѣшеніе нечего больше сказать, какъ что это несчастіе не ваше, а цѣлаго человѣческаго рода. Молодой человѣкъ можетъ быть боленъ, а пятидесятилѣтній долженъ быть боленъ ²⁾. Надобно помнить пословицу: *Nonno sum; humani nihil a me alienum puto* ³⁾.

Посылаю при семъ вамъ Малороссійскую штучку лэстивую ⁴⁾ Куракину ⁵⁾. Она въ прибавленіе Энеидъ годится. При немощахъ хоть разсмѣйтесь, а я довольно посмѣялся.

На сихъ дняхъ ждемъ мы въ Новгородъ своего митрополита. Въ Александровъ день Государь его посѣщалъ со всею фамиліею, кромѣ императрицы

¹⁾ Рѣчь идетъ конечно о обѣщанной Евгеніемъ въ предшествующемъ письмѣ присылкѣ другу новыхъ экземпляровъ перевода Попе.

²⁾ Слѣд. другъ Евгенія былъ старше его лѣтъ на 10 съ небольшимъ.

³⁾ Я человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ.

⁴⁾ Посылки этой не сохранилось при письмахъ.

⁵⁾ Вѣроятно кн. Алексію Борисовичу Куракину, бывшему въ то время Малороссійскимъ губернаторомъ, а съ Ноября 1807 г. назначенному министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣсто гр. Кочубея.

Елис. Алексѣевны. *Est enim proegnant ad extremum* ⁶⁾. Дай Богъ наследника ⁷⁾. Къ празднику Государь прислалъ митрополиту бархатную фиолетовую мантию, а Угоднику Божию Александру два большихъ серебряныхъ подсвѣчника и паникадило къ гробницѣ. Все хорошо, но политическіе иностранные туманы помрачаютъ мысли у всѣхъ ⁸⁾. Вчера получилъ я и печатный манифестъ о приготовленіяхъ къ войнѣ ⁹⁾. Слышно, что рекрутскій наборъ будетъ со 100.—Что будетъ, увидимъ. А съ Турками у насъ, говорятъ, опять сладки и ладныя пренія. На Прусаковъ Французы уже ополчились ⁹⁾. Тутъ можетъ быть и мы приплетемся.

71.

24 Октября 1806. Новгородъ.

Письмо ваше отъ 3-го Октября получилъ я. Весьма радуюсь, что лихорадка поправила ваше здоровье. И это доказываетъ истину Попіева Опыта, что *esse est vivere*. По крайней мѣрѣ эта мысль утѣшительнѣе всѣхъ для страждущаго, и съ нею можно даже спокойно умирать. У васъ осень была съ засухами, а мы отъ дождя горевали, и въ Хутынѣ едва едва успѣли покосить кончить и хлѣбъ свозить около 20 Сентября. Для сего-то я тамъ прожилъ до 1-го Октября...

Пожары ваши дѣйствительно ужасны, а и еще ужаснѣе пожаръ между вашими боярами...

Жалко бѣднаго Воронежа....

⁶⁾ Потому что она находится въ послѣдней степени беременности.

⁷⁾ 4 Ноября Императрица родила я. княжну Елисавету Александровну, которая умерла 30 Апрѣля 1808 г.

⁸⁾ Безъ сомнѣнія здѣсь говорится о томъ впечатлѣніи, какое производили самовольныя расправы Наполеона съ Европою вообще и особенно съ Германіею, тотчасъ же послѣ Пресбургскаго мира и въ слѣдствіе его.

⁹⁾ Черезъ мѣсяць почти, какъ писано это письмо, начался цѣлый рядъ страшныхъ поражений, испытанныхъ Пруссіею отъ Наполеона, такъ что 27 Октября 1806 г. Наполеонъ занялъ уже Берлинъ.

Яковлевъ доброе дѣло вздумалъ, что рѣшился вступить въ ученую жизнь. Жалѣть, право, не будетъ. Пусть только займется книгами и нѣсколько пообразуетъ себя въ словесности. Со временемъ и я помогу, аще Богъ силы подастъ.

А что ваше Михайло? все еще у Вральмановъ въ рукахъ. Дай Богъ ему успѣха.

Р. С. Слухи несутся, что Пруссія славно разбила трехъ Французскихъ фельдмаршаловъ вдругъ въ разныхъ позиціяхъ ¹⁾. Одного, говорятъ, даже убили, а двухъ больно ранили. А наши войска скороспѣшно заняли Молдавію и Валахию, за то что Турки опять передались Французамъ ²⁾.

72.

Вы хвалитесь зимою, а у насъ дождь почти весь снѣгъ согналъ. И теперъ 3 градуса тепла...

А князь нашъ губернаторъ ¹⁾ боленъ *hydrope pectoris* и чуть ли отвяжется отъ смерти. Никуда уже неотъѣзжаетъ и почти никого не принимаетъ. При нынѣшнихъ же трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ, когда и рекрутскій наборъ и временная милиція требуютъ въ начальникъ чрезвычайной дѣятельности, губернатору болѣть неловко. Военныхъ извѣстій никакихъ нѣтъ, кромѣ что Турки на договоръ въ увѣреніе намъ сдали Хотинъ и Бендеры по окончаніи войны.

Всѣ надѣются отъ Каменскаго успѣговъ, но счастье въ руцѣ Божіей. Пруссія половина по Вислу рѣку во власти у Французовъ, а наши стоятъ по правую сторону вдоль Вислы и чрезъ нее

¹⁾ Вѣроятно преувеличенный слухъ этотъ касался подвиговъ Блюхера, Юрка и Гнейзенау—единственныхъ свѣтлыхъ точекъ среди безчисленнаго ряда позорныхъ поражений, какія потерпѣли въ это время Прусскія войска отъ Французовъ.

²⁾ Наполеонъ посредствомъ посла своего Себастиани успѣлъ уже въ это время вооружить Турцію противъ Россіи.

¹⁾ Ухтомскій.

не переходятъ. Въ Прусской Польшѣ все уже вверхъ дномъ ²⁾.

Да вѣжь що буде, то и буде;
А буде те, що Бигъ намъ дастъ.

13 Декабря 1806.

Новгородъ

73.

19 Генваря 1807. Новгородъ.

...Милиція и у насъ потревожила было народъ, но предписанія время отъ времени слабѣе и льготнѣе становятся. Живущій у насъ для этого сенаторъ Рыдинъ мнѣ сказывалъ, что и назначеніе милиціи сдѣлано только для устрашенія враговъ счетомъ войска. Между тѣмъ Бонапартію уже утерли носъ, такъ что онъ всю почти свою артиллерію утопилъ въ болотахъ и ретировался уже назадъ за Вислу, а теперъ гостить въ Варшавѣ ¹⁾ Послѣ неудачнаго сраженія съ Бенигсеномъ ²⁾ онъ около 50 человекъ изъ своихъ офицеровъ съ досады разстрѣлять велѣлъ за неисправную якобы команду. Это произвело уже въ оголодавшей его арміи ворчаніе ему-же на обѣду. На прошедшей недѣлѣ вѣрное извѣстіе въ Петербургъ получено, что фельдмаршала его Мортье, отправленнаго имъ съ 30.000 для занятія Стральзунда, убили свои-же взбунтовавшіеся солдаты ³⁾. Все это худой для него знакъ...

Онъ дожидается въ Варшавѣ свѣжихъ войскъ. Между тѣмъ и наша армія умно-

²⁾ Нужно припомнить, что около этого времени Наполеонъ издалъ возваніе къ Полякамъ, въ которомъ приглашалъ этотъ народъ выступить на бой за свободу и независимость. Одушевленные мыслию снова воскресить древнюю Польскую державу, забывъ, что они проливаютъ кровь за честолюбиваго и собственню равнодушнаго къ нимъ властителя, Поляки приносили величайшія жертвы, и подкрѣпляли собою ряды Французскихъ войскъ.

¹⁾ 2 Января 1807 г. Наполеонъ вступилъ въ Варшаву.

²⁾ Вѣроятно Евгенийъ разумѣетъ здѣсь кровопролитныя битвы подъ Пултускомъ и Морунгономъ.

³⁾ Стральзундъ былъ однакоже завоеванъ Французами.

жается на Вислѣ. Но наступательно двѣйствовать ей не велѣно...

Хлѣбъ крайне у насъ дорожаетъ, такъ что куль входитъ уже въ 9 рублей. Причиною то, что увозятъ къ арміи.

Митрополитъ зоветъ меня къ Масленицѣ въ Питеръ. Не хочется. Ибо Питеръ любитъ деньги. Но такъ и быть, хотя на недѣлю съѣздить надобно. А отъ поѣздки около новаго года я кое какъ отговорился было.

Смотря на лежащія у меня предъ глазами прошлогоднія Венгерскія газеты, издаваемые въ Пожонѣ или Презбургѣ, мнѣ пришла въ голову странная мысль послать ихъ цѣлый годъ и съ прибавленіями къ вамъ для прочтенія. Въ прибавленіяхъ найдете много забавнаго подъ видомъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ...

Я ихъ и выписывалъ больше для здѣшней Семинаріи, чтобы учителей и студентовъ приучить по-лучше къ Латинѣ...

Въ газетахъ много нумеровъ не достаесть, потому что изъ за границы не пропускали...

74.

3-го Апрѣля 1807. Новгородъ

16-го Марта Государь поѣхалъ къ арміи чуть не на все лѣто...

...Къ намъ опредѣленъ губернаторомъ камергеръ Васильчиковъ, человекъ 28 лѣтъ отъ роду и ни въ какой статской службѣ не служившій. Таково счастье нашей губерніи; что ни годъ, то губернаторъ, и при мнѣ уже четвертый, но ни одинъ не былъ дѣятелемъ. Думаю, нѣтъ губерніи, которая бы столько запущена была и запутана какъ наша. Всѣ дѣла чуть чуть валяются какъ черезъ колоду, а лихоимство!.... вопіетъ на небо къ Богу. Началъ я уже твердить это и въ проповѣдяхъ.

75.

Рѣка ваша очень рано вскрылась, а у насъ только теперь еще разливается, и воды ужасныя. 40 лѣтъ здѣсь такого по-

ловодья не было. Все рветъ и третъ... а снѣгу еще на поляхъ и наипаче въ лѣсахъ множество. Въ Москвѣ и Твери много также водою надѣлано бѣдъ. Въ Ригѣ затерло льдомъ множество кораблей зимовавшихъ, а Нева стоитъ еще со льдомъ. Богъ въ гнѣвѣ Своемъ на родъ человѣческій видно на войну подвигъ и самую природу. Въ болотистой Пруссіи, думаю, еще больше бѣдъ она надѣлала.

Объ арміи нашей, кромѣ печатаемыхъ реляцій, ничего не слышно. Указъ запрещаесть даже и разсуждать объ этомъ, и для того изъ Петербурга ни строки не пишутъ.

Слышно отъ проѣзжихъ, кое-какъ, что будто какой-то Французскій корпусъ разбитъ и объ этомъ-де полученъ курьеръ на прошедшей недѣлѣ. Но правда ли, не ручаюсь.

У васъ хлѣбъ ржаной по 350-к., а у насъ по 10 рублей и будетъ можетъ быть еще больше. Все вывозятъ къ Ригѣ для нагруженія на суда къ арміи.

Не напрасно на Бонапарте сочинена слѣдующая эпиграмма въ Петербургѣ:

Ce guerrier vaut son pésant d'or;
En France personne n'en doute;
Mais il vaudroit bien plus encore
S'il valoit ce qu'il nous coute

..Пусть ваше Михайло переведетъ это. А я цѣню вашу дружбу больше всего Бонапарте...

Апрѣля 27. 1807
Новгородъ

P. S. Славный нашъ около свѣта путешественникъ камергеръ Ризановъ, возвращаясь сухимъ путемъ изъ Охотска въ Петербургъ, между Иркутскомъ и Томскомъ на дорогѣ умеръ прошлаго Марта 1-го. Вотъ и предѣлъ славы! In portu naufragium fecit! Какъ не сказать: суета суетствій и всяческая суета!!! А онъ меня еще уговаривалъ съ нимъ пуститься по океану за славою.

76.

Іюня 18, 1807 г. Хутынь.

Обыкновенно пишу я въ Воронежъ письма кучею ко многимъ. А на Апрѣльскія мои не получилъ я о сию пору отвѣ-

товъ ни отъ преосвященнаго вашего, ни отъ брата моего, ни отъ другихъ. Теперь я, вышедъ уже изъ терпѣнія, пишу къ вамъ только и къ брату...

Вы жалуетесь на худую весну у васъ. А мы, имѣвши весь Май прехолодной и превѣтренной, начали было только чувствовать весну съ 1-го Іюня. Но теперь уже другая недѣля, опять дожди, вѣтры бури хуже осеннихъ. Полая наша вода, надѣлавши намъ вездѣ множество разореній, и о сю пору не сбывла еще и въ обыкновенную мѣру полой воды. Когдажъ и какіе могутъ быть у насъ покосы? все вымокнетъ... Яблокъ и прочихъ овощей завязалось было у насъ много, но теперь все замокло. Что-то будетъ съ озимыми и яровыми хлѣбами, увидимъ. А кульжаной у насъ уже 10 рублей; крупы грешневой 14 рублей, овса 450-к., дровъ однополѣнныхъ березовыхъ сажень 250-к., а трехполѣнныхъ еловыхъ 450-к. Чернь въ истоженіи, работники предорогіе и Богъ знаетъ, что будетъ.

Слава Богу, что Мишенькѣ вашему не пришла еще очередь служить. Война воровопролитная! Успѣхи наши въ газетахъ видите ¹⁾; но Данцигъ заставилъ нашъ флотъ поспѣшно изъ Кронштата двинуться къ берегамъ Кенигсбергскимъ. Французы грозятъ высадкою. И когда же откроется надежда къ миру? Англичане все манятъ насъ вспомогательною отъ себя высадкою, но другой годъ только что обманываютъ. Война наша за нихъ, а они спокойно плаваютъ наживаются.

Въ Петербургѣ праздновали побѣду одержанную 29 Мая, а далѣе ничего. Сказываютъ что и Іюня 2 го была баталія, но какая неизвѣстно. Государь

(¹) Съ Генваря мѣсяца Евгений не дѣлалъ никакихъ увѣдомленій о ходѣ войны. Важнѣйшими военными событіями за послѣдніе 5 мѣсяцевъ были: битва при Прейсишъ-Эйлау (8 Февраля), Бартенштейнскій договоръ (26 Апрѣля), сдача Французамъ важнѣйшихъ Прусскіхъ крѣпостей по Одери и особенно важная сдача Данцига (24 Мая), бой при Гейльсбергѣ (10 Іюня) и побѣда Французовъ подъ Фридландомъ (14 Іюня).

все при арміи; о возвращеніи заговорило было, но опять умолкли. На прошлой недѣлѣ преосв. Мееодій проѣздомъ въ Тверь заѣзжалъ ко мнѣ въ Хутынь и погостилъ сутки. Обѣщался и на возвратномъ пути погостить у меня. Поговорили много о старинѣ и новизнѣ. Вспомнили и объ васъ. Воронежская жизнь для него и теперь поминается съ удовольствіемъ. А въ Петербургѣ кромѣ высокаго имени нѣтъ другихъ удовольствій.

77.

26 Іюля 1807.

Искренно поздравляю васъ съ покупкой помѣстья въ Подгорномъ ¹⁾... Подгорное подъ городомъ, и прекрасный черноземъ. Дай Богъ вамъ благополучно переселиться и пожить. Мельница, пчельникъ и садъ наиприятнѣйшимъ вамъ будутъ занятіемъ хозяйственнымъ. И для всего этого много найдете наставленій въ Экономическомъ магазинѣ. Въ Тавровѣ же не къ чему и рукъ приложить.

...Поздравляю васъ съ миромъ ²⁾, которой хотя и не дешево намъ достался, но, по пословицѣ, и худой миръ лучше хорошей войны. Въ Петербургѣ ждуть Французскаго министра Даву, и тогда начнутся и праздники о мирѣ. А 22-го Іюля между тѣмъ былъ обыкновенной годовой праздникъ въ Петергофѣ (³), куда ѣздили и наши Синодальные...

...На прошедшей недѣлѣ ѣздилъ я къ сосѣду Державину (⁴) по Волхову (⁵) и

(¹) Подгорное въ 7 верстахъ отъ Воронежа, при рукавѣ Дона.

(²) Тильзитскимъ, заключеннымъ 27 Іюня 1807.

(³) О Петергофскихъ праздникахъ и гуляньихъ не разъ уже говорилъ Евгений въ прежнихъ своихъ письмахъ.

(⁴) Судя по изданной академ. Гротомъ перспискѣ Евгения съ Державиннымъ и Хвостовымъ, видно, что это уже была не первая повѣдка Евгения къ Державину, такъ какъ познакомились они еще въ 1805 г., до 22 Августа.

(⁵) Верстахъ въ 60 отъ Хутыни, гдѣ обыкновенно Евгений проводилъ лѣто на берегу Волхова, лежитъ Званка, въ которой Державинъ

онъ приписалъ моему имени одну оду (6), которая скоро будетъ напечатана въ Вѣстникѣ Европы въ Москвѣ. Читайте тамъ, а я здѣсь прилагаю вамъ его эпиграмму на Румянцовыхъ, по случаю тому, что на памятникѣ П. А. Румянцева выросла нынѣшнимъ лѣтомъ въ вѣнцѣ вѣточка, на которую многіе Петербургскіе стихотворцы писали лестные для Румянцовыхъ стихи и оды.

Изъ мѣди возросла свободно
Вѣтвь на Румянцовѣ вѣнцѣ.
Почто же не сыновъ въ лицѣ?
Знать поле дѣтское бесплодно.

78.

19 Октября 1807.

Газеты Латинскія ¹⁾ получилъ я и сдалъ уже въ Семинарію. Не стыдно бы и вашей Семинаріи такія получать для учителей и студентовъ. Это заохотило бы ихъ получше учиться Латинскому языку. А къ старымъ Латинскимъ книгамъ нынѣшніе молодые люди не такъ-то охотники. На нынѣшній годъ я подписался было на Французскія газеты: ²⁾ но по военнымъ обстоятельствамъ много номеровъ пропало. Нынѣ опять стали ходить порядочно. Но многое въ нихъ намъ Русскимъ и читать стыдно. Дожили мы до послѣдняго времени. Что-то останется нашимъ потомкамъ.

Вы хвалитесь хорошимъ лѣтомъ и хлѣбомъ. И у насъ лѣто было хорошо и хлѣбъ лучше прошлагодняго... Овсы худы. Осення же озими всѣ червь подѣлъ... Сѣно было весьма хорошо.

винъ, съ исхода прошлаго столѣтія, также ежегодно проводилъ мѣсяцевъ по 6 и болѣе. Здѣсь-то Евгенийъ и навѣщалъ Державина.

⁶⁾ О томъ, какое пріятное впечатлѣніе другъ на друга произвели Евгенийъ и Державинъ, о послѣдующихъ близкихъ ихъ отношеніяхъ, а ровню и о нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Державиннымъ Евгению, въ томъ числѣ объ упоминаемой здѣсь одѣ (Жизнь Званская), см. издан. Гротомъ переписку Евгенийъ съ Державиннымъ; а также—во 2-мъ т. соч. Державина, Гротовскаго изданія 326—645 стр.

¹⁾ Это-тѣ Венгерскія газеты, о которыхъ упоминалось выше.

²⁾ На какія именно, не видно изъ письма.

Но съ половины Августа до нынѣ продолжающіеся почти дожди помѣшали убрать его... Фруктовъ всякихъ было много, даже арбузы и дыни были прекрасные. Напротивъ того всю капусту червь съѣлъ...

Теперь у насъ полки движутся къ сѣверу, и все часъ отъ часу дорожаетъ. Англичанъ уже не боятся, и боязнь оказалась уже напрасною ³⁾. Но Шведскую границу укрѣпляютъ ⁴⁾, хотя и этотъ Донъ-Кихотъ ⁵⁾ нынѣ уже не страшень. Изъ республики Семи Острововъ наши войска всѣ вывезены въ Триестъ и возвратятся къ намъ чрезъ Венгрію. Такъ видно согласились въ Тильзитѣ по тайнымъ артикуламъ ⁶⁾. Съ Турками въ концѣ Августа заключено предвареніе къ миру. А изъ Молдавіи и Валахіи выходятъ не только наши войска, но и Турецкія. Это что-то значить. Не замѣняли ли намъ Семь Острововъ этими провинціями ⁷⁾. А тѣ заняты уже Французами. Кому что, а Туркамъ можетъ быть дорого миръ нашъ достанется...

...Я желалъ бы вовсе вамъ переселиться въ Подгорное. Тутъ ближе бы возить и ваше Михайло въ городовую Гимназію, которую обѣщался у васъ открыть Польскій графъ Потоцкій ⁸⁾. Теперь Польскіе магнаты будутъ къ намъ поприверженіе. Въ Французскихъ газетахъ напечатана вся конституція Варшавскаго герцогства, и между прочимъ въ первой главѣ въ 4-мъ пунктѣ сказано: *крестьянство уничтожается; всѣ граждане равны предъ закономъ; состояніе личное подъ покровительствомъ судилищъ*. Это такъ кисло показалось Польскимъ помѣ-

³⁾ Известно, что Наполеонъ теперь, своею континентальною системою, подымалъ всю почти Европу противъ Англіи.

⁴⁾ Въ началѣ слѣдующаго года открылась и самая война со Швеціею.

⁵⁾ Удачная характеристика Густава IV-го.

⁶⁾ Тайные артикулы дѣйствительно были.

⁷⁾ Молдавія и Валахія просто были возвращены Турціи.

⁸⁾ Воронеж. главное народное училище дѣйствительно преобразовано было въ гимназію 17 Января 1809 г., при попечителѣ Харьков. учеб. округа графѣ Потоцкомъ.

щикамъ, что они нарядили депутацію просить Бонапарте объ отсрочкѣ крестьянства на 40 лѣтъ. Но въ отвѣтъ ничего не получили. Они послѣ того требовали отсрочки хотя на пять лѣтъ; но тутъ прямо отвѣтствовано: *ни на одну часъ*.

...По духовной нашей командѣ Астраханской и Ярославской просятъ въ отставку ⁹⁾. Но кто на мѣсто ихъ, еще нѣтъ выбору. Мнѣ кажется, едва ли еще достанется вывзвать изъ Новгорода. Митрополитъ твердитъ, что далеко меня не отпустить отъ себя. А по мнѣ бы, что дальше отъ столицъ, тѣмъ лучше въ нынѣшнее время. Сибирь самое безопаснѣйшее убѣжище будетъ, можетъ быть, для нашихъ потомковъ.

79.

1807 года Декабря 4
Новгородъ.

Нынѣшняя осенняя у васъ грязь ужасна. Авось хотя она заставитъ помостить вашъ городъ, котораго грязнѣе нѣтъ, думаю, въ цѣлой Россіи ¹⁾. Но дорого это будетъ стоить... Мы имѣли также грязь долго, но у насъ мостовыя облегчали ее много...

...Успенскому благополучный путь въ Харьковъ! ²⁾ Дай Богъ только, чтобы новые наши университеты устояли. Отсюду пишутъ, что профессеры спились съ кругу и отъ большаго жалованья не хотятъ и думать объ успѣхахъ. Даже и на Московскій университетъ въ этомъ-же жалуются. А въ журналахъ все славятъ распространеніе просвѣщенія. Самъ министръ просвѣщенію этому не вѣритъ.

⁹⁾ Астраханскій архіеп.—Анастасій Братановскій, Ярославскій—Антоній Знаменскій.

¹⁾ И въ настоящее время не разъ заявлялись подобныя жалобы мѣстнаго Воронеж. литературою.

²⁾ Г. П. Успенскому. Съ 1790 г. онъ былъ въ главномъ Воронеж. народ. училищѣ учителемъ Географіи, гражданской и Естественной Исторіи и Латинскаго языка; а въ это время онъ перешелъ профессоромъ Исторіи, Статистики и Географіи Рос. государства въ новооткрытомъ Харьков. университетѣ.

Григорій мой ³⁾ не попалъ архимандритомъ въ Задонскъ. За то на мѣсто ипохондрика опредѣлили туда ипохондрика же... ⁴⁾ Да и въ Акатовъ ⁵⁾ назначаютъ ипохондрика же, который однажды въ своей жизни зарѣзался было. Онъ былъ въ нашей Новгородской Семинаріи ректоромъ и послѣ несчастнаго своего случая, по моему же ходатайству, отпущенъ съ пенсіономъ для излѣченія ⁶⁾. Вотъ вамъ какихъ назначаютъ!

Изъ политическихъ вѣстей нечего вамъ написать. Съ Франціею у насъ очень дружно. Англія еще молчитъ, а Швеція колеблется. 50 тысячъ нашихъ войскъ уже въ Финляндіи. Что будетъ, покажетъ весна.

Когда будетъ у И. Н. Дебольцова, то скажите отъ меня поклонъ, а между разговорами спросите, какъ звали по отечеству покойнаго *Башилова Семёна*, ⁷⁾ его бывшаго пріятели. А узнавши при случаѣ увѣдомьте и меня.

80.

17 Января 1808. Новгородъ.

...Письмо ваше отъ 24 Декабря получилъ я уже возвратясь изъ Петербурга, гдѣ пробылъ я съ 27 Декабря до 13 Января. Тамъ выхлопоталъ я себѣ и епархію въ Вологдѣ—уголокъ очень тепленькій и 100 верстами ближе теперешняго къ вамъ. Но докладъ еще не утверждёнъ доселѣ. Не знаю, что будущая почта скажетъ ¹⁾

...Посылаю къ вамъ мой портретъ, писанный келейно, въ ряскѣ и камилавкѣ, ибо я для васъ не архіерей, а другъ. Лицо потраждено очень хорошо...

У васъ хлѣбъ и прочее подешевѣло. А у насъ все дорожаетъ. На весну похоть въ Швецію, если Шведскій король

³⁾ Братъ Евгенія, о которомъ не разъ уже упоминалъ онъ въ письмахъ.

⁴⁾ Кто именно—не знаемъ.

⁵⁾ Тоже Воронежскій монастырь.

⁶⁾ Это—Афанасій Савинскій.

⁷⁾ Одно изъ именъ, вошедшихъ въ Словарь Рус. свѣтскихъ писателей.

¹⁾ Переводъ Евгенія въ Вологду состоялся 24 Января 1808.

не отдасть намъ въ залогъ гребнаго своего флота. А Англичане не унываютъ...

Въ Питерѣ на крещенье 40.000 войска было въ парадѣ и церемонія такая, какой еще не бывало, но въ народѣ не примѣтно веселья. *Taciturna silentia praesagiunt quaelibet mala. Beatus, qui procul negotiis* ²⁾...

Прочее вы можете видѣть изъ газетъ. Я и на нынѣшній годъ подписался на Французскія. Въ нихъ много такого, чего Русскія не пишутъ.

81.

Марта 23, 1808.

Вологда.

...Пишу вамъ отвѣтъ мой изъ новаго моего мѣста. Бывши въ Петербургѣ прошлаго Января, я самъ оное выбралъ и не ошибся. Это, могу сказать, сѣверная Украина, не поврежденная еще развратомъ большихъ дорогъ, никогда не отягчавшаяся войсками и безопасная отъ всѣхъ сосѣднихъ вражійхъ нашествій, которые нынѣ отечеству нашему со всѣхъ сторонъ опасны.

Четыре года прожилъ я въ Новгородѣ дожидаясь мѣста, и одно только Смоленское пропустилъ ¹⁾, прочихъ и желать было не для чего. — Епархія 300 лѣтъ уже существуетъ ²⁾. Домъ всѣмъ преизобильной, зданіемъ въ три этажа огромной, весь и со дворомъ всѣмъ каменный, снабженный всѣми экономическими выгодами. Въ добавокъ къ сему вся домашняя экономія бывшаго Устюжскаго архіерейскаго дома и ризница сюда же свезена. Чего же лучше желать было можно? Хлѣбъ здѣсь свой, а не привозной изъ другихъ губерній. Все прочее съѣстное не дороже, а рыба еще дешевле вашего. Вологда не отдалена и отъ

²⁾ „Безмолвная тишина предсказываетъ что-то недоброе. Блаженъ, кто вдали отъ дѣлъ.“ Объясненіе этихъ замѣчаній см. въ соч. „Жизнь гр. Сперанскаго“ и „Графъ Блудовъ и его время“

¹⁾ Епископская вакансія въ Смоленскѣ была въ 1805 г., съ 12 Мая по 8 Юля, по смерти Смолен. еп. Димитрія Устюжскаго.

²⁾ Вологодская епархія учреждена при в. кн. Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1503 году.

столицъ... ³⁾ Все заморское можно получать удобнѣе всего изъ Архангельска, куда изъ Вологды лѣтомъ безпрестанное судоходство. Климатъ не хуже Новгородскаго, а суше Петербургскаго. Вотъ вамъ описаніе Вологды.

...Съ Вологодскими лучшими гражданами я успѣлъ уже познакомиться. Люди любезные и прямодушные. Главные торги здѣшніе состоятъ въ двухъ товарахъ: въ отпускѣ хлѣба къ Архангельску и въ закупкѣ у Пермьяковъ и Зырянъ пушныхъ товаровъ. А мыльныхъ заводовъ здѣсь уже нѣтъ, и получаютъ оное изъ Казани, да и свѣчныя фабрики перевелись, хотя скотоводство здѣсь и знатное. Особливо овцы здѣсь имѣютъ какую-то отмѣнно мягкую и длинную шерсть.

... У васъ въ Саратовѣ чума, и отъ того красная рыба въ 10-р. пудъ, а мы, видно потому что далеко отъ чумы, ту же красную рыбу, привезенную къ намъ съ Ростовской ярманки, покупали бѣлугу по 8, а осетрину по 9-р. Но то чего у васъ достать нельзя, семга свѣжая у насъ по 6-руб пудъ. А треска Архангельская по 3.

Хлѣбъ нынѣ въ Новгородѣ 14-р. кулъ, а у насъ около 7-р., а сѣно и овесъ крайне дешевъ.

...4 Марта въ Петербургѣ скончался мой другъ и благодѣтель Петръ Иван. Литка ⁴⁾ оставивъ дѣтей 9 человѣкъ, а въ наслѣдство имъ — около 20.000 р. долгу на себѣ. Въ Генварѣ онъ, какъ бы предчувствуя смерть свою, съ слезами самъ мнѣ рассказывалъ свои обстоятельства. Пишутъ, что по смерти его найдено только 40 коп. у него денегъ. Жилъ очень роскошно.

82.

Мая 25. 1808 года. Вологда.

...Вы строитесь въ Подгорномъ. Тамъ участь и мнѣ довелась. Всю старину

³⁾ Ибо, продолжается письмо, отъ Москвы 420 верстъ, а отъ Питера 720 (а не 1156 какъ въ календарѣ напечатано по счету старинныхъ почтовыхъ дорогъ чрезъ Москву).

⁴⁾ Адъютантъ кн. Репнина, жившій въ Воронеж. имѣнни его, Репьевъ и убѣдившій Евгенія постричься въ монахи.

во внутреннихъ покояхъ перелаживаю и на новый складъ; да и загородный домъ, въ коемъ лѣтъ тридцать уже хозяева не жили, передѣлываю такъ-же. Отъ пыли известковой и стуку топоровъ вездѣ покою нѣтъ, такъ что почти и не радъ зачину. А на сихъ дняхъ хочу уѣхать въ Тотму и далѣе въ Устюгъ, и буде погода споспѣшна будетъ, то и еще далѣе до Яренска, Устьсысольска и проч. и проч. Весь вояжъ мой будетъ водою. Хотя и медленно, но за то покойно, и тѣмъ хотя отдохну отъ строительныхъ хлопотъ ..

И такъ Абрамъ Семеновичъ Страховъ женится ¹⁾. Подъ старость всегда такія мысли находятъ.

...Посылаю книгу мною, для Новгородцевъ написанную шутя въ ребяческихъ разговорахъ ²⁾. Однакожъ разговоры сіи столько полюбилися митрополиту, что онъ на свой счетъ ихъ напечаталъ ³⁾. Пусть Новгородцы помнятъ, что Евгений, бывший у нихъ, не оставилъ безъ вниманія ихъ древнюю славу ⁴⁾, которую и сами они забыли и почти ничего нынѣ не знаютъ.

83.

Отъ 20 Сентября 1808 года. Вологда.

...Цѣлое лѣто я къ вамъ не писалъ; потому что все лѣто проѣздивъ по восточнымъ полуазиатскимъ краямъ своей епархіи. Тысячи двѣ верстѣ объѣхалъ

¹⁾ Воронежскій купецъ. Письма къ нему Евгения также сохранились въ количествѣ 23-хъ отъ 1800 г. по Апрель 1804 г.

²⁾ Это — напечатанные въ этомъ году — Историческіе три разговора о древностяхъ Великаго Новгорода.

³⁾ Въ Трудахъ Киев. духов. академіи, за августъ 1867 г. приведено какъ подробное оглавление этой книги Евгения, такъ и отзывъ о ней и. Амвросія.

⁴⁾ Памятникомъ этого вниманія Евгения къ древней Новгородской славы служатъ также нѣкоторыя письма Евгения къ Державину и графу Румянцеву. Не говоримъ уже о замѣчаніяхъ Евгения на Новгородскія грамоты вообще и въ частности на грамоту Мстислава В., а также о тѣхъ открытіяхъ, какія сдѣланы были имъ въ Новгородской Софійской библиотекѣ.

по рѣкамъ, а сотъ пять сухимъ путемъ. Доѣзжалъ почти до Печоры и проѣхалъ всю Зырянскую землю, въ которой и по-русски, кромѣ поповъ, мало кто знаетъ ⁽¹⁾. Сверхъ того, насмотрѣлся прерузорочной во всѣхъ предметахъ природы и набралъ цѣлый ящикъ рѣдкихъ раковинъ, кремней и окаменѣлостей...

Хорошо, что вы мнѣ напомнили о выпискѣ нѣкогда чертежей къ экономическимъ сочиненьямъ чрезъ Селивановскаго. Онъ до нынѣ со мной въ дружеской перепискѣ, а по книжнымъ торгамъ онъ знатной купецъ.

...Государь поѣхалъ въ Эрфуртъ ⁽²⁾ для примиренія Бонапартія съ Англичанами и Шведами. Дай Богъ мира! Наскучила уже всесвѣтная война.

84.

26 Ноября 1808 г. Вологда.

...Поздравляю васъ съ окончаніемъ Подгоренскаго строенія. А я и зимою строюсь въ загородномъ моемъ домѣ. Осенью насадилъ я тамъ и регулярной садъ — разумѣйте не фруктовый, а березовой, сосновой и проч. Посадилъ однако и пять кедровъ, коихъ праправнуки наши развѣ дождутся до орѣховъ.

Городовой мой домъ прекрасно я отдѣлалъ и расписалъ; но что-то холоденъ и больше 10 градусовъ тепла не могу завести. Можетъ быть отъ холоднаго нашего климата.... Отъ холоду въ покояхъ часто я простуживаюсь и кашляю. Но видно надо привыкать. Кромѣ холода епархія моя прекрасная и домъ архіерейскій преизобильной вѣстмъ.

...Авраама Семеновича, новаго вашего внука, поздравьте и отъ меня со

¹⁾ Какъ извѣстно, это путешествіе Евгения по Зырянской землѣ не осталось безъ ученыхъ послѣдствій: плодомъ его была извѣстная замѣчательная статья Евгения о Зырянскихъ древностяхъ, появившаяся въ первый разъ въ 1813 г.

²⁾ Результаты Эрфуртскаго свиданія импер. Александра съ Наполеономъ, для внутренней и вишней нашей политики — извѣстны. См. „Жизнь гр. Сперанскаго“ и „Графъ Буловъ и его время“.

вступленіемъ въ бракъ. Satius est sero, quam nunquam *).

85.

Отъ 10 Мая 1809. Вологда.

Зная, что вы берете участіе во всемъ до меня касающемся, прилагаю при семъ вамъ копіи бумагъ о новомъ еще титулѣ ученомъ, ни думано ни гадано на меня нашедшемъ ¹⁾. Я и въ лицо не знаю Всеволожскаго ²⁾, а пишутъ, что всѣ единогласно Московскіе академики меня только одного съ графомъ Разумовскимъ выбрали. Славу Богу, не по достоинству мнѣ благодарному ³⁾...

...Михайлу Васильевича непременно прочтѣте въ Петербургъ, но не въ корпусы, которые въ нынѣшнее время ничему не учатъ, кромѣ солдатства. Лучше въ министерскую какую нибудь канцелярію.

...Наши Вологодскіе дворяне то и дѣло увѣчные возвращаются изъ арміи. А многіе и не возвращаются совсѣмъ!

86.

Іюня 20 1809.

Вологда.

...И такъ вы рѣшились отпустить Михайла Васильевича и въ корпусъ!

...По склонности своей онъ и дѣйствительно тамъ выучится солдатству болѣе нежели чему другому. Но видно такъ на роду ему написано.

...Хорошо бы вамъ попросить Нивифора Михайловича *), чтобы онъ от-

*) „Лучше поздно чѣмъ никогда“.

¹⁾ Рѣчь идетъ о выборѣ Евгеніи въ почетные члены Москов. отдѣленія Медико-хирургической академіи:

²⁾ Вице-президента академіи.

³⁾ При письмѣ сохранились копіи съ писемъ къ Евгенію вице-президента М. Х. академіи Всеволожскаго и секретари академіи Городчанинова, а также копіи съ министерскаго утвержденія Евгеніи въ новомъ званіи. Бумаги эти важны въ томъ отношеніи, что по нимъ иначе опредѣляется время избранія Евгеніи въ члены Мед-хирург. академіи, чѣмъ въ біографіи, помѣщенный при Словарѣ святскихъ писателей: избраніе это произошло не 24 Февраля 1808 г., какъ говорится въ послѣдней, а 2-го Февраля 1808 г.

*) Марина, Воронежскаго губернатора.

рекомендовалъ его дѣтямъ своимъ, изъ коихъ наипаче Сергѣй во всѣхъ Петербургскихъ обществахъ извѣстенъ съ уваженіемъ. Онъ и при Дворѣ близокъ и можетъ иногда однимъ словомъ сдѣлать больше пользы, нежели другіе.

87.

Августа 9, 1809.

Вологда.

Благодарю за увѣдомленіе о Михайлѣ Васильевичѣ. И я радъ, что онъ вмѣсто строевой службы попалъ въ артилерію, которая учитъ не механизму, а разсужденію, которое въ жизни полезнѣе умѣнья дѣйствовать штыкомъ. Дай Богъ ему только здоровье и успѣхъ въ службѣ.

...Р. С. При семъ письмѣ кланяюсь вамъ эстампомъ усадьбы Державина ¹⁾. Въ бытность мою у него 1807 года въ гостяхъ на сей мызѣ, я просилъ его снять съ нея видъ для памяти мнѣ и потомству. Онъ велѣлъ снять и прислалъ мнѣ съ надписью слѣдующихъ стиховъ:

На память твоего, Евгеній, посѣщенья
Усадьбы маленькой изображенъ здѣсь видъ.
Горацій какъ бывалъ Меценомъ въ восхи-
щенья, щенья,
Такъ былъ обрадованъ тобой Мурза-нитъ.

Г. Державинъ.

Іюля 22, 1807 года.

А я съ своей стороны, благодаря его за сей видъ, въ письмѣ писалъ къ нему, что потомство можетъ быть воздвигнетъ ему тамъ памятникъ и надпишетъ:

Средь мшистыхъ сихъ болотъ и ржавинъ
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ.

88.

25 Сентября 1809 г. Вологда.

Вчера я получилъ ваше письмо, а сегодня спѣшу отвѣчать вамъ сердечнымъ

¹⁾ Званки. О томъ, какъ понравилась Евгенію эта усадьба Державина, подробнѣе см. въ издан. Гротомъ перепискѣ Евгеніи съ Державинымъ, а также 77-е п. и примѣч. къ нему.

соболюбваніемъ о вашемъ сѣтованіи. Мнѣ ненужно увѣрять васъ, сколько трогаетъ меня ваше состояніе, ибо я всегда бралъ живѣйшее въ васъ участіе, такъ какъ и вы всегда были благодѣтелемъ моимъ паче родныхъ. О если бы я могъ когда нибудь достойно воздать вамъ за всѣ ваши мнѣ одолженія. Молю Господа Бога, чтобы Онъ подалъ мнѣ къ тому способы. Между тѣмъ паки обращаюсь къ вамъ съ искреннимъ утѣшеніемъ. Ваша правда, что совѣты легче давать нежели исполнять, такъ какъ и больному труднѣе принимать лекарства, нежели врачу предписывать оныя. Но развѣ за это и не должно больному принимать лекарства?...

...Довольно поплакать и поскорбѣть при разлукѣ, и это естественно. Но жалніемъ о дѣтяхъ разстраивать даже свое здоровье—не утѣха и для самыхъ дѣтей, а для домашнихъ двойная скорбь. Вы говорите, что отчаивается и видѣтъ сына. Да сохранить васъ Господь отъ сего отчаяніи! Но естли бъ вы и увѣрены были въ семъ, то вы ли первые въ свѣтѣ, и взоръ ли на праздно живущаго въ домѣ сына можетъ утѣшать послѣднія минуты отца? Да и всегда ли отъ того щастливѣе дѣти, когда неоставляютъ родителей до послѣдней ихъ минуты? Спартанскія матери, отпуская дѣтей своихъ на войну за отечество и вручая имъ щитъ, приговаривали: *gedas aut cum hoc scuto, aut super illo* ¹⁾. Вотъ какъ патріоты должны отпускать дѣтей своихъ.

...Сахаръ и у насъ доходилъ до 75 рублей пудъ, но нынѣ съ подвозомъ изъ Архангельска упалъ до 66 р. На сихъ дняхъ превеликіе обозы онаго прошли чрезъ Вологду въ Москву. Слѣдовательно и у васъ подешевѣтъ. А миръ Шведскій снабдитъ онымъ и Петербургъ ²⁾.

Я, чтобы укрѣпить здоровье на осеннее сидѣнье, въ Августѣ и Сентябрѣ

¹⁾ Ты долженъ возвратиться или съ этимъ щитомъ (въ рукахъ), или на немъ.

²⁾ Фридрихсгамскій миръ со Швеціей заключенъ былъ 5 Сентября 1809 года.

обѣздилъ въ открытой линейкѣ верстѣ 200 по разнымъ монастырямъ... и только вчера возвратился... А теперь съ сихъ поръ засяду за вечернія работы.

89.

Обрадовали вы меня письмомъ своимъ отъ 7 Іюня, ибо о вашей опасной болѣзни увѣдомилъ меня братъ. Но слава Богу, воскресившему васъ!... А я пожелаю вамъ и на свою болѣзнь: съ прошлой бывшей у насъ самой безпутной зимы, простудившись, я получилъ ревматизмъ и въ рукахъ и ногахъ. Зудъ почти безпрестанный. О сию пору не рѣшился еще даваться лѣкарямъ, а читаю самъ медицинскія книги, но не лѣчусь. Ибо и въ медицинскихъ книгахъ нахожу только разногласицу, а ничего вѣрнаго и рѣшительнаго.

Къ сосѣднему нашему (въ 800⁰⁰ верстахъ) Архангельску, такъ какъ и къ Петербургу пришло много кораблей подъ именемъ Американскихъ, а навѣрно Англинскихъ съ товарами ¹⁾. Но еще идетъ разсмотрѣніе. Въ Балтійскомъ морѣ плаваютъ Англинскій флотъ, но что-то не пугаются его. Король Англинскій ²⁾ вмѣсто отставки только что ослѣпъ. Вина и у насъ въ несносной цѣнѣ. Черноморскія даже по 16 р. ведро. Да и на все цѣны страшно поднимаются. Не облегчить ли указъ вышедшій о новой монетѣ и о погашеніи долговъ ³⁾?

Іюля 4, 1810 года.

Вологда.

¹⁾ Извѣстно, что континентальная система совершенно было разорвала наши торговля связи съ Англією; но въ 1810 г. мы почувствовали всю тяжесть послѣдствій этой системы, и начали подумывать и прискивать способы, какъ бы облегчить эти послѣдствія. Съ этою цѣлю, 19 Декабря 1810 г., составлено правительствомъ „положеніе о нейтральной торговлѣ“. П. Собр. 3. № 24, 464.

²⁾ Георгъ III.

³⁾ Интересное замѣчаніе о двухъ указахъ, 27 Мая и 20 Іюня 1810 г., за которые такъ сильно нападали на Сперанскаго большая часть его современниковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИТРОПОЛИТѢ ЕВГЕНІѢ И ЕГО ПИСЬМАХЪ.

Имя Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова (ум. 23 февр. 1837), это свѣтлое и симпатическое имя, за послѣдніе два года, стало обращаться на себя все болѣе и болѣе вниманія и все чаще и чаще появляться въ печати. Поводомъ къ тому послужило совершившееся столѣтіе со дня рожденія знаменитаго архипастыря.

Не говоря о тѣхъ юбилейныхъ празднествахъ, которыми почтено было 18 Декабря (день рожденія Евгенія) 1867 года, — и литература наша, какъ духовная, такъ и свѣтская, сочувственно вспоминали о личности и учено-литературныхъ заслугахъ Евгенія. Въ сущности однакожь, до сихъ поръ, немного еще сдѣлано для изученія его личности и оцѣнки заслугъ. Съ кончины его до 1867 г. единственнымъ важнымъ литературнымъ явленіемъ, напомнившимъ имя знаменитаго и неутомимаго труженика нашей науки было издание М. П. Погодинымъ „Словаря Русскихъ свѣтскихъ писателей“. Но тутъ Евгеній самъ за себя говорилъ. А что сказано и сдѣлано другими для оцѣнки его? Нѣсколько краткихъ и довольно общихъ замѣчаній того же М. П. Погодина, высказанныхъ имъ въ 1842 году въ его Москвитянинѣ; нѣсколько такихъ же краткихъ и общихъ словъ П. П. Пекарскаго въ Библиограф. Запискахъ 1859 г., статья профессора Воронежской Семинаріи Данскаго, въ „Воронежской Бесѣдѣ“ за 1862 годъ, посвященная главнымъ образомъ біографическимъ и личнымъ воспоминаніямъ объ Евгеніѣ; небольшая замѣтка о немъ во „Временникѣ“, впрочемъ съ его портретомъ; двѣ-три критико-библиографическія страницы о немъ въ Обзорѣ Русской духовной литературы архіепископа Черниговскаго Филарета; наконецъ, изданіе писемъ Евгенія къ Селивановскому (Библ. Зап. 1859) и Городчанину (Журн. М. Н. Пр. 1857, Апрель) — вотъ, если не ошибаемся, все,

въ чемъ высказалось серьезное желаніе нашихъ ученыхъ отнести съ признательностію и благодарностію къ трудамъ и съ почтеніемъ къ личнымъ качествамъ Евгенія. Не всѣ однакоже изъ перечисленныхъ отзывовъ объ Евгеніѣ отличаются теплымъ и симпатическимъ отношеніемъ къ изумительно-обширной и разнообразной ученой дѣятельности его. Извѣстенъ, напримѣръ, тотъ докторальный приговоръ надъ Евгеніемъ архіеп. Филарета, въ означенномъ его Обзорѣ, гдѣ послѣдній почти отвергаетъ всякія способности Евгенія какъ мыслителя, историка и проповѣдника. Но надъ этимъ несправедливымъ отзывомъ давно уже произнесенъ въ нашей литературѣ справедливый приговоръ. (Духовн. Вѣстникъ). Вслѣдъ за симъ опять замолкла наша литература о Евгеніѣ до 1867 г. Въ этомъ году появились двѣ статьи (Г. Пономарева и протоіерея Фаворова, въ августов. книжкѣ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“), которыя во многихъ отношеніяхъ уже гораздо выше и серьезнѣе всего того, что писалось прежде. Важное преимущество статьи Фаворова въ отсутствіи сухости и форменности изложенія, дѣлавшихъ изъ прежнихъ біографическихъ очерковъ Евгенія нѣчто похожее на формулярный его списокъ, а также — въ большемъ смысловомъ извѣстномъ уже фактовъ служебной и ученой его дѣятельности. Отъ начала до конца, статья эта согрѣта живымъ и теплымъ чувствомъ, — если угодно — даже удивленіемъ къ Евгенію. Но еще болѣе, по нашему мнѣнію, достоинствами отличается статья Пономарева, хотя характеръ ея во многомъ совершенно иной. Г. Пономаревъ взялъ на себя задачу довольно скучную и кропотливую, но въ высшей степени полезную для дальнѣйшихъ излѣдованій о Евгеніѣ — указать по возможности всѣ существующіе письменные, а также и многіе не напечатанные еще источники и пособія для всесторонняго и правильно-безпристрастнаго изученія Евгенія. Въмѣстѣ съ этимъ статья его наглядно должна была убѣдить cadaго,

какъ бѣдны и недостаточны были въ то время всѣ наши свѣдѣнія о Евгениѣ, и какъ въ частности много и долго еще нужно работать надъ разбросанными повсюду рукописными трудами его, чтобы произнестъ о немъ полное и окончательное сужденіе.

И вотъ, кое-гдѣ, подъ вліяніемъ этихъ указаній, а кое гдѣ и независимо отъ нихъ, начались попытки отысканія и изданія прежде всего писемъ и переписокъ м. Евгенія съ важными и вліятельными его современниками. Такъ, въ послѣдніе два года, литература наша приобрѣла богатое, по количеству писемъ, изданіе переписки Евгенія съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, частицу переписки его съ Державинымъ и Гирсомъ и одно письмо Евгенія къ Оленину. Честь этого изданія и прекрасныхъ примѣчаній къ нему принадлежитъ академику Гроту.

Еще раньше Гротовскаго изданія началось, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приведено къ концу, изданіе огромной по объему и важной по содержанію переписки Евгенія съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, предпринятое Воронежскимъ Статистическимъ Комитетомъ еще въ 1867 г. и двѣ большія тетради которой были уже готовы въ томъ же 1867 г., ко дню праздновавшагося въ то время въ Воронежѣ 100 лѣтнію Евгениевскаго юбилея. Къ сожалѣнію, однакожь, изданіе это, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, приостановилось и до сихъ поръ, кажется, не возобновлено. Имѣвъ, два года тому назадъ, возможность познакомиться съ тѣмъ, что напечатано уже было изъ этой послѣдней переписки, мы смѣло можемъ заявить, что изданіе этого обмѣна мыслей между двумя страстными любителями отечественныхъ нашихъ древностей — постоянно и быстро дѣлившихся своими открытіями, находками и наблюденіями, изданіе это прольетъ много свѣта не только на взаимныя дружескія отношенія этихъ двухъ крупныхъ личностей, но подыметъ еще выше значеніе Евгенія, какъ двигателя нашихъ археологическихъ

розысканій и вообще во многомъ пополнить наши теперешнія свѣдѣнія о томъ, какъ восторженно-энергически и неутомимо трудились у насъ лучшіе люди въ началѣ настоящаго столѣтія надъ этого рода розысканіями. Самые сухіе, повидному, предметы ихъ переписки, подъ вліяніемъ одушевленія переписывающихся, дѣлаются интересными и легкими для чтенія.

Въ заключеніе должно сказать о статьѣ профессора г. Тихонравова, въ майской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1869 годъ. Статья эта, прослѣдившая только два первые періода жизни Евгенія (юношескіе годы, его воспитаніе въ Москвѣ, особенно подъ вліяніемъ университетскихъ лекцій, Новиковскаго кружка и зараждавшагося Карамзинскаго направленія, и за тѣмъ второй періодъ — самостоятельной дѣятельности, въ качествѣ преподавателя Воронежской духовной семинаріи) безспорно есть самое лучшее и самое серьезное явленіе изъ того, что до сихъ поръ писано было объ этихъ двухъ періодахъ жизни Евгенія. Въ статьѣ этой указаны тѣ уметвенныя и литературныя симпатіи и отчасти тотъ нравственный характеръ Евгенія, съ какимъ мы знаемъ его и привыкли его представлять впоследствии, въ зрѣлые годы самостоятельной его жизни и дѣятельности. Кромѣ того статья г. Тихонравова основана на самостоятельномъ изученіи того, что писано Евгениемъ въ эти два періода его жизни, особенно что касается до литературно-философскихъ его сочиненій.

Но въ этомъ доселѣ единственномъ опытѣ настоящей біографіи Евгенія, очерчены, какъ мы видѣли, лишь первые года его самостоятельной жизни. Для дальнѣйшей эпохи драгоцѣнныя указанія содержатся въ напечатанныхъ выше письмахъ Евгенія къ Воронежскому другу его Македонцу. Въ письмахъ этихъ явственно выступаетъ Евгений за тѣ первыя 9 съ половиною лѣтъ, которыя, съ переездомъ его изъ Воронежа въ Петербургъ, въ началѣ 1800

г., открыли предъ нимъ новый періодъ жизни, новую болѣе обширную и разнообразную сферу жизненныхъ отношений, служебной, практической и ученой дѣятельности. Письма эти имѣютъ двойное значеніе и интересъ. Впервые, это — важный историческій памятникъ для біографическаго изученія Евгенія. Не можемъ не обратить здѣсь вниманія прежде всего на то, что, для изученія первыхъ 4-хъ лѣтъ этого десятилѣтія, мы не имѣли до сихъ поръ ничего кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя перешли въ біографію Евгенія, такъ сказать, изъ его формулярнаго списка. Такія свѣдѣнія, какъ естественно, состояли изъ однихъ только названій служебныхъ должностей, проходимыхъ Евгеніемъ въ это время, изъ перечня высочайшихъ и митрополичьихъ милостей и наградъ, которыхъ удостоивался онъ за свои труды и наконецъ изъ бібліографическаго перечня написанныхъ имъ за эти 4 года сочиненій. Исторія Петербургской академіи г. Чистовича, коснувшаяся и Евгенія, какъ одного изъ дѣятелей этой академіи, также ограничивается одною служебною его дѣятельностію. О томъ, что таилось въ душѣ этого въ высшей степени дѣятельнаго, честнаго, скромнаго и неславолюбиваго, хотя и глубоко цѣнившаго себя, человѣка, и что по временамъ прорывалось такъ или иначе наружу, о задушевныхъ мысляхъ его и чувствахъ, о нравственныхъ удовольствіяхъ и еще болѣе о нравственныхъ страданіяхъ и борьбѣ съ ними человѣка, не задолго передъ этимъ глубоко въ сердце пораженнаго потерей дорогаго ему семейства, о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на Евгенія необходимою переменою рода жизни и всей окружающей обстановки, равно какъ и о большей части завязавшихся у него новыхъ связей и объ отношеніяхъ къ старымъ знакомствамъ оставленнымъ въ Воронежѣ, — обо всемъ этомъ можно было только гадать, отчасти на основаніи извѣстныхъ фактовъ предшествующей Воронежской жизни Евгенія, отчасти же на основаніи кое-гдѣ разбросанныхъ

имъ намековъ на Петербургскую свою жизнь въ послѣдующихъ письмахъ, напр. къ Хвостову. Мы не имѣемъ возможности извлекать тѣ новыя біографическія данныя, какія представляютъ, по нашему мнѣнію, выше напечатанныя письма и для второй половины этого десятилѣтія, т. е. для Новгородской и Вологодской жизни Евгенія. Интересующійся и внимательный читатель самъ подмѣтитъ кое-что изъ этихъ новыхъ свѣдѣній, не смотря на то, что этотъ періодъ гораздо уже богаче біографическими данными о Евгеніѣ, благодаря тому, что сохранилось 3 письма Евгенія къ Державину, 1805, 7 и 9 гг. и 17 писемъ къ Городчанину, изъ коихъ первое помѣчено 1807 г.; наконецъ, къ этому же времени относятся 46 писемъ Евгенія къ Хвостову, начинающихся съ 1804 г. Замѣтимъ только вообще, что, по нашему мнѣнію, ничто въ этой перепискѣ не можетъ бросить неблагоприятной тѣни на свѣтлую, простую, откровенную, честную, нравственно-твердую, умѣвшую всегда любить и уважать истинное достоинство другихъ, душу Евгенія. Шутка, подъ часъ острога и колкость его не имѣютъ въ себѣ ничего злобнаго. При томъ нужно замѣтить, что эти черты впервые суть принадлежности всегда живаго, пылкаго и откровеннаго характера Евгеніева; сверхъ того, многое здѣсь, по нашему мнѣнію, объясняется и оправдывается тѣмъ положеніемъ, въ которое ставили иногда Евгенія обстоятельства, минута и нравственное его настроеніе. А что касается до свѣтской, такъ сказать, веселости въ нѣкоторыхъ письмахъ Евгенія, то неужели кто-либо поставитъ ему это въ упрекъ? *) Кромѣ

*) Въ жизни и дѣятельности Евгенія вовсе невидны слѣдовъ претящаго леитства, коимъ, къ несчастію, отличаются многія лица нашего духовнаго сословія. Дѣло въ томъ, что Евгеній былъ родомъ купецъ и сдѣлался священникомъ по личной склонности. Женатъ онъ былъ тоже на купеческой дочери Расторгуевой. Родственники его, Волховитиновы и Расторгуевы, до сихъ поръ живутъ въ городѣ Липецкѣ. П. Б.

того на эти письма можно смотрѣть и какъ на историческія записки или замѣтки, въ которыхъ хотя довольно кратко и отрывочно, но въ то же время довольно живо и характерно рисуются и отражаются многія замѣчательныя явленія и событія какъ столичной, такъ провинціальной нашей жизни, за послѣдній годъ царствованія Павла и первыя 9 лѣтъ царствованія Александра Павловича. И мы увѣрены, что, при только-что начинающемся у насъ знакомствѣ съ историческими памятниками этой эпохи, и съ этой стороны вышепомѣщенный письма не лишены значенія и интереса. Важнѣе всего, по нашему мнѣнію, здѣсь то, что до сихъ поръ мы познакомились съ впечатлѣніями и воззрѣніями на богатое событіями первое десятилѣтіе нашей жизни въ настоящемъ столѣтіи, преимущественно по officialнымъ, законодательнымъ и вообще правительственнымъ актамъ, по письмамъ, запискамъ и воспоминаніямъ преимущественно свѣтскихъ дѣятелей. Голосъ другихъ людей этого времени, крупныхъ и малыхъ, въ частности голосъ образованной и вліятельной части духовенства, не всегда гармонировавшей съ голосомъ свѣтскаго человѣка—только съ недавняго времени начинаетъ понемногу заявлять себя. Таковы, напримѣръ, письма современныя между прочимъ и этой эпохѣ, Московскаго митрополита, знаменитаго Платона, изданныя въ „Православномъ Обзорѣніи“ 1869 (№№ 5, 6, 8, 9 и 11).

При нѣкоторомъ сходствѣ взглядовъ и воззрѣній на однѣ и тѣ же явленія, замѣчаемомъ въ письмахъ Платона и Евгенія, какая однакоже громадная разница въ сужденіяхъ и приговорахъ обоихъ этихъ лицъ! На письмахъ Платона, отъ начала до конца (мы говоримъ о письмахъ отъ 1800—1810) лежитъ постоянная печать суровой строгости, сдерживаемаго иногда, но тѣмъ не менѣе повсюду замѣтнаго недовольства и раздраженія; повсюду почти недовѣрчивый и даже отчасти мрачный и какъ бы

отчаявающійся взглядъ на проходящія и совершающіяся явленія, притомъ не только на такія, которыя прямо и безцеремонно иногда задѣваютъ его личность и его право, но и на тѣ, на которыя безпристрастіе и справедливость требовали бы, повидимому, взглянуть совершенно иначе и радушнѣе, какъ напр. на вопросъ о преобразованіи духовно-учебной части и пр. Совсѣмъ другое общее впечатлѣніе оставляютъ сужденія и приговоры Евгенія, произносимые имъ въ разсматриваемыхъ нами письмахъ. Отъ этихъ приговоровъ дышетъ чѣмъ-то мягкимъ, добрымъ, снисходительнымъ и исполненнымъ надежды. При томъ въ письмахъ Евгенія отражаются не только слабыя, но и множество свѣтлыхъ и отрадныхъ сторонъ этого времени. Не говоримъ уже о той разницѣ между одновременными письмами этихъ двухъ замѣчательныхъ духовныхъ особъ, которая невольно и съ перваго раза бросается въ глаза, при сравненіи широты круга наблюдаемыхъ ими предметовъ. У Платона кругъ этотъ довольно узокъ; это—одни только духовные и церковные интересы. Евгенийъ же былъ воспримчивъ и отзывчивъ ко всѣмъ даже мелкимъ явленіямъ проходившей предъ ними жизни. Въ его письмахъ дается мѣсто не однимъ великимъ политическимъ и общественнымъ событіямъ, переворотамъ и преобразованіямъ, совершавшимся въ то время и у насъ въ Россіи и за ея предѣлами; говорится не объ однихъ только замѣчательныхъ людяхъ и явленіяхъ науки и образованія: онъ иногда очень подробно описываетъ Петербургскіе праздники и обѣды, свои академическія удовольствія, различныя явленія любимой имъ природы; его занимаютъ интересы сельской промышленности, фабричной и торговой такъ же, какъ и ежемѣсячная пли, и правильнѣе, почти ежедневная цѣнность рыночныхъ продуктовъ. Чѣмъ объяснить такія различія во взглядахъ и интересахъ двухъ безспорно замѣчательнѣйшихъ и образованнѣйшихъ духовныхъ особъ и іерар-

ховъ? Объясняется ли это только различіемъ возрастовъ того и другаго и различіемъ лицъ, съ которыми они переписывались, или еще и другимъ чѣмъ-нибудь? Мы не беремъ рѣшать этого вопроса. Но во всякомъ случаѣ думаемъ, что козь скоро появились въ печати письма М. Платона съ довольно рѣзкимъ и суровыми приговорами его надъ первымъ 10-тилѣтіемъ нашего столѣтія; то изданіе настоящихъ писемъ Евгенія, какъ тоже духовнаго лица, можетъ быть признано не только интереснымъ, но и своевременно-полезнымъ противовѣсіемъ тому впечатлѣнію и тѣмъ воззрѣніямъ, которыя до крайности, какъ намъ кажется, доведены въ письмахъ Платона, и могли бы поэтому приводить и читателей къ крайней и потому не совсѣмъ справедливой оцѣнкѣ той эпохи. Можно поэтому поблагодарить человѣка (теперь уже покойника), бывшаго учителя Воронежской гимназіи, г. Завадскаго, которому, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, случайно, удалось на Воронежскомъ рынкѣ наткнуться на эти письма и спасти ихъ отъ истребленія, къ которому они предназначались и которое дѣйствительно началось уже было, какъ мы то знаемъ отъ лица, доставившаго ихъ для изданія въ „Русскій Архивъ“. На основаніи показаній этого послѣдняго лица, законоучителя Воронежской гимназіи Н. А. Волкова, мы имѣемъ право думать, что доставленные 100 писемъ не обнимаютъ всей переписки Евгенія съ Македонцемъ, что часть ея погибла безвозвратно. Кроме того, тоже лицо сообщило намъ, что 10 писемъ Евгенія къ Македонцу переданы имъ, гораздо раньше этого, для напечатанія г. Ивановскому.

Къ сожалѣнію, мы не успѣли доселѣ собрать никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній о лицѣ, къ которому писаны Евгениемъ издаваемые теперь письма. Особенно интересно было бы пріобрѣсть точныя и фактическія какія-нибудь свѣдѣнія о важномъ и благодѣтельномъ значеніи для Евгенія дружбы къ нему Македонца, о чемъ такъ часто, но не всегда

довольно ясно, говоритъ Евгенийъ въ своихъ письмахъ. Впрочемъ самыя письма даютъ нѣкоторое понятіе о состояніи, общественномъ положеніи, а также отчасти объ умѣ, образованіи и нравственномъ направленіи В. И. Македонца. Въ заключеніе надо сказать, что большая часть писемъ къ Македонцу напечатаны въ выдержкахъ, при чемъ опущены одни лишь повторенія, либо такія частности, напр. по хозяйственнымъ дѣламъ, которыя не имѣютъ общаго значенія. Впрочемъ подлинники писемъ переданы на храненіе въ Чертковскую бібліотеку.

Николай Свєрєрный.

22 Января, 1870 года.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО КЪ А. А. СТОЛЫПИНУ. *)

III.

Нижеслѣдующія письма относятся, первая, къ тому времени когда Сперанскій былъ въ силѣ, вторыя, когда онъ былъ въ изгнаніи и, наконецъ, послѣднія писаны изъ Пензы, по назначеніи его тогда губернаторомъ.

Читая эти письма и вглядываясь въ личность Сперанскаго, приходишь къ убѣжденію, что онъ былъ полною христіанскаго духа и смиренія: черта, которую, онъ могъ унаслѣдовать по рожденію и пріобрѣсти вслѣдствіе воспитанія своего. На клевету онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Можетъ быть, въ смыслѣ свѣтскомъ, былъ бы нуженъ, естественъ и необходимъ даже извѣстный отпоръ. Сперанскаго упрекали въ уклончивости. При этомъ надо замѣтить, что въ послѣднее время въ исторіи перестали отдѣлять человѣка отъ среды, отъ общества; вслѣдствіе этого воззрѣнія, часть упрека должна пасть на общество, когда человѣкъ съ огромными дарованіями долженъ былъ, такъ сказать, въ борьбѣ за существованіе прибѣгать къ уклончивости или даже ласкатель-

*) См. Р. Архивъ 1869, стр. 1682 и 1966.

ству. Въ этомъ смыслѣ исторія человѣка весьма подобна исторіи человѣчества: дѣлыя племена гибли въ геройской борьбѣ противъ сильнѣйшихъ враговъ, или же должны были, для сохраненія своего существованія, признавать себя давниками или рабами.

Съ другой стороны осуждаютъ Сперанскаго за то, что онъ приступилъ къ преобразованіямъ; но онѣ составляютъ необходимость всякаго развивающагося общества. Различныя изысканія, сдѣланныя въ послѣднее время, особенно благодаря учрежденію антропологическихъ обществъ, бросаютъ довольно яркій свѣтъ на причины упадка или процвѣтанія различныхъ обществъ. Замѣтили, что дѣлыя племена вымираютъ отъ прикосновенія цивилизаціи. Таковой участи подверглись охотничьи племена въ Америкѣ. Единственный способъ отстоять свою жизнь и независимость, это усвоить оружіе врага и примѣниться къ порядкамъ болѣе сильнымъ или выгоднымъ. Это настоящая борьба за существованіе. Мы тяжело терпѣли въ Севастополѣ по отсутствію телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ. Различные вопросы ставятся въ жизни народовъ и требуютъ рѣшенія, и эти-то вопросы дѣлаютъ преобразованія необходимыми, хотя бы въ виду того только, чтобы не отстать отъ другихъ государствъ.

Но кромѣ этого соперничества между государствами, есть еще другая причина, вызывающая преобразованія: она заключается въ дальнѣйшемъ движеніи мысли и ея приложеній.

Что преобразованія, къ которымъ приступилъ Сперанскій, были нужны, это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ крестьянская и судебная реформы, осуществлены въ настоящее царствованіе.

Д. Столыпинъ.

Саратовъ
17 Октября 1869. г.

I.

С. П.-бургъ. 9 Августа. (1809)

Здѣсь хотятъ насъ увѣрить, что Севастополь есть самый высшій образъ
V. 2.

благоустроеннаго судилища. Вы знаете, склоненъ-ли я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить; но по опыту я знаю, что когда люди пустятся защищать что либо неимовѣрное: то спорить съ ними не должно; а надобно дать пройти сей горячкѣ, и они сами образумятся. Много уже пережилъ я сихъ странныхъ предубѣждений; и сіе переживу, да и само оно, кажется, близко къ своему паденію.

..... Пребываніе ваше въ Москвѣ не можетъ продолжаться; да и исправить вамъ всего, среди крайняго неустойства, невозможно. Еще четыре мѣсяца, и къ новому году надобно ожидать въ сей части совсѣмъ другаго порядка, и тогда милости просимъ, можно будетъ заняться съ честью и пользою.

Примите пожалуйста мѣры, чтобы письма наши взаимно вѣрно доходили; не посылайте на почту пьяныхъ курьеровъ. Это можетъ имѣть важныя послѣдствія.

II.

Петербургъ 18 Августа 1810.

Вы не могли мнѣ, любезный Аркадій Алексѣичъ, болѣе сдѣлать удовольствія, какъ присылкою прекрасной и умной и доброй лошади. Я думаю, что я умру съ сею страстію и даю слово, что она будетъ уже послѣдняя. На ней будетъ учиться ѣздить старшій сынъ моей Лизы. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасное животное, какого я еще никогда не имѣлъ.

III.

Петербургъ. 13 Сентября 1810.

Съ низкою благодарностію возвращаю вамъ славнаго вашего коновода. Съ нимъ же отправляю рескриптъ и письмо мое къ графу Аркадію Ивановичу *); все прошу васъ ему доставить. Желанія его удовлетворены въ полной мѣрѣ.

Фельдъегерь отправленъ съ извѣстіемъ о разбитіи сорока-тысячнаго корпуса подъ Рущукомъ. Ожидается сдача

*) Моркову?

сей вѣрности. Есть большія надежды къ миру....

Посылаю двѣ наши новости: уставъ и одни первыя главы 2-й части уложенія. Первая прошла благополучно. Къ новому году все уложеніе будетъ непременно кончено, и Сенатъ образованъ.

IV.

С. П. бургъ. 24-го Октября 1811.

Полное право имѣете вы, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, винить меня, сердиться и бранить за мое молчаніе, но вы должны были сіе предвидѣть по разсѣянной и хлопотливой моей жизни и напередъ приготовить быть со мною великодушнымъ. Не отчаивайтесь однако же въ моемъ исправленіи; кто раскаивается, тотъ можетъ и исправиться и даже писать къ вамъ каждую почту.

Чтобъ положить сему начало, я долженъ прежде всего дать вамъ отчетъ въ собственныхъ вашихъ милостяхъ.

Во первыхъ привели ко мнѣ во всей исправности вашу Награду. Но скажи, Бога-ради, что я буду съ нею дѣлать? Это первая лошадь въ Петербургѣ. Мнѣ поистиннѣ стыдно на ней ѣздить. Раза два-три я осмѣлился однако же сдѣлать себѣ честь съ нею прогуляться. Безъ шутокъ, ко мнѣ съѣзжаются, чтобъ только ею любоваться. У Государя нѣтъ ничего подобнаго. У меня было даже покушеніе ее подарить Е. В.: весь Дворъ мнѣ сіе совѣтовалъ; Мухановъ пріѣзжалъ нарочно, чтобъ ее только удостоить визита; но безъ вашего дозволенія не посягну ни на что. Она прогуливается только для движенія по два раза въ недѣлю на кордѣ; но только для движенія. Никто, кромѣ меня, съестъ на нее не осмѣливается; она чрезмѣрно добронравна и любезна.

Во вторыхъ, третьяго дня испыталъ и цѣлебную воду юности. Но какъ ею пользоваться? У насъ зима сперва была жестокая, а теперь грязь пренесносная; нѣтъ способу дѣлать утреннее движеніе. По достохвальному обычаю и отдалъ ее Беллѣ, чтобъ хрывать въ по-

гребу неприкосновенно на одной полкѣ съ лучшимъ моимъ виномъ; подожду до весны, или по крайней мѣрѣ до того, какъ зима установится...

Новости. Сенатъ нашъ остановился и ни съ мѣста; еще по крайней мѣрѣ годъ будетъ въ семъ положеніи. Говорятъ о мирѣ съ Турками; но еще не вѣрно. Кутузовъ держитъ визиря въ блокадѣ; ожидается рѣшительнаго дѣйствія.

Магницкій перебрался на новую свою квартиру въ домъ Молчанова. Онъ толстѣетъ и смѣется по прежнему. Цейтеръ съ Юля мѣсяца путешествуетъ въ Крыму. Последнее письмо его изъ Воронежа на обратномъ пути; уже онъ получилъ лихорадку и у Штера выздоравливаетъ. — Я также путешествовалъ: былъ у Маріанны въ деревнѣ близъ Новгорода и прожилъ въ прекрасномъ мѣстѣ десять дней. Сія поѣздка, и паче воздержаніе отъ излишнихъ затѣй по службѣ, возвратили мнѣ почти все мое здоровье. Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе двинуть грубую толщу, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно. Пусть же она остается спокойна: а я не буду терять моего здоровья въ тщетныхъ успѣхахъ. Вотъ вамъ краткое описание физическаго и политическаго моего бытія. Девизъ мой: *хоть трава не расти.* Совѣтую и тебѣ приняться за то же: это и спокойнѣе, и здоровѣе. На первый разъ довольно; душевно васъ обнимаю.

V.

Великополье. 14 Марта 1815 г.

Вы немножко испортили, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, тихое мое уединеніе вашимъ посѣщеніемъ, усиливъ желанія мопъ быть съ вами неразлучнымъ. Поправьте это по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобъ писать ко мнѣ чаще; разумѣется, при вѣрныхъ и удобныхъ случаяхъ.

Лишь только мы разстались, какъ пришло мнѣ въ мысль тысячу предметовъ, о коихъ бы хотѣлось говорить съ

вамъ; это обыкновенно случается при сихъ краткихъ и внезапныхъ свиданіяхъ.

Я думаю, вы нашли городъ въ сильномъ движеніи отъ возникшихъ въ Совѣтѣ мнѣній о новомъ уложеніи. Трудно вамъ будетъ не принять въ сихъ спорахъ нѣкотораго участія; но ради Бога не принимайте ничего къ сердцу: вѣрите, что всё сіи состязанія исчезнутъ отъ перваго дуновенія вѣтра. Еслибъ я былъ на мѣстѣ, то я все побѣдилъ бы однимъ моимъ молчаніемъ: ибо молчаніе есть наилучшій отвѣтъ на всё псквилп.

VI.

Великополье. 26 Марта 1815.

При самомъ отъѣздѣ отъ насъ г-на Гудимы, получилъ я вмѣстѣ съ обозомъ я письмо ваше, любезный Аркадій Алексѣевичъ. Не успѣвъ разсмотрѣть ни книгъ вашихъ, ни посылокъ, оптомъ за все сердечно васъ благодарю. Ваша правда: послѣ всѣхъ опытовъ, кои мы имѣли въ превратности человѣческихъ извнй, стыдно бы намъ было упрекнуть себя въ излишней горячности. Радъ весьма, что вы сближаетесь съ свѣтскимъ; разумѣется близостию трюскихъ формъ. Въ послѣдствіи вы увидите сами, какъ будетъ вамъ сіе полезно. — Любя всегда бесѣдовать съ вами, я бы долго не окончилъ, еслибъ не подстрекалъ меня Гудима. Будьте здоровы, мой любезный, и счастливы съ любезною вашею Вѣрою Николаевою столько, сколько вы оба того достойны: сіе будетъ всегда первѣйшимъ копмъ желаньемъ и, позвольте сказать, кою молитвою. — А вы молитесь ли? Молитесь, мои друзья, и вмѣстѣ. Это лучшая жертва, которую земная любовь можетъ принести любви небесной.

VII.

Сельцо Великополье. 21 Мая 1815.

Есть упрекъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, лучше самыхъ лестныхъ изъясненій. Ваши точно таковы; не могли вы мнѣ сказать ничего пріятнаго: пвнните впрядь на себя, еслии часто

буду скучать вамъ письмами. Что можетъ сказать вамъ занимательнаго Вишерскій пустынный, который каждый день болѣе отвыкаетъ отъ свѣта, но никогда не отвыкнетъ ни отъ дружбы, ни отъ васъ. Богъ вамъ будетъ судья, если въ самомъ дѣлѣ усомнитесь вы въ моихъ чувствахъ. Вы составили себѣ цѣлую систему, чтобъ изъяснить мое молчаніе; по счастью она, какъ и всё почти системы, совсѣмъ несправедлива. Никогда въ понятія мои о совершенствѣ не входило уравнивать друзей со всѣмъ родомъ человѣческимъ, и еслиибъ мысль сія и вмѣстилась въ мой умъ: то по истиннѣ никогда не вмѣстится въ мое сердце. Отчужденіе отъ міра имѣетъ свои степени, и сверхъ того друзья мои (за то ихъ такъ и мало) всё таковы, что ни предъ Богомъ, ни предъ людьми не стыдно мнѣ любить ихъ сердечно и исключительно...

Дмитрій Алексѣевичъ *) расскажетъ вамъ, какъ разцвѣла маленькая моя деревенька. Жаль, что не можете вы подышать здѣшнимъ воздухомъ; но я знаю или по крайней мѣрѣ помню, каковы семейныя разлуки; васъ же Богъ благословилъ такимъ семействомъ, какими надвѣляетъ Онъ въ своей благодати однихъ Своихъ любимцевъ или тѣхъ, коихъ хочетъ Онъ вести къ себѣ путемъ благодарности.

VIII.

Великополье. 2 Сентября 1815.

Вы написали мнѣ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, столько пріятныхъ вещей, что я не знаю, чтѣ и отвѣчать. Нѣкто изъ древнихъ, Сократъ, помнится, называетъ философію повивальною бабкою разума. Безъ большихъ притязаній на философію, я гожусь иногда въ повивальныя бабки для друзей моихъ. Богъ влагаетъ въ сердце всякое доброе чувство; извлечь и развить его, гдѣ оно есть, дѣло не трудное; но пропзвестъ его тамъ гдѣ нѣтъ первыхъ стихійныхъ началъ его, не возможно.

*) Столыпинъ.

И такъ пѣвайте на себя, или лучше благодарите однако Бога, естли въ добрыхъ чувствахъ вашихъ находите вы, послѣ нѣкоторыхъ бесѣдъ, болѣе живости и возвышенія. По истиннѣ, другъ мой, нѣтъ ничего великодушнѣе, какъ быть Христіаниномъ.

Много бы могъ и желалъ къ вамъ писать, но посланный Петра Григорыча ¹⁾ чрезъ часъ отправляется. — Вы оставили у меня большую пустоту не только для насъ съ Цейеромъ, но даже и для Лизы, хотя она не слезлива. Утѣшаемъ себя вашимъ общаніемъ посвятить наше уединеніе съ Вѣрою Николаевною.

IX.

Великополье, 19 Ноября 1815.

Благодаримъ за новости и за газеты какъ нынѣ, такъ и прежде на имя Масальскаго полученныя. Я всѣ ихъ возвращаю съ братомъ. Чѣмъ болѣе проектовъ, организацій, тѣмъ для нихъ хуже. Имъ бы вѣчно быть въ умникахъ, естли бы они молчали. Но тѣмъ-то Богъ ихъ и караетъ...

Странно, какъ грустно мнѣ разставаться съ Ц. ²⁾. Я думалъ, что я ко всему привыкъ; но вижу, что ко многому еще привыкать остается; буди воля Господня!

X.

Великополье, 1-го Генв. 1816.

Вотъ и еще новый годъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, а мы обновились-ли въ нравственномъ бытіи нашемъ? Естественный порядокъ былъ бы тотъ, чтобъ каждый годъ, старѣясь тѣлесно, молодѣть душевно. Такимъ образомъ время служило бы вѣчности. У насъ, у меня покрайней мѣрѣ, все идетъ напротивъ: время снѣдаетъ вѣчность.

Примите, мой любезный, сіи мысли вмѣсто всѣхъ поздравленій. Мои желанія для васъ всѣ замыкаются въ одномъ, чтобъ вы чувствовали свое счастье и благодарили бы за него Бога. Удивитель-

¹⁾ Масальскаго.

²⁾ Ф. И. Цейеромъ.

но, какъ это рѣдко. Всѣ живутъ въ будущемъ, и никто почти въ настоящемъ. Сдѣлайте исключеніе изъ сего правила благодарите Бога за настоящее (вамъ есть за что Его благодарить), а будущее — препоручите святой Его волю. Быть не можетъ, чтобъ мы лучше разумѣли наши истинныя пользы, нежели разумѣеть Онъ. Богъ ближе къ человѣку, нежели человѣкъ самъ къ себѣ.

XI.

Великополье, 22 Генв. 1816.

Всякой разъ, когда я къ вамъ пишу, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, слова мои суть точный списокъ мыслей занимающихъ меня въ ту минуту. Никогда не позволяю себѣ ни думать, ни соображать впередъ; а думаю и соображаю въ слухъ. Тутъ не можетъ быть ни подразумѣній, ни косвенныхъ внушеній, да и отъ кого они быть могутъ! Неужели отъ Франца! Грѣшно, мой другъ, вамъ на него и помыслить.

Я не стою за свои мысли. Можетъ быть онѣ и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ эфирны; но разсудите, что я одинъ, что я долженъ творить для себя свой міръ, и не дивитесь, что въ семъ твореніи часто ошибаюсь; то есть: беру часто или тонѣе, или выше, нежели должно. Но тутъ вреда большаго нѣтъ. Міръ настоящій идетъ самъ по себѣ.

Я не писалъ вамъ ничего подробно о моемъ письмѣ Францъ не болѣе тутъ знаетъ; но это потому, что, право, идѣло того не стоить. Я писалъ только *roug l'acquis de ma conscience*. И не бойтесь ради Бога; тутъ нѣтъ ни жалобъ, ни Овидіевыхъ елегій и даже нѣтъ ни слова о себѣ самомъ; а все о предметахъ государственныхъ, кои косвенно только напоминаютъ о бытіи моемъ.

Весьма благодаренъ за мнѣніе Н. С. (*); я думалъ и кой-что даже написалъ было о тѣхъ же предметахъ; теперъ все это не годится; все у него и глубже, и тверже, и вѣрнѣе въ разчетахъ, хотя основанія одинаки. Желательно, чтобъ

(*) Графа Н. С. Мордвинова.

сіе подлинно-классическое произведение было переведено на другіе языки и особенно на Англинскій. Я увѣренъ, что въ самой Англии умные и благосмыслящіе люди, не принадлежащіе къ здѣшней Англинской факторіи, не безъ удовольствія увидятъ, что и у насъ есть такіе люди; увидятъ и къ стыду нашему подвигнутся, когда мнѣнія сего у насъ не послушаютъ. Пишу вамъ сіе искренно и, право, не для того, чтобъ вы ему сіе показали: ибо онъ и безъ того знаетъ мои къ нему чувства. Франц. книжку не успѣлъ еще прочитатъ; но прошу и впредь надѣлать меня подобными новостями такъ, какъ и газетами, особливо если попадутся гдѣ Англинскія, для васъ старья, для насъ еще весьма свѣжія.

ХІІ.

Великополье, 7 Мая 1816 года.

Но несповѣдимой глупости, Белла, бывъ въ Петербургѣ, возвратилась сюда безъ всякаго отъ васъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, извѣстія; между тѣмъ какъ вы одни могли намъ сказать что нибудь занимательное. Утѣшаюсь надеждою видѣть здѣсь вскорѣ Дмитрія Алексѣевича. Если же отъѣздъ его умедлитъ: то на сихъ дняхъ будетъ сюда архитекторъ Руско, доброй малой и надежной. Письмо можно вручить для отправления съ нимъ Петру Григорьевичу. Въ прочемъ самое интересное для меня будетъ 1) узнать о вашемъ помѣщеніи 2) увидимся ли нынѣшнимъ лѣтомъ, то есть здорова ли Вѣра Николаевна.

Я весь въ строеніи; но къ Сентябрю надѣюсь все кончить и даю честное слово никогда болѣе не строиться. И теперь бы не началъ, если бы не принужденъ былъ развалинами. Вы не узнали бы Великополья. Оно есть островъ окруженный почти со всѣхъ сторонъ верстъ на пять водою. Картина продолжится до конца Мая, потомъ все исчезнетъ, и очутится зеленой лугъ, гдѣ теперь озеро. Я самъ едва вѣрю сему очарованію.

Петръ Григорьевичъ вновь меня увѣряетъ, что скоро отправитъ ко мнѣ раз-

ныя вещи водою. Не зная вашего успѣха въ молотильной машинѣ и въ средствахъ ея отправления, довожу сіе просто до свѣдѣнія. Мнѣ казалось бы, что сей случай могъ бы быть самый удобный; но вамъ лучше сіе извѣстно.

...Письмо при семъ прилагаемое къ доброму и несчастному Кремеру потрудитесь, мой любезный, отдать ему сами. Утѣшенія мои ничтожны; но не дай Богъ мнѣ къ печали друзей моихъ быть равнодушнымъ!

ХІІІ.

Великополье, 6 Сентября 1816 года

Нѣтъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, вы отъ меня такъ легко не отдѣлаетесь: мнѣ необходимо должно съ вами видѣться и получить отъ васъ свѣдѣнія о лицахъ и дѣлахъ въ Пензѣ. Я прошу у васъ однихъ только сутокъ. Братъ отправится ко мнѣ въ коляскѣ на сихъ дняхъ; если вы облегчитесь, то въ той же коляскѣ чрезъ два дни опять будете въ Петербургѣ. Но увѣряю васъ, что безъ свиданія съ вами и отсюда не двинусь; а если и двинусь: то на вашъ счетъ поставлю всѣ ошибки и глупости, которыя неминуемо въ Пензѣ сдѣлаю, когда пушусь туда, какъ въ лѣсъ безъ вожатаго.

Указъ получилъ я прямо отъ графа Аракчеева изъ Москвы съ тѣмъ же курьеромъ, который везъ его въ Петербургъ и получилъ при письмѣ его весьма благосклонномъ. Какъ бы ни сердились о семъ у васъ, я чрезмѣрно радъ и доволенъ и чѣмъ болѣе всматриваюсь въ настоящее мое положеніе, тѣмъ болѣе нахожу причинъ благодарить Бога, положившаго сей конецъ моимъ странностямъ. Будетъ ли сіе началомъ новой службы, или послѣднимъ ея предѣломъ, всё равно; дѣло мое конечно, и никто пусть мнѣ не говоритъ о прошедшемъ; я всѣмъ простилъ и прощаю.

Я отправлюсь на легкѣ и хочу съ начала жить въ Пензѣ на холостой ногѣ самымъ маленькимъ домомъ подъ предлогомъ тѣмъ, что ожидаю обоза. Лизу отправляю къ Марѣ Карловнѣ по преж-

нему предположенію; если къ Марту обстоятельства мои не переменяются, то призову ее къ себѣ со всею ея свитою по послѣднему зимнему пути, и тогда открою домъ и стану выть съ волками.

Примите на себя, любезный другъ, неприятную обязанность занять для меня по прилагаемыхъ при семъ двумъ письмамъ у Лазарева $\frac{3}{4}$ т. и у Яковлева $\frac{2}{4}$ т. Признаюсь, это мнѣ тяжело; но что же дѣлать? И въ прочемъ я такъ много теряю отъ ложной деликатности, что хочу отъ нея отвыкать, и сей есть первый ученическій мой опытъ. Занимать въ губерніи есть ничто другое, какъ брать честныя взятки; и я хочу быть чистъ, какъ стекло и безъ сомнѣній буду. Изъ сей суммы расплатиться здѣсь съ рабочими, отправивъ и обеспечивъ содержаніе Лизы въ Петербургъ пристойнымъ, хотя и весьма умереннымъ, образомъ, снабдивъ брата Козму, Франциса и Беллу, подѣлившись во Владимірѣ съ бѣдными родственниками, коихъ цѣлыя семейства меня тамъ встрѣтятъ, мнѣ останется не болѣе какъ то, что необходимо нужно, чтобъ явиться и жить въ Пензѣ съ нѣкоторымъ приличіемъ. По настоящему и $\frac{20}{100}$ руб. едва были бы на все сіе достаточны; но я ограничиваю себя до самой крайности. У меня есть деньги составляющія приданое Лизы, но не предвидя сего новаго рода издержекъ, я такъ ихъ распорядилъ, что до Юня мѣсяца будущаго года ничего изъ нихъ взять не могу.

Я полагаю отправиться отсюда не прежде 1-го Октября. Можетъ быть увижусь еще и съ графомъ Аракчеевымъ, посѣтивъ его въ Грузинѣ, куда ожидаютъ его къ 23-го Сентября. Спѣшить не имѣю ни повода, ни возможности: въ письмѣ графа Аракчеева ни слова нѣтъ ни о скорости, ни о срокѣ моего отправленія. Да и не могу скорѣе собратъ съ экипажемъ, всего одна починка требуетъ здѣсь двухъ или трехъ недѣль. Въ прочемъ въ Петербургѣ утверждайте сѣблю, что я отъѣзжаю скоро и навсегда и со всѣмъ домою.

Прощайте, мой любезный, до свиданія, еще разъ повторяю необходимаго: не видясь съ вами, я увѣрю васъ, что ни двинусь съ мѣста.

XIV

Пенза, 7 Ноября 1816.

Съ Григоріемъ Даниловичемъ *) мы въ большихъ ладахъ и, кажется, дѣло обойдется безъ большой мудрости. Съ Михенинымъ началась дружба; со всѣми прочими миръ и благоволеніе. Пиры еще продолжаются, и не знаю, когда изъ нихъ выду. Признаюсь, я не ожидалъ ни столько вниманія, ни столько умѣнья жить. Здѣшнее общество нигдѣ не испортить. Дѣла чрезмѣрно запутаны, но кажется обойдется съ моей стороны безъ крику, ибо крикомъ ничего не поправишь и сверхъ того всё такъ покорно, что и осердиться совѣстно.

Весьма благодаренъ вамъ за новости; вы знаете цѣну ихъ въ провинціи. Прошу и впредь не оставлять. Отъ Д. П. Трошчинскаго получилъ наконецъ отвѣтъ и весьма ласковый, и даже искренній.

XVI

Пенза, 21 Ноября 1816 г.

..... Вы уже, думаю, слышали о милостяхъ мнѣ сдѣланныхъ. Трудно представить, какъ я ими доволенъ. Это развязка всѣмъ дѣламъ моимъ; теперь служба моя есть совершенное дѣло выбора и свободы. Гурьевъ поступилъ тутъ съ такою ловкостію и благородствомъ, какого только можно ожидать отъ лучшаго друга. Я пишу къ нему и къ Государю. Не худо поразгласить сіе: ибо всякая милость есть укоризна врагамъ моимъ и одобреніе друзьямъ нашимъ.

XVII.

Пенза, 5 Февраля 1817 г.

И по дѣломъ! Впередъ не будьте такъ легковѣрны и не думайте, чтобъ я могъ къ вамъ, прискакать такъ легко на рысяхъ съ фельдъегеремъ. Нѣтъ, тутъ сборы будутъ продолжительны, еслии когданибудь они и будутъ, о чемъ въ прочемъ я часъ отъ часу не

*) Столыпинъ.

нѣс забочусь, помѣрѣ того, какъ познакомился съ благословенною вашею Пензою. Всѣмъ дѣламъ моимъ здѣсь я даю такой видъ прочности, какъ бы вѣкъ мнѣ здѣсь прожить. Торгую даже домъ и огромное мѣсто предѣстника моего на воеводство Чемесова. — Прискорбно, хотя теперь уже я совсѣмъ не страшно, мнѣ вѣрить тому, что вы говорили о графѣ Аракчеевѣ; не естественнѣе ли думать, что друзья мои, не зная, какъ изъяснить, что я еще не въ Петербургѣ, складываютъ вину на его исключительное честолюбіе. Въ прочемъ Богъ съ нимъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ добро; сіе одно я вѣчно буду помнить.

ФОТИНА ПАВЛОВНА.

Юрьевскій архимандритъ Фотій какъ при жизни былъ для многихъ камнемъ преткнанія и соблазна, таковымъ остался и по смерти. Одни видятъ въ немъ фанатика, другіе хитраго лицемера, третьи орудіе Аракчеева. Но во всякомъ случаѣ произносить о человѣкѣ судъ прежде нежели собраны полныя свѣдѣнія объ немъ, преждевременно. Фотій всегда останется замѣчательною личностію изъ времени царствованія Александра 1-го. Г. Аскоченскій недавно собрался судить и осудить архимандрита Фотія по выдержкамъ изъ его автобіографіи, помѣщеннымъ въ Русскомъ Архивѣ... 1) Отвѣчаетъ ли Фотій за фразу преосв. Владиміра, которую знающій характеръ этого преосвященнаго, не можетъ не признать исторически вѣрною? 2) Автобіографія Фотія изложена не имъ самимъ, изложеніе ея принадлежитъ О-му. Слѣдоват. приписывать всѣ фразы и выраженія этой автобіографіи самому Фотію и поэтому произносить судъ объ немъ, было бы несправедливо. Лично самимъ Фотиємъ писана книга Тайна и еще нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній его жизни.

Безспорно, Фотій былъ человѣкъ энергическій; но личныхъ выгодъ онъ не искалъ. Онъ возсталъ, будучи молодымъ

монахомъ, противъ приверженцевъ такъ называемой внутренней церкви, когда все сильное въ столицѣ было на сторонѣ этихъ лицъ. Онъ выступилъ обличителемъ сектъ, которымъ покровительствовалъ сильный А. Н. Голицынъ и до тѣхъ поръ боролся одинъ, пока его не выслали изъ Петербурга. Во имя церкви, во имя православія, онъ опять началъ борьбу изъ Новгорода, и достигъ изложенія Голицына, главнаго виновника смутъ церковныхъ. Того нельзя отрицать, что Фотій видѣлъ худое и въ добромъ: онъ возставалъ противъ перевода книгъ Св. Писанія на русскій языкъ, онъ возставалъ противъ распространенія Библии. Но нельзя не сознаться, что неправомыслие пользовалось и этими средствами для распространенія своей доктрины. Многіе и изъ лучшихъ духовныхъ лицъ дорожили тѣмъ, что послѣ временъ невѣрія и безбожія явилось религіозное чувство, религіозное возбужденіе, хотя бы и въ неправильномъ видѣ. Она надѣялись, что это движеніе и возбужденіе обратятся въ пользу православной церкви. Эта надежда находила себѣ основаніе въ томъ, что А. Н. Голицынъ, уважалъ всѣхъ сектантовъ, уважалъ и православныхъ въ ихъ религіозномъ чувствѣ. Онъ готовъ былъ дѣлать все и для православной церкви, только бы не трогали его внутренней церкви. Форма для него не значила въ дѣлѣ религіи ничего, понимая форму въ самомъ обширномъ смыслѣ т. е. извѣстныхъ догматовъ и извѣстныхъ обрядовъ богослуженія.

Фотій не хотѣлъ вступать въ сдѣлку, не хотѣлъ выжидать; онъ не говорилъ: одинъ или два архимандрита не спасутъ православія; онъ хотѣлъ говорить и дѣлать въ пользу православія, что онъ могъ.

Такой характеръ всегда вызоветъ уваженіе. Именно эта сторона его характера пріобрѣла ему безграничную преданность граф. Анны Алексѣевны Орловой, которая все свое вліяніе и значеніе въ свѣтѣ и все свое состояніе предоставила въ его распоряженіе.

Уже послѣ смерти Фотія одинъ близкій къ графинѣ человекъ спросилъ ее: что васъ привлекло къ Фотію? „Онъ возбуждалъ мое вниманіе тою смѣлостію, тою неустрашимостію, съ какою онъ, будучи законо-учителемъ кадетскаго корпуса, молодымъ монахомъ, сталъ обличать господствовавшія заблужденія въ вѣрѣ. Все было противъ него, начиная съ Двора. Онъ не побоялся этого. Я пожелала узнать его и вступила съ нимъ въ переписку. Письма его казались мнѣ какими-то апостольскими посланіями. Въ нихъ былъ особый языкъ, особый тонъ, особый духъ. Узнавъ его ближе, я убѣдилась, что онъ лично для себя ничего не искалъ. Онъ распоряжался для другихъ моимъ состояніемъ, но себѣ отказывалъ во всемъ. Я хотѣла обезпечить бѣдныхъ его родныхъ; онъ мнѣ и этого не позволилъ“. Эти черты характера Фотія, указанныя лицомъ самымъ близкимъ къ нему, кажется, могутъ служить ручательствомъ, что Фотій не былъ орудіемъ Аракчеева. Мы готовы скорѣе сказать, что Аракчеевъ и Шишковъ увлечены были Фотіемъ. Императоръ Александръ 1-й писалъ къ Фотію, получивъ извѣстіе объ отчаяніи Аракчеева по случаю убіенія Настасьи, что онъ знаетъ всю силу вліянія Фотія на Аракчеева. При томъ, удаленіе А. Н. Голицына отъ управленія духовными дѣлами не сопровождалось удаленіемъ его отъ Двора. Онъ остался столь же близокъ къ императору. Портретъ Шишкова во весь ростъ стоялъ въ залѣ у Фотія; вѣроятно онъ цѣлъ и теперь въ настоятельскихъ покояхъ Юрьевскаго архимандрита. Фотій началъ свою борьбу противъ Голицына прежде, нежели познакомился съ Аракчеевымъ. Если что ихъ соединяло, то привязанность къ консервативнымъ началамъ, къ православію церковному. Во время шатавія умовъ, при колебаніи вѣрованій, только человекъ съ такою энергіею (зовите ее хотя фанатизмомъ) могъ оказать вліяніе на общество. И крѣпкіе умы, подобно Сперанскому, знакомому при томъ съ

православнымъ ученіемъ, потеряли истинное пониманіе вѣры, не хотѣли знать исторической стороны христіанства. Мистицизмъ увлекателенъ даже особенно для высокихъ умовъ; но немногіе съумѣли ограничиться истинной мистикой, большая часть впала въ крайности и перешла за предѣлы въ область уже ересей. Фотій по образованію своему не былъ въ состояніи указать истинные пути для любящихъ мистическое направленіе: онъ мало былъ знакомъ даже съ отеческими сочиненіями, по крайней мѣрѣ въ первую пору своей жизни, чтобы, подобно Кавасилѣ, въ самой церковности дать пищу созерцаніямъ. Строгий исполнитель заповѣдей церкви, прямо и просто вѣрующій ученію церкви, онъ хотѣлъ, чтобы и другіе также вѣрили и поступали. Въ своей борьбѣ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ казалось ему удобнѣе. Ясно, что онъ иногда хитрилъ, думалъ быть политикомъ сообразно съ сферою, въ какой дѣйствовалъ. Но эта политика его, эта хитрость его, такъ наивно простодушна, что можно только улыбнуться, читая описаніе его образа дѣйствій. Вносились въ эту борьбу и своя доля самолюбія, можетъ быть, безсознательно для самаго дѣятеля, доля несправедливой оцѣнки лицъ, которыя не тѣмъ путемъ хотѣли достигать той же святой цѣли. Но всѣ эти ошибки, всѣ эти неправильности не даютъ права топтать въ грязь память этого человека. Признаемъ, что онъ былъ одностороненъ, но истинной ревности его о благѣ церкви никто не можетъ отвергнуть.

Чтобы познакомить ближе съ этимъ характеромъ, расскажем одинъ эпизодъ изъ его жизни, который много шуму надѣлалъ въ свое время. Здѣсь выступаютъ яснаѣе его слабыя стороны, и при очевидномъ его заблужденіи нельзя отказать ему въ уваженіи. Мы разумѣемъ исторію Фотины. Считаемъ долгомъ впрочемъ оговориться, что передаемъ съ чужихъ рассказовъ.

На Петербургскомъ театрѣ въ числѣ фигурантокъ была молодая дѣвица.

Не предвидя, можетъ быть, себѣ хорошей будущности на театрѣ, она рѣшилась играть въ другомъ мѣстѣ.

Архимандритъ Фотій иногда читалъ заклинанія надъ бѣсноватыми. Разъ, въ Юрьевъ монастырь является дѣвица, которая объявляетъ, что она одержима бѣсомъ, и что ей было откровеніе, что только Фотій можетъ ее освободить отъ бѣснованія. Фотій сталъ читать надъ нею заклинательныя молитвы. Спусти нѣсколько времени, при конвульсивныхъ движеніяхъ раздались крикъ: „выду, выду!“ и дѣвица безъ чувствъ лежала на полу церковномъ. Поднятая она признала себя освобожденною отъ бѣса. Ей отвели помѣщеніе подлѣ монастыря; Фотій объ ней заботился. Скоро она начала рассказывать, что ей бывають таинственныя видѣнія святыхъ, Божіей Матери, что она въ молитвахъ, продолжаемыхъ всю ночь, удостоивается особаго озаренія. Фотій хотя и вѣрилъ почти ей, но желалъ убѣдиться точнѣе, и своего приближеннаго келейника не разъ посылалъ за монастырь ночью подсматривать, что дѣлаетъ изцѣленная. Всякій разъ онъ получалъ извѣстіе, что она молится, что въ ея комнатѣ виденъ какой-то необыкновенный свѣтъ, что она въ молитвѣ какъ бы отдѣляется отъ земли. Фотій убѣдился, что она избранный сосудъ Божій; ласкалъ ее какъ родное дитя, такъ что это возбудило толки. Фотій, нерѣдко юродствовавшій, даже поддерживалъ эти толки, не щадя и графини Анны Алексѣевны. Эта дѣвица была Фотина Павловна. Съ перваго появленія ея въ Юрьевъ монастырь, графиня Анна Алексѣевна получила противъ нея предубѣжденіе и считала ее обманщицею. Не разъ начинала она говорить объ этомъ Фотію, но тотъ не хотѣлъ и слушать. „Она обманываетъ тебя, батюшка. Ей вѣрно хочется денегъ. Отдай ей хоть половину моего состоянія; ты себѣ дѣлаешь безчестіе, держа ее и лаская. Твоя честь мнѣ дороже моего состоянія“, говорила графиня.—„Ты, знать,

изъ ревности это говоришь?“ — „Ну! хоть бы изъ ревности! Неужели за мою преданность тебѣ, не могу я иногда высказать тебѣ и капризнаго желанія и надѣяться, что ты исполнишь.“ — „Не смѣй и говорить!“ — Графиня должна была выжидать удобнаго времени, когда сами обстоятельства вразумятъ Фотія.

Фотина рассказала Фотію, что для отвращенія гнѣва Божія нужно, чтобы окрестъ монастыря живущія дѣвицы собирались на вечернее правило въ монастырь и, одѣтыя въ одинаковую одежду съ иноками, совершали молитву. Говорятъ, будто Фотина явилась въ куполь церкви одѣтая въ эту одежду, какъ бы для указанія. Это былъ хитонъ шелковый коричневаго цвѣта; у стоячаго воротника собирались складки, а поясъ черный собиралъ его въ талии. Надо замѣтить, что въ Юрьевскомъ Соборѣ верхніе хоры подходятъ почти къ самому куполу. Можетъ быть, ставъ на балюсины или какъ либо держась за паникадило, висящее тутъ, могла Фотина поразить своимъ явленіемъ стоявшихъ внизу. — Фотій устроилъ хитоны, сталъ приглашать сосѣднихъ дѣвицъ на молитву, приходящихъ щедро одѣлялъ деньгами. Охотницъ являлось все болѣе и болѣе; изъ военныхъ поселеній стали приходять почти всѣ дѣвицы. Эти сборища не обходились безъ порядковъ. Въ ненастные дни нѣкоторыя дѣвицы выпрашивали у Фотія позволенія остаться въ монастырѣ подъ надзоромъ какого либо старца, но дряхлый старецъ не всегда могъ всю ночь простеречь молодыхъ дѣвицъ. Молва и говоръ, полный ропота, не смотря на денежные раздачи, распространились по окрестностямъ, дошли до Губернатора. Онъ лично хотѣлъ удостовѣриться въ справедливости слуховъ и пріѣхалъ во время вечерняго правила въ монастырь. Но въ это время ворота монастыря запирались, и Губернатора не пустили. Губернаторъ сказалъ Архіерею, для котораго не могли не отпереть воротъ, и онъ положилъ конецъ этимъ собраніямъ.

Тогда графиня Анна Алексѣевна успѣла убѣдить Фотію удалить Фотину. Для жительства ей выбранъ былъ Феодоровскій въ Переяславль монастырь. Митр. Серафимъ потребовалъ объясненій у Фотіи. Отвѣтъ Фотіи есть замѣчательнѣйшій документъ, знакомящій съ его характеромъ лучше его автобіографіи. Митр. Филаретъ 7-го августа 1836 г. писалъ А. Н. Муравьеву: „Въ Феодоровскомъ монастырѣ церкви, особенно соборная, хорошо возобновлены. Водѣ тамъ и нигдѣ не было, и только въ церквѣ же видѣлъ нѣкую особу, въ одеждѣ постриженницы, которую игуменія назвала вкладчицею“. Это Фотина. Она щедро была одѣляема деньгами отъ Фотіи. Академикъ Медвѣдевъ, который росписывалъ церковь въ Яковлевскомъ монастырѣ въ Ростовѣ, на счетъ графини Анны Алексѣевны Орловой, росписалъ и соборную церковь въ Феодоровскомъ монастырѣ. Но отъ этой вкладчицы ждала обитель многого и потому дозволила замѣнить въ церкви чугунный полъ деревяннымъ, съ ограды снять черепицу и покрыть ея естесомъ: по привезенныя было для вклада деньги Фотиною, ею же были и истрачены. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ смерти Фотіи, Фотина оставила монастырь, вышла за мужъ за своего кучера, и отъ дурнаго обращенія съ нею мужъ вскорѣ умерла.

Фотій, болѣзненный съ молодыхъ лѣтъ, не щадившій никогда своего здоровья, къ послѣднее время, испытывая огорченія, все слабѣлъ и слабѣлъ. Сильно на него подѣйствовалъ доносъ въ томъ, что онъ самовольно учредилъ крестный ходъ для перенесенія старыхъ иконъ изъ своего монастыря въ Клопскій. На дѣлѣ онъ не былъ виноватъ въ этомъ ходѣ. Такъ какъ пѣшеходный путь къ Клопскому монастырю вдвое короче колеснаго, то рѣшено было иконы перенести на рукахъ. Несущихъ одни пошли провожать, другіе стали приставать въ пути. Священники по селамъ, думая, что какой либо крестный ходъ

идеть, выходили съ хоругвями. Также торжественно встрѣтили и въ Клопскомъ эту процессію. Фотій, получивъ выговоръ строгій, употребилъ все усилія, чтобы узнать доносчика, но не могъ. Онъ слегъ въ постель. Его больного посѣтилъ викарій Феодотій и сказалъ, что онъ донесъ. „Что ты мнѣ не сказалъ прежде?“ — „Я думалъ, что ты знаешь“. Фотій не вставалъ болѣе съ постели, такъ что составила пословица: „кто былъ Фотій, и того умерилъ Феодотій“. Разъ, Фотій лежалъ въ предсмертномъ томленіи, бросаетъ быстрый, пронзительный взглядъ на стоящаго около постели своего келейника. „Иванъ! ты въ чемъ-то виноватъ передо мною, и тяжело виноватъ!“ — „Виноватъ, виноватъ, батюшка!“ воскликнулъ келейникъ и рыдая упалъ на полъ передъ постелью Фотіи. Этого Ивана посылалъ Фотій подсматривать за Фотиною: вступивъ съ нею въ стачку, онъ обманывалъ Фотію ложными разсказами о ея молитвенныхъ подвигахъ. — У Фотини была родная сестра, которую знали въ Переяславль какъ добрую женщину. Фотина причиною своего выхода изъ монастыря выставила то, что будто послѣ смерти Фотіи ее стали притѣснять въ монастырѣ, такъ какъ она не могла по праздникамъ приносить игуменіи въ даръ сотни рублей.

Въ бібліотекѣ Юрьевскаго монастыря есть переплетенная въ четверть листа книга. На первой писанной страницѣ читаемъ заглавіе: „Повѣсть злая чудна о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа.“ Начинается съ описанія разсужденій и на второй страницѣ, гдѣ писатель хотѣлъ перейти къ самому разсказу, прерывается на полусловѣ; далѣе до конца книги пустыя страницы бумага. Думается, что Фотій описывалъ исторію Фотины, какъ онъ понималъ ее; но графиня Анна Алексѣевна послѣ смерти его уничтожила эту повѣсть, оставивъ только предисловіе къ ней. К.

ПРИМЪЧАНІЕ КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О ФОТІИ.

(Р. Арх. 1869 стр. 945)

Что касается до болѣзни Фотія, о которой пишетъ князь Голицынъ во 2-мъ письмѣ, то о ней извѣстно слѣдующее: Фотій дѣйствительно былъ боленъ, и о болѣзни его доложено было государю Александру Павловичу, какъ о лицѣ извѣстномъ Его Величеству. Государь приказалъ графу Аракчеву, чтобы Фотія пользовалъ корпусный докторъ Соколовскій, Гренадерскаго корпуса. Соколовскій пріѣхалъ къ Фотію въ монастырь и засталъ его въ келии лежащаго на бѣлой мраморной кушеткѣ, покрытой только волосяною черною тканью. Болѣзнъ его заключалась въ нарывъ на груди опаснаго свойства, и когда Соколовскій предложилъ Фотію нарывъ этотъ вскрыть, то Фотій сказалъ; «ежели грѣшная моя жизнь не угодна Господу Богу, то я готовъ сей часъ предстать предъ Него, но тѣла своего рѣзать не дамъ.» Потомъ Соколовскій спросилъ его, какую онъ употребляетъ пищу и, получа отвѣтъ, что онъ круглый годъ не употребляетъ другой пищи, какъ одну гречневую кашу, совѣтовалъ ему покрайней мѣрѣ въ настоящей болѣзни ѣсть супъ съ курицей; но Фотій сказалъ, что онъ монахъ и уставовъ церкви намѣнять не можетъ. Нарывъ его прорвался самъ собою, и онъ выздоровѣлъ.

Случай этотъ Соколовскій рассказывалъ корпуснымъ офицерамъ, а отъ нихъ слышалъ и я *Ф. Горбуновъ*.

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О ГОСПОЖЪ
КРЮДЕНЕРЪ.

Въ августовской и сентябрьской книжкахъ «Вѣстника Европы» прошлаго года помѣщены двѣ статьи о госпо-

жѣ Крюденеръ, о которой до сего времени, кажется, не было подробнаго, связнаго и вѣрнаго рассказа въ нашей литературѣ. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не пользовался всѣми матеріалами, не только рукописными, но и печатными, для характеристики этой замѣчательной женщины, къ которой современники наши относятся, быть можетъ, слишкомъ строго. Бумаги того времени, рассказы и воспоминанія лицъ годъ отъ году сходящихъ съ земнаго поприща, должны составлять главнѣйшій матеріалъ для жизнеописанія восторженной баронессы. Въ семействѣ моемъ многіе ея знали; я самъ знавалъ лицъ близко къ ней стоявшихъ и потому позволяю себѣ сказать о ней два слова.

Мнѣ кажется, что еще не наступило время для полной и безпристрастной оцѣнки этого характера. Обнародовано еще слишкомъ мало документовъ того времени, и самое это время слишкомъ близко стоитъ къ намъ и поэтому не поддается правдивой критикѣ. Старанія главнѣйшаго біографа Крюденеръ, Эйнара (Eynard), добыть какъ можно болѣе семейныхъ и рукописныхъ о ней матеріаловъ, не были успѣшны. Эйнаръ, кажется, былъ для этого нарочно въ Крыму, гдѣ, въ имѣніи Корайсъ, на Южномъ берегу, долгое время хранились сундуки съ ея письмами и бумагами. Но онъ, какъ видно, ничѣмъ почти не могъ воспользоваться.

Вліяніе ея на императ. Александра преувеличено какъ въ статьяхъ «Вѣстника Европы», такъ и въ болшинствѣ ея біографій. Если бы оно было столь сильно, оно не было бы столь краткимъ; ибо ко времени пріѣзда ея въ Петербургъ, фаворъ ея уже почти прошелъ, и государь къ ней не благоволилъ; полиція разгнала

толпы собиравшіяся къ ея дому для слушанія ея проповѣдей и полученія религіозно-нравственныхъ брошюръ, (traités) которыя она безденежно раздавала вмѣстѣ съ милостынею. Александръ, кажется, былъ увлеченъ г-жею Крюденеръ не долго, порывисто, также какъ онъ позже увлекался кванкерами, библейскимъ обществомъ, разною мистическою пропагандою. Побѣдитель двенадцати языкъ искалъ того ключа, той духовной формулы, того критеріума, въ которомъ могло бы почить его сознание, потрясенное громомъ собственной славы и смущаемое великими скорбями, которыя онъ носилъ въ самомъ себѣ. Въ Петербургѣ, онъ не только не покровительствовалъ Крюднершѣ, но она была удалена отсюда.

Въ столицѣ состояла она въ тѣсной связи съ княгинею Софьею Сергѣевою Мещерскою, рожденною Всеволожскою ¹⁾ и сестрою ея княгинею Анною Сергѣевною Голицыною. О первой часто упоминается въ статьѣ Вѣстника Европы; о второй же замѣтимъ, что она вовсе не была родственницею министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына ²⁾, какъ предполагать это авторъ той же статьи. Кня-

¹⁾ Сестра извѣстнаго всей Москвѣ Н. С. Всеволожскаго, супруга секундъ-майора князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго (†1844) во второмъ его бракѣ. Дѣти ея княжна Марья (за Гончаровымъ) кн. Сергій, Николай (†1865) и Петръ Ивановичи.

²⁾ Племянникъ князя А. Н. Голицына, князь Александръ Сергѣевичъ былъ обращаемъ въ католичество іезуитами, и именно *это обращеніе было поводомъ* къ изгнанію ихъ изъ Россіи. Этотъ князь Александръ Сергѣевичъ впоследствии служилъ начальникомъ почтоваго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Онъ не оставилъ потомства. Его называли *серебрянымъ* въ отличіе отъ другаго князя Александра Сергѣевича, служившаго военнымъ начальникомъ въ Калишѣ и носившаго прозвище *золотого* (моего тестя).

гиня была супругою камергера князя Ивана Александровича Голицына, извѣстнаго по прозванію «Jean de Paris,» и женатаго во второмъ бракѣ на французенкѣ де-Лоранъ. Онъ умеръ въ 1846 году безъ потомства, и съ нимъ пресѣклась одна вѣтвь нашего рода. Княгиня развѣхалась съ мужемъ еще въ началѣ супружества и вела образъ жизни крайне-оригинальный и свободный, напр. ходила постоянно въ мужскомъ костюмѣ, длинномъ сертукѣ съ капюшономъ... Я имѣю портретъ ея въ старости, въ томъ же костюмѣ, сдѣланный въ концѣ 30-хъ годовъ; рѣдкіе экземпляры этой литографіи находятся у родственниковъ ея и бывшихъ знакомыхъ.

Княгиня въ Петербургѣ тотчасъ сошлась съ баронессою Крюденеръ и, видя препятствія своей пропагандѣ въ столицѣ, онѣ рѣшились основать новую колонію въ «новыхъ» же мѣстахъ, гдѣ онѣ легко могли бы пропагандировать свое ученіе, отправлять общественныя моленія, учредить разсадникъ трудолюбивыхъ піетистовъ, на подобіе Германскихъ того времени религіозныхъ корпорацій. При отсутствіи проявленій Русскаго народнаго сознанія, эта «Нѣмецкая штука» легко удалась. Онѣ избрали этою обитованною Америкою южный берегъ Крыма, о которомъ тогда доходили до Петербурга слухи, какъ о земномъ раѣ, богатой странѣ и почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ глухой и малообитаемой, гдѣ дѣлай, пожалуй, что хочешь! Княгиня была душою этой экспедиціи и собрала компанію изъ ста колонистовъ, преимущественно Нѣмцевъ и Грековъ, садовниковъ, винодѣловъ, земледѣльцевъ и проч., вообще публику, которая была не прочь пожить въ Россіи отъ тучныхъ ея пажитей и злаковъ, не переставая при этомъ быть Виртем-

бергцами и Нассаусцами, которая спѣшила занять лучшія мѣста въ дивномъ краѣ, пользуясь невнимательностью Русскихъ къ своей же Русской землѣ. Вхатъ сухимъ путемъ было невозможно въ такую даль и съ такою массою народа: рѣшено отправиться водою, каналами, Волгою и Дономъ. Снаряжена была колоссальная барка, на которую вся эта колонія сѣла въ Петербургѣ, среди бѣлаго дня, у Калинкина моста и тронулась въ путь. По рѣкамъ, озерамъ и каналамъ они достигли черезъ три-четыре мѣсяца обѣтованной земли, но путь былъ не лёгокъ: не разъ оригинальная флотилія чуть не пошла ко дну. Однажды имъ пришлось потерпѣть сильнѣйшую бурю на Волгѣ, и только энергическая распорядительность княгини Анны Сергѣевны спасла экипажъ отъ гибели: она сама срубила во время мачту! Претерпѣвали они голодъ и холодъ. Наконецъ, гдѣ-то, близко уже къ желаемой цѣли путешествія, они чуть не подверглись нападенію лодмановъ и ограбленію; ибо всѣ знали, что княгиня везла съ собою 500.000 рублей ассигнаціями на устройство колоніи и на покупку имѣнія. Ихъ во время предупредилъ одинъ изъ путешественниковъ Грекъ, Галѣра, услышавшій Греческій разговоръ злоумышленниковъ.—Земли въ то время были не почемъ. Напр. какой-то Ревелльоти купилъ тамъ помѣстье стоющее теперь многія десятки тысячъ, какъ разсказываютъ, «за красную феску»! Пioneры Нѣмецкой цивилизаціи осѣлись на полуостровѣ, нажились, многіе вернулись во свояси, а многіе въ лицахъ своихъ внуковъ и правнуковъ здравствуютъ до сихъ поръ. Княгиня пріобрѣла себѣ имѣніе Корайскъ, въ которомъ жила до самой смерти

въ 1842 году ³⁾, нося грозное имя: «la vieille du rocher». Она долго была какимъ-то старшиною въ обществѣ не только колонистовъ-пioneerовъ, но и мѣстныхъ Татаръ. Практическія способности не мѣшали ей однако до конца жизни заниматься пѣтизмомъ и пропагандою. Она оставила даже собственнаго сочиненія справочный указатель къ Новому Завѣту на Французскомъ языкѣ ⁴⁾.

Баронесса Крюденеръ вмѣстѣ съ новою колоніею высадилась на обѣтованную землю, но ей не суждено было проходить на ней прежнее поприще. Она скончалась 25 декабря 1825 года въ Карасубазарѣ.

Послѣ нея осталась дочь, баронесса Беркгеймъ, которая при жизни матери, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ была горячею поклонницею ея пѣтизма и пособницею въ ея пропагандѣ. Но по смерти ея случилось что-то весьма странное: мужъ ея, получивъ во снѣ какое-то откровеніе, вдругъ съ нею разстался и уѣхалъ въ Германію, гдѣ вскорѣ скончался ⁵⁾. Баронесса оставалась вмѣстѣ съ княгинею Анною Сергѣевною до ея смерти, но потеря матери сразила кружокъ пѣтистовъ. Союзъ мало по малу распался. Спустя нѣсколько времени, баронесса оставила Крымъ и стала вести самый загадочный образъ жизни, скитаясь по всевозможнымъ уголкамъ Россіи, прекративъ всякія знакомства и избѣгая

³⁾ Оно принадлежитъ нынѣ наследникамъ М. И. Гончаровой (р.жденной княжны Мещерской).

⁴⁾ Объ этой книгѣ и другихъ ея сочиненіяхъ, см. мой Словарь Русскихъ Писательницъ въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, за Ноябрь. Тамъ же подробная бібліографія сочиненій баронессы Крюденеръ.

⁵⁾ Онъ былъ Виртембергскій баронъ; его братъ (знатокъ живописи) написалъ художественный каталогъ Европейскихъ галлерей—на Французскомъ языкѣ, около 1820 года.

встрѣтить кого либо изъ прежняго брошеннаго ею міра. Имѣя виноградникъ въ Крыму, она давала иногда о себѣ знать, но по большей части её разыскивали при помощи всѣхъ возможныхъ полицій. Это-ли то ангельское созданіе, которое въ перепискѣ баронессы ⁶⁾, выставлено какимъ-то неземнымъ существомъ, «angélique Juliette»? Какъ же не наследовать ей послѣ смерти матери и прозелитизма, и пламенной пропаганды? Но на дѣлѣ было не такъ: это небесное существо, неизвѣстно какимъ образомъ, сошлось въ глухомъ закоулкѣ Орловской губерніи съ какимъ-то г. Т., личностью до крайности вульгарною, вышла на старости за него замужъ и тому года 4 скончалась въ томъ же захолустьи, въ нищетѣ и одиночествѣ. Мнѣ случилось, однажды, видѣть ее въ 1852 году, въ Харьковѣ, гдѣ она прожила по дѣламъ нѣсколько недѣль, мыкаясь по бѣду-свѣту. Я только что прочиталъ книгу Эйнара, былъ подъ впечатлѣніемъ мистическаго ея содержанія, и понятнo съ какимъ любопытствомъ я спѣшилъ въ гостиную моей матери посмотрѣть на «angélique Juliette», которая пріѣхала къ ней на полчаса вечеромъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, и я думалъ найти хоть и въ старушкѣ искру прежней восторженности, любви къ ближнему и т. п. Каково было мое удивленіе, когда вмѣсто этого я увидѣлъ черномазую, молчаливую и вульгарную старуху съ злыми глазами. Гдѣ же ты «angélique Juliette»? Гдѣ ты?... Она всячески избѣгала разговора о матери и о прошломъ времени.

У меня хранится въ семейномъ альбомѣ небольшой акварельный рису-

⁶⁾ Въ книгѣ Эйнара.

нокъ самой баронессы Крюденеръ ⁷⁾: море, посрединѣ—скала, на которой стоитъ небольшой каменный крестъ, увѣнчанный цвѣтами, полуприкрытый вѣтками зелени; на немъ надпись: «vous êtes mon azyle contre les maux qui me pressent». Много говоритъ этотъ рисунокъ о сильной волѣ и пламенномъ сердцѣ женщины, которая несла всюду проповѣдь Слова Божія, и съ тою же цѣлью ступила на новую землю, гдѣ нашла послѣдній отдыхъ у берега морскихъ волнъ!....

Январь 1870, Казань.

Князь Н. Н. Голицынъ.

И. И. СУХИНОВЪ

Одинъ изъ Декабристовъ *)

Иванъ Ивановичъ Сухиновъ родился въ 1797 году, въ Херсонской г., въ Александрійскомъ уѣздѣ. Воспитанный въ домѣ отца своего, небогатаго дворянина, обремененнаго семействомъ, — Сухиновъ съ раннихъ лѣтъ былъ записанъ въ гражданскую службу, которую продолжалъ не долго. Ни чинъ, въ короткое время получен-

⁷⁾ Онъ былъ подаренъ мнѣ воспитанницею баронессы Берггеймъ, Елисаветою Львовною Франкъ, бывшею послѣ воспитанницею княгини А. В. Мещерской.

^{*)} Біографія эта составлена однимъ изъ товарищей И. И. Сухинова, я представляеть собою одинъ изъ матеріаловъ для сторіи несчастнаго событія 14 Декабря. Матеріаловъ подобнаго рода существуетъ много. Такъ напримѣръ, намъ извѣстно, что, по волѣ покойнаго государя Николая Павловича, составлены были подробныя жизнеописанія участниковъ заговора, и даже изготовлены въ очеркахъ портреты многихъ изъ нихъ. Государь, какъ извѣстно отличавшійся достойною удивленія потомства пріимотою и благородною откровенностью (которая вынуждала ему похвалы даже у тѣхъ, кого онъ по долгу своему обязанъ былъ карать) выражалъ желаніе, чтобы эти біографіи были напечатаны: случайныя обстоятельства и другія царственныя заботы отвлекли его вниманіе отъ этого дѣла, такъ что обширный біографическій грудъ остался не изданнымъ. И. Б.

ный, ни воля родителей—не могли его удержать отъ пылкой наклонности къ ремеслу военному, и на 15-мъ году своего возврата онъ завербовался въ Лубенскій гусарскій полкъ. Отъ сего времени началась жизнь его не совсѣмъ обыкновенная. Кромѣ трудовъ, и въ мирное время не разлучныхъ съ званіемъ, онъ на зарѣ жизни совершилъ тягостную кампанію 1812, 13, 14 годовъ. Семь ранъ—свидѣтельство, но не награда храбрости—вотъ все, что пріобрѣлъ онъ въ славной войнѣ. Труды не по лѣтамъ и раны разстроили его здоровье и заставили рядовымъ выйти въ отставку. Въ 1816 году онъ отправился на родину.

На пути въ Херсонъ, вошелъ онъ въ сношенія съ графомъ Тимономъ, командиромъ Изюмскаго гусарскаго полка, который убѣдилъ его выхлопотать свидѣтельство о дворянствѣ и опредѣлиться къ нему въ полкъ. Предложеніе было принято. Получивъ отъ Тимона денегъ на дорогу, Сухиновъ поспѣшилъ въ Херсонъ, досталъ нужныя бумаги и вскорѣ опредѣленъ юнкеромъ въ Изюмскіе гусары. Здѣсь служба его была счастливѣе: въ 1819 году ему слѣдовало уже получить офицерской чинъ. Не имѣя достатка служить въ гусарахъ, онъ просилъ о переводѣ, въ томъ же году переведенъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ и скоро произведенъ въ офицеры.

Какъ теперь смотрю на него: высокий, стройный ростъ, смуглое, выразительное лице, глаза быстрые, проницательные; эта задумчивость, даже въ некоторая суровость въ выраженіи лица—приковывали вниманіе при первомъ на него взглядѣ. Но кто знакомъ былъ съ Сухиновымъ, кто зналъ душу его, тотъ не охотно съ нимъ разставался. Онъ отличался особенною

простотою въ обращеніи, строгою во всемъ умѣренностію, неуклоннымъ постоянствомъ въ дѣлахъ, кротостію, привѣтливостію и смѣлливостію по службѣ. Справедливо отличенный большою довѣренностію, Сухиновъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался любовью и уваженіемъ товарищей, даже привязанностію солдатъ, не смотря на то, что былъ строгъ съ послѣдними.

Обладавшій такими качествами, Сухиновъ обратилъ тотчасъ на себя вниманіе Тайнаго Общества. Въ Сентябрѣ 1825 года, въ лагерѣ при мѣстечкѣ Лещинѣ, онъ былъ избранъ въ члены Южнаго Общества и присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ онаго. Возвратясь на квартиры, Сухиновъ съ ревностію началъ трудиться для предполагаемой обществомъ цѣли. Онъ пользовался всѣмъ: ни малѣйшее обстоятельство не ускользало отъ его вниманія; времени, средствъ, умѣнья, всего доставало ему; разъ предавшись дѣлу, онъ предался ему вполнѣ всѣмъ существомъ своимъ.

Вскорѣ, по намѣреніямъ Сергѣя Муравьева-Апостола, бывшаго важнымъ членомъ Тайнаго Общества и душою Черниговскаго полка, Сухиновъ долженъ былъ перейти въ Александрійскій гусарской полкъ. Онъ не колебался, прошеніе подано, приказъ о переводѣ полученъ, дорожная въ рукахъ Сухинова; онъ готовъ былъ уже выѣхать, но обстоятельство во все неожиданное удержало его. Извѣстіе, полученное изъ Петербурга, о происшествіяхъ 14-го Декабря, ясно убѣждало, что Сухинову скорѣе нужно было остаться въ Черниговскомъ, нежели ѣхать въ Александрійской полкъ. Послѣдствія не замедлили подтвердить это предположеніе: 25-го Декабря подполковникъ Гебель, командиръ Черниговскаго полка, пригласилъ

силъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ офицеровъ, по случаю полковаго праздника. Около полуночи хозяинъ и гости были встревожены прїѣздомъ двухъ жандармскихъ офицеровъ изъ Петербурга и изъ Могилева, главной квартиры первой арміи. Тотчасъ открылась пѣль ихъ прїѣзда. Послѣ короткаго и тайнаго разговора, Гебель отправился съ ними на квартиру Муравьева-Апостола, гдѣ не засталъ его. Сухиновъ не упустилъ сдѣлать все, чтѣ отъ него зависѣло: онъ бросился на квартиру Муравьева и, заставъ тамъ Бестужева-Рюмина, спряталъ съ нимъ нѣсколько бумагъ, передалъ ему свою подорожную и чрезъ то далъ способъ извѣстить Муравьева о предстоящей опасности.

28 Декабря Сухиновъ получилъ записку отъ Муравьева (который только что прибылъ въ Трилѣсы, и тотчасъ отправилъ нарочнаго къ Сухинову, требуя его къ себѣ, какъ можно скорѣе). Сухиновъ понялъ дѣло; онъ отправился, пригласивъ съ собой ротныхъ командировъ: Кузьмина, Соловьева и Щепилу. Рано по утру 29-го числа прїѣхалъ онъ въ Трилѣсы, но Сергѣй Муравьевъ и съ нимъ братъ его Матвѣй были уже арестованы Гебелемъ и начальникомъ жандармовъ при третьемъ корпусѣ поручикомъ Лангомъ. Гебель строго встрѣтилъ своихъ офицеровъ, требуя, чтобъ Сухиновъ немедленно отправился въ Александрійскій полкъ, а остальные къ своимъ ротамъ. Первый рѣшительно объявилъ, что не станетъ ему повиноваться, послѣдніе отвѣчали нападеніемъ. Гебель съ ловкостью сбитъ съ ногъ; ему нанесли 13 ранъ, множество ударовъ и оставили изнеможеннаго только тогда, какъ Сергѣй Муравьевъ, выскочивъ въ окно, прїѣхалъ къ нимъ и обратилъ

ихъ вниманіе на обстоятельство болѣе важности. Пока это происходило, Сухиновъ бросился отыскивать жандармскаго офицера и, найдя его спрятавшимся на кухнѣ, отвелъ его къ священнику, отъ котораго онъ отправился въ дивизионную квартиру. Сухиновъ видѣлъ бесполезность поступка, сдѣланнаго съ Гебелемъ и потому, вѣроятно, такъ снисходительно поступилъ съ жандармомъ, не сообразивъ, что Лангъ могъ скоро сообщить въ дивизионную квартиру о случившемся произшествіи. Отправивъ жандарма къ священнику, Сухиновъ возвратился къ товарищамъ и не засталъ уже Гебеля, который тотчасъ, какъ былъ оставленъ, выползъ на дорогу, при помощи ѣхавшаго крестьянина втащился къ нему въ сави, и отправился къ дому тамошняго помѣщика. Сухиновъ догналъ его, посадилъ съ нимъ солдата и, приказавъ везти его, куда онъ самъ захочетъ, возвратился къ Муравьеву-Апостолу.

Послѣ этого произшествія Сергѣй Муравьевъ, братъ его Матвѣй и Сухиновъ, со взводомъ квартировавшей въ Трилѣсахъ 5-й роты, отправились въ село Ковалевку, чтобъ соединиться со 2-ю Гренадерскою ротою. Кузьминъ, съ остаткомъ роты, долженъ былъ явиться туда же; Соловьеву и Щепилѣ приказано ѣхать въ свои роты и спѣшить съ оными въ Васильковъ, когда двое послѣднихъ, не заѣзжая еще въ роты, прїѣхали въ городъ, гдѣ были арестованы маіоромъ Трухинымъ, старшимъ послѣ Гебеля, привезеннаго уже въ свою квартиру. Трухийъ съ 4-ю ротою, находившеюся для караула въ Васильковѣ, дѣлалъ между тѣмъ распоряженіе къ защитѣ города. 30-го числа авангардъ Муравьева, подъ командою Сухинова, въ 3 часа по полудни, показался на стог-

нахъ близъ города. По приказанію Трухина, барабанный бой, во всѣхъ концахъ города, встревожилъ всѣхъ жителей и шумомъ только кончились всѣ распорядженія къ защитѣ. Сухиновъ безпрепятственно вступилъ въ городъ, освободилъ изъ подъ стражи Соловьева и Щепилу, арестовалъ Трухина, занялъ караульные посты по назначенію Муравьева, взялъ знамена, полковой ящикъ и заключилъ проишествіе этого дня бесполезнымъ отыскиваніемъ полковаго адъютанта и дѣятельною заботливостію о размѣщеніи и продовольствіи прибывшихъ съ Муравьевымъ солдатъ и тѣхъ, которые подходили послѣ. Всю ночь провѣлъ онъ въ этихъ заботахъ. 31-го числа Муравьевъ поручилъ ему присоединить къ возстанію 4-ю мушкетерскую роту, въ которой ни капитанъ, ни солдаты ничего не знали до послѣдней минуты. Съ помощію Кузмина, Соловьева и Щепилы вполнѣ исполнивъ это порученіе, Сухиновъ, по приказанію Муравьева, принялъ въ команду 6-го мушкетерскую роту, отъ капитана Фурмана, которому приказано ѣхать въ 8-ю пѣхотную дивизію и сообщить о возстаніи находившимся въ оной членамъ Общества.

Въ тотъ же день полкъ выступилъ на ночлегъ въ селеніе Мотовиловку. Сухинову приказано командовать арьергардомъ. Распорядительностью и строгими мѣрами противъ солдатъ, нарушавшихъ военной порядокъ, Сухиновъ достигнулъ того, что послѣдній выступилъ изъ Василькова, не оставивъ тамъ никого, кто долженъ былъ слѣдовать за Муравьевымъ. Прибывъ въ Мотовиловку, Сухиновъ въ ту же ночь отправленъ былъ по дорогѣ въ Бѣлую Церковь узнавать о дѣйствіяхъ дивизионной квартиры сем-

V. 3.

надцатаго егерскаго полка и служившихъ въ ономъ членахъ Общества, которые ручались присоединить къ возстанію по крайней мѣрѣ двѣ роты. Неизвѣстно, были ли, кромѣ означенныхъ, другія порученія Сухинову; знаемъ только, что сряду двѣ ночи изъ села Мотовиловки онъ отправлялся къ Бѣлой Церкви, и оба раза возвращался почти безъ извѣстій; отправленный въ третій разъ ночью со 2-го на 3-е число изъ села Пологовъ, онъ узналъ, что 17-й егерскій полкъ выступилъ, но не противъ нихъ, а по направленію къ Житомиру, что кругомъ Бѣлой Церкви учреждены разѣды изъ козаковъ Браницкой, и что началось общее движеніе, во всѣхъ окрестныхъ войскахъ.

3-го числа полкъ вышелъ изъ с. Пологовъ чрезъ Ковалевку на Трильсы, и между послѣдними встрѣченъ и разбитъ отрядомъ генерала Гейсмара, состоявшимъ изъ двухъ эскадроновъ гусарскаго принца Оранскаго полка и двухъ орудій конно-артиллерійской роты. Открытое мѣсто, гдѣ сошлись отряды противниковъ, устраняло всякую возможность укрыться; Сухиновъ спѣшилъ воспользоваться чѣмъ могъ: онъ бросился къ озеру, находившемуся въ близости на берегу его. Двое изъ солдатъ 6-й роты разсѣяли его недоумѣніе: схвативъ подъ руки, они почти насильно повели его по тонкому льду къ деревнѣ Пильницинцамъ. Только началась эта переправа, какъ нѣсколько гусаръ прискакали къ берегу и, не видя возможности преслѣдовать далѣе, просьбами и угрозами бесполезно старались склонить солдатъ выдать имъ Сухинова. Послѣдній, сбросивъ съ себя лишнюю тяжесть вооруженія, съ одними пистолетами, достигъ противоположнаго берега, и

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 28.

пошелъ къ Пильнищинскому фольварку. Первый крестьянскій дворъ представлялъ уже убѣжище, и Сухиновъ отнесся къ хозяину. Онъ тотчасъ отвелъ его въ контору, заперъ и общалъ, по просьбѣ Сухинова, развѣдывать, что будетъ происходить. Возвратясь часа черезъ два, онъ сказывалъ, что ихъ собирали на панскій дворъ, разспрашивали о Сухиновѣ и общали награду тому, кто приведетъ его, что отрядъ гусаръ обыскиваетъ уже деревню, и что поэтому онъ долженъ перевести Сухинова въ другое мѣсто. Онъ перевелъ его въ погребъ, заперъ и скрылся. Оставшись одинъ, долго размышлялъ Сухиновъ о своемъ положеніи: будущее казалось ему ужаснымъ, ни одной свѣтлой мысли, никакого утѣшительнаго чувства не пробудилось въ немъ въ это время. Все потемнялось какою-то мрачною безнадежностію, и страшная мысль самоубійства показалась ему отрадною. Онъ схватилъ пистолеть—осѣчка; взвелъ еще курокъ—тоже. Бросивъ съ негодованіемъ пистолеть, онъ взялъ другой, тщательно осмотрѣлъ его, уперъ въ грудь конецъ дула, спустилъ курокъ—вспышка.... «Мнѣ суждено еще жить», подумалъ Сухиновъ, и эта простая мысль разсѣяла его мрачность. Онъ бросилъ пистолеты съ твердымъ намѣреніемъ не только не употреблять ихъ противъ себя, но и не брать съ собою изъ погреба. Въ сумерки пришелъ къ нему хозяинъ, ввелъ въ избу, покормилъ, далъ свою свитку. Пять рублей серебряныхъ, послѣднія деньги Сухинова, были предложены хозяину; онъ отказывался, Сухиновъ настаивалъ, и борьба ихъ кончилась тѣмъ, что, бросивъ деньги на столъ, Сухиновъ поспѣшно вышелъ изъ дому.

Пройдя 15-ть верстъ, около полуночи, пришелъ онъ въ с. Гребенки, къ дому бывшаго эконома Браницкой, у котораго прежде крестилъ дѣтей. Свѣтъ сквозь щели затворенныхъ ставней доказывалъ, что въ домѣ еще не спали. Сухиновъ постучался; хозяинка, узнавъ голосъ своего кума, поспѣшно отворила дверь и впустила его, обливаясь слезами. Съ трудомъ успокоилъ ее Сухиновъ. Два часа провелъ съ ними Сухиновъ; наконецъ экономъ самъ запрягъ лошадь въ сани, далъ Сухинову свое платье, 10 р. серебряною монетою, и выпроводилъ на дорогу. Сухиновъ отправился на Богуславль и въ первой полевой канавѣ бросилъ все, что оставалось у него отъ гусарскаго костюма.

Въ Каменкѣ заѣхалъ Сухиновъ къ Зинкевичу, который служилъ прежде штабъ-лекаремъ въ Черниговскомъ полку и принадлежалъ къ Тайному Обществу; но въ 1823 году вышелъ въ отставку и жилъ въ Каменкѣ, домашнимъ лекаремъ у Давыдова, также члена Тайнаго Общества. Зная уже о Черниговскомъ произшествіи, Зинкевичъ радушно принялъ Сухинова, далъ ему на дорогу денегъ, но не ъвѣтывалъ долго у него оставаться.

Безъ письменнаго вида и не смотря на то, что было уже разослано предостерегательное объявленіе о Сухиновѣ, онъ нигдѣ не былъ оставленъ и спокойно пріѣхалъ въ г. Александрію. Въ этомъ же уѣздѣ жилъ отецъ его, но онъ не хотѣлъ заѣхать къ нему, зная хорошо характеръ старика и опасаясь мачихи, на которую совѣмъ не могъ полагаться, и потому рѣшился заѣхать къ брату, бывшему въ Александріи чиновникомъ гражд. службы. Братъ Сухинова до того перепугался, что не зналъ на что рѣшиться, но успокоенный братомъ при-

нялъ въ немъ живѣйшее участіе. Переночевавъ у брата. Сухиновъ недаромъ провелъ время: онъ вырѣзалъ изъ мела печать, написалъ паспортъ на имя отставного Александрійскаго полка поручика Сухинова и рано поутру, взявъ у брата небольшое количество денегъ, простился съ нимъ и отправился къ Кишиневу.

Предъявивъ свой паспортъ, онъ жилъ въ этомъ городѣ безопасно, квартира у мѣщанина-раскольника. Въ продолженіи своего пребыванія въ Кишиневѣ, Сухиновъ нѣсколько разъ подходилъ къ рѣкѣ Быку съ намѣреніемъ перейти черезъ оную въ Молдавію, но всегда удерживался одною мыслию: какъ оставить отечество и спастись бѣгствомъ въ то время, когда бѣдствуютъ возставшіе вмѣстѣ съ нимъ товарищи! Пока жилъ онъ въ такой нервѣзности, денежными средствами его страшно оскудѣли: доходило до того, что скоро нечѣмъ будетъ заплатить за квартиру. Затрудненный крайностію, удрученный бездѣйствіемъ и ежеминутнымъ опасеніемъ, Сухиновъ рѣшился писать къ своему отцу съ двоякою цѣлью: получить отъ него денежное пособіе, а съ нимъ и способъ къ такому или другому предпріятію, или же черезъ умысленную неосторожность обнаружить правительству свое убѣжище. Какъ ни тягостно было послѣднее намѣреніе, но оно казалось ему лучше неопредѣлительнаго его положенія, которое совершенно утомило его.

Въ тотъ же день какъ письмо отнесено на почту, явился полицеймейстеръ. Пристально взглянувъ на Сухинова, онъ поговорилъ что-то съ хозяиномъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился снова съ дивизионнымъ командиромъ Желтухинымъ. Послѣдній спросилъ его: Вы

Сухиновъ?—Я, отвѣчалъ онъ. Едва успѣлъ отвѣтить Сухиновъ, какъ его уже схватили, тотчасъ заковали ему руки и ноги и отправили въ Одессу къ гр. Воронцову. Воронцовъ видѣлъ его, но ничего съ нимъ не говорилъ, однакожь велѣлъ расковать его и перемѣнить бѣлье; прислалъ ему обѣдъ и снова закованнаго отправилъ въ Могилевъ къ Сакену, главнокомандующему 1-ю арміею.

Сухиновъ былъ привезенъ въ Могилевъ 15 Фев. Ему расковали руки, но вообще содержали строже другихъ. Генер. Набоковъ былъ презусомъ Комиссіи, продолжавшейся слишкомъ два мѣсяца. Съ начала и до конца суда Сухиновъ отвергалъ всѣ показанія, которыя могли повредить другимъ. Что касается до обвиненій, падавшихъ собственно на него, онъ принималъ ихъ, ни сколько не забывая о послѣдствіяхъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ, по приговору Комиссіи, Сухинову объявлено, что онъ долженъ быть четвертованъ. Дѣло отправлено въ Петербургъ. Въ первыхъ же числахъ Іюля полученъ отвѣтъ: повелѣно, вмѣсто смертной казни, лишить чиновъ, дворянства, переломить шпагу передъ полкомъ, подвести подъ висѣлицу и отправить въ Сибирь въ вѣчную каторжную работу. Сухинова вывезли изъ Могилева 17 Іюля, а 22 привезли въ городъ Острогъ, гдѣ квартировалъ тогда новосформированный Черниговской пѣхотный полкъ. На другой день исполнена конфирмація, подъ личнымъ распоряженіемъ начальника штаба 3-го корпуса князя Горчакова. Въ 9 ч. вечера Сухиновъ вывезенъ былъ въ Житомиръ, гдѣ содержался на гауптвахтѣ. 21-го Августа отвезенъ въ Васильковъ, а 22-го подведенъ подъ висѣлицу, построенную на площади за мѣсяцъ передъ тѣмъ.

Происходила слѣдующія церемонія: на площади были построены Тамбовск. пѣхотный полкъ и прибывшіе изъ разныхъ полковъ 9-й дивизіи по сту человекъ рядовыхъ, съ нѣсколькими штабъ и оберъ-офицерами, возлѣ самой висѣлицы помѣщенъ былъ отрядъ внутренней стражи. Сухиновъ, Соловьевъ и Мозалевскій приведены закованные и разставлены впереди войска на большемъ другъ отъ друга разстояніи. Когда приговоръ прочли войску, тогда палачъ, подойдя къ Сухинову, взялъ его за руку, повелъ черезъ площадь къ висѣлицѣ и, обойдя вокругъ оной три раза, передалъ въ команду внутренней стражи. Такъ поступлено поочереди съ другими. Какъ скоро это было кончено, палачъ тотчасъ прибилъ къ висѣлицѣ приготовленную прежде черную доску, съ крупною бѣлою надписью. Вверху было написано: повѣшены, а въ другой строкѣ: Кузьминъ, Щепила и Иполить Муравьевъ. (Всѣ трое застрѣлились до сентенціи; Иполить Муравьевъ, вступая въ дѣло, далъ слово не сдать живымъ). Зрители были не только въ тѣсныхъ толпахъ на площади, но занимали крыши домовъ. Послѣ церемоніи тотчасъ отправлены всѣ трое по пересылкѣ въ Сибирь. Это путешествіе продолжалось годъ и 7-мѣсяцевъ. Всю дорогу Сухиновъ былъ чрезвычайно равнодушенъ и ни разу не хотѣлъ сѣсть на подводу. Въ Тобольскѣ видѣлъ ихъ кн. Куракинъ, изъявляя, какъ водится, безплодное сожалѣніе.

Въ Маѣ 1827 года догнали ихъ Нарышкина и Янтальцева. 10 Февраля 1828 г. пришли они на дневку въ Читѣ. У тюрьмы ожидали уже партію княг. Трубецкая и княг. Волконская; при встрѣчѣ съ ними дамы были взволнованы до высочайшей сте-

пени; они называли ихъ не иначе какъ братьями. Зная высказанныя имъ его намѣренія, онѣ умоляли, убѣждали его не приводить ихъ въ исполненіе. 12 Марта пришли они въ большой Нерчинской заводъ и назначены въ рудники онаго за 15 верстъ, гдѣ находится горная контора; они наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ Семеновцевъ. Съ самаго прихода Сухиновъ принялся работать; въ короткое время узналъ онъ многихъ и приобрѣлъ ихъ довѣренность. То тотъ, то другой начали ходить къ Сухинову, который съ своей стороны ежедневно выходилъ на охоту и не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Голиковъ, казарменный староста, бывший нѣкогда фельдфебелемъ въ учебномъ карабинерномъ полку; Бочаровъ, сынъ Астраханскаго купца; Бондаревъ, бывший фельдфебель какого-то гвардейскаго полка; Птицынъ цѣловальникъ, бывший юнкеръ гусарскаго полка, и нѣсколько другихъ, уже весьма съ нимъ сблизились. Всѣ названные были изъ важнѣйшихъ соучастниковъ; между ними первенствовалъ Голиковъ. Съ помощію ихъ Сухиновъ досталъ себѣ вооруженіе, доставалъ порохъ и свинець. Лили пули, дѣлали патроны, которыхъ болѣе 1000 было сдѣлано. Совѣтъ и убѣжденія Соловьева и Мозалевскаго не помогали; не рѣдко пренія доходили даже до ссоры, и во всѣхъ случаяхъ Сухиновъ твердилъ одно: оставьте меня дѣйствовать по моей волѣ, я васъ не замѣшаю. Пока дѣла шли такимъ порядкомъ, часто хаживалъ къ нимъ сосланный изъ Виленскихъ студентовъ, Тиръ. Сухиновъ всегда не терпѣлъ его, и за какую-то выходку разъ объявилъ ему, чтобъ къ нимъ болѣе никогда не ходилъ. Вскорѣ послѣ Вознесенія, въ какой-то праздничной день, нѣсколько

пьяныхъ, принадлежавшихъ къ заговору, написали на могильныхъ памятникахъ разныя угрозы насчетъ рудниковъ и начальства. Тиръ объявилъ управляющему рудникомъ Черниговцеву, что это должно быть дѣло государственныхъ преступниковъ и изъяснилъ ему нѣкоторыя свои подозрѣнія. Поэтому отправленъ былъ къ государственнымъ преступникамъ помощникъ управляющаго Милехинъ; но его убѣдили, что это дѣло не ихъ. 21-го Мая 1828 г. Соловьевъ, Мозалевскій и Сухиновъ купили свой домъ, (что было противъ желанія послѣдняго) и на другой день перешли въ него.

За нѣсколько дней до этого времени, команда Сухинова начала пить непомѣрно. Десятками не выходили изъ кабака и произносили разныя неумѣстныя выраженія; съ 22 на 23 числа пьяныя толпы эти безпрестанно ходили мимо квартиры Мозалевскаго, Соловьева и Сухинова; первые южны были это замѣтить Сухинову; онъ переговорилъ что-то съ ними, и ходьба прекратилась. Во время переноски вещей съ квартиры въ собственной домъ, 23 числа, пьяный Голиковъ сильно хлопоталъ помогать Сухинову и его товарищамъ Мозалевскій желалъ удалить Голикова и просилъ Сухинова его отослать, но тотъ не обратилъ вниманія на его просьбу; тогда Мозалевскій самъ выгналъ Голикова. Съ утра этого дня Сухиновъ былъ необыкновенно мраченъ, но ни слова ни говорилъ своимъ товарищамъ. Около обѣда они узнали, что Голиковъ, Бондаревъ, Непомнящій и нѣсколько другихъ взяты и закованы. Тотчасъ начались допросы, сопровождаемые жесточайшими побоями. Сухиновъ между тѣмъ прирталъ нѣкоторыя вещи. Въ 5 ча-

совъ вечера, полицейскій унтеръ-офицеръ пришелъ за нимъ и объявилъ, что управляющій Черниговцевъ требуетъ его въ контору. Долго товарищи ожидали возвращенія Сухинова; наконецъ узнали, что онъ арестованъ и посаженъ отдѣльно въ одномъ изъ казенныхъ домовъ.

Мозалевскій тотчасъ отправился къ нему, но его не пустили; однако же на другой день свиданіе дозволено, и сношенія товарищей съ арестантомъ постоянно продолжались до конца дѣла. Сухиновъ сказывалъ, что на него показалъ Голиковъ и другіе, будто онъ имѣлъ намѣреніе напасть на солдатъ, завладѣть ихъ оружіемъ и куда-то идти; Сухиновъ не сознался. Черниговцевъ, снявъ показаніе, тотчасъ рапортовалъ Нерчинской горной экспедиціи. Экспедиція съ нарочнымъ донесла Лепарскому (коменданту Читинскаго острога, гдѣ содержались государственные преступники, замѣшанные въ 1825 г.) Лепарскій далъ знать въ Петербургъ. Въ тоже время экспедиція нарядила слѣдственную комиссію, состоявшую изъ двухъ членовъ, бергауптмана Кириллова и какого-то подпрапорщика горнаго батальона. Они прибыли въ горную контору и начали слѣдствіе пьянствами и жестокостями. Сухинова тотчасъ заковали и, не смотря на угрозы, ничего отъ него не узнали.

Впослѣдствіи оказалось: нѣкто *Козаковъ*, проходя пьяный 22-го ч. Мая мимо квартиры Черниговцева, объявилъ ему, что многіе готовы къ бунту и что въ этомъ участвуютъ секретные (такъ называли они государственныхъ преступниковъ). Черниговцевъ велѣлъ ему идти проспаться, объявляя ему однакожъ, что на другой день потребуютъ его въ контору. Жившій въ деньщикахъ у Черниговцева Не-

помнящій, Бондаревъ и кто-то третій дали знать Голикову и Бочарову о доносѣ Козакова. Непомнящій самъ о томъ же рассказалъ вечеромъ Черниговцеву. Между тѣмъ Голиковъ и Бочаровъ взяли водки, пригласили въ лѣсъ Казакова, напоили его и убили, а Бочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ Черниговцевъ сдѣлалъ слѣдствие; присланная потомъ комиссія открыла не болѣе. Сухиновъ ни въ чемъ не сознавался, другіе что показывали сегодня, то отвергали завтра.

Самое главное дѣйствіе комиссіи состояло во взятіи подъ стражу 22-хъ человѣкъ, менѣе или болѣе прикосновенныхъ къ дѣлу, по сдѣланнымъ на нихъ показаніямъ. Случилось между тѣмъ, что собака принесла человѣчью руку; въ тоже время пойманъ бѣжавшій Бочаровъ; эти два обстоятельства способствовали къ открытію убійства Козакова. Доходилъ уже второй мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ члены комиссіи начали свои изслѣдованія, но дѣло не подвигалось. Горная экспедиція, недовольная медленностью, отозвала членовъ, перевела Сухинова и другихъ арестантовъ въ большой Нерчинской заводъ и поручила изслѣдованія членамъ своимъ, горнымъ штабъ-офицерамъ Рикю и Чебаевскому; первой назначенъ презусомъ. Они открыли: что прежде всего хотѣли напасть на казармы, завладѣть оружіемъ, идти на Благодатскій рудникъ (1½ версты), на большой заводъ и по другимъ сосѣднимъ заводамъ, какъ для обезоруживанія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія ссыльныхъ; прекратить почтовые сношенія, послать отрядъ, обратить оружіе по всѣмъ казачьимъ карауламъ, потомъ идти въ г. Нерчинскъ и завладѣть артиллеріею, оттуда слѣдовать въ Читу, освободить государ-

ственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Въ случаѣ возстанія, цѣловальникъ Птицынъ общалъ нѣсколько бочекъ водки. Мозалевскій и Соловьевъ были также требованы къ допросамъ, по сдѣланнымъ на нихъ показаніямъ; но отвѣты Голикова и Бочарова сильно говорили въ ихъ пользу.

Послѣдніе утверждали, что они нѣсколько разъ спрашивали у Сухинова, почему его товарищи не дѣйствовали съ нимъ за одно; на что онъ всегда отвѣчалъ имъ, что Соловьевъ и Мозалевскій ничего не должны знать до послѣдней минуты, и просилъ ихъ быть осторожными въ ихъ присутствіи; что во время возстанія онъ самъ ихъ увѣдомитъ обо всемъ, и если будутъ согласны, то присоединить ихъ къ возстанію; если же нѣтъ, то они первые будутъ убиты. Во время слѣдствія Мозалевскому и Соловьеву не запрещалось видѣться съ Сухиновымъ, и если бы они имѣли деньги, то могли бы дать всѣмъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи. Хотя Волконской присылалъ къ нимъ нарочнаго съ предложеніемъ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ, по ихъ извѣщенію, хотя писали они въ Читу и просили денегъ; но отвѣта никакого не получили; вѣроятно письма ихъ не достигли своего назначенія.

По окончаніи слѣдственной комиссіи, арестованные преданы военному суду, въ послѣднихъ числахъ Октября, по повелѣнію Лепарскаго. Презусъ слѣдственной комиссіи Рикъ назначенъ и президентомъ суда. При немъ члены: горные штабъ-офицеры Чебаевскій, Фитингофъ и еще одинъ. Въ судѣ только что подтверждались прежнія показанія, безъ перемѣны, въ пользу, или во вредъ подсудимымъ.

Сухиновъ между тѣмъ отправился въ гошпиталь, подъ предлогомъ болѣзни; тамъ два раза принималъ онъ яду, но не достигъ желаемой цѣли, а только сильно разстроилъ свое здоровье. Въ половинѣ Ноября судъ приговорилъ: Сухинову 400 ударовъ кнута, 9-ти челобѣкамъ также кнутъ, остальнымъ плети. Послѣ этого Сухинова тотчасъ перевели въ общую тюрьму, вмѣстѣ съ приговоренными къ кнуту; тѣхъ же, которые были приговорены къ плетямъ, отправили въ контору. Дѣло было представлено Лепарскому, который отвѣчалъ, что онъ будетъ самъ 2-го Декабря и исполнить. Сухинову дали знать; онъ казался веселымъ и, ночью со 2-го на 3-е число, упросилъ одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязалъ ремень отъ цѣпей, привязалъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ нихъ и почти въ лежачемъ положеніи удавился. Кто-то изъ арестантовъ наткнулся на него въ потьмахъ; зажгли огня и тотчасъ послали за ключами къ батальонному командиру и за лекаремъ Владимірскимъ. Между тѣмъ Сухиновъ оставался на петлѣ. Лекарь, замѣтивъ въ немъ, какъ послѣ оказалось, признаки жизни, не подалъ на мѣстѣ никакой помощи, а велѣлъ нести за 1½ версты въ лазаретъ, гдѣ его положили на ледникъ. 3-го числа дѣлались приготовления къ исполненію экзекуціи. Въ тотъ же день заковали Мозалевскаго, Соловьева и цѣловальника Птицына, привезли въ Нерчинскій заводъ и посадили въ казарму, вмѣстѣ съ осужденными къ плетямъ, а ночью всѣхъ троихъ перевели въ полицію. 4-го числа въ 9 ч. утра, они увидѣли проходящій въ фуражкахъ, съ ружьями, горный батальонъ

на мѣсто казни, назначенной внѣ завода, съ правой стороны дороги къ г. Нерчинску. Вытребованные съ разныхъ заводовъ палачи были уже на мѣстѣ, куда съ утра еще было привезено тѣло Сухинова, и брошено въ яму, въ которую опредѣлено было сложить тѣла всѣхъ тѣхъ, которые должны были быть разстрѣляны. Горный штабъ-офицеръ Чебаевскій назначенъ былъ экзекуторомъ, но дѣйствіе происходило подъ личнымъ распоряженіемъ Лепарскаго.

Расхаживая отъ одной кобылы къ другой, онъ громко требовалъ отъ палачей, чтобъ они били, какъ можно сильнѣе. Устройство на мѣстѣ казни: въ срединѣ мѣста столбы для разстрѣливанія, рядомъ справа били кнута, далѣе плетями. Разстрѣляны: Голиковъ, Бондаревъ, Непомнящій, Михайловъ и Бочаровъ. Послѣдній, по словамъ самовидца, почтмейстера Климантова, полуживой брошенъ въ яму. Послѣ экзекуціи прочли Мозалевскому, Соловьеву и Птицыну (они не присутствовали на церемоніи) опредѣленіе Лепарскаго: освободить ихъ, какъ не причастныхъ къ дѣлу, но разослать по разнымъ заводамъ. Поручикъ Рикъ и полицмейстеръ завода говорили послѣ, что на обѣдѣ у начальника Нерчинскихъ заводовъ Фриша, Лепарскій спокойно рассказывалъ, что это уже не первая экзекуція, что въ подобныхъ дѣлахъ онъ участвовалъ въ Чугуевскомъ возмущеніи. Выѣхавъ изъ Нерчинска, Лепарскій остановился у мѣста казни, пошелъ поклониться на могилы казненныхъ и отправился въ Читу.

ЧЕРТА ВЪ ХАРАКТЕРѢ КНЯЗЯ В. Θ. ОДОЕВСКАГО.

Изъ письма къ издателю Р. Архива.

М. Г. Въ бумагахъ по „Обществу посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ“, оставшихся послѣ князя В. Θ. Одоевскаго, найдена мною переписка, которая, свидѣтельствуя о томъ, какъ умѣли цѣнить его достоинства и заслуги непосредственные его начальники, обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасную черту характера и благородный образъ мыслей покойнаго князя. Получивъ, чрезъ благосклонное посредство барона М. А. Корфа, дозволеніе Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, на напечатаніе этой переписки въ Русскомъ Архивѣ, препровождаю ее къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ вашего изданія.

Н. Пугача.

I.

Вашему Высокопревосходительству извѣстно, съ какимъ усердіемъ и добросовѣстностью одинъ изъ учредителей бывшаго Общества Посѣщенія Бѣдныхъ Князь В. Θ. Одоевскій трудился въ продолженіи многихъ лѣтъ на пользу этого учрежденія, состоявшаго подъ Моимъ покровительствомъ и которое конечно обязано Князю Одоевскому большею частію тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которыхъ оно достигало. Нынѣ, когда Общество сіе по разнымъ обстоятельствамъ закрыто, я желалъ бы исходатайствовать Князю Одоевскому какой либо знакъ Монаршаго благоволенія за его многолѣтнюю, безкорыстную дѣятельность на пользу ближняго. Предварительно всеподданнѣйшаго доклада о томъ, прошу Ваше Высокопревосходительство потрудиться увѣдомить Меня: не изволите ли Вы встрѣчать

какого либо къ тому препятствія; также доставить Мнѣ формулярный о службѣ Князя Одоевскаго списокъ и означить, какую награду Вы полагали бы для него самою приличною. На подлинномъ Его Императорскаго Высочества рукою написано:

„Константинь“.

15-го Іюля 1855 г.
Его Высокопрев-ву Бар. М. А. Корфу.

II.

Ваше Императорское Высочество! Имѣвъ счастье получить Августѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества отъ 15-го сего Іюля, спспѣшаю почтительнѣйше донести, что съ моей стороны не только не открывается препятствія къ удостоенію Князя В. Θ. Одоевскаго знака Монаршаго благоволенія, но напротивъ я искренно и во всѣхъ отношеніяхъ смѣлъ бы желать, чтобы онъ почтенъ былъ такимъ знакомъ, въ особенности же, чтобы онъ удостоился его по милостивому предательству Вашего Высочества при извѣстныхъ мнѣ чувствахъ его глубокой и благоговѣйной къ Вамъ преданности. Зная близко не только служебную, но и домашнюю жизнь Князя и цѣня вполне его заслуги по содѣйствію мнѣ въ устроеніи Императорской Публичной Библиотеки и Румянцовскаго Музеума, я съ симъ вмѣстѣ много лѣтъ былъ свидѣтелемъ того добросовѣстнаго и безкорыстнаго усердія, скажу даже, совершеннаго самоотверженія, съ которыми онъ, не щадя себя, трудился на пользу бѣдныхъ и неимущихъ въ Обществѣ, имъ созданномъ и въ немъ одномъ находившемъ главные элементы своей жизни.

Такіе подвиги высокаго человѣколюбія достойны, конечно, особаго воздаянія, и я смѣю быть увѣреннымъ, что ни Ваше Императорское Высоче-

ство, ни Государь Императоръ, не изволите найти къ тому препоны въ недавнемъ полученіи и Княземъ награды, по другому вѣдомству и за другія совсѣмъ заслуги. Примѣръ изыятія можетъ здѣсь обратиться въ дѣйствительнѣйшій примѣръ къ подражанію вызвавшимъ оный подвигамъ.

Отвѣчая на другой вопросъ Вашего Императорскаго Высочества, имѣю счастье представить, что я еще въ началѣ нынѣшняго года ходатайствовалъ о пожалованіи Князя Одоевскаго въ Тайные Совѣтники: сія награда, если бы Вашему Высочеству благоугодно было его къ ней удостоить, сравняла бы его съ сверстниками и открыла бы его дарованіямъ и полезнымъ свѣдѣніямъ виды на болѣе широкое служебное поприще.

Формулярный о службѣ Князя списокъ у сего прилагается.

подписалъ: Баронъ М. Корфъ.

20 Іюля

1855.

III.

Ваше Императорское Высочество!

Случайно, перебирая бумаги Канцеляріи Императорской Публичной Библіотеки, я узналъ о милостивомъ намѣреніи Вашего Императорскаго Высочества исходатайствовать мнѣ награду по Обществу п. б; — самое содержаніе Вашего рескрипта мнѣ до нынѣ неизвѣстно.

Нѣтъ словъ для выраженія того чувства, которымъ я былъ проникнутъ при семъ новомъ знакѣ благоволенія Вашего Императорскаго Высочества; память о томъ въ вѣкъ не изгладится изъ моего благодарнаго сердца.

Но Ваше Императорское Высочество приучили меня къ полной предѣ Вами откровенности; позвольте и теперь высказать все, что у меня на душѣ.

Мнѣ, Русскому человѣку, дорога всякая Монаршая милость, и по моей дѣйствительной службѣ я не былъ ею оставленъ; но я всегда отклонялъ отъ себя всякую награду по *благотворительнымъ* учрежденіямъ; ибо, въ моихъ глазахъ, занятія сего рода въ сравненіи со службою — не что иное, какъ всякое другое житейское занятіе; тамъ святой долгъ, здѣсь просто *добрая воля* и удовлетвореніе внутреннему влеченію.

То что я дѣлалъ, — сдѣлалъ бы всякой другой при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ поставленъ; не припишите, Ваше Высочество, этихъ словъ пустому суемудрію или униженію паче гордости; я не прикрываю себя ложнымъ смиреніемъ, я знаю, что не одна случайность, но можетъ быть и нѣкоторая привычка къ дѣлу, поставила меня неожиданно дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ учрежденіи; но было бы несправедливо полагать, что оно своими невѣроятными успѣхами, въ теченіи 9 лѣтъ, было обязано *лишь одному мнѣ*. Вашему Императорскому Высочеству извѣстно многосложное устройство бывшаго Общества; что могла въ немъ значить дѣятельность *одного* лица? — Дѣло шло хорошо потому только, что я, по особой милости Божіей, имѣлъ счастье каждый годъ находить въ моихъ ближайшихъ сотрудникахъ людей и благонамѣренныхъ и дѣльныхъ.

Выраженіе общаго Монаршаго благоволенія (въ указѣ 27 Апрѣля) было для насъ всѣхъ вышею и лучшею наградою, которой мы всѣ могли когда либо желать. — Милостивое намѣреніе Ваше отличить мои труды уже ставитъ меня выше всѣхъ моихъ достойныхъ товарищей; горячее участіе, принятое по сему поводу моимъ

начальникомъ по службѣ, вообще не расточительнымъ на слова, отрадно моему сердцу и лстить моему самолюбію;—но всякая другая *отдѣльная* мнѣ награда будетъ имѣть совсѣмъ иное значеніе: сколь неопцѣнима для меня Монаршая милость, но я не могу избавить себя отъ мысли, что, *при особой мнѣ награды*—*въ моемъ лицѣ будетъ соблазнительный примѣръ человека, который принялся за дѣло подъ видомъ безкорыстія и сроднаго всякому христіанику милосердія, а потомъ тѣмъ или другимъ путемъ, а все достигъ награды, принадлежащей лишь заслугамъ по дѣйствительной службѣ.* Быть такимъ примѣромъ — противно тѣмъ правиламъ, коихъ я держался въ теченіи всей моей жизни; дозвольте мнѣ, вступивъ на 6-й десятокъ, не измѣнить имъ.

Ваше Императорское Высочество не прогнѣваетесь за мою откровенность, ибо я убѣжденъ, — Вашей благородной душѣ понятно то чувство, которое меня руководитъ.

Если Ваше Императорское Высочество позволите мнѣ въ семь дѣлъ выразить мое мнѣніе, — то я полагаю бы, что ласковое Царское слово *всѣмъ* Членамъ Коммисіи для окончанія дѣлъ Общества п. б., со внесеніемъ въ ихъ формулярные списки, — было бы высокою и утѣшительною для насъ всѣхъ наградою, вмѣстѣ съ исполненіемъ извѣстныхъ ходатайствъ Коммисіи.

подписаль: *Князь Одоевской.*

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА СЕЛА ВЫТЕБИТИ.

(*Орловск. губ. Болховск. уѣзда*)

За обязательное дозволеніе напечатать нижеприводимыя письма, мы обязаны Степану Василев. Зиновьеву, сыну Василія Николаевича, къ которому письма эти адресованы.

Генераль-маіоръ Николай Ивановичъ Зиновьевъ былъ Петербургскимъ оберкомандантомъ, а при собраніи депутатовъ, для сочиненія проекта Уложенія, 27-го Января 1767-го года, избранъ былъ въ Петербургскіе головы (Сборникъ Русск. Историчес. Общества IV т.) Онъ имѣлъ въ супружествѣ Авдотью Наумовну Сенявину, сестру адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина. Отъ этого брака родилась три сына: Андрей, Александръ и Василій, къ которому адресованы помѣщаемыя здѣсь письма, и единственная дочь, Екатерина Николаевна, въ послѣдствіи супруга кн. Григорія Григорьевича Орлова и статсъ-дама.

Василій Николаевичъ Зиновьевъ, камергеръ Россійскаго двора, родился въ 1754-мъ году, былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дѣвицѣ Дубенской, во второмъ на дѣвицѣ Брейткопфъ, дочери друга и сослуживца Ивана Андр. Крылова, и въ третьемъ на дѣвицѣ Розановой. Василій Николаевичъ былъ современникомъ Радщева, Ушакова и Кутузова, и по 12 году, въ числѣ 12-ти дворянъ, въ 1766-мъ году, былъ посланъ подъ наблюденіемъ гофмейстера Бокума, на казенный счетъ въ Лейпцигъ для воспитанія. Такъ какъ онъ былъ отправленъ за границу много моложе своихъ товарищей (напр. Ушакова, который, какъ извѣстно, имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассессора) то и окончилъ свое ученіе поздне ихъ. Судя по письму отца его Николая Ивановича, отъ 13-го Октября 1772-го года, можно заключать, что пребываніе его въ Лейпци-

гѣ предполагалось продлить съ 1772-го года еще на три года. Исполнились ли планы родителя Василія Николаевича — намъ неизвѣстно; но вѣрно то, что Василій Николаевичъ Зиновьевъ оставался въ Лейбцигѣ долѣе своихъ товарищей, потому что Радищевъ былъ уже въ Петербургѣ около 25-го Ноября 1771-го года, Василій же Николаевичъ въ это время находился еще въ Лейбцигѣ.

По окончаніи своего воспитанія и по смерти своего родителя, какъ видно изъ его журнала, Василій Николаевичъ путешествовалъ и неоднократно предпринималъ поѣздки за границу. Первый выѣздъ его изъ Россіи, по возвращеніи изъ Лейбцига, былъ въ Италію, куда онъ былъ посланъ отъ нашего Двора курьеромъ, съ увѣдомленіемъ о заключеніи мира съ Турками (Вѣроятно Кучукъ-Кайнарджійскаго, который былъ заключенъ 10-го Іюля 1774-го года). Болѣе нежели обезпеченное состояніе, общественное положеніе и его связи, открыли ему доступъ ко многимъ европейскимъ Дворамъ и коронованнымъ лицамъ. Изъ журнала Василія Николаевича усматривается, что онъ въ Берлинѣ представлялся Фридриху Великому, а въ Брауншвейгѣ, — герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, главѣ всѣхъ масонскихъ ложъ того времени; а такъ какъ Василій Николаевичъ, въ свою очередь, заплатилъ дань той средѣ, въ которой обращался, и былъ также масономъ, — то дѣлается понятнымъ, что, помимо всего другаго, отношенія его къ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому были весьма дружескія, что подтверждается перепиской, сохранившеюся въ семейномъ архивѣ сына его Степана Васильевича Зиновьева.

Василій Николаевичъ былъ также весьма друженъ съ гр. Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ и Павломъ Дмитриевичемъ Цициановымъ. Его журналъ или поденная записка не что иное какъ письма изъ Германіи, Италіи и Англій къ гр. Семену Романовичу Воронцову, писан-

ныя въ то время, когда тотъ былъ Русскимъ посломъ въ Англій.

Получивъ блестящее образованіе, Василій Николаевичъ былъ вполне развитымъ человѣкомъ своего времени; это усматривается изъ писемъ его къ гр. Воронцову. Въ нихъ подняты авторомъ вопросы весьма серьезнаго значенія, что ясно указываетъ на его развитіе, такъ напр. о судоустройствѣ, при чѣмъ съ восхищеніемъ говорится о судѣ присяжныхъ въ Англій, о необходимости ограниченія произвола помѣщичьей власти, о лучшей организаціи войска и пр. Во многихъ мнѣніяхъ Василія Николаевича проглядываетъ товарищъ Радищева. Любимымъ занятіемъ его были искусство, и изъ переписки его съ гр. Семеномъ Романовичемъ можно видѣть, что авторъ былъ знатокъ въ картинахъ и статуяхъ; объ осмотрѣ ихъ во-время своего пребыванія въ Италіи Василій Николаевичъ съ особенной любовью отдаетъ отчетъ своему другу.

Здѣсь у мѣста обратить вниманіе на то, что во 2-ой кн. Осмнад. Вѣка, къ статьѣ Александра Николаевича Радищева „Житіе Ушакова“ приложенъ списокъ Русскихъ студентовъ, обучавшихся въ Лейбцигѣ около того времени, когда тамъ жилъ Радищевъ съ Кутузовымъ и товарищами (1766—1770). Списокъ этотъ найденъ Я. К. Гротомъ въ архивѣ Лейбцигскаго университета, и въ немъ студентъ Зиновьевъ названъ „Николаемъ“. Считаю здѣсь умѣстнымъ и своевременнымъ объяснить, что студента Зиновьева, современника по ученью Радищева въ Лейбцигѣ, звали „Василіемъ“. Это доказывается дневными записками Василія Николаевича и письмами при семъ прилагаемыми Николая Ивановича и Авдотьи Наумовны Зиновьевыхъ, къ ихъ сыну въ Лейбцигѣ. Спустя нѣкоторое время дѣйствительно въ Лейбцигѣ обучался Зиновьевъ „Николай“, а именно въ 1784-мъ году; но въ это время, не говоря о Радищевѣ и Ушаковѣ, и Василій Николаевичъ окончилъ уже свое ученіе въ Лейбцигѣ и путешествовалъ.

Николай же Александровичъ Зиновьевъ — родной племянникъ Василія Николаевича, сынъ его роднаго брата, Александра Николаевича. Вотъ почему мы полагаемъ, что студентъ Николай Зиновьевъ не могъ никакъ быть товарищемъ ни Радищева, ни Кутузова и совершенно неправильно внесенъ въ списокъ Русскихъ студентовъ того времени. Очевидно, что въ списокъ, отысканный уважаемымъ Я. К. Гротомъ, вкралась ошибка. — Мы полагаемъ, что нѣкоторыя письма изъ семейнаго архива г-на Зиновьева, будутъ прочтены не безъ интереса. Они, правда, подтвердить то, что намъ уже извѣстно объ Бокумѣ и дополнять немного; но и этого немногаго будетъ достаточно, чтобы личность Егора Ѳедоровича Бокума обрисовалась еще болѣе рельефно и уяснилась документальными доказательствами его корыстолюбія, выражавшагося въ видѣ добровольныхъ приношеній, какъ съ вѣрренныхъ его наблюденію Русскихъ воспитанниковъ, такъ и съ ихъ родственниковъ.

Автографическія письма Н. И. Зиновьева и его супруги написаны стариннымъ весьма трудно разбираемымъ почеркомъ, кромѣ того они полны грамматическихъ погрѣшностей, настолько важныхъ, что онѣ препятствуютъ самому ихъ чтенію. Мы взяли на себя смѣлость ошибки эти исправить; что касается до слога писемъ, то мы не считали себя въ правѣ измѣнять въ чемъ-либо ихъ складъ рѣчи, тѣмъ болѣе, что языкъ ихъ намъ показался достаточно своеобразнымъ и исполненнымъ безыскусственности.

Николай Барышниковъ.

1.

30-го Октября 1767-го года.

Василій Николаевичъ! письмо твое получилъ и по полученіи сего отпиши ко мнѣ письмо на русскомъ діалектѣ, а сестрѣ ¹⁾ по французски, ибо она на тебя очень досадуетъ, что ты къ ней ничего не пишешь, а она почти всякій день тебя помнить. Бога ради

прошу тебя учиться съ прилежаніемъ и увѣдомить меня, что ты въ годъ выучилъ? — обстоятельно отпиши. Мѣху на шубу тебѣ послалъ въ Августѣ мѣсяцѣ, чрезъ иностранную коллегію, и мы думали, что уже давно получилъ. Въ письмѣ тл своемъ не подписываешь фамилію, а впредь подписывай фамилію свою всегда, ибо Василіевъ много; — мы знаемъ, что оно отъ тебя, оное письмо, а показать нельзя, потому что фамилія не подписана. Мы, слава Богу, здоровы всѣ и оканчиваю тѣмъ, — вручаю тебя Богу и посылаю мое благословеніе. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

(На томъ же письмѣ)

Государь, мой Егоръ Ѳедоровичъ! ²⁾ Сынъ мой пишетъ ко мнѣ о всѣхъ вашихъ къ нему милостяхъ, за что всепокорно благодарствую и прошу о продолженіи оныхъ и постараться о неоставленіи вашими наставленіями, о честномъ поведеніи; такожъ, ежели лѣниво учится. — принуждать къ наукамъ, чѣмъ меня по смерть мою обяжете, себѣ быть вѣрнымъ слугою. Когда онъ будетъ писать къ намъ письма, чтобы конечно къ сестрѣ подписывалъ, въ томъ же письмѣ. Да прикажите хотя одно письмо написать ко мнѣ по русски. И остаюсь съ почтеніемъ моимъ, государь мой, Вашего Высокородія покорный слуга Н. Зиновьевъ.

(На томъ же письмѣ)

Васинька, другъ мой, здравствуй! Благодарствую, что часто пишешь къ намъ; впредь пиши почаще, да къ Катѣ не пишешь, — она все плачетъ, что ты ее забылъ. Государю моему Егору Ѳедоровичу низжайшій мой поклонъ и съ сожительницей ³⁾ и скажи, что какъ скоро буду въ Москвѣ, такъ пришло соболи ей на шею (*Здѣсь клочекъ бумаги отор-*

ванъ) Пишу, будь въ послушаніи у Егора Ѳедоровича. Любя посылаю благословеніе мое. На вѣки буди Богомъ хранимъ. Мать твоя Авдотья Зиновьева. (*Адресъ на письмо: Сыну моему Василию Николаевичу Зиновьеву. Въ Лейбцигѣ. Учащемуся въ Университетѣ. На письмо Московскій штемпель*).

1) Сестра Василія Николаевича Зиновьева, — Екатерина Николаевна, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за князя Григорія Григорьевича Орлова и возведенная въ достоинство статсъ-дамы въ 1776-мъ году. Родилась 19 Декабря 1758-го года, умерла 16-го Іюня 1781-го года, въ Швейцаріи, въ Лозаннѣ, гдѣ въ соборномъ храмѣ и до сего времени сохраняется ея надгробный памятникъ.

2) Егоръ Ѳедоровичъ Бокумъ, сопровождавшій Русскихъ студентовъ въ Лейбцигъ, гдѣ, вслѣдствіе своихъ корыстныхъ съ ними дѣйствій, онъ навлекъ на себя ихъ ненависть, которая выразилась въ причиненныхъ ему оскорбленіяхъ. Послѣ сего русскіе студенты были арестованы, но нашли возможность, изъ подъ ареста, дать знать о своемъ положеніи въ Россію и по приказанію Императрицы Россійскій въ Саксоніи министръ кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій уладилъ непріятныя отношенія воспитанниковъ съ наставникомъ. (См. 2-ую кн. Осмнадцатаго Вѣка, статью А. Н. Радищева „Житіе Ушакова“.

3) Екатерина Ивановна Бокумъ, жена Егора Ѳедоровича.

2.

1-го Августа 1768-го года. Петергофъ.

Васинька, другъ мой, здравствуй! Изъ присланной книги о вашемъ экзаменѣ къ Ея Императорскому Величеству, о твоихъ наукахъ усмотрѣлъ, что ты учишься не лѣнностно, — за что тебѣ спасибо и старайся о нау-

кахъ, такожъ и имѣй хорошее поведеніе, ибо тѣмъ заслужишь у Ея Величества милость и намъ сдѣлаешь собой порадоваться: ибо Ея Величество неоднократно всемилостивѣйше о тебѣ отзываться соизволила, что ты учишься хорошо, — то онаго потерять не надобно. Что можетъ быть лѣстнѣе для подданнаго, какъ милостивый отзывъ отъ своего государя! почаще ко мнѣ пиши, чтобы я зналъ о твоёмъ состояніи. Увѣдомь меня, какъ ты великъ ростомъ? — прикажи смѣрять и отпиши ко мнѣ. Ежели въ чемъ тебѣ нужда, я могу къ тебѣ прислать. Старайся сыскать любовь у Егора Ѳедоровича и у сожительницы его. Впрочемъ вручаю тебя Всевышнему Творцу. Посылаю тебѣ благословеніе. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

При семъ вамъ, государь мой, Егоръ Ѳедоровичъ, свидѣтельствую мой поклонъ, и за неоставленіе моего сына приношу вамъ свою благодарность. Прошу объявить мой поклонъ любезной вашей сожительницѣ и оканчиваю тѣмъ, что я есмь, государя моего, покорный слуга Н. Зиновьевъ.

И я, государь мой Егоръ Ѳедоровичъ и съ любезной вашей супругой, мой поклонъ свидѣтельствую и прошу сына моего не оставить вашимъ стараніемъ. Булавки и иголки отъ купца получила и за пошлыны 14 ф. 20 р. заплатила, за что вамъ, государь мой, благодарствую, только напишите что дали? — Прошу ко мнѣ отписать и кому деньги сіи отдать велите? Такожъ васъ прошу приказать списать съ Васиньки портретъ и ко мнѣ пожаловать прислать. Впрочемъ съ моимъ почтеніемъ (остаюсь готовая) къ услугамъ вашимъ Авдотья Зиновьева.

3.

Отъ 7-го Ноября 1768-го года С.-Петербургъ.

Василій Николаевичъ. Письмо твое получилъ отъ господина Ушакова ¹⁾ и радуюсь, что ты здоровъ. Увѣдомь меня, получилъ ли ты посланную посылку, ибо по твоему письму послано мѣху на шубу въ девяносто рублевъ, послано въ первыхъ числахъ Октября. Пишетъ графъ Алексѣй Григорьевичъ ²⁾ что былъ въ Лейбцигѣ, — увѣдомь меня, сколько дней пробылъ и за столъ ты къ нему ходилъ? Мы, слава Богу, всѣ здоровы. Учись мой, другъ, — не лѣнись и веди себя хорошенъко, чтобы мы, слышавъ твое хорошее поведенъе, радовались. Оканчиваю тѣмъ, вручаю тебя самому Богу и посылаю тебѣ родительское благословеніе. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

(На томъ же письмѣ).

Васинька, другъ мой, здравствуй и будь хранимъ Богомъ. Два мѣха и полотенецъ къ тебѣ послала и при томъ печатку (напечатать), по которой вели тамъ вырѣзать, а денегъ сто рублевъ къ тебѣ послано. Посылаю я тебѣ мое благословеніе. Мать твоя Авдотья Зиновьева.

1) Въ статьѣ „Алек. Николаевичъ Радищевъ. По воспоминаніямъ сына“ П. А. Радищева, напечатанной въ Рус. Вѣстн. 1858-го года (Т. XVIII Декабрь, книга 1-я), годъ смерти Ѳедора Васильевича Ушакова показанъ послѣдовавшимъ чрезъ два года по пріѣздѣ въ Лейбцигъ, слѣдовательно въ 1768 г. Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Въ „Житіи Ушакова“ нигдѣ не упоминается, чтобъ Ѳ. В. Ушаковъ умеръ чрезъ два года по пріѣздѣ въ Лейбцигъ; напротивъ въ этой статьѣ, весьма опредѣленно и ясно говорится: „По прошествіи трехъ лѣтъ обязаны мы

были къ наступившему для насъ времени на испытаніе, показать наши успѣхи въ ученьи, представляя письменно связъ мыслей, о какой-либо матеріи. Ѳеодоръ Васильевичъ избралъ для сего“... Слѣдовательно, по прошествіи трехъ лѣтъ, къ наступившему времени испытанія, Ушаковъ былъ еще живъ, а испытаніе это было въ 1769-мъ году. Далѣе въ томъ же Житіи Ушакова, въ подтвержденіе того же мнѣнія, что Ушаковъ умеръ позднѣе двухъ лѣтъ своего пребыванія въ Лейбцигѣ, — читаемъ, что онъ окончилъ избранное имъ сочиненіе къ экзамену, и Радищевъ опять весьма положительно рассказываетъ, что Ушаковъ, избравшій темой для сочиненія „смертную казнь“, не пропустилъ ничего изъ того, что можно сказать въ оправданіе ея. Слѣдовательно, Ушаковъ закончилъ свое сочиненіе, которое и было прочтено его товарищами, въ томъ числѣ и Радищевымъ. Чрезъ нѣсколько страницъ той же статьи „Житіе Ушакова“ читаемъ: „осмнадцать лѣтъ уже совершилось, какъ мы лишились Ѳедора Васильевича“.... Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: въ которомъ году написано Житіе Ушакова? — Если считать съ года его напечатанія, т. е. съ 1789-го, то искомый годъ смерти Ушакова будетъ 1771-ый: если же допустить, что „Житіе“, написано годомъ, а можетъ быть и двумя ранѣе его напечатанія, т. е. въ 1788-мъ или 1787-мъ, то годъ смерти Ушакова, какъ намъ кажется, будетъ опредѣленъ болѣе точно, а именно 1769-мъ годомъ, а можетъ быть 1770-мъ. Такое опредѣленіе будетъ во всемъ согласно съ временемъ смерти Ушакова, упоминаемомъ „въ Житіи“; тогда какъ 1768-ой годъ является противорѣчіемъ съ указаннымъ временемъ у Радищева, который не могъ, въ такомъ близкомъ для него вопросѣ, какъ годъ смерти своего искренняго друга, ничего позабыть, а слѣдовательно и ошибиться.

Несмотря однакоже на то, что по нашему мнѣнію Ѳ. В. Ушаковъ былъ

безъ сомнѣнія еще живъ въ 1768-мъ году, мы затрудняемся допустить, чтобы Николай Ивановичъ, въ письмѣ отъ 7-го Ноября 1768-го года, говорилъ объ немъ. Какъ вслѣдствіе усидчивыхъ занятій Федора Васильевича, такъ и по причинѣ его уже весьма сильно разстроеннаго здоровья, онъ не могъ совершить эту повѣзку въ Россію; да и посвятить себя всецѣло ученью, покинувъ даже для сего весьма замѣтную и выгодную службу, — онъ не могъ имѣть на это никакихъ достаточно-побудительныхъ причинъ.

2) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, въ послѣдствіи „Чесменскій“, род. 1737-го умер. 1808-го года, былъ сыномъ генерала-майора Григорія Ивановича Орлова, получившаго отъ императора Петра Великаго портретъ его на золотой цѣпи и бывшаго Новгородскимъ губернаторомъ. Въ 1767 г. Алексѣй Орловъ пожалованъ подполковникомъ Преображенскаго полка, въ 1768-мъ онъ былъ генераломъ-поручикомъ и находился по нездоровью въ Италіи; въ Лейбцигѣ онъ былъ вѣроятно проездомъ.

4.

25 Декабря 1768-го года.

Василій Николаевичъ! Письмо отъ тебя получилъ, и при томъ присланъ портретъ къ Катинькѣ, — за что тебѣ спасибо, что ты ее утѣшилъ, — она очень тѣмъ обрадована. Увѣдоми меня, есть-ли прибавка въ твоемъ ученіи.—Старайся, мой другъ, о наукахъ, чтобы намъ было тобой радоваться, а тебѣ вѣкъ твой удовольствіе, ибо науки ко всему человѣка способнымъ дѣлають;—да не забудь порусски писать. Получа сіе письмо, отпиши ко мнѣ порусски, такожъ пришли, въ какихъ ты классахъ и что учишь? Впрочемъ вручаю тебя Богу и посылаю тебѣ благословеніе. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

(На томъ же письмѣ)

Васинька, другъ мой, здравствуй; письмо отъ тебя получила; только все пишешь по нѣмецки, что мнѣ съ трудомъ ихъ знать (*т. е. письма*). Портретъ отъ тебя получила, за что благодарствую. Поклонись отъ меня Егору Федоровичу и съ сожителяницей его. Впрочемъ вручаю тебя Богу и мое благословеніе посылаю. Мать твоя Авдотья Зиновьева.

5.

Отъ 13-го Августа 1770 года. Царское Село.

Василій Николаевичъ! Я въ великомъ сердечномъ соболѣзнованіи, что отъ тебя болѣе четырехъ мѣсяцевъ писемъ не имѣю и не знаю, что думать? — болѣе ничего не думаю, что ты нездоровъ. Прошу каждый мѣсяць ко мнѣ пиши, чтобы я зналъ о твоемъ состояніи и въ какихъ ты наукахъ. Неотмѣнно всякій мѣсяць (пиши), тѣмъ докажешь мнѣ свою сыновнюю любовь. Я благодарю Бога, здоровъ, такожъ и братъ ¹⁾ и сестра. Черезъ сіе тебя увѣдомляю: братъ твой Андрей ²⁾ пошелъ въ походъ на кораблѣ въ Средиземное море и вчерашняго числа отъ него получилъ письмо изъ Копенгагена, и уповаешь, что въ первыхъ числахъ Августа пойдуть съ рейды Копенгагенской въ путь свой. Имѣю объявить, что непріятель нашъ, то есть Турокъ, два раза разбитъ, при которомъ сраженіи было взято въ добычу, въ первую баталію 33 пушки и весь лагерь, во второй 133 пушки и весь лагерь. Непріятельскаго войска въ первомъ сраженіи было 80 т., а во второмъ 180 т. Турокъ и шатеръ, съ чѣмъ тебя поздравляю. Третьяго дня, получено извѣстіе, что и на морѣ была, въ Средиземномъ морѣ, баталія ³⁾, гдѣ Турецкій флотъ разбитъ и нѣсколько

кораблей потоплено. Болѣе къ увѣдомленію ничего не имѣю. Оканчиваю тѣмъ, Боже дай тебѣ всякаго благополучія. Отець твой Н. Зиновьевъ.

(На томъ же письмѣ).

Вамъ, государь мой, Егоръ Ѳедоровичъ и государыня моя Екатерина Ивановна, свидѣтельствую мой поклонъ и притомъ прошу сдѣлать мнѣ одолженіе, приказать сыну моему каждый мѣсяцъ ко мнѣ писать, а чтобы вѣрно доходили (*письма*), присылать въ Иностранную Коллегію. Прошу увѣдомить, въ какихъ наукахъ сынъ мой и отписать прилѣжно ли (*учится*) и каково имѣеть поведеніе и смѣривъ его отписать, — сколько вершковъ за два аршина; а сказываютъ приѣзжіе, что онъ роста весьма по лѣтамъ большаго, и оканчиваю тѣмъ, что я есмь истинный вашъ почитатель, государь мой, вашъ покорный слуга Н. Зиновьевъ.

1) Александръ Николаевичъ Зиновьевъ, братъ Василя Николаевича, женатый на княжнѣ Евдокіи Александровнѣ Долгорукой. Объ немъ упоминается въ Запискахъ о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. Онъ выѣзъ съ Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ, бывши еще камеръюнкеромъ, встрѣчалъ въ Фридрихсгамѣ Генриха Пруссаго, въ началѣ Октября 1770 го года.

2) Андрей Николаевичъ Зиновьевъ, тоже братъ Василя Николаевича, умеръ молодымъ и холостымъ человекомъ. Ниже помѣщено его письмо къ Василю Николаевичу, въ Лейбцигъ. Увѣдомленіе Николая Ивановича касается морской экспедиціи въ Средиземное море, куда русскій флотъ собирался этапами, подъ общее начальство гр. Алексѣя Григорьевича Орлова, находившагося въ то время въ Ливорно. Вѣроятно, Андрей Николаевичъ находился въ одной изъ эскадръ или контръ-адмирала Эльфинстона или Спиридова, которыя доходили въ

разное время до Копенгагена; но вслѣдствіе открывшейся течи на многихъ судахъ, сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи нѣкоторыхъ кораблей обратно въ русскіе порты. (См. Сборн. Русск. Историч. Общест. Т. I-ый). Андрей Николаевичъ былъ вѣроятно на одномъ изъ такихъ судовъ, можетъ быть на корабль Тверь, капитанъ котораго Игнатъевъ былъ преданъ суду, за свое распоряженіе во время похода изъ Кронштадта до Копенгагена (Тамъ же, стр. 30-ая).

3) Двѣ побѣды надъ Турками, съ которыми поздравляетъ сына Николай Ивановичъ: первая, 7-го Іюля 1770-го года, при рѣкѣ Ларгѣ; вторая, 21-го Іюля того же года, при Кагулѣ. За первую Румянцевъ получилъ Георгіи 1-ой степени, а за вторую фельдмаршальскій жезлъ. Морское сраженіе, о которомъ получено было извѣстіе, вѣроятно, „Чесменская битва“ бывшая 26 Іюня 1770 года и истребившая морскую силу Оттоманской Порты.

6.

Отъ 27-го Сентября 1771-го года,

Василій Николаевичъ! Письма я получилъ отъ графа Владиміра Григорьевича ¹⁾, которыя меня весьма обрадовали, что ты живешь порядочно и искренность есть къ ученію. Прошу тебя постараться о наукахъ, чтобы ты могъ быть способенъ къ пользѣ любезнаго нашего Отечества и угоденъ Ея Величеству, которая, не жалѣя денегъ, употребляетъ на наши ученія; а какъ слышно, что вы будто очень мало въ наукахъ приобрѣтенья сдѣлали. Каждый мѣсяцъ пиши по дважды и можете во одномъ письмѣ писать съ Козадавлевымъ ²⁾, ибо Анна Осиповна ³⁾ всегда у меня бываетъ. Пишетъ ко мнѣ графъ, что онъ оставилъ у своего пріятеля деньги, на заплату берейтору, въ манежъ. Я просилъ у Ея Величества, что тебѣ-бъ еще пробить въ Лейбци-

гѣ,—два года, на что Ея Величество приказать изволила. А я къ тебѣ писать буду каждый мѣсяць; что я рѣдко писалъ, причина тому та была, что я слышалъ, что ты весьма худо себя ведешь,—что меня весьма огорчало. По полученіи сего чрезъ три мѣсяца пришли ко мнѣ (*извѣстіе*), что ты приобрѣтешъ наукъ. О себѣ я къ тебѣ пишу: былъ я весной очень боленъ, и болѣзнь продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ; но нынѣ, благодаря Богу, совсѣмъ выздоровѣлъ. Пишетъ ко мнѣ Козадавлевъ, что пишетъ къ сыну Матюшкина ⁴⁾ что его (*т. е. Козадавлева*) вѣрно отослать въ Петербургъ,—оное не правда; а я ему, по просьбѣ Анны Осиповны, исходатайствовалъ отпускъ къ водамъ, за его болѣзнию, о чемъ А. В. Олсуфьевъ ⁵⁾ Высочайше соизволенъ къ министру писалъ, и ты О. П. Козадавлеву оное письмо покажи. Прости, любезный сынъ, учись прилежно и старайся честными своими поступками заслужить (*имя*) честнаго человѣка. А пиши ко мнѣ по русски. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

1) Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ (род. 1743-го, умеръ 1831 года) меньшій изъ братьевъ Орловыхъ. Послѣ гр. Кирила Григорьевича Разумовскаго былъ назначенъ въ 1766 году Директоромъ Академіи наукъ.

2) Осипъ Петровичъ Козадавлевъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ (род. 1735, умеръ 1819 г.). Въ 1810-мъ году былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и временно, Народнаго Просвѣщенія. Современникъ и товарищъ Радищева и Ушакова и прочихъ Русскихъ студентовъ въ Лейбцигѣ, времени 1766-го и послѣдующихъ годовъ. Его товарищи отзывались объ немъ, какъ о бездарной и тупой личности; тѣмъ не менѣе онъ принималъ участіе въ изданіи Собесѣдника и былъ авторомъ нѣсколькихъ ко-

V. 4.

медій. Въ супружествѣ имѣлъ княжну Анну Петровну Голицыну.

3) Анна Осиповна Козадавлева, тетка Осипа Петровича Козадавлева; о ней упомянуто въ неизданной перепискѣ Василя Николаевича Зиновьева съ кн. Павломъ Дмитріевичемъ Циціановымъ. Въ послѣдствіи пошла въ монастырь.

4) Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина, рожденная княж. Гагарина, супруга графа Дмитрія Михайловича Матюшкина (умеръ въ 1800 въ званіи Тайнаго Совѣтника и Дѣйствительнаго Камергера, получилъ отъ императора Франца I въ 1762-мъ году, достоинство графа Римской Имперіи). Она пожалована императрицей Екатериной II Статсъ-Дамой (1772-мъ года 22-го Сентября) и императоромъ Павломъ, Оберъ-гофмейстериней (1796-го года 12-го Ноября) и Кавалерственной Дамой Ордена Св. Екатерины Большаго Креста. Умерла въ 1804-мъ году. Дочь ея была въ супружествѣ за Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ гр. Юріемъ Михайловичемъ Віельгорскимъ.

5) Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, род. 16-го Января 1721-го года, умеръ 26-го Юня 1784-го года, былъ женатъ на Марьѣ Васильевнѣ Салтыковой (род. 1728-го году, умерла 1792). Онъ сначала занималъ мѣсто управляющаго частной канцеляріею государыни, потомъ Статсъ-Секретаря и Сенатора. Онъ имѣлъ репутацію умнаго и просвѣщеннаго человѣка, отлично владѣющаго языками. Его второй сынъ Сергѣй Адамовичъ воспитывался въ Лейбцигѣ съ Радищевымъ и Ушаковымъ; но послѣ извѣстной исторіи съ Бокумомъ, молодого Олсуфьева, въ 1767-го году, рѣшено было взять изъ Лейбцига домой, что и было поручено исполнить Бецкому (Смот. Русск. Архивъ 1863-го года: письма Имп. Екатер. къ А. В. Олсуфьеву).

7.

Отъ 25-го Ноября 1771-го года.
Василій Николаевичъ! Два письма отъ тебя, чрезъ господина Радищева ¹⁾

РУССКІЙ АРХИВЪ 1870. 30.

получилъ и благодарю Бога, что ты здоровъ. Какъ ты пишешь ко мнѣ, что вамъ учрежденія сдѣлали другія, то я уповаю, что и науки пойдутъ гораздо лучше, ежели кто прилежность будетъ къ тому имѣть. Я тебя, моего друга, прошу, — имѣй прилежаніе къ наукамъ, ибо ни на что не надѣйся; никакое предстательство не поможетъ къ произвожденію твоего чина, какъ науки и получа сіе письмо, увѣдоми меня, что ты выучилъ и чрезъ три мѣсяца ко мнѣ пиши, что прибавишь въ каждые три мѣсяца. Денегъ сто рублей въ Бѣлозерскому ²⁾ послалъ, чтобы тебѣ отдалъ. Писалъ я къ Меершѣ, чтобы горнастаевый мѣхъ и соболи тебѣ отдала, — объ ономъ ко мнѣ отпиши. Ты пиши ко мнѣ каждый мѣсяцъ дважды, и я неотмѣнно буду писать по два раза въ мѣсяцъ и начну по нумерамъ писать, также и ты, чтобы письма заумерывалъ, и такъ можно знать не пропадало-ли письмо? А я буду обще писать съ письмомъ Анны Осиповны, такожъ и ты пиши съ письмами О. П. Козадылева. Я, благодарю Бога, здоровъ, такожъ и всѣ родные наши. Бога ради тебя прошу учись прилежнѣе, чѣмъ можешь сдѣлать великую угодность Ея Величеству, а мнѣ великую радость, заслужишь отъ меня хорошимъ своимъ поведеніемъ и прилежнымъ своимъ ученіемъ родительскую любовь. Осипу Петровичу поклонъ и благодарю за письмо. Прощай, Богъ съ тобой. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

1) Письмомъ Николая Ивановича Зиновьева положительно опредѣляется время возвращенія Радищева въ Россію, которое совершилось, какъ изъ него усматривается, около 25-го Ноября 1771-го года. Вотъ почему и показаніе, что Радищевъ пріѣхалъ въ Россію прежде этаго времени и что онъ уже вступилъ

въ службу въ 1770-мъ году, какъ изложено въ статьѣ: „Александръ Николаевичъ Радищевъ, по воспоминаніямъ сына П. А. Радищева“, не вѣрно.

2) Князь Андрей Михайловичъ Бѣлозерскій-Бѣлозерскій, умеръ въ 1779-мъ году. Былъ женатъ на Аннѣ Федоровнѣ Наумовой. Началъ службу свою въ гвардіи, потомъ служилъ при Дворѣ и находился посланникомъ въ Дрезденъ, гдѣ и скончался. Чрезъ него-то, какъ Русскаго посланника, пересылалъ деньги къ сыну въ Лейпцигъ Николай Ивановичъ Зиновьевъ.

8.

Отъ 6-го Февраля 1772-го года.

Василій Николаевичъ! Письмо твое получилъ, которое отъ тебя отправлено минувшаго Января 1-го числа, въ которомъ пишешь о соболяхъ; ежели случится окказія пришли, а ежели за пару дадутъ по 40 р., то продай и деньги употреби на книги, такожъ и мѣхъ продай. Я не мало удивился, что ты пишешь, что въ математикѣ мало знаешь; ибо я третьяго года видѣлъ въ экзаменѣ, что ты тригонометрію училъ; то я и уповалъ, что ты давно въ фортификаціи, и потому заключаю, что учился весьма не прилежно, о чемъ я очень сожалѣю, ибо ты пять лѣтъ (*т. е. въ Лейпцигъ*) и денегъ на тебя издержано казенныхъ пять тысячъ рублей, и чрезъ пять лѣтъ ничего не выучилъ, то не уповаю, чтобы чрезъ годъ (*одно слово не разобрано*) произвожденіе получилъ, — въ томъ ошибаешься, а старайся, чтобы за пріобрѣтеніе наукъ (*т. е. получить*). Господиныхъ Валуевъ сказывалъ мнѣ, что господинъ профессоръ говорилъ съ нимъ, чтобы тебѣ еще годъ прибавить, для наукъ, — просилъ, и графъ Г. Г. ²⁾, мнѣ сказалъ, что ты будешь жить въ Лейпцигѣ всего три года; и объ ономъ про-

фессору скажи, чтобы онъ могъ по три-годичному времени расположить твои науки и старайся учинить себя способнымъ чрезъ науки къ службѣ Ея Величества; такожь не малое стараніе имѣть надлежитъ хорошимъ поведеніемъ заслужить у публики любовь, чтобы я, видѣвъ тебя, радовался, а не печалился. Хозяйкъ твоей и господину профессору свидѣтельствую мое почтеніе и благодарю за приказаніе (*два слова не разобрано*). Осипу Петровичу свидѣтельствую мой поклонъ, а на особенное письмо не прогнѣвается. Боже тебя храни и помилуй. Мое благословеніе (*посылаю*). Твой отецъ Н. Зиновьевъ.

1) Валуевъ—лицо это намъ неизвѣстно. Но можно предположить, что это Петръ Степановичъ, сопровождавшій императрицу въ Тавриду и состоявшій въ ея свитѣ на галерѣ „Дивпръ“. Былъ впоследствии начальникомъ Кремлевской строительной экспедиции. При Екатеринѣ онъ былъ сдѣланъ камергеромъ, а при импер. Павлѣ оберъ-церемоний-стеромъ и осыпанъ наградами, но потомъ высланъ изъ Петербурга (см. Записки Вигеля, 2-й томъ, стр. 25-ая).

2) Въ это время графъ, впоследствии князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, род. 6-го Октября 1734 г. умер. 13-го Августа 1783-го, женатъ былъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой, дочери Николая Ивановича и Авдотьи Наумовны Зиновьевыхъ.

9.

Отъ 8 го Марта 1772-го года. С.-Петербургъ.

Василій Николаевичъ! Письмо твое получилъ отъ 18-го дня, минувшаго Февраля, сей день, въ который пишешь что двѣ почты пропустилъ,—въ томъ тебя прощаю, а пиши ты ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ, а что ты пишешь о мѣхахъ и соболяхъ, ежели тебѣ не надобно и дешево даютъ, то, по случившейся оказіи, пришли. О мундирахъ

стараться стану, только мнѣ то удивительно, что желаете пустаго. Пишешь, что всевозможное старанье имѣть будешь о наукахъ; за оное тебѣ спасибо, и оно мнѣ великое удовольствіе (*доставитъ*) а тебѣ великая будетъ польза изъ того, ибо и надо тебѣ озаботиться къ благополучію твоему,—чтобы выучиться получше, то надѣюсь на милость всепресвѣтлѣйшей, Всероссийской Императрицы, что оставленъ не будешь въ произвожденіи чиновъ: ибо товарищи твои Кутузовъ ¹⁾ съ товарищи пожалованы въ титулярные совѣтники, то уповаю, что тебѣ можетъ быть чинъ излишній дадутъ, ежели ты выучишься изрядно; а я писалъ къ тебѣ, что и прежде даннаго срока еще прибавленъ срокъ. Оканчиваю тѣмъ, Боже дай мнѣ тебя видѣть здорова. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

1) Алексій Михайловичъ Кутузовъ, товарищъ Радищева и Ушакова. Радищевъ посвятилъ ему свою книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Изъ Лейпцига онъ прибылъ въ Россію, вмѣстѣ съ Радищевымъ и другими Русскими студентами, какъ излагаетъ Николай Ивановичъ въ своемъ письмѣ отъ 25-го Ноября 1771-го года. Кутузовъ былъ мистикъ и масонъ. Московскіе масоны отправили его въ Берлинъ въ 1787-мъ году, къ тамошнимъ братьямъ, для изученія алхиміи, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его тамъ пребыванія онъ тамъ умеръ. Карамзинъ упоминаетъ объ немъ въ письмахъ „Русскаго Путешественника“. Кутузовъ извѣстенъ въ исторіи Русской литературы какъ переводчикъ одной половины Мессіады Клопштока, напечатанной въ Москвѣ.

10.

Отъ 27-го Мая 1772-го года. Царское Село.

Василій Николаевичъ! Письмо твое отъ 3-го Мая пущенное, получилъ и радуюсь, что ты здоровъ и своимъ

состояніемъ доволенъ. Портретъ къ вашей хозяйки пришлю; когда прїѣдемъ въ городъ, то прикажу лучшему живописцу написать и стараться буду, чтобы былъ сходенъ. При семъ посылаю письмо къ господину профессору. Напредъ сего писалъ ты, чтобы профессору купить шубу, только не пишешь какую, — тулупъ или иной какой мѣхъ и на какую шубу (?) а что ты пишешь объ музыкѣ, что не имѣешь склонности, — оное отдаю на твою волю; ежели не хочешь, не учись, а прилежи къ тѣмъ наукамъ, которыя полезнѣе. Обѣщаешь планъ прислать (*одно слово неразобрано*) чѣмъ меня очень обрадуешь; впрочемъ желаю тебя видѣть здорова и благополучна. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

Профессоръ объ тебѣ пишетъ, что ты учиться хорошо и поведеніе изрядное имѣешь, за что тебѣ спасибо и ежели хорошо выучишься и достойнымъ себя покажешь, то уповаю на милость Ея Величества, отъ братьевъ своихъ въ чинахъ не отстанешь.

11.

Отъ 12-го Октября 1772-го года. Петербургъ.

Василій Николаевичъ! Послѣднее письмо твое получилъ, въ которомъ пишешь, что братъ твой Андрей былъ въ Лейбцигѣ, — онъ прїѣхалъ прежде твоего письма и сказывалъ, что ты ведешь себя очень хорошо, чему я очень порадовался и прошу стараться сколь возможно упражняться въ наукахъ; ибо тебѣ оное самому со временемъ будетъ пріятно и скажи господину профессору: классы тебѣ распредѣлилъ съ прошедшаго Сентября нынѣшняго года, на три года и уповаю, что ордеръ будетъ присланъ отъ А. В. Олсуфьева, неотмѣнно въ Ноябрь мѣсяцъ. Портретъ написанъ,

только не съ кѣмъ послать, а какъ будетъ курьеръ, — съ первымъ пришлю. Я, слава Богу, здоровъ и всѣ наши родные Андрей опредѣленъ въ Невскій пѣхотный полкъ. — оныи стоитъ въ Польшѣ. Господину профессору и супругѣ его свидѣтельствую мое почтеніе.

Графъ Григорій Григорьевичъ ¹⁾ сего Октября 4-го числа пожаловалъ имперскимъ княземъ.

1) Грамота на княжеское достоинство за подписью Франца дана въ Вѣнѣ 21-го Юля 1763-го года, а Высочайшій рескриптъ императрицы Екатерины на имя кн. Григорія Григорьевича Орлова, послѣдовалъ 4-го Октября 1772-го года. Достойно замѣчанія, что князь Орловъ, въ теченіи 8-ми лѣтъ, ожидалъ этого Высочайшаго рескрипта, утверждающаго его „Княземъ Римской имперіи“.

12.

Отъ 8-го Ноября 1772-го года.

Голубчикъ братецъ, Василій Николаевичъ! Я теперь пишу изъ почты (*вѣроятно съ почтовой станціи*) называемой Тилия (?), куда прїѣхалъ въ первомъ часу и какъ скоро лошадей заложать, то поѣду и буду свой путь продолжать во всю ночь; мнѣ хочется завтра прїѣхать въ Потсдамъ. Кланяйся отъ меня господину профессору и женѣ его; да скажи ей, что это очень дурно, что осердясь на меня, что я нынче поѣхалъ, пустила позади дождь, который при отъѣздѣ изъ Лейбцига (*начался*) и теперь продолжается; — попроси ее, чтобы она запретила ему (*идти*); а то меня оныи не такъ беспокоитъ, но моего Калмыка очень замочилъ, — боюсь, чтобы оныи не растаялъ. Также кланяйся своей хозяйкѣ и хозяйину скажи своему, что я очень жалѣю, что его болѣзнь мнѣ не дозволила съ нимъ проститься. Также кланяйся отъ меня всѣмъ сво-

имъ камрадамъ-товарищамъ и за ласку имъ привошу мою благодарность. Желаю, чтобы они жили съ тобой ласково и любили бы тебя, — также попеняй господину Русскому учителю, что онъ не обѣдалъ у меня. Я ихъ всѣхъ звалъ (*т. е. учителей брата*); развѣ можетъ быть онъ счелъ для него (*обиднымъ что*) не персонально; въ томъ я прошу въ немъ извиненія. Прости, братецъ, пора ѣхать; остаюсь вѣрный твой братъ Андрей Зиновьевъ.

1) Письмо это подтверждаетъ то, что говорится въ „Житіи Ушакова“ Радищева, а именно: „Отправление Россійскихъ морскихъ силъ въ Архипелагъ въ послѣднюю войну между Россією и Турцією, доставило намъ въ Лейпцигъ случай видѣть многихъ нашихъ соотечественниковъ, пріѣзжавшихъ изъ Россіи въ Италію и оттуда въ Россію. — Изъ предыдущихъ писемъ извѣстно, что одного изъ сыновей Николая Ивановича звали „Андремъ Николаевичемъ“ и что онъ выступилъ изъ Кронштата съ эскадрой, для отправленія въ Средиземное море и достигъ уже Копенгагена. Вѣроятно около этого времени, отправляясь обратно въ Россію, онъ и посѣтилъ своего меньшаго брата въ Лейпцигъ.

13.

Отъ 18-го Декабря 1772-го года.

Василій Николаевичъ! Послѣднее письмо твое получилъ и радовался что ты учишься изрядно. Денегъ тебѣ послано сто рублей для книгъ, и каждый мѣсяцъ буду присылать; а деньги посланы съ Екатериной Александровной Зиновьевой; а что ты пишешь, что тебѣ быть въ Петербургѣ, и мы сами охотно бы желали тебя видѣть, токмо по писанію твоему о наукахъ, надобно дойти до фортификаціи, ибо оное необходимо надобно для военной службы, такожъ, чтобы физикѣ обучиться. Подумай самъ, — жилъ столько долгое время въ чужихъ кра-

яхъ и онаго (*т. е. курса наукъ*) не докончить. Ежели господинъ профессоръ усмотритъ (*возможнымъ*) тебя прислать (*и*) что ты все выучилъ, что началъ, тобъ онъ ко мнѣ отписать, что вамъ время возвратиться, тобъ въ то время можетъ писать Министръ ко Двору, и такъ я узнаю и тебѣ веду быть. Портретъ Ея Величества съ первымъ курьеромъ конечно пришлю. Узнай, какой бы лучше прислать гостинецъ госпожѣ профессоршѣ? Господину профессору и госпожѣ профессоршѣ свидѣтельствую мое почтеніе. Я слава Богу здоровъ и всѣ наши родные. Прощай, мой другъ, учись прилежнѣе и дай Богъ тебя видѣть здорова и весела. Отецъ твой Н. Зиновьевъ.

ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКЪ

въ 1809 году.

Въ дѣлахъ Олонецкой Дирекціи училищъ за 1809 г сохранилась нижеслѣдующая переписка.

Въ Петрозаводскѣ, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, былъ театръ. На немъ 14 Ноября 1809 г. дана была пьеса „Олонецкая Русалка,“ не разсмотрѣнная цензурою. Директоръ училищъ Ушаковъ, узнавъ объ этомъ и имѣя въ виду еще и то, что 30 Августа 1805 въ Типографіи Губернскаго Правленія была отпечатана, также безъ дозволенія цензуры, пьеса „Прологъ“, просилъ увѣдомить объ имени сочинителей, кто дозволилъ печатать, и прислать копии этихъ пьесъ. Ни Губернаторъ, ни Губернское Правленіе требованіе Директора въ свое время не исполнили; поэтому Ушаковъ доносилъ Попечителю Спб. учебнаго округа, Н. Н. Новосильцеву, слѣдующее.

Государственныя обязанности священные. Права на исполненіе ихъ непреложны, неотчуждаемы. Кругъ

дѣйствія опредѣленъ; дѣйствовать внутри онаго никто не дерзаетъ воспретить гражданину. Покуситель противляется Высшей власти, оскорбленный призываетъ справедливое удовлетвореніе. Сіи истины касаются всякаго званія. Директорская должность не ограничивается одними училищами; съ нею сопряжено дѣятельное смотрѣніе за вновь выходящими въ извѣстной губерніи книгами и паче драматическими сочиненіями. Гражданское начальство не прежде позволяетъ представлять на театрѣ новосочиненную піесу, какъ по предварительномъ отъ Директора разсмотрѣніи оной. Подробное о семъ наставленіе сообщено въ Уставѣ о цензурѣ, конфирманномъ Монаршею рукою. Но въ Петрозаводскѣ все дѣлается въ обратномъ видѣ: сочинена и сыграна піеса безъ всякой заботливости о ея выгодномъ вліяніи на умы и сердца зрителей; она сыграна не будучи рассмотрена цензурою, даже безъ всякаго отношенія къ Директору. Удостоенный сего званія и слѣдовательно правъ съ нимъ сопряженныхъ, я отъ Г. Гражданскаго Губернатора требовалъ означенной рукописной піесы, чтобы поступить съ ней по предписанію; тѣмъ болѣе я на сіе покушался, что піеса довольно подозрительна, но до сихъ поръ не получаю и отвѣта, не только требуемаго сочиненія. И такъ чувствуя, что директорскія права оскорбляются, самое званіе сіе унижается и что Вы соч а й ш е е учрежденіе нарушается со стороны Гражданскаго Начальства — непремѣнною обязанностію поставляю о семъ донести Вашему Превосходительству. Но чтобы удостовѣрить Ваше Превосходительство въ подозрительности новаго сочиненія, осмѣливаюсь я, слабыми чертами, изобразить сущность

его столько, сколько можно представить, бывши одинъ разъ зрителемъ театральнаго сего представленія. И такъ замѣчу: 1.) что источникъ новой піесы есть испорченный т. е. Энеида вывороченная на изнанку; 2.) форма ея оперная; 3.) содержаніе ея Эней Троянецъ пріѣзжаетъ въ Карѳагену, влюбляется въ царицу Дидону и на ней женится, 4.) характеры дѣйствующихъ лицъ всѣ почти однообразны. Всѣмъ лицамъ сообщено постыдное пристрастіе къ пьянству, праздности и безпечности. 5.) Языкъ у всѣхъ лицъ шутовскій, выраженія самыя площадныя, ухватки дурацкія и низкія. Но представляя такимъ образомъ піесу въ цѣлости, мало пригодно въ ней предосудительнаго; при точнѣйшемъ же раздробленіи частей ея, почувствуется все то отвращеніе, даже омерзеніе, какое чувствовали въ театрѣ всѣ зрители съ тонкимъ и разборчивымъ вкусомъ. Въ 1-мъ дѣйствіи, гдѣ Эней встрѣчается съ Дидоною, и въ ней рождается страсть къ принцу страстующему, нѣсколько поддерживается, хотя слабо, достоинство царское: любовь никого не щадитъ, и сильные подвластны ей. Во 2-мъ дѣйствіи министры Карѳагенскіе бесѣдуютъ не о дѣлахъ государственныхъ, не о благоденствіи имъ ввѣренномъ, но другъ передъ другомъ превозносятся своею сонливостію и выражаются самыми подлыми рѣчами, какъ они спокойно почиваютъ при вопляхъ окружающихъ ихъ страждущихъ. Не есть ли это самая колкая критика на Министерства? Послѣ сего эпизода во всемъ величій предстаеъ на сцену влюбленная царица и перестаетъ быть царицею по качествамъ своимъ. Послѣдній лучъ ея сана блеснулъ, когда она для блага подданныхъ уговорила Энея идти противу

угрожающаго непріятеля. Въ 3 дѣйствіи Дидона, ожидающая возвращенія своего любезнаго, чувствуетъ какъ обыкновенная женщина, говоритъ какъ женщина, низкою страстію упоенная. Она сътуетъ, мечется, «мнѣ тошно» говоритъ. Нянюшка спрашиваетъ: «не угодно ли соленаго огурчика?» Дид.: «хочется чего-то сладенькаго». Няня: «Ну такъ клюковки съ медкомъ?» Дидона: «Дура! мужа хочу, мужа!» Черта комическая, но для царицы слишкомъ комическая. Потомъ царица представляется на тронѣ и на тронѣ позволяетъ обувать себя и слушаетъ Русскія сказки. Мнѣ кажется, такая черта позволительна только въ сказкахъ, а не въ театрѣ. Государи дѣйствуютъ какъ Государи въ какомъ бы вѣкѣ они ни жили, въ какой бы землѣ ни царствовали. Великимъ людямъ приличны великія добродѣтели, великія страсти, великіе пороки. Обыкновенныя слабости свойственны слабымъ смертнымъ — подданнымъ. Наконецъ возвращается Эней, восхваляетъ Дидону, и Дидона похвалу любовника считаетъ выше всѣхъ панегириковъ Карфагенскихъ академиковъ. Влюбленнымъ позволительно употреблять фигуры увеличенія или уменьшенія, но нянюшка совсѣмъ не кстати возражаетъ царицѣ, говоря: «не зацѣпляй. матушка, ученыхъ; съ ними самъ чертъ не развяжется.» Сію рѣчь кловилъ авторъ на счетъ ученыхъ, учителей, ученія и просвѣщенія. Ежели гдѣ, то въ Петрозаводскѣ слѣдствія сего могутъ быть пагубны. Невѣжество и грубость закоренѣлыя, публичнымъ осмѣяніемъ ученія еще болѣе распространяются. Что сверхъ того министры выпрашивали у сильной царицы, на похвѣлье пуншу, что она для себя повелѣвала подать романички, что она въ заклю-

ченіе сошла съ трона и плясала подъ Русскую Барыню—все это такія малости, которыхъ даже исчислить почтиаю трудностію. Вотъ, Ваше Превосходительство, слабое очертаніе оперы, названной Олонецкою Русалкою. Отъ Вашей прозорливости зависитъ оцѣнка описаннаго творенія. Вашей мудрости представляется на рѣшеніе, какова отаыва достойны позволяющіе театральныя удовольствія на счетъ чистой нравственности, духа правленія и просвѣщенія.

Уже послѣ отсылки донесенія, Директоръ получилъ копію съ постановленія Губернскаго Правленія по его запросу, гдѣ *приказали*: „Какъ означеннымъ Высочайше утвержденнымъ Уставомъ о цензурѣ отвѣтственности за Типографіи, учрежденныя при казенныхъ мѣстахъ, возложена на тѣ самыя мѣста; Губернское же Правленіе, управляя Губерніею въ силу законовъ именемъ Императорскаго Величества, во всѣхъ случаяхъ обязано отвѣтственностію токмо Правительствующему Сенату, а не Губернскому Директору училищъ, который и въ самой цензурѣ по 10 пункту вышеупомянутаго Устава подверженъ надзору мѣстнаго начальства: то по содержанію сего Высочайшаго узаконенія долженъ принимать наставленія, а отнюдь не преподавать ихъ Губернскому Правленію, яко главному здѣсь мѣстному начальству, о чемъ Г. Ушакову и объявить, пригласи его въ присутствіе, замѣтивъ при томъ, что и въ образѣ сношенія онъ выступилъ изъ правилъ для сего начертанныхъ. О приглашеніи же его предписать Петрозаводскому Городничему указомъ“.

Энеида перелицованная на Малор. языкѣ И. П. Котляревскимъ издана въ 1809 г. т. е. въ одинъ годъ съ Олонецкою Русалкою, но сюжетъ Олонецкой Русалки взятъ, кажется, изъ другой книги, изд. въ С. Петербургѣ въ 1791 г. Осиповымъ: „Виргиліева Энеида вывороченная на изнанку. Издивеніемъ Шно-

ра. Къ печатанію свидѣтельствовалъ Жандръ. "Осиповымъ сочиненіе это посвящено было И. С. Шешковскому. (Сообщено К. М. Петровымъ, то-мъ учителемъ Олопецкой гимназіи).

ИЗЪ ПИСЕМЪ И. В. КИРЪВСКАГО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

(Долбино. Январь 1850).

Пишу къ вамъ между днемъ Нового года и днемъ вашего рожденья *). Каждый переломъ времени да будетъ во благо вамъ, такъ какъ вся жизнь ваша была на добро другимъ и на славу Русскому слову. Я прочелъ вашу вторую часть Одиссеи съ высокимъ, изящнымъ наслажденіемъ. Отъ того-ли, что пристуая къ ней я уже свыкъ съ камертономъ Одиссеи, или отъ того, что въ самомъ дѣлѣ такъ, но мнѣ показался переводъ второй части еще совершеннѣе первой, хотя она меньше богата содержаніемъ. Теперь Одиссея Гомера навсегда воскресла для насъ изъ пыли ученаго кабинета, и помѣстилась въ число созвѣздій, подъ вліяніемъ которыхъ будетъ развиваться Русскій умъ. Теперь хорошо бы было, если бы, отдохнувши отъ вашего великаго труда, вы полюбили мысль: воскресить для насъ Илиаду, также, какъ вы воскресили Одиссею; чтобы онѣ стояли вмѣстѣ, помогая другъ другу раскрыть передъ нами всю тайну души Гомера и его времени и весь объемъ его вселенной. Переводъ Гнѣдича, конечно, имѣетъ большія достоинства: онъ, говорятъ, близокъ, и для литературнаго языка особенно полезенъ былъ потому, что обогатилъ его большимъ запасомъ техническихъ выраженій и нѣсколькими удачно употреб-

ленными Словенскими словами. Но онъ пухлъ, тяжелъ и неестественъ. Потому, онъ читается только по долгу литературной службы, а не по внутренней потребности. — Правда, я знаю двухъ человѣкъ, которые восхищались имъ отъ всей полноты сердца: это покойный Языковъ и мой сынъ, когда ему было 8 и 9 лѣтъ. Но Языковъ могъ восхищаться имъ потому, что для него каждое новое выраженіе было драгоценностью; а мой сынъ потому, что читалъ его, когда за содержаніемъ языка не замѣчаютъ. — Если же вы не рѣшитесь на этотъ огромный трудъ, то переведите намъ Прометея Эсхилова, — эту искру истины въ темнотѣ многобожія, предчувствіе лжевѣрія о готовой ему гибели, сознание безсилія князя тьмы надъ добывшимъ огонь истины человѣкомъ, угнетеннымъ, но торжествующимъ надеждою на грядущее избавленіе. — Впрочемъ маменька моя сообщила мнѣ, что вы сдѣлали дѣло важнѣе этого: вы перевели Евангеліе на Русскій языкъ. Это великій подвигъ, который можетъ дать нашему языку то освященіе, котораго ему еще недостаетъ, потому что переводъ Библейскаго общества неудовлетворителенъ. Это не бѣда, что вы вели сдѣлали съ Словенскаго: Словенскій переводъ вѣренъ до буквальной близости. Только бы смыслъ вездѣ сохраненъ былъ настоящій православный, именно тотъ, какой въ Словенскомъ переводѣ, а не тотъ, какой въ нѣкоторыхъ словахъ, или въ нѣкоторыхъ отѣнкахъ словъ даютъ многіе переводы иностранные, стараясь не понятіе человѣка возвысить до Откровенія, но Откровеніе понизить до обыкновеннаго понятія, отрѣзывая тѣмъ у божественнаго Слова именно то крыло, которое подымаетъ мысль чело-

*) 29 Января.

вѣка выше ея обыкновеннаго стоянія. — Переводъ вашъ, впрочемъ, какъ бы хорошъ ни былъ, не долженъ замѣнить Словенскій; Словенскій долженъ жить, и имъ должна дышать Россія, покуда въ ней живетъ истинная вѣра съ ея Словенскимъ богослуженіемъ. — Но литературный языкъ получить отъ достойнаго Русскаго перевода то помазаніе, котораго онъ еще вполне не имѣетъ. Жаль только слышать, что вашъ переводъ дурно написанъ. Не потому, чтобы трудно было разбирать (вашу руку разберемъ мы безъ ошибки) но потому жаль, что это доказываетъ, что вы не доработали его до послѣдней отчистки. Впрочемъ, можетъ быть вамъ ловчѣе будетъ просмотрѣть его переписанный. Пришлите поскорѣе къ намъ, чтобы успѣть переписанный просмотрѣть прежде весны. А весной, когда, какъ мы надѣемся, вы наконецъ пріѣдете въ Россію, можетъ быть можно будетъ его напечатать здѣсь вмѣстѣ съ Словенскимъ, какъ печатались переводы Библ. общ. — Пріѣзжайте весной; ради Бога, пріѣзжайте, если будетъ хотя малѣйшая возможность. Право, климатъ нашъ не такъ дуренъ, какъ думаютъ Нѣмецкіе доктора, которые судятъ обо всей Россіи по Петербургу. Иначе, подумайте, для дѣтей Жуковскаго Русскій языкъ будетъ чужой, Русскіе обычаи противны, Русское хорошее — непривычно, Русское дурное — совсѣмъ невыносимо. Пріѣзжайте въ Москву: тамъ климатъ здоровый, лѣтомъ сухой, зимою умѣренный, дома теплѣе Нѣмецкихъ, друзья искренные, доктора есть такіе, какихъ лучше мудрено желать и за-границей. Молю Бога, чтобы это совершилось такъ, чтобы было во благо вамъ и семейству вашему.

2.

Когда я получилъ и прочелъ письмо ваше, душа моя не наполнилась, а переполнилась чувства живой и сладкой благодарности. Впрочемъ, не знаю, такъ-ли назвать это чувство. Мнѣ кажется не меньше согрѣло-бы мнѣ сердце, если бы я узналъ, что вы сдѣлали для другаго то, и такъ, какъ это сдѣлали для меня. Вы перервали вашу любимую работу надъ Одисеею, которая приближалась уже къ концу, для того чтобы говѣть на страстной недѣль свободно отъ всѣхъ постороннихъ занятій. Но въ это время, получивъ мое письмо, вы ни на минуту не усумнились нарушить вашъ святой шабашъ для того, чтобы просить о моемъ сынѣ. Благодарю Того, Кто далъ мнѣ щастье быть близко васъ, и отъ всей души прошу Его, чтобы Онъ заплатилъ на вашихъ дѣтяхъ то, что вы сдѣлали для моего сына, и чтобы мой сынъ, *о которомъ вы ходатайствовали какъ о собственномъ*, помнилъ въ теченіи своей жизни быть достойнымъ этого. Получивъ письмо ваше, я его далъ прочесть сыну: онъ былъ имъ глубоко тронутъ и, вѣроятно, навсегда сохранить то сознание, что, просивъ за него милости, вы этимъ какъ бы ручались за него, следовательно, кромѣ другихъ причинъ, уже по этому на него легла обязанность соответствовать вашему ручательству своимъ внутреннимъ настроеніемъ честно. Случайный же результатъ просьбы есть уже дѣло постороннее для его внутренней обязанности. Кто знаетъ? Можетъ быть, придетъ время, когда это сознание послужитъ къ тому, чтобы подкрѣпить его внутренніе карантинны противъ той нравственной заразы, отъ которой теперь гниетъ Европа, — этой Француз-

ской болѣзни, отъ которой у бѣднаго западнаго человѣка уже провалилось небо; хотя я и надѣюсь, что эта болѣзнь до насъ не коснется, или, если коснется, то какого нибудь несущественнаго края нашего общества. Грустно видѣть, какимъ лукавымъ, но неизбѣжнымъ и праведно посланнымъ безуміемъ страдаетъ теперь человѣкъ на Западѣ. Чувствуя тьму свою, онъ какъ ночная бабочка летитъ на огонь, считая его солнцемъ. Онъ кричитъ лягушкой и лаетъ собакой, когда слышитъ Слово Божіе. И этого испорченнаго, эту кликушу, хотятъ отчитывать по Гегелю! — Теперь еще вдвое тяжелѣе, чѣмъ прежде знать васъ тамъ, подъ гнетомъ тяжелой необходимости жить посреди этихъ людей и далеко отъ отечества. Я понимаю, что никакія цѣпи изгнанія не могутъ быть мучительнѣе цѣпей болѣзни того существа, въ которомъ не только соединилось всё милое сердцу, но вмѣстѣ и всѣ ближайшія обязанности священнаго долга охранять и беречь. Прошу Бога отъ всей души, чтобы Онъ скорѣе утѣшилъ Васъ здоровьемъ вашей жены и тѣмъ далъ вамъ возможность возврата. Здѣсь не только слово ваше, но и самое присутствіе было бы полезно въ текущую многозначительную минуту. Отъ туда вамъ дѣйствовать почти невозможно; ваша брошюра и письмо къ Вяз., какъ ни прекрасно написаны, какъ ни хвалились въ журналахъ, но вѣрно написались бы не такъ, если бы вы были здѣсь, и потому, того дѣйствія, которое должно имѣть ваше слово на Русскихъ читателей, они произвести не могли. Одиссея совсѣмъ другое дѣло. Она въѣ время, и вашъ переводъ ея есть важное событіе въ исторіи нашей словесности. Она въѣ время, потому что принадлежитъ всѣмъ временамъ

равно, исключая однакоже нашего, потому что наше въѣ обыкновеннаго порядка, и въѣ всякой умственной и литературной жизни. Отъ того и она не могла явиться у насъ въ той силѣ, которая ей принадлежитъ надъ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго ума. Дѣйствіе ея на литературу нашу должно быть великое, но медленное, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ будетъ менѣе ново, чѣмъ болѣе она будетъ читаться. Таковъ самый характеръ ея красоты. Это не блескъ страсти, не электрическая и ослѣпительная молнія въ темную ночь, но ясный изглядъ высокаго и испытаннаго разума на богатую и глубокую природу; свѣтлый и тихій вечеръ, таинственный отдаленностью горизонта. Извѣстіе, что, переводъ вашъ уже почти конченъ, удивило и обрадовало всѣхъ насъ. Я, признаюсь вамъ, не воображалъ Гомера въ той простотѣ, въ той неходульной поэзіи, въ какой узналъ его у васъ. Каждое выраженіе равно годится въ прекрасный стихъ и въ живую дѣйствительность. Нѣтъ выдающагося стиха, нѣтъ хвастливаго эпитета; вездѣ ровная красота правды и мѣры. Въ этомъ отношеніи, я думаю, онъ будетъ дѣйствовать не только на литературу, но и на нравственное настроеніе человѣка. Неумѣренное, необузданное слово въ наше время, кажется мнѣ, столькоже выражаетъ, сколько и производитъ необузданность сердечныхъ движеній. — Есть, однакоже, нѣкоторыя вещи въ вашей Одиссеѣ, которыя мнѣ кажутся ниже ея общаго уровня. Я замѣтилъ ихъ для того, чтобы поговорить съ вами при свиданіи, и могъ ихъ замѣтить потому, почему на бѣлой бумагѣ можно замѣтить малѣйшую пылинку. Эти пылинки заключаются не въ выраженіяхъ, которыя кажутся мнѣ уди-

вительнымъ совершенствомъ, но въ перестановкѣ словъ, которая иногда кажется мнѣ болѣе искусственная, чѣмъ могла бы быть, особливо и только сравнительно съ общою естественностью. Впрочемъ, написавши это, я чувствую, что довольно странно выходить: мнѣ говорить вамъ о недостаткахъ вашего слога. Утѣшаюсь только тою мыслию, что можетъ быть вы, выслушавши всѣ толки званыхъ и незваныхъ судей, между кучею вздора, найдете что-нибудь дѣльное, и въ такомъ случаѣ второе изданіе вашей Одиссеи будетъ еще совершеннѣе. Если же изъ всѣхъ замѣчаній не найдете ничего дѣльнаго для себя, то тѣмъ полезнѣе будетъ для меня слышать ваше мнѣніе.

(Сообщено И. В. Жуковскимъ.)

ДОБАВЛЕНИЕ КЪ СТАТЬЕ:

Нѣсколько извѣстій о первыхъ нособинкахъ Екатерины Великой.

(„Осмнадцатый Вѣкъ“, кн. III, стр. 343—354).

2. *Баскаковъ*. Его звали Михайломъ Егоровичемъ; слѣдовательно, предположеніе о томъ, что онъ былъ сыномъ бывшаго президента Ревизіонъ-коллегіи, Алексія Петровича не оправдывается.

7. *Рославлевъ*, Николай Ивановичъ. Свадьба его съ внучатною сестрою Петра III, фрейлиною Екатериною Николаевною Чоглоковою, отпразднована при Дворѣ въ Москвѣ 11 ноября 1762, послѣ ссылки (въ сентябрѣ того же года) Хрущовыхъ и Гурьевыхъ. Еще въ началѣ 1763 года Рославлевъ участвовалъ въ любительскомъ спектаклѣ, бывшемъ при Дворѣ во время пребыванія въ Москвѣ. (Соч. Греча, 1855, т. 3, стр. 206). Изъ этого видно, что дѣло Хрущовыхъ не имѣло ничего общаго съ обнаруженными гораздо позже онаго замыслами Хитрова, по участию въ которыхъ Рославлевъ, бывший генералъ-

майоромъ и имѣвшій Анненскую ленту, и былъ удаленъ отъ Двора. Впрочемъ удаленіе повидимому не сопровождалось особенными неприятностями, и едва ли не былъ онъ уволенъ генералъ-поручикомъ. По крайней мѣрѣ въ этомъ чинѣ находимъ мы Рославлева въ октябрѣ 1782, какъ перваго избраннаго дворянства губерніи предводителя, при введеніи въ Москвѣ учрежденія о губерніяхъ (Отголоски старины, С. Любецкаго стр. 158).

19. *Бибиковъ, Василій Ильичъ*. Онъ сопровождалъ верхомъ карету, въ которой Екатерина уѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ, раннимъ утромъ 28 іюня 1762. Къ каретѣ съ нею сидѣла К. И. Шаргородская (№ 24); А. Г. Орловъ помѣстился на козлахъ, а Шкуришъ (№ 22) на заяткахъ.

Присовокупяемъ еще нѣсколько опущенныхъ свѣдѣній о событіяхъ 28 іюня 1763.

1. За Орловыми присматривалъ, по порученію Петра III, адъютантъ его *Перфильевъ*. Но Орловы бражничали и подружились съ нимъ. Онъ увѣрился въ томъ, что ничто не замышляется и успокоилъ государя. Кажется, въ самую ночь съ 27 на 28 іюня Перфильевъ кутилъ съ Г. Г. Орловымъ, пока А. Г. Орловъ и В. И. Бибиковъ скакали въ Петергофъ, чтобы привезти Екатерину въ столицу.

2. Въ числѣ тогдашнихъ сторонниковъ Екатерины упоминается еще нѣкто *Рембиндеръ* (Полагаю, что это Иванъ Михайловичъ, въ послѣдствіи генералъ-аншефъ и Александровскій кавалеръ, умершій въ 1792 году). Онъ пробовалъ завербовать въ заговоръ полковника *Будберга*, который предупредилъ о томъ государю; но сей послѣдній, уже успокоенный Перфильевымъ и другими, посмѣялся надъ его опасеніями.

3. Екатерина, отправляясь 28 іюня къ Петергофу, оставила сына своего подъ опеку *Ив. Ив. Неплюева* (1698 — 1778), которому приказано было посылать къ ней каждыя полчаса курьеровъ

съ донесеніями (*) о происходящемъ въ столицѣ, донесенія должно было писать за подписью всѣхъ Сенаторовъ. Въ этотъ день пожаловано ихъ было нѣсколько вновь. Подписи ихъ служили порукою въ ихъ усердіи и доказательствомъ сочувствія ихъ перевороту.

4. Въ числѣ лицъ, оставшихъ вѣрными Петру III называютъ еще: генерала *де Тотта*, вышеупомянутаго полковника *Будберга* и ординарца *Раге*. Они были арестованы до конца переворота. Едва ли не служили они въ Голштинскомъ войскѣ, бывшемъ въ Ораніенбаумѣ.

5. Екатерина была 26 іюня на праздникъ, который давалъ императоръ въ Ораніенбаумѣ, а 27 оба они были на праздникъ въ Гостилицахъ у графа А. К. Разумовскаго, бывшаго любимаго Елизаветы Петровны; Петръ III, говорятъ, приказывалъ 28 іюня задержать и его въ видѣ заложника.

6. Войскомъ Екатерины въ походѣ 28 и 29 іюня командовали подъ нею: *Князь М. Н. Волконскій* и *А. Н. Вильбоа*.

7. Въ каретѣ, въ которой привезли Петра III изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, были *графиня Е. Р. Воронцова*, вѣрный адъютантъ его гр. *А. В. Гудовичъ* и *М. А. Измайловъ*, передавшійся Екатеринѣ и заставившій Петра III подписать отреченіе отъ престола.

8. *Графъ Н. И. Панинъ* долженъ былъ видѣться съ Петромъ III, когда его привезли въ Петергофскій дворецъ. Свиданіе это было чрезвычайно тяжело. Панинъ передалъ императрицѣ единственное выраженное тогда Петромъ и быв-

шею тутъ же Воронцовою желаніе, чтобы ихъ не разлучали. Но его повезли въ Ропшу, а ее въ Москву.

Кстати, сообщу здѣсь свѣдѣнія еще объ одномъ старинномъ, малоизвѣстномъ, но не менѣе того заинтересовавшемъ меня, сторонникѣ Екатерины, *Николаѣ Ивановичѣ Колыжкинѣ* (Колышкинѣ или Калышкинѣ). Въ февралѣ и мартѣ 1758 года, будучи гвардіи сержантомъ, онъ приставленъ былъ начальникомъ стражи при бриллианщикѣ Бернарди, арестованномъ, вмѣстѣ съ В. Е. Ададуровымъ и И. П. Елагинымъ, по дѣлу канцлера графа Бестужева-Рюмина, а потомъ вскорѣ Колыжину же поручено было охраненіе самого арестованнаго канцлера. Для Екатерины, которой графъ общалъ прозекъ свой объ устраненіи ея супруга отъ наслѣдства престола и провозглашеніи ея регентшею юнаго императора Павла (въ случаѣ кончины императрицы Елизаветы) и которая черезъ графа имѣла сношеніе съ арестованнымъ также другомъ его фельдмаршаломъ Апраксинымъ, было очень важно войти въ сношенія съ заключенными. Камердинеръ Екатерины Шкуринъ устроилъ это при содѣйствіи Колыжина (*Mem. de Cath. II, p. 317—323*), который и помогъ ей спастись отъ страшной бѣды.

По водареніи своемъ, Екатерина отправилась въ Москву съ извѣстіемъ объ ономъ гвардіи майора князя А. А. Миньшикова. Но еще ранѣе этого однимъ двомъ посланъ былъ ею съ этою вѣстію къ графу Бестужеву въ лежащее за Москвою село Горетово (гдѣ онъ жилъ въ ссылкѣ) Колыжинъ, бывший тогда уже офицеромъ л. г. Преображенскаго полка. (*Зап. кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 2, ч. стр. 139*). Тутъ видно, что онъ былъ довѣреннымъ лицомъ государя.

Въ послѣдствіи Колыжинъ былъ, кажется, капраломъ кавалергардскаго корпуса. Въ эту должность выбирались самые надежные армейскіе штабъ-офицеры.

(*) Въ одномъ изъ этихъ донесеній случилось намъ прочесть нѣсколько чрезвычайно важныхъ строкъ Неплюева, кои онъ настоятельно спрашиваетъ у Екатерины скорѣйшаго распоряженія о немедленномъ возвращеніи св. иконъ въ церкви. При Петрѣ III-мъ въ Ораніенбаумѣ въ самые эти дни находился протопопъ Преображенскаго полка Андрей, разрѣшавшій ему въ посты вѣсть скоромное, «за что общано быть ему его духовникомъ и синодальнымъ членомъ» (*Пекарскаго. Дополненія къ исторіи масонства Спб. 1869, стр. 5*).

Затѣмъ въ 1767 онъ былъ, съ штабъ-офицерами Жилинымъ и Нейбутомъ, однимъ изъ трехъ ординарцевъ императрицы, въ чинѣ премьеръ-маіора арміи. Должность эта была довѣренная и почетная (Показ. знатнѣйш. въ госуд. чиновъ, 1767, стр. 12.)

Наконецъ, послѣднее извѣстіе о Колыжкѣ, относящееся къ декабрю 1775 года, показываетъ печальное прекращеніе его блестящей карьеры. Князь М. Н. Волконскій сообщалъ Н. П. Архарову: (Отставному подполковнику Николаю Колыжину въ тѣ мѣста, гдѣ Высочайшее Е. И. В. присутствіе будетъ, отнюдь ни для чего во всю жизнь свою не вѣзжать и жить ему въ своихъ деревняхъ“ (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 427).

Кто разгадаетъ эту загадку?

17 іюня 1869.

Михаилъ Ломиковъ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА 1801 ГОДА *)

Дворецъ этотъ занимаетъ мѣсто, на которомъ прежде стоялъ *Литній дворецъ*, построенный Петромъ Великимъ въ 1711 году, при сляніи Мойки съ Фонтанкою. Императрица Елисавета въ послѣдствіи возобновила его; но онъ былъ деревянный и грозилъ паденіемъ. Теперь это оеникъсъ, возродившійся изъ пепла.

Садовая улица упирается въ порталъ. Восемь дорическихкихъ колоннъ, изъ туземнаго красноватаго мрамора, поддерживаютъ трофеи. Трое рѣшетчатыхъ воротъ открываются между четырьмя гранитными столбами. Вензель Императора (въ крестѣ св. Іоанна Іерусалимскаго) орлы, вѣнки, гирлянды изъ вызолочен-

ной бронзы украшаютъ ворота и рѣшетку. Средніе ворота раскрываются лишь для императорскаго семейства. Всѣ трое воротъ ведутъ въ тройную аллею изъ липъ и березъ, посаженныхъ при императрицѣ Аннѣ, и имѣющую триста футовъ длины. Налѣво отъ нея тянется эзерциргаузъ, направо конюшни, и она упирается въ два флигеля или службы, въ которыхъ помѣщаются чины императорскаго двора. (Эзерциргаузъ огромное продолговато - четырехъ - угольное зданіе, которое невозможно натопить зимою, хотя въ немъ двадцать четыре большія печи.)

Проѣхавъ по подъемному мосту черезъ канаву, шириною въ пять туазовъ, ложенную каменною набережною, вѣзжаешь на *коннетабль* или большую дворцовую площадь, въ которой 56 сажень ширины и 60 длины. Посереди ея, на мраморномъ пьедесталѣ, покоящемся на трехъ ступенькахъ, возвышается колоссальная бронзовая конная статуя Петра Великаго. Лошадь идетъ шагомъ, всадникъ одѣтъ поримски, на головѣ у него лавровый вѣнокъ. Статуя эта вылита Италіянцомъ, по имени Мартелли, при Императрицѣ Елисаветѣ, въ 1744 году, и была заброшена въ сараѣ. Благоговѣніе Правнука къ Прадѣду извлекло ее изъ забвенія. На передней части пьедестала начертана простая надпись: Прадѣду Правнуку.

На право и на лѣво два бронзовыхъ барельефа, изображающіе Полтавскую битву и взятіе Шлюссельбургской крѣпости.

Вотъ мы подошли къ самому дворцу. Это обширное зданіе представляетъ совершенно-правильный квадратъ. Всякая сторона его, независимо отъ выдающихся угловъ, имѣетъ 49 сажень длины. Дворецъ окруженъ со всѣхъ сторонъ рвами, заимствующими свою воду изъ Фонтанки и одѣтыми гранитною набережною; черезъ нихъ переброшено всего пять подъемныхъ мостовъ. Фундаментъ дворца имѣетъ девять футовъ глубины; онъ состоитъ изъ толстыхъ свай, вбитыхъ

*) Описание это сдѣлано по приказанію императора Павла, извѣстнымъ писателемъ Августомъ Кодебу, и помѣщено въ книгѣ его: *Uesage mémorable de ma vie*, съ которою читатели наши вскорѣ познакомятся. *Ш. Б.*

рядомъ, на которыхъ лежитъ бревенчатый переплетъ.

Подвалы и нижній этажъ выстроены изъ тесаннаго гранита, а два верхніе этажа изъ кирпича, по большей части облицованнаго мраморомъ. Остальныя части стѣнъ окрашены въ красноватый цвѣтъ, происхожденіе котораго преданіемъ, довольно достовѣрнымъ, приписывается рыцарской любезности. Говорятъ, что одна придворная дама однажды явилась въ перчаткахъ этого цвѣта, и что Императоръ послалъ одну изъ этихъ перчатокъ въ образецъ составителю этой краски. Надобно сознаться, однакоже, что столь рѣзкій красный цвѣтъ болѣе приличенъ для пары перчатокъ, чѣмъ для дворца. Многіе жители Петербурга воспользовались этимъ случаемъ, чтобы тонкимъ образомъ польстигъ Императору, окрасивъ въ этотъ цвѣтъ свои дома. Г-жа Шавалье пошла еще далѣе въ тонкой любезности, избравъ костюмъ этого цвѣта для роли Иягеніи, хотя она этого цвѣта не любила.

Пусть представитъ себѣ первое общее впечатлѣніе, которое должна произвести на иностранца, подходящаго къ этому дворцу, уродливая масса красноватыхъ камней, окруженная рвами и подъемными мостами, грозящая двадцатью новыми бронзовыми пушками двѣнадцатифунтоваго калибра. Пусть къ этому присодинитъ впечатлѣніе, производимое украшениями, изъ которыхъ многія находятъ въ прямомъ противорѣчій со всѣми правилами искусства; какъ, напримеръ, при входѣ въ главный фасъ, два громаднхъ обелиска изъ сѣраго мрамора, доходящихъ до крыши, и украшенныхъ бронзовыми вензелями Императора и трофеями изъ бѣлаго мрамора; рядомъ съ этими обелисками, въ маленькихъ нишахъ, статуи (сравнительно весьма мизерныя) Діаны и Аполлона Бельведерскаго изъ бѣлаго мрамора; надъ ними іоническая колоннада поддерживающая рустическій портикъ; выше, фронтонъ изъ Паросскаго мрамора, работы братьевъ Стаджи, изображающій

Исторію въ видѣ Молвы, какъ мы ее видимъ на колоннѣ Траяна. Еще выше, на аттикѣ, двѣ богини Славы, поддерживающія императорскій гербъ; и поверхъ всего желѣзная крыша, выкрашенная зеленою краскою, а на ней толпа статуй, изображающихъ Цибеллу, увѣнчанную башнями, и носящую на щитахъ гербы Русскихъ областей; затѣмъ на фризѣ, высѣченномъ изъ туземнаго порфира, слѣдующая надпись крупными бронзовыми буквами:

Дому Твоему подобаетъ святыми Господни въ долготу дней.

И наконецъ надъ воротами, на черномъ мраморномъ полѣ, слово *Воскресенскіе.*

Пусть представитъ себѣ эту причудливую смѣсь предметовъ, которые, взятые въ отдѣльности, отличаются большими красотами, но сооставленные такимъ образомъ, поражаютъ, но не нравятся. Архитекторъ Бренна, завѣдывавшій всею постройкою, увѣряетъ, что эти сопоставленія были именно предписаны Императоромъ, будто-бы даже сочинившимъ для нихъ рисунки: но есть люди, которые въ этомъ сомѣняются.

Церковь выдается овальнымъ выступомъ изъ втораго фасада. Она облицована сѣрымъ Сибирскимъ мраморомъ и украшена барельефами, изображающими четырехъ Евангелистовъ, карнизомъ изъ ангельскихъ головокъ, и двумя статуями въ нишахъ, изображающими Вѣру и Упованіе. На аттикѣ мы видимъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, по двумъ сторонамъ креста. Куполомъ для церкви служитъ вызолоченная башенка. Она окружена четырьмя канделябрами изъ вызолоченной бронзы; изъ того-же матеріала и глава подъ крестомъ.

Надъ воротами, находящимися недалеко отъ церкви, мы видимъ, на доскѣ изъ чернаго мрамора, слово:

Рождественскіе

И напрасно старался угадать поводъ, по которому Императоръ придалъ этимъ двумъ воротамъ названія Воскресенскихъ и Рождественскихъ.

Перехожу въ третьему фасу. Онъ обращенъ къ Лѣтнему саду. Круглая лѣстница въ 26 ступенекъ изъ Сердобскаго гранита ведетъ въ обширныя сѣни, поддерживаемыя десятью дорическими колоннами изъ красноватаго мрамора. Паркетъ въ нихъ изъ бѣлаго мрамора. Съ обѣихъ сторонъ, въ двухъ нишахъ, стоятъ двѣ Египетскія статуи изъ *hardiglio di Carrara*, твердаго камня, похожаго цвѣтомъ на базальтъ. На площадкѣ лѣстницы, по обѣ стороны, блестятъ великолѣпныя статуи Геркулеса и Флоры Фарнезскихъ, вылитыя изъ бронзы подъ руководствомъ Академіи художествъ въ Петербургѣ; рядомъ съ ними, на гранитныхъ консоляхъ, стоятъ двѣ бронзовыя вазы, точныя копіи, сдѣланныя художникомъ, по имени Гастеклу, съ двухъ прекрасныхъ вазъ, Медицейской и Боргезской.

Надъ колоннадою возвышается обширный балконъ, украшенный десятию вазами и четырьмя временами года изъ бѣлаго мрамора. Атикъ поддерживается шестью каріатидами, между копіи Французскій художникъ, по имени Тибо, помѣстилъ бирельефы изъ бѣлаго мрамора. Надъ крышею, какъ и на главномъ фасѣ, возвышаются статуи, изображающія Русскія области.

Четвертый фасъ украшенъ статуями Геркулеса и Флоры Фарнезскихъ, — та и другая изъ бѣлаго мрамора.

Порталь поддерживается шестью дорическими колоннами изъ краснаго мрамора, надъ которыми возвышается атикъ, окруженный балюстрадаю и служащій бельведеромъ. Въ двухъ шагахъ стоятъ статуи Осторожности и Силы. Въ пристройкѣ съ куполомъ помѣщаются дворцовыя часы, и пока Императоръ остается въ дворцѣ, императорскій флагъ развѣвается на башенкѣ, составляющей часть пристройки.

Обошедши вокругъ дворца, мы входимъ въ него съ главнаго фаса, и Воскресенскіе ворота вводятъ насъ подъ перестиль, образующій продолговатый четырехъ-угольникъ. Съ каждой стороны

възда для каретъ, разрѣзающаго этотъ перестиль, простирается колоннада изъ двадцати-четырехъ дорическихъ колоннъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ цѣльнаго гранита; цоколи и капители изъ Рускольскаго мрамора. Посреди колоннады, между колоннами, стоятъ копіи съ вазъ Медицейской и Боргезской. изъ бѣлаго мрамора, а съ боку, въ нишахъ, двѣ колоссальныя статуи Геркулеса съ палицею и Александра Великаго.

Проѣхавши перестиль, въѣзжаешь во внутренній дворъ дворца, имѣющій въ поперечникѣ тридцать три туаза и возвышающійся приблизительно на три аршина надъ уровнемъ окружающей почвы. Въѣзжать на этотъ дворъ позволялось лишь членамъ императорскаго семейства и посланникамъ.

Невозможно высчитать, какое множество разъ вензель Императора повторяется снаружи дворца и внутри его. Во внутреннемъ дворѣ онъ со всѣхъ сторонъ украшаетъ оконныя наличники. Въ осьми нишахъ помѣщаются восемь статуй, самыя жалкія, когда-либо выходившія изъ рукъ ваятеля. Онѣ должны представлять Силу, Обиліе, Побѣду, Славу, и т. п. но это уроды, страшилища, а не статуи; онѣ служатъ новымъ примѣромъ тому разительному сочетанію роскоши съ безвкусіемъ, которое господствуетъ въ этомъ дворцѣ.

Четыре большія лѣстницы и двѣ другія, меньшихъ размѣровъ, ведутъ со двора во внутренность дворца, и запираются большими стеклянными дверьми. Но не проходя двора, можно было войти изъ перестили на лѣво, въ овальную залу, въ которой тридцать человекъ солдатъ и одинъ офицеръ изъ лейбъ-гвардіи Императора постоянно стояли на караулѣ. Этотъ караулъ постоянно смѣнялся другимъ изъ того-же полка, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ дворца стояли караулы изъ другихъ полковъ. Помѣщеніе этихъ тридцати караульныхъ было удачно выбрано: зала, которую они занимали, соприкасалась съ одной стороны съ концомъ перестили, а съ

другой, съ большою парадною лѣстницею, и никто не могъ дойти до Императора обыкновеннымъ путемъ, не проходя мимо этого караула.

Гранитныя ступеньки парадной лѣстницы поднимаются между двумя балюстрадами изъ сѣраго Сибирскаго мрамора и пилястрами изъ полированной бронзы. Стѣны выложены мраморами разныхъ сортовъ. Поля, оставшіяся бѣлыми, предполагалось расписать фресками. На площадкѣ стояла знаменитая Клеопатра Капитолинскаго музея—превосходная копія изъ бѣлаго мрамора. Въ боковыхъ нишахъ статуи Осторожности и Правосудія. На верху лѣстницы стояли на часахъ два гренадера.

Я довелъ читателя до великолѣпныхъ дверей краснаго дерева, растворы которыхъ богато украшены щитами, оружіемъ и Медузными головами изъ бронзы. Правая дверь раскрывается, и мы входимъ въ парадные апартаменты Государя.

Въ овальной передней, въ которой съ удовольствіемъ встрѣчаемъ бюстъ Густава-Адольфа, этого славнаго короля Швеціи, и съ сожалѣніемъ аллегорическій плафонъ, писанный Русскимъ малякомъ, по имени Смуглевичемъ, мы переходимъ въ обширную залу, отдѣланную подъ желтый съ пятнами мраморъ. Въ этой залѣ висятъ шесть большихъ историческихъ картинъ, вышиною въ восемь аршинъ и шириною приблизительно въ шесть. Это во-первыхъ *Полтавская побѣда*, писанная Шебуевымъ, прекрасная картина, исполненная силы и выраженія, въ которой главные лица Петръ Великій и Шереметевъ. 2. *Покореніе Казаки* царемъ Иваномъ Васильевичемъ, картина писанная Угрюмовымъ и хорошо сгруппированная. 3. *Възвѣщеніе на царство Михаила Федоровича Романова*, дѣда Петра Великаго, очень хорошо исполненная картина Угрюмова, заслуживающаго мѣсто между лучшими историческими живописцами своего времени. 4. *Соединеніе Русскаго и Турецкаго флота* и совмѣстное ихъ плаваніе по Босфору,

событіе достопамятное, но картина Пречетникова самая посредственная; развѣ воздушная перспектива заслуживаетъ нѣкоторой похвалы. 5. *Побѣда князя Дмитрія Ивановича Донскаго* надъ Донскими Татарами, на Куликовомъ полѣ и 6., *Крещеніе великаго князя Владимира*: обѣ картины Англійскаго живописца Аткинсона, обладающаго блестящею кистью, но часто грѣшащаго въ рисунокѣ (Въ этой залѣ, впоследствии, было выставлено тѣло Императора).

Перехожу съ моимъ читателемъ въ тронную залу, имѣющую около двѣнадцати туазовъ длины при пяти ширины. Она была убрана превосходно, и видъ ея внушалъ благоговѣніе и тишину. Не стану говорить ни о великолѣпномъ зеленомъ бархатѣ, затканномъ золотомъ, которымъ обтянуты стѣны, ни о пышной мебели, ни о колоссальной печи въ тринадцать аршинъ, которая почти вся обложена бронзою; скажу лишь о тронѣ и о томъ, что его окружаетъ. Онъ былъ обитъ краснымъ бархатомъ, богато затканнымъ и вышитымъ золотомъ. Въ углубленіи помѣщался гербъ Россіи, окруженный гербами царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибири и Великоруссіи. На-супротивъ трона, въ нишахъ устроенныхъ надъ дверьми, стояли античные бюсты Юлія Кесаря, Антонина, Луція Вера, и т. д. Выше размѣщались колоссальныя фигуры Правосудія, Мира, Побѣды, Славы; и вокругъ всей залы висѣли раскрашенные своими геральдическими цвѣтами, гербы всѣхъ областей подвластныхъ Россійскому скипетру (въ числѣ семидесяти-шести)—символы различныхъ народовъ, населяющихъ эту обширную имперію. Нужно сознаться, что эти украшенія, придуманныя самимъ Монархомъ, не могли быть лучше подобраны, и что въ нихъ, что бы ни говорили, выразился тотъ благородный и рыцарскій духъ, которымъ онъ отличался.

Отмѣчу еще, среди великолѣпнаго убранства этой залы—зеркало, самое большое во всемъ дворцѣ. Оно дѣльное, въ

немъ около шести аршинъ вышины и больше трехъ ширины, и оно было вылитъ въ Петербургъ; далѣе, три превосходныхъ стола, одинъ изъ *verde antico*, два другихъ изъ зеленого восточнаго порфира. Въ каждомъ изъ этихъ столовъ было болѣе трехъ аршинъ длины и болѣе аршина ширины. Они поддерживались мѣдными или бронзовыми ножками или бронзовыми геіями, вышиною въ четыре фута. Громадная бронзовая люстра висѣла съ потолка, украшеннаго двумя весьма посредственными аллегорическими картинами Вальтеріани. И на той и на другой видѣлось знамя Малтійскаго ордена.

Изъ тронной залы проходишь въ галерею-арабескъ между двумя іоническими колоннами изъ восточнаго порфира, рѣдкой красоты, привезенными въ Петербургъ изъ Рима. На карнизъ поставлены бюсты Марка-Аврелія и большія вазы изъ краснаго Сибирскаго порфира. Въ пяти нишахъ стоятъ столько же статуй, скопированныхъ въ Римъ съ антиковъ и изображающихъ Венеру Медицейскую, Автиною, Германика, Флотентивскаго Аполлона, и Венеру Калипигу. Архитектура этой галереи есть подражаніе знаменитымъ ложжіямъ Рафаеля въ Римѣ, и всѣ части ея, на подобіе ихъ, расписаны разноцвѣтными арабесками работы Пьетро Скотти, съ фигурами Виги. Однако же работа не была еще окончена.

Изъ этой ложжіи или галереи, черезъ высокія и широкія двери изъ зеркальныхъ стеколъ. входяшь въ галерею Лаокоона, названную такимъ образомъ по знаменитой группѣ этого имени, скопированной въ Римъ съ антика, высвѣченной изъ одной глыбы мрамора безъ пятенъ и жилокъ, и перевезенной до Петербурга безъ малѣйшаго поврежденія.

Четыре великолѣпныхъ Гобеленовскихъ ковра украшаютъ стѣны; они являютъ по шести аршинъ въ квадратъ и изображаютъ *Рыбную ловлю св. Петра*, *Исуса изгоняющаго изъ храма продавцовъ*

и покупателей, *Воскресеніе Лазаря* и *Марію Магдалину у ногъ Спасителя*. Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этими изображеніями изъ Священнаго Писанія находятся двѣ мифологическія группы, а именно *Диана и Эндиміонъ*, да *Амуръ и Психея*, кои Гацетти скопировалъ съ оригиналовъ знаменитаго Кановы. Онѣ прислонены къ гобеленамъ, и глазу одновременно представляются Иисусъ Христосъ и Эндиміонъ.

Двѣ картины à l'empalme надъ дверьми, работы Даллери въ Римѣ *Семданіе Улисса съ Пенелопею* и *Гекторъ прощающійся съ Андромахою* уже пострадали отъ сырости стѣвъ. Вторая въ особенности была испорчена трещиною.

Не стану говорить о драгоценныхъ столахъ изъ бреччій и изъ восточнаго алебастра, украшенныхъ цвѣтами, о прекрасныхъ бархатныхъ креслахъ, о разныхъ бронзахъ Парижской работы и т. д. Упомяну лишь о нѣкоторыхъ изъ безчисленныхъ часовъ дворца. Въ этой залѣ, на примѣръ, можно было видѣть четыре времени года изъ бронзы на колесницахъ везомой львомъ подъ управленіемъ геіи: колесо служило циферблатомъ. Но не слѣдовало подымать глазъ, чтобы не лишиться впечатлѣній всѣхъ этихъ красотъ. Три большія плафонныя картины портили эту залу: средняя изображавшая Геркулеса между Сладострастіемъ и Добродѣтелью, была самая сносная; на лѣво *Мужество, наираждаемое Достоинствомъ*, и на право *Правда, обнимающая Миръ*, писанныя Смуглевичемъ, этихъ недоноскомъ Музъ и Грацій. Слѣдуетъ замѣтить однакоже, что мысль къ этому плафону подалъ самъ Императоръ, что онъ сочеталъ правду съ миромъ, мужество съ достоинствомъ; какая жалость, что исполненіе не было поручено художнику, болѣе искусному! Но такъ случилось почти постоянно: кипучая струя вытекала, чистая какъ кристаллъ, изъ скалы его ума и сердца; но сосуды, назначенные для ея воспріятія, рѣдко состояли изъ чистой глины.

Два унтер-офицера лейбъ-гвардіи стояли на часахъ съ эспонтонами въ рукахъ у входа въ овальную гостиную, въ которой шестнадцать коринѣскихъ колоннъ подъ мраморъ поддерживаютъ аттикъ: сводъ же раздѣленный кессонами покоится на шестнадцати каріатидахъ, работы Альбани; пять аллегорическихъ барельефовъ, которые истолковать не легко, зашипаютъ промежутки. Мебель въ этой гостиной была бархатная, огненного цвѣта, отдѣланная серебряными шнурами и кистями, что производило весьма красивый эффектъ.

Плафонъ, работы Виги, и писанный гораздо лучше чѣмъ предъидущіе, изображаетъ собраніе боговъ Олимпа. Юпитеръ словно плаваетъ въ морѣ свѣта, и все видѣніе указываетъ на замѣчательный талантъ.

Эта гостиная сопрягается съ большою мраморною залою, въ которой стоитъ караулъ Мальтійскихъ кавалеровъ: эта зала имѣетъ пятнадцать туазовъ въ длину, пять въ ширину и около семи въ вышину. Архитектура ея состоитъ изъ двухъ ярусовъ: до аттика, стѣны раздѣланы большими подьями изъ *breccia scalina de Genova* съ инкрустациями изъ чернаго мрамора изъ Порто-Венере. Длинныя и плоскія люстры изъ полированной бронзы, прикрепленныя къ стѣнѣ, производятъ превосходный эффектъ на черномъ мраморѣ. На одномъ изъ концовъ залы воздвигнутъ оркестръ изъ бѣлаго мрамора съ балюстрадаю изъ полпрованной бронзы, на которой стояло десять большихъ бронзовыхъ канделябровъ въ формѣ вазъ. Потолокъ былъ еще бѣль: въ Римѣ писался „Парнасъ“ который предназначали для его украшенія.

Широкая ниша, поддерживаемая двумя великолѣпными іоническими колоннами изъ Сибирскаго камня, раздѣляетъ залу на двѣ равныя части. Въ этой нишѣ устроенъ каминъ изъ бѣлаго мрамора поддерживаемый четырьмя термами, съ инкрустациями изъ лаписъ-лазули и Сибирской яшмы. Вдоль стѣны на право и лѣво

есть два подобныхъ каминя, помѣщенныхъ между четырьмя нишами, задняя стѣна конхъ сдѣлана изъ *gipolino antico* столь-же рѣднаго, какъ и страннаго, совершенно подобнаго зеленому окаменелому дереву. Этотъ родъ мрамора не красивъ, но поражаетъ съ перваго взгляда. Въ нишахъ стояли четыре статуи, скопированныя въ Римѣ съ антиковъ, а именно: Вакхъ, Меркурій, Флора и Венера.

Умалчиваю о великолѣпной бронзѣ, изъ которой были сдѣланы часы, люстры вазы, статуэтки и всѣ украшенія до каминнаго прибора.

Въ концѣ залы находилась обширная ниша, образуемая двумя большими колоннами іоническаго ордена: черезъ нее проходили въ круглую тронную залу.

Шестнадцать колоссальныхъ Атласовъ поддерживали куполь; стѣны были обтннуты краснымъ бархатомъ, затканымъ золотомъ и украшены вызолоченною рѣзбою. Всѣ окна были завѣшаны тою-же матеріею, за исключеніемъ одного, изъ цѣльнаго стекла, въ массивной серебрянной рамѣ. Тронъ, стоявшій въ этой залѣ, отличался отъ того, который стоялъ въ тронной, лишь количествомъ ступенекъ. У послѣдняго было восемь ступенекъ, у этого лишь три. Большая люстра вышиною въ четыре аршина съ четвертью, и восемь другихъ, въ три аршина съ половиною, всѣ изъ массивнаго серебра, отчасти полированнаго, отчасти матоваго, самой точкой работы, вышли изъ фабрики оегроумнаго и искуснаго г. фонъ Буха, Датскаго статскаго совѣтника. Плафонъ, расписанъ онъ самаиъ съ золотомъ и съ арабесками, художникомъ Карл. Скотт.

Незадолго до своей кончины, Императоръ велѣлъ произвести въ этой залѣ изъюгоры измѣненіи. Красный бархатъ на стѣнахъ долженъ былъ исчезнуть и уступить мѣсто бархату желтому, съ великолѣпнымъ серебрянымъ шитьемъ. Въ углахъ должны были появиться большія розы изъ массивнаго серебра, медальоны и лавровые вѣнцы. Оба стола,

подзеркальники, часы, и т. п. должны были быть все изъ массивнаго серебра, и серебрянныхъ дѣлъ мастерамъ уже было отпущено на этотъ предметъ со-рокъ пудъ серебра.

Изъ этой залы есть дверь во внутреннеаппартаменты Императрицы. Первая комната была обита коврами en haute-press, на свѣтлоголубомъ фонѣ которыхъ были вытканы виды Павловска. Въ глубинѣ комнаты была ниша, поддерживаемая двумя великолѣпными порфирowymi колоннами ионическаго ордена, а передъ нею стояла группа изъ карарскаго мрамора, изображающая Аполлона и Дафну, копія съ Бернини. Вазы, часы, столы изъ порфира, яшмы, восточнаго алебастра, съ цвѣтами, изъ *rosso antico*, бронзы, и т. п. наполняли и украшали эту комнату; надъ дверьми помѣщались прекрасныя картины, писанныя à l'empain, работы Даллеры. Плафонъ, точно также какъ большая часть послѣдующихъ, расписалъ гуашью Каденаччи.

Двери изъ краснаго, розоваго и кедроваго дерева, богато разукрашенныя позолоченною рѣзбою, съ бѣлыми мраморными полями, выложенными лаписомъ, бронзою и малахитомъ, ведутъ въ кабинетъ, столъ же обремененный украшениями, какъ и двери, даже въ такой степени, что на первый взглядъ они утомляютъ глазъ: стѣны выложены стѣрымъ Сибирскимъ мраморомъ; поля на нихъ, лаписомъ, съ бронзовыми украшениями; углы изъ Сибирской яшмы. панель изъ giallo и negro anico; карнизъ состоитъ изъ бронзовыхъ львиныхъ головъ на лапсѣхъ; надъ карнизомъ барельефы на полированномъ металлическомъ фонѣ; диваны, табуреты и занавѣсы изъ парчи; ниша, образуемая двумя предельными колоннами изъ восточнаго алебастра съ цвѣтами, цѣльные пьедесталы съ инкрустациями изъ *verde antico* и изъ лаписа; группа изъ бѣлаго мрамора, изображающая Кастора и Полукса, работы Альбаджини; въ двухъ малыхъ боковыхъ нишахъ, музы Трагедія и Ко-

медія; каминъ изъ *verde antico*, малахита и бронзы; столы, вазы и статуетки изъ яшмы, бронзы, и т. п.; великолѣпныя фарфоры, во вкусѣ Рафаэлевскихъ, расписанные арабесками: все это, и еще многое другое, заключалось въ кабинетъ, длиною и шириною приблизительно въ два туаза.

Кабинетъ этотъ соприкасается съ парадною спальною, убранною проще, и поэтому самому пріятнѣе для глаза. Комната эта очень велика. Стѣны ея отдѣланы подъ мраморъ и обрамлены гирляндами на золотомъ, полированномъ фонѣ.

За балюстрадаю изъ массивнаго серебра, длиною въ тринадцать аршинъ и въшищею четырнадцать пудовъ, стояла кровать, украшенная богато вызолоченною рѣзбою, подъ свѣтлоголубымъ бархатнымъ балдахиномъ, подхваченнымъ серебряными шнурами и кистями. Коринтскія колонны направо и налево поддерживаютъ карнизъ, расписанный арабесками на золотомъ, полированномъ фонѣ; между колоннами помѣщаются диваны, обтянутые голубымъ бархатомъ и большія цѣльныя зеркала. Каминъ въ этой комнатѣ — изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, а карнизъ его украшенъ отчасти лаписомъ, отчасти Флорентинскою мозаикою изъ драгоценныхъ камней (аметистовъ и другихъ), подражающихъ самымъ обманчивымъ образомъ разнымъ ягодамъ и фруктамъ. Смыслъ аллегорическаго плафона, написаннаго (весьма посредственно), художникомъ Валеріани, остался для меня неяснымъ.

Зала рядомъ съ этою парадною спальною убрана просто и служила то столовою, то концертною залою. Кромѣ двухъ каминовъ и нѣкоторыхъ вазъ изъ Сибирскаго порфира, она не представляла ничего замѣчательнаго. Я однако же очень любилъ ее, потому что въ ней играли молодые Великіе Князья. Нѣсколько разъ находилъ я ихъ тутъ: это дѣти, исполненныя веселости и живости, и чрезвычайно вѣжливыя и привѣтливыя со всеми Материнская нежность

(всѣмъ извѣстно, что Императрица-мать только и живетъ своими дѣтьми) распорядилась такъ, чтобы стеклянныя днѣря, ведущія на балконъ до высоты около четырехъ футовъ, были заложены подушками, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ.

Выходи изъ этой залы направо и оставши въправѣ внутренніе апартаменты Императрицы, мы черезъ довольно невзрачную комнату проходимъ въ египетскую залу. Самый тронъ отличается отъ Императорскаго лишь мѣньшими размерами и тѣмъ, что онъ стоитъ на одной ступенькѣ. Большая ниша, поддерживаемая двумя колоссальными каріатидами, содержитъ въ себѣ великолѣпный камиль назъ бѣлаго мрамора, украшенный барельефомъ, изображающимъ девять Музъ. Роскошь мебелировки та-же, какъ и въ прочихъ комнатахъ; упомяну только о предѣстныхъ часахъ, изображающихъ Феба на колесницѣ, запряженной двумя конями, совершающаго свое дневное теченіе. Циферблатъ помѣщенъ въ колесѣ, и все виветъ представляетъ образецъ оконченности и искусства. Плафонъ, писанный Меттенлейтеромъ, изображаетъ *Судъ Париса*, и не лишень достоинствъ, точно такъ же, какъ картины надъ дверями, работы Безсонова, воспитанника Академіи художествъ въ Петербургѣ, изображающія Живопись, Ваяніе и Зодчество.

Около тронной залы находятся галерея Рафаэля: это названіе она получила отъ четырехъ великолѣпныхъ ковровъ сн haute-lisse, покрывающихъ почти всю длину одну изъ четырехъ стѣнъ, длиною въ двѣнадцать туззовъ. Это превосходныя копіи съ четырехъ извѣстныхъ картинъ Рафаэля, находящихся въ Ватиканѣ, а именно: *Константинъ, держащій рѣчь своимъ войскамъ* въ день битвы съ Максентіемъ. *Изманіе Геліодора изъ храма*; знаменитая *Афинская школа* и столь же знаменитый *Парнасъ*, въ которомъ Аполлонъ играетъ на скрипкѣ. Отсылаю читателей къ прекрасному описанію этихъ картинъ, сдѣлан-

ному г. Рамдоромъ; предъ этими копіями и провелъ не одинъ часъ въ полномъ самозабвеніи. Большая плафонная картина и двѣ малыя, писанныя Миттенлейтеромъ, заслуживаютъ вниманія. Среднія изображаетъ храмъ Минервы, на ступеняхъ котораго лежатъ Свободныя Искусства. Лицо Греча, изображающаго зодчество, есть портретъ архитектора Бренны, и Миттенлейтеръ изобразилъ самого себя въ аллегорической фигурѣ Живописи. Маленькія плафонныя картины изображаютъ, одна Прометея, оживляющаго человека, другая—Прилежаніе и Лѣность. Великолѣпныя бронзы, мраморныя каменны, и т. п. украшаютъ эту галерею.

Ведетъ она въ продолговато-четыреугольную залу, въ которой находится прекрасная античная статуя Вакха, и другая новѣйшая, быть можетъ столь же прекрасная, изображающая Діану, работы Гульдона. Вся зала была наполнена бюстами, барельефами, саркофагами, античными вазами, и т. п. весьма различною цѣнности.

Зала эта соприкасается съ наравульною комнатою, въ которой постоянно стоялъ на часахъ взводъ конногвардейцевъ. Прихожая эта украшена лишь четырьмя ионическими колоннами и плафономъ работы Смуглевича, на которомъ довольно неловко кидается въ пропасть Курцій.

Вотъ мы опять вернулись къ большой парадной лѣстницѣ, прошедши съ права на лѣво, парадные апартаменты Императора и Императрицы. 8 Ноября 1800 года Императоръ весьма торжественно отпраздновалъ освященіе дворца, въ первый разъ въ немъ отобѣдалъ, и далъ въ немъ публикъ (которая собралась въ немъ толпою) большой маскерадъ, во время котораго всѣ апартаменты, описанные мною, были открыты и освѣщены тысячами свѣчей, придававшихъ имъ удвоенный блескъ и великолѣпіе. Танцовали въ большой мраморной залѣ и въ Рафаэлевской галерей.

Читателю, конечно, будетъ любопытно ознакомиться со внутренними аппаратами Императора и Императрицы. Дверь изъ Рафаэлевской галлерей вела въ аппаратъ Государя. Прихожая, весьма просто росписанная, была украшена лишь семью картинами Ванъ-Лео, изображавшими легенды изъ жизни Св. Григорія.

Вторая комната, бѣлая, съ золотыми разводами, представляла въ поляхъ стѣнъ прекрасныя ландшафты и нѣкоторые виды самого дворца. Но особеннымъ украшеніемъ служилъ ей плафонъ, работы Тьеполо, изображавшій Марка Антонія и Клеопатру, выдающую въ искусъ жемчужину. Простодушное невѣжество художника самымъ забавнымъ образомъ погрѣшило противъ костюма.

Въ третьей комнатѣ, стѣны почти совсѣмъ заняты шестью ландшафтами Мартынова, представляющими виды дворцовъ Гатчинскаго и Павловскаго. Въ шести нарядныхъ шкапахъ изъ краснаго дерева, на которыхъ стояло двадцать великолѣпныхъ вазъ изъ порфира, восточнаго алебастра, и т. п. заключалась частная библіотека Императора. Въ этой комнатѣ стоялъ караулъ изъ лейбъ-гусаровъ. Потаенная дверь вела отсюда въ кухню, исключителью назначенную для государева стола, въ которой готовила кушанье *кухарка-Пльма*. Незадолго передъ тѣмъ, онъ велѣлъ устроить точно такую-же кухню въ зимнемъ дворцѣ, совершенно рядомъ со своими частными аппаратами. Кто въ виду такихъ предосторожностей, быть можетъ необходимыхъ, станетъ завидовать участи могущественнѣйшаго Монарха въ мірѣ!

Другая потаенная дверь вела въ маленькую комнату, назначенную для лейбъ-гусаровъ, и непосредственно соприкасающуюся съ витой лѣстницею, сдѣланною въ послѣдствіи знаменитою, которая вела на дворъ, гдѣ у двери стоялъ одинъ часовой.

Изъ библіотеки была дверь въ спальню Императора, гдѣ онъ оживалъ и

днемъ, и гдѣ онъ скончался *). Это комната, весьма обширная, имѣетъ, если я не ошибаюсь, пять или шесть туазовъ въ квадратѣ. Множество ландшафтовъ, по большей части Верпе, нѣкоторые же изъ нихъ Вувермана и Вандермейлена, висѣли по стѣнамъ, обдѣланнымъ бѣлымъ деревомъ. По серединѣ стояла маленькая походная кровать, безъ занавѣсокъ, за простыми ширмами: надъ кроватью ангелъ (не ангелъ-хранитель) работы Гвидо Рени. Въ углу висѣлъ портретъ стариннаго рыцаря-знаменосца, работы Жанъ Ледюка, которымъ очень дорожилъ Императоръ.

Плохой портретъ Фридриха II-го, верхою, и извѣстная гипсовая фигурка этого короля, помѣщенная въ углу, на мраморномъ пьедесталѣ, составляли странную противоположность съ этими великолѣпными картинами.

Письменный столъ Императора былъ замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ покоился на іоническихъ колоннахъ изъ слоновой кости, съ бронзовыми цоколями и капителями; рѣшетка изъ слоновой кости самой тонкой работы, украшенная маленькими вазами изъ того-же вещества, окружала его. Два подсвѣчника изъ слоновой кости, на кубкахъ изъ янтаря, поддерживали четыре пасты или фритты, съ модели Леберехта, изображающіе Императора, Императрицу, обоихъ Великихъ Князей и Великую Книгиню Елизавету. Этотъ столъ и эти подсвѣчники суть работы Императрицы; она, покровительствуя искусствамъ, сама съ успѣхомъ ими занимается, и собственноручно выточила слоновую кость и вылѣпила пасты.

Еще на одной изъ стѣнъ висѣла картина, изображавшая всѣ военные мундиры Русской арміи. Умалчиваю объ остальномъ убранствѣ.

Говорили, и тысячу разъ повторяли, что у Императора въ спальнѣ былъ трапъ и нѣсколько потаенныхъ дверей.

*) См. ея планъ, въ Запискахъ Сабдукова, въ Р. Архивѣ 1869 г.

Могу засвидѣтельствовать неточность этихъ показаній. Великолѣпный коверъ, покрывавшій полъ, исключалъ возможность существованія илъ; сверхъ того, печь стояла на ножкахъ, и слѣдовательно, подъ нею не было свободнаго пространства, какъ то увѣряли. Въ комнатѣ, правда, было двое дверей, скрытыхъ занавѣсью, но одна изъ нихъ вела въ чуланчикъ, имѣющій извѣстное назначеніе; другою запирали шкапъ, въ который складывались шапки офицеровъ, взятыхъ подъ арестъ. Двустворчатая дверь, которая изъ комнаты Императора вела въ аппаратментъ Императрицы, не были открыты, но заперты ключомъ и задвигною съ обѣихъ сторонъ.

Проходъ изъ библіотеки въ спальню состоялъ изъ двухъ дверей и, благодаря чрезвычайной толщинѣ стѣнитъ, между этими двумя дверьми оставалось пространство достаточное для того, что-бы могли устроить, направо и налѣво, двѣ другія, потаенныя двери. Тутъ они дѣйствительно были: дверь направо служила къ тому, что-бы запирать помѣщеніе для знаменъ; дверь налѣво открывалась на потаенную лѣстницу, черезъ которую можно было спуститься въ аппаратменты Императора, находившіеся въ нижнемъ этажѣ.

Тутъ прежде всего встрѣчалась большая комната, отдѣланная бѣлымъ деревомъ со вставленными въ стѣну старинными часами, устроенными въ 1714 году Динглингеромъ въ Дрезденѣ. Трое серебрянныхъ стрѣлокъ указывали, кромѣ часовъ, измѣненія въ температурѣ и въ направленіи вѣтра. Эти часы прежде находились въ садовомъ домикѣ Петра Великаго.

Оттуда переходилъ въ круглый кабинетъ, также обдѣланный деревомъ, въ которомъ стояли двѣ Италіянскія статуи, Веста и женщина, совершающая жертвоприношеніе; далѣе, Аполлонъ, сдѣланный въ Петербургской Академіи художествъ, великолѣпныя вазы изъ Севрскаго фарфора, и драгоценный столъ изъ *rosso antico*.

Ближайшая комната, опять обдѣланная деревомъ, содержала вышитый портретъ Петра Великаго, тончайшей работы, великолѣпныя вазы Севрскаго фарфора, и нѣсколько вазъ въ ростъ человѣческой, фабрики Петербургской.

Последняя комната, та, въ которой Императоръ обыкновенно работалъ, была отдѣлана орѣховымъ деревомъ, съ рамками подъ лакъ; въ поляхъ находились писанныя на деревѣ изображенія боговъ, окруженные гирляндами, на которыхъ качались птицы. Комната эта въ цѣломъ производила впечатлѣніе приятное и спокойное. Мебель въ ней была великолѣпная, въ особенности шкапъ работы знаменитаго Гентгена въ Нейвидѣ. Маденкій монументъ на столѣ, съ надписью: *Marja, 21 April 1791*, вѣроятно былъ работы Императрицы. Фирфоровый дежѣне, Петербургской фабрики, съ писанными разными красками видами Михайловскаго дворца, служилъ новымъ свидѣтельствомъ о пристрастіи этого Монарха къ его созданію.

Еще два слова объ аппаратментахъ, занятыхъ Императрицею. Ходъ въ нихъ былъ черезъ концертную или столовую залу, о которой была рѣчь выше. Комната, радующая взоръ своимъ изыщнымъ и веселымъ видомъ, вела въ парадную гостинную, стѣны которой были обдѣланы сѣрымъ Сибирскимъ мраморомъ, поля лаписомъ и порфиромъ, съ бордюрами изъ пестраго мрамора и богатыми украшеніями изъ вызолоченной бронзы. Тамъ и сямъ, на порфировомъ фонѣ, были разставлены античныя бюсты; панели были изъ бреччій. Каминъ поддерживался алебастровыми колоннами, фризь былъ изъ *verde antico*, и т. д. Мебель соответствовала убранству стѣнъ. Люстра изъ самаго лучшаго хрустала стояла 20,000 рублей.

Уборная и рабочая комната Императрицы была смежна съ этою гостинойю. Она была обдѣлана деревомъ, лицевыя шкапы и коммоды были изъ лучшаго краснаго дерева. Золотой туалетъ

меньше привлекалъ взоры, чѣмъ четыре прелестныхъ оригинала, одинъ Маріи Жераръ, а три другихъ Грёза: между прочимъ молодая дѣвушка, которую бравить мать за то, что она, предаваясь любовнымъ мечтамъ, забыла покормить птичку, котрая умерла съ голода. Дидеро, въ своемъ трактатѣ о живописи, подробно описалъ эту картину. Письменный столъ занималъ середину комнаты. На немъ видны были многочисленныя и благородныя слѣды частаго его употребленія. Меня увѣряли, что въ послѣднее время Императрица сдѣлала изъ этой комнаты свою спальную, такъ какъ въ ней не было никакой сырости.

Наконецъ послѣдняя комната была круглый будуаръ или кабинетъ, блистающій роскошью. Свѣтло-голубой бархатъ, съ богатымъ шитьемъ, окаймленный богатой золотою рѣзкою, поврываетъ стѣны. Повсюду видны были въ изобиліи бронза, мраморъ, лапсѣ и другіе драгоценныя камни. Въ особенноти любовался я большою вазою изъ краснаго порфира на такомъ-же пьедесталѣ, съ малахитовымъ цоколемъ и верхомъ. Все вмѣстѣ имѣло пять футовъ вышины. Паркетъ былъ покрытъ ковромъ en haute-lisse.

Этотъ кабинетъ, занимавшій уголъ дворца за спальнями Императора и Императрицы, дѣлалъ эти двѣ комнаты смежными. Онъ былъ раздѣленъ лишь стѣною. Но стѣна эта до того толста, что легко понять, почему Императрица могла узнать лишь поздно о кончинѣ Императора.

Кромѣ Императора и Императрицы, въ этомъ этажѣ жили только Великій Князь Константинъ, его супруга и статсъ-дама Протасова. Часы въ комнатѣ Великой Княгини Анны всегда поражали меня; на нихъ была надпись: *L'amour réduit à la raison*. Амуръ изображенъ на нихъ въ цѣпяхъ, и конецъ цѣпи держитъ Разумъ. Тутъ, подъ глазами прелестной и любезной Великой Княгини, наказаніе это не кажется слишкомъ суровымъ. Въ апартаментѣ ея супруге

стоятъ копія съ гермафродита изъ виллы Боргезе, и съ Венеры, выходящей изъ купальни, изъ Флорентійской галлерей.

Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ очень маленькаго театра, который даже не оконченъ, замѣчательна только церковь. Четырнадцать іоническихъ колоннъ изъ цѣльнаго Сердобскаго гранита поддерживаютъ хоры. Алтарь осьмиугольный, выложенный чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. Въ него ведутъ три двери: средняя (наискія) изъ массивнаго серебра, прорѣзной работы, украшена шестью медальонами, писанными на мѣди профессоромъ Джіовенко. Надъ дверью блистаетъ серебряное сѣяніе: инкрустаціи изъ лаписа и бронзы. Запрестольный образъ, изображающій Тайную Вечерю, писанъ г. Акимовымъ, профессоромъ академіи. Направо и налѣво отъ царскихъ дверей стоятъ великолѣпныя коринтскія колонны изъ порфира, съ бронзовыми цоколями и капителями. Пьедесталы ихъ выложены лаписомъ. Передъ иконами висятъ серебряныя лампы; по серединѣ, золотая лампада, украшенная брилліантами. Въ самомъ верху, въ углубленіи, перспектива замыкается большою картиною (писанною художникомъ, носящимъ зловѣщее имя Смулевича) изображающею архангела Михаила, патрона церкви, повергающаго демона въ бездну. Стыдливый художникъ изобразившій эту группу *in pluribus*, прибѣгнулъ къ странному приему для того, чтобы не нарушить приличій. Всякій демонъ прикрываетъ какъ-бы случайно, рукою или ногою, тѣ части тѣла своего сосѣда, котрыя живописцу было желательно скрыть, чѣмъ въ сущности, выходитъ, крайне неприлично. Въ куполѣ плафонъ, писанный художникомъ Карломъ Скоти, изображаетъ Троицу, окруженную головами ангеловъ. Къ счастью художника, живопись его до того пострадала отъ сырости, что рассмотреть ее почти невозможно. Четыре трибуны, по обѣимъ сторонамъ алтаря, и мѣста, огороженныя мраморны-

ми и бронзовыми балюстрадами, были назначены для императорской фамилии.

Остальную часть нижнего этажа занимали Великій Князь Александръ и его супруга, и молодой Великій Князь Николай Павловичъ, любимецъ Императора. Что-бы не впасть въ длинноты, ограничусь описаніемъ апартаментовъ Великаго Князя-наслѣдника: они были менѣе великолѣпны, но, признаюсь, нравились мнѣ болѣе. чѣмъ парадныя комнаты бѣль-этажа. Вытѣтъ съ тѣмъ припоминаю съ благодарностію необыкновенную учтивость, пріятельность и предупредительность всѣхъ лицъ, окружавшихъ Великаго Князя. Доброта *исподина* согрѣла сердца всѣхъ слугъ, и каждый изъ нихъ говорилъ съ восторгомъ о благородной четвѣ, при которой онъ имѣлъ счастье состоять.

Уборная Великой Княгини Елисаветы, нынѣ Императрицы, была обтянута великолѣпною Ліонскою матеріею. Двѣ прекрасныя колонны изъ Оловецкаго мрамора, краснаго съ бѣлымъ, украшали нишу, и поддерживали энтаблементъ, на которомъ стояли античныя бюсты. Около ниши стояли двѣ статуи изъ Каррарскаго мрамора: горюющая женщина, подпирающая голову рукою, и молодая дѣвушка, играющая съ голубемъ.

Въ той-же комнатѣ еще замѣчался столъ, въ который были вставлены кусочки всѣхъ туземныхъ сортовъ мрамора, и часы, изображающіе Вакха, спящаго на бочкѣ, на днѣ которой помѣщался пифеблатъ.

Съ этою комнатою былъ смеженъ прелестный кабинетъ, весь въ зеркалахъ. Въ нишѣ, поддерживаемой двумя колоннами, стоялъ диванъ, обтянутый, какъ и остальная мебель, розовымъ бархатомъ, словно покрытымъ самымъ тонкимъ кружевомъ; трудно описать то отрадное и успокоительное впечатлѣніе, которое производило это убранство. Письменный столъ, покрытый книгами и фортепяно Донгмана и Бродерипа доказывали, что не одна Муза здѣсь нашла себѣ пріютъ.

Спальная имѣла нѣчто величественное: поля на стѣнахъ, наполовину изъ краснаго бархата, наполовину гладкія золотыя, были раздѣлены гирляндюю, вышитою золотомъ, которая вилась вокругъ всей комнаты. Надъ кроватью была такая-же драпировка. Въ комнатѣ были разставлены мраморныя и бронзовыя статуи; все было великолѣпно, но не раздражало и не утомляло взора. Но въ этой спальной жить было невозможно: въ ней господствовала такая сырость, что Великая Княгиня не разъ отъ нея заболѣвала. Картины надъ дверьми, писанныя à l'encaustique, сдѣлались неузнаваемыми.

Спальная была смежна съ заломъ антиковъ, въ которой стояло около пятидесяти статуй, бюстовъ, саркофаговъ и другихъ памятниковъ древности; отмѣтимъ главныя изъ нихъ.

1. Прекрасный колосальный бюстъ Юноны, вышиною въ два фута четыре дюйма, поставленный на саркофагъ съ тремя барельефами и одною надписью. Первый барельефъ: женская фигура съ развѣвающимся одѣяніемъ, держащая что-то въ поднятыхъ рукахъ; подъ нею двѣ маски; тотъ-же барельефъ повторяется на противоположной сторонѣ. Третій барельефъ — Вакхъ, увѣчанный гроздіями; около него мистическая корзинка, на которой сидитъ тигръ, съ другой стороны змѣя. Надпись, списанная въ точности, гласитъ слѣдующее.

P. SCANTIUS PI.
OLIMPUS

FECIT. SIBI. V. A. LXX. SINE CRIMINAE
VITAE ET SCANTIAE ABELE CONLIBERT
OPTINA AEDESE, BENE MERITAE.

Г. Совѣтникъ Кёлеръ записалъ эту надпись, и попытается ее объяснить *).

2. Прекрасный бюстъ юнаго Аполлона, съ всякими волосами.

*) Быть можетъ, ее слѣдуетъ читать слѣдующимъ образомъ: Publius Scantius Olimpus fecit sibi volenti aetate LXX sine crimine vitae, et Scantiae Aureliae conlibertae optimae de se bona meritaе.

3. Превосходный Силенъ, вышиною приблизительно въ три фута, держащій въ одной рукѣ чашу, въ другой кисть винограда.

4. Трехгранный жертвенникъ, въ которомъ особенно замѣчательна одна сторона: на ней изображенъ человекъ съ острозубымъ вѣнцомъ на головѣ, держащій въ одной рукѣ мечъ, въ другой отсѣченную голову. Другіе два барельефа изображаютъ Сатира съ пѣтухомъ и съ корзинкою плодовъ, и Вакханку.

5. Саркофагъ съ козлиными головами и съ гирляндами изъ плодовъ; на выдающемся углу лежатъ два мертвыхъ ребенка; лебедь собирающійся улетѣть. Надпись гласитъ:

D. M.
M. MUTIUS M. L. AURELIUS
AGITATOR
FAS. SARAMANTINIC.
VIXIT ANN. XXXV.
AGITAVIT ANN. XII *).

6. Круглый пьедесталъ, вѣроятно служившій для пепельной урны. Вокругъ него отличной работы барельефъ, превосходно сохраненный, съ фигурами, которыя почти всѣ сильно выступаютъ: онъ представляетъ охоту на вепря; съ одной стороны вепрь, подъ ногами у него умиравшій; за нимъ охотники въ плащахъ, передъ нимъ собаки; съ противоположной стороны нагой юноша въ шлемѣ, около него собака, за нимъ двѣ мужскія фигуры. Г. совѣтникъ Келеръ принялъ эти двѣ послѣднія фигуры за Кастора и Поликса или всѣхъ вмѣстѣ за намекъ на покойника, что кажется мнѣ болѣе естественнымъ. Быть можетъ, одинъ и тотъ-же юноша представленъ направо весело отправляющимся на охоту съ своими друзьями, а направо уже побѣжденнымъ и убитымъ вепремъ. Надпись, начинающуюся словами D. M. Cogneli... я затерялъ; помню только, что въ ней не было рѣчи объ охотѣ.

*) Читай: Diis Manibus. Marcus Mutius Marci Libertus Aurelius, Agitator factionis Saramantini-cae, vixit annos 35, agitavit annos 12.

7. Прекрасный бюстъ Ахилла, привезенный изъ Греціи, вышиною въ три фута, изъ Паросскаго мрамора.

8. Вакхъ, вышиною въ три фута два дюйма, превосходной работы; въ одной рукѣ онъ держитъ виноградную кисть, въ другой чашу; онъ одѣтъ въ козлиную шкуру, и увѣнчанъ плющомъ. На *ципль*, служащемъ ему пьедесталомъ, слѣдующая надпись.

D. M.
ANTISTIAE
TERSIPIDI
V. A. XX. D. V.

9. Размышляющая Муза, прислонившаяся къ скалѣ, вышиною въ три фута девять дюймовъ. Драпировка на ней исполнена отлично.

10. Прекрасный торсъ Геркулеса, вышиною въ три фута и два дюйма.

11. Превосходный двойной бюстъ бородатаго Индійскаго Аполлона (?) и Ариадны.

12. Предестный бюстъ Марка Аврелия.

Таковы предметы, которые въ этой залѣ особенно заинтересуютъ любителя древностей.

Любитель живописи также найдетъ въ ней вещи, заслуживающія его вниманія. Онъ замѣтитъ восемь большихъ пейзажей Щедрина, изображающихъ виды Пачловска, Гатчины и Петергофа, и два прекрасныхъ плафона, писанныхъ И. П. Скотти, изображающихъ одинъ Кефала и Прокриду, а другой Венеру, выходящую изъ водъ.

Жилые апартаменты Великаго Князя (нынѣ Императора) были малы, и отличались менѣ роскошью убранства, чѣмъ нѣсколькими весьма цѣнными оригиналами, между которыми я упомяну лишь объ Ахиллесѣ, отысканномъ Улиссомъ среди женщинъ, работы Анжелики Кауфманъ; о женщинѣ, тоскующей надъ мертвецомъ, между тѣмъ какъ стоящій тутъ-же ангелъ указываетъ на небо, работы Карло Маратти, 1682 г; о Юнонѣ и Діанѣ, работы Пески, и т. д.

Эти апартаменты смежны съ прелестною ванною, которую оберъ-гофъ-маршалъ устроилъ съ большимъ вкусомъ для Великой Княгини. Стѣны и потолокъ были обтянуты кисеею на розовой подкладкѣ, а полъ покрытъ бѣлымъ сукномъ; посреди ванны былъ фонтанъ, который былъ, когда поворачивали серебряный кранъ: надъ ванною висѣлъ балдахинъ, изъ котораго, когда того желали, каналы дутьистыя воды; изъ другихъ крановъ лилась горячая вода; одна изъ стѣнъ комнаты была занята большимъ зеркаломъ и, въ полу свѣтъ ниши, приглашалъ къ покою оттоманъ.

Этотъ милый пріютъ соприкасался съ паровою банею. Не знаю однако-же, пережидали этотъ Русскій обычай прелестная и слабая здоровьемъ Великая Княгиня; что касается до меня, то эти бани кажутся мнѣ сущимъ адомъ, и я ни разу не могъ выдержать себя къ тому, чтобы переступить ихъ порогъ.

Кромѣ этихъ жилыхъ комнатъ, у Великаго Князя было много парадныхъ и большая зала, раздѣленная на двое аркою, покоящуюся на іоническихъ колоннахъ изъ бѣлаго мрамора и украшенною великолѣпными оригинальными картинами, изъ коихъ одна Рубенса (Вакханка, обнимающая Фавна). Въ концѣ залы есть другая арка, поддерживаемая четырьмя іоническими колоннами, около которыхъ стоятъ двѣ великолѣпныя статуи Кавачеппи, изображающія Фавна и Вакханку.

Эта зала вела въ пріемную или тронную залу Великаго Князя, стѣны которой были обтянуты пурпуровымъ бархатомъ, затканымъ серебромъ. Великій Князь давалъ тутъ аудіенціи подъ балдахиномъ, но стоя, и коверъ, на которомъ онъ стоялъ, не отдѣлялся ступенькою отъ остальнаго пола.

Во второмъ этажѣ дворца жили Великія Княгиня Марія и Екатерина, и воспитательница ихъ, графиня Ливенъ. Апартаменты ихъ были весьма просты, но изящны.

На дворѣ была большая кордегардія, въ которой держали караулъ лейбъ-гвардейцы. Слухъ, распространившійся въ то время, и нѣсколько разъ доходившій до меня будто количество карауловъ и часовыхъ во дворцѣ было слишкомъ мало, не имѣетъ основанія. Внутренность дворца есть истинный лабиринтъ темныхъ лѣстницъ и мрачныхъ корридоровъ, въ которыхъ день и ночь горятъ лампы; мнѣ нужно было болѣе двухъ недѣль, чтобы обойтись безъ провожатаго и чтобы научиться ходить одному, не заблуждаясь, по этому громадному, сложному дедалу.

Ничто не могло быть вреднѣе для здоровья, какъ это жилище. Повсюду видны были слѣды разрушающей сырости, и въ залѣ, въ которой висѣли большія историческія картины, я видѣлъ своими глазами, несмотря на постоянный огонь, поддерживаемый въ двухъ каминныхъ, полосы льда въ дюймъ толщиной и шириною въ нѣсколько ладоней, пробѣгающія съ верху до низу по угламъ. Въ комнатахъ Императора и Императрицы сырость до нѣкоторой степени была устранена тѣмъ, что стѣны были обдѣланы деревомъ; но всѣ остальные терпѣли жестоко. Дворецъ этотъ былъ крайне неудобенъ для всѣхъ тѣхъ, которые имѣли въ немъ дѣло. Безпрестанно нужно было проходить либо по перистиллю, либо по корридорамъ, въ которыхъ дулъ сквозной вѣтеръ, либо по двору. Немногимъ вельможамъ позволено было останавливаться у большаго входа. Почти всѣ должны были подъѣзжать къ визанькой двери и совершать длинное путешествіе вверхъ и въ низъ по лѣстницамъ, прежде чѣмъ дойти до мѣста своего назначенія.

Но Императоръ былъ до того прельщенъ своимъ созданіемъ, что самое осторожное порицаніе раздражало его не столько-же, насколько ему льстила самая грубая похвала. Однажды онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ пожилую даму. „Мнѣ говорили, будто лѣстницы дворца неудобны,“ сказала она — „но я нахожу ихъ

превосходными". Императоръ пришелъ отъ этой похвалы въ такой восторгъ, что поцѣловалъ даму. Царедворцы увидѣли пользоваться этою слабостію. Они были неистощимы въ похвалахъ, и мнѣ павѣстно, что, высказавши все, что можно было придумать, они повергались на колѣни передъ бронзами, и поклонялись имъ въ нѣмомъ экстазѣ.

Императоръ лично приказалъ мнѣ и не разъ повелѣвалъ мнѣ подтвердить, что-бы я не упустилъ ничего, что-бы ни одна бездѣлица не ускользнула отъ моего вниманія. Такимъ образомъ, немногіе листы, помѣщенные мною здѣсь, превратились-бы въ толстую книгу, которая уморила бы скукою и автора, и читателя. Нѣсколько недѣль до его смерти, я представилъ ему образецъ моего труда, которымъ онъ остался очень доволенъ.

11 Марта, въ часъ дня, слѣдовательно часовъ за двѣнадцать до его кончины, я видѣлъ Императора Павла и говорилъ съ нимъ въ послѣдній разъ. Онъ возвращался съ прогулки верхомъ съ графомъ Кутайсовымъ, и былъ, повидимому, въ очень хорошемъ расположеніи духа. Встрѣтилъ я его на большой лѣстницѣ, около самой статуи Клеопатры. Онъ, по обыкновенію, остановился, и на этотъ разъ заговорилъ о статуѣ, стоявшей передъ нами. Онъ назвалъ ее прекрасною копіею, рассмотрѣлъ разные виды мрамора, входившіе въ составъ пьедестала, спросилъ у меня ихъ имена: переходя за тѣмъ къ исторіи этой Египетской царицы, онъ восхищался ея геройскою смертію, и улыбнулся, какъ мнѣ кажется, одобрительно, когда я замѣтилъ, что она-бы себя не умертвила, если-бы Августъ не пренебрегъ ея прелестями. Наконецъ, онъ спросилъ меня, подвинулось-ли мое описаніе. Я отвѣтилъ ему, что оно приближается къ концу, и онъ оставилъ меня, сказавъ мнѣ милостиво: „Напередъ радуюсь удовольствію его видѣть.“

Я глядя за нимъ глазами, пока онъ подымался по лѣстницѣ. Дошедши до

верху, онъ обернулся ко мнѣ, оставшемуся внизу, и ни я, ни онъ не подозрѣвали, что мы видѣлись въ послѣдній разъ. Со времени этого разговора эта статуя Клеопатры сдѣлалась для меня знаменательною, и не разъ, по смерти Императора, я съ уныніемъ оставался на этомъ мѣстѣ...

Быть можетъ, есть дворцы, содержащіе большее количество драгоценностей, чѣмъ Михайловскій, но конечно нѣтъ такого, который былъ бы выстроенъ, отдѣланъ и сталъ бы обитаемъ въ столь короткое время (менѣе четырехъ лѣтъ). Великолѣпный столовый сервизъ изъ массивнаго золота и другой фарфоровый, съ видами этого дворца, еще не были окончены.

Нѣсколько недѣль по кончинѣ Императора, всѣ драгоценныя вещи, которыя могли быть перевезены, были вынесены изъ этого дворца и распредѣлены по другимъ, что-бы спасти ихъ отъ сырости. Теперь онъ стоитъ пустой и походить на мавзолей.

О СТАТУЭ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

Извѣстный писатель Д. П. Ознобишинъ (сохранившій и въ наши прозаическіе дни счастливую способность и завидную возможность предаваться занятіямъ искусствами и въ особенности искусствомъ стихотворескимъ) принесъ въ даръ императорской академіи художествъ колоссальную статуу императрицы Екатерины Второй, изъ Каррарскаго мрамора. Статуя эта приобретена имъ отъ одного изъ родственниковъ князя Штепанина, Діодора Андреевича Энгельгардта, у котораго она находилась въ имѣніи его Александровкѣ, подѣ Смоленскомъ, а туда привезена была изъ Делячей, извѣстнаго помѣстья графа Завадонскаго подѣ Суражемъ (Р. Арх. 1868, стр. 107а). Статуя вся въ цѣлости; отбилась только часть руки, но и та нынѣ сформована, и великолѣпное изображеніе Государыни поставлено во всей красѣ своей.

Съ именемъ Екатерины II-й соединено для почтеннаго жертвователя дорогое семейное преданіе. Родной по матери дѣдъ Д. П. Ознобишинъ былъ коллежскій совѣтникъ Иванъ Андреевъ Варвацій, Грекъ родомъ. Богатый и отважный морякъ, онъ собственнымъ брадеромъ поджигалъ елотъ Турецкій въ славный день Чесменской битвы и чрезъ то лишился всего своего состоянія. Босоногія явилась

ся онъ въ С. Петербургъ, представленъ былъ Государынѣ графомъ Безбородкомъ, осыпанъ ея щедротами, возведенъ въ потомственное дворянство Россійской Имперіи, прозведенъ въ поручики и пожалованъ Астраханскими рыбными ловлями, отъ которыхъ потомъ, вмѣстѣ съ другими торговыми оборотами, нажилъ много-милліонное состояніе, употребленное имъ на благо пріютившей его Россіи, что, между прочими подвигами его благотворительности, свидѣлствуютъ и нынѣ каналъ, прорытый въ ямѣ Астрахани и носящій названіе Варвациевскаго, и Греческій монастырь въ Таганрогѣ, именующійся Іерусалимскимъ Александро-Невскимъ, посвященный Гробу Господню и послужившій въ послѣдствіи временнымъ мѣстомъ упокоенія для тѣла Императора Александра Павловича.

Целью не покажется, что статуя Екатерины досталась не Москвѣ, а Петербургу, гдѣ и безъ того изготовляется ей памятникъ и гдѣ въ академіи художествъ уже имѣлось мраморное изваяніе ея, работы Гальберга. Между тѣмъ, хотя Москва и не любила Екатерину; но великая Государыня наиболее содѣйствовала къ ея украшенію и благосостоянію: водопроводы, Воспитательный Домъ, гранитная набережная Москвы-рѣки, Сенатское зданіе, генераль-губернаторскій домъ, дворецъ въ Петровскомъ паркѣ, возобновленные Кремлевскіе соборы и пр. и пр. суть памятники ея трудовъ и попеченій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ.

По поводу памятника тысячелѣтію Россіи *)

Какою мыслію руководствовались составители списка лицъ, долженствующихъ на воздвигаемомъ памятникѣ выразить собою тысячелѣтнюю жизнь Русскаго народа? По какимъ соображеніямъ пропущено въ этомъ списокѣ такое лицо, какъ Императоръ Николай, тридцать лѣтъ, въ самое трудное время, управлявшій судьбами Россіи и оказавшій ей несомнѣнную, великія заслуги?— Мы можемъ

*) Писано въ 1862 г. Въ вышедшемъ тогда календарѣ были пречислены историческія лица, которыхъ изображенія должны были появиться на памятникѣ тысячелѣтію Россіи, при чемъ многіе важнѣйшіе дѣятели были забыты. *И. Б.*

еще объяснить себѣ всѣ другіе пропуски такъ или иначе, тою или другою степенью знанія и пониманія исторіи въ составителяхъ этого проэкта, неустановившимся еще взглядомъ на внутреннее содержаніе нашего проедшаго и т. п.; но что касается до Императора Николая, то отсутствіе его на памятникѣ остается для насъ совершенно необъяснимымъ. Не можемъ же мы объяснять себѣ такого серьезнаго вопроса постыдною уступчивостью ходячимъ толкамъ современнаго нашего либерализма.—Какъ не подумали составители проэкта, что изъ 107 избранныхъ лицъ, 13 взяты ими изъ одной Николаевской эпохи, и что этимъ однимъ они опредѣлили уже всю важность значенія Государя въ эту эпоху царствовавшего. Значеніе это и безъ нихъ, конечно, оцѣнитъ безстрастная исторія; но стыдно будетъ за насъ потомкамъ видѣть, какое невѣжество или какія мелкія страсти могли господствовать въ наше время. Воспользуемся же этимъ случаемъ, чтобъ возвысить нашъ голосъ, какъ онъ ни малозначителенъ, для возданія должнаго уваженія памяти чловѣка, — тридцать лѣтъ служившаго Россіи ревностно, честно и славно, хотя и не безошибочно; заявимъ, что страстное или тупое увлеченіе не составляетъ общей принадлежности нашего времени; отзовемся тѣмъ смѣлѣе, что мы совершенно свободны отъ всякихъ, побужденій, кромѣ чистой и безкорыстной любви къ правдѣ.

Значеніе и характеръ Николая Павловича понимаются и оцѣниваются у насъ чрезвычайно односторонне. Пустой нашъ либерализмъ, почерпнутый не изъ жизни, а взятый цѣликомъ изъ неприменимыхъ къ намъ теорій Запада, и привитый къ молодымъ умамъ не развитіемъ, сообщае-

мымъ образовательною силою основательнаго знанія, а общими мѣстами и поверхностными, готовыми выводами легкой, журнальной науки,—этотъ либерализмъ видитъ въ дѣятельности покойнаго Государя одинъ произволъ, волю, руководившуюся исключительно интересами самовластиа и династическаго принципа, безъ всякаго отношенія къ пользамъ народа. Разсмотримъ же добросовѣстно, такъ ли это?

Обстоятельства, сопровождавшія возшествіе на престолъ Николая, озарили ему внезапнымъ свѣтомъ истинное значеніе пути, по которому повелъ Русскую жизнь Петръ Великій. Революціонное начало, этотъ жизненный элементъ западной цивилизаціи, сложившейся изъ борьбы враждебныхъ стихій, будучи діаметрально противоположно требованіямъ нашего народнаго организма, совершенно чуждо историческимъ условіямъ его развитія и несогласимо съ самыми коренными основами нашего духа, приобрѣло у насъ право гражданства, вмѣстѣ съ западными понятіями о политическомъ правѣ и историческомъ прогрессѣ. Пропитанный этими понятіями образованный классъ нашъ, какъ слой, оторванный отъ народа, былъ правъ, съ своей точки зрѣнія, ничего не ожидая отъ жизни, къ которой самъ не принадлежалъ, а считывая, даже въ законныхъ своихъ стремленіяхъ, только на результаты насильственныхъ переворотовъ. Николай сразу это понялъ и заявилъ въ одномъ изъ вступительныхъ своихъ манифестовъ, указавъ въ немъ на необходимость для насъ *Русскихъ* начать въ воспитаніи.—Это былъ первый у насъ критическій взглядъ на реформу Петра Великаго, первый шагъ къ нашему самопознанію и первая причина вражды къ Императору, при

жизни и послѣ его смерти, со стороны тѣхъ, для кого солнце свѣтитъ только на Западъ и съ Запада.

Съ минуты возшествія на престолъ Императора Николая, началась у насъ реакція противъ Петровской реформы и систематическое противодѣйствіе западному направленію въ просвѣщеніи. Но дѣйствовалъ ли Николай, какъ обскурантъ?—Нѣтъ. Обскурантъ не поручилъ бы министерства просвѣщенія Уварову, не терпѣлъ бы его въ этомъ званіи болѣе пятнадцати лѣтъ, не строилъ бы новыхъ университетовъ, не созидалъ бы новыхъ учебныхъ заведеній, не возвышалъ бы гимназій, не заводилъ бы сельскихъ школъ въ государственныхъ имуществвахъ, не учреждалъ бы ученыхъ обществъ, центральныхъ архивовъ, археографическихъ комиссій, не призывалъ бы къ открытію публичныхъ губернскихъ библиотекъ, не обращалъ бы такого вниманія на наше центральное книгохранилище, не возвращалъ бы изъ ссылки Пушкина.—Онъ не препятствовалъ и отправленію за границу молодыхъ людей на казенный счетъ, для усовершенствованія въ наукахъ, чрезъ что наши университеты оживились многими даровитыми профессорами. Николай сочувствовалъ просвѣщенію, уважалъ науку, покровительствовалъ искусствамъ, но былъ врагомъ той науки, которая обращала каѳедры профессоровъ въ трибуны, а аудиторы недозрѣвшаго юношества въ политическіе клубы.

Благодаря вниманію, которое онъ обратилъ на собраніе памятниковъ нашей старины, у насъ развилась при немъ небывалая историческая дѣятельность; возникли два историческія направленія, взаимной борьбѣ которыхъ мы обязаны нынѣшнимъ состояніемъ

у насъ отечественной науки и, можетъ быть, возможностью для нашей жизни правильнаго прогресса.

Полное собраніе законовъ и сдѣланный изъ него сводъ проложили необходимый путь нашему будущему законоподательству.

Но почувствовать несостоятельность нашего развитія еще не значило опредѣлить себѣ самый путь, ему нужный: чувство, не возведенное въ положительное сознаніе самыхъ требованій, поставило Императора Николая между двухъ направлений, западно-европейскимъ и русскимъ, безъ опредѣленнаго пути между ними. Историческую задачу его времени составляла проблема, которую онъ замѣтилъ, за которую взялся, но положительное разрѣшеніе которой не было еще доступно никакой человѣческой мудрости. Отсюда неопредѣленность правительственныхъ цѣлей, сбивчивость стремленій, неудовлетворительность въ выборѣ средствъ и въ общемъ направленіи правительственной воли, противорѣчія въ ея указаніяхъ, излишество въ требованіяхъ, ошибки въ послѣдствіяхъ, характеръ борьбы во внутреннихъ отправленияхъ жизни и, какъ неизбежная принадлежность всякаго переходнаго времени, страдательное состояніе общественнаго организма.

Но главное совершилось: начался поворотъ Русской жизни къ ея собственнымъ источникамъ.

И, несмотря на страдательное состояніе организма, въ немъ не только не упали жизненные силы, а напротивъ, онъ обновлялся въ своихъ источникахъ и крѣпли. Уничтоженіе Уніи возвратило въ лоно Русской семьи нѣсколько милліоновъ душъ, втихъ украденныхъ у нея дѣтей, по выраженію Хомякова. Пробужденное на-

родное сознаніе навсегда обезпечило отечеству западную его половину. Инвентарныя правила, введенныя въ западномъ краѣ и изъяснившія крестьянъ изъ произвола помѣщичьей власти, были прологомъ къ совершившейся у насъ великой реформѣ.

Экономическое положеніе государства, до послѣдней войны, было при ИмператорѢ НиколаѢ весьма удовлетворительно. Казна была богата, торговля и промышленность развивались, рынки наши изобиловали монетою. При самомъ началѣ восточной войны съ трудомъ отыскивались охотники взять золото за кредитные билеты.

Ежели не сочувствіе, то уваженіе къ могуществу Россіи, давало нашей виѣшней политикѣ значеніе первостепенное въ Европѣ. Никто не смѣлъ предписывать намъ законовъ. Войны наши, до послѣдней, были счастливы и приобрѣли намъ обширныя области, значительно усовершенствовавшія наши пограничныя линіи. Виѣ предѣломъ мы могли благодѣтельствовать, освободили Сербію, положили въ Дунайскихъ княжествахъ начало не только политической независимости, но и либеральнаго внутренняго устройства.

Наконецъ и послѣдняя война, хотя несчастная и тяжкая, въ послѣдствіяхъ своихъ будетъ, однакожь, плодотворна: восточный вопросъ поднять ею, возведенъ ею на степень вопроса европейскаго и, слѣдовательно, міръ христіанскій будетъ обязанъ все таки Императору Николаю неотразимымъ паденіемъ въ Европѣ незаконнаго, ненавистнаго мусульманскаго владычества.

Таковы были плоды дѣятельности Императора Николая, какъ царя. Посмотримъ, каковъ онъ былъ, какъ человѣкъ. И съ этой стороны страсти

и легкомысліе судять о немъ не менѣе несправедливо, не менѣе односторонне.

Я не буду вдаваться въ возгласы, не буду выставлять публичныхъ дѣйствій Государя, свидѣтельствующихъ о свойствахъ человѣка, а расскажу только три случая, о которыхъ узналъ случайно, которые извѣстны, по всей вѣроятности, очень немногимъ и въ которыхъ его совѣсть высказывалась не для публики.

Въ 1826 году, я встрѣтился въ Харьковѣ съ Станиславомъ Романовичемъ Лепарскимъ, который, до производства въ генералы, былъ начальникомъ полка, имѣвшаго своимъ шефомъ Великаго Князя Николая Павловича, особенно его любившаго и уважавшаго. Начавъ свое служебное приговление въ этомъ полку и бывъ, какъ и всѣ его подчиненные, глубоко привязанъ къ достойнѣйшему старцу, я очень обрадовался встрѣчѣ съ нимъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки; но тѣмъ болѣе былъ огорченъ, узнавъ, что онъ, въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ, ѣдетъ въ Нерчинскъ, куда назначенъ комендантомъ. Я выразился ему въ этомъ смыслѣ. — Что дѣлать! отвѣчалъ онъ, такъ угодно Государю. Я замѣтилъ ему, что при извѣстныхъ къ нему отношеніяхъ Государя, не могло такое назначеніе состояться мимо его собственной воли. — Я расскажу тебѣ, сказалъ онъ, какъ это случилось, и тогда самъ суди, могъ ли я отказаться. Государь вызвалъ меня въ Петербургъ и говоритъ мнѣ: «Станиславъ Романовичъ, я знаю, что ты меня любишь и потому хочу потребовать отъ тебя большой жертвы. У меня нѣтъ никого другаго, къ мнѣ бы я могъ въ этомъ случаѣ замѣнить тебя. Мнѣ нуженъ человѣкъ, къ которому я бы имѣлъ такое полное довѣріе, какъ къ тебѣ; и у котораго

было бы такое, какъ у тебя сердце. Поѣзжай комендантомъ въ Нерчинскъ и облегчи тамъ участь несчастныхъ. Я тебя уполномочиваю къ этому. Я знаю, что ты съумѣешь согласить долгъ службы съ христіанскимъ состраданіемъ. — У старика, во время разказа, потекли слезы. Спросите же у тѣхъ изъ порученныхъ ему несчастныхъ, которые теперь уже между нами, чѣмъ былъ для нихъ Лепарскій?

Другой случай: здѣсь, въ Кіевѣ, много судилось лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло извѣстнаго Польскаго эмиссара Конарскаго. Государь пріѣхалъ сюда вскорѣ послѣ приговора надъ ними. У подъѣзда его квартиры бросилась къ нему въ ноги рыдающія женщина, съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми. Эта сцена видимо смутила Государя. Не остановившись, онъ приказалъ бывшему съ нимъ генераль-губернатору распросить, въ чемъ ея просьба и доложить ему, а самъ вошелъ въ домъ. Генераль-губернаторъ, узнавъ въ чемъ дѣло, отправился не прямо къ Государю, на верхъ, а въ свое помѣщеніе, бывшее внизу; отворивъ дверь въ свой кабинетъ, онъ нашелъ въ немъ Государя, который стоялъ противъ двери и ожидалъ его. Онъ доложилъ, что женщина эта—жена одного изъ осужденныхъ и просить помилованія мужу. Вотъ слова, сказанныя при этомъ Николаемъ Павловичемъ: «Ты не знаешь, какъ тяжело быть въ невозможности прощать! Простить сейчасъ я не могу: это была бы слабость. Но спустя нѣкоторое время, представь мнѣ о немъ».

Третій случай: не помню въ какомъ году, во время бытности въ Кіевѣ Государя, генераль-губернаторъ получилъ отъ намѣстника Галиціи графа Стадіона увѣдомленіе объ от-

крытія имъ слѣдовъ тайнаго общества, вѣтви козорого проникали и въ наши западныя области.—Стадіонъ просилъ, однакожь, преслѣдовать это дѣло въ тайнѣ, потому что Австрійское правительство рѣшило дать время обществу, какъ можно болѣе, развиться и привлечь къ себѣ какъ можно болѣе людей злонамѣренныхъ, чтобы потомъ разомъ покончить съ ними. — Генераль-губернаторъ доложилъ этотъ отзывъ Государю. — «Боже тебя сохрани, вскричалъ Николай, держаться этой подлой политики! Уничтожай зло въ самомъ началѣ, а не старайся увеличивать число жертвъ».

Эти три черты достаточно опредѣляютъ въ Царѣ Николаѣ челоуѣка. Трудно большаго требовать отъ Государя: вѣдь не даромъ же Русскіе

люди сказали, что тяжела шапка Мономаха!

Скажу въ заключеніе: сдерживая, въ продолженіе тридцати лѣтъ, Русскую колесницу на пути западно-европейскаго развитія, Императоръ Николай далъ намъ время приготовить ся и возможность вступить на тотъ широкій путь, который открываетъ теперь нашей жизни его преемникъ. Отецъ и сынъ, рука съ рукой, станутъ передъ судомъ потомства, и памятникъ, воздвигнутый сыномъ отцу, признаютъ *своимъ* исторія и народъ Русскій; но памятникъ, воздвигаемый тысячелѣтію Россіи, не будетъ признанъ *своимъ* ни исторією, ни Русскимъ народомъ.

Кіевъ.

М. Юзефовичъ.

Чертковская библіотека на Страстной и Святой недѣляхъ будетъ закрыта для чтенія. Съ 20-го Апрѣля ежедневное (кромѣ понедѣльниковъ и дней праздничныхъ) чтеніе отъ XI до III часовъ утра.

О ПРОДАЖЪ РУССКАГО АРХИВА ПРЕЖНИХЪ ГОДОВЪ.

Годовыя изданія Русскаго Архива составляютъ каждое по большой книгѣ, съ особымъ указателемъ собственныхъ именъ, въ ней упомянутыхъ, что облегчаетъ пользованіе матеріалами и статьями Русскаго Архива для историческихъ справокъ и для собиранія свѣдѣній о какомъ-либо лицѣ.

Дабы сдѣлать изданіе это доступнѣе большинству людей ученыхъ и любителей историческаго чтенія, назначаются слѣдующія *уменьшенныя* цѣны прежнимъ книгамъ Русскаго Архива:

1. Русскій Архивъ 1864 года, съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя. 154 и 1182 стр. Цѣна три рубля.
  2. Русскій Архивъ 1865 года. 1550 стр. Цѣна три рубля.
  3. Русскій Архивъ 1866 года, съ фотографическимъ портретомъ Императрицы Екатерины въ траурномъ одѣяніи, въ царствованіе ея супруга. XX. 1777, XII и 134 стр. (Указатель къ повремен. изданіямъ Моск. Общества исторіи и древностей). Цѣна шесть рублей (осталось небольшое число экземпляровъ)
  4. Русскій Архивъ 1867, съ литографированнымъ портретомъ К. Н. Батюшкова. XI. 1720, XIV и 338 стр. (Записки книжныи Н. Б. Долгорукой и Д. Б. Мертваго). Ц. четыре рубля.
  5. Русскій Архивъ 1868 года, съ общимъ оглавленіемъ всѣхъ статей въ предыдущихъ годахъ. LXIII, 2050 и 30 стр. Цѣна пять рублей.
  6. Русскій Архивъ 1869 года (Третій выпускъ „Окраинъ“ Ю. Ф. Самарина. Записки Саблукова о временахъ и кончинѣ Императора Павла). 2080, 72 и LX стр. Цѣна пять рублей.
- Пересылка каждой книги Русскаго Архива въ другіе города—за три фунта за каждую книгу, смотря по разстоянію.

Выписывающіе не менѣе трехъ книгъ вмѣстѣ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Получать по этой цѣнѣ можно въ Москвѣ, исключительно въ Чертковской библиотекѣ, у П. И. Бартевева.

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не желая замедлять помѣщеніе собранныхъ имъ статей и въ то же время не находя удобнымъ еще увеличивать объемъ Русскаго Архива, нашелъ возможнымъ печатать отдѣльными книгами особый историческій сборникъ, подъ названіемъ „Осмнадцатый Вѣкъ“, въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію и, въ большинствѣ случаевъ, объемомъ своимъ превышающія размѣръ тетрадей Русскаго Архива.

Книги „Осмнадцатаго Вѣка“ выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первыя четыре книги „Осмнадцатаго Вѣка“. Цѣна первой—2 р. 50 к., второй, третьей и четвертой—по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

ЗАПИСКИ

ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА,

съ примѣчаніями П. И. Бартевева.

М. 1860. 8°. 520 стр. Цѣна 2 р., пересылка за 3 фунта.

Печатается третье изданіе книги Ю. Ф. Самарина объ иезуитахъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Литературныя Записки *М. А. Дмитріева*. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора. Изданіе Русскаго Архива. 8°. 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 3 фунта.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ большею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкой на домъ, такъ и съ пересылкою г.г. иногороднымъ подписчикамъ—

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ.

О продажѣ прежнихъ годовъ Р. Архива см. на внутренней сторонѣ сей обертки.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непременно сообщать нумеръ перемѣняемаго адреса

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ для Германіи и Бельгіи — 1 р. 50 к., для Франціи — 2 р. для Англій — 2 р. 50 к.; для Швейцаріи и Италіи — 3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеньевъ.**

ГОДЪ

ВОСЬМОЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

6.

ПРИ

1870.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Гарлибъ Меркель и его книга о Латышахъ въ исходѣ XVIII-го столѣтія.
2. Выдержки изъ писемъ *Сперанскаго* къ А. А. Столышину съ предисловіемъ Д. А. Столыпина.
3. Автобіографическая памятная замѣтка императрицы *Екатерины II*-й (Маскерадъ 1763).
4. О рукописной исторіи первой *Екатерининской* войны съ Турціею. Замѣтка *С. Гулиева*.
5. Укорительное письмо *Фотія* къ князю А. Н. Голицыну.
6. Изъ воспоминаній П. П. Новосильцева. 1. Видѣніе принцу Евгенію Богарне. 2. О междуцарствіи 1825 года.
7. Новыя письма А. С. *Пушкина* къ В. А. Жуковскому, И. Ф. Мойеру, В. К. Кюхельбекеру и П. А. Плетневу.
8. Виленская комиссія о послѣдователяхъ Канарскаго. Статья *М. П. Топильскаго*.
9. Соисканіе преміи за лучшее біографическое сочиненіе о князѣ Безбородкѣ.
10. Замѣтки и поправки.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Большая Дмитровка, № 7.

1870.

Книги, которыя можно получить въ Москвѣ въ Чертковской Библиотекѣ (Мѣсящная № 7)

Сочиненія А. Д. Черикова:

1. Воспоминанія о Сициліи. М. 1886—1887. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
2. О переселеніи Фракіійскихъ племенъ за Дунай и въ намѣ на Русь. М. 1851. 8°. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.
3. Фракіійскія племена, жившія въ Малой Азіи. М. 1852. 8°. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.
4. Пелазго Фракіійскія племена, населявшія Италію. М. 1853. 8°. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

РУССКІЕ НА БОСФОРЪ

въ 1833 году.

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Изданіе Чертковской библиотекы, въ 8°, 8 пем., 462, 092, VII и 2 пем. стр. съ рисункомъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

Съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями, въ 8-му. X и 319 стр. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ (Изданіе Русскаго Архива. М. 1867. 187, VIII, 240 и VIII стр.). Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Тамъ же получить можно изданія князя Н. Туркестанова:

1. Сокращенный Календарь (900—1900), составленный для повѣрки годовъ въ лѣтописи. С.-Петербург., печатня В. Головина, 1868. 108 стр. въ 4-ку.
2. Губернскій Служебникъ, или списокъ генералъ губернаторамъ, правителямъ, предсѣдателямъ и дворянскимъ предводителямъ. (1777—1796 г. С. Петерб., въ типогр. В. Б. Нусвальта, 1869. 143 стр. въ 4-ку.

Цѣна за каждую книгу по 75 коп. За пересылку прилагается за фунтъ, по разстояніямъ

О ПРОДАЖѢ РУССКАГО АРХИВА ПРЕЖНИХЪ ГОДОВЪ.

Годовыя изданія Русскаго Архива составляютъ каждое по большой книгѣ, съ особымъ указателемъ собственныхъ именъ, въ ней упомянутыхъ, что облегчаетъ пользованіе матеріалами и статьями Русскаго Архива для историческихъ справокъ и для собранія свѣдѣній о какомъ-либо лицѣ.

Дабы сдѣлать изданіе это доступнѣе большинству людей ученыхъ и любителей историческаго чтенія, назначаются слѣдующія уменьшенныя цѣны прежнимъ книгамъ Русскаго Архива:

1. Русскій Архивъ 1864 года, съ рисункомъ рѣдкой пиковы Ангела-Хранителя. 154 и 1182 стр. Цѣна **три** рубля.
2. Русскій Архивъ 1865 года. 1550 стр. Цѣна **три** рубля.
3. Русскій Архивъ 1866 года, съ фотографическимъ портретомъ Императрицы Екатерины въ траурномъ одѣяніи, въ царствованіе ея супруга. XX, 1777, XII и 164 стр. (Указатель къ повремен. изданіямъ Моск. Общества исторіи и древностей). Цѣна **шесть** рублей (осталось небольшое число экземпляровъ).

4. Русскій Архивъ 1867, съ литографированнымъ портретомъ К. Н. Батюшкова. XI. 1720, XIV и 336 стр. (Записки княгини Н. Б. Долгорукой и Д. Б. Мартваго). Ц. **четыре** рубля.

5. Русскій Архивъ 1868 года, съ общимъ оглавленіемъ всѣхъ статей въ предъидущихъ годахъ. I, XIII, 2050 и 30 стр. Цѣна **пять** рублей.

6. Русскій Архивъ 1869 года (Третій выпускъ „Окраинъ“ Ю. Ф. Самарина. Записки Саблукова о временахъ и кончинѣ Императора Павла). 2080, 72 и I, X стр. Цѣна **пять** рублей.

Пересылка каждой книги Русскаго Архива въ другіе города — за **три** фунта за каждую книгу, смотря по разстоянію.

Выписывающіе не менѣе трехъ книгъ вмѣстѣ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Получать по этой цѣнѣ можно въ Москвѣ, исключительно въ Чертковской библиотекѣ, у П. И. Бартеена.

ГАРЛИБЪ МЕРКЕЛЬ И ЕГО НИГА О ЛАТЫШАХЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Въ Русской періодической печати не разъ упоминалось имя доктора Меркеля, краснорѣчиваго защитника Латышей, обличителя притѣсненій, которымъ подвергались они со стороны Лифляндскаго рыцарства. Укажемъ, въ особенности, на статьи Д. Ѳ. Самарина „Баронъ Шульцъ и докторъ Меркель“ въ журналѣ „Сельское благоустройство“ 1858 г. кн. 5 и 12, и на передовую статью «Моск. Вѣдомостей» (1869 № 237), въ которой, по поводу праздника, устроеннаго Латышами въ столѣтнюю годовщину рожденія Меркеля, сообщаются нѣкоторыя біографическія подробности о покойномъ и выставляются въ яркомъ свѣтѣ его заслуги передъ Остзейскимъ краемъ и Россією. Вотъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности этого достопамятнаго человѣка.

Докторъ философіи, Гарлибъ Меркель, сынъ пастора, родился въ Лифляндіи 21 октября 1769 г. Ребенокъ крайне впечатлительный, Меркель съ ранняго дѣтства былъ пораженъ жестокимъ обращеніемъ Балтійскихъ помѣщиковъ съ крѣпостными крестьянами—Латышами; въ запискахъ, написанныхъ имъ уже въ старости (Darstellungen und Charakteristiken aus meinem Leben von Dr. G. Merkel. Leipzig 1839—1840) онъ рассказываетъ подробно эти случаи жестокости, глубоко запавшія въ его душу, и опредѣлившія всю его будущую дѣятельность. Получивъ первоначальное воспитаніе въ Ригѣ, сперва въ школѣ, потомъ въ гимназіи, Меркель, попробовавъ корот-

VI.

кое время общественной службы, стать домашнимъ учителемъ. Въ это время его жизни, Лифляндія, привыкшая къ злоупотребленіемъ помѣщичьей властью, была полна толковъ по поводу дѣлъ надъ нѣсколькими помѣщиками, замучившими до смерти своихъ крестьянъ невѣроятными истязаніями; толковъ было много, но обличить злодѣйства печатно не осмѣливался никто. Меркель рѣшился на это первый, убѣжденный, что такое обличеніе вынудитъ сломать существовавшій порядокъ. Но зная, что издать подобное сочиненіе въ Лифляндіи было болѣе чѣмъ рисковано, онъ, въ апрѣлѣ 1796 г., переехалъ въ Германію. Здѣсь, къ августу 1797 г., какъ разъ во времени съѣзда Лифляндскихъ дворянъ для совѣщаній по крестьянскому дѣлу, вышла его знаменитая, но мало извѣстная, книга: «Латыши, преимущественно въ Лифляндіи, въ концѣ философскаго столѣтія». Наполненная поразительными фактами, доказывавшая необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, написанная съ поразительною силою, съ полнымъ убѣжденіемъ,—книга эта произвела громадное впечатлѣніе въ Германіи, и разумѣется не въ пользу Лифляндскихъ помѣщиковъ. Понятно, что въ Лифляндіи она была привѣтствована бранью и ругательствами; существуетъ даже преданіе, что всѣ дошедшіе сюда экземпляры были скуплены и сожжены. Какъ бы то ни было, но книга Меркеля, возбуждая цѣлую литературу пасквилей (Von Firks, Die Russkij Archivъ 1870. 32

Letten in Kurland oder Vertheidigung meines Vaterlandes gegen Merkel. 1803. Livland und Esthlands Ehrenrettung gegen G. Merkel und Petri, v. Tiebe 1804. Nachtrag zu Liv. und Esthl. Ehrenrettung oder die Todten Livlands stehen gegen G. Merkel auf. 1805. и пр.), не только выдержала нѣсколько изданій, была переведена на нѣсколько языковъ, но и произвела подражателей: Петри, подъ влияніемъ ея, выступилъ на защиту Эстонцевъ (Esthland und die Esthen oder historisch - geographisch-statistisches Gemälde von Estland—ein Seitenstück zu Merkel über die Letten. Gotha. 1802). Но Меркель не остановился на этомъ: прослушавъ лекціи въ Йенскомъ университетѣ, онъ издалъ почти одно за другимъ—ислѣдованіе о крѣпостномъ правѣ, посвященное ливляндскому дворянству, и исторію Лифляндіи, до польскаго владычества (Die Vorzeit Livlands. 2 т. 1798—1800). Затѣмъ, съ 1799 по 1806 г. Меркель живетъ въ Берлинѣ и издаетъ газету (der Freimüthige) съ цѣлію воздержатъ Нѣмцевъ противу французскаго вліянія, но не покидаетъ борьбу противу рабства Латышей. Въ 1803 г. онъ печатаетъ въ Лейпцигѣ поэтическую балтійскую сагу, Ваннемъ - Иманта, и посвящаетъ ее Императору Александру I. Есть много поводовъ утверждать, что эта небольшая, задушевно написанная книжка возбудила изслѣдованіе со стороны русскаго правительства о положеніи балтійскихъ крестьянъ. Еще разъ нарушился покой ливляндскихъ рыцарей по милости Меркеля, который между тѣмъ переехалъ (въ 1806 г.) въ Ригу, основалъ журналъ Ruthenia и здѣсь снова напомнилъ о себѣ (въ 1814 г.) брошюрою: Beweis dass es halb soviel koste seine Ländereien von Tagelöhnern bearbeiten zu lassen als von leibeigenen Bauern. Доказывая выгоды вольнонаемнаго труда,

Меркель еще разъ подвергся гоненіямъ: всѣ распроданные экземпляры его брошюры отобраны и уничтожены. Между тѣмъ, дѣло освобожденія балтійскихъ крестьянъ двигалось впередъ, и Меркель, снова совершившій поѣздку въ Германію, послѣ обнародованія извѣстнаго Положенія 1816 г. о балтійскихъ крестьянахъ, издалъ въ 1820 г. послѣднее свое большое сочиненіе: «Свободные Латыши и Эсты» (Die freien Letten und Esthen, eine Erinnerungsschrift zu dem am 6 Januar 1820 in Riga gefeierten Freiheitsfeste). За это сочиненіе Императоръ Александръ I назначилъ Меркелю небольшую пожизненную пенсію. Поруганный своими соотечественниками, оклеветанный и признанный ими за низкаго льстеца русскому правительству, Меркель дожилъ до глубокой старости: 27 апрѣля 1850 г., онъ скончался въ Ригѣ на 81 году отъ рожденія. Могила его, въ восьми верстахъ отъ Риги, долго оставалась забытою; только въ прошломъ 1869 г., послѣ ста лѣтъ отъ времени рожденія Меркеля, на ней совершилось скромное торжество: Латышское общество, образовавшееся въ Ригѣ, поставило на его могилѣ памятникъ. Чтобы покрыть издержки по сооруженію его, общество пустило въ продажу фотографическій портретъ Меркеля. 21 октября прошлаго года, на могилѣ оставленъ поднятый со дна Двины, гранитный камень, украшенный вызолоченнымъ крестомъ, съ слѣдующею надписью: «Гарлибъ Гельвицъ Меркель родился 21 октября 1769, умеръ 27 апрѣля 1850. Воздвигнутъ Латышами, при посредствѣ Рижскаго Латышскаго общества 21 октября 1869 года». На празднествѣ этомъ, по словамъ «Rig. Zeit.» и «Zeit. für Stadt und Land», Нѣмцы присутствовали въ весьма маломъ числѣ; г. Крегеръ, пасторъ Катлакальнской церкви, совершавшій богослуженіе, произнесъ рѣчь, въ

которой впрочемъ не сказалъ ни одного слова ни о Меркелѣ, ни о его дѣятельности и даже не прозвнѣсь его имени. Рѣчи на латышскомъ языкѣ говорили г. Томсонъ, г. Шиллингъ и крестьянинъ Яковъ Виллинъ. Вспомнивъ, въ самыхъ задушевныхъ словахъ, заслуги покойнаго и все добро, сдѣланное имъ для Латышей, Виллинъ заявилъ собранію, что издержки на памятникъ Меркелю далеко не покрылись продажей его портретовъ, и затѣмъ, разославъ платокъ на могилѣ, сказалъ: «у кого есть рубль, — пусть тотъ дастъ рубль, у кого копѣйка, — пусть тотъ дастъ копѣйку». Собрано было 60 рублей.

Это позднее прославленіе литературнаго и политическаго дѣятеля, самое имя котораго такъ долго казалось преданнымъ окончательному забвенію, не есть дань минутному увлеченію, не есть журнальная реклама для привлеченія сочувствій публики къ положенію Остзейскихъ крестьянъ. И прежде, полновѣсные голоса отдавали справедливость заслугамъ Меркеля относительно крестьянскаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ о немъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей освобожденія Остзейскихъ крестьянъ въ 1817—18 годахъ, лавдратъ Самсонъ фонъ-Гимельштиернъ, въ предисловіи къ своей интересной исторической запискѣ ¹⁾ объ этомъ предметѣ:

«Пора обвиненій и нареканій миновалась, и теперь ничей патріотизмъ, ничья политическая благонамѣренность

¹⁾ R. I. L. Samson v. Himmelstiern. Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen, in besonderer Beziehung auf das Herzogthum Livland (Beilage zum Inland) Dorpat. 1838.

не будетъ заподозрѣна, на основаніи того или другаго взгляда на значеніе доктора Меркеля. Насколько мнѣ извѣстно, нечего опасаться порицаній за открытое признаніе того, что доктору Меркелю принадлежитъ великая заслуга относительно отроднаго преобразованія въ положеніи крестьянъ. Онъ говорилъ со страстію, но говорилъ истину. Его страстность была *ревностію къ благу дѣлу*, и поэтому не только не нуждается въ извиненіяхъ, но вполне оправдывается. Что же касается до истины, то часто она не только раздражаетъ, но даже язвить такъ жестоко, что произведенное его болѣзненное ощущеніе переносится и на того, кто съ наилучшими намѣреніями выводитъ ее на свѣтъ Божій».

«Еслибы докторъ Меркель не говорилъ съ тою страстію, которая, согрѣвая его сердце, одушевляла его рѣчь, то онъ конечно подвергся бы одинаковой участи съ своими предшественниками. Его гѣлоса не разслышали бы, его дѣятельности не замѣтили бы. Его смѣлости въ 1796 году (когда появились «Латыши») многіе тогдашніе юноши обязаны своимъ благороднымъ, плодотворнымъ для будущаго, взглядомъ на вещи. Эти юноши теперь созрѣли и вступили въ года осторожной старости, въ которые охотнѣе озираешься на далекое прошлое, чѣмъ заглядываешь въ отдаленную земную будущность. Ссылаюсь на свидѣтельство тѣхъ, которые еще остались въ живыхъ. Они, почтительные ко всякому добру, и тутъ не утаятъ своего уваженія, своей благодарности.»

Подобныя свидѣтельства не могутъ

*

не возбудить въ читателѣ желаніе ознакомиться поближе съ литературною дѣятельностію Меркеля. Но, къ сожалѣнію, всѣ его сочиненія составляютъ величайшія библиографическія рѣдкости, совершенно недоступныя большинству читающей публики. Поэтому, считаемъ не лишнимъ помѣстить на страницахъ Русскаго Архива обширное извлеченіе изъ главнаго труда Остзейскаго публициста—изъ книги, на которую ссылается Самсонъ.

Вотъ полное заглавіе этой книги: *Die Letten, vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde, von G. Merkel* (Латыши преимущественно въ Лифляндіи, въ концѣ философскаго столѣтія. Къ наукѣ о народахъ и о человѣкѣ. Г. Меркеля). Эпиграфъ: *Non ignarus mali, miseris succurrere opto.*

Мы имѣемъ подѣ руками оба изданія этого сочиненія и, кромѣ того, любопытную книжку, также весьма рѣдкую, которая можетъ отчасти считаться третьимъ изданіемъ книги Меркеля.

Первое изданіе напечатано въ Лейпцигѣ у Германа Графа, въ 1797 году, in 18°, 378 стр. Къ нему приложена заглавная виньетка, гравированная на мѣди, съ подписью: *Geschichte der Letten* (Исторія Латышей). Эта виньетка изображаетъ Латыша, къ которому съ угрозой подступаютъ рыцарь въ латахъ съ обнаженнымъ мечомъ и монахъ съ чашею въ одной рукѣ и зажженнымъ факеломъ въ другой. Самому тексту предшествуетъ посвященіе князю Николаю Васильевичу Репнину, тогдашнему Остзейскому генералъ-губернатору. Посвященіе это (на-

писанное еще при Екатеринѣ) есть воззваніе къ Русскому правительству объ «освобожденіи милліона угнетенныхъ отъ позорнаго ига рабства».

Второе изданіе, напечатанное тамъ же (1800, in 18, 442 стр.) отличается отъ перваго нѣкоторыми незначительными дополненіями, документальными приложеніями и отсутствіемъ посвященія ²⁾. Къ нему приложена тоже виньетка, нѣсколько измѣненная (костюмъ Латыша изображенъ вѣрнѣе) и кромѣ того, на самомъ заглавіи другая, изображающая скованнаго Прометея.

Третья упомянутая нами книжка носитъ названіе: *Merkwürdige Memoiren des Grafen von Un-St-bg eines, der Ietztwelt grössten und merkwürdigsten Verbrechers. Aus dessen Akten gezogen. Reval. bei Peter Müller dem Aeltern* ³⁾ 1807 (Записки графа Ун-ст-бга, одного изъ величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ преступниковъ нашего времени. Извлечено изъ его бумагъ. Ревель, у Петра Мюллера Старшаго 1807) in 18°, 2 ч. 394 и 279 стр.

Очевидно изъ содержанія этой книги, что дѣло идетъ о пресловутомъ графѣ Унгернъ-Штернбергѣ, обогатившемся самымъ наглýmъ пиратствомъ, и за это сосланномъ въ Сибирь. Содержитъ она, въ формѣ автобіографическаго романа, апологію графа Унгерна Штернберга, и пересыпана самыми разнообразными эпизодами. Въ первомъ томѣ мы находимъ

²⁾ Князь Репнинъ въ это время уже умеръ.

³⁾ Обращаемъ вниманіе библиомановъ на это го дѣятельнаго издателя. Списокъ изданныхъ имъ книгъ, приложенный къ упомянутому сочиненію, замѣчателенъ своимъ объемомъ и любопытными названіями нѣкоторыхъ изданій.

длинное, не лишенное интереса описаніе сельскаго быта Остзейскихъ дворянъ прошлаго столѣтія. Уже тутъ на каждомъ шагѣ выставляется на видъ ненавистная подкладка блестящаго образа жизни Остзейскихъ бароновъ—крѣпостное право въ самомъ чудовищномъ своемъ развитіи. Но это не мѣшаетъ автору отдавать справедливость и свѣтлымъ сторонамъ этого своеобразнаго, широкаго быта, и такое безпристрастіе придаетъ его изложенію убѣдительность и прелесть. Далѣе мы встрѣчаемъ длинное и довольно скучное описаніе Неаполя, куда ѣздилъ баронъ, и его окрестностей и т. п. Второй томъ почти весь состоитъ изъ эпизодовъ: тутъ мы находимъ разсужденія о Темплиерахъ, о Іезуитахъ, о Нерчинскихъ рудникахъ. Но всего болѣе бросается въ глаза дословная выписка (въ полтораста слишкомъ страницъ) изъ книги Меркеля заключающая въ себѣ почти всю фактическую часть этого сочиненія (составитель пользовался вторымъ изданіемъ).

Каково бы ни было происхожденіе этой книги (мы считаемъ возможнымъ, что канвою для нея послужили дѣйствительныя записки Унгерна-Штернберга),—во всякомъ случаѣ, появленіе ея въ Ревелѣ, семь лѣтъ послѣ втораго изданія книги Меркеля, въ то время, когда произносить его имя въ средѣ Остзейскихъ дворянъ было небезопасно—явленіе знаменательное. По устнымъ преданіямъ, уже тогда «Латыши» Меркеля были обращены въ библиографическую рѣдкость. Таже участь въ послѣдствіи постигла и записки Унгерна-Штернберга. Пора спасти отъ забвенія эти инте-

ресные памятники недавняго прошлаго.

Еще одно замѣчаніе прежде, чѣмъ предоставить слово самому Меркелю. Читатель будетъ пораженъ контрастомъ между взглядомъ Меркеля и взглядами новѣйшихъ Остзейскихъ публицистовъ на отношенія Остзейскаго края къ Россіи, на его древнія особенности и привилегіи. Повсюду, въ книгѣ умершаго Остзейскаго патріота выражается убѣжденіе, что лишь дѣятельное вмѣшательство Русскаго правительства во внутреннія дѣла края, лишь распространеніе на него общегосударственныхъ порядковъ можетъ уврачевать недуги, коими страждетъ его общественное устройство. Но да не подумаетъ читатель, чтобы это возрѣніе составляло личную особенность Меркеля. Таково, въ концѣ прошлаго столѣтія, было убѣжденіе всѣхъ лучшихъ людей Остзейскаго края. Въ доказательство достаточно привести слѣдующія слова гр. Якова Сиверса (того государственнаго чловѣка, которымъ по преимуществу и вполнѣ справедливо гордится этотъ край) изъ записки, поданной имъ Императору Александру Павловичу: „По моему скромному мнѣнію, говоритъ Сиверсъ, самымъ жестокимъ ударомъ для судьбы окраинъ и для постепеннаго сліянія съ имперією возсоединенныхъ или завоеванныхъ областей былъ указъ покойнаго Государя, возвратившій этимъ необозримымъ пространствамъ ихъ прежнее устройство, столь отличное отъ устройства остальнаго государства. Онъ возвратилъ Эстляндіи и Лифландіи гнетущее дворянское управленіе—слѣдствіе феодальной системы

и жестокихъ Шведскихъ законовъ, данныхъ при Карлѣ XI бывшимъ Польскимъ областямъ и т. д.»

«Безсмертная Екатерина, ни минуты не колеблясь, даровала присоединеннымъ областямъ управленіе одинаковое съ управленіемъ даннымъ Россіи, оставляя имъ ихъ частныя права, Лифляндцамъ же и Эстляндцамъ оставила всѣ ихъ привиллегіи... Государь Императоръ ⁴⁾, со времени своего восшествія на престолъ, постарался устранить многія изъ этихъ изытій, *противныхъ общественному мнѣнію.*»

Но этого, по мнѣнію Сиверса, мало; онъ, не обинуясь, предлагаетъ „возстановленіе Екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ отъ 7 ноября 1775 во всѣхъ областяхъ, какъ въ старыхъ, такъ и въ завоеванныхъ и воссоединенныхъ” ⁵⁾.

Теперь представляемъ читателямъ переводъ четырехъ главъ (II, III, IV, V) изъ книги Меркеля ⁶⁾, заключающихъ въ себѣ полную и яркую картину состоянія Латышей въ концѣ прошлаго столѣтія; изъ нихъ опущены лишь теоретическія разсужденія и

реторическія отступленія, не представляющія особеннаго интереса.

Характеристика Латышей ⁷⁾.

Никакое учрежденіе не дѣйствуетъ насильственнѣе и замѣтнѣе на народный характеръ, какъ основанный на законѣ деспотизмъ,—и при томъ тѣмъ насильственнѣе, чѣмъ болѣе ограниченъ кругъ дѣйствій деспота, ибо тѣмъ глубже захватываетъ его властолюбіе всѣ внутреннія стороны домашней жизни, тѣмъ сокрушительнѣе ломитъ оно волю каждаго отдѣльнаго лица. Отсюда два явленія, которыя въ Лифляндіи должны поразить всякаго внимательнаго путешественника, одареннаго наблюдательностію и знающаго мѣстные языки.

Первое заключается въ томъ, что Латыши во всякой мѣстности, или точнѣе во всякомъ имѣніи, отличаются особымъ поведеніемъ, особою наружностію, особымъ образомъ мыслей. Второе—въ томъ, что подданные въ крупныхъ имѣніяхъ зажиточнѣе, мужественнѣе, и въ то же время (такъ какъ они все таки рабы) наглы, злобны и безстыдны относительно всякаго Нѣмца, не имѣющаго надъ ними ни помѣщичьей, ни судебной власти.

Остановимся тутъ лишь на первомъ замѣчаніи. Изъ вышшняго вида, изъ поведенія крестьянина можно вывести почти безошибочныя заключенія о характерѣ его господъ. Если эти послѣдніе добры и чловѣколюбивы, то одежда крестьянина при-

⁷⁾ Въ этой главѣ читатель встрѣтитъ подробности живо напоминающія бытъ великорусскихъ помѣщиковъ. Грудь наша дышетъ вольнѣе при мысли, что все это уже прошло безвозвратно, и живѣе ощущается признательность къ виновнику благодѣтельной перемѣны. П. Б.

⁴⁾ Т. е. Александръ Павловичъ.

⁵⁾ Blum, стр. 568—69

⁶⁾ Вотъ названіе всѣхъ главъ его книги: Введеніе.—Краткая исторія Латышей и описаніе ихъ въ общихъ чертахъ.—Характеристика Латышей.—Барщина и повинности Латышей.—Попытки къ улучшенію быта крестьянъ.—Права крестьянъ-Латышей въ Лифляндіи.—Взглядъ на будущее.—Можетъ ли упраздненіе крѣпостнаго права принести какой-либо вредъ.—Средства къ тому, чтобы доставить Латышамъ образованіе и свободу.—Краткое описаніе сельскаго духовенства въ Лифляндіи.—Приложенія.

лична, лошадь его сыта; онъ говоритъ съ достоинствомъ и съ довѣрчивостію, часто съ истинною учтивостію, и принимаетъ предложенный подарокъ съ привѣтливою, иногда насмѣшливою благодарностію. Если помѣщикъ не алченъ, а только властолюбивъ, то крестьянинъ съ видомъ зажиточности соединяетъ низкопоклонство и коварную хитрость. Крѣпостной же, угнетаемый алчнымъ помѣщикомъ, уныло крадется въ лохмотьяхъ и съ растрепанными волосами; онъ робокъ до того, что едва смѣетъ отвѣчать на вопросъ чужаго, и за малѣйшій подарокъ, часто ни за что, если онъ предполагаетъ знакомство съ своими господами,—цѣлуетъ край его одежды или сапогъ.

Вообще, самыя выдающіяся черты въ характерѣ Лифляндскихъ крестьянъ—рабская боязливость и недоувѣріе.

На разстояніи тридцати шаговъ, даже когда онъ лишь проходитъ мимо дома помѣщика, онъ снимаетъ шапку и весь сгибается (поклономъ этого нельзя назвать) при каждомъ взглядѣ на него. Затѣмъ онъ подкрадывается съ поникшею головою, чтобы поцѣловать платье или ногу. Если съ нимъ заговорить, онъ въ каждомъ вопросѣ подозрѣваетъ корыстную хитрость и на все отвѣчаетъ съ оговорками. Тысячи опытовъ убѣдили его въ томъ, что нѣтъ ничего легче какъ возбудить алчность дворянъ къ прибыли; поэтому, чужому чрезвычайно трудно что либо узнать отъ него о его положеніи, способѣ хозяйничанія, заработкахъ, даже о лѣкарствахъ, имъ употребляемыхъ. Самыя простые вещи онъ облакаетъ таинственностію, всегда выставляетъ себя жалкимъ и бѣднымъ, всегда готовъ исчислять цѣлый рядъ несчастій, случившихся съ нимъ. Изъ послѣдующаго обнаружится, насколько такое поведеніе баагорузумно и послѣдовательно.

Ненависть, соединенная съ глубокимъ отвращеніемъ, — единственное энергическое чувство, на которое способны совершенно подавленные души. Это чувство тысячу способами выражается у Латышей противъ ихъ притѣснителей.

Слово: *Нѣмецъ*, въ его задушевныхъ бесѣдахъ, обозначаетъ все высокоумѣнное, алчное, злое,—словомъ, все ненавистное.

Ни одна нація не возбуждаетъ въ другихъ столь невыгодныхъ сужденій, какъ Нѣмцы. Извѣстно, что еще недавно Итальянцы считали всякого Нѣмца за человѣка бездарнаго и вялаго, Французы за неблаговоспитаннаго и неповоротливаго, Англичане — за педанта. Русскіе всякого напыщеннаго сумасброда величаютъ Нѣмцомъ. Какъ относятся къ нимъ Эсты и Латыши, замѣчено выше. «Ахъ ты Нѣмка!» крикнула лежащая на землѣ женщина бодливой коровѣ, сбившей ее съ ногъ.

«Нѣмцы идутъ!»—этими словами унимаютъ раскричавшихся дѣтей. Одна мать говорила своимъ дѣтямъ, видя гуляющаго по близости помѣщика: «Бѣгите! Развѣ вы не видите, что онъ ужъ размахиваетъ палкою!».

Вотъ случай болѣе важный. Во время давнишняго возстанія въ Ф., крестьяне застрѣлили на большой дорогѣ чужаго, шедшаго мимо охотника. Убійцы показали передъ судомъ, что они совсѣмъ не знали этого человѣка, но что онъ былъ Нѣмецъ. Выраженія такого рода такъ часто вырываются у Латышей и такъ естественны при ихъ положеніи, что Нѣмцы всѣхъ сословій часто сознаются, что «при общемъ возстаніи не уцѣлѣла бы ни одна Нѣмецкая кость». Поэтому, втайнѣ трепещутъ каждый разъ, какъ только къ границамъ приближается война, или какъ только изъ края выводятся войска; въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне, во время безпоряд-

ковъ 1789 года, вызванныхъ подушною податью, оказали столько упорства и мужества, что даже войска съ трудомъ могли забить ихъ въ прежнія окопы.

«Наши вѣшніе враги», такъ говорили всѣ во время войны Шведской и Польской, «мало намъ повредятъ, но враги внутренніе! И при этомъ все таки.... Но непослѣдовательность есть столь обыкновенная черта человѣческаго характера, что я не считаю нужнымъ на ней останавливаться. Люди вездѣ похожи на того вольнодумца Француза, который въ постный день заказалъ себѣ пирогъ съ начинкою изъ яицъ; но какъ только собралась гроза, выкинулъ его въ окно и заказалъ себѣ другой, когда гроза миновалась.

Разумѣется, съ этою ненавистью соединяется непобѣдимое отвращеніе ко всякому нововведенію, даже если оно есть очевидное улучшение.

Владѣлецъ С—а хотѣлъ уговорить своихъ крестьянъ, чтобы не возили дровъ на колесахъ изъ отдаленнаго лѣса, но сплавляли ихъ по рѣкѣ; но убѣдить ихъ было невозможно, потому что предложеніе шло отъ дворянина.

«Одно изъ двухъ», говорилъ мнѣ одинъ старый крестьянинъ: «или намъ тотчасъ придется поплатиться за кажущіяся облегченія новыми тягостями, или баринъ удобряетъ насъ, какъ свои поля, для того чтобы мы впредь приносили больше дохода».

Вслѣдствіе такихъ основательныхъ предположеній, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новыя сѣяна, раздаваемая помѣщикомъ, сѣялись съ намѣренною небрежностію или не сѣялись вовсе; въ другихъ поджигали удобныя и опрятныя жилища; наконецъ, почти во всей Лифляндіи крестьяне упорно сопротивлялись, когда дворянство захотѣло взять на себя платежъ за нихъ подушныхъ.

Это послѣднее такъ называемое благодѣяніе въ послѣдствіи будетъ еще разъяснено. Вообще Латышъ лишь съ отвращеніемъ принимаетъ отъ своего господина что бы то ни было, развѣ то, что онъ можетъ тотчасъ обратить себѣ въ пользу, т.-е, съѣсть или пропить.

Наклонность къ крѣпкимъ напиткамъ есть другая общая черта Латышскаго народа. Матери съ нѣжнымъ самопожертвованіемъ дѣлятъ поднесенную рюмку водки съ грудными младенцами. Четырнадцати-лѣтніе мальчики и дѣвочки, не морщась, пьютъ водку, и между мужчинами и женщинами рѣдко встрѣчаются такіе, которые бы не напивались каждое воскресенье, въ особенности послѣ причастія.

Если у нихъ на это не хватаетъ денегъ, они продаютъ свой хлѣбъ, свое платье. Опытные пасторы и сельскіе хозяева жадуются, что хотя иные Латыши до 20-ти лѣтняго возраста и предохраняли себя отъ этого заблужденія (не рѣшаюся назвать порокомъ этого *solamen miseriae*) однако въ послѣдствіи они какъ будто наперстывали упущенное съ удвоеннымъ увлеченіемъ. Мнѣ кажется, что самое это замѣчаніе разрѣшаетъ вопросъ о томъ, почему пьянство столь распространено въ этомъ народѣ. Такъ какъ многіе, почти всѣ, пороки ихъ характера вытекаютъ изъ одного источника, то пусть мнѣ будетъ позволено объясниться подробнѣе объ этомъ пунктѣ.

Люди средней руки илетутся по торнымъ дорогамъ, не туда, куда имъ хочется, но куда стремится увлекающая ихъ толпа. Вѣчно измѣнчивые, они вѣрны себѣ лишь въ томъ, что, какъ баснословный хамелеонъ, принимаютъ окраску предметовъ, ихъ окружающихъ. Они не имѣютъ собственного характера, а лишь характеръ об-

щій, навязанный ихъ народу его положеніемъ и обстоятельствами. Они балагурятъ, въ сообществѣ Французовъ былого времени, толкуютъ о политикѣ въ кругу Англичанъ, скаредничаютъ въ Голландіи, а между Латышами пьянствуютъ отъ колыбели до могилы. Но кому природа, при горячемъ темпераментѣ, дала болѣе энергіи и способностей, тотъ оставляетъ торный путь, и черезъ тундры и болота, лѣса и равнины, стремится за пестрымъ видѣніемъ, которымъ манитъ его фантазія, пока краски его постепенно не поблекнутъ, и оно не разсѣется, какъ туманъ. Усталый, онъ оставивъ дѣло, переводитъ дыханіе. Хладнокровно, зоркимъ и спокойнымъ глазомъ оглядываетъ и оцѣниваетъ онъ свѣтъ и то, чего онъ доселѣ достигъ своими трудами. Онъ пользуется ихъ плодомъ, и твердыми шагами идетъ къ опредѣленной цѣли.

Представимъ себѣ крѣпостнаго Латыша на этомъ поворотномъ пунктѣ, который обыкновенно достигается прежде сорокавого года и которымъ опредѣляется вся послѣдующая жизнь.

До тѣхъ поръ, насчетъ ужасовъ его положенія могли ослѣплять его юношескія мечтанія, неисполнимые замыслы, и возбуждать къ дѣятельности и порядку; но теперь, когда всѣ прочіе граждане начинаютъ пожинаать плоды своихъ юношескихъ усилій, — въ чемъ состоитъ его жатва? Чего ему желать? Чести и почета? Теперь-то онъ ясно видитъ, что они для него не существуютъ, что ему невозможно выкарабкаться изъ своего ничтожества. Онъ заключенъ въ волшебномъ кругѣ, переступить котораго онъ не можетъ; единственное отличіе, котораго можетъ онъ добиться, есть одобрительная улыбка ненавистнаго деспота, а эта улыбка дается лишь въ награду за рабское уничиженіе и потворство дворян-

скимъ страстямъ. — Богатства? Оно, при низкой степени его развитія, не могло бы доставить ему нныхъ наслажденій, кромѣ того же пьянства, и лишь навело бы алчность его властителя на новыя, изысканныя притѣсненія. — А его дѣти? Увы! они неминуемо будутъ такими же рабами, какъ онъ самъ; имъ, быть-можетъ, не достанется ничего, во всякомъ случаѣ весьма немного изъ того, что онъ пріобрѣлъ, и они несомнѣнно будутъ влачить до гроба желѣзное ярмо, подъ которымъ онъ изнемогаетъ.

Лишенный силъ и мужества, онъ ниспадаетъ обратно въ среду своихъ собратій, надъ которыми возвысило его бесплодное честолюбіе, и предается единственному обществу — единственному удовольствію, ему доступному, единственному средству забыть свои бѣдствія — пьянству.

Хотя и нельзя предполагать, чтобы каждый Латышъ разсуждалъ такимъ образомъ, но однакоже несомнѣнно, что онъ живо чувствуетъ результаты этихъ разсужденій; а это важнѣе, чѣмъ до нихъ додуматься. Чье челоуѣколюбивое сердце не забьется сильнѣе отъ негодованія при зрѣлищѣ цѣлыхъ народовъ, загнанныхъ въ одно званіе и обреченныхъ законами, — да! законами (я самъ дивлюсь написанному мною слову, какъ бы ни приглядѣлся я къ самому дѣлу) — на нищету и страданія!

Свободные Латыши конечно могутъ заниматься любымъ ремесломъ, но крѣпостные не имѣютъ никакихъ способовъ достигнуть свободы, и ни одинъ цехъ не имѣетъ права принимать учениковъ-Латышей.

Еслибы этого не было, еслибы Латышей не удерживали насильственно на низшихъ ступеняхъ образованія, то они скоро отличились бы въ области высшихъ наукъ, даже наукъ.

Латышъ смѣтливъ, изобрѣтателенъ, остроуменъ, тамъ гдѣ онъ имѣетъ на это свободу и время. Онъ почти всегда говоритъ сравненіями и подобіями, какъ жители Востока, и сужденія его обыкновенно весьма метки, часто отличаются нѣкоторою остротою. Трудолюбіе его также удивительно. Кромѣ того, что онъ самъ изготовляетъ всю свою домашнюю утварь и земледѣльческія орудія, за исключеніемъ желѣзныхъ частей; между Латышами повсюду найдешь всякаго рода ремесленниковъ-самоучекъ, которыхъ часто, и съ полнымъ правомъ, предпочитаютъ Нѣмцамъ. Иногда одинъ и тотъ-же человекъ занимается нѣсколькими ремеслами за-разъ. Такъ я видѣлъ въ А... человека, который въ одно и тоже время былъ камешникомъ, кузнецомъ и слесаремъ, и другаго, который былъ мельникомъ, плотникомъ, столяромъ и токаремъ, и работалъ такъ прекрасно, что его господа даже для тончайшихъ подѣлокъ рѣдко употребляли Нѣмцевъ. Но по большей части ихъ таланты, которымъ удивлялись бы въ другихъ странахъ, приносятъ имъ самимъ болѣе вреда чѣмъ пользы.

Дворяне берутъ ихъ къ себѣ во дворъ въ замѣнъ обязательнаго наряда пахарей и заставляютъ ихъ постоянно на себя работать. Какая несправедливость! Въ день дневной заработокъ хорошаго ремесленника въ нѣсколько кратъ превышаетъ заработокъ пахаря!—Если этотъ способъ оказывается почему либо неудобнымъ, то крѣпостнаго вовсе не спрашиваютъ, какъ высоко онъ цѣнитъ свою работу, а даютъ ему, что хотятъ, или вовсе ничего не даютъ, роптать же на это онъ не смѣетъ. Мало того: онъ, безъ особеннаго на то позволенія отъ своихъ господъ, не смѣетъ работать для лицъ постороннихъ. Разъ—мнѣ извѣстно—каменьщикъ работалъ на чужомъ господ-

скомъ дворѣ, но его помѣщикъ придрался къ этому и подъ страхомъ розогъ запретилъ ему приложить хотя бы одинъ кирпичъ на томъ дворѣ. Разумѣется, онъ черезъ это лишился и платы за свою неоконченную работу.

Еще примѣръ того, какъ поощряется между Латышами истинно-художественный талантъ. Латышъ, школьный учитель въ N—мннде, ни у кого не учившись, устроилъ прекраснаго звука органъ съ деревянными трубами. Удивленный этимъ проявленіемъ таланта, помѣщикъ позволилъ ему—подарить свое произведеніе церкви и играть на немъ во время богослуженія, ибо этотъ даровитый сынъ природы и музыкъ выучился безъ учителя.

Прихожане-крестьяне оказались благодарные и по праздникамъ стали обносить кошелекъ въ пользу школьнаго учителя. Всякій хозяинъ изъ крестьянъ обѣщался бросить въ него по два гроша, но уже въ слѣдующій праздникъ ему достались лишь полукопѣйки, и онъ, весьма естественно, пересталъ расточать свои труды въ пользу неблагодарныхъ. Теперь, какъ говорятъ, онъ горькій пьяница. Кто первый броситъ въ него камень?

Читатель припомнитъ корсара, который за приличное вознагражденіе отпускалъ на волю всѣхъ плѣнныхъ, кромѣ барабанщика, который своимъ искусствомъ снискалъ его благорасположеніе. Онъ выпустилъ несчастнаго лишь тогда, когда этотъ послѣдній нарочно отрубилъ себѣ правую руку. Подобнымъ же образомъ искуснѣйшіе ремесленники въ N—рунѣ заплатились за свои таланты семьею и родиною.

Помѣщикъ, пустая голова, исполненная незлыхъ замысловъ, вслѣдствіе мотовства, нашелся вынужденнымъ продать имѣніе, и крестьяне его не помнили себя отъ радо-

сти, ибо новый ихъ баринъ славился рѣдкимъ человѣколюбіемъ. Продажа состоялась; но г. С.... удержалъ за собою упомянутыхъ ремесленниковъ, которыхъ онъ хотѣлъ перевести въ другое свое имѣніе. Несчастные бросались къ его ногамъ, умоляя его не разлучать ихъ съ семьєю. Онъ оставался неумолимъ, пока большая часть изъ нихъ не разбѣжалась: тогда только отказался онъ отъ прочихъ.

При такихъ поощреніяхъ обнаруживающагося таланта, развѣ чудо могло бы внушить Латышу трудолюбіе и дѣятельность. Даже къ обработкѣ своихъ полей онъ долженъ сдѣлаться равнодушнымъ. Дальнѣйшая прибыль, какъ уже показано, не можетъ послужить ему ни къ чему, а хлѣбъ должны ему давать господа, чтобы не лишиться полевыхъ работниковъ: разсужденіе, которое часто отъ него слышишь.

Монтескье сказалъ весьма мѣтко: «Природа справедлива къ человѣку; она вознаграждаетъ его за труды; она внушаетъ ему трудолюбіе, сопрягая съ тягчайшими работами богатѣйшія награды. Но когда самовластіе присвоиваетъ себѣ эти награды, то въ человѣкѣ снова пробуждается его отвращеніе отъ работы, и бездѣйствіе кажется ему высшимъ и единственнымъ благомъ».

Изъ того же источника проистекаетъ и безчувственность. Спокойнымъ взглядомъ, часто зѣвая, Латышъ смотритъ на страданія и смерть своихъ дѣтей и ближайшихъ своихъ родственниковъ. Онъ такъ привыкъ не встрѣчать нигдѣ состраданія, что самъ не испытываетъ его, и узы крови слабы, какъ паутина, передъ желѣзнымъ давленіемъ необходимости. Встрѣчаются иногда примѣры безчувственности, возмутительные для чужеземца.

Такъ напр. въ С.... въ одинъ годъ два

раза случилось, что сыновья били своихъ дряхлыхъ родителей до крови, и что братъ, совершенно трезвый, почти смертельно ранилъ брата въ ссорѣ.

Въ Ф...., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, домохозяинъ заставилъ нѣсколько дней сряду голодать жену и дѣтей, ибо не хотѣлъ ни оставить кабака, ни вынуть изъ рукъ ключа отъ кладовой. Братъ его наконецъ повелъ его домой, но дорогою ударомъ сзади повалилъ его на землю, нанесъ ему нѣсколько ранъ въ голову и оскопилъ его хлѣбнымъ ножомъ, такъ какъ жена несчастнаго сказала ему, когда онъ уходилъ,—чтобы онъ болѣе не приводилъ ся мужа.

Въ А....., въ 1794 году, утонулъ Латышъ. Такъ какъ по близости врача не было, то я самъ поспѣшилъ на мѣсто съ двумя слугами. Между тѣмъ какъ мы силились возвратить несчастному жизнь, все его семейство улеглось спать вокругъ насъ. Черезъ часъ проснулся его братъ. Онъ освѣдомился, естли успѣхъ отъ нашихъ стараній и услышавъ, что нѣтъ, взялъ шубу утонувшаго, прикрылся ею и спокойно заснулъ снова.

Мнѣ быть-можетъ возразятъ, что подобные примѣры доказательны для характера отдѣльныхъ личностей, но не цѣлаго народа. Но количество ихъ придаетъ имъ рѣшительное значеніе; ибо понятіе о національномъ характерѣ можно составить себѣ лишь сопоставляя отдѣльные случаи.

Большую часть приведенныхъ случаевъ подмѣтилъ я въ теченіи *одного* года между крестьянами *одного* помѣщика.

Но вотъ примѣръ, еще болѣе важный.

Почти во всѣхъ мѣстностяхъ, матеря, когда по близости откроется оспа, приносятъ своихъ грудныхъ дѣтей къ больнымъ для того, чтобы ихъ заразить, или даже даютъ имъ оспенный ядъ на бутербродѣ. Когда ихъ упрекаютъ за такой безумны

образъ дѣйствія, то онѣ отвѣчаютъ: «лучше ребенку умереть теперь, если ему суждено умереть, чѣмъ чтобы онъ сперва съѣлъ много хлѣба, а потомъ умеръ».

Отупѣніе чувствъ всегда сопряжено съ недостаткомъ просвѣщенія или съ избыткомъ культуры: человѣку не пригодны ни голодъ, ни пресыщеніе. Нечего и говорить о томъ, который изъ этихъ двухъ случаевъ мы встрѣчаемъ у Латышей. Они на нѣсколько столѣтій отстали въ образованіи. Большинство изъ нихъ не умѣетъ читать, и лишь весьма немногіе пишутъ.

Правда, почти вездѣ заведены школьные учителя—Нѣмцы, но непобѣдимыя затрудненія дѣлаютъ это учрежденіе бесполезнымъ. Крестьяне, каторымъ пришлось бы посылать своихъ дѣтей въ школу за нѣсколько миль, слишкомъ бѣдны, чтобы давать имъ зимою необходимое содержаніе, часто и для того, чтобы только одѣть ихъ. Лѣтомъ же объ ученіи нечего и думать: съ шестаго года дѣти пасутъ скоть, а съ тринадцатаго во многихъ мѣстностяхъ мальчики уже пашутъ⁸⁾.

Итакъ, должностныя занятія школьных учителей, которые, чтобы спастись отъ голода, почти всѣ занимаютъ постороннимъ ремесломъ, ограничиваются тѣмъ, что они вдалбливаютъ причастникамъ катихизисъ и прислуживаютъ пастору въ церкви. Обучать дѣтей предоставляется невѣжественнымъ родителямъ, и такимъ образомъ тупоуміе и суевѣріе передаются по наследству отъ одного поколѣнія къ другому.

Поэтому, до сихъ поръ въ Лифляндіи

⁸⁾ Не то ли же самое и у насъ? А между тѣмъ книжное просвѣщеніе, въ ввду напора общеевропейской гражданственности изъ высшихъ сферъ, становится необходимѣе для простодювна съ каждымъ новымъ изъ Петербурга идущимъ преобразованиемъ П. В.

господствуетъ суевѣріе въ самыхъ причудливыхъ формахъ. До сихъ поръ Латышъ въ бѣдствіяхъ своихъ призываетъ богиню счастья (Лаймистъ - Мамистъ). До сихъ поръ ему наносятъ вредъ колдуны и злые духи, и онъ обращается за помощью къ знахарямъ. Все еще приносятъ онъ дары лѣснымъ богамъ въ священныихъ рощахъ, пещерахъ и на горахъ, напр. на Глаубергѣ, въ Гюльмановой пещерѣ, у священнаго источника близъ Ренеля.

Многіе почтенные проповѣдники уже давно трудятся надъ тѣмъ, чтобы озарить густую тьму, въ которой бродитъ этотъ народъ, посредствомъ книгъ, отчасти переведенныхъ ими на Латышскій языкъ, отчасти ими самими написанныхъ. Они зажигали свѣточъ для слѣпыхъ. Старанія ихъ до сихъ поръ могли принести мало пользы, ибо рабамъ обыкновенно недостаетъ для чтенія времени и охоты, даже когда они грамотны.

Нигдѣ суевѣріе такъ не бросается въ глаза, какъ при свадебныхъ обрядахъ, что вообще бываетъ у народовъ грубыхъ.

Невѣста-Латышка должна, когда ѣдетъ на свадьбу, бросать на пути въ каждую канаву и прудокъ и за уголъ всякаго дома, пучки цвѣтныхъ нитокъ и монетку, въ качествѣ жертвы водянымъ и домовымъ духамъ.

При вѣчаніи, она старается наступить на ногу жениху, чтобы обезпечить за собою преобладаніе въ будущемъ хозяйствѣ. Но такъ какъ нѣжный супругъ добывается того же, то изъ этого часто возникаетъ борьба, тѣмъ болѣе комическая, что они хотятъ ее скрыть, и тутъ всѣ смотрятъ имъ на ноги. Когда невѣста вступаетъ въ свое будущее жилище, ея спутники идутъ впереди ея и крестятъ каждую дверь шпагою или кнутомъ, для того чтобы изгнать злыхъ

духовъ, которые могли бы забраться на свадебный пиръ. Помѣщикъ, или лицо, отъ него посланное, или наконецъ посаженная мать, на другой день послѣ свадьбы, надѣваетъ новобрачной на голову шапку и даетъ ей пощечину, вѣроятно въ видѣ искупленія проступковъ ея дѣвической жизни, а быть-можетъ и для того, чтобы этимъ послѣднимъ актомъ власти отказаться отъ нея въ пользу мужа. На этихъ свадебныхъ пирахъ обыкновенно господствуетъ полное гостеприимство. Всякій приходящій угощается мясомъ, пивомъ и водкою, пока не истощатся запасы. Пляшутъ и поютъ нѣсколько дней сряду при визгѣ скрипокъ и волюнокъ; когда напитки подходятъ къ концу, гости часто складываются, чтобы купить новыхъ. Все празднество кончается тѣмъ, что разстилаютъ платокъ, на который каждый изъ присутствующихъ бросаетъ денежный подарокъ для молодой четы. Наконецъ стряпуха обходитъ всѣхъ съ пустымъ котломъ и собираетъ деньги для себя. Подобными пирами празднуютъ также крестины и похороны.

Быть-можетъ, мои читатели любопытствуютъ ознакомиться еще съ нѣкоторыми обычаями Латышей, ибо по нимъ всего лучше можно судить о степени грубости или образованности народа.

Какъ только дѣвушка вышла изъ дѣтства, она начинаетъ готовить себѣ приданое, т. е. подарки, которые она должна дѣлать свадебнымъ гостямъ, которые въ свою очередь отдарятъ ее. Въ каждый свободный часъ она вяжетъ рукавицы или чулки и шьетъ покрывала и рубашки. Если наконецъ ей посчастливится понравиться молодому парню, онъ поручаетъ какой-либо старухѣ, иногда своей матери, сосватать его. Затѣмъ посредница ищетъ случая развѣдать или покорить чувства красавицы. Если

это удастся, то она подаетъ ей, въ присутствіи свидѣтелей, стаканъ водки въ знакъ обрученія. Ударяютъ по рукамъ, и торгъ заключенъ. Это дѣйствіе впрочемъ можетъ происходить за заборомъ, въ кабакѣ, въ хлѣбѣ — вездѣ имѣетъ оно одинаковую силу. Дѣвушкѣ, нарушившей подобное общаніе, не скоро удается найдти другаго жениха, развѣ бы она была одарена особенными прелестями. Осенью происходитъ торжественное сватовство у помѣщика. Двое мужчинъ, обыкновенно отецъ и ближайшій родственникъ юноши, подѣбзаютъ на лучшихъ лошадяхъ, какихъ они могутъ найдти, разумѣется, въ сапогахъ и въ лучшемъ своемъ нарядѣ.

На шляпахъ и сбруѣ развѣваются пестрые ленты, а въ мѣстностяхъ болѣе богатыхъ подчасъ изъ ихъ кармановъ выглядываютъ холщевые платки, расшитые гарусомъ.

При ихъ приближеніи, дѣвушка, обыкновенно находящаяся на господскомъ дворѣ на барщинѣ, обращается къ бѣгству, наряжается и прячется въ какой-либо сарай, хлѣбъ или тому подобное. Сваты просятъ, чтобы ихъ допустили къ барину, кладутъ свои дары, какъ-то: медъ, масло, дичь или барана къ ногамъ его, и учтиво и чинно излагаютъ свою просьбу обыкновенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Пастушка (они часто говорятъ также, гусыня, или овца) сбѣжала сюда отъ насъ. Умоляемъ вашу милость выдать намъ ее».

Если они получаютъ согласіе, то идутъ искать дѣвушку и притаскиваютъ ее, какъ бы насильно. Она выговариваетъ стыдливое «да», и время свадьбы опредѣляется; но еще прежде того празднуется обрученіе. Оно состоитъ въ томъ, что любовники подають другъ другу руки черезъ хлѣбъ, и затѣмъ каждый изъ нихъ съѣдаетъ

или точнѣе пожираетъ кусокъ этого хлѣба: ибо тотъ, кто первый справится съ своимъ кускомъ, беретъ остатокъ изъ рукъ другаго, и это служитъ предзнаменованіемъ, что и въ приобрѣтеніи хлѣба онъ окажется изъ двухъ наиболѣе дѣятельнымъ. Съ этого времени женихъ имѣетъ право посѣщать невѣсту, даже проводить съ нею ночь, но, какъ увѣряютъ, не позволяя себѣ супружескихъ вольностей. Онъ тутъ только знакомится съ ея ночными привычками и ея тѣлеснымъ складомъ.

Свадьбы празднуютъ осенью, и онѣ бываютъ болѣе или менѣе многочисленны, смотря по тому, обильна ли жатва, или скудна.

Безпрестанно слышишь такія слова: «не могу жениться, — ячмень не уродился».

Лѣтомъ Латыши празднуютъ иные праздники.

Въ Ивановъ день (бывало, и при окончаніи господской уборки, которую всѣ крестьяне должны производить, бросивъ свою) баринъ ставитъ имъ нѣсколько бочекъ пива, нѣсколько штофовъ водки и мяса для закуски. Вся вотчина собирается и ѣдетъ на господскій дворъ съ громкимъ пѣніемъ, при звукѣ дудокъ, скрипокъ и волюнокъ. Каждое семейство приходитъ на поклонъ къ господамъ, и всякій, не исключая и самыхъ малыхъ ребятъ, приноситъ подарки, состояще изъ ягодъ, грибовъ, вѣнковъ и пучковъ душистыхъ, цѣлебныхъ травъ. Дѣвушки и дѣти, увѣшанныя цвѣтами, становятся рядами передъ господскимъ домомъ, пляшутъ и поютъ хвалебныя пѣсни господамъ и сатирическія импровизаціи на всякаго, кто попадетъ имъ на глаза.

У Латышей поэзія сдѣлалась достоинствомъ нѣжнаго пола, ибо общій гнетъ лишь однимъ дѣвушкамъ оставляетъ достаточно бодрости, чтобы предаваться веселью. Въ мрачномъ и угрюмомъ молчаніи соверша-

ютъ свои работы юноши и мужчины: никогда душевное настроеніе ихъ не возвышается до радости, — развѣ они пьяны до того, что себя не помнятъ. Дѣвушки же, бродя въ сладкихъ мечтаніяхъ за своими стадами, воспѣваютъ ихъ и всякій предметъ, представляющійся ихъ взорамъ; ни одинъ путникъ не пройдетъ мимо, не внувшивъ нѣсколькихъ стиховъ; легко себѣ представить, что онѣ-то особенно и отличаются на свадьбахъ. Я подчасъ слышалъ отъ нихъ импровизаціи, ѣдкая соль которыхъ казалась заимствованною у Кестнера.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи, мужчины и женщины усаживаются на травѣ вокругъ пивныхъ бочекъ, и выражаютъ свою радость громкою болтовнею.

Для меня всегда было праздникомъ смотрѣть на этотъ народъ, опьянѣвшій болѣе отъ веселья, чѣмъ отъ дряннаго пива. При этомъ ликованіи забываешь вмѣстѣ съ ними, какими трудами и жертвами они купили себѣ это общественное удовольствіе. Въ этой пестрой толпѣ важнаго вида матронъ, маститыхъ бородачей, молодцоватыхъ мужчинъ и юношей, цвѣтущихъ дѣвушекъ и дѣтей, при ароматическомъ густомъ запахѣ цѣлебныхъ травъ, при переливахъ сельскихъ дудокъ, можно было бы подумать, что находишься въ Аркадіи. Но тамъ, въ отдаленіи, выглядываютъ изъ окна сильные міра сего съ грозною важностію, или съ презрительнымъ снисхожденіемъ, — словно коты, выпустившіе изъ когтей несчастнаго мышенка (который считаетъ себя свободнымъ и отваживается на прыжокъ) но лишь для того, чтобы потомъ терзать его съ удвоенною жестокостію. И разлетѣлась мечта! Я зналъ дворянина, — да сохранится на вѣки его память, — который при такихъ случаяхъ проводилъ всю ночь въ томъ, что прохаживался въ веселой толпѣ

своихъ подданныхъ; подарки, часто значительные, и привѣтливыя рѣчи покоряли ему сердца ихъ. Довѣрчиво рассказывалъ ему старецъ про свои бывшя судьбины, хозяинъ про свои домашнія дѣла, юноша про свои сердечныя обстоятельства и свои желанія. Даже дѣти тѣснились къ доброму говорившему на ихъ языкѣ, барину, чтобы имъ полюбоваться и приласкаться къ нему. Всякій притѣсненный искалъ и находилъ у него помощь, хотя его имѣнія не были еще въ полномъ его распоряженіи.

Къ сожалѣнію, весьма немногимъ доступно наслажденіе, доставляемое зрѣлищемъ лѣзущей толпы. Возмутительно видѣть, какъ помѣщики хитро и постепенно стараются, подъ личиною права (ибо сю они всегда прикрываются) отнять и эти радости, этотъ единственный народный праздникъ, у несчастныхъ, удрученныхъ рабовъ.

«Этотъ шумъ беспокоить (говорили они) и крестьяне ничего не потеряютъ, если имъ дадутъ за разъ двойную порцію». И такимъ образомъ почти вездѣ былъ отмѣненъ одинъ изъ этихъ двухъ праздниковъ. Корыстные лицемѣры! Не жалкое пиво, выставяемое вами, но общественное веселье составляетъ смыслъ этихъ праздниковъ и то благо, которое вы отняли у своихъ кормильцевъ. И вы очень хорошо разочли, что напиться они все-таки могутъ не болѣе, какъ до пьяна, а наповѣ до пьяна человѣка одинъ разъ обойдется дешевле, чѣмъ два раза....

Затѣмъ, сдѣланъ былъ почти повсемѣстно еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи, и именно: перестали кормить и стали угощать только напитками. Кромѣ того — и это также дѣлается часто, — людей собираютъ поздно и опредѣляютъ впередъ до котораго часа они могутъ оотаваться, обыкновенно дотѣхъ поръ пока господа лягутъ

спать. Далѣе отыскиваются благовидные предлоги, чтобы иной разъ и вовсе отмѣнить праздникъ. Наконецъ, безъ сомнѣнія, совершится величайшая неправда, какая можетъ быть учинена надъ народомъ послѣ лишенія его свободы: у Латышей вовсе не останется народнаго праздника, приближеніе котораго могло бы ободрять ихъ при тягостныхъ ихъ работахъ. Но послѣдствія такого образа дѣйствій обрушатся на голову притѣснителей. Не разъ уже оправдалось замѣчаніе, что не страшень народъ, пока онъ поетъ и пляшетъ, но когда онъ въ тупой безчувственности повѣситъ голову и раздумываетъ, тогда горе деспотамъ!

Возвращаюсь къ характеру Латышей. Къ сожалѣнію, тѣ черты, которыя придется мнѣ прибавить, далеко не привлекательны. Въ жизни каждаго народа бываетъ періодъ, часто короткій, въ продолженіе котораго онъ сіяетъ разными доблестями, и въ особенности одною характеристическою, часто прославляющею этотъ народъ на цѣлыя столѣтія. Такъ до сихъ поръ еще толкуютъ о нѣмецкой честности и объ англійскомъ патриотизмѣ, хотя и то и другое свойство давно перестало быть отличительною чертою этихъ двухъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, Латыши были когда-то близки къ такому періоду, въ другихъ не далеки отъ него и теперь; но никогда не наступитъ для нихъ вполнѣ эта счастливая пора, пока они крѣпостные, и слѣдовательно пока имъ недоступно чувство національной гордости. Этого чувства они лишены въ такой степени, что каждый изъ нихъ, которому удалось получить свободу и вступить въ другое сословіе, считаетъ величайшимъ для себя оскорбленіемъ всякое напоминаніе о томъ, что онъ — Латышъ. Онъ тщательно старается удалиться отъ братьевъ, даже прикидывается, что не понимаетъ ихъ язы-

ка, и если ему удастся приобрести власть надъ нѣкоторыми изъ нихъ, онъ становится болѣе жестокимъ и алчнымъ, чѣмъ сами Нѣмцы. Итакъ, нечего ожидать отъ этихъ несчастныхъ національныхъ добродѣтелей; но ихъ обвиняютъ въ національномъ пороѣ, именно въ безчестности. Не могу отрицать, что пороѣ этотъ дѣйствительно довольно распространенъ между ними. Но быть-можетъ и тутъ ближайшее изслѣдованіе покажетъ намъ, что они болѣе заслуживаютъ соболѣзнованія, чѣмъ порицанія.

Когда пѣлому народу приписывается честиость какъ общая отличительная черта его характера, то этимъ самымъ заявляется, что въ немъ нѣтъ сильныхъ порывовъ, что потребности его ограниченны и легко удовлетворяются. Просвѣщеніе и роскошь всегда идутъ рука объ руку, а вмѣстѣ съ ними возрастаютъ и потребности. Отсюда не лишеныя основанія жалобы, что-де просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ на извѣстной средней степени своего развитія, скорѣе портитъ чѣмъ улучшаетъ нравы. Латыши мало просвѣщены, у нихъ мало порывовъ, столь же мало потребностей, да и тѣ имъ рѣдко удается удовлетворять. Въ странѣ, гдѣ громадное количество хлѣба превращается въ водку или вывозится, земледѣлецъ, послѣ самого обильнаго урожая, въ январѣ не имѣетъ ужъ болѣе хлѣба и каждую весну бываетъ вынужденъ занимать сѣмяна у своихъ господъ. Эта нищета виновна въ томъ, что Латышъ считаетъ безгрѣшнымъ, почти похвальнымъ, похищать у тѣхъ, которые обогащаются его потомъ, долю ихъ прибыли, чтобы ею облегчить свою нужду и нужду своего семейства. Геригутеръ изъ Латышей, котораго упрекали въ воровствѣ, столь обыкновенномъ при молотбѣ, отвѣчалъ, не обинуясь: «Справедливоли навя-

зывать намордникъ молотящему волю, когда онъ близокъ къ голодной смерти?» Мнѣ кажется, что въ этомъ отвѣтѣ заключается полнѣйшее оправданіе безчестности, въ которой упрекаютъ этотъ народъ, въ той мѣрѣ, конечно въ какой безчестность вообще можетъ быть оправдана. Крестьянинъ Латышъ не можетъ не быть и останется воромъ и обманщикомъ, пока онъ будетъ подвергаться явнымъ несправедливостямъ, пока у него нѣтъ иного средства поддерживать свое существованіе и приобретать хоть кратковременное довольство. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ господствуетъ большее благосостояніе, проступки всякаго рода рѣже, и часто встрѣчаются черты правдивости и честности, которые во всякомъ народѣ удивили бы насъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести одну такую черту.

Во время какого-то большаго крестьянскаго бунта, когда еще въ добавокъ разнесся слухъ, что Поляки грабятъ Лифляндію, Нѣмцы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ бѣжали въ ближайшія крѣпости. Весьма зажиточный арендаторъ въ П. имѣлъ у себя значительную сумму денегъ и не зналъ, какъ бы ее уберечь. Къ нему пришелъ старикъ-крестьянинъ, и сказалъ: «Господинъ! повѣрьте мнѣ то, чего вы не можете взять съ собою, и я ручаюсь вамъ жизнью за сохранность ввѣреннаго». Другого исхода не представлялось, и ящикъ съ деньгами былъ переданъ крестьянину, который зарылъ его въ лѣсу и сторожилъ день и ночь. Разнесшійся слухъ оказался неосновательнымъ, безпорядки скоро были прекращены, и всѣ вернулись восвояси. Тотчасъ на господскій дворъ явился и честный старикъ съ своимъ денежнымъ ящикомъ. Арендаторъ пришелъ въ восторгъ отъ рѣдкой его честности и услужливости. Онъ раскрылъ свою

шкатулку, опустилъ въ нее руку и подалъ крестьянину... талеръ. Послѣдній же, не имѣвшій ни видовъ, ни надежды на какое либо вознагражденіе, нисколько не казался обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, и съ удовольствіемъ принялъ деньги.

Первые шаги необразованнаго сына природы на пути къ нравственному совершенствованію столь же наивны, столь же занимательны для наблюдателя, какъ лепетаніе ребенка, еще не умѣющаго говорить. У зажиточныхъ Латышей они проявляются въ нѣсколько натянутой чинности, въ забавной шутливости или въ столь же забавной важности, въ смѣлой откровенности и—въ приведеніи изрѣченій изъ Писанія, которыми они часто наводятъ смущеніе на своихъ господъ и пасторовъ.

Помѣщикъ имѣнія *** отнялъ у зажиточнаго и исправнаго хозяина его землицу и перевелъ его въ другое жилище, присокупивъ къ этому разныя вознагражденія; но старикъ не могъ утѣшиться въ утратѣ участка, на которомъ онъ родился и выросъ. Гдѣ ни встрѣчалъ онъ своего барина, онъ попрекалъ его и доказывалъ отъ Писанія, что домъ у него отнять напрасно; и это говорилось такъ дѣльно и учтиво, что помѣщикъ не могъ ни опровергнуть, ни наказать его. Однажды баринъ, завидя своего начетчика, скрылся въ свою комнату; но старикъ, догадавшись, что онъ гдѣ-нибудь не дальше, приступилъ къ осмысленному баричу и принялся, какъ можно громче, читать ему длинное наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ ему поступать въ будущемъ съ своими крестьянами, и все что говорилъ подтверждалъ такъ отлично мѣстами изъ Писанія, что подслушивавшій помѣщикъ, какъ онъ признавался впоследствии, безпрестанно краснѣлъ. Черезъ нѣсколько часовъ они встрѣтились въ полѣ.

VI. 2.

«Вы, сказалъ крестьянинъ, слывете такимъ милостивымъ, богобоязливымъ бариномъ! Спаситель нашъ говоритъ: «что вы подаете нищимъ, то подаете Мнѣ». Не откажите же семидесятилѣтнему старцу, который зналъ васъ ребенкомъ, и у котораго теперь насморкъ — въ щепоткѣ табаку!»— Онъ ее получилъ.

Лучшими плодами начинающаго развитія можно считать трезвость, трудолюбіе, строгую честность, трогательную, простую признательность къ добрымъ господамъ. Доказательствомъ тому можетъ служить поведеніе Линденгофскихъ крестьянъ относительно своей, стоящей выше всякой похвалы, помѣщицы, благородной баронессы фонъ Бойе. Рѣдко этотъ другъ человечества, коей главная забота заключается въ счастіи крестьянъ, отлучается изъ своихъ имѣній, и когда она на это рѣшается, ея отъѣздъ получаетъ въ ея владѣніяхъ значеніе—общественнаго событія. Старый и малый, мужчины и женщины, заботливо справляются куда, зачѣмъ на долго-ли, и всякій разъ, когда приходятъ вѣсти объ отсутствующей, сбѣгаются все, чтобы узнать ихъ изъ самыхъ устъ прибывшаго. Однажды она поѣхала за нѣсколько миль къ одной своей пріятельницѣ. Старикъ, мимо избы котораго она проѣзжала, разузнаетъ отъ ея слугъ, куда она ѣдетъ, тотчасъ отправляется на рѣку и всю ночь ловитъ рыбу. Къ раннему утру онъ уже поспѣваетъ въ имѣніе пріятельницы и подноситъ ей блюдо прекрасной рыбы. Она хочетъ ему заплатить. «Боже сохрани!» восклицаетъ онъ, «чтобы я старикъ изъ-за денегъ пожертвовалъ своимъ сномъ? Нѣтъ! Я зналъ, что у васъ наша милостивая матушка, и намъ стыдно было бы отпустить ее къ вамъ съ пустыми руками!» Однажды баронессу посѣтилъ намѣстникъ. Тотчасъ со всѣхъ концовъ ея владѣній

Русскій Архивъ 1870. 33.

стеклись люди съ дичью, рыбою, и т. п., и никто не хотѣлъ брать денегъ за принесенное. «Такъ какъ у васъ такой знатный гость, то мы только желаемъ, чтобъ у васъ было чѣмъ угостить его на славу», говорили они. «Вотъ это поле», сказалъ ей однажды наединѣ опытный старикъ-крестьянинъ, должно бы приносить вамъ двойной урожай, еслибъ оно было обработано, какъ слѣдуетъ. Другіе этого не умѣютъ; велите мнѣ вспахать и засеять его, или устройте такъ, чтобы оно какъ бы невзначай выпало на мою долю, чтобы никого не обидѣть». Баронесса такъ и поступила, и осень оправдала показанія старика. Деликатность, обнаруженная имъ при этомъ случаѣ, характеристична для Ливденгофскихъ крестьянъ. Они обращаются съ своими работниками какъ съ домохозяевами; они мастерятъ своимъ женамъ и дочерямъ болѣе легкія и красивыя орудія для работы: «бабенки, молъ, понѣжибѣ насъ».

Къ сожалѣнію, такія явленія — не болѣе какъ быстро проносящіяся метеоры. Нравственность и благосостояніе крестьянъ возрастаютъ и падаютъ вмѣстѣ съ разсудительностію и человеколюбіемъ ихъ господъ. Быть крестьянъ вообще представляется какъ бы постояннымъ приливомъ и отливомъ счастья и бѣдствій, начатковъ образованія и скотскаго отупѣнія. Одного примѣра будетъ достаточно, чтобы показать, какой ходъ обыкновенно принимаетъ образованіе въ крестьянскихъ общинахъ и до какой степени оно зависитъ отъ образа дѣйствій помѣщиковъ.

Одинъ дворянинъ, сознавая, что помѣщикъ можетъ прославиться не однимъ только увеличеніемъ на нѣсколько тысячъ возовъ того количества удобренія, которые вывозилъ на поля его предшественникъ, и что бла-

госостояніе крестьянъ въ сущности есть лучшее обезпеченіе его собственнаго благоденствія, употребилъ всѣ мѣры для улучшенія быта своихъ подданныхъ. Онъ ихъ щадилъ, требовалъ отъ нихъ не болѣе того, на что онъ имѣлъ право; заботился объ образованіи юношества, старался внести въ хозяйство крестьянъ дѣятельность и порядокъ и въ видахъ поощренія къ трудолюбію и доброму поведенію раздавалъ самымъ работающимъ, честнымъ и благонравнымъ крестьянамъ пояса съ своимъ гербомъ. Этотъ своего рода орденъ, столь почетный въ глазахъ разума и во многихъ отношеніяхъ быть-можетъ болѣе почетный, чѣмъ иные знаки отличія раздаваемые монаршею милостию, возбудилъ столь сильное соревнованіе, что С — кіе крестьяне вскорѣ стали отличатся отъ всѣхъ своихъ сосѣдей образованіемъ, зажиточностію и честностію. Филантропъ этотъ умеръ. Наслѣдникъ его завелъ себѣ домашній оркестръ, нанялъ музыкантовъ и скульпторовъ, превратилъ свой лѣсъ въ англійскій садъ, сталъ строить шоссе отъ одного скотнаго двора своего имѣнія къ другому. Заниматься крестьянами не доставало времени, развѣ только для того, чтобъ заставлять ихъ исполнять его смѣшныя затѣи. У крестьянъ тоже не хватало времени на обработку своихъ полей, и они были отданы во власть алчнаго управляющаго, который въ нѣсколько лѣтъ до того высосалъ изъ нихъ весь сокъ, что они сдѣлались бѣднѣйшими, а вскорѣ и самыми безпутными существами всего околodka. Этотъ помѣшанный на эстетикѣ помѣщикъ долженъ теперь поневолѣ, чтобъ обезпечить себѣ количество рабочихъ рукъ, необходимое для порчи его лѣса, ежегодно покупать хлѣба на тысячу и болѣе рублей, для раздачи его займы крестьянамъ. Но такія ссуды еще глубже уку-

реняютъ бѣдность, ибо онѣ осенью взыскиваются съ лихвою; къ тому же онѣ проходятъ черезъ руки помянутаго управляющаго, часто, какъ увѣряютъ, не доставляющаго несчастнымъ и половины назначеннаго имъ хлѣба. Между тѣмъ ихъ ломотья все-таки оскорбляютъ взоръ благороднаго любителя искусствъ. Поэтому онъ ежегодно устраиваетъ лоттереи, на которыхъ мужчины и женщины выигрываютъ новое платье. Теперь, всѣ по воскресеньямъ щеголяютъ въ новой одеждѣ,—но нѣрѣдко случается, что подъ кафтаномъ нѣтъ рубашки.

Оглянувъ еще разъ начертанную мною картину Латышскаго народа, я не могу не признать, что она некрасива. Въ отупѣннн и безсилнн влчатъ свою жизнь народныя массы, почитая за высшее счастье насытиться мякиннымъ хлѣбомъ и уберечь спину отъ рубцовъ, за верхъ мужества—взглядъ, обращенный на господина, за верхъ мудрости—умѣнне красть и не попадаться. Быть мертвецки пьянымъ лишь по воскресеньямъ слыветъ у нихъ за добродѣтель, не быть сѣченнымъ—за честь. Однимъ словомъ: они представляютъ собою то, чѣмъ можетъ сдѣлаться народъ, челоѳическое достоинство котораго уже шесть столѣтнй подтачивается червь рабства. Читатели однако на столько будутъ справедливы, что возненавидятъ не безобразнне такого народнаго характера, а причины этого безобразнн. Не карлики древняго Рима заслуживали отвращеннн, а торгаши невольниками, сажавнне дѣтей въ тѣсныя ящнки, чтобы выводить уродовъ.

ГЛАВА III.

Барщина и повинности Латышей.

Повинности крестьянъ по имѣннямъ различны, и зависятъ отъ взглядовъ и по-

требностей господъ; ибо ихъ воля—единственный законъ. Но такъ какъ эта воля почти вездѣ держится на одномъ уровнѣ, то различнне это не велико. Какъ только въ какомъ-либо имѣннн изобрѣтается новая повинность, ее перенимаютъ сосѣди, и черезъ немного лѣтъ она дѣлается повсемѣстнымъ обычаемъ. Лишь различнне въ почвѣ и въ расположеннн имѣннй опредѣляетъ различнн въ повинностяхъ и въ положеннн крестьянъ. Кстати я долженъ предупредить, что источниками для моего очерка послужили показаннн разныхъ дворянъ и пасторовъ, тщательно слѣченныя мною съ показанннми ихъ крестьянъ.

Имѣннн въ Лифлянднн оцѣнваются по числу гаковъ, то-сть по числу мужскихъ рабочнхъ душъ и по степени производительности удобной земли *). Какъ дѣлится на два четыре или болѣе крестьянскихъ участка. Всего чаще крестьянннн занимаетъ четверть гака; такое количество земли я и буду разумѣть, когда буду говорить о крестьянскомъ участкѣ, или дворѣ. Для обработки четверти гака требуются по крайней мѣрѣ три работника и столько же работницъ. Количество ежегоднаго посѣва на такомъ участкѣ рѣдко превышаетъ шесть лофовъ; при этомъ бываетъ соответственное количество луговъ, выгона и лѣса. Такъ въ большинствѣ мѣстностей. Въ нѣкоторыхъ, у крестьяннна нѣтъ лѣса и мало сѣна, за то почва лучше. Въ другихъ поля нпкуда не годятся, за то много лѣса или сѣна, и есть рыбныя ловли. Итакъ, доходъ крестьяннна, занимающаго четверть гака, почти вездѣ одинаковъ. Иногда встрѣчается также такое неразумное распределенне, при которомъ у одного крестьяннна

*) Это слово въ слово переведенное опредѣленне весьма не точно.

Прнмѣч. переводч.

*

болѣе земли, чѣмъ сколько онъ можетъ обработать, у другаго же недостаетъ простора для его трудолюбія. О прикупкѣ нечего и думать, ибо земля принадлежит помѣщику, который беретъ ее назадъ, какъ только ему вздумается. Поэтому крестьяне, скуднѣе другихъ надѣленные землею, иногда берутся за ремесло, и черезъ это часть становятся зажиточными.

Хлѣбъ въ иныхъ мѣстностяхъ родится самъ десять, въ иныхъ же едва самъ шесть, даже въ самыя благословенныя годы. Возьмемъ среднее число: съ четверти гака получится отъ сорока осьми до пятидесяти дофовъ ржи сверхъ сѣмянъ. Но на шесть работниковъ обоего пола можно безошибочно полагать двухъ стариковъ и четырехъ дѣтей (сверхъ грудныхъ), такъ что на весь дворъ, считая по пяти дофовъ ржи на человѣка, понадобится 60 дофовъ на хлѣбъ. Итакъ, въ обыкновенный годъ, крестьянинъ, сидящій на четверти гака, не добываетъ 12-ти дофовъ. Между тѣмъ, онъ долженъ еще изъ своего урожая уплатить разныя повинности помѣщику, пастору, школьному учителю; онъ долженъ возратить съ дихвою (17 процентовъ въ полугодіе) долги предъидущаго года. И въ самыя урожайныя годы въ странѣ не свирѣпствуетъ всеобщій голодъ только потому, что Латыши примѣшиваютъ къ ржаной мукѣ овсяную, ячменную, въ особенности же мякину; что они въ апрѣлѣ получаютъ ссуду отъ помѣщиковъ и занимаются еще разными мелкими посторонними промыслами, которыхъ однакоже нельзя причислять къ доходамъ отъ земли. Послѣ скудныхъ урожаевъ, люди часто мрутъ съ голода. Тогда въ городахъ толпятся нищія, у которыхъ нѣтъ недостатка ни въ силахъ, ни въ охотѣ къ труду, но недостаетъ случая къ заработкамъ и которые для отысканія себѣ пропитанія

прибѣгаютъ къ самымъ неестественнымъ средствамъ *).

Разумѣется, послѣдствіемъ этого являются повальныя болѣзни.

Но будемъ говорить только объ урожайныхъ годахъ; забудемъ, что производитель хлѣба, кормилецъ прочихъ сословій, имѣлъ бы право на хлѣбъ безъ мякины — и мы все-таки найдемъ, что земля даетъ крестьянину не болѣе какъ крайне необходимое пропитаніе. Чѣмъ же удовлетворяются прочія его потребности? Его овцы доставляютъ ему, быть-можетъ, скудную одежду, его льняные посѣвы — ходить. Но и дѣти его нуждаются въ томъ же, да и онъ, будучи человѣкомъ, не можетъ обойтись безъ минутнаго отдыха въ сообществѣ другихъ, въ шинкѣ, чтобы совсѣмъ не упасть духомъ подъ бременемъ своихъ бѣдствій. Для того, чтобы собрать нужныя на то деньги, ему остается только продать свое сѣно — и морить голодомъ свой скотъ; продать свой хлѣбъ съ осени, и ходить въ лохмотьяхъ, дѣлать долги, или красть: судьба печальная, но неотвратимая! Вѣдь несчастный не смѣетъ и попытаться создать себѣ лучшее положеніе, если онъ не хочетъ, чтобы съ нимъ обошлись какъ съ преступникомъ. Нищета его основана на законѣ, ядро на него наложенное несокрушимо. Посмотримъ теперь, что онъ платитъ за право нести его и быть нищимъ.

Крестьянинъ, держащій четверть гака, отбиваетъ барщину изъ двухъ недѣль одну, слѣдоват. отъ двадцати четырехъ до двадцати пяти недѣль въ годъ, выставляя работника съ лошадыю. Лѣтомъ этихъ рабочихъ употребляютъ на полевую работу,

*) Я самъ видѣлъ въ Лемзогѣ одного изъ этихъ несчастныхъ, здороваго 18-ти лѣтняго парня, глотавшаго подобранную на улицѣ грязь.

а во время посѣва ихъ наряжаютъ въ тройномъ числѣ. Для того, чтобы лѣтнія не работали слишкомъ мало, отеческая заботливость помѣщиковъ придумала задавать каждому пахарю дневной урокъ.

Прекрасно! скажутъ на первый взглядъ. Но всмотримся поближе, и мы увидимъ, что здѣсь, какъ и во всемъ, обычай самъ по себѣ хорошій введенъ съ цѣлью сдѣлать изъ него дурное употребленіе. Такъ какъ при этомъ порядкѣ каждому работнику отводится особый извѣстный полевой участокъ, то когда погода стоитъ дурная, работника отпускаютъ домой. Но что ему тамъ дѣлать? Вѣдь на крестьянскія поля льетъ такой же дождь, какъ и на господскія. Какъ же скоро настанетъ ведро, такъ два или три работника должны бѣжать на господское поле, чтобы доработать безъ ихъ вины упущенное, крестьянское же поле остается необработаннѣмъ. Мудрено ли послѣ этого, что крестьянскій посѣвъ незначителенъ? Мало того! Господская запанка по произволу увеличивается, и это дѣлается такъ, что барщина повидимому не усиливается, такъ что и совѣсть покойна. Дѣйствительно: рабочіе наряжаются въ ирежнему числѣ, только каждому прирѣзывается лишнія сотня квадратныхъ сажени. На это помѣщикъ имѣетъ право, ибо не существуетъ такого закона, который опредѣлялъ бы отношеніе размѣра господской запанки къ числу душъ крестьянъ.

Если батракъ не въ силахъ вспахать своего недѣльнаго урока, то его обвиняютъ въ лѣности, и хозяинъ долженъ озаботиться окончаніемъ работы. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ бы ни казалось это невѣроятнымъ, пошелъ еще далѣе. Каждому хозяину отмѣриваютъ участокъ господской земли, который онъ долженъ вспахать, засеять и сжать. Кроме того, онъ все-таки ставитъ

батрака, котораго наряжаютъ въ работу на вновь устроенныя фермы, такъ называемыя здѣсь гофлагены. Черезъ нѣсколько лѣтъ, эти фермы отдаются на обработку хозяевамъ, что даетъ возможность устраивать новые гофлагены. Дѣло продолжается такимъ способомъ, пока остаются свободныя мѣста, а въ нихъ въ Лифляндіи едва ли скоро окажется недостатокъ: почти вездѣ пустырей еще довольно. Господскій дворъ увеличиваетъ количество своего скота, свои посѣвы, свои доходы, — а крестьяне?

Зимю недѣльный работникъ обязанъ ежедневно нарубить и свезти сажень дровъ, каковы бы ни были дорогіи и погода. Нѣкоторые благоразумные помѣщики вслѣдъ обычай рубить во время осеннихъ дождей и вывозить дрова покаместъ стоитъ хорошій санный путь. Но и то и другое, къ сожалѣнію, дѣлается сгономъ. Большая же часть помѣщиковъ ограничиваетъ при этомъ свой надзоръ измѣреніемъ сажени.

Потребленіе дровъ въ Лифляндіи громадное. Я знаю напр. въ Рижскомъ округѣ имѣніе, изводящее ихъ ежегодно на одинъ барскій дворъ до 1600 сажени. Поэтому во многихъ мѣстахъ лѣсъ становится весьма рѣдкимъ; но этотъ недостатокъ ощущаютъ одни крестьяне, которые, напримеръ въ Пекальскомъ приходѣ, должны тащить дрова изъ-за трехъ миль. Впрочемъ тамъ количество дровъ, которое должно быть въ недѣлю поставлено однимъ работникомъ, понижено до одной кубической сажени.

Для того, чтобы выставить въ должномъ свѣтѣ изобрѣтательность господъ-помѣщиковъ, я долженъ привести то, что дѣлалось въ.... бергенѣ въ 94, 95 и 96 годахъ, быть-можетъ и раньше. Тамошній помѣщикъ рассудилъ, что крестьянамъ все сѣять равно, на какую бы работу ихъ ни наря-

жали. Онъ поэтому въ теченіи всей зимы заставлялъ ихъ ловить рыбу, лѣтомъ же крестьяне должны были бросать свои полевые работы, чтобы на разстояніи нѣсколькихъ миль перевозить нужное количество дровъ,—разумѣется, сверхъ обыкновенныхъ работъ.

Кромѣ работниковъ при лошадяхъ, съ каждой четверти гакаа черезъ недѣлю ставится пѣшіи работникъ, со всей же вотчины еженедѣльно отъ двухъ до четырехъ взрослыхъ подпасковъ, а въ воскресные и праздничные дни два или болѣе сторожа.

Далѣе, вывозка навоза и посѣвъ совершаются даромъ, при двухъ или трехъ лошадяхъ съ cadaго двора. На покосъ, на жнитво, на каждую значительную работу крестьянскій участокъ ставить человека три, четыре, пять или сколько ихъ требуетъ помѣщикъ, такъ что всѣ способные къ работѣ сгоняются на барщину. Собственное хозяйство крестьянъ между тѣмъ останавливается, поля ихъ лежатъ не засѣянными, сѣно гниетъ, хлѣбъ сыплется. Но что за бѣда? Помѣщицье хозяйство воспользовалось хорошею погодою, и ему нечего опасаться убытковъ.

За такой сгонъ (его здѣсь называютъ талькусомъ—толокою) въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ людей впродолженіи работъ кормятъ, въ другихъ каждый хозяинъ получаетъ ежегодно шефель или два хлѣба; въ большинствѣ же случаевъ не даютъ ничего, а между тѣмъ почти все лѣто проходитъ въ такихъ сгонныхъ работахъ.

Ничто для крестьянина такъ не губительно, какъ подобный сгонъ, отнимающій у него въ самое нужное время года батраковъ, прокормленныхъ имъ всю зиму. Въ странѣ менѣе хлѣбородной, этого учрежденія было бы достаточно, чтобъ обратить хозяина въ нищаго. Но на немъ лежатъ еще нныя по-

винности. Вздумаетъ ли помѣщикъ строить, онъ просто приказываетъ всей вотчинѣ возить лѣсъ и ставить рабочихъ. Вздумаетъ ли ловить рыбу, пилить доски, стирать бѣлье, понадобится ли ему послать куда-нибудь и т. д., онъ велитъ призвать къ себѣ кого вздумается. Когда же крестьянинъ обрабатываетъ свои поля?—По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Печально видѣть, какъ эти несчастные въ такіе дни, когда зажиточный и скоту своему даетъ отдохнуть,—согнувшись надъ сохою, или съ серпомъ или косою въ рукѣ, въ потѣ лица своего, борятся съ нищетою. Сколько вздоховъ,—на проклетіи у нихъ не хватаетъ силъ,—сколько слезъ исторгнутыхъ отчаяніемъ, взываютъ къ Небу о справедливости! Пустяки! мы слишкомъ просвѣщены, чтобы предаваться сентиментальности; за то мы изобрѣли средство присвоить себѣ и часть воскресенья. Работаетъ же крестьянинъ по собственной волѣ въ этотъ день; пусть же онъ поработаетъ и на помѣщика. На этомъ основаніи во многихъ имѣніяхъ конные рабочие, когда они въ понедѣльникъ утромъ являются на барщину, должны представить по возу осоки на подстилку, или березовыхъ прутьевъ на ночной кормъ овцамъ. Одинъ дворянинъ, хвастаясь своею хозяйственною сваркою, однажды рассказалъ мнѣ, что онъ завелъ у себя въ имѣніи такой порядокъ. Съ негодованіемъ сообщилъ я въ тотъ же день объ этомъ нововведеніи пастору, ожидая, что его возмутитъ это притѣсненіе не менѣе, чѣмъ меня.

«Жена, воскликнулъ онъ, — послушайка, какую отличную штуку придумалъ г-нъ ****, сколько тутъ сэкономишь сѣна Я думаю, и у насъ бы это завести». — «Конечно», радостно воскликнула добродѣтельная супруга. Позвали прикащика, толковали, и тотчасъ сдѣлали распоряженіе.

Вотъ какъ мыслятъ и чувствуютъ въ Лифляндіи!

Пѣшіе работники, всѣ безъ изъятія, должны, смотря по времени года, доставлять грибы, ягоды, раковъ, орѣхи и т. п. Эти послѣднія повинности, вынуждающія крестьянина жертвовать и воскресеньемъ алчности своихъ поведенителей, никакимъ закономъ не вмѣняются въ обязанность и не разрѣшаются. На это смотрятъ какъ на бездѣлицы (назвать же это бездѣлицами никакъ нельзя, ибо это стѣитъ времени и труда и даетъ поводъ къ новымъ придиркамъ и притѣсненіямъ) и предоставляютъ этимъ заниматься хозяйкѣ дома. Это ея департаментъ, въ которомъ она распоряжается съ тиранническою властію.

Впрочемъ, ей представляются на то и другіе случаи. И она, когда ей вздумается, сгоняетъ любое количество дѣвокъ сажать капусту и картофель, или мыть бѣлье, обрабатывать ленъ, неньку, шерсть. Кромѣ того, каждый крестьянскій дворъ обязанъ на прясть для господскаго двора отъ трехъ до шести фунтовъ льна. Если пряжа окажется недостаточно тонкою, за ленъ взимается плата, и работа должна быть произведена вновь; но и награжденіе плетью также не забывается; за то барыня доставляетъ себѣ удовольствіе хвастать своими холстами и наполнять сундуки своихъ барышень приданымъ, на которомъ, къ счастью, слезы высѣченныхъ работницъ не оставляютъ пятна.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ возможенъ славъ, крестьяне, сверхъ всѣхъ этихъ повинностей, еще обязаны нарубить зимою нѣсколько сотенъ балокъ и столько же саженой дровъ, и все это славить на свой счетъ до ближайшаго города. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ уже весь лѣсъ истребленъ, они должны ставить людей для копанія торфа. Сло-

вомъ, всякій новый источникъ дохода, изобрѣтаемый помѣщикомъ, всякая новая потребность, испытываемая имъ, обращается въ новую тягость для несчастныхъ Латышей.

Я могъ бы привести слишкомъ длинный рядъ печальныхъ примѣровъ, но ограничусь сообщеніемъ немногихъ, видѣнныхъ мною на протяженіи трехъ-четырехъ миль въ окружности. Осенью 1795 года проснулся ночью ***скій помѣщикъ и увидѣлъ, или ему показалось, что два вора ломятся къ нему въ окно. Онъ позвалъ своихъ слугъ и самъ движимый отвагою (какъ онъ говорилъ) выскочилъ въ окно. Воры исчезли, но оставили по себѣ весьма чувствительное для крестьянъ притѣсненіе. Баринъ нашелъ, что ему нужны ночные сторожа. Что же? Нанялъ онъ сторожа? Какъ можно! Это повлекло бы его въ издержки. Что можетъ быть справедливѣе, какъ заставлять самихъ подданныхъ, въ ущербъ своему здоровью и хозяйству, охранять драгоценную жизнь и достояніе своего поведенителя? Итакъ, на другой день былъ изданъ приказъ, чтобы каждую ночь являлись два хозяина, съ трещотками для обхода барскаго двора. Что высокородный помѣщикъ не имѣетъ никакого права требовать этого, что несчастные часто подвергаются ужасной непогодѣ послѣ изнурительной дневной работы (ихъ наказываютъ, если они вздумаютъ куда-либо укрыться); что они, разумѣется, на другой день не въ силахъ работать, какъ слѣдуетъ, и такимъ образомъ безъ вознагражденія лишаются значительной доли своихъ заработковъ—все это не стоитъ вниманія, ибо они вѣдь правъ не имѣютъ. Они должны трещать, *car telle est la volonté de Monseigneur.*

Тотъ же самый баринъ, изъ котораго впрочемъ при всякомъ удобномъ случаѣ

истекаетъ струями великодушіе и человѣколюбіе, замыслилъ выстроить себѣ каменный домъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, его тщеславіе борется со скупостію, до сихъ поръ препятствовавшей исполненію этого намѣренія. На всякій случай онъ счелъ полезнымъ собрать матеріалы для постройки, такъ какъ онъ могъ это сдѣлать безъ издержекъ. Онъ только повѣстилъ, что каждый крестьянинъ долженъ привести сажень камней, т. е. кучу, въ сажень длины и ширины и въ полсажени вышины. Такимъ образомъ было собрано значительное количество камней. На другой годъ онъ опять велѣлъ доставить по двѣ сажени. Въ то время, какъ я пишу эти строки, въ осеннюю мятель, со всѣхъ дворовъ имѣнія всѣ мужчины бродятъ по полямъ съ ломами. Это отниметъ у нихъ три недѣли, и за это имъ даже не скажутъ спасибо. На будущій годъ ихъ быть-можетъ заставятъ доставить по четыре сажени. Почему же нѣтъ? Хотя большая часть крестьянъ по внутреннему достоинству стоитъ въ десять разъ выше высокороднаго франга, однако они составляютъ безусловную собственность! Человѣческое чувство содрогается передъ этою мыслію.

Сосѣдъ его, имѣніе котораго расположено въ девяти миляхъ отъ Риги, живетъ обыкновенно въ этомъ городѣ, гдѣ онъ занимается вексельными дѣлами. Намъ квартиры обходится дорого. Онъ рѣшился выстроить собственный домъ, и крестьяне его должны были привозить матеріалы для этой постройки, слѣдовательно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ совершать безъ вознагражденія частыя поѣздки въ 18 миль. Наконецъ, все припасено; но подвергается кто-то также желающій выстроить себѣ домъ и предлагающій за эти матеріалы выгодную цѣну. Услужливый филантропъ тотчасъ

уступаетъ ихъ и снова гонитъ своихъ крестьянъ за новыми матеріалами. Теперь онъ собирается продать свой уже отстроенный домъ. Крестьянамъ, видно, придется въ третій разъ путешествовать.

Другой дворянинъ въ томъ же окологдѣ нашель, что обыкновенная приходская почта слишкомъ для него медленна, такъ какъ приномъ устройствѣ онъ могъ бы получать газеты днемъ раньше. Онъ созвалъ всѣхъ хозяевъ своего имѣнія и приказалъ, чтобы впредь въ каждый почтовый день, т. е. два раза въ недѣлю, одинъ изъ нихъ ѣздилъ за пять миль въ уѣздный городъ за газетами,—и приказаніе его должны были исполнить, и исполнить безпрекословно. Итакъ для того только, чтобы онъ могъ удовлетворять своему любопытству сутками раньше, его крестьянамъ приходится пробѣжать лишнихъ противъ прежняго 1040 миль, что составляетъ около 35 нѣмецкихъ миль на каждаго хозяина.

Довольно! Миѣ еще придется представить моимъ читателямъ столько уродливыхъ образчиковъ дворянскаго произвола, что я пока долженъ пощадить ихъ терпѣніе и чувствительность. То, что я приводилъ до сихъ поръ, въ Лифляндіи уже не считается предосудительнымъ. Въ ней едва ли сънится три имѣнія, въ которыхъ бы не происходило чего-либо подобнаго.

Другой видъ барщины составляетъ поставка на мѣста сбыта произведеній господскаго хозяйства, а именно льна, хлѣба, водки, сѣна, домашней птицы, рогатаго скота, масла, и т. д. Все это крестьяне во многихъ мѣстностяхъ обязаны возить за тридцать, за сорокъ нѣмецкихъ миль въ городъ, и оттуда везти обратно столь же тяжелыя поклажи. Правда, что въ странѣ, столь бѣдной городами, почти и не можетъ быть много сбыта. Но почему не опредѣлено

строга, сколько подводъ обязанъ поставить каждый крестьянинъ, и почему не введено правило, чтобы подводы требовались только въ хорошую погоду? Я говорю *строга* для того, чтобы за этимъ смотрѣли судебныя мѣста, и чтобы съ этимъ принуждены были соображаться и самые алчные и безчеловѣчные помѣщики; ибо уже имѣются предписанія на этотъ счетъ, но оставляемая въ пренебреженіи. Императорскій указъ отъ 12-го апрѣля 1765, подтвержденный въ 1784 году, прямо гласитъ: «кромя какъ для поставки продуктовъ помѣщичьяго хозяйства, никакихъ другихъ подводъ отъ крестьянъ не требовать, иначе какъ въ счетъ барщины, или по взаимному соглашенію». Но на такія распоряженія никто не обращаетъ вниманія, ибо нѣтъ должностнаго лица, которому бы поручено было смотрѣть за ихъ исполненіемъ, сами же крестьяне не могутъ, хотя право на то они и имѣютъ. Какъ только понадобится помѣщику что либо привезти издалека, онъ посылаетъ нарядчика и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, повѣщаетъ крестьянъ, чтобы они собирались въ путь.

Благоразумные помѣщики, въ видахъ собственной пользы, стараются облегчать крестьянамъ подводную повинность. Но самая обыкновенная спекуляція алчныхъ помѣщиковъ состоитъ въ томъ, что они заставляютъ крестьянъ возить какъ можно чаще, и именно по самымъ дурнымъ дорогамъ, или во время посѣва или жатвы, когда привозъ менѣе, слѣдовательно и цѣны выше. Многіе дворяне даже скупаютъ значительныя количества хлѣба и заставляютъ крестьянъ подвозить его и ставить на мѣсто сбыта безвозмездно, хотя конечно этотъ покупной хлѣбъ не можетъ считаться произведеніемъ мѣстнаго помѣщичьяго хозяйства. Но надобно быть справедливымъ.

Попадаютъ и такіе помѣщики, которые на столько челоуѣколюбивы, что не требуютъ подобныхъ услугъ даромъ; но, какъ они выражаются *сами*, обращаютъ свои потребности въ источники заработковъ для своихъ подданныхъ: ***скій помѣщикъ, на примѣръ челоуѣкъ, у котораго чувствительныя изрѣченія не сходятъ съ языка, въ 1796 г. купилъ нѣсколько тысячъ кирпичей въ округѣ имѣнія, на разстояніи 44 нѣмецкихъ миль, и каждый хозяинъ изъ его крестьянъ долженъ былъ отпраляться туда за ними на двухъ подводахъ. Хотя онъ и не удостоилъ напередъ объявить своимъ рабамъ, получать ли они что-либо за эту барщинную работу, исполняемую въ самую дурную погоду, но онъ рѣшился дать каждому, за 44 мили — *credite posteris!* — по шеффелю овса, которымъ лошади дѣйствительно полакомятся, хотя конечно не накормятся на полпути.

Естественнымъ послѣдствіемъ такой усиленной поставки подводъ бываетъ то, что послѣ каждой теплой зимы падаетъ множество лошадей, и что крестьяне, которые едва имѣютъ возможность насытиться вполнину мякиннымъ хлѣбомъ, должны дѣлать долги, чтобы покупать себѣ новыхъ лошадей. Обыкновенно помѣщики — о великодушіе! — даютъ имъ на то взаимныя деньги безъ процентовъ, ибо безъ этого они вѣдь не могли бы обработать господскихъ полей. Но какъ только уборка окончена, назначается для платежа срокъ, и крестьянинъ, пропустившій его, наказывается розгами. Для того, чтобы раздѣлаться съ этими долгами, онъ принужденъ продавать часто самое необходимое изъ произведеній своего хозяйства, въ такое время года, когда стоятъ самыя низкія цѣны.

Опредѣленные поборы съ крестьянъ въ пользу помѣщика состоятъ изъ денегъ, ржи, ячменя, овса, льна, овецъ, масла, сѣна,

куръ и т. д., и для крестьянина, держащаго четверть гака, могутъ быть оцѣнены въ девять или десять червонцевъ,—сумма громадная для людей, несущихъ столь тяжелую барщину и имѣющихъ такъ малосредствъ къ приобрѣтенію.

Относительно этихъ поборовъ поступаютъ не такъ произвольно, ибо отступленіе отъ обычая было-бы чистымъ грабежомъ и могло бы уже слишкомъ раздражить крестьянъ.

Но если непремѣнно захочется возвысить ихъ, тогда придумываютъ благодѣяніе, и дѣло въ шляпѣ. Одного примѣра,—за достовѣрность котораго ручается авторъ «Исторіи крѣпостнаго права въ Лифляндіи»,—будетъ достаточно, чтобъ ознакомить съ приемами, употребляемыми для увеличенія размѣра этихъ неизвѣстно за что взимаемыхъ поборовъ.

Въ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ крестьяне вовсе не держатъ домашней птицы, кромѣ куръ, и поступаютъ очень умно. Еслибъ они и могли сбывать ее, то выручка, при недостаткѣ въ хлѣбѣ, все таки не покрыла бы и половины издержекъ на выборку, а людей, для ухода за птицею, у нихъ также нѣтъ. Сами же они обходятся безъ перинъ и о дорогихъ лакомствѣ не мечтаютъ. Нѣкоторые помѣщики однако же рѣшились доставить имъ эту роскошь. Они навязали хозяевамъ по парѣ гусей и ничего при этомъ не выговорили себѣ, кромѣ, разумѣется, ежегодной поставки на господскій дворъ такой же пары!

Читатель видитъ, что эти поборы открываютъ широкое поприще самому необузданному, самому своекорыстному произволу.

Но, что всего мучительнѣе для Латышей, что всего болѣе убиваетъ въ нихъ всякую энергію—это то, что даже это бѣдственное ихъ состояніе не имѣетъ въ себѣ ничего прочнаго. Они владѣютъ лишь тѣмъ, чего

у нихъ не отнимаетъ помѣщикъ: они суть то, что ему угодно. Если ему вздумается, онъ можетъ распорядиться самовольнѣ всякаго государя въ Европѣ: онъ превращаетъ домохозяина въ батрака при собственномъ его дворѣ, а батрака въ домохозяина. Захоти онъ, и цѣлыя семьи должны оставить очаги своихъ предковъ, уступить чужимъ людямъ дома, ими же построенные, допустить прирѣзку полей, ими удобренныхъ, къ господской запашкѣ, подчиниться принудительному переселенію въ какую нибудь глушь и дичь, гдѣ еще въ добавокъ ихъ можетъ быть разобьютъ и размѣстятъ врознь. Захоти онъ, и молодой крестьянинъ долженъ промѣнять свой зипунъ на мундиръ, навѣки проститься съ своими дряхлыми родителями и идти на войну, ибо баринъ уже получилъ цѣну его крови *).

Неслыханное злоупотребленіе помѣщичьею властью бросилось въ глаза Екатеринѣ II, когда она, въ 1764 году, совершала путешествіе по Лифляндіи. По именному ея приказанію, тогдашній генералъ-губернаторъ графъ Броунъ, долженъ былъ предложить всему дворянству отмѣнить эти безчинства и обезпечить бытъ Латышей на твердомъ законѣ.

Дворяне объявили, что всѣ приведенныя обвиненія клеветы, свалили всю вину на помѣщиковъ нематрикулированныхъ, какъ будто бы занесеніе въ матрикулу само собою внушало челоуѣколюбіе, и просили не умалять ихъ привилегій. Но такъ какъ требованія правительства не допускали отговорокъ и притомъ предъявлены были въ минуту по другимъ обстоятельствамъ осо-

*) Въ Голландіи называютъ тѣхъ, которые продаютъ своихъ согражданъ вербовщикамъ—Zielverkoopers, а въ Англіи Kidnappers. Они занимаются своимъ ремесломъ тайно, и награда имъ—позорный столбъ.

бенно критическую, то рѣшились сдѣлать хоть что-нибудь.

Между прочими распоряженіями вмѣнено было всякому помѣщику въ обязанность изложить письменно, чего онъ требуетъ отъ своихъ крестьянъ. Написали чтѣ хотѣли, и многіе жадно ухватились за этотъ поводъ поднять, какъ бы законнымъ образомъ, размѣръ барщины. Всѣ эти свѣдѣнія были сложены въ казенную палату и должны были служить вѣчною нормою. Но такъ какъ при этомъ не были опрошены крестьяне, и такъ какъ никогда не было произведено общаго изслѣдованія о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ держатся этой нормы, то все это не поведо ни къ чему.

Такова общая судьба всѣхъ исходящихъ свыше распоряженій правительства въ пользу крестьянъ.

Цѣль ихъ и духъ, въ которомъ онѣ задуманы превосходны, а приведеніе ихъ въ исполненіе поручается людямъ, которые сами помѣщики.

Недавнее событіе подало дворянству поводъ совершенно сбросить съ себя легкое стѣсненіе, наложенное на него этими распоряженіями, и возстановитъ прежнее самовластіе во всей его неограниченности.

Дѣло въ томъ, что въ 1783 году правительство, вмѣсто прежнихъ натуральныхъ поставокъ, обложило крестьянъ подушною податью, которая въ 1794 г., по случаю упадка цѣнности мѣдной монеты, была повышена до ста копѣекъ съ мужской души. Во многихъ мѣстностяхъ Латыши были совершенно не въ силахъ выплатить эти деньги. Въ другихъ успѣли уговорить ихъ отдаться добровольно въ руки дворянства, или точнѣе повергнуться подъ пяту его. Теперь оно выплачиваетъ подушную подать за крестьянъ, но за то выбираетъ съ нихъ прежнія казенныя повинности, и возлагаетъ

на нихъ столько новыхъ поборовъ, сколько ему вздумается. Въ Голлергофѣ, напримѣръ, гдѣ крестьянинъ, держащій осьмую долю гака, прежде ставилъ батрака три дня въ недѣлю, онъ теперь съ апрѣля по сентябрь отбываетъ четырехдневную барщину въ недѣлю, по свидѣтельству самаго помѣщика.

Пусть тогда вычислятъ цѣнность прежнихъ податей и поденную плату за новую добавочную барщину и легко поймутъ тайну предупредительной благотворительности. Какъ видитъ читатель, Латыши боятся ея не безъ основанія.

Но не всегда берутъ на себя трудъ прикрываться этимъ предлогомъ, а просто приводятъ въ исполненіе свои фантавіи. Я уже представилъ тому нѣсколько примѣровъ: вотъ еще два.

Одинъ дворянинъ купилъ весьма дешево значительное имѣніе, въ которомъ благоденствіе крестьянъ вошло въ поговорку. Избѣгая ошибокъ своего предшественника—распущенности и неумѣнія блюсти свои выгоды, покушцвкъ сталъ поступать съ крестьянами такъ строго и до того обременилъ ихъ трудами, что въ немного лѣтъ полтора ста человекъ сбѣжало въ Литву. Но это ничуть не остановило его въ исполненіи его замысловъ. Онъ не только принуждалъ оставшихся на мѣстѣ обрабатывать господскія поля, безъ уменьшенія ихъ размѣра, но еще требовалъ отъ нихъ поставки сѣна съ луговъ бѣглыхъ крестьянъ за десять миль, въ Ригу, а что теперь его крѣпостные всѣ нищіе—ничего и прибавлять.

Другой помѣщикъ сообразилъ, что для него было бы выгоднѣе производить всю запашку въ своемъ имѣніи въ свою пользу, а крестьянамъ выдавать хлѣбъ, и немедленно старые хозяева должны были бросить свои дома, перебраться на господскій дворъ и сдѣлаться батраками; но

ожидаемой прибыли не оказалось. Правда, расчетъ помѣщика былъ вѣренъ въ томъ отношеніи, что должны были прекратиться расходы крестьянъ на предметы роскоши, то есть на табакъ, водку и воскресные наряды; но это сбереженіе не пошло въ его кошелекъ, по причинамъ, которыя легко угадать изъ предъидущаго.

Раммельсгофскіе крестьяне дѣйствительно были лишены всѣхъ мелкихъ удовольствій жизни и почувствовали себя несказанно несчастными, но и мучитель ихъ обѣднѣлъ. Онъ даже не въ силахъ былъ покрыть издержки на первоначальное обзаведеніе, когда черезъ нѣсколько лѣтъ снова захотѣлъ ввести прежнее устройство. Такимъ образомъ его глупая алчность понесла заслуженное наказаніе.

Но каково же подумать, что онъ могъ столько людей увлечь за собою въ нищету?

Фридрихъ Единственный, когда у крестьянина было нѣсколько сыновей, бралъ одного изъ нихъ въ солдаты; а вербовщики его брали насильно и ремесленниковъ.

Нельзя конечно отрицать, что государственная потребность неопровержимо оправдываетъ, даже вынуждаетъ эти мѣры, а все-таки человѣческому чувству трудно подчиняться необходимости отрывать дѣтей отъ родителей, и вообще людей отъ избраннаго ими поприща, для употребленія на государственныя надобности. Во всякомъ случаѣ, вѣтъ этой причины, нѣтъ оправданія для такого рода дѣйствій даже, когда онѣ исходятъ отъ неограниченнѣйшихъ самодержцевъ.

Въ Лифляндіи же незначительный дворянинъ, человѣкъ, котораго за другіе его родъ презирали сами дворяне, разрушаетъ семейное счастье и хозяйственный бытъ множества своихъ согражданъ, лишаетъ домо-

хозяевъ трудами добытаго ими довольства, низводитъ ихъ, на старости, на степень ниже поденщиковъ, ввергаетъ сотни людей въ крайнюю нищету, и никому не приходится даже въ голову спросить: неужели начальство не имѣло права остановить его безумныя спекуляціи? Довольствуются тѣмъ, что смотря на него съ намѣреніемъ принять его за образецъ, если онъ приобрѣтетъ прибыль или поднять его на смѣхъ, если онъ просчитается.

ГЛАВА V.

Права крестьянъ-Латышей въ Лифляндіи.

Мы видѣли, что дворянство можетъ дѣлать все, что ему вздумается, или чему оно съумѣетъ придать сколько-нибудь благовидную окраску, — за изытіемъ развѣ смертоубійства и явнаго грабежа, такъ какъ судебныя мѣста были бы вынуждены нѣсколько потревожить уличенныхъ въ этихъ преступленіяхъ.

Итакъ, права крестьянъ въ дѣйствительности не существуютъ, и что я подъ этимъ разумю, было объяснено выше. Теперь я перейду къ перечисленію этихъ правъ, повторю: не тѣхъ, которыми пользуются Латыши, а тѣхъ, которыми они должны бы были пользоваться по волѣ правительства. Не моя будетъ вина, если этотъ отдѣлъ уподобится перечню грѣховъ болѣе чѣмъ кодексу. Охота же облегчать помѣщикамъ средства накладывать покровъ законности на сердечныя свои наготы. Къ дѣлу!

Крестьянинъ можетъ имѣть собственность. Это не значитъ, чтобы, пока онъ въ точности исполняетъ свои обязанности, онъ могъ рассчитывать на спокойное владѣніе тѣмъ полемъ, которое обрабатывалъ еще его прадѣды или чтобы онъ могъ ку-

пить это поле, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ изъ построенной имъ самимъ избы нельзя было выгнать его безъ вознагражденія. Нѣтъ! Это значитъ только, что нельзя безвозмездно отнять у него хлѣба, выращеннаго имъ въ потъ лица своего, ни скота, ни платья и пр. имъ заведеннаго или унаследованнаго, или купленнаго, *не взявъ на себя труда подобрать подходящій предлогъ.*

Еслибы мои читатели не были приготовлены къ этому предвидущимъ, то многіе изъ нихъ теперь спросили бы: идетъ ли рѣчь о дикаряхъ, только что вышедшихъ изъ лѣсовъ, чтобъ основать первое человѣческое общество, или объ африканскихъ деспотахъ, которымъ принадлежитъ все, что имъ нравится.

И все-таки вышеприведенное право, во всемъ мірѣ подразумѣвавшееся и потому ни у одного народа не нуждавшееся въ строгомъ опредѣленіи, остается драгоценнѣйшимъ преимуществомъ Латышей. Оно было имъ пожаловано изъ милости, ихъ согражданами, послѣ горячихъ споровъ, и не далѣе какъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Прежде, помѣщикъ сплошь да рядомъ бралъ пзъ дома крестьянина, безвозмездно, все, что ему нравилось. И теперь всѣ еще помнятъ, что баронъ Д., когда къ нему пріѣзжали гости, посылалъ отыскать по всему имѣнію жирнаго быка, или откормленнаго теленка, которымъ бы онъ, какъ богачъ ветхаго завѣта, могъ угостить своихъ посѣтителей на чужой счетъ.

Не могу ничѣмъ лучше подтвердить этого какъ собственными словами покойнаго генералъ-губернатора фонъ-Броуна. Онъ говоритъ въ своихъ предложеніяхъ дворянству 1765 года: «За крестьянами не признается рѣшительно никакой собственности, ниже въ томъ, что они зарабатываютъ себѣ потомъ и кровію».

Далѣе, въ томъ же предложеніи, говорится: «Справедливость этой жалобы всѣмъ известна; въ пользованіи землею и имъ самимъ выстроеннымъ жильемъ, крестьянинъ столь же мало обезпеченъ, какъ и птица на крышѣ, а относительно скудной своей подвижности онъ обезпеченъ еще менѣе».

«Понравится ли господину крестьянская лошадь, скотина, кадушка, или что бы то ни было, онъ преспокойно отбираетъ себѣ, за цѣну назначаемую имъ по своему усмотрѣнію, а иногда и безъ всякаго вознагражденія. Даже годовою урожай, столь тяжкими трудами добываемый крестьяниномъ на скудное пропитаніе себя и своей семьи, не обезпеченъ отъ помѣщика. Есть ли возможность, чтобы несчастные при такомъ бѣдственномъ положеніи старались о пріобрѣтеніи чего-либо, когда они ни на единый часъ не могутъ быть увѣрены въ обладаніи тѣмъ, что они пріобрѣли».

Можно ли требовать болѣе достовѣрнаго изображенія? Эти упреки вызвали слѣдующее опредѣленіе ландтага, которое было обнародовано въ церквахъ:

«Крестьянинъ, буде за нимъ не имѣется неотработанныхъ дней, недоборовъ въ даняхъ и долговъ по ссудамъ, владѣетъ на правѣ собственности своимъ скотомъ, лошадьми, деньгами, хлѣбомъ, сѣномъ и всѣмъ, что можетъ пріобрѣсти, или что унаследовалъ отъ родителей».

Такимъ образомъ завершился періодъ хищенія безъ предлоговъ; къ сожалѣнію, положеніе крестьянъ отъ этого не улучшилось.

Алчность—неудержимый потокъ. Перегородите обычный путь его, и онъ тѣмъ же неудержимѣе проложитъ себѣ новое русло и увлечетъ съ собою все, что захватить.

То было для ***скихъ крестьянъ золотое время, когда ихъ баринъ могъ еще от-

нимать у нихъ жирныхъ быковъ и откормленныхъ телятъ. Теперь онъ едва ли бы нашелъ у нихъ курицу, годную на его столъ.

Со вздохами поминаетъ Ад...ская община то время, когда баринъ ихъ приказывалъ сгонять ихъ лошадей и запрягать въ свою карету, когда оя хотѣлъ щегольнуть. Въ тѣ времена экономическіе приемы не были еще такъ глубоко изслѣдованы какъ теперь; какъ продавался по тысячу талеровъ, между тѣмъ какъ теперь онъ стоитъ отъ четырехъ до осьми тысячъ; помѣщики не были еще благодѣтелями своихъ крестьянъ, и еще не заводили господскихъ фермъ или фольварковъ.

Теперь, у крестьянъ ничего не *отнимаютъ*; за то научились такъ чисто выжимать изъ нихъ все годное чрезмѣрною барщиною, что у нихъ не остается ничего, что бы *стоило у нихъ отнять*. Придумали также средства добираться до скуднаго имущества болѣе достаточныхъ.

Не могу не представить нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ надеждѣ вызвать къ нимъ общественное омерзѣніе.

Одинъ помѣщикъ, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы предотвратить воровство при молотбѣ, велѣлъ сдѣлать, подъ строжайшимъ надзоромъ, такъ называемые пробные заумолоты. Затѣмъ, онъ уже не принималъ въ расчетъ, что хлѣбъ стоитъ въ полѣ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ въ ничѣмъ незащищенныхъ скирдахъ, что слѣдовательно выпадаетъ много зерна, что птицы и полевые мыши уносятъ свою долю, что даже пасушійся скотъ поѣдаетъ многое, что наконецъ при ночной молотбѣ собирается много народа, за которымъ нѣтъ возможности усмотрѣть одному нарядчику—и требовалъ отъ него послѣ каждой молотбы полного количества зерна по расчету; недоборъ нарядчикъ долженъ былъ пополнить изъ собственнаго своего урожая.

Между тѣмъ этотъ человѣкъ не получаетъ за свой трудъ никакого вознагражденія, кромѣ того, что онъ самъ не ставитъ молотильщика, и долженъ идти на вѣрный убытокъ, безъ всякой надежды на прибыль.

Подобнымъ же образомъ поступаютъ другіе при продажѣ домашней птицы, масла и т. п. Какому-нибудь зажиточному хозяину, обязанному отвѣчать за всѣ убытки, вручается все предназначаемое въ продажу, и назначается цѣна, которую онъ долженъ выручить за каждую статью. Онъ ѣдетъ въ городъ за нѣсколько миль и тамъ узнаетъ, что товаръ стоитъ гораздо ниже назначенной цѣны. Чтобы не приплачивать къ базарной цѣнѣ отъ себя, онъ поневолѣ долженъ выжидать цѣнъ, заживаться въ городѣ и тратиться на харчи. Между тѣмъ товаръ портится, птица худѣетъ или дохнетъ, и во всякомъ случаѣ онъ остается въ убыткѣ.

При всемъ томъ, его продолжительная отлучка зачитывается ему за одну поѣздку, и его не вознаграждаютъ за харчи. По-истинѣ оригинальный способъ предупреждать обманъ! Чтобы не быть обворованну крестьяниномъ, его самого обираютъ до чиста.

Конечно, нельзя отрицать, что крестьяне, при продажѣ произведеній барскаго хозяйства, позволяютъ себѣ многія мошенничества. Но зачѣмъ употребляютъ ихъ на дѣло, не входящее въ ихъ обязанности? Несравненно благоразумнѣе и справедливѣе было бы держать для этого особаго прикащика, или поручать это дѣло амтману (надзирателю-Нѣмцу).

Къ чему же повело постановленіе о признаніи правъ собственности?

Какъ сказано выше, только къ тому, что пришлось изобрѣтать предлоги для грабежа.

И какая вообще польза въ признаніи права собственности на движимость, пока земледѣлецъ не имѣетъ собственности поземельной, не имѣетъ даже обезпеченнаго жилья?

Добрый человѣкъ не отниметъ у птицы гнѣзда, у собаки логовища, ею вырытаго. Но какъ только помѣщикъ замѣтитъ, что крестьянскій участокъ отлично устроенъ или выгодно расположенъ или хорошо обработанъ, такъ онъ тотчасъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, отнимаетъ его у владѣльца. Онъ возводитъ на немъ нѣсколько хозяйственныхъ строеній, загоняетъ туда скоть; затѣмъ назначаетъ кому изъ крестьянъ пахать поля новаго имѣнья, и дѣло обдѣлано.

Прежнему хозяину обязана помочъ община—не помѣщикъ экономія—построиться на какомъ-нибудь пустырьѣ, и много много если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его избавятъ отъ поборовъ съ произведеній его новыхъ полей, разумѣется дающихъ въ первые года скудные урожаи. Относительно устройства фольварковъ существуетъ только одно законное ограниченіе: не заводить ихъ при имѣніяхъ, не имѣющихъ по крайней мѣрѣ двадцати шефослей посѣва, и не ставить ихъ ближе какъ на разстояніи полумили отъ главнаго имѣнія.

Обыкновенно стараются опровергнуть упреки, дѣлаемые дворянству за раззореніе крестьянъ черезъ умноженіе фольварковъ, слѣдующими доводами:

«Всякій благоразумный помѣщикъ полагаетъ свою добрую славу въ благосостояніи своихъ крестьянъ. Собственная выгода предписываетъ ему не разорять зажиточныхъ и трудолюбивыхъ хозяевъ, не переселять ихъ съ мѣста на мѣсто, но оказывать имъ помощь и поощреніе».

Но, господа! Вы, которые похвалаетесь такими правилами и, можетъ быть, руко-

водствуетесь ими на практикѣ изъ собственной, вѣрно понятой, выгоды или, пожалуй, изъ человѣколюбія, будьте откровенны и скажите: не ежедневно ли встрѣчаются примѣры противоположнаго образа дѣйствій? Развѣ нѣтъ множества неразумныхъ помѣщиковъ? Развѣ не еще больше такихъ, у которыхъ постоянно на устахъ подобныя изрѣченія, но которые все-таки разочли по пальцамъ, что прибыль, добываемая трудолюбивымъ хозяиномъ изъ его поля, могла бы попасть къ нимъ въ карманъ, и что исхудалыхъ, оборванныхъ крестьянъ въ сущности можно заставить вспахать столько же, сколько и крестьянъ, сытыхъ и хорошо одѣтыхъ? Искренни ли увѣренія ваши? Если искренни, то почему же не хотите вы отнять у вашихъ менѣе разсудительныхъ собратій всякую возможность раззорять себя вмѣстѣ съ своими крестьянами? Испросите по крайней мѣрѣ закона, въ силу котораго всякій хозяинъ владѣль бы своею наслѣдственною землею, и не могъ бы быть удаленъ съ своего участка иначе какъ въ наказаніе за явную безпорядочность; постарайтесь также, чтобъ этотъ законъ исполнялся.

Упомянутое предложеніе, далѣе, ставило на видъ дворянству, что права государства нарушались выходившею изъ всякихъ границъ продажою Латышей въ рекруты.

Поэтому ландтагъ нашелъ себя вынужденнымъ постановить слѣдующія рѣшенія:

1) «Кто продастъ за границу лифляндскаго крестьянина, долженъ уплатить 200 талеровъ штрафа *). 2) Тому же штрафу подвергается продающій крестьянина на рынкѣ. 3) Кто при продажѣ разлучаетъ чету, платитъ 400 талеровъ штрафу».

Самое это постановленіе показываетъ, до

*) О продажѣ Латышей въ рекруты за границу см. Samson, I, 56.

какихъ ужасающихъ размѣровъ дошла торговля людьми; оно только видоизмѣнило до нѣкоторой степени форму этой торговли. Рабовъ уже не выводятъ, какъ въ Алжирѣ, на рынокъ, но публикуютъ о продажѣ ихъ въ газетахъ: это по крайней мѣрѣ придаетъ дѣлу видъ болѣе европейскій. Затѣмъ не переводить ли ихъ покупатель за границу—до этого продавцу дѣла нѣтъ. Сочетавшихся бракомъ уже не разлучаютъ, но у родителей похищаютъ дѣтей, чтобы продавать ихъ вербовщикамъ, и притомъ еще хвастаются привилегією Лифляндіи не ставить рекрутовъ, привилегією впрочемъ теперь отмѣненной. Императоръ Павелъ ее упразднилъ, и въ этомъ былъ совершенно правъ. Если Лифляндія была достаточно населена, чтобы продавать въ рекруты молодыхъ парней, почему бы самому государству не брать ихъ въ рекруты.

Эта поштучная, мелочная торговля людьми, далеко выходящая изъ границъ помѣщичьяго права, безчеловѣчностью своею превосходить всѣ видъ злоупотребленія неограниченною властью. Какъ бы ни разглагольствовали о своемъ правѣ распоряжаться по собственному усмотрѣнію своимъ имуществомъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что государство не можетъ признать за ними никакихъ другихъ правъ надъ ихъ согражданами и его подданными кромѣ права, за отведенную имъ землю, требовать съ нихъ барщины и оброковъ. Чтоже касается до личнаго назначенія каждаго принужденнаго, то само государство позволяетъ себѣ распоряжаться имъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ общее благо; а присвоеніе тогоже права другимъ гражданамъ есть вопіющее насиліе. Но когда послѣдніе дерзаютъ, не по требованію правительства, подвергать своихъ братьевъ губительнымъ случайностямъ войны, ихъ

бы слѣдовало отдавать подъ судъ какъ убійцъ. Между Лифляндскими помѣщиками занимающимися этимъ промысломъ и Голландскими вербовщиками былого времени я вижу только одну разницу: послѣдніе *воровски* ловили для пользы своего отечества иностранцевъ, тогда какъ первые *явно* обываютъ своихъ согражданъ на убой, за границу, и слѣдовательно, въ свою пользу, обираютъ свою родину.

Такъ какъ эти бестыдныя продѣлки стали заходить черезъ чуръ далеко и проникать даже въ казенныя имѣнія, то послѣдовало запрещеніе продавать крестьянъ въ рекруты. Оно соблюдается во всей строгости въ отношеніи къ людямъ состоящимъ въ крѣпостномъ владѣніи казны, но у крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ вѣтъ никого, кто бы за нихъ заступился. Еще лѣтомъ 1795 года, скупщики явно гнали по дорогамъ толпы такихъ несчастныхъ. Правительство непричастно этому, ибо оно не покупаетъ, а набираетъ рекрутовъ. Но многіе военные приемщики за извѣстную сумму денегъ отпускаютъ рекрутовъ, и взаимнѣй покупаютъ другихъ преимущественно въ Лифляндіи и Эстляндіи у дворянъ-работороговцевъ.

Третій видъ притѣсненія крестьянъ (какъ значится далѣе въ вышеупомянутомъ предложеніи) заключается въ жестокости наказаній. Злоупотребленіе это до того громадно, что возбужденные имъ вопли, къ прискорбію моему, донеслись до престола. Малѣйшіе проступки наказываются десятью парами розогъ, причемъ каждую парю дается не три удара, какъ предписано закономъ, а сѣкутъ до тѣхъ поръ, пока розги совсѣмъ обобьются, и кожа и мясо начнутъ отвалываться. Крестьянъ по мѣсяцамъ и по недѣлямъ, часто въ самые сильные холода, держатъ въ кандалахъ и колодахъ на

хлѣбъ и на водѣ. Все это наказанія, далеко переходящія за предѣлы частной расправы, притомъ такія, къ какимъ и самыя присутственныя мѣста прибѣгаютъ лишь въ случаѣ тяжкихъ преступленій, да и то въ формѣ болѣе мягкой, ибо они по крайней мѣрѣ держатъ виновныхъ въ теплыхъ тюрьмахъ.

Это энергическое, списанное съ природы, изображение вызвало слѣдующую сдѣлку, обнародованную 12 апрѣля 1765 года.

IV. «За легкіе проступки полагается наказаніе плетью; за проступки болѣе важныя, какъ напримѣръ, за упорное ослушаніе и т. п.—розгами, не свыше однако десяти паръ и трехъ ударовъ каждою парюю.

V. «Крестьянина запрещается держать въ тюрьмѣ долѣе сутокъ, развѣ бы въ преступленіи замѣшано было нѣсколько лицъ, и поэтому на производство слѣдствія потребно бы было болѣе времени. И въ этомъ случаѣ, помѣщикъ обязанъ держать заключенныхъ въ теплой ригѣ, или въ отопленномъ помѣщеніи».

Эти постановленія свидѣтельствуютъ о благихъ намѣреніяхъ Императрицы и объ усердіи исполнителя ея предначертаній. Но существенной пользы они не принесли. Плеть обыкновенно дѣлается изъ ремня толщиною въ палецъ и шириною въ дюймъ, привязаннаго къ ручкѣ; она ничѣмъ не легче розогъ, и очень можетъ искалечить человѣка на всю жизнь. Бывали даже не совѣмъ рѣдкіе случаи, въ которыхъ наказаніе ею влекло за собою, по прошествіи нѣсколькихъ дней, смерть наказаннаго, ибо это наказаніе безчеловѣчно. Лѣтомъ 1794 года, напримѣръ, г-жа фонъ-**** такъ страшно наказала свою служанку плетью за дурно сложенную рубашку, что несчастная полчаса пролежала безъ чувствъ. Однажды утромъ горничная г-жи фонъ-**** забыла вскипятить

VI. 3.

сливки для любимой собаченки этой дамы. Она замѣтила это и въ изступленіи созвала своихъ людей, чтобы покарать виновную за это страшное преступленіе. Несчастливая дѣвушка убѣжала и утопилась въ рѣкѣ Двинѣ. Такъ наказываютъ тонко-образованныя дамы, и подобныхъ теперь между ними не мало. Ибо гдѣ законъ не полагаетъ предѣла страстямъ, онѣ быстро развиваются до ужасающихъ крайностей. Даже наказаніе розгами въ сущности смягчено весьма мало: стоить только повторять эти десять паръ въ разные дни, подъ разными предлогами.

Нельзя безъ содроганія видѣть, до чего доходить въ рукахъ дворянъ такъ называемая домашняя расправа. Она становится средствомъ для удовлетворенія всѣхъ страстей и похотей, и въ то же время для огражденія ихъ отъ послѣдствія этихъ насилій. Ибо, ктѣ рѣшится подать жалобу ожесточить человѣка, изъ подѣ власти котораго все-таки никакими средствами нельзя уйти?

Ротмистру**** понравилась одна изъ его крестьянокъ, и онъ рѣшился пожаловать ее въ свои наложницы. Онъ взялъ ее къ себѣ во дворъ и долго расточалъ просьбы, подарки, угрозы, чтобы достигнуть своей цѣли, но по напрасну. Дѣвушка, вѣроятно потому, что она уже любила другаго, осталась непреклонною. Наконецъ онъ отвелъ ей спальню рядомъ съ своею. Тутъ онъ накинудся на нее ночью; но эта новая Памела, несмотря на то, что онъ призвалъ на помощь своего лакея, оказала такое мужественное сопротивленіе, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего звѣрскаго намѣренія. Въ награду за ея добродѣтель, или за пинки, которые онъ можетъ быть получилъ во время свалки, онъ велѣлъ дать ей тѣ десять паръ розогъ, которыхъ въ сущности самъ заслуживалъ. Онъ заставилъ Русскій Архивъ 1870. 34

ее пасти свиней, и тѣмъ дѣло покончилось.

То же самое случилось съ Ф... скимъ крестьяниномъ, который не хотѣлъ позволить своей женѣ сдѣлаться любовницею своего барина; и той же участи ежедневно подвергается каждый, кто чѣмъ-либо, хотя бы поступкомъ несомнѣнно законнымъ, навлечетъ на себя неудовольствіе своего властелина. Въ 1795 году И — скій помѣщикъ объявилъ, что всякій крестьянинъ, просящій о вспомоствованіи, получить розгъ, а между тѣмъ крестьяне почти круглое лѣто работали только на него, — слѣдовательно имѣли полное право обратиться къ нему за хлѣбомъ.

Какъ во всѣхъ странахъ Европы, такъ и въ Россіи судебнымъ мѣстамъ запрещено употреблять какого-либо рода пытку. Но, благодаря домашней расправѣ, дворяне прибѣгаютъ къ ней, когда только имъ вздумается. Подозрѣваемаго въ какомъ-либо проступкѣ сѣкутъ, до тѣхъ поръ пока онъ сознается. Такъ, г-у фонъ Н... осенью 1798 г. показалось, что его гуменникъ его обкрадывалъ. Онъ велѣлъ привести его къ себѣ связаннаго; но человекъ этотъ клялся, что онъ невиненъ. Баринъ, не обинуясь, велѣлъ дать ему десять паръ розогъ. Это было исполнено. Несчастный все-таки продолжалъ отпираться. Предположимъ, что онъ былъ виноватъ. Какому еще наказанію можно бы было въ этихъ случаяхъ его подвергнуть? А если онъ былъ невиненъ? Содрогаюсь при этой мысли! — Такъ поступаютъ помѣщики въ государствѣ, въ которомъ никакое судебное мѣсто не можетъ приговорить къ наказанію, при самыхъ убѣдительныхъ уликахъ, даже убійцу, прежде чѣмъ онъ сознается въ своемъ преступленіи. Но гдѣ найти словъ для выраженія омерзѣнія, внушаемаго слѣдующимъ

поступкомъ? Одному дворянину, г-у фонъ... показалось, что нѣмой, просившій у него милостыни, притворялся нѣмымъ. Онъ велѣлъ его бить, пока онъ заговоритъ. Напрасно несчастный своимъ невнятнымъ ревомъ старался разубѣдить своего мучителя: его продолжали бить пока, — не знаю навѣрное, въ самое ли время истязанія, или на другой день, — онъ умеръ отъ боли.

Не менѣе ужасное злодѣяніе было совершенно семействомъ фонъ... долго спустя послѣ постановленій 1765 года. Тринадцатилѣтняя крѣпостная дѣвочка оказалась виновною во многихъ мелкихъ проступкахъ, между прочимъ въ томъ, что она дурно прядла. Господа за это обмотали ей пальцы льномъ и зажгли его. Разумѣется, несчастная обожженными пальцами не могла прядть лучше прежняго. За это ее ежедневно стегали до крови розгами, вымочившими въ соленой водѣ для того, чтобы онѣ сѣкли больнѣе; ее запирали въ холодный погребъ; ей по нѣскольку дней сряду не давали ѣсть; ее ставили на косяки, привязывали ее руками къ стѣнѣ, давали ей въ одну руку масло, въ другую хлѣбъ, и заставляли ее такимъ образомъ смотрѣть, какъ другіе ѣли. (Все это я выписываю изъ судебныхъ актовъ.) Хозяйская дочь, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, накаляла щипцы и иголки и ими щипала и колола окровавленную жертву. Наковець несчастный ребенокъ убѣжалъ и умеръ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ господскаго дома. Пасторъ донесъ о ея смерти, и объ этомъ было произведено слѣдствіе. Родители были приговорены къ пожизненному заключенію, а дочь высѣкли въ присутствіи нѣсколькихъ родственниковъ. Но что еслибы они совершали свои злодѣянія нѣсколько осторожнѣе? Еслибы они только не дошли до убійства? Въ такомъ случаѣ, никто бы не могъ осмѣлиться остановить ихъ. Они бы столь же

мало подлежали наказанію, какъ и ихъ осторожные братья и сестры по духу, до сихъ поръ творящіе всякіе ужасы. — Еще примѣръ изъ новѣйшихъ.

Г. фонъ... такъ ужасно свирѣпствовалъ надъ своими крестьянами, что пятеро изъ нихъ лишились жизни. Нѣкоторые умерли вслѣдствіе наказаній, другіе со страха прибѣгли къ самоубійству. Шестаго, за нѣсколько нескромныхъ словъ ему приписанныхъ, но отъ которыхъ онъ упорно отрекался, помѣщикъ велѣлъ бить въ продолженіи часа въ своей комнатѣ; затѣмъ онъ бросалъ его изъ угла въ уголъ, и наконецъ съ такою силою ударилъ его о шкафъ, что раскроилъ ему черепъ.

Послѣдовательности ради, я долженъ упомянуть и о послѣдствіяхъ этого злодѣянія. Убитый былъ кучеромъ у матери убійцы, и она сама, въ первую минуту гнѣва, допела объ убійствѣ намѣстнику. Преступникъ былъ схваченъ, и началось слѣдствіе. Но слишкомъ некусный адвокатъ его успѣлъ затянуть дѣло и, главнымъ образомъ отводомъ свидѣтелей, которые конечно всѣ были слугами въ домѣ, добился того, что полутороговой, весьма не строгій, арестъ былъ зачтенъ обвиненному въ наказаніе, — онъ же объявленъ былъ неспособнымъ къ управленію имѣніемъ, которое было передано его жепѣ.

Таковы послѣдствія неограниченной домашней расправы, а она все-таки не составляетъ крайняго предѣла помѣщичьей власти.

То, къ чему въ иныхъ странахъ можетъ приговорить судилище лишь съ утвержденія Монарха, къ тому Лифляндскіе дворяне приговариваютъ собственной властію, а именно — къ работѣ въ крѣпостяхъ.

Навлечетъ ли на себя крестьянинъ неудовольствіе своего властителя, или же при-

сутствіе крестьянина покажется барину въ какомъ-либо отношеніи неудобнымъ, онъ посылаетъ его въ ближайшую крѣпость и на любой срокъ сдаетъ его надзирателю надъ преступниками въ каторжную работу, къ которой суды приговариваютъ лишь за убійство. При этомъ не соблюдается никакой формальности кромѣ той, что платятъ и лапти, не совѣтъ изношенные часто совершенно невиннымъ страдальцемъ, при востребованіи его изъ крѣпости, должны быть возвращены. Указъ о томъ — отъ 17 января 1765 г.

Знаю и повторяю: не всѣ помѣщики пользуются домашнею распрavoю столь варварскимъ способомъ. Кто вздумалъ бы утверждать, что цѣлое сословіе безчеловѣчно и жестоко, произнесъ бы бессмысленную клевету. Но приведенные примѣры показываютъ, что можно сдѣлать, и что часто дѣлаютъ изъ домашней расправы, и этого достаточно, чтобы доказать необходимость ея отмены. Благороднѣйшій и справедливѣйшій помѣщикъ самъ за себя въ томъ поручиться не можетъ, что никогда не употребитъ ея во зло. Въ спокойномъ состояніи духа, онъ смотритъ съ отвращеніемъ на образъ дѣйствія другихъ: и тотъ же образъ дѣйствій кажется ему необходимымъ и справедливымъ, какъ только ему почудится, что онъ оскорбленъ, или имъ овладѣетъ страсть. Мнѣ извѣстны весьма печальные случаи этого рода. Умалчиваю о нихъ, изъ уваженія къ провинившимся; но они повторяются такъ часто, что всякій попстингъ благородный человекъ долженъ страшиться возможности при первомъ случаѣ измѣнить своимъ правиламъ и дѣйствовать несправедливо и жестоко.

Поэтому ни одинъ добрый и разумный человекъ, знающій людей и знающій себя, не пожелаетъ серьезно обладать деспотическою распрavoю, какъ ее называютъ. Заря-

женное огнестрѣльное оружіе мы осторожно причесемъ, хотя и знаемъ, что вполнѣ умѣемъ съ нимъ обращаться. Почему же не устранить неограниченнаго права наказанія, которое несравненно опаснѣе ружья? Нечего опасаться вредныхъ послѣдствій отъ того, что крестьяне будутъ избавлены отъ этого пугала. То, что въ другихъ странахъ удерживаетъ ихъ въ повиновеніи и въ порядкѣ, и тутъ произвело бы то же дѣйствіе, а именно: денежные пени или тюремное заключеніе, налагаемыя вотчиннымъ судомъ, подобнымъ Штокмангофскому (?), съ тѣмъ конечно, что бы назначеніе судей зависѣло не отъ помѣщика и чтобъ судъ не былъ ему подчиненъ.

Стефанъ Баторій хотѣлъ отмѣнить тѣлесныя наказанія. Въ этомъ случаѣ онъ былъ прозорливѣе Густава Адольфа, который оставилъ дворянамъ домашнюю расправу, и въ ней средства обезсиловать всѣ мѣры правительства. Латышамъ даровали права, имъ предоставили, въ случаѣ ихъ нарушенія, обращаться за защитою въ суды. Но добившись правосудія, они снова возвращаются подъ власть своихъ враговъ. Пройдетъ немного времени, и найдется предлогъ, подъ прикрытіемъ котораго домашняя расправа отомститъ за опредѣленіе суда. Пока она не будетъ упразднена, всѣ дарованныя права останутся жестокою насмѣшкою надъ несчастными притѣсненными. Со стороны Латыша всего благоразумнѣе не обращать на эти права никакого вниманія. Разсчетъ его: «сколько жалобъ, столько десятковъ паръ розогъ», — безошибоченъ; можетъ быть онъ увернется отъ нихъ въ судѣ, но за то дома, связанные пучки навѣрное поджидаютъ его.

4) «Въ силу неоднократно повторявшагося указа отъ 1756 года, Латыши пользуются свободою отъ всякихъ препятствій при вступленіи въ бракъ, а на случай какого-либо по

этой части притѣсненія, должны находить защиту въ оберъ-консистеріи».

Крѣпостное право походитъ на ту одежду, которую баснословный тиранъ надѣвалъ на своихъ плѣнныхъ, и которая такъ плотно обхватывала тѣло, что они теряли способность къ малѣйшему движению. Трудно себѣ представить, какъ глубоко деспотизмъ помѣщиковъ проникаетъ въ самое внутренне ея святилище, въ домашній бытъ Латышей. Онъ даетъ приговоръ по всѣмъ предметамъ. Отецъ семейства лишъ настолько хозяинъ въ своей семьѣ, въ своемъ домѣ, въ своихъ поляхъ, насколько у помѣщика недостаетъ времени заняться всѣмъ этимъ, и пока ему это не вздумается. Есть имѣнія, въ которыхъ помѣщикъ предписываетъ, что долженъ сѣять крестьянинъ, и въ какой день. Крестьянинъ, разумѣется, лучше помѣщика понимаетъ обработку того клочка земли, на которомъ онъ родился и воспитанъ, который составляетъ единственную цѣль его жалкаго существованія; но въ назначенный день производится осмотръ, и его сѣкутъ, если онъ не исполнилъ часто смѣшнаго приказанія.

Но еще чувствительнѣе для него то насиліе, которому онъ, несмотря на всѣ запрещенія, подвергается при выборѣ себѣ жены. Это стѣсненіе задѣваетъ самыя нѣжныя струны его сердца; оно убиваетъ единственную радость, которая могла бы облегчить горькую участь несчастнаго; оно ложится на его плечо новымъ игомъ сверхъ того, которое онъ несетъ постоянно. Дайте ему только любящую и любимую жену, и жизнь сохранить для него въ которую прелесть. Когда онъ, утомленный шестидневною барщиною, возвращается въ свою курную избу, стаканъ воды, безвкусная пища, поданная ему женою, придаютъ ему силу и рѣшимость посвятить работѣ и время своего от-

дыха, ибо онъ трудится для нея, для избранной имъ подруги, и для дѣтей, которыхъ она ему родила. Но и это утѣшеніе отняли у несчастнаго крѣпостнаго властолюбіе и скупость. Разсчетами любостыжанія должны были подчиниться и самыя невольныя, самыя священныя сердечныя наклонности. Даже волю родителей помѣщики ставили ни во что; но распоряжаясь какъ въ своихъ стадахъ, они допускали только такіе союзы, въ которыхъ находили свою выгоду. Въ видахъ увеличенія населенія въ своихъ имѣніяхъ, многіе предписывали молодымъ парнямъ брать себѣ невѣсту изъ другаго околка, даже прямо указывали на ту, на которой свататься, а когда сторонніе сватались на дѣвушкахъ приписанныхъ къ ихъ имѣнію, имъ безъусловно отказывали. Конечно, вслѣдствіе этого и помѣщики смотрѣвшіе на это съ точки зрѣнія болѣе гуманной нашли себя вынужденными ввести относительно своихъ имѣній подобныя запрещенія, и крестьянинъ, спутанный этими корыстными разсчетами, увидѣлъ себя лишеннымъ самаго сладкаго, самаго важнаго изъ человѣческихъ правъ. Въ другихъ же имѣніяхъ прогоняли со стыдомъ всякаго жениха, не приносившаго съ собою значительныхъ подарковъ.

Частыя и безплодныя жалобы наконецъ заставили правительство издать постановленія: чтобы безъ законныхъ причинъ крестьянину не отказывали въ избранной имъ невѣстѣ, и чтобы подъ штрафомъ во сто талеровъ не *требовали* подарковъ отъ жениховъ. Но и эти правила, при существующемъ положеніи Латышей, не могутъ быть дѣйствительны. Конечно, теперь жалуются *сторонніе* женихи, когда имъ отказываютъ, ибо въ подобныхъ случаяхъ ихъ поддерживаетъ собственный ихъ баринъ, и при этомъ они не подлежатъ власти того барина,

на, котораго раздражаютъ своею жалобою. Но когда баринъ насилуетъ его желанія, Латышь молчитъ, и долженъ молчать, ибо онъ и жена его всю жизнь будутъ состоять подъ его плетью. Чужой, барскій глазъ выбираетъ ему невѣсту, и оттого выборъ нерѣдко падаетъ на ту, которая годится барину въ наложницы.

Какъ легко господа распоряжаются счастьемъ своихъ людей, по своимъ фантазіямъ, и какъ мало они считаютъ свои распоряженія предосудительными, когда приносятъ въ жертву своимъ мелочнымъ разсчетами чужую судьбу, это показываетъ слѣдующій случай.

Одинъ изъ служителей г-жи фонъ****, послѣ пятнадцати лѣтъ вѣрной службы, захотѣлъ жениться на молодой крестьянкѣ. Барыня оглядѣла ее, нашла ее неуклюжею и, при дальнѣйшихъ справкахъ, узнала, что она ничего не смыслить въ такъ называемыхъ тонкихъ работахъ, т. е. въ обращеніи съ бѣльемъ, съ нарядами и т. п. — «Этотъ чурбанъ мнѣ не пригоденъ!» сказала г-жа фонъ****, — и этими словами была отклонена настоятельная просьба вѣрнаго слуги. Но онъ на этомъ не успокоился. Онъ еще года два продолжалъ свои сношенія съ возлюбленною, повторялъ свои просьбы господамъ и, наконецъ, бросился къ ихъ ногамъ и объявилъ, что дѣвушка беременна. «Такъ пусть же она сдѣлается потаскушкою!» изрекла, съ величавымъ спокойствіемъ, барыня. Несчастный удалился, заливаясь слезами, и предложилъ тому, кто захочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, въ приданое 80 талеровъ, сбереженныхъ имъ съ великимъ трудомъ. Нашелся женихъ, и онъ сталъ молить господъ о разрѣшеніи. Этотъ поступокъ и страдальческій видъ просителя, наконецъ, тронули барыню, и онъ получилъ для себя просимое разрѣшеніе. — Исторія

эта вполне достоверна. Сама г-жа фонъ**** любила рассказывать ее, чтобъ объяснить, какимъ способомъ она добыла себѣ отличную служанку; ибо эта дѣвушка оказалась самою вѣрною, надежною, трудолюбивою служанкою во всемъ домѣ.

И владѣльцамъ невѣсть до сихъ поръ ничего не стоитъ разстроить всякое сватовство, которое имъ не нравится. Какъ легко найти законный, хотя бы и несправедливый, предлогъ къ отказу, или между четырехъ глазъ застрашать робкую дѣвушку! Нужна всегда значительная доля мужества, чтобы отстоять требованія своего сердца передъ неограниченнымъ властителемъ, ибо это дѣйствительно опасно. Еще въ 1793 году одну дѣвушку въ ****, которая не хотѣла отказать жениху изъ другаго имѣнія, высѣкли такъ ужасно (разумѣется, подъ другимъ ничтожнымъ предлогомъ), что женихъ отступился, ибо не хотѣлъ имѣть жены съ навсегда разстроеннымъ здоровьемъ. Собственный его помѣщикъ принудилъ его оказать страдалицѣ справедливость.

Въ другомъ имѣніи арендаторъ-дворянинъ также отказалъ дѣвушкѣ въ своемъ согласіи на бракъ съ чужимъ крестьяниномъ. Этотъ послѣдній обратился къ самому владѣльцу имѣнія и безъ затрудненій получилъ свидѣтельство на бракъ; но отъ мести своего противника онъ не ушелъ. Арендаторъ велѣлъ подстеречь на улицѣ новобрачныхъ, возвращавшихся съ вѣчанія. Невѣсту хватаютъ изъ повозки и обстригаютъ ей полъ-головы, для того, «чтобы свадебное веселье пришлось ей солоно», какъ благоволилъ выразиться г. ****. Такое насиліе въ странѣ образованной!

Не всѣ дѣвушки бываютъ столь тверды какъ упомянутыя мною; и потому, пока дворянство властно надъ спинами, оно будетъ распорядиться и сердцами. Плетка все еще

для Латышей играетъ роль Амура, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока надъ ними наконецъ не сжалятся въ Петербургѣ и не отымутъ у дворянъ власти налагать наказанія по своему благоусмотрѣнію. Другое злоупотребленіе обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ упомянутыхъ постановленіяхъ идетъ рѣчь лишь о крестьянахъ осѣдлыхъ, т. е. записанныхъ въ чьемъ либо крѣпостномъ владѣніи. Помѣщики же, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, относятъ къ категоріи бродягъ всякаго свободнаго Латыша или даже Нѣмца, сватающагося на ихъ крѣпостной дѣвушкѣ, и законно отказываютъ ему въ своемъ согласіи. Даже консисторія въ такомъ случаѣ не можетъ помочь дѣлу.

Въ К... свободный Латышъ, кормившійся ремесломъ своимъ, четыре года сватался на дѣвушкѣ изъ крѣпостныхъ. Помѣщица, женщина впрочемъ почтенная, за что-то не долюбливала его, и рѣшительно отказывала ему въ его просьбѣ. Онъ нѣсколько разъ умолялъ о заступничествѣ пастора и даже консисторію; но и ихъ ходатайства были напрасны, несмотря на то, что онъ уже имѣлъ отъ своей возлюбленной нѣсколько дѣтей. Дѣвушка, которая могла бы сдѣлаться хорошею женою и матерью, теперь должна влачить печальное, опозоренное существованіе. Вотъ въ какой мѣрѣ вся судьба, все счастье Латышей зависятъ отъ прихоти ихъ властителей! Прошу извиненія у г-жи А—съ за то, что я былъ вынужденъ указать на эту жестокость, быть можетъ единственную, совершенную ею за все время ея управленія имѣніемъ. Мнѣ нельзя было не упомянуть о ней, ибо ея примѣръ неопровержимо доказываетъ, что даже доброта и снисходительность самыхъ добрыхъ и кроткихъ господъ не можетъ быть приводима въ защиту крѣпостнаго права. Кто изъ нихъ

можетъ поручиться, что на него не найдетъ прихоть, дурное расположеніе духа, и не повлечетъ за собою несчастія многихъ изъ его ближнихъ? Поистинѣ человѣкъ властный дѣлать все дурное, что онъ вздумаетъ, или что онъ сдумаетъ прикрыть благовиднымъ предлогомъ, всегда страшнѣе, даже когда онъ одаренъ безукоризненнымъ характеромъ.

Благая природа, держащая наготовѣ по крайней мѣрѣ смягчающія средства для всѣхъ золъ, причиняемыхъ человѣкомъ, и тутъ, на сколько могла, позаботилась о своихъ дѣтяхъ. Она облакаетъ сердце несчастнаго, лишеннаго первыхъ наслажденій жизни, въ спасительную кору безчувственности къ ихъ обаяніямъ. Голодъ во всѣхъ значеніяхъ этого слова есть противоядіе любви. Человѣкъ, вынужденный постоянно бороться съ нищетою и не смѣющій надѣяться ни на какой иной конецъ борьбы, кромѣ смерти, испадаетъ въ области чувствъ на степень одинокаго дикаря, даже животнаго. Всякое нѣжное чувство, все человѣчное перестаетъ для него существовать. Его честолюбіе ограничивается тѣмъ, чтобы его не сѣкли *), его дружба—пьянствомъ съ товарищами, его любовь — чувственнымъ раздраженіемъ.

Этою апатіею Латышей пользуются дворяне какъ благовиднымъ извиненіемъ своей жестокости къ нимъ. «Ему все равно!» и «какая тамъ у крестьянъ любовь!» говорятъ они, когда отказываютъ выдать за Латыша избранную имъ невѣсту или принуждаютъ его жениться на существѣ ему противномъ.

1) «Я никогда не сбивался съ пути правды», говорилъ на смертномъ одрѣ честный, свободный человѣкъ. «Меня никогда не сѣкли на барскомъ дворѣ», сказалъ пастору передъ смертію почтенный старикъ—Эсть. О челоѣчество!

Но если Латышъ колотитъ до крови своего дряхлаго отца, если похороны жены и дѣтей служатъ ему лишь поводомъ къ пьянству; если онъ отъ смертнаго одра своей супруги отправляется прямо искать себѣ другое женское существо — привѣтливую ли развратницу, или бранчиваго урода—ему все равно, только бы оно могло удовлетворять его чувственнымъ потребностямъ и вязать ему рукавицы, — кто виновенъ въ этомъ скотскомъ огрубеніи?—Вы, высокородные деспоты! Несмотря на вашу улыбающуюся наружность, на вашу парадную чувствительность, челоѣколюбіе и великодушіе, вы не менѣе, чѣмъ монахи бывшихъ временъ, стараетесь о томъ, чтобы задержать вашихъ согражданъ на самой низшей ступени развитія. Вы заботливо давите въ нихъ подъ своею пятою всякій нѣжный цвѣтъ челоѣчности. Они *должны* уподобляться животнымъ для того, чтобы вы могли предаваться самымъ изысканнымъ утонченностямъ роскоши. Поэтому вы обходите всѣ предписанія издаваемые въ ихъ пользу. Поэтому вы наказываете, какъ преступленіе, всякое пробужденіе благородной самостоятельности, или поднимаете его на смѣхъ, пользуясь имъ для новыхъ мученій. Съ раскровоенною спиною, съ желудкомъ пустымъ или наполненнымъ мякиною, прикрытый лохмотьями, Латышъ конечно не возвысится до любви, до дружбы, до благодарности, до великодушія... до какого-либо челоѣческаго чувства. Но дайте ему свободу и время на пріобрѣтеніе достатка и свѣдѣній, и онъ быстро облагородится, сдѣлается лучшимъ челоѣкомъ. Тѣ немногія мѣстности, въ которыхъ теперь процвѣтаетъ временное, шаткое крестьянское благосостояніе, доказываютъ истину моихъ словъ.

5) *Крестьянинъ имѣетъ право требо-*

вать отъ своего помѣщика вспоможенія сѣмянами и хлѣбомъ.

Въ видахъ обезпеченія посѣвовъ послѣ общихъ неурожаевъ, еще до 1765 года было предписано указомъ, чтобы помѣщики берегали отъ одной уборки до другой по двадцати шеффелей ржи на каждый гакъ, для ссуды крестьянамъ на сѣмена. Всеобщій неурожай собственно въ Лифляндіи рѣдокъ, но голодъ—странно сказать—ежегодно повторяется между крестьянами и постоянно усиливается вслѣдствіе отказа въ помощи. Дѣло въ томъ, что нѣвые помѣщики продавали почти весь собранный ими хлѣбъ; другіе превращали его весь въ водку; еще третьи разсчитывали, что хлѣбъ осенью, въ то время, когда крестьяне платятъ свои долги, имѣетъ менѣе цѣны чѣмъ зимою и весною, когда они нуждаются въ помощи. Такимъ образомъ большинство помѣщиковъ, отчасти по недостатку средствъ, въ коемъ они сами были виноваты, отчасти по жестокосердію, отдавали крестьянъ въ жертву страшному голоду, который губилъ много народу. Когда же наступала дѣйствительная неурожай, тогда оставалась незасѣянною половина полей, и одинъ несчастный годъ влекъ за собою цѣлый рядъ бѣдственныхъ годовъ, и часто полное раззореніе крестьянъ.

По этимъ причинамъ въ вышеозначенномъ году были подтверждены прежнія предписанія насчетъ хлѣбныхъ запасовъ. Ландтагъ, побужаемый извѣстною намъ пружиною къ благотворительности, обязалъ cadaго помѣщика выдавать крестьянамъ хлѣбъ въ ссуду съ самаго начала полевыхъ работъ; правительство же повелѣло, чтобы каждую весною ревизовались магазины для того, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли имѣются въ запасѣ требуемые двадцать шеффелей.

По своему свойству этого распоряженія видно, что оно главнымъ образомъ исходи-

ло отъ лицъ виновныхъ въ замѣченныхъ упущеніяхъ, именно отъ тѣхъ, которые болѣе заинтересованы были въ томъ, чтобы не лишиться своихъ полевыхъ работниковъ, чѣмъ въ томъ, чтобы облегчить ихъ нищету. Вслѣдствіе предвѣреннаго недоразумѣнія, постановленіе это было истолковано въ томъ смыслѣ будто бы ссуду хлѣбомъ подлежало выдавать изъ запасной ржи, и такимъ образомъ мудрая цѣль правительства, чтобы въ странѣ всегда были на лицо запасныя сѣмяна на одинъ годъ, осталось не достигнуто. Далѣе, въ теченіи зимы крестьяне въ той же степени нуждаются въ ссудѣ, какъ и весною, хотя господская экономія зимою менѣе нуждается въ ихъ рабочей силѣ. Собственныхъ крестьянскихъ запасовъ, послѣ средняго урожая, рѣдко хватаетъ до конца января, а заработковъ въ этой странѣ скудной городами и лишенной заводовъ и фабрикъ весьма мало, такъ что на ссуды съ самаго начала рабочей поры никакъ бы не хватило двадцати запасныхъ шеффелей ржи, еслибы даже по закону имъ можно было употреблять ихъ на этотъ предметъ. Нашлись и такіе дворяне, которые сумѣли самими этими постановленіями воспользоваться для раззоренія крестьянъ. Подъ предлогомъ, что они обязаны беречь до ревизіи запасную рожь, они сужаютъ крестьянъ не хлѣбомъ, а деньгами на покупку хлѣба. Крестьяне должны разтѣзжать по всему краю, иногда до Вѣлоруссіи, для отысканія продажной ржи по 6, иногда и по 9 ортовъ *) за лофъ; осенью же она стоитъ не дороже трехъ ортовъ; и крестьянинъ ставится въ необходимость продать отъ двухъ до трехъ лофовъ для того, чтобы расплатиться за одинъ лофъ, съѣденный имъ весною.

*) Три орта составляютъ талеръ на саксонскія деньги.

Самая ревизія—чистая комедія. Ее часто назначаютъ, но рѣдко производятъ строго; найдено много средствъ сдѣлать ее совершенно недѣйствительною. Такъ напримѣръ подъ хлѣбъ, который никогда не перемѣривается, кладутъ покато наклоненныя доски; одинъ и тотъ же хлѣбъ, посредствомъ быстрой перевозки, показываютъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ; тотчасъ послѣ осмотра, везутъ хлѣбъ на продажу и т. п.

Какъ видно, всѣ выше приведенныя постановленія суть лишь безсильныя палліативныя средства противъ смертельнаго зла. Если хотятъ излѣчить общественныя язвы, нужно вырвать ихъ съ корнемъ. Чтобы обезпечить поселянъ отъ нищеты и голода, недостаточно обезпечить ему вспомошествованіе. Оно слишкомъ легко дѣлается орудіемъ своекорыстія и поглощаетъ будущій урожай прежде, чѣмъ онъ успѣлъ взойти. Надобно поставить сельское сословіе, важнѣйшее изъ всѣхъ въ этомъ краѣ, въ такое положеніе, чтобы оно никогда не нуждалось въ вспомошествованіи, или нуждалось въ немъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Пусть ограничатъ, не могу не повторять этого,—пусть ограничатъ губительный произволь дворянства; пусть опредѣляютъ на всегда барщину, подводную и другія повинности; тогда земледѣлецъ никогда не будетъ терпѣть недостатка въ плодахъ земныхъ, а самъ помѣщикъ пріобрѣтетъ возможность, *съ спокойною совѣстью*, располагать всѣмъ своимъ урожаемъ.

Въ виду этой послѣдней выгоды во многихъ имѣніяхъ введены порядки, выдаваемые за благодѣянія, хотя они въ сущности изобрѣтены хитрымъ своекорыстіемъ. Состоятъ они въ слѣдующемъ: нѣкоторые помѣщики подарили своимъ крестьянамъ сотни двѣ лофовъ хлѣба, т. е. выдали имъ это количество хлѣба навсегда въ ссу-

ду ¹⁾. Фондъ этотъ хранится въ особомъ магазинѣ, отъ котораго одинъ ключъ хранится у барина, а другой у крестьянскаго старосты. Каждый хозяинъ изъ крестьянъ ежегодно долженъ присыпать къ этому запасу по два лофа зерна, для того, чтобы увеличить его до количества достаточнаго для ссудъ; кромѣ того, онъ долженъ еще вносить обычный приростъ, когда пользуется ссудою изъ магазина. Гдѣ же мнимое благодѣяніе? Одинъ помѣщикъ извлекаетъ пользу изъ этого порядка, ибо онъ большую часть ссуды, которую обязанъ доставлять своимъ крестьянамъ, свалилъ на нихъ же. Крестьянину приходится нести новую, тяжкую обузу для того, чтобы помѣщикъ могъ безъ всякихъ ограниченій располагать всѣмъ своимъ урожаемъ. А кто еще поручится за то, что будущій помѣщикъ или даже самъ мнимый благодѣтель, вдругъ не объявитъ этого порядка излишнимъ, не нарушитъ его, не приметъ вновь на себя обязанности по выдачѣ ссудъ и не овладѣетъ магазиномъ со всѣми внесенными въ него вкладками? ²⁾. Онъ по крайней мѣрѣ имѣетъ полную возможность сдѣлать это безпрепятственно, ибо порядокъ этотъ не утвержденъ законно, и крестьяне не посмѣютъ жаловаться. По-истинѣ, однимъ изъ полезнѣйшихъ законовъ былъ бы тотъ, который воспретилъ бы дворянамъ благодѣянія, то-есть финансовыя спекуляціи.

¹⁾ Тотъ, кто, положимъ, обязавъ былъ ежегодно выдавать въ ссуду лофовъ четыреста, прибавлялъ около двухъ сотъ къ опредѣленному въ ссуду количеству.

²⁾ По крайней мѣрѣ Ау....скій помѣщикъ въ 1795 году самовольно и безъ вѣдома крестьянъ продалъ нѣсколько сотъ шеффелей изъ магазина—для того, говорилъ онъ, чтобы и крестьяне извлекли пользу изъ высокихъ цѣнъ; но въ сущности для того, чтобы не быть вынужденнымъ дѣлать имъ и денежныя ссуды.

Для того, чтобы эти магазины приносили хоть какую-нибудь пользу, слѣдовало бы производить изъ нихъ ссуды безъ прироста. Общѣаютъ, что это будетъ дѣлаться, когда съ крестьянъ стянутъ количество достаточное для полной годовой потребности. Но я боюсь какъ бы къ тому времени не возникли новыя спекуляціи, на которыя пожалуй потребуется еще излишекъ.

Въ 1765 году, въ эту эпоху обильную благонамѣренными предначертаніями и столь бѣдную благотѣльными послѣдствіями, было возобновлено и постановленіе Густава-Адольфа, въ силу котораго *всякій крестьянинъ, который испыталъ слишкомъ большія несправедливости, можетъ подать жалобу въ судъ*. Дѣло въ томъ, что этотъ старый законъ былъ въ полномъ забвеніи и бездѣйствіи, и что Латыши, запутанные въ правахъ дворянскаго сословія, лежали въ этой сѣти, какъ мухи въ паутинѣ.

Что подумаютъ, что почувствуютъ читатели, узнавъ объ этомъ возобновленномъ правѣ народа? Нужно было особое *разрѣшеніе* для того, чтобы полезнѣйшіе изъ мѣстныхъ обывателей могли искать защиты, когда живущая съ ними рядомъ разбойничья каста изобрѣтала новыя насилія, новыя мученія? Нужно было особое позволеніе мученикамъ на то, чтобы испустить стонъ, когда они были близки къ тому, чтобы испустить духъ отъ боли! Мучимое животное силится спастись, защититъ себя, отомститъ, и его усилія признаютъ законными. Человѣку же, гражданину образованнаго государства, кормильцу прочихъ сословій, исконному обладателю страны, которая теперь сдѣлалась поприщемъ его мученичества, не было позволено искать спасенія. Въ терпѣливомъ молчаніи долженъ онъ былъ склоняться подъ бичомъ угнетателей, высасы-

вавшихъ его кровь; даже бѣгство отъ этого гнета считалось и считается тягчайшимъ преступленіемъ. Только и могъ онъ, что стонать, и то не слышно,—и умирать съ голода. Наконецъ, къ чему и это позволеніе, позорящее и вѣкъ, и государство? У Латышей существуетъ поговорка о тѣхъ, которые ищутъ суда; они говорятъ о нихъ: «пошли за розгами».

Дѣло въ томъ, что розгами наказываютъ Латышей за подачу неосновательныхъ жалобъ, и конечно розги будутъ послѣдствіемъ десяти десятыхъ принесенныхъ жалобъ до тѣхъ поръ, пока крестьяне не получатъ *дѣйствительныхъ правъ* и пока судьями надъ ними будутъ тѣ же помѣщики.

Въ сознаніи, что относительно его нарушены самыя священныя права человечества и собственности, несчастный крѣпостной повергается передъ судилищами, установленными для его защиты. Онъ подымаетъ взоръ и видитъ, что тѣ, отъ которыхъ онъ ждетъ помощи, суть родственники, суть друзья его угнетателя. Они сами принадлежатъ къ тому разряду людей, которые раздавили его народность и на которыхъ онъ привыкъ взирать не иначе, какъ со страхомъ. Ихъ строгій, барскій видъ уже предсказываетъ ему, чего ему ожидать отъ людей, быть-можетъ, знающихъ за собою тѣ же преступленія, которыя они теперь призваны карать. Запнятая и дрожа, онъ высказываетъ свою жалобу—самолично, ибо крестьянинъ не можетъ имѣть ходатая *). Противникъ же

*) Даже совѣта никто не смѣетъ подать ему. Такъ какъ существуетъ указъ, въ силу котораго всякій, возбуждающій крестьянъ къ безпорядкамъ или къ неповиновенію господамъ, подлежитъ наказанію, какъ возмутитель, то это постановленіе прилагаютъ ко всякому, кто оказываетъ имъ помощь въ самомъ пра-

его выставляеть за себя челоуѣка, до тонкости посвященнаго во всѣ тайны крѣпко-творства. Тысячи вопросовъ сыплются на запуганнаго истца, едва дерзающаго вымолвить слово, и вскорѣ онъ дѣлаеть обмолвку, выставляющую его дѣло въ ложномъ свѣтѣ и подающую поводъ свалить вину на него. Или разберуть дѣло внимательно, и тогда окажется, что въ массѣ государственныхъ узаконеній (о которыхъ несчастный, конечно, и понятія не имѣеть) еще нѣтъ такого, которое воспрещало бы то насиліе, о которомъ идетъ рѣчь: и такъ, онъ, какъ *temere litigans*, подвергается розгамъ.

Таковъ обыкновенный оборотъ почти всѣхъ крестьянскихъ процессовъ въ Лифляндіи, и можетъ ли быть иначе, пока остаются въ силѣ изложенныя обстоятельства и въ особенности пока крестьяне остаются въ полномъ невѣдѣніи относительно своихъ истинныхъ обязанностей? Прежде они дѣйствительно знали наизусть свои вакенбухи, то-есть перечень повинностей, основанный

вомъ дѣлѣ или научають ихъ, какъ искать суда. Благоразумно предупреждать разореніе крестьяна адвокатскими счетами или совращеніе его съ прямого пути людьми безпокойными. Но почему судать его дворяне, и по законамъ ему неизвѣстнымъ? И то и другое неудобство хотѣла устранить великая Монархиня, какъ читатель увидитъ изъ § 7; но, не зная почему, ея намѣренія не осуществились. Теперь Латыши замѣнуты, какъ въ тюрьмѣ, въ областныхъ учрежденіяхъ; преданы въ жертву алчности дворянъ, отъ нихъ отрѣзана всякая помощь людей безпристрастныхъ. Подобно тому, какъ нельзя было всматриваться въ стѣны Бастиліи или инквизиціонныхъ тюремъ, не подвергаясь опасности самому поцасть туда, такъ и въ Лифляндіи нельзя принимать живаго участія въ обдѣвляхъ крѣпостныхъ, не прослывъ безпокойнымъ челоуѣкомъ, тайнымъ якобинцемъ и не подвергаясь, подъ первымъ удобнымъ предлогомъ, сильнѣйшимъ преслѣдованіямъ.

на показаніяхъ, данныхъ самими дворянами въ 1765 году. Они по крайней мѣрѣ имѣли возможность распознать: законно ли, или противозаконно ихъ обижаютъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ дворянство столь великодушно взяло на себя уплату поголовной подати, прежній обычай и вакенбухи утратили всякую силу. Старый крестьянинъ, котораго я спросилъ, въ чемъ собственно заключаются его повинности, отвѣчалъ: въ томъ, *что Богъ попуститъ, и чего баринъ потребуетъ*.

Постановленія правительства должны являться крестьянамъ съ церковной кафедрой, что и исполняется; но такъ какъ по праздникамъ должно также перечитываться множество устарѣвшихъ и давно вышедшихъ изъ употребленія постановленій, то пасторъ прочитываетъ ихъ невнятно, и крестьянинъ ничего не понимаетъ. Слово ему читается своего рода Евангеліе (благовѣстіе) на чуждомъ непонятномъ языкѣ. Въ тому же недоразумѣнію такъ часто разрѣшались розгами, что онъ предпочитаетъ не обращать никакого вниманія на всѣ облегчающія его участь постановленія. Виновитъ ли его за то, что онъ считаетъ лучшимъ подставлять подъ свое ярмо спину не изсѣчеплетыми?

Всѣ, даже самыя благодѣтельныя, распоряженія должны оставаться безплодными, пока Латышамъ не будетъ дано въ руки печатное изложеніе ихъ правъ и повинностей, подобное бывшему Ашераденскому, и пока не будутъ учреждены для ихъ защиты суды, которымъ они могли бы безусловно довѣрять. Этого хотѣла Государыня, когда, при введеніи намѣстничества, она учредила два судилища, въ которыхъ предсѣдательствовалъ, правда, дворянинъ, но засѣдателями были одни крестьяне. Въ каждомъ намѣстничествѣ было учреждено та-

кое высшее судилище, а въ каждомъ двухъ уѣздахъ по одному судилищу низшей инстанціи. Отъ каждаго казеннаго имѣнія представлялось въ засѣдателя по два или болѣе кандидатовъ, изъ которыхъ уѣздный судья избиралъ любыхъ и затѣмъ представлялъ избранныхъ на утверженіе правительству.

Дѣйствительнѣйшее средство возбудить въ рабахъ бодрость и самоуваженіе заключается въ допущеніи ихъ къ почетнымъ должностямъ; ибо безусловное устраненіе ихъ отъ таковыхъ должностей болѣе всего убиваетъ духъ низшихъ сословій и портитъ ихъ характеръ, въ особенности, когда они и высшія сословія принадлежать не къ одной, а къ двумъ различнымъ народностямъ. Откройте земледѣльцу возможность посредствомъ мужества, добропорядочнаго поведения и здраваго толка приобрести въ государствѣ почетъ и значеніе, *не заставляя его для этого выступить изъ своего званія*, постарайтесь устроить обстановку его такъ, чтобы онъ находилъ выгоду въ приобрѣтеніи общественнаго довѣрія, и изъ хижины снова будутъ выходить Камиллы, Фабриціи и Юстины. Патріотизмъ и всѣ мужественныя добродѣтели, которыя считаютъ утраченными (потому что онѣ слишкомъ суровы для изнѣженныхъ высшихъ сословій, а низшія лишены побужденія обнаруживать ихъ) вернутся снова. Дерево человѣчества, облагороженное въ корняхъ своихъ, получить вновь свою первоначальную силу.

Упомянутыя засѣдательскія мѣста, правда, не давали въ государствѣ ни вѣса, ни значенія, но тѣмъ не менѣе могли приносить большую пользу. Они, хотя отдаленно, напоминали членамъ всѣхъ сословій, что они сыны *одного* Отечества, сограждане, что такъ легко и охотно забываютъ сословія высшія, особенно въ государствѣ монархи-

ческомъ. Они могли стать основою государственнаго учрежденія. Если мы присоединимъ къ этому, что всякій охотнѣе всего подчиняется суду себѣ равныхъ, и что этотъ судъ самый справедливый и милостивый; если вспомнимъ, что никакимъ способомъ не можетъ быть распространено быстрое и шире между крестьянами знаніе законовъ, какъ привлеченіемъ наимоспособнѣйшихъ изъ нихъ на нѣсколько лѣтъ къ судебной практикѣ, и затѣмъ возвращеніемъ ихъ на домъ ¹⁾, то мы проникнемся живѣйшихъ благоговѣніемъ къ мудрой Монархинѣ, которая изъ многочисленныхъ путей, ею употребленныхъ, чтобы внушить грядущимъ вѣкамъ удивленіе къ ея памяти, не упустила изъ виду и этого.

Къ несчастію, при осуществленіи этого учрежденія, обнаружилось одно обстоятельство, значительно ограничившее его полезное дѣйствіе. Засѣдатели отъ крестьянъ набирались только изъ казенныхъ имѣній и имѣли голосъ лишь по дѣламъ этихъ имѣній. Такова ли была первоначальная воля Императрицы, или она была видоизмѣнена— не знаю ²⁾. Но тѣмъ не менѣе ясно, что несчастные подданные дворянъ не извлекли никакой пользы изъ всего этого учрежденія, а они составляютъ девять десятыхъ народа, и на нихъ лежитъ самый

¹⁾ Въ эту должность, какъ и во всѣ засѣдательскія мѣста въ Россіи, назначались только на три года, по прошествіи коихъ происходили новые выборы.

²⁾ Въ Лифляндіи, сравнительно, весьма мало казенныхъ имѣній, и количество ихъ еще ежегодно уменьшается путемъ пожалованій, такъ что упомянутымъ судамъ круглый годъ почти нечего дѣлать. Это обстоятельство и многія другія заставляютъ предполагать, что юрисдикцію этихъ судовъ первоначально предполагалось распространять на всѣхъ крестьянъ.

тяжкій гнетъ *). Учрежденіе намѣстничества могло бы разорвать хотя отчасти ихъ цѣпи; но и эта благотворная молнія проскользнула мимо. Ее и не замѣтили.

При выборѣ этихъ засѣдателей изъ крестьянъ такъ мало руководствовались намѣреніями Императрицы, что въ Ригѣ шесть лѣтъ сряду эту должность занималъ звонарь. Едва ли этотъ человѣкъ съ колокольной и въ кабакахъ распространилъ между своими соотечественниками много здравыхъ понятій. Положеніе засѣдателей изъ Латышей впрочемъ не было ни пріятно, ни почетно. Получали они лишь по сту рублей жалованья, и презрѣніе, съ которымъ вообще относились къ ихъ народности, распространялось и на нихъ. Въ своемъ судѣ они состояли подъ командою секретаря, а когда ихъ, по уставу, призывали въ другія судебныя мѣста для составленія смѣшаннаго суда по дѣламъ казенныхъ крестьянъ, то имъ и стула не предлагали; едва, для вида, отбирали у нихъ мѣнія. Ихъ дѣло было подписывать, зажигать свѣчу для растапливанія сургуча, подавать писарямъ и засѣдателямъ-Нѣмцамъ шинели и чистить имъ сапоги. Еслибы у кого-нибудь изъ нихъ достало духа и чувства собственного достоинства возмутиться противъ такого способа обращенія, то его вскорѣ смѣстили

*) Состояніе казенныхъ крестьянъ, со времени Карла XI, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ положеніе частныхъ рабовъ. Ихъ подати и повинности твердо опредѣлены, и особый уѣздный стряпчій обязанъ защищать ихъ отъ всякаго притѣвленія. Но эти господа начинаютъ сами брать въ аренду казенныя мѣнія. Ихъ охотно отдаютъ имъ, такъ какъ они могутъ предлагать болѣе высокую арендную плату, чѣмъ прочіе соискатели, ибо они творятъ надъ крестьянами (почти вполнѣ беззащитными передъ ними) тѣ же неистовства, которыя въ ходу въ частныхъ мѣніяхъ.

бы, какъ человѣка безпокойнаго, и онъ могъ бы почестъ себя счастливымъ, если бы ему удалось избѣжать палокъ.

Впрочемъ императоръ Павелъ, съ упраздненіемъ намѣстничествъ, уничтожилъ и это учрежденіе, все-таки полезное, несмотря на злоупотребленія. Но намъ слѣдовало упомянуть о немъ изъ уваженія къ памяти великой Императрицы. Это не послѣдній памятникъ ея просвѣщеннаго челолюбія.

8. *Въ случаѣ болѣзней, въ особенности повальныхъ, уѣздные врачи и хирурги, состоящіе на коронномъ жалованьи, обязаны оказывать помощь крестьянамъ, какъ и прочимъ бѣднякамъ.*

По проекту учрежденія намѣстничествъ, на уѣздъ полагалось 30,000 жителей; но нѣтъ почти ни одного, который бы не заключалъ въ себѣ по крайней мѣрѣ 50,000, въ томъ числѣ, среднимъ числомъ, отъ 40 до 45,000 крестьянъ. Такъ какъ на это число полагается лишь одинъ врачъ и два хирурга, то очевидно, что эти лица могутъ заниматься только казенными крестьянами. Да и этими послѣдними занимаются они столь небрежно, что крестьяне обращаются къ нимъ весьма неохотно. Почти никогда врачъ не посѣщаетъ своего пациента-Латыша, а прописываетъ ему, основываясь на словахъ невѣжественнаго вѣстника, какое-нибудь средство, которое почитается удачно избраннымъ, если оно не приноситъ прямого вреда; ибо въ такомъ случаѣ можетъ по крайней мѣрѣ дѣйствовать неспорченная натура самаго крестьянина. Строго говоря, нельзя слишкомъ строго винить и врачей. При скудномъ своемъ содержаніи, они должны кормиться практикою между Нѣмцами, ибо крестьянинъ не въ состояніи платить даже за лекарство, не говоря уже о лѣченіи. При этомъ уѣзды столь обширны,

что часто приходится цѣлые сутки ѣхать до больнаго. Съ другой стороны, естественно, что и крестьянинъ питаетъ болѣе довѣрія къ своимъ знахарямъ (Латышамъ или Нѣмцамъ) и что все это учреждение остается бесплоднымъ.

Помѣщичьи крестьяне, даже при повальныхъ болѣзняхъ, получаютъ помощь только отъ вотчиннаго правленія, которое въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, напримѣръ для прививки оспы, нанимаетъ врача; обыкновенно же господа лечатъ сами. Какъ въ былыя времена Англійскіе короли, по преданію, какъ только надъ ними былъ совершенъ обрядъ вѣнчанія, будто бы получали даръ излѣчивать зобъ, такъ и всякая дворянка, въ качествѣ помѣщицы, считаетъ себя привилегированнымъ врачомъ. Она обзаводится ревенемъ, рвотными и т. п., и тогда горе больнымъ въ ея владѣніяхъ. Они подвергаются обязательному поносу или рвотѣ, смотря потому, чего напасено больше, ревеню или ипекакуану *). Часто происходятъ сцены, которыя возбуждали бы смѣхъ, еслибы дѣло шло не о жизни человѣческой.

Одна крестьянка опасно порѣзала себѣ грудь серпомъ, и съ нею сдѣлалась отъ этой раны горячка. Ея барыня, баронесса фонъ ** слышала, что рвотныя помогаютъ въ горячкахъ. Поэтому она дала больной ипекакуаны и удвоила приемъ, когда пароксизмъ повторился. При усиліяхъ, сопровождавшихъ рвоту, перевязка, наложенная горничною, соскочила, и женщина истекла кровію.

Въ другомъ имѣніи пришли просить лѣкарства для тяжело заболѣвшаго, въ то время, какъ барыня садилась въ экипажъ для путешествія. Экономкѣ велѣно было дать больному весьма сильнодѣйствующаго порошка

*) Я дала больному алаппе, сказала мнѣ однажды г-жа фонъ Л., ибо мой запасъ хины подходитъ къ концу.

въ приемъ вѣсомъ съ червонецъ. У этой женщины не было подъ рукой червонца, но она сумѣла выйти изъ затрудненія. Она набрала пятаконъ на цѣлый червонецъ, добросовѣстно накинула на обычный лажъ — и закатали больному смертельную дозу.

Подобныя трагикомическія происшествія конечно могутъ случаться вездѣ; но законъ повсемѣстно преслѣдуетъ подобныя убійственныя неосторожности, а въ Лифляндіи господа пользуются одинаковымъ неограниченнымъ правомъ залѣчивать до смерти своихъ крестьянъ, какъ и своихъ собакъ и свой скотъ. На это смотрятъ съ той точки зрѣнія, что помѣщикъ лишается человѣка. Онъ самъ въ подобныхъ случаяхъ остается совершенно равнодушнымъ и жалѣетъ только объ убыткѣ. Испытывать при этомъ угрызевіе совѣсти онъ могъ бы только, еслибы видѣлъ въ Латышѣ существо себѣ однородное; этого онъ конечно не отрицаетъ, какъ и не отрицаетъ, что Валаамова ослица прорекла; но онъ вѣритъ одному столь же мало, какъ и другому.

Вотъ событіе, выставляющее въ самомъ яркомъ свѣтѣ образъ мыслей дворянства въ этомъ отношеніи. Въ М., двѣ дѣвушки заразились отъ солдатовъ венерическимъ ядомъ. Помѣщикъ обратился къ врачу. Къ несчастію, послѣдній потребовалъ двумя или тремя талерами свыше той цѣны, въ которую помѣщикъ оцѣнивалъ будущій барщинный трудъ дѣвушекъ *). И этотъ помѣщикъ, имя котораго красуется на всѣхъ подпискахъ, онъ, спаситель всѣхъ обѣднѣвшихъ дворянъ, рѣшился (такъ какъ его имѣнія населены достаточно густо) на болѣе удобное средство, а именно выгналъ несчастныхъ изъ своихъ владѣній и подѣ страхомъ

*) Двадцать пять талеровъ за харчи и за леченіе

жесточайшаго наказанія запретилъ имъ возвращаться въ отцовскую хижину. Сгнили ли онѣ, или умерли съ голоду, не знаю. Вѣроятно, надъ ними сжалились присутственные мѣста. Теперь, по вновь установившемуся обычаю, очень богатые, и (замѣтите) болѣзненные дворяне начинаютъ нанимать врачей для себя и для своихъ крестьянъ. Также прививаютъ дѣтямъ оспу, послѣ того какъ эта болѣзнь во многихъ мѣстностяхъ уже значительно прорѣдила народонаселеніе....

*

Вотъ и полный перечень народныхъ правъ въ Лифляндіи, скуднѣйшій изъ всѣхъ въ странахъ образованнаго міра. Повторяю: не моя вина, что сдѣланный мною очеркъ принялъ видъ въ своемъ родѣ образцовой картины несправедливости и лукавства, а не памятника просвѣщенной благодати и правды; но истина, не виновата въ этомъ и правительство. Не признавать благотворныхъ намѣреній, руководящихъ имъ въ его постановленіяхъ, было бы неблагодарностію; но дѣйствительными улучшениями назвать ихъ все-таки нельзя. Они остаются и останутся неудачными попытками и напрасными усиліями до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ послѣдній, рѣшительный шагъ, пока Латыши не будутъ ограждены отъ произвола дворянства, пока имъ не будетъ дарована свобода, или по крайней мѣрѣ пока они не получаютъ право купить ее. Ни къ чему не ведетъ періодически подрѣзать у гиены ея постоянно отрастающіе когти; чтобы спасти ее жертву отъ растерзанія, нужно отнять ее и посадить хищнаго звѣря на цѣпь.

Пока не сдѣлано это, ничто не сдѣлано. Тогда лишь, когда Латыши приобретутъ дѣйствительную свободу, и распоряженія правительства сдѣлаются полезными, отчасти сдѣлаются излишними; когда дворяне пере-

станутъ быть единственными исполнителями правительственныхъ распоряженій; когда они будутъ лишены возможности обходить самыя благотворныя изъ нихъ и даже обращать ихъ въ орудія притѣсненія; когда право и законъ будутъ существовать и для земледѣльцевъ: тогда только правительство приобрететъ возможность, не подвергаясь ни противодѣйствию ни обману, осчастливить страну. Когда Латышъ будетъ поднять на степень полноправнаго гражданина, или когда ему даны будутъ средства подняться на эту степень, тогда излишними окажутся постановленія въ родѣ того, что *собственность его принадлежитъ ему*, или что *подданный имѣетъ право искать защиты у своего начальства*. Не будетъ надобности насильно сажать его за букварь. Въ потѣ лица своего будетъ онъ самъ заботиться о благоденствіи, о просвѣщеніи, о свободѣ. Латышскій народъ возродится, сдѣлается украшеніемъ Русскаго государства, къ чему повидимому предназначаетъ его положеніе его родины. Благородный баронъ Шульце указалъ путь. Почему не идутъ по его слѣдамъ?

Кому, въ этой мрачной картинѣ, не бросятся въ глаза черты общія крѣпостному праву, вообще печальныя послѣдствія безправности большинства передъ всеильнымъ меньшинствомъ? Но кто, въ то же время, не замѣтитъ особаго, усиливающего отпечатка, придаваемого этимъ отношеніямъ совпаденіемъ племенныхъ различій съ сословными и ненормальнымъ заоченіемъ феодальныхъ порядковъ въ краѣ, столь долго ускользавшемъ отъ послѣдовательнаго и правильнаго контроля какого-либо здороваго и сильнаго государственнаго строя? Для насъ всего ближе сравненіе съ крѣпостнымъ правомъ въ Россіи и съ тою формою, въ которой представлялись у насъ сословныя отношенія въ концѣ прошлаго столѣтія. При всей грубости этой формы, при всѣхъ печальныхъ и безобразныхъ

явленіяхъ, вызванныхъ этими отношеніями, нельзя не сознаться, что положеніе Русскихъ крестьянъ, въ концѣ философскаго столѣтія, было несравненно лучше, чѣмъ положеніе крестьянъ-Латышей. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Меркель (изд. 2, стр. 257—260).

....Конечно, Русское правительство не отстало бы отъ прочихъ въ столь важномъ дѣлѣ (освобожденіи крестьянъ) если бы обстоятельства (легко угадать, какія) не стѣснили его дѣйствій. Но теперь, когда настроеніе народа, когда сосѣдство предприимчивой державы вызываетъ по необходимости важныя мѣры ради внутренняго спокойствія, теперь конечно найдутъ средства измѣнить помянутыя отношенія; сдѣлаютъ наконецъ великій шагъ и упраздненіемъ крѣпостнаго права обогатятъ Россію двадцатью милліонами полноправныхъ гражданъ.

Что я говорю? Можно еще не трогать внутреннихъ порядковъ и все-таки преобразовать бытъ Латышей. Правда, и Русскій крестьянинъ-крѣпостной, но Остзейскія провинціи и Литва въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ коренной Россіи. Въ Россіи мало помѣщичьихъ хозяйствъ, и крестьянинъ, вмѣсто всякихъ натуральныхъ повинностей, платитъ своему помѣщику, проживающему въ столицѣ, незначительный оброкъ, обыкновенно рублей пять съ мужской души *). Эта незначительная повинность, при плодородіи большей части земель и при свободѣ отъ всякой барщины, доставляетъ крестьянамъ возможность пріобрѣтать состояніе, часто значительное. Нерѣдко они перебираются въ городъ, даже въ Петербургъ, Москву или Ригу, и ведутъ значительныя ку-

печескія дѣла, не стараясь вовсе о полученіи свободы. Даже изъ тѣхъ, которые остаются въ городахъ, многіе выкупаютъ своихъ сыновей, попавшихъ въ рекруты, за пятьсотъ рублей. Какъ далеко до нихъ крестьянамъ Латышамъ! Никогда правительство не находилось вынужденнымъ вступаться во взаимныя отношенія Русскихъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Но что это нужно въ Лифляндіи, тому служатъ доказательствомъ частыя, хотя и напрасныя распоряженія въ пользу Латышей; это доказываютъ далѣе предписанія объ образованіи крестьянскаго юношества; это доказываетъ упраздненіе прежняго дворянскаго сословнаго учрежденія, превратившее, до самой кончины Императрицы, Лифляндскій ландратъ въ дворянскій съѣздъ и развязавшее правительству руки для улучшеній. Мнѣ не трудно бы было привести еще много указаній на благодѣтельныя намѣренія правительства, но въ государствѣ монархическомъ то что задумывается во дворцѣ составляетъ священную тайну.

Къ этому свидѣтельству считаемъ не лишнимъ присовокупить другое, почти одновременное. Оно также исходитъ отъ Нѣмца, къ тому же отъ Остзейскаго помѣщика. Вотъ что говорятъ Августъ Коцебу въ своемъ возраженіи на книгу Масона *Mémoires secrets sur la Russie* *), опровергая его преувеличенныя показанія о бѣдственномъ положеніи Русскихъ крестьянъ и указывая на удовлетворительные результаты оброчной системы.

«Словомъ, мрачная картина, начертанная г. М., походитъ развѣ на то, что крестьянъ

*) По этому, когда кому-либо дарятъ тысячу душъ, это значитъ только, что онъ получаетъ право взимать съ этого количества крестьянъ по пяти рублей.

*) Возраженіе это составляетъ приложение къ любознательной книгѣ, извѣстной намъ только по французскому переводу: *Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue, publiée par lui même. Traduit de l'allemand 2 vol. in 32, 288 et 292 p. Paris, chez André. 1802.*

лифляндскихъ и эстляндскихъ и то не вполнѣ.

«Не стану отвергать, что авторъ, говоря объ этихъ двухъ областяхъ, по большей части правъ. Ограничиваясь Эстляндіею,—ибо Лифляндія мнѣ менѣе извѣстна—я признаю, что крестьяне въ первой изъ этихъ двухъ областей не имѣютъ ни собственности, ни даже надежды когда-либо сдѣлаться собственниками. Они—рабы въ полномъ смыслѣ этого слова, и ямайскіе негры ни въ чемъ бы не могли имъ завидовать».

Слѣдуетъ списокъ (весьма краткій) эстляндскихъ помѣщиковъ, обращающихся съ своими крестьянами по-человѣчески, признаніе случайности и непрочности такого явленія и краткій проектъ улучшенія быта Латышей и Эстовъ.

Немаловажную черту различія между крестьянскимъ бытомъ въ Остзейскомъ краѣ и въ Россіи составляетъ, далѣе, положеніе сельскаго духовенства въ Балтійскихъ областяхъ. Сословіе, которое могло бы служить живою связью между глубоко-разрозненными слоями, на которыя распадалось населеніе этихъ областей, своимъ исключительнымъ тяготѣніемъ къ дворянскому сословію усиливало эту рознь и болѣе задерживало, чѣмъ подвигало духовное и нравственное развитіе народа. Меркель посвящаетъ этому предмету всю послѣднюю главу своей книги. Выписываемъ фактическую часть этого характеристическаго очерка, увы! не устарѣваго, какъ видно изъ «Записокъ православнаго Латыша», помѣщенныхъ въ «Окраинахъ Россіи», г-на Самарина.

Краткое изображеніе сельскаго духовенства въ Лифляндіи.

Дворянство, остатокъ древняго служилаго сословія, по существу своему столь чуждо сословію производительному, земле-

VI. 4.

дѣльцамъ, что иначе и дѣйствовать на него не можетъ, какъ своею тяжестію, то есть давленіемъ. Каково это дѣйствіе, объяснено въ этой книгѣ. Итакъ, въ виду настоящей моей цѣли, мнѣ остается только прибавить, что дворянство обладаетъ тонкимъ образованіемъ, и этимъ я могу закончить его изображеніе. Этого довольно, ибо кто знаетъ высшее общество одной страны—знаетъ высшее общество всѣхъ странъ міра. Вообще, одна образованность также неспособна создать добрыхъ людей, какъ неспособно совершеннѣйшее искусство изъ дубоваго кряжа создать мраморную статую. Образование облагораживаетъ характеры по природѣ добрые, и портитъ дурные, подобно тому, какъ изъ одного и того же вещества здоровый желудокъ вырабатываетъ пищу, а испорченный—ядъ.

Важнѣе духовенство. Въ дѣйствіи на народъ заключается его призваніе, тогда какъ дворянство дѣйствуетъ лишь непосредственнымъ бытіемъ своимъ. Оно—закваска народной массы. Повсемѣстно и почти во всѣ времена, оно является страшнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго приводится въ движеніе народная толпа. Упивается ли оно до опьянѣнія изъ чаши фанатизма, съ нимъ вмѣстѣ пьянѣетъ все государство. Покоится ли на немъ священный духъ терпимости и мира—во дворцахъ и хижинахъ водворяется тотъ же духъ спокойной разсудительности. Оно увлекаетъ народъ къ дѣламъ безумія, или къ героическимъ подвигамъ; оно можетъ также разслабить его и довести до одуренія въ выносливости. Поэтому есть полное основаніе по степени благосостоянія и по высотѣ просвѣщенія въ народѣ судить о заслугахъ и образѣ мыслей его пастырей; и наоборотъ: изъ несчастія и суевѣрія народа выводить заключеніе объ испорченности духовенства. Ихъ-то, этихъ.

Русскій Архивъ 1870. 35.

пастырей, устами которыхъ обыкновенно высказывается духъ народа, остается мнѣ еще изобразить въ истинномъ ихъ видѣ, чтобы придать моему картинѣ лфляндскаго народнаго быта нѣкоторую законченность.

Если эти общія положенія справедливы, — и конечно, ни одно духовное лицо не станетъ ихъ оспаривать, — то какое представленіе можемъ мы составить себѣ о пастыряхъ Латышей? Увы! мы не окажемъ имъ несправедливости, предположивъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, что они измѣнили, сознательно измѣнили, своему призванію.

Ни одна протестантская страна, быть-можетъ, ни одна страна въ мірѣ, не представляетъ примѣра такой всеобщей извращенности этого важнаго сословія, какъ моя несчастная родина. Что сельскіе пасторы отвыкаютъ отъ наукъ, что они не брегутъ о своихъ прихожанахъ, что они подчасъ впадаютъ въ безнравственность, это конечно бываетъ и въ другихъ странахъ; но видно ли гдѣ-нибудь, что духовные пасторы съ открытымъ презрѣніемъ относятся къ своей пасты? Видано ли гдѣ-нибудь, чтобы вступали въ союзъ съ дворянствомъ для утѣшенія своей пасты? Это составляетъ исключительную особенность Лфляндіи. Такое явленіе возможно было только въ странѣ, гдѣ дворянство обязано своимъ сословнымъ происхожденіемъ духовенству.

(Слѣдуетъ разсужденіе о томъ, чѣмъ долженъ быть сельскій пасторъ).

Такъ слѣдовало бы дѣйствовать сельскимъ пасторамъ, таковыми слѣдовало бы имъ быть. Почему большинство изъ нихъ дѣйствуетъ совершенно противоположнымъ образомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатели сами найдутъ въ очеркѣ быта сельскихъ пасторовъ, ихъ служебныхъ обязанностей и ихъ доходовъ.

Пасторъ, по очень древнему правилу, дол-

женъ быть избираемъ преимущественно крестьянами, а затѣмъ уже принимаетъ его попечитель приходъ. Но, разумѣется, крѣпостные могутъ хотѣть только того, что угодно ихъ всепильнымъ господамъ. Поэтому, хотя пробствъ (благочинный) отбираетъ у крестьянъ ихъ мнѣніе, однако въ сущности выбираютъ господа. Господинъ же, очень естественно, награждаетъ приходомъ бывшаго гувернера своихъ дѣтей, или другаго зависящаго отъ него домочадца, или же онъ прискиваетъ челоуѣка, отъ котораго можетъ ожидать себѣ выгоды, въ которомъ предполагаетъ сговорчивый характеръ, то-естъ готовность оставаться всемъ довольнымъ, предоставлять крестьянъ ихъ судьбѣ и дѣйствовать за-одно со всемъ.

Одинъ знакомый мнѣ пасторъ получилъ приходъ, потому что, умѣя играть на скрипкѣ, годился своему патрону для его домашнихъ концертовъ. Другой былъ переведенъ въ приходъ болѣе значительный, потому что въ первомъ оказался неприятымъ собесѣдникомъ. Еще двое должны были, чтобы получить мѣсто, принять на себя обязательство воспитать дѣтей своего патрона. Конечно, существуютъ и еще болѣе соблазнительные пути къ священству и быть можетъ, въ этомъ отношеніи, дѣла дѣлаются partout comme chez nous; но лишеніе крестьянъ права голоса въ выборѣ пастырей не влечетъ за собою такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ въ Лфляндіи именно потому, что нѣтъ страны, гдѣ бы народъ находился относительно дворянъ въ такомъ униженіи.

Дѣло въ томъ, что тѣсныя отношенія, естественно устанавливающіяся между новопоставленнымъ пасторомъ и лицомъ избравшимъ его, совершенно удаляютъ его отъ крестьянъ. Онъ вскорѣ дѣлается другомъ дома у помѣщика, если не былъ имъ

еще до поставленія своего; онъ перенимаетъ его образъ мыслей и дѣйствій и научается презирать крестьянъ, которымъ долженъ бы былъ служить заступникомъ и руководителемъ. Вѣдь не приходится приятелю высокородныхъ господъ сближаться съ ихъ грязными рабами. Вѣдь онъ нарушилъ бы долгъ благодарности въ отношеніи къ благодѣтелю, еслибы позволилъ себѣ упдуть несправедливое притѣсненіе въ любомъ распоряженіи своего патрона и донести объ этомъ суду, какъ это отъ него требуется существующими правилами. Съ другой стороны, можетъ ли придти въ голову Латышамъ довѣриться довѣренному лицу своихъ мучителей?

Еще одно обстоятельство содѣйствуетъ отчужденію пастора отъ крестьянъ и ставитъ его совершенно на одну доску съ дворянствомъ. Всякій пасторатъ есть настоящее имѣніе, къ которому, за весьма рѣдкими исключеніями, приписаны крѣпостные, какъ и къ дворянскимъ имѣніямъ. Это главное зло, это тотъ камень преткновенія, на который натыкаются пасторы и который сбиваетъ съ истиннаго пути большинство сельскаго духовенства. Это извращаетъ всѣ отношенія. Пасторы не безпристрастные друзья Латышей; они ихъ повелители; пасторамъ, также какъ и дворянамъ, дана возможность выжимать прибыль себѣ изъ крестьянъ. Поэтому крестьяне во многихъ мѣстностяхъ и называютъ ихъ *церковными господами* (Kirchenherren). Тщеславнѣйшіе изъ пасторовъ заставляютъ даже къ этому титулу прибавлять эпитетъ «милостивый» и цѣловать край своей одежды. Кому послѣ такихъ привѣтствій придетъ въ голову пускаться въ откровенности?

Священническое облаченіе покрываетъ человѣческія слабости, но не исправляетъ ихъ. Высокопочитаемый служитель снова,

въ качествѣ помѣщика, идетъ по слѣдамъ мірянъ и дѣлаетъ это охотно. Многие пасторы сами позволяютъ себѣ въ отношеніи къ крестьянамъ всѣ тѣ притѣсненія и жестокости, отъ которыхъ имъ слѣдовало бы удерживать дворянъ. Есть даже много пасторовъ (напр. Сунцель и Ашеранденъ) наполовину или совершенно опустѣвшихъ, потому что суровое обращеніе съ крестьянами заставило ихъ разбѣжаться. Но такъ какъ отъ этого терпѣть убытокъ весь приходъ (ибо онъ долженъ, въ случаѣ назначенія новаго пастора, замѣстить опустѣлые дворы пастората, или совокупными силами обрабатывать въ нихъ поля), то обыкновенно попечитель прихода сдерживаетъ пастыря душъ, не дасть ему слишкомъ плотно обстригать своихъ овецъ и внушаетъ ему человѣколюбіе. Это случается чаще, чѣмъ обратное явленіе увѣщанія помѣщика пасторомъ.

Не только образу мыслей, свойственному ихъ званію, но и самымъ обязанностямъ этого званія, хотя и не многосложнымъ, измѣняютъ пасторы вслѣдствіе ихъ двусмысленнаго положенія въ качествѣ священнодѣйствующихъ помѣщиковъ. Судя по большинству, можно бы подумать, что они смотрятъ на свое опредѣленіе къ мѣсту какъ на торжественное увольненіе изъ ученаго званія *). Годъ, другой, они еще стараются о томъ, чтобы быть въ состояніи вести разговоръ о литературной газетѣ, и выжимаютъ

*) Мнѣ случилось одному пастору, который собирался переѣхать въ новый домъ, выразить свое удивленіе по поводу того, что онъ для рабочаго кабинета выбралъ себѣ самую нездоровую комнату. „Да много ли придется мнѣ въ ней сидѣть!“—былъ его простодушный отвѣтъ. Другой увѣрялъ меня, что онъ давно отказался отъ всякаго ученаго празднословія и прибрѣтаетъ лишь тѣ книги, которыя нужны его дѣтямъ въ школѣ.

*

изъ своего мозга духовное угощеніе на воскресные дни для возлюбленной своей паствы. Но скорѣ они окончателно сходятъ на степень простыхъ сельскихъ хозяевъ, и причаются смотрѣть на обязанность священнаго сана, какъ на досадную помѣху, на которую горько жалуются и которую, насколько это возможно, они сваливаютъ на школьнаго учителя. Даже своихъ дѣтей воспитываютъ они (за немногими почтенными исключениями) не сами, но держатъ для нихъ учителей, которымъ платятъ отъ 50 до 100 червонцевъ въ годъ.

Обычный образъ жизни обыкновеннаго сельскаго пастора въ Лифляндіи приблизительно таковъ. Если онъ не слишкомъ тученъ, то въ лѣтнее время, съ понедѣльника утромъ до субботы вечеромъ, онъ ходитъ, съ трубкою или безъ трубки, по полямъ, по дугамъ и по саду, поругивая своихъ рабочихъ, или дѣлаетъ визиты своимъ сосѣдямъ, или принимаетъ ихъ у себя, если онъ обладаетъ искусствомъ тонкаго обращенія. Зимомъ онъ въ теченіи дня ведетъ на досугъ церковныя книги *) и хозяйственные счета. Вечеромъ онъ читаетъ газеты, или играетъ въ бостонъ, или—мотаетъ пряжу. Лишь въ воскресенье утромъ, въ виду праздничныхъ хлопотъ своей дражайшей половины, приходитъ ему на память, что онъ и духовное лицо. За кофеемъ онъ справляется въ календарь, о какомъ Евангелии придется ему въ тотъ день поболтать, и чередистываетъ какихъ-нибудь полчаса первый подвернувшійся ему сводъ Писанія, куда ему завиваютъ парикъ или освященную его голову. Затѣмъ, облаченный въ черный плащъ и въ духовное величіе, онъ садится въ карету или въ дрож-

*) И то не всегда. Есть много пасторовъ, не берущихъ на себя и этого труда.

ки, и ѣдетъ въ церковь. О томъ, что ему говорить, онъ покуда еще не заботится. Господь внушаетъ Своимъ избраннымъ, что имъ сказать. Покончивъ съ проповѣдью, крещеніями, вѣчаніями и приобщеніями, онъ зоветъ къ себѣ на обѣдъ своихъ слушателей, дворянскаго сословія, или ѣдетъ къ одному изъ нихъ и часа два между виномъ и жаркимъ бесѣдуетъ съ нимъ о трудностяхъ духовнаго призванія, о поляхъ и скотѣ и о безуміи новѣйшей Франціи, которая,—о ужасъ, о помраченіе!—не хочетъ долѣе терпѣть празднаго духовенства. Такъ протекаетъ его жизнь, и онъ считаетъ себя не послѣднимъ дѣлателемъ въ вертоградѣ Господнемъ и въ государствѣ, просуществовавъ такимъ образомъ лѣтъ тридцать или сорокъ.

Существующій въ Лифляндіи порядокъ вещей поставилъ пастора такъ близко къ дворянину, что первый естественно старается, въ мѣру средствъ своихъ, устроить и всю свою жизненную обстановку на дворянскій ладъ. Сельскіе пасторы въ Германіи и въ другихъ странахъ очень бы удивились, узнавши, что между ихъ Лифляндскими собратьями нѣтъ ни одного, который бы не держалъ по крайней мѣрѣ *одной* кареты, и весьма мало такихъ, которые отъ времени до времени не давали бы своимъ благороднымъ прихожанамъ изысканныхъ обѣдовъ. Но пускай бы они наслаждались своими доходами, еслибы только довольство не раздувало въ нихъ гордости—этого послѣдственнаго грѣха какъ дворянъ, такъ и духовныхъ,—до такихъ размѣровъ, что они совершенно перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ бы должны были быть. Многихъ она доводитъ до головокруженія и одуренія: чтобы ни въ чемъ не отставать отъ благородныхъ своихъ сосѣдей, они даже покупаютъ дипломы и съ помощью ихъ, къ

немалому соблазну, втираются въ ряды дворянства. Выходитъ, что Латыши обогащаютъ человѣка, которому слѣдовало бы быть ихъ учителемъ, ихъ другомъ, ихъ заступникомъ, для того только, чтобы онъ примыкалъ къ сословію, которое ихъ топчетъ подъ свою пятою, и такимъ образомъ становился бы въ равной мѣрѣ смѣшнымъ для дворянъ и безполезнымъ для крестьянъ.

Впрочемъ вообще можно замѣтить, что молодые пасторы болѣе соотвѣтствуютъ своему призванію, чѣмъ пожилые, и это, думаю я, встрѣчается не въ одной Лифляндіи. Причины понятны. Почти во всѣхъ прочихъ званіяхъ ослабленіе умственныхъ силъ и упадокъ энергіи вознаграждаются съ избыткомъ пріобрѣтеннымъ навыкомъ и вѣрностію взгляда, но этого нельзя сказать о тѣхъ, кому приходится дѣйствовать душою на души. Тутъ утрата свѣжихъ силъ молодости невознагражима. Старецъ еще можетъ идти за вѣкомъ, но въ вожатые онъ уже не годится.—Если мы въ дополненіе къ тому примемъ въ соображеніе сельское хозяйство, препятствующее всякому научному занятію, и требующее усиленнаго труда и прилежанія по мѣрѣ того, какъ разрастается семья, то мы не станемъ болѣе удивляться тому, что столь многіе сельскіе пасторы тратятъ всю свою дѣятельность и все свое краснорѣчіе на импровизацію ругательствъ. Конечно, многолѣтнее упражненіе развиваетъ въ нихъ навыкъ къ словоизверженію, но вы рѣдко найдете въ ихъ рѣчахъ обдуманность, ясность, цѣлесообразность, а иногда не дощитесь въ нихъ и здраваго смысла.

Другой, свойственный престарѣлымъ пасторамъ, порокъ заключается въ томъ, что они хотя исполняютъ обязанности своего званія крайне равнодушно, однако въ то же время, по старой привычкѣ, упорно

держатся установленнаго чина и противятся всякому нововведенію, какъ бы ни было оно полезно. У инаго достанетъ смысла согласиться на такое измѣненіе, но не достаетъ умѣнья приладиться къ нему. Положимъ, это еще извинительно. Приемы, понятія, господствовавшія въ ихъ молодости, состарѣлись вмѣстѣ съ ними. Ставить ли имъ въ упрекъ, что они дорожатъ старыми, любезными товарищами, съ которыми рука объ руку прошли свое поприще, болѣе чѣмъ ихъ потомками, которые для нихъ чужды? Еще разъ, это простиительно. Но какъ же ожидать отъ людей, навсегда остановившихся, чтобы они вели впередъ ввѣряющихся ихъ руководству?—Единственное средство по крайней мѣрѣ подольше охранять эту соль отъ «обуянія» состояло бы въ томъ, чтобы не разбрасывать ея по полямъ.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, пасторы очевидно весьма мало содѣйствуютъ благоденствію и просвѣщенію крестьянъ. Но будемъ справедливы: и хорошимъ, дѣятельнымъ, мысленнымъ людямъ, попадающимъ въ ихъ средѣ,—я знаю и такихъ,—очень трудно исполнять свои обязанности. Приходъ въ пять тысячъ душъ, растянутый на протяженіи осьми и до девяти квадратныхъ миль, въ Лифляндіи не принадлежитъ еще къ самымъ обширнымъ. Какая апостольская ревность не охладѣетъ на такомъ несоизмѣрно-широкомъ поприщѣ, особенно когда никто не заботится о ея подогрѣваніи! Пасторъ, принужденный совершать суточные переѣзды для навѣщенія больнаго или для проэкзаменованія дѣтей какого-нибудь помѣщика, конечно, не можетъ заботиться о домашнемъ бытѣ каждой семьи въ своемъ приходѣ, о поведеніи каждаго изъ своихъ прихожанъ. Но *пренебрегать совершенно* тѣми обязанностями, которыхъ

нельзя исполнить въ совершенствѣ, —этого конечно никто не признастъ за наилучшій способъ дѣйствія. Часто при мнѣ сельскіе пасторы, состарѣвшіеся на своихъ мѣстахъ, спрашивали попадавшихъ имъ крестьянъ: къ ихъ ли приходу они принадлежатъ или къ другому; а это уже слишкомъ неблаговидно. Почему бы *духовному пастырю* не стоять на снисходительно-дружеской ногѣ по крайней мѣрѣ съ лучшимъ изъ своихъ прихожанъ? Почему бы не посѣщать ему ближайшихъ къ погосту, или, по крайности, хоть своихъ собственныхъ крестьянъ? Какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы такое благодушное обращеніе съ ними! Дворянинъ побоялся бы обижать и притѣснять, еслибы онъ зналъ, что человѣкъ, по званію своему обязанный наставлять въ исполненіи священныя человѣческихъ обязанностей и отстаивать ихъ, есть другъ его крѣпостныхъ; онъ самъ сталъ бы ихъ уважать. Въ рабѣ проснулось бы чувство собственного достоинства и честолюбіе, когда бы онъ видѣлъ, что пріятель его барина принимаетъ въ его судьбѣ сердечное участіе. Онъ побоялся бы предаваться распутству, котораго онъ уже не могъ бы по прежнему укрывать отъ взоровъ въ стѣнахъ своей избы и которое могло бы лишить его уваженія его духовнаго друга. Онъ постарался бы жить приличнѣе, чтобы пасторъ, при посѣщеніи его, не испытывалъ омерзѣнія. Онъ обращался бы къ нему какъ къ посреднику въ домашнихъ распряхъ, въ бесѣдахъ съ нимъ высказывалъ бы свои предразсудки и освобождался бы отъ нихъ постепенно; онъ приобреталъ бы полезныя свѣдѣнія, прибѣгалъ бы къ его помощи во всѣхъ своихъ нуждахъ, любилъ бы его какъ отца. Пасторы! Вы могли бы придать вашему званію характеръ достопочтенный, характеръ святости. «Вздоръ! Это противно хорошему

тону, и въ грамотѣ о поставленіи объ этомъ нѣтъ ни слова».

Нѣтъ надобности исчислять обыкновенныхъ служебныхъ занятій пасторовъ, составляющихъ сущность ихъ должностнаго служенія, каковы крестины, вѣчанія, и т. п. Проповѣди ихъ по большей части обыкновенныя сельскія проповѣди, толковыя или безвкусныя, смотря по личности проповѣдника. Но одною общою, хотя и отрицательною чертою, отличаются всѣ нѣмецкія проповѣди. Въ нихъ говорится о Троицѣ, о бракѣ въ Канѣ Галилейской, о нравственности, о чемъ угодно—только не о крестьянахъ и не объ обязанностяхъ къ нимъ ихъ господъ. Собственно отъ этихъ-то темъ и можно бы ожидать пользы, а между тѣмъ ихъ тщательно избѣгаютъ изъ опасенія, какъ бы не поморщились фізіономіи слушателей и вслѣдствіе этого не рушились бы надежды на лучшій приходъ. Да и учтивость требуетъ, чтобы мы не портили аппетита людямъ, съ которыми мы собираемся обѣдать, возбуждая въ нихъ угрызенія совѣсти. Нѣтъ, живи самъ какъ знаешь и не мѣшай жить другимъ —такъ думаетъ и дѣйствуетъ большая часть преемниковъ Того, Кто умеръ на крестѣ во свидѣтельство истины. Я выслушалъ нѣсколько сотенъ проповѣдей, и въ томъ числѣ—только три, въ которыхъ шла рѣчь объ обязанностяхъ господъ относительно крестьянъ: одна произнесена была въ городѣ, другая въ чужомъ приходѣ, третья была сказана молодымъ кандидатомъ.

Наблюденіе за обученіемъ крестьянскаго юношества также входитъ въ обязанности пасторовъ. Но большинство относится къ этому дѣлу весьма странно. Какъ сказано было выше, весь трудъ обученія предоставляется родителямъ, хотя повсемѣстно заведены приходскія школы. А для того, что-

бы убѣдиться въ успѣхахъ дѣтей въ чтеніи и въ затверживаніи молитвъ, — пбо дальнѣйшаго образованія не требуется, — пасторъ въ теченіи зимы назначаетъ въ каждомъ мѣсяцѣ день для экзамена. Дѣти, чему нибудь выучившіяся, собираются на барскомъ дворѣ или въ какой-нибудь избѣ; тѣ же, которыя не выучились ничему, остаются дома. Пасторъ каждаго ребенка заставляетъ прочесть строки двѣ-три и сказать наизусть одну изъ заповѣдей или что-либо подобное, записываетъ его имя и считаетъ свои годовыя обязанности исполненными. Такъ идетъ дѣло, пока молодые люди достигнутъ возраста, въ который ихъ допускаютъ къ причастію. Тогда ихъ собираютъ на погостѣ; пасторъ передаетъ имъ наскоро, въ теченіи недѣли, тотъ запасъ религіозныхъ и нравственныхъ свѣдѣній, которымъ они должны довольствоваться на всю жизнь а затѣмъ сотнями производитъ ихъ въ христіанъ. Наконецъ, въ третій разъ они подвергаются испытанію въ своихъ познаніяхъ передъ вступленіемъ въ бракъ. Каждая юная чета передъ оглашеніемъ должна явиться къ пастору и проговорить малый катихизисъ Лютера; если же не выдержитъ экзамена, то отправится къ школьному учителю и протвердить свой урокъ.

Въ видахъ возбужденія дѣятельности пасторовъ, и въ то же время вспоможенія имъ, правительство издало два постановленія, которыя оказали бы великую пользу, еслибы захотѣли взять на себя трудъ воспользоваться ими какъ слѣдуетъ. Одно изъ нихъ возлагаетъ на пасторовъ обязанность ежегодно представлять предѣдателю окружнаго церковнаго совѣта и благочинному (пробсту) списокъ дѣтей, съ отчетомъ объ ихъ успѣхахъ, и доносить о тѣхъ помѣщикахъ, которыя не пекутся объ образованіи юношества или не представляютъ къ при-

частію всѣхъ молодыхъ людей, вызываемыхъ пасторомъ. Списки эти дѣйствительно и представляются аккуратно два раза въ годъ, но употребляются на папильотки или складываются, нечитанными, въ архивъ. Второе постановленіе гласитъ: «Если передъ судомъ явится преступникъ изъ Латышей, которому минуло шестнадцать лѣтъ, и окажется, что онъ еще не былъ у причастія или даже что онъ не грамотенъ, то пасторъ его подвергается значительному денежному взысканію».

Конечно, всѣмъ извѣстно, что пасторы не въ силахъ приобщеніемъ и обученіемъ грамотѣ сдѣлать изъ негодяго честнаго чловѣка. Но имѣлось въ виду придать имъ нѣсколько болѣе дѣятельности, положить предѣлъ ихъ послабленіямъ тѣмъ изъ дворянъ, которые многихъ дѣтей оставляютъ безъ всякаго обученія для того, чтобы не лишиться свинопасовъ, и не допускаютъ двушекъ до причастія для того, чтобы онѣ не выходили замужъ. Однако мнѣ не извѣстно ни одного случая, въ которомъ бы это постановленіе было исполнено; не слышалъ я ни разу, чтобы хотя одинъ пасторъ пожаловался на дворянина за упущеніе по народному образованію.

Далѣе, пасторамъ предписывается доносить о всякомъ сколько-нибудь важномъ проступкѣ, совершившемся въ ихъ приходѣ. И въ силу прежнихъ постановленій они были къ тому обязаны, и земскіе суды, передъ каждою своею сессіею, приглашали духовенство своего округа исполнять эту обязанность. При учрежденіи намѣстничества, послѣдовало подтвержденіе. Какое уполномочіе на дѣланіе добра въ этомъ порученіи, еслибы только имъ пользовались какъ слѣдуетъ! Пасторы сдѣлались бы благотворителями Латышей, ихъ отцами, истинными благовѣстителами. Счастливымъ бы должно

было почитать себя сословіе, которому разрѣшено, даже вмѣнено въ обязанность, заступаться за притѣсняемыхъ братьевъ, которое можетъ это дѣлать не выходя изъ круга ежедневныхъ обязанностей, не рискуя опаснымъ скачкомъ въ дикую область необычнаго, навлечь на себя подозрѣніе въ мечтательности или въ подстрекательствѣ!

Къ сожалѣнію, и это призваніе духовенства гложетъ подъ гнетомъ приличій и еще болѣе постыднымъ гнетомъ корысти. Многіе пасторы—прямые соучастники въ проступкахъ, къ предупрежденію которыхъ они призываются. Одни боятся лишиться платы за исповѣдь, кошелековыхъ сборовъ; другіе, менѣе подлые, опасаются за свои общественныя удовольствія и за свой покой, если вздумаютъ доносить о чьихъ-либо проступкахъ, кромѣ разумѣется проступковъ крестьянъ. Напрасно стали бы обращаться къ нимъ съ жалобами послѣдніе. Пасторы тщательно игнорируютъ все тѣ возмутительныя явленія, которыя, несмотря на благія намѣренія правительства, до сихъ поръ позорятъ нашъ вѣкъ... Одного примѣра достаточно, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ эгоистическое равнодушіе многихъ пасторовъ.

Рижскій купецъ бургомистръ*** добился дворянства и купилъ себѣ имѣніе. Тутъ онъ рѣшилъ между крестьянками дѣвушку необыкновенной красоты, тринадцатилѣтняго ребенка. Пользуясь барскою властью, онъ изнасиловалъ ее при помощи своего слуги и увѣнчалъ свое злодѣяніе тѣмъ, что грозилъ ребенку и ея отцу ежедневными плетями на случай, еслибы они дерзнули подать на него жалобу. Приходскій пасторъ проэто знаетъ (знаетъ, ибо отъ него узналъ и я) и онъ молчитъ! Эти несчастные, говорилъ онъ, все-таки побоялись бы заявить

ему что-нибудь, еслибъ онъ даже вздумалъ ихъ распросить.

Проповѣдникъ чловѣколюбія! Не хочу предполагать болѣе грязныхъ побужденій: но малодушіе, преступная лѣнь, вотъ что препятствовало вамъ собрать достаточныя улики, ибо, найдя ихъ, вы были поставлены въ необходимость принять на себя заступничество за невинность и чловѣческія права...

Мужи Евангелія! Глапатаи истины! Внемлите ей и краснѣйте! Служить словомъ и дѣломъ чловѣчности и добру—вотъ вамъ высокое призваніе! Негодѣй тотъ изъ васъ, кто измѣняетъ своимъ обязанностямъ, кто изъ низкой корысти, или изъ еще болѣе низкаго и жалкаго тщеславія, молчитъ, когда ему слѣдовало бы гремять словомъ,—дремлетъ, когда онъ долженъ бы былъ отдаться безусловно той дѣятельности, къ которой онъ призванъ, забывъ себя и не заботясь ни о чемъ; ибо не для того даетъ вамъ государство кормленіе и почетъ, чтобы вы льстили вашимъ прихожанамъ и пресмыкались передъ ними, а для того, чтобы вы были учителями и отцами Латышей! Phocis cecini *).

Доходы пасторовъ весьма неравномѣрны. Есть приходы, приносящіе отъ 800 до 1000 червонцевъ дохода, и другіе, едва дающіе 150. Эти суммы слагаются изъ доходовъ отъ церковныхъ земель, изъ сборовъ въ пользу пасторовъ и изъ платы за требы.

О церковныхъ земляхъ и о ихъ вредномъ вліяніи я уже говорилъ. Сборы состоятъ изъ денегъ, хлѣба, куръ, масла, льна. Денежные сборы не вездѣ одинаковы, и во многихъ мѣстахъ они не взимаются вовсе. Ржи съ каждаго гака взимается три шеффеля. Но есть приходы въ 120 гаковъ, изъ

*) Т. е. Я прогнѣлъ для морскихъ чудовищъ.

чего видно, что этотъ сборъ значителенъ. Такъ называемыя акциденціи состоятъ изъ платы за требы и изъ добровольныхъ приношеній. Взносы перваго рода столь разнообразны, что всѣхъ ихъ здѣсь исчислить я не могу. Приведу лишь самыя обыкновенныя. Крестьянинъ оплачиваетъ крещеніе, конфирмацію, оглашеніе, вѣнчаніе и похороны нѣсколькими грошамп, курами, шерстяными рукавицами, и кромѣ того два раза въ годъ вносить по два гроша за исповѣдь. На первый взглядъ, это кажется немного; но если взять сумму этихъ взносовъ, то удивитесь ея значительности. Есть церкви, въ которыхъ дважды въ годъ обязаны причащаться отъ трехъ до четырехъ тысячъ Латышей, и въ этихъ приходахъ одна плата за исповѣдь составляетъ отъ 40 до 50 червонцевъ.

Мысль о томъ, что служители алтаря взимають плату за всякое свое должностное дѣйствіе, словно чиновники почтоваго или таможеннаго вѣдомства, по себѣ соблазнительна; но по широкому поприщу, которое эти сборы открываютъ любостыжанію, они становятся истиннымъ позоромъ для церкви. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ пасторъ отказывался хоронить покойника, потому что ему не уплатили четырехъ или пяти грошей установленной таксы. Другой тотчасъ послѣ вѣнчанія велѣлъ сорвать покрывало съ головы новобрачной, ибо узналъ, что она имѣла связь до брака и поэтому должна бы была принести ему въ даръ покрывало.

Благодаря такому обращенію, крестьяне пріучаются смотрѣть на церковныя обряды какъ на особый видъ налога, а на пастора какъ на акцизнаго сборщика. Весьма часто случается, что крестьянъ отецъ кладетъ на алтарь грошъ и требуетъ полъ-гроша сдачи: полъ-гроша есть низшая плата, которую можетъ онъ предложить...

Добровольныя подаянія столь же тягостны

для бѣдныхъ Латышей, какъ и сборы за требы, и подають поводъ къ столькимъ же притѣсненіямъ; ибо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они приняла характеръ совершенно обязательный. Есть, правда, приходы, напр. Пернигельскій, въ которыхъ подарокъ почти никогда не превышаетъ цѣнностію того стакана водки, который получаютъ за него крестьяне; но другіе пасторы лучше умѣють запускать руку въ кошелекъ Латышей. Одинъ извѣстный мнѣ пасторъ усаживаетъ Латыша, принесшаго ему жирное живье, называетъ его своимъ милымъ другомъ и разспрашиваетъ о здоровьи его дорогаго семейства и о всѣхъ его дѣлахъ. На другой день, быть-можетъ, приходитъ тотъ же прихожанинъ и приноситъ въ даръ бездѣлицу; тогда его не впускають въ комнату и обходятся съ нимъ презрительно. Другой пасторъ швырнулъ на полъ рукавицу наполненную яйцами, принесенную ему крайне бѣднымъ крестьяниномъ и сказалъ при томъ: если ты не сможешь принести ничего лучшаго, то бери назадъ и это! Третій.... но будетъ! Пріемы грубой алчности вездѣ одинаковы, и мои читатели охотно избавятъ меня отъ того усилія, которое должно дѣлать надъ собою, чтобъ записывать подобныя черты. Но кто станетъ удивляться тому отчужденію, которое существуетъ между крестьяниномъ и его духовнымъ опекуномъ, когда вспомнить, что первый не смѣетъ явиться къ послѣднему съ пустыми руками?!

Въ самой Лифляндіи сознають, до какой степени духовенство не соотвѣтствуетъ своему назначенію, и многіе патріоты изъ дворянъ уже не разъ составляли планы въ видахъ направленія его къ болѣе полезной дѣятельности. (Одинъ изъ этихъ плановъ состоялъ въ томъ, чтобы привести всѣ приходы въ одинаковый размѣръ, напризмѣръ въ шестьдесятъ гаковъ, ибо одинъ человекъ

очевидно можетъ причащать, но не можетъ просвѣщать населеніе ста гаковъ. Во многихъ отношеніяхъ, такое преобразование было бы выгодно, но многія мѣстные обстоятельства препятствуютъ его осуществленію. Къ тому же, оно не измѣнило бы отношеній пастора къ крестьянамъ, а это самое важное.

Другой проектъ былъ лучше. Предполагалось отнять у пасторовъ земли и плату за требы. Взамѣнъ этого они должны были получать приличное содержаніе наличными деньгами. Черезъ это они конечно утратили бы отчасти свое значеніе въ кругу дворянъ, но за то стали бы полезнѣе и достойнѣе любви своихъ крестьянъ. Они не являлись бы, какъ теперь, при отправленіи всякой должности чѣмъ-то въ родѣ низкихъ наемщиковъ или мелочныхъ торговцевъ, и это бы ни сколько не мѣшало имъ напутствовать утѣшеніями умирающихъ и проповѣдывать добродѣтель. Ничто бы не мѣшало имъ сдѣлаться повѣренными и друзьями своихъ прихожанъ и смѣло возвышать за нихъ голосъ по поводу всякаго рода обидъ, ими испытываемыхъ. Крестьяне перестали бы ставить ихъ на одну доску съ своими мучителями. Они сомкнулись бы около нихъ съ сыновнею привязанностію, и любовь къ наставникамъ внушила бы имъ уваженіе къ предписаніямъ религіи. Сами пасторы не находились бы въ зависимости отъ урожая и отъ благосклонности своихъ высокородныхъ покровителей. Они не смѣли бы случая переряживаться въ сельскихъ хозяевъ и, хотя бы отъ скуки,

продолжали бы свои занятія и могли бы дѣятельно заниматься образованіемъ крестьянъ.

На это возражали, что деньги не имѣютъ постоянной цѣнности, и что жалованье, въ настоящее время составляющее приличное обезпеченіе, лѣтъ черезъ пятьдесятъ или сто едва бы избавляло отъ голодной смерти. Но средство для устраненія этого затрудненія давно извѣстно. Пусть размѣръ жалованья опредѣленъ будетъ извѣстнымъ количествомъ хлѣба, и пусть выдается, по рыночнымъ цѣнамъ извѣстнаго времени года, соответствующее количество денегъ. Въдъ хлѣбъ — постоянное мѣрло цѣнности денегъ.

Но и это—*ria desideria*, которыя едва ли осуществляются. По врожденной гордости, пасторы хотятъ учить народъ только съ каѳедры, а дворянство, которое могло бы провести реформу, находитъ для себя выгоднымъ ублажать духовенство. Вышеизложенный планъ, правда, задуманъ дворянствомъ, но множество всякаго рода соображеній на вѣки помѣшаетъ его собратьямъ взять на себя безплодныя хлопоты. Итакъ, сельскіе пасторы въ Лифляндіи еще долго будутъ обрабатывать поля и оставлять въ залежи умы своихъ прихожанъ; пировать съ дворянами, а для крестьянъ читать молитвы и проповѣди, собирать живность, гроши и подарки; ежегодно заставлять каждаго ребенка прочитывать по одному стиху и при этомъ мечтать о своемъ значеніи и о своей важности въ государственномъ устройствѣ.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО НЪ А. А. СТОЛЫПИНУ.

(см. Р. Архивъ 1869. стр. 1682 и 1966).

Передавая въ печать письма Сперанскаго, каждый выпускъ я сопровождалъ нѣсколькими словами, чтобъ указать на связь той эпохи съ нынѣшнею, и на возможность пользоваться тѣми историческими уроками, которые то время передаетъ нашему. Говоря о дѣятельности Сперанскаго, я скавалъ, что, приступая къ дѣлу законодательства, онъ началъ прямо писать Уложение. Сперанскій упорствовалъ болѣе двадцати лѣтъ въ разъ принятомъ имъ направленіи. Потомъ онъ измѣнилъ свой пріемъ. Когда потребовалось столько времени и усилій, человѣку столь богато одаренному для измѣненія своего міровоззрѣнія, что должно заключить о людяхъ менѣе даровитыхъ? Здѣсь оказывается вся важность общественнаго образованія, но здѣсь же встрѣчается и затрудненіе, такъ какъ общественное образованіе составляетъ вопросъ еще не разрѣшенный.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо установить послѣдовательность и соотношеніе наукъ, то, что называютъ іерархіею или классификаціею наукъ. Къ этому прибавлю одно замѣчаніе (какъ бы ни показалось оно страннымъ непривычному къ такому роду представленій и выводовъ) а именно, что законы неорганическихъ явленій переходятъ видоизмѣняясь въ жизнь. Законъ прерціи Кеплера—это то, что въ обществѣ называется привычкою и обычаемъ; динамика и статистика въ механикѣ, другими словами законы движенія и равновѣсія, это

въ видоизмѣненіи—послѣдовательность и соотношеніе жизненныхъ явленій. Самой мысли присущи только двѣ функціи: сравненія или соотношенія и сопоставленія явленій по ихъ градаціи (къ чему сводится то что называютъ въ наукѣ синтезъ и анализъ). Въ сущности оно и должно быть такъ: законы общіе должны находиться въ болѣе сложныхъ и частныхъ явленіяхъ. Затѣмъ въ жизни, въ органическихъ явленіяхъ, можно усмотрѣть новые элементы, новыя силы; въ высшемъ проявленіи, въ человѣчествѣ, является мысль съ своимъ воздѣйствіемъ на природу и преобладающимъ вліяніемъ на общество. Новое воззрѣніе въ наукѣ заключается въ слѣдующемъ: что для пониманія общественной жизни, нужно знаніе законовъ жизни, другими словами, біологій, что съ своей стороны предполагаетъ теоретическое знаніе болѣе общихъ законовъ, химій, физикъ, астрономій и математикъ ¹⁾. Это есть настоящее элементарное, всестороннее научное образованіе, послѣ чего всякій можетъ заняться спеціальностію или тѣми предметами, на которые наведетъ его жизнь. Главная разница между старымъ и новымъ воззрѣніемъ въ томъ, что (надо полагать) первое находитъ эту программу слишкомъ обширною, или же думаютъ, что для по-

¹⁾ Эти общія науки не должно смѣшивать съ частными, которыя обыкновенно называютъ естественными, какъ напримѣръ минералогія, зоологія и др.

ниманія общественной жизни эти познанія не составляютъ необходимости. Что касается до обширности программы, то полагаю, что она возможна и доступна; при томъ надо сознаться, что мы очень нуждаемся и въ частной жизни въ этихъ знаніяхъ. Что же касается до ненужности ихъ для социологін, то по самому единству міра, по тѣсной связи со всѣмъ живымъ, мнѣ кажется достаточно ясно, что для пониманія жизненныхъ общественныхъ явленій нужно знаніе законовъ жизни. Старое воззрѣніе пли классицизмъ обвиняютъ въ слишкомъ тѣсномъ и исключительномъ кругозорѣ, не достаточномъ для рѣшенія разнообразныхъ и сложныхъ вопросовъ, которые ставятся обществу въ XIX столѣтіи. Вышеприведенный примѣръ Сперанскаго въ этомъ случаѣ рѣшителенъ. Считаю лишнимъ говорить о господахъ Гизо, Тьерахъ и другихъ классическихъ дѣятеляхъ на Западѣ. Если были замѣчательные политическіе дѣятели въ нашемъ столѣтіи, то они были замѣчательны болѣе по энергіи характера, и еъ ихъ числу надо причислить и Наполеона. Несмотря на громадную способности (по односторонне направленныя), онъ не понималъ общественныхъ условій своего вѣка.

Научное мировоззрѣніе первой половины нашего столѣтія не удовлетворяетъ потребностямъ нашеговремени, и тѣмъ можно объяснить требованіе и стремленіе нашего общества къ болѣе научному и положительному образованію. Аэтого можно достигнуть лишь знаніемъ элементарныхъ вышепоименованныхъ наукъ.

Д. Столыпинъ.

19 января, 1870 г.

I.

Пенза, 20 февраля 1817 г.

... Опишу вамъ причины, побуждающія меня къ продажѣ Новгородской деревни. Въ какомъ бы я ни былъ положеніи, имѣть деревню, которая не приноситъ болѣе 5%, мнѣ по маленькому моему состоянію никакъ не должно, тогда какъ я могу, продавъ ее, приобрести любую, приносящую отъ 10% и до 13%. Если я буду въ Петербургѣ на службѣ, то когда мнѣ любоваться будетъ Великопольскими видами? Если же не буду, то какъ мнѣ отсюда управлять ею съ выгодой и содержать огромный домъ пустой! Жить же безъ службы въ Петербургѣ или въ Новѣ-городѣ было бы въ моемъ положеніи безразсудно. Присоедините къ сему выгоды здѣшняго благословеннаго края и удобность завестись здѣсь и укорениться. Долго ли мнѣ быть въ отечествѣ моемъ безъ отчизны?

II.

Пенза, 13 марта 1817 г.

... Дѣло кн. Оболенскаго велѣно оставить безъ дальнихъ послѣдствій. Примѣтить должно, что донесеніе мое составлено весьма легко, и молодость и вѣтреность поставлены въ цѣну. Выслать его я былъ долженъ какъ потому, что всѣ здѣшніе лучшіе люди сего просили и требовали, такъ и потому, что изъ одного поединка на другой день могли родиться еще два... За легкость донесенія моего благодарить меня Александръ Ив. Арсеньевъ, двоюродный его братъ. Не донести было нельзя какъ по тону великой открито-

венности, которую наблюдаю я и буду наблюдать съ правительствомъ, такъ и потому, что кромѣ губернатора во всякой губерніи есть нынѣ два неусыпные доносителя о всѣхъ проишествіяхъ: прокуроръ и полиціймейстеръ. Смолвки же съ семи людьми я никакъ не потерплю и считаю ее столько же неприличною, какъ и вредною въ послѣдствіяхъ. Высылка, впрочемъ, какъ вы представите себѣ можете, смягчена была формами и уваженіемъ собственной его безопасности. Не бойтесь моего самовластія, — скорѣе могутъ упрекнуть меня въ противномъ.

III.

Пенза, 20 марта 1817 г.

Христосъ воскресъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ: почта еще не пришла, а потому и письмо сіе будетъ отвѣтъ безъ вопроса. Въ разговорѣ съ братомъ узналъ я, что Ивану Ф. Журавлеву *) хотѣлось бы здѣсь быть вице-губернаторомъ. Напрягите всѣ ваши силы, чтобъ сего достигнуть. Я увѣренъ, что онъ будетъ совершенно доволенъ. Я бы сдалъ всю губернію и устроилъ бы здѣсь его состояніе самымъ прочнымъ образомъ....

Я по-истинѣ не знаю, какъ мнѣ отвѣчать Николаю Семеновичу **) на два обязательнѣйшія его письма о банкѣ и о сочиненіи Ганиля, которое онъ ко мнѣ прислалъ. Вы знаете, какъ душевно я его почитаю и къ благородному образу его мыслей привязанъ сердечно. Но о банкахъ здѣсь даже и первыхъ двухъ словъ сказать не

*) Въ послѣдствіи сенаторъ.

**) Графъ Н. С. Мордвиновъ.

съ кѣмъ. Въ маѣ пускаюсь по губерніи; можетъ-быть тутъ сдѣлаю новыя открытія, хотя мало предвижу успѣха. Обозрѣвъ губернію, собираюсь сдѣлать отчетъ, какъ я ее принялъ, и какъ она теперь; надѣюсь, собравъ все во-едино, представить нѣчто довольно занимательное. Губернское правленіе въ маю мѣсяцу будетъ очищено отъ несмѣтнаго количества дѣлъ, — несмѣтнаго потому, что въ самомъ дѣлѣ и числа ихъ не знали. Земскіе суды вымету и вычищу при себѣ въ каждомъ городѣ и такимъ образомъ надѣюсь все поставить au courant. Буду просить перемѣненій и нѣкоторыхъ наградъ. Постараюсь впрочемъ все устроить самымъ кроткимъ образомъ.

IV.

Пенза, 27 марта 1817 г.

... Жерве говоритъ мнѣ сущія личности, называя Пензу ссыльною. Пензу, которую я избралъ бы моимъ отечествомъ даже и тогда, когда бы мнѣ можно было выбирать одну изъ пятидесяти губерній, — Пензу, гдѣ двѣсти челоуѣкъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ 4 мѣсяца сряду каждый годъ танцуютъ до усталости, гдѣ одна Наталья Алексѣевна *) имѣетъ болѣе истиннаго ума и пріятности, нежели сколько можно найти ихъ въ цѣломъ томъ кругѣ, гдѣ Лиза послѣднюю зиму проводила. По счастью, все сіе теперь не требуетъ никакихъ изъясненій, ибо въ половинѣ мая она вѣрно отправится. Я потому только согласился на отсрочку, что зналъ совершенно всю ея несбыточность и имѣлъ нѣко-

*) Столыпина, супруга Григ. Давыдовича.

торыя причины на сіе словесное снисхожденіе... Весьма благодаренъ вамъ за извѣстіе объ откупахъ; сіе, мнѣ по многимъ соображеніямъ, весьма было нужно. Тѣ много ошибаются, кои оуждаютъ сію мѣру. Надобно только твердость въ исполненіи, а въ ней у Мин. Финансовъ нѣтъ недостатка. Одинъ и два года убытка не должны тутъ устрашать. Послѣдствія будутъ весьма спасительны.

На Страстной недѣлѣ былъ здѣсь Александръ Алексѣевичъ *) и познакомилъ меня съ своею женою, любезною женщиною; мы съ нимъ, кажется подружились; это мнѣ досталось по наслѣдству и по нѣкоторому праву на все то, что носитъ ваше имя.

Знаете ли вы мою радость! Всеволожской (В. А.) прислалъ мнѣ изъ Перми прекрасную лошадь, чуть не Награду, и прислалъ въ подарокъ. Признаюсь, сего рода подарки, ничѣмъ никогда не заслуженные, весьма пріятны тѣмъ болѣе, что они утверждаютъ мою систему о людяхъ, предметъ безпрестанныхъ нашихъ споровъ съ вами.

Отъ Розенкампа получилъ всѣ труды комиссіи при самомъ учтивомъ письмѣ!

Р. S. О слухахъ до меня относящихся сдѣлаю всѣмъ одно примѣчаніе: чрезъ годъ и можетъ-быть менѣе я надѣюсь быть въ состояніи сказать съ покойнымъ Чемесовымъ: *ты хочи, да я не хочи*.

V.

Пенза, 3 апрѣля 1817 г.

... Когда ожидаютъ бракосочетанія В. К. Николая Павловича? Это не пу-

*) Столыпинъ, адъютантъ Суворова, женатъ былъ на Екатеринѣ Александровнѣ Потуловой.

стое любопытство—тутъ, обыкновенно, дѣлаютъ нѣкоторыя милости; можетъ быть и я соберусь къ тому времени чего-нибудь попросить: на примѣръ, нѣсколько десятинъ земли въ Саратовской губерніи... Съ моей стороны я зарядилъ себя просить какъ можно чаще и неотступнѣе. Сто отказовъ никакъ не устрашать меня. Правило сіе извлечено изъ самой вѣрной практики и еще точнаго познанія, что правительство никогда не оскорбляется просьбами и даже любить, чтобъ его просили, и любить съ основаніемъ.

Хотѣлъ было предложить Мин. Финансовъ употребить меня здѣсь по новому устройству винныхъ дѣлъ при первоначальномъ ихъ образованіи. Но остановился на томъ, что можетъ быть мысль сія придетъ ему и сама собою; а это было бы еще лучше. Какъ вы думаете?

VI.

Пенза, 10 апрѣля 1817 г.

Письмо ваше, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, отъ 16 марта едва получили мы здѣсь 6 апрѣля,—распутица единственно сему причиною. Хотя письмо короче воробьиного носа, но я весьма вамъ благодаренъ, ибо живо чувствую, какъ вы размучены и дѣлами и болѣзнію. Не мнѣ конечно унимать васъ отъ дѣлъ, но не могу вамъ непримѣтить, что вы слишкомъ ретивы. Знаете ли, что въ дѣлахъ есть нѣкоторое шарлатанство, опытомъ мною извѣданное и состоящее въ томъ, чтобъ людей ретивыхъ держать въ нѣкоторомъ родѣ очарованія или лучше сказать запальчивости, которая можетъ

быть полезна для сѣдока, но всегда почти вредна для коня; быть употребленнымъ весьма хорошо, но измученнымъ совсѣмъ не годится: ибо между трудомъ и наградою рѣдко бываетъ соразмѣрность, и въ самомъ Департаментѣ почти и быть ея теперь не можетъ.

Мы окружены моремъ; время прекраснѣйшее; виды очаровательныя, — для чего здѣсь васъ нѣтъ! Я даю вамъ срокъ только одинъ годъ; въ теченіи сего времени вы непременно у меня должны получить: 1) ленту; 2) званіе сенатора съ отпускомъ до излѣченія; 3) четыре тысячи десятины земли въ Саратовской губерніи, и получивъ все сіе, вы должны переселиться со всѣмъ вашимъ домомъ сюда, жить въ моемъ домѣ, который между тѣмъ построю я на мѣстѣ Горихвостова, мною уже купленномъ. Вамъ все это покажется Испанскою башнею; но менѣе ли башни мы строили и видали въ семъ мірѣ, а тутъ я не вижу ничего чрезвычайнаго. Какъ вы были несправедливы, описывая мнѣ нѣкогда Пензу пустынею! Прекраснѣйшій городъ въ свѣтѣ! И не говорите мнѣ о недостаткѣ ни ремесленниковъ, ни учителей, ни книгъ, — все это соберется и уже собирается. Два три дома порядочныхъ, такихъ напримѣръ какъ мой и вашъ, — и все устроится.

VII.

Пенза, 17 апрѣля 1817 г.

... Знаете ли, что настоящая система управленія мнѣ довольно нравится? Надобно, чтобъ дѣла были въ рукахъ у одного, а безпристрастно говоря, лучше, чтобъ они были у Д. Алек-

сандровича(*), нежели у кого-либо другаго.

VIII.

Пенза, 1 мая 1817 г.

... Положеніе Магницкаго крайне заботливо, — онъ совершенно правъ. Б... есть грабитель, имѣющій сильное покровительство (и думаю не безкорыстное) въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на имянинахъ вы обѣдали и гдѣ въ первый разъ о доносѣ Магницкаго слышали. Я совсѣмъ почти не пишу въ Воронежъ и оттуда ничего не получаю. Но имѣю самыя достовѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ того края. Магницкій ведетъ себя *comme un preux chevalier sans peur et sans reproche*. Но я согласенъ съ вами, что все благородство его поведенія ему не пособить, — ему быть въ Донъ-Кипотахъ; несчастіе сдѣлало его прямѣе, но и несговорчивѣе, нежели онъ былъ когда-нибудь. Онъ весь въ воздушныхъ замкахъ, весь въ ложныхъ, хотя и весьма нравственныхъ соображеніяхъ. Свиданіе мое съ нимъ въ Москвѣ удвоило мое къ нему почитаніе; но въ то же время утвердило меня въ мысли — никогда и нигдѣ съ нимъ не имѣть никакой связи. Онъ созданъ для другаго міра, а для нашего совсѣмъ не годится. Одна польза, которую я изъ настоящей его исторіи предвижу, состоитъ въ томъ, что симъ перемѣнится точка, съ коей доселѣ на него смотрѣли; будутъ его порицать, — но какъ челоуѣка сварливаго, неугомоннаго, а не какъ опаснаго. Это Алкивиадъ, который весьма кстати отрѣзалъ хвостъ у собаки, чтобъ перемѣнить кличъ и тонъ разглашеній

*) Графа Гурьева.

глупыхъ Аѳинянъ, коими и нашъ вѣнъ преизобилуетъ. Но еще повторяю: онъ совершенно правъ, и вы обязаны не ему, а правдѣ, защищать его гдѣ можно и сколько можно, но—не на именинахъ, ибо смѣшно толковать съ глухими...

Я писалъ нѣсколько холодныхъ строкъ къ Петру Григорьичу *); но чрезъ день струсили и поправили ихъ другимъ письмомъ на слѣдующей почтѣ. Нѣтъ, никакъ не могу я съ нимъ развестись, хотя тысячу разъ выводилъ онъ меня изъ терпѣнія; но какъ на самомъ днѣ его сердца есть слой самыхъ добрыхъ и любительныхъ свойствъ, то и нѣтъ почти возможности съ нимъ разойтись, и по-истинѣ это было бы съ моей стороны величайшая несправедливость. Я хотѣлъ поустранить его нѣсколько отъ денежныхъ моихъ дѣлъ—не изъ недвѣрчивости (я бы ввѣрилъ ему милліоны), но единственно потому, что онъ непрестанно въ оборотахъ, въ займахъ и въ платежахъ, а мои дѣла требуютъ крайней точности...

Чрезъ годъ даю вамъ честное слово, буду смѣяться еще болѣе, то-есть буду независимѣе. И тогда и съ васъ, любезный Аркадій Алексѣевичъ, сниму я званіе, весьма тягостное—мирить меня со всѣми; теперь я чувствую еще, что сіе до нѣкоторой степени нужно; но когда стою одной ногою въ службѣ, а другою вѣе ея, какая мнѣ забота въ мнѣніяхъ людей для меня совершенно равнодушныхъ; довольно, если малое число друзей моихъ будутъ меня любить, а въ семь я надѣюсь на Бога и на собственное мое сердце.

*) Масальскому.

IX.

Пенза, 5 іюня 1817 г.

...Елизавету Алексѣевну ¹⁾ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына, едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человекъ; таковъ по крайней мѣрѣ долженъ быть всякъ, кто Елисаветѣ Алексѣевнѣ, воплощенной кротости и терпѣнію, рѣшится дѣлать оскорбленія.

Собираюсь и никакъ не могу врываться въ губѣрнію. Откуда берутся дѣла? Откуда? Отъ собственнаго нашего самолюбія. Сколько ни твердилъ себѣ, вступая въ управленіе, чтобъ не управлять, но низать дѣла, какъ нижуть бусы, демонъ самолюбія не попускаетъ слѣдовать сему правилу: все хочется дѣлать какъ можно лучше и слѣдовательно дѣлать самому; а работать должно на гниломъ и скрипучемъ станкѣ. Какой же можетъ быть успѣхъ? Успѣхъ мгновенный, цѣль почти ничтожная. Не пустое ли это самолюбіе? Не примите это solo выраженіемъ какого-нибудь мѣстнаго неудовольствія, —совсѣмъ нѣтъ. Прелестная Пенза все еще держитъ меня въ очарованіи. Вчера побывалъ въ первый разъ въ своей деревнѣ, то-есть въ обширной и прекрасной житницѣ хлѣба и сельскаго богатства. Удивительная земля. зажиточные крестьяне, все въ

¹⁾ Е. А. Арсеньеву, бабушку М. Ю. Лермонтова, которому тогда не было еще трехъ лѣтъ отъ роду и мать котораго не задолго передъ тѣмъ скончалась. Обращаемъ вниманіе біографовъ Лермонтова на то положеніе, въ которомъ онъ находился между бабушкою и отцомъ. Намъ кажется, что характеръ несчастнаго поэта опредѣлился подъ вліяніемъ этихъ отношеній. П. В.

довольствѣ и кругомъ въ надеждахъ! Оканчивайте скорѣе дѣла ваши и призжайте къ намъ: въ Петербургѣ служить, а здѣсь живутъ. Благоустроенная жизнь и доброе хозяйство, по мнѣнію моему, есть наилучшая служба. Присоедините къ сему, что въ семь родѣ службы и Вѣра Николаевна получить весьма выгодное и отличное мѣсто.

Х.

Пенза, 3 іюля 1817 г.

Какъ время летитъ! Вотъ уже и іюль; вотъ девять мѣсяцевъ, какъ мы съ вами разстались, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, въ Великопольѣ. Это почти вчера; но это цѣлый вѣкъ по происшествіямъ и перемѣнамъ нашей жизни. Какъ опредѣлить этотъ призракъ, что мы называемъ временемъ? Великанъ и пигмей—онъ безпрестанно растягивается и сжимается, судя по той точкѣ зрѣнія, съ коей мы на него смотримъ. Великое доказательство, что мы созданы для вѣчности. Тамъ ожидаютъ насъ существа истинныя, неизмѣняемыя, неразлучныя. Тамъ встрѣтятъ насъ друзья наши и соединятся съ нами уже навсегда. Я не знаю, отъ чего все утро сегодня занимаютъ меня сіи мысли: отъ того, я думаю, что вчера получили мы хотя невѣрные, но довольно вѣроятныя извѣстія о болѣзни вашего батюшки. Она постигла его за 50 верстъ не доѣзжая теплыхъ водъ. Писемъ еще не имѣемъ, ибо Саратовская почта не пришла. Но предчувствія мои ничего не общають мнѣ добраго. Вы знаете, что я сновидѣць, и рѣдко сны меня обманываютъ. Это зависитъ отъ физическаго особеннаго у-

VI. 5.

стройства, и тутъ нѣтъ ничего ни сверхънаго, ни чрезъестественнаго. Съ будущею почтою напишу вамъ вѣрно и положительно все, что узнаю. Между тѣмъ Аванасій*) собирается на Кавказъ и сегодня или завтра отправится...

Какъ я радъ, что вы читаете книгу св. Максима о любви; она у меня есть въ старомъ переводѣ. Какъ бы одолжили, приславъ новый. Вѣрите, мой любезный, что для всѣхъ душъ, правильно и благородно мыслящихъ, нѣтъ предметовъ размышленія ни выше, ни достойнѣе. Сей вкусъ впрочемъ и приходитъ и образуется со временемъ въ однихъ ранѣе, въ другихъ позже; у многихъ открывается онъ только въ старости. Великій, важный недостатокъ не имѣть его, ибо это значитъ жить безъ точной и опредѣлительной цѣли, безъ общаго правила, коему всѣ другія должны быть подчинены и отъ коего всѣ они заимствуютъ удивительную ясность и простоту: я разумѣю правила поведенія, нравственности, воспитаніе дѣтей и тому подобныя, на коихъ обращается весь интересъ нашей жизни...

Изъ Петербурга ко мнѣ пишутъ, что меня переводятъ въ Москву губернаторомъ. Да будетъ во всемъ воля Божія. Но считайте меня совершенно разстроеннымъ и разореннымъ, если сіе сбудется. Долго ли будутъ меня гонять изъ одного конца Россіи въ другой?

XI.

Пенза, 10 іюля 1817 года.

Наконецъ получилъ я и рѣшительное роковое письмо отъ губернатора Кавказскаго,—все кончилось, не доѣз-

(*) Аванасій Алексѣевичъ Столыпинъ.

Русскій Архивъ 1870. 36.

жалъ границы Кавказской губерніи. Тѣло добродѣтельнаго страдальца предано землѣ въ ближайшемъ семеніи, но гдѣ именно—не пишутъ.... Мнѣ судьбою назначено возвѣщать друзьямъ моимъ однѣ горестныя новости.

Весьма благодаренъ вамъ за отправленіе Лизы.

Вы поразили меня слухомъ о Московскомъ перемѣщеніи. Не можетъ для меня быть ничего горестнѣе и разорительнѣе—изъ губернаторовъ въ секретари Торماسову! Остановите сіе, если можете; поговорите съ Дмитриемъ Александровичемъ. Усовѣстите; долго ли будутъ играть мною, какъ мячемъ! Кажется, пора бы сію игру окончить, ибо есть Богъ и совѣсть.

Весьма обрадованъ я опредѣленіемъ Магницкаго. Не по сосѣдству, но потому, что это даетъ ему пристойный образъ бытія и изглаждаетъ старыя обиды. Но кто былъ его заступникомъ, какъ могло сіе сдѣлаться? Вообще, вы не любите подробностей и предполагаете, точно такъ же все должно быть извѣстно, какъ на Петергофской дорогѣ... Мы всѣ обыкновенно желаемъ друзьямъ нашимъ, чего желали бы себѣ. А какъ я ничего болѣе не желаю себѣ, какъ провести и кончить остатокъ дней моихъ въ Пензѣ, то и естественно мнѣ было пожелать и вамъ того же. Это достоверно, что если вы въ Петербургѣ: то не бывать намъ вмѣстѣ, развѣ на самое короткое время, ибо ни въ какомъ предположеніи, даже и тогда, какъ сдѣлали бы меня канцлеромъ, не могу я быть празднымъ для Петербурга.

Въ военной библиотекѣ гвардейскаго штаба продается книжка: Донесе-

нія графа Каподистрии о заведеніяхъ г. Фелленберга въ Гофвилѣ 1814 года; мнѣ давно хотѣлось знать нѣкоторыя подробности о семъ заведеніи. Нельзя ли ее прислать?

ХІІ.

Пенза, 17 іюля 1817 г.

.... Торги здѣсь идутъ изрядно, хотя въ первыхъ двухъ ничего еще нѣтъ рѣшительнаго. Между тѣмъ прибылъ сюда нѣкто к. совѣтникъ Морцинкевичъ съ порученіемъ отъ министра и съ письмомъ ко мнѣ, чтобъ оживить и подвинуть сіе дѣло въ палатѣ. Это весьма кстати, ибо палата сія есть не что иное, какъ судная глупая изба, гдѣ старые грѣшники спорятъ съ утра до вечера съ молодымъ шалуномъ—и это называется управленіе. Я пишу вмѣстѣ съ симъ откровенно къ Дмитрію Александровичу и утверждаю, что сей образъ управленія, если онъ продолжится, можетъ имѣть самыя худыя слѣдствія въ такой губерніи, гдѣ производится до 3 м. вина. Дать палатѣ хозяина необходимо нужно, и хозяина умнаго, съ властію и довѣріемъ: вотъ въ чемъ все дѣло. Постарайтесь увидѣться съ Д. Александр.: онъ вѣроятно самъ съ вами будетъ говорить. Дайте ему въ особенности примѣтить, что онъ немного найдетъ губернаторовъ, кои бы настояли, чтобъ вице-губернаторъ былъ усиленъ, и что изъ 50 едвали не 48 пожелаютъ имѣть Б.... чтобъ въ сей мутной водѣ ловить рыбу. Впрочемъ воля ихъ святая. Послѣ сего письма не дождутся они отъ меня болѣе ни слова по сему предмету....

Самое странное письмо послѣ двухмѣсячнаго молчанія получилъ я отъ Петра Григорьича. Онъ даетъ мнѣ чистую отставку отъ своей дружбы и проситъ даже изгладить его изъ моей памяти, не переставая однакоже величать меня своимъ премилосерднымъ отцомъ и увѣрять меня въ свсей приверженности. О семъ побесѣдую съ вами подробнѣе съ будущею почтою, когда съ прїѣздомъ Лизы можетъ-быть соберу болѣе подробностей. Тутъ надобно на-что нибудь рѣшиться; между тѣмъ не худо и вамъ знать о моемъ съ нимъ положеніи.—Нѣтъ ли у васъ вѣрнаго человѣка, коему бы могъ я поручить вести дѣло мое о продажѣ Великополья съ Бухмееромъ. Масальскій между прочимъ и отъ сего формально отрекается, и въ такихъ формахъ, коиъ бы я отъ него не ожидалъ; если нѣтъ у васъ, то принужденъ буду прислать отсюда его же племянничка Петра Петровича Попова. Вамъ кромѣ одного общаго взгляда и нѣкотораго главнаго руководства тутъ нельзя принять никакого участія, и по многодѣлію вашему, и по подробностямъ, коими дѣло сіе преисполнено.

XIII.

Пенза, 24 іюля 1817 г.

Въ 22-й день іюля въ губернскій городъ Пензу наконецъ прибыла давно ожидаемая гостя Елизавета Михайловна Сперанская, въ вождѣнномъ здравіи. Легко себѣ представить можете, какъ я занятъ и обрадованъ. Не имѣю даже времени упрекнуть вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, что съ прошедшею почтою ничего отъ васъ не получилъ. Все мое отмищеніе огра-

ничиваю тѣмъ, что пишу къ вамъ сегодня весьма мало.

Наконецъ опредѣленъ и въ Москву губернаторъ; слѣдовательно я остаюсь въ благословенной Пензѣ до новыхъ слуховъ, или прихотію, или праздностию, или злобою разсѣваемыхъ....

XIV.

Пенза, 31 іюля 1817 г.

....Вы правы: не должно оставлять старика (*) до послѣдняго издыханія; сіе не только сообразно благороднымъ вашимъ чувствамъ, но полезно даже и для переду, какъ бы теперь ни судили. Опасности впрочемъ тутъ вовсе нѣтъ, ибо его не боятся, а только съ рукъ сживаютъ. И повѣрять ли? Онъ заслужилъ сіе самымъ страннымъ, бесполезнымъ, нерасчетливымъ поведеніемъ. Впрочемъ не совѣтую вамъ продолжать сію борьбу до усталости. Требуйте, сколько приличіе дозволяетъ требовать, быть въ 1-мъ департаментѣ и оставьте четвертый; и въ 1-мъ презирайте всякое донкишотство; не кланяйтесь, но и не сражайтесь съ мельницами, что бы вамъ ни твердили; но это есть глупость простибельная въ 25-ть лѣтъ. Можно и должно рѣшаться на жертвы, но въ большемъ видѣ, съ вѣрною и высокою цѣлью. Безъ цѣли же и безъ надежды воюютъ только рыцари печальнаго образа. А какъ сей цѣли въ настоящемъ вашемъ положеніи никакъ быть не можетъ, то лучше и не начинать. Словомъ: всякое противодѣйствіе отъ Сената Министерству въ настоящемъ порядкѣ

*) Князь Лопухинъ, первоприсутствовавшій въ четвертомъ департаментѣ Сената.

*

вещей, по мнѣнію моему, и смѣшно и странно.....

XV.

Пенза, 14 августа 1817 г.

... Весь городъ переселился въ Саранскъ на ярмарку. Ожидаю извѣстій вашихъ о ходѣ торговъ съ любопытствомъ; но не примите желанія моего о землѣ въ подлинномъ видѣ*): это шутка, ибо я очень чувствую все, что тутъ есть несбыточнаго и невозможнаго. Правда, что у васъ такъ много совершается невозможностей, что и мѣру потеряешь, чего можно желать и чего нельзя. Напримѣръ, какъ бы можно было угадать, что Розенкампофъ будетъ возведенъ и съ племянникомъ его въ баронское достоинство. Правду говорить, что на милость образца вѣтъ.

XVI.

Пенза, 21 августа 1817 г.

... У меня гоститъ Магницкій. И здоровье, и образъ мыслей его такъ настроились снова, что я нахожу его почти таковымъ, каковъ онъ былъ въ Петербургѣ. Онъ доволенъ, какъ нельзя быть болѣе. Ваше дѣло, мой другъ, будетъ поставить его въ гармонию съ Дмитриемъ Александровичемъ, то есть увѣрить сего послѣдняго, что онъ не найдетъ лучшаго по дѣламъ своимъ въ Симбирскѣ комиссіонера, какъ Магницкій. Онъ уже и въ Воронежѣ имѣлъ отъ него нѣкоторые знаки удовольствія; вамъ остается довершить, а особливо опровергнуть прежнія предубѣжденія. — Ожидаемъ къ 28-му сего мѣсяца Великаго Князя Михаила Павловича; онъ пробудетъ здѣсь 29-е и утро

*) См. выше, письмо V-е.

30-го. Мы крайне жалѣемъ, что нечѣмъ его занять. Нашъ городъ совсѣмъ не сдѣланъ для показу, но для житья.

XVII.

Пенза, 28 августа 1817 г.

Не взирая на ваши изъясненія, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, я все-таки буду твердить, что вамъ должно оставить 4-й департаментъ. Мы оба имѣемъ одинъ порокъ: излишнее чувство деликатности къ тѣмъ, кто намъ оказалъ какое-нибудь добро. Это до нѣкоторой степени прекрасно, но не всегда и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ. Сколько я отъ сего чувства дѣлалъ ошибокъ, столько же сдѣлали и сдѣлаете вы. Другъ за друга мы судимъ лучше, нежели поступаемъ каждый за себя. Для того-то и даю вамъ совѣты и охотно отъ васъ ихъ принимаю. Попробуйте еще и вѣрьте впрочемъ, что работать 12 часовъ сряду въ вашемъ мѣстѣ есть совершенное *dupere*.

Сегодня ожидаемъ Великаго Князя.хлопоты неимовѣрныя, по незнанію и непривычкѣ здѣшнихъ дворянъ къ таковымъ посѣщеніямъ. Отъ повара до архіерея, я долженъ съ каждымъ подтвердить его роль. Женщины присылаютъ спрашивать, въ капотахъ ли имъ быть у обѣдни въ Александровъ день, или въ платьяхъ. Надѣюсь, однакоже, что Его Высочество будетъ доволенъ.

XVIII.

Пенза, 3 сентября 1817 г.

... Великій Князь здѣсь былъ весьма любезенъ и доволенъ всѣмъ, что нашелъ. Я показывалъ ему все съ искренностію и безъ всякихъ прикрасъ, и твердилъ, что ему Россію нужно ви-

дѣтъ, такъ какъ она есть въ будни, а не такъ какъ она можетъ быть въ праздникъ. Онъ не только уменъ, но имѣетъ пріятную забавность въ нравѣ. Дай Богъ, чтобъ онъ былъ веселъ, ибо въ моей системѣ тихая веселость права есть наилучшій признакъ чистоты въ сердцахъ и ясности въ понятіяхъ.

Я почти ожидалъ, что торги превратятся въ комиссію и даже хотѣлъ писать о семъ къ министру; казна тутъ безъ сомнѣнія выиграетъ, а частные люди пойдутъ надежнѣе и слѣдовательно дешевле. Но истолкуйте мнѣ, какимъ волшебствомъ сыплются тутъ готовые милліоны и впередъ? Удивляюсь, хвалю, увѣренъ,—но не совсѣмъ постигаю.

... Вчера посѣтилъ меня здѣсь нарочно изъ Саратова Сергій Семеновичъ Уваровъ. Прекраснѣйшій человекъ и по уму, и по сердцу. Совѣтую вамъ быть съ нимъ знакомымъ. Умъ перваго класса!— Слава Богу, съ Петромъ Григорьевичемъ мы помирились и опять душа въ душу; но обременять его комиссіями не стану.

Забылъ сказать, что дворянство Великому Князю дало балъ, на который со всѣхъ концовъ губерніи слетѣлось по первому отъ меня извѣстію до 400 человекъ дворянъ съ семействами. Его Высочество былъ симъ движеніемъ весьма доволенъ. Дворянство поднесло ему 3,000 р. на инвалидовъ.

XIX.

Пенза, 6 ноября 1817 г.

... Сосѣдъ мой Магницкій въ большихъ подвигахъ; въ Симбирскѣ переловилъ очень важную шайку разбойниковъ, обнаружилъ расхищеніе каз-

ны и, что еще болѣе, переловилъ и предалъ суду цѣлый скопъ Татаръ, кои въ теченіи многихъ лѣтъ управляли губерніею. Въ дѣлѣ семъ замѣшаны многіе сенатскіе чиновники по перепискѣ, и все отправлено къ С. К. Вязмитинову. Не виняте его Бога ради: онъ поступаетъ какъ грѣшнъ chevalier и, какъ честный человекъ, не могъ поступить иначе; тутъ нѣтъ запальчивости, но я предвижу, что онъ еще болѣе усилитъ число своихъ враговъ; но что же дѣлать? У него война съ злоупотребленіемъ на роду написана.

XX.

Пенза, 4 декабря 1817 г.

Вмѣсто новостей посылаю къ вамъ выписку *) изъ письма Магницкаго: она доказываетъ силу совѣсти и религію. Не знаю, донесъ ли онъ о семъ происшествіи по Министерству и хотя запрещаю я и себѣ и ему строго всякое въ дѣлахъ отличіе, но сія черта стѣбитъ нѣкотораго изытія. Среди множества умныхъ и правдивыхъ дѣлъ онъ сдѣлалъ однакоже великую глупость. Отъ 13 ноября онъ послалъ просьбу объ увольненіи его на 3 мѣсяца въ Москву и Петербургъ потому, что Симбирскій воздухъ для слабой груди жены его слишкомъ тонокъ. Тутъ выпущены изъ виду всѣ возможныя приличія. Дай Богъ, чтобъ ему только просто отказали; но я почти увѣренъ, что присоединятъ тутъ множество ложныхъ и вредныхъ, и ему ими соображеній. Назовутъ попыткою, пригизаніемъ, назойливостью, Богъ знаетъ чего не приложатъ, и по дѣломъ! Ибо съ здравымъ смысломъ

*) Ея у насъ нѣтъ.

трудно понять, какъ можно изъ Симбирска проситься въ Петербургъ для воздуха!—Я писалъ къ нему откровенно, но поздно: онъ даже и не подозревалъ всей важности сего шага. Не худобы узнать, что думаютъ о семъ въ Министерствѣ, и если можно смягчить изъясненіемъ, чего нельзя уже вовсе исправить. Жена его есть просто incurable, и въ Лангедокѣ она всегда будетъ больна: но чудо изъчудесь! Онъ одинъ сего не примѣчаетъ. Что значитъ магнетизмъ въ сравненіи съ очарованіями почти ежедневными собственнаго нашего воображенія!

Не задолго до моего пріѣзда, убили люди помѣщика. Слѣдствіе сдѣлано дурно, потому что земскій судъ началъ его раскрашею всего имѣнія убитаго, пьянствомъ и жесточайшими истязаніями. Нашли виновными 16 человекъ. Дѣло поступило въ уѣздный судъ, который осудилъ большую половину къ кнуту, а другую къ ссылкѣ, по наказаніи плетью. При переходѣ дѣла на ревизію въ уголовную палату, всѣ улики самыя сильныя, какъ-то: окровавленные платя и рубашки и показанія дѣтей, что видѣли, какъ отецъ ихъ убивалъ господина, вели къ тому, чтобы, на основаніи законовъ, высѣчь преступниковъ кнутомъ; они между тѣмъ ни въ палатѣ, ни мнѣ на самыя убѣдительныя увѣщанія не признались.

Въ теченіи сего времени, подражая вашему примѣру, завелъ я въ острогъ, по воскресеньямъ, службу и досталъ туда священника умнаго и добраго. Я самъ лично и палата начали замѣчать, что многіе изъ преступни-

ковъ молятся усердно, смягчаются въ показаніяхъ и начинаютъ раскаиваться.

Одинъ изъ убійць господина подаетъ мнѣ записку, въ которой изъясняетъ, что зять его Глѣбовъ, котораго обвинялъ онъ при началѣ дѣла знаніемъ убійць и съ котораго послѣ обвиненіе сіе сговорилъ, точно все знаетъ и укажетъ.

Я предложилъ палатѣ взять показаніе его во вниманіе, послать за Глѣбовымъ и допросить его.

Глѣбовъ говоритъ, что точно убійцы два ему извѣстны, что въ дѣлѣ ихъ нѣтъ, что всѣ содержащіеся невинны, а указанные имъ преступники живутъ покойно въ деревнѣ. Я забылъ сказать, что Глѣбовъ пріѣхавъ заперся во всемъ. Содержащіеся же колодники въ острогѣ, видя, что и послѣдняя ихъ надежда исчезаетъ, встали всѣ ночью, зажгли предъ образами свѣчи и пошли къ присягѣ, что каждый скажетъ мнѣ все, что объ убійствѣ знаетъ. Цѣлый острогъ былъ свидѣтелемъ сего трогательнаго зрѣлища; всѣ молились, рыдали и единогласно говорили, что клятвопреступника тутъ же самъ Богъ накажетъ; всѣ присягнули. Глѣбовъ объявилъ, что не присягаетъ и имѣетъ нѣчто сказать мнѣ чрезъ священника.

На слѣдующій день дѣйствительно объявляетъ то, что я помѣстилъ выше.

Убійцы привезены, признались и объявили, что и Глѣбовъ съ ними былъ; онъ тоже признался. 16 человекъ изъ острога выпущены, просились ко мнѣ и пошли благодарить Бога къ обѣднѣ. Дѣло пришло въ совершенную ясность и пошло своимъ порядкомъ.

XXI.

Пенза, 29 января 1818 г.

Вы наградили меня за продолжительное мое терпѣніе длиннымъ и прекраснымъ письмомъ, отъ 6-го января, съ нарочнымъ Уварова полученнымъ. Не могли вы мнѣ ничего рассказать пріятнѣе, какъ поступокъ вашъ, дѣйствительно благородный, въ дѣлѣ Молчанова. Не робѣйте подвизаться за истину. Вы не только можете, но и обязаны такъ поступать и презирать послѣдствія. Они впрочемъ и сами по себѣ здѣсь презрительны. Вырвать изъ рукъ злой и глупой наглости человека, который не связанъ съ вами ни дружбою, ни образомъ мыслей, есть славнѣе, нежели получить ленту. Я согласенъ, что наслажденіе быть справедливымъ въ дѣлахъ громкихъ есть одно изъ наилучшихъ. Ваше званіе представляетъ къ сему самые драгоценные случаи. Впрочемъ даже и въ обыкновенномъ, неморальномъ разчетѣ мнѣ кажется, все сіе неминуемо обрушится надъ головою доносителей. Можетъ быть и еще другое послѣдствіе, гораздо высшее, а именно, что Сенатъ наконецъ когда-нибудь почувствуетъ истинную свою силу и достоинство. Это почти невѣроятнымъ и чудеснымъ образомъ подѣйствуетъ на исправленіе и нравовъ, и всѣхъ частей управленія. Словомъ и въ заключеніе всего, поступокъ вашъ и письмо ваше прекрасны.

Уваровъ пишетъ ко мнѣ, что онъ съ вами подружился и уже умѣлъ вамъ быть одолженнымъ. Подержитесь его. Это благородный, умный и первый умный человекъ въ Россіи изъ Рус-

скихъ. Я пишу къ нему, что оставляю ему все мое единственное наслѣдство въ Петербургѣ—вашъ и Цейера. Съ радостію также изъ писемъ вижу, что вы часто вмѣстѣ съ Жерве. Отличный человекъ, и вся семья прекрасная: дай Богъ вамъ, мой любезный, всегда жить въ семъ кругу. Что всего тутъ драгоценнѣе: это постоянство и достовѣрность непоколебимая.

XXII.

Пенза, 18 февраля 1818 г.

Вмѣсто новости посылаю вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, проповѣдь; точно проповѣдь, и чью же? Магницкаго! Кто бы сему повѣрилъ тому лѣтъ десять? Это однакоже вѣрно, и все что онъ говоритъ, онъ точно живо чувствуетъ. Набожность его искренна, и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго соображенія свѣтскаго. Между тѣмъ, не взирая на всѣ мои убѣжденія, получивъ отказъ въ отпускѣ, онъ на сихъ дняхъ послалъ прошеніе въ отставку. Поступокъ совершенно безвременный и дѣламъ его предосудительный.

Начинаю заниматься своими землями. По счастью А. Д. Панчулидзевъ есть старинный мой пріятель; я здѣсь еще болѣе съ нимъ познакомился: теперь это будетъ весьма къ стати. Подлинно мнѣ должно вымѣнить икону св. Дмитрія и поставить ее вмѣстѣ съ вашею.

XXIII.

Пенза, 22 февраля 1818 г.

Вы рѣшили дѣло безъ справокъ и обвинили меня безъ оправданія. Изъ письма при семъ приложеннаго вы увидите: 1) что я никогда не былъ съ Лабзнымъ въ сношеніи; подчеркнутыя

карандашемъ слова означаютъ, что въ первый разъ онъ увидѣлъ мою руку; 2) что десять строкъ я написалъ ему въ отвѣтъ на нѣсколько его писемъ о подпискѣ на Сіонскій Вѣстникъ; 3) что онъ предложилъ мнѣ прислать переводъ Подражанія, угрожая въ противномъ случаѣ напечатать другой, у него уже готовый. На письмо сіе я ему отвѣчалъ, что переводъ мой еще не готовъ, и мнѣ остается его еще поправить и что я снесусь съ к. Алекс. Николаев. Голицынымъ и тогда ему пришлю, до того же времени прошу его не начинать другаго изданія; ибо два изданія, вышедшія вмѣстѣ, могли бы повредить одно другому. Вотъ все содержаніе моего письма, коего отпускъ у меня цѣль (ибо къ людямъ постороннимъ никогда не пишу я безъ отпуски). Слѣдовательно не *отдавалъ* я книги моей *въ его распоряженіе*, а обѣщалъ ввѣрить только изданіе ея, если князь Голицынъ признаетъ то за благо. Къ князю я писалъ точно въ томъ же смыслѣ, и съ тою же почтою, описавъ ему и начало дѣла и предложеніе Лабзина. Отвѣта еще не имѣю, да и некогда.

Оправдавшись предъ вами, приступаю къ самому существу дѣла—къ правилу, на коемъ основано ваше мнѣніе о Лабзинѣ. Я всегда удалялся отъ всякаго съ нимъ сношенія не потому, чтобъ считалъ его худымъ человѣкомъ или опаснымъ писателемъ, но потому *во первыхъ*, что никогда не находилъ его большимъ знатокомъ въ самыхъ тѣхъ предметахъ, о коихъ онъ пишетъ, и *во вторыхъ* потому, что я всегда любилъ отсѣкать безполезныя знакомства и пустословныя сношенія. Опаснымъ

не могъ я его считать, когда самъ Государь призналъ родъ сочиненій его достойнымъ одобренія, и въ рескриптѣ на орденъ именно сіе означилъ. Впрочемъ писатель, который въ теченіи двадцати лѣтъ непрестанно занимается изданіемъ христіанскихъ книгъ, по необходимости долженъ быть ненавидимъ и злословимъ,—для меня сіе не новость, и сіе злословіе именно составляетъ его достоинство. Люди безъ религіи никакъ не понимаютъ, какъ можно ею заниматься постоянно, не бывъ сумашедшимъ или лицемеромъ. Но вы, мой любезный Аркадій Алексѣевичъ, ни въ чемъ и никогда, особливо же въ мнѣніяхъ о людяхъ, не должны идти вслѣдъ за толпою; ваше значеніе въ обществѣ и собственный вашъ добрый вкусъ и духъ справедливости долженъ васъ заставить утверждать ваши мнѣнія на истинѣ, испытанной и зрѣло обдуманной. Не всегда можно противодѣйствовать мнѣніямъ ложнымъ, но всегда можно переносить ихъ въ молчаніи и хранить свои въ кругу своихъ друзей или въ самомъ себѣ. Злословіе, особливо когда оно идетъ отъ человѣка значительнаго, есть ножъ, вращаемый въ сердцѣ ближняго. Еслибъ половина того, что вамъ сказали о Л., была правда, то онъ былъ бы чудовище.—Какъ мало еще просвѣщенія въ Петербургѣ! Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще и нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки, которыми можно пугать только дѣтей.

О Магницкомъ я уже писалъ, и вы совершенно правы. Но будьте милостивы и разсудите, что было ему дѣлать съ бумагами, въ теченіи слѣдствія

къ нему формально дошедшими. Знаете ли, что самый смѣлый губернаторъ не можетъ ничего подобнаго сокрыть отъ министра; на сіе есть у насъ не только самыя строгія предписанія, но и строгій надзоръ прокурора и самого даже полицеймейстера, — двухъ чиновниковъ, кои могутъ и *обязаны* писать о всемъ и безъ вѣдома губернаторовъ. Дѣло другое министр: отъ него зависѣло дать бумагамъ симъ ходъ или пустить ихъ на воздухъ, какъ не стощія вниманія. Слѣдовательно вопросъ м. ф. собственно долженъ относиться къ министру, а не къ губернатору. Какъ бы то ни было, я предвижу большую бурю для Магницкаго и кромѣ отставки не вижу для него спасенія.

Письмо Лабзина прошу мнѣ съ первою почтою возвратить; сего требуетъ порядокъ моей переписки, строго мною хранимый, чтобы быть правымъ не только предъ Богомъ, но и предъ людьми, когда они того пожелаютъ.

XXIV.

Пенза, 19 марта 1818 г.

Не знаю, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, какъ вы читаете мои письма; они обыкновенно наполнены одними мелочами и провинціальными доуками.

Здѣсь есть Московскіе слухи объ учрежденіи генералъ-губернаторовъ. Все зависитъ отъ наказовъ, кои имъ даны будутъ. Если они будутъ поставлены въ положеніи инспекторовъ, то произведутъ нѣкоторую пользу; если же они будутъ дѣлопроизводителями, какъ были прежніе генералъ-губернаторы, то симъ учредится только новая инстанція, новая сложность,

новое письмоводство; а у насъ и безъ того уже много бумажнаго управленія. Въ семъ послѣднемъ случаѣ мудрено будетъ быть губернаторомъ, ибо мы не имѣемъ почти средствъ и съ министерствомъ вести переписку, отправляя каждый мѣсяцъ однихъ вѣдомостей необятное количество.

Увольненіе Магницкаго въ отпускъ вамъ безъ сомнѣнія уже извѣстно. Ему прежде отказали подъ предлогомъ, что онъ нуженъ для дѣлъ губерніи. Онъ писалъ въ Собственныя руки съ обыкновеннымъ его огнемъ; просилъ или причислить его къ герольдіи, или дозволить проситься въ отставку по командѣ. Черезъ два дни послѣдовало черезъ графа Аракчсева дать ему просимый отпускъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я въ особенности былъ симъ обрадованъ: ибо если его отпустили, то и меня современемъ отпустить могутъ; а сіе даетъ мнѣ надежду, независимо отъ всѣхъ предположеній болѣе или менѣе вѣроятныхъ, обнять васъ въ Петербургѣ будущей осенью или зимою. Тогда только могу я сказать: *и такъ я свободенъ*. Шесть лѣтъ *) разнообразной, тяжелой и благовидной неволи кончились, и слава Богу, ни въ душѣ моей, ни въ сердцѣ не оставили ни одной черты глубокаго огорченія; а сложеніе мое физическое укрѣпилось болѣе, нежели когда-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ я здѣсь помолодѣлъ, и головныя мои боли весьма рѣдко уже меня посѣщаютъ. Бодрость духа, по моему мнѣнію, есть первое, неоцѣненное въ жизни благо. Отъ бодрости происходитъ и бьетъ какъ ключъ

*) Третьяго дни ровно шесть лѣтъ.

надежда: а надежда, по моему счету, есть лучше самаго удовольствія.

XXV.

Пенза, 2 апрѣля 1818 г.

Почты, вмѣстѣ съ дорогами, такъ разстроились, что съ минушею почтою здѣсь ничего почти не получено изъ Петербурга. Между тѣмъ у насъ почти наступило лѣто. Вчера прошла Пенза, проходитъ и Сура; грузятся барки; суетливость и движеніе общее.

Здѣсь много говорятъ объ учрежденіи 12-ти военныхъ губернаторовъ. Сюда славятъ Балашева. Если не перемѣстятъ меня, то знаете ли что я намѣренъ сдѣлать?—Остаться здѣсь

и недѣлать ни одного шагу къ перемѣщенію, а потомъ уже, когда все обойдется, чрезъ годъ можетъ-быть выдти въ отставку. Всякій видъ негодованія я считаю слабостію и малодушіемъ. Я не допускаю, чтобъ можно было быть униженнымъ терпѣніемъ несправедливости. Бояться же не имѣю ни малѣйшей причины. Это будетъ странно для губерніи. Но что значить капля въ морѣ? Впрочемъ увѣренность моя въ милостивомъ расположеніи любезнѣйшаго изъ Государей, ко-его вы и я равно любимъ и обожаемъ, есть твердый мой щитъ во всѣхъ положеніяхъ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕНАТЕРИНЫ II-Й.

Послѣ коронаціи въ 1763 году, были *) маскаралы какъ при дворѣ, такъ и у Локатели. Въ одинъ изъ сихъ надѣла я офицерской мундиръ и сверхъ онаго накинула розовую домину и, пришедъ въ залу, стала въ кругу, гдѣ танцуютъ. Княжна Настасія Сергѣевна Долгорукова ¹⁾, оттанцовавъ ²⁾, остановилась предо мною и начала хвалить ей знакомой молодую дѣвицу. Я, позади ея стоя, вздумала вздыхать и половину голосомъ, наклонясь къ ней, молвила: «та, которая хвалить, не въ примѣръ лучше той, которую хвалить

изволила». Она, обратясь ко мнѣ, молвила: «Шутишь, маска; кто ты таковъ? Я не имѣю чести тебя знать. Да ты самъ знаешь ли меня ³⁾?» На сіе я отвѣтствовала: «Я говорю по своимъ чувствамъ и ими влекомъ».

Она пакы спросила. «Да кто ты таковъ?»

Я сказала: «Будьте милостивы ко мнѣ, тогда свѣдаете».

— «Пожалуй, скажи, кто ты таковъ».

«Объщайте быть милостивы ⁴⁾».

Тутъ подошли къ ней другія дѣвицы. Она, смотря на меня, почасту говорила съ ними. Онѣ увели ее. Я, обо-

*) Въ Москвѣ, во время заговоровъ Хитрова, Хрущевыхъ и Гурьевыхъ. П. В.

¹⁾ Княжна Анастасія Сергѣевна Долгорукова, дочь тайнаго совѣтника князя Сергѣя Петровича, была потомъ замужемъ за княземъ Павломъ Николаевичемъ Щербатовымъ.

²⁾ Въ подлинникѣ зачеркнуто: «не помню съ

къмъ изъ своихъ родственницъ».

³⁾ Въ подлинникѣ ошибочно: «знаешь ли мя?»

⁴⁾ Въ подлинникѣ: «милостиво».

шедъ залу, нашла стулъ порожній ⁵⁾, на которомъ я сѣла. Княжна, прошедъ мимо, оглянулась. Я встала и пошла за ней: и паки пришли къ танцевальному мѣсту, гдѣ я старалась занимать мѣсто позади ея ближнсе ⁶⁾. Она оглянулась и, увидя меня, спросила: «маска, танцуешь ли?» Я сказала, что танцую. Она подняла меня ⁷⁾ танцовать, и во время танцу я пожала ей руку, говоря: «Какъ я щастливъ, что вы удостоили мнѣ дать руку; я отъ удовольствія ⁸⁾ внѣ себя». Я, оттанцовавъ, наклонилась такъ низко, что поцаловала у нея руку. Она покраснѣла и пошла отъ меня. Я опять обошла залу и встрѣтилась съ нею; она отвернулась, будто не видитъ. Я пошла за ней. Она, увидя меня, сказала: «Воля твоя, не знаю, кто ты таковъ». На что я молвила: «Я вашъ покорной слуга; употребите меня ⁹⁾ къ чему хотите; вы сами увидите, какъ вы усердно услужены будете». Усмѣхнувшись, она отвѣчала: «Ты весьма учтивъ и голосъ пріятной имѣешь». Я сказала: «Все сіе припишете своей красотѣ ¹⁰⁾». На сіе она мнѣ говорила: «Не ужели ¹¹⁾ что я для васъ хороша?»

— «Безпримѣрна», вскричала я.

«Пожалуй, скажи, кто ты таковъ?»

— «Я вашъ».

⁵⁾ Тамъ же: «нашла стула порожняго». Это впрочемъ не ошибка, а довольно общее словосочиненіе того времени. П. Б.

⁶⁾ Тамъ же: «ближнюю».

⁷⁾ Тамъ же: «подняла мнѣ».

⁸⁾ Тамъ же слова: «отъ удовольствія» зачеркнуты.

⁹⁾ Въ подлинникѣ: «употребите мнѣ».

¹⁰⁾ Тамъ же: «своей красоты».

¹¹⁾ Тамъ же: «ни уже».

«Да, это все хорошо; да кто ты таковъ?»

— «Я васъ люблю, обожаю, будьте ко мнѣ склонны, я скажу, кто я таковъ».

«О, много требуешь; я тебя, другъ мой, не знаю».

Тутъ паки кончился нашъ разговоръ; я пошла въ другія комнаты, а княжна пошла съ своей компаніей ¹²⁾. Я сѣла на лавку.

(Съ собственноручнаго подлинника сообщено академикомъ А. Ф. Бычковымъ).

О рукописной исторіи первой Екатерининской войны съ Турціею.

По поводу ходатайства депутатовъ, отправленныхъ въ учрежденную императрицею Екатериною Великою комисію составленія законовъ Сибирскими горнозаводскими крестьянами и купцами объ облегченіи ихъ въ заводскихъ работахъ, посланъ былъ въ 1767 г., по высочайшему повелѣнію, въ Сибирскіе горные заводы сенатскій секретарь надв. сов. Соболевъ, для собранія точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, относящихся до заводскихъ селеній, приписныхъ крестьянъ, наряда ихъ въ работы, суда и расправы, образа заработка подушного оклада, промышленности и проч.

Соболевъ, по опредѣленіи своемъ въ 1762 году въ сенатскіе секретари, былъ посланъ въ Москву, съ церемоніймейстеромъ Лефортомъ, для объявленія о днѣ коронаціи Императрицы; въ 1770 г. назначенъ былъ въ товарищи Иркутскаго губернатора; по исправляя попрежнему секретарскую должность *трудоился*, — говоритъ кн. Вяземскій, — *по ордеру генераль-прокурора, въ собираніи извѣстій, касающихся до пре-*

¹²⁾ Тамъ же: «съ своей компаніи».

жде бывшей Турецкой войны и содѣлалъ о сей матеріи восемь книгъ, а потомъ отправленъ къ своему мѣсту; нынѣ (т. е. въ 1777 г.) находится не у оныхъ.“

Но зная, извѣстенъ ли ученому міру этотъ, какъ видно, обширный трудъ Соболева, заключающій, быть-можетъ, интересные для исторіи того времени матеріалы, я долгомъ считаю сообщить редакціи Русскаго Архива объ этомъ сочиненіи или вѣрнѣе, сборникѣ официальныхъ свѣдѣній о войнѣ съ Турціею, окончившейся Кучукъ-кайнарджійскимъ миромъ. Такъ какъ Соболевъ занимался этимъ дѣломъ по распоряженію генералъ - прокурора, то, конечно, въ Сенатскомъ архивѣ можно будетъ отыскать, куда поступили рукописи Соболева, на тотъ случай, еслибы кто пожелалъ ими воспользоваться.

Степанъ Гуляевъ,

Русскаго Географическаго и другихъ ученыхъ обществъ членъ.

Барнауль.

8 Марта 1870 г.

Письмо Юрьевского архимандрита Фотія къ князю Александру Николаевичу Голицыну *).

(Подлинникъ хранится у В. Н. Муромцевой въ селѣ Баловневѣ, Даик. у., Ряз. губ.).

†

Кто тебѣ возгласилъ, что я противу тебя?—Ты знаешь, что я, по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ, вѣрою и правдою Богу, Царю, Церкви и Отечеству служилъ, служу и буду служить, и что или кто мя разлучить отъ любви Божіей въ семь ра-

*) Читатели, знакомые съ писаніями протопопа Аввакума, вспомнятъ его при чтеніи этого письма: тотъ же слогъ, тѣ же приемы, хотя два почти столѣтія раздѣляютъ этихъ двухъ дѣятелей.

П. В.

зумъ?—Тма злодѣйскихъ книгъ можетъ ли и святую душу не смущать?—Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога,—что я противу тебя?—Ужели слово и дѣло всякое противу злодѣйствъ книжныхъ—есть и можетъ быть противу тебя?—Кто тебѣ возвѣстилъ, что я былъ у Царя?—Я, что касается до тебя, возвѣщалъ тебѣ покаяніе, яко служитель Церкви.—Отъ личности твоя я чистъ.—Какъ-то мы явимся на страшный судъ Божій?—Спасенся съ Богомъ, а не во злобѣ и нетерпѣливости, съ чѣмъ ты и пишешь мнѣ.—Кто не знаетъ, что ты незлобивъ и добръ самъ по себѣ?—Не въ прелести, а въ разумѣ вѣры святыхъ и правыхъ Христосъ посреди насъ былъ, и есть, и будетъ, речено было единожды и навсегда; а ты въ первый разъ пишешь.—И крестъ, и Христа отвергъ.—Сія ли мечта твоя скорби,—скорби не твоей, а чьей-либо другой, смущаетъ до отчаянія тебя? Я не такъ люблю, какъ ты. Время докажетъ. Знай, что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я Божій слуга: подыми же ты руки на меня, и узришь, что или земля васъ пожретъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ. Не моги рукъ поднять на меня и устъ отворить на клевету, а словомъ и дѣломъ блуди, да Христосъ посреде насъ будетъ. Мнѣ не тяжело, а удивительно показалось видѣть нечаянное твое нетерпѣніе и негодованіе въ письмѣ; но я тебя прощаю, и Богъ проститъ тебя во всемъ, ибо мира моего ты не нарушишь, да и не можешь. Почто ты меня и въ хитростяхъ уличаешь? Какіе духи тебѣ шепнули?

Не всякому духу вѣруй, а ищущай духи—отъ Бога ли?

Написавъ сіе, я улыбнулся, и желалъ бы увидѣть тебя лицомъ къ лицу, но уже ты и †, и Христа, и всякое святое слово и дѣло исключилъ изъ письма, не знаю восхощешь ли ты сдѣлать то: тебѣ есть ли не угодно и не нужно, то воля Божія да будетъ.

Вспомни, что въ первые дни, какъ я прїѣхалъ, тебѣ видѣніе мое пересказывалъ, что узрю Царя, а ты спросилъ, что же ты говорилъ, я замолчалъ. О событіи видѣнія рцы, кто тебѣ возвѣ-

стилъ. Не ищущай Бога: вышнихъ себя не ищи и проч.

Христось съ тобою: миръ тебѣ. Спасися съ Богомъ. Будь терпѣливъ, а не скоръ на осужденіе. Незлобіе и доброта въ нещастіи познается. Аще благая прїяхъ, злыхъ ли не стерплю? Съ Богомъ радуйся! А. убогій Фотій.

1824 г. 22 Апр.

Р. С. Непостояненъ ты въ любви и слабъ. Кто можетъ знать мое сердце? Чтѣ ты, я знаю. Спаси тебя Богъ и укрѣпи.

(Сообщено графомъ Д. П. Толстымъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА НОВОСИЛЬЦЕВА.

I.

Эпизодъ изъ жизни принца Евгенія, бывшаго вице-короля Италійскаго *).

Въ 1839 году, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, были большіе маневры на Бородинскомъ полѣ, въ память знаменитой битвы на этомъ полѣ въ 1812 году 26 августа. П. П. Новосильцевъ состоялъ тогда адъютантомъ у Московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Во время движенія войскъ и разныхъ эволюцій, которыя должны были представлять великую Бородинскую битву, памятную въ то время для многихъ, участвовавшихъ въ оной **).

*) Разсказъ этотъ передаѣтъ Н. Д. Хвощинской покойнымъ П. П. Новосильцевымъ въ бытность его Рязанскимъ губернаторомъ.

***) Одинъ изъ героевъ бородинскаго дня, графъ М. С. Воронцовъ, командовавшій своєю гренадерскою дивизіею, отъ которой къ концу сраженія осталось въ живыхъ лишь нѣсколько десятковъ челоуѣкъ, объяснялъ государю Николаю Павловичу, во время маневровъ

цевъ случайно встрѣтилъ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, сына героя этого сраженія принца Евгенія, бывшаго вице-короля Италійскаго. Герцогъ ласково раскланялся съ Новосильцевымъ и предложилъ ему ѣхать съ собою вмѣстѣ. Разговаривая о Бородинской битвѣ и вообще о кампаніи 1812 г., бывшей столь гибельною для французскаго войска, герцогъ спросилъ Новосильцева, не можетъ ли онъ сказать, гдѣ находится монастырь св. Саввы и далеко ли отъ Москвы. Такою вопросомъ отъ челоуѣка не бывшаго никогда въ Россіи удивилъ Новосильцева; и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ могъ слышать герцогъ о такомъ пустынномъ мѣстѣ, находящемся близъ небольшого уѣзднаго города Звенигорода,

1839 года, какъ было самое дѣло, и когда мимо нихъ проходила вышеназванная дивизія, государь замѣтилъ: Проходя мимо меня они могли бы сказать: Caesar, morituri te salutant (т. е. императоръ, тебя привѣтствуютъ идущіе на смерть.)

П. В.

Московской губерніи? Онъ сказалъ герцогу, что въ монастырѣ этомъ ничего такого нѣтъ, что бы интересно было видѣть его высочеству: а не угодно ли ему будетъ побывать въ Свято-троицкой Сергіевой лаврѣ, гдѣ много замѣчательныхъ вещей и историческихъ воспоминаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ герцога дозволить ему быть его путеводителемъ. Герцогъ, улыбувшись, поблагодарилъ за любезность и сказалъ: «Васъ вѣроятно удивляетъ, что я знаю о монастырѣ св. Саввы, несмотря на то, что тамъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Вы еще болѣе удивитесь, если я вамъ скажу, что я, католикъ, хочу поклониться вашему св. Саввѣ: я въ этомъ далъ обѣтъ умирающему человѣку, а именно отцу моему. Онъ взялъ съ меня честное слово, если когда-нибудь судьба приведетъ меня въ Россію, непременно отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ св. Савва, и поклониться ему. Хотите знать, отчего онъ этого отъ меня требовалъ? Слушайте. Отецъ мой, принцъ Евгений, какъ вѣроятно вамъ извѣстно, при нашествіи императора Наполеона на Россію, находился въ его арміи и командовалъ корпусомъ, состоявшимъ изъ Французовъ и Италіянцевъ. По вступленіи арміи въ Москву, ему поручено было отъ Наполеона наблюдать дороги, ведущія въ Москву, и защищать ихъ отъ партизановъ, образовавшихся тогда въ Русской арміи и дѣлавшихъ большой вредъ своими неожиданными появленіями на разныхъ пунктахъ. Въ одно утро дали знать моему отцу, что около Звенигорода показался Русскій отрядъ (какъ онъ послѣ узналъ, это была кавалерія генерала Винценгероде).

Онъ сейчасъ же приказалъ авангарду своего корпуса съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи выступить къ тому мѣсту, гдѣ показался непріятель. Съ этимъ отрядомъ войскъ онъ выступилъ и самъ, желая подробно изучить мѣстность окрестностей Москвы, и, если удастся, захватить непріятеля врасплохъ. Но сдѣлавши переходъ болѣе 10 миль и посылая во всѣ стороны разъѣзды, они никого не видѣли; вѣроятно Русскіе партизаны, узнавъ, черезъ своихъ лазутчиковъ, о выступленіи противъ нихъ значительнаго числа войскъ, удалились и спрятались въ лѣсахъ. Такъ какъ войска отца моего отъ большого перехода были очень утомлены, то онъ рѣшился остановитъ дальнѣйшіе поиски, и размѣстивъ отрядъ на бивакахъ близъ одного монастыря, который былъ у нихъ въ виду, самъ съ своимъ конвоемъ и нѣкоторыми генералами отправился въ монастырь, гдѣ они и заняли комнаты въ кельяхъ. Въ монастырѣ нашли они нѣсколько спрятавшихся монаховъ, которымъ они не сдѣлали никакого зла, а попросили только принести хлѣба и какую-нибудь нищу, что они и исполнили. На ночь разставили кругомъ монастыря часовыхъ и въ лагерь также, чтобы быть готовыми при малѣйшей тревогѣ. Было уже около 10-ти часовъ вечера. Отецъ мой, утомленный отъ большого перехода верхомъ, отправился въ особую комнату, гдѣ ему приготовили кровать, на которую онъ не раздѣваясь легъ и скоро заснулъ сномъ праведника. Здѣсь онъ не можетъ припомнить, во снѣ, или на яву, но онъ видитъ, что отворяется дверь въ его комнаты, входитъ тихими ша-

глази человѣкъ въ черной длинной одеждѣ, подходитъ къ нему такъ близко, что онъ могъ при лунномъ свѣтѣ разсмотрѣть черты лица его. Онъ казался старымъ, съ сѣдой бородой. Около минуты стоялъ онъ, какъ бы разсматривая принца, наконецъ тихимъ голосомъ сказалъ: «не вели войску своему расхищать монастырь и особенно уносить что-нибудь изъ церкви. Если ты исполнишь мою просьбу, то Богъ тебя помилуетъ, и ты возвратишься въ свое отечество цѣлымъ и невредимымъ». Сказавъ это, старецъ тихо вышелъ изъ комнаты. Принцъ, проснувшись на разсвѣтѣ, сейчасъ вспомнилъ это видѣніе, которое представлялось ему такъ живо, какъ бы на яву. Онъ немедленно позвалъ адъютанта и велѣлъ ему отдать приказъ, чтобъ отрядъ готовился къ выступленію обратно къ Москвѣ, съ строгимъ запрещеніемъ входить въ монастырь. Отпустивъ адъютанта, принцъ пошелъ посмотрѣть церковь, у входа которой стояли часовые. Войдя въ храмъ, онъ увидѣлъ гробницу и образъ, который поразилъ его сходствомъ своимъ съ человѣкомъ, представившимся ему ночью. На вопросъ его чей это портретъ, одинъ изъ бывшихъ тутъ монаховъ отвѣчалъ, что это образъ св. Саввы, основателя монастыря, котораго тѣло лежитъ въ этой гробницѣ. Услышавъ это, принцъ съ благоговѣніемъ поклонился мощамъ святаго и записалъ его имя въ своей памятной книжкѣ *).

*) Любопытно бы знать, сохранилась ли эта памятная книжка.

П. В.

цузской арміи изъ Россіи и въ кампаніи 1813 г. въ Германіи. Ни въ одномъ сраженіи принцъ не былъ раненъ; слова старца сбылись: онъ возвратился благополучно въ отечество, и даже послѣ паденія Наполеона остался всеми любимъ и уважаемъ».

Замѣчательно, что почти всѣ маршалы, бывшіе съ Наполеономъ, погибли или въ сраженіяхъ, или насильственной смертью. Мортъе, взрывавшій во время выступленія Французовъ изъ Москвы нашъ Кремль, самъ былъ взорванъ адскою машиною, которая направлена была на короля Лудовика-Филиппа, когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ въ Парижѣ; Жюно умеръ въ сумашествіи, Ней и Мюратъ разстрѣлены, Бертье сбросился въ балкона своего замка въ Бамбергѣ; маршалъ Бессьеръ убитъ подъ Люценомъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ; маршалы Дюрокъ и Понятовской также убиты въ сраженіяхъ.

Герцогъ Лейхтенбергскій, исполняя волю отца своего, не преминулъ быть въ монастырѣ преподобнаго Саввы и поклонился мощамъ его.

В. Ильинъ.

II.

О междуцарствіи 1825 года.

Будучи адъютантомъ у князя Д. В. Голицына, П. П. Новосильцевъ приходитъ къ нему 23 ноября 1825 г. и застаётъ его въ кабинетѣ съ опущенною на столъ головою и рыдающаго. Онъ спрашиваетъ у камердинера, что это значитъ. — «Не знаю; пріѣхалъ фельдъегерь (фельдъегери изъ Петербурга пріѣзжали тогда ежедневно) и

князь получилъ какое-то печальное извѣстіе». — Знаеть-ли княгиня? — «Знаеть, и она тоже плачетъ, — съ ней было и дурно». Увидавъ Новосильцева, кн. Голицынъ объявилъ ему о кончинѣ Императора Александра, и затѣмъ на замѣчаніе, что теперь новый Императоръ Константинъ Павловичъ, открылъ за тайну, что въ Успенскомъ соборѣ лежитъ запечатанный пакетъ, на которомъ написано, чтобы вскрыть его Московскому генераль-губернатору вмѣстѣ съ Московскимъ архіепископомъ, немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра и прежде чѣмъ приступить къ какому-либо дѣйствію. Князь замѣчаетъ, что ему нельзя рѣшиться вскрыть пакетъ. Послано немедленно за княземъ С. М. Голицынымъ и высокопреосвященнымъ Филаретомъ. Первый не далъ никакого опредѣленнаго совѣта, но послѣдній рѣшительно настаивалъ на вскрытіи государственной тайны. Кн. Дмитрій Владиміровичъ однако не внялъ его словамъ, и когда совѣтники уѣхали, послалъ сказать князю Павлу Павловичу Гагарину (въ то время обер-прокурору общаго присутствія Московскихъ департаментовъ Сената), чтобы на другой день Сенатъ поутру находился въ соборѣ. Все это было до обѣда 23 ноября 1825 г.

24-го числа поутру кн. Голицынъ въ присутствіи всего Сената объявилъ о смерти Императора Александра Павловича, и Сенатъ присягнулъ Императору Константину. Вдучи въ каретѣ на Тверскую домой съ Новосильцевымъ, они были встрѣчены флигель-адъютантомъ Мантейфелемъ, который привезъ изъ Петербурга извѣстіе, что великій

князь Николай Павловичъ принесъ присягу старшему брату Константину. «Вотъ видишь, сказалъ кн. Голицынъ своему спутнику, хороши бы мы были, еслибы вскрыли пакетъ! Теперь я пошлю Талызина въ Таганрогъ, Демидова—въ Варшаву, а ты поѣдешь въ Петербургъ»^{*)}). Это было сдѣлано для того, что въ Москвѣ не знали, гдѣ именно новый Государь, и каждый посланный долженъ былъ ему доставить въ копияхъ присяжные листы Московскихъ властей. Новосильцевъ потому особенно выбранъ былъ для поѣздки въ Петербургъ, что онъ могъ сообщить самыя точныя дворцовыя извѣстія, такъ какъ родной братъ его Николай Петровичъ состоялъ довѣреннымъ секретаремъ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и велъ всю ея переписку съ дѣтьми ея.

П. П. Новосильцевъ отправился на курьерскихъ и съ необычайною быстротою доѣхалъ до Петербурга. Онъ прибылъ туда ночью на 26 ноября. Съ заставы препроводили его прямо къ гр. Милорадовичу, С.-Петербургскому генераль-губернатору. Тотъ спалъ. Новосильцевъ разбудилъ камердинера его, арапа, говорившаго по-французски. Гр. Милорадовичъ вышелъ къ Новосильцеву потягиваясь, въ туфляхъ и полуодѣтый. «Eh bien, — воскликнулъ онъ, — qui est Empereur à Moscou?» — J'apporte le serment de Moscou

^{*)} Александръ Степановичъ Талызинъ и Павелъ Павловичъ Демидовъ совершили эти поѣздки. Послѣднему великій князь Константинъ Павловичъ приказалъ немедленно ѣхать назадъ изъ Варшавы. Ему, избѣженному богачу, дозволили остаться въ Варшавѣ лишь на столько времени, чтобы омыться въ ваннѣ.

à l'Empereur Constantin. — «Ну, и прекрасно, душевно радъ. Теперь надо часа два-три подождать, — еще всѣ снять. Отдохните вотъ здѣсь на диванѣ, а чѣмъ свѣтъ отправляйтесь во дворець къ великому князю Николаю Павловичу».

Курьерская подорожная Новосильцова была написана по указу Императора Константина Павловича.

(*Записано П. П. Бартевымъ и
проверено П. П. Новосильцовымъ*).

НОВЫЯ ПИСЬМА ПУШКИНА

къ В. А. Жуковскому и другимъ лицамъ.

Подлинники нижеслѣдующихъ писемъ сохранились въ бумагахъ В. А. Жуковского и обязательно сообщены въ Р. Архивъ сыномъ его Павломъ Васильевичемъ: Содержа въ себѣ важныя и новыя извѣстія о жизни и дѣятельности Пушкина, письма эти прибавляютъ новую черту и къ нашимъ свѣдѣніямъ о Жуковскомъ: оказывается, что и для молодого Пушкина былъ онъ, какъ и для многихъ другихъ, благодѣтельнымъ, теплымъ заступникомъ и ходатаемъ, и можетъ-быть Жуковскому обязана Россія тѣмъ, что Пушкинъ не погибъ жертвою подозрѣній по дѣлу 14 Декабря. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Жуковскій обращалъ на ссыльнаго поэта милостивое вниманіе императора Николая.

П. Б.

I.

Къ В. А. Жуковскому.

Вотъ тебѣ человѣческой отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіею помощію могу пронести еще года 3. Слѣдств.—дѣло не къ VI. 6.

спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибъ Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вязем. пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. ¹⁾ два года ничего не писать противу правительства и не писалъ. *Кинжалъ* не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставить въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ переписать и подпишетъ за меня ²⁾.

Все это тринь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотв ³⁾. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза N. N? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славі. Выбрасывая,

¹⁾ Карамзину.

²⁾ Это беззаботное отношеніе къ дѣлу такой важности вполне обрисовываетъ тогдашняго Пушкина. Впрочемъ у него съ братомъ Львомъ Сергѣевичемъ былъ очень схожія почеркъ.

³⁾ Здѣсь Пушкинъ говоритъ объ изданіи стихотвореній Жуковского 1824 года, въ 3 частяхъ, въ Спб., въ большую 8-ку.

Русскій Архивъ 1870. 37.

уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія *Посланія къ непроизведенія* конечно слабого. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Б—у желаю
Ко древнему Дунаю
И. . . . .

Надпись къ Гете, Ахъ еслибъ мой милый, Гению,—все это предель; а гдѣ они? Знаешь что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатается съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ расскажетъ тебѣ мои литературныя занятія.— Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ—или хотя присутствія: оно вдохновеніе. Кончи ради Бога—*Водолаза*⁴⁾. Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не украсть этого). Думы Рылѣева и цѣлѣтъ, а все не впопадъ.

(1825).

II.

Проектъ письма Пушкина къ императору Александру Павловичу.

(Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce *), je me (fer) serois fait un devoir de (la) supporter ma disgrâce dans un respectueux silence, si la nécessité (seule peut me contraindre) ne me contreignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse; jusqu' à present je n'ai pas eu le moyen de

⁴⁾ Вѣроятно говорится о переводѣ Шиллера Taucher, впоследствии напечатаннаго Жуковскимъ подъ заглавіемъ «Кубокъ».

^{*}) Все, поставленное въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуто.

me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dizaine d'année exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de Votre caractère. J'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie Votre Majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

III.

Къ профессору хирургіи И. Ф. Мойеру.

Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ приѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но, умоляю васъ, ради Бога, не приѣзжайте и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобъ отвлечь челоуѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе какъ челоуѣку знаменитому и другу Жуковскаго.

Александръ Пушкинъ.

Село Михайловское 29 Іюля 1825 г.

Клеймо почтовое: Опочка 1825 г. Іюля 30.

Адресъ: Его превосходительству милостивому государю г-ну Моеру, въ Дерптѣ.

IV.

Къ В. А. Жуковскому.

Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ беспокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ, и ей Богу первый Псковскій коноваль съ нимъ могъ (*бы*) управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде какъ въ глубокою осень; оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа.—На дняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ; онъ пуце успокоилъ меня,—только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сби- валась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, въ слѣдствіе чего читаю только Карамзина, да лѣтописи. Что за чудо эти 2 послѣдніе тома Карамзина! Какъ жизнь! *C'est palpitant comme la gazette d'hier* ³⁾, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть. Нельзя ли мнѣ доставить или жизнь *Жельз- наго колпака*, или житіе какого-нибудь *юродиваго*. Я напрасно искалъ Василю Блаженнаго въ Чет. М. ⁴⁾ А мнѣ бы очень нужно.

³⁾ Т. е. занимательно. какъ животрешущее пѣвствіе наканунѣ полученной газеты. П. Б.

⁴⁾ Пушкинъ, по свидѣтельству навѣстившаго его въ Михайловскомъ заточеніи И. И. Пущина, раскрывалъ Челн Миннеи между прочимъ тогда, какъ являлся къ нему архимандритъ со- сѣднаго монастыря, которому было приказано освѣдомляться о нравственномъ состояніи по- эта, сосланнаго въ деревню за безбожіе. Гово- рятъ, что архимандритъ этотъ отправлялъ въ Синодъ отчеты свои объ энтимійцѣ Пушкинѣ. Гдѣ эти отчеты? П. Б.

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій ⁷⁾ у васъ. Щастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій.

17 Авг. (1825.)

Надпись: Его высокоблагородію Василю Андреевичу Жуковскому въ С.-Петербургѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія.

Почтовое клеймо: Опочка 1825. Авг. 20.

V.

Къ нему же.

На дняхъ, увидя въ окошко осень, съѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посоветовался съ очень добрымъ лѣкаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ толкомъ.— П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со всею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc. — Воля твоя, мой милый, ни во Псковѣ, ни въ Мих. я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало.—2-е. Псковской лѣкаръ говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности: не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣ- лайте сильныхъ движеній etc. etc.

⁷⁾ Василій Алексѣевичъ.

Ссылаюсь на всѣхъ: что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лѣчиться во Псковѣ мнѣ невозможно, — и такъ погодимъ, авось ли Царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: «прими его, какъ меня». Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ, — онъ не ты. Конечно, я съ радостію и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только станovou жилу, но и голову; отъ тебя благодѣянье мнѣ не тяжело, а отъ другаго не хочу, — будь онъ тебѣ разпріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, пождемъ погоды; я не умру, это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество, — пусть трагедія искупить меня... Но до трагедій ли нашему чорствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на 10 лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога, — страшно подумать!

Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе не завидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведеть.

Тригорское 6 Окт. (1825).

VI.

Къ нему же.

Я не писалъ къ тебѣ, во-первыхъ потому, что мнѣ было не до себя, во-вторыхъ за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ Государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ шире. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 Декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ брчали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (оба ли Раевскіе взяты, и въ самомъ ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ругаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

Итакъ, остается тебѣ положить на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ

маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пуцинымъ и Орловымъ.

Я былъ массонъ въ Киш. ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я наконецъ былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ.

Покойный Императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

Письмо это неблагоприятно конечно, но должно же довѣрять иногда къ счастью. Прости, будь щастливъ. Это покамѣстъ первое мое желаніе.

Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Кар. и посоветуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать Царю: В. В. если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Алекс. Предметъ богатый! Но въ теченіи десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры — гласъ народа, слѣдств. я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба *).

VII.

Къ нему же.

Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно. тѣмъ,

* Выраженіе дерзкое, не извиняемое, но отчасти объясняемое молодостью, пылкимъ нравомъ и несчастною судьбою молодого поэта, который не хранилъ въ себѣ злостнаго чувства и не задолго передъ тѣмъ писалъ въ похвалу Александра Павловича: „Онъ взялъ Парижъ и основалъ Лицей!“; а въ слѣдствіи сочувственно вспоминалъ его:

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!

болѣе что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнію высшаго начальства. — Я справлялся о Псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей *).

Несмотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ, тѣмъ не менѣе чувствуя отеческую снисходительность Его Величества.

Боюсь, чтобъ медленность моя пользоваться Монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство, — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность? ¹⁰⁾

Дѣло въ томъ, что, 10 лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либо позволить онъ мнѣ со временемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкарю по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства. Обнимаю тебя горячо

А. Пушкинъ.

1826 г. ¹¹⁾ Михайловское.

* Пушкинъ смѣшалъ; это былъ не Всеволожскій, а В. Всеволодовъ, книга котораго: „Сокращенная патологія скотоврачебной науки“ появилась въ 1817 г.

¹⁰⁾ Вѣроятно въ это время снятъ былъ съ Пушкина тройной надзоръ: губернатора, дворянскаго предводителя и архимандрита, но еще не разрѣшено жить въ столицахъ.

¹¹⁾ Къ сожалѣнію то мѣсто, гдѣ означены были мѣсяцъ и день этого письма, вырваны вмѣстѣ съ печатью. На оборотѣ: В. А. Ж.

VIII.

Къ нему же (для показа).

Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова ¹²⁾ принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшего немедленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному Государю Императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его Величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аевизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное конечно всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ Государя Николая Повловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ-быть, Его Величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, а храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости.

Александръ Пушкинъ.

7 Марта 1826 г. С. Михайловское.

Было сложено пакетомъ съ надписью: Василію Андреевичу Жуковскому.

¹²⁾ Если и было это недоброжелательство, то надо сознаться, что оно было вызвано самимъ поэтомъ. По кончинѣ его, гр. М. С. Воронцовъ, въ первый пріѣздъ свой въ Петербургъ, поѣхалъ съ посѣщеніемъ ко вдовѣ Пушкина.

П. Б.

IX.

А. И. Тургеневъ къ неизвѣстному лицу.

(вѣроятно къ Карамзину)

Вотъ что пишетъ А. Пушкинъ къ Вяз. Выписываю только для васъ и, если хотите, для него:... «Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочною. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществовѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореніяхъ съ трудностью силачъ необычайный. Переводы избаловали его, излѣнили. Онъ не хочетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, гений перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мушаетъ. Былое сбудется опять, и я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ». — Ни одинъ стихъ Пушкина такъ не полюбился мнѣ, какъ эта проза, и я готовъ многое простить и перу его и даже его средцу за эту прекрасную исповѣдь. Это — признаніе гения. Не всѣ имѣютъ право такъ поступать и уступать,

И все письмо П. хорошо, да писать некогда.

X.

Къ В. К. Кюхельбекеру.

Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней и письмо. Я трясъ, трясъ ее и ждалъ не выпадетъ ли хоть четвертушка

почтовой бумаги; напрасно, ничего не вытрясь и со злости духомъ прочелъ Духовъ ¹³⁾ сперва про себя, а потомъ и въ слухъ ¹⁴⁾. Нужна ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда ли? Все равно. критикую: ты сознаешься, что характеръ поэта неправдоподобенъ; сознание похвальное, но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедии. а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. За то Калибанъ—прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота народировать Ж—го. Это простительно Цертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни: она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Ж. и рада.

Сирь—слово старое, прочтутъ иные сиръ etc.—очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—Пасъстада главы моей (вшей?) Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его *легкое воздушное творенье*, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада—прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно. не всегда натурально, выраженія не всегда точно - русскія; напр. слушать въ оба уха, *брось видъ угрюмый*. *взглядъ улыбки*, молодець ретивый, едернетъ чепецъ на старухѣ etc.—Все это прощаю для Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый. что я съ тобою открыве-

нень по - прежнему, и увѣренъ, что этимъ тебя не разсержу, —но вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ, и смотря на твой разборъ, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля.... Ай, ай.. больше не буду! не бей меня.

Четверка была сложена пакетомъ съ надписью: «Кюх.»

XI.

Къ П. А. Плетневу ¹⁵⁾.

Милый, дѣло не до стиховъ,—слушай *въ оба уха*. Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно они вспомнятъ обо мнѣ... Если братъ, такъ братъ,—не то, что и совѣсти марасть. Ради Бога, не просить у Царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ,—чортъ ли въ нихъ,—а *просить или о взъздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ*. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью повратъ; но конечно благоразумнѣе бы отправиться заморе, что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Ж—у, который, можетъ - быть, на меня сердить; онъ какъ-нибудь это сладить. Да нельзя ли дамъ взбуторажить? Душа!.. Я пророкъ, ей Богу пророкъ! Я Андрея Ш. ¹⁶⁾ велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc.—Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Б—ка также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ байроничаетъ, описыва-

¹³⁾ Calambour: reconnais tu le sang? (Игра словами, узнаешь ли кровь?). *Прим. Пушкина.*

¹⁴⁾ Шекспировы духи, въ 2 дѣйств. Спб. 1823. 8.

¹⁵⁾ Сохранилось въ подлинникѣ въ бумагахъ В. А. Жуковскаго.

¹⁶⁾ Андрей Шевье, сгпхотвореніе Пушкина, которое и до сихъ поръ печатается невольнѣ.

еть самого себя! Мой юродивый впрочемъ гораздо милѣе Б—ки,—увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ. Воейковъ не напраказилъ ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки не читалъ. Онъ что-то немного труситъ. Кюхель (*бекера*) *Духи* — дрянъ! Стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится.

Не ужо *Ил. Мур.* Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да—какъ жаль, что онъ умеръ!..

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОБЫТІЯХЪ ВЪ ВИЛЬНѢ ПОСЛѢ НАЗНИ ЭМИ- САРА КАНАРСКАГО.

Въ первой книжкѣ Русскаго Архива 1870 г. помѣщены свѣдѣнія о Симонѣ Канарскомъ и послѣдствіяхъ появленія его въ литовскихъ и юго-западныхъ нашихъ губерніяхъ. Тутъ упоминаются имена Возняковскаго и Заливаки. Указаніе нѣкоторыхъ подробностей относительно обстоятельствъ этого времени не будетъ излишнимъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ: подробности сіи пояснятъ настоящее положеніе дѣла, показывая, въ какомъ видѣ представлялось оное современнымъ дѣятелямъ и что было предметомъ дѣланія.

Предъ поимкою своею Канарскій скрывался у помѣщика Радзевича, въ имѣніи котораго занялся устройствомъ въ лѣсу типографіи для печатанія прокламацій, повѣстокъ и всего того, что нужно будетъ для заговорщиковъ.

Встрѣтивъ надобность быть въ Вильнѣ, Канарскій убѣдилъ пріютившаго его хозяина (который хорошо зналъ, кого онъ скрываетъ) устроить отъѣздъ его. Радзевичъ отправился изъ имѣнія своего въ Вильну, а переодѣтый въ простое крестьянское платье Канарскій сопровождалъ его въ видѣ кучера. Тѣмъ же порядкомъ, на обратномъ пути изъ Вильны, они остановились для отдыха въ Виленскомъ уѣздѣ на постояломъ дворѣ, и тамъ настигъ ихъ разъѣзжавшій по уѣзду, между прочимъ съ цѣлю поимки розыскиваемого уже правительствомъ Канарскаго, земскій исправникъ. На распросы послѣдняго Радзевичъ объявилъ, что онъ ѣдетъ съ кучеромъ, крѣпостнымъ своимъ человекомъ, котораго прозвище назвалъ *Чуланчикъ*. Неопредѣлительность отвѣтовъ Радзевича *) возбудила подозрѣніе исправника, а отзывы Чуланчика усилили это подозрѣніе, и тогда исправникъ, арестовавъ обоихъ проѣзжихъ, представилъ ихъ въ Вильну къ губернатору. Здѣсь тайна скоро обнаружилась: первый сознался Чуланчикъ, объявившій себя Канарскимъ, и объявившій объ этомъ такъ неожиданно и безъ особыхъ понудительныхъ мѣръ, что самое это объявленіе показалось съ перваго раза невѣроятнымъ до того, что только подтвержденіе вытребованной въ Вильну матери Канарскаго убѣдило въ дѣйствительности его сознанія.

Канарскій былъ разстрѣлянъ въ Февралѣ 1839 года. Казнь его вообще сильно подѣйствовало на виленскихъ

*) За участіе въ заговорѣ Канарскаго Радзевичъ былъ судимъ и сосланъ въ каторжную работу.

Поляковъ, но предпочтительно на студентовъ существовавшей въ Вильнѣ Медико-Хирургической Академіи и на всю учащуюся молодежь, какъ всегда, первыхъ ратниковъ всякаго движенія. Въслѣдствіе этого образовались кружки молодежи и мальчиковъ, которые въ самомъ событіи помки и казни Канарскаго видѣли какой-то поводъ и толчокъ ко всеобщему возстанію. Кружки собирались отдѣльно, читали Мицкевича, толковали всякій по-своему о прошедшемъ Польши и о томъ, что наступила пора возстановить ея самобытность; но между кружками не было ничего общаго, — каждый предполагалъ себѣ свой образъ дѣйствій, и никто не заботился о средствахъ *).

Отдѣльныя выходки нѣкоторыхъ лицъ изъ молодежи возбудили слѣдствіе о дѣйствіяхъ, признаваемыхъ неблагоприятными въ политическомъ отношеніи. Арестовано было много лицъ, преимущественно изъ числа учащейся молодежи; число показаній и разнорѣчій возрасло до невѣроятности, дѣло усложнилось замѣшательствомъ вошедшихъ въ составъ онаго свѣдѣній и, наконецъ, для развязки дѣла учреждена была въ 1841 году особая и на особыхъ основаніяхъ комиссія.

Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ генераль-адъютантъ Александръ Александровичъ Кавелинъ, членами: флигель-адъютантъ Владиміръ Ивано-

* Нельзя забыть, что при производствѣ комиссіею изслѣдованія трое арестованныхъ мальчиковъ показали, что у нихъ собрана уже нѣкоторая сумма для пособія повстанцамъ, и одинъ изъ нихъ завѣдывалъ кассою и назывался кассиромъ штаба; въ кассѣ этой оказалось шесть золотыхъ (пятнадцати-копѣечниковъ)

вичъ Назимовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Семеновичъ Сотниковъ, полковникъ корпуса жандармовъ Аванасій Александровичъ Радищевъ и полковникъ Василій Семеновичъ Степановъ. Изъ числа членовъ комиссіи одинъ только Сотниковъ присланъ былъ изъ Варшавы отъ фельд-маршала кн. Паскевича, — другаго никого оттуда присылаемо не было. Степановъ назначенъ былъ изъ числа военно-уѣздныхъ начальниковъ Виленской губерніи виленскимъ военнымъ губернаторомъ Мирковичемъ, прочіе члены назначены были по избранію генерала Кавелина. По его же избранію дѣлопроизводителемъ комиссіи назначенъ былъ пишущій сіи строки, въ то время товарищъ герольдмейстера, надворный совѣтникъ Топильской.

Комиссія открыла свои дѣйствія въ Вильнѣ въ Августѣ 1841 года.

Первое, что встрѣтило комиссію, это было огромное количество такъ называемыхъ политическихъ арестантовъ и величайшій беспорядокъ въ дѣлахъ письменнаго производства.

Въ разныхъ помѣщеніяхъ находилось арестантовъ, поступившихъ въ вѣдѣніе комиссіи, 110 человекъ.

Бумаги, составлявшія письменное производство предшествовавшихъ учрежденію комиссіи и производившихся въ Вильнѣ розысканій, находились въ величайшемъ беспорядкѣ: допросы разнаго времени и разныхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ были перемѣшаны между собою, и всѣ эти документы смѣшаны были съ бумагами, захваченными у арестованныхъ при производствѣ у нихъ, во время арестованія, обысковъ. Нельзя было добратся ни пово-

да, съ котораго возбуждалось преслѣдованіе какого-либо лица, ни повода заключенія его подъ стражу, ни цѣли, къ которой направлены были изслѣдованія. Прямыхъ обвиненій, за исключеніемъ четырехъ, или пяти лицъ, противъ остальныхъ не было; дѣла возникали по подозрѣніямъ, большею частію основаннымъ на однихъ предположеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ бумагахъ не было никакихъ слѣдовъ, чтобы видѣть, съ чего же, наконецъ, возникло подозрѣніе, и въ чемъ собственно подозрѣвается, или обвиняется преслѣдуемый. При каждомъ арестѣ обыскъ, при каждомъ обыскѣ, въ большей части случаевъ, забираются недозволенные въ обращеніи печатныя книги на французскомъ и польскомъ языкахъ, и ключки бумагъ съ надписями, которыя можно было изъяснить въ неблагонамѣренномъ направленіи, но можно было изъяснить и иначе, что постоянно и дѣлали привлеченныя къ слѣдствію лица. Допросы отбирались безъ всякаго порядка; отъ многихъ привлеченные къ дѣлу въ послѣдствіи отказывались, противорѣчили самимъ себѣ, оговаривали другъ друга безъ всякаго основанія, а потомъ сами отступались отъ своихъ оговоровъ. При такой общей неурядицѣ въ дѣлѣ, при самомъ тщательномъ и подробномъ разсмотрѣніи онаго, можно было придти только къ слѣдующему заключенію: *во-первыхъ*, что все это броженіе въ умахъ возникло вслѣдствіе пребыванія въ краѣ эмисара Канарскаго и подъ впечатлѣніемъ исхода его дѣла; и *во-вторыхъ*, что главная цѣль, къ которой направлены были дѣйствія и распоряженія властей, до открытія

дѣйствій комиссіи, состояла въ томъ, чтобы обнаружить, дѣйствительно ли во время казни Канарскаго находился въ Вильнѣ эмисаръ заграничной польской пропаганды Адольфъ Залѣсскій, дѣйствительно ли онъ оставался и послѣ того въ Вильнѣ и былъ тамъ укрываемъ и, наконецъ, не находился ли Залѣсскій въ краѣ и въ то время, въ которое дѣйствовала уже комиссія? При такомъ заключеніи о главномъ существѣ и направленіи дѣла, комиссія, въ виду долговременныхъ предшествовавшихъ дѣйствій, должна была идти къ указываемой цѣли и наконецъ пришла къ тому заключенію, что въ то время, въ которое предполагали пребываніе Адольфа Залѣсскаго въ Вильнѣ, онъ, Залѣсскій, не находился даже въ Россіи: въ этомъ убѣдились не только подробнѣйшими розысканіями, но и свѣдѣніями, добытыми изъ-за границы.

Предположеніе о томъ, что эмисаръ Адольфъ Залѣсскій находился въ краѣ во время казни Канарскаго и скрывался послѣ того нѣкоторое время въ Вильнѣ, возникло первоначально изъ показаній дворянина Серафима Заливаки. Это былъ мальчикъ 18-ти лѣтъ, чрезвычайно бѣдный, сирота, и потому обучавшійся въ находившемся при одномъ изъ католическихъ монастырей заведеніи въ родѣ приюта (*convictum pauperum*). Какъ лѣнивый ученикъ и шаловливый мальчикъ, онъ болѣе прочихъ употреблялся на монастырскія прислуги, работалъ въ кухнѣ, или прислуживалъ въ рефекторіи. По близкому знакомству съ Возняковскимъ (о пригосновенности котораго къ дѣлу сказано будетъ ниже) Зали-

вако подвергнуть былъ аресту и причисленъ къ арестантамъ политическимъ. Съ этой минуты Заливако сталъ постоянно выдумывать о себѣ и о другихъ. Онъ началъ показывать, что ему извѣстно, что во время казни Канарскаго эмисаръ Залѣсскій находился въ Вильнѣ, присутствовалъ при совершении самой казни Канарскаго, поправилъ на немъ предсмертную рубашку и пошептался съ нимъ на ухо, а послѣ совершения казни Залѣсскій оставался въ Вильнѣ, укрываемъ былъ тамъ разными лицами, проживалъ въ видѣ слуги и ходилъ по городу съ кувшиномъ за водою. Сначала весь этотъ рассказъ Заливако выдалъ какъ слухъ, дошедшій до него отъ знакомыхъ ему гимназистовъ и другихъ мальчиговъ; по такому показанію, всѣ лица, отъ коихъ Заливако будто бы слышалъ о пребываніи Залѣсскаго въ Вильнѣ, были арестованы. Когда же Заливако не могъ уличить ни одного изъ этихъ лицъ въ рассказѣ, то онъ сталъ измѣнять свои показанія и объясняя, что онъ слышалъ въ памяти своей лица, отъ коихъ слышалъ о пребываніи Залѣсскаго въ Вильнѣ, сталъ называть другихъ, изъ коихъ большая часть оказалась умершими, нѣкоторыя выбыли изъ Вильны и ихъ не могли отыскать, и одинъ, рядовой Рапчинскій (бывшій студентъ Медико-Хирургической академіи, осужденный по участію въ заговорѣ Канарскаго), оказался сосланнымъ на Кавказъ. Рапчинскаго привезли съ Кавказа въ Вильну, и оказалось, что Заливако не только не могъ уличить Рапчинскаго въ рассказѣ о пребываніи Адольфа Залѣсскаго въ Вильнѣ, но что Рапчинскій

и Заливако едва только узнали другъ друга и едва ли видѣлись до того болѣе двухъ-трехъ разъ у общихъ знакомыхъ. Отъ Заливаки отобрано было болѣе 80-ти показаній, изъ коихъ въ послѣднихъ онъ не только противорѣчилъ первымъ, но сталъ показывать въ комиссіи, что первыхъ показаній онъ вовсе не давалъ и подпись его подъ оными вѣроятно поддѣлана. Заливако дѣйствовалъ такимъ образомъ не только въ отношеніи показаній, данныхъ имъ до учрежденія комиссіи, но даже и въ отношеніи показаній, которыя давалъ онъ въ самой комиссіи. Когда же Заливако, по совокупности весьма значительнаго числа показаній оговоренныхъ имъ лицъ, не могъ уже опровергать того, что рассказъ его о Залѣсскомъ оказывается выдумкою, то онъ сталъ заявлять (тоже въ видѣ слуха), что предсмертную рубашку на Канарскомъ, предъ его казнію, поправилъ не эмисаръ Адольфъ Залѣсскій, а извѣстный и почтенный помѣщикъ, изъ Русскихъ, Виленской губерніи М. И. П—нъ. Не стоить, кажется, упоминать о томъ, что Заливако, среди своихъ безчисленныхъ показаній, сталъ заявлять объ извѣстномъ ему заговорѣ противъ правительства между польскими магнатами, именуя кн. Сапегу, графа Лопацинскаго и т. д.; но при первыхъ розысканіяхъ обнаружилось, что Заливако едва знаетъ только этихъ лицъ по именамъ, ни одного никогда не видалъ и не знаетъ ни одного человѣка изъ ихъ знакомыхъ.

Между тѣмъ къ слѣдствію по рассказамъ Заливаки присоединились и другія изслѣдованія, возникшія частію

изъ того, что при обыскахъ подвергаемыхъ аресту находимы были печатныя и рукописныя сочиненія, признаваемые по содержанию неблагонамѣренными, частію изъ случаевъ, которые сами по себѣ, независимо отъ общаго направленія умовъ къ тому, что въ вѣраѣ неспокойно и что въ головахъ Поляковъ бродятъ какіе-то замыслы, представляются весьма незначительными, особенно въ смыслѣ преступленій государственныхъ.

Студентъ Виленской медико-хирургической академіи Иванъ Возняковскій написалъ на польскомъ языкѣ поэму подъ названіемъ «Волянка», въ которой проповѣдывалъ обязанность Поляковъ, въ особенности молодежи, свергнуть тиранію. Подговорилъ онъ только-что вступившихъ въ академію студентовъ Розицкаго и Павловскаго, и они втроемъ бѣжали изъ Вильны (въ 1840 г.) и пойманы были таможенною стражею при переправѣ чрезъ Нѣманъ; поимка этихъ трехъ бѣглецовъ послужила поводомъ къ начатію слѣдствія, во все продолженіе котораго Возняковскій, Розицкій и Павловскій единогласно показывали, что они рѣшились избавиться отъ тираніи бѣгствомъ и присоединиться къ заграничной польской эмиграціи. Участниковъ ихъ никого слѣдствіемъ не открыто.

По оговорамъ Возняковскаго и Павловскаго, къ слѣдствію сдѣлались прикосновенными нѣсколько студентовъ академіи (Симашко, Красинскій, Мажюшицкій и др.), воспитанники бывшаго въ Вильнѣ Дворянскаго института (Станиславъ и Адамъ Валицкіе и Александръ Пузына), ученики гимназіи (Юліанъ Бакшинскій и др.). Соб-

ственно со стороны этихъ лицъ никакихъ дѣйствій не обнаружено, но они обвинялись въ томъ, что раздѣляли образъ мыслей Возняковскаго и его товарищей. Такимъ же образомъ сначала сдѣлался прикосновеннымъ къ дѣлу и Серафимъ Заливако.

Прикосновенность нѣкоторыхъ и оговоры многихъ воспитанниковъ дворянскаго института и гимназіи въ неблагонамѣренномъ образѣ мыслей и въ храненіи у себя преступнаго содержанія сочиненій побудили къ обыскамъ. Обыски не обнаружили ничего значительнаго; обратила вниманіе найденная у нѣкоторыхъ рукописная тетрадь, подъ заглавіемъ: «пророчество козака Вернигоры». Откуда попала въ руки учащейся молодежи эта тетрадь—доискаться было невозможно, ибо всѣ розыски кончились тѣмъ, что тетрадь передана была воспитанникамъ отъ товарищей, которые оказались умершими. Содержаніе тетради составляли пародіи извѣстныхъ мѣстъ Св. Писанія, съ принаровленіемъ смысла ихъ къ положенію «Польскаго разсѣянія», или ко взглядамъ людей, мечтающихъ о какой-то своей свободѣ. Для примѣра указываемъ: «Вначалѣ бѣ вольность, «и вольность бѣ къ Богу, и Богъ бѣ «вольность. Вся тою быша, и безъ нея «ничто же бысть, еже бысть. И пріидеть часъ, егда деспотизмъ речеть «вольности: о госпожа моя, о владычица моя, помилуй мя. И отвѣчаетъ «вольность: прочь отъ меня, иди подь «свистъ кнутовъ и поль гнетъ указовъ».

Обыски распространились и на студентовъ Виленской медико-хирургической академіи. Здѣсь сдѣлался за-

мѣчательнымъ одинъ лѣкарь, Матвѣй Ловицкій, у котораго найдены были неблагонамѣреннаго содержанія стихи и написанная имъ рукопись: «Очеркъ духа Академіи». Относительно стиховъ Ловицкій показалъ, что получилъ ихъ отъ одного изъ своихъ прежнихъ академическихъ товарищей, который за гдѣ до того былъ выпущенъ на службу полковымъ лѣваремъ и оказался умершимъ. Сочиненіе подъ названіемъ «Очеркъ духа Академіи» написано было самимъ Ловицкимъ подъ влияніемъ и впечатлѣніемъ событій, сопровождавшихъ дѣйствія Банарскаго, молвы о немъ въ краѣ и, наконецъ, самаго исхода его. Ловицкій не оказался прикосновеннымъ ни къ какимъ дѣйствіямъ; онъ разпрашиваемъ былъ только по содержанію его сочиненія и въ отвѣтахъ своихъ постоянно былъ восторженнымъ фанатикомъ польскаго дѣла. По конфирмаціи Ловицкій отправленъ былъ на службу въ званіи лѣкаря въ Восточную Сибирь.

Въ вѣдѣніе комиссіи поступило нѣсколько литовскихъ уроженцевъ, бывшихъ студентами въ Дерптскомъ университетѣ и образовавшихъ въ Дерптѣ тайное общество: Карлъ Гильдебрандъ, Юліанъ Валицкій, Аполлинарій Керсновскій, Брониславъ Залѣсскій, Францъ Гедговдъ, Владиславъ Завиша, Адольфъ Остромецкій, Іосифъ Стржемецкій, Іосифъ Богуславскій, Михаилъ Султановъ, Адамъ Медекша, Валентій Подгурскій, Эрикъ Шолковскій и Александръ Здродовскій. Изъ числа поименованныхъ лицъ Гильдебрандъ (до прибытія въ Вильну комиссіи) умертвилъ себя во время содержанія въ Вильнѣ подъ арестомъ,

Юліанъ Валицкій сошелъ съ ума, а Брониславъ Залѣсскій, въ послѣдствіи, по другому дѣлу, передержательству эмисара, былъ разжалованъ въ солдаты, потомъ прощенъ, проживалъ въ Минской губерніи и, кажется, удалился за границу. Прямой прикосновенности дерптскихъ студентовъ къ тому, что происходило въ Вильнѣ, по слѣдствію не открыто; но во время содержанія ихъ подъ арестомъ нѣкоторые офицеры занимавшаго въ Вильнѣ караулъ Эстляндскаго егерскаго полка, прапорщики Де-Люсине и Бархвиць, подпоручикъ Литвиновъ, штабсъ-капитанъ Кузьминъ-Каравасъ дозволили себѣ нарушить присягу незаконнымъ потворствомъ политическимъ арестантамъ, преимущественно изъ дерптскихъ студентовъ; офицеры эти подвергнуты заслуженному наказанію.

Многочисленные обыски, произведенные у студентовъ медико-хирургической академіи, самые тщательные ихъ разпросы, очныя ставки и собранныя свѣдѣнія не обнаружили, чтобы студенты эти для какихъ-либо неблагонамѣренныхъ цѣлей имѣли сношенія съ лицами внѣ академіи, или съ лицами тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ они были уроженцами. Напротивъ того, родственники нѣкоторыхъ въ письмахъ своихъ къ арестованнымъ явно порицали образъ ихъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ слѣдующій случай: происходившій изъ бывшей Бѣлостокской области упомянутый выше лѣкарь Матвѣй Ловицкій извѣстилъ родителей своихъ, гражданъ помянутой области, о постигшей его участи; въ числѣ другихъ писемъ на имя арестованныхъ генералъ-губерна-

торъ прислалъ въ комиссію, для выдачи по принадлежности, и отвѣтное письмо матери Ловицкаго къ сыну. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

«Чтобы ты не усумнился въ подлинности сего моего отвѣта, пишу его собственноручно. Ходить поголовка, что какой-то личный твой врагъ, партикулярный человекъ, по злобѣ къ тебѣ еще со временъ школьнаго знакомства, составилъ какую-то бумагу (pismo) оскорбительную для правительства, подписывалъ многихъ лицъ, и подвелъ на той бумагѣ почеркъ под твою руку; которая, когда попала въ руки правительства, то оно арестовало въ Вильнѣ тебя и многихъ другихъ. Эта поголовка убила твоего отца и вѣроятно сведетъ меня съ твоими братьями и сестрами въ гробъ. Наконецъ получила и твое письмо объ арестованіи, на которое тебѣ отвѣчаю. Коль скоро получу отъ г. военнаго губернатора просимую резолюцію и узнаю точно, что ты виновенъ въ преступленіи противъ правительства, — отрекись отъ тебя, запрещаю называться Ловицкимъ. Какой адской духъ подстрекнулъ тебя на преступленіе противъ правительства? Развѣ отецъ, церковь Божія, школа и само Священное Писаніе не достаточно тебя наставляли, что всякая власть, и нынѣ существующая, отъ Бога происходитъ. Ежели же ты не виновенъ, такъ умѣй въ лицѣ справедливой власти оправдаться. Вѣдь въ законахъ своихъ къ народу она говоритъ, что лучше десятерыхъ виновныхъ отъ наказанія освободить, нежели обидѣть одного невиннаго. До сихъ поръ еще твоя мать Юліана Ловицкая».

По доведеніи сего случая до Высочайшаго свѣдѣнія, Государь Императоръ, въ милосердномъ вниманіи къ затруднительному положенію матери Ловицкаго, назначилъ ей на содержаніе пожизненный пенсіонъ.

Одинъ изъ прикосновенныхъ къ дѣлу Канарскаго, помѣщикъ Подольской губерніи, Каспаръ Мошковскій, изложилъ исторію дѣйствій эмисара въ нашихъ губерніяхъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Рукопись въ тюрьмѣ». Сочиненіе это, равно какъ и «Очеркъ духа Академіи» Ловицкаго *) любопытны въ томъ отношеніи, что обнаруживаютъ взглядъ на дѣло и обстоятельства людей, сочувствующихъ замысламъ къ нарушенію спокойствія. Оба сочиненія описываютъ пребываніе Канарскаго въ Россіи и относятся къ двумъ моментамъ его дѣйствій: составитель *Рукописи въ тюрьмѣ*—Мошковскій описываетъ дѣйствія Канарскаго, предпочтительно въ юго-западныхъ губерніяхъ, съ цѣлію составленія заговора, который долженъ былъ охватить собою всѣ западныя губерніи; а сочинитель *Очерка духа Академіи*—Ловицкій объясняетъ дѣйствія Канарскаго предъ его поимкою и впечатлѣніе, произведенное смертью его въ умахъ виленской молодежи. Оба произведенія примѣчательны по тому уже, что написаны подъ личными впечатлѣніями и безъ всякаго сторонняго вліянія. *Рукопись въ тюрьмѣ*, составителемъ которой былъ уже не мальчикъ, показываетъ, какъ подѣйствовалъ Канарскій въ краѣ и какъ жи-

*) Оба эти обязательныя сообщенія М. И. Топильскимъ, сочиненія находятся въ Чертовской библиотекѣ. П. Б.

тели этого края, Поляки, смотрѣли на дѣйствія Канарскаго и на свое собственное положеніе. *Очеркъ духа Академіи*, написанный почти юношею, въ восторженномъ его состояніи, показываетъ подробности, которыя могли быть извѣстными только живущему въ медицинскомъ институтѣ студенту. По содержанію рукописи Ловицкаго очевидно, что она написана уже послѣ совершенія надъ Канарскимъ казни и что событіе это въ разгоряченныхъ головахъ не осталось безъ послѣдствій.

Бывшая подъ предѣдательствомъ генерала Кавелина коммиссія, окончивъ возложенное на нее порученіе, представила дѣло, чрезъ военнаго минис-

стра, на Высочайшее усмотрѣніе. Сколько по предметамъ, вошедшимъ въ составъ дѣла, столько же и по неудачнымъ дѣйствіямъ предшествовавшихъ розыскателей, лицамъ участвовавшим въ дѣйствіяхъ коммиссіи предстояло не мало труда; и они потрудились не мало, считая высшею для себя наградою отзывъ Государя въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя генерала Кавелина отъ 6-го Декабря 1841 года: «При всей «трудности и многосложности порученія, вы успѣли окончить его скоро», нежели ожидать было можно, и «притомъ со всею желаемою полнотою, «ясностію и отчетливостію».

М. Топильской.

О ПРЕМИИ ГРАФА Н. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКА

за біографическое сочиненіе о государственномъ канцлерѣ князѣ А. А. Безбородкѣ.

Императорская Академія Наукъ, согласно желанію покойнаго графа Н. А. Кушелева-Безбородка, объявляетъ, что въ ней открыто соисканіе преміи за лучшее жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородка.

Въ сочиненіи должно быть представлено, съ надлежащею полнотою, все, что касается не только частной жизни князя Безбородка, но и дѣятельности его, какъ государственнаго чловѣка, въ связи съ духомъ времени и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Авторъ долженъ принять въ основаніе своего труда не одни печатные, русскіе и иностранные, источники, но и архивные и вообще еще неизданные материалы.

Всѣ представленные авторомъ глав-

ные факты и соображенія должны быть подкрѣплены указаніемъ на источники, которыми онъ пользовался. Важнѣйшіе же изъ неизданныхъ документовъ должны быть присоединены къ сочиненію, въ видѣ приложенія къ оному.

Срокомъ для представленія сочиненій на этотъ конкурсъ на первый разъ назначается 1 декабря 1874 г. Въ случаѣ, если къ этому сроку будетъ доставлено хотя бы одно сочиненіе, то Академія приступитъ къ его разсмотрѣнію, и буде оно признается достойнымъ награды, то отчетъ объ этомъ присужденіи будетъ прочтенъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 6 апрѣля 1875 г., въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородка, послѣдовавшей 6 апрѣля 1799 года.

Въ случаѣ же неполученія Академіею къ вышеозначенному сроку ни одного сочиненія или неудовлетворительности представленныхъ ей сочиненій, конкурсъ не закрывается и для представленія на оный вновь сочиненій назначается годичный срокъ, т. е. 1 декабря 1875 г., съ тѣмъ, что присужденіе преміи, если оно послѣдуетъ, будетъ произведено 6 апрѣля 1876 года. Такимъ образомъ конкурсъ будетъ возобновляться ежегодно до тѣхъ поръ, пока не явится сочиненія, которое удостоится преміи.

Премія будетъ состоять изъ капитала въ 5000 р., пожертвованнаго для сей цѣли покойнымъ графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкомъ въ октябрѣ 1856 года, и изъ процентовъ, которые съ того времени наростутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи. Вся эта сумма (капиталъ вмѣстѣ съ процентами) назначается автору въ награду за его трудъ и на покрытіе расходовъ по

изданію въ свѣтъ сочиненія и приложенныхъ къ нему документовъ; она будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его сочиненія.

На соисканіе преміи принимаются сочиненія, писанныя на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ случаѣ представленія рукописнаго сочиненія, авторъ имѣетъ право выставить на немъ свое имя или же скрыть его въ запечатанномъ пакетѣ, снабженномъ особымъ девизомъ.

Печатавъ этотъ вызовъ Императорской Академіи Наукъ, не можемъ не выразить надежды, что родственники покойнаго канцлера князя Кочубей не откажутся въ сообщеніи его бумагъ будущему біографу, которому сверхъ того необходимо имѣть доступъ къ государственнымъ архивамъ: печатныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Безбородка до сихъ поръ весьма скудны и сбивчивы. И. Б.

МЕЛОЧИ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 779. Стихи, приписанные митрополитомъ Евгеніемъ Шаликову, принадлежать А. С. Шишкову и напечатаны въ 14 томѣ Собранія его сочиненій (Спб. 1831), на стр. 160, подъ заглавіемъ: «Стихи для начертанія на гробницѣ Суворова», причемъ находятся пояснительныя историческія примѣчанія. Этимъ указаніемъ мы обязаны А. И. Казначееву.

Къ стр. 890. Въ письмѣ Сперан-

скаго отъ 6 сент. 1816 г. вм. *дѣло мое конечно*, слѣдуетъ: *дѣло мое кончено*. — Къ письму 1-му, стран. 882 надо было пояснить, что Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ находился въ Москвѣ по порученію правительства для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ въ Сенатѣ.

Къ стр. 1104, строка 7-я снизу не нужно словъ: *то что*.

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не желая замедлять помѣщенію собранныхъ имъ статей и въ то же время не находя удобнымъ еще увеличивать объемъ Русскаго Архива, нашелъ возможнымъ печатать отдѣльными книгами особый историческій сборникъ, подъ названіемъ „Осмнадцатый Вѣкъ“, въ коемъ помѣщаются исключительно бумаги, письма и статьи, относящіяся къ прошлому столѣтію и, въ большинствѣ случаевъ, объемомъ своимъ превышающія размѣры тетрадей Русскаго Архива.

Книги „Осмнадцатаго Вѣка“ выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

Вышли первая четыре книги „Осмнадцатаго Вѣка“. Цѣна первой—2 р. 50 к., второй, третьей и четвертой— по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

ЗАПИСКИ

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА.

съ примѣчавіями П. И. Бартенева.

М. 1860. 8^о. 520 стр. Цѣна 2 р., пересылка за 3 фунта.

Печатается третье изданіе книги Ю. О. Самарина объ Іезуитахъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Литературныя Записки М. А. Дмитріева. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора. Изданіе Русскаго Архива 8^о. 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 3 фунта.

П О Д П И С К А

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1870

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1870 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первая семь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1870 года (тетради котораго выходятъ бѣдшею частію ежемѣсячно и составляютъ до 2000 и свыше страницъ убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересыкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—**семь рублей.**

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1870 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Тертковскую бібліотечку, на Мясницкой, № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

О продажѣ прежнихъ годовъ Р. Архива см. на внутренней сторонѣ сей обертки.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непременно сообщать нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 1 р. 50 к., для Франціи — 2 р., для Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи—3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартевевъ.**